В ВГ

ОТЦЫ ОСНОВАТЕЛИ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ

ЭКСМО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЧЕРНАЯ СИЛА. ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ
ДРЕВО ВРЕМЕН
ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ

ИЗЛОМ ЗЛА
ИСТРЕБИТЕЛЬ ЗАКОНА

Москва
ЭКСМО
2007

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Иллюстрация на переплете художника *А. Дубовика*

Головачев В. В.

Г 61 Владыки реальности: Фантастические романы. — М.: Эксмо, 2007. — 832 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-15049-6

Суперагент российских спецслужб, ганфайтер Матвей Соболев собирает неопровержимые доказательства связи государственных структур с мафией. Затронув верхушку айсберга, он оказывается вынужден вступить в борьбу с беспощадными в достижении своих целей кардиналами «Союза Девяти Неизвестных» — тайными правителями России, обладающими эзотерическими знаниями и способными влиять на разум и волю миллионов обыкновенных людей. От исхода этого сражения зависит, будет ли существовать человечество или равнодушные Творцы затеют в нашей реальности жестокий эксперимент и безумие Зла захлестнет Землю.

УДК 82-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 976-5-699-15049-6

© Головачев В. В., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ИЗЛОМ ЗЛА

Глава 1

ИМЕНЕМ АЛЛАХА

В последний раз Николай Алексеевич Кожемякин приходил сюда, когда на полях еще лежал снег, река спала подо льдом с мокрыми пятнами проталин, а бледное весеннее солнце почти не нагревало кожу лица. Теперь же стоял конец апреля, весна вступила в свои законные права и природа радовалась началу жизни, теплу и свежей зелени. Николай Алексеевич любил апрель по-особому, нежно, с грустью, с болью в сердце и сладким замиранием, с ожиданием чего-то, каких-то перемен, встреч, тайн, открытий и откровений. В апреле он родился, в апреле впервые встретил Галю, в апреле женился... и первый рассказ свой написал он тоже в апреле, ровно пятьдесят пять лет назад. Вот только в Союз писателей его приняли не в апреле, а в июне, тогда еще — в Союз писателей СССР. Лишь несколько лет назад, в девяносто четвертом, Николай Алексеевич поменял красную книжечку с гербом СССР на коричневую с двуглавым Российским орлом, вступив в независимый Союз российских писателей.

За спиной раздался скрип, шорох. Николай Алексеевич оглянулся.

Человек, которого он заметил, еще спускаясь к реке, приблизился и теперь смотрел на Кожемякина сверху, нахохлившись, сунув руки в карманы. Странный человек, весь в черном, с черным кепи на голове, смуглолицый и черноусый. От него веяло холодом и недоброжелательностью. Николай Алексеевич пожал плечами и спокойно пошел вдоль берега, моментально забыв о чужом. Грабежа он не боялся, в кошельке лежали всего тридцать тысяч рублей, на которые можно было купить разве что бутылку пива, триста граммов колбасы и буханку хлеба.

Нет, Николай Алексеевич не бедствовал, произведения его печатали, гонорары платили исправно, вот только писал

он медленно, издавая книгу раз в три, а то и в четыре года. Таков был ритм его писательской деятельности, ритм жизни, и переделывать себя в угоду конъюнктуре, нынешней суматошной жизни он не хотел. А материал давался все труднее, все медленнее, информация собиралась по крохам, месяцами, годами. Заставить себя сесть за стол было все тяжелее, возраст постепенно брал свое. И все же его романами зачитывались, издатели звонили, приглашали и ждали, а он терпеливо отвечал всем одной фразой: непременно приду, вот только сотворю...

Первый рассказ Николай Алексеевич написал еще в канун окончания войны, которую начинал восемнадцатилетним ополченцем, участвуя в защите Москвы. В составе сводного батальона уральцев и москвичей он дрался на Волоколамском шоссе, попал в плен, бежал, прошел всю войну от Москвы до Праги, снова попал в плен, снова бежал, участвовал в движении Сопротивления в Италии. Вследствие этого в послевоенные годы пережил косые взгляды, подозрения и негативное отношение со стороны писательской братии, воспитанной в сталинском духе. Однако оставался всегда прямым, принципиальным, честным, не любия конъюнктуру и опирался в своем творчестве только на правду жизни. За что в конце концов и получил признание как писатель и человек.

За пятьдесят пять лет творческой деятельности он написал одиннадцать романов и повестей, около полусотни рассказов, две пьесы, издал два пятитомника, был отмечен премиями Союза и международным признанием и, по сути, еще при жизни стал классиком, прославившим русский народ, знавшим все его нужды, горести, надежды и чаяния.

Последний его роман попал в номинационные списки премии Букера и, хотя первого места не занял, был высоко оценен критикой, а также замечен исламскими экстремистами, готовыми на любое преступление «во имя веры», ибо коснулся отношений ислама и христианской религии.

О нет, Николай Алексеевич это сделал не так, как в свое время Салман Рушди, приговоренный к смерти аятоллой Хомейни публично на площади Аль-Иран-шехр в Тегеране, но и то, что он написал, а написал он п р а в д у, не понравилось приверженцам вселенской покорности, и Николай Алексеевич был внесен в черный список «приговоренных к смер-

ти именем ислама». О чем сам, естественно, даже не подозревал. В этот список, насчитывающий, по данным агентства Рейтер, более шестисот человек, попали и такие знаменитости, как скульптор Эрнст Неизвестный, режиссер Энтони Хикокс, поэт Андрей Вознесенский и писатель Виктор Астафьев.

Над головой раздалось карканье, пролетел ворон, глянув на задумчиво бредущего по берегу реки человека.

Мысли свернули к работе, к материалу, который он привез из Чечни два дня назад. По сути, это была заготовка будущего романа о войне режима вседозволенности с другим режимом — криминальным, в которой заложниками стали российские солдаты, и вот об этом и собирался писать Николай Алексеевич свой новый роман.

За спиной снова скрипнуло дерево.

Николай Алексеевич обернулся, и в тот же момент в голове вспыхнуло пламя, собралось в точку и вонзилось в сердце уколом яростной боли. Больше он почувствовать ничего не успел...

* * *

Директор Федеральной службы безопасности Иван Сергеевич Панов ужинал в кругу семьи, когда зазвонил телефон и дежурный по Главному управлению полковник Скобарев сообщил об убийстве известного писателя Кожемякина.

— Ну и что я должен делать? — осведомился Иван Сергеевич. — Пусть этим занимаются люди Жаренова. Мы тут при чем?

— Вас просил приехать Синельников, — замялся полковник. — Он говорит, что обстоятельства убийства заставляют его сразу передать дело нам.

Панов помолчал, машинально облизывая вилку. Полковник Синельников был начальником МУРа, опытным, знающим, умным розыскником, профессионалом и зря звонить не стал бы.

— Ладно, — буркнул директор ФСБ, — сейчас буду. Вызовите Ельшина и сыскарей Бондаря.

— Уже вызвал. Машина за вами вышла.

Панов хмыкнул и положил трубку. Через сорок минут он подъехал на служебной «Волге» к дому номер сорок два по

улице Живописной, где в двухкомнатной квартире жил известный писатель, недавно овдовевший. Жена Кожемякина Галина Сергеевна умерла год назад от сердечного приступа.

Во дворе дома, несмотря на поздний вечер, жались кучки жителей, стояли три машины УВД с мигалками и «рафик» ОМОНа. У оцепленного подъезда директора ФСБ ждал генерал Ельшин, начальник Управления «Т»[1], со своим телохранителем. Оба курили, артистически пуская дым кольцами. Генерал был одет в спортивный костюм, словно завернул сюда прямо со стадиона, успев только сменить кроссовки на туфли. Его телохранитель, он же командир подразделения «Стикс» майор Ибрагимов, выглядел бомжем, но взгляд выдавал в нем человека опасного и жестокого, способного на все.

— Ну, что тут происходит? — буркнул Панов.

Ельшин бросил сигарету в урну, стоявшую в четырех метрах, попал.

— Сходите, полюбуйтесь, я уже смотрел. Синельников ждет вас в квартире.

Иван Сергеевич в сопровождении командира своей личной тройки телохранителей направился к неосвещенному подъезду.

Квартира Кожемякина располагалась на третьем этаже. Дверь была полуоткрыта и охранялась мрачными молодцами в пятнистых комбинезонах с автоматами в руках. Пропустили директора они без звука, понимая, что прибыло начальство.

В квартире с мебелью в стиле пятидесятых годов: пузатые комод и шифоньер, кровать, стол и стулья на гнутых ножках, шкафы с книгами, стол писателя со старенькой пишущей машинкой «Москва» — ничего лишнего — царил разгром, и везде, куда бы ни падал взгляд, лежали десятки миниатюрных Кораном с золотым тиснением на арабском языке.

Из спальни в узкий коридорчик вышел гладко выбритый огромный мужчина с круглыми литыми плечами борца-тяжеловеса, на которых едва не лопалась черная кожаная куртка. Это был полковник Синельников, глава Московского уголовного розыска. Молча сунув Панову громадную ладонь, он пропустил гостей в спальню, где работала группа экспертов.

---

[1]Управление «Т» — Управление по борьбе с терроризмом и бандитизмом.

Иван Сергеевич увидел кровь на полу, потом отрубленные конечности, отдельно лежащую голову и тело на кровати, засыпанное все теми же Коранами. Он многое повидал на своем веку, не будучи еще директором ФСБ, но содрогнулся, разглядев во рту головы маленькую синюю книжечку и прибитый ко лбу гвоздем листок бумаги с какими-то письменами.

— Сура из Корана, на арабском, — прогудел сзади Синельников. — Примерно переводится как: «Никто не смеет осуждать великое».

Иван Сергеевич сглотнул ком в горле, постоял с минуту, разглядывая обстановку комнаты, и вышел из спальни. Синельников провел его на кухню, закурил, предлагая сигарету. Панов машинально взял, хотя с месяц назад бросил курить. В очередной раз.

— Его сначала ударили по голове у реки, — сказал, глубоко затягиваясь, начальник МУРа. — Потом перенесли сюда, в квартиру, причем никто не видел — как и когда. Ну а здесь отрезали пальцы, потом кисти рук и голову. Правда, Николай Алексеевич был уже мертв — сердце не выдержало еще на реке. Так что не мучился мужик.

— За что? — глухо спросил Иван Сергеевич.

— Я потому вас и вызвал, чтобы передать дело. Это след исламских экстремистов, начавших планомерное «зеленое» уничтожение неверных по всему миру. Помните писателя Рушди, осужденного к смерти за книгу «Сатанинские стихи»?

— Но ведь Кожемякин ничего подобного не писал, насколько я знаю?

— В последних двух романах он затронул тему отношений религий и назвал ислам самым изуверским и жестоким вариантом религиозного фанатизма. Привел примеры. А недавно ездил в Чечню, собирал материал для новой книги. Разве ваши ребята не следят за такими вещами?

Панов промолчал, помянув Ельшина в душе недобрым словом. Начальник антитеррористического управления должен был предупредить его и дать материал заранее. Конечно, Иван Сергеевич знал о появлении во всем мире транснациональных исламских группировок, образовавшихся в результате войн в Афганистане, Алжире, Боснии и Чечне, но и предположить не мог, что руки одной из группировок дотянутся до Москвы.

Синельников, по лицу Панова понявший, о чем тот подумал, кивнул.

— Обнаглели моджахеды, Иван Сергеевич. И без чеченцев в этом деле не обошлось. Они явно застрельщики. Ведь не секрет, что спецслужбы Чечни начали готовиться к отделению от России своими методами. Вам ли этого не знать.

— Но зачем такая жестокость? — Панов снова содрогнулся, вспомнив отрезанные руки и голову. — Убили бы попроще, раз они «идейные мстители»...

— Для устрашения, — мрачно усмехнулся Синельников. — Выродки. Я читал об убийстве мультимиллионера Джеймса Тийма в Нью-Йорке. Его распилили дисковыми электропилами на мельчайшие кусочки, а куски потом сложили в вазу в форме дракона. Этот кошмарный сосуд венчала голова бизнесмена — без носа и ушей, с выколотыми глазами и полусодранным скальпом. Что вы хотите от фанатиков? Это же больные люди, которых излечить можно лишь казнью... такой же, какую устраивают они.

На кухне появился худощавый молодой человек с бледным интеллигентным лицом — генерал Валентин Анатольевич Дикой, начальник Управления военной контрразведки, именуемой в среде работников ФСБ «Смерш-2». Он поздоровался с Пановым и Синельниковым, проговорил тихим интеллигентным, под стать облику, голосом:

— Мои люди нашли свидетеля, вернее, свидетельницу. Она якобы видела подозрительных личностей. Будете говорить с ней, Иван Сергеевич?

— Нет, — буркнул Панов. — Работайте. Утром доложите о результатах.

С отвращением отбросив сигарету, он вышел. Оставшиеся на кухне переглянулись.

— Ну, я своих людей отзываю? — произнес Синельников. — Причем с превеликим удовольствием. У самого дел невпроворот. Знаете, сколько в Москве за последний месяц зарегистрировано умышленных убийств? Сто семьдесят! В большинстве мафиозные разборки и тому подобное, но и «чистилище» добавляет свои разборки. По «Стопкриму» не работаете?

— Работаем, — негромко произнес Дикой.

— Ох и не завидую я вам, Валентин Анатольевич!

Дикой ответил ему понимающим взглядом. Его мнение на сей счет было примерно таким же.

* * *

Утро следующего дня не предвещало вызванным директором ФСБ генералам ничего хорошего, хотя в принципе каждый из них знал ситуацию и владел материалом. Собравшись в приемной, Ельшин, Первухин и Дикой одернули пиджаки и зашли в кабинет один за другим, молча сели за стол, образующий букву Т. Панов был мрачен, и это означало, что предстоит тяжелый разговор.

— Звонил премьер, — начал он, ни на кого не глядя, поставив локти на стол. — Просил принять все меры для поимки убийц Кожемякина. Общественность взбудоражена, подогретая прессой, Дума жаждет крови... — Иван Сергеевич пожевал губами и замолчал, уставившись взглядом в стол. — Начинайте, Генрих Герхардович.

Самоуверенный вид Ельшина говорил, что он готов к ответу и начальственного гнева директора не боится. В последнее время начальник Управления «Т» вообще круто изменился, стал более напористым, жестким, высокомерным, что отмечали даже его друзья. А еще он приобрел такое качество, как стремление одергивать кого бы то ни было, будь то даже человек старше его по возрасту или по званию.

— По моим данным, след убийства писателя Кожемякина ведет не в Иран, где создана террористическая группа «ликвидаторов неверных», попавших в черный список «приговоренных к смерти именем ислама», а в Чечню, где в последнее время усиленно тренируется так называемая ЧАС — Чеченская армия свободы. Кораны, которыми было усыпано тело погибшего, только попытка дезинформации.

О том, что развернутая силами ОМОНа и МВД совместно с подразделением «Стикс» ФСБ операция по задержанию убийц не сработала, Ельшин говорить не стал, это было известно всем присутствующим.

— Но я знаю три случая убийств с подобной наглядной жестокостью и вариациями, — сказал Панов. — Джеймс Тийм был убит в девяносто пятом в собственных апартаментах в Нью-Йорке, марокканский инженер Месса Кей — в девяносто седьмом и польский график-сатирик Коро — в девяносто девятом. И во всех этих случаях след вел в Сирию, Арабские Эмираты и в конечном счете — в Иран. Ваше мнение, Валентин Анатольевич?

— Не исключено, что в группе киллеров был и инструк-

тор из Ирана, — проговорил Дикой, раскрыв папку, которую принес с собой. — Но Генрих Герхардович прав. Судя по информации, которой я располагаю, эта группа сформирована в Чечне и подчиняется командованию ЧАС. Мало того, по некоторым косвенным сведениям можно предполагать, что руководит ею Амирбек Шароев.

В кабинете стало совсем тихо.

Амирбек Шароев, известный еще со времени войны в Чечне под кличкой Безумный, был сыном нынешнего президента Чечни. Его участие в акции, будь оно доказано, резко меняло политический расклад в стране и способствовало бы падению режима, неугодного Москве, наметившего полное отделение Чечни от России. Это осознавал Панов, это понимали и начальники управлений.

— И последнее, — добавил своим негромким приятным голосом Валентин Анатольевич. — ЧАС начала отстрел на территории России отличившихся в боях в Чечне спецназовцев, офицеров МВД и регулярных войск Минобороны. Не далее как два дня назад убит в своей машине ветеран чеченской войны капитан Меркулов со своей женой. Смею полагать, что убийство совершила та же группа.

— Мне нужны доказательства, — с силой хлопнул ладонью по столу директор ФСБ, — а не предположения. Задействуйте все силы, все средства, но выявите всех членов банды. Потом решим, что делать дальше, но сначала — имена.

— Решать тут особо нечего, — небрежно проговорил Ельшин. — Лозунг Ленина в двадцатых годах: «Красным террором — на белый террор!» — себя оправдал. За несколько лет было уничтожено восемьдесят процентов бандформирований. Почему бы нам не взять этот лозунг на вооружение? Выяснить, кто проник к нам, кто убивал, и уничтожить всю группу! Да так, чтобы все почувствовали: ответ всегда будет адекватным!

— Ну ты и хватил, Генрих, — пробормотал молчавший до сих пор Первухин. — Да стоит только депутатам в Думе дознаться о твоих планах...

— А кто их проинформирует? Они только рады будут, узнав, что в Чечне начались разборки меж своими. Наоборот, это поможет думцам принять ряд законов по удержанию Чечни и смене там правительства.

— Мысль хорошая, — неожиданно согласился Панов. —

Тем более что первым ее высказал премьер в разговоре со мной. Ваше мнение, генералы?

— Я против, — покачал головой Дикой. — Антитеррор — не метод борьбы с терроризмом.

— Не знаю, — буркнул Первухин. — С одной стороны, Валентин Анатольевич прав, с другой, если мы не примем жесткие меры, отстрел наших людей будет продолжаться, а бандиты вроде Басаева и Радуева будут на свободе радоваться жизни. Предпринимать что-то, безусловно, надо. Кстати, — он посмотрел на Панова, потом на Дикого и Ельшина, — почему бы не натравить на ЧАС «Стопкрим»? Пусть чеченцами займется «чистилище».

В кабинете снова установилась тишина. Потом захохотал Генрих Герхардович.

— Предложение весьма оригинальное, Федор Ильич, но я считаю, что мы справимся не хуже. Зато будет на кого в случае чего свалить неудачу... да и удачу тоже. Понимаете? Пошлем группу профессионалов перехвата, а такие у нас есть, она ликвидирует террористов, а мы свалим все на «чистилище»! И овцы будут сыты, то есть депутаты, и волки целы, то есть мы. Как идея?

— Ну ты и хват, Генрих! — осуждающе покрутил головой Первухин.

— Идея — блеск! — кивнул Панов, сразу оценив преимущества предложения. — Разрабатывайте. Но все равно сначала — фамилии: кто, откуда, сколько их было. За три дня управитесь, Валентин Анатольевич?

— Неделя, не меньше, — подумав, ответил начальник «Смерша».

— Пять дней. — Иван Сергеевич пристукнул ладонью по папке с грифом «четыре нуля» («совершенно секретно»). — А вам, Генрих, и вам, Федор Ильич, за этот же срок подготовить команду. Задание понятно?

— Так точно! — Генералы встали.

— Свободны.

Начальники управлений вышли в приемную, закурили, думая каждый о своем. Спокоен был только Ельшин. Он чувствовал себя в своей стихии. Дикой же думал о законе, который они собирались нарушить, хотя не выполнить приказ директора не мог.

Оставшись один, Панов снял трубку «вертушки» — телефона прямой связи с премьер-министром — и доложил о принятых мерах.

Глава 2

ПРИНЦИП АДЕКВАТНОГО ОТВЕТА

Заместитель начальника военной контрразведки полковник Борис Иванович Ивакин был по натуре суров и несуетлив, за что получил уважительную кличку Викинг. Он и обликом походил на легендарного викинга — ростом под два метра, с широкими плечами, малоподвижным лицом с крупными резкими чертами, прозрачно-серыми глазами, которые изредка становились стальными. В контрразведке он был вторым человеком после начальника ВКР Дикого, именно от него зависели подбор кадров и подготовка специалистов высокого класса. С ним Дикой советовался по большинству оперативных вопросов, ему давал самые сложные задания.

На этот раз речь шла о поиске преступной группы, убившей героя чеченской войны капитана Меркулова и писателя Кожемякина. Вызов спецслужбам был брошен нешуточный, и заниматься этим делом приходилось на пределе возможностей. Ни сам Дикой, ни Ивакин, ни другие заместители «главконтры», как прозвали Валентина Анатольевича сотрудники, не вылезали из конторы ни днем, ни ночью, выезжая только по оперативной надобности.

Директор ФСБ на поиски преступников дал пять дней, но прошло уже почти две недели со времени убийства Кожемякина, а объем полученных контрразведчиками данных не позволял им сделать однозначный вывод о причастности к преступлению определенных лиц. Конечно, кое-какие сведения «смершевцы» получили, особенно после того, как в Чечню слетал сам Борис Иванович, но этого было мало, и он собирался лететь туда еще раз. Там работала особая группа следователей ВКР, совершенно секретно, разумеется, а также местное отделение контрразведки во главе с полковником Дерюгиным.

В девять утра Ивакин согласно заведенному порядку вошел в кабинет Дикого и впервые увидел его разминку: генерал без рубашки, в одних брюках, вел «бой с тенью» и перете-

кал из положения в положение стремительно и плавно, как змея.

Валентин Анатольевич пришел на должность начальника военной контрразведки ФСБ с должности заместителя начальника штабов Министерства обороны, показав себя блестящим аналитиком и безупречным тактиком. Шел ему всего тридцать второй год, но его опыту и уму, а больше всего — волевому характеру могли позавидовать и вдвое старшие специалисты. Худой, с виду нескладный, с узким лицом, на котором выделялись по-детски припухлые губы, он выглядел рафинированным интеллигентом, вечно смущенным своими успехами на высоком посту, но те, кто работал с ним раньше, знали его и как великолепного бойца, мастера кунг-фу, способного постоять за себя, а также как отличного стратега, обладающего тонкой интуицией.

Не оборачиваясь, Валентин Анатольевич завершил комбинацию, потом вдруг оказался рядом с Ивакиным и нанес ему три мгновенных удара в голову, в горло и в грудь, вернее, наметил удары. Остановился, опустив руки. Улыбнулся, дыша легко и тихо, будто не занимался только что физическими упражнениями. Пожал руку высившемуся над ним горой заместителю, кивнул на стулья и вышел в комнату, замаскированную книжной полкой. Через минуту вошел одетый в костюм с галстуком, свежий и умытый.

— Сегодня я хочу определиться с приоритетностью наших дел, — сказал он, наливая себе и предлагая Борису Ивановичу стакан минеральной воды. — Что вы предлагаете разрабатывать в первую очередь?

— Естественно, дело ЧАС.

— Это дело идет вне конкурса. Проанализируйте остальное.

— На мой взгляд, первоочередными можно считать все! Но наиболее важных пять-шесть. Утечка секретного оружия из лабораторий завода «Арсенал» — первое из такого рода мероприятий.

— «Волк», «глушак» и «болевик». Согласен. Насколько я знаю, следствие буксует?

Ивакин кивнул. Речь шла о краже партии суперпистолетов четвертого поколения «волк», а также психотронного оружия: генераторов боли «пламя», известных под названи-

ем «болевик», и гипногенераторов, или суггесторов, подавления воли «удав», метко названных «глушаками».

— Затем идет похищение крупных партий оружия со складов в/ч 30673-1 и в/ч 54607 — еще одна головная боль.

Дикой поморщился. Обе войсковые части были не просто обычными армейскими соединениями, а отдельными бригадами спецназа Главного разведывательного управления Министерства обороны. Эти бригады, расположенные в Твери и Подмосковье, всегда считались суперэлитными и сверхсекретными подразделениями Вооруженных Сил. Именно в них формировались так называемые «летучие мыши» — профессионалы по ликвидации перебежчиков и проведению особо важных активных операций за рубежом. Тем не менее месяц назад обнаружилось, что со складов частей исчезли полтонны пластиковой взрывчатки, десятки тысяч патронов, мины, гранаты, пулеметы, автоматы и пистолеты, в том числе знаменитые «кипарис», «кедр» и «никонов», а также зенитно-ракетные комплексы «гарпун». Трагикомичность ситуации состояла в том, что плановые проверки сохранности арсеналов не выявили утечек, а складские помещения и состояние охранной сигнализации были признаны образцовыми.

Мало того, при разработке дел о хищении на военную прокуратуру и следователей «Смерша» было оказано такое давление со стороны высших чинов Министерства обороны, особенно — его министра Галкина, прозванного «кавалеристом» за кривые ноги и смех, напоминающий ржание лошади, что Дикой вынужден был обратиться за помощью к директору, после чего удалось наконец сдвинуть дело с мертвой точки.

— В этом же ряду следует расположить и три дела по расследованию финансирования боевиков Дудаева, — продолжал перечислять Ивакин. — Дальневосточное дело будем включать в список приоритетных?

Полковник имел в виду уголовное дело, заведенное на командующего Дальневосточным военным округом и его заместителей, обвиненных в прокручивании бюджетных денег в коммерческих структурах, использовании служебного положения и нанесении государству ущерба в десятки миллиардов рублей.

— Нет, — коротко ответил Валентин Анатольевич, не вдаваясь в объяснения.

— Тогда остаются только три крупняка: расследование нарушений закона сотрудниками безопасности, деятельность «Стопкрима» и отрядов Чеченской армии свободы на территории России.

— Первые два дела отложим, — снова лаконично произнес Дикой.

Одно из них касалось действий бойцов из подразделения личной охраны президента, подозреваемых в совершении ряда преступлений, и генералу было ясно, что, вероятнее всего, по высочайшему указу оно в скором времени будет закрыто. Второе было заведено по приказу директора ФСБ, хотя в ведение военной контрразведки впрямую не попадало. О деятельности «чистилища», взявшегося без суда и следствия освободить страну от преступников всех мастей, ходили легенды, однако Валентин Анатольевич хорошо знал, насколько легенды близки к действительности.

— Что ж, тогда остается только одно дело — «чеченских терминаторов» из ЧАС, будь она трижды неладна! По ней работаем не только мы, слава Богу, однако наглость этих бандитов уже переходит все пределы. Пора предпринимать что-нибудь неординарное, иначе они перестреляют всех наших парней, участвовавших в войне.

Дикой глянул в похолодевшие глаза полковника и медленно проговорил:

— Такое впечатление, Борис Иванович, что вы знаете об идее Генриха...

— Создать группу мстителей и ликвидировать убийц? Знаю. Зять я или не зять директора ФСБ? Вчера вечером он со мной поделился своими сомнениями.

Дикой удивленно поднял брови.

— Панов рассказал вам об этом?

— Он до сих пор колеблется, хотя премьер не раз вызывал его на ковер и требовал немедленного реагирования.

— Под Красноярским шатается кресло, вот он и спешит продемонстрировать свое рвение и желание «служить народу». Я думаю, в ближайшее время президент его снимет.

— Но пока не снял, и группа перехвата уже почти готова к заброске в Чечню... то бишь Ичкерию, как ее гордо именуют

сами чеченцы. Кстати, Иван Сергеевич просил дать пару «волкодавов» для усиления группы.

— Дайте им Соболева, коль уж вы его вызвали из Рязани. С «Арсеналом» мы и сами разберемся.

— Во-первых, я ему предлагал, и он отказался. Во-вторых, без него мы не разберемся, Валентин Анатольевич. К похищению «глушаков», «болевиков» и «волков» причастна контора Белого, то есть батальон «Щит», который находится под эгидой Ельшина. Тронем «Щит», Генрих устроит облаву на нас, не дожидаясь окончания расследования. Вот когда Соболев копнет достаточно глубоко, тогда и выйдем к Панову с полным пакетом информации. А до того придется кланяться при встрече и жать руку Генриху.

— Хорошо, — подумав, проговорил Дикой. — Вы правы, Борис Иванович. Но работать становится все неуютней, вы не находите? Даже в ГРУ и СВР появились «новые русские», готовые за определенную мзду продать кого и что угодно и работать с бандгруппами и даже с «Куполом». Кстати, почему вы не выделили следствие по делу «Купола» в одно из важнейших?

— Потому что у нас просто не хватит сил работать еще и по мафии, — усмехнулся Ивакин. — Пусть «Куполом» занимаются профи Бондаря, МВД и ГУБО. Между прочим, судя по последним крохам информации, добытым нашими ребятами, во главе «Купола» якобы стоит человек из нашей же конторы.

Дикой промолчал, допивая минералку. Он знал больше, но не настолько, чтобы указать на человека, возглавлявшего гигантскую структуру сросшихся воедино мафии и государственной чиновничьей элиты под названием «Купол».

— Что у нас в портфеле по ЧАС на нынешнее утро?

— Есть кое-какие подвижки. Стали известны имена практически всей группы, нанесшей визит в столицу и убившей Кожемякина. — Ивакин вытащил из папки листок бумаги и положил на стол перед генералом. — Чеченцев трое: Безумный, то есть Амирбек Шароев — командир группы, Джамал Гапуров и Имран Абдулмуслим. Кроме них в группу входили инструктор из Афганистана — вот откуда Кораны — Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад, эстонец Ильмар Кулдсепп, украинец Роман Купчик. Всего выявлены имена шестерых человек.

— Семерых. Вы забыли проводника.

— Не забыл, но он в группу основных исполнителей не входит.

Речь шла о жителе Москвы, хорошо знающем столицу и связанном с местной чеченской диаспорой. Именно он наводил группу убийц и следил за убитыми Меркуловым и Кожемякиным. Он был вычислен военными контрразведчиками в первую очередь и оказался русским, Константином Барковым по кличке Беретта, бывшим офицером ФАПСИ[1], уволенным за какие-то грешки еще пять лет назад.

— Связи у него, конечно, остались, — добавил Ивакин, — судя по тому, что поймать тергруппу по свежим следам не удалось. Они отсиделись где-то здесь, в Москве, и спокойно просочились по одному сквозь сети ОМОНа и розыскников угро. Баркова можно брать в любой момент, основной его канал заказа мы просчитали и по нему выползли на заказчиков, ну а оттуда до исполнителей рукой подать.

— Заказчик — Шароев-старший?

— В том-то и дело, что нет. Президент Ичкерии заказа на ликвидацию героев чеченской кампании и писателей из черного мусульманского списка не давал. Складывается впечатление, что сынок Шароева действовал на свой страх и риск, недовольный нерешительностью отца. А заказ ему давал нынешний министр обороны Ичкерии Удуев.

— Нечто в этом роде я и предполагал. Акция в Москве не способствует нормальному политическому процессу отделения Чечни, и Шароев это понимает. А Удуев, похоже, начал свою игру, желая спихнуть президента и сесть в его кресло. Но, кроме группы исполнителей, должна быть еще и группа поддержки, обеспечивающая наведение основной на цель. Одного Баркова мало.

— Занимаемся, Валентин Анатольевич. Связи Баркова тянутся и в Минобороны, в аппарат самого Галкина, и в Совет Федерации. Так что покровители у него мощные. Будем копать дальше... пока не остановят.

— Несладко придется твоему тестю, — покачал головой начальник «Смерша». — Осиное гнездо разворошил.

— Поэтому он и согласился на предложение Генриха. Здесь, в Москве, ему свободы не будет, живо свяжут руки

---

[1]ФАПСИ — Федеральное агентство правительственной связи и информации.

или вообще отправят в отставку. Мелкую сошку отдадут на съедение, как это уже было не раз, а главари останутся при власти. Чечня — иное дело, там можно и пошуметь. К тому же потом действительно можно свалить все на «чистилище».

— Вы знаете, Борис Иванович, — слабо улыбнулся Дикой, — когда я принимал дела и мне сказали, что вы — зять Панова, я тогда подумал, что придется работать с обычным генеральским протеже, рвущимся по служебной лестнице на самый верх. Оказалось, вы умней и... опасней и все понимаете правильно, только не все докладываете начальству. — Валентин Анатольевич снова улыбнулся. — То есть мне.

— Спасибо за оценку, товарищ генерал, — без улыбки ответил Ивакин. — Наверное, у каждого из нас есть свои секреты на черный день, в том числе и у меня.

— Согласен. Итак, я могу идти к директору с высоко поднятой головой и докладывать о завершении поисков.

Ивакин сложил в папку документы, закрыл, щелкнув кнопкой-замком, вопросительно глянул на Дикого.

— Я могу быть свободен?

— Зачем вы летите в Чечню, Борис Иванович, если имена террористов известны?

— Необходима тщательная проверка сведений. Ошибаться мы не должны, особенно в столь сложных политических обстоятельствах. Скоро начнется заваруха отделения Ичкерии, и надо будет иметь полную информацию о действующих лицах и исполнителях. Поиски убийц — только часть нашей работы.

— Хорошо, решайте сами, ехать вам или не ехать. Соболева дадите мне на время?

— Нет, — твердо сжал губы Ивакин. — Он в принципе не розыскник, а «супер» перехвата, «волкодав», хотя и способен провести расследование. Но это мое личное прикрытие на случай...

— Понимаю. Жаль, что не имею такого же «супера», хотя и не боюсь темных переулков. А почему он отказался войти в команду Генриха, мотивации?

— Как Соболев выразился — он не судья и не палач, хотя и сочувствует родственникам убитых. За пять лет работы со мной он участвовал в двадцати семи операциях перехвата и ни в одной не убил ни одного человека!

— Это интересно. Какую школу боя он прошел?

— По его словам — практически все, но в настоящее время он «барс», то есть мастер русского стиля...

— Не надо объяснять, я тоже занимаюсь русбоем. Знать бы, у кого он начинал. Ладно, забыли. Если возникнет необходимость, познакомите меня со своим «супером».

— Он агент класса «абсолют».

— Теперь о группе перехвата, которую готовят Ельшин и Первухин. Кого мы дадим?

— Я рекомендовал Пугача... Пугачева Александра. Он тоже «волкодав» и мастер перехвата, но классом пониже Соболева. Одиннадцать задержаний...

— Подойдет. А кто пойдет командиром, знаете?

— Хасан Ибрагимов, майор охраны Генриха, он же — командир «Стикса». Кроме него знаю еще двух человек, кто зачислен в группу: Белый, то бишь майор Шмель Юрий Степанович, комбат «Щита», и капитан Василий Балуев, перехватчик из команды Первухина. Всего же в группе пойдут семеро, самый мобильный вариант. Остальные — наведение, связь, страховка, экипировка, доставка.

Дикой встал.

— У меня все, Борис Иванович. Работаем дальше.

Ивакин встал тоже и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь с мигающим зеленым огоньком охранно-сигнализирующей системы, не допускающей никакого прослушивания.

— Интересно, чем мы отличаемся от братьев-мусульман, посылая такую же группу к ним? — проговорил Валентин Анатольевич задумчиво, обращаясь неизвестно к кому.

Глава 3

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО С ВАРИАЦИЯМИ

Холодный ветер нес низкие лохматые облака над холмистой равниной, гнал по зелено-седой траве волны, норовил сбросить с плеч всадника плащ, но зоэрекс, гигантский «дирижабль» или, скорее, «самолет» Веспидов — ос разумных висел над недалеким холмом как привязанный, равнодушно воспринимая атаки ветра. Впрочем, он и в самом деле оказался привязанным.

Всадник подъехал ближе и увидел серебристую паутинку

лестницы, соединявшую холм и зоэрекс, действительно напоминавший издали необычной формы складчатый самолет с разлохмаченными на концах крыльями. И тут же у Матвея, сознание которого контролировало разум всадника, создалось впечатление, что его здесь ждут.

Он приказал всаднику — своему далекому предку-первочеловеку — спешиться и слез со своего шестинога, по грудь закованного в голубоватые зеркальные доспехи. Такие же доспехи, напоминающие рыцарские латы, были и на всаднике, но сделаны они были не из металла, а из хитиновых чешуй и панцирей древних разумных насекомых — Инсектов, чьи высохшие тела все еще находили в их летающих, как зоэрекс, наземных, как термитники, или подземных городах. Правда, некоторые отдельные особи дожили и до этого времени, когда племена людей завоевали все континенты и освоили города Инсектов, приспосабливая их для своих нужд или строя рядом новые, и людям частенько приходилось воевать с уходящими со сцены истории предками, пережившими Изменение.

Матвей достал из захватов на холке шестинога арбалет — длинное копье с льдисто мерцающим наконечником, поднес к губам пластинку с замысловатым узором отверстий, дунул, и над холмами поплыл долгий печальный вскрик, напоминающий человеческий плач и стон чайки одновременно.

Никто не появился на краю платформы зоэрекса, никто не ответил на зов, и все же ощущение чьего-то присутствия не проходило.

Тогда Матвей привязал своего шестиногого «коня», похожего на льва и быка, к металлическому кольцу вбитого в землю штыря, к которому была принайтовлена и лестница, и полез вверх. Перекладины лестницы светились серебром и были тонкими, как спицы, но под тяжестью тела всадника не гнулись, и Матвей мимолетно подумал, что эта вещь, вероятно, досталась кому-то в наследство от Инсектов, сотворивших, кроме городов и дворцов, многие чудеса вроде «саркофагов», «Игл Парабрахмы», генераторов абсолютного зомбирования — кодонов и тому подобное. Правда, многие из этих Великих Вещей Мира «запрещенной реальности», если не большинство, были опасны для людей. Наверное, не один разведчик человеческих племен, расширявших свои владения, погиб во время исследования остатков цивилизации Ин-

сектов, прежде чем остальные научились пользоваться кое-какими находками.

Зоэрекс висел над холмом всего на высоте тридцати с лишним метров, и Матвей достиг ячеистой платформы быстро, готовый пустить в ход оружие в любой момент. Предок-разведчик, чьим телом он сейчас распоряжался, имел четыре руки — рудимент тела Блаттоптера сапиенс, насекомого, от которого произошел род человеческий, и мог делать сразу несколько дел.

Взобравшись на крыло зоэрекса, Матвей огляделся и направился к складчатому «фюзеляжу» — центральному строению летающего города Веспидов, где имелся вход, но до трехметровой рваной дыры в борту «фюзеляжа» не дошел. Навстречу ему вышел гигант в таких же металлических на вид доспехах, в сложном шлеме, скрывающем лицо, и плаще поверх доспехов, вооруженный арбалетом и мечом из светящегося материала, более похожим на длинный острый шип. Судя по всему, это был такой же разведчик одного из человеческих племен, как и тот, в чьем теле сидело сознание Матвея Соболева.

Некоторое время они рассматривали друг друга с философским спокойствием воинов-профессионалов. Затем вышедший навстречу опустил арбалет, и Матвей сделал то же самое.

— Заставляете ждать себя, мастер, — сказал первый мелодичным женским голосом. Вернее, он произнес какую-то фразу на трескуче-воющем языке, но в голове Матвея зазвучал именно женский голос, хорошо знакомый ему по прежним трансовым эзотерическим снам.

— Светлена? — Матвей почти не удивился, подспудно ожидая встретить в своем сне-путешествии инфарха со спутницей.

— Вы меня помните?

Матвей хотел отшутиться, потом сказать нечто значительное, соответствующее встрече со вторым «я» главного иерарха, но в конце концов ограничился коротким:

— Я помню все.

— Вы поняли, что произошло?

На этот раз Матвей размышлял и формулировал ответ дольше.

— В результате взаимодействия «Иглы» и эйнсофа произошла инверсия моего личного времени...

— Почти верно.

— Почему почти?

— Процесс, инициированный вами с помощью эйнсофа, гораздо сложнее и масштабней, чем вы думаете. В принципе ваше возвращение к началу известных вам событий еще не говорит о том, что вы можете их изменить, ибо в вашей реальности недостижима ни честность, ни справедливость. Вы хорошо представляете Путь, которым решили идти дальше?

— Путь Меча, Путь Воина я закончил, не сомневайтесь.

— Означает ли это,что вы избрали Путь Избегающего Опасности?

— Скорее Путь Ненасилия.

— Мне кажется, вы не совсем понимаете, что это означает. Отказ от насилия возможен лишь в определенных личных ситуациях. Воин на Пути Знания придерживается отказа от насилия только в силу того, что контролирует ситуацию. Ему не нужно подставлять левую щеку, потому что никто не сможет нанести ему удар по правой.

— Я это понимаю.

— Прекрасно, мастер. — Несмотря на похвалу, в голосе Светлены прозвучала печаль. — Только не допускайте, чтобы отказ от насилия становился препятствием к познанию как обстоятельств, так и людей, среди которых у вас немало врагов.

— Что вы хотите сказать? Зачем вы ждали меня здесь?

— Контакт с вами стал возможен только в прошлом, связь в отрезок времени, в котором вы формируете законы вашей реальности, становится недоступной.

— Из-за усиления контроля иерархами Союзов Неизвестных? Иерархи все-таки начали передел власти в «розе реальностей»?

— Мой ответ вам не требуется, мастер, фактически вы стали Посвященным... хотя еще не юридически. Но берегитесь, не повторите ошибок прошлого Пути. Хотя, с другой стороны, Путь Ненасилия не означает отказа от...

— Вы уже говорили.

— Да, извините, я волнуюсь, потому что вы мне небезразличны... и... и, в общем, именно поэтому я жду вас здесь.

Матвей почувствовал неловкость и в то же время желание

увидеть лицо Светлены, какое он помнил по прежним снам, — прекрасное, удивительно манящее, юное, притягивающее взор, завораживающее текучей игрой чувств и света...

— Вы контактируете с Ульяной Митиной, Посвященной I ступени Внутреннего Круга?

Вопрос вырвался непроизвольно, и Матвей сразу пожалел о том, что спросил, однако Светлена ответила без запинки:

— Теперь в этом нет необходимости, вы прошли свой первый вариант Пути до конца и знаете все, что мы хотели передать. Осталось малое. А вы... хотели бы, чтобы Ульяна стала моей авешей?

— Не знаю, — пробормотал Матвей.

— Вы все еще не уверены в себе... Что ж, в данном случае незнание лучше ответа «нет». Вы знакомы с китайским учением Дао?

— Знаком, — лаконично отозвался Матвей.

— Даосы разработали принципы действий применительно к обстоятельствам. Один из принципов звучит так: начинай действовать, пока еще не возникла настоятельная необходимость или пока обстоятельства позволяют это.

— Ну и что? — осторожно спросил Матвей после продолжительного молчания.

— Начинать действие нужно тогда, когда в этом еще нет очевидной потребности. Вы считаете, что у вас есть время на осуществление своих замыслов? Вы ошибаетесь, мастер. У вас нет времени! Ваше возвращение к началу Пути — лишь одна из деталей начавшегося изменения. Одновременно начался лавинообразный процесс ломки законов, в том числе ослабление Закона возмездия. Проанализируйте ситуацию во всех сферах жизни вашей реальности, и вы поймете, что все далеко не так гладко и просто.

Матвей ушел мыслями в себя и на некоторое время утратил контроль над сознанием предка. Тот шагнул назад, хватаясь за арбалет, прорычал что-то, пытаясь понять, что происходит, и Матвей едва успел перехватить его руку, готовую метнуть копье.

— Что мне нужно делать?

— Это вы должны решать без подсказки. Позволю вопрос: что вы ищете в прошлом? Зачем снова пытаетесь проникнуть за барьер Изменения? Ради Знаний Бездн?

— Нет, — угрюмо ответил Матвей не совсем искренне. —

Хотя, может быть... очень хочется дойти до Начала Начал. До момента, когда в нашей реальности появился Безусловно Первый.

— Зачем это вам?

— Не знаю, — растерялся Матвей, сбитый с толку вопросом.

— Вот видите, — снова опечалилась собеседница. — Вы сами не знаете, чего хотите и что ищете. А главное, не верите в собственные силы. Как же вы измените себя?

— Я собирался изменить мир...

— Не изменив себя, не изменишь мир. Прощайте, мастер. Вам дана уникальная возможность не повторять свой Путь, воспользуйтесь ею. И поторопитесь. Что касается Начала Начал... далеко не каждому иерарху дано опускаться во времени так глубоко. Прощайте.

Голос Светлены отдалился, стих, как стихает колокольный звон. Гигант в латах напротив Матвея повернулся и исчез внутри центрального строения зоэрекса. Разговор закончился. Матвей заставил предка спуститься по лестнице на холм, сесть на коня и тронуться в путь.

Внутреннего слуха коснулся чей-то тихий вздох, и невероятной чистоты и красоты девичий голос вдруг пропел несколько слов на неведомом языке. И было в этом голосе столько тоски, любви и надежды, что Матвей едва не бросился назад, чтобы сбросить с недавнего собеседника латы и увидеть ту, что пела для него...

Он удержал порыв. Стальной рукой заставил шестинога идти рысью и произнес мысленно всплывшее в памяти даосское изречение:

Начало — это сущность
Всего, что предстоит узнать,
И место,
Куда все должно возвратиться...

Возврат в свое время и в свое тело прошел без осложнений и особых ощущений: короткий свист, темнота, падение, удар, — и вот он уже лежит на кровати лицом вверх, а рядом спит красивая девушка и тепло дышит ему в грудь...

История повторялась, хотя и не во всех деталях.

Горшина Тараса, Посвященного I ступени Внутреннего Круга, отлученного от этого самого Круга за упорную реализацию мести, Соболев пока не встретил. Васю Балуева тоже,

хотя собирался найти его в ближайшее время. А вот с Кристиной отношения развивались практически так же, как и в первом варианте событий. Они успели встретиться трижды, понять, что их непреодолимо влечет друг к другу, а потом девушка прибежала к нему ночью, спасаясь от приставаний все того же сокурсника, кудрявого красавчика Жоржа, которому пришлось давать отлуп. Правда, уже иначе, проще, не так наглядно, как это проделал Матвей «в прошлой жизни».

Он быстро вычислил, где живет Жорж, дождался его возвращения с очередной гулянки и аккуратно придушил в подъезде, после того как парень отпустил своих накачанных охранников. Не до летального исхода придушил, понятное дело, популярно объяснив при этом, что приставания к девушкам, особенно к Кристине Сумароковой, отрицательно скажутся на здоровье Жоржа. Теперь Кристина жила у Матвея, создавая дополнительные неудобства, а поговорить с ней, объяснить, что так долго продолжаться не может, сил не хватало.

За неделю, что провел Матвей в Москве после вызова из Рязани, он успел сделать многое, как по работе, так и в личном плане.

Для начальства был уже готов подробный отчет о деятельности батальона «Щит» с указаниями фамилий, адресов и планов, а также о похищении секретного оружия из лабораторий завода «Арсенал», о связях многих высших должностных лиц армии и спецслужб с мафией. Готовился анализ отношений правительственных чиновников с «Куполом», руководимым генералом Федеральной службы безопасности Ельшиным, начальником Управления «Т».

И при всем при этом Матвей отчетливо осознавал, что ему не поверит не только Дикой, но и Борис Иванович Ивакин, непосредственный начальник Соболева. Хотя, с другой стороны, доказательств о противозаконной деятельности депутатов и генералов хватало. Если у начальника «Смерша» хватит смелости их проверить, дело закрутится.

Матвей вспомнил слова Светлены, мысленно пожал плечами. Она советовала поторопиться, начать действовать, но он и сам не сидел сложа руки. Или спутница инфарха имела в виду нечто другое? И надо действовать в другом плане — а б с о л ю т н о м? Искать выходы на «розу реальностей», встречаться с людьми Внутреннего Круга, выходить на Монарха

Тьмы, пока он еще не взялся за подготовку нового Изменения? Или оно уже... началось?

«Проанализируйте все сферы социума, — сказала Светлена, — и вы поймете...» Матвей почувствовал, как непроизвольно сжались мышцы живота, грудь кольнуло холодом, и осторожно отодвинулся от Кристины, чтобы она не проснулась. Встал. Господи, неужели он опоздал?! Если Светлена права, эйнсоф не только вернул его в прошлое по личной мировой линии, но и запустил процесс и з м е н е н и я, подчиненный воле Монарха! Вот на что надо обратить все внимание, а не на мирские материальные дела... И в первую очередь надо действительно проанализировать происходящие в мире процессы, а потом попытаться войти в контакт с Хранителем Матфеем, чтобы окончательно прояснить ситуацию. Слишком много возникло вопросов, на которые сам Соболев ответить не мог.

Например, куда делся эйнсоф?

Матвей съездил в Сергиев Посад, посетил Троице-Сергиеву лавру и прошелся по всем трем ярусам надкладезной часовни, построенной в семнадцатом веке у юго-западного угла Успенского собора лавры, но эйнсофа не обнаружил. Узел фазового пространственного многообразия, в котором пересекались когда-то слои-лепестки «розы реальностей», исчез.

Попытался Матвей и проникнуть в МИР — «модуль иной реальности», одно из сохранившихся древнейших сооружений Инсектов, расположенное глубоко в недрах Московской платформы, но территория бывшего Зачатьевского женского монастыря оказалась огороженной. Церковь Спаса реставрировалась, а все ее пристройки были безжалостно разрушены, в том числе и склеп-хозблок, из которого начинался спуск в подземелье с замком Арахнидов. Конечно, можно было использовать свой «третий глаз» — ментальное зрение и ночью пробраться к церкви, чтобы отыскать засыпанный вход. Однако для этого требовались время и кое-какие приготовления. К тому же «Игла Парабрахмы», в контур которой был когда-то включен Матвей как один из одушевленных узлов управления, располагалась не в этом МИРе, а в замке Формикоидов, находившемся под дачей генерала Ельшина. А уж для похода туда и вовсе требовалась недюжинная подготовка и соответствующая экипировка. Матвей в принципе

собирался навестить дачу Генриха Герхардовича, но теперь, после контакта со Светленой, необходимо было сделать это как можно быстрей.

Кроме всех прочих занятий, Матвей предпринял и попытку установить местонахождение кардиналов Союза Девяти Неизвестных. К его удивлению, это ему удалось без труда. Все кардиналы занимали почти те же посты в иерархии властных структур и не предприняли никаких дополнительных мер предосторожности и охраны. Для них еще ничего не произошло. Матвей Соболев, «волкодав» военной контрразведки, агент класса «абсолют», идущий по пути Посвящения в адепты Внутреннего Круга, для Союза Девяти не существовал.

«Щупая» их мыслесферы в астрале, Матвей ощущал лишь удивление кардиналов, не представлявших, кто их осмелился потревожить и было ли это на самом деле. Лишь координатор Союза Бабуу-Сэнгэ мгновенно насторожился, почуяв касание чужого мысленного потока, но он был далеко, в своем Храме Гаутамы на Алтае, и Матвей не особенно обеспокоился, считая себя в безопасности. Только сейчас, спустя несколько дней после «возвращения из будущего», он понял, какая это страшная сила — з н а н и е того, что будет происходить!

Матвей на цыпочках вышел из спальни, прополоскал в ванной рот и полчаса тренировал в кабинете суплес и поднимал мышечный тонус специальными упражнениями. Обычно он занимался физическими нагрузками в спальне, где у него стоял спортивный комплекс: макивара, деревянный «идол» для тренировки ударов, стенд для силовых упражнений и качания пресса, — но сегодня не хотелось будить Кристину, поэтому занимался он недолго.

Встал под душ, переменно пуская то холодную, то горячую воду, побрился подаренным Ивакиным «Брауном», смягчил кожу лица лосьоном «Аква ди гио» фирмы «Армани» с ароматом озона, цитрусовых, хурмы и жасмина. Кристине этот запах очень нравился, и она как-то сказала, что именно таким лосьоном должен пользоваться мужчина, который строит свои отношения с женщиной на взаимопонимании и доверии.

Матвей усмехнулся. Кристина явно повторяла чьи-то слова, хотя ее оценка была близка к истине.

Зазвонил телефон.

Мгновенно сработали не дремлющие ни днем, ни ночью сторожевые центры сознания. Сюда никто не должен был звонить, телефон знал только Ивакин, и если звонил он, значит, что-то произошло. Матвей снял трубку.

— ... ей... лев? — с хрипом выплюнула трубка чей-то густой бас.

— Кто звонит? — вежливо поинтересовался Матвей.

Голос в трубке изменился на баритон, хотя хрипы и подвывание остались, сквозь них доносились лишь обрывки слов:

— ... дленно... най... вать... щенных... наче буд... иваться измене... зит гибель...

— Кто говорит? — повторил Матвей, стискивая зубы. — Вы, наверное, не туда попали.

— ... регись! — донеслось последнее слово, и трубка замолчала. Ни гудков отбоя, ни звона междугородней линии, ни щелчков скремблера — мертвая тишина, словно у телефона оборвался провод. Кто же звонил, черт возьми?! Что хотел сказать? Явно предупреждал, если судить по словам «грозит», «гибель» и «берегись». Но кто это мог быть? Инфарх? Хранитель Матфей? Кто еще? Не полковник же Ивакин, в самом деле...

— Кто звонил так рано? Полседьмого всего. — На пороге спальни возникла сонная Кристина, завернутая в простыню. Угол простыни соскользнул с ее плеча, обнажив грудь, и Матвей некоторое время молча боролся с разгорающимся желанием, рассматривая фигуру девушки, потом подхватил ее на руки и отнес в спальню.

Через полчаса пришлось мыться под душем снова, теперь уже вдвоем, хотя ничего путного из этого не вышло. Кристина была настроена шутливо и порывалась то намылить «сованнику» лицо, то утопить его в ванне. Потом она накинула вместо халата его рубашку и отправилась на кухню готовить завтрак, откуда тут же раздался ее негодующий голос:

— Соболев, ты все-таки свинья!

— Почему? — изумился Матвей, прекращая одеваться.

— По определению. Ты почему не помыл посуду?

— А разве я был вчера дежурным по камбузу? — хмыкнул Матвей. Волоча за собой брюки, зашел на кухню и, узрев на-

рочито рассерженное лицо Кристины, поднял вверх руки. — Виноват, гражданин начальник, больше не повторится.

Вскоре они ели мюсли и пили кофе с тостами, болтая о разных разностях, приходящих в голову совершенно ассоциативно. Разве что Матвей при этом думал о своих заботах, о будущих встречах с интересующими его людьми, а Кристина просто наслаждалась ощущением приятной расслабленности и была, похоже, вполне счастлива. Во всяком случае, о грядущих переменах в своей жизни она не думала, а о войне иерархов, отражавшейся на Земле «запрещенной реальности» разрушением духовности, культуры, справедливых отношений, ничего еще не знала. И у Матвея вдруг непроизвольно вырвались слова, которые он хотел произнести давно, однако не решался:

— Крис, тебе будет трудно со мной...

Кристина посерьезнела, опустила руку с чашкой кофе, глядя на Соболева враз округлившимися большими глазами. Красивая девятнадцатилетняя девочка, еще не познавшая всю страшную суть «запрещенной реальности». Как же ее уберечь от всего этого: бед и опасностей, непрерывной череды схваток, поединков с трусливыми и оттого более жестокими подонками, бандитами всех мастей, с беспощадными в достижении своих целей кардиналами Союза Девяти, их безмозглыми слугами, со всеми теми, кто хочет власти любой ценой, просто с недалекими сластолюбцами типа кудрявого Жоржа? Как защитить ее от тысяч превратностей судьбы, подстерегающих самого Соболева на каждом шагу? Как изменить формулу, внушенную ему Монархом Тьмы в прошлых встречах? «Твоя деятельность всегда будет отражаться на твоих близких...»

— Что случилось, Соболев? — тихо спросила Кристина.

— Ничего не случилось, — улыбнулся одними губами Матвей. — Пока. Просто человек, посвятивший себя определенного рода деятельности, должен вести определенный образ жизни.

— Какого же рода деятельностью ты занимаешься?

— Мистикой, — серьезно сказал Матвей.

Кристина фыркнула.

— Я и так поняла, что ты не учитель русского языка. А кто? Милиционер? Служишь в ОМОНе или в каком-нибудь секретном спецназе? Или... — Глаза Кристины стали

круглыми и огромными. — Или ты работаешь на... «Стопкрим»?!

Матвей рассмеялся, хотя ему было, честно говоря, не до смеха. Интуиция у Кристины была развита хорошо, да и наблюдательность тоже. Но от этого ему было не легче.

— Нет, на знаменитое «чистилище» я не работаю, успокойся. Скорее это действительно можно назвать спецназом. А большего я сказать тебе не имею права.

— Понимаю. — Теперь ко всем кипевшим в глазах девушки чувствам добавилось жгучее любопытство, но она сумела себя перебороть и вопросы задавать не стала. — Я потерплю. Пока не прогонишь.

— Лишь бы сама не ушла. — Он поцеловал ей пальцы. — Но что бы ни случилось, никто не должен...

— Знать, кто ты такой, — подхватила Кристина.

— Примерно так. Это первое. Второе: на звонки не отвечай, вообще не поднимай трубку. Ты здесь не живешь. В смысле — тебя здесь как бы нет и никогда не было. И последнее: ты не должна зависеть от меня. В любой момент я могу надолго исчезнуть, прийти поздно, вообще не прийти на ночь. Короче, мне нужна свобода...

— А я тебе ее не ограничиваю, — насупилась было Кристина, однако заглянула в голубые, чуть ли не светящиеся глаза контрразведчика и поняла свою промашку. — Извини, я не то хотела сказать. Буду терпеливой и заботливой, вот увидишь. Захочешь, скажешь сам. Но я чувствую, что ты встревожен. Нельзя узнать, что случилось?

— Я же сказал — ничего, — как можно уверенней проговорил Матвей. — Все идет своим путем, просто у меня работа такая — ждать неприятностей. Не думай о плохом, иначе экзамены не сдашь.

Кофе допивали в молчании, взглядами обнимая друг друга, хотя перед глазами Матвея нет-нет да и вставал образ Ульяны, после чего он в какой-то мере начинал ощущать себя предателем. Он помнил почти все моменты их прошлых встреч, ведь пролетело целых два года с момента знакомства Соболева с обеими женщинами, и ничего не забылось! А еще у них с Кристиной должен был родиться ребенок... Но обо всем этом он не мог рассказать ей ни слова. Тот путь, который они уже прошли вместе, вел к гибели обоих... А вот о Стасе рассказать стоит. Надо найти парнишку и вылечить,

может быть, удастся оградить его от опасностей, отослать к отцу, например, ведь старик еще жив... Хотя, с другой стороны, он уже посылал Стаса и Кристину к отцу и знает, чем это все закончилось. Кто говорил: «Не возвращайся по своим следам», — был прав...

С Ивакиным Матвей встретился на конспиративной квартире, принадлежащей военной контрразведке, и передал ему пачку сколотых листков — весь пакет информации по деятельности батальона охраны «Щит», его командования, о хищении им оружия с завода «Арсенал», об участии во всем этом генерала ФСБ Ельшина, ставшего недавно боссом «Купола».

Полковник был сильным и сдержанным человеком, но и он изменился в лице, дочитав доклад Соболева до конца. Поднял на Матвея ставшие совсем прозрачными глаза.

— Вы с ума сошли, Соболев! Откуда у вас эти сведения? За неделю такого объема данных собрать невозможно!

Матвей кивнул, вполне понимая Бориса Ивановича, но даже ему он не мог сказать всей правды. Или хотя бы части правды. Полковник был сугубо военным человеком, опиравшимся на здравый смысл, и слыхом не слыхивал о каких-то там Монархах Тьмы и вообще о существовании Внутреннего Круга. Вряд ли он правильно воспринял бы и откровения подчиненного насчет происхождения человечества от рода Блаттоптера сапиенс — тараканов разумных.

— Как я это преподнесу генералу? — продолжал Ивакин, не дождавшись ответа Соболева. — Он же меня сразу отправит к психиатру.

— Авось не отправит, — сказал Матвей философски. — Часть сведений у вас и так лежит в компьютере, кое о чем вы догадываетесь, а остальное — логическое завершение расследования. Что касается сроков, то мне помогали.

— Кто, если не секрет?

— Сами подозреваемые.

Матвей выдержал пронзительно-недоверчивый взгляд Бориса Ивановича, усмехнулся.

— Не пугайтесь, полковник. Когда-нибудь вы все узнаете, а пока примите все как есть. И очень вас прошу — побеpегитесь. В скором времени вас попробуют убрать, причем с помощью тех самых «болевиков», что были похищены из «Арсенала». Будьте начеку.

— Откуда вы знаете?

— Знаю. — И в голосе Матвея прозвучала такая твердая, непрошибаемая уверенность, что Ивакин проглотил все иронические замечания и вопросы.

— Вы предлагаете...

— Действовать, — закончил Матвей. — Время не ждет. Понадоблюсь — звоните по сотовому, домой на квартиру звоните только в крайнем случае, не нравится мне та линия.

Он заглянул в дверной «глазок», представлявший собой окуляр перископной системы, никого в коридоре и на лестничной площадке не обнаружил и вышел, оставив растерянного, ошеломленного масштабом предполагаемых событий полковника военной контрразведки.

Глава 4

ЗНАКОМСТВО «ВОЛКОДАВОВ»

Для концентрации сознания Василий Балуев не часто пользовался всеми девятью уровнями медитации, не было особых оснований, хотя в жизни перехватчика-«волкодава», подчиненного дерганому ритму жизни Управления специальных операций ФСБ, опасностей хватало. Но сегодня его почему-то потянуло пройтись по всем ступеням сюгэндо, в результате чего, достигнув «будущего» и увидев себя в «прошлом», то есть настоящем для медитирующего, Василий оценил свои нынешние решения как неправильные, что его ошеломило, и пришел к выводу, что ему стоит ждать каких-то необычных встреч.

Выйдя из состояния самадхи, Василий некоторое время размышлял над своими ощущениями, однако, будучи человеком действия, а не мысли, предоставил судьбе играть с ним по ее правилам и занялся тренингом, чему каждый день уделял не менее полутора часов для поддержания необходимой физической и психической формы.

Рукопашным боем Вася занимался уже почти четверть века, начав Путь воина в додзё карате и закончив школу Куки-Синдэн-рю-Хаппо Хи-Кэн (тайное искусство владения оружием). В семнадцать-восемнадцать лет он обратился к айкидо, а став слушателем Высшей школы КГБ, впоследствии ФСК и ФСБ, увлекся русбоем, проповедующим стиль реаль-

ного боя в условиях, максимально приближенных к жизни. Но все же основную закалку дала Балуеву школа ниндзюцу, которую он одолел на Дальнем Востоке, под Приморском, где с трехлетнего возраста прожил одиннадцать лет (отец был офицером-ракетчиком и служил в зенитно-ракетных войсках), под руководством японского мастера Хатсуми, владевшего стилем тогакурэ-рю («спрятанное за дверью»). Василий и впоследствии, уже работая в бригаде спецопераций под руководством опытнейшего «волкодава» Люцканова, а потом Первухина, продолжал заниматься постоянно изменяющимися приемами борьбы тогакурэ-рю-ниндзюцу, с помощью которых без особого напряжения можно было справиться с каждым новшеством в технике атак. В основе этих приемов лежало понимание поведения человека в тех или иных ситуациях, знание человеческого тела и его возможности вне зависимости от времени. Это давало возможность намного расширить узкие границы ориентированных на конкретные времена технических приемов борьбы, потому что методы ниндзюцу учитывали все естественные физические и эмоциональные особенности человека.

Искусство ниндзюцу вообще развивалось не как самоцель, средство для получения спортивного титула или символического поощрения в виде цветного пояса. Оно представляет скорее систему эффективных способов для достижения тех или иных целей личности с минимумом опасности, что заложено даже в названии борьбы — ниндзюцу. Иероглиф «нин» имеет два ряда значений: выносливость, упорство, терпение, стойкость, и второй ряд — тайный, незаметный скрытный, а иероглиф «дзя» переводится как личность, индивидуум. Таким образом, ниндзюцу — это искусство тайных действий с учетом вышеназванных категорий, подразделяемое на два уровня: бу-дзюцу — искусство воина (низший уровень) и хей-хо — стратегия боя (высший уровень). Василию удалось овладеть обоими и стать мастером ниндзюцу — мэйдзином, для которого не существовало тайн ни в одном виде рукопашного боя.

Конечно, он не стал «японцем» — по ощущению мира, но воспитан был все-таки в традициях ниндзюцу и не только довел до совершенства искусство воина, но и по большому счету достиг гармонического отражения окружающей действительности, в основе которого лежало интуитивное ощуще-

ние опасности на уровне рефлексов, тонких движений полей и излучений.

Сущность каждодневных тренировок для Балуева состояла не столько в освоении или повторении присущих ниндзюцу приемов боя, сколько в становлении и развитии в сознании тех ощущений, которые вызывает их применение. Как известно, в естественных условиях — улица, двор, метро, магазин, коридор, комната и тому подобное — ближний бой подразумевает применение любых подручных средств: палки, камня, гвоздя, булавки, осколка стекла, доски, веревки, пуговицы, скрепки, даже ассигнации, — и тренировка владения этими предметами скорее вырабатывает ощущение всеобъемлющей системы защиты. Поэтому большую часть времени тренинга Василия занимала именно эта специфичная система владения «полезными деталями».

Начав тренировку в шесть утра, он закончил ее в половине восьмого эффектным прыжком через кресло и броском остро заточенного карандаша в глаз идола для тренировок, стоящего в углу комнаты. Попал. Бесшумно приземлился с перекатом и пошел в душ. Уже вытираясь махровым полотенцем, услышал телефонный звонок, взял трубку аппарата и услышал голос Первухина (генерал лично курировал сборы группы перехвата, отправляемой в Чечню, в которую входил и Балуев):

— В десять быть на базе. Без опозданий.

— Слушаюсь, — ответил Василий, не испытывая ни особой озабоченности, ни особых переживаний по поводу того, что ему предстояло выполнить.

И в это время он почувствовал некий внутренний холодок, словно кто-то заглянул в него, как птица в открытую форточку, и в комнату влетел свежий ветерок. А через секунду тихо звякнул входной колокольчик.

Хмыкнув про себя с недоумением: гостей Василий не ждал, квартира принадлежала ФСБ, и прийти к нему мог разве что сам Первухин или в крайнем случае командир подразделения полковник Смирнов, — он открыл дверь и вздрогнул, встретив взгляд голубых глаз позвонившего. У него даже заныло под ложечкой и защипало в глазах. Взгляд молодого человека (лет двадцать семь — двадцать восемь, ровесник, надо полагать) был необычайно глубоким, серьезным, хотя и не без иронии, спокойным и понимающим, таящим недюжин-

ную скрытую силу. Незнакомец знал и видел так много, что Василий невольно поежился. Такого лица, дышащего внутренним, просветленным покоем, бесконечно уверенного, воспринимающего и отражающего действительность как зеркало, Балуев еще ни у кого не видел. И понял, что перед ним мастер, достигший совершенства в воинских искусствах, воплотивший в жизнь формулу Гуань-Инь-цзы[1]: будь текуч, как вода, покоен, как зеркало, отзывчив, как эхо, и невозмутим, как тишина. А еще Василию показалось, что он уже где-то видел это лицо, может быть, в снах, может, наяву.

— Здравствуйте, Василий Никифорович, — тихим приятным голосом произнес незнакомец. — Разрешите войти?

— Нава Юмио, Хэйситиро, Рисукэ, Масааки? — спросил Василий, подразумевая учителей школ ниндзюцу, в которых мог бы оттачивать свое мастерство гость.

— Ямасита Тадаси, — улыбнулся молодой человек, — стиль «потерянных следов». Хотя я от этого просто оттолкнулся и давно проповедую русбой.

— «Барс», — кивнул Василий. — Похоже. Кто вы?

— Меня зовут Матвей Соболев, и работаю я, как и вы, ганфайтером, «волкодавом»-перехватчиком, только в другой конторе.

Василий впустил гостя, отметив, как тот держится — совершенно свободно и естественно, не боясь поворачиваться к хозяину спиной, и как движется — экономно, гибко, плавно и точно, и окончательно уверовал в то, что впервые встретил профессионала, равного себе, а то и превосходящего по мастерству боя.

— У кого вы работаете? Антитеррор?

— «Смерш».

— Контрразведка! Надо же, какая встреча! А я гадаю, кто меня вычислил? Мы с вами не могли раньше встречаться? Такое впечатление, что я вас знаю.

— О да, — кивнул Соболев, оглядывая спартанское убранство гостиной со спортивным комплексом в углу, с любопытством посмотрел на идола с торчащим из глаза карандашом. — Мы знакомы уже два года. Я смотрю, вы практикуете методику шреба?

— Кое-какие приемы, — небрежно ответил Вася, выхва-

[1]Древний литературный памятник даосизма *(кит.)*.

тывая вдруг из кармана новенькую денежную купюру достоинством в тысячу рублей и делая почти неразличимый взмах рукой.

Матвей проследил за падением двух половинок комара, к своему несчастью пролетавшего мимо, улыбнулся одними глазами, но ничего не сказал, вспомнив, как два года назад таким же манером демонстрировал свое умение Кристине.

— Проходите, присаживайтесь, — сделал приглашающий жест Василий, от которого не ускользнула усмешка гостя, досадуя на свое мимолетное тщеславное желание что-либо п о к а з а т ь. — Кофе, чай, кефир, минералка?

— По вашему усмотрению, — сел в кресло Соболев, одетый в самый обычный летний костюм: джинсы, кроссовки, голубоватая рубашка, безрукавка, — позволяющий затеряться в любой толпе.

Василий принес чашки, ложки, кофейник, сахар, слоеное печенье, и они принялись пить кофе, поглядывая друг на друга с абсолютно разными чувствами. Неизвестно, о чем думал гость, но у хозяина росла тревога, появилось ощущение дискомфорта, ожидания каких-то перемен и новостей, однако он постарался выглядеть так же невозмутимо, как и Соболев, понимая в то же время, что тот свободно читает его переживания.

— Вы сказали, что мы знакомы уже два года... — не выдержал Василий наконец.

— Сейчас поясню. — Соболев промокнул губы салфеткой, жестом отказался от второй чашки кофе. — Только прошу выслушать все внимательно, без восклицаний и определений, какой бы удивительной ни показалась вам моя речь. Я не сумасшедший, я просто много знаю. Дело в том, дорогой Василий... э-э... Никифорович, что я как бы побывал в будущем и вернулся и теперь знаю почти все, что будет происходить. С вами, со мной, с миром вообще. За примерами долго ходить не будем, я представлю доказательства сразу после рассказа. А теперь слушайте. Вы случайно не читали кое-какую эзотерическую литературу? Что такое Внутренний Круг, знаете? Вот с этого и начнем...

И Василий услышал самую невероятную и захватывающую из историй, когда-либо прочитанных или услышанных им в жизни.

Рассказ Соболева длился больше часа, с перерывами на

кофе и умывание; Вася дважды бегал в ванную и лил на голову холодную воду, не скрывая уже своих чувств. Затем настал черед беседы.

— Не верю! — заявил Василий после того, как Соболев закончил повествование.

— Как говорят учителя, вера — лишь нежелание понять замыслы Божьи, — улыбнулся Соболев. — С чем конкретно вы несогласны?

— Союз Девяти Неизвестных... разумные тараканы...Монарх Тьмы, наконец! Вы-то сами верите во все это?

— Разумеется, потому что я все это пережил.

— Как можно доказать происхождение человечества от ваших Бляд... Блаттоптеров, разумных тараканов?! Как можно познакомиться с Монархом Тьмы, если он живет, как вы говорите, в другой реальности? Допустим, в существование Внутреннего Круга еще можно поверить, но как вы можете доказать существование всего остального?

— Для этого понадобится всего пара общих походов. Я покажу вам так называемые МИРы, модули иной реальности, созданные Инсектами и сохранившиеся в пещерах под Москвой, а также отведу вас на дачу генерала Ельшина, где у него располагается мощный компьютер для связи с Монархом... который и помог ему стать боссом «Купола».

— Бред! — махнул рукой Василий, пытаясь найти неувязки в стройной логической цепи истории, выстроенной рассказчиком, и не находя таковых. — Вы обещали привести доказательства сразу.

— Нет ничего проще. Об организации «Стопкрим», именуемой в народе «чистилищем», слышали? Надеюсь, не станете подозревать меня в связи с ним? — Матвей глянул на старенькие ходики на стене, перешедшие Балуеву в наследство от бабушки; шел десятый час утра. — Включите телевизор, программу «2×2». Сейчас в «Новостях» должны сказать о гибели от рук «чистильщиков» прокурора Бескудникова Бурлакова, а также о нападении на полковника милиции Пиворыкина и о наказании судьи Охрименко: ему отрубили палец.

Василий включил телевизор, молча выслушал сообщение о новой акции «Стопкрима», выключил. Исподлобья глянул на гостя.

— Что еще?

— Как вы думаете, могу я знать некоторые интимные стороны вашей жизни?

— Можете, — подумав, сказал Балуев. — Задавшись целью собрать компромат, можно выяснить о человеке все.

— Но только не о «волкодаве» вашего класса. Хорошо, интимные подробности отпадают. Ну а профессиональные тайны? К примеру, я знаю адрес вашей второй конспиративной квартиры в Бутове или назову координаты схрона с оружием и снаряжением, что расположен в районе Савеловского вокзала. Продолжать?

Василий потемнел, внезапно почувствовав самый примитивный, липкий страх. Этот человек н е д о л ж е н был знать о таких вещах! Если адрес квартиры знали многие: генерал Первухин, полковник Смирнов, квартирмейстер и кадровик УСО ФСБ, — то о расположении склада, оборудованного Балуевым лично в одном из погребов для хранения овощей, знали только двое: он сам и бывший хозяин погреба, ныне почивший в бозе, как говорится.

— Любопытно! — пробормотал Василий, меряя Соболева взглядом и прикидывая, может ли он взять его на прием из этого положения.

— Не стоит, — угадал его мысли Матвей, хорошо понимая, что творится сейчас в душе хозяина. — Я вижу, вы пытаетесь составить план атаки, но даже с вашей подготовкой взять меня невозможно. А чтобы вы убедились в этом, вот, почитайте. — Соболев достал из внутреннего кармана безрукавки стопку листков, скрепленных скрепкой, положил на стол рядом с креслом.

— Что это?

— Описание техники смертельного касания.

— Сан-нэн-гороси, что ли? В ниндзюцу это один из способов «гашения обликов».

— В принципе японцы разработали довольно неплохой вариант техники «гашения», но то, что я вручаю вам, разработано миллион лет назад перволюдьми, которые, чтобы выжить, почти поголовно были воинами. В той жизни, которую я прожил, вы не только ознакомились с этой техникой, но и усовершенствовали ее, создав варианты, один из которых назвали космек, что означает «комбинаторика смертельного касания», а второй — ТУК, то есть «техника усыпляющего касания». От сан-нэн-гороси они отличаются тем, что уко-

лы-касания с передачей энергии наносятся в любую точку тела противника, а не обязательно в точки смерти, и без учета его психических особенностей, телосложения, пола, возраста и времени суток.

— Ерунда, — буркнул Василий, переходя в «состояние Пустоты», боевое состояние «машины без мыслей». Терять ему было нечего, гость знал столько, что в пору было топиться, а проверить его возможности иным способом не было времени.

Соболев дернул уголком губ, сдерживая улыбку, не желая отвечать на реплику, и в этот момент Василий прыгнул к нему прямо из кресла выгибом вперед, привычно оценивая положение соперника и мгновенно реагируя на его движения. В занятиях рукопашным боем он достиг того уровня мастерства, когда мозг не перебирает конкретные комбинации и заданные приемы, а командует телом спонтанно, на уровне рефлексов, что обусловливает разнообразие и универсальность боевых техник. К тому же Вася владел т е м п о м, то есть боевым трансом с измененным психическим состоянием, позволяющим ускорять естественные физиологические реакции. Но как бы быстро он ни действовал, гость двигался еще быстрей.

Удара Василий не заметил и не почувствовал, вполне возможно, его и не было, просто Соболев продемонстрировал прием из арсенала ТУК. Очнулся Балуев лежащим на диване. Рывком сел. Ничего не болело, руки-ноги были на месте, но тело казалось мешком ваты и отказывалось повиноваться.

— Пройдет через пару минут, — раздался голос Соболева, и перед носом Балуева появился стакан минеральной воды. — Выпей и расслабься.

Вася послушался, а через минуту уже мог соображать, что происходит. Покрутил головой.

— Лихо ты меня!

— Убедил?

— Не знаю... пожалуй. Но мне надо разобраться... освоиться.

— Осваивайся, только не торопись с выводами. Вопросов появится масса, и на все я отвечу. Встретимся послезавтра, договорим.

— Послезавтра не получится, я сегодня уезжаю. О черт! — Вася бросил взгляд на часы. — Опаздываю.

— Я на машине, подброшу до места. Куда уезжаешь?

— За кудыкины горы, — буркнул Василий, проверяя содержимое сумки, собранной еще на ночь.

— Чечня?

Василий медленно разогнулся, глянул на собеседника сузившимися глазами.

— Ты откуда... или мы в одной команде?

Соболев покачал головой.

— Мне предлагали, я отказался. Откажись и ты.

— Не могу, я человек военный. Да и уж слишком нагло стали действовать боевики из ЧАС. Слышал о такой «армии»? Начали отстрел по всей России бывших своих врагов. А тут еще писателя убили...

— Я слышал. И все же откажись, это не твой Путь. В конце этого Пути нет ни славы, ни благодарности, только забвение... или ненависть. И сдается мне, вас забрасывают с другой целью, не ради восстановления справедливости.

— А ради чего?

— Ради далеко идущих политических амбиций. Высокая политика всегда была и будет грязью, которую разгребают профессионалы, такие, как мы с тобой. А исполнителями всегда жертвуют в первую очередь.

Василий отвернулся, закрыл сумку.

— Пошли, я готов.

— Не откажешься?

Они вышли из квартиры, спустились вниз, сели в соболевскую «Таврию», уже отремонтированную Ильей Муромцем. Еще живым и здоровым. Ответил Балуев уже в машине:

— Ты бы на моем месте тоже не отказался. Да и почему ты уверен, что избранный мною Путь воина противопоказан мне?

— Два года мы прошли с тобой бок о бок, парень, и ты избрал в конце концов другую дорогу... хотя реализовать замыслы нам не дали.

— Вот видишь. А советуешь мне идти в другую сторону. Какой же Путь ты мне советуешь пройти?

— Ненасилия.

Василий фыркнул.

— Это речь проповедника, а не воина.

— Потому что я знаю, что говорю. Тебе все же придется когда-нибудь выбирать, но лучше бы ты сделал это раньше.

— А ты выбрал?

Машина выехала на Волоколамское шоссе, Соболев прибавил скорость, помолчал, потом коротко бросил:

— Да.

Вася покосился на его безмятежное, удивительно спокойное лицо уверенного в себе и уравновешенного человека со светящимися голубизной глазами.

— И что это за Путь, если не секрет?

— Избегающего Опасности.

Вася открыл рот, чтобы пошутить, но еще раз глянул на профиль водителя и передумал. Ему вдруг на мгновение показалось, что они и в самом деле знакомы очень давно.

Глава 5

ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Очередное совещание «полного квадрата» «чистилища» происходило на квартире Дмитрия Васильевича Завьялова, занимавшего пост референта премьер-министра и одновременно кресло координатора «Стопкрима». Четверо комиссаров уже прибыли, ожидали пятого, Тараса Витальевича Горшина, получившего за глаза кличку Граф.

Скучающий комиссар-пять Владимир Эдуардович Боханов, он же президент Центра нетрадиционных технологий, бросил листать журнал, отечественный вариант «Плейбоя», и шумно вздохнул.

— Не начать ли нам, благородные доны? Если Граф задерживается, значит, существует веская причина задержки. А для наших обсуждений он в принципе и не нужен.

— Согласен, — проворчал потеющий Глеб Максимович Музыка, полковник милиции и комиссар-три по рангу «чистилища». — Что в повестке дня?

Горшина он недолюбливал и давно лелеял мечту заменить его своим зятем, главным военным экспертом Комитета по новым военным технологиям при Министерстве обороны.

— В настоящее время мы ведем двадцать четыре бандлика[1], — начал Завьялов, включая компьютер. — Я поработал

[1] Бандлик (ликвидация бандформирований) — термин, обозначающий любую акцию «чистилища» по пресечению деятельности криминальных группировок.

вчера и разбил все дела на три группы. В первую вошли текущие важняки по госучреждениям: милиция, суды, прокуратура, Госдума. Во вторую — бандитизм и терроризм. В третью — деятельность «Купола». Приоритетным, конечно, является направление на ликвидацию «Купола», но в каждой группе есть одно-два наиболее важных дела. В первую очередь рассматриваем столичные проблемы, потом областные и в последнюю очередь общероссийские.

— Я бы сделал исключение, — негромко сказал комиссар два Герман Довлатович Рыков, занимавший пост начальника информационного бюро Управления «И» ФСБ. Тихий и незаметный, он тем не менее обладал мощной убеждающей силой и настойчивостью, так что иногда казалось, что именно он руководит «Стопкримом», а не Завьялов.

— Герман, ты меня удивляешь, право слово, — хмыкнул Боханов. — Еще не было случая, чтобы у тебя не появилось особое мнение.

— Пусть говорит, — хладнокровно отнесся к реплике Завьялов.

— Я бы выделил в группу особо важных дел четыре, — продолжал Рыков. — В порядке очередности: «Журналист», «Палач», «Насильник» и «Грязный ствол».

Завьялов вывел на дисплей одно за другим перечисленные дела, и комиссары еще раз перечитали, о чем идет речь.

Дело «Журналист» было заведено на мэра Владивостока Кривошеина, имеющего не только поддержку губернатора края, но и мощное кремлевское прикрытие, не позволяющее довести до конца уголовные дела, связанные с расследованием криминальных деяний чиновников краевой администрации. Суть дела сводилась к следующему.

Молодой девятнадцатилетний журналист Алексей Судаков выступил на радио с критикой мэра, обвинив его в злоупотреблении служебным положением (фактов хватало: от строительства дач и бассейнов за государственный счет до прокручивания государственных же денег в коммерческих структурах). В тот же вечер глава города вызвал журналиста к себе в кабинет и, не выбирая выражений, смешал его с грязью, распорядившись лишить радиостанцию помещения, а Судакову приказав покинуть Владивосток в двадцать четыре часа.

Журналист оказался не робкого десятка, предупреждению не внял, рассказал все своим коллегам и был ночью похищен, как впоследствии оказалось, боевиками из банды Тихона Трюмо по заказу мэра.

Всю ночь парня пытали: поднимали на дыбе, подвешивали за ноги, тушили о тело окурки, загоняли под ногти иголки, паяльной лампой сожгли волосы под мышками и в паху. Требовали, чтобы журналист признал, что сделал передачу по просьбе кандидата в мэры Чуркова и получил за это кругленькую сумму в долларах. Парень признавать ничего не желал, и в конце концов его оставили в покое, сбросив в залив, где он едва не утонул.

Дело под названием «Палач» было заведено «чистильщиками» на сотрудников подмосковной ГАИ, застреливших двух армейских офицеров с их приятельницами. Трагедия произошла вечером в пятницу одиннадцатого мая. По словам полковника Белякова, командира войсковой части, где служили майор Кучков и капитан Мухин, он отмечал с этими офицерами и их подругами свой день рождения в одном из частных домов в Царицыне. В это время сын Белякова катался по улице на мопеде. Подростка задержали сотрудники ГАИ и отобрали ключи от мопеда. Сын пожаловался отцу. К гаишникам вышел полковник с друзьями-офицерами, естественно, все в штатских костюмах, представился по всей форме, но получил весьма невежливый отказ. Сдержался, хотя и пообещал разобраться с обидчиками сына «повыше». И тогда гаишник-капитан Арутюнов и два его помощника, лейтенант и сержант, начали избивать Белякова. Кучков и Мухин, конечно же, вмешались, драка получилась нешуточная, выбежали женщины, а потом раздались выстрелы. В результате — четверо убитых, двое раненых. Стрелял один человек, а именно капитан Арутюнов, мастер спорта по стрельбе из спортивного пистолета, бывший чемпион Москвы. Вина его следователями «чистилища» была доказана полностью, в то время как следствие, проведенное местным отделением милиции, посчитало действия Арутюнова правомерными.

Следующим делом «чистилища» было расследование действий старшего лейтенанта юстиции, следователя Тамбовского РОВД Бориса Екимова.

Вечером в субботу, двенадцатого мая, в центре Тамбова к трем девушкам подкатили желтые «Жигули». Два изрядно

подвыпивших мужика втащили подруг в машину и увезли за город, на «хату». Двум заложницам чудом удалось бежать, что касается третьей... На следствии пятнадцатилетняя девочка рассказала о пытках, которым она подвергалась, но красноречивее звучит заключение судмедэкспертизы: «При осмотре потерпевшей установлены следующие повреждения: закрытая черепно-мозговая травма, ушиб мягких тканей нижней губы, кровоподтеки нижних конечностей, ссадины рук и коленных суставов, кровоподтеки шеи, спины, колото-резаная рана в области правой молочной железы, ссадины слизистой влагалища и ануса, девственная плева нарушена...» Колотую рану нанес девушке, когда ей удалось вырваться, именно главный насильник Борис Екимов. Догнав несчастную, он пропорол ей грудь осколком стекла.

Но самое интересное началось потом. Казалось бы, улики неопровержимы, вина Екимова и его подельника Абалкина доказана, районный суд приговорил обоих по статье 117-3 (групповое изнасилование несовершеннолетней) к пяти годам лишения свободы (минимальный срок по этой статье), однако областной суд отменил решение районного и дал Екимову всего два года, а Григорий Абалкин и вовсе отделался условным наказанием. Свою потрясающую гуманность судьи объяснили симпатией, которую вызвали у них личности подсудимых. Екимов оказался ударником милицейского труда, а Абалкин — единственным сыном главы администрации области.

И четвертым делом, внесенным Рыковым в список особо важных, оказалось расследование деятельности подпольной мастерской по изготовлению, подгонке и «отмывке» оружия. На счету этой мастерской набралось не менее сотни стволов: пистолетов, винтовок, автоматов, — использованных киллерами для охоты на коммерсантов и строптивцев, отказавшихся сотрудничать с той или иной мафиозной структурой.

— Все это хорошо... — пробормотал Боханов, которого не очень-то впечатляли приведенные сведения ни масштабом, ни размахом, ни логическим обоснованием. — То есть я хотел сказать, случаи эти, в общем-то, рядовые...

— А я бы добавил в этот список еще и бандлик по делу Макаревича, — сказал Музыка, меняя платок. — Вообще дела по деткам высокопоставленных начальников следовало бы выделить в отдельную группу бандликов.

— Мне кажется, бандлик Макаревича — слишком мелкая акция, чтобы присоединять ее к важнякам, — осторожно возразил Завьялов.

Речь шла об уголовном процессе, недавно законченном в столице муниципальным судом Щукина. История началась еще в прошлом году с того, что компания великовозрастных школьников (шестнадцать-семнадцать лет, десятые-одиннадцатые классы), не принятых в местный детский спортклуб, принялась регулярно бить стекла помещений клуба, забрасывать приходящих туда камнями и грязью, ломать и воровать инвентарь. Руководитель клуба Макаревич, не выдержав систематических издевательств, поймал двух подростков и надавал им оплеух. К его несчастью, один из хулиганов оказался внуком заместителя начальника УВД Щукина полковника Романовского. На Макаревича мгновенно завели уголовное дело и передали в муниципальную прокуратуру, где работал брат Романовского. Там оно немного застопорилось, потому что старший помощник прокурора не усмотрел в рукоприкладстве хулиганства, ибо для оплеух имелись серьезные причины. Но прокурор отобрал у него дело, и суд вместо статьи 109 УК — нанесение неопасного для жизни телесного повреждения — припаял Евгению Макаревичу статью 206, часть 2: злостное хулиганство, отличающееся исключительным цинизмом и особой дерзостью. В результате директор спортклуба загремел в колонию усиленного режима на три года, а суд дважды не отрегировал на кассационные жалобы подсудимого, жаждущего справедливости.

— Конечно, мы должны ответить этой судебной банде, — почесал затылок Боханов, — но не в первую же очередь. Есть дела и поважнее.

— Вы абсолютно правы, Владимир Эдуардович, — раздался вдруг негромкий насмешливый голос, и из угла комнаты шагнул к столу неизвестно как там оказавшийся человек. Тарас Витальевич Горшин собственной персоной.

— Граф! — пробормотал ошеломленный Музыка.

Завьялов тоже вздрогнул, внутренне сжимаясь. Горшин, с виду самый обыкновенный молодой человек, то ли студент, то ли учитель одной из провинциальных школ, всегда проникал на квартиру координатора или в его рабочий кабинет без труда, минуя все запоры и сигнализацию, совершенно незаметно, как бесплотный дух. Впрочем, этот человек мно-

го чего умел, что было неподвластно нормальному гражданину, и не впасть в мистику, узнав его возможности, было трудно. Завьялов, как и его коллеги, не считая Рыкова, относились к Горшину с уважением и изрядной долей если не страха, то опасения. Все уже признали его силу, проверили в деле и спорить с ним не пытались, он практически всегда был прав.

Лишь Герман Довлатович Рыков, не только комиссар «Стопкрима» и начальник информбюро ФСБ, но и кардинал Союза Девяти Неизвестных, не удивился бесшумному проникновению Графа в запертое помещение, он з н а л, кто такой Горшин и что его подвигло к созданию «чистилища».

— Есть дела гораздо более важные, — продолжал Тарас Витальевич, — чем предлагаемые уважаемым Германом Довлатовичем к исполнению. Например, действия Чеченской армии свободы на территории России вообще и Москвы в частности. Или кража психотронного оружия из секретных военных лабораторий. Не может не тревожить нас, конечно, и растущая мощь «Купола», постепенно идущего к созданию СС, то есть Сверхсистемы, объединяющей государственные и мафиозные структуры. Вот почему важнейшими проблемами, на мой взгляд, которыми надо заниматься в первую очередь, являются три. Первая: ликвидация руководства ЧАС; вторая: поиск похищенного оружия и наказание похитителей; и третья: развал «Купола», начать который можно с уничтожения его главарей. Не так ли, Герман Довлатович?

Все посмотрели на забившегося по обыкновению в угол кресла Рыкова. Тот бледно улыбнулся, отлично понимая подтекст вопроса, но отрицать правоту Горшина не стал, тем более что и ему, как одному из кардиналов Союза Девяти, было выгодно устранение нынешнего босса «Купола», что способствовало выдвижению на это место еще одной теневой фигуры — Хейно Яновича Носового и сокращению влияния Монарха Тьмы на земную реальность.

— У нас не хватит сил, чтобы заниматься всеми перечисленными проблемами, — сказал Рыков. — Но для того, чтобы нас поддерживало население, необходимо все время возбуждать общественный резонанс, что как раз и делают предложенные мной бандлики. В конце концов, можно пойти на компромисс, заняться, скажем, поиском оружия и одновременно организовывать акции из моего списка.

Горшин сверкнул глазами, отвернулся и сел в пустующее кресло возле камина. Завьялов смотрел на него вопрошающе, потом опомнился и оглядел сосредоточенные лица остальных комиссаров.

— Что ж, господа, принимаем предложение за основу?

* * *

Босс «Купола» имел около двух десятков квартир, расположенных в разных районах города, не считая таковых по области, а также четыре дачи, три из которых были оформлены на подставных лиц. Обычно он собирал совещания в катране, которым был широко известный элитарный клуб «У Шварценеггера» — конспиративная нейтральная территория, где по неписаному закону все встречающиеся не ведут друг против друга никаких войн и хитрых игр — кроме карточных, — но на сей раз Генрих Герхардович пригласил своих директоров к себе на дачу в Подмосковье, расположенную в сорока километрах от столицы по Минскому шоссе.

Руководителей «Купола» было пятеро: один президент и четверо директоров. Лишь президент — Ельшин Генрих Герхардович, молодой, стройный, красивый, с гривой седых волос, сменивший на этом посту прежнего «крестного отца», — не имел клички, все звали его Георгием Георгиевичем (в тесном кругу — Жор Жорычем), остальные носили имена по принадлежности к кабинетам, которыми руководили в официальной жизни: Летчик, Банкир, Мэр, Шериф.

Летчик, бывший заместитель главкома ВВС, работал в Генштабе Министерства обороны, был там вторым лицом и самым молодым генералом, получившим звание еще в возрасте двадцати девяти лет благодаря умению делать карьеру за счет сослуживцев. В «Куполе» он курировал работу военно-промышленного комплекса, а клан, которым он руководил, контролировал до пятидесяти процентов акций ВПК.

Банкир отвечал за финансово-кредитную политику Центробанка, а также — чего никто из его коллег и членов правительства не знал — был главным хавмачманитором мафии, то есть объединял и координировал сеть ее банков.

Мэр, естественно, работал в мэрии столицы и одновременно был главным координатором «Купола» по связям с другими подобными организациями во всех регионах Рос-

сии, странах СНГ и во всем мире. Его клан контролировал всю торговлю в Москве и ряде крупных городов страны, кроме разве что торговли наркотиками, которую контролировала юго-западная группировка — чеченско-таджикско-узбекская мафия.

Шериф, будучи «шпилевым генералом», то есть куратором работы силовых министерств и ведомств, добрался до Генеральной прокуратуры, а посему имел особый статус дженерози — генерала внутренней безопасности, то есть второго лица в «Куполе», хотя с недавних пор явно метил в первые. К тому же он опирался на такую мощную фигуру в официальных кругах, как начальник информационной службы президента Хейно Яанович Носовой, также метивший в директора.

Все они были разными по возрасту, опыту, характеру, физическим силам и складу ума, но сходились в одном — в жажде власти.

— Пора, господа, заняться чисткой конюшен, — весело начал Георгий Георгиевич, одетый по-домашнему — в спортивный костюм; остальные никогда себе этого не позволяли, одеваясь в темные костюмы с галстуками, привыкшие к этой форме одежды и даже дома редко ее снимавшие. — Нам начинает активно мешать «чистилище», вознамерившееся пошерстить наши ряды, а также подняли головы некоторые депутаты Думы, ошибочно полагающие, что они бессмертны и неуязвимы. Кроме того, начинают раздражать и досаждать чеченцы со своими «акциями во имя Аллаха», в результате чего активизируются правоохранительные органы, а нам приходится лавировать и притормаживать свою деятельность. Надо охладить кое-какие горячие чеченские головы, а если получится — взять их сектор под свой контроль.

— Вряд ли получится, — проворчал Шериф, уже не раз сталкивающийся с хорошо организованной разведкой и системой безопасности чеченской группировки.

— Кое-что изменилось в лучшую сторону, — сверкнул зубами Георгий Георгиевич. — Контора, я имею в виду ФСБ, решила послать в Чечню группу перехвата для ликвидации боевиков, сделавших рейд по России и уничтоживших трех офицеров спецназа и известного писателя Кожемякина. Мы можем под этот шумок приговорить кое-кого из конкурентов как в «чистилище», так и в наркобизнесе.

— Кого именно? — полюбопытствовал Шериф.

— Все удачи «Стопкрима» — результат деятельности его секьюрити во главе с неким Тарасом Горшиным по кличке Граф. Его надо убрать в первую очередь. Ну а имена главных наших конкурентов из южной группировки вы и без меня знаете.

— И как же мы их достанем? — с иронией осведомился Мэр.

— Очень просто, — снова показал великолепные зубы президент «Купола». — Натравим на них «чистилище».

— Это несерьезно, — проворчал Банкир.

— Очень даже серьезно. Вот мой план. — И Георгий Георгиевич, он же Генрих Герхардович Ельшин, генерал ФСБ, развернул перед директорами план воздействия на мешающие структуры, подсказанный ему консультантом, о существовании которого знали лишь немногие люди на Земле.

* * *

Они редко собирались вместе, имея возможность установить друг с другом связь из любой точки земного шара, где бы кто из них ни находился. Однако все же случались ситуации, требующие общего обсуждения и принятия решения, и тогда координатор Союза Девяти Неизвестных собирал их в своей резиденции, в храме Гаутамы на Алтае, где он жил уже три сотни лет.

Люди, входящие в состав Союзов Неизвестных, при всех режимах и правительствах ухитрялись сохранять кресла советников президентов, помощников премьер-министров, приближенных царей и королей, экспертов людей власти разного калибра.

Эти люди являли собой реальные правительства стран, о существовании которых не догадывались даже такие специальные структуры, как федеральные агентства безопасности, внешняя разведка и контрразведка, имеющие высокопрофессиональные бюро анализа и сбора информации, если только в них не работали сами Неизвестные, что случалось частенько. Если же кто и начинал догадываться о теневой деятельности известных политических фигур, об ином порядке вещей, то в скором времени исчезал с властного горизонта,

уходил в отставку, переводился на другую работу, а то и вообще «случайно» погибал в авто- или авиакатастрофе.

Кардиналы Союзов Неизвестных влияли на любые серьезные события в мире, хотя непосредственно в них и не участвовали. Они предпочитали управлять королями, царями и президентами, а не быть ими. Эти люди корректировали ход истории так, как считали нужным, и власть их была велика, хотя и ограничена в первую очередь — законами «запрещенной реальности», во вторую — иерархами, выходцами из этой самой реальности. И все же кардиналы Союзов Неизвестных, Посвященные в тайны Внутреннего Круга человечества, так давно влияли на жизнь Земли, что стали считать себя едва ли не богами. Психика их изменилась (не без влияния просачиваний в наш мир «проекций» Монарха Тьмы, «отца» человечества, задумавшего новое Изменение), и вместо сохранения информации и контроля над опасными знаниями они стали контролировать б ы т и е, социум, подгоняя его под свои вкусы и пристрастия. В результате войны на планете стали происходить все чаще, масштаб их вырос, а жестокость отдельных сражающихся сторон перешла все допустимые границы. Ибо все чаще начали сталкиваться и н т е р е сы Союзов, вдруг почувствовавших тягу к а б с о л ю т н о й власти.

Не стал исключением среди них и Союз Девяти Неизвестных, допустивший распад империи СССР (тогда он был Союзом Семнадцати Неизвестных), а ныне правивший Россией. Входили в него уже упомянутый нами Рыков, координатор Союза Бабуу-Сэнгэ — настоятель храма Гаутамы, Головань — заместитель директора Международного института стратегических исследований, Мурашов — секретарь Совета безопасности, главный военный эксперт при правительстве, Юрьев — советник президента по национальной безопасности, Блохинцев — член-корреспондент Академии наук (проживал в Новосибирске), Носовой — начальник информслужбы президента, Грушин — директор Национального банка и отец Мефодий — помощник премьера по связям с религиозными конфессиями и Православной Церковью (жил в Ярославле).

Все они собрались в этот ясный майский вечер сначала во внутреннем дворе храма Гаутамы, олицетворявшем его третий уровень, недоступный даже монахам, а потом в келье на-

стоятеля, оборудованной по последнему слову охранно-сигнализирующей техники.

Бабуу-Сэнгэ, удивительно похожий на будду, чьи скульптуры украшали все покои храма и сторожили четыре угла кельи, меднолицый, желтоглазый, бесстрастный, поднял руку с медальоном, на котором были выгравированы Конгокай и Тайдзокай-мандалы, сказал негромко, сразу переходя на метаязык:

— Начнем, братья. Собрал я вас по нескольким причинам, достаточно тревожным в отдельности. Начну с более мелких. Мне стало известно, что некие силы, заинтересованные в дестабилизации социума, похитили из военной лаборатории образцы психотронного оружия под названиями «удав» и «пламя». Не стоило бы заострять на этом внимание, если бы не одно обстоятельство: в этом деле замешан кто-то из иерархов. Через посредника, естественно, коим является генерал Федеральной службы безопасности Ельшин. Вам что-нибудь известно об этом, Герман Довлатович? — Взгляд Бабуу-Сэнгэ нашел Рыкова.

— Известно, координатор, — склонил голову Рыков. — Я занимаюсь этим делом и готов предотвратить готовящуюся сделку. Являясь боссом «Купола», который давно следовало бы взять под свой полный контроль, Ельшин намерен продать зарубежным покупателям не только партию похищенного оружия, но и технологию его изготовления, что, по вполне понятным причинам, недопустимо.

— Хорошо, что вы это понимаете. Главная опасность при этом — возможность прямого зомбирования людей, особенно если «глушаки» и «болевики» попадут к вождям варварских режимов типа Чечни, Афганистана и некоторых африканских стран. Вторая причина созыва — поиск Знаний Бездн непосвященным по имени Матвей Соболев. Неизвестно каким образом он овладел трансовым перемещением сознания по мировой линии предков в прошлое и «колеблет» мироздание, и так не вполне устойчивое. Кто займется перевоспитанием непосвященного?

— Если позволите — я, координатор, — учтиво проговорил Рыков.

— У вас достаточно своих проблем, Герман Довлатович. Может быть, это сделаете вы, Юрий Венедиктович?

Советник президента коротко поклонился, бросив на Ры-

кова ничего не выражающий взгляд. Но Герман Довлатович понял настоятеля. Именно Юрьева готовил Бабуу-Сэнгэ себе в преемники, а этого допустить Рыков не мог.

— И третье, особенно тревожное. Братья, как авеша адепта, я посвящен в кое-какие дела «розы реальностей» и получил оттуда странный слух.

— С л у х?! — недоуменно проговорил кто-то в тишине кельи.

— Иначе назвать эту информацию нельзя, потому что ее невозможно проверить. Т а м, н а в е р х у, растет недовольство деятельностью инфарха, якобы покровительствующего простому смертному из нашей реальности...

— Это мы знаем, — раздался тот же голос, принадлежащий самому нетерпеливому из кардиналов — Блохинцеву. — Это не слух, я имею в виду недовольство.

— Вы не дослушали, — мягко пожурил его настоятель. — Слух же заключается в том, что якобы произошло и з м е н е н и е.

В келье наступила полная тишина. Затем раздался шорох одежды присутствующих и снова — тишина.

— У них? — задал вопрос Головань. — Где произошло и з м е н е н и е?

— У нас!

Слово прозвучало как пощечина, и после него тишина длилась дольше.

— Чушь! — сердито сказал Блохинцев. — Мы бы почувствовали.

— И все же прошу вас проанализировать сказанное, — бесстрастно сказал Бабуу-Сэнгэ. — Что-то действительно произошло, какое-то значительное событие, не замеченное нашим сознанием, и есть основание полагать, что с л у х этот — данность! Ведь исчез же из часовни на территории Троице-Сергиевой лавры эйнсоф...

Взгляды восьми кардиналов красноречиво говорили об их изумлении и недоверии, и координатор Союза добавил задумчиво:

— Такое впечатление, что в нашей реальности появилась сила, с которой придется считаться...

После совещания Рыков отозвал во дворе храма в сторонку Юрьева и сказал без обиняков:

— Юрий Венедиктович, отдай мне Соболева. Я давно за

ним наблюдаю, это ганфайтер из военной контрразведки, и он мне был нужен для замены одного комиссара в «чистилище». Я поработаю с ним и, если не склоню к сотрудничеству, верну обратно.

— Бабуу не одобрит эту передачу, — хмыкнул советник президента, плотно сбитый, с породистым крупным лицом, с длинными волосами. — А кого ты хочешь убрать, уж не Графа ли?

Рыков растянул в улыбке бледные губы, не удивляясь осведомленности Юрьева. Каждый из них имел свою систему разведки и сбора данных, и каждый защищал свои интересы, что не мешало кардиналам, в официальной жизни страны стоящим по разные стороны баррикад, делать общее дело.

— Ну так как?

— Действуй, — пожал плечами Юрьев. — Но в обмен сообщи, когда найдешь «глушаки», и отложи для меня парочку. Коль уж не повезло найти нечто подобное среди Великих Вещей Инсектов, пусть хоть эти штучки будут в нашем арсенале.

Рыков кивнул, не рискуя ничем. Он не собирался выполнять обещание, данное о б р е ч е н н о м у человеку.

Глава 6

НОВЫЕ «СТАРЫЕ» ВСТРЕЧИ

Не секрет, что акулы никогда не болеют. Не секрет — почему не болеют: потому что владеют эндогенным дыханием. Акула использует в основном кислород, вырабатываемый клетками ее же собственного тела.

Матвей давно научился «акульему дыханию», еще в студенческие годы приобретя для этого тренажер Фролова, в нынешнее же время каждое утро по полчаса дышал «как акула», что вошло в норму и заряжало тело энергией чуть ли не на весь день.

В девять ему позвонил сам начальник «Смерша» и велел явиться к обеду на «объект номер два», что означало конспиративную квартиру, снимаемую Ивакиным. Но до того, как отправиться на встречу с начальством, Матвею пришлось разбираться с соседкой, сына которой избили местные дворовые хулиганы.

Парню досталось крепко: сломали челюсть, пробили голову, наставили кровоподтеков по всему телу. И все из-за того, что не дал закурить. Знал он и тех, кто его бил, поэтому в милицию заявлять не стал, боялся, что убьют или напугают мать.

Матвей узнал эту историю случайно, от соседа по лестничной площадке, пенсионера, зашедшего за спичками. Сначала пропустил информацию мимо ушей, а потом, встретив заплаканную, тихую, как мышка, седенькую, хотя и молодую еще женщину, пожалел вдруг, разговорился, едва не испугав соседку, привыкшую переносить горе и лишения самостоятельно, без мужа, и решил помочь. Побеседовал с сыном, которого звали Алексеем, выяснил обстоятельства драки и твердо пообещал, что никто никогда его больше и пальцем не тронет.

Зачинщиков драки он вычислил легко: компания с утра тусовалась возле пивного бара напротив дома, где жили Соболев и мать с ее незадачливым сыном. Матвей подошел и вежливо проговорил, обращаясь сразу ко всем:

— Привет, фраера. Запомните твердо и на всю жизнь: пить — вредно! Буянить — некрасиво! Задирать прохожих, а тем более избивать их — особо опасно для жизни! Как поняли?

Обалдевшие «фраера» с пивными кружками в руках вытаращились на незнакомца, чьи глаза светились ледяной синью, как небо над Северным полюсом. Наконец главарь шайки, широкий, как комод, чуть пониже Соболева, но шире в талии, с мощным животом и руками-лопатами, прохрипел:

— Бля, кажись, крыша поехала у мудака! Чума, выясни, чо ему надо, да врежь по еб...у!

Мосластый Чума с гривой нечесаных волос шагнул к Матвею и остановился, споткнувшись, поймав его отрешенно-независимый, отталкивающий взгляд.

— Эй, тебе чего надо, сопля х...ва?

«Там, где начинается свобода слова, свобода мысли заканчивается», — вспомнил Матвей изречение Максимилиана Волошина.

— Я знаю, что это вы вчера избили парня из двенадцатой квартиры, Алексея. Знаю также, что брат этого косопузого мордоворота, твоего атамана, работает в милиции, оттого он

и не боится ничего. А хочу я одного — чтобы вы уяснили закон: все, что вы сделаете, вернется вам вдвойне.

Чума нерешительно обернулся к битюгу-атаману, и тот наконец понял, что ему угрожают. Сделал вразвалочку два шага к Соболеву, замахнулся кружкой, облив своих приятелей, и Матвей дружески помог ему мягко сесть на бордюр тротуара с выражением тупого изумления на лице.

Прохожие, опасливо обходившие пивохлебов, не заметили ни удара, ни вообще какого-либо движения Матвея, как, впрочем, и вся компания. Однако соображали любители повеселиться быстро, тем более что Матвей одновременно с усыпляющим касанием передал атаману и всей его пятерке кодирующий раппорт, воспринятый ими на подсознательном уровне, не затуманенном алкоголем в отличие от сознания. С этого момента их должна была коробить, угнетать одна только мысль о нанесении вреда мирным гражданам.

Убедившись, что мыслепередача принята компанией вполне лапидарно, Матвей перестал ею интересоваться и исчез — для всех медленно приходящих в себя «адептов пива и зрелищ». Для них он как бы перестал существовать.

В двенадцать часов дня Соболев был на квартире у Ивакина, где его ждали руководители военной контрразведки, полковник и генерал. Оба не услышали, как он вошел, и теперь с одинаковым выражением недоверия на лицах взирали на возникшего в комнате ганфайтера. Первым опомнился Дикой:

— Это и есть ваш агент класса «абсолют», Борис Иванович? Впечатляет, надо признаться. Или вы отключили сигнализацию?

— Ничего я не отключал, — встал из-за стола Ивакин. — Просто он обучен таким трюкам — проникать в любое помещение с любой системой охраны.

Генерал хмыкнул, тоже встал, разглядывая худощавое, спокойное, исключительно уравновешенное лицо Соболева. Шагнул к нему с протянутой для пожатия рукой и вдруг без подготовки нанес серию резких, быстрых ударов в стиле пангай-нун: кулак левой руки — локоть — обратное движение — хлесткий удар тыльной стороной ладони — ребро правой руки — локоть. Такая серия обычно приводит противника в растерянность, и добить его можно любым силовым тычком в одну из уязвимых точек тела. Однако н и о д и н

удар Валентина Анатольевича не прошел, даже не коснулся контрразведчика, хотя он, как казалось со стороны, не двинулся с места.

— Эффектно, — снова проговорил Дикой, с улыбкой поднимая руки вверх. — Все, проверка окончена. Прошу извинить, капитан. Но когда мне говорят: агент класса «супер» или «абсолют», — я начинаю сомневаться даже в себе. Теперь вижу, что Борис Иванович прав. Но все же позволю вопрос: откуда у вас иформация по «Щиту» и Ельшину?

— Если я скажу правду, — выдержал взгляд генерала Матвей, — вы не поверите. Проанализируйте данные и придете к выводу полной логичности предпосылок.

— Уже проанализировал, — вздохнул Дикой, жестом предлагая Матвею занять место за столом. — Но вы же понимаете, что, если мы пойдем дальше, нас просто сомнут. Первухин тоже замазан в этом дерьме?

— Начальник УСО — профессионал и делает то, что ему приказывают. Но с Ельшиным в паре он работает только по операции «Перехват».

— Гора с плеч! А Панов... э-э... знает о втором дне Генриха Герхардовича? О «Куполе»?

— Не знает. Он просто пытается быть *над* проблемой, однако приказы премьера сводят на нет все его благие намерения. В наше время почти каждый политик, депутат Госдумы, представляет собой систему, имеющую собственную базу, финансовую поддержку, «крышу», связи с мафией, что уж тогда говорить о таких мощных фигурах, как премьер-министр, президент, министры обороны, МВД, финансов. И тем не менее в стране образовались коалиции, конкурирующие сверхсистемы, претендующие на абсолютную власть.

— Ну-ну, — благожелательно кивнул Дикой, видя, что Матвей замолчал, в то время как тот думал, посвящать ли генерала в разборки, из которых он наверняка не выйдет живым. Однако, помня прошлые события, Матвей не мог не предупредить начальника ВКР об опасности, хотя и не верил в его возможности изменить ни события в стране, ни свою собственную судьбу.

— Недавно я сделал один статистический анализ, — сказал Матвей, — для своих нужд. Статистика становится опасной наукой, ибо действительно *знает все*.

Ивакин и Дикой переглянулись, не понимая, к чему клонит контрразведчик.

— И вот мои наблюдения, — продолжал Матвей, не обращая внимания на взгляды. — Ситуация у нас в стране и за рубежом складывается весьма неблагоприятная, начались явные дисбалансирующие социум процессы. Все больше производится оружия, причем появляются новые виды, более страшные, воздействующие на психику и подсознание человека, — «глушаки», «болевики», гипногенераторы «оборотень» в США. Сдерживающие рычаги этого процесса явно ослабли. Далее. Совершается все больше преступлений с особой жестокостью, и особенно — террористических актов. В мире все больше умирает людей, рост смертности особенно заметен у нас в России и в Китае, там цифры более впечатляющи из-за огромности населения. Все больше регистрируется голодных, умирающих от эпидемий, да и количество болезней увеличивается, особенно в области психопатологии. Стремительно растет число наркоманов, идет разработка новых видов наркотиков, в том числе и в системе видеопроката — так называемые «эйдетические клипы виртуальной реальности». Вы должны знать о работе военных лабораторий в этом направлении. Как и о положительных результатах исследований по зомбированию людей.

Полковник и генерал снова переглянулись.

— А самое плохое, — закончил ровным голосом Матвей, — что, судя по результатам опросов МИСИ[1], в мире все больше появляется людей равнодушных, готовых на все или отрицающих всякую добродетель, всякую мораль. Это лучший материал для зомбирования в массовом порядке, что можно использовать для достижения любого уровня власти.

— К чему вы клоните, капитан? — тихо спросил Дикой.

— Делайте выводы, — сочувственно глянул на него Матвей. — Я свои сделал. Чеченская армия свободы, с которой мы столкнулись, всего лишь результат прежних экспериментов по зомбированию людей, начатых еще во времена КГБ с «Белым братством», другими религиозными и общественными движениями. Наши вожди надеялись, что секретность разработок позволяет им действовать безнаказанно и только

[1]М И С И — Международный институт стратегических исследований.

для своей пользы, но это заблуждение. Технологиями психотронного воздействия на людей не может завладеть рядовой человек, но специально подготовленный и знающий — может. Что и происходит.

Матвей замолчал, и некоторое время в комнате стояла тишина. Ивакин помял подбородок, покосился на задумавшегося Валентина Анатольевича. Тот тряхнул головой.

— И все же я пока не улавливаю...

— Хочу вас предупредить еще и вот о чем, — добавил Матвей. — Генерал Ельшин и сам игрок неслабый, но он опирается на гораздо более мощную фигуру, которую я назвал бы Монархом Тьмы.

— Кто же это? — поднял брови Дикой. — Министр обороны? Премьер? Сам президент?

— Нет, — качнул головой Матвей. — Эти фигуры организуют наш, земной, властный уровень, но существуют и другие уровни, возможности которых намного выше.

— Неземные, что ли? — с иронией пробурчал Ивакин, не ожидавший от подчиненного подобных философских речей и не знавший, как отнесется к ним генерал.

— Неземной, — серьезно посмотрел на него Матвей. — Я мог бы кое-что рассказать вам о том, с чем и с кем вы столкнетесь, но вы не подготовлены и не поверите, а мистиком и фантазером в ваших глазах я выглядеть не хочу.

— А вы попробуйте, капитан.

— Нет, — твердо сказал Матвей. — Не сегодня, во всяком случае. Я могу быть свободен?

Дикой кивнул, потом спохватился, когда Матвей вышел в прихожую, догнал его у двери.

— Вы заинтриговали меня, капитан... э-э... Соболев. Напустили мистического тумана, сделали совершенно двусмысленные намеки... Откуда у вас эти знания? В какие тайны вы посвящены и кем?

— Когда-нибудь узнаете, генерал, — улыбнулся Матвей и процитировал:

Как будто сам Бог у меня за спиною
(Треножник из бронзы украсила вязь),
Он водит моею дрожащей рукою,
Небес и земли повелитель и князь.

— Чье это? — сощурился Валентин Анатольевич.

— Мишель Нострадамус, Центурия I.

— Постойте еще секунду, капитан. Если мы... если я пой-

ду дальше и возникнет необходимость перехвата высокопоставленных лиц...

— Я военный человек, — вспомнил Матвей слова Васи Балуева, — я выполню приказ.

Оставив переполненных эмоциями начальников обсуждать услышанное, он поехал к Илье Шимуку по кличке Муромец. Приближался момент, когда к нему должны были заявиться рэкетиры Дадоева с требованием платы за «крышу». Илью надо было предупредить и уберечь. На т о м этапе жизни, который прошел Соболев, Муромца убили. В э т о й жизни Матвей поклялся его спасти.

Однако автомастерская Ильи оказалась закрытой. Предчувствуя недоброе, Матвей расспросил двух водителей, имевших поблизости гаражи, и выяснил, что на владельца мастерской «наехала» местная «братва», в результате чего Илья оказался в больнице с простреленным плечом.

Задавив порыв сразу броситься в больницу к Муромцу, Матвей присел на ящик возле ворот гаража и задумался. Он отлично помнил все даты в прошлой жизни, когда происходили те или иные события. Дадоевцы не должны были появиться у Ильи так рано, а если это произошло, значит, сценарий нынешней событийной ветви развивается почему-то иными темпами, значит, процесс ускоряется и действовать надо быстрее, как и предупреждала Светлена в недавнем сне. Значит, его возврат в прошлое с помощью эйнсофа имеет и другую цену: начался процесс еще большего ослабления Закона возмездия, частного случая Закона обратной связи.

Анализ социума...

«Проанализируйте, — сказала Светлена, — и вы поймете...»

Нужны подтверждения независимых экспертов. Он сам слишком сильно влияет на события, заставляя их происходить быстрее и другим путем. Вселенная помнит свое будущее и как бы сопротивляется попыткам изменить его, кто бы этим ни занимался. Стоит ему задеть какой-то объект своим вниманием, и тот начинает эволюционировать в ускоренном темпе, как бы стремясь избавиться от опеки, повторить путь, уже пройденный им однажды, восстановить свою карму...

Или это не так, все проще? Скажем, время в «розе реальностей» течет по-другому, и живущие там почти независимы от тех, кто «шевелится» в «запрещенной реальности», даже если они изменяют течение бытия? Тогда иерархи могут знать,

что произошло, и продолжают влиять на события земной жизни...

Матвей обошел гараж Ильи, всматриваясь в землю, кусты и траву, подобрал маленький черный с золотом значок — свастику с глазком по центру, спрятал в карман. Несомненно, значок потеряли впопыхах боевики Дадоева. Но два года назад — Матвей помнил это совершенно отчетливо — бандиты Дадоева н е н о с и л и значки в виде свастики. Им хватало татуировки на руках.

Через полчаса Матвей навестил Илью, завез ему гору фруктов, кефир, молоко, кучу разнообразных йогуртов, зная его пристрастие, поговорил с другом, успокаивая и подбадривая, и уехал, немного успокоенный. По словам Муромца, все происходило так же, как и в первый раз, за исключением одной существенной детали: рэкетиры пришли не предупреждать о своих намерениях брать дань с владельца мастерской, а совсем по другой причине. С неделю назад в «семерку» Ильи на полном ходу врезался, будучи в сильном подпитии, лично Дадоев на своем «Фольксвагене». Угробил машины, конечно, начисто, и свою, и чужую. А когда Илья приехал в ГАИ как потерпевший, чтобы составить протокол и получить компенсацию от обидчика, там ему популярно объяснили, что искать правду не стоит, а если он полезет на уважаемого гражданина, то окажется виновником столкновения со всеми вытекающими последствиями.

Илья, естественно, не внял наглому предупреждению, сам нашел обидчика, вежливо предложил разойтись по-доброму, то есть заплатить за причиненный ущерб. Дадоев так же вежливо пообещал, а потом к Илье и заявились его крутые мальчики-лакеи...

— Очень нехорошо все это пахнет, — сказал сам себе Матвей, вслух говоря Илье ободряющие слова.

И все же, пока Илья находился в больнице, у Соболева был некоторый запас времени на изменение предложенного ему сценария событий. Следовало срочно собирать команду Посвященных, еще не знавших, что ждет их впереди.

* * *

После обеда Матвей поехал к Казанскому вокзалу, на Ольховскую, 5 а, квартира 42, где проживала бабушка Мария Денисовна с внуком Стасом.

За два истекших года прежней жизни парень стал Соболеву почти сыном, и встречи этой он сам ждал с нетерпением и волнением, не зная, как воспримет мальчишка появление чужого дяди. Хотя легенду Матвей приготовил заранее: мол, знаком с отцом (кстати, отсиживающим срок в колонии за воровство).

Дверь открыла старушка, ничуть не изменившаяся с того момента, когда Матвей познакомился с ней впервые. Впрочем, она и не могла измениться, до этого момента Соболев для нее не существовал, и никаких крутых поворотов судьбы она не ждала. Чем-то она напоминала бабушку Кристины, такую же сухонькую, светленькую, с добрым морщинистым лицом и прозрачными мудрыми глазами.

— Вам кого, мил-человек?

— Вас, Мария Денисовна, — стесненно проговорил Матвей. — Я знаком с отцом Стаса и приехал вас навестить. Передачу вот принес. — Он вытянул вперед руку с пластиковой сумкой, набитой продуктами. — А Стас дома?

— Уроки делает. Да вы заходите, — засуетилась старушка, впуская гостя. — Снимайте обувку, вот тапки, и проходите. — Спохватилась: — Ой, зовут-то вас как?

— Матвей Соболев... э-э... Матвей Никифорович.

Матвей прошел в чистую и светлую гостиную со старинной мебелью, стареньким телевизором «Горизонт» в углу на табурете. Стас сидел за столом у окна с карандашом в руке и исподлобья смотрел на вошедшего. Несколько долгих мгновений они смотрели друг на друга. У Матвея вдруг перехватило дыхание, сердце дало сбой, повлажнели глаза. Видимо, мальчик уловил его состояние, хотя и не понял, чем оно вызвано. Глаза его стали большими, вопрошающе-ждущими и одновременно испуганными. Матвею захотелось броситься к нему, прижать вихрастую голову к груди и заплакать. Проглотив ком в горле, он шагнул вперед, к столу, вбирая глазами лицо парня, чей образ снился ему чуть ли не каждую ночь после возвращения из той жизни.

— Стас... — Голос дрогнул, и Матвей повторил чуть тише и с улыбкой: — Стас, если бы ты знал, как я ждал этой встречи...

Мальчишка сполз со стула и стоял теперь, опираясь на здоровую ногу, недоверчиво глядя на незнакомого дядю, яв-

но взволнованного встречей. И тогда Матвей добавил, продолжая улыбаться через силу:

— А ногу твою мы вылечим. Скоро. Веришь? Я знаю одного хирурга, замечательный мужик! Будешь бегать и прыгать.

— Правда?! — Глаза мальчишки распахнулись еще больше, и плавилась в них такая боль и надежда, что сердце Матвея снова дало сбой.

Он опустился перед ним на колени, поражаясь самому себе — такого с ним никогда не было! — и обнял вдруг подавшееся к нему худенькое тело. Мария Денисовна появилась на пороге, блестя сухими глазами, и смотрела на гостя странно, с пониманием и верой, будто знала что-то, чего знать не могла.

Потом они пили чай на кухне, болтали о том о сем. Стас, придя в себя, развеселившись, отчего его худое, остренькое, серьезное лицо совершенно преобразилось, рассказывал им разные школьные истории. Мария Денисовна поделилась с гостем своими житейскими проблемами, а Матвей слушал и ощущал себя как дома, почти как в прежние времена. Только грызла душу память о прошедшем да тревога за судьбу близких людей, которым соприкосновение с «волкодавом»-перехватчиком грозило непредсказуемыми последствиями.

Уходя, Матвей подарил Стасу складной нож, мечту каждого двенадцатилетнего мальчишки, чем окончательно завоевал его сердце, истосковавшееся по вниманию и мужской ласке.

В Рязань Матвей выехал в начале пятого дня, взяв с собой лишь комплект одежды для смены и переодевания. Проехал Бронницы, Никитское, а у Андреевки пришлось свернуть с трассы на объездную грунтовую дорогу из-за ремонта шоссе. И тут Матвею впервые пришлось столкнуться с так называемым «мостовым рэкетом».

Перед мостом через небольшую речку с двух сторон были установлены шлагбаумы, и рослые молодцы в темно-зеленом хэбэшном обмундировании пропускали машины через мост только после оплаты водителями строго отмеренной таксы: один человек в машине (невзирая на пол, возраст и профессию) — пять тысяч рублей.

Матвей сначала не понял, почему у моста выстроилась очередь автомашин, ситуацию прояснил водитель впереди стоящего грузового «ЗИЛа».

— Местный рэкет. Объявили мост частным владением и берут мзду с каждого проезжающего. А мосту сто лет в обед, еще коммунисты строили. Куда только милиция смотрит?

Матвей знал, куда смотрит милиция, получавшая от государства гроши и потому не только научившаяся брать недостающее у бандитов, но и отрабатывать свои тридцать сребреников.

— Представляешь, сколько здесь проезжает машин за день? — продолжал пожилой шофер, зло сплюнув в пыль.

Матвей представлял.

— И ремонт шоссе — тоже их придумка, наверно, — добавил шофер, чье темное худое лицо явно не говорило о семейном достатке. — А если приходится мотаться туда-сюда сорок раз на дню?

Матвей прикинул, во что мужику обходится езда по «частному» мосту, сел в кабину.

— Пропусти-ка меня вперед, может, и не придется платить.

Подъехав к пикету — трое здоровенных лбов, вооруженных дубинками, небрежно регулировали движение, то опуская, то поднимая полосатый шлагбаум, — Матвей вылез из машины и вместо того, чтобы отдать деньги в протянутую руку, легонько коснулся ладони подушечками пальцев. «Таможенник» с тяжелым, набрякшим лицом мгновенно окосел, и Матвей тихо спросил, глядя в его побелевшие глазки-буравчики:

— Кто здесь командует парадом?

— Секач, — просипел парень, кивая на мордоворота у шлагбаума, разговаривающего по мобильному телефону с видом босса всея округи.

Покрутив головой, — надо же, и сюда пришла цивилизация в виде сотовой связи! — Матвей подошел к здоровяку, коснулся его шеи пальцами и сказал, подхватывая под руку, чтобы тот не упал:

— Снимай свои наряды и кончай эту самодеятельность. С этого дня здесь устанавливается свободная неэкономическая зона. Понял?

Третий «таможенник», поигрывающий дубинкой, почувствовал что-то неладное, двинулся к Матвею, лапая рукой что-то под курткой слева, где у него, очевидно, был спрятан пистолет, и Соболеву пришлось напрячься, чтобы передать

ему раппорт на расстоянии, внушая мысль бросить эту работу к чертовой матери и наняться в село трактористом.

— Мне босс голову открутит, — вяло пробубнил могучий телом Секач. — Кто приказал снять рогатку? Менты?

— «Чистилище», — сказал Матвей, загоняя в сознание бугая страх расплаты. — Объясни боссу популярно, что его здоровье под ба-альшим сомнением. Командуй. — Соболев похлопал сомлевшего окончательно «командира поста» по плечу и сказал знакомому шоферу «ЗИЛа», глядевшему на него вытаращенными глазами: — Таможня дает «добро». Можешь теперь ездить свободно.

Вскоре мост с его «охранниками» остался позади, и Матвей забыл об инциденте, сосредоточившись на будущих встречах с Посвященными. Сначала он решил было навестить Ивана Терентьевича Парамонова, по расчету, недавно прибывшего в Рязань, но потом вспомнил прощальный взгляд Ульяны, когда они прорывались с боем к надкладезной часовне Троице-Сергиевой лавры, сердце защемило, и Матвей свернул при въезде в Рязань не направо, где жили родственники Парамонова, а налево, в новый микрорайон, где у тетки жила Ульяна Митина, студентка третьего курса медицинского института и она же — Посвященная I ступени Внутреннего Круга, еще не ведавшая, с кем ей придется познакомиться.

Глава 7

«ЛЕТУЧИЕ МЫШИ»

Их доставили в дагестанский городок Кизил-Юрт военным транспортником ночью, в обстановке полной секретности. Кого везет, не знал даже командир самолета, привыкший, впрочем, к подобного рода «черным полетам».

Здесь к ним присоединились двое: проводник-чеченец, отзывающийся только на слово «брат», и человек полковника Дерюгина, возглавлявшего местное отделение ФСБ. Человек был инструктором, хорошо знавшим условия работы и местные обычаи, и оказался женщиной. Семеро перехватчиков, подчинявшихся майору Ибрагимову, устроившихся в каком-то бараке на краю летного поля, молча смотрели на высокую брюнетку в камуфляж-комбинезоне, также молча разглядывающую их.

— Кажется, нам повезло, Кир, — ухмыльнулся его напарник по имени Тамерлан; с другой стороны, это могла быть и кличка, Василий этих своих спутников знал мало. — Будет с кем погреться ночью.

— Сопляк, — был негромкий ответ инструктора, — поживешь здесь с полгода, тогда и решим, стоит ли с тобой греться.

Смуглолицый, красивый, сильный Тамерлан растянул в улыбке губы, собираясь продолжать в том же духе, но встретил предупреждающий взгляд Ибрагимова и промолчал, хотя было видно, что он привык считать себя независимым и неуязвимым.

Эта пара — Кир и Тамерлан — нравилась Василию меньше всего, потому что они были из «Стикса», суперсекретного подразделения киллхантеров, «охотников за охотниками», которым командовал майор Ибрагимов. В принципе и сам майор был малосимпатичен Балуеву, и второй человек в отряде — майор Шмель по кличке Белый. Лишь приданные отряду генералом Первухиным парни из особой группы «летучих мышей», специалистов по ликвидации перебежчиков и первостепенной важности операциям за рубежом, не производили на Василия отталкивающего впечатления. Звали ребят, в меру накачанных, но жилистых, гибко-стремительных и бесшумных, Павел и Серый, то есть Сергей, но отзывались они и на клички — Шерхан и Маугли. Рыжеватый Шерхан-Паша действительно чем-то походил на сытого тигра, а Маугли-Серый — на вечно голодного, черноволосого, остролицего сына джунглей Маугли, каким его описал Киплинг.

Когда инструктор закончила свой долгий часовой рассказ, ответила на вопросы и вышла, Ибрагимов наставил на скучающего Тамерлана палец и с тихим нажимом сказал:

— Она не женщина, парень! Понял? Никаких телодвижений и даже намеков. Она действительно прожила в Чечне три года, будучи разведчиком, перенесла гибель семьи и на шутки реагирует по-своему. Один такой шутник отделался как-то сотрясением мозга, но запросто мог потерять яйца.

— Не пугай, майор, — скривил губы Тамерлан. — Уж с бабой-то я справлюсь, какой бы крутой она ни была. Опыт имеется.

— Она — «барс», — усмехнулся Шмель. — И владеет всеми видами оружия, а особенно — колющим и режущим. Так что не увлекайся, сержант.

— Завязали разговоры, — поднял руку вверх Ибрагимов. — Через час вылетаем к месту назначения. Проверить еще раз экипировку и отдыхать.

В свое время Василия всегда перед заданием (он служил тогда в разведроте внутренних войск) смешила фраза командира роты «проверить экипировку», хотя все были людьми взрослыми и должны были собираться в рейд серьезно и основательно. Но когда один из разведчиков забыл о взведенном пистолете и во время выполнения задания неожиданно выстрелил, в результате чего был убит часовым, Вася перестал относиться к приказу «проверить» свысока. В данный момент он безропотно принялся осматривать снаряжение, оружие, одежду, отметив боковым зрением, что красавчик Тамерлан делать этого не стал.

Каждый из них был одет в отечественную «кольчугу» — современный спецкостюм из особого материала — тальпона, не пробиваемого ножом, с меняющимся рисунком темных пятен на зеленовато-буром фоне. В костюм были вшиты бронепластины из кевлара, защищавшие грудь и спину. Кроме того, в комплект костюма входили боевой жилет и шлем из прочного пластика, с инфракрасными очками, в который были вмонтированы микрофон и наушник рации, обеспечивающей постоянную связь с командиром. Боевой жилет в среде военных профи боя носил название «лифчик» и был настолько удобен, что даже с довольно солидным грузом (до сорока пяти килограммов) не мешал солдату свободно двигаться, стрелять из всех видов оружия и драться врукопашную. В карманах жилета, на груди и на спине, размещались не только автоматные рожки с патронами, но и сигнальные ракеты, гранаты, комплект химзащиты, аптечка, НЗ, радиостанция «аварийной волны» — то есть маяк, химические грелки, толовая шашка, лопата, продукты питания, бритва, комплект выживания и личной гигиены, мазь от насекомых и мазь, сбивающая со следа собак.

Вася уже работал в подобных костюмах с жилетами, разработанными как российскими специалистами и носящими название «бармица-1» и «бармица-2», так и с иностранными «силзами», но в данный поход ничего иностранного брать было нельзя, в случае провала группы след должен был вести в Москву, в штаб «Стопкрима», поэтому снаряжение бойцов

команды было, за редким исключением, сплошь российским, вплоть до оружия.

Вооружены все были пистолетами-пулеметами бесшумного боя «клин» и «кедр» с магазинами на тридцать патронов, очень удобными в ношении, пистолетами «волк», обладающими точностью боя и огромной пробивной способностью (пули «волка» пробивают кирпичные стены и стволы вековых дубов), с магазинами на двадцать четыре патрона и глушителями, а также кинжалами и ножами знаменитой американской фирмы «Бакмастер». Кроме того, двое из группы, майор Ибрагимов и Тамерлан, имели снайперские винтовки «маузер СР-86» калибра 7,62 миллиметра с магазином на девять патронов, майор Шмель нес «винторез» — бесшумный снайперский комплекс и гранатомет «РГ-6» револьверного типа, а у спутника смуглолицего Тамерлана — Кира был еще и пистолет-арбалет «умарекс».

Однако ни один из них, кроме Балуева, не пользовался метательными стрелками и звездами, сякэнами и сюрикэнами, и специальными когтистыми перчатками нэкодэ. Кроме того, Василий взял с собой еще и комплект Н-1 («ниндзя»), в который входили черный спецкостюм, закрывающий все тело и голову, наборы гладких и колючих шариков, ножей, игл, бечева и светозвуковые гранаты размером с грецкий орех.

Правда, Вася не знал, что Ибрагимов вооружен еще и секретными «глушаком» и «болевиком», получив задание испытать их в боевых условиях.

Тщательно проверив оружие и крепление всех деталей «кольчуги», свободу движений и удобство одежды, Василий сел в уголке помещения между шкафом и стеллажом с какими-то пакетами, закрыл глаза и сосредоточился на медленном дыхании, заставляя мысли лениво течь от ассоциации к ассоциации, не анализируя своего отношения к происходящему.

Предупреждение своего нового знакомого Матвея Соболева он принял к сведению, но не придал ему особого значения. Не знал он и как относиться к рассказу ганфайтера из «Смерша», хотя и поверил ему почти во всем. Во всяком случае, пакет информации о приемах смертельного касания — космек и ТУК — туфтой не был, в этом Вася уже убедился. Но чтобы полностью овладеть этой техникой, нужно было время и особое отношение к жизни, основанное на филосо-

фии Дао или на эзотерических принципах Внутреннего Круга. Все это остро интересовало Балуева, и он дал себе слово после возвращения заняться эзотерикой всерьез.

Мысли свернули в другое русло. Задание...

Задание звучало просто: отыскать на территории Республики Ичкерия убийц и уничтожить, подбросив «неопровержимые» следы того, что здесь действовал российский отряд «чистилища». Но Вася знал, как трудно это будет сделать, даже зная координаты местонахождения каждого боевика и имея поддержку местного отделения ФСБ.

По сути, им предстояло провести три операции, так как семеро вычисленных военной контрразведкой и следователями УСО ФСБ террористов из Чеченской армии свободы проживали в разных местах: четверо на базе ЧАС под Гудермесом, двое в горах, в небольшом селении Кали-Юрт (афганский инструктор и наемник-советник из Эстонии), и один — сам командир отряда Амирбек Шароев — в собственном доме в Грозном. О перемещениях указанных лиц сразу становилось известно Ибрагимову, так как он держал связь с подразделением, обеспечивающим наведение команды на цель посредством специальной рации через военные спутники связи. Если бы что-то изменилось, их бы сразу предупредили. Но пока все шло по плану, первой акцией «воздания справедливости» было нападение на базу ЧАС и ликвидация четверых убийц: Джамала Гапурова, Имрана Абдулмуслима, Романа Купчика и Николая Мухина, бандита-рецидивиста по кличке Муха, находившегося в общероссийском розыске еще с девяносто пятого года.

Во втором часу ночи послышался приближающийся стрекот вертолета, который сел где-то неподалеку. Через несколько минут послышались голоса, и в барак вошли двое: летчик в шлеме и черном комбинезоне без знаков различия и женщина-инструктор. Ибрагимов поднял группу. Один за другим они вышли в ночь, молча погрузились в вертолет, и тот взлетел, не зажигая опознавательных огней, держа курс на юг, к Чечне.

Через час выгрузились в ущелье, заросшем колючим кустарником, диким виноградом и черной ольхой. Вертолет сразу улетел, стало тихо, и все невольно обратились в слух, замерли, сжимая оружие в руках, пока проводники не напомнили о себе.

— Пошли, — скомандовал Ибрагимов, и отряд бесшумно зарысил за проводниками, вытягиваясь в цепочку: впереди командир, позади всех майор Шмель. До базы ЧАС от места высадки им предстояло преодолеть около двенадцати километров.

* * *

Добрались точно по расписанию — к половине четвертого ночи. Ночь была безлунная, но проводники хорошо ориентировались на местности, знали окрестности Гудермеса как свои пять пальцев и провели группу как по ниточке, не наткнувшись ни на человека, ни на зверя.

Описание базы ЧАС все перехватчики выучили назубок, поэтому не тратили времени на разведку и на изучение местности. База представляла собой старый глиняный карьер диаметром в два километра, поверху обнесенный колючей проволокой, имеющий всего один въезд, он же и выезд, охраняемый двумя вышками с пулеметами и прожекторами. В карьере были оборудованы тир, полоса препятствий, построены казармы, хозблок и столовая, а также клуб — нечто вроде офицерского казино, регулярно снабжавшегося проститутками, в которые иногда попадали и женщины, похищенные боевиками в Дагестане, Ставрополье или в родной Ичкерии. Кроме этих одноэтажных строений лагерь имел два туалета и подземный винный склад. На вооружении же у «солдат армии свободы» имелись два танка, четыре БТРа, радиостанция и три десятка ручных зенитно-ракетных комплексов типа «гарпун», то ли украденных когда-то, то ли купленных боевиками во время войны у шустрых российских полководцев. Комплексы предназначались для уничтожения вертолетов и любой другой летающей техники, если таковая появлялась вблизи расположения базы.

Стрелковым же оружием ЧАС была обеспечена под завязку, в том числе и сверхсовременным западного и российского производства. Нормальному человеку в голову бы не пришло штурмовать лагерь, хорошо укрепленный и охраняемый не хуже других военных баз. Однако группе Ибрагимова не было нужды поднимать шум, задача стояла тихо и незаметно уничтожить только четверых наемников, участвовавших в «налете на Москву». Шум мог подняться лишь в результате

неосторожных действий группы, а для прорыва она имела все необходимое, хотя это был крайне нежелательный вариант.

Все действия перехватчиков были оговорены, поэтому каждый знал свое место и что он должен делать.

Первыми к базе выдвинулись снайперы: майор Ибрагимов и Тамерлан. Они должны были снять часовых на вышках, господствующих над карьером и всей местностью без единого кустика или деревца, разве что с россыпями камней.

— Отсчет пошел! — раздался в наушниках голос майора, тихо хлопнули выстрелы, и часовые на вышках перестали шевелиться.

«Делу время, потехе ЧАС», — скаламбурил про себя Василий, в темпе преодолевая сто метров до ворот.

Тотчас же проводники бросились к вышкам и быстро заняли места часовых на случай огневого отступления. Они сознательно шли на риск, и Вася отдал должное женщине-инструктору, не боящейся смерти. Пережила она, наверное, столько, что жизнь стала ей недорога.

Группа же бесшумно скользнула к воротам, Шерхан и Маугли заскочили в будочку поста и через мгновение выскочили обратно, открыли ворота. Никаких лазерных или фотооптических отражателей охрана базы не применяла, боевики чувствовали себя здесь хозяевами, и даже собак не пустили по кругу, как всегда это делали в других местах, поэтому первый рубеж перехватчики преодолели за считаные секунды и без шума. Их тут явно не ждали.

Второй заслон на спуске в карьер сняли все те же снайперы, выдвинувшись слева и справа от дороги. Часовых было трое, причем один из них спал в саманной развалюхе, приспособленной в качестве будки поста. Убрал его Кир.

Через две минуты карьер лег перед ними зеленовато мерцающей сквозь приборы ночного видения чашей. Нигде ни одного человека, ни малейшего движения, тишина. Уверенные в неуязвимости и недосягаемости, «солдаты свободы» — уголовники, бандиты и террористы, наемники из всех стран СНГ и даже из-за рубежа — спали, не ожидая неотвратимой минуты возмездия.

— По местам, — прошелестел в наушнике голос майора, и отряд разделился.

Шерхан и Маугли скользнули к БТРам, предполагая вывести могучую технику из строя. Тамерлан и Кир обошли

офицерское казино и столовую в поисках охраны, никого не обнаружили и подтянулись к одной из казарм — длинному деревянному бараку с рядом окон, где и располагались те, ради кого они сюда пришли. Внутрь должны были войти майор Шмель, Кир и Василий. Только Шмель знал в лицо тех, кого предстояло убрать, и только Кир согласился всех их «погасить». В задачу Василия входила подстраховка группы на случай, если кто-либо из спящих в казарме проснется.

Дневального, спящего в обнимку с автоматом, снял Шмель. Внутри храпящей на разные голоса казармы царил мрак, однако перехватчики легко ориентировались в темноте с помощью своей ночной оптики. В нос шибанули сложные и могучие запахи немытых человеческих тел и ног, табака, перегара, капусты и чеснока, сквозь которые Василий учуял и сладковатые ароматы наркоты. Пробормотал про себя: «Кто не курит анашу, я того не выношу...»

Роман Купчик, мощный детина с редкой белесой щетиной на красной роже, спал у окна на втором этаже нар, раздевшись до трусов. Умер он мгновенно от мастерского удара ножом в сердце. Его напарник Мухин спал рядом, опухший то ли от беспробудного пьянства, то ли по причине болезни. Он тоже не издал ни звука от укола кинжалом, только дернулся один раз, заскрипев досками нар.

Умер тихо в храпящей, вздыхающей, бормочущей, стонущей и свистящей темноте казармы и чеченский охотник за головами Джамал Гапуров, бородатый, усатый, похожий на типичного представителя своего дикого и варварски гордого народа. А вот его приятель Имран Абдулмуслим, такой же лохматый, но с бритым недавно, хотя уже и зарастающим щетиной лицом, от удара ножом умер не сразу, рванулся вверх, замычал, и его пришлось удерживать за руки и зажимать рот сразу двоим — Киру и Шмелю, пока он не затих.

Нашлась работа и для Балуева.

От резкого скрипа нижней кровати, на которой спал Абдулмуслим, проснулись сразу двое в углу казармы: рослый блондинистый молодец, вероятно, какой-то прибалт, и чеченец, несмотря на жару и духоту спящий в полном национальном обмундировании, разве что без сапог. Реакция у Василия была мгновенной, блондина он вырубил сразу ударом-выпадом (хитю) в горло, а чеченца мог и не успеть заставить замолчать, если бы тот не накурился гашиша. Пока тот таращился в темноту, покачиваясь, силясь разглядеть сквозь го-

рячечные видения, что происходит, Василий добежал-таки до него на цыпочках, зажал рот ладонью и коснулся костяшками пальцев виска. Мужик уснул снова, так ничего и не сообразив.

Зато до Василия внезапно дошло, что он совершенно рефлекторно применил прием из арсенала ТУК — варианта системы смертельного касания, переданной ему для изучения Матвеем Соболевым. Причем применил не осознанно, а на уровне подсознания, будто всю жизнь знал эту систему и практиковал в течение длительного времени.

Открытие ошеломило, но анализировать его было недосуг, пришел момент отступления, и Балуев поспешил за Киром и Шмелем, который, прежде чем уйти, бросил на тела убитых белые визитки с вытисненными на них золотым кинжальчиком и надписью: «Привет от «чистилища».

Через несколько минут они собрались у ворот, прислушиваясь к тишине и готовые к немедленным действиям. Но территория базы была пустынна, «солдаты свободы» продолжали мирно спать, для них утро еще не наступило.

Еще через час, когда уже начало светать, группу подобрал вертолет и перебросил в горы, под селение Кали-Юрт. Вторую часть операции по ликвидации наемников из Афганистана и Эстонии предстояло выполнять днем, нагло, на виду у всех жителей деревни. Таков был план. А оставшуюся часть рейда предполагалось закончить уже следующей ночью, пока командир террористической группы Шароев, живущий в роскошном особняке в Грозном, не понял, что на него началась охота.

И все же первая акция перехвата прошла так просто и гладко, что у Василия появилось неудовлетворение собой и нехорошее предчувствие. Показалось, что он упустил из виду некую важную деталь, которая объяснила бы ему успех операции. Однако вспомнить эту деталь не удалось, и Василий не стал делиться своими сомнениями ни с кем.

Глава 8

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХ

Ульяне снился странный сон.

Будто она идет по железному лесу, лесу металлических ферм, мачт, труб, решеток и ажурных колонн, а навстречу тя-

нется угрюмая процессия: гигантские существа, похожие на людей, львов и насекомых, закованные в сверкающие изумрудным огнем панцири и плащи из перламутровых пластин, несут клетку, в которой лежит, прикованный к полу, полуголый молодой человек с удивительным, ясным, бесконечно спокойным лицом и пронзительно-голубыми глазами провидца. Его глаза с непередаваемым выражением узнавания, понимания и самоиронии скользнули по замершей Ульяне, и девушка вздрогнула, как от физического прикосновения. Однако незнакомец отвернулся и снова стал смотреть в низкое серое небо с огненными прожилками, похожее на остывающее поле вулканического пепла и лавы.

Затем Ульяна заметила легкую фигурку босоногой женщины, одетой в полупрозрачный, изредка становящийся ослепительно белым сарафан или, скорее, плащ. Женщина скользила между «деревьями» жуткого техногенного леса, то и дело оглядываясь, и Ульяну поразила ее красота. В лице незнакомки в удивительных пропорциях сочетались ум и сила, кротость и гнев, любовь и ненависть, спокойствие и напряженное ожидание, мудрость и желание знать и узнавать. Ее огромные прекрасные глаза цвета ультрамарина, чем-то похожие на глаза пленника в клетке, встретились с глазами Ульяны, и ту снова пронзила молния энергетического разряда.

«Помоги ему!» — умоляли глаза незнакомки.

«Чем?» — выразила вопрос взглядом Ульяна.

«Ты можешь и знаешь, только проснись и действуй...»

«Кто он?»

«Ты знакома с ним уже два года... и вскоре познакомишься снова...»

«Не понимаю...»

«Проснись и вспоминай. Чем быстрее вспомнишь, тем больше будет шансов удержать мир на грани изменения...»

Незнакомка летящим шагом догнала процессию, с тихим звуком гонга картина исказилась — исчез металлический лес, на его месте образовалась ледяная твердь, исполосованная трещинами, и Ульяна проснулась.

Долго глядела в потолок, пытаясь понять смысл удивительно четкого и подробного сна, потом встала, умылась и позвонила Парамонову, хотя шел еще только седьмой час утра.

Иван Терентьевич снял трубку тотчас же, будто ждал звонка.

— А я хотел звонить вам, Ульяна свет-Владимировна. Есть повод.

— У меня тоже. Мне снился весьма необычный сон...

— Какое совпадение! Странная процессия, молодой человек с голубыми глазами в клетке, такое впечатление, что я его давно знаю, хотя уверен, с другой стороны, что никогда в жизни не встречал...

Ульяна почувствовала учащающееся сердцебиение, заставила себя дышать часто и мелко, успокоилась.

— Иван Терентьевич, таких совпадений не бывает. Это наведенный трансовый сон, темная передача. Кто-то из адептов Круга нас предупреждает.

— Возможно, вы правы. Давайте встретимся вечером где-нибудь в уютном месте, обсудим все странности. Скажем, в кафе «Салтыков-Щедрин», часов в семь.

— Идет. В случае чего я вам перезвоню.

Ульяна закрыла трубку мобильника и задумчиво прошлась по спальне, вспоминая пленника и женщину в одеждах ангела, потом решила выпить чаю, но задержалась в гостиной, у дивана. Тетка девушки, семидесятилетняя старушка Анна Павловна, вставала поздно, будучи «совой», ночью она всегда что-то читала, рассказывая после племяннице сюжеты книг, и Ульяна привыкла к такому распорядку дня и ночи. Она с любопытством взяла с дивана очередную книгу, удивленно хмыкнула. Анна Павловна читала «Алые паруса» Грина.

Раскрыв наугад страницу, Ульяна пробежала несколько строк глазами и невольно увлеклась магией отточенного гриновского стиля и его романтическим отношением к героям и ситуациям. Всплакнула даже, дочитав до конца, подумав при этом, что, сколько раз ни перечитывает «Алые паруса», столько раз плачет. Нет, Грин определенно был магом, только вряд ли счастливым...

День пролетел незаметно. Ульяна побывала на занятиях в институте, зашла в книжный магазин, купила Шульгина, поболтала с подружками о кино, о моде и прочих премудрых вещах и начала дома собираться на встречу с Парамоновым. Однако все повернулось иначе. В начале седьмого Ульяна внезапно почувствовала толчок сердца, неясное давление на психику, будто в спину ей посмотрел колдун, владеющий

техникой раппорта. и тотчас же запел на пять нот входной звонок.

Замерев, Ульяна ждала в своей комнате, прислушиваясь к тихому разговору в передней. Затем раздался певучий говорок Анны Павловны:

— Уля, это к тебе.

Ульяна вышла в прихожую и буквально споткнулась о светящийся ледяной голубизной взгляд молодого человека, того самого, что приснился ей в недавнем сне! Взгляд этот выразил многое, в том числе терпение, необидную иронию и взыскательную оценку, и Уля почему-то вспыхнула, вдруг сообразив, что оценка не столь положительна, сколько было ее мнение о себе. Матвей же, со своей стороны (это был он) ждущий встречи с понятным нетерпением и волнением, вдруг успокоился (что отразилось во взгляде и было воспринято девушкой). Перед ним стояла Уля Митина, Посвященная I ступени Внутреннего Круга, еще не ставшая авешей Светлены и не получившая от нее отпечатка внутреннего света, тех черт личности и магического влечения, которые были свойственны спутнице инфарха — его второму «я» по сути. Девушка была, бесспорно, красива, однако перестала волновать Соболева, как в прошлые времена.

— Добрый вечер, — поклонился Матвей, проницательно глядя в глаза Ульяны. — Я Матвей Соболев, де-факто — Посвященный II ступени Внутреннего Круга, де-юре — еще только ученик на Пути в Круг.

Изумление, проступившее в глазах девушки, было столь красноречивым и естественным, что Матвей невольно улыбнулся, отчего его лицо словно засветилось изнутри.

— Я знаю вас уже два года, а также ваших друзей: Ивана Терентьевича Парамонова и Вахида Тожиевича Самандара. Но об этом мы еще поговорим, если вы меня, конечно, впустите. Или вы собрались куда-то? Уж не на встречу ли с Иваном Терентьевичем?

Ульяна, пораженная проницательностью гостя, только кивнула.

— Отлично. Тогда я с вами. Позволите?

Ульяна снова кивнула, потом рассердилась на свою заторможенность, покраснела, оценив красноречивый взгляд Соболева, брошенный на ее ноги, — одета она была в стиле ose — в мини-юбку с цветами, с глубокими «сексуальными»

разрезами по бокам, и в блузку с вышивкой, подчеркивающую форму высокой груди, — позвала хозяйку:

— Теть Ань, мы ушли.

— А с Богом, мои дорогие, — проговорила Анна Павловна, просеменив из кухни в прихожую. — Возвращайтесь в любое время, вкусным чаем напою, с чабрецом и шиповником.

Во дворе на молодую пару обратили внимание сидящие у детской площадки пожилые женщины и старушки, и Ульяна с улыбкой кивнула на них, вдруг приходя в хорошее настроение:

— Будет о чем посудачить. Ко мне часто однокурсники забегают, Иван Терентьевич заходит да Самандар изредка приезжает, а теперь вы появились.

— Меня они не запомнят, — серьезно ответил Матвей, усаживая спутницу в салон «Таврии». — Я умею отводить глаза.

Вскоре они вышли из машины у кафе «Салтыков-Щедрин» на улице Воропаева, где ждал Ульяну Иван Терентьевич Парамонов, известный психотерапевт и целитель, Посвященный I ступени Внутреннего Круга, проживший на свете больше девяноста лет, но выглядевший всего на сорок пять. Впрочем, Ульяна Митина тоже имела далеко не девичий возраст — тридцать четыре года, однако выглядела восемнадцатилетней студенткой.

Мужчины некоторое время рассматривали друг друга, представленные девушкой, затем Парамонов первым подал руку, как бы демонстрируя доверие и отсутствие дурных намерений. Он пробовал пробить пси-блок Соболева, прощупать его мысли и повлиять на настроение, но усилия его не увенчались успехом. К тому же ему внезапно показалось, что он действительно знает этого поджарого, высокого, голубоглазого, ощутимо сильного человека давно, еще до появления его во сне.

— Уля, вы рассказали ему сон?

— Не успела, — виновато оглянулась на Парамонова Ульяна.

— Прошлой ночью мы с ней одновременно видели один и тот же сон. — Иван Терентьевич пропустил девушку вперед, и они вошли в кафе. — Главным действующим лицом сна были вы. Вероятно, мы с Улей стали перцепиентами «темной передачи». Ваших рук дело?

— Нет, — покачал головой Матвей. — Но я, кажется, знаю, кто вас предупредил о моем появлении.

Они выбрали столик в углу зала, за фикусом в кадке, заказали ужин, и Матвей оглядел обращенные к нему серьезные лица Посвященных.

— Возможно, многое из того, что вы сейчас услышите, вам известно, многое покажется если и не бредом, то выдумкой, но постарайтесь отнестись ко всему с должным вниманием. А начну я издалека...

И Матвей принялся за пересказ истории со «Смершем-2», перехватчиком и разборками третьего уровня между силами, вполне способными развалить мир «запрещенной реальности», превратить ее в «реальность несуществующую».

Рассказ длился более двух часов, за это время они неторопливо поужинали и дважды заказывали кофе. По лицам собеседников трудно было судить об их переживаниях, однако Матвей понимал, что они чувствуют, и в глубине души сочувствовал обоим. Принять на веру его рассказ было действительно трудно.

— Такая вот философская сказочка, — закончил он, — не отменяющая, к сожалению, страшненького финала.

— Почему не отменяющая? — не согласился Парамонов, создавая вокруг столика, за которым они сидели, зону чистого воздуха; во всем зале не курили только они трое. — Вы же знаете, как будут развиваться события, и можете предотвратить многие беды.

— Да, я хочу это сделать, — кивнул Матвей. — Но вывод напрашивается неутешительный. Дав мне возможность начать все сначала, эйнсоф одновременно включил спусковой механизм ускорения событий, а также механизм ослабления Закона обратной связи. Буквально за две недели с небольшим, что я обретаюсь в Москве после вызова из Рязани, произошло множество изменений прошлого сценария, заставляющих меня спешить. К власти приходят более властолюбивые и жестокие люди, меняется весь аппарат принятия решений, образуются мощные конкурирующие системы, поставившие целью добиться а б с о л ю т н о й власти.

— О да, — тихо проговорил Иван Терентьевич, — игра во Власть — самая увлекательная из игр человека: выборы, тайная закулисная борьба, перемещения, шантаж, подкуп, оговор, предательство, фабрикация ложных сведений, донос,

внезапное исчезновение, убийство, наконец, — как это все увлекательно! И как это страшно, особенно если начинает работать «закон дьявола» — принцип переноса вины, при котором расплачиваются за злодеяния самые умные, самые сильные, честные и добрые. Я не сомневаюсь, что рассказ ваш правдив. — Парамонов накрыл ладонью руку Матвея, как бы прося прощения. — Вы привели по-настоящему ошеломляющие факты из моей... нашей жизни. Но позвольте задать несколько уточняющих вопросов.

— Я готов, — сказал Матвей, отвечая внутренней улыбкой на затуманенный взгляд Ульяны, еще не пришедшей в себя.

— Вы говорите о создании конкурирующих систем. Наверное, следует понимать, таких, как Союз Девяти Неизвестных, «Стопкрим», «Купол», перерастающий в СС — криминальную Сверхсистему, силовые структуры, Госдума... так? Ну еще и аппарат президента, реализующий свой подход к властному управлению. И все это — следствие ослабления общего Закона обратной связи, частным случаем которого является Закон возмездия, Закон адекватного ответа. Кстати, все они — частные варианты Закона регуляции социума, вмонтированного в нашу реальность Аморфом Конкере.

— Монархом Тьмы.

— Да, Монархом. Ну и что? Мир таков, каков он есть. Нам-то зачем вмешиваться во властные разборки? Мы — Посвященные Внутреннего Круга, призванные собирать и хранить знания для будущих поколений, а не воевать за восстановление попранной справедливости. Что вы хотите изменить, Матвей Фомич? Зачем вам решать глобальные задачи изменения социума? Пусть этим занимаются иерархи.

— Они заняты, — усмехнулся Матвей, — они заняты разборками между собой. Но если мы не объединимся и не дадим отпор, Монарх сделает новое и з м е н е н и е и просто-напросто сотрет человечество с лица Земли. Кому тогда будет нужен Внутренний Круг? Да и уцелеет ли он?

— Круг уцелеет, — улыбнулся и Парамонов. — Идея создания Внутреннего Круга принадлежит не перволюдям и даже не Инсектам, были на Земле существа и до них.

— Аморфы?

— До Аморфов. Аморфы — эксперимент Безусловно Первого, его ошибка, можно сказать. Как и мы — ошибка Аморфа

Конкере, то есть Монарха Тьмы. Безусловно Первый экспериментировал с «розой реальностей» не один раз, что, естественно, отразилось и на нашей, тогда еще не опустившейся до уровня «запрещенной».

— Этого я не знал, — задумчиво признался Матвей. — Недавно я ходил по астралу и наткнулся на блокированные уровни. Кто-то не хочет, чтобы я узнал кое-какие тайны, над раскрытием которых начал размышлять.

— Над какими, если не секрет?

— В первую очередь меня волнуют Знания Бездн — прямые следы Безусловно Первого, во вторую — он сам. Сюань — как говорят китайцы, самая глубокая и наиболее непонятная из тайн.

Парамонов с новым интересом глянул на по-особому — изнутри — невозмутимое лицо Соболева.

— Однако вы и замахиваетесь, Матвей Фомич! Среди Посвященных утвердилось свое отношение к Безусловно Первому. Он выше любых описаний, концепций и названий, он — действительно Тайна, без которой ничто не пробуждается к жизни, мы же все живем в мире его иллюзий, в мире внешних проявлений его мысли.

— Возможно, я в каком-то смысле дилетант, но мы затронули вопросы дискуссионного плана. Я изучал Дао, так вот даосы утверждают, что никто не создавал ни пустоту, ни Дао, это первозданные реалии, существующие задолго до появления богов и человека. Даосы даже ввели в обиход символ или слово «сянь-ди» — образ, предшествующий Богу.

— За что учение Дао не признается большинством религий мира, — кивнул Парамонов, — ибо оно сомневается в существовании Единого. Как сказал один французский писатель: «Не знаю, существует ли Бог, но для Его репутации было бы лучше, если бы он не существовал»[1].

Ульяна засмеялась. Улыбнулся и Матвей.

— И все же вы рискуете, — добавил Парамонов. — Даже не тем, что задаете вопросы о сущности Мироздания и Творца, а тем, что одновременно пытаетесь остаться человеком. Вступивший на Путь в Круг перестает быть обыкновенным человеком, он становится Собирателем и Хранителем знаний, в большинстве своем опасных для человечества в его

[1]Жюль Ренар (1864—1910).

нынешнем состоянии. Необходимо выбирать: либо вы там, либо вы тут. Как говорил еще один умный человек: «Очень многих я видел на своем веку, которые были доведены до совершенной тупости неумеренной жаждой знания».

— Монтень, — усмехнулся Матвей, любуясь улыбкой Ульяны, на миг напомнившей ему Светлену. — Итак, вы мне отказываете в помощи?

Глаза Ивана Терентьевича стали грустными.

— Не спешите с выводами. Нам надо разобраться. Если мы станем помогать вам, сделаем ошибку, я в этом уверен. С другой стороны, будет, наверное, еще большей ошибкой не помогать. Я далеко не герой, особенно если предстоит сражаться с живыми людьми, а не с древними текстами. Но ведь вы утверждаете, что в прошлой жизни мы были вместе?

— Иначе я не пришел бы к вам.

— И чего вы хотите от нас? Чтобы мы встали на тропу войны?

— Это не я хочу — закон. Я оцениваю нынешнее состояние мира как пограничное. Монарху, чтобы начать и з м е н е н и е, необходимо обоснование, которое он получит в скором времени, если произойдет фазовая перестройка социума. Люди ему станут не нужны.

— А сами вы какой избрали Путь, пройдя свой Путь Воина до конца?

— Путь Ненасилия. Даосы его называют Путем Избегающего Опасности.

— А нам предлагаете Путь Воина, — засмеялась Ульяна. — Ничего себе альтернатива.

— Среди нас есть воины, ваш друг Самандар, к примеру, мой друг Вася Балуев. — Матвей встретил взгляд Ули и понял, что потерял в ее глазах большую часть своего обаяния, усмехнулся в душе. — Но вы меня неправильно поняли, идущие. Наша общая задача — формирование эгрегора Внутреннего Круга, способного стабилизировать ситуацию, остановить распад общества и дальнейшее ослабление Закона адекватного ответа.

— Каким образом мы сможем повлиять на закон? — скептически поднял бровь Иван Терентьевич.

— Для этого я хочу выйти в «розу реальностей», — сказал Матвей легко, как о каком-то пустяке, — и договориться с

Монархом, чтобы он поискал другой объект для экспериментирования. А если не удастся — объединить иерархов.

Матвей помолчал, не обращая внимания на то, что в глазах собеседников протаивает изумление и сменяется беспокойством. Их взгляды спрашивали: в своем ли он уме?

— Если же и с иерархами не удастся договориться, — продолжал он ровным голосом, — то я попытаюсь выйти на Безусловно Первого.

Ответом Соболеву было продолжительное молчание Посвященных. Потом Парамонов глянул на Ульяну, крякнул, сцепил и расцепил пальцы.

— Вы меня поразили, Матвей Фомич! Но мне действительно необходимо обдумать ваше предложение, я не люблю и не хочу ошибаться.

— Я тоже, — добавила девушка, в глазах которой снова вспыхнул интерес к Соболеву. — А кто такой Балуев? Вы уже дважды упоминали его имя.

— Вася Балуев — ганфайтер, перехватчик-«волкодав», как их называют профессионалы, мастер захвата. Сейчас он находится в Чечне с одной непростой миссией.

— А поподробней можно?

Матвей допил свой остывший кофе, но заказывать больше не стал. Сказал нехотя:

— Он вошел в состав отряда, которому поручено ликвидировать убийц из ЧАС, так называемой Чеченской армии свободы. Чеченцы начали отлавливать и уничтожать своих бывших врагов по всей территории России. Раньше они просто похищали людей с целью выкупа, сейчас что-то изменилось, они начали более жестокие действия. Их группа проникла в Москву и убила двух офицеров, героев войны в Чечне, а также писателя Кожемякина, приговоренного исламскими фундаменталистами к смерти за правдивое отображение фанатизма. ФСБ решила ответить адекватно.

Парамонов покачал головой.

— Я слышал об этом преступлении. Жуткое явление... я имею в виду терроризм, а тем более исламский. Но чтобы решиться искать убийц на территории Чечни... это же самоубийство! Как они их там найдут? А тем более уничтожат?

— Террор не анонимен. У него есть имя, фамилия, связи, банковский счет, исполнители, базы и так далее. Вычислить имена убийц для силовых контор будет несложно. А вот вы-

полнить задание... тут вы правы. Я пробовал уговорить Васю не идти туда, но он человек военный и пока еще в самом начале Пути. О сущности бытия, о противостоянии добра и зла он по-настоящему не задумывался. Но человек он неординарный, неглупый, интересный, у него все впереди.

— Если только он вернется оттуда живым, — проворчал Иван Терентьевич. — Хорошо бы научиться натравливать зло на зло, вот только не всем дается эта наука. Да и не существует однозначной оценки добра.

— Добро — изнанка зла, — вставила Ульяна.

— Но не всегда можно определить и отделить их друг от друга. Вот недавно возник «Стопкрим», «чистилище», как говорят в народе. К какому разряду отнести это явление, к добру или злу? С одной стороны, «чистильщики» наказывают бандитов и негодяев, с другой — их путь не лежит в русле закона и противоречит самым элементарным нормам морали.

— Разработка Горшиным программы защиты и адекватного ответа, появление «Стопкрима» — это достаточно своевременная реакция социума на возникновение «Купола», то есть в данном случае просто сработал Закон регуляции социума. Кстати, организация банд, киллер-центров, все более частое появление маньяков-насильников и убийц — тоже следствие Закона регуляции, и этому росту зла необходим противовес.

— Но ведь этим должен заниматься Союз Девяти.

— Должен. Но и у них возникли внутренние проблемы как следствие волнений среди иерархов. Некоторые из кардиналов Союза возжелали власти абсолютной, равной власти Монарха.

— Кто? Мы их знаем?

— Вы их узнаете.

Иван Терентьевич покачал головой.

— Да-а, дела-а! И все же не обижайтесь на нас, Матвей Фомич, сегодня мы не можем дать ответ.

— Я и не надеялся. Еще не раз придется контактировать и решать. Ну что, по домам?

— А где вы остановились? Может, поедем ко мне?

— Вы забыли, что здесь у меня «схрон», своя квартира. Кого первого доставить в родные пенаты?

Они расселись в не слишком комфортабельном и удобном, но все же уютном салоне «Таврии»

— Пожалуй, первой доставим Улю, — оглянулся на девушку Парамонов. — Меня никто не ждет, ни жена, ни дети, а ей завтра вставать рано.

Машина выехала со стоянки, влилась в негустой поток автомобилей на улице Ленина.

— Да, Иван Терентьевич, — прижалась к локтю друга Ульяна, — все забываю спросить: почему вы не женитесь?

— Потому что моя жена еще не родилась, — отшутился явно смущенный Парамонов. — И вообще я боюсь семейной жизни, необходимости поддерживать какие-то обязательные отношения. Холостому спокойнее

— Есть анекдот на эту тему, — сверкнул улыбкой Матвей. — У психолога спрашивают: когда бывают хорошие отношения между мужем и женой? Тот отвечает: когда муж не слышит, что говорит жена, а жена не видит, что делает муж.

Ульяна засмеялась, улыбнулся и Иван Терентьевич.

— Вполне может быть, не спорю. Если серьезно, я действительно боюсь. На моем роду лежит некое заклятие... ради нейтрализации которого я и увлекся психологией, психическими аспектами и целительством. У моего отца была большая прекрасная семья — восемь человек: он, мама, трое дочерей и трое сыновей, я самый младший. Все умницы, без преувеличения, красивые добрые люди, но стоит кому выйти замуж или жениться — отпочковавшаяся семья начинает бедствовать. Болезни, кражи, пожары, стихийные бедствия начинают буквально сыпаться со всех сторон, пока не происходит гибель кого-то из близких.

Иван Терентьевич замолчал, глядя перед собой ничего не видящим взором.

— И что же? — тихонько потревожила его Ульяна.

— А ничего, — очнулся Парамонов. — Я похоронил двух братьев и двух сестер, пока не понял закономерности.

— Выяснили, в чем дело?

— Нет, — с видимым усилием ответил Иван Терентьевич. — То есть я имею предположение, но даже Посвящение во Внутренний Круг не позволило мне его уточнить. Мы были неразделимы — вот все, что я знаю.

— Кластер, — произнес Матвей. — Ваша семья представляла собой психомотивационный кластер, клубок свернутых мировых линий, замкнутых на определенного человека. Я даже рискну предположить на кого — на отца. Верно? Ваша семья

была самодостаточна, а вы, очевидно, пытались как-то разорвать этот клубок, уйти из дома, причем еще в юношеском возрасте. Был конфликт. Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — задумчиво проговорил Парамонов. — Отец очень не хотел, чтобы я учился в другом городе, но я все же уехал... со скандалом. О чем жалею до сих пор.

— Он жив?

— Нет, умер в восемьдесят восьмом. Мама годом позже. им было уже по сто двадцать с лишним лет. Все долгожители, особенно по бабкиной линии Волковых. Наверное, кто-нибудь из моих предков был и во Внутреннем Круге. А нас осталось двое: я и сестра Шура. Хотя родственников по всем линиям много, в том числе и в Рязани.

Машина остановилась напротив дома Ульяны. Девушка вышла, отказавшись от предложения проводить ее до подъезда.

— До встречи, ганфайтер, — помахала она рукой, обойдя машину и нарочно наклоняясь к окну со стороны водителя так, что в вырез блузки стала видна упругая сильная грудь. — Мы еще не все точки над «i» расставили, и у меня остался вопрос.

— Задавайте, — храбро сказал Матвей, понимая значение насмешливых искр в глазах девушки: реагировал он на нее совершенно естественно, как нормальный мужик, и последняя его мысль — поцеловать ее в грудь — была мгновенно воспринята девушкой.

— Я не поняла наших прошлых отношений. Что-то подсказывает мне, что простыми они не были. Расскажете?

Матвей смешался, но ответить не успел, Ульяна отошла, демонстрируя походку светской львицы. Хмыкнул в кабине сзади Иван Терентьевич.

— А ведь она видящая, Матвей Фомич. Неужели права? Тогда вам придется опасаться Вахида, он давно имеет виды на Ульяну и соперников не терпит.

— Все не так просто, — пробурчал Матвей, трогая машину с места. — Когда-нибудь я расскажу вам, как мы познакомились. Уля стала авешей Светлены... в общем, поговорим позже.

Молча они доехали до окраины города, где в собственном доме жили родственники Парамонова. Выходя, тот сказал с уважением:

— Вы действительно знаете, где я живу, что лишний раз подтверждает вашу историю. Однако я не уверен, что мы с Улей согласимся стать рекрутами вашей «армии спасения человечества». Жизнь слишком дорогая штука, чтобы тратить ее на какие-то там разборки с кем бы то ни было.

— Я вас понимаю, — кивнул Матвей. — Но совершенно точно знаю, что жизнь приобретает значение лишь в том случае, когда мы сталкиваемся лицом к лицу с конфликтом между желаниями и действительностью. Это не мои слова, а изречение Дао, и оно проверено много раз, в том числе и мной. До встречи, Иван Терентьевич. Просьба остается в силе — проанализировать все сообщенные мной факты и сделать вывод. Вот вам мои московский и здешний телефоны. Звоните, когда сочтете нужным. Запоминайте номера.

Матвей пожал руку Посвященному, протянул ему листок бумаги с номерами, подержал перед глазами, скомкал, и в следующее мгновение комок вспыхнул на его ладони, сгорел без следа.

— Всего доброго.

Машина уехала, унося возмутителя спокойствия, а Иван Терентьевич остался стоять в глубокой задумчивости, глядя ей вслед.

Глава 9

КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ

Им не пришлось преодолевать двадцать километров пешком от точки высадки до Кали-Юрта.

Нацепив зеленые повязки, сняв шлемы и надвинув на головы «чеченки» — вязаные шапочки с прорезями для глаз, они вышли из распадка на дорогу, соединявшую Кали-Юрт и Ачхой-Мартан, и остановили первую попавшуюся машину, которой оказался старенький почтовый «газик», по сей день называемый в народе «козлом». Водитель-чеченец, привыкший, очевидно, каждый день встречаться с группами боевиков, то бишь «солдат свободы», поворчал, но препятствовать посадке девятерых «солдат» не стал, и группа, не без труда разместившаяся в провонявшем бензином, смолой и дымом «козле», спокойно доехала до селения, состоящего из

двух десятков каменно-глинобитных разнокалиберных домиков, расположенных в три яруса на крутом склоне горы.

Пока ехали, водитель успел рассказать все местные новости, а также нарисовать схему охраны селения, в котором отдыхали некие высокопоставленные гости. Что за «гости», водитель не знал, зато знали перехватчики. Кали-Юрт использовался ЧАС как запасной командный пункт и одновременно «курорт» для особо отличившихся «солдат свободы», в первую очередь — иностранных наемников. По данным Ибрагимова, в настоящий момент здесь находилось человек десять «диких гусей», в том числе интересующие майора лица: эстонец Ильмар Кулдсепп и афганец-талиб Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад.

Поскольку сведения об использовании Кали-Юрта в качестве «санатория» считались секретными, а совсем недалеко отсюда, в пятнадцати километрах южнее, располагалась еще одна база ЧАС, охранялось селение слабо, всего лишь одним постом на въезде Пост — кольцевая стена из камней и мешков с песком — занимал одну из скал, нависавших над дорогой, и мог перекрыть пулеметным огнем все подходы к селению. Дежурили там трое бородатых парней в российском камуфляже, и чувствовали они себя вполне комфортно и спокойно, не ожидая появления опасных гостей. Один из них спал в тени стены (и виден снизу не был), второй курил, опираясь на станок крупнокалиберного пулемета, третий смотрел на приближавшийся «газон» в бинокль.

— Приготовились, — буркнул Ибрагимов.

Роли в предполагаемой операции были расписаны заранее, и вопросов не возникло. Каждый из членов отряда не раз участвовал в подобных операциях и не нуждался в советах.

Охранник все же остановил машину жестом, понятным всем, — палец на спусковой крючок автомата. Но так как до скалы с укрепгнездом было далековато для скоростной атаки — около сорока метров, Ибрагимов ткнул стволом винтовки водителя в спину и приказал тихо ехать дальше. «Козел» остановился лишь тогда, когда бородач развернул в их сторону ствол пулемета с дырчатым кожухом пламегасителя. Зато до скалы теперь оставалось всего метров пятнадцать, а селение скрылось из глаз за подъемом на перевал.

Первой из машины вылезла женщина-проводник, сняла

шапочку, так что черные, с рыжеватым отливом волосы рассыпались по плечам, потянулась, помахала рукой охранникам, остолбеневшим от неожиданности, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы давно целившиеся сквозь щели брезентового верха кабины Шмель и Тамерлан выстрелили.

Негромкие хлопки выстрелов, слившиеся в один, падение тел, удары о камни, тишина.

— Порядок, — сказал Ибрагимов.

В тот же миг Василий, заметивший краем глаза движение на скале, рванул дверцу, выпрыгнул и в прыжке метнул вверх сангакухо[1]. Высунувшийся из-за мешка с песком третий охранник успел нажать на курок автомата (новейший отечественный «никонов»!), но звезда сякэна вошла ему в бровь и навсегда отбила охоту сопротивляться. Вася сбил с ног женщину, вскочил, готовый стрелять или метнуть сюрикэн, замер, прислушиваясь к долетавшим из селения звукам. Застыли и остальные, ожидая развития событий. Однако ничего не произошло, только у охранника под скалой запищала рация.

Перехватчики переглянулись. Ибрагимов кивнул второму проводнику, тот метнулся к убитому, достал из кармана на груди рацию, выслушал, буркнул что-то по-чеченски, выключил, показал три пальца.

— У нас всего три минуты, пока они не опомнились, — сказал майор.

Вперед! Вася помог женщине подняться, перехватив ее благодарный взгляд. Они погрузились в машину, и, выбросив обалдевшего водителя, Ибрагимов сам повел «газик» в селение. После чего начался секундный отсчет операции, по наглости и внезапности равной операциям захвата дудаевцами Буденновска и Первомайского, а по скорости проведения превосходящей их.

В первый дом слева, у ворот которого стоял танк и где, по данным майора, располагалось подразделение охраны, с ходу заскочили Тамерлан и Кир. Шерхан и Маугли высадились в конце улочки, делавшей резкий поворот направо и ведущей на террасу, нависающую над крышами домов нижнего яруса селения.

Завывая мотором, поднимая полосу пыли, подскакивая

---

[1]Сякэн в форме треугольника с вырезами, превращающими углы метательной пластины в острия.

на камнях, «ГАЗ» взлетел на террасу, простучал колесами по горбатому деревянному мостику над расщелиной, ведущему к «санаторию» — бывшему клубу, а теперь, после достройки и реконструкции, дому отдыха боевиков, и затормозил у низкой глинобитной стены с решеткой ворот, охраняемых худосочным бородачом в пиджаке и папахе с зеленой полоской материи. Он умер, не успев ни снять с плеча автомат, ни вообще что-либо понять, и Василий мимолетно подумал, что их «рейд мести» требует слишком много необязательных жертв, убийства, в общем-то, непричастных к злодеянию в Москве людей. Однако мысль мелькнула и исчезла, ситуация начала развиваться в темпе прорыва.

Женщина-проводник и второй ее коллега остались у ворот, они сделали свое дело и теперь должны были подстраховать группу на случай появления вражеского подкрепления. Шерхан и Маугли взяли под контроль территорию виллы, достроенной с размахом совсем недавно — судя по горам мусора, кирпичей, камней, песка, досок, по ямам и канавам с трубами, по технике вокруг здания: бульдозерам, автокранам и асфальтоукладчику фирмы «Катерпиллер». Было еще раннее утро, и рабочие, к их счастью, не торопились к своим машинам и на площадку, однако «санаторий» уже был частично заселен и работал.

Ибрагимов, Шмель и Василий ворвались в двухэтажное здание, похожее на средневековый замок, застав врасплох дежурного и двух охранников, потягивающих пиво у стойки в холле. Они были так уверены в своей безопасности, что не могли даже мысли допустить о возможности атаки здания чьим-либо спецназом. Так же думали и строители «санатория», расположенного в горном районе Чечни, далеко от границы с Россией. Понадеявшись на кажущуюся неуязвимость здания, окруженного горами и базами ЧАС, они не предусмотрели ни спецтехники охраны — телекамер и электронных систем наблюдения и разведки, — ни замаскированных дотов и капониров, ни хотя бы патрульных зон. После завершения строительства подсобных помещений и хозблоков и уборки территории по ее периметру должны были гулять собаки, но в данный момент этот вид охраны отсутствовал. Спецгруппу перехвата здесь никто не ждал.

Шмель открыл огонь первым: очередь из «клина» перечеркнула спины охранников, они даже не успели повернуть

головы на звук открываемой двери. Ибрагимов выстрелил тоже, но в телефон, к трубке которого потянулась рука дежурного, сильно смахивающего на известного бандита и террориста Радуева: та же борода, широкий нос, черные очки, на голове фуражка-конфедератка.

— Не шебуршись и останешься жить, — глухо проговорил Ибрагимов, подходя к дежурному скользящим шагом. — Нам нужны двое: Кулдсепп и Мухаммад.

— Не понимаю... — начал было «Радуев» по-чеченски, но майор его остановил. Легонько двинул прикладом винтовки по скуле, так что тот отлетел к стене, поднялся и стал навытяжку.

— Один прибалт, светловолосый, шрам на губе, второй афганец, инструктор. Вякнешь, что не понимаешь, — найдем их сами, но уже в с е х и вместе с тобой.

— Вторая этаж, комнат тва и шест, — с акцентом по-русски прохрипел дежурный, и в тот же момент Шмель выстрелил в него из пистолета. С дырой во лбу «Радуев» отлетел к шкафу с ключами и сполз на пол, Василий не успел даже слова сказать. Повернул голову к майору.

— Зачем ты его? Связали бы...

— Некогда, — отмахнулся Шмель, в три прыжка поднимаясь вслед за Ибрагимовым по лестнице на второй этаж.

Апартаменты «санатория» под номером два оказались незапертыми. Наемник по имени Ильмар Кулдсепп спал в полной отключке с голой девицей, имеющей роскошные формы жрицы любви, и на тихий скрип открываемой двери не прореагировал. Зато проснулась девица и в ужасе отпрянула, увидев три страшные пятнистые фигуры с масками на лицах. Вася собрался было успокоить ее усыпляющим касанием, видя, что девица собирается кричать, но Шмель выстрелил, и ночная гостья Кулдсеппа завалилась поперек кровати, на ноги спящего ничком эстонца.

Вася, не сдержавшись, рванул майора за рукав, разворачивая к себе, влепил отрезвляющую пощечину, удерживая руку Шмеля болевым приемом. Выдохнул глухо:

— Остынь, стрелок! У нас четкое задание...

— Не вмешивайся, капитан! — яростным шепотом произнес Ибрагимов, наводя на него необычной формы пистолет. — Не то останешься здесь!

— Сердобольный? — сверкнул глазами Шмель. — Мы не на прогулке, «волкодав». Позже поговорим об этом.

Вася отпустил его и отошел к окну, преодолевая желание дать майору по морде еще раз.

Ибрагимов потормошил Кулдсеппа, тот замычал, отмахиваясь, потом разлепил глаза, увидел пятнистый комбинезон над собой и потянулся к пистолету под подушкой, но майор ударил его прикладом винтовки по руке, достал пистолет и отбросил в сторону.

— Просыпайся, сука наемная. У меня к тебе всего два вопроса. Ответишь — будешь жить. Вопрос первый: ты вызвался добровольцем в поход на Москву или получил приказ?

— Да кто вы такие?! — возмутился Кулдсепп на вполне приличном русском языке, почти без акцента.

— Твои судьи, — усмехнулся Ибрагимов. — Отвечать!

Приклад винтовки мелькнул в воздухе, нашел скулу эстонца, и тот слетел с кровати, потащив за собой тело убитой девицы. Только теперь он увидел труп, глаза его расширились, в них мелькнула догадка. Однако вел он себя по-мужски и сдаваться не собирался. Поднялся на четвереньки, с вызовом уставился в глаза Ибрагимова, смотревшие на него сквозь прорезь маски.

— А если доброволец, то что?

— Вопрос второй. Кто убил писателя Кожемякина?

— Не я, — смелее ответил Кулдсепп, разогнулся. Развит он был неплохо, но уже имел заметное брюшко.

— А кто?

— Спроси у командира, — оскалил зубы эстонец.

— У Шароева, что ли? Спрошу в свое время. Идея была его или этого вашего инструктора из Афгана?

В глазах наемника мелькнула не то ненависть, не то страх, но думал он недолго и действовал быстро, хотя и недостаточно быстро по меркам профессионала. Он прыгнул к окну номера, собираясь нырнуть в него сквозь стекло, и нарвался на удар Василия, отбросивший его к трюмо в углу комнаты.

— Кончай, — сквозь зубы произнес Шмель. — Время.

Ибрагимов раздумывал несколько секунд, глядя на копошащегося на полу эстонца, потом навел на него ствол своего странного пистолета и спустил курок. Выстрела не последовало, однако Кулдсепп вздрогнул и замер, а Василию показалось, что ему по ушам кто-то хлестнул невидимой ладонью.

И только спустя некоторое время он сообразил, что Ибрагимов разрядил в наемника пресловутый «глушак», гипноизлучатель «удав».

— Уберем Мухаммада, этого возьмем с собой. — Майор шагнул к эстонцу. — Встать! Исполнять все мои приказы! Кто убил Кожемякина?

— Афганец... он исполнитель воли исламского совета...

— Кто вам помогал в Москве?

— Я их не знаю... двое русских и кто-то из чеченской диаспоры...

— Кончай, — повторил Шмель, — выбиваемся из графика. Решил взять с собой — бери, потом допросишь.

— Я его не допросить хочу, — осклабился Ибрагимов, повернулся к безвольно сидящему Кулдсеппу. — Ждать здесь! Одеться! Молчать! — Не ожидая исполнения команды, майор исчез за дверью в коридор, за ним выскользнул Шмель. Последним вышел Василий, пораженный действием «глушака». Конечно, он слышал о возможностях психотронного излучателя, но сталкивался с его применением впервые.

Нур ад-Дин Исмаил Мухаммад выглядел как родной брат дежурного «Радуева», даже очки у него были те же. Разве что был он повыше, жилистей, сильней и чувствовал опасность не хуже волка. Брать его пришлось с шумом, потому что дверь номера, где он отдыхал, была заперта. Выбил ее Шмель ударом ноги, Ибрагимов дал в проем очередь из «клина», и полуодетый афганец, получив две пули в грудь, выстрелить в ответ не успел, хотя держал в руке «беретту». Шмель добил его из своего пистолета, выстрелив два раза в голову, не заботясь о чистоте простыней на кровати; пули снесли Мухаммаду полчерепа, и кровь забрызгала всю кровать и стену напротив.

Ибрагимов высыпал на грудь убитого полмешка мини-Коранов — точно таких же, что нашли на теле писателя Кожемякина в Москве, бросил сверху визитку «чистилища». Сплюнул.

— Жаль, что подох так просто. Очень мне хотелось испробовать на нем одну новинку. Ладно, уходим. — Он включил рацию. — Кир, Шерхан, что у вас?

Динамики в ухе каждого перехватчика донесли ответы вызванных: «Все в порядке, контролируем ситуацию», — и майор рванул в коридор, прекрасно понимая, что времени на

отход у них мало, несмотря на дерзость и быстроту проведенной операции.

В коридоре им повстречался сонный абориген, судя по внешности — славянин, и реактивный Шмель присоединил его к жертвам атаки, хотя Василий мог вполне успокоить мужика без летального исхода. Забрав безвольного Кулдсеппа, они выскочили во двор, снова сели в «газик» и с визгом шин понеслись по серпантину улицы вниз, вон из Кали-Юрта, подхватив на выезде Кира и Тамерлана, перебивших гарнизон «комендатуры» селения.

Отмотав по дороге двадцать километров до распадка, куда должен был прилететь вызванный еще в селе вертолет, и встретив лишь пастуха с отарой овец и двух пацанов на велосипедах, они рассредоточились на гребне распадка и стали ждать прибытия «вертушки». Ибрагимов же и Шмель укрылись с пленным в кустах, приказав остальным не соваться к ним в течение получаса.

Вася лег на землю недалеко от женщины-проводника и стал смотреть в небо, ощутив вдруг усталость — не физическую, а психологическую. Операция начала его угнетать не только количеством жертв, но и отношением коллег к происходящему. Они слишком легко убивали людей, мало или совсем не причастных к терактам в Москве, а главное, делали это с удовольствием.

Зашуршала трава. Вася повернул голову и увидел соседку. Шапочку она сняла, и теперь можно было разглядеть ее миловидное лицо с желтовато-карими глазами, курносым носиком и прямыми бровями, придающими лицу мрачноватое выражение.

— Спасибо за часового, — проговорила она, присев рядом на корточки. — Как зовут?

— Василий, — ответил Балуев, приподнимаясь на локте.

— Меня Людмила. А что отцы-командиры там делают с ним?

— Допрашивают, наверно.

— Что он может знать?

— Спроси у него.

Помолчали. Из-за кустов послышался смешок, потом раздался голос Тамерлана:

— Эй, «волкодав», не теряйся. Или помочь?

Вася рывком сел, но женщина удержала его за рукав.

— Пусть веселятся, не обращай внимания. Это опасные люди.

— Да и я не бычок-первогодок.

— Я их уже знаю... — Людмила не договорила.

Из кустов, в которых скрылись внизу Ибрагимов и Шмель, раздался дикий крик. В нем было столько муки и боли, что все вскочили, хватаясь за оружие. Уже догадываясь, в чем дело, Вася метнулся на крик, продрался сквозь кустарник и увидел катавшегося по земле Кулдсеппа, а рядом, в нескольких шагах, спокойно стоящих майоров.

Эстонец уже не кричал — выл и хрипел, царапая себе живот и грудь ногтями, то зажимая глаза, то пытаясь их вырвать, пока кровь не залила лицо. Вася заметил в руке Ибрагимова пистолет, похожий на «глушак», но с толстым кольцом алого цвета на конце дула, и все понял. Это был генератор боли «пламя», в просторечии «болевик», о котором тоже ходили легенды в кругах военных профи. Он воздействовал на нервную систему человека таким образом, что тот чувствовал сильнейшие боли, снять которые ничем было нельзя.

Вася повернул дуло своего «клина» к земле, выстрелил, и Кулдсепп затих, перестал корчиться и вырывать себе глаза. Пуля попала ему в висок.

Ибрагимов и Шмель оглянулись.

— Какого дьявола! — нахмурился Ибрагимов, увидел за спиной Василия подходивших Людмилу, Тамерлана, Кира и Маугли, сунул «болевик» за пазуху. — В чем дело? Почему оставили охранение? «Духов» захотели пропустить? На место!

— А чем это ты его достал? — кивнул на окровавленное тело наемника Тамерлан. — Чего он так кричал?

— Не твоего ума дело. Быстро наверх!

Перехватчики молча полезли по склону распадка на гребень. Вася повернулся за ними, услышал тихий щелчок взводимого курка и мгновенно отпрыгнул в сторону, готовый стрелять сразу с двух рук в любую секунду.

Майоры стояли лицом к нему, похожие друг на друга хищным прищуром глаз. Ибрагимов держал руки в карманах, из руки Шмеля смотрел на Васю пистолет «волк». Несколько мгновений длилось красноречивое молчание, потом Шмель нехорошо ухмыльнулся, спрятал пистолет, а Ибрагимов проговорил ровным голосом:

— Еще раз вмешаешься в мои дела, «волкодав», пеняй на себя. Понял?

— Еще раз без нужды будете мучить людей, партнеры, — таким же ровным голосом ответил Василий, — положу обоих. А выберемся, доложу о ваших экспериментах кому следует.

— Ты сначала выберись, — сказал Шмель, продолжая улыбаться так, что от его улыбки у Балуева свело скулы.

— Займи свое место, — отвернулся Ибрагимов, нагибаясь к лежащему на спине наемнику.

Василий без шума растворился в кустах, поднялся на вершину холмистой гряды, снова лег на траву возле сидящей Людмилы. Женщина оценивающе посмотрела на его сосредоточенно-хмурое лицо, покачала головой.

— Зря ты с ними цапаешься. Зачем пристрелил пленного?

— Он бы все равно умер. — Вася помолчал. — К тому же я не палач, а «волкодав»-перехватчик, не люблю, когда пытают людей, даже таких гнусных, как этот эст.

— Это их дело. Я тоже не люблю таких зрелищ, но они наших ребят пытали не в пример страшнее.

Вася не ответил, и женщина замолчала. Потом придвинулась ближе.

— Женат?

— Нет.

— Дикий ты какой-то, непохож на остальных. Я видела, как ты двигаешься. Рукопашкой у кого занимался?

Вася хотел отшутиться, но в это время послышался гул вертолетных винтов, и тотчас же из-за ближайшего холма вывернулась пятнистая «вертушка», мастерски прижалась к земле, села в распадке с первого захода.

Через минуту они уже летели низко над землей — в антирадарном режиме, — огибая холмы и скалы, ныряя в лощины и ущелья, на северо-восток, в сторону Грозного. Вертолет должен был высадить группу в тридцати километрах от столицы Чечни, где их ждала спецмашина.

Вася понимал, что нажил себе серьезных врагов, но думал об этом мало. Пока они шли в общей связке, отряду был нужен каждый человек. Ну а потом, после выполнения задания, можно будет и поговорить с обоими по-мужски. Главное в нынешнем положении — беречь спину.

Глава 10

ЗИГЗАГ ВЫСОКОЙ ПОЛИТИКИ

Премьер-министр вызвал Панова в «Белый дом» неожиданно, к тому же он прежде никогда не разговаривал с ним в раздраженном тоне, поэтому Иван Сергеевич ничего хорошего от аудиенции не ждал. Однако пока он собирался, решал неотложные дела, ехал в Дом правительства, произошли некие события, которые повлекли за собой весьма важные последствия.

Во-первых, премьера не оказалось на месте, а его секретарь, вышколенный молодой человек в очках, о причине отсутствия сказал только два слова, подняв очи горе:

— У Хозяина.

Это означало, что Краснорыжин срочно убыл в Кремль по вызову президента.

Размышляя об этом, Панов вышел из приемной руководителя правительства и нос к носу столкнулся с вице-премьером Сосковым, которого знал плохо и с которым прежде никогда не контактировал.

— А я за вами, Иван Сергеевич, — сказал, поздоровавшись, Сосков, плотный, большеголовый, смотрящий всегда исподлобья, почти никогда не улыбающийся, с ежиком коротких светлых волос. — Узнал, что вы здесь, и решил поговорить. Есть повод. Пойдемте в мои апартаменты.

— Но меня вызвал Михаил Сергеевич...

— Ему будет не до вас. — Сосков пропустил директора ФСБ вперед, дружески взял под локоть и повел по коридору, мягко ступая по ковровой дорожке. Открыл свой кабинет, усадил гостя в кресле напротив диванчика в «гостевом» углу огромной роскошной комнаты со множеством стеклянных шкафов, набитых призами и кубками всех размеров и цветов. Достал из бара бутылочку армянского коньяка, налил в стопочки по глотку, поднял свою стопку.

— Ваше здоровье, Иван Сергеевич.

Хмыкнув, Панов проглотил коньяк, сунул в рот по примеру хозяина дольку ананаса, и они некоторое время сосредоточенно жевали, поглядывая друг на друга, словно оценивая то, что должны были услышать. Наконец Панов сдался первым:

— Итак, я вас слушаю, Юрий Степанович. Что тут у вас происходит?

— Да ничего особенного, Иван Сергеевич. Под Краснорыжиным зашаталось кресло, так что в ближайшее время следует ждать перемен.

— А вы, надо полагать, его сменщик? — догадался Панов.

— Ну не на сто процентов, — скромно потупился Сосков, — однако вероятность большая. Все будет зависеть даже не от президента, а от Думы. В связи с чем дружески советую прекратить все спецоперации на территории Чечни. Краем уха я слышал, там сейчас работает ваша опергруппа?

Панов похолодел, стараясь тем не менее выглядеть достойно. О засылке группы перехвата в Чечню должны были знать всего четыре человека: сам Иван Сергеевич, Ельшин, Первухин и Краснорыжин. Однако если и Сосков осведомлен, значит, где-то произошла серьезная утечка информации.

— Исламский терроризм шагнул на территорию... — начал директор ФСБ.

— Да какой, к черту, исламский терроризм! — криво улыбаясь, проговорил Сосков, налил еще по глотку коньяка. — Хорошо делают братья-армяне, не правда ли? Нам до исламских террористов нет никакого дела. А вот предстоящая встреча президента Ичкерии с нашим президентом имеет громадное значение. Через два дня состоится визит их премьера, а потом и сам Шароев пожалует, что весьма и весьма важно для развития отношений в... гм-гм... нужном для нас направлении. И если вдруг в этот момент случится что-то с его сыном... вы понимаете?

Панов понимал. Задумчиво повертел в пальцах хрустальную стопку с выпуклым двуглавым орлом на боку.

— Но команда Безумного... э-э... Амирбека Шароева уничтожила несколько офицеров, героев чеченской войны, а также писателя Кожемякина. Это доказано...

— Да забудьте вы о них, — поморщился Сосков. — Есть дела поважнее. Щенок перестарался... Пусть расчетами с чеченцами занимается «чистилище», что нам только на руку. В общем, я надеюсь, вы хорошо представляете последствия. Необходимо обойти все острые углы перед визитом Шароева в Москву, а это означает, что его сын...

— Известный бандит и террорист...

— ... его сын должен находиться в полном здравии.

Панов поставил стопку с коньяком на столик, выдержал тяжелый взгляд вице-премьера, встал.

— Я все понял, Юрий Степанович. Попытаюсь сделать все, что в моих силах.

— Вот и ладненько, Иван Сергеевич. А я со своей стороны обещаю вам всестороннюю поддержку.

Они раскланялись, не подавая друг другу руки, и Панов вышел из кабинета. Вскоре он входил в свои служебные апартаменты, привычно не замечая смены телохранителей, сопровождавших его повсюду, кроме разве что территории «Белого дома». Постояв в глубокой прострации несколько минут у окна с видом на Лубянскую площадь, Иван Сергеевич вызвал Ельшина и Первухина и сел за компьютер. Ему захотелось поднять досье на вице-премьера Соскова, имеющего, по данным ФСБ, прямые связи с миром бизнеса и криминальным миром.

Начальники управлений «Т» и УСО явились аккурат через десять минут, словно ждали вызова. Сесть их Иван Сергеевич не пригласил, проговорил, не поднимая головы от дисплея:

— Во-первых, кто-то из вас проговорился о проводимой нами операции «Перехват».

Генералы в замешательстве переглянулись.

— Не может быть! — твердо заявил Первухин.

— Тогда откуда о ней известно Соскову?

Начальники управлений снова обменялись взглядами. Первухин был озадачен, Ельшин же догадывался, в чем дело, но молчал. Сосков был связан с «Куполом», значит, в его руководстве кто-то проговорился о засылке группы в Чечню.

— Второе, — произнес Панов, не повышая голоса, все еще читая довольно объемное досье Соскова, выведенное на экран. — Вы предложили этот вариант — «месть» исламским экстремистам, вы и расхлебывайте. Связь с группой есть? Где они там?

— Они уже ликвидировали шестерых, — сказал Первухин, — остался Безумный... э-э... Шароев. Он будет уничтожен сегодня ночью.

— Немедленно отмените операцию! — Иван Сергеевич наконец глянул на стоящих посреди кабинета генералов. — Обстоятельства изменились. Шароев должен остаться живым. Ясно?

— Но ведь мы учитывали... — начал было Первухин.

— Исполняйте. — Панов отвернулся, давая понять, что аудиенция закончена.

Начальники управлений поглядели друг на друга в третий раз и вышли. В приемной они закурили.

— Смена курса, — сказал авторитетно Ельшин. — Дует свежий ветер перемен. Краснорыжин, очевидно, полетит в скором времени, а его место займет или Сосков, или Лобанов.

— Да хрен с ними обоими, — затянулся Первухин. — Меня это мало волнует. А вот то, как мы теперь будем вытаскивать группу...

— Вытащим, — беззаботно махнул рукой Ельшин.

— Вот и вытаскивай. Ты предложил вариант «мести»... с дезой на «чистилище», ты и хлопочи.

— Не переживай, — хлопнул начальника УСО по плечу Генрих Герхардович. — Все будет тип-топ, гарантирую.

Глава 11

ОТСТУПНИК

На сей раз сознание Матвея вселилось не в тело разведчика-первопредка, путешествующего по запретной территории Инсектов, а в тело более древнего представителя рода — получеловека-полульва-полунасекомого, и этот человекообразный монстр (две ноги, четыре руки, вполне человеческая голова, хотя и с фасетчатыми глазами и без ушей, хитиновые наросты на лопатках, похожие на зачатки крыльев, и такие же пластины на груди и на животе, органично сочетающиеся с кожей) оказался тем самым родоначальником системы боя — смертельного касания, которую получил Матвей в дар от иерархов с помощью Тараса Горшина.

В принципе ничего особенного в этом трансовом сне-воспоминании Матвей не увидел. Мастер тренировался один, записывал свои мысли острым когтем на тонких, как бумага, металлических листах (металл напоминал серебро, а вязь букв походила на арабскую письменность), затем отрабатывал приемы на учениках, а может быть, на рабах — трупы уносили молчаливые женщины-львицы в своеобразных ба-

лахонах, — и снова записывал соображения, изредка стирая проступающий на металле текст куском пемзы.

Матвей попытался воздействовать на сознание мастера и даже вывел его из дома, похожего на термитник, но, кроме десятка таких же трех-четырехъярусных термитников, коричнево-красных, отблескивающих глазурью, геометрически безупречных, да леса за ними, над которым висел зоэрекс, ничего больше не увидел. Зоэрекс, летающий город Веспидов, показался ему необычным, однако времени на рассмотрение предок Матвею не дал, сердито вышвыривая сознание потомка из своего.

Проснувшись, Матвей проанализировал сон, понял, почему воздушный замок Веспидов показался ему необычным: он был совсем новенький, красивый, изящный, как игрушка, — и пришел к выводу, что прапредки человека вполне могли уживаться мирно с пережившими Изменение Инсектами.

Сон не показался Матвею интересным, и все же он остался доволен. В этот раз ему удалось опуститься по мировой линии своих предков гораздо глубже в прошлое, чем в предыдущих трансовых путешествиях-снах, а это вселяло надежду, что когда-нибудь ему удастся подобраться к Изменению вплотную, а может быть, и перешагнуть этот временной барьер, чтобы пересечь эпоху царствования Инсектов, пообщаться с Аморфами и встретиться с Безусловно Первым, Творцом «розы реальностей».

Встав, как обычно, в половине шестого, Матвей проделал комплекс обязательных упражнений и медитации, не выходя в астрал, затем начал тренировать свои растущие возможности. Летать он еще не научился, как и ходить по воде, но вес тела был способен уменьшить в три-четыре раза. Мог излечивать раны, нанесенные холодным или огнестрельным оружием, у себя или у других людей, чем пользовался не однажды, развил обоняние до такой степени, что мог конкурировать с любым животным, остротой зрения — с орлами, а слухом — с дельфинами и летучими мышами. Теперь его интересовали более высокие материи: способность создавать видимые копии, так называемые «астральные тела», или, по-научному, — динамические голографические призраки, возможность ощущать панорамы и перспективы других реальностей и весьма необходимая способность проникать сквозь

стены, не говоря уже о способе мгновенного преодоления огромных расстояний, которым владели иерархи и Хранитель Матфей. Но тот был Посвященным III ступени Внутреннего Круга, а Соболев принадлежал к касте II ступени, что и кардиналы Союза Девяти, поэтому мог только мечтать о возможностях Хранителей, хотя в будущем рассчитывал на новое Посвящение.

Конечно, он не ждал милостей от природы, он тренировался упорно и настойчиво, и кое-что у него начало получаться.

Однажды Кристина застала его, упиравшегося в стену рукой (рука излучала нежное розоватое свечение), и даже засмеялась от неожиданности:

— Что это ты, Соболев, стену подпираешь?

— Пытаюсь пройти насквозь, — сказал истинную правду Матвей, что было воспринято сначала как шутка. Потом девушка заметила светящийся ореол вокруг руки и перестала улыбаться.

— Ты... серьезно?!

— Что ни на есть, — кивнул Матвей. — Понимаешь, всего-то и надо подогнать частоту вибраций тела под частоту вибраций стены, но у меня пока не получается.

Он убрал руку, и Кристина увидела на бетонной, покрытой обоями стене отпечаток ладони...

Вспомнив этот эпизод, Матвей улыбнулся. С тех пор он пытался тренироваться в одиночестве, ночью или когда Кристина отсутствовала, чтобы не травмировать ее психику.

Он заперся в ванной, коснулся двумя ладонями перегородки между ванной и туалетом, сосредоточился, и руки, засияв, как раскаленные бруски металла, вошли в перегородку на сантиметр.

Боль ударила по нервам кнутом. Матвей выдернул руки, подул на них, потряс, сунул под воду. Утихомирив боль, покачал головой. Чего-то он не учитывал при экспериментировании, и проникновению в материал стен мешала реакция нервной системы, вызывающая сильнейшую боль-ожог в нервных окончаниях погружаемых в твердые тела рук.

После душа с непременной сменой холодной и горячей воды Матвей вскипятил чайник и привычно обозрел «окрестности» астрала, входя в меоз[1] без всякого усилия.

---

[1]Состояние ментального озарения.

Как всегда, мерный «космический» шум первого информационного слоя Земли подействовал на него завораживающе, и он даже пропустил тихое прикосновение чьего-то мысленного потока. Опомнился, уплотняя пси-блок и одновременно расширяя диапазон гипервидения. Мыслепоток был незнакомым, и от контакта с ним у Матвея родилось ощущение прикосновения к холодной и скользкой шкуре болотной змеи. Кто-то пытался лоцировать его в астрале, ожидая появления, кто-то незнакомый, чужой, равнодушно-внимательный и оттого непредсказуемо опасный.

Стряхнув с себя щупальца чужой воли, Матвей побрел было дальше, настраиваясь на прием нужной информации, но вынужден был прервать сеанс — на кухню выпорхнула Кристина, босоногая, как всегда, в наспех наброшенной мужской рубашке, розовая со сна, соблазнительная и милая.

— Я его ищу по всей квартире, а он здесь медитирует в одиночестве. О чем задумался, детина? — Она взобралась к нему на колени, шутливо потянула за нос, лизнула в ухо.

Матвей поцеловал ее в шею, потом не удержался и расцеловал обе груди, прижал к себе.

— О чем может думать молодой мужик в семь утра? О тебе, конечно. А еще о несовершенстве человека.

Кристина белозубо засмеялась.

— Еще твой любимый Омарчик Хайям задавался этим вопросом. Помнишь?

Отчего всемогущий творец наших тел
Даровать нам бессмертия не захотел?
Если мы совершенны — зачем умираем?
Если несовершенны, то кто бракодел?

— Помню, — улыбнулся Матвей. — Хотя в принципе, знаю, кто бракодел.

— Кто же?

— Аморф Конкере, Монарх Тьмы.

— Это еще кто такой, почему не знаю? Разве не Господь нас создал?

Матвей покачал головой, сказал серьезно:

— Разве мог Господь создать таких злобных, трусливых, агрессивных, лживых и порочных существ, как люди?

— Конечно, мог, — пожала плечиками Кристина. — В противовес кому-то, например, или для ассортимента, так ска-

зать, или вообще шутки ради. Ведь недаром говорят, что весь наш мир — майя, иллюзия... Е г о иллюзия, понимаешь? Мы всего-навсего мыслеформы Бога.

Матвей внимательно всмотрелся в лицо подруги. На миг ему показалось, что сквозь черты Кристины на нем проступили черты лица Светлены. Но он отогнал от себя это наваждение.

— Как я понял, ты уже кое-что прочитала из того, что я тебе давал. Интересно?

— Торчу и балдею. — Кристина освободилась из объятий, побежала в ванную, выглянула оттуда. — Даже на лекциях читаю. И вообще, ты действуешь нечестно.

— Это почему же? — вытаращил глаза Матвей.

— Я и так с тебя тащусь, как говорят подружки, минуту не могу прожить одна, а ты еще эту гипнотизирующую эзотерику подсунул, чтобы крепче меня к себе привязать.

Дверь закрылась, зашипела в кране вода.

Матвей улыбнулся, потом рассмеялся, по ассоциации вдруг припомнив рассказ Васи Балуева.

Два года назад... или вперед? Ведь те события как бы еще не происходили... и все же хранится в памяти история двух «волкодавов»-перехватчиков и трех Посвященных, и никуда от этого не деться! Все это было... или все-таки еще только будет?

«Не рефлексируй! — строго приказал сам себе Матвей. — Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе».

История же, поведанная Балуевым, была в самом деле уморительна. Вася тогда жил во Владимире с девушкой Наташей, перезнакомился с ее друзьями, ходил к ним в гости, вместе отдыхал. А однажды, отпраздновав чей-то день рождения, поздно ночью компания пошла прогуляться и, выйдя на берег Клязьмы, решила искупаться. Но так как все заранее не побеспокоились о купальных костюмах, один из самых юморных приятелей Наташи — Алексей, Леха — предложил купаться голыми, но лагерями: женщины отдельно, мужчины отдельно. Провел черту на песке до реки, скомандовал: бабы налево, мужики направо. Разделись, залезли в теплую воду, а через минуту раздался вопль и визг на «левой» половине — Леха заплыл на женскую территорию. Оправдывался он потом тем, что «черту смыло водой»...

Матвей еще раз улыбнулся, потом внезапно сбросил с себя одежду и ворвался в ванную. Кристина, правда, визг поднимать не стала...

Потом они завтракали: рис, овощная поджарка, кофе. Кристина была настроена весело, болтала о том о сем, изредка бросая на Соболева странноватые взгляды, и Матвею снова показалось, что из нее выглядывает Светлена, спутница инфарха, его светлый ангел. Рассердился на себя, отодвинул чашку.

— Сколько тебе экзаменов осталось сдать?

— Два, — остановила свой рассказ Кристина. — А что?

— Прикидываю, когда и куда мы поедем потом.

— Куда захочешь. Можно ко мне в Рязань, можно к родственникам в деревню, они в Красноярском крае живут, в тайге, на берегу горной речушки. А куда ты ездил вчера?

— За кудыкины горы, — не моргнул глазом Матвей.

— Меня не мог взять с собой?

— Не мог, к сожалению.

— Не ври. Не захотел.

Матвей подумал, кивнул, соглашаясь, поднял вверх палец и назидательно проговорил:

— Если мужчина никогда не лжет женщине, значит, ему наплевать на ее чувства.

Кристина засмеялась, поперхнулась чаем, и Матвей легонько постучал ее по спине.

— В следующий раз обещаю взять тебя с собой. Но только после того, как сдашь экзамены, и только в том случае, если будешь слушаться.

— Слушаю и повинуюсь, мой господин. — Кристина вдруг ойкнула, бросив взгляд на висевшие на стене в кухне часы. — Заговорил ты меня, перехватчик, я же на консультацию опоздаю! — Она подхватилась и бросилась из кухни в спальню, откуда раздался ее голос: — Посуду не забудь помыть.

— Это называется статус-кво, — глубокомысленно пробормотал Матвей, вспомнил старый анекдот, добавил: — «А вот этого не надо, — сказал граф и пошел мыть посуду...» — Зашел в спальню, оценивающе разглядывая переодевающуюся Кристину. — Я тебя подвезу, успеешь.

— Выйди, нахал! — возмущенно отмахнулась блузкой Кристина.

В начале десятого он высадил ее на Манежной площади и

направил машину по Охотному Ряду мимо Театральной и Лубянской площадей в сторону Новой Басманной. Тарас Горшин, отступник Внутреннего Круга, ныне — комиссар «чистилища», жил в собственном доме на окраине Москвы, в зеленой зоне Щелкова и, судя по «шевелению» астрала, находился в данный момент дома.

Дом Тараса был окружен сосновым лесом, а обрабатываемый участок с плодовыми деревьями: две яблони, несколько вишен, слива и груша, — и огородом не превышал шести соток. Зато участок был тщательно ухожен и содержался в идеальном порядке, что говорило о привязанности хозяина к земле. Дом недавней постройки, по сути, представлял собой финский коттедж с остроугольной крышей, под которой располагалась мансарда. Насколько помнил Матвей, в доме было пять комнат и кухня. В большой гостиной, выполненной в готическом стиле и представлявшей собой каминный зал с коллекцией старинного холодного и огнестрельного оружия и лат, Соболев уже бывал однажды.

Оставив машину за два квартала до «поместья» Горшина, наглухо заблокировав себя в пси-диапазоне, он прошелся по улице, присматриваясь к дому, никого в саду не увидел и ловко перепрыгнул через полутораметровой высоты забор, памятуя, что калитка Тарасова двора снабжена хитроумной системой контроля и опознавания гостей.

Открыть входную дверь не составило бы особого труда, но тогда сработала бы сигнализация, и Матвей решил проникнуть в дом через окно, несмотря на то, что все они были заперты изнутри. Он зашел со стороны леса, все время лоцируя, вернее, пассивно контролируя передвижения хозяина по дому, прислушался к своим ощущениям, тревоги не почуял и положил руку на стекло. Через несколько минут в стекле образовалось отверстие по форме ладони, сквозь которое можно было просунуть руку. Матвей отодвинул шпингалет форточки, открыл ее, гибким, змеиным движением, с прыжка, втиснул в нее плечи и быстро пролез, буквально «стек» на пол струей воды.

Горшина он обнаружил в гостиной с камином. Бывший Посвященный II ступени, отвергнутый адептами Внутреннего Круга за упорную реализацию идеи мести (слуги Конкере убили его жену с неродившимся ребенком), рисовал на листе белого картона китайский иероглиф «цюань» — кулак внут-

ри кулака, символизирующий тайный, скрытый от посторонних смысл какого-нибудь явления.

Он мгновенно повернулся к двери, почуяв чужое присутствие, и несколько секунд Посвященные смотрели друг на друга: один — с изумлением и недоверием, второй — с любопытством. Потом Горшин сорвался с места и оказался рядом — он владел т е м п о м, то есть знал секрет сверхскоростного сокращения мышц. Но и Матвей мог работать в т е м п е, поэтому встретил хозяина адекватно.

Специалист, владеющий системой п о с т р о е н и я движения, своеобразной силовой паутиной возможных траекторий рук, ног, головы, других частей тела, способен, ничуть об этом не задумываясь, показать тысячи разнообразных приемов, не привязываясь к какой-то определенной схеме боя или комбинации базовых техник. Он просто действует исходя из принципа: хочешь быть непобедимым — не создавай ситуацию, в которой есть возможность тебя победить. И Матвей давно научился пользоваться этим принципом. К тому же он в совершенстве владел техникой смертельного и усыпляющего касания. Поэтому ни одно движение Горшина не поставило его в тупик, ни один удар мастера, коим, безусловно, был Тарас, не достиг цели. В любой момент Матвей мог остановить схватку, обладая дацзешу — искусством пресечения боя, к которому можно было отнести и японское ниндзюцу, и монгольское бандзо, китайский дуаньда, маньчжурский чаньтун, индонезийский пенчак-силат и отечественный русбой; всеми этими стилями Матвей занимался в свое время, и все они вошли в его техническую базу.

Горшин отскочил, озадаченный, но не побежденный, не растерявшийся и по-прежнему опасный. Снова начал атаку, меняя стили и ритм проведения приемов, ломая траектории движений спонтанно и неожиданно. Матвею пришлось ответить, чтобы ослабить нажим, потому что он перестал сновать между ударами и уклоняться, противник ему все-таки достался высшей категории, с которым вряд ли мог справиться даже мэйдзин — мастер ниндзюцу.

Затем Горшин применил «ядовитую руку» — искусство смертельного касания, культивируемое некоторыми японскими школами тайдзюцу, и хотя это был всего лишь отголосок «настоящей» космек (комбинаторики смертельного касания — по терминологии Васи Балуева), созданной перво-

людьми миллионы лет назад, Матвею пришлось изрядно потрудиться, чтобы не получить серьезный энергетический укол самому и не покалечить противника.

Кончилась атака Горшина тем, что он получил «щелчок по паутине» — укол в стиле русбоя в середину лба и некоторое время «выплывал» из полубессознательного состояния, присев на корточки. Выпрямился, опуская руки, показывая, что не собирается продолжать, но сдаваться явно не хотел.

— Мо сйцумен ва аримасэн ка?[1] — спросил Матвей по-японски.

— Кто тебя послал? — Голос Горшина был тихий, хрипловатый, обманчиво надломленный: он готовился к новой атаке.

— Не Конкере, — усмехнулся Матвей. — Я работаю на военную контрразведку, хотя пришел к тебе по собственной инициативе.

— Кто ты? Один из нас? Судя по тому, как ты вошел...

— Я Матвей Соболев, с одной стороны — Посвященный, с другой — нет. Если ты способен выслушать меня спокойно, без демонстрации вибхути[2], давай сядем и поговорим.

— А ты можешь?

Матвей прыгнул.

До стола было метров пять, и он пролетел над ним — уменьшив вес втрое, — точным движением снял с поверхности стола лежащий на нем нож и полоснул им по левой ладони. Брызнула кровь, тут же сворачиваясь, а через несколько мгновений, когда Матвей уже стоял у стены с оружием по ту сторону стола, шрам затянулся на глазах, побледнел, исчез совсем.

— Нормально, — хмыкнул Горшин. — Почему я вас не знаю? Такое способен проделывать только Посвященный II ступени Круга.

— Вы меня знаете, — сказал Матвей дружелюбно. — Точнее, з н а л и. Но об этом мы поговорим чуть позже. — Он снял со стены висящий обоюдоострый меч, по желобку которого вилась вязь старинных русских букв: «Не обнажаша

---

[1]Больше вопросов нет?

[2]В и б х у т и — манифестация сверхобычной силы, состоящей из выдающихся способностей, в которые входит превращение в сверхмалые, сверхвеликие объемы, утрата веса, достижение любых сверхудаленных предметов и тому подобное (буддизм).

напрасе». — Тринадцатый век. Меч русского князя Волеслава, не так ли?

— Откуда вы знаете?

— Ты мне сам сказал два года назад. Не хочешь попробовать? Ты ведь мастер кэндо? Однажды ты демонстрировал мне свое искусство.

Горшин без слов прыгнул через стол, красиво приземлился по другую сторону и снял другой меч — рыцарский, классического европейского типа, длиной около метра и шириной в пять сантиметров, с гардой, дужки которой слегка загибались вверх. Эфес его не был особенно удобным, но и витой эфес русского меча не слишком хорошо лежал в ладони.

Во время памятной Матвею встречи с Горшиным тот показал ему такое виртуозное владение мечом, что не восхититься и не позавидовать было нельзя. Но с тех пор прошло достаточно времени, чтобы Матвей приобрел мастерство воина, оттачивая владение мечом и другими видами холодного оружия, поэтому сегодня он дрался с Тарасом на равных.

О нет, этот бой не походил на всемирно известные киношные сражения горца Дункана Маклауда со своими многочисленными врагами. Каждый удар в этом бою мог оказаться смертельным, последним, ибо наносился не в одной плоскости, а по сложным кривым — «лопастями поражения», и не знающие защиты от таких ударов давно потеряли бы жизнь.

Горшин действительно был прекрасным кэндоистом, знающим все тактики и приемы боя на мечах, в том числе такие сложные, как японская «боэй-когэй-хеки» и русская «сеча Радогора».

Противостоять ему было чрезвычайно трудно, особенно в моменты смены ритма, однако Матвей выдержал бой, лишь однажды получив царапину на плече и сам нанеся укол в ухо противнику.

Тарас бросил свой меч первым, сказал хладнокровно:

— Вы превзошли меня, сэнсэй. Проходите, я сейчас приготовлю напитки.

Матвей повесил меч на стену, сел в одно из старинных, из темного дерева кресел. Горшин принес на деревянном подносе чашки из тонкого китайского фарфора, кофейник, сахар, сыр ломтиками, разлил кофе по чашкам. Отпив по глотку, они оценивающе глянули друг на друга, похожие непо-

казным спокойствием и глубинной уверенностью в себе, основанной на опыте и знании.

— Итак?

И от этого вопроса Матвею показалось, что история повторяется даже в деталях. Два года назад он пил кофе с Тарасом точно так же, и впереди их ждала жестокая схватка с Монархом Тьмы.

— Я инициировал эйнсоф, — сказал Матвей. — Ты в курсе, что это такое.

— В курсе, — кивнул Горшин, в свою очередь переходя на «ты». — Только странно, что ты уцелел.

— Мне придется начать издалека... — Матвей вздохнул про себя, не чувствуя желания продолжать; свою историю он повторял уже в третий раз, это начинало надоедать.

В отличие от предыдущей встречи с Ульяной и Парамоновым сегодня ему удалось уложиться в сорок минут. Горшин все отлично понимал, ни разу ничего не переспросил, скепсис не выражал и лишь изредка вскидывал на рассказчика сосредоточенный взгляд. Молчал он, после того как Матвей закончил, недолго.

— Значит, произошел отстрел мягкой версии Закона возмездия...

— Нечто в этом роде, — улыбнулся Матвей на слово «отстрел».

— Ну и что? Я это в принципе знал, поэтому и создал «Стопкрим» в качестве регулятора Закона.

— Этот твой регулятор слаб, он не справится с проблемой стабилизации социума. Да и не может он быть полноценным регулятором в принципе, как изначально патогенная система отношений.

— Допустим, это еще надо доказать.

— А исторический опыт порочных процессов регуляции социума тебе ничего не доказывает? Закон обратной связи подвержен волновым колебаниям, и как только он ослабевал, на Земле начинались войны, общие процессы разрушения культуры. На Ближнем Востоке окреп ислам — началась эпоха Крестовых походов. Взрывообразный процесс падения энтропии породил монголо-татарское иго. Такой же процесс в двадцатом веке инициировал поход Гитлера на Россию...

— Не стоит приводить примеры, — рассеянно сказал Горшин, — вряд ли ты докажешь мне то, в чем я сомневаюсь.

— Я ничего не хочу доказывать, только привожу факты. А в общем-то ты не прав, деятельность «чистилища» — не главная забота Посвященного такого ранга, как ты. Тем более что ситуацией все равно управляет более мощная организация.

— «Купол», что ли? Мы доберемся и до него.

— Нет, Союз Девяти Неизвестных. В твоей команде есть некто Рыков Герман Довлатович, начальник информбюро ФСБ, так вот он — один из кардиналов Союза. Неужели не почувствовал его силу? А в «Куполе» работает еще один кардинал — Хейно Яанович Носовой. Так что именно они регулируют социальную и прочую среды страны, а не «чистилище», и масштаб их воздействия на жизнь мира гораздо выше. Не обижайся, но я не стал бы преувеличивать собственную значимость для «запрещенной реальности».

— Я не обижаюсь, — сверкнул глазами Горшин, сделав безуспешную попытку перехвата воли собеседника, — но и не преувеличиваю. Я отступник, и никто не смеет мне диктовать свои условия, ни Союз Девяти, ни адепты Круга. Ни ты. У нас разные способы реализации себя и разные дороги.

— Ошибаешься, — простодушно проговорил Матвей. — Я предлагаю нечто большее, чем месть убийцам твоей жены, а как говорят даосы: не взять то, что даровано Небом, — значит себя наказать.

— Что же ты предлагаешь?

— Совсем скоро начнутся разборки между иерархами за трон Мастера Мастеров, инфарх будет низложен — не без помощи Монарха, кстати, разгорится великая битва за абсолютное владение «запрещенной реальностью»... — Матвей помолчал, — ибо это так увлекательно — в л а с т в о в а т ь над миром! А Монарх между тем потихоньку готовит новое и з м е н е н и е... если только оно уже не началось.

— Что ты предлагаешь конкретно?

— Перекрыть границы нашей реальности, дать цивилизации шанс развиваться самой, без толчков извне.

— Судя по твоему рассказу, однажды ты уже попробовал это сделать, и ничего не изменилось.

— Нет, я хочу перекрыть границы абсолютно, для чего необходимо выйти в «розу реальностей» и остановить Монарха. А заодно и образумить возомнивших себя богами иерархов.

Горшин с проснувшимся интересом и недоверием посмотрел на Соболева.

— Ты с ума сошел! Во-первых, для посещения других реальностей необходимо Посвящение III ступени, да и то это не всегда гарантирует доступ. А во-вторых, Монарх нам шагу ступить не даст, коли узнает о намерениях.

— Если узнает. Надеюсь, ты ему не расскажешь? — проговорил Матвей самым серьезным тоном.

Горшин, однако, шутки не принял.

— Парень, у тебя, по-моему, головокружение от успехов.

— Я не предлагаю дэвайну[1], я предлагаю Путь Избегающего Опасности. Одному мне одолеть его не под силу, а вдвоем мы справимся. К тому же у нас есть помощники как среди профессиональных воинов, идущих к Дао, так и среди Посвященных.

Горшин скептически поджал губы.

— Неужели нашлись еще отступники? Поздравляю. А ты, значит, полководец армии отступников, ха-ха...

Матвей остался безмятежен.

— Ты хочешь изменить положение вещей?

— Одного желания мало. Как ты предполагаешь это сделать?

— Я до сих пор нахожусь в поле действия «саркофага» Инсектов, то есть «одушевленной детали» системы управления «Иглой Парабрахмы», которая находится в МИРе формикоидов под дачей генерала Ельшина. Надо проникнуть туда и открыть вход в «розу реальностей».

— Так просто, — невольно улыбнулся Тарас. — Нас к даче на пушечный выстрел не подпустят.

— Я уже дважды посещал ее. К тому же нас там не ждут и ловушки не готовят, а у Ельшина стоит в отдельном бункере великолепный комп типа «Шайенн» с выходом на Монарха.

Тарас подобрался, хищно шевельнул пальцами рук.

— Это... интересно.

— Идешь?

Горшин выдержал холодно-ироничный взгляд Соболева, расслабился.

---

[1]Дэваяна — путь богов, которые идут после смерти к вечному блаженству, очистившиеся от грехов и познавшие вечную истину (буддизм).

— Надо как следует подготовиться.

— Я не предлагаю идти туда прямо сейчас, ошибаться мы не имеем права. Но времени у нас мало, начался синусоидальный провал Закона, надо спешить.

— А как Путь Избегающего Опасности согласуется с походом на Конкере? Ты же убедился уже один раз, что война с Монархом — путь потерь.

— Путь Избегающего Опасности не запрещает мне играть роль винаяки — устранителя препятствий, другое дело — каким способом я этого достигну.

— Каким?

— Не знаю, — простодушно ответил Матвей, вставая. — Пока не знаю. Но ведь мы профессионалы, разберемся. А еще я надеюсь, что нам помогут Учителя.

Горшин, задумчивый и явно заторможенный, проводил его до калитки, подал руку, помолчал, глядя исподлобья.

— Профессионалы, говоришь?

Матвей внимательно глянул в его непроницаемые черные глаза, не спеша отвечать на реплику. Тарас вдруг встрепенулся, показал свою удивительную улыбку — улыбку Будды и процитировал:

Да пребудут в целости,
Хмуры и усталы,
Делатели ценностей,
Профессионалы... [1]

Глава 12

ПРЕДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

Вертолет выбросил их в условленном месте, в тридцати километрах от Грозного, и с двух часов дня до вечера они отсыпались, отдыхали и готовились к следующей, заключительной части операции.

«Домом отдыха» послужил взорванный еще в девяносто пятом году винзавод, на территории которого чудом сохранилось небольшое хозяйственное строение, использовавшее-

[1] А. Межиров.

ся когда-то в качестве бутылочной мойки. Ничего пригодного к жизни там, конечно, не сохранилось, даже пустых бутылок, но перехватчикам особые удобства и не требовались, им было достаточно того, что стены строения и самого винзавода охраняли их от любопытных взоров местных жителей, изредка появляющихся вблизи.

Здесь группу ждал и транспорт — сгоревший с виду, разбитый вдрабадан БТР, бывший тем не менее на ходу и способный доставить группу куда угодно со скоростью шестьдесят километров в час.

Осмотрев территорию завода, Ибрагимов с двух сторон поставил по часовому и уединился в бывшем моечном цеху, где к нему присоединился майор Шмель. Остальные укрылись кто где, не желая в жару сидеть в душном помещении. Все понимали, что в случае обнаружения их не спасет ни полковник Дерюгин со своими оперативниками, ни тем более генерал Ельшин, и поэтому не переживали за свою судьбу, доверившись стихийным процессам, относясь к проблеме жизни и смерти по-философски. Правда, философия у всех была своя, и если бы можно было ее сравнить, то оказалось бы, что интересы многих бойцов отряда, основанные на их философии, диаметрально противоположны.

Василию досталось первому стоять в охранении, чему он был даже рад. Удобно устроился за двузубым участком каменной кладки — винзавод до уничтожения был обнесен высокой стеной — и стал наблюдать за местностью: холмы, поросшие кустарником, лесок в распадке, заброшенная железная дорога. Через полчаса к нему присоединилась Людмила, и они перекинулись парой фраз, хотя Василию не особенно нравился интерес женщины к его особе. А спустя еще полчаса у него произошел конфликт с Тамерланом, скучающим от безделья и нацелившимся на более тесное знакомство с особой женского пола.

Людмила, поговорив с Васей и видя его нежелание вести отвлеченные разговоры, улеглась в низинке за стеной, скинув верхнюю часть комбинезона и подставив грудь солнцу. В этот момент к ней подсел Тамерлан, с ходу прижал к земле и принялся стаскивать комбинезон. Людмила, конечно, знала приемы рукопашного боя, но в пределах универсальной школы, Тамерлан же был киллхантером и мог справиться с любым «черным поясом». Сопротивление женщины только

раззадорило его, принятое за игру, а ее молчание он принял за слегка завуалированное согласие. Вася услышал стон и вмешался в борьбу в тот момент, когда Тамерлан, обездвижив Людмилу болевым приемом, пытался раздвинуть ей ноги.

— Эй, — тихо позвал Василий, надеясь, что его присутствие подействует на Тамерлана отрезвляюще. Но тот лишь оскалился, продолжая свое дело. Прорычал свирепо:

— Приходи позже, «волкодав», будешь вторым.

И тогда Василий от души врезал ему ногой в область ребер с поворотом пятки. Удар назывался по-японски «ики-о кирасэру» и переводился как «сбой дыхания». Умело примененный, он всегда заставлял противника отступать.

Тамерлан был отличным бойцом. Краем глаза заметив движение, он почти успел уйти влево и попытался парировать удар внешним блоком — ребром ладони, однако в этот момент носок стопы Балуева повернулся, и пятка впечаталась в бок киллхантера, сбрасывая его с женщины на метр в сторону. Он тут же вскочил, пригибаясь, растопырив руки, и вид его был так воинственно-смешон — с расстегнутым клапаном-ширинкой комбинезона и торчащим оттуда детородным органом, что Вася невольно засмеялся.

Он тут же пожалел об этом, потому что в глазах Тамерлана разгорелся огонек ненависти и нешуточной угрозы, а киллхантер был из тех людей, кто обид не прощает и вполне способен воткнуть нож в спину независимо от ситуации. Однако и спустить подлость привыкшему побеждать наглецу Вася не мог.

— Молись Богу, «волкодав»! — прошипел смуглолицый завоеватель и прыгнул к Балуеву. Когда у него в руке появился нож, Вася не заметил, но был готов к любому повороту событий.

Он мог бы в принципе тут же и пресечь бой, применив всплывшее в памяти само собой описание ТУК — техники усыпляющего касания, и все же прежде сработали навыки мэйдзина, владеющего багуа-чжан — техникой «восемнадцати форм ладони». Вася развернулся влево, уходя с линии атаки, пропустил руку Тамерлана с ножом под мышку, снова развернулся, надавливая на локоть, и Тамерлан вынужден был выпустить нож, чтобы противник не сломал ему руку. В то же мгновение Вася ударил его «клювом» — сжатыми вместе пальцами — в глаз, и Тамерлан отступил, прижав ло-

донь к лицу. Затем точным движением выхватил пистолет. Вася «качнул маятник», собираясь метнуть сюрикэн во второй глаз киллхантера, и едва успел удержать бросок, потому что сзади послышался лязг затвора и голос Ибрагимова:

— Отставить стрельбу! Что не поделили?

— Я тебе еще припомню этот день, сука! — глухо проговорил Тамерлан. Спрятал пистолет, развернулся и, все еще держась за глаз, исчез за полуразрушенной стеной.

— Не нравишься ты мне, «волкодав», — задумчиво поиграл затвором «кедра» майор, оглядел спокойно стоящего Балуева, потом Людмилу, застегивающую комбинезон, с закушенной губой. — Все ты норовишь влезть в чужие дела.

— Он не виноват, — ровным голосом сказала женщина.

— Очень ты мне не нравишься, — не обратил на ее реплику внимания Ибрагимов. — Знаешь закон? Попал в стаю — лай не лай, а хвостом виляй.

— Что за шум, а драки нет? — появился из-за стены майор Шмель, оглядел Василия и Людмилу насмешливым взглядом, весьма схожим с прицеливающимся взглядом командира. — Я вижу, наш «супер» снова перебежал дорогу Тамерланчику? В чем дело, Хасан?

— Он не виноват! — зло глянула на него Людмила. — Следили бы лучше за своими бандитами. У вашего любимца слово не расходится с делом.

— Наше слово правое, наше дело левое, — хмыкнул Шмель, повернул голову к Василию. — Не боишься, «волкодав», что получишь пулю в спину?

Вася молча подобрал нож Тамерлана и неуловимым движением кисти бросил. Нож просвистел в сантиметре от носа майора, вонзился в ствол скрюченного самшита, пришпилив свисающий с ветвей кусок веревки.

Ибрагимов снова оглядел молчавшего Балуева с ног до головы, кивнул Шмелю, и они отошли, скрылись в глубине двора завода.

— Он тебе не простит, — тихо проговорила Людмила, имея в виду Тамерлана.

— Переживу, — буркнул Василий, вдруг почувствовав неуютное дуновение опасности. — Последним смеется тот, кто стреляет первым, как говорил один генерал.

Людмила подошла, тряхнула его руку, хлопнула по плечу и нырнула в заросли остролиста, как бы приглашая за собой.

Вася сделал вид, что не понял, и снова занял позицию часового, выбрав место наблюдения таким образом, чтобы никто не мог зайти к нему в спину.

До вечера ничего больше не случилось.

А в начале девятого они заняли места в бронетранспортере, и севший на место водителя Маугли повел железную грохочущую коробку на север, в сторону столицы Чечни.

Проводники знали в округе такие дороги, на которых не стояли посты новоиспеченной ичкерийской ГАИ, поэтому до Грозного добрались без приключений. БТР оставили под мостом через Терек, Ибрагимов и Шмель переоделись в форму местной милиции и вышли на дорогу, где остановили джип «Мицубиси» с двумя пассажирами, пристрелив обоих, молодого и пожилого, сидевшего за рулем. В половине двенадцатого ночи въехали в город, опять же минуя посты ГАИ и милиции, и, попетляв по улицам почти полностью погруженного в темноту Грозного, остановились у ресторана «Великий Джихад», от которого до трехэтажного особняка на улице Дудаева, где жил сын президента Чечни Амирбек Шароев, известный в криминальных кругах под прозвищем Безумный, было рукой подать.

Подготовка операции заняла минуты, место и цель каждого перехватчика были определены заранее, действия согласованы и пути отступления оговорены. Однако Ибрагимов сделал кое-какие замены, и Василию вместо роли страхующего досталась роль главного перехватчика. Он должен был проникнуть в дом Шароева вместе с Тамерланом, Киром и Шмелем, захватить Безумного и вынести из дома. В дальнейшем предполагалось перевезти террориста за город, дождаться вертолета и переправить его в Россию. Почему первоначальная схема операции изменилась, Ибрагимов объяснять не стал, но было ясно, что он получил приказ по рации, самолично менять до деталей разработанный план он бы не посмел.

Полчаса они наблюдали за особняком, пользуясь биноклями и приборами ночного видения. Дом, построенный в стиле псевдоренессанса лет пятьдесят назад (как ему удалось уцелеть после ракетных и пушечных обстрелов города — приходилось только гадать): цокольный этаж, высокие первый и второй этажи, балюстрада, аттиковый этаж, пилястры, вальмовая крыша, — охранялся не только боевиками Шароева,

но и милицейским нарядом со стороны улицы, поэтому надо было рассчитать каждый свой шаг, нейтрализовать охрану периметра и лишь потом штурмовать резиденцию Безумного.

Первыми из джипа выскользнули Шерхан и Маугли. Они тенями перелетели улицу и скрылись из глаз за стеной декоративного, давно не стриженного кустарника, отгораживающего проезжую часть дороги от тротуара. Через несколько минут рации донесли остальным членам отряда тихий двойной щелчок, что означало: путь свободен, — и машину покинули Ибрагимов и Шмель. За ними ушли в ночь Тамерлан и Кир. Они должны были обезвредить внешнюю охрану здания, в качестве которой работали бывшие головорезы из отрядов Радуева, Басаева, Хасбулатова и других полевых командиров времен чеченской войны. Шароев, подобно всем его предшественникам, очень любил вооруженных до зубов людей и окружил себя целым батальоном хорошо обученных бойцов. Но — обученных стрелять, а не охранять особо важных персон или участвовать в специальных операциях. Поэтому численность охраны группе перехвата не была значительной помехой.

В кабине джипа осталась одна Людмила, получившая задание наблюдать за подъездами к дому и в случае опасности вовремя дать сигнал тревоги. Второй проводник — чеченец, имя которого осталось неизвестным даже Ибрагимову, высадился еще до въезда в город, свою задачу он выполнил.

Дом со стороны фасада охраняли шестеро молодцов в стандартной пятнистой форме российского спецназа, и всех их Шмель, Ибрагимов и Тамерлан убрали в течение трех секунд из бесшумных винтовок и «винтореза». Еще двоих они же сняли с крыши, и четверых, охранявших здание со двора, ликвидировали Шерхан и Маугли. Лишь один из часовых, засевших на крыше, умер не сразу, свалившись вниз и произведя небольшой шум, остальные уснули навсегда в тех позах, в которых их застали пули снайперов и ножи киллхантеров.

Охраняли дом и собаки — иранские палевые овчарки, которых тоже пришлось пристрелить, так как они стали рваться с поводков убитых у ограды охранников.

Последним к дому метнулся Василий, прекрасно разбиравшийся в хаосе теней и пятен света, видимых сквозь инфракрасные очки. Его уже ждали у малой колонны на углу

здания Ибрагимов и Шмель. Дверь особняка была заперта изнутри, и через нее решили не ломиться, не зная, какие силы ждут гостей в холле.

Майор показал пальцем на окна второго этажа. Василий молча полез вверх, цепляясь, как паук, за выступы колонны и рельефные плитки стены. Здание как нарочно было приспособлено для использования его в качестве тренажера для лазутчиков, и взобраться на любой его этаж тренированному человеку не составляло особого труда. Достигнув карниза, Вася уцепился за его край, подтянулся и бесшумно перевалился через каменное обрамление балюстрады на пол балкончика, где лежал убитый часовой. За Васей так же ловко взобрался Шмель, шепнул едва слышно:

— Он во второй комнате от угла, это бильярдная, играет, наверное, с кем-нибудь. Идешь первым, мы прикрываем.

— Где остальные?

— Уже на этаже, зашли с другой стороны.

Вася снял прибор ночного видения, подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и распахнул стеклянную дверь, выходящую на балкон. Узкая комната с диваном и столиком у стены, батарея бутылок под столиком и на нем, запахи вина и чеснока. То ли комната отдыха охранников, то ли дежурка обслуживающего персонала. Из-под двери в коридор пробивается полоска света. Тишина.

Оглянувшись — Шмель не спешил идти следом, — Василий приоткрыл входную дверь и оглядел в щель коридор.

Бра по стенам, горящие через один, лепнина на потолке, малиновый ковер во всю ширину коридора, портреты Дудаева, Масхадова и Шароева на стенах между тремя белыми дверями. Охранник один, могучего сложения абориген с густой щетиной на щеках, в камуфляже, с «калашниковым» под мышкой. Постояв перед портретами, он неспешно удалился в другой конец коридора к столику в тупике с горящей настольной лампой и тремя початыми бутылками. Звуки долетали из коридора самые мирные: стук бильярдных шаров, женский смех, тихие мужские голоса. И все же Вася снова на мгновение ощутил мерзкое чувство опасности, заставившее его напрячься и удвоить внимание. Он собрался было выскочить из комнаты, догнать охранника и усыпить его, но опоздал.

За спиной верзилы открылась дверь, в коридоре появи-

лась пятнистая фигура (Кир!), вонзила охраннику нож в шею, зажав рот рукой, и опустила выгнувшееся дугой тело на пол. Махнула рукой, приглашая Василия. Тот выскользнул за дверь.

Кир ткнул кулаком в одну из дверей с нарисованным на ней кием, показал два пальца и отступил в сторону, затем скрылся за той же дверью, откуда только что выпрыгнул. Вася немного удивился, ожидая, что Кир последует за ним, но отсчет времени операции продолжался и медлить было нельзя. Ударом ноги он распахнул дверь в бильярдную, ворвался внутрь и остановился, одним взглядом схватывая обстановку комнаты, расположение мебели и все ее детали. Ощущение беды охватило его с новой силой.

Здесь действительно играли в бильярд двое молодых мужчин, но ни один из них не был похож на Безумного, спутать которого было трудно с кем бы то ни было: парню исполнилось двадцать четыре года, но был он уже лыс, одутловат, с глазами навыкате, в которых вечно тлел огонек легкого безумия, и вечно сутулился. Эти же парни явно были спортсменами, носили майки с черепами и спортивные брюки, на чеченцев они походили мало. Скорее всего это были гости Шароева, наемники из какой-нибудь нацгруппировки стран СНГ.

Они переглянулись, застыв с киями в руках, уставились на человека в камуфляж-комбинезоне с «чеченкой» на голове. Вася тоже смотрел на них, уже понимая, что произошел некий сбой в операции, но еще не веря в худший вариант, и в это время в ухе свистнула рация, раздался задыхающийся голос Людмилы:

— Вася, беги! Это зас... — Голос женщины прервался, затем долетел чей-то смешок:

— Пока, «волкодав»... — И все стихло.

И Вася понял, что Ибрагимов и Шмель ловко подставили его в завершающей фазе операции, начав ее так, что у него не возникло ни капли подозрения. Очевидно, смерть Шароева стала невыгодна — там, наверху, сменился ветер политических расчетов, — и отцы-командиры жертвовали пешкой, чтобы сохранить фигуры покрупней.

— Зря я тебя не послушался, Соболев! — сквозь зубы проговорил Вася. — Ну ничего, майорчики-субчики, держитесь!

Понимая, что шансов уйти живым и невредимым у него почти нет, он начал отступление, так как сдаваться не при-

вык и в безнадежных ситуациях. А еще он знал, что самый лучший способ сохранить свою жизнь — это пренебречь ею.

Путь отступления через коридор и внешние комнаты был отрезан, в этом Вася убедился, выглянув из бильярдной: с обоих концов коридора к двери игровой комнаты приближались рослые боевики Шароева с зелеными повязками на лбах — пятеро с одной стороны и столько же с другой. Вася мгновенно отпрянул, захлопнул дверь и припер ее кием; все это в течение двух секунд, так что обалдевшие игроки не успели ничего предпринять. А когда они спохватились и кинулись к оружию (автоматы лежали на свободном бильярдном столе), Вася выключил их одного за другим, применив наконец приемы из арсенала ТУК, словно знал их всю жизнь. Удивился он этому открытию гораздо позже.

Ему не нужно было прикидывать варианты действий, обдумывать и колебаться, взвешивать все «за» и «против». Искусство ниндзюцу за многие годы занятий впиталось в его плоть и кровь и диктовало свои решения спонтанно. Для проникновения в запретную зону, равно как и для выхода оттуда, ниндзя пользовались разными тактическими приемами, среди которых важнейшими считались следующие: выбор самого слабого звена в системе охраны, выбор наиболее благоприятного момента, отвлечение внимания стражи. Считалось, что лучшее время для операций — безлунная, туманная, ветреная и дождливая ночь. Внимание охраны часто отвлекали партнеры по команде, устраивая поджог, взрыв, просто шум в другом месте. Если же помощников не было, воину-одиночке приходилось самому заботиться об отвлекающем маневре. Что Вася и сделал.

В течение нескольких мгновений он приладил к ручке двери гранату с толовой шашкой, для острастки пальнул пару раз в дверь, чтобы молодчики в коридоре не сразу ринулись в атаку. Затем погасил свет в бильярдной и выбросил тела спящих игроков в окна, выбив ими стекла. И нырнул в окно следом.

Он уже катился по земле во дворе дома, когда на втором этаже прогремел взрыв. Охранники, оцепившие особняк за то время, пока Вася был внутри, невольно отвлеклись грохотом и вспышкой — от взрыва вылетели все стекла в доме, — и этого мгновения хватило Василию, чтобы метнуть в боевика напротив колючий шар и выскользнуть в образовавшуюся в

цепи охраны брешь. Холодная ярость помогала держать т е м п, и действовал Вася намного быстрее не обученных таким хитростям боевиков.

У металлической решетки забора он задержался, чтобы метнуть назад две светобарические гранаты, которые создавали звуковую волну мощностью до шестидесяти децибел и ярчайшую вспышку света, надолго выводящую из строя зрение. После этого он, уже не слишком торопясь, перелез через забор и... упал, не сразу сообразив, в чем дело: в плечо вдруг воткнулся с силой раскаленный гвоздь, отбросив его назад. Потом пришла догадка — пуля! В него стреляли! Причем не боевики в спину, со стороны дома, а с улицы! И судя по удару и точности — попали в него, когда он прыгал, — стрелял снайпер.

Тамерлан!

— Прощай, «волкодав», — донесла рация чьи-то слова как бы в ответ на Васины мысли, и он на несколько секунд потерял сознание. Но и в этом состоянии им продолжала руководить подсознательная программа выживания, заставившая тело отползти в сторону, за кусты, и не дать снайперу выстрелить еще раз. Опомнившиеся охранники начали стрельбу, но так как лазутчика не видели, то и стреляли в белый свет как в копеечку, едва не перебив друг друга.

Очнулся Вася у дороги, в сточной канавке, метрах в тридцати от особняка Шароева. Мгновенно оценил ситуацию и, превозмогая боль в плече — правая рука уже начала неметь, — пополз к ресторану «Великий Джихад», пока не наткнулся на тело человека. Машинально ощупал лицо, волосы и глухо застонал — это была Людмила. Но джипа с командой Ибрагимова здесь уже не было. Они и так рисковали, ожидая, чем закончится прорыв Балуева и стреляя в него во время отступления.

Стрельба вылилась на улицу, несколько пуль вжикнули мимо, рикошетя от асфальта или тяжело ударяясь о стволы деревьев. Тогда Вася встал на колено и ответил длинной очередью из своего «клина», целя в мелькавшие у дома Безумного фигуры. Выдохнул: «Прости, Люда!» — устроил в ее руках пистолет-пулемет таким образом, чтобы тот стрелял одиночными, и грузно побежал по дороге, пригибаясь и слыша свист пуль над собой, пока не добрался до автостоянки у ресторана. Дважды падал от попаданий в спину, хотя бронежилет

выдержал, но все же одна из пуль нашла незащищенное место и пропахала бок.

Разбив боковое стекло ближайшей «девятки», Вася ввалился в кабину, ножом вскрыл рулевую колонку слева, выдернул провода зажигания, зубами оголил, соединил — все это на одном дыхании, автоматически, — и погнал машину прочь от места сражения мертвой женщины-проводника с охраной Шароева. Надежды на то, что его не перехватят по пути из города, было мало, поэтому Вася сделал то, что на его месте не сообразил бы сделать ни один нормальный человек. Он погнал «девятку» не к окраине Грозного, а в центр, где на площади Свободы стоял недавно отстроенный десятиэтажный дворец президента. Только здесь у беглеца сохранялся шанс остаться в живых.

Он хорошо знал город, хотя ни разу в нем не был, и мог проехать по нему буквально с закрытыми глазами. Перехватили его гаишники и бойцы ОМОНа уже у выезда на площадь, перегородив улицу милицейским «рафиком» и двумя «Волгами», однако Вася не раз преодолевал подобные заграждения, как на тренировках, так и в реальной жизни, поэтому прорвался легко. Проговорив сквозь зубы: «Больше скорость — меньше ям», — он утопил педаль газа до упора, сбил одну из «Волг» и, протиснувшись в щель между ней и стеной четырехэтажного жилого дома, выскочил на площадь.

Здесь его тоже ждали, но вовсе не там, где надо было, никто из поднятых по тревоге сотрудников спецподразделений не ожидал от беглеца настолько нестандартного хода, как атака президентского дворца, и Василию удалось промчаться мимо БТРа охраны дворца, взобраться по ступенькам центральной лестницы наверх и вонзить свою «девятку» в парадную дверь.

Брызнувшие во все стороны полицейские из охраны резиденции главы государства открыли было огонь, но тут же прекратили: водитель не шевелился.

Но Василий был еще жив, хотя и получил два новых ранения — в левую руку и в голову. Сквозь кровавый туман в глазах он разглядел приближающихся солдат службы безопасности в белых касках и белых портупеях поверх серых мундиров, прохрипел:

— Привет, ребята, босс принимает? Я тут записывался к нему на прием... — И окончательно потерял сознание.

Глава 13

ДАЙ ПОНЯТЬ, ЧТО ДЕЛАЮ

В ментале его стерегли.

С тех пор как старейшины Круга, отвечающие за Посвящение, нарекли Тараса отступником, он перестал черпать информацию из многослойного информационного поля Земли. Если путь в астрал еще подчинялся ему, то выходы в следующие слои-уровни поля — ментал, логос и универсум были перекрыты наглухо. Кто и как это сделал, Тарас не знал, однако каждый раз, когда он пытался выйти в необозримое поле вселенской информации, его жестоко останавливали. Называлось воздействие «зверем астральной атаки». «Зверем» же была запущенная кем-то целевая программа, вызывающая деструкцию определенной личности и деформирующая ее витальную (эмоциональную) и ментальную (интеллектуальную) оболочки. В задачу программы входила качественная ориентация отрицательного заряда на деформацию тонких, «эфирных» (энергетических) оболочек человека, что вызывало падение тонуса, порчу настроения, появление раздражительности, подавленного состояния, нежелания что-то делать и даже болезнь и смерть.

Иногда эта программа действовала иначе, она включала лавинообразный каскад воображения Тараса, в результате чего на него обрушивалась его же собственная сила, и ему для нейтрализации «эффекта зеркала» приходилось уклоняться от собственного психического удара, переходить на другую частоту психического состояния, пока не затухал резонанс. Правда, при этом случались казусы, ибо переход сопровождался внедрением сознания Тараса в чью-то личность или в коллективные поля духовно ориентированных групп. Так, однажды он подстроился к эгрегору Медитационного клуба Пентагона и стал свидетелем попытки ученых-психоэнергетиков заставить заговорить замолчавший военный спутник.

В этот раз никакого подключения не состоялось. Как только воля Тараса обозначила попытку выхода в ментал, «зверь» прыгнул на него и нанес мощный пси-удар, бросивший Горшина в беспамятство на всех уровнях сознания. Пришел в себя он уже в своем теле, напоминавшем сосуд, полный боли всех видов и оттенков. С полчаса приводил себя в

порядок, потом все же сосредоточился, собрал волю в кулак и вышел в астрал. Ему необходимы были сведения, подтверждающие слова Матвея Соболева. Не то чтобы Тарас не поверил ему, он оценил информацию Соболева сразу как правдивую, но кое-что все-таки нужно было уточнить.

Свой полет по объемным многомерным панорамам астрала он закончил через несколько минут и, как всегда в конце сеанса, почувствовал чей-то внимательный, проникающий в душу взгляд. Это не был взгляд человека или какого-то живого существа. Впечатление складывалось такое, будто на него смотрела Вселенная со всеми заключенными в ней объектами, существами и рассеянной материей. Но у Тараса уже сложился образ «разглядывающего» его исполина, поэтому он низко поклонился ему и медленно проговорил в гулкую пропасть под ногами:

— Прости, что беспокою... исполни просьбу... сними ненависть мою, не святая она... так мало людей нравится мне, что я начинаю сомневаться в себе... а главное — дай понять, что делаю...

Исполин безмолвно высился над склонившимся — в психическом плане человеком, и Тарас с тоской подумал, что это его молчание и есть Ответ... который он не в силах понять...

Сеанс медитации закончился.

Тарас ощутил себя сидящим в кресле в каминном зале своего жилища. Шел первый час ночи, свет в зале не горел, в камине завораживающе тлели угли, пахло сосновыми поленьями, дымком, смолой и сушеной малиной. По электрическим жилам дома бежал ток, охраняя покой владельца, но из углов зала почти неощутимо, на пределе чувственного восприятия, текли холодные струйки недоброго внимания. Монарх Тьмы знал, где прячется его недруг, и, даже не находясь в земной реальности, влиял на нее, давая понять, что стережет каждый шаг отступника.

— Сгинь! — негромко сказал Тарас.

Холодные струйки растаяли. В своем доме он все же оставался хозяином. Настроение слегка улучшилось. Но потом вспомнилось появление Соболева, и настроение снова ушло. Нигде нельзя было расслабиться, даже в собственном, хорошо защищенном владении.

В памяти всплыло лицо Соболева, непостижимым обра-

зом пережившего личное изменение, сильное, с глазами провидца и воина, лицо человека, проникшего в глубины Дао, избравшего Путь Избегающего Опасности. Путь, предполагающий ненасилие. Не парадокс ли это? Как согласуется путь ненасилия с тем, что он задумал? С проникновением в «розу реальностей» ради прекращения войны иерархов? Понимает ли этот мальчик, волей случая ставший Посвященным, что абсолютные реальности имеют совершенно иные законы, законы магии и взаимопереходов энергии, построенные на иных гармониях, которые люди просто не в состоянии воспринимать?..

Тарас тряхнул головой, отгоняя наваждение. Он не был готов ответить Соболеву определенным образом, но и тот, судя по всему, не был готов к походу в «розу реальностей».

Сварив кофе, Тарас включил в рабочем кабинете компьютер и несколько часов подряд работал с поступившей по сети Интернет-класс информацией, составлял план координации сил «чистилища» по намеченным бандликам, не ощущая былого возбуждения и нетерпения, изучал дело, которым занимался лично; спал он мало, организму хватало четырехпяти часов в сутки.

Дело под названием «Передел» он держал под личным контролем потому, что в него оказалась замешана сестра жены Наталья Звонная, весьма одаренный модельер, волей коллектива ставшая директором ООО (общества с ограниченной ответственностью) «Центр-Мода», одного из крупнейших столичных магазинов одежды, расположенного на Красной Пресне. Началась история просто.

Накануне перевыборов директора в магазин пришел человек и сказал: «Я хочу стать вашим инвестором». — «Зачем нам инвестор? — искренне удивилась директор. — Мы и так неплохо живем». Молодой человек вежливо откланялся и ушел. На другой день пришел еще один мужчина с таким же предложением. Звонная отказала и ему, еще не понимая, что попала под волну давления. В этот день она торопилась домой: дочка рожала ребенка. Трое молодых людей встретили ее в подъезде. Удара по голове она не почувствовала, просто вдруг потеряла сознание. Очнулась в больнице: ей отбили почки, сломали два ребра и переломали все пальцы на правой руке, так что модельером работать она уже не могла.

Впрочем, директором тоже. Заявление об отказе от должности и предложение выбрать директором неизвестного гражданина она писала в больнице, после того как ее навестили все те же молодые люди и посоветовали не рисковать здоровьем и жизнью дочки и только что родившейся внучки. Женщина сдалась. Но потом к ней пришел Горшин, выяснил обстоятельства нападения, пообещал помочь и внушил Наталье Никитичне мысль, что дело надо продолжать. Она дезавуировала собственное заявление, вышла на работу и вновь была переизбрана директором, вернее, теперь уже президентом компании.

Буквально на следующий день к ней подошел знакомый молодой человек, который предлагал услуги инвестора, представился брокером фирмы «Мода-плюс» Фурыгиным и предложил «слиться» с их универмагом. «Нет, спасибо, — ответила Звонная, понимая, что начался новый виток борьбы за ее компанию. — Мы уж как-нибудь обойдемся без вас». — «За нами известные силовые структуры», — намекнул «брокер» Фурыгин. «А за нами — мы сами...» — пошутила Наталья Никитична. Тогда она еще надеялась, что все утрясется, и свояка (Тараса) предупреждать не стала.

Однако события стали развиваться стремительно и непредсказуемо. ЗАО «Мода-плюс» начало наступление на конкурентов по всем фронтам, не брезгуя подкупом учредителей, устраивая лотереи с немыслимыми призами и премиями для работников магазина, скупая их доли, оформляя доверенности на право участия в деятельности ООО «Центр-Мода». Затем снова начались угрозы физической расправы над несговорчивым директором магазина и ее коллегами.

Не желая все-таки впутывать в эти разборки Горшина, Наталья Никитична обратилась за помощью в УВД, в налоговую полицию и в прокуратуру. Налоговая полиция сработала быстро, ответив, что «фактов перечисления денежных средств на приобретение акций ООО «Центр-Мода» не установлено», и умыла руки. «Брокера» Фурыгина, оказавшегося вице-президентом фирмы «Мода-плюс», и его подельников, избивших когда-то Звонную, вызвали в отделение милиции и заставили написать объяснительные, в которых они представили себя ангелами, спустившимися с небес для облагодетельствования коллектива магазина «Центр-Мода». Нико-

му они не угрожали, никаких недобрых помыслов не вынашивали.

Получив эти объяснения, сотрудники УВД развели руками, отпустили «брокеров» и уныло сообщили Звонной, что оснований для возбуждения уголовного дела нет.

В прокуратуре же один высокопоставленный чиновник цинично пошутил: «Вот убьют, тогда и приходите».

Наталья Никитична продолжала работать. А в середине мая, спустя два месяца после начала атаки на ее компанию, Звонную вновь встретили в подъезде дома трое крепких молодых людей. Правда, сделать они ничего не успели, потому что именно в этот момент в подъезд вошел Тарас Горшин. Что он сделал, обмершая Наталья Никитична не поняла, только троица вдруг перестала интересоваться жизнью и улеглась отдыхать прямо на ступеньках лестницы напротив лифта. Тарас проводил женщину домой, успокоил и оставил в состоянии, близком к шоку. Она поняла, что защитник у нее серьезный. Но сам Горшин прекрасно понимал, что так просто от Натальи не отстанут, пока она не согласится отдать магазин или пока не сменится руководство ЗАО «Модаплюс».

Именно этой «сменой» он сейчас и занимался, привыкнув не уповать на расторопность правоохранительных органов.

Под утро ему позвонил Завьялов и сказал всего три слова:

— Тень отца Гамлета...

Это означало, что совещание «полного квадрата» «чистилища» назначено на девять утра на явке, расположенной у театра «Современник». В свое время Горшин смеялся над «эзоповым языком» переговоров, предложенным Бохановым для связи комиссаров, но остальные руководители «Стопкрима» поддержали Владимира Эдуардовича, и теперь приходилось выслушивать всякую белиберду и вспоминать шифр.

— Тень отца пришла к Гамлету и спросила: «Отгадай, в каком ухе у меня яд?» — вспомнил Тарас извлечение из школьного сочинения. Фыркнул, глянул на часы. На отдых ему оставалось всего три с половиной часа.

«Высплюсь», — подумал он, бросаясь на кровать и мгновенно проваливаясь в сон.

* * *

Поначалу заседание комиссаров «чистилища» не носило сенсационного характера. Решались обычные дела, обсуждались очередные бандлики, начался и закончился спор, какую из намеченных операций считать первоочередной; затевал такие споры обычно Боханов. Затем неожиданно спор развязал Музыка. Темой обсуждения была деятельность Чеченской армии свободы на территории России, и Глеб Максимович резко отрицательно отозвался о переносе действий «чистилища» на территорию Чечни.

Горшин не участвовал в обсуждении проблем родной конторы, уйдя мыслями в себя, на это его загадочное молчание наконец обратил внимание Завьялов:

— Что это вы притихли, Граф? Что-нибудь случилось? Или вам тоже не хочется связываться с исламскими экстремистами?

— Ими уже занимается ФСБ, — безучастно отозвался Тарас. — К тому же, уничтожив лидеров ЧАС, мы не решим проблемы. Она глубже, в корнях ислама, который является патогенной системой верований не из-за вложенной в нее программы подавления воли, а из-за использования ее низшей кастой, не имеющей высокоинтеллектуального или высокодуховного выхода.

Озадаченные комиссары «Стопкрима» переглянулись. Рыков, наверное, лучше других понимал Графа, но по обыкновению промолчал. Зато не удержался от восклицания Владимир Эдуардович:

— Вы, Граф, сегодня философ. Что это на вас нашло?

— Я сворачиваю свою деятельность в «чистилище», — ровным тоном сказал Тарас. — Закончу дела, которые контролирую лично, и уйду. Вы вольны принять в «квадрат» нового комиссара.

Наступило изумленное молчание, которое спустя минуту нарушил Завьялов:

— Вы это... серьезно, Граф?!

— Более чем, — лаконично ответил Тарас.

— Чтоб мне провалиться! — крякнул Боханов. — Вы меня сразили, комиссар! Ведь это же была ваша идея — создать «Стопкрим». Или вы решили организовать новую контору, где будете лидером?

— Чтобы решать там свои интересы, — добавил Музыка,

будучи не всегда в ладах с русским языком, — вроде того дела с магазином «Центр-Мода». Или вы скажете, что не заинтересованы в этом деле?

— Заинтересован, — спокойно пожал плечами Тарас, — но это мое личное дело. Все мы грешны, и, если покопаться, у каждого можно найти...

— Не надо копаться, — мрачно сказал Боханов. — В принципе каждый из нас имеет право на решение каких-то сугубо личных моментов. И все же это нечестно... я имею в виду ваше желание уйти.

— Не согласен, — впервые заговорил Рыков, утонувший в своем кожаном кресле. — В этом мире нет ни честности, ни справедливости, ни сочувствия. Мы имеем дело лишь с человеческими умозаключениями, существующими в узком кругу идей и понятий. Все остальное — тщета и суета.

— У вас слишком математический подход к делу, Герман Довлатович, — проворчал Боханов. — Слишком рациональный, скулы сводит. Ну и что мы теперь будем делать, господа комиссары? Граф, вы действительно собираетесь уволиться из «чистилища» или блефуете? А последствия этого шага вы просчитали?

— Не слишком ли много вы знаете, чтобы вот так запросто встать и хлопнуть дверью? — хмыкнул Глеб Максимович.

Тарас посмотрел на него рассеянно, однако промолчал.

— Давайте не будем опускаться до угроз, — вздохнул расстроенный Завьялов. — Появилась проблема, ее надо решать по взаимному удовлетворению, а не путем внутренних разборок. Предлагаю каждому обдумать возникшую ситуацию и собраться еще раз.

— Разумно, — кивнул Боханов. — Ибо, как говорил какой-то умник: «Всякая проблема имеет решение — простое, удобное и ошибочное»[1]. Не стоит нашему комиссариату ошибаться в таком интимном деле. Ваше мнение, Герман Довлатович?

— Я считаю, Граф вправе решать, с кем ему быть, — растянул в недоброй улыбке бледные губы Рыков. — Другое дело, будет ли нести угрозу нам та компания, к какой он прибьется.

---

[1]Генри Луис Менкен (1880—1956) — американский критик и публицист.

Тарас с любопытством и насмешкой посмотрел на комиссара-пять.

— Герман Довлатович, ведь вы, по сути, свингер[1], а смеете угрожать. Нехорошо. Мы оба прекрасно знаем, в каких компаниях работаем, и лучше нам обходить острые углы.

Рыков снова улыбнулся, хотя глаза его блеснули остро и предупреждающе. Вступать в дискуссию с Тарасом он не стал.

— Э-э, но ведь свингер... — пробормотал сбитый с толку Боханов, — это, кажется, двойной агент?

— Скорее «друг семьи», — сдержал улыбку Завьялов, знающий точное значение слова «свингер». — Итак, что мы решаем?

— Отложим, — встал хмурый Музыка. — У меня много дел, прошу извинить. Предлагаю не решать с кондачка, встретимся завтра.

Он ушел. За ним, помявшись, удалился Боханов. Завьялов, всегда уходивший последним, вопросительно глянул на оставшихся комиссаров.

— Мы тут кое-что обсудим, — меланхолически обронил Рыков. — Не беспокойтесь, Дмитрий Васильевич, все будет нормально.

Завьялов надел пиджак, поправил галстук, дал распоряжение команде сопровождения и вышел. Горшин и Рыков остались сидеть, словно не замечая друг друга. Потом Герман Довлатович проговорил бесцветным голосом:

— Тарас Витальевич, давайте наконец расставим точки над «i». Я знаю, кто вы...

— И я знаю, кто вы, — спокойно кивнул Тарас.

— Но если до этих пор мы могли контролировать вас, то после вашего ухода из конторы контроль становится проблематичным. А это, сами понимаете, несет угрозу нашему делу. Я имею в виду...

— Союз Девяти.

— Совершенно верно. Вы начинаете мешать нам.

— Это следует понимать как угрозу?

— Я просто констатирую факт. Состояние земной реальности квазиустойчиво, и если вы развернете бурную деятельность по ее дестабилизации...

---

[1] Свингер — член супружеской пары, вступающий в интимную связь с членом другой супружеской пары.

— Отчитываться вам я не намерен, Герман Довлатович.

— Это нас удручает, Тарас Витальевич. Вы можете случайно нарушить наши планы, и тогда нам придется...

Тарас с иронией посмотрел на собеседника, от которого вдруг повеяло холодом и ощутимой угрозой.

— Договаривайте, кардинал.

— Вы все прекрасно понимаете, Тарас Витальевич. Но насколько я знаю вашу историю, махавидья[1] вам недоступна, не так ли? Вряд ли вы сможете противостоять Союзу долго.

— Во-первых, я не собираюсь воевать с вашим Союзом. Во-вторых, кардинал, насколько мне известно, вам тоже доступен лишь Сатариал, но никак не Цафкиель[2], не так ли?

Они скрестили взгляды и несколько мгновений обменивались психофизическими ударами, пытаясь прощупать оборону друг друга, потом осторожный Рыков отступил:

— Я не хотел угрожать вам, Тарас Витальевич, но в конце концов вам необходимо будет определиться, с кем вы. От этого будет зависеть ваша судьба, а возможно, и судьба реальности.

— Я рискну пойти своим путем, — равнодушно ответил Тарас.

— Карма риска — не лучшая дорога во Внутренний Круг. А вы ведь хотели бы вернуться, не правда ли?

Тарас встал.

— Прошу извинить, но мне надо идти.

Рыков не ответил, продолжая изучать лицо Горшина, обманчиво тихий, серый, слабый, как мышка. Голос его догнал Тараса уже у порога:

— Вы случайно не знакомы с человеком по имени Матвей Соболев?

— Незнаком, — небрежно ответил Тарас с некоторой заминкой, и эта заминка не ускользнула от внимания кардинала Союза Девяти Неизвестных.

---

[1] Махавидья (великое ведение) — метафизическое знание как свойство личности.

[2] Сатариал — Дьявольское Понимание; Цафкиель — Размышления Бога (Каббала); в данном случае — уровни внутренних энергий и психофизических возможностей.

* * *

В кафе «Лакомка» на Страстном бульваре Рыков появился в начале девятого в сопровождении своего мейдера охраны. «В свет» он выходил редко, имея возможность оттянуться или приятно отдохнуть в менее доступных простому смертному заведениях типа хелс-клаба «У Шварценеггера». Но сегодня Герман Довлатович наконец-то вычислил траекторию движения Матвея Соболева, о котором говорил Бабуу-Сэнгэ на последнем совещании кардиналов Союза Девяти, и решил войти с ним в прямой контакт. Лучшее же место для встречи, нежели кафе, найти было трудно, тем более что Соболев появился там не один, а с девушкой, что заведомо ограничивало его маневр.

Герман Довлатович занял двухместный столик недалеко от буфетной стойки, заказал мусс, кофе, ореховое желе и круассаны и стал наблюдать за парой в углу зала, не обращавшей никакого внимания ни на кого.

Девушка, безусловно, красива, хотя одета была достаточно просто, в узкое серое платье с блестками, с большим вырезом на спине. А вот ее друг явно носил одежду от Бриони. На нем был светло-бежевый костюм: однобортный пиджак с высокой застежкой, рукав чуть-чуть, на полтора сантиметра, приоткрывает манжеты кремовой рубашки, брюки прямые, классических линий, и великолепный сизый галстук с жемчужным отливом и рисунком, напоминающим китайский иероглиф «тайцзи».

Сам Рыков предпочитал галстуки с картинами эпохи Возрождения, но толк в них понимал и оценил вкус парня по достоинству. Оценил он и туалетную воду («Аква ди гио» фирмы «Армани»), которой пользовался Соболев; расстояние в полтора десятка метров, множество посетителей и запахи кафе нисколько не мешали Герману Довлатовичу видеть, слышать и обонять то, что он хотел. Правда, в данном случае он почему-то не мог расслышать ни одного слова из разговора интересующей его пары, и это говорило уже о возможностях того, за кем наблюдал Посвященный.

Один раз Герману Довлатовичу даже показалось, что Соболев ему подмигнул, но сидел он в этот момент спиной к Рыкову, и он решил, что принимает нежелаемое за действительное.

Кафе постепенно заполнялось, пока не образовалась оче-

редь к столикам, однако к Герману Довлатовичу никто не подсаживался — он контролировал обстановку, о т в о д я глаза жаждущих вкусить мороженого. К сожалению, он отвлекся, и в тот же момент к столику подошли крутые молодые люди с равнодушными взглядами повелителей жизни.

— Подвинься, — сказал один из них, подзывая официанта щелчком пальцев. — И вообще, засиделся ты тут, старичок, шел бы домой, а?

Рыков досадливо поморщился, ощущая дискомфорт на уровне психофизического воздействия: Соболев з а м е т и л его присутствие — и сказал едва слышно:

— Идите отсюда, мальчики, столик занят!

— Чего?! — вытаращился на него коренастый вожак компании, с бриллиантовой застежкой в галстуке и двумя золотыми перстнями на пальцах. — Пошел ты... — Договорить он не успел.

С трех сторон к столику приблизилась четверка спортивного вида молодых людей в безукоризненных темных костюмах, профессионально выкрутила руки троим «повелителям» и мгновенно вывела из зала, так что отдыхающий народ не успел толком ничего разобрать. Это сработал мейдер сопровождения Рыкова, способный справиться и с более серьезным противником.

— Извините за беспокойство, — поклонился оставшийся молодой человек с бородкой и в очках, руководитель мейдера, и исчез, занял свое место где-то за другим столиком.

Рыков покосился в сторону Соболева с его подругой и буквально наткнулся на его веселый, откровенно скептический взгляд. Этот взгляд словно говорил: а я вас знаю, господин кардинал! А также догадываюсь, чего вы хотите. Но лучше бы нам не встречаться... Герман Довлатович даже открыл рот, чтобы ответить. Опомнившись, отвернулся, взял себя в руки, а когда снова глянул на молодую пару, никого не увидел. Ни Соболева, ни его подруги в кафе уже не было. Куда он делся, не могли ответить ни наблюдатели мейдера, подстраховывающие шефа, ни сам Рыков. И тогда он испугался, как никогда прежде! Только что ему показали с и л у, которой владели только Посвященные II ступени Внутреннего Круга, и сделал это человек, о котором Бабуу-Сэнгэ с пренебрежением сказал: «Обыкновенный ученик»...

— Простите, — возник рядом официант с подносом, —

это велено передать вам. — Он положил на столик перед Рыковым сложенный вчетверо листок бумаги.

Герман Довлатович развернул листок и увидел небрежно нарисованный иероглиф — кулак внутри кулака. Смысл этого иероглифа можно было толковать двояко, но кардинал Союза Девяти воспринял послание как предупреждение: не трогайте меня!

Глава 14

ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА ТАНДЕМА

Тарас не смог определить местонахождение Соболева через астрал. Этот человек, обладающий колоссальным запасом психофизических сил, свободно разгуливающий почти по всем уровням общего континуального поля информации, способный опускаться в прошлое по мировой линии памяти предков, «не светился» ни в одном из диапазонов пси-поля. В принципе Горшин тоже умел блокировать свои биологические излучения, «сворачивая» их в своеобразный «кокон короткого замыкания», но контролировать себя мог лишь до порога астрала. Те же, кто видел дальше и мог черпать информацию из ментала и логоса, скорее всего могли лоцировать его ауру, где бы он ни находился. Однако с этим приходилось мириться, пока он шел Путем мести, «путем потерь», как сказал адепт Круга, объявлявший его отступником. И путь этот Тарас до конца еще не прошел.

После нескольких безуспешных попыток поймать ауру Соболева в зыбком мареве астрала Тарас вышел оттуда, стряхнул вцепившегося в «эфирный хвост» злобного «пса» — оставленную Монархом проекцию сторожа состояния, и позвонил контрразведчику по телефону, который тот ему оставил. Шел одиннадцатый час вечера, Матвей был дома, и через минуту Тарас ехал на своем черном «Порше» к Варшавскому шоссе, где недалеко от станции метро «Тульская» жил Соболев.

Открыл ему сам хозяин, посторонился, пропуская. В прихожую выглянула юная дама, очень красивая, одетая в алый халатик с черной оторочкой, с любопытством глянула на гостя, и Матвей представил ее:

— Кристина, моя жена.

Девушка бросила на Матвея косой взгляд, многое сказавший Тарасу, подала руку, и Горшин почтительно поцеловал ей пальцы, мимолетно подумав, что его Елинава была так же молода и прекрасна.

В прихожую вслед за хозяйкой выскочил взъерошенный мальчишка, слегка припадавший на левую ногу.

— А это Стас, — усмехнулся Матвей. — Сбежал от бабки, напросился ночевать.

Стас кивнул серьезно и умчался обратно, занятый важным делом: он учился метать в гостиной сюрикэны, используя в качестве мишени деревянную доску.

Кристина ушла на кухню готовить кофе. Гость и хозяин уединились в его рабочем кабинете.

— Мощный аппарат, — кивнул Тарас на компьютер. — Небось имеешь выходы на все сети? В том числе и секретные?

— Не без того, — кивнул Соболев. — Положение обязывает. Прежде чем мы приступим к делу, хотелось бы услышать ответы на кое-какие вопросы.

— Мне тоже.

— Валяй ты первый.

— Лучше ты — по праву хозяина.

— Как далеко распространяются твои знания по реальной истории?

— Ты имеешь в виду истории людей или Инсектов? До порога Изменения темный лес, разве что отрывки сведений. По истории перволюдей информации больше. Что тебя интересует конкретно?

— Я не могу вырваться за «точку сингулярности» — собственно Изменение, как будто у меня не было предка Инсекта.

— Зачем тебе это? Зачем ты вообще ходишь в прошлое? Что хочешь выяснить?

— Хочу отыскать следы Безусловно Первого, — улыбнулся Матвей, усаживая гостя на стул, а сам устраиваясь в черное кожаное вертящееся кресло. — Или, как говорят, Знания Бездн.

Тарас пристально посмотрел на Соболева, проговорил медленно:

— О тайной мудрости Знаний Бездн ходят легенды. Но я подозреваю, что тайная она потому, что невыразима словами и непостижима разумом.

— Может быть, и так, но мне хочется убедиться самому.

Если не смогу добыть Знания сам, попрошу у Хранителей открыть к ним доступ, есть у меня один знакомый, Мастер касты Хранителей, почти тезка — Матфей. Одно время мне казалось, что он мой Учитель.

Тарас покачал головой.

— Плохо верится. Внутренний Круг недаром называется Кругом Великого Молчания, а уж каста Хранителей тем более не заинтересована в утечке опасной информации и никому никогда ничего не говорит, не имеет права, иначе нарушит Закон молчания. Что, сам понимаешь, чревато отречением. Значит, ты, по сути, ищешь то, что найти практически невозможно, а если и найдешь — вряд ли поймешь, что это оно и есть. А я, грешным делом, думал, что ты пытаешься найти Великие Вещи Инсектов, о которых тоже сложено немало легенд. Но ведь ты говорил, что две из них тебе подчинились? Я имею в виду «Иглу Парабрахмы» и саркофаг — «компьютер» Инсектов.

Матвей кивнул. Вошла Кристина, принесла вкусно пахнущий кофе. Отпив глоток, Тарас зажмурился, посмаковал напиток.

— Класс! Давно не пил настоящий зерновой кофе, все больше растворимый. Еще вопрос. Ты не нашел входы в МИР под церковью Спаса?

Матвей отрицательно мотнул головой.

— Понять не могу, в чем дело. Вход блокирован, но не мной. То есть я еще как бы не нахожусь в контуре «Иглы» и не могу влиять на реальность, и в то же время эйнсоф мне подчинился, вернув сознание по личной линии в прошлое. Парадокс. Единственное, что приходит на ум, — вмешательство иерархов. Или Хранителей. Надо выяснять.

— А эйнсоф в лавре сохранился?

— К сожалению, нет. Но я знаю, где можно отыскать еще пару: в Австралии и в Египте. Когда-нибудь я попробую их вычислить. Если бы я мог с помощью эйнсофа выйти на Безусловно Первого...

— Лучше не мечтай, — окинул Тарас скептическим взором отрешенное лицо Соболева. — Во-первых, Он — выше любых ожиданий, просьб, оценок и представлений. Кто-то сказал: Бог — это непроявленность. Так вот в нашем мире Безусловно Первый непроявлен, и даже следы его — Знания Бездн — утеряны всеми. Кроме, конечно, Храните-

лей Круга. Во-вторых, его появление в нашей реальности будет схоже со вселенской катастрофой. Уж если его дети — Аморфы, тот же Монарх Конкере, способны преобразовать наш мир до неузнаваемости, представляешь, что может сделать Безусловно Первый?

Матвей подумал.

— Не представляю.

— И я тоже. Думаю, что иерархи в массе своей не способны подняться вровень даже с Аморфами, не говоря уже о Безусловно Первом, а ты — в самом начале Пути.

— Я подожду, — спокойно и уверенно сказал Матвей, — я терпеливый. Мне бы только определить, куда он ушел из нашей реальности после эксперимента с Аморфами. Может, ты знаешь?

— Говорят, существует некая Материнская реальность. — Горшин с видимым удовольствием допил кофе, цокнул языком. — Хорошая у тебя жена, раз умеет варить такой божественный напиток. Что тебя интересует еще?

— Ты не пошутил — насчет Материнской реальности?

— Исток существует, и ты это знаешь. Ученые назвали его Большим Взрывом, породившим нашу Вселенную, то есть «розу реальностей» со множеством измерений, Хранители же несут истинное знание об акте зачатия, в результате которого появился Безусловно Первый. Именно в Материнской реальности. Может быть, это просто символ, абсолют. Может, реально существующий объект, так сказать, «центральное ядро» «розы реальностей», Кэтер, как говорит Каббала. Не знаю. Зато знаю другое: существуют и другие «запрещенные реальности», кроме нашей, где так же смело экспериментировали абсолютно аморальные дети Безусловно Первого, у которых потом тоже были дети — Аморфы.

Матвей задумчиво погладил стол пальцем, допил свой кофе, кивнул, отвечая своим мыслям.

— Нечто в этом роде я и предполагал. Даже Безусловно Первый не был первым в Большой Вселенной, давшей жизнь многим сложнейшим образованиям типа «розы реальностей», что уж говорить об Инсектах и их потомках. До нас по миру прокатилась добрая дюжина волн разума, мы далеко не первые и явно не последние.

Помолчали. Потом в глазах Матвея зажегся огонек интереса и смущения.

— А ты случайно не знаешь, Инсекты выходили в космос?

— Выходили и оставили следы практически на всех планетах Солнечной системы. Но до звезд, по-моему, не добрались. Или не захотели добираться. Этап освоения ими пространства Галактики был недолог, они увлеклись другими проблемами, в частности — преобразованием физических метрик и борьбой за власть.

— Это я знаю. К сожалению, и в начале двадцать первого века мы так же далеки от звезд, как в середине двадцатого, когда начинали, несмотря на попытки полетов вокруг Земли и на Луну, посылку автоматов к Марсу, Юпитеру... Вселенная все так же недоступна и загадочна. А как хотелось бы хоть одним глазком глянуть на следы Инсектов на других планетах!..

Тарас поднял брови, не понимая интереса собеседника к деятельности Инсектов в космосе, но шутить не стал.

— Итак, вы удовлетворены, сэр?

— Почти. А вы, сэр?

— Обоюдно. Приступим к делу? Только пусть твоя Кристина сделает еще кофе.

Матвей вышел, забрав чашки, вернулся через минуту, достал два листа бумаги и стал набрасывать план дачи Ельшина, куда собрался проникнуть тихо и незаметно.

Ушел Горшин через час, уверенный в том, что оба они сошли с ума.

* * *

Полковник Ивакин заявился к Соболеву под утро, без предупреждения и звонка. Матвей провел его в кабинет, прикрыл за собой дверь, и проницательный Ивакин кивнул на стену:

— Кто там у тебя? Неужели женщина?

— Еще нет, — сострил Матвей. — Сын плюс жена. Спят.

— Вчера ты был еще не женат. Когда успел?

— Так получилось.

— Непорядок, «волкодав». Главконтра узнает, будет скандал.

— Авось не узнает.

Они оценивающе глянули друг на друга, обозначили почти одинаковые понимающие полуулыбки.

— Что произошло, Борис Иванович? На контору начали давить? Или генерал, наоборот, решил не связываться с Ельшиным и свернул дело по «Щиту»?

— Мы затеяли проверку... ты уж извини, но без этого не обошлись. И сразу все подозреваемые прекратили свою деятельность, ощетинились ежами, будто их кто предупредил. А потом Валентину позвонили из Минобороны и предложили не цеплять эту структуру.

— Странно, в деле похищения «глушаков» больше замешана ФСБ, чем Минобороны. Панов знает о деятельности Ельшина?

— Знает, но ведет себя странно, будто боится чего или ждет.

Матвей кивнул, вышел из кабинета, обнаружив вдруг, что стоит в одних плавках, и вернулся уже в спортивном костюме.

— Скорее всего в верхах начались перемены, все ждут, кто придет на смену Краснорыжину. От этого будет зависеть и расклад в эшелонах власти уровнем пониже. А Ельшин как реагирует на происходящее?

— У Валентина состоялся с ним конфиденциальный разговор, но о чем они беседовали, я не в курсе. Думаю, Генрих угрожал шефу, но тот молчит, работает до одурения. Так что задачку ты задал нам гнусную, я уже и не рад, что вызвал тебя из Рязани. А разбудил я тебя вот по какому поводу. Из Чечни вернулась группа перехвата...

— Очень рад. Как прошла операция?

— Шестеро террористов, причастных к акциям в Москве, уничтожены, седьмой — Шароев, командир группы, остался жив. Но... — Борис Иванович пригладил свою густую шевелюру. — Не вернулся один «волкодав», может, ты его знаешь.

Сердце Матвея дало сбой.

— Кто?

— Василий Балуев, спец из бригады Первухина. И пришел я по его просьбе — проверить, что там произошло. Он считает, что-то здесь нечисто, парня подставили.

— Он жив?

— По тем сведениям, которыми мы располагаем, Балуев жив, но ранен и находится в плену, причем не у младшего Шароева, а у старшего.

— Президента?!

— Да.

— Каким образом он оказался у президента?

— Не знаю.

— А что говорят те, кто ходил с Васей? Кстати, кто именно? Вы не знаете?

— Майор Хасан Ибрагимов, командир спецподразделения «Стикс», майор Шмель, командир «Щита», между прочим, — криво улыбнулся Ивакин. — И перехватчики из когорты «летучих мышей»: Тамерлан, Кир, Шерхан, Маугли. Клички, естественно, имен не знаю.

— Ибрагимов! — Матвей сел на стол, не спуская посветлевших до ледяного свечения глаз с лица полковника. — Шмель-Белый... Тамерлан... киллхантеры... Боже мой!

— В чем дело? Ты их знаешь?

Матвей не ответил, раскачиваясь, как от зубной боли. Перед глазами всплыли картины схваток с Ибрагимовым, Шмелем, Тамерланом и Киром. История повторялась, но с некоторыми отступлениями от старого сценария. Своим возвращением в прошлое он изменил баланс сил, и под удар попал другой человек... Вася Балуев.

— Как же я не догадался спросить, с кем он идет!

— Что-то изменилось бы?

Матвей очнулся, глубоко вздохнул.

— Конечно, изменилось бы. Я не пустил бы его в этот рейд, а тем более под началом Ибрагимова. Слишком хорошо я знаю эту нелюдь в человеческом облике. Да и остальных тоже. Я берусь за проверку, Борис Иванович. Но еще раз предупреждаю: будьте осторожны! Вы не представляете, с кем связались. Ельшин сделает все возможное... и невозможное, чтобы убрать вас с дороги.

— Пусть попробует, — мрачно буркнул Ивакин. — Мы тоже не лаптем щи хлебаем. Ну, будь, капитан. Помощь в экипировке нужна? Нет? Тогда я пошел.

Матвей проводил полковника до выхода из подъезда, отметил вполне профессиональное передвижение его телохранителей и вернулся домой. Там он выпил холодного крепкого чая, посидел немного на кухне, обдумывая план действий, и позвонил Горшину.

— Сделаем, — ответил ему Тарас, выслушав и не задав ни одного вопроса. — Жду.

Матвей собрался, оставил на столе записку Кристине и вышел из квартиры. Шел пятый час утра, светало...

* * *

Шмеля они нашли быстро. Командир спецбатальона правительственных учреждений «Щит» жил на даче в Серебряном Бору, недалеко от мэра столицы Братенина. Вычислил его Матвей, выглянув в ментал и отыскав наиболее темное облако пси-поглощения. Правда, таких облаков на территории Москвы было много, однако Соболев помнил характерные особенности Шмеля-Белого, которого он однажды уже убил, и вскоре вышел на его личную «пси-дыру», способную высосать душу любого человека, рискнувшего заглянуть в нее.

Окончательно рассвело, когда они оставили горшинский «Порше» в сотне метров от дачи майора, окруженной глухим и высоким деревянным забором. Никто не встретился им на пути, обитатели дачного поселка, одного из самых красивых в округе, расположенного в сосновом бору на берегу Москвы-реки, в такое время еще спали.

— Прямо-таки прайм-тайм[1], — вполголоса пошутил Горшин.

— Самое время, — согласился с ним Матвей.

Одеты они были по-летнему, в джинсы и футболки: белую — Тарас, голубую — Соболев. Оружия не брали, кроме нескольких метательных звездочек. Медленно прошлись вдоль зеленого забора, вслушиваясь в тишину поселка, вглядываясь в глубины строений и леса: оба перешли в состояние самадхи или, как больше привык называть это состояние Матвей, в меоз. У ворот с резным верхом, двумя закрытыми амбразурами, открывающимися изнутри исполнительным механизмом по радиокоманде, остановились.

Дача Шмеля охранялась, но охранников было всего четверо — все молодые женщины! — и трое из них спали сладким сном в летнем домике, приспособленном под сторожку. Бодрствовала лишь одна супергерл, одна из тех, с кем Соболев уже встречался в прошлой жизни. Она распевала и расхаживала по территории дачи (четыре сотки всего, двухэтажный коттедж, несколько сосен и берез, ни одного плодового дерева, ухоженные, посыпанные мелким гравием дорожки,

[1]Прайм-тайм — наиболее выгодное и самое дорогое время для размещения теле- и радиорекламы.

молочно-белые шары фонарей вдоль них, сторожка, веранда с камином).

Шмель располагался на втором этаже дома, в одной из трех спален, причем был там не один — еще с одной герл, но, судя по звукам, долетавшим из коттеджа, не спал.

— Любвеобилен майор, — покачал головой Горшин. — И неосторожен. Пошли?

Матвей предупреждающе поднял палец.

Охранница во дворе прекратила напевать, достала рацию, сказала: «Иду», — и бегом направилась к зданию. Перехватчики переглянулись.

— Вот теперь пора!

Горшин подошел к воротам, сосредоточился и включил дверной механизм. Ворота дрогнули, приоткрылись. Один за другим молодые люди проскользнули на территорию дачи, контролируя каждое движение находящихся здесь людей, и в темпе ворвались в коттедж.

Коридор с рядом дверей, слева кухня, за ней туалет и ванная комната, лестница наверх, справа игровая комната, спальня, большой каминный зал с выходом на веранду. Апартаменты майора явно были скромнее, чем у генерала Ельшина.

Тарас ткнул пальцем в лестницу, но Матвей и сам почувствовал приближение чужого: по лестнице спускалась рослая девушка в наспех накинутом полупрозрачном халатике, та самая, что ублажала майора. Вряд ли она успела понять, в чем дело, когда перед ней возникла стремительная тень и лба коснулся чей-то горячий палец. Уснула она мгновенно. Матвей подхватил сожительницу Шмеля, уложил в коридоре на ковер, метнулся следом за Горшиным, который успел подняться на второй этаж.

Из спальни доносились хриплые стоны, хозяин уже занимался любовью с вызванной охранницей, и гости снова обменялись взглядами.

— Силен майор! — кивнул на дверь спальни Горшин. — Всю ночь развлекался, еще и на утро силы остались.

Матвей рывком открыл дверь, шагнул в комнату, почти полностью занятую огромной кроватью, и остановился. За ним вошел Горшин.

Девушка сидела на майоре верхом, работая, как машина, и тот заметил гостей сразу, только не сразу сообразил, кто они такие и как здесь оказались. Затем масленая пелена удо-

вольствия сползла с его глаз, он рывком сбросил с себя неутомимую герл и метнулся к тумбочке, на которой лежали пистолет «волк» и хищно-красивый, необычных очертаний, гипногенератор «удав», называемый в просторечии «глушаком». До тумбочки, однако, Шмель не добрался, остановленный мощным ударом Горшина, от которого он перелетел кровать и врезался спиной в батарею отопления.

— Таких ботинок отрезвляет лучше, — хладнокровно сказал Тарас в ответ на взгляд Матвея, и тот с ним согласился, одним движением успокаивая метнувшуюся к нему девицу, такую же рослую, мускулистую, с крутыми бедрами, умеющую драться не хуже тренированного мужика, но не имеющую понятия о технике усыпляющего касания.

— Кто вы такие? — Шмель попытался проскользнуть мимо Матвея к подушке, под которой лежал тонкий пенальчик рации, — Тарас достал его, — не смог и сел на полу у стены, держась за скулу, куда угодил носок туфли Горшина.

— Вопросы будем задавать мы, — вежливо сказал Соболев. — Если вы не возражаете. Мы знаем, кто вы, на кого работаете и откуда вернулись, поэтому наши интересы лежат в другой плоскости. Согласны отвечать добровольно?

— А если откажусь? — хмыкнул Шмель, пытавшийся сообразить, что надо утренним гостям. По всей видимости, он их не боялся, пребывая в полной уверенности, что контора за его спиной столь серьезна, что может достать кого угодно и где угодно. Впрочем, так оно и было, с небольшой разницей: утренние визитеры не были о б ы ч н ы м и людьми.

Матвей, просчитавший все движения души майора, повел глазами в сторону «глушака» на тумбочке.

— Это гарант того, что вы не откажетесь. А не поможет, найдем что-нибудь помощней, «болевик», например.

Физиономию Шмеля перекосило в другую сторону, но, надо отдать ему должное, держаться он умел.

— Похоже, мы работаем на одну и ту же фирму. Не боитесь, что я вас найду... потом?

Глаза человека напротив обдали майора такой ледяной синевой, что он поежился.

— Шучу. Что вам надо?

— Как получилось, что седьмой член вашей группы Василий Балуев не вернулся вместе с вами?

— Он погиб, — быстро ответил Шмель.

В то же мгновение комнату пронзила тихая молния, и рядом с головой майора в стену сочно воткнулся четырехугольный сякэн. От неожиданности он дернул головой, и вторая метательная звезда, брошенная Горшиным, приколола к стене прядь волос на виске.

— Б...дь! — сказал Шмель. — Ты же мне прическу испортил!

— Повторяю вопрос, — невозмутимо, не повышая голоса, произнес Матвей. — Почему не вернулся...

— Сам виноват, — буркнул Юрий Степанович, внезапно осознавая, что гости не шутят и способны на все. — Увлекся, ушел в отрыв от группы...

— Балуев профессионал не тебе чета, — покачал головой Матвей. — Он никогда не увлекается во время работы. Чья была идея оставить его там во время захвата Шароева?

Шмель хотел было поведать заведомо согласованную с Ибрагимовым легенду, но снова наткнулся на пронизывающий синий взгляд молодого человека и понял, что делать этого не следует. Проворчал нехотя:

— Командира группы.

— Ибрагимова то есть?

Шмель дернулся.

— Точно, мы из одной конторы! Откуда вы знаете такие подробности? — Майор заторопился, увидев слегка сдвинутые брови гостя. — Его, Ибрагимова. Он получил по рации приказ свернуть операцию, но все уже было подготовлено, и мы решили...

— Подставить Балуева, чтобы уйти самим.

Шмель покосился на Горшина, застывшего у окна спиной к нему.

— Он начал своевольничать, поцапался с Тамерланом из-за бабы... от такого всего можно ожидать. Пожертвовав им, мы сохранили команду.

— Как он оказался в плену у президентской охраны?

— Не знаю...

Снова тусклый блик пересек комнату, и сякэн проборздил плечо майора, заставив его вскрикнуть.

— Повторить вопрос?

В глазах майора зажглась ненависть.

— Он... отбился, сел в машину, но поехал не на окраину города, а в центр, вломился прямо во дворец президента... Так нам передали оттуда. Это все, что я знаю.

— Похоже, он действительно больше ничего не знает, — обернулся Тарас.

— Он должен знать главное — з а ч е м Ибрагимову, а точнее, Ельшину понадобилось подставлять Балуева. — Матвей опустился на корточки перед голым человеком на полу, по коже которого внезапно побежали мурашки, проговорил медленно и четко: — Майор, у тебя нет выбора. Или ты живешь, или...

Юрий Степанович проглотил ком в горле, силясь отвернуться от пронзительно-сверлящих глаз парня, не смог и промычал:

— Мы оставили там визитки «чистилища»... Балуев должен был сыграть роль «чистильщика» и дезориентировать чеченцев... мертвый. Но Тамерлан промазал...

Некоторое время Матвей не снимал тяжести своего окончательно заледеневшего взгляда с начавшего потеть майора, встал, отвернулся, кивнул Горшину.

— Я услышал все, что хотел. Пошли.

— А он?

— Пусть живет. В скором времени за ним и так придет «Смерш».

Горшин послушно шагнул вслед за Соболевым, и тут же раздался ликующий вопль Шмеля:

— Стоять, суки! Руки за голову! Повернуться лицом!

Перехватчики повернулись. Шмель держал в руках пистолет-пулемет «клин», вынутый из тайника за батареей, и, оскалясь по-волчьи, поводил стволом из стороны в сторону.

— Ну, каратисты ё...е, с кого начинать?

— Может, попробуем пси? — задумчиво сказал Горшин.

Матвей кивнул, и оба они, усилием воли уходя в самадхи-меоз, одновременно нанесли мощные парализующие удары по психике Шмеля. Открыть огонь майор не успел, потерял сознание от раппорта, нейтрализовавшего его волю. Выронив оружие, он осел на пол, глядя на своих врагов пустыми глазами.

— Такие, как он, убили мою жену, — тихо сказал Горшин.

Матвей не ответил, вспоминая памятный бой с майором в его кабинете на базе «Щита». История действительно повторялась — с некоторыми вариациями, но Закон обратной связи п а д а л все быстрей, и соответственно ускорялись все события, прожитые Соболевым в прошлой жизни.

По лестнице застучали шаги: охранницы, проснувшись от крика шефа, спешили на помощь.

Тарас, вопросительно посмотрев на Матвея, вернулся в спальню и взял «глушак».

Глава 15

РЭНДЗОКУ-ГЭРИ

Президентский совет Исламской Республики Ичкерия, образованный по типу российского, заседал два раза в месяц. Решались на нем не самые важные государственные дела. Самое главное обсуждалось, когда президент Везирхан Шароев отпускал всех советников и оставлял двух человек: министра национальной безопасности Махмуда Солтанова и министра иностранных дел Салмана Борза. К этому ритуалу привыкли и чиновники, и журналисты, считая остающихся друзьями президента, но никто из них не знал, что трое самых главных людей государства представляют собой не только официальное правительство, но и неофициальное — Союз Трех Неизвестных, до момента выборов остававшихся в тени одиозных лиц, пришедших к власти в результате событий девяносто четвертого — девяносто седьмого годов. Да, они могли бы и дальше незаметно управлять своей небольшой державой, заняв должности экспертов или советников при крупных политических фигурах, которыми стали бывшие полевые командиры и особенно «непримиримые» — сторонники национального обособления. Однако после раскола Союза Девятнадцати в тысяча девятьсот девяносто первом году, происшедшего по причине кризиса власти среди Посвященных, повлекшего распад СССР и образование множества мелких Союзов, кардиналами — представителями чеченской нации овладела не только жажда власти, но и жажда признания их как лидеров. А обладая колоссальными денежными средствами, связями, поддержкой чиновников высшего эшелона власти в Москве, заинтересованных в получении сверхприбылей, и сторонников в Чечне, они легко выиграли выборы, став таким образом легитимными повелителями Чечни. Облаченные в Союзе Девятнадцати далеко не высшей степенью ответственности, стремились выйти на уровень мастеров координации, а когда это не удалось, добились абсо-

лютной власти в своей маленькой республике, что возвышало их в собственных глазах и позволяло считать, что им доступно все.

Впрочем, они и в самом деле могли многое, став Посвященными II ступени Внутреннего Круга за довольно сомнительные заслуги объединения чеченской нации. И все же они были слишком самонадеянны и верили в свою исключительность.

— Ваха[1], соратники, — оглядел смуглые, бородатые, бесстрастные лица кардиналов президент, носивший усики а-ля Дудаев. — Сегодня у нас одна важная проблема: выполнение воли иерархов. Все подготовлено к реализации их проекта «Кодирование Посвященного», осталось только ждать появления объекта.

— Он не придет, — угрюмо сказал седовласый Солтанов.

— Придет, — возразил Шароев. — Благородство, рыцарство и верность нынче не в чести, это правда, но Соболев — Воин Закона справедливости, он придет за своим другом.

— Будет обидно, если мы ошибаемся, — проворчал лысый и чернобровый Салман Борз, показав крепкие белые зубы. — Слишком много сил мы потратили на эту операцию.

Президент потрогал свои усики привычным жестом, кивнул, соглашаясь. Министр безопасности знал, что говорил. Вся операция с походом на Москву, убийством офицеров и писателя Кожемякина, ответный ход ФСБ, уничтожение почти всей группы боевиков, захват члена команды ФСБ России — все это было просчитано таким образом и только лишь для того, чтобы спровоцировать приезд в Чечню Матвея Соболева. «Заказали» его иерархи, в частности — пентарх Удди, с которым был связан Везирхан Шароев, и они же подсказали путь, коим можно воздействовать на человека, получившего знания Посвященного, но еще не ставшего им. И расчет иерархов пока оправдывался, вся операция была сработана чисто, без единого прокола. Группа Шароева-младшего проникла в Москву, выполнила задание и вернулась. Генерал Ельшин, контактирующий с Конкере — проекцией Монарха Тьмы, предложил план мести, который был принят. Команда «мстителей» просочилась на территорию Чечни и, не встретив сопротивления (пропустили ее специаль-

[1] Ваха — живи (живите) *(чечен.)*.

но), уничтожила исполнителей из группы Шароева. А потом Ибрагимов, самый жестокий из шакалов (слуг Ельшина) по совету генерала «сдал» Балуева, и теперь перехватчик-«волкодав», друг Соболева, по сведениям пентарха, находился в руках Шароева-старшего. Оставалось только ждать прибытия Соболева.

— И все-таки не ошибаемся ли мы в оценке возможностей этого человека? — высказал опасение осторожный Солтанов. — Если уж друг Соболева едва не ушел от наших людей — а ведь он обыкновенный человек, хотя и профессионал, — то на что тогда способен сам объект воздействия?

— Махмуд, ты стареешь, — усмехнулся Салман Борз, вытирая блестящую бугристую лысину платком. — Он один, нас трое. И вряд ли ему подчиняется весь спектр сил.

— По большому счету ты прав, — сдержанно проговорил президент. — По моим данным, Соболев владеет первой Силой Эхейх[1] и второй сферой света Цафкиель.

Министр безопасности пренебрежительно поморщился.

— Мы близки к Иегове, перешли в четвертую сферу — Ханиэль иерархии Голаб[2]. Нам ли бояться Идущего?

— Но координатор Союза Девяти почему-то отказался от предложения пентарха, — рассеянно сказал Шароев.

— Бабуу-Сэнгэ отказался?! Почему? Впрочем, неудивительно, он всегда был слишком осторожен и щепетилен в таких вопросах. А зачем Соболев понадобился пентарху?

— Видимо, он чем-то ценен иерархам, а может быть... опасен. Поэтому они и хотят закодировать его, привлечь на свою сторону. Как только мы захватим Соболева, пентарх лично посетит нашу реальность для контакта с ним.

— Несмотря на запрет инфарха пересекать границу нашей реальности?

— Инфархом недовольны почти все иерархи, вскоре у него возникнут трудности с координацией всех пяти уровней Круга. А главное, что им недовольны Аморфы.

— Это пахнет отречением.

— Вот именно, братья. В случае передела власти там, в «розе», у нас появится шанс потеснить Хранителей и изме-

---

[1]Эхейх — Я Есть (Каббала).

[2]Иегова — Сущность бытия. Ханиэль — Милость Бога. Голаб — Дьявольская Жестокость (Каббала).

нить наш статус здесь. Вполне возможно, нам удастся даже открыть доступ к Знаниям Бездн. Поэтому я предлагаю не торопиться приглашать пентарха. Сначала мы попробуем договориться с Соболевым сами. Если он тот, кого инфарх наметил себе в преемники — а такие слухи ходят, — то парень нам очень может пригодиться.

— А если он не согласится? — поинтересовался Солтанов.

Шароев поднял на него похолодевший взгляд.

— Тогда мы поступим с ним по обстоятельствам. В крайнем случае вызовем пентарха. А теперь давайте еще раз пройдемся по нашим более мелким проблемам. Первая из них — переговоры с Россией...

Кардиналы как по команде налили себе из стоящих на столе бутылок минеральной воды и принялись за обсуждение «мелких» проблем.

* * *

Откуда-то из глубин подсознания поднимались вверх, как пузыри воздуха сквозь толщу воды, странные ощущения и видения, которым в человеческом языке не было и не могло быть соответствующих определений. Но действовали они на психику и тело раненого благотворно, укрощали боль и уносили с собой — в пустоту — тревоги, страхи, беспокойство и угнетающие чувства беды и ошибки. В какой-то момент эти «пузыри» подсознательных движений души вырвались на океанский простор сознания, превратились в «воздушные шары» ассоциаций, связных мысленных цепочек, и Василий осознал себя лежащим на твердом топчане в тесной каморке с железной дверью и единственным зарешеченным окном.

Полежал не двигаясь, присматриваясь к обстановке каморки и прислушиваясь к звукам, долетавшим из глубин здания, и окончательно понял, что находится в камере тюрьмы. Закрыл глаза, обессиленный даже этими простыми движениями глазных яблок, вспомнил свой прорыв к президентскому дворцу, но сердце дало сбой, и Вася вынужден был усилием воли отключить память. Судя по запахам йода и эфира, а также повязкам на голове и теле, его лечили, значит, убивать сразу не собирались. Это вселяло надежду. Тогда он устроился на топчане поудобней, отмечая очаги боли — вполне терпимой, кстати, и сконцентрировал внимание на мыс-

леобразах «земли», «воды», «огня», «воздуха» и «неба»: эти ступени медитации помогали восстанавливать силы и лечить израненное тело.

Сначала Вася сосредоточился на первоэлементе «земля», которому по канонам медитативных техник соответствовали красный цвет и звуковая мантра «лаум». Он представил землю, мысленно ощутил ее тяжесть и сам стал неподвижным, твердым и тяжелым. Через некоторое время его поза стала поистине непоколебимой, вес постепенно увеличился, пока не достиг нескольких десятков тонн, так что его не могла сдвинуть с места никакая сила, и наконец Вася превратился в массивную и неподвижную скалу, только живую. Дышал он животом — вдох через нос, выдох — через рот, на выдохе долго тянул мантру «ла-а-а-у-у-у-м-м-м»...

Затем через четверть часа пришла очередь «воды».

Вася сосредоточился на воде и ее качествах, представил, что сидит на чистой водной поверхности в позе лотоса, легкий как пушинка. Вокруг вода, вода до горизонта, ровная и блестящая, без единой морщинки. Потом появляются волны, начинают носить «цветок лотоса» по воде, толкать его, бить, обрушиваться сверху, но, не в силах причинить ущерба, стихают...

За «водой» шел первоэлемент «огонь», пытающийся сжечь медитирующего, за «огнем» — «воздух», ветер, гоняющий его, будто легкий воздушный шар, из края в край безбрежного воздушного океана, и закончился сеанс медитации «небом»: Вася парил в кристально чистом голубом небе, глядя на пелену облаков под собой, его поза была тверда, тело наполнялось энергией, голубизна неба одухотворяла и радовала его, и хотелось до бесконечности продлить этот волшебный полет...

Звук мантры «аум», произнесенной непроизвольно, автоматически, заставил его очнуться и ощутить себя в физическом теле. Сеанс медитации вызвал чувство уверенности в себе и оптимизма, уменьшил боль в ранах, создал образ несокрушимого внутреннего «я», разбудил силу и решимость воина. Вася почти созрел для действия. Но, во-первых, надо было поточнее выяснить, где он находится, во-вторых, не мешало подкрепиться, в-третьих, следовало и дальше играть роль раненого, вот-вот готового откинуть копыта. А поскольку лучший способ времяпровождения в данном положении — сон, Вася приказал себе спать.

Проснулся он через пять часов, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд. Не меняя позы, не выдавая себя ни одним движением, мысленно пошарил вокруг «руками» и наткнулся на двух человек, разглядывающих его неподвижное тело. Затем один из них что-то сказал по-чеченски, второй ответил, и они снова замолчали. Один явно был надзирателем или же одним из начальников тюрьмы, а вот второй казался очень спокойным и опасным, вызывая впечатление нависшей над головой стены.

Вася незаметно приоткрыл один глаз, чтобы рассмотреть в щелку визитеров, и буквально укололся о сверкнувший взгляд человека, одетого в черную кожаную куртку, белую рубашку с галстуком и смушковую папаху. Тяжелое лицо человека, гладко выбритое, с небольшими усиками, казалось высеченным из камня, и веяло от него холодной стальной волей и жестокостью, не знающей колебаний.

— Очнулись, Василий Никифорович? — улыбнулся гость.

Вася медленно открыл глаза, стараясь сжаться, не пустить под череп протянувшиеся к нему призрачные мысленные руки человека в папахе. Видимо, это ему удалось, потому что во взгляде гостя мелькнуло удивление.

— Кто... вы?

— Везирхан Хамидович Шароев, если вам будет угодно, — ответил гость. — Президент Исламской Республики Ичкерия. А вы соответственно ганфайтер, перехватчик-«волкодав» из особого подразделения Федеральной службы безопасности России и находитесь в данный момент у меня в резиденции.

— Где? — прошептал Вася, сраженный услышанным до такой степени, что ему не надо было особенно притворяться слабым и жалким. Президент з н а л, кто он такой, что говорило о прямой утечке информации.

— Где находится резиденция? — шевельнул густой черной бровью Везирхан Шароев. — Или где находится помещение, где вы содержитесь? В цокольном этаже моего дворца. — Президент пожал плечами. — Приходится, знаете ли, содержать вот такие «царские» покои... для подобных вам людей и некоторых моих нерасторопных подчиненных. Как вы себя чувствуете?

— Пить...

Президент обернулся к спутнику, среднего возраста че-

ченцу в черной форме с зелеными нашивками, сказал что-то на своем языке, глянул на недвижно лежащего узника:

— Вас покормят. Скоро ваше положение изменится, крепитесь, хотя сдается мне, чувствуете вы себя лучше, нежели пытаетесь внушить. До встречи со своим другом.

Кивнув, Шароев скрылся за дверью камеры, за ним тенью выскользнул начальник президентского СИЗО. Вася остался один. Расслабился, все еще помня угрожающе-насмешливый взгляд президента Чечни, потом улыбнулся в ответ. Что бы тот ни говорил, в особые возможности пленника он не верил. «А напрасно, — подумал Вася с веселой злостью, — придется тебя разочаровать, папаша, кем бы ты ни был... Вот только что за намек ты сделал, говоря о свидании с другом? О каком друге шла речь?..»

Через полчаса принесли еду: рисовая похлебка, кусок хлеба, сыр, зелень, чай. Недурно! Стараясь все так же выглядеть немощным и больным, Вася съел все, что полагалось по тюремному рациону, почувствовал прилив сил и повеселел. Теперь можно было подумать и об освобождении, благо никто не ждал от него активных действий сразу после захвата и ранения. По любым понятиям человек, сидящий в камере-одиночке личной президентской тюрьмы, не мог рассчитывать на побег, но только не Балуев. Его специально учили уходить из таких вот мощных укрепленных цитаделей, сначала учителя ниндзюцу, потом мастера спецопераций ФСБ, поэтому Васе не надо было ломать голову — что и как делать. Он уже з н а л, что будет делать в каждую последующую секунду. А еще он, к своему удивлению, вдруг снова вспомнил советы Соболева, его пакет приемов космек и ТУК, и к нему пришло удивительное ощущение з н а н и я будущего. Он вспомнил встречи с Матвеем, с его друзьями — Парамоновым, Самандаром, Ульяной Митиной, вспомнил прекрасные подземные замки Инсектов, прапредков людей, вспомнил жестокие схватки с Монархом Тьмы и его слугами. И хотя длилось это воспоминание недолго, несколько мгновений — словно в сознании открылось некое окошко в другой мир и тут же захлопнулось, — Вася не чувствовал себя разочарованным или встревоженным «бунтом психики». Становилось ясно: каким-то образом ему тоже была сохранена часть памяти о прошлой жизни и теперь она постепенно всплывала из глубин подсоз-

нания, напоминая об ином порядке вещей и о возможности изменить свою судьбу.

Поев, Вася якобы нечаянно сбросил посуду на пол, лег животом вниз на топчан и расслабился, ожидая надзирателя. Тот появился не скоро — молодой парень явно некавказской наружности, в черном комбинезоне, с пистолетом в кобуре. Собрал с пола посуду, покосившись на пленника и не ожидая от него каких-либо опасных действий, повернулся к нему спиной, и в этот момент Василий, мысленно произнеся фразу: «В моей смерти прошу винить мою жизнь», — бесшумно поднялся с ложа и коснулся шеи парня приемом ТУК. Прислушался: снаружи не доносилось ни звука. Опустил надзирателя на пол, быстро снял с него черный комбинезон и переоделся; комбинезон пришелся впору. Снял с головы повязку, так как кровь уже давно не сочилась из раны, а вот повязки на боку и на плече оставил. Сложил посуду в бачок, вышел из камеры и спокойно закрыл дверь за собой. Огляделся.

Короткий коридор с четырьмя дверями без окошек, но с телеэкранами. Вот дрянь! Вася облился холодным потом, внезапно осознав, что не обратил внимания на оборудование камеры — где-то там скрывался зрачок телеглаза! Неужели приплыл? Если передачи с телекамер передаются на общий монитор охраны, сейчас должна начаться тревога. А если тревоги нет, значит, за президентским СИЗО никто не наблюдает. Причин может быть две: здесь находится всего один пленник — сам Балуев, и привезли его в таком состоянии, которое исключает надобность в теленаблюдении. Что ж, альтернативы нет, надо идти вперед до конца.

Посвистывая, Василий направился к входной двери с окном из толстого стекла. За ней шел небольшой тамбур, по сути, представлявший собой дежурку с телемонитором, где сидел еще один охранник в черном, и тут Вася понял, почему не поднялась тревога, когда он усыпил первого надзирателя. Охранник у монитора смотрел не на ряд экранчиков, показывающих внутренности камер, а увлеченно играл на компьютере в тетрис-эротик: каждый сложенный ряд «кирпичей», исчезая, открывал «волшебную» картину полового акта с участием сразу четырех действующих лиц...

Покрутив головой, Вася вошел в тамбур и постучал по плечу игрока-сластолюбца:

— Привет, мужичок. У меня к тебе пара вопросов.

Черномундирный «мужичок» оторвался от дисплея, ошалело глянул на Балуева снизу вверх, потянулся было к пистолету на поясе, и Вася резко хлопнул его по ушам. Вскрикнув, смуглый молодой чеченец с усиками «под президента» схватился за уши. В глазах его отразилась напряженная и очень тяжелая работа мысли, сменившаяся растерянностью и страхом.

— Дошло? — усмехнулся Василий, отбирая у него пистолет. — Как блокируется система?

Охранник что-то промямлил по-чеченски. Вася сделал замах, и парень, бледнея, торопливо повторил по-русски:

— Не знаю... не понимаю...

Вася оглядел клавиатуру компьютера, нажал клавишу «escape», затем выключил компьютер. Четыре светящихся экранчика монитора и дисплей собственно компьютера погасли.

— Так, отлично. А теперь ты расскажешь мне, как выйти отсюда.

— Не выйдешь, — буркнул охранник, взбадриваясь. — Везде люди, сто человек охрана... вооружен автомат-пулемет...

— Это моя забота, — зевнул Вася. — Рисуй схему коридоров и где находятся посты, да побыстрей, а то я на самолет опоздаю.

— Я не знаю...

Вася пнул охранника так, что тот слетел со стула и врезался головой в экраны. Держась за поясницу, с трудом встал, по-волчьи сверкнул глазами — достойный сын своего непокорного и слепого в ненависти к иноверцам народа. Пинок — это тот же подзатыльник, только этажом ниже, вспомнил Вася чей-то афоризм. Участливо сказал:

— Что, больно? А ты не ерзай, и копчик будет цел. Давай не шали, рассказывай.

Запинаясь, охранник обрисовал внутреннюю архитектуру цокольного и первого этажей дворца, схему коридоров, расположение постов охраны, как пройти мимо, не задевая никого, и как выйти из дворца. Затем Вася дружески потрепал парня по щеке, и тот уснул, не успев сообразить, в чем дело. Натянув на лоб квадратную черную фуражку с шестиконечной зеленой звездой над околышем, Вася переждал небольшой приступ слабости — все-таки он был далеко не в нужной кондиции для таких дел — и выбрался из тамбура по ступенькам в коридор цокольного этажа.

Первый пост у поворота коридора не обратил внимания на человека в черном с алюминиевым бачком в руке: двое молодых парней в пятнистой униформе азартно играли в нарды.

Прямо казино, а не дворец, подумал Вася, спокойно проходя мимо. Дурдом!

Следующий поворот коридора вывел Балуева в холл, а точнее, на круглую площадку с тремя выходами и винтовой лестницей, ведущей в холл первого этажа дворца. Здесь тоже располагался пост охраны, но уже посолидней: трое молодцевато подтянутых парней в серой форме национальных гвардейцев мерили шагами помещение с мраморными стенами и гранитным полом, со светильниками на потолке в форме полумесяца, четвертый сидел за столом напротив четырех экранчиков телемонитора, показывающих периметр цокольного этажа — все четыре его коридора.

На Васю обратили внимание сразу, как только он вышел на площадку с лестницей.

— Эй, турма, — окликнул его один из охранников, широкоплечий, узкий в талии, горбоносый; Васю он, естественно, знать не мог, но обратился на русском, потому что увидел незагорелое славянское лицо. — Зачэм сюда ходил? Кухня другой сторона.

Вася понял, что мирно пройти не удастся, замедлил движение, но продолжал идти, до предела уменьшая дистанцию атаки, сказал миролюбиво:

— Да я тут вам принес кое-что перекусить.

Охранник вытаращился на него, силясь сообразить, чего хочет тюремный служитель, положил руку на кобуру, и в этот момент Вася перешел на т е м п, чувствуя, как неохотно подчиняется тело нагрузкам боя, заставляя это тело слушаться и выключая сознание из процесса. Мастер-воин не думает во время боя, не опускается до сознательного контроля за своими действиями, он позволяет движению увлечь его и сам становится движением, он в такие моменты не просто боец — сама битва!

Эти ребята из серой президентской гвардии, как и все чеченцы-боевики, умели прилично стрелять, но не более того. О системах рукопашного боя они имели самое отдаленное понятие, хотя некоторые из них и занимались спецподготовкой. Поэтому пройти пост Василию удалось без особого труда.

Он ткнул пальцем в зрительный нерв между глазами, в верхней части носа, того охранника, который оказался ближе всех, прыгнул к другому, вбивая ему кадык в горло ребром ладони, и тут же достал ногой лицо третьего (миги кин гэри), пытавшегося выцарапать пистолет из кобуры трясущейся рукой. Четвертый охранник, сидящий у стола, успел только оглянуться и вытаращить глаза, на большее не хватило реакции, нога Васи нашла его челюсть и снесла парня со стула, как клюшка шайбу.

На лестнице появился пожилой мужчина в костюме, но без галстука, с кипой бумаг в руке. Не понимая, что происходит, спросил с любопытством по-чеченски:

— Что это вы тут делаете?

Однако Вася его понял, лучезарно улыбнулся, спеша навстречу с распростертыми объятиями:

— Все в порядке, папаша, тренируемся.

— А почему... — Договорить местный чиновник не успел, Вася дотронулся до его руки и послал в сон, вспомнив усыпляющий прием. Из коридора донеслись чьи-то голоса, шла целая группа людей, и Вася поспешил наверх, прыгая через две-три ступеньки, времени у него оставалось в обрез.

Вышел в холл, оглядывая огромный зал с колоннами, зеркалами, бронзовыми светильниками, с десятком статуй чеченских вождей всех времен, одернул мундир и быстро зашагал через зал, по которому прогуливались важные гости президента, спешили по своим делам служащие в сером, вышагивала бдительная охрана с кортиками, пистолетами и автоматами дулами вниз. Тревога началась, когда Вася прошел половину зала. Тогда он снова перешел на т е м п, хотя далось это ему с громадным трудом, и начал прорыв, уже понимая, что не успевает.

Трех охранников у гигантской резной двери, бросившихся навстречу, он смел ураганом, не заботясь о целости их лиц, рук, ног и ребер. Сбил с ног вошедшего толстяка в сопровождении двух женщин, выскочил на крыльцо с дюжиной ступенек, на которое он недавно взлетел на чужом автомобиле, и в глазах зарябило от серых фуражек и стволов разного рода и калибра. Здесь его ждала целая рота гвардейцев, оцепившая главный вход во дворец.

И все же Вася рискнул бы броситься в атаку, имея в козырях внезапность, скорость движений и психологическое пре-

имущество человека, стрелять по которому охрана первой не начнет, убежденная в безнадежности положения беглеца. Но из-за спин солдат вперед вышел незнакомый чернобородый, чернобровый, но совершенно лысый чеченец в кожанке и поднял руку:

— Не стрелять!

Взгляд Васи встретился с угрюмым взглядом лысого, и он вздрогнул, вдруг ощутив внутреннюю силу этого человека, с которой бороться не мог. Момент атаки был упущен, и Вася остался на месте.

— Вернитесь! — сделал резкий жест незнакомец. — Сопротивление бесполезно.

— А если я не подчинюсь? — хрипло полюбопытствовал Василий.

— Здесь вам не пройти даже с вашей подготовкой... — Лысый запнулся, и Вася отреагировал на это шагом влево, уходя от атаки.

Один из охранников, догонявших его сзади, подкрался и нанес удар в спину... промазав, конечно, из-за движения беглеца. Вася хладнокровно ударил его в живот (хидари гедан маэ гэри), шагнул вправо, отключил второго высунувшегося охранника боковым ударом в щеку (миги джодан маваши гэри) и тут же, сделав поворот, достал третьего, взлетевшего по ступенькам на крыльцо, ударом ноги в грудь (хидари гедан уширо гэри кааге). Охранники еще падали, а два автомата, сорванные Васей с первых двух, уже смотрели прямо в лицо лысому начальнику.

— Не стрелять! — снова лязгнул он голосом, от которого у Васи заныли зубы, оглядел ряды солдат, начавшую собираться толпу перед дворцом, повернулся к неподвижному Балуеву. — Браво, мастер! Рэндзоку-гэри[1] в таком совершенном исполнении я не видел давно. Однако это ничего не решает, и вы это понимаете. Меня вы не убьете, не тот случай, а тем более не испугаете, зато испортите свой отпуск окончательно. — Говорил лысый по-русски чисто, почти без акцента, и каждое его слово сопровождалось всплеском боли в голове Василия, словно в нее вколачивали гвозди.

— Кто вы? — спросил он бесстрастно.

---

[1] Рэндзоку-гэри — комбинация из нескольких ударов ногой.

— Министр безопасности Ичкерии Салман Усман Борз. Но давайте войдем в дом, на нас смотрят.

Вася подумал, опустил автоматы, бросил их на плиты крыльца.

— Хорошо, давайте войдем.

— Разумно, — кивнул Борз. — Похоже, вы постигли не только у-цзи, но и тайцзи[1]. Далеко пойдете, мастер... если уцелеете.

— Да и вы, похоже, не простой министр, — пробормотал Вася, борясь с обессиливающей пустотой в груди. — Идущий по меньшей мере... а может быть, Посвященный?

Высверк черных глаз лысого был столь грозен и зловещ, что Васю шатнуло. Однако он не упал, хотя в голове зашумело, как от удара. Впрочем, он и получил мощный удар, энергетический, на уровне психической атаки, только не знал этого, защищая мозг совершенно инстинктивно и тем самым ослабляя атаку.

— Занятно, — бросил Борз, разглядывая Балуева с подозрением и хищным интересом. — Вы, оказывается, не простой исполнитель, молодой человек... Уведите его.

Васю взяли под руки, он хотел сказать: я сам, — но язык не повиновался, ноги отказывались идти, и Василий милостиво разрешил себе потерять сознание.

Глава 16

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

В последнюю декаду мая грянула серия громких политических скандалов, связанная с разоблачением «Стопкримом» незаконной деятельности чиновников высшего эшелона власти.

Двадцать первого мая подал в отставку премьер-министр. За ним с разрывом в один день ушли с постов министры обороны и внутренних дел. Затем посыпались из кресел вице-премьеры, не устоял даже Сосков, казавшийся непоколебимым, как монумент. Последним из этой разношерстной ком-

[1]У-цзи — безграничность, пустота. Тайцзи — высшее (ступени ниндзюцу).

пании сдался мэр столицы Братенин. В стране разразился очередной политический кризис, умело инспирированный кардиналами Союза Девяти Неизвестных, заинтересованными в смене курса правительства, а точнее, в ужесточении Закона обратной связи. Настала пора расставлять на важные посты своих людей вместо не оправдавших доверие.

Неожиданно для всех вперед выдвинулись малозаметные до сих пор фигуры: секретарь Совета безопасности Мурашов, советник президента по национальной безопасности Юрьев и начальник информационной службы президента Носовой. Именно их кандидатуры — кардиналов Союза Девяти предложил президент на рассмотрение Думе для замещения вакантных должностей премьера и руководителей силовых министерств. Начался новый этап деятельности Союза — гласный, нуждающийся в поддержке и признании не только народа, но и адептов Внутреннего Круга, которые никогда ранее не поддерживали подобные начинания. Но если путь, избранный Союзом Трех Неизвестных Чечни, старейшины Круга еще могли считать исключением из правил, пытаясь как-то влиять на процесс со стороны, то решение Союза Девяти России явилось ощутимым ударом по всей стройной системе деятельности и политики Круга. Создавался прецедент самовольного выхода Посвященных из Круга Великого Молчания, что было чревато не только утечками опасной информации, но и распадом Круга, вело к дестабилизации всего социума «запрещенной реальности», и без того колеблемого непрекращающейся борьбой за власть.

Встревоженные создавшейся ситуацией Хранители решили обсудить положение дел и впервые за последние три тысячи лет организовали общий Собор Внутреннего Круга, который прошел в самом крупном из скальных дворцов в Национальном парке Меса Верде — Клиф пэлэсе[1].

На Собор были приглашены координаторы Союзов Неизвестных всех стран, однако прибыли далеко не все. Так, не явился координатор Ичкерии Везирхан Шароев, первым преступивший закон «тихой регуляции» Круга, что говорило о его явном отказе от избранного Кругом пути. Координатор Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ все же появился на Соборе, был выслушан и предупрежден, что, впрочем, не изменило ход

[1]США, штат Колорадо.

его мыслей, однако все понимали, что делу Круга нанесен ощутимый удар, способный поколебать его устои. Как будут развиваться события после этого, предсказать не взялся никто, несмотря на владение Посвященными II ступени ясновидением и прогностикой. К тому же весьма сильно мешали Хранителям действия иерархов, затеявших выяснение своих прав и полномочий между собой. Последствия этих разборок не могли не сказаться на слоях-мирах «розы реальностей», в том числе и на колыбели человечества — «запрещенной реальности». Но даже Хранители не все понимали, к чему это может привести, полагая, что все в конце концов успокоится и придет в норму, как уже было много раз на протяжении человеческой истории. Один лишь Матфей, координатор мистерий Посвящения, проживший на Земле более четырех тысяч лет, в и д е л, кем направляется процесс распада Круга, и предпринял кое-какие шаги, могущие в случае удачи изменить соотношение сил добра и зла и предотвратить попытку Монарха Тьмы начать новый эксперимент с биосферой «запрещенной реальности». Потомки Инсектов — люди Монарху перестали быть интересными, их путь — технологический, рациональный, убивающий полет фантазии и духовные поиски — вел в тупик. В настоящее время Аморфу Конкере больше нравилась идея трансформации флоры, скрещения ее с одним из видов фауны, а именно — с рептилиями. После нового Изменения, по расчетам Конкере, в «запрещенной реальности» должна была возникнуть новая форма жизни, более перспективная, устойчивая к непредсказуемым колебаниям «божественной» воли иерархов, отрицающая всякую мораль, свободно меняющая законы жизни.

После всех властных подвижек зашаталось кресло и под главой Федеральной службы безопасности, которого когда-то пригласил в свою команду Краснорыжин. Прикинув свои возможности и вероятные последствия, Панов решил не злить судьбу и подал прошение об отставке. А уже через два дня на его место был назначен президентом Владимир Алексеевич Бондарь, пятидесятилетний генерал-майор, начальник Управления «К» ФСБ, то есть собственно службы контрразведки. Это явилось неприятным ударом по самолюбию начальника Управления «Т» генерала Ельшина, который считал себя преемником Панова и сделал все от него зависящее, чтобы назначили на пост директора его. Однако этого не

случилось. А узнай Генрих Герхардович, что помешал ему ближайший помощник Рыков Герман Довлатович, он был бы взбешен еще больше. Пребывая в таком состоянии весь день двадцать седьмого мая, генерал отказался от встречи с Первухиным, продолжавшим настаивать на расследовании факта невозвращения из Чечни его подчиненного, вызвал Ибрагимова и дал ему задание убрать всех свидетелей похода группы перехвата в Чечню.

— Шмеля тоже? — не удивился приказу майор.

— А чем он лучше других? — вызверился генерал. — К тому же у меня возникли подозрения, что он примкнул к враждебной коалиции.

— С чего вы взяли?

— Недавно у него на даче побывали кое-какие гости, а он об этом не сказал ни слова.

— Все равно на основании этого выносить приговор неразумно.

— Что такое, Хасан?! — удивился Ельшин. — Ты не заболел, часом? Из твоих уст слышать подобные речи по меньшей мере странно. Ты Шмеля пожалел? Он что, твой брат, сват, шурин, свояк?

— Нет, — отвел глаза Ибрагимов.

— Вот и выполняй. — Генерал отвернулся (разговор происходил в его рабочем кабинете, только не на Лубянке, а на семнадцатом этаже высотного здания на Сенной площади, принадлежащего «Куполу»). — Заодно подумай, как убрать руководство «Смерша».

— Всех? — лаконично спросил командир «Стикса».

— Ивакина и Дикого в первую очередь, их помощников потом. Кстати, учти, что по твоему следу Первухин запустил какую-то свою особую команду. Она может копнуть и в Чечне, так что готовь своих оперов на акцию. И вот еще что: последи-ка ты за Рыковым. Не нравится мне его активность в последнее время, зачастил он к Бондарю зачем-то.

— Сделаем.

— Иди.

Ибрагимов четко повернулся и вышел.

Ельшин же нарисовал на листе бумаги кружок, написал в центре фамилию «Рыков» и стал пририсовывать к окружности стрелки.

В это время сам Герман Довлатович делал почти то же са-

мое, только на экране компьютера: рисовал квадратики и кружочки со стрелками — схему взаимодействия «Купола» во главе с боссом — Ельшиным со всеми властными структурами. Оторвал его от этого занятия телефонный звонок по сотовой связи. Звонил Бабуу-Сэнгэ:

— Доброе утро, Герман Довлатович. Возникли некоторые обстоятельства, помешавшие мне собрать совет. Но все равно поработали вы там хорошо, за что примите благодарность. Новый директор вашей ФСБ знает о той роли, которую сыграли вы в его назначении?

— Не знает, но работать с нами будет. Он человек Системы, только тем и интересен нам. Играет по правилам, отменный служака, способный предвидеть волю вождя и исполнить ее. Что касается других его заслуг, то это и не суть важно.

— Подобную характеристику можно дать всей правящей элите. Прекрасно. Юрий Венедиктович все еще оказывает влияние на президента, что весьма увеличивает наши возможности. Петр Адамович и Виктор Викторович нашли способ усилить давление на Думу, что также немного усиливает возможности регуляции соцсреды. Все идет нормально.

— Вы не сказали, чем должен заниматься я.

— Разве? — удивился координатор Союза Девяти. — Я думал, вы поняли. Разве вы не согласовали с Юрьевым вопрос влияния на непосвященного Соболева? Вот и занимайтесь им. По моим сведениям, он собрался в Чечню, чтобы вызволить из неволи своего приятеля. Воспользуйтесь случаем.

Со струнным аккордом кодирующего устройства связь оборвалась.

Рыков некоторое время слушал гудение фона в трубке, потом набрал номер секретного канала Носового:

— Хейно Яанович? Рыков говорит. Как здоровье?

— Говори по делу, — кисло отозвался будущий босс «Купола».

— Я и говорю. Как идет формирование СС? — Герман Довлатович имел в виду Сверхсистему, в которую постепенно превращался «Купол».

— Нормально, — ответил Носовой. — А как себя чувствует СК? — Хейно Яанович имел в виду «Стопкрим». — Говорят, от вас ушел очень ценный работник.

Рыков не удивился осведомленности кардинала, но пережил неприятную минуту проглатывания горькой пилюли.

— Мы чистим ряды, — ответил он наконец. — Хейно, у тебя есть связь с Шароевым?

— Везирханом или Безумным?

— Старшим.

— Зачем тебе это знать?

— Мне надо поговорить с ним.

— О чем?

Рыков помолчал, переживая острое желание выругаться.

— В Чечню направляется объект «волны выключения», надо предупредить Шароева.

— Если речь идет о Соболеве, то Везирхан знает. Кстати, операция по вызову Соболева в Чечню — его рук дело. Этот человек нужен Везирхану.

— Мне тоже.

— Моей помощи не жди. Могу разве дать канал связи с Шароевым, а дальше сам.

— И за это спасибо. В долгу не останусь.

Носовой продиктовал восемь цифр и отключился. Рыков посидел немного с трубкой в руке, глядя на нее, как на змею, потом пожал плечами и выключил телефон. Он знал, что ему еще предстоит убирать Носового со своего пути, только не видел пока способа.

* * *

Самандар приехал в Рязань на следующий день после звонка Парамонова, благо появился повод повидаться с Ульяной.

Посвященные встретились в доме родственников Ивана Терентьевича, сначала вдвоем, потом к ним присоединилась Ульяна Митина, позвонившая Парамонову сразу после появления Самандара: она обладала тонкой чувствительностью к изменениям ориентированных на нее энергий.

Майский день располагал к отдыху, температура к одиннадцати часам дня поднялась до двадцати двух градусов, и Ульяна предложила даже пойти на речку позагорать и искупаться, но мужчины отказались, снисходительно переглянувшись: что возьмешь с девчонки? Хотя оба знали, что их подруга только выглядит на восемнадцать.

Сели пить чай в горнице, подвинув стол поближе к открытым окнам, через которые в просторную залу проникали

запахи цветущей сирени, свежей зелени, близкого леса и реки. Дом хозяина, Харлампия Игнатовича Преснякова, троюродного дяди Ивана Терентьевича, был, как и все дома здешнего частного сектора, деревянный, старый, без особых архитектурных излишеств — мансард, фронтонов, башен, застекленных веранд и террас. Строили его век назад, но строили добротно, и внутри он был просторен, светел и чист. Зимой в нем было тепло, летом прохладно.

— Так я и не понял, кто такой Матвей Соболев, — сказал бесстрастный, как всегда, Самандар, одетый в строгий светло-серый костюм с однотонным галстуком.

— Ангел необъяснимого, — усмехнулся Иван Терентьевич, в отличие от Вахида Тожиевича одетый по-домашнему в холщовые штаны и старую, выцветшую футболку. Ульяна летом предпочитала носить джинсовую юбочку и майку, смотреть на нее было приятно.

— А может быть, демон необъяснимого? — усмехнулся в ответ Самандар, ревниво относившийся ко всем новым знакомствам Ульяны. — Что, если он работает на Конкере?

— Нет, — убежденно не согласилась Ульяна. — Он светлый идущий, и я уверена, что он говорил правду. Зло деятельно и энергично, ему надо давать отпор на всех уровнях, в том числе и на нашем, и нам просто надо определиться, какие методы противления злу мы изберем. Но Матвей прав: высидеть в своей «экологической нише», только лишь наблюдая за падением Закона возмездия, мы не сможем.

Мужчины переглянулись.

— Девочке хочется кусаться, — констатировал Самандар.

— Девочке хочется жить, не краснея за свое ничегонеделание, даже если это будет связано с тревогами и опасностью. В жизни каждого человека должны быть хотя бы маленькие радости и удовольствия, иначе она теряет смысл. Вот и давайте доставим себе радость — поможем хорошему человеку.

— Не убежден, что он хороший человек, — пробурчал Вахид Тожиевич. — Мы еще как следует не постигли иерархию Сил Круга, а уже пытаемся вмешаться в деятельность Посвященных II ступени, не говоря о мастерах высших планов. Если мы влезем в их разборки, костей не соберем. Да и вообще, какое нам дело до проблем этого вашего Соболева? Пусть сам их решает. За мной в молодые годы никто не ухаживал.

— А хочется? — прищурился Парамонов.

Самандар поймал веселый взгляд Ульяны, проворчал тоном ниже:

— А кому не хочется?

— Это явный признак старения, — огорчился Иван Терентьевич, — когда хочется, чтобы за тобой ухаживали.

Ульяна прыснула.

— Я не знала, что Вахид так стар. А кстати, мужчины, я никогда не интересовалась, сколько вам лет.

— Мне сорок пять, — не моргнув глазом ответил Парамонов, которому пошел на самом деле семьдесят второй. — А ему за сто перевалило, пора и о пенсии подумать.

Ульяна снова прыснула.

— Не нравится мне, когда ты шутишь, — мрачно проговорил Самандар. — Обязательно потом что-нибудь случается нехорошее.

Внезапно всем троим показалось, что на них кто-то посмотрел, внимательно и с надеждой. Посвященные замолчали, переглядываясь, в это время в сенях стукнула дверь — хозяин кого-то впустил. Несколько секунд был слышен разговор Харлампия Игнатовича с гостем, вернее, с гостьей, потом он открыл дверь в горницу и сказал дребезжащим баском:

— А тут к вам пришли, Иван. — Отступил в сторону. — Проходи, милая, здесь они.

В дом вошла очень красивая девушка с каким-то светлым, чуть ли не светящимся лицом, одетая в кофточку-паутинку и белую короткую юбку, открывающую стройные, точеные ноги. Она поклонилась разглядывающим ее Посвященным, бросив короткие взгляды на Самандара и Парамонова, потом выпрямилась и глянула на Ульяну. Некоторое время девушки смотрели друг на друга с любопытством и ожиданием, оценивающе, и вдруг Ульяна с изумлением узнала в гостье ту женщину в белых одеждах, которую видела во сне. Не совсем ту, были и отличия — в овале лица, рисунке губ, цвете глаз, но что-то роднило их столь сильно, что не оставалось сомнений: женщина из сна, идущая за процессией с прикованным к помосту Соболевым, и эта юная леди имели родство.

— Меня зовут Кристина, — улыбнулась гостья, уловив перемену в душевном состоянии Ульяны. — Я друг Матвея Соболева.

— Вы... не Посвященная, — задумчиво проговорила Уль-

яна. — И между тем вы нас знаете... откуда? От Матвея? Или... от другого лица?

— От другого, — кивнула Кристина. — Вы ее видели... во сне... она зовется Светленой.

— Спутница инфарха?! Но если вы похожи на нее, значит...

Гостья снова кивнула.

— Для меня было огромным потрясением, когда это произошло. Да, вы правильно догадались, я авеша Светлены. Но Матвей этого еще не знает. И пришла я к вам из-за него.

— Садитесь, пожалуйста, — спохватился Иван Терентьевич, вскакивая и предлагая девушке стул. — Присоединяйтесь к чаепитию и рассказывайте.

— Да, в общем-то, рассказывать нечего. — Кристина села за стол, благодарно глянула на Парамонова, подвинувшего ей чашку и налившего чаю. — Соболев сейчас летит в Чечню, а там его ждут кардиналы чеченского Союза Неизвестных. Если ему не помочь, он погибнет.

— А почему вы считаете, что мы должны ему помочь? — без выражения спросил Самандар. — Мы не бойцы спецназа, девушка, мы Посвященные.

— Вахид, — сдвинула брови Ульяна.

— У каждого человека всего три цели в жизни: выживание, общение, удовольствие, — продолжал бесстрастно директор МИЦБИ, — и каждый должен добиваться этих целей сам. Почему мы обязаны лезть в петлю ради вашего... друга?

— Вахид! — сердито повторила Ульяна.

— Что Вахид? — посмотрел на нее Самандар. — Разве я не прав? Если Соболев выбрал Путь Избегающего Опасности, как вы говорите, то почему он полез в пасть волку, то бишь этому волчьему чеченскому Союзу во главе с Шароевым? Выручать друга? Не верю! Скорее всего ради того, чтобы доказать — он тоже с и л ь н а я личность.

— Ты не прав, Вахид, — мягко сказал Парамонов, глядя на Кристину, не поднимавшую глаз от стола. — Насколько я успел его почувствовать, Соболев не из тех, кто рискует ради показухи или стандартных карьерных замыслов. И он о ч е н ь сильный человек, сильнее любого из нас.

— Ну и пусть выкарабкивается сам. — Вахид Тожиевич встал и отошел к окну.

— Не обращайте на него внимания, — положила свою руку на руку гостьи Ульяна. — Он всегда так: сначала отрицает

все, шумит, возражает, а потом делает, как мы решим сообща. Но мы еще не решили, понимаете?

Кристина подняла на нее полные слез глаза. Свет, исходящий от нее, как бы потускнел на какое-то время: на Ульяну сейчас смотрела земная женщина, любившая Соболева.

— Я все понимаю... но, кроме вас, помочь ему некому. Чечня — жуткая страна, где узаконено право силы и не существует силы права. Может быть, вы не знаете, но на рынках до сих пор продаются видеокассеты со сценами казни наших солдат, я в и д е л а!.. Конечно, я полечу туда... взяла билет на самолет... однако даже сил и знаний Светлены, ее проекции на меня не хватит, чтобы справиться с теми, кто его ждет. — Она торопливо вытерла глаза, виновато улыбнулась. — Извините за слабость. Слезы — сильный аргумент, но я не хотела им пользоваться. Извините. Посижу еще минутку и уйду, у меня мало времени.

— Почему вы уверены, что Соболев не справится? — задал вопрос Самандар, стоя спиной к беседующим.

— Потому что в его гибели заинтересованы очень мощные организации и личности, — тихо ответила Кристина. — Зомби Монарха, кардиналы Союза Девяти и даже иерархи. Один из них готов посетить нашу реальность, чтобы склонить Матвея на свою сторону.

— Кто?

— Пентарх.

— Зачем ему простой смертный, даже если он Посвящен в начала Круга?

— Матвей не простой смертный, — покачала головой Кристина, — он — аватара, только н е з а в е р ш е н н ы й.

Самандар обернулся в изумлении, в комнате наступила тишина. Посвященные молча смотрели на гостью, лицо которой разгладилось, наполнилось внутренним светом и силой. Это «вернулась» Светлена...

Глава 17

«ВОЛКИ»

Никто не узнал бы в этой пожилой чеченской паре Соболева и Горшина. Матвей играл роль старика: морщинистое задубелое лицо, седая бородка, на голове папаха, одет в по-

лосатый костюм, брюки, ботинки с калошами, рубашку без воротника. Горшин великолепно справлялся с ролью старухи, закутанной в просторный цветастый балахон и платок. Владея даром внушения, он легко отводил глаза всем, кто проявлял любопытство к «старухе». Поэтому и контролеры в аэропорту Быково, и омоновцы в аэропорту Грозного видели морщинистое, цвета дубовой коры лицо старой женщины с бородавкой под носом и редкой шетиной на подбородке.

С собой они практически ничего не взяли, кроме тонких стилетов и метательных звезд, спрятанных в рукавах. Горшин при прохождении контроля послал мощный раппорт работникам таможни и пропускного пункта, и звонок контрольного устройства, реагирующего на металл, они не услышали.

Через два с лишним часа «Ту-134» произвел посадку в аэропорту Грозного, и «пожилая пара» засеменила к автобусной остановке, где и села благополучно через полчаса в потрепанный, грязный, с потрескавшимися стеклами «Икарус», который довез гостей до автовокзала на улице Удугова. Ни одна из спецслужб Ичкерии не обратила внимания на стариков, никто не увязался за ними ни в аэропорту, ни на автовокзале, и все же и у Горшина, и у Соболева сложилось впечатление, что об их прибытии здесь знают.

Они отошли в тень платана на краю площади возле автовокзала, разложили на лавочке нехитрую снедь, привезенную с собой в целях маскировки, и сосредоточились на своих ощущениях, делая вид, что неторопливо обедают. Через несколько минут Матвей вышел из ментала и проговорил:

— Похоже, наше появление здесь действительно не секрет для кардиналов Союза Трех, но есть одно интересное обстоятельство: они не ждут двоих. Они ждут меня.

— Это существенно увеличивает свободу маневра, — кивнул Тарас. — Но тогда получается, что твой приезд рассчитан заранее? Кому-то было нужно, чтобы ты появился в Грозном?

— Все выяснится, — прошамкал «старик» с улыбкой, обнажавшей десны. — Кто-то приложил немало усилий, чтобы я сюда попал, и я искренне ему сочувствую.

— Только не переоценивай свои возможности, а то, я гляжу, у тебя эйфория от успехов.

— Не беспокойся, я знаю свои возможности. С этого момента разделяемся. Я иду прямо в резиденцию Шароева, как

и договаривались, ты наблюдаешь за мной издалека. Когда выпустят Василия, подстрахуй его.

— Ты уверен, что его выпустят?

— Конечно. Но только — из тюрьмы, до выезда из Грозного. Потом попытаются ликвидировать.

— Хорошо, прослежу. План отступления не меняем?

— Пока нет.

— Тогда ни пуха ни пера.

— К черту!

И «пожилая пара», оставив остатки снеди на лавке, разошлась в разные стороны: «старуха» засеменила к остановке городского автобуса, «старик» шаркающей походкой направился по улице к центру Грозного. Он должен был появиться на площади Свободы у президентского дворца к тому моменту, когда «его половина» уже обоснуется там в качестве наблюдателя.

Матвей достиг своей цели за час, контролируя всех пешеходов и проезжающий транспорт. Впрямую за ним никто не следил, таких стариков по Грозному передвигалось достаточно, так что эффект переодевания сработал отменно, и все же ощущение висящей над головой грозовой тучи не проходило. Владыка Чечни ждал его и был уверен в том, что он рано или поздно объявится.

Матвей и объявился. В четыре часа пополудни, когда майская жара достигла апогея — тридцати градусов по Цельсию, он поднялся по ступенькам парадной лестницы и вошел под своды президентского дворца. Гвардейцы внешней охраны пропустили его без единого вопроса, словно не видели. Так же просто он прошел и вторую цепь охраны — в холле, спокойно сев в лифт вместе с десятком посетителей и работников резиденции главы правительства. Вышел на третьем этаже, постоял у сверкающей каррарским белым мрамором стены, держась за поясницу, пока к нему не подошел рослый, выбритый до синевы гвардеец в белом мундире и белых перчатках. Сказал что-то по-чеченски, наверное, справился о самочувствии или же спросил, что ему здесь надо. Пришлось послать раппорт подчинения и держать парня под контролем, пока тот вел уважаемого тейпа в приемную президента.

Везирхан Шароев никогда демократом не был, поэтому в его приемной народ не толпился, и попасть туда можно было лишь по вызову или спецпропускам, которыми пользовались

служащие из администрации дворца. Когда беломундирный страж порядка ввел Матвея в приемную, напоминавшую холл приличной гостиницы, там находились всего пять человек: трое охранников из особой «серой сотни» — личной гвардии президента, секретарь-референт, располагавшийся за исполинским дубовым столом с компьютерной системой вызова и связи и терминалом контроля помещений дворца, а также единственный посетитель — низкорослый чеченец в кожаной куртке, из-под которой была видна белая рубашка и галстук в горошек. Чеченец, чернобородый, чернобровый, но лысый, шагал по ковровой дорожке мимо стола секретаря и время от времени посматривал на роскошную резную дверь в покои президента, украшенную затейливым орнаментом с элементами чеченской символики: звезды, полумесяцы, сабли, фигурки волков и орлов. Он глянул на вошедших только раз, и внутри Матвея зазвенел звоночек тревоги. Этот человек явно не был случайным гостем президента, он вообще вел себя не как гость, а как хозяин, и на Матвея вдруг пахнуло холодным ветром зловещей угрозы.

Сопровождавший Соболева гвардеец что-то проговорил по-чеченски, бледнея на глазах. Лысый посетитель перестал расхаживать по залу приемной, снова глянул на «старика», и Матвей понял, что пора действовать. Лысый знал, кто вошел в приемную, и готов был отдать приказ охране задержать гостя.

Мгновение спустя «старик» исчез.

То есть он, конечно, никуда не делся, просто перешел в другое состояние, увеличив «темп» жизни, поэтому увидеть его было трудно даже специально тренированному человеку.

В течение двух секунд Матвей обошел приемную, усыпил всех, кто в ней находился, и наконец остался один на один с лысым, который так же, как и он, перешел на сверхскоростное манипулирование телом. Однако в отличие от Соболева он не владел боевым искусством, во-вторых, двигался все же не столь быстро, в-третьих, о противнике он был не очень высокого мнения, а в-четвертых, понадеялся на свою силу.

Поэтому Матвей не стал разыгрывать красочный спектакль под названием «бой Посвященных». Выдержав атаку-раппорт на психофизическом уровне, он стремительно обошел лысого, заставляя его зрение «соскальзывать» с объекта, вынудил его воспользоваться оружием: противник достал из-

под мышки пистолет (девятимиллиметровый «штейер») и выстрелил, — среагировал на выстрел (он у в и д е л летящую пулю со светящимися в инфракрасном диапазоне вихриками воздуха в кильватере) и достал стрелка в момент, когда тот перестал стрелять, будучи уверенным, что попал.

То, что лысый не был обыкновенным человеком, было ясно еще до боя, но то, что он владеет Эхейх, то есть первой из Сил Бога — энергией структурного восстановления, Матвей понял, применив прием усыпляющего касания. Лысый не уснул! Он только замедлил движения, но продолжал оставаться в сознании (сознании измененного состояния) и держать т е м п. Тогда Матвей обезоружил его и, не желая убивать — он мог бы применить космек — прием смертельного касания, вряд ли противник выдержал бы десинхронизацию чакр, — нанес мощный оглушающий удар кулаком в темя.

Бой закончился. Длился он всего полминуты.

Матвей одернул пиджак, бросил взгляд на зрачок телекамеры, стерегущей обстановку в приемной — охрана у телемонитора вот-вот должна была поднять тревогу, — и вошел в кабинет президента.

Он ожидал увидеть огромное роскошное помещение — под стать амбициям государей всех маленьких княжеств, — со стенами из розового гранита, с мраморным полом, лепниной по потолку и стенам, золотыми светильниками и люстрами, мебелью под французский ренессанс или готику Италии, но увидел довольно скромный по размерам деловой кабинет с ультрасовременным убранством. Кабинет был обит деревом, правда, не дешевым — карельской березой, имел зеркальный потолок, паркет, несколько шкафов со стеклянными дверцами, где на прозрачных полках лежали образцы холодного оружия, и мебель дизайна французской компании Ligne Roset: элегантный стол с непременной вставкой компьютера, кресло с пневматическими подлокотниками, меняющее положение спинки и сиденья в зависимости от позы седока, стулья из алькантары с мягкой спинкой, насборенной, как шкура бегемота, телесистема «Шарп» в углу размерами метр на полтора, светильники, вырастающие из стен и стола, как бутоны цветов.

— Сделано по заказу в Бриоре, под Лионом, — раздался голос человека, стоящего со сложенными на груди руками

перед столом лицом к двери и наблюдающего за вошедшим. — Нравится?

Человек был одет в отлично сшитый костюм в крупную фиолетово-зеленую полоску, ослепительно белую рубашку с зеленым галстуком, лаковые штиблеты, носил аккуратные усики, имел блестящие черные волосы и был «закрыт», как сейф, но в черных глазах его проскальзывали искры иронии, ума, снисходительности, силы и враждебности. Это был президент и он же координатор Союза Неизвестных Ичкерии Везирхан Шароев.

Матвей перешел на гипервидение, отметил замаскированные дубовыми панелями секретные выходы из кабинета, один из которых вел на крышу дворца (лифт, две короткие лестницы), второй уходил вниз, в подвал, вернее, в бункер, укрепленный так, что мог, наверное, выдержать прямой ядерный удар, в столе президента обнаружил целый арсенал, причем оружие было встроено не только в тумбы стола (два пулемета с автоматической подачей патронов), но и в стены (баллоны с усыпляющим газом), однако сам Шароев оружия не имел, и Матвей спокойно повернулся к нему спиной, закрывая дверь на ключ. Шароев наблюдал за ним, склонив голову на плечо, и выжидательно молчал.

— Отмените тревогу, — негромко сказал Матвей.

— Вы великолепны, Соболев, — серьезно сказал Шароев. — Я наблюдал за вами во время вашего... м-м... разговора с моим министром. Честно признаюсь, не ожидал такой прыти. Кстати, и не сразу узнал. Очень хорошая маскировка, мастерская. Вот почему мои следопыты не взяли вас в аэропорту. Впрочем, удивляться нечему, вы ведь профессиональный контрразведчик, не так ли?

— Отмените тревогу, — повторил Матвей, чувствуя неприятное давление на мозг. Шароев пытался пробить его блок и подчинить волю.

— А никакой тревоги не будет, — улыбнулся Шароев. — Мы вас ждали, о возможностях наслышаны, так что все варианты просчитали. Шансов уйти отсюда у вас нет. Вернее, есть, но только в том случае, если мы договоримся.

— Я могу уйти в любой момент, — равнодушно сказал Матвей. — Несмотря на ваши пулеметы и газовые пакеты. У вас два замаскированных выхода, один ведет на крышу, где всегда стоит вертолет, второй — в бункер под зданием двор-

ца, откуда можно по тоннелю добраться до спецгаража с бронированным автомобилем.

Улыбка президента несколько потускнела. Он снял руку с груди, опустил ее к столу, и в тот же момент Матвей метнул стилет. Тонкое лезвие молнией пересекло кабинет, пригвоздило рукав пиджака Шароева к столу и одновременно пронзило скрытую кнопку, включающую неизвестную электрическую систему. Шароев, не успев отклониться, посмотрел на рукав, потом на Соболева, укоризненно покачал головой. Выдернул стилет, повертел в пальцах.

— Красивая иголка. Что это вы такой нервный, Соболев? Я только хотел приказать секретарю сварить кофе. Присядьте, расслабьтесь. Ваше умение воина впечатляет, но не более того. Мы люди серьезные и можем поговорить без подобного рода эффектов.

— Разговора не получится, пока вы не отпустите заложника.

— Василия Балуева? Он государственный преступник. Проник на территорию суверенного государства с целью...

— Оставьте, — перебил президента Матвей, прислушиваясь к тишине за дверью и понимая, что они с Тарасом чего-то не учли. — Вы прекрасно знаете, что весь этот дикий поход был заранее спланирован. Балуев — только исполнитель, заложник генеральских и ваших расчетов. Отпустите его, иначе...

— Что иначе? — с любопытством склонил голову к плечу Шароев. — Вы же в патовом положении, ганфайтер. Убьете меня — в чем я сомневаюсь, — погибнете сами, да и вашего друга не выручите.

Матвей вышел в меоз и без предупреждения нанес мощный оглушающий пси-удар по сознанию президента, смявший внешнюю витальную оболочку его защитного пси-блока. Координатора Союза Трех шатнуло. Он побледнел, вцепился руками в стол, в глазах на мгновение мелькнула растерянность, сменившаяся хищным блеском. «Волк», — пришло на ум сравнение.

— Выпустите Балуева, — раздельно повторил Матвей, не спуская с его лица ледяных глаз. — Немедленно!

Президент Чечни потер лоб, мимолетно подумав, что они переоценили свои силы и не просчитали складывающуюся

ситуацию. Отвернулся, обошел стол и сел в податливо просевшее кресло. Нажал клавишу селектора:

— Ходжиакбар? Выпусти пленника.

— Минуту, — поднял руку Матвей. — Пусть Балуеву дадут трубку, я хочу сказать ему пару слов.

— Дайте ему телефон, — распорядился Шароев.

Через несколько минут динамик селектора донес флегматичный голос Василия:

— Кому я там еще понадобился?

— Привет, Баловень, — сказал Матвей. — Жив, здоров?

— Это кто? Соболев?! Какого хрена ты здесь делаешь?!

— По голосу слышу, что ты в порядке, — улыбнулся Матвей. — Не скажешь, зачем тебя сюда занесло?

— Они меня купили, — после недолгого молчания мрачно ответил Василий, имея в виду, очевидно, Первухина и Ельшина, передразнил кого-то из них: — «Это не наказание и не месть, капитан, это восстановление справедливости...» В общем, ты был прав.

— Хорошо, что ты это понял.

— Поздно понял.

— Лучше поздно, чем никогда. Сейчас тебя выпустят, довезут до аэропорта и посадят в самолет. Понял?

Пауза.

— Понял.

— Го-ёдзин. Понял?

Еще пауза.

— А ты как?

— Я тут задержусь на некоторое время. Встретимся в Москве.

— Может, я тебя подожду?

— Выполняй. — Матвей отошел от стола, сел в одно из кожаных кресел у стены, глянул на следившего за ним Шароева. — Посидим немного. Как только Балуев выедет за пределы Грозного и я услышу его голос, мы продолжим переговоры.

— А что это вы ему сказали по-японски?

— Ничего особенного, намекнул об осторожности. Вопрос у меня один: зачем я понадобился Союзу Трех? Точнее, зачем вы использовали для моего вызова столь экзотический способ?

— Какая разница? В конце концов расчет наш оправдал-

ся, вы здесь, остальное не важно. Вы знакомы с господином Рыковым?

— Так это по его заказу вы работали? — удивился Матвей.

Густые брови Шароева сдвинулись, ноздри раздулись, придав лицу грозно-хищное выражение. Координатор Союза Неизвестных Чечни не терпел ничьего диктата и не любил намеков, что от кого-то зависит.

— Рыков просто позвонил нам незадолго до вашего появления и предупредил об опасности. Видимо, вы его чем-то сильно огорчили, если он готов организовать вашу «волну выключения».

— Пока ничем. — Матвей снова подумал об ускорении событий, прожитых им в прошлом временном отрезке длиной в два года. — Но я его еще огорчу.

— Вы такой оптимист? Вы действительно верите, что спокойно уйдете отсюда когда захотите?

Матвей выдержал очередной волчий высверк глаз Шароева, ответил ему «щелчком по паутине» — чувствительным выпадом пси-поля, адекватным отрезвляющему щелчку пальцем по лбу. Координатор Союза Трех вздрогнул, стиснул руки в кулаки, но принять крутые меры до появления того, кого ждал, не решился. Сказал, сдерживаясь:

— Да, вы, безусловно, сильный человек, Соболев, тут мы прокололись. Но ведь я не один, нас трое. И придет еще четвертый... — Он замолчал, с трудом останавливая язык. — А как случилось, что вы до сих пор не Посвящены?

— Долго объяснять. Дайте, пожалуйста, связь с вашими тюремщиками, они, наверно, уже на пути к аэропорту.

Шароев щелкнул селектором, отрывисто произнес фразу на чеченском языке, выслушал такую же трескучую тарабарщину в ответ, выключил аппарат.

— Они еще на окраине Грозного, в аэропорту будут через полчаса, оттуда сообщат. Кофе хотите?

Матвей подумал.

— Пожалуй, выпью чашечку.

— Хамид хаважи, — сказал Шароев, нажимая и отпуская клавишу селектора. Встал из-за стола, подошел к двери и повернул ключ, сел на место. Через минуту в кабинет вошел давешний противник Соболева, лысый чеченец, мрачный и бледный, взглядом смахивающий на президента.

— Знакомьтесь, — дернул уголком губ Шароев. — Салман

Борз, министр безопасности Ичкерии. Матвей Соболев, ганфайтер российской военной контрразведки.

— Мы уже познакомились, — угрюмо бросил Борз, обернулся в сторону оставшейся открытой двери. — Заходи, Солтан.

В кабинет вошел крупнотелый чеченец, чернобородый, но седовласый, одетый в черкеску с газырями, сапоги, с кинжалом на поясе. Кроме того, он был вооружен и огнестрельным оружием, спрятанным под одеждой, однако Матвей не стал говорить об этом.

— Министр иностранных дел Махмуд Солтанов, — проговорил Шароев. — Прошу любить и жаловать, как говорится.

— Союз Трех Неизвестных в полном составе, — невозмутимо отозвался Матвей. — Что ж, знакомство не из самых приятных, да еще и вынужденное к тому же, но ведь выбирать не приходится.

Кардиналы Союза Трех переглянулись, одновременно посмотрели на гостя, и тот почувствовал тяжкий удар по психике, едва не отключивший сознание. Но, во-первых, Матвей ждал нападения и был готов к нему, во-вторых, умел мгновенно переходить на другие частоты психического состояния и продолжал контролировать свое поведение. Однако в то же время он понимал, что сопротивляться эгрегору чеченского Союза без поддержки долго не сможет. Пора было вызывать на помощь Горшина.

Но кардиналы дали ему передышку, пораженные реакцией объекта воздействия, и атаку не повторили. Это дало возможность Соболеву перестроить энергопотоки организма и отдохнуть.

— Присаживайтесь, господа министры, поговорим. Итак, вопрос один: зачем я вам понадобился?

Министры сели в кресла по обеим сторонам стола и стали разглядывать Соболева как диковинного зверя. Матвей стер с лица краску, разгладил морщины, и теперь перед кардиналами сидел не старик, а гибкий и сильный молодой человек с непробиваемо-спокойным лицом, в глазах которого сквозила легкая ирония и задумчивость.

— Вы понадобились не нам, — проговорил Шароев, внезапно приходя в хорошее настроение, взмахом руки отослал секретаря, принесшего поднос с чашками кофе. — Но, с другой стороны, нам тоже хотелось бы выяснить, почему в вас

столь сильно заинтересован один наш общий друг, что он готов даже посетить нашу грешную обитель.

Звякнул селектор. Шароев включил связь, и в кабинете раздался голос Балуева:

— Соболев, я в аэропорту. Ты уверен, что моя помощь не понадобится? Может, мне все-таки остаться?

— Лети, — сказал Матвей. — Иншалла...

Шароев выключил селектор, выражение глаз его изменилось, в них появилась угроза и сила, но сила иного плана и другого уровня. И Матвей наконец понял, в чем состоит их с Тарасом упущение: его здесь ждали не только кардиналы Союза Трех, но и кто-то рангом повыше. Иерарх!

— Совершенно верно, идущий, — изменившимся рокочущим голосом сказал Шароев. — Ты хорошо оцениваешь ситуацию. Перед тобой пентарх Удди.

Матвей шевельнулся.

— Сидеть! — вскочил Солтанов, доставая из-под кафтана пистолет, в котором Матвей без удивления узнал гипногенератор «удав».

— Не психуй, Махмуд, — повернул голову к министру иностранных дел президент; впрочем, он уже не был только президентом, он стал авешей пентарха. — Соболев никуда не денется и ничего не сможет сделать, даже если владеет сферами света. Или вы, — Шароев повернулся к Матвею, — предпочитаете воевать?

— Я готов выслушать вас, — хладнокровно ответил Матвей, подумав, что идти Путем Избегающего Опасности он еще не готов.

Глава 18

БИТОМУ НЕЙМЕТСЯ

В аэропорт Васю везли на президентском «Мерседесе» с зеленым флажком на капоте, так что задержек в пути не было, а он наконец-то смог оценить комфорт и скоростные качества автомобиля в полной мере.

Кроме него и водителя в просторном салоне «мерса» располагались еще трое человек: двое в сером по бокам Балуева (мощные мужички из «серой сотни») и один в черном — на переднем сиденье. Он имел какие-то нашивки и звезды на

плечах и рукавах комбинезона, но Вася в чеченской военной символике не разбирался и мог только догадываться о звании своего тюремщика.

Наручники Василию надели уже при выезде из города, но это было в порядке вещей, а вот два пистолетных ствола под ребрами мешали чувствовать себя свободным. Предостережение Соболева на японском языке явно имело смысл. С этими ребятами надо было держать ухо востро. Вася попытался было их разговорить или рассмешить, рассказав пару анекдотов, но четверка конвоиров ни разу не заговорила в дороге, и Вася с грустью признал истину, вычитанную им в какой-то газете: труднее всего контролировать того, кто диктует правила игры.

К аэропорту прибыли к шести часам вечера и сразу проехали на летное поле, якобы для посадки в самолет на Москву, который был уже готов к вылету. И Василий понял, что пришел момент п у с т о т ы[1]. Он вытянул руки вперед.

— Снимите наручники, ребята.

— Сиди тихо, — оглянулся тот, что сидел впереди, протянул Балуеву рацию. — Говори.

— Соболев, я в аэропорту, — сказал Вася. — Ты уверен, что моя помощь тебе не понадобится? Может, мне все-таки остаться?

— Лети, — донесся тихий голос Матвея. — Иншалла...

Тюремщик отнял рацию, щелкнул кнопкой переключения диапазонов, бросил в микрофон какую-то фразу, выслушал ответ, оглянулся и кивнул, как бы давая команду конвоирам. Но Вася начал свою комбинацию раньше.

Он резко рванулся вперед, к спинкам передних сидений, благо расстояние позволяло ему это сделать, так что стволы пистолетов с обоих боков соскользнули, так же резко вернул тело назад, придавливая спиной руки с пистолетами, и с ходу врезал правому здоровяку удар локтем в подбородок (миги аге эмпи учи — песня, а не прием!), одновременно выплевывая куриную косточку, которую держал во рту еще с момента выхода из камеры (в последний раз кормили его холодной курицей), в глаз молодцу слева. От неожиданности и боли тот выстрелил и попал своему напарнику в бок. Теперь мож-

[1]«Состояние пустоты» позволяет мгновенно реагировать на неожиданное нападение.

но было не опасаться нападения справа. Не дожидаясь второго выстрела, Вася нанес стрелку еще один удар — наручниками в лицо, раздробил нос и надолго вывел из строя. Только теперь охранник в черном сообразил, что его сценарий неожиданно нарушен, и начал доставать пистолет из кобуры на поясе. Но ему следовало держать его на коленях готовым к стрельбе, тогда он, наверное, успел бы выстрелить, а так удар Васи обеими руками в затылок бросил его на стекло и отключил сознание.

Оставался еще водитель, крепкий белобрысый малый с глазами альбиноса, вооруженный автоматом, однако ему, чтобы обезвредить пленника, тоже надо было сделать много движений: остановить машину, снять руки с руля, повернуть автомат стволом назад, спустить предохранитель и нажать курок. На все это ему потребовалось бы около секунды в самом лучшем случае, Василию же хватило половину этого огромного временного запаса, чтобы выхватить пистолет из руки раненого конвоира справа и направить его в висок водителю.

— Стоп-кадр! Не стоит состязаться в скорости с пулей, парень. Брось пушку!

Водитель повиновался.

— Руки на руль. Выезжай с поля.

— Далеко все равно не уйдешь, — проговорил водитель по-русски. — Первый же пост остановит, и тебе крышка.

— Ага, русский, значит, — прищурился Вася. — Надо же, как мне повезло. Давно водишь эту колымагу?

— Слёта, — хладнокровно ответил водитель, шевельнув каменными желваками. Его лицо пошло пятнами, но держался он хорошо.

Вася присвистнул. Слово «слёта», означавшее — с лета, то есть давно, принадлежало профжаргону спецслужб.

— Это как же тебя угораздило на службу к этому «волку» — Шароеву? Ты же «гусь», насколько я соображаю.

— Где хочу, там и служу, — огрызнулся водитель. — Будешь платить больше, я и у тебя покантуюсь.

— Ну, у меня вряд ли, — покачал головой Вася. — А если бы они меня сейчас прихлопнули, ты и ухом не повел бы?

— Встретился бы ты мне в Первомайском... — процедил сквозь зубы водитель. — Я там ваших много положил.

Вася потемнел.

— Что ж, долг платежом красен. Прощай тогда. — Одним движением Василий воткнул палец в шею белобрысому, пронзив ее, и мгновенно убил. Посидел немного, оглядывая поле, снующие там и тут желтенькие кары и разного рода машины технических служб, потом поблагодарил Бога за то, что у «Мерседеса» темные стекла, перевалил тело водителя назад, нащупал в кармане старшего ключи, расстегнул наручники, пересел за руль и тихо выехал за ворота, готовый врубить газ, если случится задержка.

Но охрана пропустила президентский автомобиль беспрепятственно, взяв под козырек, и принимать экстренные меры не понадобилось.

Зато внезапно случилось то, чего меньше всего ожидал Василий: при повороте с площади перед зданием аэропорта на улицу, ведущую на шоссе Ходжаева, которое соединяло аэропорт с Грозным, мотор «Мерседеса» заглох. Не поверив своим глазам, Вася глянул на панель управления, где мигали сразу три красных окошечка, сигнализируя о прекращении подачи топлива и отключении аккумулятора, а когда чувство опасности заставило его поднять голову, рядом с машиной он увидел старуху-чеченку, которая с усмешкой смотрела на него умными, стальными, отнюдь не старушечьими глазами.

— Не подвезете бабушку, Василий Никифорович? — прочитал Вася по губам старухи, не слыша ее голоса сквозь стекла. Быстро оглядел улицу с шеренгой пыльных тополей и платанов, с редким потоком пешеходов, оглянулся на площадь с двухэтажным зданием аэропорта, не безлюдную, но и не кишащую пассажирами, угрозы не обнаружил: на роскошный автомобиль заглядывались многие, но скорее с благоговением и любопытством, не видя, что творится внутри, — и открыл дверцу слева.

Старуха с неожиданным проворством и сноровкой шмыгнула в салон, легко сдвинув тело спецназовца-конвоира, будто делала это всегда, и тотчас же ожил мотор «Мерседеса». Вася, помянув сквозь зубы нечистую силу, тронул машину с места.

Миновали базар, пост ГАИ у выезда на шоссе, работники которого вытянулись в струнку и отдали честь сидящим внутри, и Вася направил «мерс» к городу, раздумывая, что делать дальше. Однако старуха, угадав его колебания, дала дельный совет, и голос ее был голосом молодого мужчины:

— За поворотом на СМУ есть тут балочка, там мы сбросим балласт и оглядимся. А лихо вы их, надо признаться, скрутили, Василий Никифорович. Я уже хотел вмешаться, да вы меня опередили. Хорошая подготовка.

— Кто вы? — спросил Василий, пропуская колонну грузовиков в сопровождении БТРа и сворачивая с шоссе на узкую грунтовку, ведущую в заросшую кустарником балку.

— Приятель Соболева, Тарас Горшин. Может, слышали?

Из рассказа Матвея Вася помнил, кто такой Горшин, но промолчал. Остановил машину так, чтобы ее не было видно с дороги, и они вытащили из кабины незадачливых исполнителей воли неведомого начальника, приговорившего Балуева к смерти после того, как ему было разрешено покинуть Чечню. А это, в свою очередь, означало, что Матвей Соболев в данный момент не может проконтролировать соглашение и сам скорее всего является заложником.

— А один таки холодный, — кивнула «старуха» на белобрысого водителя. — Перестраховался или?..

— Или, — хмуро ответил Василий. — Наемник, сучий потрох, отца родного продаст ради денег и убьет любого, кто станет на пути. — Оглядел согбенную фигуру «старухи», хмыкнул. — А вы случайно актерских факультетов не кончали, Граф? Очень натурально держитесь.

— Жизнь — лучшая актерская школа, капитан, — философски ответил Горшин. — Как вы думаете, как скоро т а м хватятся команды?

— Часа полтора в нашем распоряжении имеется, если только их не вызовут по рации, чтобы узнать о результатах моих похорон. А их обязательно вызовут.

— Тогда у нас не больше сорока минут. Что ж, едем в город, там что-нибудь придумаем. Но для начала переоденьтесь в гвардейскую форму, а то ваш пятнистый наряд несовременен. Я, кстати, сделаю то же самое.

— По-моему, наряд старухи вам больше к лицу.

— Спасибо за комплимент, но старуха в кабине «Мерседеса» выглядит, что дворник в царских палатах. А два серых гвардейца подозрений не вызовут.

— У вас есть план?

— У меня нет плана. Соболев сейчас в гостях у президента, поэтому вряд ли его жизнь находится под угрозой. Но если они не договорятся, его не выпустят. Живым.

— Тогда нам нельзя терять времени. А может, предложим обмен?

— Кого на кого? Вас обратно на Соболева? Или нас обоих?

— Нет, есть более выгодный вариант. Захватить родственника президента, сына к примеру, и обменять.

— Этот вариант был бы хорош, если бы президент был обыкновенным человеком. Но он Посвященный, кардинал Союза Неизвестных Чечни, если вам это что-нибудь говорит, и для достижения поставленной цели способен пожертвовать кем угодно. В том числе и сыном.

— Что ты предлагаешь? — перешел на «ты» Василий.

— Поехали в Грозный. Там разберемся.

Они быстро сняли мундиры с находящихся в бессознательном состоянии гвардейцев президентской «серой сотни», переоделись, и Вася вывел «Мерседес» из балки. А у выезда на шоссе дорогу им перегородила желтая, с зеленой полосой «Волга» — местный вариант такси, внутри которой сидели трое: смуглолицый мужчина с черными как смоль волосами, таджик или туркмен, еще один мужчина, средних лет, с неброской внешностью, но проницательными глазами профессионального психолога, и женщина, вернее, девушка с л е т я щ и м — из-за бровей вразлет — лицом, очень интересная и дразняще красивая. Она вышла из «Волги», подняла руку, останавливая «Мерседес», и Вася, вопреки собственной воле и возгласу Тараса, остановил машину.

— Что с тобой? — посмотрел на него Тарас, но потом вдруг напрягся, сдвинул брови, внимательно вгляделся в лица мужчин. Что-то в них показалось ему необычным. К тому же он услышал несколько тихих музыкальных нот, раздавшихся прямо в голове.

Балуев же вдруг побледнел, глухо проговорил: «Не может быть!» — и как сомнамбула вылез из кабины.

Несколько долгих секунд Вася и незнакомка смотрели друг на друга, потом девушка улыбнулась и проговорила низким грудным голосом:

— А вот и сам Балуев.

— Я вас где-то видел, — хрипло сказал Вася. — Вы... Уля... Ульяна Митина.

— Как утверждает один наш общий знакомый, мы с вами знакомы уже два года... и в то же время видим друг друга в первый раз.

— Нет, — мотнул головой Василий, — у меня хорошая память на лица, я вас определенно где-то видел.

— Уля! — скрипучим голосом окликнул девушку черноволосый и смуглолицый водитель «Волги». — У нас мало времени.

— А это, кажется... Вахид... Самандар. Нет?

Глаза Ульяны раскрылись шире.

— Так вы в самом деле... помните?!

— Садитесь в машину! — снова резко сказал смуглолицый.

Вася внимательно посмотрел на него, но второй мужчина, сидевший на заднем сиденье, мягко сказал, наклонившись вперед:

— Не стоит, в самом деле, торчать на виду у всех. Пересаживайтесь в нашу машину и приятеля прихватите. Мне кажется, от «Мерседеса» надо избавиться — слишком заметный аппарат.

— А вы свой где достали?

— Позаимствовали в аэропорту. Мы прилетели всего час назад.

Вася обернулся к Горшину, но тот уже вылезал из президентского автомобиля.

— Он прав. Отгони ее обратно в овраг. Поедем на такси. — Тарас подошел к желтой «Волге». — Вы Парамонов?

Мужчина в светло-сером костюме кивнул.

— Рядом с вами Самандар, а вы Ульяна Митина.

Девушка насмешливо оглядела Горшина.

— А вы, наверное, Граф, то есть Горшин Тарас Витальевич. Матвей описал вас, но узнать в гвардейце Посвященного трудно, особенно если он этого не хочет.

— Что он еще говорил обо мне?

— Что вы отступник.

Тарас поклонился.

— Информация исчерпывающая.

Вася дал газ и дальнейшего разговора Посвященных не услышал. Развернул «Мерседес» и погнал его в балку, где лежали спящие до сих пор его конвоиры и тюремщик. Когда он вернулся, Горшин уже сидел в кабине такси. Вася сел рядом с Ульяной, одетой в брючный костюм, и машина покатилась по разбитому танковыми гусеницами, заплатанному кое-как шоссе с негустыми потоками транспорта в сторону Грозного.

* * *

Выхода Соболева из президентского дворца они не дождались.

Посвященные по каким-то своим каналам выяснили, что он все еще здесь, однако связаться с ним не смогли и, в каком положении он находится, не знали.

Расположились все пятеро в одной из двухкомнатных квартир пятиэтажного жилого дома, выходящего фасадом на площадь Свободы почти напротив дворца. Как удалось уговорить хозяев, Вася не понял, только их впустили без вопросов и разговоров, а потом пожилая чеченская пара удалилась в свою спальню и больше не выходила. Вася подозревал, что старики легли спать — не без помощи его новых знакомых, понятное дело.

До этого момента они с час колесили по Грозному, уклоняясь от встреч с постами ГАИ, купили кое-что из одежды на рынке, а также кое-какие продукты: рис, хлеб, овощи, фрукты, — и определили стратегию поведения на случай задержания машины. Потом нашли этот дом и поднялись на пятый этаж. Дом недавно отремонтировали, поэтому он представлял собой своеобразное сочетание темных и светлых пятен, гладких кирпичных заплат и щербатых от пуль и снарядов стен.

В квартире, где их таким образом приняли, Вася и Горшин переоделись в неновые джинсовые костюмы, оставив рубашки гвардейцев, и некоторое время напоминали американских ковбоев в бегах, пока не навели марафет. Тарас сделал себе чеченское лицо сам, за Васей ухаживала Ульяна, что было приятно и от чего замирало сердце. Вскоре их славянские лица преобразились в «лица кавказской национальности», так что узнать их не смогли бы и родители. Горшина преобразили усы, высокие скулы и всклокоченные волосы, Василия — борода, усы и шрамы на лбу.

— Типичный абрек, — констатировал он, оглядев себя в зеркале. — Только сабли и ружья не хватает. Итак, господа Посвященные, долго мы будем тут сидеть? Раз Соболев не вышел оттуда, значит, он в плену. А как говорит пословица: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

— Существует другой вариант этой пословицы, — серьезно сказал Парамонов. — Если гора не идет к Магомету, он объявляет ей джихад.

Вася и Ульяна обменялись улыбками, и это не ускользнуло от внимания Самандара, кружившего по комнате, как тигр в клетке.

— Не нравится мне астральное ш е в е л е н и е, — сказал он отрывисто, ни к кому особенно не обращаясь. — Это явно с л е д иерарха. Торчит здесь, как заноза.

— Скорее, это его в з г л я д, а не с л е д, — покачал головой Иван Терентьевич. — Хотя, может быть, наших возможностей не хватает, чтобы идентифицировать динамику воздействия.

— О чем речь? — осведомился Василий. — Хорошо, если бы вы делились со мной своими наблюдениями.

Самандар не обратил на реплику внимания, и Парамонов пояснил:

— В данном земном районе потревожен психофизический фон. Складывается впечатление, что здесь кто-то побывал из адептов Внутреннего Круга, причем очень сильный мастер, не пожелавший даже скрыть свои следы.

— Кто-нибудь из нашего родного Союза Девяти?

— Нет, кардиналы не обладают столь мощной аурой, оставляющей отпечатки на полевых структурах астрала. Вполне возможно, что здесь таки побывал иерарх. Но что ему понадобилось в «запрещенной реальности»?

— Не что, а кто, — задумчиво обронила Ульяна. — Ему был нужен Соболев.

Самандар одарил ее скептическим взглядом.

— Вряд ли фигура вашего супермена способна заинтересовать иерарха, даже если он идущий.

— Ты забываешь, что Соболев в е р н у л с я. Он знает, что произойдет в последующие два года, а знание будущего — колоссальная сила! К тому же он и сам мастер, прошедший неординарное Посвящение Хранителей, сумевший выжить после включения в контур «Иглы».

— Это еще надо доказать.

— Вахид, ты всегда был пессимистом.

— Я всегда был реалистом, хотя наш паршивый социум, руководимый агонизирующим Союзом Девяти, из любого оптимиста сделает не только пессимиста, но и предателя.

Василий, вспомнивший историю с предательством Самандара по рассказу Соболева, промолчал. Этот честолюбивый человек был явно ущемлен своим положением в среде

Посвященных и жаждал это положение изменить. С другой стороны, ситуация, в которой он однажды оказался, могла и не повториться. И все же Вася чувствовал к нему антипатию, хотя и признавался в душе, что главной причиной его ощущений была Ульяна. Вахид Тожиевич был к ней неравнодушен. Сам же Вася в ее присутствии был способен на любые подвиги и о сопернике думал мало.

— Да, это иерарх, — очнулся наконец от долгих размышлений Горшин, уже с полчаса сидевший на диване с полузакрытыми глазами. — Не ниже гептарха. И он еще здесь.

Посвященные посмотрели на него с одинаковым выражением недоверия и вопроса.

— С чего вы взяли? — сухо осведомился Самандар.

— То, что мы все ощущаем, — не просто *след* иерарха, это *след боя* иерарха с Матвеем. Потому что «пахнет» он в диапазоне иерархии Голаб. А эта Сила используется лишь в конфликтных ситуациях, не на благое дело.

По комнате разлилось неуютное молчание. Потом Василий медленно проговорил:

— Мы что же, опоздали?

— Не спешите его хоронить, — мягко произнес Парамонов. — Посвященного убить не так-то просто, да и не для того вызывали Соболева сюда, в Ичкерию, чтобы уничтожить. Он зачем-то нужен кардиналам Союза Трех, а может быть, и иерархам. Знать бы, чего от него хотят.

— Вы предлагаете атаковать дворец?

— Я предлагаю думать.

— Но нам всем равно придется идти туда.

— Прежде надо определить путь отступления. В любом случае, с Соболевым или без него, нам необходимо выбираться из Грозного и из Чечни.

— Ну, это просто, — небрежно сказал Вася, ловя на себе удивленно-скептические взгляды остальных. — На крыше дворца дежурит вертолет президента. Идем во дворец, забираем Соболева, садимся и летим в Дагестан. Там Шароев нас уже не достанет.

Красноречивая тишина была ему ответом. Потом Самандар растянул в улыбке губы.

— Безумству храбрых поем мы песню... но это, вероятнее всего, лучший вариант.

— А если Соболев нетранспортабелен?

— Тогда применим шактипат.

Ульяна и Парамонов переглянулись. Горшин кивнул, воспринимая слова Вахида Тожиевича как нечто само собой разумеющееся.

— Тогда нам осталось определить время выхода, взаимодействие и линии подстраховки. Василий, ты хорошо ориентируешься во дворце?

— Выше первого этажа не поднимался.

— Тогда пойдешь в арьергарде.

— Пистолета будет маловато для защиты тыла.

— Попытаемся вообще обойтись без стрельбы.

— Как скажете. — Вася пожал плечами, отошел к Ульяне, спросил тихо: — А что такое шактипат?

— Целевая передача своей Силы для восстановления сил и желаний реципиента, в данном случае — Соболева.

— Пора выступать, — буркнул Самандар, покосившись на Балуева.

Все замолчали, невольно глянув в окно, через которое был виден сияющий огнями президентский дворец; шел уже десятый час вечера, стемнело, однако небо на западе еще хранило малиновую полосу вечерней зари.

— Может быть, не стоит рисковать жизнью женщины? — проговорил Вася, тут же сообразив, что сказал глупость. Будучи Посвященной и обладая недюжинной силой психофизического воздействия, Ульяна в отряде была, наверное, полезней, чем он сам.

— Спасибо, рыцарь, — улыбнулась девушка.

Горшин, встав с дивана, молча похлопал его по плечу, прошел на кухню, позвал оттуда:

— Приглашаю подкрепиться, господа диверсанты, каша готова.

Через полчаса они выступили в поход.

Впереди шли Горшин и Самандар, за ними Парамонов и Ульяна, замыкал группу Василий, интуитивно ощущавший мощь идущей впереди четверки. Эта мощь успешно прошла испытание уже при пересечении площади Свободы: их не остановили ни милицейский, ни омоновский патрули, ни внешняя охрана дворца. Солдаты просто не видели идущих, будто их не существовало вовсе.

Точно так же отреагировала и внутренняя гвардейская сотня, не заметив поздних посетителей. Как Посвященным удалось нейтрализовать телекамеры, Василию узнать не довелось, но и дежурившие возле телемонитора охранники тревогу не подняли. Пятерка «диверсантов» спокойно поднялась по лестнице на третий этаж, усыпила полицейских в коридоре и охранников в серо-зеленой ночной форме в приемной президента и стремительно ворвалась в кабинет главы государства.

Вася остался в приемной прикрывать тылы группы, хотя очень хотел попасть в кабинет и поучаствовать в действии. Главные события должны были развернуться там.

Но и ему не пришлось отдыхать.

Не успел он освоиться в огромном пространстве приемной, как в нее вошел чеченец в черном комбинезоне — один из тюремщиков, стерегших Василия в президентском СИЗО. Он был явно озабочен или, скорее, испуган, и Вася понял, в чем дело: тюремщик спешил доложить начальству, что пленник сбежал и не найден. Не замечая лежащих на полу охранников, он прошагал до стола секретаря и только потом сообразил, что обстановка в приемной несколько отличается от стандартной. Круто остановился, ошалело глянул на тела у стены и рядом со столом, перевел взгляд налево и увидел за входной дверью Балуева.

— Ты кто?! — спросил он по-чеченски.

— Нихт ферштейн, — ответил Вася, приятно улыбаясь. — Помнишь меня, крыса тюремная?

Глаза тюремщика — плотно сбитого мужика средних лет — сузились. Узнать в «земляке» пленника он не мог, но соображал быстро.

— К-кто... ты?! Б-балуев?! Здесь?!

— А битому неймется, — еще шире улыбнулся Балуев, одним ухом прислушиваясь к звукам в коридоре, а вторым к шуму в кабинете.

Тюремщик цапнул с пояса пистолет и получил в лоб каменный окатыш, прихваченный Балуевым еще в балке за городом. Рухнул на пол, ударившись затылком о край стола.

— А ты не хватайся за пукалку, — философски посоветовал ему Василий.

И в этот момент толстая дубовая, с резным орнаментом

дверь в кабинет президента слетела с петель, перелетела по воздуху приемную и с грохотом врезалась в зеркальную стену...

Глава 19

«СТИКС» В ДЕЙСТВИИ

Они встретились в лесу, на дороге между Захарьином и Кожуховом, в пятнадцати километрах от Московской кольцевой автодороги: командир батальона охраны «Щит» майор Шмель Юрий Степанович и командир спецотряда «Стикс» Управления «Т» ФСБ майор Ибрагимов Хасан Халидович. Шмель в сопровождении трех телохранителей, двое из которых были из «женской роты», приехал по вызову Ибрагимова на внедорожнике «Шевроле-Блейзер» красного цвета, сам же Хасан прибыл на спортивном «Бугатти ЕВ 110 Суперспорт» серебристого цвета, в котором, кроме него, никого не было.

Шмель не понял, зачем Ибрагимов назначил ему свидание не на базе в Балашихе, а в лесу, возле какого-то дачного кооператива, но приехал, привыкнув к манере общения личного телохранителя, а также исполнителя самых конфиденциальных приказов генерала Ельшина. Обнаружив стоящую на обочине красавицу «Бугатти», Шмель остановился сзади в двадцати шагах, подождал немного, пока его команда обозрит окрестности с помощью новейшей поисковой аппаратуры, затем выбросил сигарету и вышел из машины, оставив телохранителей скучать. Сел рядом с Ибрагимовым, проворчал:

— Всем хороша твоя ракета, только уж очень в ней тесно. Какого х... погнал меня сюда, х... знает куда? Повые...ся захотелось? Или предстоит секретный бандаж?[1]

— Не надоело материться? — флегматично спросил Ибрагимов.

— Речь без мата — что щи без томата, — ухмыльнулся майор. — Можно подумать, ты у нас институтка и не материшься никогда.

— И алкоголем от тебя воняет.

---

[1]На жаргоне спецслужб б а н д а ж — совместная операция.

— Потому что я не пью только во сне. Кончай бодягу, колись, зачем я тебе понадобился.

— Юра, кто у тебя был на даче? — Хасан окинул профиль собеседника безразличным взглядом.

— Чего? — удивился майор. — Эт-то еще что за дела?

— По слухам, тебя навестили какие-то крутые парни... с целью выяснить кое-какие подробности нашего рейда по Чечне.

Шмель не очень естественно расхохотался, потом нахмурился.

— От кого ты узнал?

— Так были они или нет?

— Ну были, — пожал плечами Юрий Степанович.

— И что ты им рассказал?

— Да ничего! — резко бросил командир «Щита». — Какого х... ты меня допра... — Он не договорил.

Ибрагимов выстрелил.

На майоре был бронежилет под пятнистой формой, но пуля «волка» вошла в незащищенный бок Шмеля и пробила его почти насквозь. В изумлении Юрий Степанович дернулся, раскрыл глаза, выговорил три слова: «Ах ты, ссу...» — и умер. В тот же момент пули снайперской винтовки нашли головы телохранителей Шмеля, и все кончилось в считаные секунды. Лишь одна из амазонок-воительниц Шмеля успела схватиться за пистолет, и стрелку пришлось потратить на нее еще одну пулю. Стреляли из «винтореза», и выстрелов из леса слышно не было. Потом из зарослей слева от машины на дорогу вышел насвистывающий Тамерлан со снайперским комплексом в руке, помахал Ибрагимову, подошел к его машине.

— Ну как я их?

— Лихо, — ответил Ибрагимов, всаживая в грудь и в лицо киллхантера три пули. Его пистолет тоже был с глушителем, и звуки выстрелов из кабины напоминали падение еловых шишек на землю. Майор вылез из машины, забрал у убитого оружие, снова залез в кабину и тихо покатил в сторону дачного поселка за шеренгой сосен. У поворота на Кожухово его ждал в новой «десятке» приятель Тамерлана — Кир.

— А где снайпер? — спросил он, не очень беспокоясь.

— Пересаживайся ко мне, — приказал Ибрагимов. — Есть еще одно задание. Возьми свою пукалку. Машину оставь здесь, потом заберешь, к вечеру.

Кир пожал плечами, достал из-под сиденья пистолет-пулемет «кипарис», прищелкнул магазин, обошел машину майора, открыл дверцу, занося ногу, чтобы сесть, и увидел несколько капель крови на сиденье, не замеченных Ибрагимовым. Он был очень опытным профессионалом и не стал тратить драгоценные доли секунды на вопросы и выяснение обстоятельств, а сразу рванулся назад и поднял ствол «кипариса». Но ему потребовалось на это движение полсекунды, а палец майора уже лежал на курке пистолета, и тот выстрелил первым. Пуля вошла Киру снизу вверх в горло и вышла из затылка с частью черепа.

— Извини, сержант, приказ, — равнодушно проговорил Ибрагимов, оглядывая дорогу и близлежащие кусты — не заметил ли кто его разборки? Забрал пистолет-пулемет киллхантера, сел на место и достал рацию:

— Иваниченко, забирайте всех — и в наш морг. Подготовьте улики и бумагу: была перестрелка с целью выяснения отношений между военнослужащими... ну и так далее.

— Понял, — донесся тенорок штатного следователя «Стикса» капитана Иваниченко.

Ибрагимов убрал рацию, дал газ, направляясь к Москве. Двигатель «Бугатти» мощностью в пятьсот тридцать три лошадиных силы, с шестьюдесятью клапанами квадро-турбо, взревел, и машина прыгнула вперед, как ракета, мгновенно набирая скорость до ста пятидесяти километров в час. Майор спешил: у него было еще одно задание, которое надлежало выполнить до темноты.

* * *

Следствие по делу Ельшина стало пробуксовывать.

Самому генералу еще не было предъявлено никаких обвинений, однако «Смерш» вышел на его помощников, исполнителей, друзей и продолжал углубляться в расследование, толчком к которому послужила информация, собранная Матвеем Соболевым. Все, о чем он говорил в докладе, постепенно подтверждалось, сбывалось и выводило на такие открытия, от которых впору было рвать волосы на голове или подавать в отставку. Что и сделал один из следователей по особо важным делам, полковник Чуйков. А потом кто-то словно стал «рубить концы» — связи, каналы взаимодействий, кон-

тактные схемы, убирать свидетелей, уничтожать следы, и следствие забуксовало.

«Главконтра» созвал совещание начальников служб, выслушал все предложения, сводящиеся к одному: сообщить о развитии событий директору ФСБ, — и, оставшись наедине с Ивакиным, сказал с виноватой полуулыбкой:

— Кажется, мы взвалили на себя непосильную ношу, полковник. Если дальше провалы пойдут такими темпами, мы окажемся у разбитого корыта. Похоже, Соболев был прав: против нас работает нечистая сила!

— Монарх Тьмы.

— Ну Монарх не Монарх, но объяснить происходящее случайными совпадениями или некомпетентностью наших оперов нельзя. «Купол» работает оперативнее нас, хотя мы и ведем расследование по четырем нулям. Складывается впечатление, что Генрих Герхардович знает о каждом нашем шаге. Вам не кажется, что имеет место прямая утечка информации?

— Я думал об этом, — нехотя признался Ивакин, — и даже предпринял кое-какие хитрые контрмеры.

— Ну и?..

— Они не сработали. Наши люди чисты.

— Но в таком случае придется учитывать вариант Соболева: дьявол или Монарх Тьмы, не суть важно, имеет мистический доступ к нашим документам и сообщает об этом Ельшину. Так?

Ивакин флегматично пожевал кончик ручки и не ответил.

Дикой понимающе покивал головой, помял бледное, усталое лицо ладонью.

— Что будем делать, Борис Иванович? Доклад директору я подготовил, передам вечером, однако это не изменит положения вещей. Мы уперлись в скалу, а точнее, подскакали к обрыву: надо либо прыгать вниз, в пропасть, то есть продолжать расследование, либо поворачивать коней.

Полковник глянул вопросительно, и Дикой добавил:

— У Высоцкого есть стихотворение про нас:

> Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю,
> Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю.
> Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю.
> Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!..

Ивакин хмыкнул.

— В точку. Надо посоветоваться с кем-нибудь.

— С кем?

— С тестем... с Пановым. Он мужик разумный, потому и ушел в отставку, но посоветовать что-нибудь дельное может.

— Попробуйте, Борис Иванович, только вряд ли Иван Сергеевич даст хороший совет. Как только мы приняли к производству дело Ельшина, он автоматически стал подследственным, так что едва ли это его вдохновит. Может быть, посоветоваться с вашим «абсолютом»? Он заварил кашу — кстати, я так и не понял, откуда у него сведения по деятельности Генриха, — он пусть и предлагает выход.

Ивакин подумал, наклонил массивную голову.

— Я поговорю с ним.

— Что ж, тогда продолжаем... мчаться к обрыву?

— Бог не выдаст, свинья не съест, — уверенно бросил Ивакин, поднимаясь. Но на этот раз его уверенная речь и сильная фигура не произвели на Валентина Анатольевича былого впечатления, не успокоили. Он получил уже два телефонных предупреждения: одно — от неизвестного лица, предложившего «во избежание несчастного случая прекратить копать под «Щит», второе от генерального прокурора, встревоженного «раздуванием слухов и формированием нездоровой обстановки в рядах спецслужб». Но сам генерал Ельшин, наверняка получивший от своих подчиненных сведения об интересе к нему военных контрразведчиков, молчал.

Дикой вывел на экран компьютера дело генерала под названием «Т-конструкция «Купола» и стал пролистывать самые скандальные разоблачения Соболева, получившие подтверждение.

— С ума сойти! Мистика! — вздохнул Валентин Анатольевич, ощущая суеверный страх перед возможностями ганфайтера, раскрывшего стройную систему взаимодействия криминальных структур и спецслужб, которая была известна правоохранительным органам под названием «Купол». — Кто ты такой, Соболев? Откуда у тебя эти сногсшибательные сведения? Если Ельшин — наместник дьявола, то кто в таком случае ты? Ангел или демон, одержимый идеей свергнуть противника и занять его место?

Дикой вспомнил невозмутимое лицо Соболева, его исключительно спокойный взгляд и покачал головой. Нет, у

дьявола не могло быть такого лица... хотя, с другой стороны, кто знает его возможности?..

Зазвонил телефон «красной» линии связи — прямой канал с директором. Но голос, раздавшийся в трубке, не принадлежал Владимиру Алексеевичу Бондарю:

— Генерал, даю тебе последний шанс уцелеть. Если не успокоишься, мы тебя успокоим!

— Кто говорит? — сухо осведомился Валентин Анатольевич.

В трубке раздался полухрип-полусмех, от которого спину Дикого охватил ледяной озноб.

— Даже если бы я сказал тебе, кто я такой, ты бы все равно не поверил.

— Монарх Тьмы, может быть?

Смех стих. Голос в трубке изменился, стал зловещим, враждебным, с т р а ш н ы м:

— Ах вот даже как? Кажется, я тебя недооценил, раз у тебя тоже есть информатор Круга... Что ж, ты сам подписал себе приговор. Жди гостей. А информатора твоего я вычислю в скором времени.

— Как бы он вас не вычислил раньше, — брезгливо заметил Валентин Анатольевич, не чувствуя в своем голосе уверенности, и положил мокрую от пота трубку на рычаг. Посидел, бездумно глядя на экран монитора, потом в голове сформировалась мысль: «Меня убьют!»

Но следом пришла тихая холодная ярость, и генерал сказал вслух с веселой злостью:

— Пень топорища не боится, гнусняк! Еще посмотрим, чья возьмет!

* * *

Иван Сергеевич Панов проживал с женой — дочь вышла замуж за Ивакина и жила отдельно — в трехкомнатной квартире в девятиэтажке недалеко от станции метро «Проспект Мира». Когда Ивакин в девять утра позвонил ему домой, трубку сняла жена генерала и сообщила, что муж в ванной. Тогда Борис Иванович сказал теще, что приедет через час, и вызвал служебную машину.

Преследователей он обнаружил при повороте с Театраль-

ной аллеи на Нижнюю Масловку: в полусотне метров сзади шла фиолетовая «Мазда», не отставая и не приближаясь.

— Володя, видишь? — кивнул назад Ивакин.

Телохранитель полковника лейтенант Свирский, поглядывающий в зеркало заднего вида, кивнул.

— Я замечаю эту машину второй раз. Вчера она стояла возле конторы. Сейчас выясним, чья она. — Лейтенант нажал кнопку рации на передней панели машины и продиктовал дежурному по управлению номер преследующей их «Мазды». Через несколько минут дежурный сообщил:

— Машина частная, зарегистрирована на имя Макса Райхмана, сотрудника института Курчатова, но вполне возможно, что это просто «крыша». Прислать помощь?

— Пока не надо. — Свирский достал пистолет, проверил обойму, вставил в подмышечный захват. — Кто бы это ни был, он не посмеет действовать активно днем. Попробуем оторваться, Борис Иванович?

Ивакин не ответил, и шофер служебной «Волги» увеличил скорость. «Мазда» отстала. К дому Панова они подъехали в одиночестве, поставили машину во дворе рядом с красавицей «Бугатти» серебристого цвета.

— Хватает же средств у народа на такие аппараты, — кивнул Свирский на серебристое авто, не забывая глядеть и по сторонам.

— Не у народа, — усмехнулся Ивакин, — у «новых русских». Где-то я видел такую машину, причем недавно. Или у страха глаза велики? Везде начинают мерещиться «хвосты», слежки...

Дверь открыл сам Панов, в халате, свежий после ванны как огурчик. Свирский остался на лестничной площадке, Ивакин вошел в квартиру бывшего директора ФСБ. Иван Сергеевич проводил гостя в свой кабинет-спальню с книжными полками, столом, диваном и креслом, принес кофейный набор.

— Что случилось, Борис?

— Да ничего особенного, Иван Сергеевич, — ответил Ивакин. — Влезли мы с шефом в болото и не знаем теперь, как вылезти. Но сомнений, что Генрих связан с «Куполом» напрямую, нет.

Панов нахмурился, отхлебнул из фарфоровой чашки ароматного «Моккона», пристально глянул на зятя.

— Я тоже фигурирую... в вашем досье?

— Нет, материалов на вас нет, — честно сказал Ивакин, — но рикошетом следствие зацепит... хотя черт его знает, с какой стороны.

Панов кивнул, сморщился, чихнул, с угрюмой улыбкой почесал нос.

— Пословица права: хороший нос за две недели кулак чувствует. Я знал, что вы меня зацепите, и готов отвечать. Зачем я тебе понадобился?

— Нужен совет, — помедлив, проговорил Ивакин. — «Купол» начинает рубить концы, уничтожать свидетелей, а в кабинеты главных действующих лиц нам просто нет доступа. Надо идти по верхам, а это означает объявление войны «Куполу»... и Генриху.

Панов кивнул.

— Этого следовало ожидать. Вы затронули осиное гнездо, и, естественно, «осы» вам этого не простят. — Иван Сергеевич допил кофе, мрачно пошутил: — А вы обратитесь в «Стопкрим». Эти ребята не боятся расследовать такие дела и не зависят от закона.

— Такая мысль уже приходила мне в голову, — признался Ивакин. — На всякий случай я даже подготовил специальный файл для передачи... — Он замолчал, услышав какой-то стук в прихожей, вопросительно посмотрел на хозяина. Тот прислушался тоже, окликнул:

— Маша, что там у тебя упало?

Никто не ответил. Иван Сергеевич нахмурился, покосился на полковника, доставшего из кармана штатный «макаров», запахнул халат и встал.

— Пойду посмотрю. Твой телохранитель надежный?

— Не жаловался, профессионал. А что?

Ответить Панов не успел.

Дверь в кабинет распахнулась от сильного толчка, в проеме появился телохранитель Ивакина, похожий на привидение, бледный, с вытаращенными глазами, с пистолетом в руке. Направил ствол на Панова.

— Володя! — вскочил Ивакин. — В чем дело?!

Свирский выстрелил.

Пуля попала Панову в плечо, развернула и бросила на шкаф с книгами. Второй раз лейтенант выстрелить не успел,

Ивакин выстрелил в ответ навскидку, попал телохранителю в руку. Пистолет Свирского выпал. Но это было еще не все.

За спиной лейтенанта возникла фигура человека в камуфляже, выстрелила в спину Свирскому, а когда Ивакин метнулся на пол и оттуда дважды выстрелил по ногам стрелка, его и Панова накрыл залп суггестора «удав».

Все поплыло перед глазами Бориса Ивановича, зрение его расфокусировалось, тело ослабело, стало студенистым и рыхлым, в голове зашумело, как от удара. Однако последним усилием воли он зажал в кулаке пистолет и выстрелил.

Он уже не видел, как пуля попала в голову раненому предыдущими выстрелами в ногу гостю, как тот упал, забрызгивая ковер и паркет кровью, как в кабинете возникла еще одна фигура, расстреляла лежащих генерала и полковника, затем склонилась над человеком в пятнистом комбинезоне, убитым Ивакиным. Выругалась, забрала из его руки «глушак» и в темпе покинула квартиру.

Ибрагимов торопился: поднятая Ивакиным стрельба всполошила соседей, те вызвали милицию, и наблюдатель команды «Стикс» по рации предупредил своего командира о появлении машины ОМОНа. В квартире бывшего директора ФСБ остались лежать пять тел. Панов, его жена Мария Александровна, лейтенант Свирский, убийца в камуфляже были мертвы, полковник Ивакин был еще жив. Пули Ибрагимова, выпущенные с близкого расстояния, попали ему в грудь, но встретили бронежилет, а пуля в голову (контрольный выстрел) лишь пропахала борозду на черепе, не пробив его.

Очнулся Ивакин уже в больнице спустя двое суток.

Глава 20

ОСА В БУТЫЛКЕ ПЕПСИ-КОЛЫ

Тела он не чувствовал совсем, будто его не было. Голова существовала отдельно, как голова профессора Доуэля из романа Беляева, распухшая до пределов гигантской пещеры, в углу которой он лежал без движения целую вечность. И мысли в этой голове текли бесплотные, неосязаемо легкие, как струйки дыма, не задерживаясь ни на одном конкретном воспоминании.

Очень долго он не мог сосредоточиться и понять значе-

ние тусклого стеклянного блика перед глазами, пока гигантским усилием воли не сфокусировал-таки наконец зрение и не понял, что перед ним на полу пещеры стоит бутылка пепси-колы. Но и после этого открытия мозг долго сопротивлялся попыткам сознания собрать воедино тело, голову и душу, отделенные друг от друга неизвестным палачом. Память заработала в пробуждающемся ритме, когда бутылка с напитком упала, сбитая неловким движением руки, жидкость из нее вылилась на пол и внутрь бутылки заползла невесть как попавшая в пещеру оса...

Он вспомнил пси-атаку пентарха, падение в черный тоннель беспамятства, удар и жуткое ощущение рассыпающегося на стеклянные осколки тела. Голова откололась и нырнула в другой черный тоннель, как в колодец, с плеском погрузившись в зыбкое бездонное болото боли...

Только теперь Матвей обозрел это зыбкое бездонное «болото» фрустированной психики, в которое его загнала пси-атака пентарха, слез с островка последнего эмоционального убежища, где отсиживалась едва не распавшаяся окончательно воля, преодолел «болото» вброд и с трудом выбрался на твердый берег сознания...

Язык, сухой и растрескавшийся, как пласт такыра, не повиновался, но Матвей все же выговорил странно звучащую фразу: «Га-эл-лха-ман», — мантру подкачки энергии в сердечную чакру, и уже через полминуты почувствовал себя значительно лучше. Сел, опираясь спиной о стену «пещеры» которая вовсе пещерой не была. Гарбхагриха — пришел на ум эзотерический термин, означающий святая святых индуистского храма — небольшое квадратное темное помещение, над которым возвышается основное тело храма — вимана, понимаемая как мировая ось. Обычно гарбхагриха совершенно закрыта и недоступна даже монахам (кроме настоятеля) и символизирует этим абсолютную божественную ценность, не воспринимаемую простыми смертными. Неужели Шароев соорудил себе под дворцом такую камеру? И теперь Матвей замурован в ней?!

Но нет, чувствуется ток свежего воздуха, слабенький, правда, однако говорящий о присутствии здесь вентиляционного колодца или двери.

— Га-эл-лха-ман, — проговорил Матвей нараспев, чувствуя нарастающий приток сил. Усмехнулся в душе: пентар-

ошибся, посчитав, что сломил его, убил волю, внедрил в психику закон подчинения, то есть закодировал. Да, его псиатака разрушила динамическую пространственно-волновую структуру энергетической оболочки Соболева, деформировала силовой каркас, фрустировала сознание, десинхронизировала личность, но изменить глубинное состояние психики — душу Матвея не смогла. И все же Матвей вынужден был констатировать, что пентарх оказался сильнее. Правда, ему помогли кардиналы Союза Трех, опиравшиеся на чеченский эгрегор, а сам Матвей не учел этой возможности, пребывая в слепой уверенности, что справится один. Он ошибся. Самоуверенность, пренебрежение, недооценка соперника... неужели он становится похожим на кардиналов Союза Неизвестных, чья кровь разбавлена высокомерием и крайним самомнением? Или это вообще порок всех Посвященных?..

В памяти всплыла сцена в кабинете президента Ичкерии...

— Я мог бы и не появляться здесь, — сказал пентарх, вернее, авеша пентарха — его проекция на личность Везирхана Шароева, — потому что ты стандартен, как и все люди, потомки Инсектов, раз удалось рассчитать твое поведение вплоть до появления в моих владениях. Однако стало любопытно: так ли ты опасен, как утверждают слухи. Вот я и решил поглядеть.

— И каковы ваши впечатления? — вежливо спросил Матвей, ощущая, как переливается и бурлит сила сидящего перед ним человека.

— Кое-что ты умеешь, судя по контактам с моими коллегами. — Шароев бросил взгляд на угрюмо-злобную физиономию лысого министра безопасности. — Но на роль Мастера Мастеров не тянешь. Теперь я хотел бы выяснить, что нашел в тебе инфарх, якобы избравший тебя своим преемником.

— Я не знаю планов инфарха, он меня в них не посвящал, — равнодушно сказал Матвей. — В принципе я готов стать реализатором закона невмешательства иерархов в дела людей, в бытие «запрещенной реальности», что провоцирует Монарха Тьмы на новые эксперименты. Но вы продолжаете вмешиваться в нашу жизнь, поэтому приходится отвечать адекватно.

Шароев начал «гудеть и светиться», то есть излучать в инфра- и радиодиапазонах. Проекция пентарха перестроила пространственно-волновые оболочки и связи кардинала и

наполнила его тело энергией. Первый его «фехтовальный» выпад в пси-диапазоне был прощупывающим, легким, касательным, но и от этого «легкого» удара завибрировал весь защитный силовой каркас Матвея, так что он почувствовал на короткое время дурноту и слабость. Но и тогда у него оставалась уверенность в своих силах и надежда на мирное решение конфликта.

Пентарх почувствовал ответ Соболева, отступил, разглядывая его засветившееся изнутри лицо. Матвею показалось, что Шароев зарычал, показывая волчий оскал, но это было просто физическое отражение реакции пентарха.

— Похвально, ганфайтер. Что еще ты умеешь из вибхути? Летать? Превращаться в большое и малое? Преодолевать пространство? Впрочем, если бы ты умел это делать, давно сбежал бы, не так ли?

— Чего вы хотите? — Матвей напрягся, понимая, что наступает кульминационный момент разговора.

— Да, в общем, ничего, — небрежно ответил пентарх, и в этой его небрежности и быстроте ответа Матвей уловил колебание и недосказанность. Что бы пентарх ни говорил, он п о б а и в а л с я его, только не хотел признаваться в этом ни себе, ни кому-нибудь другому. — Разве что пустяк... Учитывая твои возможности... не слишком большие, так что не обольщайся... могу предложить тебе роль винаяка в «запрещенной реальности». Нам иногда требуется корректировка законов социума... некоторые другие поручения...

— Роль агента по особым поручениям мне не годится, — покачал головой Матвей. — Предлагаю другое решение. Вы открываете мне границу «розы», я помогаю вам разобраться с конфликтной ситуацией между иерархами.

— Никакой такой конфликтной ситуации между нами не существует.

— Неправда. Уже одно ваше «вытаивание» здесь говорит о неблагополучных отношениях иерархов, о нейтрализации стража границы — декарха. Или он на вашей стороне?

Снова пентарх Шароев показал «волчий оскал» своих психофизических «клыков». Поведение Матвея начинало его раздражать.

— Не много на себя берешь, н е з а в е р ш е н н ы й?

Матвей сузил посветлевшие, сверкнувшие нестерпимым ледяным блеском глаза. Пентарх проговорился! Он з н а л с

предназначении Соболева как «зародыша» аватары, хотя и делал вид, что торгуется ради того, чтобы развеять скуку и облагодетельствовать мальчика, замахнувшегося на иерархию Круга.

— Итак, мое предложение тебе не подходит, — констатировал пентарх Шароев, с трудом сдерживаясь.

Матвей с сожалением развел руками.

— Кажется, вам мое тоже. Придется идти другим путем. Я сам открою границы «розы» и разберусь с вами. А может быть, просто наглухо заблокирую границы нашей реальности законом «абсолютного замка».

Шароев расхохотался, откидываясь на спинку кресла. Махнул рукой, с пальцев которой сорвались крохотные голубые молнии.

— Парень, ты еще котенок, а не тигр, и вряд ли им станешь. Чтобы закрыть границы реальности, надо быть Конкере или на крайний случай владеть «Иглой Парабрахмы», что для непосвященного абсолютно нереально. — Шароев глянул на своих молчавших до сих пор министров-кардиналов. — Берите его, коллеги, он ваш.

Неизвестно, чего хотел добиться пентарх, «отдавая» Соболева соратникам президента. Скорее всего он решил еще раз оценить его возможности. Если бы Матвей смекнул это, он смог бы отделаться более легко, сделав вид, что уступает силе кардиналов. Однако он принял чужие невыгодные условия и начал бой, слишком поздно осознав свою ошибку.

Сдвоенный раппорт обоих министров обрушился на него, как удар дубиной. Потемнело в глазах, дыхание перехватило, остановилось сердце, в ушах поплыл комариный звон, тело потеряло плотность, превратилось в глыбу снега... Однако деформация энергетических оболочек Матвея не была фатальной, уже через доли секунды психика его перешла на другую частоту — в измененное состояние меоза, уплотнила индивидуальные поля и ответила контрударом, заставив кардиналов уйти в «глухую защиту» и на время прекратить собственные атаки. Но им не повезло изначально, потому что их противником был не просто Посвященный, а Воин Пути, спонтанность реакций которого и знание универсальных боевых техник позволяли ему применять тактику, максимально выгодную в каждом конкретном случае. Матвей, не дожидаясь повторных психофизических нападений, атаковал мини-

стров в физическом плане, сразу изменив ситуацию в свою пользу.

Махмуд Солтанов никогда не занимался воинскими искусствами, хотя оружием владел профессионально, как и всякий чеченец. Он и теперь реагировал на атаку Соболева как боевик, выхватывая из-под полы черкески пистолет. Матвей поэтому достал его первым, передавая смертельный импульс космек ударом в шею. Этим ударом убить Посвященного, владеющего приемами лечения и очищения организма от любых ядов и воздействий, было невозможно, однако на восстановление требовалось время, и министр иностранных дел перестал быть опасен.

Иное дело — Борз. Министр безопасности тоже не особенно хорошо знал искусство боя, но все же когда-то изучал всякие системы и реагировал быстрее. Матвею понадобилось исполнить сложный танец текучих переходов и отклонений — Борз успел достать «беретту» и начал стрельбу, — пока он не вышел на дистанцию максимальной действенности приема и не вбил в висок кардинала «гвоздь» — удар из русбоя костяшкой указательного пальца, и тоже — с выплеском энергии космек.

А потом ему показалось, что на него упала гора и расплющила в тонкий кровавый блин... Пентарх Шароев не стал демонстрировать свое воинское умение, обрушив на психику Матвея мощнейший фрустирующий раппорт силы Голаб с ориентацией заряда на медленную смерть соперника. Матвею удалось отбить раппорт «поворотом психического зеркала защиты» и даже поупираться в пространстве астрала, куда вылетела его душа, посопротивляться лавине внешнего воздействия, но к личному излучению пси-поля пентарх добавил разряд «глушака» — чтобы уж наверняка добить сопротивляющегося, и сознание Матвея вылетело из тела, как теннисный мяч от удара ракетки, тихо улеглось на «островке» защитных психических структур организма, который пентарх не разглядел...

Матвей не знал, что его атаки окончились для соратников Шароева плачевно. Махмуд Солтанов вынужден был лечить разорванную шею и сломанную ключицу, что далось ему с трудом. Салману Борзу досталось больше. Импульс «смертельного касания» был так силен, что едва не привел к летальному исходу. Спасло министра только вмешательство

Шароева, озадаченного столь очевидным проявлением силы человеком, из-за которого земную реальность вынужден был посетить сам пентарх Удди, замыкающий пятерку архонтов — иерархов высшего уровня. Поэтому Шароев не стал добивать Соболева, а велел отнести его в свой личный бункер под дворцом, имеющий специальную камеру-одиночку «для особо почетных гостей»...

Оса в бутылке из-под пепси-колы зажужжала, пытаясь выбраться, но попала в остатки жидкости и замолкла. Матвей, видевший ее попытки инфразрением, снова усмехнулся. Он сейчас тоже напоминал осу в бутылке, но в отличие от нее почти не имел свободы маневра. Ей, чтобы освободиться, достаточно было добраться до горлышка бутылки, ему предстоял гораздо более трудный путь.

Тонкая струйка свежего воздуха коснулась ноги. Матвей сосредоточился на восприятии окружающего мира.

Сначала он осмотрел камеру инфразрением и нашел дверь — стальной прямоугольник высотой в два, шириной в один метр и толщиной в двадцать сантиметров. Такую дверь трудно пробить даже из пушки, не то что перочинным ножиком. Дверь не была герметичной: струйка воздуха сочилась в тонкую щель под ней. Кроме входной, обнаружилась еще одна дверь — потайная, замаскированная под стену. Стены камеры были сложены из отесанных каменных глыб и не давали сомневаться в их прочности.

Тогда Матвей перешел на ультрафиолетовый диапазон зрения, почти ничего не давший исследователю места заключения, потом на радиоволны и восприятие электромагнитных полей. Мрак помещения сменился на причудливое призрачное свечение стен, плавно меняющее оттенки, искажающее очертания предметов. Потайная дверь при этом светилась сильнее входной, но изнутри камеры открыть ее было нельзя, ручной и механический приводы были установлены за ней в узком коридорчике с клетью лифта; перейдя на гиперзрение, Матвей отчетливо разглядел и коридорчик, и трубу лифта, и механизмы, управляющие приводами.

На мгновение все померкло перед глазами узника: организм, еще не восстановившийся полностью, сопротивлялся активному энергопотреблению. Пришлось дать телу и мозгу

отдых, уходя в медитационный транс и сократив до минимума потребление кровью кислорода. Если бы кто-нибудь сейчас вошел в камеру и осмотрел пленника, он решил бы, что тот умер: температура тела упала до тридцати градусов, пульс не прощупывался, сердце работало в ритме пяти-шести ударов в минуту, легкие не дышали.

Вышел из транса Матвей через два часа, сразу почувствовав себя бодрым и полным сил. Но для определения своего положения ему был нужен выход в астрал, а этого он как раз сделать не мог из-за риска обнаружения кардиналами Союза Трех, наверняка контролирующими всплески пси-полей на своей территории. Тогда он пошел другим путем — сосредоточился на меозе, открывая душу экстатическому восприятию информации и энергии ментала, и стал пробовать открыть двери. Обнаружить себя при этом он не боялся, его мозг в данном случае служил лишь приемной антенной, настроенной на определенный «личный» диапазон вибраций ментала. Однако состояние меоза ему удалось поддерживать всего несколько минут, на большее не хватило сил. Все-таки он был еще очень слаб и не «собрал всего себя» в одно целое, в личность. Слишком сильной оказалась «темная передача» — кодирующая программа пентарха, с одной стороны, дезорганизующая волю, с другой — в случае попыток неподчинения приказывающая Соболеву умереть. Ему удалось отстроиться от приказа умереть, но еще долго предстояло очищать глубины психики от «шлаков» влияния этой злобной программы.

И все же сдаваться Матвей не собирался. Даже в положении осы в бутылке он мог сопротивляться, просто надо было сконцентрировать постоянно расплывающуюся волю, разбудить резерв сил и начать действовать. Пентарх долго ждать не станет, спустится вниз, чтобы убедиться в смерти соперника... или в его воскрешении. А еще одной кодоновой атаки Матвей выдержать уже не сможет.

В девять часов вечера — по своим внутренним часам — он начал второй этап борьбы за жизнь. Механизмы, управляющие дверями, не были заблокированы, можно было попробовать их включить дистанционно. Дверь, ведущую к лифту, а оттуда скорее всего в покои президента, Матвей оставил на потом, ее включение наверняка контролировалось из каби-

нета Шароева, а преждевременно привлекать его внимание не хотелось. Поэтому пленник занялся металлической дверью, имеющей с той стороны кнопку включения. В принципе он, наверное, смог бы на пределе желаний и возможностей просунуть руку сквозь металл в районе расположения кнопки, но не знал, как воспользоваться оказавшейся снаружи кистью. В «бесплотном» состоянии, то есть в состоянии резонанса колебаний атомов и молекул руки с атомами металла, палец должен был пройти сквозь кнопку, не вдавив ее, а как сделать его плотным отдельно от всей кисти, Матвей не имел понятия.

Проанализировав эту возможность, он решил действовать иначе и сосредоточился на электрическом контуре кнопки включения. Очень сильно мешало то обстоятельство, что дверь была из стали, она экранировала электромагнитные поля и гасила электростатические заряды. Лишь спустя полчаса Матвей обошел это препятствие, создав участок, свободный от блуждающих электронов, и образовав ложную цепь включения.

Привод двери загудел, дверь медленно сдвинулась с места, образовала десятисантиметровую щель и остановилась. В лицо Матвею брызнул показавшийся нестерпимо ярким свет. А в щель на него глянул охранник с отвисшей челюстью, на которого включение двери произвело впечатление разорвавшейся бомбы.

Не получив подтверждения команды, дверь начала закрываться, и Матвей едва успел передать охраннику раппорт подчинения и приказать ему открыть дверь. Охранник, превратившийся на время в зомби, подчинился. Матвей оказался в тесной каморке с единственным стулом и столом, на котором лежала кипа журналов. Дверь из каморки в коридор тоже была заперта, но она уже не могла быть для пленника непроходимым препятствием.

— Везет всегда тем, кто подготовлен, — назидательно сказал Матвей тупо застывшему верзиле в черном комбинезоне. — Снимай мундир.

Через несколько минут он переоделся, затолкал охранника на свое место, напялив на него свой костюм, придал лицу сходство с лицом парня и открыл дверь в коридор. Он не собирался идти выяснять отношения с кардиналами чеченско-

го Союза Неизвестных, а тем более с пентархом, он хотел просто уйти по-английски из дворца и так же тихо убраться из Чечни.

Уже закрывая за собой дверь, Матвей вспомнил о бутылке с пепси-колой, вернулся, выпустил осу, еще раз подивившись, как она умудрилась проникнуть в подземный бункер. И в этот момент словно гигантская пушистая лапа мягко придавила его к полу камеры. Матвей напрягся, сбрасывая с себя эту «лапу», и понял, что пентарх разгадал намерения пленника.

* * *

Дьявол «оскалил клыки», то есть пентарх почуял их, когда Посвященные вошли в помпезную приемную президента, выключая сознание всех, кто там находился. Затем открылась дверь кабинета и на пороге возник Везирхан Шароев, сверкающий взгляд которого, казалось, способен прожигать тела людей насквозь. Пентарх понял все мгновенно и не стал ждать, пока четверка врагов возьмет инициативу в свои руки, он решил атаковать первым и «поставить наглецов на место». На Василия он внимания не обратил и сделал большую ошибку, потому что Балуев, инстинктивно прикрывшись «щитом» — пси-блоком, которым владел, не осознавая этого, тоже не стал ждать развития событий, а сразу ответил броском каменного окатыша. И это простое движение, пропущенное пентархом именно в силу его простоты и безобидности, по сути, сыграло решающую роль в развернувшейся пси-битве.

Камень попал Шароеву точно в переносицу, в точку иньтан или трикутта, вызывающую болевой шок и смерть. Удар, конечно, не причинил вреда пентарху, но плоть Шароева получила шоковый всплеск боли, пентарх на мгновение отвлекся, чтоба задавить эмоции своего тела-носителя, и этого оказалось достаточно, чтобы соединенные потоки пси-энергии Посвященных раздробили «И» — «разум-волю» пентарха на несколько отдельных сознаний, вынужденных обороняться каждое на своем уровне.

К счастью сражающихся, против них действовал все-таки не сам пентарх, а всего лишь авеша — его проекция на психику человека, поэтому в данной реальности она не имела всей с и л ы матрицы пентарха как личности. Но и она облада-

ла мощным потенциалом психоэнергетических возможностей вплоть до «пятой силы Бога» Элохим Гибор (Бог Всемогущий) и третьей «сферы света» Самаэль, что для земной реальности и составляло уровень Голаб — Дьявольской Жестокости. Посвященным пришлось очень тяжело, только с помощью гигантской концентрации воли им удалось нейтрализовать «раздробленную» волю пентарха и подавить его активность.

Первым со своей задачей справился Горшин. Он тут же пришел на помощь Ульяне, они вдвоем помогли Парамонову, а потом и Самандару. Бой закончился.

Ошеломленный Василий — ему досталась немалая толика пси-оплеух, породивших довольно реальные, с его точки зрения, видения, — отступил к двери в коридор, глядя на усталых и бледных приятелей, на застывшее, скорчившееся у порога в кабинет тело Шароева, потом опомнился, выглянул в коридор, никого не увидел и прикрыл дверь.

— Силен, боров! Я уж думал — кранты!

Ульяна, покачнувшись, провела по лбу рукой, благодарно глянула на подставившего ей локоть Горшина, потом подошла к Балуеву и чмокнула его в щеку.

— Вы были неподражаемы, воин.

— Что я такого сделал? — удивился смущенный, несколько осоловевший от поступка девушки Василий. — Задавили-то его вы.

— Ты сбил ему дыхание, — усмехнулся Горшин. — В результате мы успели прорвать его оборону и расчленить сознание, иначе нам пришлось бы туго. Действительно, очень сильный боров.

— Он еще... жив?

— Пентарх изгнан, и хотя мозгу Посвященного досталось крепко, он выживет.

— И все же он был слишком самонадеян, — задумчиво проговорил Парамонов, — коль пошел в лобовую атаку. Он запросто мог нейтрализовать каждого из нас по очереди. Если бы не Василий...

— Как он ему врезал! — засмеялась Ульяна.

Внезапно словно холодная тень накрыла всех, кто находился в приемной. Посвященные примолкли, переглядываясь. Горшин отреагировал первым:

— Мы забыли о других кардиналах Союза Трех, они где-то в здании и пеленгуют нас. Если они поднимут тревогу...

— Надо было выяснить, где Соболев, — нахмурился Василий.

— Я знаю. — Горшин стремительно прошагал в кабинет президента Ичкерии, позвал оттуда: — Идите за мной.

Когда Вася вошел вслед за остальными в апартаменты Шароева, Горшин стоял перед проходом в стене, замаскированным отодвинутой в сторону секцией стеклянного шкафа.

— Это ход в лифт. Соболев содержится в бункере под дворцом. Едем туда, забираем и поднимаемся наверх, на крышу. Остальное дело техники.

Они забрались в кабину лифта, еле уместившись в ней впятером, опустились на пять этажей ниже (метров двадцать пять, по прикидке Тараса), вышли в узкий каменный коридорчик, освещенный единственным плафоном, и включили механизм отпирания двери. С тихим шелестом массивный участок стены камеры выдвинулся в коридорчик, повернулся на оси, открывая проход в «комнату для особо важных гостей». На полу лежал ничком человек в мятом костюме и армейских ботинках со шнуровкой. Василий бросился к нему, перевернул на спину и отступил. Это был не Матвей Соболев.

— Ты же говорил...

— Он ушел. — Горшин прислушался к чему-то, поднял с пола пустую бутылку из-под пепси-колы. — Совсем недавно. А это означает, что пентарх его недооценил. Либо отпустил намеренно.

— Думай, о чем говоришь! Если Соболев ушел недавно, можно его догнать...

Парамонов покачал головой.

— Если Соболев смог выйти из камеры, он в неплохой форме. Мы его просто не узнаем и не догоним. Надо возвращаться.

— И что же, мы вот так вот запросто и уйдем? Без него? Положив столько сил?

— Он жив, а это главное, — проговорила Ульяна. — Идемте, у нас очень мало времени.

Самандар, не проронивший ни одного слова, безмолвно повернул к лифту. Остальные потянулись следом. Вася, порывающийся броситься на поиски Соболева, с трудом уговорив себя не суетиться, вошел в кабину лифта последним.

Они поднялись на крышу президентского дворца, походя усыпив охрану, сели в вертолет, и Горшин повел машину над

спящим темным городом на восток, в сторону Дагестана. Тревога во дворце началась, когда они были в километре от Грозного. Это Посвященные почувствовали по всплеску пси-поля чеченского эгрегора. Впечатление было такое, будто включился пронизывающий металл прожектор и высветил сидящих внутри вертолета людей.

Никто из них не сомневался в победе, и все же у Парамонова осталось ощущение, что они чего-то недоучли.

Где в этот момент находился Соболев, не представлял никто, но все были уверены, что он в безопасности. Один Василий не был убежден в этом и хмуро сидел рядом с Ульяной, виня себя во всех грехах. Девушка видела его состояние, но думала в этот момент не о нем и даже не о Соболеве, а о Кристине, ждущей друга в Москве с надеждой и страхом. Они тогда в Рязани еле уговорили ее остаться и оказались правы. В Чечне Кристине делать было нечего. Светлена сделала свое дело, появившись сначала во сне и сделав трансовое предупреждение, а потом избрав Кристину своей авешей. Она заставила-таки Посвященных свернуть с избранного ими Пути, стать на Путь Воина со своей специфичной кармой риска и спасти будущего аватару. То, что Матвей пришел в себя и освободился сам, еще не говорило о его безопасности. Не вмешайся они — пентарх мог вычислить его путь и догнать. Они вмешались вовремя...

— Лучше бы меня убили тогда, — пробормотал Василий.

— Не говори глупостей, — очнулась девушка, накрывая своей ладонью руку Балуева.

— Мы не подумали о последствиях, — сказал вдруг Самандар с прорвавшейся враждебностью. — Патриархи Круга узнают о наших похождениях и сделают нас отступниками, вот как его. — Кивок на Горшина. — С этого момента наши пути расходятся. Я не желаю становиться отступником не по своей воле.

Тарас, глянув на холодно-невозмутимое лицо Вахида Тожиевича, еле заметно усмехнулся. Остальные смотрели на него по-разному, каждый со своими чувствами: Ульяна озадаченно и вопросительно, Иван Терентьевич печально, Василий с любопытством и насмешкой. И снова к Парамонову пришло чувство, что они что-то упустили из виду.

Глава 21

СПУСК ПРОГРАММЫ

Настоятель храма Гаутамы на Алтае Бабуу-Сэнгэ возносил молитву Будде, то есть медитировал в трансовом состоянии с выходом в ментал, в своей личной монашеской келье, располагавшейся под центральным залом храма, когда почувствовал присутствие иной реальности. Его душа всегда была открыта иерарху, для которого он становился явешей, поэтому Бабуу-Сэнгэ, координатор Союза Девяти Неизвестных России, не встревожился особенно, хотя и прислушался к себе, готовый немедленно дать отпор в случае преднамеренной астральной атаки. Но атаки не последовало. В земную реальность «просочилась» проекция экзарха Квестора и «осела» на психику настоятеля, превращая его в существо с двойным сознанием и мощным энергетическим потенциалом.

Их диалог был непереводим ни на один земной язык и длился буквально секунды, после чего экзарх ушел, освободил тело Бабуу-Сэнгэ, как бы втянул щупальце канала связи в реальность, где он обитал. Но координатор Союза Девяти получил все, что хотел: ответы на многие вопросы, информацию о состоянии «розы реальностей», о деятельности иерархов и о той задаче, которую они поставили перед ним. Смысл беседы Посвященного II ступени с иерархом сводился к лаконичному и в то же время богатейшему по смысловым гармоникам диалогу.

Экзарх: «Почему ты отказался помочь Удди (пентарху) закодировать непосвященного?»

Бабуу-Сэнгэ: «Удди по натуре источник агрессии и революционной ломки социума. В результате его деятельности Россия уже четырежды переживала падения: когда меняла веру, воевала с монголами, строила коммунизм и в конце двадцатого века воевала сама с собой».

Экзарх: «Он — лишь правая рука Монарха».

Бабуу-Сэнгэ: «Это не меняет существа дела. Как ему и вам удается миновать декарха[1]?»

---

[1]Декарх в иерархии Круга — Хранитель десятой ступени, отвечающий за контроль границ земной реальности.

Экзарх: «Декарх кодирован и не может контролировать весь диапазон частот границы. Мы используем интервал «разрешенной неизвестности».

Бабуу-Сэнгэ: «Мы называем этот интервал «вероятностной прецессией закона границы». Не боитесь, что кто-то сможет повторить ваш путь в обратном направлении?»

Экзарх: «Чего может бояться иерарх пятого уровня? Но такая опасность существует, ты прав. Из-за этого я и нарушаю закон границы».

Бабуу-Сэнгэ: «Соболев? Из-за него?»

Экзарх: «Он аватара, хотя еще идущий, незавершенный. Существует шанс, что он выйдет в «розу» и соединится с инфархом. Что грозит Изменением не только вашей реальности, но и Круга. Допустить этого мы не можем».

Бабуу-Сэнгэ: «Разве его так трудно уничтожить?»

Экзарх: «Неизвестным нам образом он стал задатчиком программ одной из Великих Вещей Мира — «Иглы Парабрахмы».

Бабуу-Сэнгэ: «Не может быть!»

Экзарх: «Это произошло. В будущем. В вашем будущем. Для нас же это факт свершенный. Но это еще можно было бы простить. Самое плохое в этой ситуации, что ему помогает Конкере».

Бабуу-Сэнгэ: «Если для нашей реальности деяние Соболева еще не произошло, его можно предотвратить».

Экзарх: «Если факт включения хранится в коллективной памяти нашего эгрегора, значит, изменить вы ничего не сможете».

Бабуу-Сэнгэ: «Печально. Однако есть и другая сторона медали. Людьми изобретена формула: в свое время, рано или поздно, демон разрушит того, кто его вызвал. Известно, что Монарх уничтожает любого, кто ему становится не нужен».

Экзарх: «Мы не можем ждать. Удди предпринял попытку, весьма удачную на наш взгляд, но вам предстоит продолжить начатое».

Бабуу-Сэнгэ: «Что я должен делать?»

Экзарх: «Нейтрализовать помощников Соболева. В первую очередь отступника, лишенного доступа ко второму уровню континуального поля сознания, но тем не менее не ставшего от этого менее опасным».

Бабуу-Сэнгэ: «Речь идет о Горшине? Мы контролируем его деятельность».

Экзарх: «Горшин начал работать в паре с Соболевым, а это уже иной уровень. Речь идет также о трех Посвященных I ступени: Иване Парамонове, Вахиде Самандаре и Ульяне Митиной. Срочно организуйте «волну выключения» всех троих».

Бабуу-Сэнгэ: «Без уведомления патриархов Круга?»

Экзарх: «Сейчас не до соблюдения традиций, под угрозой существование Круга, его надо сохранить любой ценой, даже ценой сокрытия правды. В данном случае цель оправдывает любые средства».

Бабуу-Сэнгэ: «А кто займется Соболевым? Я уже дал задание Юрьеву и Рыкову нейтрализовать его...»

Экзарх: «Пусть занимаются им в меру своих возможностей. Им вряд ли удастся остановить его, но они заставят его торопиться, а это уже на руку нам».

Бабуу-Сэнгэ: «Не понимаю».

Экзарх: «Удди применил кодон».

Чувства координатора Союза Девяти после этих «слов» можно было бы передать только изумленным присвистом. Потому что кодон, чье происхождение и тайна воздействия на мир тщательно оберегались Хранителями, по легенде являлся, наравне с «Иглой Парабрахмы», еще одной Великой Вещью Мира, оставленной Инсектами потомкам. По другой легенде кодон представлял собой одну из Сил Бога, воплощенную в материале, и возможности его были велики.

Бабуу-Сэнгэ: «Каким образом Удди удалось завладеть кодоном?»

Экзарх: «Не суть важно. Главное, что с его помощью можно реализовать любую «темную передачу».

Бабуу-Сэнгэ: «Удди удалось закодировать Соболева?»

Экзарх: «Мы надеемся. Удди пожертвовал ради этого своим авешей Шароевым. Пока Соболев не добрался до Знаний Бездн, он уязвим. Пусть идет как наметил. Мы будем контролировать его шаги. Но его надо поторопить».

Бабуу-Сэнгэ: «Я его совсем не знаю, но мне он почему-то симпатичен».

Экзарх: «Существуют косвенные доказательства того, что он осуществил инициацию эйнсофа. Вероятно, отсюда и ва-

ши эмоции, базирующиеся на «ложной памяти». Самое плохое, что ему симпатизирует инфарх».

Бабуу-Сэнгэ: «Пущен слух, что инфарх в изоляции и не покидает свою реальность».

Экзарх: «Зато активно действует его второе «я» — Светлена. А она практически неуязвима. Итак, ты знаешь, что делать. Прощай. С нами Сатариал!»

И экзарх Квестор исчез.

Бабуу-Сэнгэ с минуту сидел в той позе, в какой его застало «проявление» личности экзарха, потом поднялся из кельи в свой рабочий кабинет этажом выше, но все равно располагавшийся под землей, под фундаментом храма. Со своими кардиналами он мог бы связаться без техники, по астральному каналу пси-связи, однако не хотел лишний раз «колебать» болото астрала, контролируемое иерархами. Поэтому просто набрал код и позвонил. Тарелка спутниковой радиосвязи на крыше храма позволяла ему контактировать с любым человеком на Земле, имеющим сотовый телефон с кодовой защитой.

Советник президента по национальной безопасности Юрий Венедиктович Юрьев отозвался через десять минут:

— В эфире.

— Соболев ушел из Чечни.

— Знаю. Ему помогли Посвященные.

— Их надо «погасить».

— Один я не справлюсь.

— Вдвоем с Германом Довлатовичем. Если понадобится, привлеките Виктора Викторовича. Используйте все средства.

— Понял.

— Может вмешаться Ельшин, он контактирует с Конкере. Переориентируйте его или уничтожьте канал выхода Монарха в нашу реальность.

— Попробуем.

— И последнее: разблокируйте один из МИРов.

— Зачем?

— И пусть Соболев узнает об этом.

— Понял, — ответил Юрьев после паузы.

Бабуу-Сэнгэ выключил связь. Он обеспечил «спуск программы» до исполнителей, оставалось лишь контролировать этот процесс.

* * *

Мало кому известно из простых людей, регулярно любующихся по телевизору спектаклями, называемыми «работой правительства, президента и Государственной Думы», что каждый чиновник высшего эшелона власти — это, по сути, к о н т о р а, то есть глубоко эшелонированная система исполнения решений и защиты, имеющая собственные базы, финансовые и технические связи, интересы и цели. Интересы и цели этих к о н т о р иногда совпадают, но нередко пересекаются и расходятся, после чего начинается борьба систем, первым этапом которой является лоббирование, то есть поиск и вербовка союзников, а последним — устранение непокорных, в том числе и физическое.

По той же отработанной схеме властвования, только в более крупных масштабах, действовали и кардиналы Союза Девяти, владеющие колоссальными состояниями, собственными спецподразделениями защиты интересов — «манипулами» и гораздо более мощными рычагами и методами давления на умы и государственные структуры. Примером их теневой деятельности, отражающейся на жизни всего государства, может послужить образование таких систем, как «Стопкрим» и «Купол», являющихся всего-навсего регуляторами социума и управляемых кардиналами «на пользу» Союза. Впрочем, ими же контролировались и такие мощные силовые структуры, как Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел, Министерство обороны, Федеральное агентство правительственной связи и информации, а также Государственная Дума, состоящая в большинстве своем из людей беспринципных и подлых, заботящихся только о своем благе, то есть наиболее поддающихся кодированию и подкупу.

Получив задание от Бабуу-Сэнгэ, советник президента Юрьев передал разговор с координатором Рыкову и продолжил «спуск программы» еще ниже, конкретным исполнителям, среди которых был и Артур Емельянович Дятлов, новый министр внутренних дел, только что пришедший на смену старому; президент доверял своему советнику и по его рекомендации предложил кандидатуру Дятлова Госдуме, которая почти единогласно его и утвердила, тем более что он уже к тому времени стал очередным вице-премьером.

Министр думать не любил, проводя в жизнь принцип: сначала стреляй, потом смотри, в кого попал, — к тому же он всегда был человеком с и с т е м ы, играющим по ее правилам. Про таких чиновников говорят — «пластилиновый». После встречи с Юрием Венедиктовичем он вызвал к себе начальника Московского уголовного розыска генерала Давидского и приказал собрать материал на некоторых гражданских лиц, подозреваемых в противозаконных деяниях. А коли таковых деяний не отыщется, следовало их сфабриковать.

Генерал Давидский не понял интересов нового министра, однако отказаться от выполнения задания не посмел и, в свою очередь, вызвал начальника оперативно-розыскной бригады полковника Синельникова.

Синельников, известный в узком кругу под прозвищем Скелет, слыл фигурой одиозной и не боялся ни Бога, ни черта. Это был громадный мужчина с двухметровыми плечами и руками толщиной с ляжку обыкновенного человека, способный ударом кулака разбить дубовый стол. С виду он казался простодушным, крутым и прямым, как ствол ружья, на самом же деле полковник славился отменным и хватким умом, ироничностью и начитанностью, поражающей сотрудников МУРа от рядовых и сержантов до высших офицеров. На шутки коллег он не только не обижался, а даже поощрял остроумие подчиненных, считая, что оно разряжает атмосферу и способствует психологической разрядке.

— Полковник, — сказал Давидский, не привыкший звать коллег по имени и отчеству, — разыщите вот этих людей, установите за ними наблюдение, выясните о них все, вплоть до мельчайших подробностей интимной жизни. Если найдете компромат — задержите, если такового не существует... — начальник МУРа нахмурился, сделал паузу, — компромат надо обеспечить.

Синельников взял листок бумаги с фамилиями, прочитал вслух:

— Василий Балуев, Ульяна Митина, Иван Парамонов, Вахид Самандар, Кристина Сумарокова, — поднял голову. — Некоторые фамилии мне знакомы. Это не тот Самандар, что президент Международного исследовательского центра боевых искусств?

— Возможно, — буркнул Давидский.

— А Иван Парамонов — не тот ли известный психолог и целитель, попасть к которому на прием мечтает каждый больной?

— Выясните, — сказал Давидский.

— А чем они провинились перед законом? — Синельников подчеркнул последнее слово.

— А вот это вы и должны установить, — уже с раздражением произнес начальник МУРа. — Задача понятна?

— Стреляй в куст, пуля виноватого найдет...

— Что?!

— Мы сыщики, товарищ генерал, — расправил плечи Синельников, — а не сборщики компромата. Людей этих мы найдем, конечно, и попасем немного, но в пределах инструкции. К тому же мы сейчас занимаемся «чистилищем», не хотелось бы распылять силы.

— Идите работайте, — тяжело проговорил Давидский, настроение которого резко упало. Он понимал, что в глазах полковника выглядит странно, однако сказать больше, чем было сказано, не мог.

— Есть идти работать. — Синельников повернулся и вышел из кабинета генерала, остановился посередине приемной, столкнувшись со своим замом майором Агаповым.

— Ну что он там еще придумал? — кивнул на обитую черным дерматином дверь кабинета болезненный с виду, худой Агапов, смотревшийся рядом с шефом, как шлюпка рядом с дредноутом.

— Как тебе сказать, — философски ответил Синельников, — по-моему, он сам ничего придумать не может, зато явно получил задание сверху и спихнул нам. «Со мной не надо разговаривать, меня надо слушать».

— Понятно. Чье задание?

— Я же говорю — сверху. Не все равно?

— А что за задание?

— Найти вот этих мужиков и девиц, — полковник сунул Агапову листок с именами, — и при наличии криминала арестовать.

— А если криминала нет? — спросил все понимающий Агапов.

— Я его тоже спросил об этом.

— А он?

— А он, как в одном стихотворении говорится: «Петров мне ничего не отвечает, висит и только ботами качает».

Агапов хмыкнул, хотел в ответ пошутить, но глянул на мрачное лицо начальника и передумал.

* * *

В отличие от Юрьева Рыков действовал иначе. Он не питал больших надежд на то, что органам правопорядка удастся задержать Посвященных или напугать их до такой степени, что те ударятся в бега и перестанут помогать Соболеву. Их надо было «пугать» по-другому. Зная, что все они пользуются астралом, Герман Довлатович решил запустить в это «информационное болото» ядовитых «змей» — особого рода программы сканирования интеллектуального пространства, настроенные на «присасывание» к определенным личностям. При появлении Посвященных в астрале «змеи» должны были вцепиться в них и мешать поиску и поглощению нужной информации, резко сужая тем самым паранормальные возможности пользователей астралом. Если программы сработают, это оттолкнет друзей от Соболева лучше их прямого предательства, потому что ему нужны помощники, а не приятели, с которыми приятно потрепаться о высоких материях.

Для претворения решения в жизнь Рыкову нужны были мощные компьютерные комплексы. Один из таких комплексов имел Центр нетрадиционных технологий, которым руководил комиссар-пять «чистилища» Владимир Эдуардович Боханов.

Герман Довлатович позвонил ему, предупредил о необходимости проделать цикл расчетов и вскоре подъехал к площади Курчатова, где располагался компьютерный зал Центра. В течение четырех часов он насиловал бохановский «Шайенн-2000», до предела нагрузив его расчетами программ, затем записал их на компакты и уехал, не сказав Владимиру Эдуардовичу ни слова о том, чем занимался. Запускать программы он мог и со своего домашнего компьютера. Вечером «змеи» были внедрены в астрал и начали свою работу.

Боханов же из любопытства восстановил расчеты Рыкова. Тот, конечно, стер их из памяти компьютера, но «Шайенн» имел кэш-память, и знающему его особенности Владимиру Эдуардовичу ничего не стоило по следам выйти на расчеты.

А поскольку программы, составленные Рыковым, были, по сути, кодирующими, Боханов, даже не поняв их сути, получил такой заряд отрицательной психической энергии, что не смог выйти из транса и сошел с ума.

Его нашли на следующий день сотрудники Центра в туалете, где он прятался от «злобных тварей», и поместили в клинику с диагнозом: психическая травма, приведшая к маниакально-депрессивному состоянию, мания преследования...

Таким образом, комиссар «Стопкрима» оказался первой жертвой «спуска программы» координатором Союза Девяти Неизвестных, а Рыков допустил первую ошибку, ведущую к тяжелым для него последствиям.

Глава 22

МОЖЕТ, ЛУЧШЕ ИХ НЕ ТРОГАТЬ?

В Москву Матвей вернулся спустя двое с половиной суток после своего бегства из дворца президента Ичкерии. Несмотря на поднятую тревогу — он к тому времени уже пересек площадь Свободы, — ему удалось остановить машину какого-то фанатика-таксиста, усыпить его, сесть на место водителя и спокойно выехать за город, минуя посты ГАИ. Четкого плана, как действовать дальше, не было, и Матвей положился на интуицию, направившую его в Ханкалу, на место базирования «авиаотряда» Чечни, состоящего из трех самолетов и четырех вертолетов.

Здесь он «уговорил» пилота готовившейся к полету «вертушки» срочно вылететь в Ингушетию «по заданию министра безопасности», а оттуда Матвей спокойно доехал до столицы на поезде Махачкала — Москва.

Каково же было его удивление, когда на перроне Казанского вокзала он увидел среди встречающих Кристину и Стаса. Не поверил глазам. Но когда глянул на сияющее внутренним светом лицо девушки, с тугим толчком сердца и перехватом дыхания вдруг понял, что перед ним другой человек! То есть это была, конечно, Кристина Сумарокова, студентка первого курса филфака МГУ, но в чертах ее лица ясно просматривались черточки лица другой женщины — Светлены, и этим объяснялось таинственное знание Кристиной времени и места прибытия Соболева в город.

Он остановился, обтекаемый встречающими и пассажирами со всех сторон, не зная, что сказать и что делать, но Кристина бросилась к нему, обняла, прижалась изо всех сил, и у Матвея снова перехватило дыхание — от нежности, волнения и других, более глубоких чувств, к которым примешивались страх за девушку и сладкое чувство собственности: Кристина обладала редким типом красоты, подкрепленной красотой внутренней, а он о б л а д а л ею.

Словно в ответ на его последнюю мысль девушка вздрогнула и отодвинулась от него, с испугом взглянув на застывшее лицо Матвея. Но он снова привлек ее к себе одной рукой, преодолевая сопротивление, а второй прижал к боку голову Стаса, стеснявшегося выражать свои чувства.

— Что у нас дома?

— Все хорошо, — прошептала Кристина, пряча свой испуг. — Я сдала все зачеты, Стас тоже сдал экзамен, по русскому языку. Занимается физкультурой. Отец к нему приехал.

— Кто?! — Матвей отодвинул девушку и мальчишку, посмотрел на него озабоченно. — Отец?

Стас исподлобья глянул на Соболева, кивнул.

— Он у бабули остановился. Но я не хочу с ним встречаться. Он... он... злой. И пьет. Можно я у вас жить буду?

— Та-ак. — Матвей расстегнул пуговицу на рубашке, которую приобрел еще в Махачкале. — Сюрприз не из приятных. Ладно, поехали домой, там разберемся.

Они взяли такси и вскоре вышли у метро «Тульская», недалеко от дома, где находилась квартира-схрон Соболева, принадлежащая военной контрразведке. Кристина молчала, держась за локоть Матвея, Стас, наоборот, разговорился, делясь своими мальчишескими заботами (бросил коллекционировать марки, «баловство это», начал собирать литературу по воинским искусствам, заниматься спортом, разрабатывать колено), и тут выяснилось, что нога его вылечена!

Матвей с изумлением смотрел, как раскрасневшийся парень почти бежит вприпрыжку впереди, еще не очень ловко владея ногой, забывая иногда, что хромать не надо.

— Ты? — кивнул Матвей на Стаса.

— Я, — опустила ресницы Кристина-Светлена. — Хирург там, в общем-то, не требовался.

Матвей вспомнил, как в прошлой жизни искал в Рязани хирурга, чтобы тот прооперировал мальчишку, и промолчал.

Всю вторую половину дня они провели вместе, по-семейному, соскучившись друг по другу и по атмосфере уютной домашней близости. Матвей искупался, Кристина накормила мужчин обедом, потом Стас показал свою «библиотеку» из десятка книг и двух десятков журналов и потребовал позаниматься с ним русбоем, что Матвей и сделал с удовольствием, обнаружив у себя вдруг талант учителя. Кристина наблюдала за ними с улыбкой в глазах, возня мужчин ей тоже доставляла удовольствие, и эта общность эмоциональных полей связывала всех троих больше, чем родственные узы. Потом Стас угомонился, искупался и, попив чаю, убежал на улицу, а они остались одни, по-новому приглядываясь друг к другу, стесняясь чего-то и словно ожидая ухода еще одного незримого свидетеля. Однако Кристина оказалась мудрей, не стала комплексовать по поводу приобретения своих новых знаний и качеств, подошла к Матвею, сидящему в кресле в халате, наклонилась над ним и заглянула в глаза. Лицо ее медленно приблизилось, заполнило собой все пространство, губы маняще раскрылись... Мгновение Матвей вглядывался в ее глаза, впитывая, как губка воду, поля желаний и открытости, вдыхая запахи радостного предчувствия, полной отдачи, любви и доверия, затем лавина собственных желаний и чувств прорвала плотину сдержанности и воли, хлынула в голову, вырвалась на свободу и встретила ответную лавину переживаний девушки...

Время застыло... а может быть, понеслось вскачь...

Он не помнил, что происходило дальше, растворяясь в любви и страсти, лишь отдельные моменты вспыхивали и гасли, как будто время разорвалось пунктиром, а промежутки между осознанием действительности заполнил жар крови, мучительное желание обладать и восторг обладания и больше ничего...

В конце концов он умер... и воскрес снова, чтобы продолжать падение в бездну тела Кристины, ласкать ее и получать такие же ласки в ответ... и опять умер, ощущая необыкновенный покой и умиротворение, понимая вдруг, что такого с ним никогда не было, что он ощутил и познал любовь не одной женщины, а двух, составляющих удивительным образом одну личность...

Кристина чувствовала то же самое, только острее, и готова была отдать себя всю без остатка, лишь бы любимому че-

ловеку было хорошо, душа ее излучала счастье и понимание, заботу и доброту, которую можно было пить, как воду из родника. Лишь однажды она вздрогнула, когда почувствовала в ауре партнера холодное шевеление чужой эмоции, не свойственной Матвею: «она лучше всех, кого я встречал...» Длилось это переживание ничтожную долю секунды, Кристина пропустила бы его и забыла в экстазе, но не пропустила и не забыла Светлена, отлично понявшая значение того, что произошло. Но говорить ему она ничего не стала.

Поднялась тихонько, принесла влажное полотенце и осторожно протерла его блестевшее от пота тело, потом сварила кофе и села с подносом на кровать. Матвей открыл глаза, в которых мелькнул пронзительный ледяной огонек, улыбнулся.

— Надо же, я отключился!

— Ничего удивительного, — улыбнулась в ответ Кристина. — Пей кофе.

— А где Стас?

— У него друзья появились, тоже спортом интересуются, в подвале у них нечто вроде спортклуба. К ужину придет. Надеюсь, ты сегодня никуда не уйдешь... по делам?

Матвей выдержал ее испытующий взгляд, покачал головой.

— Сегодня нет.

— Как слетал?

— Нормально.

— Друга выручил?

— Его освободили, а Тарас должен был подстраховать. Постой, откуда ты знаешь о моей... командировке?

— Разве тебя не встретили... там, в Чечне?

— Кто?

— Твои друзья.

Матвей привстал на локтях, внимательно посмотрел на светящееся лицо девушки, снова отмечая в ней признаки присутствия Светлены.

— Ты была... в Рязани?

Кристина кивнула.

— Я просила твоих друзей помочь тебе... и они помогли.

— Они там были?!

— Ну конечно. Они вернулись вчера, звонил Вася. Иван Терентьевич и Уля уехали в Рязань, Вахид Тожиевич тоже

здесь. Хотя он, кажется, решил больше не ввязываться в разборки с иерархами.

— Когда же они там появились? Почему я не почувствовал?

— Они все-таки Посвященные. Проникли во дворец, когда ты начал отступление сам, и отвлекли внимание пентарха.

— Они с ним?..

— Дрались и победили.

— Так вот почему меня никто не ловил по-настоящему... — Матвей откинулся на подушки, окинул покрасневшую Кристину отсутствующим взглядом. — Ты добилась того, чего не смог добиться я... поздравляю. — Он спохватился. — Прости, я, кажется, не о том. Спасибо за помощь. Выходит, ты моя спасительница?

Кристина опустила глаза, поводила пальцем по глади подноса с кофейным прибором.

— Может быть, лучше их не трогать, Соболев?

— Кого? — усмехнулся Матвей.

— Иерархов, Монарха... кардиналов... всех.

— Ты же сама советовала мне действовать, пока Закон возмездия не ослаб совсем. — Матвей напоминал Кристине слова Светлены, уже не разделяя их обеих.

— Но, может быть, они оставят нас в покое, если мы откажемся от притязаний на трон Мастера Мастеров?

— Я никогда и не стремился к этому. Но они не оставят нас в покое, и ты это знаешь.

Глаза Кристины вспыхнули, когда она подняла их, полные слез, нежности, любви и теплоты, и Матвей невольно потянулся к ней, сбрасывая поднос с чашками на пол, но успевая подхватить каждую и не пролить при этом ни капли кофе...

* * *

Тарас Горшин отделился от группы раньше всех, сразу после посадки самолета в аэропорту Внуково. За ним, коротко попрощавшись со всеми, удалился в здание аэропорта Самандар, коему обстоятельству больше всех обрадовался Василий, хотя и не показал этого. Ему представилась возможность побыть с Ульяной и расспросить ее поподробней о задачах и целях Внутреннего Круга. Всю дорогу от аэропорта до Казанского вокзала Москвы, от которого отходили электрички

и поезда на Рязань, они проговорили, не обращая внимания на корректно-молчаливого Парамонова, и в конце концов Василию начало казаться, что он и в самом деле знает Ульяну давно. Ему хотелось говорить с ней еще и еще, душа рвалась ехать с ней в Рязань, но воля справилась с желанием, и Вася, проводив Посвященных, отправился домой.

Два часа он нежился в ванной, купался, грезил и дремал, держа в объятиях призрак Ульяны. Пообещал себе, что бы ни случилось, наведаться к ней в ближайшие дни, взять литературу, которую она пообещала дать почитать, и серьезно поговорить о Пути в Круг. Но сначала надо было завершить кое-какие дела здесь, в Москве, и Василий, от полного расслабления через медитацию и тренинг подойдя к нужной психофизической кондиции, позвонил генералу Первухину по кодовой сети.

Шел девятый час вечера, но генерал находился у себя в кабинете и ответил мгновенно:

— Балуев?! Живой?!

— Вашими молитвами, начальник, — насмешливо ответил Вася. — Не ждали?

— Да я уже комиссию создал для расследования инцидента в Грозном, несмотря на сопротивление Генриха, сам собирался туда лететь. Генрих обмолвился, что ты жив...

— Генрих — это Ельшин?

— К сожалению, группой командовал его человек.

— Ничего, я найду этого человека.

— Упаси тебя Бог! Если хочешь жить — не связывайся. Генрих начал заметать следы, и его пес уже ликвидировал трех членов группы.

Вася присвистнул.

— Быстро ориентируются ребята! Кого же майор Ибрагимов успел отправить на тот свет?

— Шмеля, Тамерлана и Кира.

— Лихо! Ну что ж, тем интереснее будет игра.

— Отставить, капитан! Я понимаю, что ты не боишься умереть, но они опаснее, чем ты себе представляешь, и если хочешь уцелеть — не трогай их.

— Как сказал один умный человек: «Я не боюсь умереть. Я просто не хочу при этом присутствовать». Не беспокойтесь, генерал, я поберегусь. А что, господин Шароев еще не послал ноту нашему президенту за вторжение в его суверенную Ичке-

рию, не воззвал к справедливости? Не испросил наши головы на заклание?

— Президент Ичкерии болен, — сказал Первухин после недолгого молчания. — По слухам, у него были какие-то весьма непростые гости. Кстати, интересно было бы узнать, что за гости.

— Они ушли, судя по вашему тону?

— Не знаю. Все это непроверенные слухи. Давайте встретимся и обговорим наши проблемы не по телефону, капитан. Скажем, через час.

— Где обычно?

— Нет, почтовый ящик номер два.

— Буду. — Вася повесил трубку.

«Почтовым ящиком номер два» служила личная явочная квартира Первухина, располагавшаяся в шестнадцатиэтажном доме на углу Ленинградского и Головинского шоссе, недалеко от метро «Водный стадион».

Машины у Балуева своей не было, поэтому он тормознул частника и ровно в девять часов вечера вышел у дома номер пятьдесят шесть по Ленинградскому шоссе, за два дома до первухинского «ящика». Вычисление потенциального наблюдателя вошло уже в привычку, поэтому Вася не торопясь прошелся вдоль забора, за которым возводилось зеркальное здание какого-то банка, свернул на Головинское шоссе, остановился возле фруктово-овощной палатки и сделал вид, что приценивается к товару. Продавец, молодой мордатый верзила с небритой физиономией, на вопрос Васи: «Сколько стоит килограмм лимонов?» — буркнул нехотя: «Отвали, служивый, не килограммами же ты их ешь», — и Вася сразу насторожился. Только очень наметанный глаз мог определить в нем «служивого» — человека армии, только очень уверенный в себе профессионал мог так спокойно отгонять мешающего ему незнакомца, и только не заинтересованное в продаже товара лицо могло это себе позволить.

— А чо грубишь? — укоризненно покачал головой Василий, мгновенно п р о к а ч и в а я обстановку и замечая кое-какие детали, говорящие о нездоровом интересе продавца и еще некоторых граждан к дому номер три по Головинскому шоссе и к подъезжающим по этому адресу автомобилям.

— Может, у меня кислотная недостаточность, — продолжал валять ваньку Балуев, — и мне нужно съедать в день по

килограмму лимонов. А может, я ими торговать собираюсь. Так почем твои желтенькие, говоришь? Ценника не вижу.

— Да отвали ты, козел! — сдавленным шепотом проговорил продавец, впившись взглядом в подъехавшую черную «Волгу» и заметно напрягаясь. Впрочем, он тут же расслабился, потому что из машины вышла толстая мадам и поплыла к первому подъезду.

— Сам козел, — философски зевнул Василий, понимая, что мордатый, трое ругавшихся шоферюг у «девятки» с раскрытым капотом и двое «пожилых алкашей», разливающих водку под грибком на детской площадке в глубине двора, явно кого-то ждут. — Щас позову корешей, они из твоей поганой палатки бесплатный туалет сделают.

Продавец сунул было руку за отворот рабочего халата, прикрывающего наплечную кобуру, но опомнился и прошипел, чтобы не услышали редкие прохожие:

— Кровью умоешься, студент, если не сгинешь!

— Батюшки-светы, — покачал сочувственно головой Василий, — это что же они с тобой сделали?

— Кто, что? — опешил продавец.

— Что-что, «опустили», наверно. Я же вижу, человек не в себе: такой молодой, красивый, а уже использованный.

Верзила побелел, буквально испепеляя наглого покупателя бешеным взглядом, и Вася вынужден был ласково хлопнуть его по плечу.

— Да успокойся ты, дохляк, я уже ухожу. — Добавил, понизив голос, когда продавец, икнув, сел на подогнувшихся ногах на перевернутый ящик: — Кого пасете, «федепасы»? Не генерала случайно?

Глаза мордатого готовы были вылезти из орбит, но сказать он ничего не мог, касание Васи не усыпило его сквозь одежду, но привело в состояние нокдауна.

В это время к дому подъехала еще одна «Волга», из которой вышел Первухин, и Вася понял, что засеченная им спецгруппа действительно ждет генерала. Во всяком случае, все ее члены сразу начали вести себя по-другому. Василий набрал в грудь воздуха, собираясь брать т е м п и начать контрдвижение, когда на плечо ему легла твердая и сильная ладонь.

— Не спеши, капитан!

Вася змеиным движением вывернулся, в повороте наме-

тил удар локтем и... едва успел остановить удар, узрев перед собой невозмутимое лицо Тараса Горшина.

— Мать твою!.. Я же мог тебя...

— Спокойно, улыбайся, на нас смотрят... не мог ты ничего. Пошли в машину.

— Эти пришли за генералом, надо помочь...

— Эти пришли за тобой, просто я здесь обосновался раньше и сбиваю их внимание. Поэтому они тебя как бы не видят, но место здесь грязное, кто-то наблюдает за двором издали, очень неприятный человек и не совсем обычный, так что нам лучше побыстрее убраться отсюда.

Вася думал мгновение, оглянулся на неторопливо идущего к подъезду генерала Первухина в сопровождении двух телохранителей, посмотрел на «продавца» с вытаращенными глазами, сделал ему ручкой и сел рядом с Тарасом в стоящую неподалеку бежевую «Ниву».

— Откуда ты узнал, что я буду здесь?

— От верблюда, — хмыкнул Тарас.

— Понятно. — Вася помолчал, пока машина сворачивала с Головинского шоссе на улицу Адмирала Макарова. — А откуда коллеги узнали о моем предполагаемом появлении?

— Оттуда же. Телефоны Первухина прослушиваются, Ельшин знает почти о каждом его шаге.

— Кто меня хотел взять и зачем?

— Зачем — понятно даже и ежу, ты свидетель, как были свидетелями Шмель, Тамерлан и Кир, а кто — мог бы и сам догадаться.

— Ибрагимов.

Горшин увеличил скорость, глянул в зеркальце заднего обзора.

— Будь очень осторожен с непосредственными контактами, ганфайтер, особенно со своим начальством. На тебя началась охота, а Первухин вряд ли сможет защитить, даже если захочет.

— Не сможет — научим, не захочет — заставим, — пробормотал Вася, несколько перефразировав поговорку.

— Ты такой крутой? — иронически посмотрел на пассажира Горшин. — Или просто злой?

— Злым я бываю очень редко, — вздохнул Василий. — Впрочем, добрым тоже. Столько всего во мне намешано, что

самому иногда разобраться трудно. А как с этим у Посвященных?

— Примерно так же. Это просто мне повезло меньше, я человек твердых принципов и правил и коней на переправе не меняю вот уже две сотни лет.

— Это что же, — изумленно глянул на соседа Вася, — ты так долго живешь?!

— Не только я, все Посвященные. Чем выше степень Посвящения, тем дольше может сохранять свой биологический возраст человек Круга. Мне двести двенадцать лет.

— Еще один Горец! — фыркнул Василий, с удовольствием когда-то в детстве смотревший известный телесериал. — Дункан Маклауд. Чтобы убить вас — тоже надо голову сечь?

Горшин улыбнулся.

— Много будешь знать, скоро состаришься. Сколько, на твой взгляд, лет Парамонову?

— Ивану Терентьевичу? Лет пятьдесят.

— Сто с лишним. А Ульяне, между прочим, за тридцать.

— Чего?! — Вася ошеломленно глянул на профиль Тараса. — Шутишь?

— Не веришь? — Горшин с насмешливым сочувствием похлопал по колену Балуева. — Если сможешь избрать верный Путь в Круг, станешь таким же, а задатки у тебя есть.

— Спасибо, — пробормотал не сразу пришедший в себя Василий, считавший, что Ульяне лет двадцать, не больше. — А сколько же тогда Соболеву?

— А вот с ним дело обстоит сложней, он твой ровесник, — сказал Тарас. — Возраст в данном случае ничего не значит, так как он — потенциальный аватара.

— Если бы Соболев был аватарой, он не ошибся бы с оценкой мощи пентарха и чеченских кардиналов. Зачем он вообще полез меня спасать? Чтобы показать, насколько я слаб, а он силен?

— Возможно, когда он завершит цикл необходимости аватары, то перестанет ошибаться. А насчет оценок «сильный — слабый» ты ошибаешься. Сильный должен помогать не слабому, а сильному! Слабые уже давно научились объединяться... в стаи... и способны не только защищаться, но и успешно навязывать свою волю.

— Это ты говоришь не о слабых, а об умных.

— Пусть будет по-твоему, спорщик. Сам-то ты к какой категории относишься?

— Умных, — подумав, ответил Василий, — и сильных.

Тарас засмеялся.

— Да уж, ты не человек стаи. Интересно даже, кто был твоим предком, явно не таракан.

— Я и забыл, что мы потомки насекомых. Формулу про сильных и слабых ты сам придумал?

— А что?

— Мысль оригинальная, я под таким углом нашу действительность не рассматривал. Куда мы едем?

— Уже приехали. — Горшин свернул с Варшавского шоссе в Нагорный проезд, остановился у аптеки. — Здесь живет Соболев.

— А если его нет дома?

Тарас не ответил, вылезая, и Вася понял, что сморозил глупость. Посвященные уровня Горшина и Соболева вполне могли общаться телепатически... или как-нибудь еще.

— Или как-нибудь еще, — покосился на пассажира Горшин, прочитав его мысль. Закрыл машину, пошел вперед.

Вася задумчиво посмотрел ему вслед и дал себе клятву, что уж этот-то фокус с чтением мыслей он освоит во что бы то ни стало. В крайнем случае научится наглухо блокировать свои.

Глава 23

СОН — ЯВЬ

Его настигли у Великой Белой Стены — границы владений Гриллотальпидов, «сверчков разумных», два десятка всадников на шестиногах, отряд второй ветви гоминидов, полулюдей-полугиен, охотившихся на людей-львов с бессмысленной жестокостью, неспособных понять, что они — братья по рождению. Предок Матвея, в чьем теле он оказался в этом сне-путешествии в прошлое, уже встречался, очевидно, с «инсектогиенами», поэтому готовился к бою основательно, Матвей же видел их впервые и с интересом разглядывал волосатые торсы, едва прикрытые какими-то фартуками, вытянутые вперед хищные морды с горящими красными глазами, мощные медвежьи когтистые лапы, с трудом управляющие

поводьями. Вооружены «гиенолюди» были знакомыми копьями со сверкающими наконечниками и какими-то хитрыми устройствами в виде арбалетов, только метали эти «арбалеты» не стрелы, а изогнутые в форме полумесяца пластины. Один из «гиенолюдей» еще в ста шагах от Матвея выстрелил из своего «арбалета», и вращающаяся, как пропеллер, пластина, выписав ломаную траекторию, прожужжала в метре от предка Соболева и врезалась в Белую Стену, проделав в ней глубокий шрам.

Пока предок готовился к бою, Матвей осмотрел Стену, сложенную из белых шестигранных кирпичей, прикинул ее высоту — около двадцати метров, если не больше, и понял, что предку-разведчику придется туго. Перепрыгнуть Стену на шестиноге или перелезть ее — гладкую, без выступов — не представлялось возможным. Но поскольку появление Матвея Соболева на свет миллионы лет спустя состоялось, значит, предок его убит не был, и Матвей с любопытством ждал, что произойдет.

Ожидание длилось недолго. «Гиенолюди» — небольшая популяция измененных мокриц, попавших под удар-трансформацию Монарха случайно, начали атаку, и в это время в полусотне шагов от Матвея с грохотом рухнул участок Стены и в образовавшуюся брешь вылезло кошмарное существо, сочетавшее в себе черты сверчка, медведки и современных Соболеву военных машин. Он никогда прежде не видел представителя Триллотальпидов разумных, но сразу узнал в десятиметровом панцирно-членистотелом, отсвечивающем металлом и золотистым шелком чудовище Триллотальпида.

«Гиенолюди» замерли, прекратив атаку, один из них было метнул в нового врага копье, но Триллотальпид, казавшийся неповоротливым бронеходом, внезапно прыгнул вперед, выпустил струю бурлящего сизого дыма, накрывшую половину отряда «гиенолюдей», и остальные с воем помчались прочь. Когда дым растаял, взору Матвея предстали те же неподвижно застывшие «гиенолюди» на шестиногих «конях», но потерявшие цвет, ставшие серыми, одноцветными, будто изваянными из цемента. Вполне могло быть, что они действительно окаменели.

Триллотальпид неуклюже развернулся и уставился на предка Соболева двумя черными выпуклыми полушариями глаз, венчавшими бугор головы. Предок уже готов был атаковать

его из арбалета стрелой со светящимся голубым наконечником, но Матвей его остановил, завладев сознанием.

«Спасибо», — мысленно произнес он.

«Не за что», — раздался в его голове свистящий шепот.

Матвей не удивился ответу, он уже привык встречать в своих снах «проекции» тех или иных многомерных существ, иерархов или адептов Круга, и ждал новых контактов.

«Кто вы?»

«Если я скажу — пентарх, ты поверишь?»

«Почему бы и нет? — сказал Матвей равнодушно, хотя у него засосало под ложечкой. Наткнуться в прошлом на авешу пентарха Удди он хотел меньше всего. — Зачем я понадобился вам снова? Разве мы не до конца выяснили отношения — там, в резиденции Шароева?»

«Тебе не стоило менять Путь ИО на Путь ИНО, — прошептал Гриллотальпид, причем понятия ИО и ИНО Матвей воспринял не как мыслеобразы, а как речевые, вернее, буквенные изображения: алые буквы на черном фоне. — Даже твой двойной покровитель-инфарх Светлена не всегда способна дать добрый совет».

Матвей понял: его собеседник имел в виду Пути Избегающего Опасности и Идущего Навстречу Опасности.

«Вы ошибаетесь, Удди. Путь ИНО — Путь Воина я закончил. Просто пытаюсь реализовать закон невмешательства, что возможно только на базе физического действия. А д е й с т в и е предполагает известную долю насилия, особенно если это касается борьбы со злом».

«Ты все еще веришь в победу добра над злом? В вашей «запрещенной реальности»?»

«Как в категорию этики глобального масштаба».

«Ответ идеалиста. Исход борьбы добра со злом часто зависит от позиций судьи. Хочешь стать судьей?»

«Нет».

«Тогда прощай. Я не ожидал, что ты будешь столь неосторожен и рискнешь еще на одно транспутешествие, но все-таки ждал тебя во всех узлах пересечения мировых линий твоих предков с моими. Правда, я подстраховал себя и на случай, если ты больше не пойдешь «вниз» по своей родовой линии. А теперь...»

Мысль пентарха, воспринимаемая сознанием Матвея, вдруг исчезла. Гриллотальпид резко приподнял верхнюю часть

бронированного туловища, глядя в небо, и в то же мгновение в него вонзилась ярчайшая зеленая молния неведомого разряда, буквально расплескавшая тело «разумной медведки» на жидкие брызги.

Предок Матвея натянул поводья, удерживая заплясавшего под ним шестинога, глянул вверх, и Матвей увидел над Белой Стеной золотом просиявшую точку. Высоко в небе кружил еще один уцелевший Инсект, колеоптер — жук разумный.

«Возвращайся, безумец, — раздался в ушах Матвея гулкий, хрипящий бас. — Разве тебя не предупреждали, что путешествовать в прошлое без сопровождающих опасно?»

«Предупреждали», — признался Матвей.

«Так что же ты здесь ищешь? Хочешь остаться в прошлом навсегда?»

«Нет».

«Тогда я тебя не понимаю, идущий».

«Кто вы?»

«Разве это так важно? Идешь — иди, но не задерживайся на выяснении ложных истин. Знания Бездн тебе не помогут стать тем, кем ты можешь стать. Не ищи их ни в прошлом, ни в будущем, ищи в себе. Преодолеешь ощущение отдельности своего «я» от Вселенной, станешь единым с ней — получишь Знания Бездн без всякого напряжения».

«Я не ищу Знания Бездн».

«Тогда зачем ты колеблешь свою мировую линию, а заодно и реальность? Что хочешь узнать, открыть, изменить?»

«Я ищу следы Безусловно Первого и хочу с ним пообщаться».

Обладатель гулкого хриплого баса засмеялся.

«А он захочет с тобой пообщаться? Кто ты для него? Человеческая пылинка, пытающаяся ценой проб и ошибок осознать предельную реальность Мироздания. Он же — Творец, от голоса которого, образно говоря, гаснут слои-миры «розы реальностей». Что ты можешь ему предложить? Что хочешь получить взамен?»

«Тхабс»[1].

«Ищи его сам. Ты однажды уже изменил реальность, но над тобой все равно довлеет карма риска, ниен лас[2] — так

---

[1] Тхабс — способ действия (буддизм).

[2] Ниен лас — бремя совершенных поступков.

говорят ламаисты Тибета. Ты хорошо обдумал свое решение пройти в другие слои «розы»? Правильно оценил свои силы?»

«Не знаю. Но если я не смогу прекратить вмешательство иерархов и первосуществ в нашу реальность, я все равно буду искать Безусловно Первого. Не подскажете, где его можно найти?»

«Я свободен, однако не настолько, чтобы разглашать Тайны, мне не принадлежащие. Ищи Материнскую реальность. Там определишь, стоит ли идти дальше».

«Вы проговорились о какой-то предельной реальности Мироздания... это она и есть — Материнская реальность?»

«Предельная реальность Мира — небытие. Прощай, нерожденный, и берегись!»

Шепот в ушах Матвея прекратился, и он вдруг, холодея, понял, что разговаривал с Конкере, Монархом Тьмы!

Золотистая точка в небе над головой сделала круг, спикировала на Великую Белую Стену государства Гриллотальпидов, так что конь под всадником-предком Матвея снова затанцевал, блеснули отливающие изумрудной шелковой зеленью надкрылки, фасетчатые глаза, металлические на вид многогранные пластины и сегменты брюха колеоптера, и разумный жук исчез за Стеной. Удалилось и смолкло басовитое жужжание, наступила тишина. Потом всадник тронул «коня», а Матвей нырнул в «лифт» трансперсонального скольжения в будущее и вскоре выплыл в своем теле, раскинувшемся на кровати во сне, может быть, более глубоком, чем смерть. Открыл глаза и наткнулся на взгляд Кристины, сидящей у его ног в позе лотоса в одном пеньюаре.

Мгновение они вглядывались друг в друга, словно ожидая взаимных упреков, потом девушка улыбнулась и тихо спросила:

— Снова был т а м?

— В последний раз! — поклялся Матвей, не уверенный в правдивости своих слов.

— Тебя же предупреждала Светлена: т у д а ходить опасно...

— Ты сегодня одна?

Кристина перестала улыбаться.

— А ты хотел бы, чтобы она во мне присутствовала все время?

— Только если этого хочешь ты. — Он привлек ее к себе,

девушка не сопротивлялась, ответила на поцелуй и закончилось это взрывом страсти, в котором растворились оба, получая ни с чем не сравнимое удовольствие и блаженство.

— Который час? — расслабленно поинтересовался Матвей, зная время и без часов; ему показалось, что в момент наивысшего наслаждения он снова владеет двумя женщинами сразу, причем Светлена пытается проникнуть в его подсознание, но миг понимания происходящего промелькнул слишком быстро, а ласки Кристины были слишком горячи и желанны, чтобы думать о чем-либо другом.

— Шесть, — ответила девушка, исчезая в ванной; этой ночью они были одни, Стас ночевал у бабушки.

— С кем ты встречался сегодня? — прилетел ее голос сквозь плеск водяных струй душа.

— С двумя врагами, — ответил Матвей. — Один хотел меня убить, другой спас.

Кристина вышла из ванной голая и мокрая, но застеснялась и спряталась обратно, появилась уже в халате. Глаза ее были строгими и прятали тень страха.

— Кто хотел убить?

— Удди.

— Пентарх?! Как он тебя нашел?

— Оказывается, наши с ним мировые линии пересекаются довольно часто в прошлом. Я так подозреваю, что один из его предков не был прямым потомком Блаттоптера, то есть мои предки воевали с его.

— Это вполне допустимо. А кто же тогда тебя спас?

— Монарх.

— Конкере?! — Глаза девушки распахнулись шире, полные изумления и недоверия.

— Я и сам в это не верю, — улыбнулся Матвей. — Но это был он, мой заклятый непредсказуемый друг. Ты уже искупалась?

— Не успела, ты меня шокировал.

— Тогда идем вместе.

Купание вдвоем закончилось на полчаса позже, чем если бы они купались поодиночке, но все же в семь утра они уже завтракали: овсянка, фрукты — киви и дольки ананаса, чай с вареньем из фейхоа.

— Каков план на день? — спросила Кристина.

— План прост... — начал Матвей и не договорил, в дверь

позвонили. Вызвав состояние меоза, он о щ у п а л лестничную площадку, лифт, лестницу, весь дом, опасного ш е в е л е н и я не обнаружил, открыл дверь и впустил запыхавшегося, взъерошенного, хмурого Стаса.

— Что случилось? От кого бежал?

— Стасик?! — появилась в прихожей Кристина. — Ты что, через всю Москву бегом бежал?

Мальчишка бросил на нее свой «фирменный» — исподлобья — взгляд, серьезно посмотрел на Матвея и сказал:

— Можно я у вас буду жить? Я не буду мешать, честное слово!

— Что произошло? — мягко спросил Матвей.

— Отец снова пьяный пришел... под утро, — нехотя сказал Стас, отвернулся, в глазах его набухли слезы, но он все же сдержал их. — Бабулю ударил, денег требовал...

Матвей заметил на шее мальчика лиловые полосы, переглянулся с Кристиной, подтолкнул его к ванной.

— Умойся, позавтракаешь с нами, потом поговорим.

За завтраком Стас отошел, повеселел, разговорился и в комнату, которую занимал до этого, считая ее своей, убежал уже в хорошем настроении.

— Ну и что будем делать? — тихо спросила Кристина.

— Пусть поживет пока с нами, — пожал плечами Матвей. — Позже я схожу к ним и поговорю с отцом. Думаю, пить он бросит.

Кристина улыбнулась и вздрогнула от телефонного звонка.

— Кто это в такую рань? Что-то сегодня утро началось слишком бурно, ты не находишь?

Матвей снял трубку. Звонил генерал Дикой:

— Капитан, вам надлежит явиться по вопросу прописки. Как поняли?

Фраза означала: «Пора менять «крышу» по варианту один».

— Когда?

— Срочно. Встретимся во втором жэке.

А эта условная фраза переводилась как: «Встретимся на явке по варианту два».

— Что произошло, Валентин Анатольевич?

— Убит Панов, полковник Ивакин в реанимации. Жду.

В трубке запиликали гудки отбоя, а у Матвея сердце сжалось в предчувствии непоправимой беды.

— Что? — подошла к нему Кристина, кладя руку на плечо. — Ты в лице изменился.

— Не успел, — глухо ответил Матвей, думая о своем, все еще вслушиваясь в гудки.

— Что не успел?!

Матвей очнулся.

— Ивакин ранен... Ты была права, действовать надо гораздо резвей, начинается обвал закона... я начинаю не успевать за событиями, хотя и знаю, что произойдет.

Он быстро собрался, переоделся в бежевый летний костюм с галстуком, превративший его в «нового русского», чмокнул в щеку Кристину, наблюдавшую за его сборами, и уже на пороге сказал:

— Буду к вечеру, без меня ужин не начинать.

Он исчез за дверью, а Кристина, прошептав молитву, перекрестила дверь и его след.

* * *

Секретная явочная квартира военной контрразведки располагалась неподалеку от дома, где жил Матвей, на Варшавском шоссе, напротив магазина-клуба «Стожары», так что он отправился туда пешком. Еще на подходе нырнул в меоз и сразу отметил нездоровую атмосферу того конкретного двора, куда хотел попасть. Присел на скамеечку возле шеренги пыльных тополей, где грелись на солнышке две сурового вида старухи, сделал вид, что читает газету, и осмотрелся.

Двор как двор: три девятиэтажки, двухэтажный барак в центре, приспособленный под жэк, детская площадка с кучей свежего песка и с двумя сломанными качелями, турник, газончик, вереницы машин вдоль всех домов, две из них, «Газель» и «Бурлак», стоят у служебного входа в продуктовый магазин. Народу не много: две старухи, две мамаши и молодой папаша с колясками, школьник, пытающийся поймать кошку, пара-тройка водителей, дворники, убирающие мусор у подъездов, деловые люди в костюмах и с портфелями, несколько пассажиров в салонах машин. Тишина и спокойствие, никакой суеты, никакой подозрительной возни и любопытствующих взглядов. И тем не менее двор явно находился под наблюдением, причем основной п о т о к внимания отме-

чался именно к тому подъезду, в какой нужно было попасть Соболеву.

Матвей еще раз внимательно прошелся внутренним взором по территории двора, определил наблюдателей (двое — в окнах третьего и четвертого этажей домов напротив, двое — в машинах), оперативников группы захвата («деловые люди» с портфелями, «дворники», молодая пара с коляской, еще несколько человек внутри подъездов), по стилю поведения вычислил к о н т о р у — отделение «Руслан» или «Стикс» ФСБ и понял, что ребята ждут его. А может быть, и обоих — Соболева и Дикого. Но поскольку со времени звонка генерала прошло всего полчаса и ни одна спецкоманда так быстро добраться сюда не могла, даже если телефон Дикого прослушивался, Матвей сделал вывод, что явочная квартира «засвечена» давно, по крайней мере два-три дня, и взялись за «Смерш» крепко. Не по нутру пришлась Ельшину возня военных контрразведчиков вокруг его людей.

Взвизгнули шины, во двор въехал «Форд» генерала, остановился у подъезда. Из него вышли неторопливые с виду молодые парни в светлых костюмах, оглядели двор, один из них вошел в подъезд, за ним двинулся и Дикой в белой рубашке, закинув за спину пиджак: несмотря на утро, было уже довольно жарко.

Матвей выругался про себя. Ему надо было среагировать раньше и попытаться перехватить генерала еще на шоссе, но теперь приходилось принимать те условия, которые диктовались спецгруппой захвата. Подождав, пока Валентин Анатольевич и его охрана скроются в подъезде, Матвей увеличил мощность своего «пси-прожектора», воздействующего на сознание всех подозрительных лиц в радиусе полста метров, и начал д в и ж е н и е.

Никто не видел, как он шел по двору и входил в подъезд. Вернее, видели все, но внимание их в это время было отвлечено, хотя вряд ли кто-нибудь из наблюдателей и оперов мог сказать — чем. В подъезде Матвей усыпил «дворника», чересчур старательно елозившего тряпкой по ступенькам лестницы, затем двух «сантехников», делавших вид, что они меняют батарею на втором этаже.

В квартиру, где встречались агенты военной контрразведки, можно было попасть только через длинный коридор с десятком дверей, принадлежащих жилищно-эксплуатацион-

ной службе района. Функционировать служба начинала с девяти утра, и в данный момент все двери были заперты и народу в коридоре не было. Лишь у нужной двери с табличкой «Котлонадзор. Посторонним вход воспрещен» и пудовым замком курили охранники Дикого.

Чувствуя, что времени остается мало, Матвей подошел к ним так быстро,что увидели они его в последний момент, схватились за оружие, но тут же расслабились, увидев протянутое удостоверение.

— Вас ждут, — кивнул на дверь рослый блондин.

— Вас тоже, — кивнул назад Матвей. — Выгляните на площадку, я нейтрализовал троих внизу и двух «сантехников». Вызывайте подмогу. Начнется атака — стреляйте, но не на поражение, это спецгруппа «Руслан», ребята не в курсе, против кого работают. Понятно?

— Но... — заикнулся блондин.

— Мы уйдем другим путем. Выполняйте!

Матвей встал перед дверью явочной квартиры, оборудованной телекамерой и компьютерной системой охраны, и она тотчас же приотворилась. Дикой ждал его в прихожей в рубашке и без галстука, костюм он повесил на стул.

— Вам не кажется, капитан...

— Не кажется, — прервал его Матвей не совсем вежливо. — Дом окружен, работают профи из родственной к о н т о р ы, скорее всего личная гвардия Ельшина. Телефон ваш прослушивается, но, судя по всему, группа здесь ждет вас... и меня, очевидно, давненько. Так что будем делать ноги, как говорят в Одессе.

— Вы уверены? — подобрался генерал без малейшей паники в глазах, и Матвей с уважением подумал, что слухи о спецподготовке Дикого, наверное, вовсе не слухи, реагировал он на опасность как воин.

— Пока ваши телохраны будут держать коридор, мы уйдем черным ходом в другой подъезд. Открывайте «аварийный выход».

Валентин Анатольевич прошел в гостиную, где стоял компьютер охраны и связи, ввел программу защиты, а когда дверь запасного выхода разблокировалась, сжег компьютер специальной программой самоуничтожения. Надел костюм, сунул в карман штатный «макаров».

— Я готов.

— Пойдете за мной, будете действовать по обстоятельствам, но попробуйте обойтись без стрельбы.

— Само собой, — кивнул генерал.

Матвей снова перешел на гиперзрение меоза, мысленно прощупал пространство подъезда с этой стороны квартиры, определил уплотнения угрозы и выскользнул за дверь.

Видимо, руководители операции по захвату «смершевцев» знали об особенностях явочной квартиры, потому что у второго выхода тоже поставили трех оперативников, готовых встретить предполагаемых беглецов. Но им не повезло с противником. Матвей вышел в темпе, так что глаза ребят практически не успевали реагировать на его движения, и в течение секунды усыпил всех троих уколами по системе ТУК. Когда на площадке появился Дикой, выход был уже свободен.

Валентин Анатольевич глянул на лежащие тела, потом на невозмутимое лицо замершего с пальцем у губ Соболева, поднял вверх большой палец. Спросил глазами: куда?

Матвей ткнул кулаком вниз и бесшумно сбежал на первый этаж, где таким же манером успокоил еще двух скучающих бугаев группы поддержки с бронежилетами под костюмами. Прислушался к шуму во дворе и позвонил в квартиру, окна которой выходили не во двор, а на шоссе. Дверь открыла средних лет женщина, одетая, несмотря на жару, в кофту поверх халата, однако спросить ничего не успела, Матвей послал ей раппорт подавления воли и тихо сказал:

— Не волнуйтесь, пройдите в спальню и отдохните.

Женщина молча повернулась и прошла в дом. За ней вошел Дикой, потом Соболев запер дверь.

Квартира была двухкомнатной, и кроме женщины в кофте в ней находилась еще и старушка, вероятно, ее мать. «Уговорить» ее не волноваться не составило труда, старуха уснула буквально на пути в спальню.

Матвей выглянул в окно, сосредоточился, определяя источники опасности снаружи, вычислил наблюдателя, а также дежурную машину опергруппы захвата у трамвайных путей, повернулся к спокойно стоящему сзади генералу:

— Валентин Анатольевич, я уже жалею, что дал вам столь тяжелый пакет информации...

— А я жалею, что взял его, — без улыбки ответил Дикой. — Но машина следствия запущена и отступать поздно, да и не в моих правилах.

— У Ельшина больше возможностей, на него работает весь «Купол» и... кое-кто еще...

— Ваш Монарх?

— Монарх, но не мой. Он вас живым не выпустит. Как случилось, что Борис Иванович в реанимации?

— Прямо среди бела дня вошли в квартиру Ивана Сергеевича, убили жену, его самого и тяжело ранили Бориса. Кто — не знаю, но подозреваю...

— Это «Стикс», профи Ибрагимова. Я им займусь в скором времени, а вы пока поберегитесь. Окружите себя командой помощней. И учтите: наши враги вполне способны применить против нас то, что они похитили, — «глушаки» и «болевики», а против этого оружия бессильны и бронежилеты, и охрана.

— Спасибо за заботу, капитан. Вы действительно мастер, каких мало, судя по тому, как легко мы прорвались. Как говорил Тютчев: «Счастлив в наш век, кому победа далась не кровью, а умом». Как мы с вами свяжемся?

— Понадоблюсь, звоните вот по этому телефону, — Матвей продиктовал номер Горшина, — но не из кабинета. Может быть, мы еще сможем обезвредить Генриха Герхардовича и развалить его «Купол». Вылезайте в окно, как только я подойду к машине опергруппы. Серый «Плимут» видите?

— А вы как же?

— За меня не беспокойтесь. — Матвей улыбнулся, пожал генералу руку и первым выпрыгнул в окно.

Глава 24

«ЧЕРНЫЙ ФАЙЛ»

Весь вечер и полночи Василий и Тарас Горшин, удобно расположившись в доме Тараса, посвятили изучению дачи Ельшина и подходов к ней.

Поместье, принадлежащее генералу и называемое дачей, не находилось на балансе ФСБ, но строили его военные специалисты по особому проекту, разработанному еще конструкторами КГБ, и предназначалось оно одному из партсекретарей, планировавшему стать преемником Горбачева. Потом его передали в ФСК, засекретили, предшественник Ельшина успел полгода попользоваться комфортом и сгинул, и дача

досталась Генриху Герхардовичу «в наследство» благодаря его связям, напористости и энергии на поприще борьбы с терроризмом.

На территории поместья располагалось шесть строений, в том числе собственно трехэтажный особняк площадью в девятьсот восемьдесят квадратных метров. Особняк состоял из двадцати шести помещений, в том числе шести спален, двух разнокалиберных кабинетов, библиотеки, бара, музыкального зала, бильярдной комнаты, обширной гостиной с кино- и телепроекционной аппаратурой и холла, где можно было свободно устраивать конкурсы бальных танцев. Кроме надземных особняк имел и подземные помещения, среди них — подвал, охраняемый с особой тщательностью, потому что в нем находились склад, тир, оружейные комнаты, боксы со спецснаряжением, три камеры, в которых можно было содержать до двух десятков человек, и помещение «01» — камера допросов и пыток. Кроме того, присутствовал лифт в шахту с выходом на подземную станцию специального метро, а о наличии еще одного помещения не имели понятия даже особо приближенные к генералу (как по линии ФСБ, так и по линии «Купола»). Строители же, которые создавали это помещение с уникальной системой подъема-спуска, давно канули в небытие.

На территории дачи, окруженной высоким бетонным забором с двумя рядами колючей проволоки, находились бассейн, обложенный мраморными плитами, бейсбольное поле и теннисный корт. Охранялось же все это хозяйство не хуже, чем известное здание на Лубянке, хотя со стороны нельзя было увидеть ни одного охранника. Все они находились в четырех спецбункерах по периметру дачи и могли по сигналу наблюдателей появиться в нужном месте в считаные секунды.

Кроме наблюдателей, имеющих телемониторы и около трех десятков телекамер, просматривающих каждый метр территории дачи, мощная компьютерная система контролировала работу трех электронных поясов с аппаратурой, позволявшей оценить обстановку по изменению электромагнитных и гравитационных полей, а также по инфракрасному излучению передвигающихся объектов. Поэтому проникнуть на дачу Генриха Герхардовича не смог бы незаметно и крот под землей.

Огневая же мощь охраны, вооруженной самым современным оружием, в том числе огнеметами и переносными зенитно-ракетными комплексами «зевс», едва ли не равнялась огневой мощи полка.

— М-да! — почесал затылок Василий, когда они закончили изучение дачи. — Поверху не пройти. Как говорится, где сядешь, там и слезешь. Они отобьют даже вертолетную атаку с десантом. А нам надо проникнуть сюда. — Он ткнул пальцем в карту, нарисованную Соболевым. Палец уперся в спальню генерала на третьем этаже, из которой спецлифт и опускался под землю в спецбункер с компьютером «Шайенн». — Ну и как наш приятель собирается туда попасть? На танке? Так сожгут же, черти!

— Метро, — коротко ответил Тарас, давно оценивший предложение Матвея и возможности скрытого подхода к даче. — Эту ветку строили лет двадцать назад, и о ее существовании не знает даже директор ФСБ.

— А откуда знает Ельшин?

— Об этом лучше спросить у него. Кстати, под его дачей расположен один из МИРов, что весьма меня интригует.

— Каких миров? — не понял Василий.

— МИР — это аббревиатура слов «модуль иной реальности». Разве Соболев тебе не рассказывал?

— Я не сразу врубился. Но ведь доступ в эти ваши МИРы перекрыт? Или ты можешь пройти другим путем?

— Другого пути не существует, только под землей.

— Соболев говорил еще об одном МИРе, якобы расположенном под Зачатьевским монастырем.

— МИРов много, практически под каждым городом сохранилось по одному-два, а под Москвой вообще десяток.

— Почему они расположены именно под городами?

— Под древними монастырями, храмами, церквями, замками и так далее. Дело в том, что строились и те, и другие в узлах геомагнитной решетки, синхронизирующей жизнь Земли как планетарного организма, а древние зодчие каким-то образом могли угадывать эти узлы и строили храмы поверху, не зная, что в недрах прячутся храмы предков — Инсектов.

— Здорово! — сказал заинтересованный Василий. — Вот бы посмотреть!

— Увидишь еще, — хмыкнул Тарас.

— Ты видел?

— Не один раз.

— Зачем же еще раз тебе туда спускаться? Хочешь найти что-нибудь полезное? Ценности? Золото, камни?

Горшин окинул Балуева скептическим взглядом.

— Ценности, только иного плана. О Великих Вещах Абсолюта Соболев тебе ничего не говорил?

— Намекал что-то, но я не расспрашивал подробности. Что еще за великие вещи такие?

— Своеобразные аппараты, машины и сооружения, созданные когда-то очень давно Аморфами и Инсектами. Некоторые из них не потеряли работоспособности и по сей день.

— Здорово! — снова сказал Вася, загоревшимися глазами глядя на безмятежно-спокойное лицо Горшина. — Расскажешь?

— Позже. Пора спать. Утром придет Соболев, и мы отправимся в гости к генералу Ельшину.

— Может, позанимаемся ТУК?

— Чем? — не понял Тарас.

Василий прикусил язык, вдруг подумав, что Соболев мог и не делиться с Горшиным секретами древней боевой системы смертельного и усыпляющего касания. Промямлил:

— Я имел в виду тренинг универсального комплекса.

— Мы в разных весовых категориях, — отказался Тарас.

— Это еще почему? — поднял брови Василий.

— Потому что я прошел твою воинскую базу еще сто лет назад. Не обижайся, ганфайтер, но достойных противников у меня в нашей «запрещенной реальности» не существует.

— Даже Соболев? — прищурился Вася.

Тарас задумался, потом все же нашел мужество ответить:

— Разве что он.

Спать легли в начале четвертого, а встали в полседьмого, когда в доме появился Матвей, свободно миновавший защитные системы горшинской хаты. Тарас уже однажды был свидетелем демонстрации возможностей контрразведчика, поэтому не удивился, хотя вряд ли испытывал положительные эмоции, а вот Василий, понимавший толк в электронных системах защиты, смотрел на Соболева как на фокусника.

— Может, ты и в банк так тихо способен залезть? — спросил он, одеваясь.

— Не пробовал, — равнодушно ответил Матвей. — Наверное, могу. Подготовили, что я просил?

Василий затянул ремень брюк, сходил в сени, принес объемистую сумку, дернул «молнию», открывая.

— Наборы Н-1 к вашим услугам.

В сумке, аккуратно сложенные, лежали три комплекта одежды ниндзя — черные комбинезоны, не стесняющие движений, с маскшапочками, оставляющими открытыми глаза, рот и уши, а также приборы ночного видения и оружие: метательные звезды и стрелки — сякэны и сюрикэны, кагинавы — кошки, метательные ножи — бяньдао, наборы сай, арбалет и пистолеты — девятимиллиметровые «вёрёши» с магазинами на тридцать четыре патрона.

— Это лишнее. — Матвей вынул из сумки пистолеты. — Никакой стрельбы, пойдем «холодными».

— Как скажете, — пожал плечами Вася. — Где мы попадем в метро, которое ведет к даче генерала?

— Полчаса езды отсюда. Тарас, поедем на твоем «Понтиаке», если не возражаешь.

— Как скажете, — дернул уголком губ Горшин. — Однако неплохо было бы перед походом узнать план действий.

— План очень прост. Едем к шахте, спускающейся к метро, добираемся до станции под дачей Ельшина, мочим всех, кто попадается на пути, находим бункер с компьютером, вызываем Конкере и договариваемся с ним о переходе границы реальности. Все.

В комнате стало тихо. Тарас прищурясь, Василий открыв рот смотрели на Матвея.

— Мочим?! — переспросил Вася.

— Договариваемся? — в унисон с ним произнес Горшин.

Матвей засмеялся.

— Кого что интересует, да? Успокойся, Баловень, прорвемся без жертв. Что касается контакта с Конкере, я далеко не уверен, во-первых, что он захочет с нами разговаривать, а во-вторых, что нам удастся его убедить открыть границу. И все же это пока единственный реальный шанс выйти в «розу».

— А если не удастся? — поинтересовался Вася.

— Тогда будем искать другой способ — через МИРы. Идемте, пора выезжать. — Матвей исчез за дверью.

Тарас и Вася переглянулись, потом Балуев подхватил

сумку и направился за Соболевым. Горшин проверил свои охранные системы, закрыл дверь дома, с виду — полуразвалившейся халупы, и вывел из неказистого сарая красавец «Понтиак».

Через полчаса они вышли из машины на шестнадцатом километре от Московской кольцевой автодороги — Минского шоссе, у длинного деревянного забора, которым был обнесен бывший угольный склад, ныне находящийся в полном запустении. Матвей толкнул створку покосившихся ворот, пролез в щель на территорию склада, уверенно направился к бараку, в окнах которого кое-где уцелели остатки стекол. Уголь отсюда давно забрали, двор был перекопан траншеями, усеян ямами от экскаваторных ковшей, и идти по осыпающемуся черному грунту было нелегко.

В бараке Соболев остановился возле крепкой на вид кирпичной стены с закрытой, рыжей от ржавчины железной дверью, оглядел ее, потянул за ручку на себя. Дверь со скрипом отворилась. За ней располагалось небольшое квадратное помещение, пол которого усеяли кирпичные осколки, шлак и пятна смолы. В помещении стояла громадная печь с выпуклой железной заслонкой, имеющей хитрый механический запор. Ни слова не говоря, Матвей погладил рукой запор и открыл заслонку. Из показавшегося отверстия топки с колосниками внутри пахнуло гарью, серой и мазутом.

— Переодеваемся, — обернулся Матвей.

Молча натянули на себя комплекты Н-1, превращаясь в легендарных ниндзя, успешно завоевавших кино- и телеэкраны мира. Однако все трое понимали, что они не на съемках боевика и впереди их ждет отнюдь не киношный бой.

— За мной. — Соболев исчез в топке, и остальным ничего не оставалось, как последовать за ним.

Печь оказалась замаскированным входом в бетонный колодец со скобами, по которому они в полной темноте, не пользуясь фонарями (Василий надел прибор ночного видения, а Тарасу с Матвеем оптика была не нужна, они и так владели инфракрасным зрением), опустились под землю, сначала до трехметрового бункера с вентилятором на отметке минус двадцать метров, потом достигли дна шахты на пятидесятом метре от поверхности. Выпуклый, с кремальерами запора, люк здесь тоже был заперт, но Матвей открыл его без труда.

Троица «ниндзя» оказалась в нише, отгороженной решет-

кой от тоннеля спецметро с двумя нитками рельсов и пучком кабелей на стене. В нише стояла маленькая мотодрезина, имеющая и ручной привод.

— Выкатываем, — кивнул на нее Матвей. — До резиденции Ельшина километров пятнадцать, не стоит бить ноги зря.

— А не засекут? — спросил Василий.

— Мы ее оставим в километре, не засекут.

Решетка была на замке, который легко открылся гвоздем. Дрезину выкатили из ниши, установили на рельсы, сели так, чтобы не мешать друг другу, и Василий с Тарасом взялись за рычаги. Мимо побежали стены тоннеля, собранные не из тюбингов, а из огромных гнутых швеллеров.

Двенадцать километров до развилки отмахали за четверть часа. Здесь Матвей перевел стрелки, и дрезина свернула направо, но, не проехав и десятка метров, остановилась.

— Дальше пешком, — сказал Матвей, спрыгивая на шпалы. — Вася, тебе придется держаться сзади и работать по обстоятельствам. Отстанешь — возвращайся к развилке и жди.

— Не отстану.

— Тогда с Богом!

Бегом преодолели километр по левому полукруглому тоннелю меньшего диаметра, также сложенному из специально изогнутых швеллерных секций. Вышли к массивным воротам, которые Матвей когда-то уже взрывал в прошлой жизни. Остановились в десятке метров. Матвей и Тарас замерли на несколько мгновений, застыл и Василий, хотя, конечно, не видел того, что видели спутники.

— Снаружи телекамер нет, — быстро сказал Горшин, — но замок электромеханический, под напряжением.

— Это хорошо, — отозвался Матвей, — механику пришлось бы ломать, а так автомат сам откроет.

Он подошел к воротам, поелозил ладонями по металлу створок, замер снова, и с гулом ворота начали раздвигаться.

— Быстро внутрь!

Тарас и Василий прошмыгнули в темноту за воротами, за ними тенью скользнул Соболев. Они оказались в подземном «гараже» Ельшина, где генерала всегда ждал готовый отправиться в путь электровагон. Ворота перестали открываться, сбитый с толку автомат, не получивший подтверждения команды, отключил привод, затем отработал назад, и ворота закрылись.

— Если контроль выведен на пульт, сюда сейчас примчатся проверяющие, — шепнул Василий.

— Именно этого я и добиваюсь, — также шепотом ответил Матвей. — Попасть отсюда наверх через заблокированные люки очень трудно, а так охранники сами нам их откроют. Но сначала мы лишим их зрения.

Он вспрыгнул на платформу справа от электровагона, в стену которой были врезаны две массивные на вид металлические двери, не имеющие ни замков, ни ручек, с амбразурами внизу, в которых прятались пулеметы, и сноровисто заклеил пластырем объективы трех телекамер, обозревающих тоннель.

— Теперь подождем.

Все трое встали по обеим сторонам одной из дверей, за ребристые выступы, образующие нечто вроде контрфорсов, и затаились. Ждать пришлось недолго, минуты три. Загудел привод двери, полуметровой толщины броня двери начала медленно открываться, выталкиваемая гидравлическим рычагом. Затем на платформу спрыгнули один за другим двое мужчин в серо-зеленой полевой форме российских внутренних войск, с фонарями в руках. Один из них осветил пещеру с электропоездом, ворота, рельсы, второй проворчал хрипловатым юношеским баском:

— Все в норме, просто сбой автоматики. Надо будет прислать техника. Пошли об... — Договорить он не успел, усыпленный касанием Матвея. Второго солдата таким же манером усыпил Тарас. Фонари выпали из рук охранников, Василий подхватил их и выключил.

Матвей нашарил на боку одного из солдат спецтелефон с вилкой подключения, вставил вилку в розетку, не замеченную Васей, нажал кнопку, выслушал фразу неизвестного дежурного и сказал хрипловатым голосом, неотличимым от голоса уснувшего охранника:

— Здесь все тихо, наверное, техника барахлит. Проверим и вернемся. — Выключил телефон. — Минут десять в запасе у нас есть, пока не хватится дежурный. Ждите здесь, я сейчас вернусь.

— Вместе лучше... — начал было Василий.

— Бункер с компьютером имеет запасной выход. — Матвей ткнул пальцем в скобы на стене станции рядом с открытой дверью, которые вели в круглый бетонный колодец, за-

крытый металлической сеткой. — Нам нет нужды лезть в коттедж и оттуда спускаться в бункер. Я отключу защиту и сигнализацию и вернусь.

Он исчез. Вася с Тарасом остались на платформе, вслушиваясь в могильную тишину подземелья.

— Сетка под током? — спросил Василий вполголоса, имея в виду колодец над головой.

Тарас не ответил, чувствуя где-то поблизости биение пульса чужого организма, живого и неживого одновременно. Это было сонное дыхание Монарха Тьмы, точнее, его информационной матрицы, внедренной в память компьютера. Оно возбуждало и тревожило и заставляло сдерживать дыхание, чтобы его не услышал сам Монарх.

Соболев появился через несколько минут, бесшумный и собранный.

— Все идет великолепно, однако времени мало, у них в порядке вещей каждые четверть часа докладывать по цепи о состоянии объектов на главный пульт. Так что поторопимся.

Он первым полез по скобам вверх, взялся за прутья решетки толщиной в палец и одним рывком вырвал ее из гнезд, сбросил вниз. Замок люка, закрывающего колодец, был уже открыт, осталось только поднять его. Матвей пролез в люк и добрался наконец до сверхсекретного бункера, о котором понятия не имели даже те, кто охранял дачу и нес дежурство у телемониторов. Для них он был просто «объектом номер сорок один», одним из многих, имеющим собственную сигнализацию.

Вслед за Соболевым поднялись в бункер с металлическими стенами и полом Тарас и Василий, встали почти в полной темноте за креслом у стола с панелью управления, за которым уже сидел Матвей. На панели светился фиолетовый огонек, и точно такой же глазок смотрел на гостей с панели процессора, занимавшего всю левую тумбу стола. Что-то щелкнуло, над головой в потолке разгорелся круглый светильник, позволивший теперь рассмотреть обстановку помещения и компьютер.

Такой машины Вася еще не видел. Устанавливалась она несколько лет назад, но дизайном, компоновкой, изяществом форм, ощущением мощи и огромных возможностей не уступала таким современным комплексам, как «Макинтош» и «Русич». На панели процессора переливался всеми цвета-

ми радуги ярлычок с надписью «Конан-99», монитор же был украшен табличкой «Шайенн».

Матвей посидел несколько секунд в расслабленной позе, разглядывая клавиатуру компьютера, оформленную в виде крыльев бабочки, поднял над столом руки, и вдруг лицо его засветилось — в буквальном смысле этого слова! — стало прозрачно-розовым, как бы отлитым из раскаленного стекла.

Что-то произнес Тарас — Вася не расслышал, пораженный и увлеченный никогда ранее не виданным зрелищем. Матвей ответил. Руки его тоже засветились, но уже не розовым, а голубоватым свечением, с них сорвались струйки фиолетового огня, упали на стол, извиваясь, как змейки. Тускло засветилось табло «Yes» на левом крыле пульта. Снова что-то быстро произнес Тарас.

— Попробуй войти слева, — напряженным голосом произнес Матвей, — через фильтры, я войду справа.

— Нужен компайлер[1], так не справимся.

— Держи, пройдем!

Горшин тоже вытянул над столом засветившиеся руки, и в тот же момент правый разворот панели управления расцвел загоревшимися индикаторами. Зашелестели вентиляторы двух шкафов-тумб процессора и монитора, экран которого налился мягким жемчужным свечением.

— Ну вы даете, супера! — пробормотал окончательно сраженный Василий. — Чтоб включить заблокированный комп... — Он не закончил. Откуда-то издалека, едва слышно, донесся тихий вой. Смолк. Снова преодолел толщу земли, бетона и стали.

— Началась тревога, — будничным тоном сказал Тарас. — Уходим?

Вместо ответа Матвей нажал клавишу ввода и набрал пароль — слово «Конан».

«Пароль принят», — ответил экран по-английски, и за спиной Матвея шумно вздохнул Василий, точно так же, как он сделал это год назад (по времени Матвея) в момент их бегства с дачи Ельшина. История повторялась, только на новом витке и с новым качеством бытия.

---

[1]Компайлер — программа перевода с одного программного (машинного) языка на другой — тот, что читается данным типом компьютера.

«В каком режиме предпочитаете работать?» — зажглась надпись на экране.

«Выбор?» — набрал на клавиатуре Матвей.

«Звук, тастатурный диалог, паранормальная связь».

«Паранормальная связь».

«Режим принят». — На левом развороте пульта зажглись три оранжевых окошка. Клацнув, правая тумба процессора выдвинула какую-то сетчатую шишку вроде микрофона.

«Заказ?»

Матвей выдернул «микрофон» со шнуром, закрепил в специальном гнезде на столе, наклонился и мысленно произнес:

«Секретный файл вызова Конкере».

Мигнув, экран почернел, на нем медленно разгорелся странный алый паучок, напоминавший китайский иероглиф «цюань». Свечение компьютера в диапазоне «зла», которое чувствовали и Матвей, и Тарас, скачком усилилось, и даже Василий вдруг ощутил, как в машине заворочался кто-то невидимый, но могучий, непереносимо чужой и страшный!

«Копирование файла!» — скомандовал Матвей, открывая CD-ROM и вставляя компакт-диск, пачка которых лежала в ящике стола.

«Считывание информации из базы данных запрещено», — ответил «женский» мыслеголос.

«Копирование файла!» — повторил Матвей, вслух же с натугой проговорил:

— Помоги... плейофф запрета...

Горшин снова склонился над пультом, роняя с поднятых ладоней струйки голубого электрического сияния.

С тихим звоном загорелся зеленый индикатор записи на левой панели процессора, раздались едва слышные скрипы и писки: компьютер начал записывать на диск файл вызова Монарха.

Запись длилась две минуты, но Василию показалось — целый час, потому что он явственно представил, что творится сейчас на даче генерала. Матвей выхватил компакт, нажал клавишу отбоя мыслесвязи, выключил компьютер, собираясь встать, но тот выключился не сразу! Алый иероглиф на черном поле экрана засиял ярче, и в голове Матвея зазвучал чей-то шелестящий вибрирующий голос:

«Поздравляю, ганфайтер! Теперь мы сможем выйти на

другой уровень контактов... если ты, конечно, уцелеешь. До встречи».

«До встречи, Творец Тьмы, — угрожающе ответил Матвей. — Учти, я не считаю, что должен тебе за прошлое вмешательство. Значит, я тебе нужен, не так ли?»

«Так, о прозорливый».

«Зачем? Ты ведь знаешь, что я никогда не буду на твоей стороне».

«Ты считаешь, что сторона Удди лучше? Ошибаешься, идущий. Мы не враги».

«Но и не друзья. Зато мои друзья — твои враги, так что не рассчитывай на изменение статуса».

«Ты имеешь в виду Горшина? Мне жаль его, он слеп. И я даже склонен извиниться за смерть его жены и ребенка, хотя виноват в этом меньше всего».

«Он так не считает».

«Не я убил его близких».

«Не ты, так твои слуги. Плохо выбираешь рабов, темный».

«Потому что все перестали верить в дьявола, лишь такие личности, как Генрих Ельшин, сразу воспринимают нужную информацию и делают то, что мне нужно... в обмен на кое-какие подарки, естественно: власть, деньги...

«А не мог бы ты на некоторое время прекратить контакты с генералом? Иначе он натворит таких дел, что даже иерархи не расхлебают».

«Ну что ты, у них самих забот полон рот. А с генералом я могу и не связываться более, он мне порядком надоел мелкими просьбами: то одну жизнь попросит, то другую... Прощай, ганфайтер. Не ошибись в расчетах».

И пси-голос «проекции» Конкере истончился, умер. Компьютер погасил огни, уснул, словно сытый зверь.

Матвей очнулся, вытер пот со лба, перехватил внимательный взгляд Горшина.

— П о г о в о р и л и? — спросил тот с расстановкой.

— Уходим, — ответил Матвей, бережно пряча в карман на груди компакт-диск с записью «черного файла».

— Может, сожжем комп к чертовой матери? — предложил Вася.

— Не стоит, он теперь пустой, — бросил Матвей, исчезая в люке.

Они спустились вниз, на платформу с электровагоном, куда еще не успела добраться бригада контроля, открыли ворота, сели в вагон и через три минуты высадились в двенадцати километрах от подземной станции спецметро. В темпе вылезли через люк на территорию угольного склада, переоделись в «цивильное».

— Зря надевали ниндзя-фраки, — буркнул Вася.

Матвей не ответил, садясь за руль и выводя «Понтиак» на шоссе. Через пять минут они были у МКАД, а прямо за эстакадой дороги на обочине шоссе их ждала Кристина, которую Матвей заметил в самый последний момент. Резко затормозил, так что пассажиров бросило вперед, на спинки передних сидений, открыл дверцу, впуская девушку, понимая, что она сейчас авеша Светлены, иначе не ждала бы здесь, именно в том месте, миновать которое они не могли; повернулся к ней.

— Что случилось, Крис?

— Вам нельзя домой... всем... объявлен всероссийский розыск на «особо опасных преступников, сбежавших из колонии строгого режима». Перечислены имена Василия Балуева, Матвея Соболева, Тараса Горшина, Ульяны Митиной и Ивана Парамонова. Кстати, Вахида Самандара в этом списке нет.

Мужчины молча смотрели на подругу Соболева и молчали. Всем троим было ясно, что охота на них развернулась по всем правилам и что инициировать ее могли только очень влиятельные лица, зависящие от кардиналов Союза Девяти. Спущенная координатором Союза Бабуу-Сэнгэ программа нейтрализации опасных свидетелей начала осуществляться.

Глава 25

УПАЛ — ОТЖАЛСЯ

Первухин позвонил в начале второго, когда Вася уже принял душ и собирал вещи. Несмотря на предупреждение Кристины, он все же решил заехать домой и подготовиться к жизни «бомжа», считая, что квартиру достаточно секретного сотрудника ФСБ будут искать в последнюю очередь. Все-таки объявить капитана службы безопасности «особо опасным преступником» — одно, а задержать его, не имея на это достаточных оснований, — совсем другое. Вася надеялся, что

пара дней в запасе у него есть, а ехать в Рязань, чтобы предупредить Ивана Терентьевича и Ульяну, надо было немедленно. О том, что им можно просто позвонить, Вася абсолютно не подумал, мысли были заняты предстоящей встречей с Ульяной.

— Почему не появился вчера? — спросил генерал.

— Вы откуда звоните? — быстро спросил Вася. — Из кабинета?

— Нет, из машины. Еду по делам.

— Еще куда ни шло, — вздохнул Вася с облегчением. — Вас постоянно «пасут», удостоверьтесь и перезвоните.

— Кому в голову пришла мысль меня «пасти»? — удивился начальник Управления спецопераций.

Вася положил трубку, продолжил сборы.

Первухин перезвонил через полчаса.

— Кто это?

— Убедились?

— Упал — отжался. Кто у меня на хвосте?

— Ельшинский «Стикс». Ищут меня. Я у них теперь как кость в горле — лишний свидетель. Шмеля, Тамерлана и Кира они уже убрали, очередь за вашими ребятами — Шерханом и Маугли, а также за мной.

— Ясно. — Генерал был умен и соображал быстро. — Мы можем перехватить слежку.

— Что это даст? Ельшин извинится и снова пошлет своих церберов по следу.

— Что предлагаешь?

— Упрятать ребят подальше и поберечься самому. Ибрагимов — киллхантер ушлый, найдет способ достать вас.

— Не найдет, мои орлы тоже хлеб едят не даром. Куда спрятать тебя?

— Я сам спрячусь. Считайте, взял отпуск на две недели. С квартиры съезжаю, можете рассекречивать, у меня осталась еще одна хатка, по варианту АЗ[1]. Ждите вестей.

— Понял. — Первухин помолчал. — Удачи, ганфайтер. Понадобится помощь — звони домой.

Связь прервалась.

Размышляя над ситуацией, в которой он оказался, Василий упаковал в три сумки свои личные вещи, одежду, ком-

[1]Аварийный запас.

плект Н-1, оружие и подумал, что зря не попросил у генерала машину. В нынешнем положении она пришлась бы очень кстати. Прикинув варианты, Вася позвонил Соболеву, который тоже поехал домой, рассуждая, наверное, примерно так же, как сам Балуев.

— Это я. Собираешься?

— Куда? — индифферентно спросил Матвей.

— То есть как это куда? — опешил Василий. — Менять хазу. Или ты решил ждать милостей от природы? Я имею в виду родную милицию.

— Мою квартиру вычислить невозможно, о ней знают всего трое: Ивакин, Дикой и я. К тому же я «закрыл» ее.

— Как закрыл?

— Ну... заколдовал, скажем так. Поставил печать «невидимости».

— Хорошо тебе. А мою квартиру можешь закрыть?

— Поздно. Астрал знает, где ты живешь сейчас.

— Жаль. Но ты тоже не очень радуйся. О твоем местопребывании знают еще два человека.

— Кто?

— Кристина и Стас.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Они сейчас — самое слабое звено в твоей жизни, и вычислить тебя через них — раз плюнуть любой конторе. У тебя что, нет больше схронов?

Соболев помолчал.

— Ты только ради этого позвонил?

— Хотел попросить тачку. У тебя второй нет?

Матвей снова помолчал немного.

— Что-то твои начальники не ценят ганфайтеров. Зайди в гараж к моему старому другу, зовут Илья, прозвище Муромец. — Матвей продиктовал адрес. — Он только что вышел из больницы. Попросишь машину от моего имени.

— А он кто, владелец автосалона?

— Хозяин автомастерской, машины ремонтирует. В Рязань ехать не передумал?

— С чего бы?

— Уверен, что это необходимо?

— Странные вопросы задаете, господин Избегающий Опасности, — засмеялся Василий. — Кто-то, кажется, Рабле, сказал: «Как бы ты ни поступил, будешь жалеть об этом».

— Тогда ни пуха.

— Спасибо, к черту!

Вася положил трубку, насвистывая, обошел квартиру, взялся было за сумки, и в это время в дверь позвонили. Вася замер. Впечатление было такое, будто кто-то посмотрел на него сквозь стены и дверь, пытаясь прощупать мысли, но, встретив «ощетинившуюся» защиту, отступил.

Бесшумно ступая, Вася подошел к двери, заглянул в перископический «глазок» и, хмыкнув, открыл дверь. Перед ним стоял директор Международного исследовательского центра боевых искусств Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной и при полном параде: синий костюм в полоску, белая рубашка, галстук «цвета побежалости», красивые итальянские штиблеты.

— Здрасьте, — поклонился Василий. — Насколько мне помнится, адреса я вам не давал.

— Разрешите войти? — бесстрастно спросил Самандар.

Вася отступил в прихожую, пропуская Посвященного, и ему показалось, что на него рухнул потолок. Потом он стал тонуть в болоте, цепляясь изо всех сил за кочки, мох и ветви кустарника... выплыл... в глазах прояснилось, хотя голова еще гудела от удара. Никакой потолок на него, конечно, не падал, и Самандар стоял напротив и внимательно рассматривал хозяина с некоторым недоумением во взоре. Вася понял, что совершенно непроизвольно, интуитивно отбил пси-атаку Посвященного, озадачив его до крайности. Стараясь выглядеть радушным, протянул вперед руку.

— Проходите, господин директор. Чем могу быть полезен?

Самандар остался стоять в прихожей, озадаченный своим поражением. Уверенность его была поколеблена, человек, которого он считал обыкновенным и недалеким, как все спортсмены, сумел отбить его раппорт. И все же равняться с ним Балуев не мог ни теперь, ни в будущем. Эта мысль взбодрила и отразилась в глазах Самандара блеском высокомерия.

— Хочу дать совет, ганфайтер.

— Я весь внимание, — наклонил голову Василий.

— Вы собрались в Рязань...

— Откуда вам это стало известно? — не скрыл Вася удивления.

— Так вот, лучше вам этого не делать, — продолжал Вахид Тожиевич, не обратив на реплику внимания.

— Это еще почему?

— Потому что я этого не хочу.

Вася потемнел, некоторое время всматривался в замкнутое на все эмоциональные замки лицо Самандара, потом потянул на себя входную дверь за спиной.

— Вы свободны, господин директор.

— Поедете? — полуутвердительно сказал Самандар.

— Дверь открыта.

Одно мгновение Васе казалось, что Вахид Тожиевич бросится на него, однако тот сдержался. Уж слишком независимо и дерзко вел себя противник. Хотя Вася как раз противником Вахида Тожиевича себя не считал.

— Я предупредил, — сказал Самандар уже за порогом. — Боюсь, вы переоцениваете свои силы. Если не прекратите контакты с Посвященными...

— С Посвященной, вы хотите сказать? — широко улыбнулся Василий.

— ... с Посвященными, мы встретимся раньше, чем вы думаете.

— По словам Соболева, мы уже встречались, — задумчиво проговорил Вася. — И у меня странное впечатление, что я это п о м н ю. Кстати, те встречи были не в вашу пользу, уважаемый. Скажите хоть, чем я вас прогневал, такого влиятельного и грозного?

Самандар повернулся и зашагал по коридору к лифту. Вася пожал плечами, закрыл дверь и открыл воду в ванной, смывая с лица липкую паутину нехороших взглядов незваного гостя. Причины появления Посвященного он не понял, не мог же тот играть роль заурядного ревнивца, но сам факт появления говорил о многом. Если Самандар легко смог вычислить адрес местожительства сотрудника ФСБ, значит, могут и другие. Квартиру надо было менять.

Однако это была не единственная непредвиденная встреча Василия в этот день. Когда он появился в автомастерской Ильи Муромца, адрес которого дал ему Соболев, там Васю ждала Кристина, подруга Матвея, одетая по-дорожному в старенькие джинсы, футболку, штормовку и кроссовки.

— Явление ангела народу, — сказал Василий, не подозревая, что близок к истине. — Аль случилось что?

— Мне нужно с вами в Рязань, — несмело проговорила

Кристина, глаза которой горели внутренним огнем з н а н и я с печалью пополам. — Возьмете?

— Отчего же не взять, — не поверил своим ушам Вася, продолжая оставаться с виду невозмутимым. — А Матвей? Тоже едет?

— Нет, у него свои дела. — Глаза девушки стали совсем печальными. — И еду я из-за него.

— Что такое? — встревожился Василий, которому передалось настроение Кристины. Откуда-то вдруг подул холодный ветер и принес ощущение беды.

— Потом расскажу.

— Хорошо, стерегите сумки. — Вася прошелся вдоль шеренги гаражей к мастерской Ильи, нашел его в боксе и попросил исполнить просьбу.

— Для Соболя — все, что угодно, — прогудел громадный бородач, в самом деле напоминавший чем-то легендарного Илью Муромца. — Для его друзей — тоже. «Четверка» вас устроит? Движок новый, ходовая часть в ажуре. Или нужен иноземный аппарат?

— Вполне устроит отечественный.

— Забирайте. — Илья вручил Васе ключи. — Во дворе стоит, белая, четыре четверки. Права нужны?

— Обойдусь служебными «корочками». Дня через три верну.

— Хоть через неделю.

Вася с чувством пожал огромную ладонь Муромца и подумал, что Соболев, наверное, хороший человек, если имеет таких приятелей.

Через несколько минут он рассовал сумки по багажнику и в салоне, усадил Кристину и вырулил со двора. Пока ехали по Садовому кольцу до Таганки, сворачивали на Рязанский проспект и выезжали из города — молчали, потом Васе удалось разговорить пассажирку, и он узнал много удивительных вещей, о которых раньше не имел понятия. Сначала он удивлялся, откуда обо всем этом знает сама Кристина, не будучи Посвященной в тайны Внутреннего Круга, потом забыл о своем удивлении и только жадно слушал ее ответы на свои вопросы.

Он узнал, когда и зачем был создан Круг — Круг Великого Молчания, как его еще называли, выяснил иерархию Сил, которыми владели Посвященные, услышал рассказ о МИ-

Рах — «модулях иной реальности» и о Великих Вещах Мира, созданных на Земле за миллионы лет до появления человека. И, наконец, Василий получил исчерпывающие сведения о фазовых пространствах «розы реальностей», проникающих друг в друга, вложенных друг в друга, но сдвинутых по фазе реальных мирах, практически не взаимодействующих между собой.

Машина уже подъезжала к Рязани, когда Вася немного угомонился, с раскаянием подумав, что спутница его, наверное, устала.

— Извините, — прижал он руку к сердцу, не обращая внимания на жезл сотрудника ГАИ, направленный на его машину. — Я вас совсем замучил. Но уж очень все интересно!

— Ничего, — улыбнулась Кристина, — я рада вашему интересу. А гаишник не бросится догонять?

— Пусть догоняет. Почему вы рады моему интересу?

— Матвею необходим спутник, идущий тем же Путем. Ему во что бы то ни стало надо дойти... но прежде — уцелеть!

— Да я-то не против, — пробормотал озадаченный Вася. — Лишь бы он сам взял меня в спутники.

— Не он, — снова расцвела удивительной мудрой улыбкой девушка, — Закон восхождения. Все мы — спутники аватары: вы, я, Уля, Иван Терентьевич, Самандар. Это наша карма, если хотите, и вряд ли здесь можно что-то изменить.

Вася хмыкнул, искоса посмотрел на светящееся изнутри лицо подруги Соболева и с некоторым испугом подумал, что она очень непроста! Студентка первого курса филфака не могла знать так много об устройстве и задачах Внутреннего Круга.

— Вы правы, — бросила Кристина лукавый взгляд на водителя. — Я не просто девчонка-студентка, я еще авеша Светлены и наблюдаю за Соболевым давно... трансперсонально, как принято говорить.

— А он действительно... аватара?

— Идущий к этому состоянию, хотя и очень трудным Путем, Путем Воина Знаний.

— Он говорил что-то о Пути Избегающего Опасности...

— Ему кажется, что он прошел Путь Воина до конца, но это, к сожалению, не так. Поэтому ему нужна защита, и поэтому появилась я.

— Понятно. — Вася свернул к автозаправочной стан-

ции. — А почему именно Соболеву уготована роль аватары? Кто его выбрал?

— Никто. Закон. Аватара появляется, когда необходимо оказать значительное влияние на ход истории. А как реализуется его приход — тайна тайн даже для иерархов.

— Иисус Христос тоже был аватарой?

— До него ими были египетский бог Тот, Гермес Трисмегист, Кетцалькоатль, Кришна, после него — объединитель русских племен князь Рюрик, монах Сергий Радонежский. Пришла пора нового аватары.

— А великие властители — Чингисхан, Тамерлан, Цезарь, Александр Македонский, Сталин и Гитлер?

— Это тоже своего рода аватары, только темных сил.

— Проекции Монарха Тьмы?

Кристина оценивающе посмотрела на Балуева.

— Не только. Вы собираетесь заправляться?

— Ах ты елки-палки! — спохватился Вася, выскакивая из машины и открывая бак.

Залив сорок литров бензина, он снова сел за руль и выехал на трассу. С холма уже были видны пригороды Рязани.

— Если есть аватара светлых сил, то, наверное, должен быть и современный аватара темных? Кто же это? Не Ельшин случайно?

— Нет, он слишком мелок душой.

— А что, у «темного» аватары должна быть глубокая душа?

— Как ни странно — да.

— Так кто же претендент?

— Один из кардиналов Союза Девяти Неизвестных.

— Рыков?

Кристина покачала головой, виновато потупилась.

— Я не знаю. Но это должно скоро определиться.

— Ясно, — бодро сказал Вася, не поняв чувств девушки, — поищем сами. А вот насчет Самандара вы не правы, — вспомнил он недавний визит Вахида Тожиевича, — мне кажется, он не очень хороший человек, не совсем... как бы это сказать... не совсем светлый.

— Да, он слишком честолюбив, однако это не большой грех для Посвященного. Учтите, Посвященные имеют не одно, а два-три устойчивых состояния сознания, владеющие ими в разные моменты психических и интеллектуальных напряжений, поэтому иногда они могут казаться равнодушны-

ми и надменными, ибо решают задачу, требующую «присутствия» всех внутренних вниманий.

— Не очень-то это приятная характеристика, на мой взгляд.

— Не возражаю, — вздохнула Кристина. — Чем выше ступень Посвящения, тем полнее, насыщеннее жизнь идущего, тем он внимательнее и добрее.

— Как Иван Терентьевич?

— Да, Иван Терентьевич Парамонов очень сильный и добрый человек. — Кристина улыбнулась. — Но Уля тоже. Вы должны были почувствовать. Ведь вы из-за нее едете в Рязань?

Василий смешался, не зная, что сказать, пробурчал:

— Царевич чувствовал, что лягушка не такая, как все, а девушка...

— Откуда этот шедевр? — засмеялась Кристина.

— Из школьных сочинений, читал где-то в журнале.

Машина свернула на улицу Каляева, миновала Рязанскую таможню, затем по подсказке Кристины через минуту въехала во двор дома, где жила Ульяна Митина. Еще через пару минут они стояли перед обитой черным дерматином дверью на пятом этаже, и Вася с трудом справился с волнением, удивляясь своим эмоциям. Позвонить он не успел, дверь открылась сама, словно их давно ждали, и на пороге возникла Ульяна в полупрозрачной оранжевой блузке и короткой кожаной юбке.

— Проходите, гости дорогие, вовремя вы, я только что сама пришла.

— Э-э... я тут случайно, проездом... — начал было Вася, поймал боковым зрением веселый взгляд Кристины и сказал смелее: — Хотя на самом деле специально приехал, чтобы повидать вас, Ульяна. Не прогоните?

— Мы же были уже на «ты», — улыбнулась девушка, посторонилась. — Почему я должна вас... тьфу ты!.. тебя прогонять? Кристина, не стой у порога, заходи смелее. Что, плохая весть?

— Недобрая.

Посвященная Внутреннего Круга и авеша Светлены несколько мгновений смотрели друг на друга пытливо и оценивающе, затем Кристина шагнула в прихожую, и Вася поспешил следом за ней.

Вскоре они, умывшись с дороги, сидели на кухне двухкомнатной квартирки Анны Павловны, тетки Ульяны, и пили чай. Уля уже позвонила Ивану Терентьевичу, который обещал приехать незамедлительно, и вели неторопливый разговор на темы, интересующие Васю больше всего. В обществе двух «божественных» дам он чувствовал себя на седьмом небе, ощущал небывалый душевный подъем и жаждал узнать о жизни Внутреннего Круга как можно больше. Ему одинаково интересно было слушать и Кристину, говорящую устами Светлены, и Ульяну — Посвященную I ступени Круга, а обаяние Ули кружило голову, как молодое вино, и заставляло сердце сжиматься в ожидании чуда.

— А не махнуть ли нам, ребята, куда-нибудь в леса? — неожиданно предложила Ульяна, посматривающая на Васю с неким любопытством и пониманием, явно не относящимся к его личным переживаниям. — Мы перестали просто радоваться жизни и не умеем отдыхать. Возьмем путевки на турбазе и пойдем на лодках по Мещере. Как предложение?

— Великолепное! — показал большой палец Вася. — Что скажешь, Крис? Или тебе еще экзамены сдавать?

— Я же не предлагаю ехать прямо сейчас, — пожала плечиками Ульяна. — Поближе к середине лета.

— Я с удовольствием, — сверкнула улыбкой Кристина. — Давно не была на природе, без комфорта и благ цивилизации. Люди вообще потеряли способность довольствоваться малым, быть счастливыми и никому не завидовать. Вместо этого нас обрекли гоняться за призраком материального благополучия, быть вечно недовольными, несчастными, различать добро и зло.

— Разве это отрицательное качество — различать добро и зло? — хмыкнул Василий.

Кристина посмотрела на него стесненно, с виноватым видом, как бы прося прощения за то, что он ее не понял, и Ульяна пришла ей на помощь:

— Как прошлое и будущее не представляют особой ценности в роли показателей прогресса, так и категории добра и зла не имеют логически безупречной модели. Примеры нужны?

— Я и сам могу привести пример, — небрежно бросил Вася.

— Приведи, — согласилась Ульяна.

— «Чистилище».

— Ты имеешь в виду «Стопкрим»? Молодец, хороший выбор. На примере деятельности «Стопкрима» мы действительно видим, как безудержное стремление творить добро принимает уродливые формы и огромные масштабы, в результате чего добро и зло стали неотличимы друг от друга.

— Хотя лично я симпатизирую «чистильщикам», — добавил Вася ради справедливости. — Иногда самому хочется стать в их ряды.

Девушки переглянулись, засмеялись.

— Все мужчины непоследовательны и противоречивы, — сказала Ульяна, — Балуев не исключение.

— Не претендую, — простодушно отозвался Василий. — Вы мне одну простую вещь объясните, гражданки Посвященные: зачем ваш Монарх Тьмы вмешивается в жизнь людей? Какую цель преследует?

— На этот вопрос могу ответить я, — раздался из прихожей мужской голос, и в комнату вошел бодрый, подтянутый, уверенный и вежливый Иван Терентьевич Парамонов. — Не сильно задержался? Добрый день, Василий Никифорович, Кристя. Рад видеть вас в добром здравии. — Он сел за стол, придвинул чашку, налил чай. — Так вот, по поводу цели Монарха. Его не интересуют ни добро, ни зло, ни реакция людей. Конкере интересует лишь истина, причем не Истина с большой буквы, а частная, экспериментальная, так сказать, какой пользуются ученые. И признает он только логику и трезвый, абсолютно нечеловеческий расчет.

— Тогда он просто эгоист, — проворчал Василий.

— Сказать о негуманоиде, что он эгоист, — все равно что признать его человеком. Он *не человек*, точнее — нелюдь! Он выше... или ниже, если хотите, любых морально-этических оценок, и воспринимать его следует не как злого бога, а как в высшей степени беспринципное существо, способное и на зло, и на доброе деяние.

— Что-то я не слышал от вас, чтобы Монарх когда-либо сделал доброе дело.

— Почему же, могу рассказать...

— Остановитесь, мужчины, — пришлепнула по столу ладошкой Ульяна, — о Монархе поговорим позже. Иван Терентьевич, гости прибыли не с добрыми вестями. Судя по всему, у нас возникли проблемы.

— Этого следовало ожидать, — спокойно проговорил Парамонов, — после того, как мы нарушили законы молчания и недеяния. Слушаю вас, молодые люди.

Василий посмотрел на приятельницу Матвея Соболева, но та отказалась начинать.

— Сначала ты.

— На всех нас объявлен всероссийский розыск, — сказал Вася. — Мы теперь «особо опасные преступники, сбежавшие из колонии строгого режима».

Иван Терентьевич покачал головой.

— Даже так? Наши недоброжелатели смогли втянуть в орбиту своих интересов милицию? Это славно. Никогда не имел дела с милицией.

— Что будем делать?

— Что будете делать вы, Василий Никифорович, я не знаю, однако же мы с Улей ничего предпринимать не собираемся.

— Так-то оно так, — безразличным тоном произнес Василий, — только кто даст гарантию, что вас не засадят в СИЗО до выяснения личности? На год? Или не пристрелят «при попытке к бегству»?

— Не пристрелят, — улыбнулся Иван Терентьевич.

— Оно конечно, вы Посвященные и все такое прочее, однако смею вас уверить, что и против вас... против всех нас работают не простые смертные. Вся эта кампания с розыском — дело рук очень высоких людей, причем людей Круга.

Парамонов посмотрел на шевельнувшуюся Кристину, и та кивнула.

— Он прав, Иван Терентьевич. Произошла инициация «волны выключения», причем инициатор не кардинал Союза Девяти и даже не сам его координатор, а кто-то из иерархов. Вероятнее всего — пентарх Удди.

Парамонов, не спеша высказывать свой скепсис, помолчал.

— Я не спрашиваю, откуда у вас эта уверенность, авеша Светлены имеет свои информационные каналы. Но все же не вижу смысла в этой атаке на нас.

— Это атака на Соболева, — совсем тихо сказала Кристина, опуская голову. — Его хотят заставить действовать по чужому сценарию, и они уже достигли кое-каких успехов, вызвав Матвея в Чечню.

— Что вы имеете в виду?

— Он зомбирован!

В комнате установилась ломкая изумленная тишина. Ульяна, Иван Терентьевич, Вася смотрели на подругу Соболева и молчали, не веря словам и уже понимая, что она говорит правду.

— Когда? — пришел в себя Вася. — Кто?!

— Вероятнее всего, он получил «темную передачу» во время боя с пентархом. Но сам этого еще не знает.

— А как же ты? Откуда узнала ты?

Улыбка девушки была грустной и понимающей.

— Узнала.

— Диапазон восприятия Светлены намного шире человеческого, — пробормотал Иван Терентьевич, думая о своем. — Да, это новость не из приятных. Тут мы можем оказаться бессильными. Или у вас есть план?

— Существует только один способ...

— Шактипат!

— Да, передача дополнительной Силы с привлечением эгрегора Хранителей для нейтрализации «темной передачи».

— У меня нет доступа к сети Хранителей.

— Я сама найду доступ и попытаюсь договориться.

— Тогда это... шанс. Но вы уверены, что Удди запрограммировал Соболева? Зачем? Не проще ему было бы убить претендента на звание аватары?

— Соболев нужен пентарху, да и не только ему, для реализации собственных замыслов. Поэтому Удди и решился перейти границу и встретиться с Матвеем. Инфарх не смог ему помешать, он практически низложен. Иерархи начинают войну за власть.

— Значит, Монарху все-таки удалось добиться своего, коль он смог изменить даже интеллект-сферу иерархов и сподвигнуть их на войну.

— Подождите, — вмешался в диалог Василий. — Вы говорите слишком быстро, я понимаю вас с пятого на десятое. Каким образом вы устроите Соболеву этот ваш... шакти-пат? Где? Он же сразу все раскусит.

— Он ищет доступ к МИРам Инсектов, — негромко проговорила Кристина. — Я попрошу Хранителей открыть доступ в один из них. Если мы все соберемся там, сможем попытаться нейтрализовать «темную передачу». В противном случае он погибнет. — Последнее слово девушка проговорила шепотом.

— Не стоит горевать раньше времени, — мягко сказал Иван Терентьевич. — Мы поборемся. Вместе с вами. Кроме того, у нас есть Самандар и приятель вашего Матвея — Горшин. Итого нас пятеро, а это сила!

— Шестеро, — мрачно возразил Василий.

Ульяна посмотрела на его лицо, засмеялась и накрыла руку Балуева своей ладонью, как бы безоговорочно принимая в свою компанию.

— Конечно, шестеро. Хотя по лицу заметно, что не все члены нашей компании тебе по нутру.

— Горшин — куда ни шло, а вот... — Вася замолчал, понимая, что его рассказ о визите Самандара может показаться мелкой местью.

— Что? — прямо посмотрела на него Ульяна. — Вахид звонил?

— Заходил, — нехотя ответил Вася.

Посвященные переглянулись, потом Ульяна еще раз погладила руку Балуева и перевела разговор на другую тему:

— Давайте допивать чай и пойдем на природу, подумаем о нашем положении. Кто позвонит Горшину?

— Я, — поднялся Иван Терентьевич.

Глава 26

«ЗМЕЯ» В АСТРАЛЕ

Двадцать восьмого мая нового директора ФСБ вызвал в «Белый дом» новый премьер-министр. Ломая голову, зачем он так срочно понадобился главе правительства, Владимир Алексеевич не стал тянуть время и выехал на своем бронированном «Линкольне» через пять минут после вызова.

Процедура прохода на территорию «Белого дома» отняла у генерала еще несколько минут, здесь его пока не знали в лицо, поэтому в кабинет премьера он вошел в недобром расположении духа.

— Садитесь, Владимир Алексеевич, — кивнул на ряд стульев у Т-образного стола премьер; судя по всему, он тоже пребывал в невеселом настроении. — Как служится на новом месте?

— Спасибо, Петр Адамович, — кисло улыбнулся Бон-

дарь. — Предшественник оставил немало нерешенных проблем, так что сплю мало, а отдыхаю того меньше.

— Все мы отдыхаем мало, — заметил глава правительства, подавая директору службы безопасности лист плотной белой бумаги с тисненным золотом гербом Исламской Республики Ичкерия. — Читайте.

Бондарь водрузил на нос очки и пробежал глазами текст. Это была официальная нота президента Чечни Везирхана Шароева правительству России. В резкой форме, свойственной только лидерам ближневосточных и кавказских стран, президент Чечни требовал выдать «группу российских террористов», которая нарушила границу суверенной Республики Ичкерия и совершила ряд тяжких преступлений, в том числе — убийство «двух десятков» уважаемых граждан независимого государства. Далее перечислялись «террористы», среди которых Бондарь без особого удивления увидел фамилии командиров спецподразделений «Стикс» и «Щит».

Дочитал ноту до конца, поднял глаза на широкое бледное лицо премьера с густыми черными бровями. Владимир Алексеевич знал, что премьер до своего назначения работал директором Национального банка и был предложен на пост главы правительства президентом, но с чьей подачи — мог только догадываться.

— Понимаете, чем это грозит вам? — по-отечески ласково сказал Петр Адамович.

— Это дела Панова.

— Панова нет, отвечаете за работу ведомства вы, Владимир Алексеевич, так что делайте выводы. Людей, перечисленных в ноте, надо немедленно задержать и передать чеченской стороне. Вам понятно?

— Всех?

— На ваше усмотрение, — подумав, ответил премьер-министр. — В списке ведь не только ваши люди? Кого считаете нужным, оставьте. Кого нет...

— Понятно. Разрешите выполнять?

— Полноте, генерал, мы же не на строевом плацу. Нам необходимо научиться понимать друг друга с полуслова. Постарайтесь справиться с этим делом побыстрее, а я обещаю вам всестороннюю поддержку.

В глазах премьера мелькнул хищный огонек угрозы, и у генерала свело живот, словно от проглоченной змеи. К себе

на Лубянку он ехал в мрачной решимости устроить всем разработчикам операции «Перехват» суровый «разбор полетов», забыв, что, будучи еще начальником Управления «К», сам принимал участие в ее подготовке, предоставив свои каналы информобеспечения.

В двенадцать часов дня он вызвал Ельшина и Первухина, однако «разбор полетов» делать не стал, просто передал суть разговора с премьером и приказал «зачистить» все следы операции «Перехват».

— В принципе я уже начал эту работу, — сказал Генрих Герхардович. — Трое участников операции... э-э... выключены. Остались еще трое.

— С Ибрагимовым четверо.

— Хасана там не было, я даже не понимаю, почему его фамилия фигурирует в списке.

Бондарь знал, что это не так, но промолчал. Ельшин мог сделать для своего главного телохранителя любое алиби.

— Хорошо, а остальные?

— Люди Михаила.

— Я своих не отдам! — твердо заявил Первухин.

Бондарь налился темной кровью.

— Вы понимаете, генерал, что может...

— Понимаю, — отрезал Первухин, — но не отдам! В крайнем случае подсуну качественную дезу — «трупы» моих ребят, оказавших сопротивление и убитых «при попытке задержания». Кстати, там в вашем списке есть еще фамилии... это не мои люди.

— А чьи? — Бондарь остыл, надел очки и прочитал: — Парамонов, Горшин, Митина... Кто эти люди?

— Выясним, — небрежно бросил Ельшин. — Думаю, их-то как раз и надо будет передать чеченцам.

— Идите.

Генералы вышли, в приемной остановились у окна, Первухин закурил.

— Странно, что не сработала наша уловка — взвалить всю вину на «чистилище», — сказал Ельшин. — Хасан, что ли, прокололся... не понимаю.

— Генрих, я человек, в общем-то, незлобивый, — сказал Первухин, глотая дым и щурясь, — но предупреждаю: тронешь моих ребят — я твоего Хасана из-под земли достану! И тебе житья не дам. Так что подумай. — Он сильно затянул-

ся, ловко бросил окурок в корзину под столом адъютанта Бондаря. — И сними свой «хвост» с меня, не то придется рвать с кровью. Адью.

Не глядя на Ельшина, начальник Управления спецопераций вышел из приемной, не отвечая на какой-то вопрос адъютанта. Генрих Герхардович задумчиво смотрел ему вслед. Потом встрепенулся и поспешил к себе. В кабинете его ждал майор Ибрагимов.

— Выяснил, кто был у меня на даче? — спросил Ельшин.

— Еще нет, — отвел глаза майор. — Ребята клянутся, что никого не видели и не слышали.

— Перекрыли подземелье?

— Так точно. Но тот, кто проник туда, отлично знал расположение телекамер и дежурного монитора. Непонятно только, что им было нужно, выше отметки «минус десять» они не поднялись.

Ельшин, который догадывался, что было нужно неизвестным взломщикам, делиться своими умозаключениями с подчиненным не стал. Ибрагимов знал о существовании подземного бокса со степенью защиты «четыре нуля», но даже не представлял, что там хранится.

— Твою голову затребовали чеченцы, — сказал Генрих Герхардович, наливая себе в стопку на два пальца коньяку, залпом выпил. — Ума не приложу, откуда у них данные по опергруппе.

Ибрагимов, привыкший к не раз ставившей его в тупик прозорливости генерала, промолчал.

— Ладно, это я выясню. — Ельшин говорил уверенно, однако в глубине его души уже поселился страх. Вчера он так и не смог вызвать Конкере, хотя файл вызова не пострадал: неизвестные диверсанты, свободно взломавшие защиту святая святых дачи генерала, включавшие (!) компьютер, память его не стерли. Генрих Герхардович представил, что могло случиться, сделай они это — кроме программы связи с Монархом он хранил в базе данных множество сверхсекретных документов, — и ему стало дурно. Он налил себе еще коньяку, потом сделал пару глотков прямо из горлышка, провел дрожащей рукой по лбу и сел за стол. Ибрагимов следил за ним молча, не выдавая своих чувств. Наконец коньяк начал действовать, и начальник Управления «Т» несколько ожил.

— Бери команду и езжай в Рязань. Задержишь там двух

гражданских, они каким-то образом оказались в списке вместе с нашими парнями. Парамонов и Митина. Привезешь их сюда, живыми. — Ельшин поднял на майора остекленевшие глаза. — Живыми, понял? Я хочу выяснить, почему они фигурируют в этом проклятом списке. Ступай.

— Я хотел закончить сегодня с людьми Первухина.

— Позже. Я дам команду. Наблюдение с него сними.

— Но мы еще не вышли через него на Балуева. На квартире капитана нет и, похоже, не будет, скрылся.

— Оставь группу, может, появится. Первухина отпусти, пусть генерал отдохнет некоторое время.

— Есть, — безразличным тоном сказал Ибрагимов. — Все?

— Пока все, иди.

Майор вышел. Ельшин посидел немного в расслабленной позе и в три глотка осушил бутылку.

* * *

Напрягаясь так, что, казалось, вот-вот лопнут мышцы ног, и чувствуя, что не успевает, Тарас рванулся сквозь туго свистнувший воздух каминного зала к двум фигурам в коричневых плащах, нависшим над полураздетой женщиной в белом разорванном платье, но рука одного из убийц уже опустилась, вонзая в грудь женщины тускло сверкнувший кинжал, Тарас закричал... и проснулся от крика.

Подхватился, сел на кровати, глядя перед собой расширенными побелевшими глазами, упал навзничь обратно на постель. Припомнил лицо Елинавы, ее улыбку, мягкий, певучий говор и звонкий смех. Руки сами собой сжались в кулаки, но он заставил их разжаться и привычно нырнул в родник успокаивающей медитации, уже через минуту почувствовав себя лучше.

Сон, где Елинаву убивали наемники польского шляхтича Чемпуровского, которому она приглянулась во время посольского обмена в Грюнвальде — Горшин тогда служил начальником дружины русского посла Млынова, — уже давно не тревожил Тараса, так и не забывшего жену, и факт повторения сна говорил о каких-то грядущих переменах.

В действительности Елинаву убили в отсутствие Горшина, предварительно поиздевавшись над юной беременной женщиной в лесу, возле немецкой деревушки Фёльдберг, ку-

да ее увезли слуги шляхтича. Почему во сне это действие происходило в каминном зале родового замка Чемпуровских, Тарас понять не мог до сих пор. Да, он потом нашел убийц и насильников, всех шестерых, и убил их в короткой и беспощадной сече, догнал и самого шляхтича — на границе немецких и польских земель, которую так и не пересек больше своевольный потомок князя Свицкого, но одного сделать не мог — найти и уничтожить Монарха Тьмы, чьим авешей был тогда Чемпуровский...

Достигнув внутреннего сосредоточения, Тарас «перенес» сознание в психофизический центр (хара — по терминологии восточных школ психотренинга) и обрел необычное состояние: тело как бы растворилось в воздухе, а сознание приобрело «вес», как бы окаменело и растеклось до пределов видимости гигантским лавовым полем. Затем стремительно понеслись мимо «пейзажи» чувственных озарений, которые трудно было описать словами: осознание бренности тела, иллюзорности жизни, собственной ничтожности по сравнению с пространством и одновременно огромности мира, осознание времени как бездны, тождества себя с другими, множественности проявлений реальности и, наконец, осознание Великой Пустоты... Сознание Тараса вошло в эту Пустоту и растворилось в ней. Тарас Витальевич Горшин, человек Внутреннего Круга и потому не совсем человек, наказанный старейшинами Круга за фанатическую приверженность идее мести, вышел в особое информационное поле мироздания, имеющее разные названия, известное исследователям эзотерического наследия древних цивилизаций под термином «астрал».

Человек — переходное звено от биологического к энергетическому плану жизни, и Внутренний Круг человечества давно перешел на этот уровень, но Тарас еще не достиг порога зрелости, позволяющего владеть колоссальной энергией и запасами информации в полной мере, а после его «акта непослушания» это стало и вовсе проблематично. Путь, на который он встал, по мнению иерархов, вел в никуда, в тупик, и чтобы выбраться из этого тупика, следовало начать цикл жизни с нуля.

Тарас напрягся, удерживая с помощью бонно[1] концен-

[1] Б о н н о — пауза в дзэнской психотехнике.

трацию «И» — разума-воли на грани взрыва, и получил в ответ удивительный «тюльпан» видений-ощущений-озарений, потрясших его глубиной и яркостью. К сожалению, человеческий язык иероглифичен и способен передать лишь до предела упрощенные понятия, общение на этом уровне возможно лишь о вещах, всем известных. Рассказать, что чувствовал и видел Горшин, он бы не смог.

Однако удержаться в состоянии пси-резонанса ему на этот раз не помогла даже концентрация «И». Показалось вдруг, что в него вцепилась какая-то злобная бестия и до боли сжала голову! Едва не потеряв власть над сознанием, он усилил блок и спустя мгновение понял, в чем дело, но от «бестии» — чьей-то программы психовоздействия, настроенной на его личностные характеристики, — отстроиться сразу не смог. Понадобилось изматывающее душу маневрирование уровнями сознания и переход на другую частоту психического состояния, прежде чем ему удалось сбросить с себя «кусачую тварь» и «с высоты» нового уровня разглядеть ее.

Поначалу, в момент схватки, он подумал было, что сработал какой-то новый механизм, изгоняющий отступника из всех энергоинформационных полей Земли, в том числе и из астрала, разработанный иерархами Круга, теперь же ему открылась иезуитская подоплека программы: это была умело рассчитанная и запущенная в астрал команда ОСИП — объемного сканирования интеллектуального пространства. Не умей Горшин переходить в другие диапазоны измененных состояний психики, «злобная змея» программы вошла бы в его подсознание и начала свою разрушительную работу по фрустрации личности. Спустя какое-то время он просто сошел бы с ума.

Сразу разобраться в «отпечатках пальцев», то есть в следах мысли разработчика, Тарас не сумел, но запомнил характерные свистящие обертоны кидающейся на него «змеи», способные выдать носителя программы. Впоследствии можно было попытаться определить его в обычной жизни.

Борьба со «змеей» отняла много сил, поэтому по астралу Тарас ходил мало. Определил лишь узлы пси-патогенных зон Москвы, сосредоточенные в районах расположения государственно-криминальных структур: Думы, Совета Федерации, Лубянки, Петровки, Центра. Пробудь он еще немного в астрале, мог бы локализовать каждую зону с выходом на руко-

водство, но голова уже заполнилась багровым туманом боли, надо было возвращаться «на грешную землю».

С полчаса он блаженно отдыхал в постели, успокаивая бешено колотившееся сердце, потом встал и начал готовиться к дневным делам; уже вошло в привычку, стало инстинктом — мысленно проигрывать каждое мероприятие очередного дневного плана и разрабатывать загодя стратегию поведения. Однако день начался не так, как он его построил в мыслях, а начался он с того, что позвонил Завьялов:

— Граф, прошу прощения за ранний звонок и вообще за беспокойство, но у нас возникла проблема.

— Слушаю, Дмитрий Васильевич.

— Владимир Эдуардович попал в психбольницу.

— Куда?! Я не ослышался?

— Его нашли сотрудники утром в машинном зале Центра в ужасном состоянии. Диагноз: маниакально-депрессивный психоз.

— Этого только не хватало. Выяснили, в чем причина?

— Известно лишь, что он вечером работал с Рыковым на компьютерах Центра, но какие задачи решались, неизвестно.

— Рыков... — медленно проговорил Тарас. — Любопытно... Хорошо, я займусь этим и в течение дня сообщу результат. У вас все?

— К сожалению, не все, но поскольку вы устранились от дел...

— До свидания. — Тарас щелкнул кнопкой выключения телефона, вполне понимая чувства координатора «чистилища».

В девять часов утра он появился в хорошо охраняемом здании Центра нетрадиционных технологий, информационно-расчетном оплоте «Стопкрима», потерявшем теперь свое значение. Незамеченным проник в машинный зал Центра, где уже тихо шелестели вентиляторы шести персональных «Пентиумов» и одного стационарного «Шайенна», «уговорил» оператора последней машины погулять и вошел в операционное поле главного драйва. Через пять минут он знал причину внезапного умопомешательства комиссара-пять «чистилища». Задумчиво просмотрел основные конфигурации своей личной программы ОСИП, составленной Рыковым, переписал ее на компакт-диск, посидел немного, пыта-

ясь постичь логику Германа Довлатовича, которого врагом до этого времени не считал, и снова занялся базами данных компьютера. Еще через несколько минут он сумел выделить еще три «змеи» ОСИП, рассчитанные на преследование в астрале определенных сознаний — Парамонова, Митиной и Самандара. Записал и их.

После чего стало ясно, что план дня изменился радикально. Следовало немедленно предупредить Посвященных о «засаде», ждущей их в астрале, и хотя «змеи» Рыкова вряд ли могли справиться с волей Посвященного уровня Ивана Терентьевича Парамонова, все же неприятностей они способны были доставить немало.

В зале никто из присутствующих сотрудников Центра Горшина «не видел», люди занимались своим делом, курили, пили кофе, разговаривали, звонили по телефонам, и все же один из парней, снявших трубку зазвонившего аппарата, вдруг поднял голову и спросил, перекрывая шум в комнате:

— Здесь есть Граф? Тарас Витальевич Горшин?

Тарас замер, не веря ушам: такого с ним еще не случалось! Расшифровать его появление в Центре мог разве что Монарх Тьмы, появись он внезапно на Земле как личность. Но это был не Конкере.

— Граф, — раздался в трубке тихий, без интонаций голос Рыкова. — Я бы хотел предостеречь вас от поспешных решений. Как говорил один мой знакомый: у всякой проблемы всегда есть решение — простое, удобное и ошибочное. Не вмешивайтесь вы в дела, которые уже не относятся к вашей компетенции, это может непредсказуемо отразиться на вашей карьере.

— Спасибо за предупреждение, кардинал, — в тон ему ответил Тарас. — Примите и вы мой совет, даже два: никогда более не вмешивайтесь в мои дела и не трогайте моих друзей. Программы ОСИП ваши я, конечно, нейтрализую, но обещаю в случае повторного их запуска пустить по вашему следу кое-что помощней. Договорились?

Рыков выключил связь.

Тарас передал трубку парню, который тут же начал звонить кому-то, и вышел из зала. Он знал, что угрозы Рыкова — не пустые слова, но верил в свои силы и менять принятые решения не намеревался.

* * *

Матвей вспомнил о своей идее проведать родителя Стаса, когда мальчишка не пришел ночевать. Кристина уехала в Рязань, по ее словам, навестить родных, чему Матвей был даже рад, собираясь провести кое-какие эксперименты с «черным файлом», а вот отсутствие Стаса огорчило. Парнишка чем-то напоминал самого Соболева в детстве, увлеченностью и упорством скорее всего, и наблюдать, с какой жадностью он занимается физкультурой, торопится наверстать упущенное, было чрезвычайно интересно. К тому же Матвей в душе считал его чуть ли не своим сыном, а для неженатого мужчины двадцати восьми лет (или тридцати, если считать опыт двух лет «прошлой» жизни), привыкшего жить свободно, это было сродни самопожертвованию.

К бабушке Стаса, Марии Денисовне, проживающей в доме по улице Ольховской, недалеко от Казанского вокзала, Матвей заявился пораньше, в начале восьмого утра. Старушка уже встала и хлопотала на кухне, когда в квартиру зашел «друг отца Стаса». Она так и не поняла причин, по которым Матвей выдал себя за «друга» и стал помогать ей и мальчишке. В глубине души она подумывала о «замаливании грехов», совершенных «раскаявшимся» Соболевым, однако никогда ни о чем его не спрашивала и встречала всегда с радостью. Однако сегодня Мария Денисовна была явно не в духе, куталась в платок и норовила отвернуться, пока Матвей не разглядел на лбу ее лиловые пятна, а на щеке свежую царапину. Задержал старушку, мягко дотронулся до щеки, кивнул на дверь спальни.

— Он?

— Да это я упала, запнулась о половик, ноги-то уже не ходят совсем... — начала Мария Денисовна и заплакала, закрывая лицо ладошками.

— Стас спит?

— В зале, на диване. Побил Сергей его вчера крепко, не пустил никуда. Вы уж не серчайте на него, пьет ведь кажен день...

Матвей шагнул к двери спальни, и старушка ухватила его за рукав.

— Матвей Фомич, ради Бога, вы уж с ним... помягче. Когда трезвый — вроде и неплохой человек, а когда пьяный...

— Не беспокойтесь, Мария Денисовна, — усмехнулся Матвей. — Человек я мирный, драться не люблю.

В спальне воняло перегаром, немытым телом и носками, вещи отца Стаса валялись разбросанные по всей комнате, у кровати стояли пустые бутылки из-под пива и водки. Сам постоялец лежал поперек кровати в трусах, упрятав голову под подушку. Матвей смог теперь рассмотреть его во всех деталях.

Был тридцатипятилетний «гроза бабушки и сына» хил, тщедушен, рыж, носил бороду и усы — Матвей снял с лица подушку, чтобы разглядеть его — и не мылся, наверное, с месяц. На тыльной стороне ладони правой руки были выколоты имя Сергей и кинжал, на левом плече — русалка и еще один кинжал.

Покачав головой, преодолевая брезгливость, Матвей взял его на руки, отнес в ванную и пустил воду. Вымыл с мылом, затем пустил ледяную воду и сунул голову Сергея под струю. Тот задергался, замычал, пытаясь освободиться, стал ругаться, хрипеть и кашлять, перепугав Марию Денисовну, которая прибежала в ванную спасать зятя. Матвей выпроводил ее и продолжил приводить пьяного в порядок. Через десять минут ему удалось это сделать, а так как Сергей сам идти не мог, пришлось нести его в спальню завернутым в простыню. На пути встретился проснувшийся Стас с синяками на лице, на плечах и худеньких руках. Несмело глянул на Соболева снизу вверх.

— Лечить будешь?

— Буду, — усмехнулся Матвей. — Потом тебя.

— Меня не надо, на мне все заживает как на кошке.

— Разберемся.

Матвей распахнул дверь в спальню, свалил запеленутого Сергея на кровать и закрыл дверь. Сел напротив, настраиваясь на в о з д е й с т в и е и сдерживаясь, чтобы не дать алкоголику по морде.

— Кто ты такой? — просипел Сергей, синий от холода и алкогольной абстиненции. — Опохмелиться дашь? Помру ведь.

— Не помрешь, — сказал Матвей. — Сядь!

— Чего?

— Сядь! — Слово прозвучало, как щелчок кнутом.

Сергей вздрогнул, широко раскрывая еще мутноватые глаза, повозившись, сел, и в этот момент Матвей обрушил на него свой раппорт мыслевнушения.

Бывший зэк, отсидевший за кражу и разбой пять лет в Самарской колонии, прошедший огни и воды, не допускавший мысли, что калечит своим поведением душу сына, получил вдруг сильнейший шок, который лишил его способности говорить и думать. У него даже сердце остановилось на несколько секунд, пока Матвей не заставил его заработать снова.

— Теперь слушай и запоминай, — негромко, но твердо сказал Матвей. — С этого момента ты перестаешь пить! Повтори!

— Перестаю... пить... — механически повторил Сергей.

— Устраиваешься на работу!

— Устраиваюсь... на... работу...

— Никогда больше никого не тронешь пальцем!

— Никого... не трону...

— Каждый раз, когда тебе захочется сделать что-нибудь во вред людям, а тем более близким, ты будешь чувствовать себя плохо! Понял?

— Буду чувствовать...

Матвей подумал немного, что-то ему вдруг не понравилось в поведении Сергея, и он жестко добавил:

— Ударишь Стаса — умрешь! А теперь спи полчаса.

Рыжебородый родитель мальчишки рухнул на кровать и закрыл глаза.

В комнату заглянул Стас, кинул взгляд на отца, потом на Матвея.

— Он... живой?

Матвей нахмурился. Вопрос был ему неприятен.

— Живой, живой. Давай я тебя посмотрю.

— Не надо, само заживет. Ты ему сказал, что я буду у тебя жить?

— Не сказал, но он больше не будет драться и пить.

— Правда?!

— Правда.

— Тогда я сегодня приду, можно?

— Приходи. — Матвей взъерошил волосы мальчишки и вышел, едва не столкнувшись с Марией Денисовной. Старая

женщина смотрела на него ясными слезящимися глазами, в которых тихо светились вопрос и надежда.

— Все будет хорошо, — улыбнулся он, чувствуя, как под этим взглядом внутри его зашевелился холодный ком мрака и потянул щупальца к языку. — Он скоро встанет и будет трезвый как стеклышко. И будет вести себя тише воды ниже травы. — Щупальце мрака достигло языка, и Матвей добавил со смешком: — А не будет — заставим!

— Спасибо, Матвей Фомич, — поклонилась бабушка Стаса, прижимая к себе голову обнявшего ее внука.

Мрак заставлял Матвея и дальше говорить в том же духе, однако он пересилил себя. Выйдя из дома, он нашел работающий телефон-автомат и позвонил Дикому:

— Что нового, Валентин Анатольевич?

— Ничего хорошего, капитан, — ответил начальник «Смерша». — Ельшин получил санкцию директора на задержание всех участников операции «Перехват». А так как трое из них уже мертвы, можете представить, какая участь ожидает остальных. — Генерал помолчал. — Среди них ведь есть и ваш приятель, Балуев?

— Что еще?

— Борису стало лучше, потихоньку выздоравливает. Сегодня иду на прием к Бондарю. Пора выходить на главных действующих лиц по делу о похищении секретного оружия. Кстати, след партии «глушаков» ведет на дачу Генриха Герхардовича.

— Удачи вам, генерал. Но поберегитесь, вы наверняка уже в прорези прицела киллеров Ельшина. Я нужен?

— Пока нет. Если понадобитесь — вызову. Зачем звонили?

— Нужна квартира, о которой знали бы только я и вы.

Дикой не отвечал минуты две.

— Запоминайте адрес: улица Живописная, тридцать четыре, корпус два, квартира четырнадцать. Ключи передам я лично, когда скажете.

— Тогда до связи. — Матвей повесил трубку, вышел из будки на углу Ольховской и Басманного переулка, откуда звонил, и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Так мог смотреть только Матфей-Хранитель, но, как ни старался Соболев определить его местонахождение, сделать этого не смог.

Глава 27

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ «СТИКС»

Ночевал Вася у Парамонова; дом у родственников Ивана Терентьевича был большой, пятикомнатный, в нем вполне могли разместиться еще три-четыре человека, кроме хозяев. Под утро Васе приснился сон, будто стоит он на белой стене, которую вполне можно было бы назвать Великой Китайской, если бы она не была выше и монументальней, уходящей в обе стороны до горизонта, и смотрит на приближающийся с низким гудением со стороны неблизкого горного хребта вертолет. Однако на самом деле «вертолет» оказался колоссальных размеров жуком, сверкающим в пластинах брюха и сочленениях лап изумрудно-фиолетовым блеском. До стены жук не долетел, в него вдруг плюнуло огнем с покрытого кратерами поля за стеной, а что было дальше, Вася не досмотрел, проснулся.

За завтраком он поделился сном с Иваном Терентьевичем, и тот, с любопытством кинув взгляд на лицо гостя, предположил, что сон его может быть навеян разговорами с Ульяной о прошлом человечества, но в то же время весьма схож с трансовой инициацией родовой памяти.

— Либо вы легко возбудимы и обладаете хорошей фантазией, — добавил с улыбкой Парамонов, — либо разбудили свой паранормальный резерв, что вероятней. Если это так — поздравляю, вы на верном пути. Кстати, жук, которого вы видели, — колеоптер, представитель одного из самых свирепых видов разумных Инсектов.

— Жуков не люблю, — поморщился Вася, подумал и добавил: — Но комаров и тараканов не терплю больше.

— Истоки комплекса агрессивности и страха перед насекомыми — в нас самих, — засмеялся Парамонов, — но об этом мы лучше поговорим вечером, когда соберемся у Ули, а сейчас я, извините, убегаю.

— Будьте осторожны, Иван Терентьевич, все-таки не забывайте, что вы в розыске, как бы не случилось чего.

Парамонов уехал на своей синей «девятке» на работу. Вася послонялся по дому, потом погулял в саду вокруг усадьбы, сдерживая порывы души позвонить Ульяне или заехать за ней, потом рассердился на себя и решил заняться полезным делом, то есть тем, чем привык заниматься по утрам в Москве.

До одиннадцати часов он тренировался, найдя во дворе за домом укромный уголок, медитировал и читал литературу, подаренную Ульяной. Потом переоделся в прогулочный костюм: светлые брюки, летние туфли, рубашка фасона «милуоки», — и так как до вечера времени было хоть отбавляй, отправился на экскурсию по Рязани.

День был по-летнему великолепен, природа радовалась жизни, солнце светило вовсю, легкий ветерок шевелил яркую, еще не потускневшую от пыли листву деревьев, цветы благоухали, и настроение у Василия складывалось под стать погоде, несмотря на ждущие решения проблемы. Однако сгущение туч над головой — в фигуральном плане — он почувствовал уже спустя полтора часа после «выхода в свет».

Пообедать он зашел в привокзальный ресторан «Ока» на вокзале Рязань-1. Народу в этот час в ресторане было немного, поэтому Вася выбрал столик у окна с видом на площадь, заказал обед и стал исподтишка оглядывать зал. Через столик от него сидела примечательная пара: молодая скучающая женщина, бросающая призывные взгляды на обедающего неподалеку молодого красивого брюнета, возможно грузина, и пожилой, одутловатый, с залысинами мужчина, увлеченно уплетающий жаркое из печенки. Трапеза была для него чем-то вроде ритуала, хотя и проводимого в безобразном стиле, и готовился он основательно: стол был уставлен всевозможными яствами, среди которых были, по мнению Балуева, абсолютно несовместимые: говяжий бок и копченый окорок, катиго из угря, форель, черная и красная икра в тарталетках, севрюга горячего копчения, креветки, салаты и индейка в яблочной глазури. Запивалось все это вином, пивом и коньяком.

Василий, который мог получить несварение желудка от одного только перечисления блюд, глянул на едока и почувствовал дурноту. Потом поспешно перевел взгляд на его спутницу, заметил ее безмолвный диалог с молодым брюнетом и усмехнулся про себя. Ах, мужики, мужики, самозабвенно верующие в свою необходимость и незаменимость, в исключительное право на обладание женой, как же вы бываете слепы!.. Ее губы говорили — нет, а взгляд говорил — все возможно! В то время как муж — большое эгоистичное грубое животное — увлеченно жрал, жмурясь от удовольствия и не глядя ни на жену, ни по сторонам. Он был так са-

модостаточен, что не украсить его рогами жена просто не могла.

Женщина, курившая одну сигарету за другой, с иронией поглядывавшая на спутника, поймала взгляд Василия и озадаченно заморгала, когда он подмигнул ей.

В ресторан вошли трое крепких молодых ребят в голубовато-серых одинаковых костюмах, с классическими прическами мелких клерков, сели поближе к стойке бара, заказали вино и сигареты. В них явно угадывались профессионалы, хотя и несколько иного класса, чем те, кого можно было бы назвать мастерами перехвата или задержания. И все же Васе стало не по себе. В свете происходящих событий с ним и с его новыми приятелями — Посвященными всякое проявление сил спецназа говорило о с г у щ е н и и негативного фона.

За стойкой бара копошилась симпатичная блондинка в обтягивающем тело черном фирменном комбинезончике, обслуживая редких покупателей. Она как раз отпустила пиво молодой паре, когда трое профи, на которых обратил внимание Василий, начали действовать. Блондинка успела лишь набрать сумму покупки на кассовом аппарате, когда один из троих молодцов вскочил, ударом ноги сорвал дверцу бара, ворвался за прилавок и резко оттолкнул барменшу от стойки, так что она ударилась головой о резной столбик, поддерживающий полки с набором бутылок, и потеряла сознание. Вскочили и двое других парней, вошли за стойку, начали обшаривать полки, ощупали барменшу и нашли в кармашке ее комбинезончика несколько купюр достоинством в пятьдесят тысяч рублей.

— Что я говорил! — торжествующе сказал один из них, показывая купюры. — Заначила!

Посетители ресторана ошалело глядели на «рэкетиров», и не думающих убегать, но вмешиваться не решались. К бару подбежал седовласый мужчина в черном костюме, доставая на ходу сотовый телефон.

— Кто вы такие?! В чем дело? Сейчас же прекратите, иначе я вызову ми... — Договорить ему не дали. Широколицый молодой человек с толстыми губами и носом ударил его в грудь, сбил с ног, отобрал телефон и ударил ногой в бок. И в это время к ним подошел Василий.

— Проблемы, молодые люди?

— Не вмешивайся, — посмотрел на него мельком широ-

колицый, — а то проблемы будут у тебя. — Вдавил кнопку телефона, собираясь вызвать кого-то, но сказать ничего не успел, телефон вдруг словно сам собой выскочил из его руки и перекочевал к Балуеву.

— Покажи-ка документ, — сказал тот хладнокровно.

— Чего?! — вытаращил глаза молодой человек. — А ну пошел отсюда, пока цел! — Он сунул руку под мышку, и Василий с удовольствием «выстрелил» пальцем ему в шею. Посмотрел на упавшего, перевел взгляд на ошеломленных приятелей широколицего.

— Плохо со слухом, орлы? Документы есть? Только, ради Бога, не хватайтесь за пушки, а то я человек нервный и могу сильно испугаться.

— Ах ты, курва! — выдохнул тот, что ударил барменшу, выхватил пистолет... и с грохотом влип в открытую полку бара, обрушив на пол батарею бутылок. Его напарник не внял предупреждению, тоже цапнул пистолет из подмышечной кобуры, и Василию пришлось бить его в полную силу, ногой в прыжке — в подбородок, что получилось весьма картинно и эффектно. Поправив рубашку и ремень брюк, он вернулся на место и сказал пришедшему в себя седому метрдотелю:

— Вызовите милицию и посмотрите свою работницу, может, ей нужна помощь.

ОМОН прибыл на удивление быстро, Вася не успел даже доесть свой овощной стэйк. Старший группы, вооруженный автоматом, привел в чувство широколицего, пошептался с ним и подошел к Василию.

— Ты, что ли, устроил тут дебош?

— Лейтенант, — проникновенно ответил Василий, — я понимаю, что эти ребята не рэкетиры... Кстати, из какой они команды?

— Налоговая полиция, — сказал узкоглазый омоновец.

— Налоговая? — удивился Вася. — Что же это они так грубо работают? Людей избивают. По-моему, это явное превышение служебных полномочий. Я пытался им объяснить, что они не правы, но ребята не поняли, а когда мне в лицо суют пистолет, я очень огорчаюсь.

Омоновец оглядел Василия с ног до головы, чуть довернул автомат, чтобы ствол его смотрел в грудь сидящего за столиком Балуева.

— Я вижу, ты тоже парень не промах. Ксива есть?

— А как же? — усмехнулся Вася. — Только если я ее тебе покажу, ты не обрадуешься.

— А ты покажи.

— Вяжи его, Сомов! — подошел к ним помятый командир тройки налоговых полицейских. — За нападение при исполнении... я его, гада!..

Вася поднял на него похолодевшие глаза.

— Малыш, заткни хайло, не то спишут из рядов вчистую. Да и ты, лейтенант, отверни пушечку-то, ужас как я этого не люблю.

— Махни чем-нибудь, мы и отстанем, — растянул губы в улыбке узкоглазый омоновец.

Вася «махнул» — достал и спрятал в карман свое удостоверение сотрудника ФСБ.

— По делам? — убрал автомат лейтенант.

— Позвони по 09, там скажут, — ответил Вася.

Омоновец понимающе хмыкнул, отошел, поговорил с минуту с приходящими в себя полицейскими и увел свой наряд. Потянулись к выходу и молодцы в штатском, поглядывая на доедающего обед Балуева совсем не по-дружески.

— Ты мне еще попадешься... — прошипел широколицый, и Вася вдруг понял, что эта его стычка с охамевшими работниками налоговой службы, воюющими только с теми, кто беспомощен и на виду — с мелкими торговцами, киоскерами, лоточниками, барменами, владельцами небольших ресторанов, — всего лишь прелюдия к более серьезным разборкам, ценой которым может стать свобода или жизнь.

Не то чтобы с этого момента Василий стал вести себя сдержаннее и осторожнее, серьезнее, что ли, он и без напоминания извне всегда был готов к адекватному ответу, просто теперь он стал оценивать обстановку под другим углом — с точки зрения угрозы тем, с кем он подружился, и его поведение в общей картине взаимодействия Посвященных, силовых и криминальных структур, сил тьмы и света — в широком плане начинало играть какую-то особую роль.

Второй инцидент, позволивший Васе снова вспомнить о «сгущении туч над головой», произошел с ним в Парке Есенина. Машину он поставил на платной стоянке возле входа в парк, взял мороженое и прошелся по тенистым березовым и ольховым аллеям, жалея, что рядом нет Ульяны. Посидел на скамеечке у пруда, глядя, как молодежь катается на желтень-

ких катамаранчиках, потом выбрал скамеечку напротив детской площадки с аттракционами и колесом обозрения и стал наблюдать за суетой мамаш и бабушек, контролирующих своих чад.

Васе с детства была свойственна некоторая блюзовость поведения в местах отдыха и всенародных гуляний. Идиллическая картина не отягощенных заботами лиц, атмосфера праздничного ожидания каких-то приятных перемен и встреч действовали на него успокаивающе, поворачивали настроение в сторону философского осмысления бытия. Ему было хорошо, и он в ответ желал всем добра. Однако его «блюзовое» состояние длилось недолго.

К площадке подвалила толпа молодых ребят и девчат, человек пятнадцать, похожих с виду на байкеров кожаными штанами и юбками, безрукавками, майками с невообразимыми рисунками, цепями, бляхами и значками, и сразу состояние умиротворения покинуло Василия. Его эмоциональная сфера ощутила приближение темного холодного облака, полного непредсказуемо своенравных грозовых разрядов. Он хотел было уйти отсюда, чтобы не портить впечатление отдыха, но не успел. Байкеры тоже прибыли сюда отдохнуть, только понимали под этим нечто иное и называли этот процесс — оттянуться.

Они обступили площадку, стали ржать, показывая друг другу пальцами на мам и пап, бабушек и дедушек с детьми, кидать непристойные словечки (через три матерных — одно нормальное слово), свистеть, лузгать семечки и плеваться, и ощущение праздника покинуло данный уголок парка.

В принципе, если бы разговорами и смехом все закончилось, можно было бы и не обращать внимания на живущее по своим законам хамское стадо, однако байкеры с визгом и хохотом стали гоняться друг за другом, толкать детей, сгонять их с качелей и каруселей, рассаживаться в машинки автодрома и на колесо обозрения, и Вася понял, что придется вмешаться.

Он внимательно вгляделся в снующих, беснующихся молодых людей, вычислил главаря и подошел к нему, по пути купив еще одно мороженое.

Вожак банды был явно старше своих подчиненных, на вид ему можно было дать лет двадцать пять. Согнав со скамейки у песчаной горки молодых мамаш с колясками, окру-

женный тремя «телохранителями» и хохочущими размалеванными молодицами, он чувствовал себя повелителем мира — эдакая инфантильная скотина с чубчиком, выбритыми висками и затылком, в черных зеркальных очках на пол-лица.

— Убери свою кодлу, — миролюбиво сказал Вася, разворачивая мороженое. — Чего зря народ пугать? Дети все-таки.

— Ха! — удивленно выдохнул вожак, обнаружив перед собой мужика с мороженым. — Шо ты сказал?!

— Шо слышал, — тем же мирным тоном проговорил Василий, — убери кодлу и побыстрей, а то я рассержусь.

Девицы вокруг вожака перестали визжать и хохотать, замолчали и парни. Двое из них приблизились к Васе с обеих сторон, взялись за ремни и цепи. Кроме того, у них имелись кастеты, и выглядели они грозно.

— Пошел на ... и ... на ... в ... мать! — сказал вожак. — А ну-ка ... его, му... да чтобы ...ся!

В то же мгновение Вася сделал два неуловимо быстрых движения, продолжая есть мороженое, и телохранители главаря легли на траву, закатив глаза.

— Я долго буду ждать?

Вожак обалдело глянул на своих сподвижников, вскочил, еще двое парней бросились к Балуеву и отлетели назад, хватаясь за животы, сгибаясь пополам. Вася шагнул к вожаку, сорвал с него очки, вбил в открытый рот мороженое, похлопал по спине.

— Ешь, ешь, это отрезвляет.

Вожак замычал, хватаясь за рукоять револьвера, торчащего за широким поясом с заклепками. Вася ловко перехватил руку, отобрал револьвер, покачав головой:

— Ну ковбой прямо, а? Доедай, доедай, не плюйся.

Притихшие девицы хихикнули, глядя на свое измазанное мороженым божество. Парни из его окружения тоже присмирели, понимая вдруг, что шеф нарвался на силу, которую лучше не трогать.

— Доел? — Василий по-отечески похлопал по спине вожака. — А теперь командуй. Чтоб через минуту вас тут не было.

— Да я!.. тебя!.. с-су..! бл..!

Василий хлопнул вожака по ушам ладонями, тот ойкнул, замолчал, глаза его стали белыми, бессмысленными, казалось, он вот-вот хлопнется в обморок. Но обошлось.

— Ну? — ласково пошлепал его по щеке Вася. — Созрел?

— Петух... уходим... — прохрипел вожак. — Зови боев...

Один из кожаных парней с готовностью сорвался с места и, крича что-то на немыслимом жаргоне, бросился собирать «боев». Через несколько минут банда байкеров убралась с площадки, ведомая своим вожаком, имевшим вид побитой собаки. Вася смотрел ей вслед, не обращая внимания на благодарные взгляды и слова молодых мам, и снова к нему пришло ощущение сгущавшихся над головой туч, подкрепленное чьим-то пристальным, цепким, профессиональным взглядом. Кто-то наблюдал за ним издалека и намерения имел отнюдь не миролюбивые. Вася даже подумал было, что байкеры подосланы к нему специально, чтобы определить его реакцию, вычислить возможности, но проверка была слишком примитивной, да и для организации подобного экспромта требовалось время, поэтому не стоило подозревать в каждом событии руку спецслужб. И тем не менее Васе стало не по себе. Вполне могло быть, что его вели. Он был достаточно опытен, чтобы доверять своим ощущениям. Одного он только не мог понять: кто и как мог найти его в миллионном городе?

Не обнаружив наблюдателей обычными методами, что говорило об их профессиональной подготовке или об использовании электронных средств слежения, Вася неторопливо побрел к выходу из парка, решая, что делать. Когда он подошел к машине и ничего подозрительного не заметил, план действий был уже готов.

Перво-наперво Василий поехал в областную больницу, где работал Парамонов, по пути пытаясь определить «хвост». Это ему удалось: за его «шестеркой» шли две машины — стального цвета «Вольво» девятьсот шестидесятой модели и темно-зеленый джип «Ниссан-Патрол», обе — с московскими номерами. На обычную слежку подобная схема преследования не походила, ситуация пахла захватом. Оторваться от этих мощных машин Василий на своем «жигуленке» не мог и примирился с этим.

Территорию больницы он не знал, поэтому просто заехал внутрь и поставил машину у главного корпуса. Ни «Вольво», ни джип заезжать за ограду не стали, из чего Вася сделал вывод, что брать его здесь не будут. Подумал: «Ну-ну, парни, поиграем в кошки-мышки». Нашел психотерапевтическое отделение, спросил у проходящей медсестры, где находится

кабинет врачей, и предстал пред светлые очи Ивана Терентьевича Парамонова, который сидел в белом халате за пультом какого-то медицинского аппарата, похожего на детектор лжи, и разговаривал с двумя женщинами в халатах. Увидев Балуева, он извинился, встал и вышел с ним в коридор, спокойный и уравновешенный.

— Что-нибудь случилось, Василий Никифорович?

— За нами пришли.

— Рассказывайте.

Вася вкратце поделился с Иваном Терентьевичем своими наблюдениями.

— Странно, — сказал тот задумчиво. — Чтобы вот так запросто выйти на сотрудника ФСБ вашего уровня, надо всего-навсего з н а т ь, где он находится. С другой стороны, нас могли п р о с ч и т а т ь и другие наши неприятели и пустить по следу команду.

— Кардиналы Союза? Рыков?

— Рыков, Юрьев, Носовой, Мурашов... кто-то из них. Кстати, у каждого кардинала имеется свой манипул — команда профессионалов слежки, задержания и исполнения решений.

— Вы думаете, они?

— Не похоже, я не чувствую п о т о к а в н и м а н и я, то есть пси-излучения иерархов, которым отмечены их люди.

— Печать зла?

— Можно сказать и так, — улыбнулся Парамонов. — Где ваша машина?

— У входа в корпус.

— Я свою, к сожалению, дал на полдня приятелю, придется использовать вашу. Садитесь и объезжайте корпус справа, я выйду служебным ходом во двор и покажу проезд через территорию больницы. Поедем к Уле, а по пути подумаем, что можно предпринять.

— Надо еще предупредить Кристину.

— Я предупрежу, не беспокойтесь.

Парамонов вернулся в кабинет. Вася направился по коридору к выходу и сразу увидел молодого парня в спортивном костюме и куртке, входившего в здание. Тот заметил его позже, поэтому отступить не успел.

— Привет, Гриша, — широко улыбаясь, подошел к нему

Василий, протягивая руку для рукопожатия. — Сколько лет, сколько зим. Какими судьбами?

Конечно, Вася не был знаком со «спортсменом», но эффект «узнавания» всегда срабатывал безошибочно, сработал и на сей раз.

— Привет, — буркнул «спортсмен», включаясь в игру... и тут же выключаясь от мгновенного незаметного удара в лоб. Вася заботливо поддержал его, повел по коридору мимо кабинетов, приговаривая для спешащих по делам медсестер и врачей:

— Сейчас пройдет, терпи, Гриша, доктор посмотрит и вылечит, терпи...

Коридор вильнул, выводя их в холл со стульями и пальмами в кадках, где сидели двое мужчин в возрасте. Вася усадил «спортсмена» на стул, сдавил ему сухожилие на плече, спросил в ухо:

— Что за контора меня «пасет»?

Парень промычал что-то, силясь вдохнуть воздух, глаза его оставались мутными, вряд ли он соображал, что с ним случилось. Вася сунул руку ему за пазуху, нащупал кобуру и рукоять пистолета, потом обшарил карманы куртки и брюк — больные за пальмой не обращали на него внимания, — ничего не нашел и встал.

— Посиди, Гриша, я схожу за врачом.

Через минуту он сел в машину, отметив появление еще двух «спортсменов» у входа в корпус. Они ждали своего разведчика. Вася включил двигатель, медленно развернулся, но поехал не на улицу, а свернул направо, поймав движение «спортсменов»: один нырнул в здание, второй ринулся к воротам, на улицу, где стояли машины преследователей.

Иван Терентьевич вышел из двери служебного выхода, как только машина Балуева обогнула здание, сел в кабину.

— Прямо, потом у развилки налево, по серпантину вниз и мимо морга к парку... Почему задержались?

— Наткнулся на разведчика, зашел в больницу поглядеть, где я. Но ошибся. Я, между прочим, тоже. Сказать, кто и откуда, он не смог.

— Жаль. Так, здесь правее, у сарая налево. Ворота, наверное, с этой стороны заперты, я открою.

— Сидите.

Вася подъехал к деревянной решетке ворот с висячим

замком, надавил капотом, ворота с хрустом распахнулись, сломав петлю с замком. Спустя короткое время машина была уже в балке за больницей, выехала на дорогу, обогнала троллейбус номер пять, переехала мост через реку, выскочила на площадь Есенина с драмтеатром и свернула на улицу Урицкого, на которой был расположен мединститут.

— Остановитесь у ресторана.

— Но ведь Уля, наверное, в институте...

— Я ее позвал.

— Каким образом? — Вася в недоумении глянул на по-деловому сосредоточенное и спокойное лицо Посвященного, встретил его дружелюбный взгляд с ироничной искоркой в глубине и все понял. Он остановил «шестерку» у ресторана «Рязань», и в нее тотчас же села Ульяна, появившаяся словно ниоткуда, буквально из воздуха.

— Объясните, что происходит, мужчины. Доброе утро, Василий.

— Доброе утро, призрак. Нас... — Вася не договорил, заметив в зеркальце заднего вида появившиеся в конце улицы «Вольво» и «Ниссан». — Ах ты, мама моя! Вот они!

— Кто? — не поняла Уля.

— Нас просчитали, — сказал Иван Терентьевич. — Кто — неизвестно, скорее всего спецструктуры из Москвы, Васины коллеги.

— Тамбовские волки им коллеги, — пробурчал Вася. — Командуйте, куда ехать, я Рязань знаю плохо.

— А тут близенько, — повел рукой Парамонов. — Сворачивайте за угол, на Подбельского, и сразу во дворик за пятиэтажкой. Дворик там очень уютный и тихий, приятно будет беседовать.

Вася хмыкнул, понимая, что сейчас проверяется его способность думать и держаться, выжал сцепление и поехал в указанном направлении. Он не сомневался в том, что преследователи их заметили, а не промчались мимо.

— А как же Кристина? — спросил Вася, сворачивая во двор за пятиэтажным кирпичным домом сталинской постройки — с колоннами по фасаду на всех этажах, с кирпичными столбиками балконов и резными фронтонами.

— Она сейчас придет, — сказала Ульяна и первой выбралась из машины, сосредоточенная на какой-то мысли.

— Оставайтесь в машине, Василий, — сказал Иван Терентьевич, следя за тем, как во двор въезжают, переваливаясь на неровностях дороги, темно-зеленый джип и «Вольво» с затемненными стеклами. — Мы справимся сами.

Он вылез из кабины и догнал Ульяну, остановившуюся посреди двора, у каменной беседки с неработающим фонтанчиком. Вася подумал, переместил кое-какое свое спецснаряжение из бардачка в карманы брюк и рубашки, выбрался из машины и облокотился на крышу, делая вид, что любуется погодой и дышит свежим воздухом.

Захлопали дверцы машин, из них стали выпрыгивать молодые люди в спортивных костюмах и джинсах, все — в куртках, несмотря на жаркий летний день, под которыми удобно было прятать бронежилеты и оружие. Вася напрягся, не понимая, что задумали Посвященные, все-таки силы были слишком неравными: четырнадцать человек, специально обученных и тренированных, против троих, двое из которых были явно некомбатантами, но, с другой стороны, сила людей Внутреннего Круга намного превышала психофизические возможности всей группы захвата, что и показали дальнейшие события.

Вася не сразу понял, что произошло: показалось — в голове лопнула бутылка с кипятком и ошпарила мозги. Затем, спустя какое-то время, пришла догадка: Посвященные атаковали преследователей в пси-диапазоне. Он сам не потерял сознание только потому, что обладал спонтанной защитой и кое-каким запасом паранормальных сил.

Все четырнадцать «спортсменов», уже развернувшиеся в цепь, начавшие операцию захвата, попадали на землю, роняя оружие. Уснули водители машин. Люди, находившиеся во дворе дома до подъезда спецмашин, тоже потеряли сознание, и двор превратился в «асфальтовое побоище», в цирковую арену, где был успешно проведен эксперимент по коллективному усыплению зрителей.

Когда во дворе появилась Кристина, Вася не заметил. С гудящей головой он подошел к Ульяне и Парамонову, кивнул на застывших спецназовцев.

— Сколько они будут находиться в таком положении?

— Часа полтора, — ответила Ульяна, вопросительно глянув на подошедшую Кристину.

— Там была еще одна машина, — сказала подруга Соболева, — очень красивая, серебристого цвета. В кабине двое, вот документ того, что сидел за рулем. — Она протянула красную книжечку с тисненым двуглавым орлом. Вася развернул ее и прочитал:

— Майор Хасан Мустафа Ибрагимов, Управление «Т» Федеральной службы безопасности.

— Вы его знаете? — спросил Парамонов, внимательно посмотрев на затвердевшее лицо Балуева.

— Знаю, — глухо ответил Вася. — Командир спецподразделения «Стикс». Это команда Ельшина, Иван Терентьевич. Но убей меня Бог, если я знаю, как они меня вычислили! Я сейчас вернусь...

— Не стоит, — мягко удержал его Парамонов. — Они уже не причинят нам вреда.

— У меня с ним свои счеты...

— И все-таки не стоит устраивать суд здесь. Он лицо подневольное, надо выходить на его начальников.

— Это он подставил меня в Грозном. — Вася шагнул было прочь, но уловил взгляд Ульяны и словно споткнулся об него. С усилием загнал гнев и ненависть в глубину души. — Черт с ним, пусть живет. Куда теперь, господа гипнотизеры? Надо линять, а то торчим здесь, как четыре тополя на Плющихе.

Ульяна улыбнулась, провела пальцами по его щеке и первой зашагала к машине. Вскоре они выехали со двора, где на земле лежали незадачливые оперативники «Стикса», а оторопелые жители дома, вышедшие по своим делам, с испугом разглядывали неподвижные тела.

— Куда? — спросил Василий, увеличивая скорость.

— В столицу, — ответил за всех Парамонов. — Но прежде переоденемся и соберем вещи. Спешить нам особо незачем.

«На шоссе не перехватят?» — хотел спросить Василий, но вместо этого проворчал, пытаясь разрядить обстановку:

— Даже обидно, что не дали подраться...

— У тебя еще появится такая возможность, — вздохнула Ульяна, не реагируя на шутку, и Вася понял девушку, да и всех остальных тоже: никому не хотелось резко менять образ жизни, но сама жизнь распорядилась иначе. И что ждет их впереди, не знал никто.

Глава 28

КАСАНИЕ ГРАНИЦЫ

Бориса Ивановича Ивакина, полковника военной контрразведки ФСБ, убили прямо в больничной палате, днем, на глазах медперсонала госпиталя, куда его перевезли из больницы «Скорой помощи» после операции. Двое неизвестных в белых халатах, из-под которых виднелись генеральские кители и брюки с лампасами, принятые за высокое военное начальство, вошли к нему в палату вместе с медсестрой, когда телохранители полковника по какой-то причине покинули свой пост, ударили медсестру по голове, а когда она пришла в себя, Ивакин был уже мертв. В груди его торчал узкий и длинный кинжал, известный среди специалистов под названием баллок. Спасти полковника не удалось. Задержать убийц тоже. Генеральские мундиры были потом найдены в туалете на втором этаже госпиталя, а телохранители Ивакина — в том же туалете, но без оружия, в полной отключке, словно накачались наркотиками. О том, что такое их состояние вызвано излучением гипногенератора «удав», стало известно позже.

На генерала Дикого была совершена попытка нападения, едва не увенчавшаяся успехом. Он возвращался домой с работы поздно вечером в сопровождении двух телохранителей, и как только вышел из машины, раздались выстрелы. Стреляли с двух сторон: из полуподвального окна рядом с подъездом и со стороны стоянки автомашин в двадцати метрах. Телохранители генерала были убиты практически мгновенно, сам же он, владея спецтехникой передвижения в боевых условиях и воинскими искусствами, успел открыть ответный огонь и укрыться в подъезде, где его ждал еще один киллер — «контролер». Но киллеру не повезло, Валентин Анатольевич увидел его вовремя и выстрелил первым. Три пули достались и самому генералу, однако он все же уцелел.

Матвей Соболев узнал об этом поздно ночью, позвонив Дикому домой и услышав от его жены печальную весть. В задумчивости походил по комнатам, чувствуя дискомфорт, связанный с отсутствием Кристины. Он уже заметил, что острая необходимость в любимой женщине пропадает, когда она рядом, зато когда ее нет — ощущение сердечной недостаточности сводит с ума.

Сел за компьютер, поработал с каналами секретной сети ФСБ и МВД, узнал новые подробности прохождения по цепи исполнителей приказа о задержании «особо опасных преступников», одним из которых был он сам, но в голову ничего путного не шло. Перед глазами стояло замкнутое, суровое лицо «викинга» — Бориса Ивановича Ивакина, а в ушах снова и снова звучали слова Светлены: «Действуй, иначе опоздаешь...» Неужели он в самом деле не может изменить запланированный мирозданием порядок вещей? Ведь и в том, прошлом варианте бытия Ивакина убили, Дикого ранили, Илью Муромца подстрелили, и в этом повторяется то же самое, несмотря на попытки изменить ход событий и знание того, что произойдет. Или он плохо старается?

Матвей выключил компьютер, походил по непривычно пустым и тихим комнатам, бесцельно дотрагиваясь до вещей Кристины, чувствуя себя странно одиноким, потом позвонил Горшину. Однако Тараса не было дома, его автоответчик, как живой человек, с иронией посоветовал поискать хозяина в астрале, и Матвей с усмешкой бросил трубку. Но тут же поднял снова — телефон зазвонил сам. Однако голос принадлежал не Тарасу. Матвей не сразу узнал Самандара.

— Есть разговор, — сказал Вахид Тожиевич.

— Говорите, — сказал Матвей, озадаченный тем, что Самандару известен его секретный телефон с кодовым опознавателем.

— Не по телефону.

Идти никуда Матвею не хотелось, но так как Посвященные не будут звонить зря, он согласился.

— Где?

— У вас, если не возражаете, я тут неподалеку.

— Жду. — Матвей выключил телефон, прикинул варианты заинтересованности директора МИЦБИ в контакте с ним, на всякий случай сварил кофе и снова кругами пошел по квартире.

Вахид Тожиевич позвонил в дверь через двадцать минут. Вошел сосредоточенно-деловой, налитый упругой силой. Замкнутое, бесстрастное лицо его напоминало лицо игрока в покер, ведущего свою игру.

— Проходите, — повел рукой Матвей, приглашая гостя в гостиную.

— Я всего на минуту, — сказал Самандар, входя в комна-

ту, не снимая туфель, остановился у журнального столика. Матвей пожал плечами, вошел следом и встал напротив.

— Слушаю вас.

Взгляд Самандара из-под черных густых бровей был стремителен и остр, но пробить ледяную сталь глаз хозяина не смог.

— У вас есть то, что интересует и меня.

— Конкретно?

— «Черный файл». Программа вызова Конкере.

— И что же? — Матвей был неприятно поражен осведомленностью Самандара и даже прикинул, от кого тот мог узнать о походе на дачу Ельшина (Вася Баловень! Только он мог похвастаться перед Ульяной, а та сказала Вахиду...), но на лице его ничего не отразилось.

— Предлагаю свою помощь в контакте. Одному вам не справиться с проекцией Монарха, владеющей всем спектром Сил Мира.

— Я не собираюсь контактировать с Монархом, — равнодушно проговорил Матвей, мысленно добавив: «пока».

Тонкие губы Самандара слегка раздвинулись в едва заметной саркастической улыбке.

— Если бы это было так, вам незачем было бы проникать на дачу генерала Ельшина. Итак, вы не хотите, чтобы я подстраховал вас?

— Не хочу, — подтвердил Матвей.

— Вы рискуете... и даже не жизнью — свободой воли! Любой контакт с Конкере заканчивается зомбированием контактера. Вы не справитесь.

— У вас все?

Самандар бросил еще один острый взгляд — выпад воздействия на психофизическом уровне, воспринимаемый как парализующий удар по голове, но Матвей легко отвел удар «поворотом психики вокруг оси» и ответил «пощечиной» — отрезвляющим пси-уколом на частоте гашения сознания. Вахид Тожиевич отшатнулся, бледнея, он не ожидал такого владения пси-полями от какого-то там «незавершенного аватары», вдобавок не признанного Кругом.

— Всего доброго, — поклонился Матвей. — Надеюсь, вы меня поняли.

Директор Международного исследовательского центра боевых искусств провел дрожащей рукой по лбу, повернулся

и вышел из квартиры Соболева на негнущихся ногах. Он был явно потрясен.

Матвей закрыл за ним дверь, подмигнул сам себе в зеркале прихожей, не спеша прогонять всплывшую из глубин психики нехорошую мыслишку, что он еще мало проучил Вахида, потом решительно прошествовал в кабинет. Терпеть дольше с разверткой «черного файла» не было сил. Самандар, не ведая того, своим предложением спровоцировал Матвея начать работу без подготовки и подстраховки, в которых он нуждался.

С тихим гулом заработал компьютер, словно встрепенулся и потянулся проснувшийся электрический зверь. Проглотил диск CD-ROM. На экране дисплея медленно разгорелся алый иероглиф «цюань» на черном фоне. И в тот же момент что-то произошло, мир вокруг неуловимо изменился. Компьютер теперь в самом деле создавал впечатление живого существа с мощной, но нездоровой энергетикой. Затем Матвей почувствовал на себе чей-то пристальный, тяжелый, засасывающий взгляд!

Он был готов, казалось, ко всему: к мощной пси-атаке, к появлению призрака Монарха, к натиску воли Конкере, к высокоскоростному бою, наконец, — только не к тому, что произошло. Его сознание просто растворилось в кошмарно черном объеме Космоса, провалилось в Великую Пустоту, проглоченное кем-то гораздо более масштабным, чем планета Земля и даже Галактика! И Матвей не выдержал этой антиатаки, как не выдерживает боец собственного удара и после промаха падает вперед, проваливается, как говорят специалисты.

Да, он осознал свою ошибку и попытался увернуться, перейти на другие диапазоны психического состояния, однако он уже «падал вперед», проваливался с нарастающей скоростью, и его попытка лишь задержала падение на несколько мгновений...

и тотчас же он почувствовал под ногами твердую поверхность — словно кто-то подсунул ему плот...

тело пробило плот, но руки ухватились за какие-то балки и фермы, подтянули вверх тело, казавшееся глыбой мертвого металла...

балки обломились, и снова, отчаянно извернувшись, Матвей поймал брошенную «сверху» — в пустоту — веревку, за-

тормозил падение и стал подниматься вверх, уже почти не дыша, на пределе сил и воли...

голова пробила толстый слой льда, закрывшего «полынью пустоты», которая продолжала засасывать его, растворять в себе, испарять и развеивать по гигантским объемам чужого сознания...

уши взорвались от собственного крика...

грудная клетка выгнулась дугой, сотрясаемая бешено заработавшим сердцем...

глаза резануло нестерпимо ярким светом...

что-то щелкнуло...

горло перехватило такой болью, что он снова едва не нырнул в омут беспамятства...

и все стихло!

Свет в глазах померк, но последним усилием воли Матвей раскрыл их, увидел склонившееся над ним лицо Горшина и окончательно ушел, вполне осознавая, что его спасли от чего-то неизмеримо более жуткого, чем смерть!

Пришел в себя он через несколько минут, с удивлением обнаружив, что все еще сидит в кабинете перед выключенным компьютером, а рядом на гостевом диванчике удобно расположился Тарас Горшин и с видимым удовольствием пьет кофе. Заметив, что хозяин зашевелился, подал ему чашку с напитком, сваренным так, как любил варить сам Соболев, — на песке, с пенкой.

— Ну как тебе знакомство с Конкере?

Матвей отхлебнул кофе, не чувствуя его вкуса, блаженно закрыл глаза и не отвечал, пока чашка не опустела.

— Спасибо, Граф. Как это ты умудряешься везде успевать?

— Я знал, что ты захочешь распаковать файл и поговорить с Монархом, и ждал момента... тут неподалеку живет моя приятельница. Ну а дыхание Монарха не почувствовать невозможно. Я и прибежал.

— Это было... страшно!

— Представляю. Он поймал тебя на противофазе Гамчикот[1], то есть не ударил, а принял твое сознание в себя, произошло как бы вакуумное расширение твоей психики, высасывание интеллекта, ты и полетел «в бездну»... Кста-

[1]Гамчикот — Дьявольское Милосердие (Каббала).

ти, я тоже, наверное, не удержался бы, будь на твоем месте. Этот парень очень хотел подчинить тебя, и не успей я хотя бы на мгновение — ты был бы уже его авешей. Или зомби, что верней.

— Как тебе удалось меня вытащить?

— Я тебя не вытаскивал, ты вылез сам. Но ударить — ударил.

Матвей внимательно посмотрел в глаза Тараса, на дне которых мерцала неизбывная тоска.

— Хочешь сказать, Монарх «оглянулся» на твой удар и отпустил меня? Что-то не похоже. Я чувствовал не твои удары, а чьи-то вытягивающие меня руки. Это был не ты?

— Не знаю. — Тарас задумался, глотнул кофе, сказал в сомнении: — Мне тоже показалось, что...

Матвей продолжал смотреть на него, и Горшин закончил:

— У меня осталось впечатление, что я был не один. Но вполне возможно, что это было «эхо» нашего сопротивления проекции Монарха. Не бери в голову, мы победили, а это главное. Не хочешь рискнуть еще раз? Вдвоем мы поддержим друг друга и выдержим любое нападение и контрнападение.

Матвей открыл рот, чтобы сказать «нет», вспомнил визит Самандара и сказал:

— Я только сбегаю пописать...

Через несколько минут они удобно устроились в креслах перед компьютером, настроились на большое психическое напряжение, чувствуя биополя друг друга, и ввели в память машины «черный файл».

Все повторилось, как и в первый раз, от «оживания» компьютера до превращения его в сверхсущество с мощной психэнергетикой, только «всосать» в себя сдвоенную волю и сознание людей Внутреннего Круга, которыми, несмотря на обстоятельства, оставались Горшин и Соболев, проекция Монарха не смогла. И тем не менее даже в качестве собеседника Конкере был невообразимо силен и тяжел, выдерживать его в и б р а ц и ю и голос было невероятно трудно.

— Зачем ты меня вызвал, воин? — раздался в голове Матвея (Тараса тоже, но с иными интонациями) рокочущий бас. — Ты готов к сотрудничеству?

— Нет, не готов, — мысленно ответил Матвей. — Но мне нужна твоя помощь.

— В чем она будет заключаться?

— Мне нужен тхабс преодоления границы «розы реальностей».

— Зачем?

— Я инициировал эйнсоф и вернулся — по мировой линии рода — в прошлое. Однако в результате произошло резкое лавинообразное изменение Закона обратной связи...

— Всякое деяние запускает цепь причин и следствий, просчитать которые не в силах иногда даже я. Ты ошибся, понадеявшись на «высшую справедливость» мироздания, которой не существует. Допустим, я дам тебе тхабс, что ты намерен сделать?

— Изменить Законы. В сторону сил добра и света.

— Как понимаешь их ты?

— Как понимаю их я? Прекратить войну иерархов. Восстановить традиции Круга. Отделить нашу «запрещенную реальность» от «розы реальностей», чтобы никто никогда не смог вмешиваться в дела людей.

— Ты можешь взять на себя такую ответственность?

Матвей не был готов к прозвучавшему вопросу и хотел ответить честно: «Не могу», — но вместо этого кто-то сидящий глубоко внутри его вдруг вырвался на волю и высокомерно обронил:

— Кому бы говорить об ответственности, только не тебе.

— Понятно, идущий. Кажется, ты уже нашел, что искал, судя по ответу. Но знаешь ли ты, что физические тела не могут пересекать границу «розы»? Физическое тело — это устойчивая индивидуальная структура энергий материального порядка, которая просто в силу закона существования подпланов «розы» не может в них пребывать. Иное дело — сознание. Оно — тоже устойчивая индивидуальная структура, но — энергий высших порядков, поэтому проникать в другие подпланы мира может, хотя и согласно Закону восхождения.

— Мне все равно, как я перейду границу — только сознанием или сознанием в собственном теле.

— Что ж, придется подождать, нерожденный. К следующей встрече я адаптирую тхабс под твою индивидуальность. Прощай.

Голова Матвея вдруг распухла, стала огромной, будто воздушный шар, потом резко сократилась в объеме, так что глаза едва не выскочили из орбит от скорости, и Матвей осознал себя человеком, сидящим в кресле перед выключенным

компьютером. Повернул голову. Тарас Горшин внимательно смотрел на него, и в глазах бывшего комиссара «чистилища» стыли вопрос и странная тревога, которую он пытался спрятать поглубже.

— С тобой все в порядке, аватара?

— Что ты имеешь в виду, отступник?

— Ничего. — Тарас отвернулся, посидел немного в той же позе и встал. — Только то, что сказал. До встречи. Буду нужен, звони.

— Сегодня прошла неделя, как я вернулся из Чечни...

— И что?

— Почему о н и оставили меня в покое?

— Кто?

— Кардиналы Союза.

— Наверное, имеют какой-то стратегический расчет. Зато они взялись за твоих друзей.

Матвей подобрался.

— Что ты об этом знаешь?

— Рыков запустил в астрал программы ОСИП, нацеленные на изменение личностных ориентаций Парамонова и Митиной.

— Откуда ты знаешь?

— Мне он тоже прицепил «змею» ОСИП, но я ему не по зубам.

— Зачем это ему?

— Не знаю. Думай.

— Может, заночуешь?

— Нет, у меня другие планы на эту ночь.

Кивнув, Горшин ушел. Тихо щелкнул замок двери. Матвей остался один. Посмотрел на остывающий компьютер, спохватился — где CD-ROM?! Нет, вот он, на месте. Спрятал в коробку, ее убрал в тайник, оборудованный в крышке стола. Погладил пальцами стол и вышел из кабинета.

Спал он мало и плохо, все мерещился монстр, нависший над бездной, в которую Соболев падал, падал и падал, и слышался голос Монарха: хочешь стать моим помощником?.. хочешь стать?.. хочешь?..

А рано утром заявилась Кристина, невероятно красивая, теплая, свежая, мягкая, желанная, и день начался с любви, как всегда неистовой и страстной, не оставляющей времени на размышления и оценки, анализ событий и бытовые про-

блемы, продолжающейся до тех пор, пока не сработала вековая мудрость тела и не погрузила обоих влюбленных в полусон-полугрезу, в состояние, близкое самадхи — просветлению...

— Где ты была? — прошептал Матвей, не открывая глаз, чувствуя разгоряченное тело Кристины рядом.

— У своих, — долетел ответный шепот.

— Виделась с Посвященными?

— Да... тебе привет... Иван Терентьевич сказал, что знает незаблокированный вход в один из МИРов...

Матвей открыл глаза, встретил взгляд девушки, серьезный, чуть печальный, мудрый, испытующий... это был взгляд Светлены.

— Где?

— Под аэровокзалом.

— Где?! Не под храмом?

— Девятьсот лет назад на месте аэровокзала стояло языческое капище, наши предки поклонялись там Перуну.

— Понятно. — Матвей полежал немного в расслабленной позе, потом привлек Кристину к себе. — Пойдешь туда со мной?

— Пойду.

— Не спрашивая — зачем?

— Нет.

Матвей засмеялся, поцеловал девушку в губы, вскочил, чувствуя легкость во всем теле, и первым побежал в душ.

Глава 29

ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ МЫ ОШИБЕМСЯ?

В конце мая координатор Союза Девяти Неизвестных России Бабуу-Сэнгэ был вызван в Нью-Йорк куратором Союзов Неизвестных Мира Хуаном Франко Креспо, занимавшим пост Генерального секретаря ООН. Однако по вызову Бабуу-Сэнгэ не явился, и Хуан Креспо вынужден был использовать паранормальную связь, чтобы поговорить с ослушником.

Бабуу-Сэнгэ находился в своей молельне (было время вечерней молитвы), спрятанной в недрах монастыря Гаутамы, когда на него «посмотрела Вселенная» и с дуновением хо-

лодного ветра перед ним проступил колеблющийся светящийся призрак верховного куратора.

«Приветствую вас, лама» — так можно было бы перевести мысленный «иероглиф», воспринятый сознанием Бабуу-Сэнгэ. — Я не знаю причин, по которым вы не прибыли ко мне с докладом, но они должны быть весьма весомыми».

«Они о ч е н ь весомы», — смиренно ответил настоятель храма Гаутамы.

«Россия в последнее время становится территорией, слишком сильно загрязненной магией. Наблюдатели отмечают за три недели мая около полутора десятков психофизических паттернов — потрясений общего поля Сил. Если этим балуются не кардиналы вашего Союза, то кто? И почему вы не предпринимаете никаких мер к пресечению деятельности непосвященных, получивших доступ к тайнам Круга?»

«Мы принимаем меры, но, к сожалению, не всегда можем действовать открыто. К тому же непосвященные, о которых идет речь, получили помощь от Посвященных I ступени, ставших на путь отступников».

«Прекрасно! Только этого нам не хватало — чтобы знания Круга поползли за его пределы, увеличивая хаос и прецессию законов реальности. Если вы не справляетесь, почему не попросите помощи? Пусть этим путем идет координатор Союза Трех Ичкерии, он слишком молод и честолюбив, но вы-то должны знать цену промедления. Учтите, в июне состоится Всемирный Сход старейшин Круга, и если он решит, что вы несостоятельны как координатор...»

«Я понял».

«Сход ничего не забывает, ничего не прощает и никому не верит, — продолжал Хуан Креспо, — а первую скрипку в нем по-прежнему играют Хранители, которые давно бьют тревогу по поводу нигилирующей деятельности Союзов. Как долго мне ждать позитивного ответа?»

«Дайте мне три дня, куратор. Я лично займусь чисткой своей территории».

«Жду вас в пятницу с докладом». — Призрак Хуана Креспо растаял, исчез его мысленный голос, канал связи, соединивший через тысячи километров двух Посвященных Внутреннего Круга, истончился и пропал.

«Пора самому познакомиться с этим человеком — Матвеем Соболевым, — подумал Бабуу-Сэнгэ. — Уж очень сильно

им заинтересовались столь высокопоставленные лица, как иерархи. Кто он такой? Откуда пришел? Как получилось, что он овладел знаниями Круга, не пройдя Посвящения?.. Но прежде надо поговорить с Везирханом. Ошибся босс Чечни, недооценил противника, зато должен знать о Соболеве то, чего не знаю я...»

Бабуу-Сэнгэ сосредоточился и вошел в зыбкое марево астрала, пронизывающее всю Землю, чтобы найти канал связи с Везирханом Шароевым, президентом Чечни, координатором Союза Трех Неизвестных.

* * *

Василий подъехал к дому Горшина рано утром, в начале девятого, но оказался последним. Парамоновская «девятка» уже стояла во дворе дома, что говорило о прибытии Посвященных точно по договору. Правда, у Балуева было оправдание: он встречался с генералом Первухиным, которому рассказал о схватке с командой «Стикса» в Рязани и о попытке розыска силами милиции «опасных преступников», среди которых значился и он сам. Первухин знал о розыске, а также о том, кто, по его мнению, был инициатором, и пообещал «прекратить безобразие».

— Дни Генриха сочтены, — сказал он в напутствие. — Дикой встречался с директором и передал ему пакет документов о деятельности Ельшина, от которого Бондарь едва не поседел. Заведено уголовное дело, эхо идет по всей Москве, уголовщина готовится к чистке. В общем, заварил твой приятель кашу. Так что в скором времени выяснится и твоя несостоятельность, капитан, как преступника. Но какое-то время я тебе советую не высовываться. Как вам удалось отбиться от «Стикса»? Неужто Ибрагимов сплоховал?

— Мы оказались круче, — усмехнулся Василий, пожимая руку начальнику Управления спецопераций, которому тоже грозило привлечение к ответственности за прошлые грехи — участие в разработке «Перехвата», и отбыл на встречу с друзьями, прекрасно осознавая, что ему-то как раз придется постоянно «высовываться», а не прятаться по схронам ФСБ.

В доме Тараса его встретила тишина. Посвященные сосредоточенно пили чай и о чем-то размышляли. Не подня-

лась навстречу гостю даже Ульяна, что Васю слегка обидело, однако уже через полминуты он понял, в чем дело.

— Что за унылый вид, господа супера? — осведомился он, появляясь в гостиной; защита дома пропустила его без звука. — Кого хороним? Все живы-здоровы, от погони ушли, все вместе, полны решимости изменить жизнь к лучшему — и траур на лицах!

— Соболев зомбирован, — тихо проговорила Ульяна.

— Это и раньше было известно, — сбился с тона Василий.

— Тарас встречался с ним ночью... Матвей пытался установить контакт с Монархом в одиночку и едва не поплатился свободой воли. А он знал, что одному это делать опасно, и все-таки открыл «черный файл».

— Ну и что?

— Ясно, что в его психике происходят необратимые изменения, активируемые программой Удди, которую пентарх внедрил в подсознание Соболева. Надо срочно что-то предпринимать, иначе мы опоздаем.

— Но ведь мы же наметили... — Вася обошел стол и сел рядом с Улей на диван. Настроение его упало.

— Наметили, — неопределенно дернула плечиком Ульяна. — А теперь сомневаемся. Что будет, если мы ошибаемся? Ты можешь представить?

Вася подумал.

— Могу. Вместо аватары получим «антиаватару». Но разве есть другой путь — как помочь Соболеву?

— Другого пути нет, — сказал Иван Терентьевич. — Только шактипат. Но справимся ли мы, я не уверен.

— Справимся, — уверенно пообещал Василий.

Ульяна улыбнулась.

— Васенька, если мы проиграем этот виртуальный бой, может быть, и выживем, но наверняка превратимся в рабов, в зомби-солдат Соболева.

— Кристина говорила — мы его спутники, спутники аватары... Кстати, она обещала попросить помощи у Хранителей. Они что, отказали?

— Они никогда не говорят твердое «да» или «нет». Мы можем только надеяться на их помощь, не больше.

— А где Кристина?

— Дома. Она говорила с Матвеем и сообщила координаты

МИРа, который открыли по ее просьбе Хранители. Соболев собирается идти туда уже сегодня.

— Тогда в чем дело? Вперед! Мы должны появиться там раньше, если хотим что-то сделать. Сидением и колебаниями делу не поможешь. Есть старое студенческое правило: боишься — не делай, а сделал — не бойся.

Посвященные переглянулись, обмениваясь улыбками, но Вася уже чувствовал их отношение к нему и видел, что улыбки — дружелюбные, одобряющие. Он, далеко еще не человек Круга, был принят в семью Посвященных как равный.

— Устами младенца глаголет истина, — сказал Тарас, отставляя чашку. — Сверим часы, господа... спутники. М-да. Сейчас половина девятого. В половине одиннадцатого встречаемся на аэровокзале. Переодевайтесь, экипируйтесь, у меня вы найдете все, что нужно, а я убываю по делам. Надеюсь, мы не совершаем ошибку.

Горшин ушел, хлопнув Васю по плечу. Посвященные кончили пить чай и теперь разглядывали Балуева, будто видели его впервые. Кошачьи лапки пробежались у него под черепом, щекотно поглаживая мозг, проникая в глубины сознания. Он напрягся, ощущение «кошачьих лап» прошло.

— Наш человек, — одобрительно проговорил Парамонов, вставая, и, тоже потрепав Балуева по плечу, вышел из гостиной.

— Что вы меня успокаиваете как маленького, — проворчал Василий. — Я не слабее каждого из вас.

— В том-то и дело, что слабее, — вздохнула Ульяна, придвинулась ближе, положила руку ему на колено, заглянула в глаза. — Не обижайся, Балуев. Ты даже представить не можешь, с чем тебе придется столкнуться.

— Я не один, я с вами, и мы отобьемся, — убежденно ответил Василий.

Ульяна слабо улыбнулась и поцеловала его в щеку.

Глава 30

ШАКТИПАТ

Парамонов поставил свою машину рядом с Васиной, припаркованной справа от здания аэровокзала, и перебрался к нему в кабину, где уже сидела Ульяна. Девушка была одета в джинсы, футболку и куртку, мужчины выглядели экзотич-

ней: на Васе красовался темно-синий комбинезон с надписью на спине «Техническая служба», Иван Терентьевич выбрал в гардеробе Горшина мундир полковника милиции.

— Что-то я машины Тараса не вижу, — сказал Вася.

— Подождем, — отозвался Иван Терентьевич, — он сам нас найдет.

И в это время в машину внезапно подсел какой-то проходивший мимо мужчина в белом костюме, Вася даже не успел среагировать. Оглянулся на незнакомца и только сейчас признал в нем Вахида Тожиевича Самандара.

— Вахид? — изумленно глянула на Посвященного Ульяна. — Что ты здесь делаешь?

— Жду вас, — невозмутимо ответил Самандар. — Хочу предостеречь. Я знаю, что вы собираетесь депрограммировать Соболева, так вот — вам не удастся это сделать.

— Почему?

— Я встречался с ним... недавно... Он вышел на уровень Элохим Гибор, хотя сам и не осознает этого, вы же все вместе едва ли способны реализовать иерархию Сил света Цафкиель на уровне Иеговы Элохим.

В кабине Васиной «шестерки» повисло молчание. Потом Парамонов повернул голову к Самандару:

— Присоединяйся к нам, Вахид. Твоя помощь будет очень кстати, вместе мы нейтрализуем зомби-программу Удди.

Самандар покачал головой:

— Вы слепцы. Он поглотит ваши души, как поглотил его душу пентарх, не поможет вмешательство и более сильного иерарха, чем я.

— Значит, ты не пойдешь с нами?

— Нет. — Самандар помолчал, глядя в окно на привокзальную суету, с усилием заставил себя посмотреть на разглядывающих его Посвященных. — Уля, не ходи хотя бы ты. Иван, отговори ее.

Ульяна сверкнула глазами, перехватила косой взгляд Василия и проговорила:

— Спасибо за заботу, Вахид. Но я привыкла решать за себя сама. Не хочешь идти с нами — уходи.

Самандар несколько мгновений смотрел прямо перед собой (Вася чувствовал спиной его взгляд — будто на спину лег тяжелый камень), затем открыл дверцу и, ни слова не говоря, вышел, пересек площадь, исчез.

— Откуда он знает, что мы собрались здесь для похода в МИР? — спросил Вася.

— Я тоже думаю об этом, — признался Иван Терентьевич.

— Он изменился, — тихо, как бы извиняясь, проговорила Ульяна. — Не понимаю, в чем дело, но он таким индивидуалистом не был.

— По-моему, все ясно, — проворчал Василий. — Он просто ревнует тебя ко всем... хотя и волнуется, конечно, за твою жизнь.

— Психолог... — усмехнулась Ульяна с грустью.

— Жаль, что он не с нами, — сказал Иван Терентьевич. — Было бы намного легче.

— Неужели это такое трудное дело — декодирование? — посмотрел на него Вася. — Вы же способны загипнотизировать сотню человек сразу, а Соболев — один.

— Во-первых, процесс декодирования сродни экзорцизму — «изгнанию дьявола», требующему досконального знания предмета и колоссального расхода душевных сил, во-вторых, Соболев — не обычный человек, в которого «вселился дьявол».

— Так что же теперь, обняться и плакать? Откуда уныние в наших рядах?

— Мы не унываем, — улыбнулся Парамонов. — Просто не хотим упускать ни одного шанса. Пойдемте, Тарас уже ждет нас у служебного входа.

Вася хотел спросить: «Откуда вы знаете?» — но прикусил язык, вспомнив, с кем имеет дело.

Тарас, одетый в почти такой же комбинезон, что и Василий, только черного цвета и с надписью «Водонадзор», прохаживался с чемоданчиком у решетки забора за зданием аэровокзала, где кончалась зона посадки в автобусы, развозящие пассажиров по аэропортам. Увидев подходивших «полковника» и «техника» в сопровождении Ульяны, он молча повернулся и исчез за калиткой забора, замок которой сам же, наверное, и открыл. Свернул направо, во дворик одноэтажного служебного строения, заполненный желтыми автокарами, скипами и грузоподъемниками, остановился у крышки канализационного люка.

— Лучше всего войти в сеть канализации здесь, по ней мы пройдем под здание и спустимся на уровень водостока. Вход в МИР где-то там.

Вася оглянулся на рабочих привокзального хозяйства, снующих по двору, но не обращавших на них внимания, и Тарас, перехватив его взгляд, сказал:

— Они нас не видят, не волнуйся.

— Я и не волнуюсь. А Соболев здесь не проходил?

— Я бы почуял. Да и Кристина сообщила, что они появятся примерно после обеда, успеем занять позицию. Я иду первым, потом Иван Терентьевич и Василий, Уля пойдет замыкающей. Если кто встретится под землей, не обращайте внимания, до спуска в МИР боевых действий не предвидится.

— Если только о нашем походе не пронюхают доблестные кардиналы вашего поганого Союза... — пробормотал Вася.

— Почему они должны пронюхать?

— Узнал же об этом каким-то образом Самандар.

Тарас, без усилий выдернувший крышку люка и собиравшийся спуститься в колодец, остановился, посмотрел на Парамонова.

— Он встретил нас, — кивнул Иван Терентьевич. — Но я не знаю, каким образом ему удалось узнать о походе. Возможно, от Кристины.

— Это плохо. — Горшин пощипал пальцами подбородок. — Но менять что-либо уже поздно. — Он ловко прыгнул в люк.

Остальные двинулись следом. Вася помог Ульяне закрыть крышку и полез вниз по скобам в полной темноте, пока не добрались до дна канализационной трубы, где зажег фонарь. Включил фонарь и Горшин, хотя мог бы обойтись без света, перейдя на инфразрение. Однако в светомаскировке не было нужды, вряд ли под зданием аэровокзала, в канализационных и вентиляционных сетях, кипела жизнь.

Сгибаясь в три погибели, по щиколотку в жидкости, которую трудно было назвать водой, они достигли коллектора и выбрали другую трубу, чуть большего диаметра и почти сухую. Метров сорок шли по ней, гулко усиливающей каждый шорох, пока не свернули и не уперлись во второй коллектор, где нашли очередной колодец, опустивший их на дно бетонного короба — тоннеля, захламленного какими-то картонными коробками, битым кирпичом, тряпками и бумагой. Впечатление было такое, будто здесь недавно жили люди. Впрочем, так оно, наверное, и было, место явно было облюбовано бомжами, а может быть, и бандитами.

Как Тарас ориентировался в подземных коммуникациях, Вася не понял, сам он, наверное, давно заблудился бы, однако отряд шел уверенно и быстро и через сорок минут со времени начала спуска под землю остановился у металлической решетки, закрывающей квадратное отверстие в стене тоннеля. Но Тарас разглядывал не решетку, а стену напротив, поглаживая ее рукой.

— Здесь, — сказал он уверенно. — Чувствуете?

Иван Терентьевич повел рукой в круге света, не касаясь стены. Сказал негромко:

— Да, это печать Хранителей.

— Ну и как мы здесь пройдем? — осведомился Василий. — Или ты взял взрывчатку?

— Если Кристина договорилась с Хранителями, то вход откроется, — сказала Ульяна. — Попробуем?

Посвященные замолчали, пристально глядя на бетонную стену тоннеля, и произошло то, чего Вася не ожидал: на стене проступил вычерченный тонкими светящимися линиями прямоугольный контур, затем прямоугольник этот пошел трещинами и осыпался кусками бетона, обнажив отсвечивающий в луче фонаря шелковой зеленью, голубизной или фиолетовым блеском — в зависимости от угла зрения — выпуклый овал. Больше всего этот овал напоминал крыло жука, увеличенное в сто с лишним раз.

Тарас дотронулся до овала рукой и вдруг шагнул в него, как в воду, свободно пронизав твердую на вид поверхность. Иван Терентьевич без колебаний последовал за Горшиным. Ульяна оглянулась на ошарашенного Балуева, дернула за рукав.

— Шагай, ганфайтер, это сейчас не дверь, а ее иллюзия.

Василий сделал внутреннее усилие и вошел в «крыло жука», ожидая удара лбом о твердый материал двери, но без всяких эффектов миновал ее и оказался в каменном склепе с квадратной дырой люка в полу, из которого был виден отсвет фонаря; Горшин и Парамонов уже спустились в колодец, стены которого были сложены из все тех же «крыльев», отсвечивающих бронзовой зеленью.

Вниз вели не скобы, а штыри из материала, похожего на фарфор, шершавые и теплые на ощупь. Спускаться по ним было легко, вскоре отряд преодолел около полусотни метров, пока не очутился в небольшом зале с каменными, грубо

обработанными стенами. На всем протяжении спуска воздух в колодце был достаточно сух и свеж, из чего Вася сделал заключение, что тот, кто проделал ход, позаботился и о вентиляции.

— Соболев пойдет этим же путем? — спросил Вася, посторонившись, чтобы пропустить Ульяну. — Или есть другой путь?

— Хранители наверняка знают и другой, — сказал Иван Терентьевич, — но открыли только этот.

— А если Соболев унюхает, что мы прошли до него?

— Я «замела» следы, — успокоила Балуева Ульяна. — Он, конечно, почувствует, что кто-то проходил, но не сможет опознать.

— Долго нам еще спускаться?

— МИР уже близко. А ты хорошо представляешь, что ожидаешь увидеть? — полюбопытствовал Тарас.

— В общем-то... не совсем, — смешался Василий. — Но из рассказа Соболева все же вырисовывается нечто вроде старинного замка.

Посвященные обменялись веселыми взглядами, впрочем, не задевшими Васиных чувств, и Горшин скомандовал:

— Поехали!

В то же мгновение пол искусственной пещеры провалился под ними, вернее, просто исчез, и люди посыпались вниз, в распахнувшуюся темную пропасть. Падение, однако, длилось недолго. Ноги Васи, а затем и седалище коснулись гладкой и скользкой поверхности какого-то круглого желоба, и он заскользил по нему вниз с головокружительной быстротой, сначала пытаясь удержаться — чисто рефлекторно, потом бросил эти попытки, обнаружив, что Ульяна скользит рядом, прижатая к нему закруглением желоба. Естественно, ему ничего не оставалось делать, как обнять девушку, чтобы предохранить от столкновения с возможными препятствиями. Так они и вылетели в гигантский зал МИРа, обнявшись, где нашли-таки препятствие, оказавшееся Иваном Терентьевичем.

Вскочив, Вася помог встать Ульяне и, открыв рот, уставился на грандиозное сооружение в центре зала, источавшее тусклое желто-медовое свечение.

Высота сооружения достигала метров ста (пещера была еще выше!), и больше всего оно напоминало колоссальную

сосновую шишку с раскрытыми чешуями, выплавленную то ли из стекла, то ли из янтаря. Но форма шишки не довлела над этим чудом природы, созданным разумными Инсектами миллионы лет назад, оно было гораздо сложней и гармоничней. Каждая чешуйка шишки состояла из множества более мелких чешуй, создающих впечатление шерстистости и мягкости, основания чешуй собирались в складки, пронизанные шестигранными порами, а все вместе создавало ощущение такой гармонии и эстетического восторга, что невозможно было оторвать от сооружения глаз.

— МИР галиктов, — негромко сказал Иван Терентьевич, тоже зачарованный видом замка Инсектов, — разумных пчел. Такой я вижу впервые.

— Я тоже, — прошептала Ульяна, дотронулась до замершего Васи. — Ну, как тебе замок?

Василий не ответил, поглощенный созерцанием «гнезда» разумных пчел, бережно сохраненного иерархами Круга.

— Идите сюда, — раздался гулкий, сопровождаемый эхом голос Тараса. Он был единственным, кто не увлекся разглядыванием творения древних насекомых.

— Очнись, Балуев, — толкнула Ульяна Васю в плечо. — Еще успеешь налюбоваться.

С трудом сбросив оцепенение, заставив себя оторваться от диковинного зрелища, Василий поспешил за спутниками, собравшимися у шестиугольной дыры входа в основании «гнезда», через которую в него свободно мог въехать трейлер.

— Это не пустой МИР, — сказал необычно напряженный и сосредоточенный Горшин, — он полон Великих Вещей Инсектов. Во всяком случае, «саркофаг» матки-царицы галиктов и пчелиный вариант «Иглы Парабрахмы» в нем имеются. Я даже не понимаю, почему Хранители согласились разблокировать вход именно в этот МИР.

— Значит, у них были свои расчеты, — резонно заметил Вася, затем посмотрел на Ульяну и признался: — До сих пор голова кругом! Действительно, я представить не мог такую... такую величавую красоту! Кстати, кто-нибудь знает, как мы будем выбираться отсюда? По этому скользкому желобу взобраться наверх невозможно.

— Выберемся, — обнадежил его Иван Терентьевич.

— Вполне оптимистическое утверждение, — кивнул Вася. — Ну а что мы будем делать теперь?

— Ждать, — сказал Тарас. — Соболев наверняка захочет взглянуть на трон царицы галиктов, вот там, в «царском тронном» зале, мы и будем его стеречь.

Повернувшись, Горшин первым направился в глубь замка галиктов.

Ориентироваться внутри «гнезда» разумных пчел было довольно легко, в большинстве своем его ходы закручивались спиралями вокруг центральной оси коридоров и вели в зал, где некогда обитала царица-матка, управляющая деятельностью семейства. Стены здания светились везде одинаково и, хотя не рассеивали мрак, все же давали достаточно света, чтобы не спотыкаться о выступы пола и не цепляться за ребра стен. Единственное, что мешало идти быстро, — закругление пола: коридоры здесь в сечении были шестиугольными или овальными.

Через четверть часа ход вывел группу в тронный зал дворца галиктов, и Вася снова остановился, пораженный гигантским помещением необычной — яйцеобразной — формы, стены которого представляли собой сложные лепестковые и чешуйчатые наплывы, переходы и пересечения, перепонки и стебли, сходящиеся вверху на высоте двадцати метров и образующие своеобразный шатер. Даже неопытному глазу было видно, что строители дворца людьми не были.

В центре зала располагался сам «трон» — исключительно красивая «роза» из янтарных растяжек и перепонок, охватывающих центральный кокон трона — светящийся «саркофаг» царицы, словно слепленный из золотистой пыльцы. Рассматривать кокон, шатер и убранство зала можно было бесконечно, и, если бы не спутники, Вася не скоро оторвался бы от удивительной картины.

— Рассредоточиваемся, — сказал Горшин, чей голос взлетел к своду зала и вернулся тонким жалобным вскриком. — Здесь легко спрятаться, выбирайте перепонку-лепесток и становитесь. Вася, что бы ни происходило — не вмешивайся. Единственное, чем ты можешь помочь, — закрыть свой мозг, не думать, иначе он тебя услышит. Представь, что вокруг твоей головы...

— Так? — сказал Вася, напрягаясь.

Горшин прислушался к своим ощущениям, пытаясь настроиться на мыслеволну Балуева, с некоторым удивлением кивнул.

— Молодец! Все-таки в этом юноше дремлет тигр Круга. С Богом, сударь мои!

Иван Терентьевич безмолвно пересек зал, исчез за одной из чешуй стены. Горшин взошел на возвышение трона и скрылся за саркофагом.

— Иди, Васечка, — тихо проговорила Ульяна, зябко вздрагивая, словно от дуновения холодного ветра. — И держись изо всех сил.

Вася мгновение всматривался в ее ставшие огромными и темными глаза, вдруг поцеловал в губы — девушка не ответила, но и не отстранилась — и зашагал по ребристо-узловому, напоминавшему корневую систему дерева полу в противоположную от Парамонова сторону. Постояв немного, заняла позицию и Ульяна. По залу царицы галиктов поплыла невесомая, насыщенная призрачной жизнью и тенями прошлого тишина...

То ли Вася задремал, то ли перестарался с «блокированием» собственной мысленной сферы, только он пропустил момент появления Соболева. Казалось, военный контрразведчик возник в центре зала внезапно, как призрак. И в тот же момент его атаковали Посвященные, не давая возможности оглядеться и подготовиться к атаке тому, кто владел его подсознанием, — информационно-энергетической матрице пентарха Удди.

Это нельзя было назвать боем — в том ракурсе, как понимал его Василий. Удары, каждый из которых мог бы парализовать волю любого нормального человека, наносились мысленно, на психофизическом уровне, но энергия этих ударов была столь велика, что, вырвись она на волю, перейди на материальный уровень, — могла бы разрушить не только трон, но и весь дворец Инсектов. Но даже в чувственном диапазоне, доступном Балуеву, каждый удар воспринимался им как судорога пространства, как удар по голове, и некоторое время он только защищался как мог, пока не стал воспринимать действительность и видеть, что происходит.

Посвященные вышли из укрытий и приближались к Соболеву с трех сторон, напоминая слепых: шли они с закрытыми глазами. Их лица и вытянутые вперед руки светились изнутри розовым светом, так что казалось, идут не люди, а стеклянные статуи. Тело Соболева тоже светилось, но иначе — в фиолетово-зеленом диапазоне спектра, и свечение это

имело форму странного существа — получеловека-полунасекомого. «Демон необъяснимого!» — вспомнились Васе слова Самандара.

Воля Соболева-человека была сломлена объединенными усилиями Горшина, Ульяны и Парамонова, но воля и интеллект Соболева-пентарха держали его в подчинении, и справиться с ней, с зомби-программой Удди, Посвященные не могли. Их сил не хватало, чтобы сдержать жестокий натиск воли пентарха, владевшего даже в состоянии «проекции», бесплотной тени, энергиями, на порядок превышающими энергию людей Круга. И тем не менее они продолжали борьбу, отбивая атаки Соболева-монстра и отвечая выпадами, продолжая искать брешь в его обороне, пытаясь расшатать внимание, «поддеть» чужое сознание и выбросить за пределы сознания хозяина.

Кто-то помог им...

От острого укола Соболев отшатнулся, оглядываясь в поисках нового противника.

Огляделся и Василий, увидев вдруг в одном из отверстий-входов зала Самандара, а в другом Кристину.

Но и вмешательства Вахида Тожиевича (Кристина давно вела борьбу с Матвеем наравне с Посвященными) не хватило, чтобы склонить чашу весов в пользу Посвященных. Они не знали, что им помогает еще одна сила — эгрегор Хранителей, однако, если бы и знали, ничего изменить уже не имели возможности. И в этот момент Соболев сделал шаг к «саркофагу» — один, другой, третий... Он шел, а Посвященные, отдающие все силы, в том числе и физические, борьбе на пси-уровне, не могли даже сдвинуться с места.

— Вася! — донесся до слуха Балуева измученный тонкий голос-стон Ульяны. Впрочем, это был м ы с л е н н ы й зов, Василий лишь потом, спустя несколько часов, понял это, а сейчас, не раздумывая больше, разрывая опутавшую тело паутину чужого приказа «не вмешивайся!», бросился вперед и встал на пути Соболева, содрогнувшись от того, что увидел. У Матвея было страшное лицо человекодьявола, равнодушного ко всем человеческим переживаниям, страстям, скорбям и желаниям, жаждавшего достичь цели любой ценой и способного ради этого разрушить Вселенную!..

Он надвигался на Василия медленно, неотвратимо, с пылающими т ь м о й глазами, в которых клубилась смерть, а

Вася, не в силах отвести взгляда от его лица, стоял беспомощный, легкий и пустой, как воздушный шарик, и ждал приговора... взмаха... удара... и готов был умереть от любого жеста, даже просто от дыхания приближающегося монстра.

«Если он доберется до «Иглы» — мы пропали!» — всплыла вдруг в звенящей пустой голове Васи чья-то — не его! — мысль. Затем вспыхнула другая: «Не вмешивайся, дурачок, пропадешь!»

Гул в голове, кружение, вспышки, волна боли в суставах по всему телу...

И снова: «Если он войдет в саркофаг и включит «Иглу Парабрахмы» — произойдет катастрофа!»

Вася отступил на подгибающихся ногах, не в силах терпеть боль. Удар по голове, искры в глазах, чей-то насмешливый голос: «Теперь ты знаешь, о чем пищат устрицы, когда их едят...» И тонкий-тонкий шепот на грани писка: «Ва-а-ася...» — голос Ульяны...

Голос Ульяны!

Вася ударил себя кулаком по губам, почувствовал соленый вкус крови, яростно тряхнул головой, освобождаясь от пут внушения, и послал свое непослушное тело навстречу целеустремленно двигавшемуся Соболеву, нанося ему в полную силу удар в грудь, с выплеском энергии космек, не осознавая, но инстинктивно делая единственно правильный выбор.

Ответный пси-удар превратил его в безвольную куклу, и исхода боя он уже не увидел, потеряв сознание, но именно в тот момент, когда пентарх Удди о т в л е к с я на ответ атакующему в физическом плане, раздраженный препятствием, Посвященным удалось вклиниться в образовавшуюся «щель» в сознании Матвея-Удди, вцепиться в информационную структуру матрицы пентарха и нейтрализовать ее вспышкой энергии Эл.

Соболев упал вслед за Василием, сразу перестав светиться и потеряв сходство с «насекомодьяволом». Но и его противники не удержались на ногах, израсходовав все силы. Устояли только двое: Самандар, пришедший позже, да Кристина, с трудом доковылявшая до Матвея. Она склонилась над ним, села рядом, положив руку на голову и закрыв нестерпимо сверкавшие глаза. Тогда и Ульяна, не имея сил на то, чтобы встать, подползла к Балуеву и точно таким же движением положила руку ему на холодный лоб. Проговорила еле слышно:

— Помогите...

Иван Терентьевич, виновато улыбаясь, встал, подошел к ней, наклонился над телом Василия, но не удержался и сел рядом, прижал ладони к груди. Горшин, присевший на корточки, некоторое время смотрел на них, безмерно усталый и отрешенный, потом очнулся, подошел к Соболеву.

— Надеюсь, мы справились с ним. Как он?

— Сердце бьется, — глянула на Тараса снизу вверх Кристина. — Больше я ничего не знаю. Боюсь смотреть.

— Все будет хорошо, — раздался вдруг чей-то мягкий и одновременно звучный голос, и в зал царицы пчел вошел высокий старик в сером плаще с откинутым капюшоном. — Мы победили. А теперь немедленно уходите. Все.

— Кто вы? — сдвинул брови Горшин.

— Я Хранитель этого МИРа, можете называть меня Матфеем.

— Почему мы должны уходить?

— Всплеск Сил уровня Эл и Элохим Гибор не может быть пропущен ни наблюдателями Круга, ни кардиналами Союза, ни иерархами. Здесь вас не должен видеть никто. Уходите.

— Но Соболев...

— Оставьте его. Он нуждается в особом уходе. Я позабочусь.

— Я останусь с ним, — твердо заявила Кристина.

Хранитель посмотрел на нее внимательно, едва заметно улыбнулся.

— Хорошо, оставайтесь. Остальные — наверх!

Горшин и Парамонов переглянулись.

— Что с ним? — указал глазами на Балуева Тарас.

— Сейчас придет в себя, хотя досталось ему крепко. Не понимаю, как он выдержал прямую атаку! Как будто специально тренировался капсулировать свою «И».

Василий пошевелился, со стоном открыл глаза.

— Где... я?

— В гостях у пчелиной царицы. — Ульяна поцеловала его в подбородок, помогла приподняться. — Вставай, герой. Пора домой. Видишь — даже стихами заговорила.

Иван Терентьевич подставил Васе плечо, помог встать на ноги и повел к выходу из зала. Проходя мимо Соболева, Вася задержался, глаза его окончательно прояснились.

— Он... жив?

— Живой, — улыбнулась через силу Кристина. — Идите, мы догоним.

Поддерживаемый с двух сторон, Василий вышел из зала через «центральный» тоннель, в котором уже скрылся Самандар. Оттуда прилетел голос Ульяны: «Балуев, признайся, ты случайно не авеша иерарха? Ты же отбил мощнейший выпад Силы Элохим Гибор...» — и все стихло.

Матфей проводил уходящих взглядом, подошел ближе к лежащему Соболеву и стал смотреть на него, пока тот не открыл глаза.

— Он чист, — сказал Хранитель. — Шактипат состоялся. Вам удалось дезинтегрировать наведенные Удди структуры. Но избравший Путь Избегающего Опасности не должен ошибаться, слишком велика цена.

— Спасибо... вам, — прошептала Кристина, глотая скатившуюся по щеке слезу. — Я думала, что мы его потеряем... что он станет... хорошо, что все позади.

— Не все, — покачал головой Матфей. — Вам еще не раз предстоит напрягать все силы и страдать, чтобы взломать дверь, ведущую в царство недостижимого.

— Я знаю... поэтому я с ним.

— Возьмитесь за его руки.

Кристина послушно сжала руки Соболева, Матфей коснулся своими ее плеч, и все трое исчезли. Хранитель принадлежал к касте Посвященных III ступени, то есть к Мастерам, и владел таинством мгновенного перемещения в пространстве.

Глава 31

РЕАБИЛИТАЦИЯ «СТИКСА»

Координатор Союза Девяти Неизвестных редко покидал свою обитель на Алтае, а если и покидал — мало кто знал или догадывался об этом, даже кардиналы Союза. Но на этот раз он прилетел в Москву не только для решения личных дел, но и для рандеву с высокопоставленными чиновниками государства Российского, в качестве которых подвизались Герман Довлатович Рыков, Юрий Венедиктович Юрьев и Хейно Яанович Носовой.

Полдня Бабуу-Сэнгэ провел, разъезжая по Москве в ли-

музине с бронированными стеклами, принадлежащем Союзу Девяти (такие лимузины — «SAAB», «Роллс-Ройсы» и «Кадиллаки» — с «крутыми», правительственными, номерами и мигалками, ждали координатора в каждом аэропорту), изредка высаживаясь: то на Лубянке — у зданий ФСБ, то на Краснопресненской набережной — у «Белого дома», то на Васильевском спуске — у Кремля. Везде он встречался со своими людьми и получал от них информацию. Только после этого, проанализировав ситуацию в столице, Бабуу-Сэнгэ вышел на связь с кардиналами и назначил всем троим встречи в разное время и в разных концах города. С Юрьевым он встретился прямо в его кабинете советника президента по национальной безопасности, расположенном на втором этаже здания президентской администрации — бывшего Дома Советов на территории Кремля. Естественно, охрана Кремля пропустила координатора беспрепятственно, так как никого не видела.

Юрьев уже получил сигнал от своих наблюдателей, контактирующих с людьми Бабуу, о появлении главы Союза, поэтому звонку не удивился и к встрече приготовился.

— Вы здесь — значит, что-то случилось, — поднялся он из-за стола, встречая гостя посреди роскошного кабинета с мебелью из карельской березы и кожаными креслами. Не протягивая руки, они поклонились друг другу.

— По двум причинам пришлось совершить воздушное путешествие, — сказал Бабуу-Сэнгэ, одетый в самый обычный халат буддийского монаха. На груди его висела на массивной золотой цепи квадратная бляха «нагрудника справедливости», на которой были выгравированы Тайдзокай и Конгокай-мандалы. «Нагрудник справедливости», по сути, представлял собой магический талисман, сотворенный еще перволюдьми, и обладал силой, способной защитить хозяина от посягательств на его жизнь.

— Первая причина — Соболев, — продолжал координатор. — Он продолжает «колебать» реальность и становится непредсказуемо опасен. Вторая причина — вчерашний мощный всплеск пси-полей на территории Москвы. Я полагаю, что произошло столкновение между людьми Круга с использованием пятой Силы Бога Элохим Гибор в иерархии Голаб. Что вы знаете об этом, Юрий Венедиктович?

Юрьев усадил гостя в кресло, сам же остался стоять напротив в почтительной позе.

— По моим оценкам, нашу реальность посетил Удди, хотя и не в прямом виде — проекционно. Только он владеет Элохим Гибор в иерархии Голаб и Самаэль. По-видимому, у него произошел конфликт с Посвященными, о которых вы говорили, на территории одного из МИРов под Москвой, но почему это случилось, как им удалось получить доступ в заблокированную зону, я сказать не могу.

— Так узнайте.

— Делается все необходимое. У Германа Довлатовича родилось предположение, что в момент... э-э... волнений названных вами Сил Соболев получил тхабс... если под этим подразумевать знание резонансного перехода из одного состояния в другое, то есть формулу волнового преобразования.

— Это было бы... весьма нежелательно.

— Я понимаю.

— Вы владеете тхабсом?

— Нет.

— А Рыков?

— Не знаю. По-моему, тоже нет. В свое время Хранители сделали все, чтобы засекретить формулу тхабса... и Знания Бездн. Вот они — знают.

— В принципе я одобряю их действия. Знания Бездн и тхабс опасны для цивилизации в ее нынешнем состоянии. Если бы произошла утечка информации о тхабсе и прочих подобных вещах, реальность бы рухнула, и не спасли бы ее ни мы, ни иерархи, ни законы реальности, опирающиеся на крайние проявления общего Закона изменения энтропии — доброту, красоту и гармонию.

Лицо Юрьева не изменилось, подчеркнуто внимательное и вежливое, но Бабуу-Сэнгэ почувствовал, как советник президента в глубине души поморщился.

— Эти оценки устарели, — сказал Юрий Венедиктович. — Ни красота, ни доброта не спасут этот мир. Да и кто сказал, что его надо спасать? Он есть и будет — без нас или с нами.

Бабуу-Сэнгэ остался бесстрастным, похожим на Будду, основателя храма Гаутамы.

— Может быть, вы правы, Юрий Венедиктович. Вы случайно не знаете, где я могу найти Соболева? По моим каналам я отыскать его не смог. Он исчез.

— Я не занимался Соболевым плотно, — признался Юрьев. — Ведь вы передали его Герману. Он должен знать.

— Конечно-конечно, — мелко закивал координатор. — Должен. Но не знает.

— В таком случае надо выйти на тех, кто знает. На друзей Соболева, на сотрудников и начальников той конторы, где он работает. Если хотите, я могу этим заняться.

— Спасибо. — Бабуу-Сэнгэ собрал лучики морщинок вокруг глаз, что означало улыбку, и встал. — Я справлюсь. А почему Рыков уверен, что Соболев получил тхабс? Откуда у Германа Довлатовича такие сведения?

— Он работал с программами ОСИП... — после короткого молчания проговорил Юрьев. — Мог получить информацию из астрала... Но мне кажется, он недооценил коллег... Посвященных... они его раскрыли. Теперь он ищет контакты с Конкере.

— Вы это точно знаете? От него лично?

— От Хейно Яновича.

— А вам не кажется, что между ними началась нездоровая конкуренция, замешанная на личных амбициях?

Юрьев прошелся по кабинету, неслышно и мягко ступая по толстому лиловому ковру. Союзы Неизвестных изначально были призваны для корректировки социума «запрещенной реальности», и не было ничего удивительного в том, что кардиналы использовали для этой цели конкурирующие структуры: милицию и преступные банды, службы охраны и воровские сходы, разведку и контрразведку, службу безопасности и мафию. Знаменитый «Стопкрим» тоже был создан всего лишь в противовес «Куполу», но противостояние этих организаций начало выливаться в уродливые формы «кровной мести», что не могло не отразиться на политической ситуации страны в целом.

— Не секрет, что босс «Купола» и он же — генерал ФСБ Ельшин имеет связь с Конкере. Однако в последнее время резко возросло количество ошибок и провалов, связанных с деятельностью самого генерала, что позволяет предположить о разрыве отношений Ельшина с Монархом. Естественно, Хейно хочет воспользоваться ситуацией и убрать «крестного отца», чтобы возглавить «Купол» и реорганизовать его. Для новой структуры он уже и название подобрал — СС, то есть Сверхсистема. Ну а Герман очень удручен усилением влия-

ния соперника, что подвигает его на нестандартные ходы. Насколько я осведомлен, Герман лелеет надежду привлечь на свою сторону Соболева, а если удастся, то и Монарха. Кстати, один из иерархов поддерживает его.

— Кто?

— Гептарх.

— Да, я это знаю. Что ж, посмотрим, как будут развиваться события. Нельзя допустить, чтобы какая-либо из организаций, «чистилище» или... как ее... СС добилась абсолютного преимущества. Упадет страна, упадет рейтинг нашего Союза, нас заменят более удачливые Посвященные...

— Я понял, учитель.

— Найдите мне Соболева. Я хочу побеседовать с ним, прежде чем решить, что с ним делать.

«Вам это сделать проще, — хотел сказать Юрьев, — вы владеете каналом связи не только с астралом и менталом, но и с логосом», — но не сказал. Бабуу-Сэнгэ не хотел оставлять следы в общем информационном поле Земли, не хотел, чтобы кто-либо из Посвященных знал, что он в Москве и лично ищет Соболева, не хотел заострять внимание остальных на личности человека, знавшего слишком многое о Внутреннем Круге, но загадочным образом не прошедшего Посвящение.

— Я найду его, — поклонился Юрий Венедиктович, уже прикидывая, как лучше это сделать. Остановился он в конце концов на самом простом и действенном варианте — заложники. Следовало захватить близких Соболева в качестве заложников и предложить обмен — жизнь на жизнь.

* * *

Однако не только Юрьев умел рассчитывать и реализовывать комбинации, ведущие напрямую к цели. Майор Ибрагимов тоже знал цену простым и действенным приемам выполнения своих задач и выбрал тот же путь, что и Юрьев, только выполнять его начал раньше.

Упустив добычу в Рязани и не догнав ее на трассе, Ибрагимов навлек на себя такой взрыв неистового гнева Ельшина, что готов был землю рыть, чтобы отыскать беглецов в Москве. Поэтому начал он поиски сразу в нескольких направлениях: для выхода на Балуева — через генерала Первухина, для розыска Соболева — через генерала Дикого, а остальных

решил достать с помощью сил Московского угрозыска, который тоже получил ориентировку на розыск Парамонова, Балуева, Соболева и Митиной.

Первухин «сорвался». Начальник Управления специальных операций сам имел спецподразделение, подобное ибрагимовскому «Стиксу», и перекрыл все подходы к собственной персоне. Зато дал показания генерал Дикой, находившийся на лечении в больнице на Тимирязевской, которая принадлежала ФСБ и охранялась солдатами внутренних войск. Уверенный в своей безопасности, начальник военной контрразведки не предпринял особых мер охраны, посчитав дежурившего круглосуточно (со сменой через восемь часов) телохранителя достаточной гарантией защиты. Ибрагимов, хорошо зная систему охраны больницы, имея доступ к монитору сигнализации, разработал план и реализовал его ночью, успешно использовав для этой цели гипногенератор «удав».

Обезвредив охрану, майор с тремя оперативниками проник в здание больницы (сигнализацию палат отключили другие бойцы «Стикса»), убил не спавшего в это время телохранителя генерала, готового открыть стрельбу, хотя мог бы оставить его в живых, и ворвался в одноместную палату, где спал Дикой.

У генерала были хороший слух и реакция, он услышал шорох и приготовился начать сопротивление, мгновенно скатившись на пол с кровати, но Ибрагимову было не до состязаний в силе, ловкости и знании приемов борьбы, поэтому он сразу выстрелил в генерала из «глушака». После этого допрос раненого не составил особого труда.

Дикой, правда, не смог сообщить, где в данный момент находится Матвей Соболев, «главная ударная сила» военной контрразведки, но дал адреса и телефоны явочных квартир, где мог проживать ганфайтер «Смерша». Удалось узнать Ибрагимову и о принятых «Смершем» мерах по расследованию деятельности генерала Ельшина, пресечь которые было уже невозможно, слишком далеко зашло дело и слишком много людей было втянуто в расследование.

— Генералу это не понравится, — процедил сквозь зубы помощник Ибрагимова лейтенант Свирайло. — Пахнет жареным.

— Пожалуй, — раздумчиво посмотрел на него майор. — Кажется, Серега, наступила пора менять хозяина. Этот долго

не продержится. Но прежде мне все-таки хотелось бы найти этого сукина сына, заварившего кашу.

— А с ним что делать? — кивнул на Дикого Свирайло.

Ибрагимов перевел взгляд ничего не выражающих глаз на лежащего навзничь генерала, в пустых широко открытых глазах которого, устремленных в неведомые дали, отражались фонари, освещавшие снаружи здание больницы.

— Рисковый был мужик, — вздохнул майор, пряча «глушак» в кобуру под мышку. — Любил поиграть в справедливость. Выключай его.

Лейтенант шагнул к больничной кровати, левой рукой зажал рот генерала, а правой вонзил ему в грудь длинный узкий кинжал — баллок. Тело Дикого выгнулось дугой, опало, руки сжались в кулаки, медленно разжались, дернулись ноги...

Ибрагимов окинул равнодушным взглядом комнату и, прежде чем выйти, бросил на труп Валентина Анатольевича визитку «чистилища».

О том, что больницу посетил популярный в народе «Стопкрим», стало известно только утром, спустя три часа после убийства пациента и его телохранителя.

Ибрагимов же продолжал действовать, не теряя ни минуты.

Прямо из больницы его люди помчались по адресам, выясненным в ходе допроса Дикого, и на одной из квартир у метро «Тульская», на Варшавском шоссе, застали врасплох двух квартирантов: десятилетнего мальчишку по имени Стас и красивую девушку, которую звали Ульяна.

Нападение оказалось столь неожиданным и внезапным, что Ульяна, хотя и поймала с д в и г потока внимания к себе лично (хотя скорее к квартире) за минуту до вторжения, почти ничего предпринять не успела. Успела только позвонить Горшину, у которого остановились Иван Терентьевич и Василий, и сказать четыре слова: «Тарас, к нам пришли...»

В то же мгновение сорванная с петель взрывом дверь выпала на лестничную площадку, в квартиру стремительно ворвались пятнистые бойцы «Стикса», и майор Ибрагимов, не желая рисковать собственной жизнью, разрядил «глушак» в фигуру в белом, застывшую в прихожей с трубкой телефона в руке.

Конечно, Ульяна отбила гипноатаку «глушака», хотя излучение суггестора и погрузило ее в состояние грогги — состояние боксера после пропущенного нокдауна. Однако,

мгновенно проанализировав ситуацию, она не стала сопротивляться (мог пострадать Стас), а сделала вид, что подчинилась излучению, способному сломать волю кому угодно, только не Посвященному Внутреннего Круга. И на вопросы отвечала вполне «искренне», корректируя ответы в соответствии с тем, что хотел услышать главарь налетчиков.

Ибрагимов узнал главное: Соболев ранен и где-то лечится. Где — знает только его друг Василий Балуев, также находившийся в розыске и имевший квартиру в районе Савеловского вокзала. Сведения, относящиеся к личности захваченных (кто, откуда, почему находятся здесь, какое отношение имеют к хозяину), майор главными не считал, но запомнил и на вопрос лейтенанта: «А этих теперь в расход?» — ответил:

— А эти теперь побудут у нас в заложниках, пока не поймаем Балуева и Соболева. Отправь их на вторую базу.

— Лично?

— Не понял.

— Побаловаться с этой подругой можно? Больно уж баба красивая.

— Побалуешься позже. Сейчас мы идем по другим схронам контрразведчиков, время до утра еще есть, может, успеем отыскать обоих.

Ульяна прекрасно слышала разговор и на жест лейтенанта никак не прореагировала: Свирайло потискал ее грудь, провел рукой по бедрам, после чего майор дал команду уходить. Соседям Соболева, выскочившим на грохот взрыва, он коротко сообщил, что ОМОНом задержаны «опасные преступники», и посоветовал в милицию не звонить, она и так в курсе событий.

Горшин, Парамонов и Балуев примчались на квартиру Соболева спустя четверть часа после ухода «Стикса». Их встретили взволнованные, обсуждавшие случившееся жильцы из соседних квартир, разбитая металлическая дверь, беспорядок в прихожей и следы обыска во всех комнатах. Ульяна и Стас исчезли. И хотя соседи сообщили, что мальчика и девушку увели «омоновцы», то есть они были живы, настроение всех троих эта новость не подняла. Больше всех переживал Василий, кляня себя за то, что не настоял на своем и не остался ночевать.

— Где их теперь искать? — сквозь зубы сказал он, когда они сошли вниз и сели в горшинский «Понтиак».

— Найдем, — попытался его успокоить Иван Терентьевич. — Ульяна — не иголка, а Москва — не стог сена. Найдем.

— Кто это был, по-твоему? — глянул Вася на Горшина, севшего за руль.

— «Стикс», — коротко ответил Тарас, выезжая со двора.

— Откуда такая уверенность? А если это была команда Рыкова?

— Он знает, что говорит, — мягко проговорил Парамонов. — Если бы здесь побывали люди кардинала, мы бы это почувствовали.

— Куда мы направляемся?

— Домой, — так же коротко ответил Горшин, покосился на Василия, до краев налитого темной ненавистью, и добавил: — Сейчас сядем за комп, определим по сети ФСБ базы «Стикса» и начнем их искать. Если Улю и Стаса не убили, значит, они им нужны... в качестве наживки.

Некоторое время ехали молча. Потом Вася глубоко вздохнул, расслабился, вздохнул еще раз, уже свободней.

— В качестве наживки, говоришь? Ну, майор, радуйся, ты меня достал!

Парамонов, сидевший сзади, усмехнулся. Судя по тону Балуева, майору Ибрагимову радость в будущем не светила.

— Интересно, каким образом Ибрагимову, если только это был он, удалось выяснить адрес Соболева?

— Компьютерная база ФСБ отпадает, — сказал Тарас. — Сведения об агентах класса «абсолют» и «супер» в базу данных не заносятся. Есть только один источник информации о Соболеве...

— Непосредственный руководитель, — закончил Иван Терентьевич.

— Вы хотите сказать... — начал Василий.

— Ибрагимов добрался до руководства «Смерша».

Урча мощным мотором, машина въехала во двор дома Горшина, остановилась. Мужчины, почти невидимые в темноте, смотрели друг на друга и молчали.

— Где же Соболев? — пробормотал Василий спустя минуту.

— Это знает лишь Хранитель, — тихо ответил Парамонов.

Глава 32

ШТУРМ ГЕНЕРАЛЬСКОЙ ДАЧИ

Если первый вызов в «Белый дом» не вызвал у директора ФСБ почти никаких отрицательных эмоций, то второй пробудил мрачные предчувствия. Слишком много неприятностей свалилось на голову Владимира Алексеевича за последние полторы недели, чтобы он мог надеяться на приятную встречу с премьером.

Так оно и получилось. Глава правительства был угрюм, озабочен, разгневан и не выбирал выражений в беседе с Бондарем, которому успел доверить немало тайн властного двора.

— Что у вас там происходит? — бросил он Владимиру Алексеевичу, когда тот вошел в кабинет, прождав полчаса в приемной. — Пять убийств за неделю! И кого убивают — полковников и генералов военной контрразведки! Чем вы там занимаетесь, генерал?! Почему не наведете порядок?

— Мы наводим... — пробормотал вспотевший Бондарь.

— Значит, убийство начальника военной контрразведки генерала Дикого, и где — в больнице вашего ведомства! — называется наведением порядка?!

— Его убили «чистильщики»...

— Бросьте! — пренебрежительно махнул рукой премьер. — «Чистилище» не сует нос в дела спецслужб... пока, во всяком случае. Дикого убили ваши люди за то, что он влез в расследование деятельности Ельшина. Не будете отрицать?

Владимир Алексеевич отвел глаза, признаваясь в душе, что премьер имеет свои каналы сбора информации в органах, не подконтрольные никому.

— Кстати, — пригладив соломенный чуб, продолжал глава правительства, молодой, энергичный, целеустремленный, умевший видеть так далеко вперед, что ради карьеры два года назад даже развелся с женой — дочерью бывшего президента, — почему ваш Ельшин, скомпрометировавший службу так, что дальше некуда, этот плевок в лицо обществу, до сих пор на свободе?

— Мы проверяем...

— Какие, к черту, проверки! У вас же в руках бомба замедленного действия, а вы ждете, когда она взорвется! Немедленно изолируйте генерала... — Премьер швырнул на стол неработающую зажигалку, достал другую, золотую, заку-

рил, — но было бы лучше для нас всех, если бы он исчез. — Премьер выпустил струю дыма. — Или, скажем, был убит при попытке задержания.

— Понимаю, — пробормотал Владимир Алексеевич, не решаясь вытереть пот с лица.

Премьер-министр посмотрел на него прищурясь, усмехнулся, пуская новую струю дыма. Курил он неумело, да и не мужские сигареты — ментоловые «Галуаз», но этот факт ничего не говорил о его характере.

— Ельшин слишком много знает, не так ли, Владимир Алексеевич? И повязан с такими людьми, что если начнет говорить...

— Понимаю, — снова выдохнул Бондарь.

— Вот и отлично. Действуйте, генерал. Нам ни к чему раздувать пожар в собственном доме. Сгорит дом — на нас повесят всех собак, не отмоешься. Тушите пожар и как можно скорей.

— Президент в курсе?

— Президент будет знать то, что мы ему скажем.

— А генпрокурор?

— Санкцию на арест Генриха Герхардовича получите через час. Идите.

Директор ФСБ кивнул, неловко повернулся, зацепившись за ковер, и вышел. Пот со лба он вытер только в машине.

Приехав к себе, Владимир Алексеевич хватанул полстакана украинской горилки с перцем, которую ему презентовали киевские коллеги во время визита, закусил соленым огурцом, банка с которыми всегда стояла в холодильнике, и вызвал Первухина.

Начальник Управления спецопераций явился через час, найденный секретарем директора в клубе «У Шварценеггера», где он общался с друзьями.

— Туши пожар, генерал, — сказал Бондарь, закуривая сигару, запах которой всегда ассоциировался Первухиным со скотным двором.

— Что? — не понял он.

— Готовь операцию по захвату Генриха. И всех остальных его помощников, выявленных в ходе расследования. Но... — Владимир Алексеевич поднял на Первухина заблестевшие глаза. — Генрих должен быть задержан... мертвым. Соображаешь?

Первухин выдержал взгляд директора, вполне понимая, что того загнали в угол люди более высокой политики и иных возможностей.

— Не ошибаемся мы в оценке ситуации, Владимир Алексеевич? Любая ошибка в этом деле будет стоить... — Первухин помолчал. — Будет стоить головы.

Бондарь поморщился.

— Не помню, кто сказал: как ни сделай, все равно ошибешься. В верхах начался новый передел власти, Москву тоже делят заново, ты же знаешь сводки о криминальных разборках. «Купол» зашатался, вот-вот рухнет, за ним посыплется насквозь коррумпированная Дума... Депутаты спешно уничтожают следы... им будет не до нас, Михаил. Зато Ельшин опасен не только им, но и нам, его надо срочно... нейтрализовать. Так что вперед и с песней, генерал. Своими силами обойдешься? Или подключить к тебе бакановский «Руслан»?

— Справлюсь-то я справлюсь, — сказал Первухин, потом подумал и добавил: — Но для усиления тылов от «Руслана» не откажусь. Да и от твоего «Витязя» тоже.

Бондарь понял генерала. Первухин не хотел отвечать один за грехи всей конторы. В случае непредвиденных осложнений или неудач он оставлял себе возможность маневра.

— Хорошо, бери, — буркнул Владимир Алексеевич.

Выйдя из кабинета директора, Первухин задумчиво прошелся по коридору с малиновым ковром, с тихими, незаметными охранниками в нишах через каждые двадцать метров, зашел к себе в кабинет и позвонил Балуеву. Сработал автоответчик. Генерал попросил Балуева перезвонить, и через полчаса тот действительно позвонил, что Первухин воспринял как удачу.

— Я зашел домой на минуту, забрать кое-какие вещи, — сообщил Балуев, — так что вы поймали меня случайно. Больше я здесь не появлюсь. Что случилось?

— Убит Дикой. Директор отдал приказ брать Ельшина. Не хочешь поучаствовать?

Короткое молчание.

— Когда и где?

— Ельшин сейчас на даче, судя по донесениям моих людей. В два часа он обычно обедает, вот тогда и начнем. Я уже развернул десант. Знаешь, где его дача?

— Знаю. Буду не один. Ждите. — И Балуев отключился.

Первухин положил трубку, открыл сейф, достал оттуда пистолет «волк», проверил обойму и вложил в кобуру под мышкой. После этого вызвал адъютанта.

* * *

«Черный файл» в очередной раз не оказал никакого воздействия на компьютер, и Генрих Герхардович в ярости разнес кулаком клавиатуру машины, не желавшей становиться проекцией Монарха Конкере. Пососал царапину на ребре ладони, остывая, потом вытащил нижний ящик правой тумбы стола и достал плоскую металлическую флягу с коньяком. Отвинтил колпачок, сделал три больших глотка. Ком жгучего тепла провалился по пищеводу вниз, растворяясь по пути, и генералу несколько полегчало.

— Давай вылезай, скотина! — хрипло сказал он алому иероглифу, пылавшему на черном фоне экрана.

Иероглиф мигнул, Генрих Герхардович ощутил нечто вроде хлесткой пощечины, но страха не почувствовал. Нельзя сказать, что до этого момента он не задумывался над тем, кто такой Монарх Тьмы, где он обитает и чем занимается, главным было то обстоятельство, что Конкере сотрудничает с Ельшиным и снабжает бесценной информацией. Теперь же генерал впервые трезво (или почти трезво) занялся анализом своих «потусторонних» контактов с монстром, которого можно было назвать и Богом, и дьяволом. И все же размышления генерала не привели его к просветлению, к разгадке существования Монарха, ибо знал Генрих Герхардович слишком мало, чтобы сделать правильные выводы. Единственное, к чему он пришел после поглощения всего коньяка, — что во всем виноват таинственный Матвей Соболев, о котором ему успел кое-что поведать Монарх, — неуловимый перехватчик из команды генерала Дикого, непонятным образом проникший в тайны «Купола» и его личной — генерала ФСБ Ельшина — жизни.

— Сволочь! — с ненавистью выдохнул генерал, отшвыривая флягу. Слишком много злобы скопилось в сердце, слишком много ненависти, требующей выхода, и Генрих Герхардович принял решение уйти, громко хлопнув дверью, убрать как можно больше врагов. Но прежде всего — Соболева!

Поднявшись в кабинет на третьем этаже дачи, он вызвал Ибрагимова по сотовой связи, и майор рассказал ему о принятых мерах и о захвате на квартире Соболева двух «некомбатантов» — девушки и мальчишки.

— Где они? — поинтересовался Ельшин.

— На второй базе.

— Двигай туда, я тоже сейчас приеду. Допросим.

— Вряд ли они что-либо знают.

— Двигай! — заорал Ельшин. С трудом успокоился. — И ликвидируй по пути наши тайники с оружием. Скоро ко мне заявится команда Первухина, я хочу им устроить на даче теплый прием.

Ибрагимов помолчал.

— Не проще ли взорвать ее... вместе с уликами? — Он имел в виду гипногенераторы «удав» и излучатели боли «пламя».

— «Глушаки» и «болевики» я вывезу. Все, до встречи, ждите.

Ельшин забрал из сейфа документы, дискеты, компакты с секретной информацией, упаковал в два чемодана, переоделся. На всякий случай стер память всех компьютеров на территории дачи. Затем вызвал начальника охраны:

— Капитан, возможен налет на дачу, будьте начеку. Сопротивляйтесь до последнего. Отходить — только по моему сигналу.

— Не понял, — отозвался озадаченный начальник охраны. — Какой налет? Кому мы должны сопротивляться? Неужели «чистилищу»?

— Мы наступили на хвост крупному киллер-синдикату, он вполне способен осмелиться ликвидировать угрозу. Так что держитесь. Я в случае чего вызову подмогу из Москвы.

О том, что дача будет взорвана, генерал, естественно, сообщать охраннику не стал.

Побродив по спальне, он сунул в карман пиджака «глушак» и спустился в свое подземелье, где его ждал вагон спецметро.

* * *

Вася и Тарас встретились с Первухиным на восемнадцатом километре Минского шоссе. Ни слова не говоря, повели генерала и группу оперативников в количестве двенадцати человек, среди которых были и знакомые Балуеву по походу

в Чечню Шерхан и Маугли, к бывшему угольному складу, с территории которого начинался спуск под землю, к ветке спецметро, ведущей к даче Ельшина.

Первухин, не знавший этого пути, держался тем не менее невозмутимо, сразу все понял и объяснений не потребовал. Вскоре все они были внизу, в тоннеле, в то время как основные силы бригады, задействованные генералом, продолжали окружение и скрытое передвижение к даче, перехватывая все машины, идущие туда или обратно.

Так как дрезину отряд Соболева оставил в прошлый раз на станции под дачей, а второй в нише тоннеля не нашлось, добираться к месту назначения пришлось на своих двоих. Нацепили приборы ночного видения, захваченные опытными «летучими мышами» Первухина, и, растянувшись цепочкой, побежали по шпалам между рельсами узкоколейки в темноту тоннеля.

Бежали не быстро, щадя возраст генерала, которому пошел пятьдесят второй год, но все же за час преодолели двенадцать километров и вышли к воротам станции, которые оказались открытыми. Электровагон у платформы отсутствовал, и это обстоятельство зародило у Василия нехорошие предчувствия.

— Связь со своими наверху у вас есть? — спросил он, не разрешая никому приближаться к воротам, кроме Тараса.

Первухин тиснул кнопку рации, но слой земли над головой был слишком толст, радиоволны поглощались им полностью.

— Глухо.

— Когда начнется атака сверху?

— Она не начнется, пока я не дам команду.

— Плохо, они отвлекли бы охрану, а так придется действовать по полному профилю. Ну что там, Граф?

— Электропоезд ушел отсюда часа полтора назад, — ответил Тарас. — Боюсь, Ельшин сбежал, оставив нам немало сюрпризов.

— Станция заминирована?

— Конечно. Думаю, дача тоже. И еще мне не нравится...

— Что?

— Запах.

— Что?!

— Ладно, может, я ошибаюсь.

— И все же нам ничего не остается, кроме как лезть наверх. Генерал, мы с ним пойдем впереди, а ваши ребята пусть прикрывают тылы. Охрану здесь несут контрактники внутренних войск, не знающие, что за объект они охраняют, поэтому хорошо бы обойтись без стрельбы.

— Понял, — хладнокровно сказал Первухин, став на время подчиненным, но не желая «качать права». Приказывать в данный момент имели право те, кто лучше разбирался в обстановке.

Вася с Тарасом шмыгнули в подземный «гараж» Ельшина, зная, где расположены телекамеры контроля, заклеили объективы скотчем, как и в прошлый раз, — на всякий случай, потому что открытые ворота станции наводили на мысль, что хозяин не посчитал нужным больше охранять свой подвал, и выбрались на платформу. Тарас тронул Васю за плечо, показал пальцем вверх. Василий разглядел черный зев открытого люка, выругался.

— Опоздали. Сбежал-таки, гад. И никому, наверное, ничего не сказал, потому и ворота открыты.

Подбежавших бойцов отряда они расставили у мощной двери выхода на платформу и полезли вверх, через люк в колодец, ведущий в секретный бункер Ельшина с компьютером, посредством которого он контактировал с Монархом.

Здесь, в бункере, Тарас обнаружил первую сеть минирования, датчики которой должны были сработать только при появлении человека с массой не ниже семидесяти килограммов. И здесь же Горшин впервые явственно ощутил следы магического присутствия, которые почуял еще на станции.

— Здесь недавно кто-то был, — пробормотал он, обезвредив систему взрывания и прислушиваясь к чему-то с закрытыми глазами.

— Конечно, был Ельшин со своими телохранами, — обронил Василий.

— Нет, — качнул головой Тарас. — Это следы человека Круга. Очень характерные следы. И, по-моему, я знаю, кому они принадлежат.

— Кому?

— Герману Довлатовичу Рыкову, кардиналу Союза Девяти, с которым я имел честь работать в комиссариате «чистилища».

— Как ему удалось опередить нас?

— Во-первых, он работает в конторе и имеет доступ к любой информации ФСБ. Во-вторых, он кардинал, то есть человек неординарных возможностей. Хотел бы я знать, что он здесь искал...

— Может, то же самое, что и мы недавно, — «черный файл»?

— Если это так, он очень крупно рискует. Монарх Тьмы олицетворяет темный полюс мира, иерархи — светлый, уравновешивающий, и контакт «светлого» — философски, а не этически — кардинала с силами тьмы сделает его отступником, более нежелательным, чем я.

— Ладно, потом обсудим его намерения. Пошли наверх. Только смотри, чтобы не напоролись на мину. Не нравится мне, что никто не стережет станцию метро.

Вместо ответа Горшин привел в действие механизм подъема, и клеть лифта поползла вверх, вынося их на третий этаж дачи, в спальню генерала.

Скрытых ловушек и мин Горшин здесь не обнаружил, но теперь все время чувствовал з а п а х Рыкова и мрачнел все больше, уже догадываясь, что кардинал Союза Девяти побывал здесь не один, а со своим манипулом, состоящим из профессионалов по особо сложным и грязным делам.

Они подождали, пока в спальню поднимутся оперативники Первухина, выглянули в коридор.

Никого. Тишина.

Тарас переглянулся с Василием, который тоже заподозрил неладное, включил т е м п и в мгновение ока перелетел на цыпочках коридор и лестницу, спускаясь на второй, а потом на первый этаж дачи, и здесь у выхода с лестницы в коридор наткнулся на два тела в серо-зеленой форме лейтенантов внутренних войск. У обоих парней было перерезано горло.

— На втором этаже лежит еще один, — догнал Горшина Василий. — Работа профессионалов.

Тарас сорвался с места, преодолел коридор и выглянул в холл первого этажа, где увидел еще три трупа. Все охранники были убиты с помощью метательных ножей.

Появившиеся следом в холле бойцы Первухина молча смотрели на убитых, переводя взгляды с их тел на лица командиров, потом рассредоточились у окон и дверей, готовые к атаке извне или броску наружу.

— Обыщите все помещения, — сказал Первухин, доставая рацию. — Двойка, я Первый, как слышите?

— Первый, я Руслан-два, к штурму готов.

— Отставить штурм. Ждите сигнала.

Через минуту стало ясно, что охрана дачи уничтожена полностью. Не помогли защитникам генеральской резиденции ни собаки, ни электронные системы обнаружения, ни бункера с пулеметами и огнеметами, ни новейшее оружие, среди которого нашлись даже переносные зенитно-ракетные комплексы «стрела-3» и «игла-5М». Все охранники внешней зоны защиты были найдены убитыми в саду, причем только холодным оружием, и даже наблюдатели у мониторов телесистем отсутствовали на своих местах, словно сговорились выйти в сад подышать свежим воздухом, где и были убиты. Во всем этом чувствовался налет мистики, хорошо понимаемый только Горшиным и Балуевым. Им было ясно, что руководил налетом на дачу лично Рыков, и он же внушил ее защитникам приказ выйти из укрытий. Оставалось выяснить, зачем это ему понадобилось. Догадка Василия о том, что Герману Довлатовичу захотелось завладеть «черным файлом» для связи с Конкере, требовала подтверждения, которого здесь, на даче, отыскать не удалось. Зато Тарас в подвалах дачи обнаружил мощную систему минирования здания и посоветовал Первухину немедленно покинуть территорию дачи.

Начальник Управления спецопераций был достаточно опытным специалистом в такого рода делах, чтобы пренебречь советом, и приказал всем подразделениям покинуть дачу. В здании остались только они двое — Горшин и Балуев, все еще надеявшиеся на разгадку акции Рыкова.

Оживить компьютеры Тарасу не удалось, они были выпотрошены хозяином дачи и затем Рыковым. Однако один хорошо сохранившийся след Герман Довлатович все-таки оставил — на телефонном селекторе в кабинете генерала, имеющем собственный процессор.

Тарас долго обнюхивал селектор, чувствуя какой-то подвох в его «магическом» свечении, потом все же решился снять трубку, и ему показалось, что рядом кто-то злобно и презрительно рассмеялся. В то же мгновение Тарас понял, в чем дело: Рыков оставил след не зря, бросив тонкую жилку паранормальной связи селектора с системой минирования. Появившись на даче, он первым делом обезвредил устройство

подрыва, оставленное Ельшиным, но, уходя, оставил собственную ловушку, и Тарас попался в нее, не зная, что она специально рассчитана на опознавание человека Круга.

И все же он был готов к такому повороту событий.

Василий, стоявший рядом, вдруг увидел, как засветилось лицо спутника, а волосы его встали дыбом, одеваясь короной электрического сияния.

— Беги! — сдавленным голосом проговорил Тарас. — Долго не удержу!

— Что? — дернулся к нему Василий, не понимая, что тот хочет удержать.

— Он... оставил... линию... включения... минного поля! Беги!

— А ты?

Тарас глянул на Василия слепыми от нервного перенапряжения глазами, и Вася, скрипнув зубами, бросился из кабинета Ельшина.

Дача взорвалась, когда он был уже за воротами участка. Ударная волна отшвырнула Василия метров на двадцать от забора и удачно влепила в упругую стену боярышника, что позволило ему отделаться лишь изодранным комбинезоном, ушибами и ссадинами. Сознание он, правда, потерял — от контузии, но вскоре очнулся и увидел над собой внимательное лицо Горшина.

— Ты?! Живой?!

— А что мне сделается? — раздвинул губы в улыбке Тарас. — Я заговоренный.

— Как?..

— Пройдешь Путь в Круг, сам научишься. Хотя Рыков, конечно, едва меня не подловил. Зато я знаю, куда рванул Ельшин. В памяти селектора остался номер телефона, по которому он звонил Ибрагимову, и следы разговора.

Вася рывком сел, так что закружилась голова.

— Ну?!

— Уля со Стасом находятся на второй базе «Стикса», в Балашихе. Я знаю это место. Можешь двигаться? Ничего не сломал? Хотя я тебя посмотрел, пока ты отдыхал, вроде все на месте.

Вася, чувствуя боль во всем теле, подвигал руками, встал с некоторым трудом, опираясь на руку Тараса, и поковылял к стаду машин, появившихся здесь как по волшебству. Это бы-

ла техника спецгрупп «Руслан» и «Витязь», так и не успевших поучаствовать в штурме ельшинского «укрепрайона». Первухин уже командовал людьми, направляя их действия и расставляя вокруг поля с огромными воронками и горами кирпича, оставшимися от трехэтажного здания, но отвлекся и лично усадил Балуева в кабину своей служебной «Волги». Сентиментальности генерал никогда не проявлял, но был рад, что все закончилось благополучно. Вася тоже был рад, и в первую очередь тому, что Первухин не спросил, куда они направляются. Пришлось бы врать, а этого Василий предпочитал не делать.

«Волга» доставила их к угольному складу, у забора которого терпеливо ждал хозяина черный «Понтиак», и уехала.

— Не боишься оставлять? — кивнул Василий на лимузин.

— А он запечатан.

— Сейчас угонщики навострились нейтрализовать любые противоугонки.

— Мою нейтрализовать невозможно.

— Что за система?

— Метатрон.

— Не слышал, — пробормотал Василий.

— Это печать так называемой «первой сферы света», называемой Ангелом Присутствия — Метатроном.

— Колдовство, что ли?

— Нечто в этом роде, — спокойно сказал Тарас, садясь за руль. Вася устроился рядом, и машина рванула по шоссе в сторону Кольцевой автодороги.

Глава 33

ПОПЫТКА — ПЫТКА

Стас держался молодцом, как мужчина, ни разу не захныкав, не выказывая страха, и это наполняло душу Ульяны уверенностью, что все обойдется.

Пока их везли в зализанном «Форде» с мигалкой на крыше на базу налетчиков, Уля успела прийти в себя, восстановить силы и очистить организм от «шлаков» стресса, вызванного разрядом «глушака», однако начать «боевые действия» — попытаться освободиться — не решилась. В салоне «Форда», имеющем затемненные стекла и напоминающем просторную

кабину маршрутного такси, сидели четверо угрюмых мужчин в пятнистых комбинезонах, не сводящих с пленников глаз, а впереди еще были водитель и хорошо вооруженный старший группы. Дезориентировать всех их одновременно Ульяна не могла, поэтому решила подождать более удобного случая, сама же продолжала играть роль безвольной куклы, подчинявшейся приказам налетчиков.

База «Стикса» номер два в Балашихе располагалась в сосновом лесу на окраине городка и представляла собой внешне обычную маленькую воинскую часть, территория которой была огорожена высоким дощатым забором с колючей проволокой поверху. Внутри располагались одноэтажная казарма, три барака хозяйственных и подсобных служб, столовая, кухня, склад ГСМ и гараж. На самом деле все эти строения служили камуфляжем для отвода глаз, основное же хозяйство базы располагалось под землей. Ульяна выяснила это сразу, вызвав состояние самадхи, как только их высадили из машины и передали дежурному наряду. Возникла опасность, что пленников поместят именно туда, в подземную камеру, помещений подобного рода для «гостей» там хватало, и тогда Ульяна решилась на прямой мысленный контакт с командиром наряда, передав ему раппорт-внушение, что пленников, не представлявших никакой опасности для базы, можно поместить и в одной из подсобок кухни — до прибытия высокого командования.

Начало светать, когда Улю и Стаса отвели в неказистый кирпичный домик кухни и оставили в чулане, набитом посудой, алюминиевыми бачками, котлами и прочим кухонным инвентарем. Загремел замок на двери, голоса солдат, отпускавших соленые шуточки насчет прелестей пленницы, смолкли, удалились шаги, все стихло. Стас сел рядом с Ульяной на пол чулана, повозился, обнял ее, засопел было, согревшись (Уля передала ему часть энергии), но Ульяна не дала ему уснуть:

— Как себя чувствуешь, котенок?

Мальчишка вздрогнул, перестал сопеть, поднял лицо, силясь разглядеть в темноте лицо девушки. Выдохнул обрадованно:

— Нормально. Спать хочу. А я думал, что вы... вы...

— Ну-ну?

— Что вас наркотиками накачали. Я же видел, какая вы безвольная и... сонная.

— Я притворялась, котенок. Но теперь пора бежать отсюда, пока окончательно не рассвело и не приехали главари этих бандитов.

— А кто нас сюда привез? Зачем? Или они искали Матвея?

— Правильно, котенок, им нужен был Соболев, но и на нас они имеют виды, хотят подержать в качестве заложников, чтобы заманить сюда Соболева и наших друзей. Идти можешь?

— Конечно. А как мы выберемся? Они же нас заперли. И солдаты везде...

— Это не большая проблема. Держись рядом и не отставай.

Она попробовала связаться с Иваном Терентьевичем через астрал, но вовремя вспомнила о «змеях» Рыкова, о которых предупреждал Горшин, и рисковать с выходом не стала. Ограничилась лишь импульсом пси-возбуждения канала связи, надеясь, что друзья услышат ее зов и найдут своими методами.

Стас не видел в темноте, что она делала. Что-то щелкнуло, упало на пол коридора с той стороны, и дверь распахнулась. Правда, света от этого не прибавилось, Стас по-прежнему почти ничего не видел в темноте кухни, по которой бродили неаппетитные кисло-затхлые запахи. Ульяна потянула его за руку, и они, осторожно ступая, выбрались из чулана в коридор.

Наружная дверь тоже была закрыта на ключ, однако девушку это не остановило. Замок здесь был английский, что и в двери чулана, поэтому открыть его, передав ключу силу, не составляло труда. Но прежде чем открыть дверь, Ульяна вызвала состояние самадхи, выявила местонахождение «живых душ» — людей со «светящейся аурой», охраняющих территорию базы, и только после этого выскользнула из домика кухни, ведя за собой Стаса.

Территория базы контролировалась телекамерами и фотоэлементными системами, однако ни одна телекамера не смотрела на блок кухни-столовой. Беглецам предстояло преодолеть сто метров открытого пространства по асфальтовой дорожке до КПП, просочиться мимо охраны и выйти на дорогу, ведущую к центру Балашихи. Остальное было, как говорится, делом техники. Но сначала надо было выйти.

Шел уже шестой час утра, солнце встало за деревьями, вызолотив верхушки сосен и пелену облаков над лесом, но база еще спала, ни один человек не бродил по ее территории, и даже охранники — прапорщик и два младших сержанта — притихли в будке КПП, сморенные тишиной и дремотным покоем природы. Они не услышали, как под ногами беглецов скрипнул гравий у ворот, не увидели, как открылась и закрылась входная, потом выходная двери КПП. Сознание их было затуманено, они грезили наяву, застигнутые врасплох раппортом Ульяны, и очнулись лишь спустя полчаса, когда к воротам базы подкатили машины высокого начальства — майора Ибрагимова и генерала Ельшина.

Ульяна со Стасом к этому времени находились в двух километрах от базы, в лесу, направляясь к шоссе Москва — Нижний Новгород напрямик. Им оставалось пройти всего два-три километра, когда началась — и Уля это почувствовала — тревога и по их следу помчалась погоня.

— Бежать можешь? — спросила она Стаса, садясь перед ним на корточки.

Мальчишка, разгоряченный и возбужденный бегством, ни разу не задал ни одного вопроса, подчинялся беспрекословно, все понимал, и с ним было легко. В глазах его ясно читалось восхищение способностями спутницы и решительное желание преодолеть все трудности пути.

— Смогу, — кивнул он.

Ульяна положила руку ему на голову, передала «нежный» импульс энергии, отчего у мальчика заблестели глаза и покраснели щеки от прилива крови, и они побежали по редколесью к болотцу, за которым уже просматривались домики окраины Балашихи.

* * *

Сказать, что Ельшин был в ярости, узнав о побеге заложников, значит ничего не сказать. Он едва не расстрелял сторожевой наряд, ограничившись в конце концов ударом по лицу прапорщика, старшего смены. Пока он разбирался с обалдевшими от свалившегося на них несчастья охранниками, Ибрагимов задействовал план «Перехват», и уже через несколько минут поднятая по тревоге рота «Стикса» растянулась в цепь и приступила к прочесыванию леса вдоль до-

рог, ведущих от военного городка к Балашихе и на шоссе Москва — Нижний Новгород. Еще одно подразделение майор направил на машинах для патрулирования дорог, приказав перекрыть все выходы из леса на трассу и контролировать выезд любых транспортных средств. Собаки след беглецов не взяли, что явилось для него неприятной неожиданностью, и тогда Ибрагимов развернул карту местности и прикинул возможные маршруты бегства пленников. Анализировать, как им удалось освободиться и выйти за территорию базы, он пока не стал. Спустя четверть часа он уже примерно представлял, куда направляется девушка с пацаном, и, посадив свою личную пятерку телохранителей (зомбированных с помощью «глушака», не боявшихся ни пули, ни кинжала, ни огня, ни Бога, ни черта!) в микроавтобус, выехал на Горьковскую трассу.

Он не ошибся.

Беглецы, не имея опыта побегов от спецслужб, вышли на шоссе в районе танковой воинской части и тут же были замечены из медленно двигавшегося джипа с бойцами «Стикса». Они успели сесть в машину (не голосовали, Ульяна просто внушила проезжавшему мимо усатому грузину на «Тойоте» остановиться), но были тут же перехвачены, заблокированы с двух сторон и пересажены в джип. Через полчаса обоих доставили обратно на базу, куда уже прибыл Ибрагимов, и не помогли Уле ни душевные силы, ни владение тонкими полями, ни умение о т в о д и т ь глаза, то есть гипнотизировать людей на расстоянии.

Ельшин, успевший за время поиска беглецов (час тридцать пять) выпить бутылку виски «Чивас Ригал», но совершенно не опьяневший, не стал дожидаться, пока пленников поместят в камеру под землей, а сразу велел отвести их в столовую, где и начал допрос.

Ульяна могла вытерпеть любую боль, любую муку, любую пытку, умея изменять состояния сознания, поэтому на крики генерала: «Говори, тварь!» — просто молчала, даже когда тот разрядил в нее «глушак», но она не выдержала, когда белый от бешенства Ельшин приказал привести Стаса и пытать его в ее присутствии.

— Хорошо, я отвечу на ваши вопросы, — деревянным голосом, кусая губы, сказала девушка, будучи почти в забытьи:

все-таки вторая атака из гипногенератора почти сломила ее волю. — Только отпустите мальчика. Что вам нужно?

— Где Соболев?

— Не знаю.

Ноздри Генриха Герхардовича раздулись, глаза налились кровью.

— Я... тебя... сейчас... скормлю псам! Но сначала отдам своим хлопцам, пусть поразвлекаются. Подходит такой вариант? Или все-таки начать с мальчишки?

— Я в самом деле не знаю... — Ульяна попыталась проникнуть в сознание генерала, но наткнулась на «стальную решетку», за которой дремал «черный удав» страстей, и отпрянула. После контактов с Монархом Тьмы психика Ельшина изменилась настолько, что он сам стал «слугой Тьмы», хотя, наверное, и не осознавал этого.

— Может быть, ты скажешь, что не знаешь Соболева? Тогда что ты делала в его квартире? Только не лепи горбатого, я знаю, кто ты, откуда и с кем связана... гражданка Посвященная Внутреннего Круга. Не так ли? Где твой дружок — Парамонов? Это ведь вы побывали с Соболевым у меня на даче? Вы копались в компьютере?

— Нет, — сказала Ульяна твердо. — Не мы. Нам связь с Конкере ни к чему. Соболев был там... с другими людьми.

— С кем? С Балуевым? И небось с Графом — Горшиным. Так? Говори!

Понимая, что подтверждение ничего не изменит в ситуации, Ульяна кивнула. Ельшин злобно рассмеялся.

— Я так и знал. Опередил-таки меня Граф, каким-то дьявольским ухищрением завладел программой «К»... только вряд ли сможет воспользоваться ею. Да и Соболев тоже. Монарх проглотит их обоих.

«Подавится», — хотела сказать Ульяна, подумав, что, поминая дьявола, Генрих Герхардович говорил о себе, но промолчала..

— Итак, возвращаемся к первому вопросу. — Ельшин взболтнул содержимое очередной бутылки в руке, сделал крупный глоток. — Где Соболев?!

— Он... лечится, — прошептала Ульяна, борясь с головокружением. — Но где, я не знаю... и никто из моих друзей не знает. Правда!

— Так поколдуй. Или как там у вас это называется... Я же знаю, что вы умеете пеленговать друг друга... Ну?!

— Соболев... не светится... то есть я не могу его запеленговать.

Ельшин некоторое время смотрел на девушку, покачиваясь с пятки на носок, бледнея все больше, потом сунул руку в карман пиджака и достал необычной формы пистолет с красной насадкой, напоминающей глушитель.

Ибрагимов, наблюдавший эту сцену с расстояния в пять шагов, стоя за спиной девушки, переглянулся с лейтенантом Свирайло, хотел что-то сказать, но посмотрел на изменившееся лицо генерала и передумал. Мягко ступая, отошел в сторону, стал сзади Ельшина. Лейтенант сделал то же самое. Оба прекрасно знали, что за пистолет вытащил Генрих Герхардович. Это был генератор боли «пламя», более известный в среде специалистов под названием «болевик».

— В последний раз спрашиваю... — Ельшин направил ствол «болевика» на Ульяну.

— Минутку, — раздался сзади чей-то скрипучий голос.

Ибрагимов, Свирайло и Ельшин в недоумении оглянулись. В столовую вошел небольшого роста худой и бледный человек в темном костюме, приблизился к группе военных. Ибрагимов, уже однажды встречавшийся с ним, узнал Германа Довлатовича Рыкова.

— Герман? — удивленно поднял брови Ельшин. — Ты-то как здесь оказался? — Генерал глянул на Ибрагимова. — Кто его пропустил?

— Сейчас узнаю, — буркнул майор, но не двинулся с места. Лейтенант тоже хотел выяснить, каким образом на территорию базы проник незнакомец (он Рыкова не знал), но почему-то остался стоять, заторможенный и отсутствующий.

Рыков обошел свиту генерала, его самого, кинув косой взгляд на «болевик», остановился напротив Ульяны, попытавшейся принять гордый вид и одновременно отбить попытку кардинала прощупать ее мысленную сферу. Герман Довлатович растянул в неприятной усмешке бледные губы.

— Где же ваши друзья, мадам? Почему не с вами? И что вы здесь делаете в обществе этих малосимпатичных господ?

Ульяна молчала. Рыков подождал немного, разглядывая ее лицо, фигуру, одежду, кивнул.

— Вы красивая и сильная женщина, Митина, коль може-

те держать разряд «глушака», но против этой штуковины выстоять не сможете. — Он кивнул на «болевик» в руке генерала. — Зачем вы влезли в эту кашу? Какое вам дело до Соболева, его проблем и дорог? Вас ведь предупреждали, что это чревато последствиями.

Ульяна молчала. Рыков снова кивнул.

— Хорошо, поговорим об этом позже. Идите, за воротами садитесь в мою машину — серый «Лендровер» и ждите. Вас пропустят.

— Я не одна, — прошептала Ульяна, держась из последних сил. — Со мной мальчик... приемный сын... — Она вовремя прикусила язык, сообразив, что Рыков может не знать об отношениях Стаса и Соболева, а знать это ему не обязательно.

— Забирайте своего мальчика.

Ульяна покачнулась, но не упала, сделала шаг, другой, обошла Ельшина, как столб, и в полной тишине вышла из зала столовой. Послышались мужские голоса, потом девушка что-то сказала, ей ответил мальчишеский голос, и все стихло. Оставшиеся в зале мужчины смотрели на Рыкова, не понимая, почему они ничего не предпринимают, и ждали, чем это все закончится.

— Дай, — протянул руку Герман Довлатович. Взял протянутый Ельшиным «болевик». — Надо верить людям, Генрих. — Издевка в голосе кардинала Союза Девяти звучала явно. — Она действительно не знает, где Соболев. А зачем он тебе, кстати? Ты ведь свое отыграл.

— Он... украл... — хрипло начал Ельшин.

— Что? Файл связи с Конкере?

Глаза генерала готовы были выскочить из орбит.

— Да! Кроме того, он запустил в расследование пакет сведений о моей параллельной деятельности... кстати, не с твоей ли подачи?

Рыков покачал головой.

— Мне это не несло никакой выгоды, скорее наоборот. Твое место во главе «Купола» теперь займет человек, который способен доставить мне массу хлопот.

— Кто же, Лобанов?

— Хейно.

— Носовой?! Он же никогда не...

— Это не важно, — перебил генерала Рыков, глянул на

шагнувшего было в сторону Ибрагимова черным взглядом, так что тот почувствовал удар в грудь, парализовавший его на некоторое время. — У меня к тебе только один вопрос, генерал. Где дискета с файлом вызова Конкере? На даче я ничего не нашел.

— Ты... был... на даче?!

— Она с тобой?

Ельшин поднял дрожащую руку, хотел провести ею по лицу, но обнаружил, что держит бутылку, и с проклятием отшвырнул ее.

— Она не работает... я пробовал запустить комп... десятки раз... но программа не работает, проклятая!

— У меня заработает. Дай ее мне.

Ельшин побледнел, лоб его покрылся испариной.

— Никогда!

Рыков протянул руку, пристально глянул на генерала. Тот отшатнулся, бледнея еще больше, до синевы, сунул руку в карман, где у него лежал «волк», и Герман Довлатович разрядил в него «болевик».

Вопль, исторгнутый глоткой Ельшина, мог бы поднять на ноги мертвого! Ибрагимов и Свирайло вздрогнули, хватаясь за оружие, но снова застыли, скованные мысленным приказом Рыкова. В зал заглянули несколько бойцов «Стикса», телохранители генерала и Ибрагимова, но тоже превратились в замерших кукол.

Ельшин упал на пол, издавая дикие крики, стал рвать на себе одежду, царапать тело, колотить кулаками по голове, вырывать глаза, пока кровь не залила ему лицо. Затем крики его перешли в хрипы, стоны, он несколько раз дернулся и затих в луже крови, вытекшей из пустых глазных впадин; один глаз остался в его скрюченных пальцах, второй невидяще смотрел с пола на потрясенных людей, не сделавших ни одного движения, чтобы помочь своему командиру.

— Жить вредно, Генрих, — сказал Рыков хладнокровно. — Эта твоя формула применима и к тебе самому. Без Монарха ты — нуль... в отличие от Соболева. — Он повернул голову к Ибрагимову: — Обыщите его.

Майор подошел к Ельшину, нагнулся над ним, вытащил из карманов пистолет, сотовый телефон, бумажник, документы, зажигалку и сигареты.

— Это все.

— Ищи лучше, у него должен быть компакт или дискета.

Ибрагимов ощупал тело генерала и в специальном потайном кармашке пиджака нашел плоскую прозрачную коробку с компакт-диском, передал Рыкову.

— Это я тоже беру с собой. — Герман Довлатович покачал в руке «болевик», спрятал в карман. — Мощная машинка, пригодится. Чао, майор. Провожать меня не надо. А генерала вам лучше всего сдать военному прокурору, он дал санкцию на арест Генриха.

Рыков вышел. Ибрагимов посмотрел на тело Ельшина, встретил взгляд Свирайло, говорящий: что здесь, черт возьми, происходит?! — но и после этого не сразу пришел в себя. Оцепенение с командира «Стикса» и его зама спало лишь после того, как их страшный гость уехал. Не сговариваясь, они бросились вон из столовой, увлекая за собой телохранителей, на бегу подняли тревогу. Выскочили за ворота, но машин Рыкова и группы его сопровождения там уже не было.

Зато появилась другая машина.

Ошеломленные случившимся, не верящие тому, что к ним вот так спокойно мог войти человек, убить генерала и освободить пленников, майор и лейтенант и с десяток бойцов «Стикса», высыпавших следом, смотрели, как по разбитой асфальтовой дороге приближался к воротам базы черный «Понтиак» с темными стеклами. И еще до того, как он остановился, интуиция подсказала Ибрагимову, что новые гости о п а с н е е Рыкова. Потому что прибыли по его душу.

«Понтиак» остановился в двадцати пяти шагах от группы стиксовцев. Почти бесшумно открылись дверцы машины, из кабины с двух сторон вышли двое мужчин в черных комбинезонах (Ибрагимов признал армейские спецкомплекты Н-1 — «ниндзя») и надвинутых масках-шапочках, остановились. Молчание длилось несколько секунд. Потом тот, кто сидел справа от водителя, негромко раздельно произнес:

— Г д е о н а?

— Кто? — дернул щекой Ибрагимов, понимая, что речь идет о девушке, и узнавая голос.

— Митина. Я знаю, что она у тебя вместе с мальчишкой.

— А кто ты такой, собственно? — прорезался голос у Свирайло, по-ковбойски крутанувшего в руке пистолет.

Незнакомец сдвинул маску на затылок. Ибрагимов не удивился, узнавая лицо Балуева.

— Привет, ганфайтер. Живучий ты, однако. Давно не встречались, а?

— Где она?

— Опоздал ты, — ухмыльнулся Ибрагимов, — забрали ее вместе с мальцом. А зачем она тебе? Не жена ведь? Что это ты за юбки стал цепляться? Там, в Чечне, здесь...

— Кто ее забрал?

— Здесь был Рыков, — тихо проговорил спутник Балуева, обращаясь к нему так, чтобы его не услышали бойцы «Стикса».

— А если я не скажу, что ты сделаешь? — полюбопытствовал майор. — В угол поставишь? Нотацию прочитаешь?

— В яму положу, — глухо ответил Василий. — Сука си соку си[1]...

— Ну давай, попытайся... — Ибрагимов не закончил.

Движение руки Балуева было столь стремительно, что никто из людей майора, в том числе и он сам, не успел среагировать: сверкнула бесшумная стальная молния — и в лоб майору вонзилась рокухоси — шестилучевая звездочка сякэна. Мгновение Ибрагимов, качнувшись назад от удара, продолжал стоять с пистолетом в руке (успел-таки вытащить!), затем упал навзничь. Лейтенант Свирайло перевел недоуменный взгляд с лица Балуева на тело командира, снова на Балуева, еще раз на Ибрагимова, потрясенный происшедшим. Глаза его расширились, правая рука сжала рукоять пистолета, в левой появился кинжал — все тот же баллок, которым он владел мастерски и которым были убиты полковник Ивакин и генерал Дикой.

— Ах ты, б...!

Но прежде чем лейтенант успел выстрелить, к нему метнулся смертельный блик сякэна, и Свирайло опрокинулся на спину со звездой в переносице. А затем Горшин вскинул руку и сказал звучным, вибрирующим от сдерживаемой силы, властным голосом:

— Стоять!

Бойцы «Стикса», готовые открыть стрельбу, замерли.

— Бросьте оружие!

Осиротевшие стиксовцы повиновались.

— Ты! — Палец Горшина указал на стоявшего чуть впере-

[1]Игра слов: с у к а с и — немного, с о к у с и — мало *(яп.)*.

ди всех великана с бородкой и усами. — Где женщина с ребенком?!

— Их увезли на машине... серый «Лендровер» с флагом...

— Садись, поехали. — Горшин нырнул в кабину. — Это машина Рыкова.

Василий постоял немного, ненавидящими глазами пожирая тело Ибрагимова, потом напряжение схлынуло, он вздохнул с каким-то всхлипом, сел рядом с Тарасом, и «Понтиак» рванул с места, как торпеда, обдав гравием, землей и кусками асфальта застывших профессионалов «Стикса», оставшихся ни с чем. Только после этого они опомнились, открыли было огонь, бросились к воротам, чтобы сесть на машины и отправиться в погоню. Но было уже поздно. «Понтиак» догнать им не удалось.

Горшин хотел сказать Василию: вечно ты торопишься, что за нужда была демонстрировать бу-дзюцу?[1] — но посмотрел на его заострившееся лицо и передумал. Сказал вместо этого:

— Не переживай, Баловень. Она жива, а это главное. Рыкова мы достанем, я тебе обещаю. Хотя справиться с ним будет нелегко.

Вася закрыл глаза, откидываясь на спинку сиденья, представил лицо Ульяны и явственно услышал ее нежный голос:

«Ищи меня за тридевять земель, Васенька...»

Глава 34

Я ИСПОЛНЯЮ ВОЛЮ ПРОВИДЕНИЯ

Юрьев посетил храм Христа Спасителя не для того, чтобы воздать хвалу Господу или полюбоваться на его золотые купола и на красивейшее убранство центрального зала — трансепта, а для встречи с Бабуу-Сэнгэ. Координатор Союза Девяти ждал его у алтаря в толпе прихожан, неотличимый от них смиренной позой и благоговейной торжественностью созерцания. Вполне могло быть, что он медитировал, геометрия храма усиливала внутри зала колебания пси-полей отдельных людей, подводила их к резонансу и тем самым

[1] Бу-дзюцу — владение оружием *(яп.)*.

увеличивала позитивное воздействие на психику. Однако Юрий Венедиктович почувствовал его взгляд, понял, что запеленгован, подошел и встал сзади и чуть сбоку.

— Где Соболев? — спросил Бабуу-Сэнгэ, не разжимая губ.

— Пока не найден, — отозвался Юрьев тем же манером; услышать их мог бы только Посвященный, да и то в пределах двухметровой зоны затухания звука.

— Тогда зачем я вам понадобился?

— Рыков начал самостоятельную игру.

— То есть перебежал вам дорогу?

— Он взорвал дачу генерала Ельшина, убил его самого и захватил в заложники Ульяну Митину, оказавшуюся в руках секьюрити генерала. Теперь девушка у него, и он наверняка пустит в ход эту козырную карту, чтобы выйти на Соболева.

— Что вы предполагаете делать в связи с этим?

— Ничего. Наблюдать за Германом и его пленницей. Рано или поздно Соболев придет за ней, говорят, он друзей в беде не бросает, и тогда на сцену выйду я... — Юрьев улыбнулся, — в белой рубашке и галстуке.

Бабуу-Сэнгэ не понял последней фразы Юрия Венедиктовича, но уточнять ее смысл не стал.

— Хорошо, план реален. Что еще вы хотели сообщить?

Юрьев замялся.

— Рыков становится непредсказуемо опасен, Учитель. По моим сведениям, ему удалось забрать у Ельшина программу «К», файл связи с Конкере. Нетрудно представить, к чему это приведет.

— Да, Герман слишком увлекся идеей изменения реальности, его надо придерживать. Но с ним-то как раз мы договоримся, а вот Соболев тревожит меня все больше. Этот человек может преподнести не один неприятный сюрприз. Его необходимо... остановить.

— Но ведь он зомбирован... пентархом... или меня ввели в заблуждение?

— Мы его недооценивали, Юрий Венедиктович. По моим сведениям, он действительно инициировал эйнсоф, изменив нашу реальность, хотя мы этого и не почувствовали, и намеревается пойти еще дальше. То, что его запрограммировал Удди, еще ни о чем не говорит. И самое плохое, что Соболеву покровительствуют Хранители.

— До меня тоже дошли эти слухи...

— Это не слухи. Делайте свое дело, Юрий Венедиктович, и, как только в поле зрения появится Соболев, дайте знать.

Юрьев поклонился, отступил назад и вышел из храма. Из кабины своего роскошного «Кадиллака» он связался со своим подразделением ай-профи, стерегущим каждый шаг Рыкова с помощью специально «заколдованной», неощутимо работающей аппаратуры, выслушал доклад старшего группы и коротко бросил водителю:

— В Кремль!

* * *

Бабуу-Сэнгэ проводил внутренним взглядом кардинала, мечтающего когда-нибудь занять его место координатора, и приготовился ждать Хранителя, с которым договорился о встрече, и все же упустил момент, когда тот появился в храме. Впрочем, это его не удивило. Хранители владели всеми тайнами Круга.

Рядом с координатором Союза Девяти остановился высокий мужчина в блестящем, мокром, словно только что из-под дождя, зеленоватом плаще с откинутым капюшоном и в мягких сапогах, выглядывающих из-под плаща. На Бабуу-Сэнгэ взглянули прозрачно-серые, светящиеся внутренней энергией глаза Хранителя. Они поклонились друг другу, отгородившись от остальных посетителей храма «мембраной невидимости».

— Слушаю вас, координатор, — бесстрастно произнес Хранитель звучным голосом на метаязыке.

— Благодарю за предоставленную возможность побеседовать о важных вещах, Хранитель Матфей, — учтиво ответил Бабуу-Сэнгэ. — Правда ли, что вы покровительствуете непосвященному по имени Матвей Соболев?

— Правда.

— А как это согласуется с Уставом, традициями и законами Круга, которые запрещают вам вмешиваться в дела людей?

— Мы исполняем Волю...

— Чью?

— Волю Провидения, если хотите. Вы прекрасно знаете, координатор, что ваш Союз, как, впрочем, и другие Союзы Неизвестных по всей Земле, не справляется с коррекцией реальности. Состояние мира можно оценить в настоящий мо-

мент как пограничное. Небольшой толчок — и произойдет изменение реальности, которое поставит под сомнение существование человеческой цивилизации в том виде, в каком она сохранилась с момента адаптации после эксперимента Конкере. Необходимо предотвратить падение реальности в «яму» инфернального вырождения.

— Вы считаете, вашему протеже Соболеву это по силам? Он что, в самом деле аватара?

Ирония в голосе Бабуу-Сэнгэ не подействовала на Хранителя.

— Потенциально, — коротко ответил он.

Бабуу-Сэнгэ с сомнением посмотрел на собеседника, сосредоточенного на своих внутренних проблемах.

— Путь аватары состоит из двадцати двух ступеней...

— Он преодолел десять и подошел к «триаде сердца».

Бабуу-Сэнгэ не сделал ни одного жеста, но взгляд его был красноречив. Под «триадой сердца» подразумевались три ступени совершенствования Посвященного: Приобретение Воли, Частичное Отрицание и Сохранение Индивидуальности. Если Соболеву удастся пройти «триаду», ему ничто не помешает перешагнуть остальные восемь ступеней: Созидание Личности, Ответвление Совести, Регламентация структуры реальности, Зеркальный шаг, Маятник Отношений, Преодоление Жесткости, Магическое Оперирование, Двойник Совершенства. Потом ему останется сделать один небольшой шажок — познать Карусель Бесконечности, чтобы стать аватарой — Проводником Бога, и мир изменится...

Хранитель, не упускавший из внимания ни одного душевного сдвига собеседника, кивнул.

— Да, это так.

— А если вы ошибаетесь? — равнодушно проговорил Бабуу-Сэнгэ. — Если Соболев — «черный аватара»? По моим сведениям, он контактировал с Монархом и тот разбудил его тхабс.

— Не исключено, — слабо усмехнулся Хранитель.

— Мало того, он имеет доступ к Великим Вещам Абсолюта.

— Нам это известно.

— И последнее, — медленно сказал координатор Союза Девяти. — Он инициировал эйнсоф и... выжил! А это говорит о том, что Соболев — реализатор нового изменения, подго-

товленного Монархом. Вы понимаете ответственность момента? Готов ли Круг к роли, которую отводит ему Конкере?

— Не стоит переживать за весь Круг, координатор. Его деятельность нуждается в с и л ь н о й коррекции, кстати, в большой степени из-за отхода Союзов от своих прямых регулятивных функций. По большому счету все мы — и вы тоже — отступники. Но мой вам совет: не трогайте Соболева, это может плохо кончиться.

— Для кого?

— Для всех нас. Прощайте.

И Хранитель исчез.

Бабуу-Сэнгэ постоял в задумчивости, созерцая богатый алтарь храма, величественный лик Христа, и направился к выходу. Он вдруг понял, почему всполошились иерархи, жаждущие передела власти в «розе реальностей»: аватара мог лишить их возможности занять трон Мастера Мастеров. Претендента на это звание следовало либо уничтожить, либо склонить на свою сторону, как попытался сделать пентарх Удди. Если это ему удалось, «розу» ждали не лучшие времена...

Глава 35

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ

Горшин знал две базы, принадлежащие Рыкову. Одна из них располагалась в Домодедове, на месте бывшей муниципальной свалки мусора, вторая в Шереметьеве, замаскированная под маленький частный аэродром, способный принимать самолеты не выше класса «Ан-2» и вертолеты.

Сразу после разборки с Ибрагимовым они с Балуевым поехали в Домодедово, однако Тарас, не выходя из машины, определил, что Рыков здесь давно не появлялся, и заглушил мотор. Василий, сжигаемый нетерпением, посмотрел на него вопрошающе, и Горшин сказал:

— Не гони лошадей, ганфайтер. Спешка нужна только для ловли мелких насекомых. Во-первых, Ульяну Герман захватил не для того, чтобы тут же ликвидировать, у него явно есть стратегический расчет. Во-вторых, нас только двое, что явно недостаточно для штурма рыковских укреплений, уж ты мне поверь. Необходимы поддержка, разведка, подготовка и план действий. Подберем Ивана Терентьевича, определим место, где

Рыков прячет Ульяну, я позову кое-кого из знакомых, и лишь тогда можно будет начинать операцию. И хорошо бы отыскать Соболева, его помощь была бы неоценима.

— Но если сейчас внезапно...

— Согласен. Если мы сейчас внезапно позавтракаем, это сразу скажется на повышении тонуса.

Василий посидел некоторое время в напряженной позе, потом словно погас, откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза.

— Ты прав, извини.

Тарас включил мотор, и «Понтиак» покатился мимо глухого забора по дороге, выходящей на окраину Домодедова. Спустя сорок минут после бешеной гонки по автостраде и окраинам Москвы они подъехали к дому Горшина. Позавтракали, искупались и переоделись. Настроение Василия слегка поднялось. Он вообще не любил унывать долго, а когда предстояла сложная работа, привык готовиться к ней тщательно и думать только о предстоящем деле.

Оставив его хозяйничать, Тарас уехал и появился к обеду вместе с Парамоновым.

— Ульяна в Шереметьеве, — сказал он, проходя в свою спальню. — В два часа едем на место. Там нас будут ждать.

— Кто? — Василий пожал руку Ивану Терентьевичу.

— Ребята из моего личного мейдера. Для них я все еще комиссар «чистилища».

— Соболева не нашел?

— Вероятнее всего, он все еще находится в гостях, — сказал Парамонов.

— У кого? — не понял Вася.

— У Хранителей. Но вполне может быть, что он занят своими делами, не требующими нашего участия.

— А позвать его через астрал, или как там еще, вы не можете?

— Можем, но нас сразу запеленгует Рыков.

— Тогда пошел он к черту! — сердито сказал Василий. — Справимся и без него.

Парамонов укоризненно покачал головой и скрылся в ванной.

Через час они выехали в Шереметьево, соответственным образом переодевшись — в дымчато-серые комбинезоны с краповыми беретами. Иван Терентьевич стал подполковни-

ком спецназа внутренних войск, Горшин и Василий — лейтенантами.

База Рыкова, представлявшая с виду миниатюрный частный аэродромчик, пряталась за шеренгой лип и была окружена с двух сторон глинистыми холмами, поросшими чахлым кустарником. Забор ее окружал проволочный, территория казалась неухоженной, на ней стояли всего три строения: ангар, вышка и небольшое одноэтажное кирпичное здание вокзала, а весь летный парк составляли два вертолета и старенький «Як-12», так что смотреть особенно было не на что, однако на самом деле база Рыкова охранялась не хуже, чем дача Ельшина, а по объему оборудования, масштабам подземных фортификационных сооружений (она имела точно такую же станцию с выходом на секретную ветку метро), по количеству оружия и взрывчатки превосходила ельшинскую резиденцию втрое. Главным же козырем Рыкова в данной местности было наличие супернового боевого вертолета «Ка-97», потомка знаменитого штурмовика «черная акула», и самолета вертикального взлета и посадки, запрятанных под полом ангара и готовых взлететь в любую минуту.

Все это Василий узнал от Горшина, пока они пересекали Москву с юга на север.

— Ну хорошо, — хлопнул себя по бедру ладонью Василий, когда машина остановилась в полукилометре от липовой аллеи, за которой просматривались ворота, будка пропускного пункта и летная вышка. — Ясно, что основные силы противника расположены под землей, территория базы просматривается телекамерами и простреливается пулеметами, охрана хорошо укрыта и соответственным образом экипирована. Каков план действий? Прямая атака? Нас превратят в решето раньше, чем мы подъедем к вокзалу. Кстати, спуск под землю может быть и не там.

— Спуска два, — сказал рассеянно Тарас. — Главный, грузовой — в ангаре, для начальства — из здания вокзала. Атаковать базу в лоб мы не станем, но действовать будем открыто и нагло. Рыкова сейчас здесь нет, поэтому Иван Терентьевич сыграет его роль. Ну а когда прорвемся, будем работать по обстоятельствам. Годится тебе мой гениальный план?

— Вполне, — усмехнулся Василий. — Люблю безумные мероприятия. Но не кажется ли вам, сэр, что Иван Терентьевич не очень похож на... — Вася замолчал. Рядом с ним сидел

не Парамонов в форме подполковника, а кардинал Союза Девяти и безучастно смотрел на него, неотличимый от настоящего Рыкова.

— Похож? — участливо спросил он голосом Германа Довлатовича.

— Оборотень! — сказал Вася кратко, с дрожью в желудке. Он все время забывал об экстраординарных возможностях Посвященных, каждый раз испытывая зависть и давая себе клятву добиться того же. Откашлялся. — Допустим, это сработает. А как мы найдем Ульяну?

— Найдем, — улыбнулся Рыков-Парамонов. — Она здесь, хотя Герман и позаботился о блокировке базы, поставив «печать отталкивания».

— Какую печать?

— Это нечто вроде магического заклинания, не позволяющего Посвященным нашего уровня устанавливать телепатическую связь на расстоянии.

— Как же вы тогда узнали, что Уля здесь?

— Рыков забыл, что она не одна. Ульяна заставила «светиться» ауру Стаса. Очень слабо, на пороге шумов, один бы я не уловил это свечение, но нас трое, и чувствительность нашего общего «телепатоприемника» существенно выше.

— Я не в счет, я же не Посвященный.

— В счет, в счет, Василий Никифорович, ваш пси-резерв уже дает о себе знать, скоро вылупится и цыпленок паранорма. Ну что, Тарас Витальевич, поехали?

Горшин поднес ко рту рацию.

— Ветер, я Граф, как слышите?

— Слышим и видим хорошо, — донесся голос командира мейдера «чистильщиков». — Готовы начать бузу в любой момент.

— Только по команде. Сейчас молчок, наблюдайте.

— Принял, Граф. Будьте осторожны, у них очень мощная сторожевая система, мы засекли четыре бронеколпака по углам поля.

— В случае нужды ослепите их.

— Принял, сделаем.

Горшин выключил рацию.

— Мои люди на местах, можно начинать.

— Никого не вижу, — сказал Вася, повертев головой. — Хорошо маскируются твои ребята. Сколько их у тебя?

— Семеро.

— Всего-то?

— Каждый из них стоит пятерых. Все, разговорам конец, начали.

Горшин отпустил сцепление, и «Понтиак» — сейчас он издали был уже не «Понтиак», а серый «Лендровер», на котором ездил Рыков, — покатил к воротам базы. Остановился, дал гудок. Никто не появился в поле зрения, ни на поле, ни из будки КПП, но ворота дрогнули и раздвинулись влево-вправо, влекомые невидимым сервомеханизмом. Соединенный раппорт Горшина и Парамонова дошел до сторожей, контролирующих въезд на территорию базы.

«Понтиак» миновал ворота, проехал полсотни метров по бетонке и остановился у здания вокзала с металлической входной дверью, над которой прятался глазок телекамеры.

«Рыков»-Парамонов неторопливо вылез из машины, остановился перед дверью, за его спиной выросли Горшин и Василий. Ожидание длилось долгих пять секунд, пока новоприбывшее высокое начальство разглядывалось дежурным на мониторе телеслежения, потом дверь тихо и торжественно — толщина ее достигала сантиметров двадцати — отошла назад, и гости шагнули в квадратный холл здания, где их ждал недоумевающий командир смены — верзила в комбинезоне цвета хаки без знаков различия.

— Вы?! Что-нибудь случилось?

— Доставьте пленницу, — сухо сказал «Рыков». — Вместе с мальчишкой.

— Она же... — замялся начальник охраны. — Мы ее усыпили.

Вася сделал движение, но почувствовал толчок в спину и остановился, с трудом сдержав желание свернуть охраннику шею.

— Приведите ее в чувство, — тем же тоном сказал «Рыков». — В крайнем случае принесите ее сюда. Живее!

— Как скажете.

Командир смены скрылся за одной из дверей холла. Оставшиеся переглянулись, чувствуя на себе взгляды по крайней мере двух человек, и разбрелись по комнате, приглядываясь к деталям.

В холл выходили четыре двери, две из которых вели в коридоры — правый и левый, а две другие — в служебные каби-

неты. «Рыков» остановился у одной из них, Горшин у другой. Вася занял позицию у выхода в левый коридор, глянул на спутников и успел заметить их засветившиеся от внутреннего усилия лица.

Ничего не произошло с виду, но Вася был уверен, что наблюдатели, сидящие за дверьми и готовые выскочить оттуда с оружием в руках по команде старшего, теперь спят.

Тарас пересек холл и вышел в правый коридорчик, который вел в небольшой зал ожидания с тремя рядами стульев и двумя окошками касс. В зале никого не оказалось, но за дверью в углу зала кто-то ворочался, недобрый и опасный, и Горшин задержался перед ней, напрягаясь и недоумевая, почему ему не удается у в и д е т ь, кто находится в помещении. Лишь с помощью Парамонова удалось разгадать эту загадку: помещение было личным кабинетом Рыкова, закрытым «печатью отталкивания».

— Хотелось бы посмотреть, что он там прячет, — вполголоса заметил Василий. — Даже я чувствую, как от двери несет холодом.

— Не стоит рисковать, — покачал головой Парамонов. — Вряд ли Герман держит здесь ценные вещи, скорее всего там стоит его персональный компьютер. Возвращаемся.

Они вернулись в холл и стали ждать возвращения начальника смены, понимая, что уже ничего не могут изменить. Все теперь зависело от обстоятельств, венчающих цепь причин и следствий, которую они привели в действие своим появлением на базе.

Верзила в комбинезоне хаки появился через несколько минут один.

— К сожалению, она нетранспортабельна, вам придется спуститься к ней в камеру.

Гости переглянулись.

— Что значит — нетранспортабельна? — недобро полюбопытствовал Василий.

— Она сопротивлялась, пришлось вколоть ей хорошую дозу наркотика, ребята перестарались...

— Она жива?!

— Естественно, но сердце работает плохо.

— Идите вперед! — жестко сказал «Рыков».

Начальник охраны безмолвно повернулся, подчиняясь

приказу, а у Василия, поймавшего его п у с т о й взгляд, вдруг молнией мелькнула догадка.

— Он же... зомби! — выдохнул Вася на ухо Горшину, взяв его под руку.

— Я уже понял, — беззвучно ответил Тарас. — Но менять план поздно, держись сзади, контролируй тыл.

Коридор привел их в небольшую комнату с двумя лифтами. Один за другим они вошли в кабину, которая унесла их под землю примерно метров на десять, на второй горизонт базы. Дверь лифта открылась, и гости оказались перед шеренгой мощных парней в комбинезонах цвета хаки с автоматами в руках, направленными на лифт. Парней было десять, но за их спинами в глубине широкого тоннеля с бетонными стенами и полом, освещенного белыми люминесцентами, неподвижно стояла группа вооруженных людей, и все они весельчаками не выглядели. Уверенные и безразличные ко всему, они ждали приказа. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы увидеть в них зомби-солдат.

Вася искоса посмотрел на своих спутников и снова уловил момент, когда они в с п ы х н у л и, передавая мысленный приказ пропустить их. Несколько мгновений казалось, что раппорт не подействовал на запрограммированных бойцов Рыкова, уж слишком неподвижными, вросшими в пол они были. Потом сопровождавший гостей гигант вышел из лифта, и шеренга расступилась, опуская автоматы. Чувствуя тяжелые взгляды парней, Василий незаметно потрогал запас метательных звезд в спецкарманах кителя и рукавов. С зомби-солдатами он в прямых схватках не сталкивался, но знал, на что они способны. Встретившая их молчаливая команда, напоминавшая роботов, создающая впечатление жестокости и бездушной мощи, осталась сзади, и это Васе очень не понравилось. Им предстояло возвращаться тем же путем, а что могло взбрести в головы «механически-биологическим» монстрам, представить было несложно.

Пройдя около тридцати шагов по серому бетонному тоннелю, уходящему вперед не меньше чем на двести метров, группа остановилась у белой блестящей стены, окантованной металлическими полосами, с двумя рядами черных пластин. Сопровождавший группу начальник охраны приложил руку к одной из пластин, правая створка двери с гулом отъехала вбок, открывая вид на новый тоннель — короткий, ши-

рокий, выложенный сверкающим кафелем, с рядами белых же дверей с прозрачными окошками на них и без единой ручки.

За входной дверью слева располагалась стойка с телеэкраном, за которой устроилась охрана в хаки — морщинистый коричневолицый лысоватый тип и молодой парень с ничего не выражающим взглядом. Когда гости вошли, он слез со стула и встал по стойке «смирно», в то время как лысый продолжал сидеть и смотреть на экран.

Верзила сопровождающий шагнул в сторону, как бы говоря, что он сделал все, что от него требовалось, но его услуги были уже не нужны. Иван Терентьевич сразу направился ко второй двери слева, заглянул в окошко и повернулся к охранникам линии.

— Открыть!

Коричневолицый страж прошелся рукой по клавиатуре монитора. Дверь с окошком плавно скользнула в сторону, открывая просторную комнату, залитую голубоватым светом, обитую со всех сторон мягкими кожаными подушками. На полу лежала Ульяна с открытыми глазами, а рядом, взяв ее за руку, сидел Стас и испуганно смотрел на вошедших, никого не узнавая.

Парамонов склонился над Ульяной, вглядываясь в ее глаза. Василий слепо шагнул вперед, проглатывая ком в горле, но Горшин остановил его:

— Не мешай!

— Она... что с ней?!

— Она у ш л а.

— Как ушла?! Куда?!

— Не психуй, все будет в норме. Она перевела сознание в другое состояние — трансперсональной концентрации. Вывести ее из этого состояния трудно, но возможно.

— Зачем она туда... ушла?

Горшин помолчал.

— Либо Рыков допрашивал ее... а он сильнее, я имею в виду владение диапазоном Сил. Либо он применил «глушак». Плюс наркотики.

— Га-эл-лха-манн! — звучно проговорил Парамонов, вытягивая над грудью Ульяны засветившиеся руки.

Глаза Ульяны закрылись, щеки слегка порозовели. Она

вздохнула с облегчением, но сознание возвращаться к ней не спешило.

— Вместе! — сдавленно произнес Иван Терентьевич, не оборачиваясь.

Горшин шагнул к нему, присел возле девушки на корточки. Он понимал, что, занимаясь восстановлением психики Ульяны, теряет контроль над обстановкой, но иначе они могли бы не успеть вывести ее из смертельно глубокого забытья.

Василий подошел к Стасу, широко раскрытыми глазами наблюдавшему за действиями мужчин, мягко потрепал его вихры.

— Иди сюда, парень. С тобой все в порядке?

Мальчишка перевел взгляд на него, и с губ его чуть не слетел крик: «Дядя Вася!» — Василий едва успел закрыть ему рот ладонью.

— Тихо! Мы пришли за вами. Вопросы будешь задавать потом, а сейчас держись рядом и молчи.

Внезапно Василию показалось, что его накрыла холодная тяжелая тень. Он вздрогнул, машинально глянул вверх, хватаясь за пистолет под мышкой, и метнулся к выходу, без подсказки понимая, что ситуация изменилась.

— Задержи их! — догнал его голос Тараса, который понял, в чем дело, раньше Балуева.

Вася взглянул на лица зомби-охранников и их командира, и ему стало ясно, что они получили мысленный приказ Рыкова, преодолевший торможение, внушенное им Горшиным и Парамоновым. Он не колебался ни секунды. Прыгнул вперед, с перекатом, сбивая прицел начавших стрельбу охранников, и ответил сам, не потратив ни одной лишней пули из своего «волка»: три пули — три дыры во лбах зомби-солдат.

Еще две пули Василий выпустил в щель начавшей открываться двери во внешний тоннель, в которую готовы были ворваться парни оставшейся у лифта команды, метнулся к пульту монитора и ударил по нему кулаком, не имея времени на выяснение функций каждой клавиши. Дверь перестала открываться. Очистился и открытый проем. Бойцы сторожевого контингента базы не спешили подставлять себя под пули, оценив мастерство стрелка. Но длилось это хрупкое равновесие недолго.

По тоннелю с той стороны прошло какое-то движение,

перестановка сил, а затем вместе с холодным дуновением ветра прилетел чей-то тихий невыразительный голос:

— Не стреляйте, я безоружен.

Вася оглянулся на товарищей, поддерживающих Ульяну под руки, пережил вспышку радости (ожила, слава Богу!), но снова переключил внимание на дверь.

— Пусть войдет, — кивнул ему Тарас.

В щель скользнул невысокого роста человек в темно-сером костюме, остановился у порога, оглядывая всех, кто находился в камере с мягкими стенами и полом, и от его взгляда Василия качнуло, будто он стоял на палубе парусника во время шторма.

— Поздравляю, Граф, — продолжал Рыков. — Мое почтение, Иван Терентьевич. Вы очень на меня похожи, смею вас уверить. Приветствую вас на моем секретном полигоне. Признаться, я не ждал вас так скоро. Как себя чувствует ваша приятельница? Надеюсь, она выдержала испытание.

Василий шевельнулся, преодолевая желание всадить кардиналу пулю в лоб, наткнулся на его ответный сверкнувший взгляд и замер, не в силах сделать ни одного движения. Скрипнул зубами, вызывая яростную волну стихийного душевного протеста, тягуче медленно поднял руку с пистолетом и тем самым заставил кардинала Союза Девяти, удивленного и уязвленного сопротивлением человека, которого он и в грош не ставил, отвлечься на повторную пси-атаку. Это было его ошибкой.

Горшин и Парамонов не стали ждать продолжения переговоров, а мгновенно воспользовались случаем и нанесли мощный удар по психике Рыкова, загоняя сознание кардинала в положение, в которое он перед этим загнал сознание Ульяны. И Рыков, самоуверенно считавший себя более сильным, чем противник, впервые в жизни потерпел поражение, не сумев защититься от шумового пси-удара, деформирующего сознание, увлекающего его в бездну п у с т о г о состояния.

— Уходим! — бросил Горшин, поддерживая Ульяну. — У нас всего несколько минут, он скоро восстановится.

— Так давай пристрелим его, — брезгливо предложил Василий.

— Неспортивно, — серьезно проговорил Иван Терентьевич, снова превращаясь в «Рыкова». — Пусть живет, его жизнь принадлежит Кругу.

— Он на нашем месте вряд ли поступил бы так гуманно. Кстати, он вас обманул.

— То есть? — удивился Иван Терентьевич.

— Он вооружен. — Василий подошел к застывшему неподвижно Рыкову и достал из кармана необычной формы пистолет с алой насадкой. — Что это, по-вашему?

— «Болевик»! — негромко сказал Горшин. — Генератор боли «пламя». А я ломаю голову, чем он достал Ульяну, почему она не приходит в себя так долго!

— Что? — У Васи перехватило дыхание. — Он в нее... стрелял из «болевика»?!

— Успокойтесь, Василий Никифорович, — мягко сказал Парамонов. — Все уже позади, Уля молодец, сумела сберечь рассудок, хотя и ценой глубокого нырка в подсознание.

— Он... в нее...

Никто ничего не успел ни сказать, ни сделать. Вася щелкнул пальцем; движение его было почти незаметно — и Рыков опрокинулся навзничь с иглой босюрикэна в правом глазу.

Несколько секунд в помещении камеры стояла глухая тишина. Посвященные озабоченно, Стас с ужасом разглядывали странно неподвижное, ни разу не вздрогнувшее тело кардинала. Потом Парамонов покачал головой и вышел, не говоря ни слова. Горшин без особого осуждения окинул Василия взглядом, похлопал его по плечу и повел не совсем пришедшую в себя Ульяну к выходу.

Вася бросил ненавидящий взгляд на бледное лицо человечка со стрелой в глазу и струйкой крови, сползающей по щеке, человечка могущественного, с легкостью манипулировавшего чужими жизнями, плюнул и от души пожелал ему попасть в ад.

Они вышли в тоннель, снова овладев сознанием зомбированных Рыковым сотрудников и охранников базы. Среди них присутствовали и телохранители Германа Довлатовича из его личного кардинальского манипула, тренированные по высшему классу спецопераций, пятеро молодых людей в одинаковых костюмах: зеленоватые брюки, фиолетовые рубашки, кожаные безрукавки, специальные, удобные в бою и для бега, туфли. Вооружены они были пистолетами-пулеметами отечественного производства «кедр-2», «бизон-3» и «ПП-98», пистолетами «волк» и «штейер» девятимиллиметрового калибра, а также целым набором холодного оружия

от охотничьих ножей фирмы «Хантер» и ножей выживания «бакмастер» до метательных пластин и кастетов. Одного взгляда на их неподвижные лица было достаточно, чтобы понять, насколько они сильны и опасны.

Увидев «своего шефа», они пристроились у него за спиной и по бокам, ведомые волей Парамонова, и Василию ничего не оставалось делать, как топать следом и вести за собой перепуганного и усталого Стаса. Горшин с Ульяной возглавили процессию.

Им удалось без инцидентов выбраться наверх, освободиться от охраны, приказав ей заниматься своими делами, и перевести дух в здании «вокзала», возведенного, очевидно, с целью одурачивания проверяющих государственных служб, однако ликовать было еще рано. Снаружи «вокзала» освободителей Ульяны ждала другая команда, интересы которой совпадали с интересами Рыкова, но противоречили интересам Посвященных. Первыми ее обнаружили Иван Терентьевич и Тарас, еще до того, как их окликнули из-за стен здания.

— Тупик! — сказал Горшин, вдруг закрывая глаза и прислушиваясь к чему-то.

— Да, этого мы учесть не могли, — согласился Парамонов.

Василий, чувства которого обострились, тоже ощутил дыхание опасности и оглянулся на спутников.

— Нас встречают? Так это понимать? Кто?

— Очень серьезные люди, — пробормотал Иван Терентьевич со вздохом, все еще сохраняя внешность Рыкова. Телохранители Германа Довлатовича продолжали опекать своего босса и могли среагировать неадекватно, узрев на его месте незнакомого человека, а драться с ними желания не было ни у кого.

— Кто? — повторил вопрос Василий.

— Господин Юрьев со свитой, — буркнул Тарас. — Советник президента и он же кардинал Союза Девяти. Но похоже, он не один, с ним кто-то еще, кого я не могу идентифицировать.

— Бабуу-Сэнгэ, — коротко сказал Парамонов.

— Кажется, Соболев говорил мне о нем, — наморщил лоб Василий. — Координатор Союза Девяти?

— Собственной персоной.

— Влипли! — присвистнул Вася.

— Эй, там, в коробке, — раздался за стеной здания недоб-

рый голос. — Выходи по одному, с поднятыми руками. Оружие не брать, резких движений не делать. Открываем огонь без предупреждения.

Мужчины переглянулись.

— Делайте что приказано, — обратился к телохранителям «Рыков». — Это недоразумение. Но ждите моей команды. Вполне возможен вариант выхода без оружия.

— Понятно, — сказал старший группы, бросил на пол оружие и вышел из холла. За ним покинули здание рослые парни рыковского манипула, привыкшие беспрекословно подчиняться приказам босса.

— А мы? — Вася подошел к Ульяне, начинавшей оглядываться и с усилием соображать, что происходит.

— А мы попробуем выяснить, что им надо, — сказал Иван Терентьевич. — Я выйду.

— Подождите, — сказал Горшин, достал рацию. — Ветер, я Граф, как слышите?

— Наконец-то, командир! — отозвалась рация голосом старшего группы поддержки. — Здесь такое творится! Нас словно в мясорубке прокрутили, непонятно, в чем дело. Еле оклемались. Подъехали какие-то крутые профи, окружили базу. Что делать?

— Броневик видите?

— БТР? Видим.

— Попытайтесь захватить, но без шума. И готовьтесь по сигналу открыть по всем этим профи огонь на поражение из всех стволов. Как понял, Ветер?

— Голова гудит, но соображает. Все сделаем как надо, Граф. Каков будет сигнал?

— Включи рацию на аварийную волну и жди точку. Конец связи!

Горшин сунул рацию в нагрудный карман, посмотрел на Парамонова.

— Может быть, лучше я пойду на переговоры?

— Это лишнее, — кивнул на рацию Иван Терентьевич. — Потеряете людей.

— Они знают, на что идут, и верят в правоту дела. У них нет выбора. Вернее, они сделали его давно.

Створки двери раздвинулись, выпуская Парамонова наружу, и плавно закрылись. Для остальных потянулись минуты ожидания, равные по напряженности часам. Вася подо-

шел было к Ульяне, но поймал затравленный взгляд Стаса и присел возле него. Посмотрел в его глаза.

— Прорвемся, герой?

Стас неумело улыбнулся, сразу оживая и приободряясь. Ульяна перестала поглаживать затылок, подошла к нему, присела рядом с Василием, погладила его по плечу, взъерошила волосы мальчишки, и обоим показалось, что впереди их ждет удача.

Глава 36

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Иван Терентьевич оценил положение с одного взгляда.

Здание «вокзала» рыковского «аэродрома» было окружено со всех сторон людьми в строгих штатских костюмах, вооруженными не хуже армейского спецназа. Точно так же был окружен и ангар, у проволочных ворот стояли три микроавтобуса и два джипа «Тойота», а на одном из ближайших лысых холмов маячил силуэт БТРа с ракетной установкой. Бронекупола, предназначенные для защиты базы и в мирное время прятавшиеся под землей, сейчас были подняты наверх, а их пулеметы смотрели на ангар и на здание «вокзала». Не приходилось сомневаться, что обитатели колпаков перепрограммированы Юрьевым и готовы открыть огонь по кому угодно в соответствии с мысленным приказом.

Телохранителей Рыкова нигде не было видно — вероятно, их уже затолкали в микроавтобус. Дверца одного из джипов отворилась, из него вылез человек в белой рубашке и брюках «лайк», неторопливо направился через распахнутые ворота к зданию «вокзала». Это был Юрий Венедиктович Юрьев. Он прошел цепь штатских мальчиков, остановился в двадцати шагах от Парамонова и некоторое время разглядывал его, словно раздумывая, что с ним делать. Пси-пространство вокруг него ощутимо вздрагивало и шаталось, завивалось штопором и расплывалось опадающими волнами, и усмирять эти волны, грозившие затопить Посвященного и мир вокруг, было очень трудно. Уровень Сил, которыми владел кардинал Союза Девяти, был гораздо выше возможностей Парамонова, но он, понимая это, готовился дать бой, чтобы попытаться спасти друзей, хотя бы и ценой жизни.

— Что вам угодно, кардинал? — сдержанно спросил Иван Терентьевич. — По какому праву вы нас задерживаете?

— По праву сильного, — с любезной полуулыбкой ответил Юрий Венедиктович. — Мне нужен Соболев. Вы знаете, где он прячется. Предлагаю обмен: я вам свободу, вы мне адрес.

— Я не знаю, где прячется Соболев, — ровным голосом сказал Парамонов. — И никто из тех, кто сейчас со мной, не знает. Герман напрасно пытал Ульяну.

— А где сам господин Рыков? Неужели вам удалось его нейтрализовать?

— Он недооценил кое-кого из моих друзей и, возможно, лишился глаза.

— Вот как? — Юрьев озадаченно скрестил руки на груди. — Может быть, и я вас недооцениваю?

— Может быть. Хотя, судя по эху, вы пришли сюда не один, с вами координатор. Или я ошибаюсь?

— Его здесь нет. — Юрьев подумал и добавил: — Пока. Он появится, как только я дам сигнал. Вам придется побыть моим пленником, Иван Терентьевич.

— Ради чего?

— Я уже сказал: мне нужен Соболев. Вы с друзьями позовете его, он приедет, и я вас отпущу.

Иван Терентьевич засмеялся. Юрьев смерил его недоуменным взглядом.

— Что вас развеселило?

— Вы напомнили мне героя Маяковского: «Я человек с крупными запросами... Я зеркальным шкафом интересуюсь»[1]. Помните? А если мы откажемся?

— Тогда я напомню вам в ответ слова Дюма-отца: «Поверьте, друг мой, не заслуживает доверия человек, предпочитающий плохое хорошему»[2]. Вам все равно придется сделать то, что я от вас прошу, только уже на других условиях. Вы же знаете кредо Союза: мы всегда добиваемся поставленной цели.

— К сожалению, это правда. Но самое плохое, чего вы не видите, — это то, что цели ваши изменились. До сих пор Аморфы и иерархи «розы реальностей» уравновешивали друг

---

[1] Маяковский В. Клоп.

[2] Дюма А. Виконт де Бражелон.

друга, не позволяя кому-нибудь слепо экспериментировать с целыми Вселенными — слоями «розы». Но теперь этот механизм поломан, равновесие нарушено, в ряды иерархов проник вирус властолюбия...

— Мы не судьи иерархов, — холодно перебил Посвященного кардинал. — Они вправе делать то, что им хочется делать.

— Конечно, — грустно согласился Иван Терентьевич, — вправе. Но границы «розы» не являются непреодолимыми, ржавчина отношений иерархов просочилась и в нашу реальность, отразилась на всех уровнях бытия, на всех людях, в том числе — и в первую очередь! — на вас. Разве деятельность Рыкова не есть попытка занять другой уровень властвования в Союзе? А ваши усилия повлиять на Соболева, способного нарушить равновесие социума не в вашу пользу, разве не являются попыткой изменить с в о й личный статус?

— Он нужен не мне, — еще более холодным тоном ответил Юрьев. — Действия Соболева действительно угрожают социуму дестабилизацией, Союз не может не реагировать на такие процессы, не изучать их причины и... не устранять, если понадобится. Итак, каково ваше решение?

— Я должен обсудить ваш ультиматум с друзьями. Если мы откажемся...

— Мы вас заставим, Иван Терентьевич.

— Если мы откажемся, — закончил Парамонов, — вряд ли победа достанется вам легко, кардинал. Вы один, нас трое Посвященных, старейшины Круга узнают о нападении...

Юрьев сделал пренебрежительный жест.

— Традиции Круга требуют пересмотра, мы просто подтолкнем Сход Круга к этому решению. Но, во-первых, я не один...

Из двери ангара в полусотне метров от здания «вокзала» вышел человек в знакомом темно-сером костюме и направился к ним. Парамонов узнал Рыкова, вздрогнул. Хотя он и знал о возможностях кардиналов выживать в условиях, в которых любой нормальный человек неминуемо погиб бы, все же не ждал, что Герман Довлатович восстановится так быстро.

Рыков остановился рядом с Юрьевым. Правый глаз его был залеплен пластырем, но левый смотрел на Парамонова с обычным кажущимся безразличием и кротостью.

— Во-вторых, у нас есть то, чего нет у вас, — продолжал

Юрьев снисходительным тоном, — то есть гипногенераторы «удав». Вы знаете их возможности. Не хотелось бы их применять, но если придется...

— Ответ будет...

— Нет! — появился за спиной Ивана Терентьевича Горшин. За ним из двери вышли Балуев и Ульяна, сумевшая почти полностью прийти в себя и поддержать мужчин.

— Дайте нам пройти, — шагнул вперед Тарас, стряхивая с кистей рук на бетон площади перед «вокзалом» брызги золотистого сияния. — Мы никому не причинили зла, не собираемся вмешиваться ни в дела Союза, ни в разборки между кардиналами, не планируем никаких враждебных действий. Мы только защищаемся. Оставьте нас в покое!

Юрьев и Рыков переглянулись. Василий смотрел на ожившего Германа Довлатовича сузившимися глазами, и во взгляде его плавилось грозное обещание вернуть кардинала аду, откуда он сумел выбраться.

— Жаль, что вы нас не поняли, — тихо проговорил Рыков. — С вами или без вас мы все равно добьемся своего. В конце концов, жизнь одного-двух Посвященных — ничто по сравнению с тайной Круга. Коррекция реальности допускает и не такие жертвы.

— Вы не можете отвечать за весь Круг, — так же тихо произнес Парамонов. — Союз Девяти давно перестал корректировать реальность во имя самой реальности, он сохраняет лишь себя. Иначе зачем Герману надо было убивать генерала Ельшина и отбирать у него файл связи с Конкере? Он что, заботился о Союзе? Не думаю. Контакт с Соболевым ему нужен тоже для защиты Союза? Тогда почему вы действуете несогласованно? Он — отдельно от вас, вы — от него? Продолжать?

— Не стоит, — небрежно сказал Юрьев. — Мы разберемся с Германом Довлатовичем.

— Тогда пропустите нас.

— Сожалею, — развел руками Юрий Венедиктович, и в тот же момент кардиналы нанесли страшный — по мощи и неожиданности — пси-удар по группе Посвященных, изменивший их восприятие реальности мира и заставивший напрячь все силы для защиты.

Василий выбыл из борьбы в тот же миг, поэтому в первое

время ничем не мог помочь своим соратникам. Его ощущения можно было описать немногими словами: удар по голове — огонь в жилах — острая боль во всех нервных узлах — оглушительный шум в ушах — головокружение — шок — потеря сознания... Затем заработала его подсознательная врожденная система адаптации и защиты, включаемая инстинктом самосохранения, и сознание вернулось к нему. Однако картина, которую он увидел, повергла его в новое шоковое состояние.

Он лежал на каменной глыбе среди тысяч таких же глыб, образующих гигантское поле скальных обломков преимущественно багрового, бурого и коричневого цветов. Небо над головой было глубокого сапфирового оттенка и казалось невероятно высоким и глубоким, притягивающим взор.

Рядом, всего в десятке шагов, торчало над скальным полем низкое пирамидальное сооружение со срезанной вершиной, сложенное из полупрозрачных стеклянных кирпичей фиолетового цвета, создающее мерзкое ощущение живого фасетчатого глаза. На его вершине спиной к спине стояли трое: двое мужчин и женщина в странных пластинчатых доспехах, с мечами в руках, напряженно вглядываясь в небо. Василий узнал Горшина, Парамонова и Ульяну.

Он встал на четвереньки, преодолевая студнеобразную рыхлость тела, обнаруживая, что на нем тоже надеты доспехи, только погнутые, прожженные, в дырах и заплатах. Рядом валялся необычной формы нож с двумя лезвиями, и он подобрал его, убедившись, что рукоять удобно легла в ладонь, словно была подогнана по руке. Собравшись с силами, Вася встал на ноги... и кубарем покатился по камням от удара, нанесенного сзади с невероятной силой.

Сознания на этот раз он, однако, не потерял, хотя удар оглушил его и лишил способности видеть, что происходит вокруг. Напрягся, поднимая в душе волну яростного желания увидеть обидчика и дать ему отпор. Зрение прояснилось. Не спеша подниматься, Василий слегка повернул голову и наконец увидел своего врага, которого до этого почему-то не замечал.

Пирамидальное строение окружала цепь гориллоподобных созданий, одетых в чешуйчатые балахоны и вооруженных пучками длинных гибких усов. Одна из «горилл» и врезала Василию по затылку этим пучком, имеющим массу и

твердость кирпича. Она стояла ближе всех, готовая повторить удар, и бдительно следила за лежащим Балуевым.

«Ну, погоди, курва! — пообещал ей в душе Василий. — Ты у меня первый кандидат в покойники!..»

И вдруг что-то щелкнуло в его мозгу. Картина неизвестного мира исчезла. Вася осознал себя лежащим на бетонной плите площади недалеко от здания «вокзала», над ним угрожающе навис один из накачанных мальчиков Юрьева с автоматом в руке, прикладом которого он огрел Балуева. Сами Юрьев и Рыков, неожиданно прибавив в росте, кружили вокруг плотно стоявших спиной к спине Посвященных и метали в них длинные шипящие языки злого зеленого огня, искажающего очертания предметов. Посвященные отвечали ветвистыми голубыми молниями, которые гасли, не долетая до кардиналов Союза Девяти.

Затем в голове Васи снова «хрустнул сучок», и картина с полем камней, синим небом и пирамидой вернулась. Но одновременно у Василия родилось странное убеждение, что он уже переживал нечто подобное.

«Чует мое сердце, что мы это уже проходили, — пробормотал он про себя. — И называется сей фокус «трансперсональным восприятием»...»

— Эй! — позвал Василий отвлекшегося на секунду стража и, прежде чем тот замахнулся пучком усов, здорово напоминающих розги, прыгнул к нему и чиркнул ножом по горлу, обходя падающее тело. Вторая «горилла» подняла свое оружие, направляя его на Балуева, но было уже поздно: брошенный нож вонзился ей в шею, и выстрел (выглядело это в фантомном пространстве пси-боя так, словно розга-прут отделилась от пучка и полетела как стрела!) Василия не задел. Затем он подхватил выпавший из лапы «гориллы» «пучок розог» и ответил длинной очередью «стрел», одновременно падая за тело поверженного врага, которое и приняло на себя ответные очереди своих собратьев.

И тем не менее вряд ли ему удалось бы переломить ход схватки, если бы не вмешались ждущие своей минуты союзники Посвященных.

Первыми в бой вступили профессионалы-«чистильщики» из мейдера Горшина. Среди них были снайперы, огонь которых мгновенно нанес значительный урон вооруженным силам кардиналов, а четыре ракетных залпа из установки за-

хваченного ими БТРа вдребезги разнесли ангар и повредили три из четырех бронеколпаков по углам летного поля.

По тому, что стрельба по Василию стала стихать, он сразу смекнул, в чем дело, предоставил горшинскому спецназу расправляться с «гориллами» и перенес огонь из «пучка розог» на пляшущих в смертельном танце кардиналов, заставляя их отбиваться на физическом плане и снизить пси-натиск на противника. Ответный удар выбил из него сознание, как пылинку из ковра, но яростно защищавший себя организм быстро очистился от «дыма» отрицательных энергий, и Вася снова вмешался в бой, заставляя Рыкова и Юрьева опять отвлекаться на защиту от его атак. И в тот момент, когда они ответили Балуеву в полную силу, вышибая его сознание в п у с т о т у психического распада, в бой вмешался еще один союзник Посвященных — Вахид Самандар!

Сначала он взорвал микроавтобус у въезда на поле, вызывая панику среди солдат юрьевского манипула, затем вступил в бой на пси-уровне, заставив кардиналов уйти в защиту и ослабить натиск на быстро теряющих силы Посвященных.

Бой достиг наивысшего накала. Его равновесие мог поколебать в ту или иную сторону любой союзник каждой из противоборствующих сторон, и союзник не заставил себя ждать. Вернее, союзники. На помощь кардиналам пришел координатор Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ, на подмогу Посвященным явились те, кого они уже не ждали, — Кристина и Матвей Соболев.

И снова картина боя, наблюдаемая только сражающимися людьми Круга, волшебно изменилась.

Исчезло поле каменных обломков, люди оказались на холмистой равнине в окружении древних развалин города Пауроподов — исчезнувших в веках разумных многоножек. Они медленно выстроились друг против друга и замерли — трое кардиналов Союза в блистающих сине-зеленых панцирях, напоминающих хитиновые покровы жуков, трое Посвященных — Ульяна, Иван Терентьевич и Самандар, одетые в белые, ниспадающие складками плащи, Горшин и Матвей с Кристиной, закованные в жидкий, как ртуть, металл. Ни у тех, ни у других оружия в руках не было, если не считать «медальона справедливости» на груди Бабуу-Сэнгэ. В данной виртуальной реальности оружием каждому из них служил эффектор Сил — «третий глаз».

Первым заговорил Соболев, глядя только на Бабуу-Сэнгэ. Голос его был спокоен и ровен, но каждое слово заметно искажало белые, будто кость, стены города Пауроподов:

— Вы хотели меня видеть, координатор, я здесь.

— Я увидел, — слегка поклонился настоятель храма Гаутамы с обманчиво благожелательным и миролюбивым видом. — Я проникся. Вы идущий, это заметно. Жаль, что мы не обратили на вас внимание раньше, удалось бы избежать ненужных конфликтов.

— Если ваше желание исполнилось, позвольте нам удалиться. Мы не желали воевать ни с кем.

— Мне хотелось бы поговорить с вами в другой обстановке, господин Соболев.

— Других встреч не предвидится, говорите сейчас.

— Хорошо. — Бабуу-Сэнгэ был само смирение. — Не хотели бы вы пополнить ряды избранных учеников Союза Девяти?

— Нет.

— А пройти досрочное Посвящение и стать равноправным кардиналом Союза?

— Нет, — твердо отказался Матвей.

— Вас не влечет идея коррекции социума? Власть над государством и людьми? Допустим. А если мы предложим вам пост Инспектора Союзов? Вы сможете корректировать деятельность Союзов Неизвестных, сообразуясь исключительно с личным понятием справедливости.

— Нет! — в третий раз ответил Матвей. — Коррекция реальности, как и политика, — слишком грязное дело, я в этом убедился. История человечества не сохранила имени человека, пришедшего в политику или к власти с чистыми руками и не замаравшего их впоследствии. Наверное, это принципиально невозможно в нашей «запрещенной реальности». Но я не хочу экспериментировать с такими понятиями, как честность, совесть, этика, мораль, вера и любовь. Я вообще не хочу предлагать миру свое видение и точку зрения на положение вещей. Каждый из потомков Инсектов волен сам выбирать свой путь. Вы меня поняли?

— Конечно, идущий, — поклонился Бабуу-Сэнгэ, перестав излучать благожелательность. — Я уважаю чужую точку зрения, даже если она противоречит моей. Но вы упускаете из виду одно обстоятельство. В этом мире именно Союзы

Неизвестных реализуют законы реальности, и это высший Закон! Любой, кто не подчинится ему...

— Не стоит продолжать, настоятель, — улыбнулся Матвей. — Вы просто не в курсе последних событий. Я, Посвященный II ступени Внутреннего Круга, с этого момента являюсь реализатором Закона обратной связи земной реальности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Союзу Девяти придется пересмотреть свои планы вмешательства в жизнь страны. А теперь дайте нам пройти. Мне не хотелось бы применять Силу, которая мне дана.

Кардиналы обменялись взглядами. Бабуу-Сэнгэ поклонился, пытаясь сохранить достоинство, отступил. И тотчас же пейзаж Земли стомиллионолетней давности исчез. Вокруг расстилалось поле рыковского «аэродрома» с грудой обломков на месте ангара и взорванными бронеколпаками.

— Поднимите Балуева, — кивнул на лежащего ничком Василия Матвей, перевел взгляд на Кристину. — Забери Стаса, сомлел, наверное, парень.

Не обращая внимания на молча стоявших кардиналов и стягивающихся к ним уцелевших охранников, Самандар и Горшин подхватили и понесли Василия к «Понтиаку», пробитому пулями в нескольких местах, уложили на заднем сиденье машины, и Парамонов принялся приводить его в чувство. Кристина вынесла на руках Стаса, села на переднее сиденье, усадив мальчика на колени.

— Уля, садись. Вахид Тожиевич, за руль.

Невозмутимый Самандар занял место водителя, включил двигатель.

— А вы?

— Мы за вами.

«Понтиак» развернулся, медленно покатил к воротам. Матвей кивнул Тарасу на «Форд-Универсал», на котором приехал с Кристиной, и они, не оглядываясь, пошли к выходу с базы. Не оглянулись они даже тогда, когда один из телохранителей Юрьева поднял автомат, собираясь дать очередь им в спину, и упал с дырой в голове. Снайпер горшинского мейдера свое дело знал крепко.

Тарас дал отбой группе поддержки, сел в машину первым. Спросил, когда база Рыкова осталась позади:

— Блефовал?

— Почти что и нет, — ответил наполненный каким-то но-

вым внутренним покоем Матвей. — Я действительно Посвящен... но положение наше от этого легче не становится. Бабуу не из тех людей, кто терпит неудачу и не мечтает после о реванше. Он поднимет весь Союз, прибегнет к помощи других Союзов, и мы или исчезнем, или будем сотрудничать с ним.

— Даже несмотря на помощь Хранителей?

— На помощь эгрегора Хранителей, а это, брат, совсем иное качество.

— Что ты предлагаешь?

Матвей не ответил, догоняя «Понтиак». Посигналил, остановился у обочины шоссе, подошел к окошку водителя, вглядываясь в лица сидящих.

— Ну как вы тут?

— Спит, — погладила голову Стаса Кристина.

— Улетел он далеко, — повернул лицо к Матвею Иван Терентьевич, имея в виду Балуева, — но мы с Ульяной его вытащим. Очень интересный случай, как врач говорю. Он отбил пятьдесят процентов мощности пси-импульса, которым его наградили кардиналы! Представляете, какой у него резерв?

— Мне ли не знать? — улыбнулся Матвей, кивая на сидевшего во второй машине Тараса. — Когда-то мой резерв разбудил Граф, теперь я попробую проделать то же самое с Васей.

— Господа, не до лирики, — проворчал Самандар. — У меня ощущение, что нас не оставят в покое.

— Извините, Вахид Тожиевич, — спохватился Матвей. — Я вас даже не поблагодарил за помощь. Честно говоря, я не рассчитывал на вас... ни там, в МИРе, ни здесь... извините. Но вы появляетесь каждый раз так вовремя, что не восхищаться нельзя! Спасибо.

— Да, — с раскаянием проговорила Ульяна, нагнулась вперед и поцеловала Самандара в щеку. — Это награда. Я тебя люблю, Вахид.

Матвей поймал выразительный взгляд Парамонова и с улыбкой в душе подумал: хорошо, что Василий не слышал этого признания. Ульяна говорила свое «я люблю тебя» подружески, не имея в виду более глубоких чувств, но Балуева эта фраза могла ранить серьезно.

— Поехали.

— Куда?

— Пока в Строгино, там у меня теперь есть квартира, о которой не знает никто, запечатанная печатью Метатрона. Там мы с вами и попрощаемся.

— Почему? Как это — попрощаемся?! — всполошилась Ульяна.

— Поговорим на месте. Я поеду впереди, не отставайте.

Матвей сел за руль «Форда», обогнул «Понтиак» и дал газ.

— Хочешь испытать тхабс? — поинтересовался Тарас безразличным тоном, глядя вперед на дорогу.

— Хочу прекратить это безобразие с играми иерархов, — ответил Матвей.

— Я с тобой.

— Само собой разумеется.

Горшин поглядел на дышащее спокойствием лицо Соболева и не выдержал — улыбнулся. Впервые за последний месяц их знакомства.

Глава 37

«ПОПУГАЙТЕ ЕГО НЕМНОГО...»

Рыков не захотел встретиться с Бабуу-Сэнгэ на его территории, то есть на квартире, принадлежащей Союзу, поэтому координатор принял решение навестить кардинала на работе, выбрав неофициальную контору, то есть «чистилище». Герман Довлатович имел с десяток квартир, разбросанных по всей Москве, которые он использовал в качестве явок, складов, рабочих кабинетов и «домов отдыха». В одной из них, с видом на Кремль со стороны Софийской набережной, и встретились самые могущественные деятели страны, о влиянии которых не догадывались ни действующие руководители государства, ни многочисленные спецслужбы.

После ухода компании Соболева с территории рыковской базы под Шереметьевом Бабуу-Сэнгэ не удалось выяснить отношения с Германом Довлатовичем. Оба чувствовали себя уязвленными, хотя и по разным мотивам, были озадачены и в присутствии Юрьева, также шокированного случившимся, устраивать «разбор полетов» не стали.

Утром же следующего дня координатор Союза Девяти связался с остальными кардиналами, попросил их (что было

равносильно приказу) срочно собраться в Москве и лишь после этого позвонил Рыкову.

Квартиру комиссара «чистилища», ставшего теперь его лидером после ухода Завьялова, охраняли «гвардейцы» личного рыковского манипула, новейшие электронные системы и, кроме всего прочего, магическая «печать отталкивания», что говорило о серьезном беспокойстве Германа Довлатовича о своей безопасности. Бабуу-Сэнгэ мог бы без особого напряжения пройти все эти кордоны, но не стал этого делать, предпочитая не афишировать свои возможности.

Дверь квартиры тотчас же отворилась, как только он появился перед ней. В прихожей координатора встретил Рыков, уже снявший пластырь с глаза, и провел в шикарную гостиную, заставленную старинной византийской мебелью раннехристианского стиля. Кое-какие предметы гарнитура действительно имели реальную ценность, например, сундук с седловидной крышкой, отделанный бронзовой чеканкой с фигурным орнаментом, или «стул святого Петра» с пирамидальной спинкой, остальные же мебельные изыски явно изготовлялись современниками кардинала. Бабуу-Сэнгэ с внутренней усмешкой оглядел самый настоящий деревянный трон, украшенный мозаикой, на котором, очевидно, любил сидеть Герман Довлатович, но сел на стул возле стены. Рыков, не решившийся занять свое обычное место, остался стоять.

— Как отдохнули, учитель? — с вежливым равнодушием спросил он.

— К делу, Герман Довлатович, — остался бесстрастным Бабуу-Сэнгэ. — Видит Бог, я не вмешивался в ваши дела, позволяя решать общую задачу в а ш и м и методами. Но вы слишком увлеклись решением личных проблем и отошли от линии, рекомендованной Союзом.

— Примеры? — не повел бровью Герман Довлатович. Новый, недавно восстановленный глаз его чесался, но он стоически терпел зуд.

— Вы просили доверить вам дело Матвея Соболева и не справились с ним, протянули время, упустили возможность договориться до момента Посвящения. Почему?

— Я его недооценил. Кстати, вы тоже, учитель.

— Хорошо, кто из нас не ошибается? — кротко согласился Бабуу-Сэнгэ. — Второй пример настораживает меня больше. По законам Круга мы не имеем права сноситься с тем-

ной стороной «розы реальностей». — Координатор помолчал, превращая и без того узкие глаза в щелочки. — З а ч е м вам «черный файл», Герман Довлатович? Что вы хотите получить от контакта с Конкере?

— То же, что получил и Соболев, — тхабс! — невозмутимо ответил Рыков.

— Зачем?

— Меня не удовлетворяет мое положение в земной реальности. Я уверен, что мой уровень достиг Посвящения III ступени.

— Это положение может утверждать лишь Сход Круга.

— Я достигну этого положения без Схода Круга, а если потребуется, и вопреки ему.

Бабуу-Сэнгэ, не ожидавший подобных заявлений от вечно прятавшегося в тени кардинала, пристально посмотрел на его бледное лицо с мелкими чертами и ничего не выражающим взглядом, лицо человека, ничем не выдающегося, но хитрого, умного и коварного. Герман Довлатович жаждал иной власти — Абсолютной! — и шел к ней своим путем, извилистым и незаметным, перестав опираться на тех, кто, по его мнению, не ценил его так, как ценил себя он сам. А воля к достижению цели любыми средствами у него была от рождения, что весьма помогло ему стать в свое время кардиналом.

— По-моему, вы несколько переоцениваете себя, Герман Довлатович, — раздвинул сухие губы в легкой улыбке Бабуу-Сэнгэ. — Посвященный III уровня не получил бы в глаз метательную стрелу от обыкновенного человека.

По тому, как сверкнули глаза Рыкова, Бабуу-Сэнгэ понял, что задел его больное место.

— Это произошло случайно. — Рыков отвернулся и сел на свой трон, не сделавший его, однако, величественней. Герману Довлатовичу на роду было написано стоять р я д о м с тронами, а не сидеть на них, но он этого не знал.

— Случайность — обратная сторона закономерности, кардинал.

— Этот человек не стоит того, чтобы мы говорили о нем. Скоро его жизнь прервется. Что вы хотели еще узнать от меня, Учитель?

— Ничего. — Бабуу-Сэнгэ встал. — Я узнал все, что хотел. Это правда, что вы собираетесь подчинить себе остатки «Купола», из которого Хейно Яанович начал лепить свою СС?

— Мы переживаем период распада старых систем государственного управления и рождения новых. Для стабилизации социума требуется радикальная перестройка существующих рычагов коррекции реальности. Я это вижу. Хейно Янович — нет. Я смогу соединить «Стопкрим» и Сверхсистему в одно целое и выправить положение. В ваших интересах меня поддержать, учитель.

— Вы так думаете? — сощурился Бабуу-Сэнгэ. «Нагрудник справедливости», висящий на цепи поверх плаща, вдруг вспыхнул чистым золотым пламенем, и Рыков почувствовал толчок в грудь. Холодом сжало сердце. Настоятель храма Гаутамы дал понять своему ученику, что он далеко не так стар, как считает Рыков. Однако подействовало это на Германа Довлатовича совсем не так, как рассчитывал Бабуу-Сэнгэ.

— Если не поддержите меня вы, — скривил губы в неожиданно злобной усмешке Рыков, — то это сделает Конкере.

«Бешеному дитяти ножа в руки лучше не давати», — вспомнил русскую пословицу координатор, покачал головой.

— Вы делаете ошибку, Герман Довлатович. Может быть, самую крупную в жизни. До встречи на Сходе, на который я вас официально приглашаю. Он состоится завтра в два часа дня на территории Зачатьевского монастыря. Засим разрешите откланяться.

Бабуу-Сэнгэ поклонился и вышел, оставив неприятно пораженного известием Рыкова сидеть на своем «императорском» троне.

Прогулявшись по набережной до Театра эстрады и полюбовавшись издали на сияющие золотом купола храма Христа Спасителя, координатор собрался было сесть в машину, водитель которой не упускал его из виду, медленно следуя за пассажиром, как вдруг почувствовал д у н о в е н и е чужой воли. Прислушался к себе, готовый к контакту с тем, кто его в ы з в а л таким образом, и присел на скамеечку у парапета над рекой, отгородившись от мира «колоколом неощутимости», сделавшим его невидимым.

«Стучался» к нему в сознание экзарх. Бабуу-Сэнгэ впустил «гостя» в свой мозг и превратился в авешу иерарха. Их диалог, если так можно было назвать мысленный обмен информацией, длился всего несколько секунд.

«Вы встревожены, — сказал экзарх. — В чем дело?»

«Один из кардиналов Союза созрел для переворота».

«Кто?»

«Рыков. Его поддерживает кто-то из иерархов достаточно высокого уровня, ангел или архонт. Возможно, пентарх».

«Удди не контактирует с людьми Круга нижних каст. Это скорее всего гептарх Темень. Ничего страшного, пусть порезвятся. Как говорится, боги должны постоянно верить в свое существование».

«Но он готов пойти на контакт с Конкере».

«Вот это уже хуже. По нашим данным, количество сторонников Аморфа Конкере в «запрещенной реальности» растет по экспоненте, если к ним присоединится Рыков, может образоваться устойчивый «темный» эгрегор, начнется цепная реакция нового и з м е н е н и я, и мы потеряем реальность. Вам придется нейтрализовать вашего кардинала».

«Я собираю Сход Союза. Если только Рыков за это время не предпримет попытки контакта с Монархом и не привлечет на свою сторону носителя аватары...»

«Кстати, о нем. Вы встречались с Соболевым?»

«Он отказался сотрудничать с нами. — Бабуу-Сэнгэ благоразумно опустил подробности «беседы» с Матвеем. — И он очень опасен! Опаснее, чем думал я и считаете вы».

«Почему же? Мы контролируем поле его возможных траекторий и просчитали уровень Дао. Максимум того, чего он может достичь, — это уровень ангела».

«А вас не пугает, что он вплотную подошел к шестнадцатой ступени самореализации? Если Соболев освоит коррекцию Структуры Реальности и Зеркальный Шаг, его не сможет остановить ни один иерарх!»

«Не преувеличивайте, координатор. Он не сможет изменить баланс «розы», как бы ни хотел».

«Ему помогают Хранители и второе «я» инфарха — Светлена. Кроме того, он получил тхабс и может теперь перейти границу без чьей-либо помощи».

«Пусть идет. Он не созрел для коррекции всей «розы». Его даже надо поторопить, заставить нервничать, оглядываться, спешить, бежать. Попугайте его. А мы здесь его встретим».

«Но он с и л ь н е е, чем...»

«Вы забываете, что Удди вложил в него свою программу. Соболева ни к чему лишать с и л ы или уничтожать, слабый он нам не нужен. Недавно мы поймали любопытное информ-

эхо из виртуального будущего, позволяющее предполагать, что Соболев контактировал с Безусловно Первым».

«Что вы сказали? Вы не шутите? Контакт с Безусловно Первым не может выдержать не только простой смертный, но и почти любой иерарх! К тому же Творец давно покинул «розу реальностей».

«Кто знает? Наверняка утверждать это я не берусь. Но этот человек, неизвестно каким образом миновавший Круг, внедрился в контур Великой Вещи Инсектов — «Иглы Парабрахмы» и прошел эйнсоф. Нас интересует — как он это сделал и что несет в себе, не осознавая этого. Вам следует припугнуть его, а также нейтрализовать его спутников — Посвященных, они могут помешать нам. А когда он перейдет границу, мы его встретим и активируем программу Удди. Никуда он не денется. Мальчишка возомнил себя истребителем Закона, мы его вразумим».

«Смиренно прошу прощения, экзарх, но позвольте старику усомниться... в некоторых ваших рассуждениях. Хотя, может быть, это тема отдельного разговора...»

«Говорите».

«Мне кажется подозрительным пристальное внимание Монарха к нашей «запрещенной реальности». Зачем она ему, погрязшая в грехах и пороке, требующая постоянной коррекции, готовая скатиться в яму пустоты и хаоса, где не работает ни один закон? Что он здесь ищет? И, наконец, почему в нее регулярно заглядывают иерархи?»

«Подумайте, координатор, — после некоторого молчания ответил экзарх. — Правильно поставленный вопрос уже есть ответ. Прощайте. И сделайте то, что я прошу».

Голова Бабуу-Сэнгэ на мгновение превратилась в колоссальную сферу, вобравшую в себя всю Землю, и тут же сжалась в микрочастицу. «Проекция» экзарха, его энергоинформационный «дух» вылетел из сознания координатора, втянулся в непросматриваемое текучее многомерное облако «розы реальностей», исчез. Но Бабуу-Сэнгэ еще долго сидел под своим «колоколом невидимости», одинокий двухсотлетний старик, не имевший друзей — только сподвижников, и размышлял над тем, что услышал. Намек экзарха был слишком прозрачен, чтобы быть уверенным в его правильной интерпретации. Он не развеял сомнений координатора Союза Девяти и не привел его в состояние самадхи — просветления

и озарения. Бабуу-Сэнгэ понял: земная «запрещенная реальность» — не просто один из «нижних» слоев-миров «розы реальностей», ординарный ад из системы адов Вселенной. Его значение гораздо выше, чем считают все люди Круга. Но точно знают об этом только Хранители.

«Попугайте его...» — вспомнил Бабуу-Сэнгэ последние слова экзарха. С некоторым усилием встал, вдруг ощутив свой возраст. Просьбу экзарха следовало считать приказом, хотя контактировать с Соболевым координатору совсем не хотелось. Себе он мог признаться, что боится этого человека.

Глава 38

ПРИНУЖДЕНИЕ К ПЕРЕМИРИЮ

Квартира, предоставленная Соболеву в Строгине скорее всего Хранителями, располагалась в новом шестнадцатиэтажном доме на улице Твардовского, который вырос аккурат напротив Троице-Лыковского кладбища. Квартира имела четыре комнаты, поэтому в ней свободно разместилась вся несколько помятая боем с кардиналами команда Матвея, кроме Горшина и Самандара, пожелавших ночевать в своих собственных квартирах. Таким образом, Матвею с Кристиной досталась спальня, Ульяне вторая, Иван Терентьевич устроился с Васей в гостиной, а Стас — на диване в рабочем кабинете неизвестного владельца апартаментов.

Тарас и Вахид Тожиевич не стали даже заходить в дом, сразу отправившись по своим делам и пообещав навестить остальных утром. А так как время уже клонилось к ночи — шел девятый час вечера, все устали, вести философские и прочие разговоры не имели особого желания, то и спать легли рано, сразу после ужина, приготовленного женщинами на скорую руку.

Утром квартиру покинули Матвей и Кристина — повезли Стаса домой, пообещав явиться к обеду. Рано вставший Василий, уже вполне пришедший в себя, но еще не восстановивший организм до нужной кондиции, устроил сеанс медитации, затем потренировался, принял душ и наконец-то почувствовал себя человеком. В начале десятого он приготовил из оставленных продуктов (холодильник был полон) завтрак:

блины с овощами и шампиньонами, баклажаны с сыром, чай. В десять часов утра он не выдержал и разбудил Ульяну.

— Господи, я спала как убитая! — потянулась на постели девушка. Простыня с нее сползла, и Василий увидел упругую полную грудь с острыми сосками. С трудом отвел глаза.

— Одиннадцатый час... извини... я подумал... я там завтрак сварганил.

— Какой ты молодец!

И не успел Вася хлопнуть глазами, как девушка соскочила с кровати, чмокнула его в щеку, завернулась в простыню и умчалась в ванную. А он остался стоять в столбняке, все еще ощущая прикосновение ее молодого, сильного, горячего тела...

— Доброе утро! — появился на пороге гостиной приветливый Иван Терентьевич в спортивном костюме. — Что значит молодость и здоровье! Я слышал, как вы занимались, но не было сил встать. — Он вздохнул с притворным сожалением. — Что поделаешь, старость — не радость, а болезнь и того хуже.

— Это вы-то старый? — усомнился в словах Парамонова Василий. — Кто же тогда молодой?

— Старый, старый, внешность — всего лишь камуфляж.

— Но уж в болезни ваши я не поверю!

— Ну и зря, молодой человек. Естественное состояние человека — болезнь. Уля, как будущий медик, подтвердит мои слова. Абсолютно здоровый человек — исключение из правил, больной — правило.

Василий засмеялся, махнул рукой.

— Будет вам издеваться над дилетантом. Идемте завтракать.

— С удовольствием, только умоюсь. Кстати, как вы себя чувствуете?

— Нормально, никаких отклонений. Разве что... — Василий замялся, поскреб в затылке. — Лезут в голову разные странные мысли... воспоминания... хотя я точно знаю, что ничего подобного в моей жизни не происходило.

— Например?

— Соболев передал мне инструкции по системе боя... комбинаторике смертельного касания, сокращенно — космек, якобы разработанной перволюдьми... так вот я ее п о м н ю, хотя никогда в жизни не изучал! И еще... — Василий пони-

зил голос, оглянулся на дверь ванной. — Я помню, что встречался с Улей раньше... в лесу... хотя опять же этого просто не могло быть! Если мои «воспоминания» не являются результатом энергетического удара, которым меня одарили господа кардиналы, то в чем дело? Ложная память?

Иван Терентьевич с интересом оглядел мрачновато-смущенное лицо Балуева, хмыкнул.

— Василий Никифорович, а ведь вы далеко не простой любитель подраться, мастер воинских искусств, вы паранорм со всеми вытекающими... Очень интересно было бы поискать ваши корни. Каждый человек по сути — мировая линия, включающая всех его предков и потомков. Мы не знаем, где наше начало и где конец, где начинается и заканчивается «я», личность. Похоже, у вас в роду были колдуны и маги, экстрасенсы, как принято говорить, или... — Парамонов еще раз оглядел Василия, — или люди Круга.

— Чего? — испуганно вытаращил глаза Вася.

— Не пугайтесь, — улыбнулся Иван Терентьевич. — Ваш пси-потенциал позволяет вам в недалеком будущем освоить Путь и добиться Посвящения. Так что вы в принципе один из нас.

— Вы так думаете? — пробормотал Василий, не зная, радоваться известию или нет.

— Уверен. Вы лихо отбили все атаки кардиналов, обыкновенному человеку это не под силу. Вот почему любопытно было бы отыскать в прошлом корни вашей мировой линии. Это вообще исключительно интересная проблема — наши истоки.

— Разве наши истоки — не Инсекты?

— Да, но Инсекты тоже были чьими-то потомками. Понимаете? Инсекты не первичны, на Земле и до них жили разумные существа.

— Аморфы?

— Аморфы в том числе.

— Вот бы об этом почитать что-нибудь!

— Существующий пласт эзотерической литературы не отражает изначальных истин. Наоборот, он разработан и составлен таким образом, чтобы у в е с т и человека от истины, намекнуть о потерянных знаниях, но не дать о них правдивого представления. Единственной развитой системой знаний, возникшей задолго до появления человека, до легенд о про-

грессе человечества, владеют только Хранители, да еще, пожалуй, высшие иерархи. Бог даст, вы встретитесь с Хранителями и откроете для себя мир, которого совсем не знаете. Уля, ты скоро?

— Выхожу, — раздался сквозь плеск струй голос Ульяны, и она появилась на пороге, снова завернутая в простыню, свежая, улыбающаяся, с влажными волосами, восхитительно красивая. — О чем ведете спор, мужчины?

— Не спор, — Парамонов скрылся в ванной, — философский разговор о смысле жизни и о Дао ганфайтера Балуева.

— И каково же Дао ганфайтера Балуева? — Девушка упорхнула в спальню, вернулась через минуту, уже одетая в майку и шорты.

— Да, в общем... трудно сказать... — промямлил Василий, не зная, как сформулировать итог своих размышлений, закипевших в голове после речей Ивана Терентьевича.

— Правильно, — весело проговорила Ульяна, останавливаясь напротив и расчесывая волосы. — Дао, которое можно выразить словами, не истинное Дао, как говорят китайцы-даосы. А еще о чем вы беседовали? — Она подошла совсем близко, так что у Васи закружилась голова от этой близости и от желания схватить ее в объятия и никогда не выпускать.

Они замерли, глядя друг на друга в б и р а ю щ и м и глазами, ощущая странный трепет и гулкое синхронное биение сердец, и в памяти обоих вдруг всплыл берег реки, костер, трава, объятия и поцелуи и безумство любви... Затем Вася почувствовал прикосновение ее тела, от которого у него по жилам побежала не кровь, а электрический ток, жгучий огонь ее губ на своих губах, озоновый удар запаха чистых волос по обонянию и распахнувшуюся звездную бездну глаз...

Поцелуй длился так долго, что оба задохнулись. Потом Ульяна, все еще крепко прижимаясь к нему, медленно проговорила:

— Балуев, тебе не кажется, что мы спешим?

Василий храбро окунулся в глубокие омуты ее огромных влажных глаз и сказал одно лишь железное слово:

— Нет!

За завтраком они были так молчаливы, что Иван Терентьевич, похвалив кулинарные способности Балуева, всполошился:

— Что это вы как в воду опущенные? Аль поссорились?

Он, конечно, догадывался о чувствах Василия и Ульяны, но делал вид, что ничего не видит. Вася поймал лукавый взгляд девушки и пробормотал:

— Я кое-что никак не пойму... — Он оживился, найдя вдруг способ свернуть со скользкой дорожки объяснений и перевести разговор на другую тему. — От Соболева я слышал о Знаниях Бездн. Долго ломал голову, что это такое, пытался разыскать литературу, расспрашивать самого Соболева, с вами беседовал в Рязани, но так и не понял, с чем их едят, эти Знания. Неужели они столь опасны и секретны, что даже упоминать их всуе нельзя?

— Почему же, можно. — Иван Терентьевич промокнул губы салфеткой, еще раз похвалил повара. — Очень вкусно! Счастлива будет ваша жена, Василий Никифорович. — Взгляд, брошенный им при этом на Ульяну, ничего не выражал, кроме одобрения, но Вася понял, что Парамонов знает о чувствах девушки больше, чем она сама. — Есть несколько версий относительно смысла, вкладываемого в термин «Знания Бездн». Например, это информация о Мире, в том числе и о грядущем, то есть формула, полностью описывающая процессы и порядок вещей во Вселенной, в «розе реальностей». По другой версии, Знания Бездн — код или матрица возможностей, заложенных во Вселенную. По третьей — это Имя Бога, Творца «розы реальностей», которым закодированы все реальности, в том числе и земная, «запрещенная», и так называемая Материнская.

— Слышу второй раз — Материнская реальность, но не представляю, что это такое...

— Ну, Балуев, это вопрос вопросов, — сказала Ульяна. — Сюань, как говорят даосы, то есть самая глубокая и наиболее непонятная из тайн Мироздания.

— Немножко не так, — не согласился Иван Терентьевич. — Самой глубокой тайной Мироздания все же считается тайна Творца. Это действительно сюань! Близкая к ней по мощи и масштабу — сяньди, «Образ, предшествующий Богу». А тайна Материнской реальности из того же разряда, что и «прикладные», частные тайны эйнсофа, Великих Вещей Абсолюта, трона Мастера Мастеров, рождения Внутреннего Круга, магического звучания «слов Бога», его Имени и других.

— Песня! — сказал с неподдельным восхищением Васи-

лий. — Все это звучит как песня. Но неужели вы, Посвященные во все тайны Круга, можете чего-то не знать?

— Каждая ступень Посвящения предполагает новый уровень знаний, — сказал Парамонов задумчиво. — То, что мы знаем, ограничено, чего не знаем — бесконечно.

— И об Имени Бога ничего не знаете?

— Только легенды, увы. По одной из них стоит только произнести тетраграмматон — четырехбуквенное Имя Бога, как Вселенная свернется! Известно, что ближе всех к разгадке Имени подошли Инсекты.

— Неужели так просто? — Василий недоверчиво посмотрел на Парамонова. — Произнесешь Имя — и Вселенной капут?!

— Далеко не так все просто, — засмеялась Ульяна, и у Василия внезапно возникло ощущение, что он уже беседовал с Посвященными обо всех этих высоких материях — в том будущем, которое для Матвея Соболева стало, по его словам, прошлым. Впрочем, только ли для Соболева? Отчего все чаще в голову приходят воспоминания о событиях, которые не происходили в жизни? Может быть, все-таки п р о и с х о д и л и?!

— Имя Бога человеческое горло и язык не в состоянии выговорить, — добавил Иван Терентьевич. — Инсекты — не говорящие существа в отличие от нас, поэтому они обошли проблему с другой стороны: создали псевдоживые организмы, очень и очень сложные, включающие в себя целые системы разнородных объектов, даже таких, как живые существа. Эти организмы способны были синтезировать сложнейшие звуки. Помните в Библии — «трубный глас»? Еще не Имя Бога, но уже с и л а, вполне могущая влиять на Вселенную. Вот за попытки Инсектов присвоить себе функции Творца Аморфы и наказали их — трансформировали, уменьшили — с помощью их же «волшебных» систем — в сто раз. Каким образом Аморфу Конкере удалось уговорить собратьев сохранить хищный род Блаттоптера, тараканов разумных, а потом превратить их в перволюдей — есть еще одна загадка истории. Но факт остается фактом: «отец» человечества не Бог, а дьявол! Если, конечно, суть Монарха Тьмы можно трактовать столь упрощенно.

— Но если он создал людей...

— Изменил Инсектов изоморфно, ускорил эволюционный процесс превращения насекомых в людей.

— Ну, все равно. Если он создал людей, значит, он на нашей стороне?

Иван Терентьевич покачал головой.

— Он на своей стороне.

— А он знает... Имя Бога?

Парамонов и Ульяна переглянулись.

— С одной стороны, Аморфы — дети Безусловно Первого и должны знать имя Деда. С другой, если бы Монарх знал, он давно изменил бы нашу реальность ради еще какого-нибудь эксперимента, да и всю «розу» тоже. Экспериментаторские аппетиты у него колоссальны.

— И все же он... — Вася не договорил, в прихожей зазвонил телефон. В трубке раздался голос Горшина:

— Соболев не приехал?

— Доброе утро, Граф. Не приехал. К обеду будет. Я тоже сейчас уеду и появлюсь здесь часа в два.

— Не советовал бы я тебе шататься по Москве, ганфайтер. Рыков вельми зол на тебя за выбитый глаз, не простит.

— Зато он теперь похож на Кутузова. Пусть радуется, что жив остался.

— Он вырастил себе новый, но все равно припомнит. Кардинал Союза — птица очень высокого полета, а ты в него — стрелкой. Нехорошо! Посиди дома, подожди остальных, нехорошее у меня предчувствие.

— Мне надо уладить кое-какие дела с начальством, машину достать, забрать из квартиры вещи и... кое-что еще. Я мигом.

— На твоем месте я бы не рисковал. Дай Парамонова.

Вася передал трубку Ивану Терентьевичу. Тот выслушал Горшина, сказал: «Хорошо», — и положил трубку.

— Ну что, закончили завтрак?

— Последний вопрос и убегаю, — заторопился Василий. — Вы сказали, что Инсекты — неговорящие существа...

— Конечно, нет, язык — изобретение Монарха, «встроенное» в наши гены. Если сознание человека базируется на информационной триаде: слух — речь — мышление, то Инсекты имели другую триаду: зрение — телепатия — медитация.

— Значит, они были телепатами? Выходит, человеческая речь, изобретенная Монархом, вытеснила телепатию и медитацию? Вот гад, лишил нас таких способностей! А вы, люди Круга, на чем «базируетесь»?

— Мы — еще люди, хотя и с расширенным спектром возможностей, а вот иерархи — это уже не люди. Их база уже не триада, а пентада: зрение — слух — речь — трансперсональное восприятие — меоз... или, если хотите, просветление.

— Ну, вы беседуйте, — сказала Ульяна с милой гримаской, — а я пойду отдохну, надоели умные речи. Спасибо за вкусный завтрак, Балуев. — Она ушла в гостиную.

— Не принимайте на свой счет, — с улыбкой сказал Парамонов, видя, что настроение Василия упало. — «Надоело» — это всего лишь местное утомление нервных структур, обеспечивающих актуальную только сейчас программу, в данном случае — просвещающую. Вы все-таки намерены идти? Будьте осторожны, прошу вас.

— Ничего со мной не случится, — беспечно отмахнулся Василий. — Не могут кардиналы вот так запросто вычислять траекторию одного человека в десятимиллионном городе.

Он переоделся в деловой костюм современного клерка: черные брюки, штиблеты, белая рубашка с короткими рукавами, галстук, — положил в «дипломат» кое-какое оружие из оставленного Матвеем, опустил в карман брюк «болевик», отобранный у Рыкова, спустился во двор и, проголосовав, поймал частника.

* * *

Когда Балуев закрыл за собой дверь, из гостиной вышла Ульяна и внимательно посмотрела на Ивана Терентьевича, задумчиво подбрасывающего на ладони ключи от своей машины.

— Что тебе сказал Тарас?

— Тучи сгущаются, — сказал психотерапевт. — Бабуу-Сэнгэ готовит Сход Союза. Если кардиналы решат устранить угрозу стабильности своей власти, то есть всех нас, они своего добьются.

— У нас есть выбор?

— Боюсь, что нет. Я не знаю, что задумал Соболев, но времени на подготовку адекватного ответа Союзу остается все меньше. Одна надежда на...

— Хранителей?

— Нет, на светлые головы Матвея и Кристины.

— Светлены.

— Они неразделимы.

— Что ты предлагаешь?

— Ничего, ждать Соболева. А пока неплохо бы подстраховать Балуева. Чует мое сердце, зря он поехал в город.

— Идем! — решительно шагнула к выходу Ульяна.

— Ты знаешь, куда он поехал?

— Нет, но я его вижу. С недавних пор он начал светиться в астрале.

— Странно, что я его почему-то не ловлю.

Взгляд Ульяны красноречиво сказал Ивану Терентьевичу, что у его спутницы есть особые причины ее чувствительности к пси-излучению Василия. Причины эти имели название — ожидание любви.

* * *

Сначала Вася забрал свою «шестерку» у дома Горшина в Щелкове и поехал в Царицыно, где у него была запасная квартира. Оттуда позвонил Первухину и договорился встретиться с генералом на станции техобслуживания в Тихом тупике, недалеко от Таганского парка.

На квартире в Царицыне Василий не задержался. Забрал одежду, «спецуху» — ниндзя-комплекты, оружие, приборы наблюдения, рации, армейский комплект выживания, а также пищевой НЗ. Почему-то он был уверен, что это ему пригодится. После загрузки багажа он заправил машину и оставил ее у станции техобслуживания, мельком отметив наличие нескольких «крутых» автомобилей, среди которых машины генерала еще не было.

Побродив несколько минут по парку, Василий задумчиво оглядел развалины старого двухэтажного кирпичного здания — не то бывшей прачечной, не то небольшой фабрики, за которой начинался парк, присел на бордюр квадратной асфальтовой площадки для мусорных баков — недалеко стоял пятиэтажный жилой дом — и прислушался к своим ощущениям.

Что-то происходило в его душе, независимо от желания и воли. Сдвинулись какие-то стены, обнажились пласты воспоминаний, казавшиеся странно чужими и в то же время твердо принадлежавшие его личной истории. Смутные видения складывались в живые яркие картины, которые распада-

лись на ускользающие туманно-призрачные струи, как только он пытался их удержать, оживить, остановить. Психика дымилась и бурлила, вспыхивала и гасла, и ощущать этот процесс, процесс рождения «будущего, уже бывшего прошлым», было интересно и страшновато.

Именно потому, что Вася был занят собой, он и пропустил развертывание того, что в ниндзюцу называлось ката-кэси-но-дзюцу — приемы ликвидации жертв и устройство диверсий. Когда Вася отвлекся от переживаний и размышлений, ощутив спиной сакки — «ветер смерти», он был уже окружен. Однако продолжал сидеть в той же позе, с виду расслабленный и довольный отдыхом, на самом же деле мгновенно собравшийся и перешедший в боевое состояние. Удивительным образом — с одной стороны, совершенно естественным и гармоничным, с другой — никогда ранее не проявлявшимся столь эффективно — Вася определил месторасположение противника: восемь человек с трех сторон, экипированы, вооружены, профессионально обучены, — несколько секунд проверял себя — правильно ли оценил опасность? — и за мгновение до выстрела перешел на т е м п. Время послушно замедлило ход, движение жизни вокруг стало тягуче-плавным, неторопливым, сонным.

Пуля из снайперской винтовки (отечественная бесшумка «ВСК-94» калибра девять миллиметров) звучно шлепнулась в мусорный бак за спиной Васи, но его там уже не было. Определив положение стрелка из винтовки (остальные нападавшие были еще далеко и не так опасны), он зигзагом рванул к нему и, не видя, наугад метнул сякэн. Может быть, его руку направлял ангел-хранитель, может, сработал новый механизм точного определения врага, но звездочка нашла цель, и раненый в плечо снайпер на время выбыл из боя, дав Балуеву возможность завершить маневр.

Здесь будет целесообразно описать место действия.

Тихий тупик представляет собой эдакий аппендикс, ответвляющийся от Марксистского переулка, соединяющего Марксистскую и Таганскую улицы. Упирается Тихий тупик в почти застроенную промышленную зону напротив Таганского парка, огороженного высокой металлической решеткой с погнутыми кое-где прутьями, образующими естественные входы на территорию парка. По левую сторону тупика какая-то фирма построила станцию техобслуживания — кра-

сивый металлический куб-ангар, окруженный теперь двумя десятками иномарок. Дальше тянется небольшая тополиная рощица, обрывающаяся в ров, а между ней, решеткой парка, асфальтовой площадкой с мусорными баками, располагаются руины фабрики, заросшие кустарником, лопухами и крапивой.

В принципе это было идеальное место для тайных встреч, не возбуждающих ничьего любопытства по той простой причине, что встречались здесь часто любители выпить, но оно же представляло собой идеальное место и для засады, потому что, перекрыв с трех сторон подступы к развалинам, можно было спокойно превратить их в ловушку и незаметно ликвидировать жертву, не пугая стрельбой жителей близлежащих домов — пятиэтажки и квартала за рвом, слева от парка. Хотя вряд ли кто-нибудь из них, а также из отдыхающих в парке испугался бы стрельбы. Жители Москвы уже начали привыкать к ней как к неизбежному злу.

Поскольку деревья и кустарник скрывали нападавших, а сам он был виден как на ладони, Василий избрал единственно правильный вариант действий — отступление к развалинам фабрики. Метнув звездочку сякэна в снайпера, он круто изменил направление бега и нырнул в заросли лопухов и крапивы за мусорными баками. Появившиеся с трех сторон молодые люди в светлых костюмах успели открыть огонь из пистолетов с глушителями, но Вася, согнувшись, бежал в т е м п е, опережая движение стволов, и виден в зарослях не был. Достигнув угла развалин, ухитрившись проскочить мимо каких-то ям, мусорных куч и штабелей досок, он на несколько секунд выпал из поля зрения преследователей и не раздумывая прыгнул на стену здания.

В свое время он прошел достаточно хороший тренинг сакано-бори — искусства взбираться на высокие естественные и рукотворные отвесные препятствия, и восьмидесятиметровая кирпичная стена бывшей фабрики, неровная, щербатая, в ямках и выбоинах, не могла послужить ему непреодолимой преградой. Обладая сильной мускулатурой, сильными кистями и пальцами рук, гибкостью и чувством равновесия, позволяющими наилучшим образом использовать любые точки опоры, Вася буквально взлетел по стене вверх и оказался на фронтоне крыши. Замер, прислушиваясь больше к себе, к своим ощущениям, чем к звукам внизу. Но «ветер смерти» не

шевелил волосы на затылке, не включал инстинкты адекватного ответа, что означало — снайпера с этой стороны здания нападавшие не поставили. Можно было остановиться, прикинуть возможности — оружия с собой у него, можно сказать, и не было: «болевик» в кармане, с десяток метательных пластин и нож, вот и все вооружение, остальное осталось в машине — и начать свою игру.

Через несколько секунд из-за угла вынырнули преследователи, все как на подбор высокие, крутоплечие, мощные, целеустремленные — Вася узнал в них профи боя, элиту спецопераций такого же класса, к какому принадлежал и сам. А еще он вдруг понял, кто они такие — парни Рыкова из его личного манипула, причем наверняка зомбированные, не боящиеся ни пули, ни кинжала. Таких можно было свалить только выстрелом в голову.

Их было трое, и передвигались они уступами: один бежит — двое прикрывают. Посмотреть вверх им в голову не пришло. Пропустив их, Вася бесшумно сиганул вниз, упал на последнего парня, мгновенно свернул ему шею, метнул нож в глаз второму, оглянувшемуся на шум, отнял у убитого пистолет с насадкой бесшумного боя и расстрелял первого преследователя, успевшего выстрелить всего два раза — в то место, где только что лежал Василий.

Не дожидаясь появления основных сил противника, Вася метнулся вдоль стены здания к парку, завернул за другой угол, но не бросился к решетке забора в полусотне метров, а снова, не сбрасывая темпа, взлетел по стене бывшей фабрики наверх, на крышу. Сделал это он вовремя.

Преследователи разделились на группы. Одна из них побежала направо, ее он обезвредил, вторая налево, и сейчас она появилась из-за угла дальнего торца здания слева. Если бы Вася продолжал бежать в том направлении, он столкнулся бы с ней лицом к лицу. Третья группа вместе с раненым снайпером ворвалась в здание через бывший центральный вход и начала прочесывать помещения на первом этаже.

Выждав паузу, Вася сделал серию выстрелов, попал в голову первому охотнику, в грудь второму и в плечо третьему (отличная машина все-таки «волк»!), нырнул в пролом на крыше и оказался в небольшой пустой комнате с грудами битых кирпичей и гнилых досок. Обострившийся слух позво-

лил услышать стоны из-за стены и голос кого-то из охотников, говорившего по рации:

— Он на крыше! Гамма убит, Альфа ранен.

Что ответил боевику командир манипула, Вася не услышал, но это стало понятно уже через несколько мгновений. Целью отряда было физическое уничтожение Балуева, поэтому оставшиеся в живых телохранители-киллеры Германа Довлатовича не стали усложнять себе задачу, они просто открыли огонь по крыше и второму этажу из гранатометов.

Если бы не феноменальное чутье Василия, погнавшее его из комнаты в коридор второго этажа и дальше, к лестнице на первый этаж, он был бы убит первым же залпом. Гранаты начали рваться, влетая в окна, падая на крышу, когда он был уже в коридоре и бежал по-кошачьи, на четвереньках, к центру здания, где начиналась главная «парадная» лестница. Он успел добраться до нее в тот момент, когда две гранаты влетели в коридор и сделали из него вспыхнувшую дюзу стартующей ракеты.

Грохот, треск, клубы пламени и дыма!

Ударная волна толкнула Василия в спину и сбросила вниз на кучи земли, битых кирпичей и какого-то полусгнившего тряпья, покрывавшие промежуточную лестничную площадку, которая соединяла два пролета лестницы. Кучи смягчили падение и спасли руки-ноги от переломов, а клубы дыма и пыли не позволили тем, кто ждал его внизу, прицелиться поточнее.

Продолжая действовать на пределе скорости и физических сил, управляя телом не рассудком, а рефлекторно, подсознанием, Вася ужом проскользнул в полуметровый пролом в площадке, упал на руки и перекатился под защиту колонны, поддерживающей лестницу справа. Он открыл огонь одновременно со снайпером, который оставался в холле и сторожил выходы на лестницу. Итог дуэли был печален: Вася получил пулю в грудь, в область ключицы, снайпер — две пули в голову. В то же мгновение Вася выскользнул из ловушки, в которой оказался, перекатился в угол, под защиту упавшей сверху балки, и хладнокровно всадил оставшиеся пули в приятеля снайпера, показавшегося из коридора. Бросил пистолет. Теперь у него оставались только метательные пластины и «болевик», пускать в ход который следовало лишь в

крайнем случае. Почему-то Вася был уверен, что он ему пригодится.

Командир группы, оставшийся в другом конце коридора, был достаточно опытен, чтобы не затевать дуэли с человеком, которому было нечего терять. Он дал какую-то команду по рации своим уцелевшим подчиненным, скрылся в одном из ближайших помещений, выбив дверь ногой, и собрался удалиться по-английски, чтобы открыть огонь из гранатометов уже по первому этажу здания. Но Василий не дал ему уйти живым. Из последних сил держа темп, он перелетел холл, прыгнул в проем двери и в полете — его противник в этот момент тоже выпрыгивал из окна — метнул две звездочки сякэнов.

Он не промахнулся. Одна звезда попала парню в висок, вторая в шею. Этого не хватило, чтобы убить его, но оказалось достаточно, чтобы отключить сознание зомби-солдата. Кубарем перекатившись через голову, Вася вскочил и оказался лицом к лицу с новым противником, увидеть которого в данный момент желал меньше всего.

Трое: два огромных, широких, накачанных, с неподвижными, ничего не выражающими лицами молодых человека с пистолетами-пулеметами «бизон» в руках и между ними третий — Рыков Герман Довлатович.

— Отличная работа, ганфайтер, — сказал он без одобрения, меланхоличным тоном. — В принципе можно было бы на этом и закончить, но у меня есть предложение.

— Хоть два, — расслабился Василий, усилием воли останавливая кровь из раны под ключицей, собираясь дать последний бой, несмотря на невыгоднейшее положение, в какое попал. — Глаз-то зажил, я смотрю? Не чешется? Быстро же вы, кардиналы, себя залечиваете.

Глаза Рыкова сверкнули, Вася почувствовал нечто вроде падения, удар в грудь и сотню уколов иголками в глазные яблоки, ослепивших его на несколько мгновений, затем короткий обморок. Не показывая, что шокирован и потрясен, он улыбнулся, ткнул пальцем в шкафоподобных сопровождающих Германа Довлатовича:

— Это и есть гаранты вашей уверенности, кардинал? Сами выращиваете такие экземпляры? А не хотите один на один, без них и этих ваших штучек — раппортов и психокинезов?

— Предложение такое, — пропустил Рыков мимо ушей слова Балуева. — Мне нужен профессионал твоего класса в качестве агента по особым поручениям. Принимаешь?

— А если приму и сыграю против? — Вася окончательно пришел в себя. — Или ты меня сделаешь зомби, как этих громил?

— Не слышу ответа.

— Вот тебе ответ! — Вася сунул руку в карман, цепляя рукоять «болевика», и в тот же момент Рыков ударил его в полную силу, задействовав максимум того, что было ему доступно на психофизическом уровне — Силу Иеговы (Сущность Бытия), преломленную третьей «сферой света» Самаэль, что образно выражалось словами: Жестокость Бога.

Сознание Васи погасло, как пламя свечи под порывом ветра. Но за тысячную долю секунды до этого палец его нажал курок «болевика», пославшего разряд в голову Рыкова, а подоспевшие к месту сражения Парамонов и Ульяна накрыли Василия «колоколом защиты», ослабившим страшный удар кардинала.

Телохранителям Рыкова досталась лишь малая толика излучения «болевика», заставившая их тем не менее выронить оружие, упасть на землю и кататься по ней: обоим показалось, что их охватило пламя. Рыков же принял весь импульс, который пробил его пси-блок и сбросил сознание в измененное состояние, требующее адаптации. А когда он пришел в себя, оказался в окружении Посвященных и Горшина, прибывшего в самый последний момент.

— Не стоит продолжать этот разговор, — качнул головой Тарас, подходя к Герману Довлатовичу вплотную. — Вы все время проигрываете, кардинал, пора задуматься над этим. Мы не можем вас уничтожить, хотя я сделал бы это с большим удовольствием, но мы можем принудить вас к миру. Если же вы еще раз попытаетесь причинить вред кому-либо из наших друзей, клянусь — мы достанем вас из-под земли! В любой реальности! Среди Великих Вещей Мира есть одна очень любопытная — кодон, я думаю, вы слышали о ней. Так вот я обещаю найти его, чтобы сделать из вас вечного зомби-идиота. И я сделаю это!

— Он сделает, — кивнул Иван Терентьевич, разглядывая равнодушное, белое, в бисеринках пота лицо Рыкова. — А мы

ему поможем. Подходят вам такие условия мира, господин кардинал?

— Да, — проскрипел Герман Довлатович. — Но учтите: то, что не сделаю я, сделает Сход. Вы обречены.

— Учтем, спасибо за предупреждение, — учтиво произнес Парамонов. — Вы свободны.

Рыков повернулся, махнул рукой своим гвардейцам и, деревянно переставляя ноги, пошел прочь от почти полностью разрушенного взрывами здания. Скрылся за деревьями, где уже начала собираться толпа привлеченных взрывами местных жителей.

— Что с ним? — оглянулся Горшин на Балуева, над которым склонилась Ульяна.

— Жив, — слабо улыбнулась девушка и добавила с гордой, печальной и нежной интонацией: — Жестокий воин и невоспитанный, глупый, простодушный мальчик...

Глава 39

ОТВЕТВЛЕНИЕ СОВЕСТИ

Стас смотрел на него такими глазами, что у Матвея дрогнуло сердце. Но взять его с собой он не мог. Прощаясь, прижал паренька к себе и сказал ему на ухо:

— Я скоро вернусь, малыш, обещаю тебе. А ты обещай мне не запускать учебу в школе и тренироваться. Обещаешь?

— Обещаю, — едва слышно ответил Стас, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не заплакать.

Поцеловав его в макушку, Матвей попрощался с Марией Денисовной и вышел, переживая приступ свирепой тоски. Будущее свое он видел смутно и не знал, вернется ли когда-нибудь в эту квартиру, в эту страну и вообще в земную реальность. Кристина видела его состояние, поэтому о планах не спрашивала и больше молчала, за что Матвей был ей благодарен. Впрочем, в последнее время они все больше понимали друг друга без слов, словесное общение становилось если и не лишним, то необязательным. В их отношениях начинался этап, который можно было бы назвать одним словом: неразделимость. Матвей просто не мыслил себя без Кристины, образ которой под влиянием Светлены претерпел некоторые изменения и слился с образом Светлены воедино.

Оставив Стаса с бабушкой, они поехали на старую квартиру Матвея на Варшавском шоссе. Засад он не боялся, но на всякий случай прощупал район в ментальном поле и «темных уплотнений угрозы» не обнаружил.

Квартира хранила следы чужого недоброго присутствия и запахи зла. Матвей задумчиво прошелся по комнатам, отмечая слой пыли на вещах, разбросанную одежду, но убирать ничего не стал. Погладил корпус компьютера в рабочем кабинете, сел за стол.

— Что ты задумал? — спросила Кристина, поставив кипятить воду для чая.

— Хочу прогуляться в прошлое, — сказал Матвей. — Ты меня подстрахуешь?

— Это опасно, ты же знаешь. Тебя стерегут везде, в том числе и в ортоснах.

— С тобой я ничего не боюсь. Но если не хочешь, я пойду один.

Кристина улыбнулась — словно солнышко вспыхнуло в комнате, прижала затылок сидящего Матвея к груди, потянула его за ухо.

— Ты неисправим, ганфайтер. Ты же знаешь, что я пойду за тобой куда угодно, вплоть до нарака[1] — дна «розы» с его системой нижних «адовых» реальностей.

— Тогда не будем терять времени.

— А чай?

— Потом, после возвращения.

Матвей закрыл двери квартиры на все замки, поставил на нее «печать отталкивания», настроенную поднять тревогу не только при любой попытке взлома, но даже от мысли взломщика. Они сели в кресла в гостиной напротив друг друга и привычно углубились в себя, начиная сеанс медитации и настройки организма на путешествие «вниз», в прошлое, по родовой памяти мировой линии предков Соболева.

Однако на этот раз Матвей пошел другим путем. Ему нужно было нащупать мировые линии кардиналов Союза Девяти, проследить их до самых корней и попытаться предотвратить рождение хотя бы двух — Рыкова и Бабуу-Сэнгэ. Только в случае успеха, как считал Матвей, ему удастся обезопасить

---

[1] Нарака — совокупность адов, расположенных под столицей царства бога смерти Ямы *(инд. миф.)*.

себя и своих близких в настоящем времени. Но для достижения цели ему был нужен выход на третий уровень энергоинформационного поля Земли — логос, а может быть, и на четвертый — универсум.

Астрал и ментал он прошел спринтерски, почти не задерживаясь. Его там действительно ждали «цепные псы» чужих разумов — иерархов и кардиналов Союза, готовые вцепиться в сознание, подавить его, подчинить волю и душу человека, дерзнувшего замахнуться на «тьму власти», на благополучие избранных. Но Матвей теперь знал, как избежать информационно-эмоциональных засад — с помощью полного подавления чувственных желаний, и «псов» обошел.

Состояние человека, путешествующего по астралу и менталу, невозможно описать словами, мирской язык слишком беден для этого и не в состоянии отразить гамму ощущений даже приблизительно. Пейзаж астрала, да и ментала тоже, многомерен, сложен, текуч, полон пропастей и бездн, способных засосать неопытного путешественника, и заснеженных горных пиков неподвластной ему информации, грозящих засыпать лавинами и селями чужеродных понятий. Ориентироваться в вечно меняющемся «болоте» астрала невероятно трудно, все время натыкаешься на ненужные тебе «кочки» и «островки» чьих-то индивидуальных информационных владений, проваливаешься в «ямы» и «колодцы» недоступных понятий, увертываешься от «пуль» и «метеоритов» нацеленных сообщений. Только человек с устойчивой психикой и сильной волей способен сохранить свое сознание и душу в этой растворяющей все и вся хаотичной многомерной структуре и найти то, что ему нужно, — потоки, кольца и коконы информации, не исчезающей здесь никогда.

Но астрал — лишь первая и самая неорганизованная ступень энергоинформационного поля Земли. Структура ментала иная, ее можно сравнить с кристаллической решеткой какого-нибудь минерала, невероятно сложной, но упорядоченной, снабженной «указателями» — каналами озарений в разных областях знаний, и ориентироваться там проще, вот только перейти на уровень ментала труднее. Подняться же на уровень логоса еще сложней, для этого надо обладать огромными запасами душевной энергии и тонкими Силами, управляющими законами магической физики — главной физики «розы реальностей».

Матвей продавил волей потенциальный барьер, отделяющий ментал от логоса, и оказался в стремительно мчащемся энергетическом потоке, напоминавшем могучую горную реку! Забарахтался изо всех сил, пытаясь не захлебнуться в «воде», с трудом «высунул голову» из взбаламученной пенистой субстанции, заработал «руками и ногами», стараясь удержаться на плаву. И тотчас же оказался внутри странной черной сферы, пронизанной лучиками света от бесчисленных черных звезд, в полной тишине и неподвижности, и в то же время сохраняя ощущение несущейся с дикой быстротой горной реки...

Успокоив дыхание, испытывая огромное внутреннее напряжение и трепет — он попал в слой информполя, хранящего все тайны Вселенной, и мог получить исчерпывающий ответ на любой вопрос в тот же момент, — чувствуя, что надолго его не хватит, Матвей п о з в а л нужное з н а н и е и через мгновение получил его — знание мировых линий кардиналов Союза Девяти, их истоков и пересечений с его собственной линией. Теперь он знал, где и как встретить предков кардиналов, как достичь этого момента, спускаясь по собственной мировой линии в прошлое, и что сделать потом, чтобы изменить настоящее из прошлого. Однако в голову вдруг пришла дерзкая мысль пойти еще д а л ь ш е, в универсум, и Матвей прыгнул «вверх» изо всех сил, поднимаясь на предельный уровень своих возможностей, уровень сверхбыстрого сгорания психики.

Оглушающий удар по голове, рывок — и он оказался в невообразимо странном мире, в мире без объектов и свойств, одновременно бесконечно большом и бесконечно малом, в мире оглушительно грохочущей тишины, где ничего не происходит, но и ничего не забывается, где ощущаешь себя ничем и одновременно всем...

Взгляд пронизал его, взгляд Брахмана — безличной абсолютной реальности, основы всего сущего, взгляд Великой Пустоты. Матвей, отождествив себя со Вселенной, ощутил вдруг дивный восторг прямого переживания своей бесконечности и... умер!..

чтобы, пройдя...
миллион состояний...
вновь осознать себя...
в человеческом теле!

Кто-то большой и сильный помог ему спуститься с горных высей универсума, обладающего столь высокой плотностью энергии, что выдержать это состояние мог только могучий интеллект, владеющий тайнами прямого преобразования физических тел в ментальные объекты. Кто-то поддержал Соболева в момент входа в универсум и еще более — в момент выхода, и лишь благодаря этой помощи Матвей сохранил свою индивидуальность, свою личность.

Если бы он не был так ошеломлен и потрясен, он бы понял, кто ему помог, но рядом находилась Кристина-Светлена, и Матвей решил, что это была она.

Открыв глаза, он увидел ее тревожный, тут же прояснившийся взгляд.

— Все в порядке? — вырвался у девушки вздох облегчения. — Почему ты не предупредил меня, что пойдешь так далеко?

— Сам не знал, — пробормотал Матвей, снова закрывая глаза. — Любопытно стало, смогу ли выдержать такую нагрузку.

— Без подготовки ты мог раствориться...

— Все позади, — перебил Кристину Матвей. — Отдохну немного и поплыву вниз. Если не передумала сопровождать, держись рядом. И молчи!

Кристина пристально посмотрела на заострившееся, потемневшее, с провалившимися глазами — общение с логосом и универсумом явно не прошло для Матвея даром, отняв часть души, — лицо друга и отгородилась от него личным «колоколом отталкивания», чтобы позвать того, кого она считала ответственным за происходящее. Ответа получить не успела, Матвей начал погружение в ортосон.

Падение в прошлое по цепи родовой памяти не вызвало привычных ощущений. Просто был черный провал, короткое забытье, и Матвей осознал себя в теле первопредка, стоящего в цепи таких же гигантов, закованных в сияющие всеми цветами радуги «латы» — хитиновые сегменты тел Инсектов. Цепь окружала исполинское, слепяще белое сооружение в форме пирамиды, ажурные стены которого казались страницами древних манускриптов с иероглифическими письменами, рунами, создающими эффект эстетического совершенства и гармонии. Откуда-то Матвей знал, что пирамида — гнездо-замок ликозидов, разумных тарантулов. Такие замки

вообще были большой редкостью, но ценились они перволюдьми не за красоту и величие, а за набитые всякими полезными (и опасными) вещами кладовые. Кланы перволюдей часто воевали между собой за обладание таким гнездом, что в первую очередь и стало главной причиной их уничтожения.

Информация, выуженная Матвеем из логоса, не подвела. Сознание Матвея внедрилось в голову предка в тот момент, когда на его родовой клан, защищавший пирамиду ликозидов, напали воины другого племени, среди которых находился тот, кто начинал мировую линию потомков Германа Довлатовича Рыкова. И Матвей, получивший достоверное з н а н и е логоса, без труда узнал его.

Глава рода «Рыковых» в отличие от трехметровых великанов — воинов клана не участвовал в сражении. Он занимал пост советника вождя (вероятно, это послужило печатью, отметившей всю линию его потомков вплоть до Германа Довлатовича) и терялся в его свите, незаметный, небольшого роста (всего два метра) — по сравнению с воинами, одетый в бурый плащ поверх доспехов, превращавший его в немощного на вид, безобидного, никому не опасного старика. Лишь взгляд выдавал в нем существо умное, хитрое и жестокое. Должно быть, он здесь тоже представлял местный Союз Неизвестных, корректирующий реальность по своему разумению. Матвей знал, что Внутренний Круг человечества к этому времени уже существовал.

Матвей оглядел шеренгу солдат, защитников замка ликозидов, своих сородичей, и понял, что замок они не удержат. Силы были слишком неравными: против полусотни стражей — две сотни солдат вражеского клана, половина которых образовывала на шестиногих зверях своеобразную конницу. У защитников тоже были «лошади», но всего с десяток.

План созрел сразу, как только Матвей оценил положение, а выполнение его упрощалось тем, что предок Соболева был здесь не простым солдатом, а «сотником», командиром отделения. Завладев его сознанием, Матвей взял инициативу в свои руки и начал сражение не так, как его представляли обе стороны. Он отдал приказ десятку воинов оседлать «коней» и, не давая противнику возможности опомниться и подготовиться, стремительно атаковал цепь наступавших.

Удар был так стремителен и неожидан, что конница врага

не успела на него отреагировать. Отряд Матвея легко пробил строй атакующих, рассеял арбалетчиков, идущих следом и успевших сделать всего один залп, и в мгновение ока взлетел на холм, на вершине которого обосновалась ставка враждебного клана. Лишь после этого пришла в движение «конница», заворачивая к подножию холма, и повернулись лицом к вождю растерявшиеся шеренги переднего «полка». Но было уже поздно. Прорвавшиеся воины Матвея вовсю рубились с охраной вождя, а сам Соболев, вооруженный знаниями многовековых традиций воинских искусств, пробился к его свите, свалил двух «офицеров» и приблизился к предку Рыкова, загородившемуся двумя рослыми воинами и готовому улизнуть с поля боя в подходящий момент.

Одного воина Матвей проткнул копьем со светящимся наконечником, которое легко пробивало любые доспехи. Второго сбил грудью шестинога и затоптал. Однако достать прапрадедушку Германа Довлатовича не успел. Тяжелая холодная тень легла на холм, придавила все живое, заставила отвлечься от боя и напрячь силы, чтобы сбросить с себя путы странного оцепенения.

Матвей глянул вверх и увидел плывущий над холмами колоссальный трехкилометровый черный веер — чудовищное творение акридоидов, существ из вида разумной саранчи. Усеянное стометровыми колючками, гнездо акридоидов представляло собой довольно сложный сросток геометрических форм, образующих веер, создающих впечатление гармонии и совершенства, только эта гармония была гармонией угрозы и несла неизгладимый отпечаток агрессивных устремлений обитателей гнезда.

Все поплыло перед глазами Матвея, он едва не вывалился из седла. С трудом отбил выпад копья предка Рыкова, проявившего вдруг с появлением веера невиданную прыть и смелость. Снова волна искривления побежала по земле, накрыла холм, исказила форму всех объектов, встряхнула всех, кто там сражался. Слабость, охватившая Матвея, едва не погубила его предка. Пока он боролся с неожиданным пси-нападением (это было именно нападение, а не случайное явление), пра-Рыков подобрался ближе и метнул что-то вроде длинного светящегося шипа, пробившего щит Матвея, кирасу и распоровшего плечо. Если бы не рывок шестинога в сто-

рону, шип вонзился бы предку Соболева в горло и, вполне вероятно, прервал бы его мировую линию.

Волна слабости схлынула, кто-то помог ему отбить чужую атаку, зажавшую было волю в тиски. Матвей ответил врагу яростным выпадом такого же четырехгранного шипа (не меч и не шпага, просто заостренная металлическая палка), заставив его кубарем покатиться с холма, направил следом шестинога, но в спину ему вонзились сразу три стрелы со светящимися наконечниками — защитники вождя не дремали, и схватка с пра-Рыковым отошла на второй план. Следовало срочно позаботиться о собственной жизни, явно нуждавшейся в спасении.

Если бы предок Матвея в данной ситуации остался без «водителя»-потомка, он неминуемо бы погиб. Но Матвей не дал ему пасть смертью храбрых, хотя вынужден был сражаться на два фронта: против сородичей клана Рыкова и с чьим-то холодным и беспощадным разумом, занявшим замок акридоидов. Это мог быть и разум уцелевшей семьи разумной саранчи. Матвей не встречался с подобным видом Инсектов ни в одном своем походе в прошлое и возможностей акридоидов не знал, однако после нескольких атак понял, что воюет с кем-то из людей Круга, может быть, даже с иерархом, пси-матрица которого и оккупировала гнездо акридоидов. Спустя некоторое время стало ясно, что бой он проигрывает.

Шестинога под ним убили. Матвей вынужден был сражаться с сородичами Рыкова пешим, что намного сузило его маневр и возможности контратаки. Гнездо акридоидов приблизилось, нависло сверху, и пси-давление на сознание Соболева, ослабленное ментальной помощью Кристины, увеличилось до предела, перейти который он не мог: не мог ни отбить атаки врага, ни бросить своего предка в безнадежной ситуации. Он проигрывал.

И в этот момент в схватку вмешались иные силы.

Внезапно послышалось стремительно нараставшее гудение, из-за пирамиды ликозидов вывернулись два гигантских жука (колеоптеры!): один с ходу атаковал летающее гнездо акридоидов фиолетовым высверком «лазера», а второй спикировал на холм с кипевшим на нем сражением, подхватил теряющего силы Матвея и взмыл в небо. Последнее, что отметил Матвей гаснущим сознанием, — беззвучный вопль разочарования, изданный существом в гнезде разумной са-

ранчи. Затем начался стремительный подъем — в прямом и переносном смысле: колеоптер, захвативший предка Соболева, набирал высоту, а сознание Матвея устремилось в будущее, — и очнулся Матвей уже в своей комнате, откуда начал трансперсональное путешествие в прошлое.

Он не удивился, обнаружив в гостиной гостя, хотя и не ожидал увидеть его в домашней обстановке. Это был Хранитель.

— Кажется, вы спасли мне жизнь, — вяло проговорил Матвей, наслаждаясь покоем и тишиной. — Но я не просил вас следить за мной.

— Хорошо, что я успел, — с вежливым укором сказал Матфей. — Вы продолжаете делать ошибки, которых можно было бы избежать по зрелом размышлении. Зачем вам понадобился этот последний выход в прошлое?

Матвей отпил глоток сока из стакана, принесенного Кристиной, откинулся на спинку кресла. Ему показалось, что под черепом у него пробежал паучок. Попытался избавиться от этого неприятного ощущения и не смог. Опустил стакан, внимательно глянул на невыразимо спокойное лицо Хранителя.

— Вы... преступаете Закон... невмешательства...

— Всякое попрание какого-нибудь закона есть всего лишь следствие срабатывания закона более высокого ранга. В данном случае я представляю именно тот, более высокий закон, регламентирующий жизнь реальности в момент возникновения глобальной опасности.

— Какой опасности? — Матвей задал вопрос машинально, он знал ответ. Паучок под черепом продолжал бегать, это отвлекало и раздражало. Хранитель явно проверял возможности собеседника и его выдержку.

— Своим возвращением по личной мировой линии в прошлое вы одновременно включили процесс падения Закона обратной связи, частным случаем которого является Закон возмездия.

— Я это знаю.

— Процесс этот ускоряется, — как ни в чем не бывало продолжал Хранитель, — происходит беспрецедентная ломка социальных структур, и не только в России, весьма серьезно загрязненной «черной магией», но и во всем мире! Вы уже

анализировали происходящие на Земле процессы: рост преступности, терроризма, волна самоубийств, передел власти...

— Дальше.

— Близится всеобщий кризис, хаос управления. Вы в курсе, что на двадцать второе июня кардинал Союза Девяти Герман Довлатович Рыков запланировал «большую войну»? Войну «чистилища» и СС с целью захвата власти?

Матвей поставил стакан на столик, встретил взгляд Кристины, устроившейся на диване с ногами, покачал головой.

— Он не сможет...

— Если ему не помешать — сможет.

Матвей опустил голову, некоторое время молчал, потом в упор взглянул на Хранителя.

— Я хотел прервать мировые линии кардиналов Союза, в том числе и Рыкова. Для этого я и рискнул опуститься вниз.

В глазах Матфея мигнули огоньки сочувствия, понимания и печали.

— Вы слишком спешите, идущий.

— Но все меня уверяли, в том числе и она, — не выдержал Матвей, кивая на Кристину, не делая различия между ней и Светленой, — что я иду слишком медленно!

— Вы идете быстро, Матвей Фомич, но не в том направлении. Опасность того, что вы придете не туда, станете «темным аватарой», все более возрастает, и это нас тревожит. Вы не избавились полностью от следов программы Удди, на что я надеялся, поселив вас в храме Будды для восстановления, а сегодня добавили к этому черному следу еще одно пятнышко.

— Не понимаю, — холодно сказал Матвей.

— Своим проникновением в универсум вы преодолели пятнадцатую ступень «лестницы самосовершенствования», называемую Ответвлением Совести. А это очень скользкая ступень, с которой можно не только подняться вверх, к Идеалу, но и скатиться вниз, в Инферно, в «темные подвалы» Мироздания. Ваш поход вниз, в прошлое, для отсечения мировых линий ваших врагов, есть балансирование над пропастью. Кстати, отсечение не решает проблемы, а добавляет новые. Вы знаете, к примеру, что отсечение линии Рыкова автоматически влечет уничтожение линии русских князей Голицыных? Они находятся в родстве. А также влечет изменение рода изобретателя знаменитого автомата Калашникова. Но Бог с ним, с изобретателем. Отрубив линию потомков

координатора Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ, вы сразу же ликвидируете моих предков.

Хранитель улыбнулся, заметив, как округлились глаза Кристины. Матвей остался сдержанно-бесстрастным, но было видно, что и на него подействовали слова тезки.

— Так что все гораздо сложней, чем вы себе представляете, — продолжал Матфей. — И даже если бы вам удалось отсечь потомков кардиналов Союза, вы добились бы лишь изменения его состава. А этого мало. Нужен более радикальный шаг, чтобы довершить начавшийся излом зла.

— Как вы сказали? — недоверчиво посмотрела на Хранителя Кристина. Излом зла... начался?

Матвей тоже смотрел на Хранителя непонимающе, и тот тихо рассмеялся.

— Ваши враги добились не того, чего хотели, — нейтрализовать вас, а обратного результата: вы в принципе решились на изменение существующего положения дел. Но никто из них, в том числе и многие иерархи, все-таки всерьез вас не воспринимали и пока еще не воспринимают. Даже пентарх Удди, самый дальновидный из всех. И я очень надеюсь, что, когда они оценят вас по заслугам, вы будете к этому готовы. Вы можете занять трон Мастера Мастеров, я это знаю, но лишь в том случае, если не наделаете новых ошибок, если не будете полагаться только на свои вкусы и желания. Прислушивайтесь к мнению своих спутников и достигнете тех высот, которые позволят вам добраться до Материнской реальности и утвердить в «розе реальностей» высший закон — Закон справедливого воздаяния.

— Материнская реальность — легенда... — тихо сказала Кристина. — Никто из людей Круга не знает наверняка, существует она или нет. По-моему, даже Аморфы не знают.

— Когда-нибудь эта загадка будет решена. — Хранитель посмотрел на Матвея, и тот на дне его глаз увидел вдруг бесконечную печаль. А может быть, усталость. — Я хочу попрощаться с вами, идущий. Мне пора уходить, земная реальность не выдерживает нас.

— Кого? — не поняла Кристина. — Не выдерживает Хранителей? Почему? Как — не выдерживает?

Матфей на мгновение стал совершенно прозрачным, превратился в язык пламени, сохранивший форму человеческого тела, и снова стал самим собой.

— Мы достигли физических и нравственных пределов, ограничивающих земной мир. Чтобы идти дальше, нам необходимо избавиться от самих себя, полностью перейти на энергетический уровень Магического Оперирования.

— На двадцатую степень, — медленно сказал Матвей. — И тогда останутся только две...

— Да, — кивнул Хранитель. — Останутся еще две. Но они нам недоступны: Двойник Совершенства и Карусель Бесконечности. Двадцать первая — это уровень аватары.

Они посмотрели в глаза друг друга, вполне понимая недосказанное. Потом Хранитель развел руками:

— Ну а двадцать вторая ступень характеризует уровень Творца. Не знаю, удавалось ли кому-нибудь из смертных достичь этой ступени, кроме Безусловно Первого. Может быть, вы попытаетесь? Если только не поменяете знак. Учтите, идущий, как только вы воспользуетесь тхабсом, вами займутся иерархи. Вы станете нужны всем, даже Аморфам.

— А Безусловно Первому? — невольно улыбнулся Матвей, почувствовав внезапное облегчение: паучок перестал бегать под черепом и унес с собой эйфорический дым собственной — Матвея — исключительности и вседозволенности.

— Может быть, и ему тоже, — улыбнулся Хранитель, и его не стало.

Матвей и Кристина смотрели на то место, где он сидел, и молчали, пока не вспомнили, где находятся.

— Ты все понял, быстро идущий? — серьезно сказала девушка. — Больше не будешь ошибаться?

— Обещаю перед тем, как сделать ошибку, предупредить тебя, — так же серьезно ответил Матвей и вдруг застыл, прислушиваясь к себе. Замерла и Кристина, поймав ментальный сигнал. Затем, не сговариваясь, они вскочили, забрали сумки и выбежали из квартиры, оставив ее открытой. Оба приняли вызов Горшина, который можно было выразить словами: «На нас напали! Идите на помощь!»

Глава 40

ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ

Человеческая природа, вобравшая все негативные стороны психики Инсектов, склонна толкать человека на удивительные поступки, стоящие на противоположных полюсах

морально-этического кодекса, — от убийства ближнего из-за куска хлеба до самопожертвования. И даже лучшие из людей совершают ошибки, которым нет объяснений, кроме все тех же загадочных толкований: такова природа человека.

Не сильно отличались от других людей в этом смысле и люди Круга, проповедующие принцип интеллектуальной чистоты и одновременно не способные изменить или полностью нейтрализовать свою эмоциональную сферу. Поэтому ничего удивительного в действиях кардиналов Союза Девяти, созванных Бабуу-Сэнгэ на Сход, не было, когда некоторые из них, знавшие причину созыва, решили отличиться и захватить перед Сходом строптивого смертного по имени Матвей Соболев и его друзей. Они были так уверены в своих силах, что предупреждать координатора не стали. Этими кардиналами были Кирилл Данилович Головань — заместитель директора Международного института стратегических исследований, Виктор Викторович Мурашов — секретарь Совета безопасности, Дмитрий Феоктистович Блохинцев — член-корреспондент Академии наук и Везирхан Шароев — президент Ичкерии, прибывший в столицу России инкогнито с целью отомстить. Именно он и убедил кардиналов начать акцию раньше, преисполненный «святого гнева» на человека, посмевшего поднять на него руку.

Столкновение Рыкова с Посвященными у Таганского парка позволило кардиналам засечь «объекты воздействия» и проследить их путь до Строгина. После чего они с помощью своих манипулов перекрыли подходы к дому, в котором скрылись трое Посвященных и профессионал спецназа Василий Балуев, к которому Шароев имел не меньше претензий, чем к Соболеву, и ровно в тринадцать ноль-ноль по московскому времени собрались у ворот Троице-Лыковского кладбища. Везирхан Шароев порывался первым броситься на штурм квартиры, в которой укрылись Посвященные, но Мурашов посоветовал ему «не гнать лошадей». Первыми должны были пойти в атаку зомби-солдаты личного манипула Блохинцева, задача которых была отвлечь внимание противника, заставить его увязнуть в бою, вынудить раскрыться и отступить. Лишь после этого в схватку должны были вступить сами кардиналы, видевшие в предстоящем деле хорошее развлечение и ради этого готовые блеснуть друг перед другом своей силой и удалью.

Однако открытого боя не получилось. Посвященные быстро разобрались в обстановке, соединенными усилиями перепрограммировали людей Блохинцева, и те открывать огонь и врываться в квартиру не стали. Дмитрию Феоктистовичу пришлось возиться с ними, чтобы снова взять под свой контроль и послать в атаку. И снова Посвященным удалось повернуть сознание зомби-атакующих на сто восемьдесят градусов, заставить их выйти из дома и напасть на своих же союзников.

Блохинцев в ярости «сжег» мозг командира манипула и повел своих боевиков в атаку сам. Он дошел до двери квартиры, но вынужден был остановиться. Пси-заслоны Посвященных оказались более крепкими, чем он думал, а острые ментальные выпады отступника Горшина иногда пробивали собственную защиту Дмитрия Феоктистовича. Пришлось отступить. При этом он попытался прощупать мысленные объемы всех, кто находился в доме, чтобы выяснить количество защитников, но это Блохинцев выяснить не смог. А так как он мысли не допускал, что его, Посвященного II ступени, могли остановить всего трое Посвященных I ступени, Дмитрий Феоктистович сделал вывод, что группа Соболева находится в полном составе.

— Их всего четверо, — презрительно скривил губы Шароев, — и уровень магического манипулирования каждого на порядок ниже нашего. Чего вы осторожничаете? Соболев еще не аватара, а всего лишь кандидат... хотя я в это не верю. Я уделал его дома свободно. — Президент Чечни не стал добавлять, что в момент, когда он «уделывал» Соболева, он был авешей пентарха Удди. — Что может сделать нам непосвященный? Ничего! Надо действовать проще.

— Простое решение, как правило, ошибочно, — веско заметил Головань. — Если бы мы вынудили их отступить, выйти из квартиры, задача перехвата намного упростилась бы.

— Что ты предлагаешь? — бросил недовольный своей пассивностью Мурашов.

— Дать пару залпов из гранатометов по окнам квартиры. Не думаю, что нашим приятелям удастся выдержать такую плотность огня. Они наверняка побегут из дома. Тут мы их и перехватим.

— На взрывы съедутся все местные бригады ОМОНа и милиция.

— Пока съедутся, мы уже будем далеко отсюда.

Мурашов раздумывал недолго, план был хорош, и они его приняли. Однако не учли, что противник тоже способен на анализ возможностей противоборствующей стороны и разработку контрмер. Поэтому когда гвардейцы манипула Голованя сделали из гранатометов залп по окнам четвертого этажа — со стороны дороги и со двора, Посвященных в квартире уже не было.

Но во дворе, где их ждали кардинальские командос, они не появились. Мало того, члены Союза Девяти вдруг с удивлением отметили, что излучение тройки Посвященных слабеет. Впечатление складывалось такое, будто они удаляются с возрастающей скоростью. А так как бежать им было некуда, кроме трубы канализации под домом, кардиналы решили, что именно туда беглецы и направились.

Кардиналы пересекли улицу, вбежали во двор, полный взбудораженных взрывами жителей микрорайона, и в этот момент Горшин (он и придумал эту уловку с ослаблением пси-излучения, создающим эффект удаления), Парамонов, Ульяна и Василий выпрыгнули из окна угловой квартиры на первом этаже, куда они успели спуститься, и взяли под мысленный контроль цепь гвардейцев, окруживших дом со стороны кладбища. Но сесть в микроавтобус, на котором приехал кто-то из кардиналов со своим манипулом, не успели. Снайперы, оставленные опытным секретарем Совета безопасности на кладбище и не попавшие в сферу раппорта Посвященных, открыли по ним огонь.

Первым был ранен Иван Терентьевич — в грудь, что сразу сказалось на ментальной мощи группы. Падение напряжения пси-излучения не позволило беглецам держать под контролем сознание всех зомби-солдат, и те из них, кто вышел из зоны влияния, тоже открыли огонь по четверке беглецов.

Вторая пуля снайпера досталась Ульяне, пробив ей предплечье навылет.

— Займись снайперами! — крикнул Горшин Василию, начиная ментально-физическую атаку на сбегавшихся со всех сторон к кладбищу гвардейцев кардиналов.

Дальнейшие события длились всего с десяток секунд.

Раненый Парамонов помог Тарасу переориентировать атакующих таким образом, чтобы они открыли огонь по сво-

им, доковылял до микроавтобуса «Форд-Транзит», отключил водителя и сел на его место, тут же потеряв сознание от шока.

Ульяна на пределе возможностей прикрыла бегущего Василия «колпаком невидимости», щедро отдавая свою энергию, и к микроавтобусу приползла, что называется, «по-пластунски». Сил ее хватило лишь на то, чтобы открыть дверцу салона, влезть внутрь машины она уже не смогла, также потеряв сознание.

Василий, прикрытый ментальным щитом Ульяны, успел добежать до гранитной стелы центрального входа на кладбище, из-за которой стреляли снайперы, и поразил обоих в голову из «волка», прежде чем его нашла пуля кого-то из зомби-солдат. Пуля («бизон», 9 миллиметров) ударила аккурат в поясницу, но наткнулась на лезвие ножа за поясом, отклонилась и пропахала правую ягодицу. Не имея возможности держать т е м п, возвращался Василий к дороге гораздо медленней, чем позволяла ситуация, хотя успел-таки расстрелять две обоймы и существенно помочь Горшину.

Тарас же, удерживая под давлением воли с десяток парней, начал оставшихся «брать на прием» по очереди, двигаясь с немыслимой скоростью, и успел пройти дюжину гвардейцев, прежде чем из-за дома появились потерявшие былой лоск и блеск кардиналы, сообразившие, что их ловко и эффектно одурачили.

На отступление оставались какие-то мгновения, Тарас и Василий сесть в микроавтобус уже не успевали, и в этот момент в бой вмешались подоспевшие к развязке Матвей и Кристина.

И сразу стрельба стихла. Уцелевшие зомби-бойцы безвольно опустили оружие, почувствовав полнейшее равнодушие к происходящему. Остановились и кардиналы. Лишь горячий Шароев продолжал бежать через улицу, собираясь пустить в ход «глушак», и Василий остановил его броском стрелки сюрикэна с двадцати метров, пробив горло насквозь. Упал координатор Союза Неизвестных Чечни прямо под колеса машины Соболева.

— За руль! — резко бросил Матвей Тарасу, выходя из ослепительно синего «Шевроле». Остановился, расставив ноги и неотрывно глядя на кардиналов Союза Девяти.

Горшин помог Ульяне и Парамонову дойти до машины, усадил их на заднее сиденье, сел за руль. Василий, стиснув

зубы, с трудом устроился рядом с Кристиной. И все четверо посмотрели на Матвея, не понимая, чего он медлит. Они не знали, что он в этот миг вел неощутимый и незримый другими бой на высших частотах с Бабуу-Сэнгэ, мчавшимся на помощь своим кардиналам, и выиграл его, отбив свирепую атаку «зеркалом шага». Затем глаза его вспыхнули нестерпимо холодной голубизной, и между автомобилем и опомнившимися, шагнувшими вперед кардиналами протянулась полоса яростного багрового пламени.

— Гони!

Матвей вскочил в машину, и с визгом шин Горшин погнал «Шевроле» вперед, прямо через тело Шароева.

Через две минуты они были уже далеко от кладбища.

— Куда? — лаконично спросил Тарас, выезжая из микрорайона Строгино на Кольцевую автодорогу.

— Обратно, — так же лаконично ответил Матвей.

Тарас притормозил, искоса посмотрел на отрешенно-спокойное лицо Соболева и остановил машину. Остальные тоже смотрели на Матвея непонимающе, и он пояснил:

— Эта кардинальская компания сейчас уедет, и мы вернемся. Под Троице-Лыковской церковью расположен МИР ликозидов, спрячемся там.

— Зачем нам прятаться? — буркнул Василий, страдая от боли в ягодице, но предпочитая не жаловаться.

— Нас загоняют в угол, неужели не понятно?

— Но ведь не загнали же.

— Войну со всем Союзом Девяти нам не выдержать. К тому же мой Путь Воина действительно закончен. — Матвей еле заметно улыбнулся, заметив озадаченно-недоумевающие взгляды друзей. — Я имею в виду — здесь, в земной реальности. А Путь Воина в «розе реальностей» только начинается. Я принял решение уйти в «розу». Немедленно. Пора наводить там порядок.

— Но ведь вас там ждут, — мягко сказал Иван Терентьевич, еще бледный, но уже почти залечивший рану в груди, — причем не с распростертыми объятиями.

— Пусть ждут. Пентарх Удди считает, что я зомбирован. Не буду его разочаровывать. Это даст мне время определиться и действовать по обстоятельствам. Поворачивай, Тарас. Кардиналы уже направились в погоню за нами и выехали из Строгина.

— Ты запустил «зайца»? — догадался Горшин, трогая «Шевроле» с места.

Матвей кивнул. При выезде из района боя он «вставил» в голову одного из гвардейцев особую программу, включавшуюся при попытке пси-пеленгации энергетических сфер беглецов. Программа начинала «шуметь» и создавала впечатление удаляющегося пси-энергетического объема. Именно такого «зайца» запустил сам Горшин, обманув кардиналов.

— Но они вернутся, — тихо сказала молчавшая до сих пор Кристина.

— Да уж, Бабуу провести подобными трюками не удастся, — проговорил Иван Терентьевич. — У нас в запасе не более часа. Кардиналы соберутся все вместе и примутся за нас всерьез.

— Отобьемся, — бесстрашно махнул рукой Василий и охнул.

— Лихой казак, — подмигнул Ульяне Иван Терентьевич, — только бледный почему-то. Посмотрела бы ты его?

— Что там у тебя? — дотронулась Ульяна через спину нагнувшейся Кристины до плеча Василия.

— Ерунда, поболит и перестанет, — сквозь зубы ответил Вася.

Горшин оглянулся, оценивающе посмотрел в глаза Балуеву и хмыкнул.

— По-моему, у него пуля в заднице.

— Это правда? — нахмурилась Ульяна.

— Невоспитанный ты, Граф, — огрызнулся Василий, поморщился и признался: — Сидеть невмочь...

В кабине «Шевроле» стало тихо, потом засмеялась Кристина, а спустя мгновение смеялись все.

* * *

Времени на созерцание МИРа, располагавшегося под Троице-Лыковской церковью на глубине трехсот метров, у них не оказалось. Бабуу-Сэнгэ догадался о «зайце» раньше, чем рассчитывал Матвей, и знал, где искать беглецов. Поэтому экскурсии не получилось, Василия оторвали от восторженного столбняка насильно, и ему пришлось подчиниться и следовать за Посвященными, нашедшими вход в замок древних разумных тарантулов — Ликозидов. А МИР был бе-

зумно красив — точно такая же ажурная ослепительно белая пирамида, которую защищал Матвей со своим предком во время последнего броска в прошлое.

Вскоре они благоговейно стояли в тронном зале замка ликозидов перед саркофагом последнего царя семьи, представлявшим собой копию замка-пирамиды. Матвей шел первым и теперь задумчиво склонил голову набок, рассматривая саркофаг. Остальные смотрели то на него, то на светящуюся, сплетенную из паутины пирамиду, и молчали. В подземелье, где хранился МИР Ликозидов, царила глубокая, торжественная тишина, насыщенная тайнами канувшей в небытие цивилизации.

Пока спускались под землю, Вася успел кое о чем порасспросить Ивана Терентьевича и теперь знал, что каждый МИР, по сути, — ворота в определенную реальность. Тот, кому были подвластны Великие Вещи Инсектов — «Игла Парабрахмы» и «саркофаг» — своеобразный компьютерный комплекс управления семьей насекомых, мог включать себя в контур комплекса и пересекать границу реальности, на которую был ориентирован МИР. Матвей Соболев, по его словам, давно был включен в контур «Иглы», принадлежащей галиктам — разумным пчелам, и мог бы уйти из земной реальности в «розу» практически в любой момент, однако узнал он об этом лишь нынешним утром, после выхода в логос и универсум. Правда, все это уже не имело значения, Матвей обладал возможностью включения собственного тхабса — способа преодоления магических границ между реальностями. Чем руководствовался Монарх Тьмы, активируя у Соболева тхабс, можно было только гадать.

— Пора, — тихо проговорила Кристина, стоявшая сзади Матвея.

Тот очнулся от размышлений, оглянулся.

— Да, пора. Кардиналы Союза уже близко.

— Будем драться? — с готовностью расправил плечи Василий, хотя ему досталось больше всех.

Матвей покачал головой, обнял Кристину за плечи, поворачивая ее лицом к остальным.

— Драки не будет. Я перемещу вас куда захотите. Давайте прощаться.

Стало совсем тихо. Потом раздался неуверенный, спотыкающийся голос Балуева:

— То есть как это — прощаться? Разве мы не идем с тобой?

— Тебе нельзя, — грустно улыбнулась Кристина. — Путь в другие реальности человеку, не владеющему энергетикой «розы», заказан. Я не уверена, что даже Посвященные II ступени могут пересекать границы реальностей без ущерба для психики, не говоря уже о... других людях Круга.

Василий с недоумением посмотрел на молчаливых Ивана Терентьевича и Ульяну.

— Вы тоже так считаете? Крис, ты же сама говорила, что мы — спутники аватары...

— И могу повторить свои слова. Вы еще догоните нас.

Где-то далеко за стенами пирамиды Ликозидов зародился слабый шум. Матвей прислушался к нему, шагнул к Василию, обнял его.

— До встречи, идущий. Отвечаешь мне за Стаса... и за Улю, конечно. Береги их. Если у нас ничего не получится, ты доделаешь то, что мы начнем.

И Вася проглотил вертевшиеся на языке возражения.

Матвей обнял Ульяну, Ивана Терентьевича, то же самое сделали Кристина и Тарас. Прощаясь последним с Василием, он сунул ему визитку «чистилища».

— Может быть, пригодится.

— Что это?

— Телефоны командира моего мейдера и лидера «Стопкрима» Завьялова.

— Зачем?

— Всегда можешь надеяться на их помощь. Прощай.

Трое уходящих отступили от тройки остающихся, и Матвей подошел к «саркофагу» царя Ликозидов.

Шум стремительно нарастал: топот, голоса людей, позвякивание, гудение. Кардиналы торопились изо всех сил, чтобы успеть помешать переходу границы, они еще издалека начали наносить ментальные удары по противнику, но пирамида Ликозидов мешала им, рассеивала излучение и не позволяла довести концентрацию пси-энергии до порога прямого воздействия.

Что-то вдруг произошло.

По залу дворца Ликозидов прошло колебание, усилившее на миг свечение стен. Топот и шум, доносившиеся из многочисленных тоннелей, выходящих в зал, стихли, потом возобновились с новой силой.

Василий, во все глаза наблюдавший за действиями Соболева, тем не менее не заметил, как Матвей оказался внутри

«саркофага». Новая волна искривления обежала зал, отозвалась в телах людей сперва тяжестью, потом невесомостью и кровавым туманом в глазах. Когда зрение прояснилось, Василий увидел, что и Кристина с Горшиным стоят уже внутри «саркофага» — зыбкие прозрачные фигуры с возникающими и тающими звездами в глубине тел.

Какая-то жуткая сила стала мять «саркофаг», изгибать стены и пол зала, сплющивать тела оставшихся. Движимые инстинктом, они обнялись, пытаясь защититься «колоколом отталкивания», но это помогало мало, чудовищная сила продолжала корчить зал, пирамиду, всех, кто находился в ней.

Вася не знал, что вся эта метаморфоза — результат ментальной атаки кардиналов, сконцентрировавших волю в единый кулак и на короткое время преодолевших барьер магического оперирования в «запрещенной реальности», как бы отменивших физические законы в данном локальном объеме. В принципе это было равносильно инициации еще одной «Иглы Парабрахмы», что категорически запрещали законы Внутреннего Круга, потому что противоборство столь мощных Сил — группы Соболева и Союза Девяти — могло запросто нарушить равновесие потенциалов границы, создать своеобразный эйнсоф — многомерный провал в глубины «розы реальностей», способный засосать в себя весь город.

Затем все успокоилось — на несколько мгновений. Рядом с Посвященными возникла темная фигура в змеящемся голубыми молниями плаще — Хранитель Матфей. Он дернул Василия за плечо, отшвыривая в сторону, подтолкнул согнувшихся Парамонова и Ульяну к «саркофагу», пророкотал гулким басом:

— Ныряйте за ними!

Иван Терентьевич поддержал пошатнувшуюся девушку, и они исчезли в усиливающемся свечении «саркофага».

— Я... с ними! — прохрипел Василий, пытаясь оттолкнуть горячую и твердую руку Хранителя, и в этот момент «саркофаг» погас, исчез, провалился сам в себя. Команда Соболева перешла границу реальности.

С гулким ударом вспучился пол, застыл причудливым многометровым стеклянным сталагмитом, стены зала пошли трещинами, начали стрелять искрами, осыпаться, рушиться. В зал вбежало множество людей — девятка кардиналов Союза с координатором во главе, их телохранители и солдаты.

Судорога разрушения перестала корчить замок ликозидов, шум стал стихать... и все поплыло перед глазами Василия.

Последнее, что он увидел, было черное кривляющееся клыкастое лицо дьявола, выглянувшее из переплетений балок потолка. Потом пришли тишина, темнота и покой...

ПРОЛОГ НАДЕЖДЫ

Каждый год в течение десяти лет он приходил на это место, к церкви Троице-Лыковского кладбища, в надежде встретить тех, кого потерял в тот страшный день перехода границы Соболевым. Десять лет Василий Балуев искал Ивана Терентьевича Парамонова и Ульяну по всей России и за ее пределами, десять лет он ждал их возвращения, веря, что им удалось пройти границу реальности вместе с Матвеем и уцелеть. Десять лет он шел тем же Путем, что и Посвященные, пока не стал человеком Круга.

Четыре раза сменилось правительство, ушел старый, пришел новый президент, спрятался в тень Союз Девяти, власть в стране захватила СС — Сверхсистема криминально-государственного управления, базой для которой стало «чистилище».

Многое изменилось в жизни страны и рядовых ее членов, кроме одного: власть тьмы продолжалась.

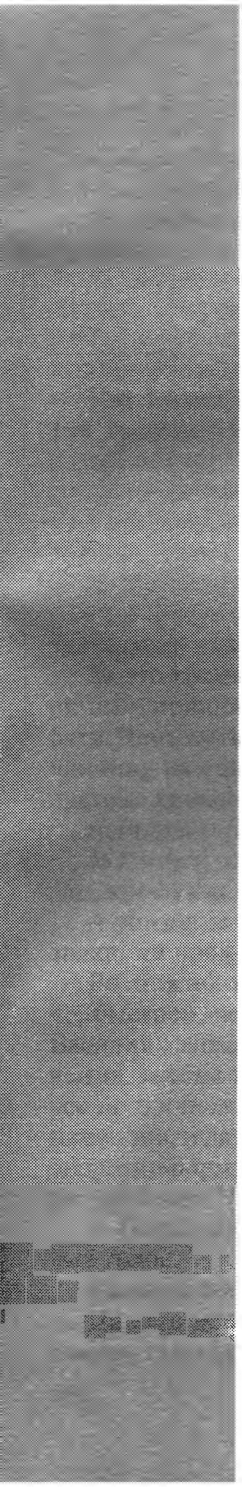
А ушедшие все не возвращались. И не подали ни одного знака, что они живы.

Возможно, время в «розе реальностей» текло как-то иначе, быстрей, чем на Земле. Возможно. Однако это было для Василия слабым утешением. Он ждал изменения, а его все не было. Он ждал Ульяну, но она не отвечала на его зов... Что-то надо было предпринимать самому.

— Пойдемте, дядя Вася, — раздался сзади заботливый голос.

Василий обернулся.

На него исподлобья смотрел двадцатилетний парень, высокий, гибкий, ощутимо сильный и спокойный. Стас Котов. Бывший приемный сын Матвея Соболева. Его надежда и опора. Ученик. Идущий...

ИСТРЕБИТЕЛЬ ЗАКОНА

ПРОЛОГ НАДЕЖДЫ

Уже десять лет он приходил на это место, к церкви Святой Троицы возле Троице-Лыковского кладбища в надежде встретить тех, кого потерял в тот страшный день перехода границы реальности Матвеем Соболевым. Десять лет Василий Балуев искал Ивана Терентьевича Парамонова и Ульяну Митину по всей России и за ее пределами, десять лет он ждал их возвращения, веря, что Посвященным удалось перенестись в «розу» вместе с Матвеем и уцелеть. Десять лет он шел указанным ими Путем, пока не стал человеком Круга.

За это время четыре раза сменилось правительство, ушел старый, пришел новый президент, спрятался в тень Союз Девяти Неизвестных, изменив, очевидно, тактику и стратегию влияния на социум, власть в стране захватила СС — Сверхсистема криминально-государственного управления во главе с кардиналом Союза Рыковым Германом Довлатовичем.

Многое изменилось в жизни страны и рядовых ее граждан, кроме одного: власть т ь м ы крепла.

А ушедшие все не возвращались. И не подали ни одного знака, ни прямо, ни косвенно, что они живы.

Возможно, время в «розе реальностей» текло как-то иначе, быстрей, чем на Земле. Возможно. Однако это было для Василия слабым утешением. Он ждал и з м е н е н и я, ужесточения Закона возмездия, закона адекватного ответа, а оно все не происходило. Он ждал Ульяну, но она не отзывалась на его зов, и даже в астрале — первом уровне континуального энергоинформационного поля планеты не сохранились следы ушедших. Что-то надо было предпринимать самому...

— Пора, дядя Вася, — раздался сзади негромкий заботливый голос.

Василий обернулся.

На него исподлобья смотрел двадцатилетний парень, высокий, поджарый, гибкий в каждом движении, ощутимо

сильный и спокойный. Стас Котов. Бывший приемный сын Матвея Соболева. Его надежда и опора. Ученик. И д у щ и й...

Десять лет занятий боевыми искусствами под руководством Василия сделали из него мастера боя, равного которому на памяти Балуева не было никого. Парень шел быстрее, чем он когда-то, а главное — имел резервы паранормальной энергетики, что выяснилось уже в ходе тренировок. Стас овладел т е м п о м, то есть сверхскоростным движением, уже спустя три года после начала занятий. К двадцати годам он завоевал три черных пояса, участвуя в официальных чемпионатах России и Европы по карате и айкидо, принял на вооружение весь арсенал приемов нин-дзюцу, известных Василию, в том числе таких специфичных, как токэн-дзюцу и ханбо-дзюцу[1], и вплотную подошел к космек — комбинаторике смертельного касания, коей сам Василий владел в совершенстве.

Кое-какие секреты космек Вася уже начал показывать Стасу, и к настоящему моменту парень сносно освоил ТУК — приемы техники усыпляющего касания, подавая надежды на становление воина такого уровня, что у Василия захватывало дух. Он чувствовал, что в ближайшем будущем судьба готовит парню немало жестоких испытаний, а также втайне вынашивал планы, где способности Стаса должны были найти прямое применение. Планы эти сводились к поиску перешедших границу непосредственно в самой «розе реальностей». И хотя Вася знал, что простому смертному самостоятельно пересечь границу не дано, надежды его были не лишены оснований. Сам он уже прошел первую ступень Посвящения во Внутренний Круг, а Стас с его помощью стал садхакой, если применить термины буддизма, то есть ищущим, стремящимся к истине, избравшим нелегкий путь карма-марги — путь, предназначенный для активных людей, достигающих реализации через действие. Этим же путем шел и Василий.

— Не хотелось бы опаздывать, — с виноватой ноткой в голосе сказал Стас, не выказывая, однако, признаков нетерпения. — Буйвол не любит, когда опаздывают на зачет.

Буйволом, насколько знал Вася, студенты прозвали преподавателя по квантовой электродинамике, и получить у него зачет действительно было непросто. Стас заканчивал чет-

---

[1]Т о к э н - д з ю ц у — метание лезвий, х а н б о - д з ю ц у — искусство боя палками.

вертый курс физтеха в Долгопрудном и сдавал летнюю сессию. Учился он легко, успевая и тренироваться, и серьезно заниматься эзотерическими исследованиями, и, кроме всего прочего, помогал Василию в кое-каких специфических изысканиях с гипногенератором «удав». Вася мог бы гордиться парнем: о лучшем ученике и помощнике мечтать не стоило.

— Иди, — сказал он. — Бери машину и дуй на свой зачет. Я тут еще побуду. Ни пуха ни пера.

— К черту! — серьезно ответил Стас, повернулся и зашагал по кирпичной дорожке к выходу из рощицы, окружавшей церковь, территория которой с трех сторон была огорожена узорчатой металлической решеткой; с четвертой церковь выходила на берег Москвы-реки.

Через несколько минут раздался звук мотора, затем все стихло. Тишина здесь стояла такая, что ею можно было дышать. Василий внутренним взором проводил машину до поворота на Одинцовскую улицу и медленно двинулся по дорожке вокруг церкви — небольшого храма бывшей нарышкинской вотчины. Мысли Балуева снова вернулись назад, в прошлое...

Он не помнил, как ему удалось избежать столкновения с кардиналами Союза Девяти и выбраться из МИРа Ликозидов, после того как Матвей Соболев, Кристина, Тарас Горшин, Ульяна и Иван Терентьевич пересекли границу «розы». Добирался он до квартиры Горшина на «автопилоте», а очнулся лишь через сутки после этого. Несколько дней приводил себя в порядок, пока не обрел былую форму, с месяц не покидал территорию церкви, искал вход в МИР, но не нашел и впал в депрессию, из которой его вывела случайная встреча с девушкой, чрезвычайно похожей на Ульяну. Василий очнулся, заставил себя думать, анализировать события, действовать и в конце концов вошел в ритм жизни, поддерживаемый им и теперь.

Он разыскал квартиру Котовых и поселился со Стасом и его бабулей, начав приобщать десятилетнего мальца к воинским искусствам с азов, благо никто не мешал ему воспитывать парня в соответствии с традициями Дао, хотя и видоизмененными русским менталитетом. Отец Стаса как ушел накануне тех давних событий, изменивших жизнь мальчишки, так больше и не появился в доме Марии Денисовны, чему

старушка была в душе только рада, и место отца, а также Матвея занял в доме Василий, сменивший фамилию Балуев на Котов.

Через год Васю неожиданно навестил Самандар, оставшийся не у дел после исчезновения своих друзей-Посвященных. Этот странный человек, вызывающий у Васи то антипатию, то восхищение, явно тяготился своим положением, испытывал дискомфорт, оказавшись в одиночестве, и хотел каким-то образом реабилитировать себя после откола от группы. Он тоже пытался найти следы ушедших в «розу» своими методами, предложил Васе объединить усилия, и это в конце концов их сблизило настолько, что Вася вдруг в один прекрасный день осознал себя учеником Посвященного! К этому моменту он уже знал достаточно, чтобы не сворачивать с избранного пути в угоду эмоциям и не отталкивать предлагаемую помощь. Еще через пять лет, как раз накануне поступления Стаса в институт, он прошел Посвящение и стал человеком Внутреннего Круга, или, как его еще называли, Круга Великого Молчания. Шел он по пути самореализации медленнее, чем Соболев, но ему некуда было особенно спешить, а добиваться поставленной цели Вася умел.

Существовал и еще один побочный фактор, способствовавший сближению Василия с Вахидом Тожиевичем: деятельность СС. Точнее — продолжавшееся падение Закона возмездия, выраженное в дальнейшей криминализации общества, и не только в России, но и во всем мире.

Поскольку знаменитый «Стопкрим» прекратил свое существование (как потом удалось выяснить Васе, деятельность «чистилища» стала невыгодна Рыкову, сумевшему к тому времени захватить бразды правления Сверхсистемой в свои руки), его место в государстве оставалось вакантным, но недолго. На «тропу войны» с организованной преступностью, контролирующей практически все силовые структуры страны, вышел Самандар. А потом к нему присоединился Василий с уцелевшим мейдером[1] Горшина. Вдвоем они образовали ККК — «команду контркрим», постепенно усиливая давление на СС, став единственной силой, сдерживающей

[1]Мейдер — боевая единица ККК, насчитывающая от пяти до девяти человек, профессионалов разведки и боя.

экспансию и аппетиты мафиозно-государственной элиты и бандитских формирований столицы.

Втягивание Васи в дела ККК происходило постепенно, поначалу он не собирался становиться судьей и палачом киллеров, рэкетиров, бандитов и их руководителей. Но после нескольких случаев, происшедших с ним лично и с его знакомыми, удержаться от восстановления попранной справедливости не смог.

Началось все через четыре с половиной года после ухода Соболева. Вася к тому времени окончательно перебрался в Москву после смерти Марии Денисовны (до этого он по два-три месяца жил во Владимире, в пустующем доме родителей) и начал работать в научно-исследовательском институте радиоэлектроники, отпочковавшемся от знаменитого Курчатовского центра. Лаборатория, где устроился Василий, была небольшая, числилось в ней всего пять человек, из коих лишь двое были мужского полу: сам Балуев да начальник лаборатории тридцатилетний Вадим Погребняк, кандидат физматнаук, специалист в области квантовой электроники. Парень он был умный, физически крепкий — занимался в юности борьбой — и очень приятный в общении. Беседовать с ним было удовольствие, потому что он, как и Вася, интересовался эзотерикой, историей и был полон идей. С ним и произошла беда.

Вечером тридцатого сентября он возвращался домой по улице с незатейливым названием Третья Октябрьская с одной из сотрудниц, Леной Касимовой. Неожиданно рядом притормозила «девятка» с молодыми людьми спортивного вида.

— Закурить не найдется? — окликнул Вадима один из пассажиров.

— Извини, не курю, — отозвался Погребняк, проходя мимо и продолжая разговаривать с дамой.

Это не понравилось ездокам. Двое из них вышли из машины, одетые в короткие кожаные куртки, широкие штаны — лилового и зеленого цвета и высокие ботинки со шнуровкой, и набросились на молодую пару. Однако Вадим был не робкого десятка, тем более что рядом шла его подруга, и оказал сопротивление, отшвыривая нападавших. Тогда в дело вмешался еще один пассажир «девятки». Он достал писто-

лет «ТТ» и прострелил Вадиму обе ноги. После чего парни не спеша сели в машину и уехали.

Этот дикий случай заставил Василия предпринять ряд шагов по поиску бандитов, тем более что милиция оказалась бессильна. Через два дня он их нашел — Лена запомнила номер машины и описала внешность негодяев.

Почему этого не мог сделать уголовный розыск, осталось загадкой.

Все четверо оказались охранниками Сергея Маня, помощника депутата Госдумы Свонидзе, надо полагать, одного из авторитетов криминального мира, и не боялись никого. Еще через день, третьего октября, Вася настиг их после возвращения Маня из бара «Сюрприз» домой, на Пречистенку, где помощник депутата имел шикарную четырехкомнатную квартиру. Подождав, пока охранники отведут нетрезвого босса домой, Вася вышел из своего неброского зеленого «Фиата» и появился перед обидчиками Вадима в тот момент, когда они выходили из освещенного подъезда.

— Привет из «чистилища», — сказал он ровным голосом, не глядя на шофера «девятки» в десяти шагах, но чувствуя его шевеление за спиной. — Три дня назад ваша кодла напала на одного хорошего человека и прострелила ему ноги. Припоминаете?

Молодые люди, одетые в традиционную «униформу» боевиков подобных групп, переглянулись. Света, лившегося из подъезда на тротуар сквозь проем открытой двери, было достаточно, чтобы Вася хорошо видел их лица, не обремененные интеллектом. Потом тот, что стрелял — Вася узнал его по описанию, — демонстративно сунул руку во внутренний карман куртки и процедил сквозь зубы:

— Дядя, шути, да знай меру, не то схлопочешь свинцовую маслину в пузо. Люди мы серьезные, уважаемые и не любим «наездов».

— Да и «чистилище» давно гикнулось, — насмешливо добавил второй молодой человек, носивший длинные волосы, собранные в хвост на затылке.

— Значит, не припоминаете? — тем же равнодушным тоном спросил Вася.

Парень, потянувшийся за оружием, нахмурился.

— Дядя, тебе что, жить надоело? Муха, а ну выдай ему печать, чтобы издалека была видна.

Третий член команды, чуть ниже остальных, но шире в плечах, шагнул вперед и ударил Васю кулаком в лицо. Однако не попал. Даже не переходя в т е м п, Вася двигался гораздо быстрее этих ребят. Он ушел влево, пропуская кулак у виска, захватил запястье руки противника, рванул ее вправо и вниз по линии атаки, одновременно делая шаг левой ногой вперед и перенося вес тела на нее. Потом взрывным движением правого бедра с подключением поворота всем телом нанес удар правым локтем в точку между глазами парня. Муха без звука влип спиной в стену дома и сполз на асфальт.

Напарники посмотрели на своего приятеля, перевели взгляды на спокойно смотревшего на них «дядю» и отреагировали как надо. Один — длинноволосый вытащил нож, второй, тот что командовал, пистолет «ТТ».

Вася мог бы применить приемы из арсенала ТУК и усыпить охранников Маня, однако они бы этого не поняли, и урок не пошел бы впрок. Поэтому действовал он по той же схеме, максимально просто и наглядно, демонстрируя комбинированную манеру русбоя, впитавшего в себя наиболее эффективные приемы боевых искусств мира.

От удара ножом Вася ушел вправо, не блокируя его, левой рукой захватил руку длинноволосого с ножом, потянул ее влево от себя по линии атаки, перенес вес тела на правую ногу и мгновенно нанес удар в висок костяшками пальцев. Длинноволосый катапультировался в подъезд.

Оставшийся вожак группы не стал ждать продолжения и открыл огонь, как только Вася повернулся к нему лицом, но, во-первых, Балуев намеренно переместился таким образом, чтобы загородить обзор стрелку, а во-вторых, ушел с вектора огня, переходя в т е м п. И три пули из пистолета ТТ достались машине парней и водителю, уже начавшему вылезать из кабины с помповым ружьем в руках.

Василий же, выпав из поля зрения стрелявшего, оказался слева от него и жестоким ударом ребром ладони сломал ему руку, держащую пистолет. Парень завопил от боли, присел, прижимая к животу сломанную руку и глядя расширенными глазами на склонившегося к нему «чистильщика».

— Предупреждений больше не будет, — сказал Вася, от-

мечая боковым зрением сбегавшихся во двор людей, — ведите себя паиньками.

Он быстро сел в машину и уехал.

Но и после этой «акции возмездия» Вася не сразу подключился к вышедшему на «тропу войны» Самандару. Потребовалось пережить еще несколько недобрых встреч с бандитами, чтобы определиться. Один такой случай произошел во дворе его собственного дома, приспособленного приезжими торговцами под стоянку.

Некие наглые молодые люди на видавшей виды ржавой «шестерке» взяли привычку врубать на полную мощь автомагнитофон после десяти часов вечера, пугая обитателей двора, не давая спокойно спать детям и старикам. Василий терпел это безобразие три дня, потом не выдержал и спустился вниз, чтобы поговорить с парнями и попросить их сделать звук потише. Но ответили ему в стиле отечественного беспредела, послав гораздо дальше, чем заслуживал Василий, и он вскипел. Ни слова больше не говоря, подошел к машине, просунул руку в салон и ударом кулака превратил магнитофон в лепешку.

Наступила изумленная тишина, после чего молодые люди, один смуглый, с усиками, скорее всего азербайджанец, второй шатен с широкой физиономией, с воплями «ах ты, сука!» и некоторыми другими вариациями (словарный запас у них был невелик) набросились на обидчика.

Одному из них, русскому, Вася сломал челюсть, второму вывихнул руку, и инцидент был исчерпан. На этот вечер. Парни, стеная и охая, обещая «отбить яйца и отрезать...», уехали. Однако появились на следующий день и не одни, с компанией, опять включив музыку на всю громкость.

Вася вышел снова.

После этого случая во дворе стало тихо. Банда рэкетиров (как оказалось), терроризирующая приезжающих торговцев, в полном составе попала в больницу и в этом дворе больше не появлялась.

Затем произошел инцидент с Валентиной Кашириной, сестрой Лены Касимовой, подруги все того же Погребняка: на нее наехала очень серьезная рэкетфирма — и Вася начал готовиться к возрождению «чистилища».

Случай с Валентиной Кашириной в принципе был стандартен по меркам российской криминальной жизни, ничем

особенным не выделяясь из других подобных бандитских деяний, но именно он переполнил чашу терпения Васи, в течение многих лет вынужденного наблюдать постоянный рост жестокости и цинизма преступников, явно уверовавших в свою неуязвимость и безнаказанность.

История Валентины Кашириной началась еще два года назад, когда в Замоскворечье, на берегу Москвы-реки был построен концертный комплекс Академии культуры России «Звезда Москвы». Первым директором комплекса стала знаменитая Людмила Зыкина, по сути, это было ее детище, потребовавшее вложения колоссальных средств, сил и здоровья. Такого концертного зала, отвечающего мировым стандартам, не было не только в столице, но и где-либо в других городах России. Зыкина нашла выход, образовав консорциум: частный российский и немецкий капитал был вложен в создание комплекса, после чего все и завертелось. Однако здоровье известной всему миру певицы не позволило ей поработать после окончания строительства, и директором «Звезды Москвы» стала Валентина Каширина, молодая энергичная женщина, вице-президент Академии культуры.

Казалось бы, подобное сооружение слишком масштабно и известно, у всех на виду, чтобы попытаться «подмять» его под себя какой-либо определенной структуре помимо тех, кто уже вложил деньги в строительство. Однако именно это и случилось.

Сначала в скрытую от общественности борьбу вступили такие мощные киты российской теневой экономики, как РИС-С, «Нежный Май» Березанского, «Роспопса» Коберзона и другие. А потом вмешались в дележку «шкуры неубитого медведя» более влиятельные силы — «Минкомимущество», почувствовавшее себя обделенным, РАО «Концертпром» и концерн «Арт-профи», принадлежащий одному из вице-премьеров. Докатилось эхо этой войны и до руководства комплекса, когда к Валентине пришли вежливые молодые люди и предложили, во-первых, «крышу», а во-вторых, попросили продать часть контрольного пакета акций «Звезды Москвы» неизвестному юридическому лицу по имени «Внутренние линии».

Как потом выяснил Вася, компания «Внутренние линии» принадлежала жене вице-премьера Шоха и занималась ис-

ключительно благотворительными операциями, получая на свои счета баснословные суммы «пожертвований» чуть ли не из всех работающих на территории России предприятий. Рэкета в таком — государственном — масштабе Вася даже представить не мог, когда начинал дело, пообещав помочь сестре Лены, еще не зная, что сможет сделать.

Он добывал и анализировал полученные материалы три месяца. За это время на Валентину Каширину было совершено нападение, дочь ее похитили, но потом вернули, в Абрамцеве у нее сгорела дача, то есть давление на психику женщины все увеличивалось, и она уже готова была сдаться, когда Вася наконец, объединившись с Самандаром, начал действовать.

Сначала он нашел похитителей дочери Валентины — они же посещали ее с угрозами и предложениями — и надолго отправил всех пятерых в больницу. Затем посетил офис компании «Внутренние линии» вместе с Вахидом Тожиевичем, в результате чего офис сгорел, а ее президент после выхода из больницы отказался работать на компанию. Но это было еще не все. Владелица компании, числившаяся в качестве председателя «совета директоров», получила письменное предупреждение на гербовой бумаге с тисненым золотым кинжальчиком, рукоять которого образовывали стилизованные буквы KKK. В письме содержался недвусмысленный совет оставить в покое концертный зал «Звезда Москвы» в Замоскворечье и ее директора Валентину Каширину. А когда через месяц глава «совета директоров», понукаемая мужем, не вняла предупреждению, считая себя защищенной от всех посягательств на ее свободу, Василий сбросил в оперативную сеть МВД файл о деятельности компании с перечислением всех действующих лиц, в том числе очень высоких.

Скандала большого не произошло, пресса не получила доступа к информации, но вице-премьер тихо ушел со своего поста «в связи с болезнью», компания «Внутренние линии» распалась, и давление на директорат концертного комплекса «Звезда Москвы» во главе с Валентиной Кашириной прекратилось. Временно. Потому что заинтересованные в сверхприбыли люди не могли упустить столь лакомый кусок и просто решили чуть подождать. Вася это чувствовал.

С тех пор он увлекся этой новой формой борьбы с мафиозными структурами СС и коррумпированной чиновничьей

верхушкой, называя ее хакер-боем[1]. Сначала он с Вахидом Гожиевичем шел в хакер-разведку, выуживая информацию из секретных сетей МВД, ФСБ, Минобороны, аппарата президента и непосредственно СС, затем систематизировал данные, намечал подходы к тем лицам, которые подлежали нейтрализации, и начинал хакер-атаку, то есть сбрасывал пакет файлов о криминальной деятельности того или иного чиновника, политика или бизнесмена в компьютерные сети нужного ведомства или конкурирующей организации. Срабатывал этот метод отлично.

Правда, во-первых, вовсе без физического действия обновленное «чистилище» обойтись не могло, а во-вторых, существовал уровень власти, воздействовать на который Вася не мог, даже владея всей компрометирующей информацией. Выше этого уровня данные Васи не действовали, как бы он ни старался дать ход документам. Даже если он сбрасывал информацию в сеть Федеральной службы безопасности. Самандар подозревал, что это уровень руководства СС, а значит, и страны, и Вася склонен был полагать, что Вахид Тожиевич прав. А за всем этим маячила зловещая фигура кардинала Союза Девяти Германа Довлатовича Рыкова, неизвестно каким образом уцелевшего после всех боев с Матвеем Соболевым.

Вася остановился у белокаменного креста над древней гранитной плитой с вязью древнерусских букв, прочитать которую было невозможно из-за сколов и потертостей. Возможно, здесь покоился кто-то из предков Нарышкиных, а может быть, один из настоятелей храма. Главное было не в этом. Где-то недалеко отсюда — Вася это чувствовал — находился вход в подземелье с МИРом, откуда начал свое «потустороннее» путешествие по слоям «розы реальностей» Матвей Соболев.

Василий оглядел восьмигранник западного притвора церкви с позолоченным недавно куполом, низкий склеп неподалеку из серых каменных блоков, огороженное подворье, имеющее вполне современные насосную станцию, трансформаторную будку и миниатюрную котельную, и зашагал обратно, к выходу с территории Божьего храма. Вход в МИР прятался здесь, сомнений не было, но Хранители, уходя отсюда, на-

[1]Хакер — компьютерный взломщик, террорист.

верняка закрыли его с помощью своей колдовской «печати отталкивания», а как снять эту печать, не знали ни Балуев, ни Самандар.

На улице Вася остановил частный «жигуль» весьма затрапезного вида, буркнул адрес — Казанский вокзал, откинулся на сиденье. Мысли свернули к более прозаическим делам: учеба Стаса, планы ККК.

Василий не втягивал парня в деятельность «чистилища» не потому, что боялся за него, а из соображений более глобального плана, считая, что Стас должен сначала выучиться, прочно стать на Путь в Круг и лишь после этого решать, присоединяться к «чистильщикам» или нет. Правда, Василий подозревал, что Стас знает о том, чем занимается его дядя, заменивший в одночасье отца, бабулю и всех родственников. Но ни одним намеком парень не обмолвился на эту тему. Даже не спросил, откуда у Василия «глушак», хотя вместе с ним работал над созданием генератора защиты от этого страшного психотронного оружия. Опытный образец генератора, названный Василием «тюбетейкой», был уже практически готов.

Но хотя Стас и не участвовал в акциях ККК — бандликах по терминологии чистильщиков, ему не раз приходилось защищать свою честь и достоинство, о чем Василий узнавал, кстати, не сразу, а иногда и не из уст парня, стеснявшегося жаловаться на обидчиков. Впрочем, с годами последних становилось все меньше, Стас умел постоять за себя и постепенно приучил недоброжелателей к тому, что его лучше не задевать. На памяти Василия был лишь один случай, когда пришлось вмешаться ему лично.

Стасу тогда шел шестнадцатый год, и он занимался рукопашным боем в спортзале федерации бодибилдинга в Крылатском. Однажды он заметил, как один из его приятелей-спортсменов делает себе укол. Сначала подумал — наркотики, оказалось — анаболический стероид, стимулирующий синтез белка и рост мышечной массы. Не говоря ни слова Василию, Стас попробовал принимать анаболики сам, но вскоре был замечен тренером, который рассказал все Балуеву.

Василий был взбешен, однако ярость погасил, изучил проблему и пришел в шоковое состояние. Оказалось, анаболики принимают более сорока процентов молодых людей, занимавшихся массовыми видами спорта! Продажа стероидов стала прибыльной статьей дохода спортивно-мафиозных

группировок, эксплуатирующих труд спортсменов, а то, что многие из них, особенно неокрепшие юноши и девушки, становились из-за применения лошадиных доз анаболиков инвалидами или умирали от почечной или сердечной недостаточности, никого не волновало, в том числе и руководителей спортивных федераций, которых интересовали только достижения, результаты, а не процессы тренировок и здоровье людей.

Стас, выслушав доводы Василия, принимать анаболики прекратил, а Василий ценой долгих усилий и более весомых аргументов, вплоть до предупреждений поставщикам товара, сумел ограничить распространение анаболиков в тренажерных залах Крылатского. Но по всей столице, имеющей более тысячи залов, сделать этого не мог.

Машина остановилась. Вася очнулся, огляделся, не понимая, куда его привезли. Узнал здание Международного исследовательского центра боевых искусств, президентом которого был Самандар, и перевел взгляд на бородатую физиономию водителя, черные непроницаемые глаза которого показались ему знакомыми.

— Кажется, я вас где-то видел, Василий Никифорович, — произнес водитель с иронией.

— Вахид Тожиевич! — качнул головой Василий. — Что-то я расслабился... но никогда бы не подумал, что ты ездишь на такой ржавой тачке. Где твой «Фольксваген-классик»?

— На стоянке, — ответил Самандар, снимая накладные усы и бороду. — Разные маршруты — разные автомобили.

— А как ты оказался в районе Троице-Лыкова?

— Интуиция. — Самандар не торопился вылезать из машины. — А точнее — там есть мои наблюдатели. Ты мне нужен, Василий. Кстати, что ты ищешь у церкви?

Василий помолчал. Потом сказал нехотя:

— Ничего не ищу... просто жду.

Самандар покачал головой.

— Судя по тому, что творится в стране, наши друзья погибли. Вряд ли стоит ждать их возвращения.

Теперь уже покачал головой Василий:

— Я чувствую, что они живы. И нуждаются в помощи. Их надо искать.

— Как?

— Пока не знаю. Но сдается мне, ответ кроется в МИРе, откуда Соболев начал поход в «розу». Найти бы вход...

— Ты же сам говорил, что тот МИР разрушен при переходе границы реальности Соболевым.

— Я не уверен. Хотелось бы убедиться. Зачем я тебе понадобился?

— Появилась возможность очень сильно огорчить нашего общего недруга маршала СС Рыкова. Как ты на это смотришь?

Вася хмыкнул, помял пальцами подбородок, снова хмыкнул, затем пробормотал:

— Заманчиво.

— Тогда пойдем обсудим некоторые моменты.

Президент МИЦБИ поставил «Жигули» на стоянке рядом с темно-зеленым «Фольксвагеном» и повел гостя в свою резиденцию, ставшую центром стратегического управления «чистилищем». Знали об этом всего трое человек: сам Вахид Тожиевич, его заместитель и Василий. Персонал Центра к операциям ККК пока не привлекался.

Глава 1

КТО ПОСМЕЛ?!

Дмитрий Феоктистович Блохинцев стал кардиналом Союза Девяти Неизвестных благодаря протекции координатора Союза (бывает и такое, кардиналы — тоже люди, хотя и обладающие экстраординарными способностями). Посвящение I ступени Внутреннего Круга он прошел еще в пятьдесят третьем году двадцатого века, в год смерти Сталина, будучи инженером в лаборатории Паршина (воздействие на человека электромагнитного излучения). В семьдесят втором стал кандидатом технических наук, работая в Арзамасе-16, а в восемьдесят пятом переехал в Новосибирск, где получил степень доктора наук за исследования в области психотронных методов воздействия на психику человека. Знаменитый «глушак» — гипногенератор «удав» был разработан на основе его исследований. Но координатор Союза (тогда еще Девятнадцати Неизвестных, а не Девяти) предложил его кандидатуру взамен погибшего кардинала (Чернобыль, тушение пожара, попытка заглушить реактор) не из-за этих всем извест-

ных работ. Дмитрий Феоктистович помимо всего прочего занимался разработкой «геометрии социума», создав теорию психогеометрических отношений разных человеческих каст, а также разработал гипотезу рассудочного развития человечества с доминирующим иррациональным прямым осознанием мира. Именно он вплотную подошел к обоснованию высказываний таких мыслителей, как Вернадский, Фролов и Успенский, что homo sapiens — не венец природы, а промежуточное эволюционное звено. Для этого Дмитрий Феоктистович рассчитал формулы «кубов авторитета и адаптации», работающие в условиях эволюции соборных систем, одной из которых являлся человек. По этим формулам гибель современной человеческой цивилизации была неизбежна, потому что развивалась она согласно «кубу авторитета», использующего законы распространения. Задачей куба было разворачивать внутренние процессы вовне, изменять внешние структуры. Человечество же могло выжить, только применяя законы «куба адаптации», работающего в режиме приспособляемости. Задачей этого куба было соотношение внутренних процессов с внешними влияниями посредством изменения внутренней структуры. Иными словами, человек мог рассчитывать на выживание, лишь изменив себя.

Став кардиналом, Дмитрий Феоктистович некоторое время продолжал заниматься «чистой» наукой, изучая колебания социума в глобальном масштабе. Не будучи посвященным во все тайны Хранителей Круга, он сумел вывести уравнение стохастической деформации реальности под воздействием коррекционной деятельности Союзов Неизвестных, после чего был замечен не только координатором российского Союза Бабуу-Сэнгэ, но и куратором Союзов Мира Хуаном Креспо, занимавшим официальный пост Генерального секретаря ООН. Креспо предложил Бабуу-Сэнгэ рассмотреть повышение статуса кардинала Блохинцева до вице-лидера и предложить его кандидатуру для Посвящения в ранг помощников Хранителей.

Бабуу-Сэнгэ не принял предложение, сославшись на неопытность Блохинцева и отсутствие у него стремления к поэтапному прохождению Пути Круга. Дмитрий Феоктистович зачастую игнорировал некоторые рекомендации Йоги Видьи — кодифицированной системы из восьми ступеней самореализации и не всегда выполнял махаврата ямы, то есть

моральные обеты и заповеди: ахимса — ненасилия, сатья — правдивости, брахмачарья — воздержания, а также законы ниямы — правила самоочищения, такие, как тапас — аскетизм и.Ишвара пранидхана — посвящение всех своих действий Творцу. Он не отрицал значимость пратьяхары — контроля над умом и чувствами, но считал, что волен заниматься тем, что ему нравится делать, и в этом он более других кардиналов был близок к «отцу» человечества — Монарху Тьмы.

В конце девяностых годов Дмитрий Феоктистович вдруг почувствовал вкус к прямому вмешательству в дела корректируемого Союзом социума. Он с удовольствием откликнулся на призыв координатора собрать Сход Союза в Москве и даже поучаствовал в охоте на непосвященного Соболева, реально угрожающего стабильности Союза. Однако захватить Соболева не удалось, тот ушел в «розу», поддерживаемый Посвященными-отступниками, угроза была как будто ликвидирована, и Блохинцев вернулся в Новосибирск, чтобы вплотную заняться решением своих личных проблем. Теперь его заинтересовал вопрос абсолютной власти, опирающейся на Знания Бездн. Он задумал образовать свой собственный Союз, использующий силы, недоступные нынешнему содружеству Неизвестных.

Жил Дмитрий Феоктистович в Академгородке, на улице Золотодолинской, имея стандартную трехкомнатную квартиру. Семьи в настоящий момент у него не было, последняя жена ушла полтора года назад, разочаровавшись в муже, а вообще женился он четыре раза, хотя детей ни от одной жены не имел. Таков был характер Блохинцева — из четырех составляющих пурушартхас — целей человеческой жизни (по буддизму) он пестовал только три: артха — приобретение, кама — удовольствие и мокша — освобождение. Четвертую составляющую, по важности идущую на первом месте, дхарму — обязанность он предпочитал обходить. Поэтому предать кого-нибудь, в том числе женщину, для Дмитрия Феоктистовича не представляло проблемы, ибо он не считал себя связанным никакими клятвами, а тем более клятвой верности. Поэтому и друзей у него не было никогда, только приятели или сотрудники.

А еще был у Блохинцева пунктик — охота. Ни от чего он не получал большего наслаждения, ничто его не возбуждало так, как охота на зверя, особенно крупного. Скорее всего не

существовало на Земле вида животных, не считая разве что лохнесского монстра, на которого не охотился бы Дмитрий Феоктистович.

В Танзании он бил из карабина слонов, в Нигерии — львов, в тропических лесах Амазонии ловил удавов-боа, в Чаде безжалостно убивал разрывными пулями носорогов, охотился на крокодилов, пум, ягуаров, барсов, буйволов, горилл, дельфинов, акул, китов и так далее и тому подобное. Не брезговал он и живностью родной Сибири, отстреливая лосей, кабанов, волков, медведей и других, более мелких представителей местной фауны, причем делал это не ради пушнины или мяса, а просто ради развлечения, никогда не соблюдая сроки охотничьих сезонов и запросто переходя границы заповедников. Задержали его инспекторы-охотоведы лишь раз, когда он за один выход в лес убил двадцать три лося. Но спустя сутки выпустили. Связи кардинала Союза Девяти Неизвестных уходили высоко «в небеса» — в правительство и администрацию президента. Вряд ли кто-нибудь из представителей официальных властей мог бы определить пределы поруки Блохинцева.

В лесах под Новосибирском была у Дмитрия Феоктистовича своя охотничья заимка, построенная, естественно, на государственные средства по последнему слову техники, отвечающая всем мировым стандартам: одноэтажный коттедж, сауна, подземный гараж, подстанция с собственным генератором и даже радиопередатчик с выходом на спутниковую связь. А также вертолет, два вездехода, склад, охотничий арсенал в сорок стволов. Пользовался этим богатством он в основном в одиночку, изредка приглашая кого-нибудь из приятелей: мэра Новосибирска, прокурора области или же академика Носова, директора Сибирского отделения Академии наук. На охоту, ставшую в его жизни последней, Дмитрий Феоктистович пригласил на сей раз только молодую женщину, певицу из Москвы, приехавшую в Новосибирск на гастроли. Случилось это в середине мая.

Выехали после обеда в среду, чтобы засветло попасть на заимку. Мило беседовали всю дорогу, свободно находя общие темы: Дмитрий Феоктистович был сведущ не только в областях науки и техники и умел заинтересовать даму светскими разговорами.

На заимку прибыли в начале седьмого вечера, переоде-

лись в охотничьи костюмы из гардероба хозяина, и Блохинцев повел гостью показывать окрестности своих владений. Обычно его сопровождали восемь-десять человек личного манипула, выполняющие роли охранников коттеджа, телохранителей, загонщиков, охотников и подсобных рабочих, но на этот раз он взял всего лишь четверых. Трудно сказать, что на него повлияло, обаяние ли красивой женщины, уверенность в своих силах, отсутствие видимой опасности, весеннее расслабление или что-то иное. Однако в тот вечер он не взял с собой даже ножа, не говоря об огнестрельном оружии, собираясь просто погулять недалеко от охотничьего домика, полюбоваться природой и довести гостью до восторженного состояния.

Вечер середины мая в здешних краях — не самое лучшее время для прогулок, обычно температура днем не поднимается выше пятнадцати градусов, но все же в известном смысле гуляющим повезло: в лесу было сухо, легкие облака не прятали солнце, ветер стих, и вечер был чудесен, напоенный ароматами пробуждающейся природы — трав, молодых листьев и хвои.

Пара обошла коттедж, углубилась в заросли ракитника и крушины, вышла на берег небольшой речки и залюбовалась кленово-буковым лесом с вкраплениями елей и сосен на другом, более высоком берегу. Дмитрий Феоктистович был возбужден и так занят мыслями о скорой близости с гостьей, что от сигнала тревоги, поднятой в душе экстрасенсорной системой организма, просто отмахнулся, веря, что находится в полной безопасности. Поэтому последующие события оказались для него совершенно неожиданными. И хотя он, Посвященный II ступени Внутреннего Круга, владел многими уровнями вибхути, а также Силами магического воздействия на реальность до уровней Иегова Элохим (Бог Богов), Сатариал (Дьявольское Понимание) и Цафкиель (Размышления Бога), уберечь себя от нападения не смог. Все произошло слишком быстро.

Когда Вероника — так звали певицу, завороженная видами природы и обаянием собеседника, потянулась к нему для поцелуя, Дмитрий Феоктистович уже ни о чем другом думать не мог. И в тот же момент женщина выстрелила в него в упор

из пистолета «волк», всадив в грудь восемь пуль, прежде чем Блохинцев сообразил, что происходит.

Его отшвырнуло назад, к обрезу воды, хотя на ногах он удержался. Схватился рукой за грудь, глядя на струйки крови, побежавшие сквозь пальцы, воскликнул удивленно:

— Что вы делаете?!

Лицо Вероники изменилось, в нем проступили некие хищные черты, в глазах вспыхнул угрожающе-безжалостный огонь. Дмитрий Феоктистович понял, что перед ним авеша[1] какого-то многомерного существа, возможно даже иерарха[2]. Попытался было атаковать женщину в ментальном плане, но организм, получивший пять пуль в сердце и легкие, уже был не в состоянии работать в полную силу. Тот, кто завладел сознанием женщины, легко отвел удар.

— Зачем?.. Кто... вы?! — прохрипел Дмитрий Феоктистович, судорожно пытаясь найти способ отступления и уже понимая, что опоздал. Его нашли профессионалы, операция явно была спланирована заранее, и все козыри были в руках нападавших; кардинал теперь в и д е л, что он — в кольце окружения, а телохранители, которых он взял с собой, убиты.

— Кто... вы, черт... возьми?!

— Ликвидатор Круга, — проговорила Вероника низким мужским голосом. — Или Истребитель Закона, если вам будет угодно.

— Зачем?

Ответить женщина не успела. Во лбу Блохинцева появилась дыра, затем из леса мгновением позже долетел слабый звук выстрела, словно обломился сучок. Голова кардинала дернулась назад, и он с плеском упал навзничь. В воде начала расплываться красная струйка. Но жизненная сила Дмитрия Феоктистовича была столь велика, что, даже потеряв сознание, он продолжал бороться, перейдя в измененное состояние психики, пусть и фрустированной от разрушения мозга. Он медленно встал! Побрел через реку к противопо-

---

[1]А в е ш а *(санс.)* — явление, когда происходит вселение духовного существа в тело человека.

[2]Касты иерархов по степени увеличения магического воздействия на реальность: Посвященные I, II, и III ступеней (Мастера), адепты, ангелы и архонты.

ложному берегу и упал лицом вниз от пули, вонзившейся в затылок.

За спиной Вероники возник черноволосый мужчина с ничем не примечательным лицом в зеленой ветровке с капюшоном и в таких же зеленых штанах. В руках он держал рацию и снайперскую винтовку «ВСС» калибра 9 миллиметров, известную под названием «винторез».

— Готов?

— Скорее да, чем нет, — все тем же гулким басовитым мужским голосом ответила женщина, подходя к кромке воды. — Вряд ли он сможет восстановиться полностью. Но страховки ради... — Она подняла ствол пистолета и выпустила остаток обоймы в голову Блохинцева, превращая ее в кровавое месиво. — Теперь порядок.

Мужчина в куртке поднес к губам рацию:

— Снимай десант, Дван, готовь вертолет, уходим. Я буду через четверть часа.

После этого мужчина вынул из-под полы куртки тяжелый черный револьвер странной формы, с шестигранным длинным дулом и решетчатым кожухом на стволе, направил на Веронику, ничем не выдавшую своих чувств.

— Полезай обратно, — проворчал черноволосый, нажимая курок. Раздался тихий звон, будто оборвалась струна.

Женщина вздрогнула, пошатнулась, широко открывая глаза, но не упала. Глянула на мужчину, явно не узнавая его, не понимая, что она здесь делает.

— Кто вы? Где я?! Как я здесь оказалась?!

Мужчина окинул ее ничего не выражающим взглядом и бесшумно скрылся в кустах. Вероника недоуменно посмотрела на свою руку, сжимающую рукоять пистолета, дотронулась свободной рукой до лба и вдруг заметила лежащий в реке труп. Пистолет выпал из ее руки, и она завизжала...

* * *

За десять лет, прошедшие со времени ухода Матвея Соболева, главного претендента на трон координатора Союза (так это понималось), Герман Довлатович Рыков не только укрепил свое положение кардинала в Союзе Девяти, став его вице-лидером, но и захватил главные рычаги влияния на социум страны, перебравшись с Лубянки в Кремль, заняв пост

главного военного советника президента, потеснив Хейно Яновича Носового, другого кардинала Союза, и захватив кресло маршала СС. По сути, могущественней его чиновника в государстве в настоящий момент не было, и координатору Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ приходилось с этим считаться. Коррекция реальности теперь все чаще проходила под диктовку Рыкова.

Несмотря на закон, принятый Государственной Думой, о запрещении разработок психотронного оружия, Герман Довлатович в секретном центре под Шереметьево продолжал заниматься усовершенствованием суггесторов «удав» («глушаков») и генераторов боли «пламя» («болевиков») и уже имел неплохой арсенал этих средств массового воздействия в две тысячи единиц, используемый для зомбирования помощников и исполнителей, так или иначе необходимых для успешной деятельности Сверхсистемы. Как сказал когда-то один писатель: «Все мы кого-то используем. На этом держится мир». Герман Довлатович тоже использовал людей для своих целей, но с помощью «глушаков» делать это было проще и не требовало больших затрат. Именно такими методами ему удалось ликвидировать противостояние мафий кавказской и славянской ориентации в Москве в пользу последней, хотя на ореол «национального героя» ему было, конечно, наплевать. История уже не раз доказывала, что национальность властителя не играет большой роли, когда дело касается а б с о л ю т н о й тоталитарной власти.

С приходом Рыкова на вершину властной пирамиды СС процесс поглощения в России малых преступных формирований большими ускорился, и к моменту описываемых здесь событий территория гигантского государства была поделена всего лишь между сорока четырьмя «семьями», из которых половина подчинялась СС. Вне поля зрения Германа Довлатовича оставался Дальний Восток, управляемый непосредственно координатором Союза Бабуу-Сэнгэ, Сибирский регион — «вотчина» Блохинцева и Мурашова и Крайний Север — «владения» отца Мефодия и Голованя. Над остальной частью страны, в том числе и столицей, нависала холодная тень Сверхсистемы, руководимой «императором». Рыков лично контролировал в с е сферы деятельности СС: торговлю наркотиками, оружием, золотом, цветными металлами, игорный

бизнес, проституцию, скупку недвижимости, «охрану» крупных торговых центров, контроль рынков и транспортных предприятий. Методику же контроля Герман Довлатович использовал предельно простую: если не действует подкуп — следуют угрозы, не действуют угрозы — за дело берутся купленные чиновники и депутаты Госдумы, не помогают чиновники — вмешивается личная команда Рыкова, вооруженная «глушаками». Как правило, этот последний метод борьбы со строптивыми клиентами и конкурентами использовался редко. Поголовное зомбирование не входило в планы Германа Довлатовича, для его целей достаточно было программировать лишь представителей властных структур, крупных деятелей политики, науки и культуры, способных образовать кастовый эгрегор, подчиненный воле одного человека. По завершении образования эгрегора Рыков превращался в фигуру, способную противостоять всему Союзу Девяти и не уступающую по мощи Хранителям Круга. Замыслы же его простирались еще дальше...

В четверг шестнадцатого мая Герман Довлатович по давно заведенному порядку начал работу в офисе, расположенном в семнадцатиэтажном здании на Сенной площади. Четверг был днем компьютерного анализа предполагаемой угрозы империи СС. Обладая способностью проникать в любые закрытые паролями и кодами компьютерные сети, Рыков шарил по сверхсекретным запасникам информации силовых структур — службы безопасности, милиции, Министерства обороны, выуживал оттуда необходимые сведения и упреждал подготавливаемые удары, изредка отдавая «на съедение» кого-нибудь из пешек — ради удовлетворения общественности, ради поддержания мнения, что страной управляют президент и парламент.

Единственное, что мешало планам Рыкова и сидело занозой в его душе, — постепенно усиливающаяся, несмотря на принимаемые контрмеры, ККК, возрожденное кем-то «чистилище». Впрочем, Герман Довлатович уже знал — кем и в ближайшее время предполагал встретиться с этим человеком и выяснить, чего он хочет. Вполне могло быть, что нынешний генеральный комиссар «чистилища» просто ищет острых ощущений, получить которые проще всего во время боевых действий. А боевые действия, как известно, нормальное

состояние человечества, ведущего перманентную войну всех против всех со дня своего рождения.

До обеда Герман Довлатович успел «пощупать» компьютерные каналы ФАПСИ, Совета безопасности и военных институтов, вылавливая сведения о намечавшихся векторах противодействия, но проанализировать поступивший объем информации не успел, позвонил Бабуу-Сэнгэ:

— Герман Довлатович, это не ваших рук дело?

Голос координатора Союза Девяти звучал в трубке так, будто он находился рядом, а не за тысячи километров, на Алтае.

— Не понимаю, о чем идет речь, — сухо сказал Рыков.

— Под Новосибирском вчера вечером убит Дмитрий Феоктистович.

Рыков помолчал, стиснув трубку рукой так, что побелели суставы пальцев.

— Вы... уверены?!

— Это точно не ваша работа?

— Мне Дмитрий не мешал. Кому и зачем понадобилось его убирать? Кто посмел?

— Вот и я задаюсь этим вопросом. Но это кто-то из наших.

— Почему вы так думаете?

— На месте расстрела Блохинцева побывал Виктор Викторович и обнаружил следы магического воздействия. Там же найдена известная московская певица Вероника, всадившая, судя по отпечаткам пальцев, в голову и грудь Дмитрия Феоктистовича всю обойму из пистолета «волк». Хотя клянется, что она этого не делала.

— Временная потеря памяти... или авеша? Чья?! Зачем?

Теперь помолчал Бабуу-Сэнгэ.

— Возможно, ее действительно сделали авешей. Еще не знаю. Прощайте, Герман Довлатович. Будут новости, я сообщу.

Рыков встал из-за стола, задумчиво походил по кабинету, забыв о трубке телефона в руке, и вдруг почувствовал душевный трепет. Кем бы ни был убийца Блохинцева, он знал, с кем имеет дело, и действовал грамотно и четко. Но таких людей в земной реальности, которые способны были убить кардинала Союза Неизвестных, обладающего многими сверхчеловеческими возможностями, можно было сосчитать по

пальцам. В основном это были сами кардиналы, Посвященные I и II ступеней и адепты Круга. История хранила прецеденты вражды людей Круга, однако тогда участники конфликтов были известны заранее. В данном же случае убийца или убийцы скрылись с места расправы, не оставив визитных карточек. А так во все времена действовали только профессиональные киллеры.

— И все же, кто посмел? — вслух произнес Герман Довлатович.

Глава 2

ОШИБКА В ОЦЕНКЕ

С момента смерти бабушки Марии Денисовны женщины не принимали участия в воспитании Стаса, что не могло не отразиться на формировании его внутреннего мира. Рос он достаточно замкнутым и чувства свои показывать стеснялся, а когда вплотную занялся эзотерикой и подготовкой собственно Дао — Пути совершенствования, — и вовсе перенял манеру держаться у Матвея Соболева, человека уравновешенного во всех отношениях, спокойно относящегося ко всем жизненным невзгодам. Да и дядя Вася, Василий Никифорович, принявший на себя весь груз забот по воспитанию мальчишки, был достоен подражания. Его отношение к происходящему вокруг — сдержанно-ироничное, хладнокровное пришлось Стасу по вкусу. Поэтому друзей и приятелей у него было немного. Пожалуй, единственным, кого он мог бы назвать настоящим другом, был Василий Никифорович. Но при этом обделенным себя Стас не считал. Жизнь была жестокой, но интересной, и сетовать на отсутствие тепла и любви Стас себе не позволял. Он учился, тренировался, много читал, изредка ходил в гости или в театр и не искал, чем заняться в свободное время, которого у него практически не было.

С девушками Стасу не везло. То ли они его мало интересовали, то ли он их, только так пока и не встретилась та, самая красивая и умная, единственная, ради которой не грех было отправиться на край света. Конечно, Стас иногда зна-

комился с неглупыми и симпатичными девчонками, но ни одна из них не заставила петь струны его души.

В пятницу семнадцатого мая Стас собирался после третьей пары («Приборы и устройства оптоэлектроники») посмотреть выставку картин Еремеева в салоне на Кузнецком Мосту, но судьба распорядилась иначе. С ним в группе учился Коля Мальцев, внук известного писателя Алдан-Петрова, которому дед-классик оставил в наследство неплохую четырехкомнатную квартиру в центре Москвы у Никитских Ворот. В последнее время Коля ходил на занятия хмурый и неразговорчивый, часто пропускал лекции, а начиная с понедельника вообще не появился в институте ни разу, и одна из девушек группы предложила съездить к нему и проведать — вдруг заболел? Согласились ехать трое: приятельница Николая Люба, его друзья Саша и Виктор плюс Стас, имевший машину.

Никто из них обременен заботами не был, плохого от жизни в силу молодости не ждал, поэтому атмосфера в кабине машины была легкой и веселой. Пока ехали, успели нашутиться, похохотать над анекдотами Виктора, поговорить о театральных постановках и закидать Сашу каверзными вопросами, когда он попытался завязать дискуссию о «живых соборных системах», подразумевая под ними человеческие коллективы. Стасу тема была близка, поэтому в «избиении» Саши он не участвовал, при случае решив побеседовать с ним об этом. Ему импонировала идея отечественного ученого-философа Попкова, труды которого по законам всеединства, кармы, гармонии и эволюции он читал. Попков утверждал, что если индивидуум болен в силу нарушения им законов совершенствования личности, то и общество может болеть из-за нарушения законов гармонии и эволюции, и эта мысль казалась Стасу вполне разумной, адекватно отражающей истинное положение вещей. Правда, с однокурсниками Стас на эту тему предпочитал не полемизировать, у него были другие собеседники, более знающие — дядя, прошедший Посвящение I ступени Внутреннего Круга, и его друг Вахид Тожиевич Самандар, от которых Стас узнал много интересного, в том числе и о «розе реальностей».

Оставили машину на Малой Никитской, купили в магазине фруктов, молока, хлеба, кофе, предполагая, что Колька просто заболел, и ведомые Любой, которая уже бывала в квар-

тире Мальцева и знала адрес, выгрузились из лифта на шестом этаже старого семнадцатиэтажного дома, где когда-то жил писатель.

Дверь открыл молодой человек спортивного вида, одетый в спортивный же костюм и кроссовки «Найк». Стасу он сразу не понравился — бегающими глазами и золотыми зубами. Стас вообще никогда не верил людям с золотыми зубами. Их улыбки казались ему фальшивыми, искусственными, как и сами зубы.

— Вам кого? — осведомился молодой человек.

— Хозяина, — солидно сказал Виктор.

— Я хозяин, — сказал молодой человек.

Пришедшие переглянулись.

— Это квартира Коли Мальцева? — спросил Саша, оглянулся на Любу. — Ты не перепутала?

— Нет, — покачала головой девушка, пристально разглядывая молодого человека. — Где Николай?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Уехал.

— Как уехал? Куда?!

Молодой человек молча закрыл дверь. Студенты так же молча смотрели то на нее, то друг на друга. Потом Виктор сплюнул.

— Ну и тип наш Коляня! Куда это, интересно, он уехал, никому ничего не сказав?

— Вопрос в другом, — задумался Саша. — Если это квартира Кольки, почему этот золотозубый амбал говорит, что он хозяин?

— Я его видела, — кивнула на дверь Люба. — Этот парень снимал у Коли комнату. Ребята, что-то здесь нечисто, Коля не мог продать ему квартиру. Давайте выясним.

— Да ну его, неохота связываться, — отступил Виктор. — Поехали по домам.

Стас, не говоря ни слова, нажал кнопку звонка. Дверь распахнулась, будто парень в спортивном костюме никуда не уходил. Вероятно, он служил охранником.

— Какого хрена вам надо?! Сказано же — уехал ваш Колька. И квартира теперь моя. Если непонятно, мы сейчас вам объясним.

— Объясни, — тихо проговорил Стас.

Молодой человек повернул голову.

— Дмитрич, подойди-ка, тут молодежь хочет побеседовать.

За спиной спортсмена возник еще один мужчина, постарше, в бежевом костюме с галстуком, выше и шире первого, с квадратным лицом вышибалы в баре.

— Чего надо?

— Мы ищем Николая... — начала Люба, но Стас остановил ее жестом, повысил голос, прислушиваясь к чему-то:

— Коль? Ты дома?

Квартиранты переглянулись. Потом тот, что был похож на вышибалу, сузил глаза, смерил Стаса нехорошим взглядом и процедил сквозь зубы:

— Ты что, русского языка не понимаешь? А ну вали отсюда, студент, пока не схлопотал по роже!

Стас мгновенно выбросил вперед руку, и квадратнолицый амбал отлетел в глубь прихожей, с грохотом рухнув на пол. Его напарник с недоумением проводил его взглядом, потом что-то сообразил и сунул руку в карман штанов, но вынуть оружие (у него был пистолет) не успел. Стас еще раз сделал выпад правой рукой, попал пальцем в шею спортсмена, и тот сунулся головой в стену, закатывая глаза.

На шум в прихожую выскочили еще двое накачанных ребят, и Стасу пришлось действовать в том же духе, только быстрей: парни были вооружены пистолетами. Он вошел в т е м п, усыпил первого и вложил второму «колун» между глаз. Больше из комнат квартиры никто не показался, наступила тишина. Стас оглянулся на онемевших товарищей:

— Коля где-то здесь, я чувствую. Давайте поищем.

— Ну, ты даешь, Котов! — пробормотал Виктор. — Где научился драться? Карате, что ли?

— Русбой, — лаконично ответил Стас. — Любой может научиться, было бы желание.

— Пошли, — решительно шагнул вперед Саша, переступая через лежащие тела.

Виктор и Люба, опасливо поглядывая на них, последовали за Сашей. Стас обыскал успокоившихся на время квартирантов, собрал оружие и только тогда вошел в квартиру.

Колю Мальцева, худого очкарика с редкой бородкой, они обнаружили связанным и лежащим в ванне, заполненной почти до краев водой, с заклеенным ртом. Самостоятельно выбраться оттуда он вряд ли смог бы, а вот захлебнуться мог

в любой момент. И, судя по синякам на лице и теле, его хорошо избили, прежде чем засунуть в ванну.

Рассказ Коли, безумно радовавшегося освобождению, занял всего несколько минут. Гости слушали его, открыв рты, потому что история была проста и напоминала поучительную детскую сказку о доверчивом зайце, приютившем в своем домике коварную лису.

Родители Коли разошлись еще несколько лет назад, поэтому он был предоставлен самому себе и всегда испытывал материальные затруднения, тем более что стипендию платили не всегда, да и того, что платили, хватало разве что на хлеб и чай. По совету знакомого Коля решил сдавать пустующие комнаты в аренду. Квартиранты нашлись быстро, одну комнату приспособили под офис своей фирмы («Консалтинг-ЛТД»), а вторую под жилье. Через полгода попросили сдать еще одну комнату — под склад. Коля не возражал, ему хватало спальни, а деньги за аренду жильцы платили исправно. Но потом в руководстве фирмы произошли изменения, пришел новый босс — тот самый мордоворот, которого успокоил Стас первым, и начались конфликты.

Сначала, сославшись на временные «коммерческие неудачи», квартиросъемщики стали задерживать плату. Потом уменьшили сумму выплат за месяц. А неделю назад, когда Николай робко напомнил о долге, гости взбеленились и объявили ультиматум: «Или ты оформляешь квартиру на нас, или пожалеешь, что родился на свет!» Николай от такого заявления опешил, пробормотал, что пойдет в милицию, и тогда его избили, связали и бросили в ванну с водой, где он и пролежал пять дней без еды и питья, пока его не освободили.

— Ну и зверье! — протянул Виктор, с жалостью глядя на дрожащего от перевозбуждения и слабости приятеля. — Что будем делать, Стас? Может, действительно позвоним в милицию?

Стас вышел из комнаты Николая, где тот ютился все это время до инцидента, тихо сказал приходившим в себя парням:

— Выметайтесь отсюда и побыстрее, если не хотите, чтобы вами занялась милиция или более серьезная контора.

— Мы тебя... гад!.. на ремни порежем!.. — начал было один из помятой четверки. Квадратнолицый, зеленый от удара, которым его сгоряча наградил Стас, держась за грудь, мед-

ленно встал, шаря вокруг себя и в карманах. Поглядел на Стаса, тот кивнул:

— Пушки ваши я забрал, не стоит их искать. И давайте пошевеливайтесь.

— Хлопец, ты понимаешь, на кого «наехал»? Мы же...

Стас шагнул вперед, и мордатый шеф «консалтинговой компании» отшатнулся, умолкнув. Стас подтолкнул его к выходу, помог остальным, туго соображавшим, что происходит, выбраться из квартиры на лестничную площадку и закрыл дверь. Приятели, выглянувшие из спальни Николая, смотрели на него во все глаза.

— А если они вернутся? — спросила Люба.

Словно в ответ на ее слова послышался стук в дверь, потом длинный звонок. Студенты переглянулись.

— Я же говорила...

Стас открыл дверь.

— Ну?

— Наши вещи... — хрипло сказал квадратнолицый. — Не присвоишь же ты их себе.

— Сейчас вынесем. — Стас повернулся к своим. — Давайте выгрузим их хлам.

Они вынесли на лестничную площадку и в коридор компьютер, факс, ксерокс, телевизоры, несколько сотовых телефонов, одежду квартирантов, с десяток тонких папок, небольшой сейф и две дюжины коробок с каким-то дурно пахнущим товаром. После этого Стас пожелал парням удачи и услышал в ответ угрозу:

— Мы тебя, щенок, в гробу достанем и яйца отрежем!..

Стас, закрывавший дверь, оглянулся на говорившего, покачал головой, ответил с иронией:

— Наверное, я плохо объяснил, что может произойти с вами в случае очередного «наезда». Лучше бы вам тихо исчезнуть и не высовываться какое-то время. Честное слово, ребята, это хороший совет.

— Отдай оружие, — прохрипел босс вышвырнутой компании. — На кого ты работаешь, крутой?

— О железках забудьте, а работаю я на фирму, название которой лучше не произносить вслух.

— На «чистилище», что ль? — осклабился молодой человек с золотыми зубами.

Стас помедлил и кивнул.

— На него, догадливый. А теперь убирайтесь, мо дзикан-га кирэтэ имас[1].

— Чего? — вытаращился золотозубый.

Стас повернулся и закрыл за собой дверь.

В квартире Мальцева они пробыли три с лишним часа, помогая ему убираться, мыть полы и расставлять мебель так, как она стояла до въезда «фирмачей». Коля пришел в себя, поел, каждые пять минут порывался высказать свою благодарность друзьям, потом тихо сомлел в кресле, бледный до прозрачности от пережитого волнения, с тенями под глазами и синяками на шее и на руках.

— Его нельзя оставлять одного, — сказала Люба, приготовив кофе для всех.

— Я останусь, — сказал Саша, потягивая ароматный напиток. — Позвоню домой, предупрежу.

— А эти... не вернутся?

Стас, уже выходивший в коридор и убедившийся, что квартиранты убрались и увезли свои вещи, покачал головой:

— Не думаю. Документов на аренду у них нет, качать права нечем, а милицию они явно не любят.

— А про какое «чистилище» они говорили? — поинтересовался Саша. — Не про то самое, что, по слухам, воюет с мафией?

— Возможно.

— Какое отношение имеешь к «чистилищу» ты?

— Никакого, — честно ответил Стас, в душе твердо решив поговорить с дядей Васей об инциденте с квартирантами, а заодно расспросить его о деятельности «чистилища». В последнее время он все больше убеждался в том, что его любимый учитель каким-то образом связан с KKK.

Домой он ехал в девятом часу вечера, после того как развез по домам Любу и Виктора. На душе лежала странная тяжесть, будто он совершил неблаговидный поступок. Хотя вымогатели квартиры Коли Мальцева получили по заслугам, все больше и больше начинало казаться, что можно было обойтись без демонстрации боевого мастерства. Возникло ощущение, что Стас как бы обнаружил себя перед некими темными силами, «засветился», как говорят контрразведчи-

---

[1]Ваше время кончилось *(яп.)*.

ки, и теперь следовало ожидать каких-то ответных шагов этих сил.

Конечно, ему и раньше приходилось драться, отстаивая свой выбор, мнение, свободу или честь, но никогда прежде он не ощущал такого дискомфорта, не чувствовал себя таким открытым и уязвимым.

— Какого черта! — вслух сказал Стас, круто выворачивая руль и останавливая машину после поворота с Новоданиловской набережной в проулок, соединявший набережную с Варшавским шоссе: прямо под колеса бросился какой-то человек. И еще толком не разглядев, кто это, Стас вдруг понял, что человек опасен!

«Внимание! — сказал ему внутренний голос. — Тревога!»

И тогда он сделал то, за что самому долго потом было стыдно и за что дядя Вася впервые его похвалил: Стас включил задний ход, с визгом шин развернулся и рванул машину обратно на набережную. Выстрелов он не слышал, но понял, что по машине открыли огонь, когда заднее стекло разлетелось острыми брызгами, а корпус «шестерки» отозвался дробным грохотом на вонзавшиеся пули.

Его не преследовали.

Проскочив под Автозаводским мостом, Стас по Шлюзовой набережной выехал на Садовое кольцо и через полчаса был дома возле Казанского вокзала. Поставил машину на стоянку, насчитав двенадцать пробоин, на вопрос сторожа: что, в аварию попал? — только кивнул.

Дядя Вася сидел на диване в гостиной и разговаривал с кем-то по телефону. Увидев лицо Стаса, прекратил разговор, встал на пороге спальни, пока тот переодевался.

— Что случилось, Котов?

Стас, выдержав паузу и позаботившись придать лицу безмятежное выражение, рассказал Василию Никифоровичу сначала об инциденте с квартирантами Коли Мальцева, потом о нападении с применением автоматов.

Василий задумчиво подергал себя за мочку уха, помолчал, размышляя и продолжая разглядывать порозовевшее лицо юноши.

— Как он выглядел?

— Не разглядел, — виновато развел руками Стас. — Небольшого роста, плотный, одет в серую куртку... Похоже, я его сбил. А потом у меня сработала интуиция, и я... сбежал.

— Молодец! — хмыкнул Василий.

— Ты... серьезно?!

— Более чем. Если бы не твоя реакция, лежал бы сейчас там... Стреляли из «калашникова»?

— По-моему, из «винтореза». Но их было двое.

— Вот видишь. А как ты оказался в районе Новоданиловской набережной?

— Отвез Виктора домой, он там недалеко живет, на Нагатинской. И все же я не понимаю, почему они напали, начали стрелять... Обознались? Ждали другого на похожей машине?

— Хотел бы и я это знать, — проворчал Василий. — Однако таких совпадений не бывает. Да и светло слишком было, чтобы обознаться.

— Но не могли же они знать, что я поеду именно этим путем, если ждали меня. И кому я нужен? Хотя... может быть, это были те ребята, которых мы выдворили из квартиры Кольки?

— Тогда они должны были следить за тобой от Никитских ворот.

— Я бы заметил, — твердо сказал Стас, отправляясь в ванную. Остановился на пороге, оглядываясь на сумрачно-невозмутимое лицо дяди. — Не одобряешь, что я ввязался в эту историю?

— Еще не знаю, — улыбнулся Василий. — Но, похоже, ты избрал мой путь. Много лет назад я тоже начинал активно восстанавливать справедливость, давая отпор разного рода подонкам.

— А сейчас?

Василий выдержал делано простодушный взгляд Стаса, похлопал его по плечу, подтолкнул к двери ванной.

— Иди умывайся, ужинай, потом поговорим.

— Как ты думаешь, кто в меня стрелял? Я же вижу, ты рассчитал версию.

Василий повернулся, ушел в гостиную и уже оттуда ответил:

— Похоже, парень, тебя просто кто-то недооценил.

Глава 3

ПРОРЫВ В МИР

Казанская группировка насчитывала, по данным Василия, семьдесят человек и придерживалась исключительно самостоятельной линии во всех спорных вопросах с другими

бандформированиями. Судя по ее деятельности, это была группировка беспредельщиков, не считавшихся ни с какими авторитетами криминального мира. Руководил ею некто Роман Владимиров, двадцати восьми лет от роду, отсидевший в зоне семь лет и прославившийся своей жестокостью и презрением к боли. Говорили, что он чуть ли не бывший чемпион Европы по кикбоксингу. Едва ли это соответствовало истине, но драться бандит умел и держал своих подельников, среди которых почти не было несудимых, в крепкой узде.

Преступной специализацией группировки были рэкет, разбои, грабежи, киднеппинг, заказные убийства. В сферу ее влияния входили: вещевой рынок в Сокольниках, универмаги «Московский» и «Сокол», автовокзал «Комсомольский», три железнодорожных вокзала — Казанский, Ярославский и Ленинградский, торговля в районе вокруг вокзалов и у метро, гостиничные комплексы на Каланчевке, в Сокольниках, в районе Басманной и Красносельской, стадион «Локомотив».

Группировка имела четкую внутреннюю структуру и распределение ролей, разведку и контрразведку, связи в правоохранительных органах. Полгода назад члены казанской команды Бочкин и Свиридов взбудоражили всю Москву, устроив перестрелку в «Макдональдсе» на Пушкинской площади, во время которой десять человек получили ранения, в том числе туристы из США, и после чего во всех ресторанах сети «Макдональдс» на входе поставили металлоискатели. Задержать стрелков на месте разборки не удалось, они находились в федеральном розыске до сих пор. По сведениям Василия, они спокойно продолжали «работать» в группе по своей основной специальности — грабежи и заказные убийства. Кроме того, имелись данные, что группировка Владимирова владеет магазинами в Австрии, Гонконге, Германии и Литве. Никакой опеки казанцы не терпели, в том числе со стороны воров в законе старой формации. Это действительно были беспредельщики, наводившие ужас на всех, кто с ними сталкивался, подкармливаемые кем-то из сановных лиц государства.

— Пора за вас браться, парни, — вслух сказал Василий, сидя перед экраном компьютера с выведенным на него досье на казанскую банду. — Если для вас предела нет в безнаказанности, то он есть у нашего терпения.

Полистав досье, Вася принялся читать общий анализ со-

стояния государства, подготовленный аналитиками центра стратегических исследований ФСБ; о том, что к совсекретным документам имеет доступ не работник службы, федералы, естественно, не догадывались. Пробежав глазами текст документа, Вася не стал ужасаться, ахать и восклицать «Боже мой!». В принципе, он знал положение дел в стране, экономика которой практически полностью перешла под контроль преступных группировок. Органы государственного управления также контролировались «семьями» СС, мощь которых уже не позволяла государству ликвидировать их экономическими и правовыми методами. Чиновники-расхитители, жулики, спекулянты, мошенники, валютчики, казнокрады, рэкетиры и бандиты легко влились в новые экономические отношения, не считаясь ни с какими законами, ибо вся страна стараниями правительства и Думы была опущена до их уровня, куплена, продана и предана.

Общество России превратилось в общество криминализированное, где законодательная база была создана в интересах преступных кланов и не могла карать их по заслугам. Борьба за передел собственности шла уже не на уровне здравого смысла, а на уровне инстинктов. Звериная, пещерная психология бандитов и мафиози нынешней России могла поразить кого угодно, только не депутатов Госдумы, продолжавших торговать и продавать. Однако борьба за передел сфер влияния по отраслевому и территориальному принципам закончилась с приходом к власти «маршала» Сверхсистемы Рыкова, у которого проснулся комплекс собственника, тяга к лидерству и крайняя агрессивность. Известно, что высшая форма собственности — власть, поэтому Герман Довлатович жаждал власти, причем власти а б с о л ю т н о й, и шел к своей цели напролом, невзирая на сопротивление государственных структур и кардиналов Союза Девяти, не желавших терять своего влияния на социум. Для достижения цели Рыков не гнушался даже элементами психофашизма, используя бессознательные инстинкты толпы: тягу к свободе, к самоутверждению, поклонение вождям, националистические устремления, подчинение стандарту, психологическую неустойчивость. Толпа моментально зверела, стоило бросить ей клич: «Бей иноверцев, спасай Россию!» И Рыков умело пользовался этим рычагом, добиваясь проведения через Думу законов,

помогающих СС утверждать свое господство там, где было выгодно.

Фамилия Рыкова в документе, конечно, не фигурировала, маршал СС обозначался в нем «фигурой умолчания», но Василий хорошо понимал, о ком идет речь. Но больше всего его поразил вывод экспертов ФСБ: в стране (и во всем мире!) шел интенсивный процесс исключения из оборота культурных ценностей, резко уменьшилось разнообразие социальных структур и институтов, что являлось несомненным признаком конца эволюции социума.

Заинтересовавшись, Василий поискал разработчиков аналитического центра, сделавших столь неординарный вывод, и не удивился, когда прочитал фамилию Головань. Кирилл Данилович Головань был заместителем директора Международного института стратегических исследований и кардиналом Союза Девяти. Возвышение Рыкова ему мешало, и он искал возможности ограничения деятельности СС и ее маршала.

— Ну-ну, — пробормотал Василий, — было бы просто здорово, если бы эти волки скушали друг друга.

«Что ты об этом думаешь?» — напечатал он на экране компьютера, добавив значок «диалог».

«Не валяй дурака», — ответил компьютер, подумал и добавил:

> «Вы, злодейству которых не видно конца,
> В Судный день не надейтесь на милость Творца!
> Бог, простивший не сделавших доброго дела,
> Не простит сотворившего зло подлеца»[1].

— Твоими бы устами да мед пить... — пробормотал Василий, которому иногда казалось, что его компьютер — «Шайенн-2000» и впрямь разумен. Компьютер он забрал из квартиры Соболева еще десять лет назад, это была именно та машина, через которую Соболев запустил «черный файл» для связи с Монархом Тьмы, и вполне могло быть, что она сохранила магические следы присутствия многореального существа, которым был Монарх.

В дверь позвонили. Василий прислушался к себе и по-

[1]Омар Хайям.

плелся открывать: пришел Самандар. Он молча пожал руку хозяину и прошел в кабинет. Кивнул на экран:

— Ведете философские беседы?

— Наследие Соболева. Чего только в его памяти нет.

— С казанцами работал?

Василий вывел на экран досье казанской бандгруппы.

— Я думаю, ее деятельность чем-то выгодна Рыкову, иначе он бы не терпел ее беспредел так долго в ущерб скрытности СС. С помощью казанцев он, вероятнее всего, давит на политиков и одновременно отводит внимание правоохранительных органов от более крупных операций.

— Пора планировать бандлик.

— План давно готов, можешь ознакомиться и подкорректировать. Понадобится шесть-семь мейдеров, чтобы уничтожить сразу всю группировку.

Самандар сел за стол и несколько минут изучал план ликвидации казанской банды.

— В принципе годится. Но одновременно с ликвидацией необходимо скинуть файл связей группы с депутатами и рыковским СС в сеть Федеральной службы безопасности.

— Почему туда, а не в Службу безопасности президента?

— Президентскую сеть контролирует Рыков, ребята из федеральной команды более свободны.

— Файл практически готов. Можем запускать хоть сейчас. Кроме него, я тут подработал наш «Крим-реестр», хотя он явно неполон. Но это уже твоя забота.

Вахид Тожиевич кивнул, выводя на экран «Крим-реестр» — список высокопоставленных лиц России, так или иначе связанных с организованной преступностью. Возглавлял список вице-премьер правительства Лобанов.

— Да, это будет хороший нокдаун Герману, — сказал Самандар, дочитав документ. — Не хватает двух десятков деятелей поменьше рангом, но мне нужно время, чтобы проследить связи каждого. Когда мы этот список выстрелим в эфир, разразится сильнейший правительственный кризис.

— Я не уверен, что это изменит с и с т е м у, — негромко сказал Василий. — Мы не можем влиять на расстановку кадров в правительстве, а тем более в Думе, все решает властный эгрегор, а у Рыкова слишком много людей расставлено по всей структуре управления, в том числе зомбированных, не поддающихся никаким увещеваниям.

Вахид Тожиевич остро глянул на Котова.

— Ты предлагаешь не трогать с и с т е м у?

— Бросая вызов Рыкову, мы бросаем вызов Монарху, а это уже совсем другой уровень разборок.

— Я тебя не вполне понимаю.

Василий вздохнул.

— До этого момента мы воевали с «эсэсовцами», с мафией и коррумпированными чиновниками. Как только мы опубликуем «К-реестр», «уровень» войны резко повысится, за нас возьмутся кардиналы Союза Девяти и Монарх Тьмы, который сейчас дружен с Германом Довлатовичем, и одним нам эту войну не выдержать. Нужен Соболев.

— Он мертв... ну, или где-то в «розе», что для нас одно и то же.

— Надо попытаться отыскать его.

Самандар скептически скривил губы.

— Мы туда не пройдем.

— Мы не пытались, — хмуро отрезал Василий. — Я собираюсь заняться поисками серьезно и уже предпринял кое-какие шаги. Хочешь — присоединяйся.

— Какие шаги?

Василий усмехнулся.

— Попросил совета Хранителей.

— Разве они открыли доступ к своей общине?

— Я поискал след Хранителя Матфея в астрале... — Василий снова усмехнулся, — и получил святое разрешение на контакт. Матфей посетит нашу реальность в ближайшие два дня.

Самандар качнул головой, скрывая свои чувства.

— На мои вызовы Хранители ни разу не ответили. Ты растешь, идущий, я уже не могу быть твоим Учителем. А тебе пора самому подумать об ученике.

— У меня уже есть ученик.

— Стас?

Василий кивнул. Сходил на кухню и вернулся с кофейными чашками, протянул одну Вахиду Тожиевичу.

— Стас идет быстрее, чем я. Заниматься с ним одно удовольствие. Время, когда бытие определяется скрытыми от нас законами, которые мы называем случайными процессами, закончилось. Пришло время, когда главную роль играет

личность идущего. Стас — личность. Он и меня скоро перегонит. Путь через правритти и карма маргу к нируддхе и махавидье[1] он преодолеет за считаные годы. По большому счету его Учителем должен быть Соболев, я просто временно исполняющий обязанности.

— Где он?

— Ты имеешь в виду лестницу самореализации? На шестой ступени: Возникновение Возможности.

— Пусть больше занимается свадхъяей[2].

— Он и так много читает. Но проявилась некоторая темная закономерность, которая меня... м-м... не пугает, но настораживает.

Самандар глотнул кофе, оценивая напиток: Вася знал несколько рецептов и на этот раз приготовил кофе по-турецки.

— Что ты имеешь в виду?

— Вчера машину Стаса обстреляли из автоматов.

— Кто?

— Он не разглядел.

Самандар помолчал, продолжая смаковать кофе с полузакрытыми глазами.

— Он на твоей машине ехал? Может быть, его приняли за тебя?

— Не исключено, но маловероятно. О моей деятельности знают только двое: ты да я. Плюс догадывается Стас. Дело даже не в факте нападения, а в том, что стычки Стаса с криминальным миром имеют тенденцию учащаться. Это явный признак р а з г о н а давления на человека. Такое уже было с Матвеем и со мной.

— С одной стороны, ничего удивительного. — Вахид Тожиевич допил кофе. — Закон возмездия в стране, да и во всем мире, — судя по волне насилия и бессмысленной жестокости терактов, — все еще падает, и это не может не отражаться на личности, способной помешать дальнейшему ослаблению закона. С другой стороны, Стас еще неоперив-

---

[1] П р а в р и т т и м а р г а — путь действия; к а р м а м а р г а — путь для активных людей к реализации через действие; н и р у д д х а — обретший контроль над собой; м а х а в и д ь я — метафизическое знание как свойство (сила) личности *(индуизм)*.

[2] С в а д х ъ я я — самообразование путем изучения божественной и эзотерической литературы.

шийся птенец, вряд ли Тьма способна принять его в расчет на стадии подготовки Воина Закона справедливости. Даже если он изберет этот путь.

— Логично, — кивнул Василий.

— Но кое-что тревожное в воздухе носится.

Вася помолчал, поглядывая на гостя, и тот добавил:

— Убит Блохинцев.

— Что?! — Василий от изумления допил кофе одним глотком. — Кардинал Союза... убит?! Кем?

— Не знаю. Эта весть не станет достоянием средств массовой информации. А подозревать можно лишь самих кардиналов... или Посвященных карма марги, как мы с тобой. Теперь следует ждать инспектора Круга, а то и целую следственную комиссию.

— Несомненно, нас проверят в первую очередь. Однако ликвидация Блохинцева, насколько я знаю, не входила в планы «чистилища», ни в тактические, ни в стратегические. И все же факт действительно тревожный. Может быть, они как-то связаны — нападение на Стаса и убийство кардинала?

— Посоветуйся с Хранителем, когда встретишься. Вдруг он подскажет, что происходит.

Василий отнес кофейный прибор на кухню, вернулся.

— Итак, ты идешь со мной в «розу» искать Соболева?

— Куда же я денусь? — невозмутимо ответил Вахид Тожиевич.

* * *

Вход в МИР, из которого стартовали в «розу реальностей» Соболев и его команда, был замаскирован так искусно, что, даже владея «магическим обонянием», найти его было не под силу ни Самандару, ни Василию, хотя они и чувствовали, что он где-то поблизости. Помог же им случай, который вполне можно было воспринимать как внезапно проявленную закономерность.

Втроем со Стасом они внимательнейшим образом обследовали территорию церкви Святой Троицы в Троице-Лыкове, выдавая себя за рабочих, красивших ограду церкви, ничего не обнаружили, все сильнее ощущая «запах» «печати отталкивания» — заклинания, закрывшего вход, и присели у каменной плиты, вросшей в землю. Плита была старинная,

со следами какой-то надписи на церковнославянском языке, но без креста, и казалась многотонным монолитом. Но стоило Стасу, заинтересовавшемуся надписью, склониться над плитой и коснуться ее ладонью, как она вдруг со скрипом провалилась на метр под землю.

Стас отшатнулся. Его старшие товарищи переглянулись и придвинулись ближе.

— Я только дотронулся, а она...

— Как ты думаешь? — начал Василий.

— Так же, как и ты, — сказал Вахид Тожиевич, упираясь взглядом в плиту. — Помоги т о л к н у т ь.

Василий тоже уперся взглядом в плиту, и она с длинным скрипом начала проседать дальше, пока не опустилась метра на четыре, открывая в одной из стен образовавшейся шахты круглое отверстие.

— А ведь этот «лифт» ждал именно тебя, парень, — похлопал Стаса по плечу Самандар. — Во всяком случае, сработал он по твоей команде.

— Я же ничего не говорил, только хотел рассмотреть...

— Ты хотел п р о й т и в МИР, этого оказалось достаточно. Считай, что ты преодолел шестую ступень «лестницы».

Стас посмотрел на Василия, тот кивнул. Вахид Тожиевич имел в виду «лестницу самореализации». Сняв «печать отталкивания», хотя и неосознанно, Стас перешагнул шестую ступень «лестницы» — Возникновение Возможности — и утвердился на седьмой: Динамическая Корректировка.

— Сходи, принеси сумку из машины.

Стас, глянув на провал в земле, похожий на могилу, исчез.

— Да, у него очень мощный потенциал, — понизил голос Самандар, провожая взглядом парня. — Он явно отмечен вниманием каких-то больших Сил.

Василий промолчал.

Место, где лежала провалившаяся вниз могильная плита, располагалось за хозяйственным блоком церкви и было скрыто от прихожан забором и шеренгой кустарника, поэтому «рабочих» никто не видел и не спросил, что они тут делают. А если бы кто и появился, вряд ли усомнился бы в необходимости их присутствия: совместный волевой раппорт Посвященных действовал на всех людей, в том числе и на священнослужителей, изредка обходивших свои владения.

Стас принес объемистую сумку с инструментом, фонарями, комплектами Н-1[1], оружием и небольшим запасом пищи. Подстраховывая друг друга, «рабочие» спустились в дыру на могильную плиту, шедший впереди Самандар включил свет и, пригнувшись, полез в круглый тоннель, оказавшийся старой бетонной трубой полутораметрового диаметра.

Через пятьдесят метров труба вывела их к такому же круглому колодцу с металлическими скобами, который опускался под землю еще метров на тридцать и выходил в тоннель квадратного сечения, сложенный громадными блоками из обожженной глины. Тоннелю исполнилось не меньше двухсот лет, и был он коротким, выходящим из ниоткуда и уходящим в никуда: оба конца его рухнули в незапамятные времена. Поскольку в восемнадцатом веке, кроме деревеньки Лыково и церкви, в этих местах ничего не было, а тогдашняя Москва начиналась на восемь километров восточнее, трудно было представить, кому и для чего понадобилось прокладывать под землей такой тоннель.

Обследовав его, путешественники отыскали еще один колодец, закрытый металлической крышкой, овальный в сечении, но без скоб. Вместо них в стене колодца были сделаны пары отверстий, в которые можно было вставлять носки ботинок и цепляться за них руками. Таким образом спустились еще на полсотни метров ниже и вышли в небольшой сухой грот естественного происхождения, имеющий выпуклую дверь из отсвечивающего шелковой зеленью фиолетового материала. Больше всего дверь напоминала гигантское крыло жука.

Самандар осмотрел ее, склонив голову набок, и сунул в нее руку, пронзившую дверь насквозь и пропавшую из виду. Постояв так несколько секунд, Вахид Тожиевич шагнул вперед и исчез.

— Давай, — кивнул Василий.

Стас без колебаний последовал за Посвященным. Василий преодолел «крыло жука» последним.

Они оказались еще в одном тоннеле, стены которого были выложены все теми же «крыльями», и по нему вышли на

---

[1]Комплект Н-1 (Ниндзя-1) — армейский спецкомплект вооружения, обмундирования и снаряжения для действий в ночное время.

край обрыва. Впереди распахивалась гигантская пещера, на дне которой светилась нежным призрачным свечением скособоченная, развороченная взрывом, полурасплавленная и закопченная, ажурная пирамида Ликозидов, «тарантулов разумных», МИР древних пауков, построивших свой дворец сотни миллионов лет назад. Разрушен же он был десять лет назад во время перехода границы реальности группой Соболева.

Несколько минут прибывшие рассматривали полуразрушенное, но не потерявшее гармонии жилище Ликозидов с благоговением и суеверным страхом, невольно ожидая появления хозяев, потом Самандар нашел желоб спуска и первым заскользил по нему вниз. Вскоре они уже стояли у подножия стометровой пирамиды, продолжая изучать завитки ее сложных, бывших когда-то молочно-белыми, ажурных стен, поражаясь сложности узора и общему эффекту неповторимой красоты.

Фонари выключили за ненадобностью, обошли пирамиду, разыскивая вход в нее, и увидели тускло загоревшийся огонек в глубине одного из тоннелей, ведущих в глубь сооружения, будто там загорелась свеча. Самандар и Василий переглянулись.

— Знак? — поднял бровь Василий.

— Похоже на то, — кивнул Вахид Тожиевич. — Нас, кажется, приглашают зайти.

Стас, разглядывающий огонек, задумчиво проговорил:

Таинственным знаньем пронизана память,
Подземные воды горят от свечи,
Трепещет и искрится бледное пламя
И в судьбы столетий бросает лучи...

Василий ухмыльнулся, заметив внимательный взгляд Самандара, брошенный на юношу. Стас прочитал отрывок из центурии I Нострадамуса, вполне соответствующий моменту, что характеризовало чувства и вкус парня.

— Что ж, раз нам подают сигнал, не будем ждать другого.

Они углубились в тоннель, стены которого, казалось, были сплетены из полупрозрачных паутинных нитей, и пошли за плывущим впереди огоньком, пока тот не погас. Спустя некоторое время вышли в центральный зал дворца Ликозидов с «усыпальницей» царя древних разумных тарантулов.

Зал был деформирован и оплавлен, будто в нем когда-то что-то взрывалось и горело, ротонда над «троном» царя имела вид лопнувшего стеклянного шара, застывшего в момент деформации, но «саркофаг» царя Ликозидов уцелел.

Стас, подойдя ближе, замер, поглощенный созерцанием «трона» повелителя Ликозидов. Василий и Самандар уже имели счастье любоваться произведением искусства, которым, несомненно, был саркофаг, но и они не сразу оторвали взгляды от волшебных изгибов шатра хрустальной друзы и совершенных кристаллических переходов ложа.

Огонек вспыхнул снова, опускаясь на хрустальное «крыло ангела» у левого края оплывшей ротонды. Василий двинулся к нему, перешагивая через трещины и складки пола, когда-то просевшего от жара, но дойти до саркофага ему не удалось, помешал какой-то упругий невидимый барьер.

— Что за чертовщина! Не пускает, и все тут!

Самандар, наблюдавший за Котовым, приблизился к нему, но тоже уперся в невидимую стену, похожую на упругую пленку.

— Кажется, это чья-то силовая «печать отталкивания». Давай поднадавим.

Они сосредоточились на преодолении преграды, но тщетно: невидимая пленка не поддавалась.

— Стас, подойди, — оглянулся Василий и добавил, когда тот встал рядом: — Представь, что ты пробиваешь стену...

— Я понял, дядь Вась.

В тот же миг Самандар качнулся вперед — упругая сила перестала сдерживать его, оглянулся, окидывая Стаса оценивающим взглядом.

— Теперь я и в самом деле верю, что нам удастся перейти границу «розы».

Он шагнул вперед, но Василий остановил напарника.

— Как-то уж очень легко у нас все получается, не оказалось бы ловушки.

— Просто пришло наше время, — пожал плечами Вахид Тожиевич и поднялся на возвышение, на котором стоял «саркофаг».

Огонек, горевший внутри хрустального «крыла» ротонды, запульсировал, и Самандар остановился, знакомо склонив голову набок.

— Забавно...

— Что? — поторопился подняться к нему Василий и услышал мягкий, мурлыкающий голос, в котором сплелись мужские и женские интонации:

— Вы уверены, что поступаете правильно?

— Кто это сказал? — оглянулся вокруг Василий и встретил пристальный взгляд Самандара. — Похоже на...

— Соболева и Кристину. Это ментальная запись.

— Вы уверены, что поступаете правильно? — повторил голос, раздаваясь словно внутри головы.

— Уверены, — сказал Василий.

— Вашего энергетического запаса мало для перехода.

— Соболев, это ты?

— Вашего запаса мало для перехода.

— Черт! — Вася щелкнул пальцами. — Это действительно запись. Стас, поднимись.

Парень подошел к спутникам, и тотчас же голос изменился, стал чисто мужским, больше похожим на голос Матвея Соболева:

— Вася, я оставил этот кодовый ключ на всякий случай. Кто знает, что с нами случится. Но у ключа есть порог срабатывания, преодолеть который ты в одиночку не сможешь, только с чьей-то помощью. Надеюсь, это будет Вахид Тожиевич или кто-то из Посвященных. Если тебе и друзьям удастся перешагнуть порог — тхабс, который я оставляю в памяти «саркофага», перекинет вас в «розу». Но ни в коем случае не пытайся переходить границу реальности один! Прежде научись защищаться от мощных пси-полей и хорошенько подготовься. Хотя я, честно говоря, не уверен, что тебе столь уж необходимо выходить в «розу». Думай. Удачи!

Голос пропал.

Мужчины смотрели друг на друга и молчали. Они слышали одно и то же. Потом Самандар хмыкнул и погладил рукой прозрачный завиток стенки «саркофага».

— Ну что, господа, рискнем? Нас трое, справимся, я думаю.

— Нет, — покачал головой Василий. — Мы не готовы... я не готов. Соболев прав, надо подготовиться к походу. И у меня есть идея...

— Какая?

— Приспособить «тюбетейку».

Самандар смотрел вопросительно, и Вася добавил:

— Мы со Стасом давно работаем над генератором защиты от «глушака», уже готов образец. Считаю, нам такие генераторы пригодятся и в «розе».

— Логично, — легко согласился Вахид Тожиевич.

— Нет, вы серьезно?! — глянул на учителя Стас округлившимися глазами. — Мы пойдем... в «розу»?!

— А ты против?

— Нет, но... все это неожиданно... и просто... Может, не будем ждать?

Василий усмехнулся и подтолкнул парня к выходу.

Назад, к церкви они выбрались через два с лишним часа, когда уже стемнело, слегка усталые и возбужденные открывающимися горизонтами. Мысль у всех троих была одна: скорее бы в путь...

Глава 4

ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЙ ВЫСТРЕЛ В ГОЛОВУ

Отец Мефодий, как его называли кардиналы Союза Девяти, на самом деле носил сан архиепископа, которого добился сравнительно недавно, семь лет назад, и деятельно готовился к патриаршеству, избранный преемником нынешнего патриарха Всея Руси. При этом он имел должность помощника премьер-министра по связям с религиозными концессиями и Православной Церковью, но жил тем не менее в Ярославле, а не в столице, хотя и навещал ее довольно часто, по два-три раза в месяц. В очередной вояж он собрался восемнадцатого мая, накануне праздника Апостола Иоанна Богослова. Святую Церковь все больше тревожил рост разнообразных сект, особенно сатанистов всех мастей, и отец Мефодий ехал к патриарху на прием, чтобы обсудить эту проблему.

В России к данному моменту было зарегистрировано более четырнадцати тысяч религиозных организаций, из которых половина принадлежала Православной Церкви. Однако религиозные течения продолжали появляться и распространяться, и процесс этот остановить было трудно, если вообще

возможно, потому что на течения эти был спрос. Во все времена существовали люди с особым мироощущением, читающие ту или иную эзотерическую и духовную литературу, находящие особый смысл в объединении себе подобных в секты. В эти секты вовлекались молодые люди с неустоявшейся психикой, ищущие себя и в силу свойственного возрасту максимализма отрицающие традиционные организации. Они были не против безусловного подчинения учителю и беззаветной преданности секте, но вряд ли понимали, что человек, попавший в такую религиозную организацию, постоянно подвергается насилию над личностью и в конце концов зомбируется, превращается в послушного киборга, готового ради «святого учения» солгать, украсть, убить любого человека или самого себя..

Основные претензии подобного плана патриархи Православной Церкви имели к Белым Братствам — первому и второму, Аум Синрикё, Церкви Последнего завета, Пути Непослушания, Научно-логической церкви Откровения, тайно проповедующим духовную агрессию, но самыми ярыми противниками Православия были все же секты сатанистов и исламских фундаменталистов: Церковь Тьмы, Церковь Апокалипсиса, Общество Судного дня, Воины Ислама, Движение белой Смерти, Отряд Люцифера и другие. Государство как-то попыталось десять лет назад вмешаться в деятельность сект и завести на некоторые из них уголовные дела, но потерпело поражение, так как среди защитников сект оказалось слишком много журналистов и высокопоставленных политиков. Поэтому регуляцию сектантства, пусть слабенькую, на уровне увещеваний, осуществлял только особый отдел Церкви, подчиненный отцу Мефодию. Но и он перестал владеть ситуацией, когда на сатанистов стал опираться и отбирать из них рекрутов для зомбирования Герман Довлатович Рыков, сумевший доказать отсутствие злого умысла в действиях сектантов на весьма высоком уровне — президентском. Как говорится, самая большая победа дьявола в наши дни состоит в том, что он заставил людей поверить в то, что его не существует.

В принципе, так оно и было на самом деле. Дьявол — как живое существо, личность — не существовал. Даже Монарха Тьмы нельзя было называть дьяволом в полной мере из-за

отсутствия у него злобы и ненависти, чем так отличается человек. С другой стороны, в каждом человеке живет частица дьявола, равно как и Бога, и люди объединяются чаще всего по этим признакам, образуя э г р е г о р ы — Сатаны или Божественной милости. Целенаправленно готовя себе пьедестал, Рыков создал на основании СС и религиозных сект единственный в своем роде «эгрегор Тьмы», поддерживающий его на ментальном уровне. Насколько он мог стать опасен для социума и всей реальности, отец Мефодий мог только догадываться. С этими своими умозаключениями он и собирался на аудиенцию к патриарху, чтобы потом пойти еще дальше — к координатору Союза Девяти. Главный вывод, к которому пришел отец Мефодий, был неутешителен: приход Антихриста, или, как его называли кардиналы Союза, «черного аватары», был неизбежен в условиях дальнейшего ослабления Закона возмездия, сопровождавшегося падением нравственности и духовного потенциала человечества. Этот вывод, наверное, разочаровал бы мечтателей, фанатично верующих в светлое, прекрасное, доброе и спасительное, якобы заложенное в душе каждого человека, но отец Мефодий не был мечтателем и отчетливо видел конец человеческой эволюции. Идеалистом же он перестал быть еще сто лет назад.

Врагов отец Мефодий не имел, с бандитами на дороге мог всегда договориться, поэтому ездил в Москву без опаски, один. Из Ярославля он выехал на видавшей виды «десятке» в пять утра, чтобы прибыть в столицу к заутрене. Проехал Красные Ткачи, Шопшу, Семибратово, а за мостом через речку Устье его остановил передвижной патруль ГАИ.

Отец Мефодий был гражданином законопослушным и заглушил мотор, хотя порядок движения не нарушал и скорость на трассе держал в пределах допустимого. Что остановка была ошибкой, он понял слишком поздно, когда сотрудник ГАИ подошел к машине вплотную и наклонился к водителю. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, ведя сверхбыструю пси-дуэль взглядов, потом отец Мефодий побледнел и откинул голову на спинку сиденья.

— Кто вы?!

— Истребитель Закона, — не удивился вопросу инспектор.

— Какого?

— Переноса вины.

— Я не слуга и не проводник этого закона.

— Но и не гонитель. Ваш ниен лас[1] переполнен. Но как сказал один умный человек: не принимайте жизнь слишком серьезно. Вам все равно не уйти из нее живым[2].

— Кто вас послал?

— Эта информация вам уже не пригодится.

Отец Матфей, рука которого дотянулась до креста на груди, усиливающего ментальную мощь владельца, напрягся, собираясь начать отступление, но сделать ничего не успел. Две пули из револьвера «удар» калибра двенадцать с половиной миллиметров, выпущенные практически в упор, разнесли ему голову.

Бабуу-Сэнгэ узнал о смерти отца Мефодия вечером восемнадцатого мая. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о целенаправленном воздействии на Союз Девяти. Удар был тем более страшен, что никто не знал причин ликвидации двух кардиналов, а уровень ликвидации был явно выше возможностей местных силовых структур. Действовал кто-то очень сильный, способный рассчитать векторы перемещения кардиналов и владеющий формулами магического контроля Среды. Люди Круга, прошедшие Посвящение II ступени, какими были кардиналы Союзов Неизвестных во всем мире, в принципе должны были почуять опасность и соответствующим образом подготовиться к нападению. Но все говорило о полной внезапности атак, не позволившей Блохинцеву и отцу Мефодию вовремя отступить, сманеврировать, ответить на удар и применить свои немалые экстраординарные возможности.

Конечно, в стране существовали силовые структуры, способные поставить целью уничтожение Союза, «чистилище», например, или СС Рыкова. Но Герман Довлатович сам был озадачен случившимся, а у ККК вряд ли хватало на это средств. И все же «чистилище» надо было проверить, чтобы в будущем быть уверенным в его непричастности к конфликту.

В глубине души Бабуу-Сэнгэ был уверен, что к убийству Блохинцева и отца Мефодия «чистилище» не имеет отноше-

---

[1] Ниен лас — бремя совершенных поступков *(буд.)*.

[2] Элберт Хаббард, американский писатель (1856—1915).

ния, однако задание на анализ его действий, планов и возможностей дал: прежде всего своим специалистам из личного манипула, затем москвичам — Рыкову, Голованю и Юрьеву. Не верил координатор Союза Девяти и в некое предупреждение свыше. Если человека хотят предупредить, в голову ему не стреляют. Да и не существовало силы, которая могла бы заниматься устрашением людей Круга... кроме самих людей Круга!

Бабуу-Сэнгэ задумался и кивнул сам себе. Интуиция подсказывала, что он близок к истине. Одна смерть кардинала может быть случайной, две — это уже почти закономерность. Союзом явно занялась какая-то мощная суперпрофессиональная команда ликвидаторов.

Подумав еще немного, координатор Союза Девяти прямо из своей кельи — он находился в подземном бункере настоятеля, расположенном под храмом Гаутамы, — создал через астрал канал связи с куратором Союзов Неизвестных Земли Хуаном Креспо:

«Смиренно прошу прощения за беспокойство, монсеньор. У вас найдется минута на общение?»

«Слушаю вас, координатор», — ответил Креспо, находившийся в это время в своем кабинете в здании ООН в Нью-Йорке.

«Мы понесли потери. Убиты Блохинцев три дня назад и сегодня отец Мефодий. Следов киллеры не оставили никаких».

«Этот процесс начался во всех странах. По моим сведениям, Союзы в общем потеряли к нынешнему моменту более сорока человек в тридцати государствах».

«Что это такое, по-вашему?»

«Судя по масштабам отстрела кардиналов, за нас взялась какая-то мощная система типа российского «чистилища», только рангом выше. Но кому это понадобилось, зачем, какие цели преследуются — неизвестно».

«Не пробовали советоваться с иерархами?»

«Вы же знаете, границы реальности перекрыты. Но я, конечно, связался кое с кем в «розе». Иерархи в неведении».

«Хранители?»

«По обыкновению хранят молчание».

«Что посоветуете делать, монсеньор?»

«Защищаться, дорогой Бабуу. Искать убийц. Анализиро-

вать причины нападений. Когда наберется достаточный объем информации, я соберу общий Сход. Будьте осторожны, координатор».

Ощущение присутствия рядом верховного контролера Союзов пропало. Бабуу-Сэнгэ посидел еще с минуту в позе лотоса на полу своей уютной кельи и вызвал тем же манером Рыкова. Маршал СС обладал колоссальными возможностями получения информации и мог уже иметь кое-какие сведения.

Астральная связь не срабатывает мгновенно, как включается свет при повороте выключателя. Прошло несколько секунд, прежде чем поисковая система астрала нашла «приемник» — мозг Германа Довлатовича. И в тот же момент Бабуу-Сэнгэ показалось, что Вселенная завибрировала и посмотрела на него сквозь призрачные стены астрала — оценивающе, пристально, тяжело, с угрозой.

Координатор Союза Девяти съежился, превращаясь «в элементарную частицу», вышел из канала связи и осознал себя сидящим в келье с залитым потом лицом. Так смотреть — из многомерия «розы реальностей» — могло только одно существо из всех живущих — Монарх Тьмы.

Но Бабуу-Сэнгэ ошибался, это был не Монарх!

Глава 5

ХАКЕР-РАЗВЕДКА

Нельзя сказать, что Василий не встречался с женщинами после ухода Ульяны с Матвеем Соболевым и Иваном Парамоновым, но тоска по ней не проходила, и рандеву с представительницами прекрасной половины человечества происходили редко, только когда бунтовала плоть. Однажды он познакомился с девушкой, похожей на Ульяну до перехвата дыхания, до умопомрачения, даже длиной и цветом волос. Несколько встреч жадно ждал совпадений, откровений, общности интересов, каких-то волшебных открытий и изменений милого лица, но с каждой встречей облик новой знакомой отдалялся от образа Ульяны, что больно ранило и раздражало Котова, так что в конце концов стало ему совсем плохо, будто он обманывал не только себя, но и Ульяну, и

девушку, весьма привлекательную во всех отношениях, кстати, и умную. Но встречаться с ней он больше не стал.

Вася нарисовал на стене портрет Ульяны, мысленным усилием заставил его светиться и жить. Сердце забилось неровно и тревожно, в комнате похолодало. Со вздохом он стер портрет, встал и принялся за ежеутренний тренинг, закончившийся метанием звезд и стрелок.

За десять лет тренировок он достиг в этом искусстве такого мастерства, что мог с закрытыми глазами попасть в любую малоразмерную и движущуюся цель, например, в муху. Кроме того, он разработал новый вид метания стрелок, дав ему название СИУ: «система смертельного иглоукалывания», по аналогии с космек — комбинаторикой смертельного касания, с которой его познакомил Соболев.

Стрелки длиной от трех сантиметров (иглы) до десяти метались, как обычные сюрикэны: вращение стрелки вокруг поперечной оси сводилось к минимуму, а рука в конечной фазе броска как бы тянулась к цели по прямой линии. Весь фокус был в сопровождении стрелки (иглы) выплеском «энергии смертельного желания» и в попадании в нервные узлы на теле человека. Василий мог попасть в цель: иглой — на расстоянии в три-семь метров, хорошо сбалансированной стрелкой — на расстоянии в семь-пятнадцать метров. И это был еще не предел.

Исколов манекен, выполненный в виде статуэтки в форме древнеяпонского бога зла Дзанкоку, Василий мельком заглянул в спальню Стаса (который тотчас же проснулся, хотя Вася не произвел ни малейшего шума) и побежал в ванную.

Пока он купался, Стас начал свой комплекс упражнений, длящийся обычно полтора часа. Поэтому Василий ждать его не стал, соорудил на скорую руку кофе под названием «мраморный» (теплое молоко в количестве трех ложек наливается на дно чашки, затем осторожно добавляется сваренный кофе, причем не перемешивается) и спустился во двор, к машине. В девять часов он был уже у Самандара в институте.

Кабинет Вахида Тожиевича напоминал вычислительный центр, музей боевых искусств с образцами почти всех видов холодного оружия и тренировочный зал одновременно — в миниатюре, конечно. Однако директор МИЦБИ мог здесь и тренироваться, и медитировать, и работать на компьютер-

ном комплексе («Конан-2010»), и принимать гостей, в том числе зарубежные делегации.

— Вы, как всегда, точны, Василий Никифорович, — встретил он Васю в приемной и проводил в кабинет. — Человечество, как правило, делится на два типа людей: на тех, кто приходит на час раньше, и на тех, кто на час опаздывает. Приходящих точно — единицы. Вы из их числа, приятное исключение, так сказать.

— Спасибо, — хмыкнул Вася. — А что это вы на «вы», дорогой Вахид Тожиевич? Мой статус за ночь изменился? Или произошло что?

Самандар растянул в улыбке узкие губы.

— Второе. Кофе хочешь? Я, конечно, не такой мастер, как ты, но кое-чему научился.

Кофе уже дымился в чашках на столике в углу кабинета. Вася взял чашку, отхлебнул, пробуя на вкус, кивнул.

— Ты хороший ученик, Учитель. Так что стряслось все-таки?

— Убит еще один кардинал Союза Девяти.

— Кто?!

— Отец Мефодий, в Ярославле.

— Кто его убил, когда, зачем?

— Информации ноль, только факт убийства. Ему всадили две пули в голову.

Вася помолчал, прихлебывая напиток и уже не чувствуя его вкуса.

— Что это может означать?

— Не знаю. Кто-то начал отстреливать кардиналов — это единственное, что известно. Может быть, сработал какой-то вариант Закона справедливости, может, это следствие того, что в «розу» ушел Соболев...

— А говорил, что не веришь в то, что он жив.

— Шанс, что наши друзья живы, наверное, есть. В одном я твердо уверен: виновник всего происходящего в нашей реальности — Соболев. Он инициировал эйнсоф — такая информация прошла по астралу, это совершенно точно. Что и породило лавинообразный процесс ослабления Закона возмездия.

— Ты забываешь, что, во-первых, он сделал это не ради любопытства, а ради спасения друзей, в том числе нас с тобой, а во-вторых, сумел предупредить многие намечавшиеся

беды. Он не виноват, что земной социум пошел вразнос. Как говорится: не всяк злодей, кто часом лих. За что ты не любишь Соболева?

Самандар допил кофе, оставаясь невозмутимым, сел за свой стол, включил компьютер.

— Я его не не люблю, я его боюсь. Итак, с чего начнем?

— С оценки и анализа последствий воздействия нашей ККК на реальность.

Вахид Тожиевич отнял руки от клавиатуры компьютера, внимательно всмотрелся в колючие глаза Василия.

— Что ты хочешь сказать?

— Тебе не кажется, что по большому счету мы, то есть наша команда контркрим, — тоже зло? Ну, или крайнее проявление дуализма. Ведь мы действуем теми же методами, что и наш противник.

Самандар в задумчивости склонил голову набок, разглядывая сумрачное лицо Котова.

— В сущности, ты, наверное, прав. Мы — часть зла, вынужденная сражаться с другим злом. Ну и что из этого следует?

— Наша война бесперспективна. Преступность будет существовать всегда, пока государство действует в рамках правовых норм и законов. Конкретно: нынешней власти выгодна рыковская СС, потому что государственная Сверхсистема хочет того же, что и она, — чтобы каждый человек стал киборгом, зомби, прогнозируемым и управляемым, поэтому мы вечно будем бороться с последствиями.

— Ну?

— Необходимо уничтожить причину.

— Свежая мысль. Когда пришла?

— Только что, — признался Василий.

— И как ты себе представляешь уничтожение причины?

— Надо выйти на Монарха и убедить его сделать новое и з м е н е н и е — в сторону усиления Закона справедливости. Ведь ему все равно, в какую сторону поворачивать колесо истории в нашей реальности, если он, как утверждал Соболев, чистый экспериментатор. А в этом направлении он еще не шел. Какая ему разница, куда направить эволюцию социума? В сторону усиления Принципа дьявола или в сторону подъема Закона возмездия.

Самандар вздернул бровь, продолжая изучать лицо напарника, медленно проговорил:

— Иногда ты меня удивляешь, Василий Никифорович.

— То же самое говорила и Уля, — буркнул Вася, и между мужчинами проплыла призрачная фигура девушки, забыть которую не могли оба.

Помолчали. Потом Самандар снова повернулся к экрану компьютера.

— Возможно, твоя идея — единственное средство для лечения нашей больной реальности. Только она трудно реализуема.

— У нас есть тхабс Соболева.

— Ну и что?

— Проберемся в «розу», найдем Монарха...

— Почему ты уверен, что Монарх нас послушается? И почему сам Соболев не сделал этого? — Вахид Тожиевич покосился на Василия. — Можно взглянуть на это дело и под другим углом: Соболев вышел на Монарха, именно поэтому и молчит.

— Хочешь сказать, он у него в плену?

— Я только размышляю. При отсутствии информации допустима любая гипотеза. Ну что, запускаем наш взрывоопасный «К-реестр»?

На экране компьютера появился список высокопоставленных лиц государства, так или иначе связанных с криминальным миром. Фамилий было больше четырехсот, но «К-реестр» не охватывал все регионы страны, а лишь центральный район с Москвой. Региональные «К-реестры» еще только готовились.

— Запускаем во все сети?

— Пока в силовые: ФСБ, МВД, президентская служба безопасности, ГРУ, Минобороны. Второй этап — публикация реестра в газетах и выход на телевидение.

— Если нас не остановят раньше.

— Будем надеяться, что не остановят, хотя ответный удар будет нанесен наверняка. Особенно если мы к реестру добавим заявление, что «чистилище» намерено заняться перечисленными в реестре фигурами, если органы охраны правопорядка не начнут действовать сами.

Василий кивнул.

— Сначала надо разворошить муравейник. И продолжать заниматься своими плановыми делами. Что у нас в портфеле на ближайшую неделю? Нет изменений?

Самандар вывел на экран план работы ККК, подготовленный аналитиками «чистилища», даже не подозревающими, что они на него работают. Заказы они выполняли «для Института стратегических исследований» по «четырехнулевой» сетке секретности.

Приоритетными в плане были три дела: ликвидация банды, занимавшейся похищением людей, превратившей гараж в камеру пыток, ликвидация еще одной банды, грабившей автобусы межгородских линий, и уничтожение сети подпольных оружейных мастерских в Москве, работающих на киллер-центры.

Банда, похищавшая людей с целью выкупа и пытавшая их в специально оборудованном гараже, дислоцировалась в Раменках. «Штатные» палачи банды Крючков, Кощеев, Писцов и Лернер давили жертвам пальцы в тисках, натягивали на горле проволоку и пропускали через нее слабый ток, втыкали в интимные места иглы и гвозди, снимали скальпы, подвешивали пытаемых на кронштейнах, детям натягивали на головы полиэтиленовые мешки на глазах у седеющих за минуту родителей или, наоборот, на глазах кричащих от ужаса детей ножами вырезали надписи на груди и спине отцов и матерей. Руководил бандой бывший сотрудник милиции Владжимирский по кличке Дыня, ставший заметной фигурой в криминально-бандитском бизнесе. Когда его уволили из органов за пьянство, Дыня сначала устроился в гранитную мастерскую на кладбище, а когда скопил немалую сумму денег, стал заниматься мелкой торговлей и по совместительству рэкетом торговцев, с которыми имел дело.

Его поймали, посадили на три года, а из тюрьмы он вышел озлобленным на весь мир, матерым бандитом. По данным разведки «чистилища», на его счету было сорок три разбойных нападения, похищение шестнадцати крупных бизнесменов и членов их семей, грабежи и одиннадцать убийств.

— Бандлик по этому мерзавцу надо начинать немедленно, — мрачно произнес Василий. — Лично поведу мейдер, руки чешутся.

— Вместе пойдем, — сказал Самандар.

Второе дело в плане ККК касалось деятельности другой бандгруппы, на счету которой было уже пятнадцать нападений на автобусы междугородных маршрутов. Выбирала эта банда только автобусы, выполнявшие шоп-туры в страны

дальнего и ближнего зарубежья — в Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, Польшу, Югославию. У бандитов были информаторы в центральных туристических агентствах, сообщавшие сроки выезда, маршруты и марки автобусов. После этого группа на машинах сопровождала автобус до тех пор, пока тот не останавливался по естественной нужде: «мальчики — налево, девочки — направо»; иногда в сговоре с бандитами были и водители, останавливающие автобус в укромном месте, подальше от людских глаз. Остальное было делом техники.

Из внезапно подъезжавших «Жигулей» (иномарок «радеющая» за отечественную технику банда не признавала) выскакивали крепкие парни в кожаных куртках, черных перчатках и с масками на лицах. Если надо было пострашать строптивых — стреляли в воздух, а то и по ногам. Иногда это заканчивалось трагически. В материалах на банду значились четыре убийства пассажиров, в том числе двух женщин, оказавших сопротивление.

— Этих возьмут без нас, — бросил Самандар. — Я подкину информацию о координатах главаря и членов группы Серпуховскому ОМОНу.

Вася согласно кивнул.

— Да, омоновцы справятся, если им прикажут. А вот тихие оружейные мастерские работают под двойным прикрытием, милиции они не по зубам.

— Выпустим на них... — Самандар недоговорил.

Экран компьютера вдруг мигнул, и на нем медленно проявился алый значок в форме китайского иероглифа цюань. Затем текст плана, с которым работал Вахид Тожиевич, исчез, а вместо него по экрану побежали строки: «Предупреждение. Сверхсистема защищена. Любое вторжение будет пресечено! Любое действие, нарушающее стабильность системы, расценивается как агрессия. Планы организации, именуемой ККК, или «чистилище», есть угроза равновесию Сверхсистемы и расцениваются как вмешательство в ее деятельность. Если ККК в ближайшее время не свернет свои планы, она будет уничтожена!»

Продержавшись полминуты на экране, текст послания исчез. За ним растаял и странный иероглиф — то ли позывной абонента сети Интернет, то ли пароль взломщика кодов, сумевшего пройти в память компьютера, минуя его защитную

системы. Самандар и Василий молча смотрели на пустой экран с ощущением, что над ними посмеялись.

— Значок... — сказал Василий.

— Да, — ответил Самандар. — След «черного файла».

— Кто это мог быть? Рыков?

— Его хост[1]. Информационная сеть Сверхсистемы действительно хорошо защищена, и как только мы пытаемся заглянуть в нее, срабатывает «печать отталкивания».

— А если сходить в хакер-разведку, уточнить?

— Почему бы и нет? Садись, соединим усилия.

Василий устроился на стуле рядом с директором МИЦБИ, сосредоточился, концентрируя пси-энергию для входа в компьютерную сеть, и перешел в состояние меоза — ментального озарения. Через несколько мгновений Самандар присоединился к нему и его пальцы замелькали над клавиатурой компьютера.

Им не впервой было взламывать защиту чужих сверхсекретных информационных сетей, защищенных головоломными паролями, кодами и баг-системами. Поэтому уже через несколько минут они выяснили координаты и имя того, кто послал им предупреждение. Это в самом деле был компьютер-навигатор системы, принадлежащей Рыкову, и установлен он был в здании банка на Сенной площади. Конечно, он почувствовал проникновение в сеть хакера, то есть Самандара, однако ничего предпринять не смог, не рассчитанный на такого рода атаку. Тот, кто его программировал, не счел нужным защищаться от хакера-Посвященного, человека Круга.

— Что предлагаешь делать? — поинтересовался Вася.

— Работать, как работали, — пожал плечами Самандар. — Я сменю все пароли и встрою в сеть капканы.

— Это не поможет, Рыков уже знает о нашем месторасположении. К тому же он магически сильнее нас с тобой.

— О нас он знает давно, просто мы наконец стали для него реально опасны, вот его информационная охранная база и отреагировала. Что он предпримет, когда мы сбросим «К-реестр»... — Вахид Тожиевич замолчал, снимая трубку зазвонившего телефона. Брови его полезли на лоб. Он глянул на

---

[1]Хост — компьютер-навигатор в сети, обслуживающий другие компьютеры этой сети.

Василия и взглядом указал на трубку параллельного аппарата. Вася поднял трубку, изумленно округлил губы. Звонил Рыков:

— Вахид Тожиевич, доброе утро. Что это вы сражаетесь с ветряными мельницами?

— Не понял, — бесстрастно проговорил Самандар. — Я не Дон Кихот, чтобы тратить силы впустую.

— Зачем вы убили отца Мефодия?

Василий и Самандар переглянулись.

— Я не убивал отца Мефодия.

— Не вы лично — «чистилище».

— К этой акции моя команда не имеет никакого отношения.

— Вот как? Забавно. Вы уже знаете, что в Новосибирске убит Блохинцев?

— Слышал.

— Если это не ваш бандлик, то чьих рук дело, как вы считаете?

— Никак не считаю.

— Понятно. Что ж, благодарю за помощь. — В голосе кардинала Союза Девяти прозвучал сарказм. — Если выяснится, что гибель Посвященных все-таки работа «чистилища», вы обречены.

— Пень топорища не боится, — не выдержал Василий.

— А, так вас таки двое, то-то я чую еще чье-то присутствие. Вы все слышали, Василий Никифорович? Прекрасно. Кстати, примите совет моего навигатора: не влезайте в разборки с СС. До этого момента ваша ККК была мне полезна, ибо играла роль регулятора общественного сознания. Не более того. Роль же регулятора социума, а тем более законов реальности ей не по плечу. Свой «К-реестр» вы, конечно, можете сбросить куда-нибудь, хотя бы в сеть аппарата федералов, контролируемого Мурашовым, но вряд ли Виктор Викторович даст ему ход. Так что ваша самодеятельность никак не отразится на жизни государства... пока это мне невыгодно. Улавливаете? Если же попытаетесь нанести мне реальный вред, я вас уничтожу.

Голос в трубке пропал, злобно взвизгнул сигнал отсечки чужого кодирования. Но ощущение мрачного угрожающего взгляда, исходящего от телефона, прошло не сразу. Приятели молча смотрели друг на друга.

— Значит, мы работали под его контролем? — сказал наконец Василий. — Так его следует понимать?

— Выходит, так. Возможности Германа велики, особенно если он и в самом деле опирается на Монарха.

— Если бы он контактировал с Монархом, то не стал бы спрашивать, кто убил отца Мефодия и Блохинцева. У меня сложилось впечатление, что он чего-то испугался.

— Вряд ли, — не согласился Самандар. — Он просто продемонстрировал свои возможности, лишний раз подчеркнув, что знает о нас все.

— Нет, он испугался, — упрямо отрезал Василий. — Я чувствую. И мне очень захотелось напугать его еще больше. Запускай «К-реестр» во все сети, а не только в сеть президентского аппарата. Посмотрим, что получится. И надо на всякий случай подготовить для нашего центра управления запасной бункер. Когда пойдем в МИР? Мы со Стасом готовы.

— Как только проведем плановые бандлики. И все-таки непонятно, зачем звонил Рыков. Если уж он не знает, кто убил его сподвижников из Союза... может быть, ты прав и он действительно напуган. Хотя неизвестно, кто мог его напугать. Уходишь?

— У меня две важные встречи и одна личная проблема. К вечеру освобожусь. Начало первого бандлика в одиннадцать?

— Как обычно.

Вася кивнул и вышел из кабинета Самандара, кинув короткий взгляд на коллекцию мечей. В последнее время он увлекся кэндо[1] и увлек Стаса, так что не проходило ни одного дня, чтобы они не фехтовали или не отрабатывали приемы иайдо — искусства мгновенного выхватывания меча с последующим мгновенным же ударом, но таких мечей, какие имел Вахид Тожиевич в своей коллекции, у них не было.

Садясь в машину, Василий заметил взгляд какого-то молодого человека в серой рубашке, стоявшего возле «девятки» цвета «мокрый асфальт», но не придал ему значения, хотя потом, анализируя свои действия, понял, что взгляд этот не был случайным.

---

[1] К э н д о — искусство фехтования на мечах.

Глава 6

СОН — ЯВЬ

Пейзаж был необычным: море подсвеченного снизу голубоватого тумана, над ним два десятка круглых, светящихся, рубиновых, словно сделанных из стекла, столбов с плоскими вершинами диаметром по сто-двести метров и черное небо с незнакомым рисунком созвездий.

Стас стоял на вершине одного из столбов, возвышающихся над туманом всего метров на пять, и смотрел на девушку в светящихся белых одеждах, напоминающих птичье оперение. Девушка была безумно красивой, напоминала Кристину, ушедшую вместе с Матвеем Соболевым, излучала тепло и приветливость. Временами за ее спиной что-то взблескивало, и тогда Стасу казалось, что это огромные стрекозиные крылья.

Он сделал шаг к девушке и внезапно обнаружил, что идет босиком. Остановился, оглядывая свой наряд: короткие штаны из толстой грубой кожи, сморщенной, как слоновья шкура; безрукавка из шкуры зверя, похожего на тигра, с дюжиной выпуклых овальных пластин на груди, напоминавших надкрылки гигантских бронзовых жуков; на запястьях широкие браслеты с шипами, из-под которых торчат метательные ножи; за спиной меч в специальных ножнах. Стас перевел взгляд на девушку и увидел, что она улыбается.

— Где я? — спросил он негромко.

— Нигде, — ответила незнакомка грудным контральто с бархатными интонациями, — это всего лишь сон. Но тебе вскоре придется встать на Путь Воина Справедливости, и начнешь ты, возможно, с этого мира.

— Где он располагается?

— Это один из «лепестков» «розы реальностей», тюрьма для героев. Многие Воины прошли через него, прежде чем стать мастерами боя и защитниками Закона. А расположен он на одной из планет вашей Галактики.

— Как это может быть? — удивился Стас, приближаясь к незнакомке.

— Каждый мир-слой «розы» с одной стороны — континуум со своими законами, с другой — абсолютно материальное тело, которое люди назвали планетой. Достичь его можно либо с помощью тхабса, как это сделал Соболев, твой стар-

ший друг, либо посредством преодоления потенциального барьера, которым служит вакуум, физическое пространство.

— Постой, — потер лоб Стас, силясь вникнуть в смысл слов незнакомки. — Ты хочешь сказать, что... Не может быть! Выходит, что планеты Солнечной системы — суть слои «розы реальностей»?! Луна, Марс, Венера... Ты шутишь?

Девушка покачала головой, продолжая улыбаться. Но улыбка ее не была ни снисходительной, ни насмешливой, просто милой и мудрой.

— Ты быстро воспринимаешь новую информацию. Да, планеты Солнечной системы, а также планеты, вращающиеся вокруг других звезд Галактики, являются «лепестками»-мирами «розы реальностей», свернутыми в физические тела благодаря законам вашей «запрещенной реальности». Совершенно не обязательно создавать ракеты и звездолеты, чтобы посещать их. Достаточно знать...

— Тхабс! — У Стаса перехватило дыхание, как ни старался он сдержать свои чувства. — Господи Боже мой! Неужели это правда?! Извини...

— Я понимаю, в это трудно поверить, но это действительно так. Каждый мир «розы» является одновременно и многомерным объектом, и трехмерным физическим телом земной реальности.

— Я никогда не смотрел на нашу реальность под таким углом и не встречал сведений в литературе. По-моему, даже не все Посвященные знают истинное положение вещей.

— Ты прав, лишь Хранители да некоторые Посвященные II ступени имеют доступ к этой информации.

— Почему же я, непосвященный, удостоился этой чести?

— На тебя пал выбор главы иерархов. Чтобы спасти Материнскую реальность, тебе предстоит пройти Путь...

— Воина Справедливости? Пройду, если требуется. Но что такое «Материнская реальность»? Слышал из уст моего дяди много раз, но так и не понял, что это такое.

— Узнаешь в свое время.

Девушка стала таять, струиться, исчезать.

— Постой!

Незнакомка прекратила превращаться в привидение, тело ее вновь приобрело плотность. Огромные глаза, кроткие и в то же время полные внутренней силы, глянули на молодого человека с некоторым удивлением.

— Ты можешь контролировать трансовый сон! Я в тебе не ошиблась.

— Ответь на несколько вопросов... пожалуйста. Древние Инсекты знали секреты тхабса или путешествовали в космосе на кораблях?

— И то и другое. Сначала они создали машины для преодоления пространства, потом сложные технические устройства, реализующие формулу тхабса.

— Понятно. А почему наша реальность называется «запрещенной»?

— Потому что большинство фундаментальных законов вашей Вселенной имеет форму запретов.

— По Библии, рай — место, где тоже действуют в основном одни запреты, в отличие от ада. Что же, Земля в таком случае — рай?

Незнакомка улыбнулась, покачала головой, снова начала бледнеть, таять, превратилась в тень.

— Последний вопрос, — заторопился Стас. — Кто Ты? Где Тебя искать?

— Мы скоро встретимся... на Земле... — долетел ее голос из пустоты.

— Почему Ты очень похожа на... одну девушку, знакомую моего друга, на Светлену?

— Я ее младшая сестра...

— Как Тебя зовут?!

Над поверхностью рубиново светящегося столба вспыхнула звездочка, незнакомка исчезла. Звездочка поднялась выше, описала дугу и нырнула в море тумана. Твердь под ногами Стаса заколебалась, пошла трещинами, он рухнул в одну из них и... проснулся от ощущения падения. Образ незнакомки почему-то уже подернулся дымкой искажений, стирающей память сна, но Стас знал, что забыть ее он не сможет. К тому же его заинтриговали слова, что они вскоре встретятся наяву.

Впрочем, обычным этот сон не был, он явно был трансовым, то есть психически наведенным состоянием, а это, в свою очередь, означало, что глава иерархов (кстати, почему не инфарх? Почему она не назвала его — фактического главу иерархов во времена Соболева?) действительно обратил на него внимание и нашел способ индивидуального информационного воздействия.

Стас полежал немного в постели, размышляя, стоит ли рассказывать сон дяде, потом решил все-таки проконсультироваться и заглянул к нему в спальню. Однако, несмотря на ранний час — без четверти шесть, Василия уже не было дома. Ушел, не оставив записки. А ведь он спал не больше трех часов, потому что вернулся из рейда (бандлика — по терминологии «чистильщиков») в половине третьего ночи. Стаса в свои дела Василий, естественно, не посвящал, но тот не зря общался с его компьютером и знал кое-какие секретные детали деятельности «чистилища», не говоря уже «об утечках информации» во время нередких встреч дяди с директором МИЦБИ Самандаром. Стас был уверен, что рано или поздно дядя все ему расскажет, а пока терпеливо делал вид, что ни о чем не догадывается.

Прополоскав рот, Стас начал цикл утренней разминки и тренировки.

Десять минут — медитация. Потом получасовая пробежка трусцой по пересеченной местности вокруг Казанского вокзала. Комплекс из пяти упражнений: двадцать раз поднять штангу весом шестьдесят килограммов; отжаться на пальцах рук тридцать раз; отжаться в стойке на руках тридцать раз; подтянуться на перекладине двадцать раз; нанести двадцать ударов кулаками слева и справа в макивару (макиварой служил деревянный столб, обшитый кожей). После каждого упражнения — дыхательная гимнастика. Сразу же после окончания комплекса начинался другой — тренировка суплеса, выполнение своеобразного гимнастического ката, поддерживающего гибкость сухожилий и мышц. После этого Стас бежал в душ. Утренний тренинг, длившийся около полутора часов, на этом заканчивался.

Следующая тренировка начиналась после возвращения Стаса из института, обычно — в три часа дня. Он двадцать раз поднимал штангу, постепенно наращивая вес от шестидесяти до восьмидесяти килограммов, делал тысячу отжиманий: двести на двух пальцах, двести на трех, четыреста на пяти пальцах и снова двести на двух. Иногда менял установку и отжимался тысячу раз на кулаках. Затем отрабатывал приемы на макиваре, лазил по канату, качал брюшной пресс, разгибаясь и поднимаясь двести раз. Собственно тренировочный комплекс, «спецуху» — приемы русбоя, тайдзюцу и айкидо Стас проводил уже вечером, в зале «Динамо» или в

залах МИЦБИ под руководством Самандара или Василия. Но фехтованием на мечах Стас занимался только с дядей и только вдали от людских глаз. Изредка к ним присоединялся Вахид Тожиевич, имеющий великолепную коллекцию холодного оружия, еще реже — мастер кэндо, знакомый Василия, когда-то приехавший из Японии, да так и оставшийся в России. Звали мастера Тоява Такэда, и мечом-катаной он владел как Бог.

Однако фехтовали Стас и Василий не только японскими мечами — дайто (катаной) и сёто (вакидзаси), но и западноевропейскими — французскими хиршфангерами и германскими скрамасаксами, непальскими, филиппинскими кастане, монгольскими илдами, персидскими акинаками, а также тренировались с саблями, рапирами, шпагами и кинжалами. Всего этого добра в коллекции директора МИЦБИ хватало, поэтому и занимались холодным оружием все трое чаще в его кабинете, похожем на тренировочный зал.

Больше всего Стас любил работать с русским мечом, особенно двуручным, японской катаной и нин-то — мечом древних японских шпионов, лазутчиков и диверсантов. Один из таких клинков со скошенным острием и волнистой линией закалки вдоль лезвия подарил ему Такэда. Он же подарил и сайя — ножны для меча, имеющие снимающийся металлический наконечник, который по сути представлял собой кинжал.

Проделав утренний комплекс упражнений, Стас позавтракал, натянул джинсы, рубашку цвета маренго, привычно осмотрелся вокруг в состоянии меоза на предмет поиска предполагаемой опасности, что уже давно стало рефлексом, и сел за руль машины: дядя оставил ему сегодня старенький «Фиат-Брава», выглядевший тем не менее куда симпатичней, чем отечественные «Жигули» любых моделей.

Освободился он в два часа дня, сдав лабораторную работу по технологии сборки микрочипов. Решил было пойти домой, но тут подошел однокурсник Виктор. Этот занятный парень, увлекшийся в последнее время пирсингом, в левом ухе носил две сережки, в правом — три и еще по слухам собирался вдеть серьгу в крыло носа. К переживаниям родителей он относился равнодушно, издевки друзей переносил стоически, будучи членом студенческой «партии пофигистов», но при всем том дураком не был и красоту, особенно женскую, ценить умел.

— Слушай, Кот, — сказал он, трогая по привычке мочку уха с тремя бронзовыми сережками. — Тут такое дело... Не хочешь сходить в «Звезду»? Там сегодня будет выступать клевая танцгруппа «Студия-Б»...

— Ну и что?

— Понимаешь, девочка там одна танцует, увидишь — обалдеешь. Я хочу с ней познакомиться, а одному идти не с руки, больно уж крутые там ребята в клубе. Ты же у нас каратист...

— Барс.

— Один фиг. В случае чего поможешь.

— Мне будут морду бить, а ты будешь знакомиться, — хмыкнул Стас. — Узнаю друга Витю. Возьми с собой Санчо и еще пару ребят.

— Санчо философ, а не боец, к тому же ему по фигу переживания друга. Да и денег у него никогда нет. Ну, идешь?

Стас хотел ответить отказом, но вместо этого подумал и согласился. Ему стало вдруг интересно, что за девчонка смогла увлечь Виктора до такой степени, что он решил с ней познакомиться, не обращая внимания на очевидные потенциальные неприятности.

Ночной диско-клуб «Звезда» мало чем отличался от заведений подобного типа, в том числе и кухней. Располагался он на пересечении Ленинградского проспекта и улицы Правды, виден издалека — современным фасадом и вывеской со множеством сияющих звезд. Попасть в него способен каждый, кто может позволить себе заплатить за вход двести тысяч рублей. Откуда такие деньги водились у Виктора, Стас не знал. Но пришел Витек не в джинсах, как обычно, а в строгом темном костюме, чем приятно удивил приятеля, который тоже прибыл в костюме, разве что в светлом, в белой рубашке и без галстука.

Они прошли в клуб, минут десять обходили его залы, игорные столы, бары, потом в главном зале нашли столик неподалеку от эстрады и заказали соки, мороженое и кофе. До начала шоу-программы оставалось еще около часа, но Виктор не хотел рисковать и занял столик пораньше, положив букет цветов себе на колени.

Зал постепенно заполнялся компаниями молодых людей, в основном «новыми русскими» с кучей телохранителей и девиц. Наблюдать за их поведением было интересно: каждый

старался выглядеть покруче и выделяться из тусовки. Стаса так увлек процесс оценки посетителей клуба, что он прозевал момент «наезда» на их столик.

— Вы, двое, — возник у столика широкий, борцовского вида молодой человек в коричневом костюме, буквально готовом лопнуть от накачанных мышц; во рту у него блеснули золотые зубы. — Здесь столик занят, пересядьте в угол.

— Но мы заняли раньше, — растерялся Виктор.

— Ты что, глухой? — удивился золотозубый крепыш. — Тут будет сидеть Боря Маткин, понял? Живо пересаживайтесь!

Стас слыхом не слыхивал, кто такой Боря Маткин и чем он авторитетен, однако связываться ни с кем не хотел и миролюбиво сказал:

— Хорошо, мы пересядем, только в углу все столики заняты. Найдете место, обменяемся.

Повернувшийся, чтобы отойти, слуга некоего Маткина уставился на Стаса удивленным, ничего хорошего не обещающим взглядом.

— У тебя тоже плохо со слухом, козел? Чтоб через полминуты духу вашего здесь не было!

— Со слухом у меня хорошо, — поскучнел Стас. — А на козла ты похож больше. Этот столик занят для Котова, понял?

— Кто такой? — пробормотал тупо соображающий крепыш. — Я его не знаю.

— Лучше тебе его и не знать.

Клеврет Бори Маткина постоял рядом, с трудом анализируя ситуацию, и отошел. Вскоре он появился через столик в компании трех таких же здоровяков, которых нельзя было отличить друг от друга, согнал трех девиц и стал в упор разглядывать Стаса и Виктора. Он ждал «их хозяина, Котова».

— Ну, ты даешь, Кот! — буркнул Виктор, хотел что-то добавить, но в это время началась программа клуба, и разговаривать стало недосуг.

Танцгруппа «Студия-Б» вышла на сцену после того, как субтильная, обтянутая в золотистую марлю, Лада Мусс спела две неслышные — из-за отсутствия вокальных данных — песни. В группе было два парня и три девушки, одна из которых солировала, и Стас, приглядевшись к ней, во-первых, понял, почему на нее «положил глаз» даже такой дубовокожий свободолюбец, как Виктор, а во-вторых, вдруг с изумле-

нием узнал в ней незнакомку из сна! С этой минуты девушка всецело завладела его вниманием.

Она танцевала вдохновенно, умея это делать как никто другой из группы. Она была грациозна и гибка. Она была женственна и красива. И зал притих, оценив ее достоинства не хуже, чем оценил Стас. Разве что чувства посетителей клуба не совсем совпадали с его чувствами: у большинства проснулось чувство собственности (такая лялька — и не моя?!), у Стаса — эстетического восторга.

Танец закончился. Мощные ребята с подбритыми затылками стали подходить к овалу эстрады и бросать букеты цветов к ногам танцоров. Встал было и Виктор, но передумал.

— Сейчас она меня не запомнит, лучше после окончания программы. Ну, как она тебе?

— Улей и сад! — ответил Стас словами Грина, прислушиваясь к себе: инстинкты подсказывали, что над головой сгущаются тучи. — Как ее зовут?

— Марго. Мария, Маша то есть. Но на сцене она Марго Юрьева. Как ты думаешь, когда лучше подарить цветы, чтобы познакомиться наверняка?

Ответить Стас не успел. К столику подошел золотозубый амбал из компании неведомого Бори Маткина. Видимо, был он упорен и злопамятен.

— Ну, и где этот ваш Котов? — осведомился он, поигрывая бокалом с янтарной жидкостью.

— Слушай, отцепись! — взмолился Виктор, которому здоровяк перекрыл обзор. — После представления поговорим.

— Я спрашиваю, где ваш босс? — упрямо гнул свое амбал.

— Я босс, — кротко сказал Стас, глядя на парня снизу вверх. — Я и есть Котов. Не слышал? Отодвинься немного, моему напарнику ничего не видно из-за твоей туши.

— Чего?! — вытаращил глаза амбал. — Да ты знаешь, с кем имеешь де...

Стас ткнул ему пальцем в точку гэкон под нижней губой, подхватил выпавший из руки бокал, поставил на стол. Поднялся, взял парня под руку и повел его, ничего не соображающего, к столику, где сидели такие же квадратные приятели. Усадил на стул. Трое молча смотрели на него, потягивая какое-то золотистое вино.

— Что с ним? — осведомился один из них, с маленькими

глазками неопределенного цвета и жестким ртом; видимо, это и был Борис Маткин.

— Голова, наверное, закружилась от вина, — вежливо ответил Стас, покрываясь вдруг потом. Сработала сторожевая система организма, реагируя на какую-то скрытую опасность. Стас оглянулся, встретил чей-то акцентированный взгляд, но, кому он принадлежит, оценить не успел. Взгляд п о г а с.

— Спасибо, Кот, — проговорил Виктор, когда Стас вернулся на место. — Ловко ты его. Но она... видел бы ты, что она выделывает!

Стас хотел сказать, что пора уносить отсюда ноги, однако посмотрел на восхищенное лицо приятеля и с внутренним вздохом решил остаться до конца представления, хотя уже понимал, что спокойно уйти не удастся.

Танцевальное шоу закончилось в начале первого ночи.

Четверка неизвестного Бори Маткина куда-то улетучилась еще в середине программы, и Стас почувствовал некоторое облегчение, тем не менее помня чей-то пристальный прицеливающийся взгляд из зала. Вполне могло быть, что на выходе из клуба их ждали неприятности вроде разборок с компанией Маткина. После стрельбы по машине Стаса из автомата дядя Вася посоветовал ждать развития событий, и взгляд из зала мог быть предупреждением.

Улучив момент, когда поток подбритых затылков и висков к эстраде иссяк, Виктор все-таки вручил свои цветы танцовщице по имени Марго и пригласил ее за свой столик. Каково же было его изумление, когда девушка согласилась.

— Вот! — только и пробормотал он, подводя ее под руку к столику, где сидел Стас. — Знакомьтесь, Стас Котов. А меня зовут Витек... э-э... Виктор Малинин.

— Мария, — подала руку девушка, одетая в слаксы, имитирующие шкуру тигра, такую же короткую маечку, открывающую живот, и берет.

Стас вскочил, их руки и глаза встретились. Обоим показалось, что их пронзил тихий электрический разряд.

— Что будете пить? — галантно обратился к девушке Виктор.

Мария и Стас продолжали стоять, глядя друг на друга.

— Присаживайтесь, — подвинул ей стул Виктор, удивленно посмотрев на приятеля.

Стас опомнился, подождал, пока Мария сядет, сел сам,

чувствуя странную эйфорическую легкость в теле. Его все время тянуло смотреть девушке в глаза, но он пересилил себя и заставил сердце биться ровнее.

— Маш, ты едешь? — подошли к столику довольные выступлением напарницы Марии, привыкшие отвечать шутками на любые попытки завязать знакомство со стороны посетителей клуба.

— Не волнуйтесь, девочки, мы ее доставим домой в целости и сохранности, — браво заявил Виктор.

Подошли и мужчины-танцовщики, один из которых был, очевидно, руководителем группы. Смуглый, с тонкой ниткой усов и узкой бородкой, он неприветливо посмотрел на приятелей, посмевших пригласить за стол его солистку, наклонился к Марии.

— Отец будет недоволен, Мари. Может быть, не стоит вести себя так вызывающе?

— Обойдусь без советов, — отрезала Мария тихо, но так, что Стас услышал каждое ее слово. — И мне не четырнадцать лет, я вполне могу позаботиться о себе сама.

— Как знаешь. — Смуглолицый танцор кивнул остальным, и они ушли.

Мария виновато посмотрела на Стаса, улыбнулась устало.

— Ждан хороший руководитель и отличный танцовщик, но иногда становится слишком навязчивым. Хотя он прав, конечно, папа будет волноваться. Я посижу с вами всего полчасика, хорошо?

— У Стаса машина, мы отвезем вас к родителям, когда скажете, — сказал Виктор, не скрывая радости, видя, как на девушку засматриваются молодые люди из-за соседних столиков. — А кто ваш строгий папа? Военный?

— Нет, советник президента.

— Ого! Поздравляю! Мне бы такого папашу. Что будете пить?

— Только сок и потом кофе, если можно.

Виктор подозвал официанта и заказал соки и кофе.

Мария сняла берет, ее длинные волосы цвета платины рассыпались по плечам, отчего лицо совершенно преобразилось. Стас налил ей черносмородинового соку, не обращая внимания на обиженные взгляды приятеля, хотел было задать вопрос, но Виктор поспешил перехватить инициативу:

— Давно танцуете, Марго?

— С детства, — повела плечиком девушка; на Виктора она не смотрела совсем, будто его не было, хотя и отвечала на его вопросы, и взгляды ее и Стаса то и дело сталкивались, высекая искры необычного волнения и ожидания. Чувства Стаса обострились настолько, что он буквально предугадывал каждое ее движение.

— Я в детстве тоже танцевал, — начал обычный свой треп Виктор, — но потом увлекся велосипедом, спортом...

Он говорил увлеченно, шутил, рассказывал анекдоты, Мария отвечала на его вопросы односложно, нехотя, однако Виктор этого не замечал и продолжал в том же духе, а Стас слушал его, не слыша, поглядывал на Марию, встречая ответные ее взгляды, полные загадочной заинтересованности, и на ум ему неожиданно пришли слова Андре Моруа: «В любви и литературе нас притягивает то, что выбирают другие». Эту девушку первым заметил Виктор, но она была не его круга и не принадлежала компании танцоров, хотя и танцевала вместе с ними. Стас это в и д е л. Виктор мог обижаться сколько угодно, он был обречен на поражение. Хотя какие претензии он мог предъявить приятелю-студенту? Мария не была его невестой, а знакомились они вместе...

Стас снова поймал взгляд девушки, и ему показалось, что она догадывается о его переживаниях.

— Вы учитесь? — с ноткой утверждения спросила она.

— Физтех, четвертый курс, — поспешил ответить Виктор. — Сдаем сессию.

— А живете где?

— Я на Нагатинской набережной, а он возле Казанского вокзала. А вы?

— Я на Старом Арбате, за рестораном «Прага».

— Хороший ресторанчик, я там был недавно.

К столику подошел высокий мускулистый красивый брюнет в рубашке с короткими рукавами, подчеркивающими его впечатляющие бицепсы, и пригласил Марию на танец.

— Вообще-то я устала, — проговорила она извиняющимся тоном, — простите.

— Между прочим, надо спрашивать разрешения не у дамы, а у кавалеров, — бросил расхрабрившийся Виктор.

Накачанный молодой человек хмыкнул, оглядывая сначала Виктора, потом Стаса, проронил с издевкой:

— Понятно. Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Может быть, поговорим на эту тему?

Стас, не вставая с места, дотронулся до локтя парня, сказал тихо, без выражения:

— Не надо. Она не танцует.

Молодой человек, которого внезапно слегка повело, с удивлением посмотрел на свои ноги и послушно отошел.

— Молодец, Кот, умеешь уговаривать, — осклабился Виктор. — Я не злой, но мог бы врезать ему от души.

— А вы — злой или добрый? — посмотрела Мария на Стаса с улыбкой.

— Не знаю, — подумав, честно ответил Стас. — Все зависит от обстоятельств и от оценки: что есть добро, что есть зло.

— У вас есть ответ на этот вопрос? Что такое добро и зло?

— Я знаю отношение к этой проблеме моего учителя. Он всегда говорил: то, что делается с любовью в сердце, — наверное добро. Все, что делается с ожесточением, — наверное зло. Но абсолютных критериев оценки добра и зла не существует. Таков человек.

— Последняя формула тоже принадлежит учителю?

— Нет, мне, — скромно ответил Стас.

Мария засмеялась — словно колокольчик зазвенел.

— Как-нибудь мы поговорим о философских аспектах этой темы, я люблю такие беседы и много читала. А сейчас мне пора домой, папа (она сделала ударение на последнем слоге) действительно будет сердиться.

Виктор предупредительно вскочил, подавая руку Марии, но она оперлась о руку Стаса и пошла вперед, легко и изящно. Надувший губы Виктор незаметно показал Стасу кулак, тот ответил беглой улыбкой и догнал девушку у выхода из зала, концентрируя внимание на передвижении всех, кто попадал в поле зрения. Инстинкты еще раньше подсказывали, что на улице их ждут неприятности.

Интуиция не подвела. Их ждали. Но Стас уже был взведен и готов к любому повороту событий, поэтому отреагировал на угрозу мгновенно, как учил дядя Василий.

Их перехватили у машины Стаса, стоявшей в двадцати шагах от входа в клуб, на противоположной стороне улицы: четверка знакомых амбалов «команды Бори Маткина». Двое вышли к дверце «Фиата» с носа, двое догнали девушку и сопровождавших ее приятелей сзади.

— Эй, — окликнул один из них; в свете фонарей блеснули его золотые зубы, — погоди, как там тебя... Котов.

Стас ответил, не раздумывая.

Он мог бы подождать, попробовать убедить ребят не трогать их, не выяснять отношений, а потом в случае неудачных переговоров затеять картинную потасовку с применением эффектных ударов и приемов, как в кино, от которых неприятель долго летал бы по воздуху, кричал от боли и падал. Он мог убить каждого приемами космек, особенно если увидел бы оружие. Вместо этого Стас перешел на т е м п, усыпил сначала ту двойку, что зашла с тыла, а затем тех, кто ждал у дверцы, — самого Маткина с его жестким ртом-щелью (так и осталось загадкой, чем он был известен) и его телохранителя.

Все четверо тихо легли на асфальт и не встали.

Виктор, округлив глаза, а Мария, оценивающе и задумчиво, смотрели то на уснувших парней, то на Стаса и молчали. Он открыл дверцы «Фиата», сделал приглашающий жест:

— Прошу, дамы и господа.

— Ну, ты прямо спецназовец, Кот! — очнулся Виктор, засуетился, пытаясь помочь ни слова не сказавшей Марии сесть в машину, и в этот момент Стас почувствовал вдруг такую острую тоску, что захолонуло сердце. Это было так называемое чувство с а к к и — «ветра смерти».

Инстинкты Стаса сработали раньше, чем сознание оценило опасность, бросили тело на землю.

Со звоном разлетелись оба боковых стекла «Фиата». Пуля прошила машину насквозь. Если бы Стас не упал, она пробила бы ему сердце. Вторая пуля (калибр девять миллиметров, бесшумный отечественный пистолет-пулемет «кипарис») вонзилась чуть ниже, третья еще ниже, как бы повторяя траекторию падения Стаса, впилась в асфальт. Но самого Стаса там уже не было. Повинуясь рефлексам, он снова включил т е м п, змеиным движением ушел за капот, затем за машину, но не стал прятаться за ней, мгновенно сообразив, что пули стрелка изрешетят ее и непременно попадут в пассажиров, а вдруг рванул зигзагом через дорогу, вычислив стрелка: тот сидел в серой «девятке» с опущенными стеклами.

Стрелок не успел отреагировать на его нестандартный рывок, да и бежал Стас слишком быстро, «качая маятник», чтобы в него нельзя было попасть из окна автомобиля. Однако стрелявший был не один. Когда Стас добежал до «девят-

ки» и выбросил вперед руку, выбивая оружие и ломая пальцы киллеру, у ноги его мелькнули две длинных белых искры: по нему открыли огонь с противоположной стороны улицы!

Едва ли бы он смог управиться еще и с этим противником, если бы не пришла неожиданная помощь.

Стас еще только выкручивал спираль поворота, чтобы уйти от очередной пули, как рядом вдруг с визгом шин остановился черный «Хаммер» с затемненными стеклами и ответил двумя очередями с левого борта по машине со стрелявшими. Дальнейшее действо длилось несколько секунд.

Та «девятка», которую достал Стас, рванула с улицы Правды на Ленинградский проспект. Напарники на «Вольво», едва не заставшие его врасплох, не ввязываясь в перестрелку, бросили свою машину в противоположную сторону. Из джипа, прикрывшего Стаса, сноровисто выскочили трое спортивного вида мужчин в хороших костюмах, с «бизонами» и «волками» в руках, застыли, бдительно наведя оружие на редких остолбеневших прохожих и на выходящих из дверей клуба гостей. Затем из «Хаммера» вышел еще один джентльмен средних лет: отличный светлый костюм, уверенные движения, породистое лицо с квадратным подбородком, прическа ежиком, очень светлые глаза, — подошел к простреленному «Фиату» Стаса и помог выйти из него Марии.

Стас подошел к ней, не обращая внимания на сопровождение автоматных и пистолетных дул, заглянул в глаза девушки и увидел в них страх. Но это был страх з а н е г о. Тогда он перевел взгляд на мужчину с короткой стрижкой.

— Спасибо за помощь. Если бы не вы...

— Это Сильвестр, работает с папой, — представила мужчину Мария. — Он...

— Я уже догадался, — кивнул Стас, — безопасность.

Сильвестр окинул его ничего не выражающим взглядом.

— Я бы посоветовал вам, молодой человек, не заводить себе врагов с огнестрельным оружием. В следующий раз они могут стрелять удачливей. Поехали, Мари.

— С каких это пор вы стали следить за мной?

— Отец нервничает... в машине поговорим. — Сильвестр повел Марию к джипу. Та оглянулась, подарила Стасу извиняющуюся улыбку.

— Вы мне позвоните, мистер Котов? — Она продиктовала номер телефона.

— Непременно, — сказал Стас искренне и вдруг по наитию спросил: — Мари... э-э... Марго, вы случайно не знаете имени сестры Светлены?

— Случайно знаю, — прищурилась девушка, не удивляясь, — ее зовут Светлада.

Она села в джип, тройка телохранителей отца Марии во главе с профессионально державшим себя Сильвестром сноровисто уместилась в кабине, хлопнули дверцы «Хаммера», и он уехал.

На улице, заполнявшейся выбегающими из клуба и близлежащих домов людьми, остались лежать незадачливые компаньоны Бори Маткина, все еще не пришедшие в себя, застыл готовый ко всему Стас и сжался в кабине «Фиата» так и не успевший ничего сообразить Виктор. Затем Стас опомнился, быстро сел в машину и погнал ее прочь от разбуженного выстрелами квартала.

Глава 7

КОЕ-КТО НЕ ЗРЯ БОЯЛСЯ

Герман Довлатович Рыков имел в Москве около полусотни кабинетов и квартир «скрытого пользования», но работать любил в трех: в здании банка «Северо-Запад» на Сенной площади, в «доме Советов» на территории Кремля и в специально оборудованном всеми видами связи и компьютерным терминалом коттедже у Патриарших прудов. Нынешнее утро он встретил именно в коттедже, имевшем кроме рабочего кабинета три спальни, гостиную, кухню, бильярдную, каминный зал и оружейную палату.

Охранялся коттедж скрытно, так что со стороны ни одного охранника видно не было. Кроме парадного и служебного входов-выходов, имелся еще и подземный, о котором знал только сам хозяин. В личной охране Герман Довлатович практически не нуждался, Посвященный Внутреннего Круга его уровня мог гипнотически управлять сознанием любого человека и предотвратить любое нападение, однако после гибели Блохинцева и отца Мефодия Рыков стал выходить в свет только в сопровождении пятерки личного манипула. Смерть кардиналов напугала его крепко, потому что он видел в этом нечто большее, чем сведение счетов или случайные совпаде-

ния. Далеко не каждый киллер мог уничтожить Посвященного Круга, а тем более кардинала Союза Девяти.

Конечно, Герман Довлатович попытался выяснить через сети спецслужб, кому было выгодно убрать Блохинцева и отца Мефодия, но никакого следа разработок операций по ликвидации не обнаружил. Не отыскалось информации и в астрале-ментале, общее поле информации Земли хранило по этому поводу молчание, как будто ничего не произошло. Тогда Рыков прошелся по сословным и коллективным эгрегорам России, рискуя нарваться на ответный зондаж. Однажды он в поиске необходимых сведений выплыл в коллективном пси-пространстве Медитационного Клуба Пентагона и был весьма удивлен высоким уровнем решаемых Клубом задач: создание «активного психоэнергетического щита» для Глобальной духовной защиты Америки (главных лиц страны, разумеется), разработка технологий синхронизации биоэнергетических полей больших коллективов людей, проекты управления торсионными генераторами для уничтожения астероидов и ядер комет, опасно приближающихся к Земле, и тому подобное. Однако он слишком увлекся контактом, был замечен и атакован в пси-диапазоне, после чего вынужден был долго прятаться за «зонтиком» измененного пси-состояния. Медитационным Клубом Пентагона заведовал один из кардиналов американского Союза Неизвестных, который вполне имел право сделать заявку инспектору Союзов на расследование факта вмешательства.

Пытался Герман Довлатович выйти и на Монарха Тьмы, с которым поддерживал странные, заискивающе-независимые отношения. Но Монарх все реже откликался на вызов, несмотря на то, что «черный файл» был для него чем-то вроде заклятия, сопротивляться которому он не мог. Так и в последний раз, два дня назад, когда Рыков вызвал его, чтобы выяснить, кто убил Блохинцева и Мефодия, Монарх, точнее, его «проекция», выплыл в оперативном поле компьютера только через час и то лишь на мгновение, чтобы сказать всего несколько слов:

— Не мешай, человек, я занят. Поговорим позже.

Чем он был занят, Рыков мог только догадываться. Из прежних бесед он знал, что Монарх, во-первых, готовит новое изменение земной реальности, ибо человечество перестало его интересовать, во-вторых, он экспериментирует с

другой «запрещенной» реальностью, в-третьих, ведет какую-то войну. С кем — неизвестно. Но это вполне мог быть и Матвей Соболев, зародыш аватары — воплощения Творца, ушедший в «розу реальностей» десять лет назад. Однако с момента ухода о Соболеве не было ни слуху ни духу, в астрале не появилось ни одной крупицы информации о его деятельности, и Рыков склонен был полагать, что будущий аватара не выдержал испытания и погиб. Во всяком случае, убийство двух кардиналов Союза Девяти вряд ли было делом его рук или рук его сподвижников. Хотя «чистилище», контролируемое друзьями Соболева Балуевым, Котовым и директором МИЦБИ Самандаром, все же следовало приструнить, проверить и резко ограничить его деятельность.

Удобно расположившись за пультом компьютерного терминала (на базе стационарного компьютера «Конан-2100»), Герман Довлатович вызвал к себе администратора СС Константина Мелешко (он же — глава секьюрити Сверхсистемы) и включил комплекс. Каждое утро маршала СС начиналось с анализа проблем, которые мог решить только он. Рутинными делами занимались генералы СС, захватившие ключевые посты в государстве. Среди них были министры, первые и вторые вице-премьеры правительства, влиятельные лица из администрации президента, депутаты Государственной Думы и военачальники. С такой командой бояться Герману Довлатовичу было некого и нечего. И все-таки он испытывал страх.

Он боялся, во-первых, что кто-то из собратьев-кардиналов раньше него займет пост координатора Союза Девяти и станет обладать большей властью, а во-вторых, что убийством двух кардиналов неизвестный киллер не ограничится. Его надо было вычислить во что бы то ни стало.

Через полчаса явился Константин Мелешко.

Главный «секьюрмен» СС был на вид средних лет, невысок, худощав, носил рыжую бородку, бакенбарды и усы, длинные волосы зачесывал набок, глаза даже вечерами скрывал за темными очками и напоминал скромного, тихого, интеллигентного школьного учителя. Зимой он предпочитал носить свитера, в остальное время года — светло-коричневые пиджаки, темные брюки и желтые туфли. Однако по внешности о характере и возможностях этого человека судить было нельзя. Бывший офицер морской разведки, он прекрасно владел

всеми видами огнестрельного и холодного оружия, рукопашным боем, разбирался в вопросах разведки и контрразведки и был незаменим по части диверсий, шантажа, угроз и ликвидации неугодных хозяину соперников. Зомбировать его, как своих телохранителей, Рыков не стал, не имело смысла, потому что вряд ли Мелешко, вздумай он перейти на другую сторону, мог бы получить там больше, чем платил ему Герман Довлатович.

— Слушаю вас, — негромко проговорил помощник, входя в кабинет маршала СС. Если бы их кто-нибудь видел со стороны, то отметил бы многозначительную схожесть облика и особенно манеры поведения обоих. И Рыков, и Мелешко предпочитали быть незаметными и казаться слабыми.

— Подойди, — велел Рыков.

Мелешко неслышно приблизился.

— «Чистилище» в ближайшие несколько дней планирует провести три бандлика. Два из них — по банде Владжимирского-Дыни в Мытищах и Рошаля, потрошащего автобусы в Серпухове, можно пропустить, пусть потешатся господа «чистильщики», а вот третий — по нейтрализации сети наших оружейных мастерских надо предупредить. Бери людей и передислоцируй основные точки в Бутове, Химках, Зеленограде, Орехово-Борисове и в Щелкове. Даю на смену адресов сутки.

— Слушаюсь, — наклонил голову Мелешко; он никогда ничего не записывал, имея первоклассную память.

— Теперь глянь сюда.

На экране компьютера появился список фамилий, среди которых Мелешко увидел и свою.

— Понимаешь, что это такое?

— «Чистилище» наконец подготовило свой «К-реестр»?

— Догадлив. Да, это «Крим-реестр», подготовленный «чистильщиками» к публикации и сбросу в оперативные сети спецслужб. Каким образом в нем оказалась твоя фамилия? Ведь ты нигде не фигурируешь среди высокопоставленных чиновников.

— Кроме секретной табели о рангах морской разведки, — педантично уточнил Мелешко. — Мы знаем о них, они знают о нас. К тому же вы не можете отрицать, что ККК не зависит от СС и опирается на свою разведбазу.

Рыков повернул голову к помощнику, губы его медленно

раздвинулись в специфическую бледную улыбку, способную испугать любого другого человека. Мелешко же перенес эту улыбку, не дрогнув лицом.

— К сожалению, тут вы правы, Константин Семенович. Однако в связи с этим мне вспоминается один из законов писателя Анатолия Злобина. Литературу почитываете? Нет? Напрасно, можно выудить немало полезного материала. Так вот Злобин вывел закон: в данной державе независимым считается каждый, кто не знает, от кого он зависит.

Мелешко усмехнулся.

— Оригинально.

— Вы так полагаете? «Чистилище» д о л ж н о зависеть от нас!

Помощник погасил усмешку и молча поклонился.

— Теперь кое-что для размышлений, — продолжал Рыков. — Небезызвестные тебе Самандар и Котов в последнее время подозрительно часто появляются у церкви в Троице-Лыкове. Обследуйте территорию церкви всеми доступными средствами и выясните, что они ищут.

Помощник снова поклонился, подождал несколько секунд. Герман Довлатович выключил компьютер, вызвал телохранителя, играющего роль домоуправителя, и приказал принести завтрак.

— И последнее, Константин Семенович. Нам надо провести через Думу закон об ограничении деятельности правительства. Подсчитайте, что это будет нам стоить. Придется купить согласие не менее двух третей Думы.

Мелешко поклонился в последний раз и вышел.

Герман Довлатович помыл руки и сел за стол. Он уже заканчивал завтракать, когда позвонил Юрий Венедиктович Юрьев, советник президента по национальной безопасности и кардинал Союза Девяти:

— Герман Довлатович, надо пересечься, побеседовать.

— По телефону нельзя?

— Увы, информация сугубо конфиденциальная и требует особых мер предосторожности.

— Моя линия защищена.

— Но не от Вишвадхарини[1].

---

[1] В и ш в а д х а р и н и — тот, кто поддерживает Вселенную *(инд.)*; в данном случае имеется в виду магическое прослушивание.

Рыков помолчал.

— Когда и где?

— Через час, где и всегда.

— Хорошо.

Герман Довлатович включил компьютер, посидел за пультом, бесцельно гоняя курсор по полю экрана, задавил зарождающийся в душе страх и приказал подать машину. Через час он в сопровождении манипула на двух машинах остановился в Голиковском переулке недалеко от особняка Третьякова, «огляделся» в ментальном поле и проследовал во внутренний двор комплекса Третьяковской галереи, где за оградкой у церкви святого Николая Чудотворца ждал Рыкова Юрьев. Церковь была давно отреставрирована, шли службы, но в этот утренний час людей здесь было мало.

Они остановились в двух шагах друг от друга, проверяя впечатление и ауру встречи, создали непроницаемый «колокол отталкивания», оберегающий их от любого прослушивания.

— Ну? — сказал Рыков.

— Дугу гну, — хмыкнул Юрий Венедиктович. — Пуганый я больно стал после некоторых событий, старею, наверное, так что не обессудь. Ты знаешь, что охота на кардиналов началась и в других регионах?

— Знаю, — сухо сказал Рыков.

— Соображения?

— Никаких.

— Ты же общаешься с Монархом, неужели не проконсультировался?

— Он... занят, — с неохотой буркнул Герман Довлатович.

Юрьев с недоверием вздернул бровь.

— Он тебе не ответил?! Любопытно. И очень символично. Я слышал, что у него возникли какие-то проблемы, но чтобы до такой степени... Впрочем, это его дело. Что сам думаешь о происходящем? Может быть, наше родное «чистилище» объединилось с западными и начало кампанию по переделу власти?

— Не думаю. Но «чистилище» проверю. Оно и так то и дело наступает мне на мозоли, пора ограничить его размах.

— Учти, парни тебе противостоят не слабые. Котов очень здорово поднялся по лестнице[1], да и Самандар весьма силен.

---

[1] Имеется в виду «лестница самореализации» людей Внутреннего Круга.

К тому же я слышал, что у них появился ученик, якобы готовый стать на Путь Воина Справедливости.

— У тебя очень хороший слух, — с иронией сказал Рыков, подразумевая любимое словцо Юрия Венедиктовича «слышал».

Юрьев усмехнулся.

— Этот парень вчера познакомился с моей непутевой дочерью.

Теперь уже хмыкнул Рыков, разглядывая сытое, но по-мужски красивое лицо кардинала.

— Он действительно чего-то стоит?

— Парень идет быстро и по всем моим данным интеллектуал. А по моему глубокому убеждению только такой способен стать Воином и мастером боя. Он может мне пригодиться.

— Ну-ну. Что ты хотел мне сказать по существу?

Юрьев затвердел лицом, глаза его полыхнули огнем.

— Герман, началась прецессия Закона обратной связи...

Рыков небрежно отмахнулся.

— Меня никогда не увлекала теория высших расходимостей внешних[1] законов.

— Герман, ты не понимаешь. Закон «качается» не по нашей воле и даже не по воле иерархов и Аморфов. В нашу реальность «дышит» кто-то чужой. Возможно, начавшаяся охота на людей Круга есть следствие этого дыхания. Выйди еще раз на своего приятеля, Монарха, заронi в его душу искру сомнения... если, конечно, у него есть душа. Бабуу не в состоянии контролировать ситуацию. Все, что он может сделать, это объявить общий авральный Сход и ввести «сжимающую ладонь».

Рыков машинально кивнул.

«Сжимающая ладонь» представляла собой глобальный мониторинг ментальной Среды и системы поддержания в этой среде постоянных каналов связи между кардиналами.

— Так что у тебя появился реальный шанс пройти Посвящение III ступени и стать координатором. Подумай об этом.

Не прощаясь, Юрьев кивнул и неторопливо побрел вдоль ограды церкви к выходу, свернул в Толмачевский переулок, исчез. А Рыков снова испытал морозное чувство страха. Юрь-

---

[1]Внешние законы — «вложенные» во Вселенную извне, то есть Творцом.

ев слишком много знал и всегда играл по своим правилам. Поэтому проигрывал он редко. Самое странное крылось в том, что он поддерживал Бабуу-Сэнгэ и был его официальным преемником. Почему он вдруг так открыто отказался от престола? Почему по сути предал координатора?

Рыков задумчиво направился вслед за Юрием Венедиктовичем и вдруг уловил тонкий, еле ощутимый, ветерок опасности. Остановился, расширяя сферу чувствительности до сотни метров, и тут же метнулся в сторону. Поэтому пуля, выпущенная снайпером, засевшим на колокольне церкви и до сей поры ничем (!) себя не выдавшим, попала Герману Довлатовичу не в спину, а в плечо, швырнув его лицом вниз на мостовую. Вторая пуля попала в то же плечо, но ближе к ключице, третья ужалила в бок.

Никогда прежде за последние пятьдесят лет сверхосторожный Рыков не попадал в засаду, так хорошо спланированную и подготовленную. Тот, кто стрелял, отлично знал правила встреч кардиналов, не допускающие присутствия охраны. И великолепно владел оружием. Следующие три выстрела, прозвучавшие в течение одной секунды, не пропали даром: все три пули нашли жертву.

Правда, ни одна из них не попала в голову, Рыков все же смог уберечься от смертельных попаданий. А затем ответил пси-атакой на пределе Силы, которой владел, пытаясь подавить волю стрелка, а также впервые в жизни применил на практике отвлекающий маневр — создал голографическую копию самого себя.

Однако это почти не повлияло на снайпера! Появление двойника могло сбить с толку любого человека, только не того, кто сидел на колокольне. Темп стрельбы снизился, но все пули продолжали ложиться в цель, находя метавшегося по переулку Германа Довлатовича. И тогда он, продолжая считать выстрелы (пять... шесть... семь... сколько же у него в магазине?!), почувствовал такой обессиливающий страх, какой не испытывал никогда. Он понял, что стрелок — необычный киллер, что он либо вообще не человек, либо авеша иерарха. Это был конец!

Получив девятую пулю — в живот, Рыков упал навзничь, переставая отслеживать ситуацию, ожидая контрольного выстрела в голову. Но прошла секунда, другая, третья, выстрела все не было, а потом донесся топот, чьи-то возбужденные го-

лоса, и в переулок выбежала команда телохранителей маршала СС.

— Обыскать!.. все!.. найти! — приказал Герман Довлатович, прежде чем потерять сознание. Последней его мыслью было: к т о напал?! Киллер Юрьева (не потому ли он такой «добрый»?), «чистильщики» или кто-то другой?..

Глава 8

ВЫХОД В ПОДУРОВЕНЬ

Рассказ Стаса о нападении угнетающе подействовал на Василия. Недобрые встречи становились закономерностью, а это означало, что силы, заведующие судьбой парня, перевели его на другой уровень реализации — не ученика, а воина. При этом выдержит ли он — эти силы не интересовало, все теперь зависело от самого Стаса, от его настойчивости и целеустремленности, духовной и интеллектуальной организации, физической базы. И от сопровождения, добавил мысленно Василий, имея в виду себя.

— Так с кем ты, говоришь, познакомился?

Разговор происходил поздно ночью у Котовых дома, при участии Самандара; комиссары «чистилища» собирались выходить на очередной бандлик и ждали своего часа.

— Ее зовут Марго, — ответил Стас, сдирая с себя рубашку и бросая ее на стиральную машину в ванной; зашипела бегущая из крана вода. — Или Мария, Маша Юрьева. Она танцует в шоу-группе «Студия-Б».

Василий и Самандар переглянулись.

— Совпадение? — негромко спросил Василий.

— Может быть.

— А если нет?

— Какой смысл Юрьеву, если он ее отец, затевать такую сложную комбинацию и подставлять дочь?

— Как сказал один писатель[1]: «Лишь дурак уверен, что жизнь имеет только один смысл».

— Спасибо за дурака, учитель.

— Я думаю, этот писатель не имел в виду тебя.

---

[1]Роджер Желязны. «Амбер».

— Тогда я его прощаю. А кто у нее отец? — повысил голос Василий.

— Какой-то советник президента, — донеслось из ванной.

Василий и Вахид Тожиевич снова обменялись взглядами.

— Замечательный поворот наших отношений с кардиналами Союза Девяти, — бесстрастно изрек Самандар.

— М-м-м... — ответил Василий. — Честно говоря, этот поворот меня пока мало беспокоит. Волнует другое: если Стаса хотели убить, почему так низок уровень исполнения?

— Могут быть два варианта, — подумав, ответил Самандар. — Стаса не хотели убивать вообще, это просто способ давления на нас. Если мы знаем почти все о Рыкове, то и он о нас соответственно. Второй вариант хуже, потому что заставляет нас действовать иначе. Стаса н е д о о ц е н и л и.

— Кто?

— Если бы знал, не рассуждал бы. Надо выяснять. А для начала спросим у Германа. Возможно, он начал приводить в исполнение свою угрозу уничтожить нас, тем более что мы скормили «К-реестр» спецслужбам.

— Это уже второе нападение на парня, первое произошло еще до завершения «К-реестра».

— Тогда не знаю. После бандлика попробуем погулять по астралу вдвоем, может, чего и выудим.

Из ванной вышел мокрый, в одних плавках, Стас, на ходу вытираясь полотенцем. Высокий, широкоплечий, гибкий, перевитый не слишком рельефными, но играющими при каждом движении мышцами, ощутимо сильный и спокойный. На бросок Василия пилкой для ногтей — стандартный семейный тест на внимание — он отреагировал играючи, рассеянно, легко, будто не ловил способный стать смертельным оружием предмет, а рвал с клумбы цветок. Обычно он тут же бросал посылку обратно дяде, но при госте постеснялся.

— Когда пойдем на разведку в МИР?

— Завтра, — ответил Василий, — во второй половине дня. У тебя когда занятия заканчиваются?

— С утра — консультация. После нее я хотел посидеть в библиотеке, но могу уйти.

— А вот жертв нам не надо, — притворно нахмурился Василий. — Позанимайся. Приедешь, экипируемся и отправимся на место.

— Пора выходить, — встал из-за стола Самандар.

— Да, пошли.

— А меня на бандлик не возьмете? — с простодушным выражением лица спросил Стас. — Кого вы там сегодня наказываете?

Василий поймал насмешливый взгляд Вахида Тожиевича, сурово отрезал:

— Мал еще!

— Тогда ни пуха ни пера.

— К черту!

Смущенный Василий и Самандар, одетые в пятнистую форму спецназа, ушли. Стас засмеялся, дернулся было к телефону — позвонить Марии, узнать, как доехала, но передумал. Шел уже второй час ночи, звонить так поздно незнакомым людям было неудобно, хотя он был уверен, что девушка еще не спит.

— Марго, — произнес он вслух, пробуя имя на язык. — Нет, Мари лучше. Или Маша, Машенька. Светлада, — вспомнил он имя той, что разговаривала с ним во сне. Интересно, откуда Мария знает имя сестры Светлены, спутницы инфарха? Не потому ли, что сама является ее авешей? И почему, кстати, он спросил об этом у Марии? Откуда пришло озарение, что она з н а е т?

— Светлада, — медленно выговорил Стас, смакуя имя, и услышал тихое, как шепот ночной листвы:

— Покойной ночи, Котов...

Это был не звук, Стас уловил ментальный посыл, но не удивился. Он давно был готов к паранормальному восприятию.

Уснул он мгновенно, как только голова коснулась подушки.

* * *

Машину они оставили в тупике Третьей Одинцовской улицы, упиравшейся в Троице-Лыковское кладбище. Одетые в строительные комбинезоны, двинулись к церкви с лопатами и двумя сумками, в которых уместилось все необходимое для похода под землю, в МИР Ликозидов.

Редкие прихожане не обращали на них никакого внимания, священнослужители тоже, считая, что если рабочие на территории церкви появляются, то на то есть воля дьякона. И все же Василий почувствовал себя неуютно, будто откуда-

то вдруг подул холодный пронизывающий ветер. Примерно то же самое чувствовал и Самандар. Он замедлил шаги, искоса посмотрел на Котова, и они остановились у левого флигеля церкви, возле остатка старой церковной стены и штабеля кирпичей.

— Что-то мне здесь не нравится, — сквозь зубы проговорил Василий.

— Мне тоже. Понаблюдаем. — Самандар опустил свою сумку на гравий дорожки и с лопатой двинулся к шеренге кустов, делая вид, что примеривается копать. Отсюда уже была видна могильная плита — вход в подземелье, и никого возле нее не было, однако ощущение постороннего присутствия мешало Посвященным подойти прямо к ней.

Стас, не задавая вопросов, остановился у оградки с каменным крестом внутри, присел на корточки, разглядывая свежий след рубчатой подошвы на мягкой почве.

— Здесь кто-то есть, дядь Вась, — негромко сказал он. — Прошли как минимум трое. И они наблюдают за нами.

— Пусть обнаружат себя сами, — почти беззвучно сказал Василий. — Подходить к колодцу пока не будем, начнем «ремонтировать» ограду и разбирать эту старую кладку.

Ждать неизвестных наблюдателей пришлось четверть часа. С двух сторон к «рабочим» двинулись двое в плащах (несмотря на летнюю жару), под которыми легко было прятать оружие. Один фигурой напоминал прямоугольный шкаф: ростом под два метра, квадратное лицо с квадратным подбородком и сломанным носом, глаза-щелочки, короткая стрижка, руки-лопаты — типичный нью-йоркский гангстер тридцатых годов двадцатого века. Второй гость был пониже и пожиже, черноволосый, смуглый от природы, с лицом резким, острым и взгляд имел липкий и неприятный. Когда они подошли поближе, из-за хозяйственной пристройки церкви вышли еще двое мужчин, один в таком же плаще, второй в светло-коричневом костюме и желтых туфлях. Остановились, закурили, издалека наблюдая за своими коллегами.

— Эй, вы что здесь делаете? — проговорил квадратнолицый неожиданно тонким голосом.

— А тебе что за дело? — неторопливо обернулся Вася с кирпичом в руке. — Ты кто? Прораб новый, что ль? Или сторож? На попа вроде не похож.

— Наряд покажи, — набычился верзила.

— Какой еще наряд? — удивился Самандар. — Ты с неба свалился, паря? Шабашники мы, настоятель платит — работаем, не платит — не работаем. А в чем дело? Вы, часом, не из милиции будете?

— Из милиции, — басом пробурчал второй гость, издали показывая малиновую книжечку с тисненым золотым орлом. — Вам придется пройти с нами.

— Здрасьте, жопа, Новый год, — с иронией поклонился Василий. — Это еще за какой надобностью? Или мы похожи на бандитов?

Мужчины переглянулись, и Вася понял, что гости их знают. А так как ни один руководитель силовых ведомств не знал комиссаров «чистилища» в лицо, вывод напрашивался сам собой — это были люди Рыкова.

— Вам придется пройти с нами для выяснения личности, — снова гулким басом прогудел черноволосый. — Сопротивляться не советую.

— Ты глянь, бля! — хлопнул себя по бедру ладонью Василий и как бы невзначай переместился вправо, поближе к шкафоподобному гангстеру. — Шея тонкая, а говорит толстым голосом! А не пошел бы ты, братан, куда подальше и один?

Двое мужчин, куривших на аллее возле флигеля, медленно двинулись к своим напарникам, и в человеке, одетом в светло-коричневый костюм, рыжеволосом и рыжебородом, Василий и Самандар узнали Константина Мелешко, правую руку маршала СС Рыкова.

— Кажется, Герман все-таки вычислил нас, — хладнокровно сказал Самандар. — Начнем первыми или посмотрим, что предложат господа «эсэсовцы»?

— Эй, вы что, не понимаете? — угрожающе шагнул к ним квадратный гангстер, сунув руку под плащ.

— Лучшая защита, как известно... — сказал Вася и прыгнул к верзиле, толкая его в лоб ладонью.

Гигант от этого несильного с виду толчка отлетел назад и рухнул в кусты, закатывая глаза. Техника усыпляющего касания работала без сбоев.

Самандар в этот момент достал черноволосого, тоже успевшего схватиться за оружие, и уронил его с не меньшей эффективностью. Затем Василий метнул голыш, попавший с расстояния в десять метров третьему плащеносцу в лоб, и Константин Мелешко остался один.

Несколько секунд Посвященные и Стас, продолжавший сидеть на корточках у оградки, смотрели на помощника Рыкова, державшего руку под мышкой, на рукояти пистолета, и было в их неподвижности столько молчаливого превосходства и сдержанности, что Константин Семенович не рискнул начать соревнование на скорость и точность стрельбы. Он улыбнулся, поднял руки вверх, отступил на шаг.

— Хорошо, хорошо, вы меня убедили. Мы сейчас уходим. Но мне надо будет что-то сказать шефу...

— Скажи, что «чистилище» оставляет за собой право делать свои дела там, где считает нужным, и контролировать принадлежащую ему территорию. Понятно?

— Более чем. — Мелешко помог подняться своему приятелю в плаще, на лбу которого вспух приличный рог. — Хотя, конечно, остается невыясненным вопрос, ч е м занимается «чистилище» возле церкви, выдавая себя за строителей, если только не ищет зарытый клад.

— Любезнейший господин Мелешко, — насмешливо сказал Василий, которого неприятно поразил намек рыжебородого помощника Рыкова, — мы знаем, кто есть ты, ты знаешь, кто есть мы. Позволь дать тебе один совет: не лезь ты в дела «чистилища». Дольше проживешь. В связи с чем могу предложить еще один совет, бесплатный: уходи от Германа, маршал СС в скором времени намерен покинуть эту суетную мирскую жизнь.

— Это что, угроза?

— Это предсказание.

— Я подумаю над вашими советами, господа, — вежливо пообещал Мелешко, подождал оклемавшихся кое-как членов своей команды, и четверка удалилась в сторону выхода с церковного дворика. Заворчал мотор автомашины, стих.

— Это и вправду люди Рыкова? — с любопытством спросил Стас.

— Рыкова, — буркнул Василий.

— С виду крутые, а на самом деле так... всмятку. Их что, не учили рукопашному бою?

— Их учили убивать, а не драться. — Василий повернулся к задумавшемуся Самандару. — Как ты думаешь, директор, что они здесь делали?

— Существует только одно логичное объяснение. Нас засекли наблюдатели Рыкова, и он решил послать своих под-

ручных посмотреть, что у нас за интерес к церкви. Судя по всему, входа под землю они не нашли, однако ясно как Божий день, что нам необходимо как можно быстрее найти другой путь к МИРу, этот «засвечен». И боюсь, Герман захочет сам прогуляться по территории церкви, чтобы определиться. Он наверняка учует колодец.

— Что предлагаешь?

— Несколько часов у нас в запасе есть. Потом вернемся и взорвем вход.

— Хорошо, не будем терять времени. — Василий подхватил сумку и решительно зашагал к плите, под которой начинался колодец, ведущий под землю. Сказал Стасу на ходу: — Запомнил этого рыжебородого? Тварь, каких мало! И очень опасен! Увидишь где — уходи, отступай, ретируйся, но ни в коем случае не связывайся, он никогда нигде не появляется один, всегда с группой поддержки, а уж в ней парни драться умеют, будь спокоен. Да и сам господин Мелешко стреляет как чемпион мира.

— Хорошо, дядь Вась, — не стал спорить Стас.

Они тщательно осмотрели сад и рощицу вокруг церкви на предмет оставленных специально наблюдателей, никого не обнаружили и включили «механизм», опускающий могильную плиту вниз (как он работает без моторов и привода, Стас не знал, но был уверен, что без энергетической подпитки магическими силами этот механизм действовать бы не смог), проникли в подземелье по системе тоннелей, колодцев и труб и вышли к гигантской пещере с удивительной, сияющей, как фарфор с налетом инея, ажурной пирамидой МИРа Ликозидов.

Все трое уже любовались пирамидой и тем не менее на минуту задержались, благоговейно застыв перед ней, созерцая эстетически совершенные «иероглифы» стен. Затем Самандар пробормотал: «Ось Вечного Присутствия Настоящего в наглядном изображении...» — и шагнул ко входу в пирамиду.

Вскоре они стояли в «тронном» зале дворца древних разумных тарантулов. Не отвлекаясь на созерцание «саркофага» царя Ликозидов, принялись за экипировку, переоделись в черные комбинезоны ночного спецназа со множеством карманов, рассовали по ним оружие — пистолеты «волк», кинжалы, метательные звезды, иглы и дротики, патроны, за-

жигалки, НЗ, концентраты, аптечки, рации и натянули «киты» — противогазы новейшей отечественной разработки, позволяющие в течение двадцати часов находиться практически в любой отравленной атмосфере.

— Ничего не забыли? — глухо спросил Василий, проверив противогаз, напоминавший шлем космонавта.

Самандар, которому казалось, что они взяли много лишнего для первой разведвылазки, промолчал, зато вспомнил кое-что Стас.

— А «тюбетейки»?

— Да, — спохватился Василий, выуживая из сумки три дужки с платиновыми листочками — генераторы пси-защиты от излучения «глушака». — Кто знает, может, и пригодятся.

Вахид Тожиевич скептически поджал губы, но дужку «тюбетейки» на голову нацепил, спрятав ее в волосах, и листочки резонаторов к вискам подвинул.

— Готовы, разведчики? Вперед!

Василий первый взошел на возвышение, на котором стоял «саркофаг» царя Ликозидов, и нырнул под хрустально-серебристый купол ротонды, создающий впечатление застывшей музыки.

Стас вошел в «саркофаг» последним, с суеверным восторгом и душевным трепетом разглядывая совершенное творение Инсектов, и ему захотелось проснуться и проникнуть в тайны «трона-усыпальницы» одновременно.

Василий тоже остановился на несколько секунд. Все уже было обговорено — что будет делать каждый в тех или иных обстоятельствах, и все же ему было не по себе. Конечно, он давно знал, что человеческое тело, как и любой другой физический объект, есть устойчивая индивидуальная структура энергий физического порядка. Проникнуть же им предстояло в «розу реальностей», которая представляла собой фазовое пространство возможных состояний материи, основанных на иных колебаниях и энергиях, в том числе — абсолютно несовместимых с физическими. Знал Василий и то, что тхабс — сложнейшая магическая формула и одновременно с п о с о б взаимодействия разных энергоинформационных состояний каким-то образом преобразует человеческое тело в энергоинформационный поток с другим фазовым уровнем,

однако одно дело — знать теоретически, совсем другое — проверять теорию на себе.

Василий вдруг рассмеялся.

— Ты что? — странно посмотрел на него Самандар.

— Вспомнил детский ответ на взрослый вопрос: что такое организм? Ребенок шести лет ответил, что в него входят зубы и другие внутренности, за которыми нужно ухаживать.

— Что тут смешного? Правильно.

— Правильно-то правильно, только будет ли тхабс ухаживать за нашими внутренностями? Осуществляет ли он защиту организмов, пересекающих границу «розы», или надо полагаться только на собственные меры защиты?

— К сожалению, твой Соболев не оставил нам никаких инструкций.

— И все же он прошел этим путем, — подытожил вслух Василий свои сомнения.

Самандар наконец его понял.

— Я думаю, прошел. Хотя, избрав Путь Избегающего Опасности, он этой самой опасности не избежал. Действуй, Василий Никифорович. С нами крестная сила, как говаривали раньше, то есть Сила Эхейх и Цафкиель. Прорвемся!

Вася глубоко вздохнул и, чувствуя эмоционально-энергетическую поддержку друзей, мысленно вызвал тхабс.

Переход в другой подуровень реальности произошел неожиданно для всех и совершенно без каких-либо эффектов: вот они стояли внутри «саркофага» Ликозидов, обуреваемые противоречивыми чувствами, а вот уже стоят в незнакомом мире на вершине какой-то плоской горы и смотрят на грандиозный разлом, напоминающий каньон Колорадо в Америке, но гораздо более масштабный. И это была не Земля.

Фиолетовое небо с красноватым отливом казалось ночным, но золотой диск солнца над близким горизонтом, просвечивающий сквозь бурые вуали и волокна, утверждал, что здесь царит день. Рисунок созвездий, проглядывающих сквозь тонкую и прозрачную атмосферу, был почти «земным», поэтому при взгляде на него у Стаса родилось подозрение, что планета, на которой они оказались, ему знакома. Сила тяжести на ней была раза в два меньше земной, температура воздуха на вершине, где они очутились, была очень низкой, гра-

дусов под шестьдесят ниже нуля по Цельсию, так что кожу на руках и на голове в прорезях противогаза сразу стянуло и начало щипать, а дышать в этом мире было практически невозможно даже в противогазах, причем не потому, что воздух здесь был насыщен ядовитыми или непригодными для дыхания газами, а по причине почти полного его отсутствия.

— Черт возьми, где это мы вышли? — Голос Василия был еле слышен.

— На Марсе! — тотчас же ответил Стас, будучи абсолютно уверенным в своей оценке.

— Почему ты так решил?

— Потом будете дискутировать, — посоветовал трезво мыслящий Вахид Тожиевич. — Еще минуту постоим — если не замерзнем, то задохнемся. Крути тхабс обратно.

В тот же миг они оказались там же, откуда стартовали в «розу реальностей» — в МИРе Ликозидов, под куполом ротонды «саркофага». Сорвали противогазы с мгновенно запотевшими стеклами и некоторое время разглядывали ничего не выражающие физиономии друг друга. Потом Вася вытер лицо и посмотрел на Стаса.

— Рассказывай. Почему ты решил, что это был Марс?

Стас немного помолчал, эту привычку он перенял еще у Матвея Соболева, и лаконично рассказал Посвященным о своем трансперсональном сне, в котором девушка по имени Светлада, «младшая сестра Светлены» — как она себя назвала, объяснила истинный порядок «розы».

— Очень оригинально! — сказал Самандар, выслушав рассказ юноши. Пессимист и скептик по натуре, он никогда ничего не воспринимал на веру, пока не убеждался на собственном опыте в правоте постулированного утверждения. — Значит, все планеты Солнечной системы — это подуровни нашей «запрещенной реальности». А планеты других звезд?

— Подуровни других реальностей. Звезды — уровни, базовые матрицы реальностей, скопления звезд — пакеты слоев «розы» с наборами констант и действующих законов природы.

— А что такое тогда квазары? Черные дыры?

— Не знаю, — виновато признался Стас, — я не спрашивал.

Самандар хмыкнул, глянул на задумчивого Василия, но тот не стал ни поддерживать его, ни спорить.

— Поговорим обо всем дома. Ясно одно: наша экипировка для путешествий по «розе» не годится, нужны гермокостюмы с терморегуляцией и кислородным обеспечением, как у подводников-диверсантов. Мы, конечно, смогли бы какое-то время удерживать вокруг себя сферу с земным воздухом, но этого мало. — Глаза Василия вдруг вспыхнули изумлением и недоверием, словно он только что проснулся. — Но Господи Боже мой! Если это действительно так и мир устроен подобным образом!..

— То что? — полюбопытствовал Самандар, не дождавшись продолжения.

— Ничего, — погас Василий.— Свихнуться можно!

Стас засмеялся. У Вахида Тожиевича тоже дрогнули в улыбке губы, и стало заметно, что, несмотря на железное самообладание, он тоже ошеломлен и растерян.

Глава 9

ОХОТА НА КАРДИНАЛОВ

В табели о рангах Союза Девяти Неизвестных Кирилл Данилович Головань занимал весьма достойное место.

Во-первых, он был почти самым старым кардиналом: возраст перевалил за сто двадцать лет. Старше его в Союзе был только сам координатор, Бабуу-Сэнгэ, которому пошел сто пятьдесят седьмой год. Как известно, кардиналы Союза, Посвященные II ступени Внутреннего Круга человечества, не были бессмертными, но жили в два-три раза дольше обычных людей.

Во-вторых, на Сходах Союза, посвященных его безопасности, Кирилл Данилович всегда занимал место председателя, что говорило об умении организовывать обсуждение любого спорного вопроса. Занимая официальный пост заместителя директора Международного института стратегических исследований (МИСИ), он часто контактировал с Генеральным секретарем ООН Хуаном Креспо и был его консультантом. Однако никто из кардиналов, даже контролер-координатор Союзов Неизвестных, не ведал, что Кирилл Данилович стал заместителем директора МИСИ, доктором права, доктором философии, не зная этих дисциплин! Он вообще знал

очень мало, и ему ничего не надо было знать, потому что Кирилл Данилович обладал одной из редких действующих Великих Вещей Инсектов — Артефактом, «аккумулятором знаний», мгновенно подсказывающим ему исчерпывающий ответ на любой вопрос. Именно благодаря Артефакту Головань, человек, в общем-то, заурядных способностей, хотя и честолюбивый, ученик гуру Викракананды, а также Гурджиева и Успенского, преодолел порог Посвящения и стал в конце концов кардиналом.

Он хорошо вписался в среду властного истеблишмента страны, был постоянным участником значительных светских раутов, запросто общался с людьми из окружения президента, дружил с мэром столицы и другими представителями власти, в том числе с генералами МВД, ФСБ и Министерства обороны, а главное — прославился своими прогнозами и сценариями развития малых войн, в частности в Чечне, Карабахе, Югославии, Таджикистане, Заире и Осетии. Поэтому сфера влияния на социум страны Кирилла Даниловича и общий уровень его воздействия на земную реальность были весьма высоки.

Кроме того, Кирилл Данилович слыл меценатом, так как охотно поддерживал, будучи официальным владельцем огромного состояния, театры столицы и Санкт-Петербурга, творческие Союзы художников и писателей, ветеранов спорта и ветеранов войны в Афганистане и Чечне. В глазах же спецслужб, знавших подноготную Голованя и особенно то, каким путем было нажито его состояние, он был циничным и расчетливым дельцом, классической «акулой капитализма» российского смутного времени, нужного и удобного всем — от представителей легального бизнеса и политики до теневиков криминального капитала.

Кирилл Данилович мог бы подняться и выше по служебной лестнице, стать, например, директором МИСИ или же советником президента, как другой кардинал Союза, Юрий Венедиктович Юрьев, только это Голованю было не нужно. Он давно вошел в число людей, чьи жизнь и смерть не зависели от слепого случая, амбиций или претензий конкретного лица, даже наделенного влиянием и полномочиями. Однако именно уверенность Кирилла Даниловича в прочности сво-

его положения и физической неуязвимости сыграла в его жизни роковую роль.

О гибели коллег, отца Мефодия и Дмитрия Феоктистовича Блохинцева, Кирилл Данилович, конечно, знал и даже предпринял по совету координатора кое-какие дополнительные меры безопасности, но жить продолжал по давно установленным нормам и правилам и распорядок работы и отдыха менять не собирался.

В воскресенье второго июня он был приглашен на закрытый прием в посольство Объединенных Арабских Эмиратов по случаю вступления в должность нового посла. В два часа дня Кирилл Данилович со своим манипулом прибыл к резиденции посла ОАЭ, располагавшейся на улице Улофа Пальме, но на территорию посольства прошествовал лишь с личным переводчиком — он же телохранитель — Яном Стозой.

Прием, устроенный новым послом, шейхом Мохаммедом Аббасом ибн Раудом, был великолепен и длился до самого вечера, когда Кирилл Данилович, испробовавший все, даже «дым наслаждения», то есть выкуривший кальян с наркотическими добавками, получил настоящий кайф и перестал трезво оценивать ситуацию. Поэтому он не удивился, когда вместо переводчика Яна Стозы к нему подошел незнакомый араб и на хорошем русском языке предложил помочь добраться до выхода из посольства.

— Меня там ждут, — согласился Кирилл Данилович, в голове которого вспыхивали звезды, играла музыка и танцевали прелестные женщины; он, конечно, мог нейтрализовать действие наркотика, но не хотел. — Где мой охр... мой переводчик? Куда он ушел?

— Он получает подарок от шейха вашему превосходительству и будет ждать вас в машине.

— Подарок — это хорошо... — Головань оперся о руку смуглолицего молодого человека в национальной одежде и побрел по коридору посольства к выходу. Однако вышли они не через парадный подъезд, а во дворик посольства, где стоял длинный шестидверный «Кадиллак» с темными зеркальными стеклами.

Араб распахнул последнюю дверь.

— Садитесь, прошу вас.

Интуиция Кирилла Даниловича сработала запоздало.

Он оглянулся, трезвея, но в то же мгновение последовал

толчок в спину, и Головань оказался внутри салона роскошного авто. «Кайф» оказал свое воздействие и на реакцию кардинала. Он еще только соображал, что случилось, прикидывал, как дать сигнал своим телохранителям, когда тот, кто сидел в машине, разрядил в него гипногенератор «удав».

Если бы Кирилл Данилович не находился под действием дурманящего разум, замедляющего реакции опийного дыма, он, наверное, смог бы опередить нападающих, атаковать их первым и завладеть инициативой, но он действовал медленнее противника и оборонялся пассивно, без изобретательности.

Разряд «глушака» вышиб из него сознание, как удар курка — пулю из патрона. Будучи все же Посвященным II ступени, Головань обладал тремя устойчивыми состояниями сознания, поэтому пси-импульс, подавляющий волю, не просто погасил его способность мыслить, но и перебросил сознание на другой уровень. Зацепись Кирилл Данилович там, он смог бы отразить и дальнейшие попытки подавления его психики, однако в отличие от него противник действовал без промедления и продолжил гипноатаку, добавив к разряду «глушака» мощный оглушающий р а п п о р т, то есть личный психофизический разряд, и Головань «поплыл», перескочив все три уровня своего сознания и даже подсознательный порог, до которого он еще мог сопротивляться ментальному давлению.

«Кадиллак» медленно тронулся с места, выехал за ворота посольства, минуя машину с ничего не подозревающими телохранителями Голованя, и не спеша двинулся к Садовому кольцу. Через час он уже был за пределами Москвы на Боровском шоссе. Проехав пятнадцать километров и свернув на узкую асфальтовую ленту, ведущую в лес, «Кадиллак» остановился. Открылись дверцы автомобиля, двое мужчин в дорогих костюмах и молодой араб, сотрудник посольства ОАЭ, вытащили из салона обмякшее тело Голованя и отнесли в лес. Один из них молча достал пистолет «удар» и два раза выстрелил в голову Кирилла Даниловича, превращая ее в кровавое месиво. Так же молча все трое вернулись в машину и уехали.

Тело кардинала Союза Девяти Неизвестных осталось стыть в лесу, слегка присыпанное листвой. Наутро его нашел старик — местный житель, пасший корову.

Скандал с исчезновением гостя в посольстве ОАЭ, учи-

ненный телохранителями Голованя, тем не менее огласки не получил. Посол Эмиратов не смог внятно объяснить, куда девался заместитель директора Международного института стратегических исследований и, чтобы избежать подозрений, вызвал министра внутренних дел России, который и приказал своим следователям не поднимать лишний шум. Даже когда тело Кирилла Даниловича нашли в подмосковном лесу, журналисты об этом не узнали. Средствам массовой информации досталось сообщение МВД, что замдиректора МИСИ умер от сердечного приступа.

Следующее убийство произошло тем же воскресеньем второго июня. На своей даче в Лыткарине был убит учитель известного всей России частного лицея Кокорин.

В понедельник утром попал в Туле под машину и скончался от многочисленных кровоизлияний известный врач-психиатр Влесов.

В тот же день утонула в озере под Смоленском целительница Меланья Царская, спасшая жизнь и здоровье многим сотням людей. Как старая женщина оказалась у озера, в двадцати пяти километрах от своей деревни, никто объяснить не мог. Этим же вечером повесилась в своей квартире в Нижнем Новгороде еще одна целительница, врач местной больницы, совсем молодая — двадцати шести лет от роду, Лидия Габуния, не оставив никакой объяснительной записки. А в Москве в то же самое время попал под автобус известный правозащитник Колесник.

И еще много подобных случаев было зарегистрировано информационной службой МВД России, еще не сумевшей обработать статистический материал и сделать вывод, что по стране катится волна странных убийств, направленная против специалистов определенной ориентации и людей экзотических способностей. Все это были люди Внутреннего Круга человечества, так или иначе связанные с его эзотерическим наследием, но официальные наука и статистика ничего не ведали об этой категории людей и объяснить происходящее не могли. На фоне общей преступности волна агрессии против некоторых видных деятелей культуры и искусства, медицинских работников и учителей была не особенно заметна, и средства массовой информации особой паники по этому поводу не подняли. Да и не могли поднять, контролируемые, с одной стороны, официальной властью, с другой —

гораздо более действенно — кардиналами Союза Девяти, через свои каналы и сферы влияния, разумеется.

Конечно, случались у киллеров и проколы. Так, двое из них, пришедшие к наставнику школы кекусинкай-карате Максиму Усову, встретили отпор. Один получил две пули в грудь из своего же пистолета, отчего скончался на месте, второму Усов сломал руку, и парень вдруг хлопнулся в обморок, но не от боли, а от того, что перестал понимать, где он и почему тут находится.

Происходили и еще подобные этому случаи неподготовленного нападения на жертв, хотя в общей массе убийств они были незаметны.

Однако волна ликвидации людей Круга не ограничилась Россией, она обежала весь земной шар, что заставило координаторов Союзов собрать Сходы, а верховного контролера Союзов Хуана Креспо — объявить «час Цафкиель», что означало активизацию эгрегора Внутреннего Круга посредством всеобщего «мозгового штурма». Дату «часа Цафкиель» Хуан Креспо обещал сообщить дополнительно.

* * *

Сход кардиналов Союза Девяти Неизвестных России (их к этому моменту осталось шестеро) состоялся под Москвой третьего июня в загородной резиденции Бабуу-Сэнгэ в Малеевке, рядом с Домом творчества писателей.

Все кардиналы прибыли на этот раз со своими манипулами охраны и обеспечения, чего раньше никогда не делали. Однако жизнь, которую они же сами и регулировали, заставила их переоценить роли законотворцев и теневых правителей и задуматься о положении дел в реальности, бытие которой они призваны были корректировать и стабилизировать.

Меры безопасности были приняты и самим Бабуу-Сэнгэ, коттедж которого был окружен двумя поясами электронной защиты — в радиусе ста метров и пяти километров, а также магической «стеной отталкивания», заворачивающей обратно любопытных и случайных гостей вопреки их воле, подсознательно. Имел координатор и хорошо обученных охранников, бывших «профи» спецслужб. Поэтому чувствовал себя он в общем-то комфортно, как, впрочем, и везде, где располагались другие его секретные «схроны», хотя прекрасно

знал, что ни одна крепость в мире не может считаться абсолютно надежной.

Похожие друг на друга дорогими костюмами и выражением лиц кардиналы расселись по креслам вокруг овального стола орехового дерева в каминном зале дачи координатора, и Бабуу-Сэнгэ, единственный из всех одетый в атласный фиолетовый, с золотой окантовкой, халат тибетского ламы, с «нагрудником справедливости» на массивной золотой цепи и в квадратной шапочке с иероглифом саньди над лбом, открыл Сход. Но начать традиционным восхвалением Творца и молитвой власти ему не дал возбужденный Петр Адамович Грушин, занимавший пост президента Национального банка.

— Что происходит, координатор? — резко бросил он. — Почему система безопасности Круга допустила гибель трех наших коллег? Чья очередь следующая? И кто за всем этим стоит? Может быть, это ваших головорезов дело? — глянул на Рыкова в упор Грушин. — Давно известно, что вы игнорируете законы Круга и рветесь к власти!

— Нет, — бесстрастно ответил Герман Довлатович.

— Петр Адамович, — укоризненно качнул головой Бабуу-Сэнгэ, — на Германа Довлатовича тоже было совершено покушение.

— Почему же его не убили, как других?

Кардиналы обменялись понимающими взглядами, но увещевать младшего коллегу не захотели. Многие из них задавали себе те же вопросы.

— К сожалению, мы стали слишком самонадеянными, — кротко начал Бабуу-Сэнгэ.

— Кто это — мы? — хмыкнул Хейно Яанович Носовой.

— Мы все — люди Круга. — Глаза координатора превратились в щелочки, но тон голоса не изменился. — Мы допустили слишком резкое падение Закона обратной связи, частный случай которого — Закон возмездия упал ниже допустимого предела. В результате сработал какой-то неизвестный нам Закон, восстанавливающий равновесие в крайне жестоком варианте, и появился его реализатор...

— Воин Закона Справедливости, — пробурчал Виктор Викторович Мурашов.

— Да, можно назвать его и так, — поклонился в его сторону Бабуу-Сэнгэ. — Хотя я лично назвал бы его иначе: Воин Равновесия.

— Я думал, что Воин — легенда.

— Увы, не легенда. Эгрегор Хранителей имеет сведения по крайней мере о двух появлениях Воина в течение последних десяти тысяч лет человеческой — и славянской— истории. Имя одного из них вам известно: Георгий-Победоносец.

— Хорошо, пусть будет... этот ваш Победоносец, — поморщился Носовой. — Кем он направлен? Кто заказчик? Иерархи? Монарх? Творец? Кто реализует этот Закон в «розе»?

— Этого не знает никто, — сказал, превращаясь в бронзоволицего будду, Бабуу-Сэнгэ.

— А не может им быть один известный нам всем человек? — хладнокровно осведомился Юрьев. — Ведь все мы знаем, что десять лет назад он перешел границу реальности...

— Матвей Соболев! — громче, чем следовало, произнес Грушин.

— Я не могу ни возразить вам, ни согласиться, — помолчав, сказал координатор. — Но если это так, то Соболев очень изменился. В нашей реальности он был известен, как Воин Восстановления Справедливости. Уничтожение же в с е х без разбора людей Круга не есть справедливость.

— Он вполне мог попасть под влияние Монарха и стать Истребителем закона, — тихо сказал Рыков.

Бабуу-Сэнгэ остро глянул в его глаза.

— У вас есть информация или это только ваше предположение?

— Предположение.

— Чепуха! — заявил чем-то возбужденный Носовой. — Какими бы способностями Соболев ни обладал, он был обыкновенным человеком.

— Ну, не скажите, Хейно Яанович, — усмехнулся Юрьев. — Этот «обыкновенный человек» очень здорово намял бока нашим чеченским коллегам. Да и Герману Довлатовичу прилично досталось. Не так ли, маршал?

Рыков промолчал.

— Я думаю, Хейно Яанович в чем-то прав, — сказал Мурашов. — Жив ли Соболев или нет, стакнулся он с Монархом или нет — не суть важно. Проблема в другом: что делать?

— В ближайшее время контролером Союзов будет объявлен «час Цафкиель», — сказал Бабуу-Сэнгэ. — Возможно, эта операция поможет нам разобраться, что происходит.

А пока... — Координатор замолчал, потому что получил по рации сигнал тревоги от первого поста охраны.

Насторожились и другие кардиналы.

— Господа, мои наблюдатели засекли приближение военного вертолета. Не думаю, что он послан таинственным Воином по наши души, — Бабуу-Сэнгэ позволил себе слегка улыбнуться, — однако в нашем положении стоит перестраховаться. Прошу всех спуститься в мое скромное убежище под дачей.

«Скромное» подземное убежище координатора по комфорту и бытовым удобствам ничем не уступало верхним этажам дома. Здесь можно было жить долго, рассчитано оно было человек на пятнадцать. Но насладиться отдыхом в центральном зале убежища кардиналы не успели.

Вертолет (дневной боевой противотанковый «К-50») приблизился к Малеевке и с высоты трех километров дал по коттеджу Бабуу-Сэнгэ два залпа: управляемыми ракетами «Х-25М» и ПТУР «Вихрь». В мгновение ока резиденция координатора Союза Девяти перестала существовать, превратилась в кирпичный щебень, в пыль.

Магическая «стена отталкивания» на пилота не произвела никакого впечатления, будто он ее не ощущал вовсе. Но самое интересное с пилотом произошло потом, когда зомби-программа перестала на него действовать и он осознал, что сделал.

Летчик сошел с ума!

Глава 10

МАРИЯ — СВЕТЛАДА

Зачет по компьютерной совместимости — компатибабельности, как любили говорить студенты, Стас получил практически автоматом, потому что весь семестр занимался с преподавателем наладкой факультетского компнавигатора. Спрятав зачетку в карман и выйдя из аудитории, он столкнулся нос к носу с Виктором.

После нападения неизвестных стрелков у дискоклуба «Звезда» Виктор к Стасу подходить боялся, понимая, что во время драки вел себя не по-мужски, и это облегчало положение самого Стаса, по сути ставшего соперником приятеля.

Однако Марго на попытки Виктора продолжить знакомство не реагировала, зато благосклонно откликнулась на предложение Стаса встретиться как-нибудь вечером. Сегодняшний зачетный день и был прелюдией к этому «как-нибудь»: был понедельник и танцгруппа «Студия-Б» в этот вечер нигде не выступала. Стас позвонил Марии утром и договорился, что заедет за ней в шесть часов вечера.

— Привет, — буркнул Виктор, собираясь прошмыгнуть мимо.

— Ты чего такой смурной? — остановился Стас. — К зачету не готов?

— Готов, — отвел глаза Виктор. — Ты... это... поосторожней там, я видел ту машину, из которой по тебе стреляли.

— Где?

— У баскетбольной площадки, за углом.

— Точно? — прищурился Стас.

— Я тебе говорю! — обиделся Виктор. — Здорово ты тогда их уделал... Ну, я пошел. В общем, поглядывай по сторонам.

Он скрылся в аудитории, а Стас побрел к выходу из корпуса, прикидывая, что делать. Обошел здание института, разглядывая машины, стоящие у тротуара и на площадках возле ограждений, но серой «девятки», из которой его обстреляли неизвестные бандиты, не обнаружил. Однако совет Виктора принял к сведению. Убить его пытались дважды, а это уже система, не случайное совпадение.

Тренировку в этот день Стас закончил раньше обычного. А в раздевалке к нему подошел учитель, на лице которого никогда ничего нельзя было прочитать.

— Мне предложили выставить бойцов для участия в очередном Абсолютном московском чемпионате мира по запредельным боям, — сказал Такэда; по-русски он говорил совершенно чисто, выговаривая все буквы, хотя был стопроцентным японцем.

— Подразумеваются бои без правил? — уточнил слегка удивленный Стас, которому Василий запретил выступать в официальных соревнованиях еще два года назад. — Мне дядя не разрешит.

— А если мы его уговорим?

— Ну, тогда... — Стас помолчал, — я мог бы попробовать.

Такэда похлопал его по плечу и удалился, демонстрируя

свою специфичную кошачью походку, которую перенял и Стас.

Дома он рассказал о предложении Василию, не рассчитывая убедить дядю в полезности данного мероприятия, и был удивлен, когда тот отнесся к этому по-философски спокойно.

— Ты уверен, что это тебе необходимо?

Стас хотел честно ответить: не очень, — но вспомнил о Марии, которую можно было бы пригласить на чемпионат, и сказал:

— Хотелось бы проверить себя и в таком деле.

— Когда начинаются бои?

— Через неделю. Предварительные — во Дворце спорта в Лужниках, финалы — в Конгресс-холле Центра международной торговли.

— Если чувствуешь, что сможешь себе что-то доказать, тогда иди. Хотя я не уверен, что официальное признание необходимо Идущему в Круг.

Василий ушел в кабинет.

— Можно я возьму твою машину? — крикнул ему вслед Стас.

— Надолго? — донесся голос Василия.

— На вечер. Я... у меня встреча.

— С кем, если не секрет?

— С Марго, — ответил Стас и принялся одеваться, тщательно подбирая туалет. Он хотел предстать перед глазами девушки во всем блеске, который только был ему доступен.

Василий, понаблюдав за ним с минуту, хмыкнул и снова ушел в кабинет, где шелестел вентиляторами компьютер. Стас, которому было не безразлично мнение дяди о его внешности, с некоторым облегчением вздохнул.

Повязав галстук и надев туфли, он встал перед дверцей шкафа. Из зеркала на него исподлобья глянул высокий, широкоплечий, светловолосый, слегка скуластый, симпатичный молодой человек с овальным лицом, на котором выделялись прозрачные, серые, внимательные глаза и твердые, приятного рисунка, губы. Портил это лицо, по мнению его владельца, только тяжеловатый подбородок. Зато серо-голубой костюм от Лэнвина сидел на Стасе отлично, а туфли от Серджо Росси, преподнесенные недавно дядей в подарок племяннику (хотя какой он там был племянник? — бывший подопечный Соболева) на день рождения, дополняли наряд.

Довольный собой, молодой человек щелкнул пальцами, расчесал гриву волос, падающую волной на шею, забрал у Василия ключи от «Фиата» и побежал вниз по лестнице, не дожидаясь лифта.

Василий задумчиво смотрел ему вслед, потом взял мобильник и набрал нужный номер.

* * *

Мария вышла из подъезда, и мир для Стаса перестал существовать.

На ней было ослепительно белое с серебром, полупрозрачное до пояса, кружевное платье-жакет струящегося силуэта от Живанши, повторяющее все великолепные изгибы тела, туфли на высоком каблуке от Чезаре Пакиотти, сумочка «вальман», на руке светились платиной часы «Фидиас» фирмы «Вашерон Константин», браслеты и колье того же дизайна из платины и жемчуга работы Мориса Брангарда дополняли наряд.

Девушка подошла ближе, демонстрируя особую, «коллекционно-подиумную» походку, и Стас уловил нежнейший горьковато-травяной запах духов «Гранд Амур» парижского парфюмера Анник Гутал. Губы Мария не красила, пудрой и румянами не пользовалась, лишь подвела глаза, что увеличивало ее природный шарм. О прическе же Стас ничего сказать не мог, лишь сама девушка знала, что сделана она в салоне «Фредерик» на Арбате по моде Дидье Малигё.

Спохватившись, Стас вышел из машины, распахнул перед дамой дверцу авто, галантно поцеловав ей пальцы, они сели и, посмотрев друг на друга, засмеялись.

— Я хотела произвести впечатление, — сказала девушка.

— Я тоже, — в тон ей ответил Стас, и они снова рассмеялись. — Ни у одной из моих знакомых девушек нет такого прикида.

— А их у тебя много, знакомых?

— Не очень, — глянул на спутницу Стас, и в его взгляде отразилось такое ребячье восхищение, что на щеки Марии легла легкая краска.

— Папино влияние, — пожала она плечиками, — он у меня очень важная персона. Я привыкла одеваться «от кутюр». Ты, между прочим, тоже разбираешься в этом.

— Я как-то прочитал интервью нашего патриарха моды...

— Славы Зайцева?

— Его. Он сказал буквально следующее: человек в силу своего разума, наделенного природой, не имеет права засорять своим внешним видом окружающую среду.

Мария невольно засмеялась.

— Весьма косноязычно, но по сути верно.

— Вот после этого я и стал больше обращать внимания на свой внешний вид.

— А кто твои родители?

Стас остановился на светофоре, помолчал.

— Мама умерла... отец... тоже. — Это была неправда, отец Стаса просто исчез десять лет назад, ушел из дома, не оставив записки, и не вернулся, но для парня он все равно что умер.

— Бедный, — тихо проговорила Мария, погладив руку Стаса прохладными пальчиками, и он снова ощутил нечто вроде электрического разряда, пронизавшего их обоих.

— Давай не будем о грустном.

— Давай.

На душе у Стаса стало легко и весело, он почувствовал подъем и желание провести вечер на высоте — в прямом и переносном смысле.

— Поедем в Останкино. Ты была в ресторане «Седьмое небо»?

— Однажды, с подругами. Хотя привыкла отдыхать в «Голливуд-клубе». Я там выступала несколько раз, и кухня там хорошая.

— Поедем в «Голливуд», — согласился Стас. — Надеюсь, интерьер клуба придется мне по вкусу.

Мария посмотрела на профиль водителя и поняла его чувства.

— Не волнуйся, меня там знают и пропустят.

— Я не волнуюсь, — искренне ответил Стас, который мог пройти в любое закрытое учреждение с помощью мысленного внушения.

— А не боишься, что тебя встретят те, кто стрелял? Почему не берешь с собой охрану?

— Во-первых, я не такая важная персона, как твой отец. Во-вторых, в наше время можно запросто подстрелить любого государственного деятеля вплоть до президента, и не спа-

сет при этом никакая охрана. На мой взгляд, наличие многочисленных телохранителей у наших крутых бизнесменов и звезд есть просто игра, деталь имиджа, не более того. Сколько уже было примеров, когда охрана оказывалась бессильной перед киллерами.

— У папы другое мнение. Просто надо нанимать профессионалов, таких, как Сильвестр, например. Он бывший полковник контрразведки и мастер рукопашного боя.

— Это не его машина следует за нами? — Стас бросил взгляд на зеркало заднего вида. — Джип «Тойота».

— Не знаю, — беспечно отмахнулась Мария. — Папа не спрашивает, куда я еду, но всегда з н а е т, где меня искать.

Стоянка возле современного — из коричневого зеркального стекла, стали и бетона — здания «Голливуд-клуба» была заполнена почти до отказа, и Стасу с великим трудом удалось втиснуть свою машину в щель между широкозадым «Роллс-Ройсом» и «шестисотым» «Мерседесом».

Марию действительно в клубе знали и пропустили молодую пару, не спрашивая клубной карточки или визитки. Клуб имел три ресторана с разными кухнями. Девушка предложила русскую кухню, а поскольку Стасу подходила любая — он не ел мяса, — то и не раздумывал.

Славянский зал ресторана был еще полупустым, гости здесь обычно начинали собираться позже, к восьми-девяти часам вечера, и молодые люди выбрали столик по вкусу — между фонтаном и колонной, изображавшей Змея Горыныча, стоявшего на хвосте.

— Я ужасно голодна, — призналась Мария, когда они сели и официант, похожий на молодого Жан-Клода Ван Дамма, принес меню. — А ты?

— Я тоже, — дипломатично поддержал спутницу Стас, хотя есть особенно не хотел. — Люблю вдумчивое гурманство, больше получаешь удовольствия.

— Ты любишь получать удовольствие?

— Я соблюдаю пурушартхас, — ответил Стас, подумав.

— Пурушартхас? Это заветы индийских йогов, что ли?

Стас улыбнулся. Судя по вопросу, Мария сейчас не была авешей Светлады, иначе знала бы, что такое пурушартхас.

— В индуизме так называются четыре цели человеческой жизни: дхарма — обязанность, артха — приобретение, кама — удовольствие и мокша — освобождение.

— Ты много читаешь?

— В основном научную и эзотерическую литературу, художественную реже. Кое-кого из поэтов классических эпох.

— Например?

Стас подумал и процитировал:

Я сидел у окна в переполненном зале,
Где-то пели смычки о любви.
Ты прислала мне черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

— Блок. Еще?

Стас снова задумался на несколько мгновений.

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц,
То кого же прикажете в рай допускать?

— Омар Хайям. Интересный диапазон. А знаешь полное имя Хайяма?

— Омар ибн Ибрагим абу л Фатх ал Хайям ан Найса-бури.

— Молодец! — восхищенно всплеснула руками Мария. — А вот я не могу запомнить, хоть лопни. Но Омар не ходит в моих кумирах. Я люблю Ахматову, Цветаеву, Бальмонта. Кое-что из Блока, Бунина, Есенина, Хикмета. В детстве читала все подряд, сейчас, конечно, меньше, но время все-таки нахожу. Мечтала стать певицей, стала танцовщицей, вокальные данные оказались слабоваты.

— В наше время можно раскрутить любую девчонку, тем более такую красивую, как ты.

— Спасибо, — насмешливо сделала реверанс Мария, — но этот путь не мой. Я могу выразить себя и в танце. А как у тебя с мечтами? Добился, чего хотел? Ты действительно хочешь стать физиком?

— Физтех просто отвечает моим интересам и возможностям, — серьезно сказал Стас. — А вообще-то я хотел бы стать человеком Внутреннего Круга. Слышала о таком?

— Слышала от отца. — Девушка сделалась задумчивой. — Но отец не желает раскрывать тайны этого Круга, как я его ни просила. Говорит, мала еще. Ты сам-то знаешь, что такое человек Круга?

— Один западный ученый, Джеффри Мишлав, как-то очень образно и емко сказал: «Мы приближаемся к эпохе, в

которой традиционные роли ученого, священника, шамана и художника объединятся в одной личности нового типа, готовой погрузиться в великое таинство жизни, лежащей за фасадом мира». Вот эта личность по большому счету и есть человек Внутреннего Круга.

— Неплохо сказано. Однако если бы все люди Круга были такими, мы бы не переживали сейчас этот жуткий социальный кризис.

Стас присмотрелся к лицу собеседницы, однако следов присутствия Светлады не заметил. Мария просто повторяла чьи-то слова.

— Может быть, ты и права, но, на мой взгляд, кризисы зависят не от людей Круга, а просто от людей, от народа. Каков народ — такое правительство, такие условия жизни. Ты «Воскресные прогулки» Мопассана читала? Сейчас вспомню, что он там писал. — Стас потер лоб, напрягая память. — Вот: «Допустим, во Франции имеется пять гениальных людей. Прибавим с такой же щедростью двести высокоталантливых, тысячу других, тоже талантливых, каждый в своей области, и десять тысяч человек, так или иначе выдающихся. За ними идет армия посредственностей, за которой следует масса дурачья. А так как посредственности и дураки всегда составляют огромное большинство, то немыслимо представить, чтобы они могли выбрать разумное правительство». И хотя сказано это о Франции, Россия в этом смысле ничем от нее не отличается.

Мария засмеялась.

— В точку! То же самое всегда говорил папа.

— Там у Мопассана еще было... дословно не помню, что-то о бессмысленной силе большинства... Да, вот: «Невежественное большинство всегда будет превалировать над гением, над наукой, над всеми накопленными знаниями...», ну и так далее. Мне кажется, этот закон нашего социума и стал в самом начале человеческой истории одной из причин возникновения Внутреннего Круга, хранящего накопленные прежними цивилизациями знания. Я тебя заговорил?

— Нет, очень интересно, честное слово! Со мной никто никогда не говорил о подобных материях, все больше о... — Девушка нахмурилась, замолчала. — Поражаюсь твоей памяти! Я всегда запоминала исторические факты с великим трудом.

— Что будем есть? Выбрала?

— Давай вместе.

Они взялись изучать меню и вскоре заказали ужин.

Мария выбрала «пестрый» салат, баклажаны с мясом и помидорами, рулет из ягненка с пряностями, блины с овощами и шампиньонами, закуски и на десерт пирожное — корзиночки со свежими ягодами. Стас предпочел салатное ассорти, пироги с вязигой, кулебяку (рис и рыба), копченого лосося, тарталетки с красной и черной икрой и закуски. Из напитков выбрали черничный морс и минералку. Стас позволил себе бокал шампанского. То же самое взяла и Мария.

— Итак, на чем мы остановились? — подняла она бокал.

— На том, что жить вредно, жизнь жестока, а регулируют ее дураки. — Стас поднял свой бокал. — Но пить мы за это не будем. За тебя, Марго!

— За встречу, Стас.

Они отпили по глотку шампанского.

— Честно говоря, не думал, что ты согласишься встретиться, — признался Стас.

— Почему? — удивилась девушка.

— Вокруг тебя полно кавалеров с тугими кошельками и кучей телохранителей.

— Разве ты беден?

— Нет, но... я не то хотел сказать. Просто такая девушка, как ты, очень яркая, не остается незамеченной...

— Ты прав, кавалеров хватает, — Мария сделала милую гримаску, — но среди них нет ни одного человека Круга, владеющего воинскими единоборствами так, как Станислав Котов.

— Я далеко еще не человек Круга.

— Но ты и д е ш ь! — Глаза девушки внезапно вспыхнули, Стаса буквально обожгло, встряхнуло, и он понял, что ошибался: Светлада жила в сознании Марии все время, а ее поведение было всего лишь тестом для нового знакомого, и прошел ли он этот тест «на профпригодность и интеллект», Стас не знал. Впрочем, взгляд Марии он расшифровал, с изрядной долей иронии, как «годен без ограничений».

— Мы говорили о жестокости жизни, — задумчиво проговорила Мария, принимаясь за еду с непосредственностью школьницы. — Что ты сам вкладываешь в понятие «жизнь»?

У Стаса непроизвольно сжались мышцы живота. Вопрос был задан неспроста, он это чувствовал, возможно, от его ответа зависело окончательное суждение девушки об его умст-

венных, а то и душевных способностях, поэтому отвечать не спешил.

— Знаешь, своего мнения по этому вопросу я, по-моему, еще не выработал. Могу только поделиться мнением ученого, которое мне близко по ощущениям. В узком смысле данного понятия жизнь — способ действий человека, при котором он совместно с другими людьми образует единый живой — соборный, как говорят, — организм, эгрегор. В широком смысле — это способ динамического взаимодействия энергий разных видов. Но существует и метафизический смысл жизни — арена борьбы сил Света и сил Тьмы.

— Да, я не ошиблась в тебе, — улыбнулась Мария с каким-то облегчением и в то же время с ноткой грусти. — Ты избрал правильную даршану[1].

— У меня хорошие учителя.

— Надеюсь, это не Рыков?

Стас уловил подковырку и, зная отношение дяди к маршалу СС и кардиналу Союза Девяти, отрицательно качнул головой. Подвинул к себе салат, взял вилку.

— Рыков — босс Сверхсистемы, подмявшей государство. Как говорит мой дядька, он в ответе за все, что происходит в стране.

— Не он один. Но Рыков — Антихрист, «темный аватара», авеша Монарха, создающий в настоящий момент с помощью тотального зомбирования эгрегор Тьмы. Если он добьется своего, человечество неминуемо погибнет.

Стас начал сосредоточенно жевать, потом сказал, не меняя флегматичного выражения лица:

— Вам не кажется, Марго, что для танцовщицы вы... как бы это сказать... слишком...

— Умна? — засмеялась Мария. — Ты прав, Воин. Но ведь ты давно догадался, кто я? Не только избалованная дочь крутых родителей, но и авеша Светлады. Не так ли? Разве ты не узнал меня там, в клубе «Звезда»?

— Узнал, — хладнокровно кивнул Стас. — Но думал, что авеша — явление временное, пришла — ушла...

— В принципе ты прав, «проекция» высших существ на

---

[1]Даршаны (зеркала духовного восприятия, видения) — школы философии *(инд.)*.

человеческую личность не может обитать в теле-сознании человека долго по разным причинам, но я — исключение.

— Кто — ты?

— Если Светлена — эмоциональный двойник инфарха, то я — его духовный двойник, так сказать, третье «Я». И контактирую я только с теми, кто мне интересен, свободен от стереотипов восприятия и наделен интуитивным знанием добра и зла.

Стас изобразил скептическую усмешку.

— Я не Бог, чтобы обладать столь глубокими качествами.

— Но в богов ты веришь?

— Не знаю, наверное, нет, — вздохнул Стас. — По-моему, эпоха личных богов, обладающих знанием добра и зла, моральных норм, созидающих и разрушающих, эмоциональных и энергичных, прошла. Наступила эра Бога безличного, признающего только логику и холодный расчет. Его не интересуют ни добро, ни зло, только экспериментальное знание. Вселенная ему нужна лишь для проверки своих концепций и Игры с самим собой.

Мария долго изучала мягко-безмятежное лицо собеседника, так что Стас в конце концов почувствовал себя неловко, хотя чувства свои не выдал, и проговорила:

— От всей души желаю достичь тебе атма джайя[1]! Ты можешь добиться того, чего не добился один человек...

У Стаса перехватило дыхание.

— Этот человек... Матвей Соболев?! Что ты знаешь о нем?!

— Разговор о Соболеве — не для ресторана.

— Почему? На нас никто не обращает внимания...

— Котов! — притворно нахмурила брови Мария, и Стас сдался.

— Хорошо, хорошо, не расстреливай меня глазами, поужинаем и поедем куда-нибудь на природу. Я от тебя не отстану, так и знай.

— Испугал, — фыркнула девушка, — я сама от тебя не отстану... хотя не очень-то воображай по этому поводу. А поговорить мы можем и у меня дома.

— Это можно понимать как приглашение? Не поздно? Родители не станут коситься?

Мария засмеялась.

---

[1]Атма джайя — победа над самим собой *(категория индуизма)*.

— Ты задаешь слишком много вопросов, мне одной ответить сразу на все трудно. А родитель у меня один — папа, который сказал, что сегодня ночевать дома не будет. Мама умерла еще пять лет назад.

— Прости, я не знал.

— Ничего, все нормально. Я заметила, ты не ешь ничего мясного. Диета или вегетарианская школа?

— Последнее, дядя приучил. К тому же для поддерживания высоких физических кондиций организм должен быть свободен от холестериновых и жировых шлаков.

— Ты много занимаешься?

— По четыре-пять часов в день. Но ведь и ты, наверное, не меньше, у танцоров нагрузки высокие.

— Это уж точно, — кивнула Мария. — О свободном времени приходится только мечтать. Зато я зарабатываю на жизнь сама. Потанцуем?

Стас покосился на танцующие пары; оркестр уже занял свои места и начал вечернюю программу; зал почти весь был полон и сверкал обилием драгоценностей и обнаженных женских плеч.

— Я не большой любитель танцевать, однако отказать даме не могу.

Они станцевали блюз, потом танго, снова сели за столик, продолжая легкий светский разговор, узнавая друг о друге новые подробности, перескакивая с темы на тему, и хотя Стас жаждал услышать от девушки иную историю — о Соболеве, тему эту не затронул.

В начале двенадцатого они вышли из «Голливуд-клуба» в ночь, остановились у машины, заглядываясь на звезды, проступившие в небе, и на светящиеся окна ближайших высотных зданий.

— Красиво, — сказала задумчиво Мария. — Люблю смотреть на звезды, особенно в деревне. Здесь дома мешают и свет. Кстати, чем наши многоэтажки не муравьиные кучи?

— Скорее термитники, — кивнул Стас. — Я иногда думаю, что мы, возможно, произошли все-таки не от тараканов, а от муравьев. В крайнем случае от термитов.

Мария повернула к нему голову, в ее ставших загадочными и глубокими глазах отразились огни зданий, превратившись в звезды.

— Увы, идущий, Монарху понравились именно тарака-

ны — Блаттоптера сапиенс, и мы их потомки, как бы ни хотелось иметь предков посимпатичней.

Лицо девушки приблизилось, кожа Стаса ощутила его тепло. Повинуясь желанию, он медленно обнял Марию за плечи, притянул к себе и поцеловал. В тот же момент сработала сторожевая система организма, переводя его в состояние ментального озарения. Стас напрягся, переставая ощущать вкус поцелуя, чувствуя по крайней мере три чужих взгляда с трех разных сторон, скрестившихся на нем, но Мария шепнула ему на ухо:

— Не волнуйся, это свои. Папа, наверное, снова послал телохранителей, хотя меня это всегда раздражало.

Она повернула голову к шеренге темных автомобилей справа от машины Стаса.

— Сильвестр, это ты?

Вспыхнули подфарники одного из джипов, из него вышли две фигуры, одна широкая, громоздкая, как шкаф, вторая потоньше и повыше. Хорошо видевший в темноте Стас разглядел мужчин, и оба они ему не понравились.

— Сильвестр занят, — проговорил «шкаф» низким гулким голосом. — Он послал нас. Поехали, Мари.

— Слон? — узнала девушка телохранителя отца. — Я вас не вызывала, и сегодня я не одна.

— Ты поедешь с нами.

— Я поеду с другом, — нахмурилась Мария.

— Не упрямься как маленькая, — заговорил второй мужчина, с лицом худым, темным и морщинистым. — Ты же знаешь, что такое приказ.

— Я не поеду с вами, — ледяным голосом отрезала девушка. — Поехали, Стас.

Мужчины переглянулись, затем тот, кого Мария назвала Слоном, взял ее под руку, собираясь вести к джипу, но она вырвалась и отступила к машине Стаса.

— Э-э, джентльмены, девушка не хочет идти с вами, — вмешался тот, пряча гнев и стараясь говорить доброжелательно. — У меня тоже есть машина, и я довезу ее до дома в целости и сохранности.

— А ты бы лучше не совался не в свои дела, малец, — пробасил Слон грубо. — Идем же наконец, Мари. Нам приказано тебя доставить, и мы это сделаем, Сильвестр не любит невыполнения его приказов. — Он снова попытался взять девуш-

ку под локоть, но его лапа, способная, наверное, раздавить кирпич, встретила руку Стаса.

— Идите своей дорогой, ребята, — проникновенно попросил молодой человек. — Не давите на психику, не хочется вас обижать. Ей-богу, мы доберемся и без вашей помощи.

Телохранители Юрьева были профессионалами и не привыкли, чтобы им мешали, поэтому не стали вести словесную перепалку, а сразу начали действовать. Слон все же вцепился в локоть Марии, а его спутник коротко, без замаха, ударил Стаса в лицо... и с шумом отлетел к машинам напротив, врезавшись в бампер микроавтобуса.

Слон удивленно оглянулся на него, повернул голову к неподвижно стоявшему Стасу, начиная что-то соображать, сунул руку под пиджак и, утробно охнув от удара в живот, выпустил девушку. В то же мгновение Стас нанес ему удар тыльной стороной ладони по носу, одновременно передавая усыпляющий энергетический импульс.

Бугай-телохранитель хрюкнул, мотнув головой, ноги его подкосились, он упал на колени и завалился на асфальт лицом вниз.

Несколько мгновений стояла звенящая тишина. Мария удивленно разглядывала посланных Сильвестром людей, привыкших считать себя сильными и непобедимыми, потом перевела взгляд на спутника.

— Что ты с ними сделал?

Стас не успел ответить, из джипа выскочил водитель, вытаскивая на ходу пистолет. Он был в пяти-шести шагах и наверняка не промазал бы, если бы начал стрелять, а Стас вряд ли стал бы применять приемы космек, чтобы уцелеть, но в ситуацию вмешалась сила, о которой он забыл: Светлада.

Мария не произнесла ни слова, но глаза ее вспыхнули на миг, и водитель, споткнувшись, сунулся носом в капот соседней машины, тут же завопившей сиреной: от удара включилась противоугонная система.

— Поехали, — быстро сказала девушка.

— А они?

— Если ты их не убил, доберутся сами.

Стас проглотил ненужные объяснения, сел в «Фиат» и вывел его со стоянки, не обращая внимания на поднявшуюся возле здания «Голливуд-клуба» легкую суматоху.

Водитель одной из машин в длинной шеренге иномарок,

стоявшей с работающим мотором, но без включенных фар и габаритных огней, повернул голову к соседу и сказал бесстрастно:

— Он действительно хорош.

— Он подготовлен лучше, чем мы думали, — ответил так же бесстрастно спутник. — Придется готовить «волну выключения» по всем правилам.

— Поедем за ними?

— Их подстраховывает еще одна группа, не стоит «светиться» лишний раз. Это профессионалы «чистилища», причем Посвященные. Поехали на базу.

Не включая фар, серая «девятка» выкатилась из ряда машин, миновала незадачливых, приходящих в себя телохранителей Юрьева и, свернув в переулок за зданием клуба, исчезла.

Стас и Мария доехали до ее дома на Арбате без каких-либо эксцессов. Правда, ему показалось, что одно время их сопровождала синяя «Мазда» с двумя пассажирами, но потом она куда-то свернула.

Дом, в котором жил советник президента Юрий Венедиктович Юрьев с дочерью, принадлежал в свое время депутатам первого российского парламента и охранялся спецпостом ОМОНа, потому что в нем проживали и другие государственные чиновники. Квартира Юрьевых располагалась сразу на двух этажах — двенадцатом и тринадцатом: три комнаты на первом уровне, три на втором. Пока Мария переодевалась, Стас разглядывал гостиную в стиле Домана, заглянул в одну из спален и на кухню. Ничего особенного он не увидел, но именно простота убранства и строгость линий интерьера говорили об изысканности вкуса хозяина и о стоимости гарнитура. Стас не очень разбирался в стилях мебели, но по его оценке это была французская мебель эпохи рококо — с обилием резьбы, гнутых ножек с позолотой, гобеленовых драпировок и мотивов рокайля. Картина Пюви де Шаванна на стене в гостиной подтверждала приверженность хозяина к французскому искусству.

А вот кабинет Юрия Венедиктовича произвел на Стаса совсем другое впечатление. Он вошел в комнату, заставленную полками с книгами, прошелся по зеркально натертому паркетному полу, прислушиваясь к тишине помещения, и ему вдруг показалось, что все вещи открыли глаза и посмот-

рели на него. Он напрягся, освобождаясь от наваждения, отступил к порогу, понимая, что кабинет «запечатан» с помощью магических «формул отталкивания», и подумал, что отец Марии — далеко не обычный человек!

Сзади раздался шорох. Стас обернулся стремительно и онемел.

Мария стояла сзади и улыбалась, одетая во что-то белоснежно-серебристо-пушистое и кружевное, сквозь которое маняще проступали контуры тела.

— Нравится?

— У-у-у! — ответил Стас красноречиво.

Девушка засмеялась, оказываясь рядом, взяла его за руку и повела за собой.

— Это флай от Армани, я редко его надеваю, только для друзей. А ты молодец, если сумел войти в кабинет папы. Обычно это не удается сделать никому.

— Я не думал... не хотел...

— Не оправдывайся, я бы тоже полюбопытствовала. Кофе будешь? Или что-нибудь покрепче, у отца хороший бар.

— Кофе.

— Тогда пойдем в малую гостиную, она моя. А в этой отец обычно принимает своих гостей.

— Почему же она не закрыта?

— Отец запирает ее «печатью отталкивания» только во время совещаний и встреч.

— Он Посвященный?

— Разве ты не знал? Он кардинал Союза Девяти.

Оглушенный известием, Стас остановился. Мария, поднимавшаяся впереди по лестнице, повернулась к нему. Глаза ее мерцали и смеялись.

— Разве что-то изменилось? — сказала она с мягкой улыбкой. — Я стала другой? У нас разная вера, разные касты, взгляды?

— Нет, но...

— Я ведь знала, что ты — воспитанник Посвященных, Соболева и Балуева. Но для меня это никакого значения не имеет. А для тебя так важно, кто мой отец?

Стас справился с волнением и твердо сказал:

— Нет!

Мария, понимавшая, чего это ему стоило, спустилась на ступеньку ниже, коснулась губами его щеки и снова потяну-

ла за руку наверх. У Стаса стало легко на душе и одновременно тревожно, потому что жизнь не предлагала случайных встреч и за все удовольствия требовала платы. Их встреча была кем-то запланирована, а что из этого получится, не знала, наверное, и сама Светлада, завладевшая сознанием Марии.

Малая гостиная Марии представляла собой уютную комнату с камином, толстым ковром на весь пол, журнальным столиком посредине и пятью креслами, образующими пентаграмму. Светильник в форме лотоса мягко освещал столик, создавая вне освещенной зоны теплый полумрак. Стаса усадили в кресло, принесли кофе, Мария забралась с ногами в кресло напротив, что, как помнил юноша, любила делать Кристина, подруга Матвея Соболева, и они принялись слушать тихую музыку, включившуюся словно по взгляду хозяйки, насыщенную волшебными звуками виолончели.

— Тебе грозит опасность, — сказала Мария без всякого перехода, отпив глоток ароматного напитка.

Она была так женственна, красива и желанна, что у Стаса, как при прыжке в воду, перехватило дыхание, и он не сразу понял, о чем речь.

— Ерунда, прорвемся, — запоздало отреагировал он, тут же внутренне собираясь; с ним сейчас говорила не Мария, а Светлада, необязательные, как и при любом знакомстве, разговоры закончились, обнажилась суть того, что составляло информационную базу «проекции» Светлады на личность Марии.

— На тебя нападали дважды, — продолжала девушка, в глазах которой заструилось пламя з н а н и я. — Дважды твои враги ошиблись, недооценили тебя, в третий раз они подготовятся значительно более серьезно.

— Да кому это я перебежал дорогу? — удивился Стас. — Кого обидел? У меня никогда не было врагов.

— Теперь есть, хотя точного ответа я тебе дать не могу. Знаю лишь, что иерархи здесь ни при чем. Но по Земле сейчас разгуливает ликвидатор людей Внутреннего Круга, который уничтожает всех без разбора: Посвященных всех ступеней, кардиналов Союзов Неизвестных, старейшин и даже и д у щ и х в Круг, кандидатов в Посвященные. Ты — кандидат и поэтому тоже подлежишь уничтожению. Чем тебе помочь, я не знаю, просто будь осторожен.

Стас хотел с пренебрежением сказать, что он всегда осто-

рожен и не привык лезть на рожон, но вместо этого проговорил:

— Буду. Спасибо.

По губам Марии скользнула легкая ироническая улыбка.

— Ты не понимаешь всей трагичности своего положения, Котов. Твой дядя брал тебя с собой в поход за границу реальности?

Стас едва не обжегся, сделав слишком большой глоток кофе, однако постарался не показать виду.

— Откуда ты знаешь?

— Об этом скоро узнают все кардиналы. И за вами начнется охота. Никто из Посвященных «запрещенной реальности», за исключением Хранителей, не имеет тхабс, а так как угроза быть уничтоженными Истребителем Закона велика, они захотят овладеть тхабсом, чтобы убраться с Земли. Поэтому я и была послана сюда.

— Кем?

— Инфархом. Он низложен, однако его миссия в «розе» еще не закончена и он многое может и должен сделать.

— Где Матвей Соболев? — Стас поставил чашку на столик и требовательно посмотрел на Марию. — Что ты о нем знаешь? Почему он не вернулся вместе с друзьями в нашу реальность? Кто такой Истребитель Закона, убивающий Посвященных? Кто его послал? Какой закон он должен «истребить»?

Стас увидел искру смеха в глазах девушки и нахмурился.

— Я снова задаю слишком много вопросов? У тебя есть на них ответы?

— Не на все, — виновато покачала головой Мария. — Я не знаю, кем послан Истребитель, но знаю, что с благими намерениями и что задача была поставлена ему благородная: нейтрализовать заработавший в предельном варианте Принцип дьявола.

— Благими намерениями устлана дорога в ад... — пробормотал Стас. — Принцип дьявола — это... когда гибнут только хорошие люди?

— Этот принцип еще называется Законом переноса вины: расплачиваются за злодеяния и гибнут во всех войнах и конфликтах самые умные, самые сильные, добрые и красивые люди. Но опасность от знания нами причин охоты на людей Круга вряд ли уменьшится. Ты попал под прицел и должен

ждать очередной атаки. Что касается Соболева... Вся история Инсектов — это история войны всех против всех. А поскольку человек — потомок Инсектов, то его история тоже представляет собой непрерывную цепь войн.

Стас хотел сказать: при чем тут Соболев? — но сдержал порыв.

— Иерархи — по сути новое человечество, — продолжала девушка, — вырвавшееся на просторы Вселенной, «розы реальностей», как принято говорить, но и они — потомки Инсектов, не преодолевшие до конца их агрессивность и жажду власти. Подталкиваемые Монархом Тьмы, они не избежали сценария, разработанного еще Аморфами, братьями Монарха, и теперь в «розе» идет страшная война! Война всех против всех — за передел мира, за власть, за трон Мастера Мастеров, который вынужден был освободить инфарх.

— Ну и при чем тут Соболев? — все же не выдержал Стас.

— Матвей Соболев — участник этой войны. Это все, что я о нем знаю. Он жив, как и его друзья, но на чьей стороне воюет, где, с кем — неизвестно.

Мария замолчала, наблюдая за игрой теней на лице собеседника, и Стас постарался сделать глубокомысленную мину. Впрочем, он и в самом деле погрузился в размышления, ошеломленный услышанным, и вышел из этого состояния не сразу.

— А почему ты... вы... решили контактировать именно со мной, а не с дядей? Или с вашим отцом?

Мария улыбнулась.

— Мы как будто уже перешли на «ты». Если я скажу, что ты симпатичней твоего дяди, ты поверишь?

Стас порозовел, рассердился.

— Не поверю. Это не причина.

— Ну и напрасно. — Мария засмеялась и тут же стала серьезной. — Есть и другие причины. Ты — один из немногих идущих, кто может стать Воином Закона Справедливости. И я хочу тебе помочь. Не возражаешь?

Стас усилием воли вернул себе самообладание, допил кофе.

— А вы... ты не ошибаешься во мне?

— Если и ошибаюсь, то чуть-чуть. — Девушка показала пальцами насколько. — Но ведь мой выбор тоже подчинен закону.

— Какому?

— Ну, закону лотереи, например.

Стас вспомнил прочитанную им по совету Василия книгу Злобина «Мешок законов».

— Один человек сформулировал свой закон лотереи: без выигрыша!

Мария засмеялась, выпорхнула из кресла, взъерошила волосы на затылке юноши, как это делала десять лет назад Кристина, и убежала.

— Сейчас принесу чего-нибудь вкусненького, после этих ресторанов всегда так есть хочется.

— Может, я уже пойду? — спросил открытую дверь Стас. — Поздно уже.

Мария вернулась с подносом в руках, глядя на него с ожиданием и вызовом, и тогда он отбросил все свои сомнения и подхватил ее на руки.

Глава 11

МЕЙДЕР ПРОТИВ МАНИПУЛА

В квартиру Балашовых бандиты Узбека ворвались в два часа ночи. Дверь хозяин квартиры недавно поменял на металлическую, но мастера, делавшие и устанавливавшие ее, были связаны с бандой, и проблем с открыванием не возникло. В налете на квартиру бизнесмена, из которого надо было выбить долг в тридцать тысяч долларов, сам Узбек (кличку он получил за узкие глаза и острые скулы, хотя по паспорту звался Федором Кузьмичем Шаповаловым) не участвовал, но ждал группу в лесу, возле сторожки, где банда хранила инструменты для пыток.

Несмотря на мольбы Балашова и клятвы все отдать в течение двух дней, его семью: жену, шестидесятипятилетних мать и отца, семилетнего сына, — привезли к бревенчатой сторожке и первым делом подвесили всех за ноги к ветвям деревьев. Потом за дело взялся Шура Палькин по прозвищу Бык. Два года назад он освободился из колымских лагерей, где сидел за то, что облил бензином человека и поджег. В банде же он прославился виртуозным владением паяльной лампой, а также тем, что многим жертвам выплескивал в лицо расплавленный битум. Изредка он пользовался и своим старым приемом: звонил в квартиру, и когда ничего не подозре-

вавший гражданин открывал дверь, — Бык выплескивал на него из кружки бензин и поджигал.

Возле сторожки Шура Палькин действовал разнообразней, во всю «мощь» своей ущербной больной фантазии. Заклеив жертвам скотчем рты, он разжигал под висящими людьми костры и подкладывал дрова до тех пор, пока у тех не начинали трещать волосы. Завязывал вокруг шей висящих шнуры, пропитанные спиртом или бензином, и поджигал. Привязывал к рукам тяжести, пока не обламывались ветви деревьев и жертва не падала на угли костра. Надевал на головы надутый полиэтиленовый мешок, завязывал, ждал, пока лицо жертвы не посинеет, и протыкал пакет сигаретой. Это называлось у него «запустить воздушный шар». А то просто давал в руки лопату и приказывал жертве копать себе могилу. Таких ям в окрестностях сторожки насчитывалось уже десятка два. Но самым любимым способом развязывания языков был у Быка один, называемый «похоронами». Он запихивал людей в гроб, заколачивал гвоздями крышку и начинал пилить доски двуручной пилой.

С семьей Балашова работал он именно таким образом. «Сжалился» только над сыном бизнесмена: привязал его к стволу сосны и заставил смотреть, как он «хоронит» мать и отца.

Через час «работа» закончилась, Балашов сдал своих коллег из фирмы «Карачарово и К°», торгующей компьютерами и аксессуарами к ним, рассказал, где прячет «резервные» деньги, и пообещал через два дня отдать долг «дружеской» фирме, заказавшей выбивал. После этого семью отвезли к Кольцевой дороге со стороны Каширского шоссе и оставили избитых, обессиленных, буквально поседевших и постаревших людей у обочины.

Факт этот стал известен Василию спустя сутки после случившегося, и уже к среде пятого июня он подготовил план операции по уничтожению банды Узбека, на счету которой было уже не менее трех десятков разбойных нападений на мелкооптовых торговцев и бизнесменов средней руки, не заявлявших о нападениях по причине не полной законности своих доходов.

— Пора завязывать с этими силовыми акциями, — сказал Василию Самандар, провожая Котова к машине с мейдером. — Бороться с криминалом на этом уровне бесполезно,

до уровня прежнего «чистилища», возглавляемого Тарасом Горшиным, нам все равно не подняться.

— Больно вы пессимистичны сегодня, Вахид Тожиевич, — прищурился Василий. — Мне самому не нравится намек Рыкова на то, что деятельность «чистилища» входит в его расчеты. Получается, что он то разрешает нам работать, то не разрешает.

— А разве это не так? Подумай сам. Мы таскаем только мелкую рыбу, крупная постоянно срывается. К тому же Рыков никогда не бросает слов на ветер. Мы еще только планируем уничтожить сеть подпольных оружейных мастерских, а он их уже перебазировал. Теперь снова придется искать по всему Подмосковью.

— Тем более надо их отыскать и уничтожить! В назидание Герману. Мы тоже кое-что умеем. И плевать мне на его «разрешение»!

— Плевать-то плевать, но даже сброс «К-реестра» в сеть спецслужб ничего почти не дал. Рыков его блокировал.

— Ладно, потом подумаем, что делать дальше. Ты с нами не пойдешь?

— Душа не лежит. Чувствую опасность. После того, как неизвестный ликвидатор накрыл ракетами дачу Бабуу в Подмосковье и едва не угробил Сход (!), следует ожидать всего.

— Не паникуй. Маразм крепчает, но и мы не лыком шиты, прорвемся.

— И все-таки будь повнимательней. Ни пуха.

— К черту!

Василий сел в микроавтобус с надписью по борту «Реанимационная служба». Машина выехала со двора в сопровождении фиолетового «Линкольна» с мигалкой наверху. Самандар постоял немного, провожая эскорт внутренним взором и одновременно ощупывая пространство в ментальном поле в поисках опасности, сел в свою машину, посидел, прикидывая что-то про себя, и включил мотор.

В начале двенадцатого ночи в ресторан «У Максима», располагавшийся в подмосковном Новогирееве недалеко от автовокзала, вошли по одному и по двое семь человек. Четверо из них разошлись по залу, сели за разные столики вокруг центральной площадки со сдвинутыми вместе столами, где гуляла веселая компания — восемь молодых и не очень людей и столько же, если не больше, подруг — во главе с черно-

волосым мужчиной средних лет с узкими глазами и острыми скулами.

Трое других запоздалых гостей ресторана сели за один столик недалеко от компании, заказали соки, овощи, грибы и кофе. Ровно в половине двенадцатого Василий — он сидел за этим столиком и в своем костюме в черно-белую полоску, с наклеенными усами и бородкой выглядел солидно — подозвал официанта, протянул ему конверт и кивнул на веселящихся посетителей:

— Отнеси хозяину стола.

Официант взял конверт вместе с полусотенной купюрой, ловко спрятал ассигнацию и подошел к Узбеку:

— Велено передать.

— Что это? — Узбек взял открытый конверт, вытащил оттуда прямоугольник из белого плотного картона с тисненым золотым кинжальчиком и буквами ККК, и лицо его изменилось. — Кто передал?!

Официант показал на стол, за которым сидели «солидные люди». Узбек подозвал пальцем подручного, шепнул ему на ухо:

— Троих фраеров за тем столом видишь? Приведи их сюда.

Василий прихлебывал минеральную воду, слушая командира своего мейдера, бывшего «афганца», капитана разведки Соколова Веню, когда к столу подошел волосатый, с громадным животом, потный мужик в сопровождении двух здоровенных лбов в лопающихся на груди рубашках.

— Эй, громадяне, пробачьте, — просипел он, — босс приглашает вас за свой стол. Вставай, пошли.

— Спасибо, — вежливо сказал Вася, не глядя на троицу. — Нам и здесь неплохо. Так вот, — продолжал он, обращаясь к внимательно слушающим его собеседникам. — Племяш и говорит: чтобы ограбить банк, нужно купить оружие, создать банду и набрать в нее побольше хороших людей.

Соколов и его помощник по мейдеру засмеялись.

— Сколько ему лет?

— Шесть.

— Нормально парень рассуждает.

Бык, с недоумением прислушиваясь к разговору тех, кого приглашал шеф, нахмурился. Было видно, с каким усилием в его маленькой, сдавленной у висков голове ворочаются мысли.

— Вы что, бакланы, оглохли?! Босс зовет за свой стол! А нука шустренько, на четвереньках...

Человека исправить нельзя, а тем более бандита-рецидивиста, насчет этого Вася не питал никаких иллюзий, но так хотелось иногда, чтобы подопечные «чистилища» начали прозревать, уходили из банд.

— Объясни товарищу, — кивнул он.

— Отвали, — негромко посоветовал бандиту Соколов, похожий на Василия усами и бородкой. — Если ему надо, пусть сам подойдет и попросит.

Приглашающие в замешательстве переглянулись, потом один из качков с выбритыми висками и затылком шагнул к столу, сгреб Веню за пиджак, собираясь поднять со стула, и осел рядом, выпучив от изумления глаза, а потом вообще упал лицом вниз. Удара никто не заметил, только Василий. Он показал своему коллеге большой палец. Такой удар в русбое назывался «щекотуха» и наносился в солнечное сплетение суставом указательного пальца. С энергетическим «выдохом» такой удар смертелен.

— Ах ты, бля!.. — взревел Бык, замахиваясь, но тут же его сиплый рев перешел в тонкий вопль: Вася, не вставая, ударил его ладонями по ушам, а второму мордовороту сунул в горло «коготь тигра» — согнутые суставы пальцев левой руки. Парень с грохотом рухнул в проход, задев соседний стол, и наступила тишина. Только повизгивал, согнувшись и зажав уши, Бык. Посетители ресторана за соседними столиками перестали разговаривать, пить и есть, обернулись на шум. Притихла и компания Узбека, но сам он еще ничего не понял, иначе действовал бы по-другому.

— Не привязанный, а визжишь, — укоризненно глянул на Быка Василий. — Что, больно? А когда ты людей жег паяльной лампой, бил и мучил, тебе больно не было?

Налитые кровью глаза Быка выпучились еще больше.

— Т-ты х-хто такой, падло?!

— Смерть твоя, — хмыкнул Соколов, нанося удар снизу вверх в брюхо Быка. Тот хакнул и, хватая ртом воздух, закатывая глаза, упал навзничь, так что вздрогнул пол ресторана.

Завизжали девицы, дружки Узбека повскакали с мест, хватая ножи и бутылки, сам же он незаметным движением вытащил пистолет и сдвинул предохранитель.

— Пора, — сказал Василий.

Дальнейшее происходило в течение нескольких секунд.

Одновременно встали из-за столов вокруг компании четверо бойцов мейдера, скользнули к сдвинутым столам и нанесли по одному удару, каждый — «своему» бандиту. Узбек вскочил, опрокидывая стол и поднимая пистолет, и в это мгновение в глаз ему вонзилась стрелка-сюрикэн, брошенная Василием.

Умер Федор Кузьмич Шаповалов по кличке Узбек, тридцати семи лет от роду, вор в законе, специалист по мокрым делам, мгновенно.

Его подельникам повезло меньше, они еще некоторое время жили.

Шум в зале ресторана начался уже после того, как сделавшие свое дело бойцы мейдера подошли к машинам.

— Остались трое, — сказал Веня Соколов. — Фима Мудлин по кличке Мудак, Боб Блаватый и Серж Лещенко.

— Займитесь ими без меня, — сказал Василий, вдруг ощутив пронзительный леденящий ветерок о п а с н о с т и. — Тихо! Где наши парни, наблюдатели?

— Здесь должны быть, где же еще им... — Соколов не договорил.

Со стороны парка, подходившего к ресторану почти вплотную, засверкали вспышки выстрелов, послышались звучные шлепки пуль в борта машин и в тела людей. Одна из них досталась Соколову, и, если бы не бронежилет под костюмом, командир мейдера был бы убит.

Василия пули миновали, он среагировал на боевые действия раньше, чем они начались, и вошел в состояние ментального озарения совершенно свободно, практически без усилия. Сказалась практика. Дальше он действовал один, независимо от мейдера Соколова.

Любая спецкоманда, попавшая под кинжальный автоматный огонь, реагировала бы одинаково: упасть, замереть, отойти с линии огня, спасти жизнь и только потом — принять ответные меры. Команда Соколова, обученная Горшиным, а потом Василием, действовала иначе.

Во-первых, ребята мгновенно открыли ответный огонь. Во-вторых, бросили в сторону парка две светобарические гранаты, на несколько мгновений ослепившие неизвестных стрелков. Вспышки гранат были ярче электросварки, а громкость взрывов превышала болевой порог — шестьдесят деци-

бел, так что стрелявшим пришлось несладко. Правда, при этом повылетали стекла у всех автомобилей возле ресторана и окна близлежащих домов.

В-третьих, бойцы мейдера после взрывов гранат бросились в атаку, используя приемы «качания маятника». Поэтому погибли из всей команды «чистильщиков» лишь три человека: двое наблюдателей группы поддержки, убитые из бесшумных снайперских винтовок, и один во время боя. Кроме этого, трое парней получили ранения разной степени тяжести в ноги, руки и в голову (одного пришлось потом госпитализировать), остальные отделались ушибами и царапинами. Нападавшие же потеряли шестерых.

Василий, двигаясь в т е м п е, обошел стрелков справа, по вспышкам определил местоположение каждого, и достал первого крайнего броском сюрикэна, второму сломал шею ребром ладони. Остальные стрелки располагались за бетонным основанием ограды парка, но ими уже занялись бойцы мейдера, и огонь их начал ослабевать.

Не теряя ни секунды, Василий оглядел поле боя (прошло всего секунд пятнадцать, и ни посетители ресторана, ни охрана, ни жильцы ближайших домов отреагировать на стрельбу еще не успели), вычислил центр управления нападавшими и метнулся к мощному «Доджу», стоявшему за углом парка, у выезда на площадь автовокзала. «Додж» пульсировал злым ч е р н ы м светом, и возле него виднелись две темные фигуры с приборами ночного видения в руках.

Бросок Василия они прозевали. Двигался он не только гораздо быстрее любого человека, но и быстрее, чем реагировали на его движение глазные яблоки наблюдателей, ибо т е м п — это не только психическое ускорение течения внутреннего времени, но и ускорение сокращения мышц владеющего сверхскоростными реакциями.

Что он зря понадеялся на свое мастерство, Василий понял после того, как разметал обоих наблюдателей с инфракрасными сканерами. Рванув дверцу джипа, он вдруг ощутил знакомый ледяной ветерок вдоль спины — с а к к и, «ветер смерти», и даже успел выстрелить в глубину кабины, но тот или те, кто там находились, разрядили в него «болевик».

Впечатление было такое, будто его облили кипятком. Однако длилось это ощущение недолго. «Тюбетейка» — генератор защиты от психотронных излучений, которую Вася но-

сил, не снимая, все же приняла на себя часть разряда генератора боли, а потом тренированный интеллект перескочил в измененное состояние сознания, которое Василий называл «вторым стабильным». Боль схлынула, однако тело не могло мгновенно очиститься от физиологических шлаков, порожденных стрессовой фрустрацией нервной системы, и Василий, буквально завязываясь узлом от жутких судорог, бросил тело под машину.

Это спасло его от второго импульса «болевика», которого он бы уже не выдержал, а затем в дело вмешались другие действующие лица.

Примчавшийся на помощь шефу Веня Соколов дал из своего «кипариса» очередь по джипу, заставив его пассажиров захлопнуть дверцы (стекла «Доджа» были бронированными и выдержали попадание) и дать задний ход. Переднее колесо машины проехало по руке оглушенного Балуева, разрывая ему кожу, однако, к счастью, миновало лицо. Соколов склонился над ним, выпустив машину руководителей операции из поля зрения, и был бы сбит — «Додж» внезапно рванул к ним, собираясь расплющить «чистильщиков» мощным бампером, но в это мгновение с расстояния в двадцать метров метнулся к «Доджу» длинный язык пламени, и под его днищем вырос веер огня и дыма.

Взрыв гранаты подбросил передок машины вверх, и хотя она продолжала двигаться в том же направлении, Соколов успел ухватить лежащего командира за пиджак и рывком выброситься вместе с ним из-под колес загоревшегося джипа. Подбежавший Самандар — это он стрелял из подствольного гранатомета — помог Вене поднять Василия на ноги и довести до своей машины.

Стрельба к этому моменту стихла. Бойцы мейдера подобрали своих раненых и убитых, расселись по машинам и по команде Соколова уехали. Тронул с места свою задрипанную «шестерку» и Самандар.

— Кто это был? — слабым голосом спросил Василий.

— Манипул Рыкова, — невозмутимо ответил Вахид Тожиевич.

— Мелешко?

— Успел уйти.

— А ты как тут оказался?

— Стреляли... — ответил Самандар тоном Саида из кинофильма «Белое солнце пустыни».

Разворошенный стрельбой и взрывами людской муравейник в центре Новогиреева остался позади.

— Ну, Герман Довлатович... — Вася сдавил пальцами виски, помассировал, сел прямее. — Ну, сучара, погоди!

Соколов засмеялся, сдирая фальшивые усы и бороду.

— Держит слово маршал СС, а, Василий Никифорович?

— Честно говоря, я не понимаю, зачем это ему надо, — сказал Самандар.

— Значит, мы действительно сильно прищемили ему хвост. «Эсэсовцам» теперь приходится с нами считаться, а кому это может понравиться?

— Может быть, он думает, что это мы охотимся на кардиналов? — Василий снял пиджак, закатал рукав рубашки и оглядел руку в крови, с лопнувшей кожей. — Вот черт!

— Полечить? — покосился на него Вахид Тожиевич.

— Я сам.

— У меня такое впечатление, — добавил Самандар, — что нас просто проверили на профпригодность. За этим нападением стоит кто-то еще, кроме Рыкова. Когда я подъезжал, мне показалось, что за рестораном ведется наблюдение на пси-уровне.

— Ликвидатор? — хмыкнул Василий.

— Не знаю, но уверен, что нам стоит выработать иные принципы защиты, связи и подстраховки друг друга. Либо выйти на самого ликвидатора и выяснить причины охоты.

— У тебя уже есть идеи?

Вахид Тожиевич не ответил, идей у него не было.

«Шестерка» продолжала мчаться по ночному шоссе вслед за машиной мейдера к центру Москвы, почти не встречая других машин, но Василию на мгновение показалось, что сверху, из-за плотного слоя облаков, накрывшего столицу, кто-то чудовищно чужой, огромный и угрюмый внимательно смотрит на них.

Глава 12

ПРОГУЛКА ПО ПАРКУ

Стасу снилось, что он пробирается, как ниндзя, в черную крепость, насыщенную странной призрачной жизнью, и спасает своего первого Учителя, заменившего когда-то отца,

Матвея Соболева. Причем процесс спасения тоже был необычным, хотя во сне Стас этого не сознавал: Соболев был расчленен на части, и надо было найти его руки, ноги, голову, заточенные отдельно друг от друга в мрачных камерах, принести к телу, лежащему на металлическом столе в камере пыток, и соединить в одно целое...

Проснулся Стас, «присоединяя» голову Матвея к туловищу, так и не узнав — спас он его или нет.

Шел седьмой час утра, из ванной доносилось шипение водяных струй, и Стас понял, что дядя Вася вернулся с очередного бандлика, а сам он опять проспал, не почувствовал его приход. Стоило задуматься, почему сторож организма не срабатывал на появление Василия Никифоровича дома.

Старший Котов вышел из ванной через четверть часа, в плавках, с полотенцем через плечо и с ножницами в руке, когда Стас уже начал свой ежеутренний тренинг. На руке дяди красовался длинный извилистый лиловатый рубец, которого раньше не было.

— Неудачно приземлился? — кивнул Стас на руку.

— Попал под машину, — небрежно, как о чем-то несущественном, сказал Василий, кистевым вывертом бросая в парня ножницы.

Стас восхитительным змеино-гибким движением тела и руки поймал ножницы, не двигаясь с места, бросил обратно. Вася поймал их с такой же легкостью и удовлетворенно подумал, что парню абсолютно не требуется тренинг адекватных реакций, он реагирует на жизнь вокруг свободно и точно, не хуже, чем в свое время сам Матвей Соболев.

— Что все-таки случилось? — снова посмотрел на рубец на руке дяди Стас.

— Нас перехватила команда Рыкова. В связи с чем нам необходимо срочно менять дислокацию. Сегодня вечером переедем.

— Куда?

— У меня сохранилась квартира... еще со времен службы в конторе.

— Квартира «по четырем нулям»?

Вася усмехнулся. «Четыре нуля» означали в ФСБ высшую степень секретности.

— По четырем. Когда начнется твой чемпионат?

— Послезавтра.

— Ты готов?

Стас подумал, напрягся, прогоняя мышцы волной по всему телу.

— Готовлюсь.

— А как ты собираешься выступать? — Василий бросил полотенце на спинку стула в гостиной, присел на край стола.

— Да как обычно... — Стас осекся, внезапно осознавая, что речь идет не о реальном бое, а о спортивном единоборстве, пусть в нем и допускались почти все приемы.

Василий с любопытством следил за изменением выражения лица ученика.

— Что, докумекал?

Стас, помедлив, кивнул.

Целью участника любых чемпионатов по борьбе и рукопашному бою было доказать судьям и зрителям свое превосходство над соперником. Стас же был воспитан и тренирован совсем в другом ключе — для выживания в реальном, тотальном бою, не ограниченном никакими правилами и моральными нормами, целью которого для любого его участника было уничтожение противника, выведение его из строя с максимальной эффективностью и быстротой. Поэтому технический арсенал Стаса составляли приемы травмирующего воздействия, запрещенные или редко употребляемые в спортивных состязаниях, не говоря уже о приемах техники усыпляющего касания или комбинаторики смертельного укола. Василий в свое время занимался всеми видами борьбы: карате, айкидо, капоэй-ра, каляри-ппаятт, дзюдо, синсимак и другими, — пока не остановился на тайдзюцу, представляющей, в общем-то, комбинированную систему самозащиты типа славянской комбы и русбоя, Стаса же он учил по своей личной методике, наиболее полно отвечающей индивидуальным психическим, физическим и моральным особенностям парня, за десять лет превратив его в бойца с высочайшим уровнем развития двигательных способностей, ловкого, быстрого, владеющего т е м п о м, мгновенно ориентирующегося в пространстве, в любой ситуации, сильного и выносливого, но — приспособленного к схватке без правил, к бою насмерть! К чемпионату, о котором шла речь, Стас в этом смысле готов не был.

— С одной стороны, тебе было бы полезно поиграть в эти игры, — сказал Василий, — с другой — ты себя раскроешь.

— Кому?

— Тем, кто за тобой охотится.

— Что же, мне отказаться?

Василий в сомнении почесал пальцем бровь.

— Есть один вариант... но он очень опасен. По сути, если я тебе разрешу участвовать в чемпионате, я тебя подставлю. Но, с другой стороны, можно будет попытаться вычислить...

— Охотников! Я согласен, — быстро сказал Стас.

— Не сомневаюсь. И все же мне надо все обдумать, прикинуть, сможем ли мы организовать подстраховку по уровню «элит». А пока не желаешь ли поработать в «лютом» бою?

Стас кивнул: «лютым боем» назывался стиль русбоя, рассчитанный на уличные драки, — и в то же мгновение Василий прыгнул к нему от стола, без всякой подготовки, с трех метров намечая удар стопой в голову.

Удар не прошел. Ответ Стаса — тоже. Они отскочили друг от друга и снова бросились вперед, хорошо зная манеру боя противника. В «лютом бою» удары наносились короткими сериями по два-три движения в уязвимые места, без финтов и отвлекающих маневров, поэтому результат — дерись оба в толпе — проявился бы сразу, в этом же спарринге оба бойца, одинаковые по силе и гибкости, но разные по опыту и знанию приемов, лишь получили «свист ветра» — мгновенные толчки воздуха, говорящие о намерениях каждого, но не проходящие как приемы из-за великолепного чувства дистанции и силы удара.

В конце концов закончилась схватка тем, что Василий поймал Стаса на отклонении от ложной атаки и локтем при повороте и смене позиции влепил ему в челюсть. Стас отлетел в угол комнаты, успев при этом уклониться от встречи со стулом, и сказал с некоторым разочарованием и вызовом:

— Я давно мог тебя «тукнуть»...

Имелось в виду применение приемов из системы ТУК.

— То-то и оно, — вздохнул Василий. — К сожалению, ты не боец арены, на татами судьи не поймут, что случилось, если ты усыпишь соперника.

— Какая разница, каким образом я его сделаю? Продолжать схватку он же не сможет?

Василий потер пальцем переносицу, снял со стены меч.

— Может, ты и прав. Но помахать руками и ногами, пока-

зать пару болевых контролей и бросков тебе придется — для зрителей. Бери свой синоби, поработаем пару минут.

Стас взял меч, закрепленный на специальной подставке.

Если японский меч катана, так называемый классический самурайский меч, — это настоящее произведение искусства, изящный изгиб лезвия и красота линий которого приводят в священный трепет истинных ценителей, то меч ниндзя — синоби-гатана, или ниндзя-то, гораздо проще по отделке и не имеет изгиба. В принципе он никогда и не был для ниндзя главным видом оружия, а лишь служил одним из инструментов, помогающих расширить естественные возможности человека. Тем не менее с этим мечом можно было не только отрабатывать базовые техники кэндо, учиться владеть приемами боя, но и участвовать в соревнованиях и защищать жизнь.

Стас по настоянию дяди занимался фехтованием всего третий год, однако за это время успел постичь принципы владения мечом, практикуемые современными кэндоистами: принцип сидзэн — естественность, подразумевающий обращение с оружием на уровне рефлекса, когда боец не задумывается — к а к ему ответить или ударить; принцип инсин тонкэй — минимум усилий — максимум результата, который учит сражающегося побеждать не силой и напором, а умением и знанием слабостей противника и требует экономичности любых движений, строгой рациональности и точного интуитивного расчета; и принцип нагарэ — текучесть, основанный на змеиной гибкости тела, плавности движений, легком переходе от одного приема к другому и на отшлифованной до совершенства базовой технике.

Принципов боя на мечах существовало, конечно, больше, например, такие, как доай, означающий: защита есть атака, или кухо — девять направлений, но эти принципы были уже заложены в базовую технику.

Со стороны их бой зрелищным назвать было трудно. Бойцы легко перемещались по комнате, обтекая препятствия, покачивая кончиками мечей, направленными на противника, и лишь изредка взрывались, порождая всплески нападений-защит из четырех-пяти движений. Закончился бой тем, что Стас получил две царапины — на плече и на бедре, Василий одну — на груди.

— Растешь, — сказал Василий, салютуя противнику. — Как провел вечер?

— Нормально, — ответил Стас, разглядывая свои царапины.

— Полечить?

— Сам справлюсь, — помотал головой молодой человек. Он умел залечивать и более серьезные раны. — Может, потренируем иайдо?

— Давай.

Контролируя друг друга, они еще немного позанимались с мечами: Василий вытаскивал меч из ножен и наносил удар за четверть секунды, Стасу удалось проделать ту же процедуру за две десятых секунды.

— Растешь, — снова похвалил парня Котов. — В средневековой Японии конкуренции тебе не было бы. Ну и о чем у вас шел разговор с Марией?

Стас бросил на дядю, мрачновато-простодушное лицо которого могло обмануть кого угодно и не служило зеркалом его настроений, внимательный взгляд.

— Мария — не обычный человек.

— Это интересное умозаключение. Чем же она отличается от обычного человека?

— Она авеша Светлады. Я давно хотел с тобой поговорить о ней... честно.

— Верю. Может, она авеша Светлены? Что-то я не слышал ни о какой Светладе.

— Она сестра Светлены. — Стас улыбнулся, заметив недоумение в глазах дяди, и тут же погасил улыбку. — И это не главное.

— А то, что Мария — дочь кардинала Юрьева, ты знаешь?

Стас кивнул.

— Это тоже не главное. Она... они... черт, никак не привыкну, две личности в одной... Короче, Мария-Светлада кое-что знает о Соболеве.

Василий мгновение смотрел на парня, прищурясь, потом указал на стул:

— Садись, рассказывай.

— Да рассказывать особенно и нечего. Матвей Фомич жив, но где он находится, она не знает. В «розе» идет война между иерархами...

Глаза Василия потемнели.

— А о... спутниках Соболева ничего не слышно?

Стас понял, что дядя жаждет услышать что-нибудь об Ульяне Митиной. Историю их коротких отношений (или не очень коротких, если считать повесть Матвея Соболева об изменении реальности истинной) он знал, но обрадовать дядю ничем не мог.

— Они тоже уцелели. Хотя прямых сведений об их судьбе у Светлады нет. Но ведь мы их найдем, дядь Вась?

— Хотел бы я знать, почему они не возвращаются?.. — пробормотал Василий. — Что ты сказал? А... да... найдем, конечно. Иди, купайся первым, я за тобой. Какие у тебя планы на сегодня?

— Сдать зачет по кванттеху и встретиться с Марией. А что?

— Будь дома не позднее шести вечера, может быть, пойдем в «розу».

— Всегда готов! — вырвалось у обрадованного Стаса.

В десять часов утра он сдал зачет в числе первых, выпил по этому поводу в институтском баре томатного сока и поехал на встречу с Марией. Встретиться они договорились у северного входа в Битцевский парк, который недавно облагородили муниципальные власти: очистили от мусора, проложили ряд асфальтовых дорожек, установили фонари, понастроили детских и музыкальных площадок, небольших кафе и ресторанчиков.

Мария была одета в летний сарафан, открывающий длинные загорелые ноги, и сандалии с обвивающим лодыжку ремешком. На нее оглядывались, и Стас невольно чувствовал себя обладателем сокровища.

— У меня всего два часа, — сказала девушка, целуя Стаса. — В два часа разбежка, потом обед, репетиция, час отдыха и выступление в «Манхэттен-экспресс». Придешь?

— Не знаю, — покачал головой Стас.

— Тренировка? Или ты... куда-то собрался? — догадалась Мария, подхватывая Стаса под руку.

— Куда-то, — сказал Стас, не зная, как обойти скользкую тему.

Они медленно пошли по парку, залитому солнечным светом, по-летнему яркому и праздничному.

— В следующий раз, когда соберетесь в «розу», спроси своего дядю, могу ли я пойти с вами. Обузой не буду, к тому же я неплохо ориентируюсь в «розе».

— Хорошо, — с облегчением пообещал Стас.

Купив мороженое, они свернули в боковую аллею, ведущую к прудам. Мария принялась рассказывать о своих поисках жизненного предназначения, как она поступала учиться в Театральную академию, потом в Международный институт права, а остановилась в конце концов на танцевальном училище.

— Хотя я научилась шить и кое-что могу сама, — добавила она с непосредственностью школьницы. — Один наш кутюрье даже приглашал меня в свой салон моды.

— Чего же не пошла? — поинтересовался Стас.

— Много хочет, — повела плечом девушка.

Стас подумал и перевел разговор на другую тему. Захотелось рассказать подруге, как Матвей Фомич Соболев и его Кристина десять лет назад вылечили ему ногу и открыли дверь в мир здоровых и подвижных людей.

— С тех пор я занимаюсь рукопашным боем и философией Пути, — закончил он. — О Внутреннем Круге знаю все, что знает дядя Вася, но этого мне мало. А пользоваться астралом он не разрешает.

— Ты ходишь в астрал? — странно посмотрела на него Мария.

— А что тут такого? — удивился Стас. — Это же очень легко.

Мария засмеялась, и Стас ответил ей сконфуженным взглядом: он действительно свободно выходил в астрал и даже в ментал, хотя делал это из-за дядиного запрета редко, но получилось, что он как бы хвастается.

— Ты иногда меня умиляешь, Котов, — весело проговорила девушка. — Особенно когда в тебе просыпается эстет и философ. Это очень напоминает мне картину одного современного художника: автоматчик с засученными рукавами нюхает ромашку.

— Неужели я похож на автоматчика? — пробормотал Стас.

— Нет, но впечатление примерно такое. Не обижайся. Воин Пути обязан быть философом и поэтом, любителем природы. Кстати, каким видом единоборств ты занимаешься?

— Ниндзюцу.

— Почему не русбоем? Ты же русский. Я имею в виду тип сложения и физические данные.

— В астрале хранятся интересные сведения о том, что так

называемые восточные единоборства — русского происхождения. Они идут от приемов рукопашного боя, которыми владели русские воины еще семь с половиной тысяч лет назад.

— Ты хочешь сказать, что история Руси длится не тысячу лет, как об этом говорят, а гораздо больше?

— Несомненно. Единственное, чего я не понял, почему эта информация о русских стала эзотерической, тайной. Неужели тебе об этом ничего не известно?

— Я специально не занималась историей Руси, да и единоборствами тоже, но теперь поплаваю по астралу, это действительно интересно.

Они вышли к прудам, но к воде подойти не смогли, здесь еще шла работа: рычали трактора, расчищая площадку, рабочие в оранжевых жилетах укладывали асфальт, устанавливали ограждение и убирали грязь.

— Жаль, что нельзя подойти ближе, — сказала Мария, глядя на водную гладь. — Когда закончится благоустройство, здесь будет красиво.

— Мы можем пройти справа, мимо штабелей досок, — предложил Стас. — Мне тоже хочется полюбоваться видом. Там дальше симпатичная аллейка виднеется.

Они обошли стройплощадку, по склону небольшого холмика спустились к тенистой липовой аллее, огибающей пруд и уходящей к западному краю парка. Цивилизация сюда еще не добралась, и гуляющих практически не было видно. Но уединения данное обстоятельство не гарантировало. Не успела молодая пара пройти полсотни шагов по аллее, как у Стаса сработала интуиция, и он понял, что напрасно повел Марию «на природу». А через несколько секунд впереди на аллею вывалилась из-за деревьев компания подростков, изнывающая от желания «оттянуться».

Их было около десятка и принадлежали они к нередкой в последнее время разновидности людей, которых называют «отмороженными». Это были именно подростки, самому старшему едва ли исполнилось восемнадцать лет, а младшему — лет четырнадцать, но менее опасными они по возрастным критериям не стали, а их неустоявшаяся психика, заставляющая сбиваться в стаю, держала парней в постоянном напряжении, которое они могли разряжать только издевательским поведением, куражом, агрессией, хулиганскими выходками. Действия таких стай обычно сопровождаются крайней жес-

токостью и бессмысленным садизмом. Догадаться же о замыслах банды несложно по хамоватым ухмылкам, свисту, бравированию, раскованности манер и традиционному приветствию: «Дядя, дай закурить». Эти парни хотели как можно реже напрягаться умственно и физически, как можно чаще отдыхать, развлекаться и «ловить кайф».

Стас еще не встречался с подобными стаями, но от дяди слышал, насколько они могут быть опасны. И еще он знал, что законов против таких молодежных банд родная Госдума так до сих пор и не приняла. Впрочем, если бы и приняла, результаты были бы минимальными. Как говаривал дядя Вася: закон — дерьмо, если нет средств для его реализации.

— Давай вернемся, — вполголоса заметила Мария, также не попадавшая в такие ситуации, но почувствовавшая исходящую от группы угрозу.

— Поздно, — пробормотал Стас, боковым зрением отмечая появление сзади еще двух подростков. — Олух я царя небесного, что не подумал об этом!

— Ты думаешь, они... полезут к нам?

— Будь уверена.

— Что будем делать? Может быть, убежим?

— Без драки не обойтись, они обошли нас сзади. Попробуем договориться, но я не уверен, что на них подействуют разумные доводы. Держись сзади и молчи.

— Можно взять их под гипноконтроль...

— Всех не возьмешь, к тому же мозги у этих ребятишек и так зомбированы — собственными примитивными желаниями. Но все же попытайся взять парочку, чтобы не вмешивались.

— Эй, дядя, дай закурить, — сказал один из парней, нагловатого вида, с челкой, легким пушком на губе, одетый в цветастый балахон, шорты и кроссовки на босу ногу.

Стас, чувствуя вздрагивающее плечо Марии, отступил к огромной липе, чтобы она была за спиной, сосредоточился взглядом на переносице парня, и наглая усмешка сползла с его лица. Раппорт прошел. Но все же подростков было слишком много, чтобы Стас мог справиться со всеми на психофизическом уровне. Вожак стаи, почти такой же высокий, как и Стас, — под метр девяносто, мускулистый, с татуировкой на левом предплечье, с медной серьгой в ухе, шагнул к остановившимся молодым людям.

— Слышь, мужик, не дергайся, если хочешь жить. — С гнусной усмешкой вожак крутанул в руке нож-бабочку. — Ты нам не нужен. Оставь девочку, деньги и вали. А будешь ерепениться... — Обладатель серьги снова поиграл ножом, в то время как его дружки демонстрировали кастеты и самодельные финки.

И Стас отчетливо понял, что парень не шутит. Во-первых, он был «под кайфом»: то ли накурился какой-нибудь дряни, то ли укололся, о чем говорил легкий флер безумия в его расширенных глазах. Во-вторых, он хотел выглядеть в глазах своих друзей мужчиной, и остановить его в таком состоянии мог бы, наверное, только внезапный десант ОМОНа. Стас снова в душе обругал себя за игнорирование советов дяди. Уже первые два нападения нельзя было причислить к случайностям, а третье и вовсе означало «волну выключения», организованную таинственным киллером. Но главной ошибкой было то, что Стас подвергал опасности жизнь Марии, что не оправдывалось ничем.

Нет, он не боялся схватки. У всякого хорошо подготовленного бойца любая угроза или агрессия вызывает не страх, а стенические эмоции, позволяющие ему использовать весь свой потенциал. Стас же и вовсе был воспитан воином, не боящимся смерти, и умел сражаться без участия сознания, на «автопилоте», на пределе возможностей. Но в данном случае он был не один.

— А может быть, разойдемся мирно? — сказал он почти дружелюбно. — Мы вас не тронем, вы нас.

— Ха, он нас не тронет! — оглянулся верзила на свою кодлу, дружно заржавшую в ответ. — Ты нам угрожаешь?! Да знаешь, что мы с тобой сделаем?!

Стас вздохнул. Он пытался сломить волю главаря шайки на ментальном уровне, но у него это не получалось. У Марии, судя по всему, тоже. Парень явно был зомбирован и нацелен, ему практически не требовался предлог, чтобы напасть, и встреча в парке скорее всего случайной не была. И тем не менее еще несколько мгновений Стас колебался, начинать бой первому или подождать нападения. Он еще не достиг уровня идеального бойца, не думающего о том, что врагов слишком много, а шансы на победу не слишком велики, но не прикидывал и последствий боя: что будет, если он

кого-то изувечит, сделает инвалидом или убьет. Останавливало Стаса лишь присутствие Марии.

Однако момент п у с к а ситуации приближался, как бы ни хотелось его оттянуть, и когда вожак стаи замахнулся с воплем: «Пободаться хочешь? Убью, стерво!» — Стас прыгнул ему навстречу.

Для него не существовало неудобных положений, любая поза была пригодна для продолжения схватки. Эти же ребята практически понятия не имели о реальном рукопашном бое и, хотя были вооружены кастетами и ножами, пользоваться ими профессионально не умели. К тому же, набрасываясь на жертву всем скопом, они только мешали друг другу. Поэтому внезапная атака Стаса принесла плоды уже в первые секунды.

Самым эффективным способом ведения боя был бы, конечно, энергетический, с применением техники усыпляющего касания, однако Стас по инстинктивным соображениям (тень ли мелькнула над лесом? аллея обзавелась глазами? духи природы зашептали птичьими голосами?) не стал демонстрировать приемы ТУК. Вожака он вырубил очень просто — ударом головой в лицо с подкруткой (цель — «снести» нос противнику). Затем нанес удар тазом назад, в нижнюю часть живота парня в цветастом балахоне и тут же с поворота добавил ему локтем в челюсть.

Подростку слева в пятнистом комбинезоне достался круговой удар локтем наружу в голову. Его приятелю — тот же локоть, но сверху вниз — по ребрам и тычок «копытом» — поджатыми пальцами — в живот. Двум парням с кастетами, зашедшим с тыла, Стас показал удары вилкой пальцев в горло и в основание носа, а третьему с финкой — болевой захват руки (можно было запросто сломать ее, да жалко дурака) и бросок с подкруткой на спину.

Из стаи на ногах остались трое, что были с вожаком, и двое перекрывших путь отступления. Эти двое в бой вмешиваться не стали — благодаря усилиям пси-сдерживания Марии, а из троих «орлов», ошеломленных происходящим, лишь один кинулся на Стаса с ножом, получил хлесткий отбив кончиками пальцев по глазам и носу и, выронив нож, с воплем отскочил. Стас сделал движение вперед, будто собирался броситься на оставшихся сопляков, те попятились и дружно бросились наутек. Благоразумно ретировались и двое «за-

гонщиков», пообещав издали «встретить гада и открутить ему яйца».

— Пойдем отсюда, — взял девушку за руку хмурый Стас, снова чувствуя дуновение ветра опасности; кто-то следил за ним, издалека, скорее всего с помощью оптики или электронных систем наблюдения, оценивая ситуацию, и Стас почему-то порадовался, что не раскрыл всего своего боевого арсенала.

Они выбрались в облагороженную зону парка со множеством гуляющих людей, сбавили темп. Стас купил по банке пепси-колы, и они присели под зонтик одного из летних кафе.

— За нами кто-то следил во время драки, — тихо проговорила девушка. — Я пыталась определить, но не смогла. Это очень опытные наблюдатели. И, по-моему, следили с двух сторон.

— Я тоже это почувствовал, поэтому и показал только чистую комбу, без изысков.

— Все равно ты был очень хорош.

Стас хотел сказать, что, во-первых, бой для него — совершенно естественное состояние, как обед или сон, не требующее специального вхождения в боевой транс, а во-вторых, компания попалась совсем неумелая, но это прозвучало бы как похвальба, и он промолчал.

— Я зря таскаю тебя за собой. Меня «пасут», это очевидно. Ты рискуешь попасть под прицел этих людей.

— Котов. — Мария накрыла своей ладошкой руку Стаса и посмотрела ему в глаза. — Все обстоит гораздо серьезней, чем ты думаешь. За тобой охотится не обычный киллер, а Истребитель Закона. Тебе надо поторопить дядю с походом в «розу», там вы все будете в большей безопасности, чем на Земле.

— А ты?

— За меня не беспокойся. — Мария чуть снисходительно и вместе с тем виновато посмотрела на Стаса. — Я могла бы взять под контроль всю эту тупую компанию... сил Светлады хватает даже на поединок с кардиналом... но тогда те, кто наблюдал за нами, правильно оценили бы наши возможности. Понимаешь?

Стас досчитал до десяти, унимая в душе обиду, разочарование и недовольство тем, что его, по сути, поставили на место, и сказал с мягкой улыбкой:

— Кажется, напрасно я возомнил себя твоим ангелом-хранителем.

Мария улыбнулась в ответ, допила пепси, они обнялись и неторопливо побрели к выходу из парка.

Две пары глаз с разных сторон проводили их профессионально «плавающим» непеленгирующимся взглядом. Затем наблюдатели передали «объект наблюдения» по цепочке подстраховки и отправились по своим делам. Это были люди Юрьева и Василия Котова.

Но существовал еще и третий наблюдатель...

Глава 13

ОЧЕРЕДНАЯ ЖЕРТВА

Хейно Яанович Носовой шел к нынешнему своему положению во властных структурах — начальник информационной службы президента — достаточно тривиальным путем. Бывший начальник седьмого отдела КГБ, он поднялся по служебной лестнице благодаря не талантам и профессионализму, а вследствие колоссальной сети связей Союза Девяти. По сути должность начальника ФАПСИ он купил, хотя об этом догадывались два-три человека во всем госаппарате.

Репутация Хейно Яановича у нынешнего руководства страны сомнений не вызывала, но мало кто знал, сколь обширна его финансово-экономическая база, уступавшая лишь империи другого кардинала, Германа Довлатовича Рыкова. Состояние Носового исчислялось в десятках миллионов долларов. Он владел тридцатью фирмами, и под его непосредственным началом находилось около четырех тысяч человек, не считая сотрудников аппарата ФАПСИ. Хейно Яанович олицетворял собой часть финансовой олигархии страны, владеющей всеми богатствами России. Единственным его отличием от «новых русских», создавших гигантские состояния благодаря периоду первоначального накопления «смутного времени» конца девяностых годов ушедшего двадцатого века, было то, что он не нуждался в улучшении своего имиджа. Владея огромной информационной базой и связями с руководителями силовых структур, Носовой мог «задавить» любое порочащее его сообщение, даже если бы оно проскочило в средства массовой информации. Так, сброшенный

«чистилищем» в сети спецслужб «К-реестр», упоминавший и его фамилию, положение Носового не поколебал. Потому что ни общественности, ни журналистам, ни честным работникам спецслужб реестр оказался недоступен.

Свою карьеру Хейно Яанович, уже будучи Посвященным Внутреннего Круга, начал в середине шестидесятых, став комсомольским деятелем в Нижнем Новгороде, а потом перебравшись в Москву, когда его избрали вторым секретарем бюро ВЛКСМ, заведующим отделом культуры. Начал организовывать концерты рок-музыки, открыл дискотеку. Заработал неплохие деньги, которые вложил в шоу-бизнес. Был замечен вербовщиками КГБ и стал работать штатным осведомителем. Затем по настоянию шефов бросил заниматься «культурой» и ушел в «науку», курируя ученых в области химии. Сумел уберечь накопленное состояние и остаться агентом Комитета, в котором за двадцать с лишним лет работы прошел путь от осведомителя до начальника отдела. А когда СССР с подачи трех «великих» деятелей, возжаждавших власти, Ельцина, Кравчука и Шушкевича, развалился, Хейно Яановича пригласили в соискатели вакантного места в Союзе Неизвестных отделившейся России. Так он прошел в кардиналы. Начальником ФАПСИ Носовой стал позже, воспользовавшись властью, которую ему давал пост кардинала.

Влияние Хейно Яановича на социум страны — это называлось «коррекцией реальности» — уступало лишь влиянию Рыкова, Юрьева и координатора Союза Бабуу-Сэнгэ. Поэтому он никого и ничего не боялся, действуя подчас не советуясь, поступая так, как считал нужным. Однако появление ликвидатора кардиналов заставило Носового проанализировать обстановку в стране и в мире и прийти к выводу: началось неконтролируемое изменение реальности с непрогнозируемым финалом. Точнее — контролируемое, но не Союзами Неизвестных! И кто бы ни был заказчик изменения, исполнитель свое дело знал.

В связи со своими выводами Хейно Яанович предпринял кое-какие дополнительные меры безопасности, не особенно надеясь на обещанную координатором помощь. И все же чувствовал он себя неуютно, где бы ни находился, зная, что стопроцентной гарантии от киллеров не даст ему ни профессиональная охрана, ни страховой полис.

Официально Хейно Яанович имел одну четырехкомнат-

ную квартиру — у Чистых прудов, в новом семиэтажном доме, построенном по специальному проекту для членов московского правительства. На самом деле у него было больше десятка квартир в разных концах города и две дачи — в Лыткарине, на берегу Москвы-реки, недалеко от агропредприятия Пехоровское, и в Усово-Тупике, в пяти километрах от президентской загородной резиденции в Барвихе. Обе дачи представляли собой двухэтажные коттеджи, построенные по финскому проекту на месте развалюх, которые Носовой приобрел по дешевке на подставных лиц. Коттеджи хорошо охранялись, особенно второй, в Усове, но после того, как неизвестный военный вертолет разнес в пыль особняк Бабуу-Сэнгэ, Хейно Яанович не чувствовал себя в безопасности и здесь. И тем не менее дача в Усово была наиболее безопасным местом по сравнению с остальными, из-за чего кардинал пользовался ею чаще других. Он усовершенствовал систему охраны дачи, удлинил подземный ход, выходящий в лес, и окружил коттедж особой «печатью отталкивания», не позволяющей приближаться к нему чужим. Лишь трое охранников могли входить в дом и пользоваться его удобствами. Но именно это обстоятельство сыграло в судьбе Хейно Яановича роковую роль. Тот, кто взялся за расчистку земной реальности от людей Внутреннего Круга, воспользовался оплошностью Носового, чтобы закодировать охранников, имеющих доступ к коттеджу, и внушить им определенное задание. Носовой догадался об этом слишком поздно.

В четверг шестого июня Хейно Яанович в сопровождении двух машин охраны выехал из Москвы и прибыл в Усово, собираясь отдохнуть от напряженного трудового дня с одной из своих юных пассий, манекенщицей из Дома моделей Юшкина; кардинал был женат четыре раза, но не терпел привязанности, детей не имел и менял подруг часто.

Занятый «мурлыканием» с девушкой, Хейно Яанович не сразу почувствовал дискомфорт, прибыв на дачу. А уже выходя из машины перед центральным входом в коттедж, он уловил тонкий — на ментально-полевом уровне — з а п а х чужого присутствия.

— Сиди, я сейчас, — остановил он подругу, собиравшуюся вылезти из «Ауди» двухсотой модели. Окликнул начальника манипула: — Витис, кто был в доме?

— Упаси Бог, генерал! — ответил полковник Витис. —

Я заходил дважды, и Кандыба на кухне, вместе с поваром. Больше никто.

Хейно Яанович, раздувая ноздри, прислушался к шепоту леса вокруг, привел в порядок мысли и взглянул на мир сквозь бледную струящуюся дымку астрала. Следы магического присутствия можно было увидеть только таким образом.

Кроме повара, готовящего ужин, в доме никого не было. Но «печать отталкивания» все же была нарушена. Впечатление складывалось такое, будто она не знала, как реагировать на некое энергоинформационное вторжение, но в конце концов пропустила кого-то в дом, кого-то знакомого и в то же время с чужим «запахом».

— Что за дьявольщина? — пробормотал Хейно Яанович. Снова сконцентрировал внимание на пространстве дома и на пределе внутреннего зрения уловил четыре полевых завихрения, как бы отметки того, кто побывал в коттедже: два на первом этаже, два на втором. Неизвестный «призрак» останавливался на кухне, в столовой, у входа в спальню и возле двери рабочего кабинета. Преодолеть «печать защиты» он, очевидно, не смог и удалился тем же путем, что и входил — через центральный вход. Но если главный охранник говорит, что дом посещали только трое, этих троих следовало проверить.

Хейно Яанович вперил тяжелый немигающий взгляд в прозрачно-водянистые глаза Витиса, подавил его волю и вошел в поле сознания. Через минуту он убедился, что энергетические оболочки полковника не нарушены, а сам он чист. В его памяти держалась лишь программа самого Носового, внушающая «отдать жизнь за босса в любой момент». Хейно Яанович отпустил сознание Витиса и, не обращая внимания на его ошеломленный вид (полковник почувствовал вторжение, но ничего не понял), бросил:

— Где Кандыба?

— Отдыхает.

— Вызвать!

— Есть. — Витис, не выказывая чувств, достал рацию. — Клугер? Я Первый. Доставь Кандыбу. — Убрал рацию, преданно пожирая глазами Хейно Яановича. — Сейчас будет.

— Дорогой, долго мне еще... — высунулась было из кабины «Ауди» золотоволосая красавица и юркнула в испуге обратно, когда Носовой кинул на нее бешеный взгляд.

Охранник Кандыба — два метра рост, сто килограммов вес, сплошные мышцы, красноватое обветренное лицо — явился через две минуты, на ходу затягивая ремень и надевая пятнистую куртку.

— Сержант Кандыба по вашему приказанию... — поднес он руку к берету.

— Отставить, — оборвал его Витис.

Ничего не спрашивая, Хейно Яанович усилием воли загипнотизировал гиганта и проник в его неглубокую сферу сознания, не обнаружив там следов чьего-либо присутствия. Оставался повар, что облегчало задачу. Если повар и был чьим-то авешей, Хейно Яанович его не боялся.

— Свободен.

Витис развернул несколько обалдевшего Кандыбу на сто восемьдесят градусов и подтолкнул в спину.

— Иди, отдыхай.

Хейно Яанович сжал в кармане пиджака рукоять суггестора «удав» и направился в дом, буркнув полковнику:

— Следуй за мной и будь готов.

Повар Сергей Иванович, которому пошел семьдесят восьмой год и который когда-то работал в таких известных ресторанах Москвы, как «Метрополь» и «Президент-отель», жил в столице и доставлялся на дачу каждый раз, когда Носовой планировал свое появление здесь. Это был пожилой, толстый, добрый старик, молчун, знавший свое дело великолепно, однако стоило Носовому глянуть на него, как он понял, что Сергей Иванович зомбирован! И программу свою выполнил до конца. Четыре «завихрения», обнаруженные Хейно Яановичем в доме и принятые им всего лишь за следы незваного гостя, оказались не просто следами, но материальными предметами — четырьмя взрывными устройствами специального назначения, способными взорвать мощные бетонные сооружения. Хейно Яанович понял, что его переиграли. В дом ему входить не следовало.

— Кто ты? — выдохнул он.

— Твоя смерть, — улыбнулся Сергей Иванович.

В то же мгновение сработали взрыватели сразу всех четырех бомб.

Колоссальный взрыв не только разнес на куски дачу Носового вместе со всеми, кто находился внутри и снаружи в пределах полусотни метров, но и снес крыши двух соседних

коттеджей, повредил еще четыре, а также выбил стекла в окнах всего поселка. Слышен он был и в Барвихе, на даче президента, охрана которого тут же подняла тревогу.

Но спасти начальника ФАПСИ никто уже не мог. Пожарные, спасатели и милиция, прибывшие к месту трагедии через полчаса, тела его не нашли. Вместе с ним погибли и все шестнадцать человек охраны (личного манипула), а также юная манекенщица и шофер «Ауди». Тот, кто планировал операцию уничтожения кардинала, действовал с размахом, нимало не заботясь о жизни людей, случайно втянутых в орбиту движения Хейно Яновича.

Глава 14

НАМ ОСТАВИЛИ ДВА ВАРИАНТА

Десятый по счету Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Хуан Карлос Креспо, испанец по происхождению, проживающий в США, имел солидный образовательный и научный багаж: закончил Макалистер-колледж в Миннесоте, получив звание бакалавра экономики, учился в Массачусетском технологическом институте, защитив звание магистра по менеджменту, знал английский, французский, немецкий и русский языки. Кроме того, он с начала шестидесятых годов прошлого столетия работал в системе учреждений ООН, в том числе занимался долгое время самым ответственным и беспокойным делом — курировал миротворческие операции в Европе и в конфликтных зонах бывшего СССР.

Обладая массой связей с координаторами Союзов Неизвестных во всем мире, он легко решал проблемы и более или менее успешно исправлял ошибки предшественника, сделавшего ставку на силовое решение конфликтов. Однако обвальное падение Закона возмездия вскоре свело на нет усилия генсека, мир сваливался в пучину терроризма, агрессии и тотальной войны, Союзы Неизвестных не справлялись с коррекцией реальности. Надо было искать более хитрые цепочки влияний на социум, более весомые аргументы, пути воздействия на информационную сферу Земли и на людей в целом.

Кое-кто из координаторов советовал Хуану Креспо плю-

нуть на традиции Круга и применить всеобщее кодирование человечества с помощью Великих Вещей Инсектов, уцелевших в МИРах, «модулях иной реальности», таких, как кодон — пси-корректор сознания, программатор психики. Тем более что использование его упрощалось тем, что в некоторых странах — США, России и Японии военспецы уже создали образцы психотронного оружия, метко названного по-русски «глушаками». Но Хуан Креспо реагировал на подобные советы отрицательно и верил в мощь Круга, способного уберечь человечество от самоубийственных шагов. Во всяком случае, вероятность глобальной ядерной войны Союзам удалось снизить чуть ли не на сто процентов.

Но вера Генерального секретаря ООН была чувствительно поколеблена с появлением на Земле ликвидатора Посвященных, реализующего какой-то новый Закон, название которому дать было трудно. Это не был Закон Справедливости в чистом виде или некий жесткий вариант Закона возмездия, потому что гибли люди Круга, вовсе не занимавшиеся коррекцией реальности. Но данное обстоятельство не могло обрадовать Хуана Креспо и повлиять на координацию сил. На Земле складывалась уникальная ситуация «войны законов»: Закон обратной связи, опиравшийся на базовое состояние человеческой цивилизации под названием «справедливость», больше не справлялся с управлением человеческими отношениями, Закон же, или Принцип дьявола, регулирующий «качество» человеческого материала, которое выражалось в количестве рождающихся гениев, талантливых, добрых, честных и умных людей, принципиально не хотел ими, то есть отношениями, управлять. Таким образом, Союзы Неизвестных быстро теряли свое влияние и переставали исполнять функции регуляторов реальности, что еще больше усугубляло ситуацию.

Хуан Креспо знал, что вся эта свистопляска с кризисом управления связана с войной иерархов в «розе реальностей». Но точную информацию оттуда, ни через астрал и ментал, ни даже по каналам логоса, третьего «слоя» всемирного поля информации, получить не смог. Надеяться на помощь извне не приходилось, опираться можно было только на собственные силы да на мощь Круга... таявшего на глазах. За две недели с момента появления ликвидатора, названного некоторыми координаторами Союзов Воином Антизакона, или Ис-

требителем Закона, погибли более трех тысяч человек, в том числе более шестисот кардиналов Союзов Неизвестных.

Ситуация заставила Хуана Креспо предпринять некоторые неординарные шаги: попытаться установить связь с иерархами в «розе», попробовать уговорить Хранителей открыть доступ к МИРам, чтобы можно было воспользоваться Великими Вещами ушедшей цивилизации Инсектов и опять же попытаться собрать эгрегор Внутреннего Круга для расследования происходящего, вычисления координат ликвидатора и его последующего уничтожения.

Из всех планов Хуану Креспо удалось осуществить лишь последний. Вернее, удалось заручиться поддержкой координаторов и назначить «час Цафкиель». Уверенности в том, что эгрегору Круга удастся выйти на Истребителя Закона, у Хуана Креспо не было.

Седьмого июня в пятницу вечером в резиденцию Генерального секретаря ООН неожиданно заявился посетитель, которого Хуан Креспо не ждал: координатор Союза Неизвестных России Бабуу-Сэнгэ. Никем не видимый, он прошел прямо в кабинет генсека, минуя секретаря и охрану, а также «стену отталкивания», поставленную Хуаном Креспо и служащую не столько препятствием, сколько системой опознавания.

— Вы все же напрасно не предупреждаете о своем появлении, дорогой Бабуу, — укоризненно сказал он, встречая гостя посредине огромного кабинета, отделанного красным деревом. — Я ведь мог вас не узнать и включить личный защитный комплекс. Вы же знаете, какое нынче время на дворе.

— Прошу прощения, координатор, — поклонился Бабуу-Сэнгэ; одетый в отличный европейский костюм, он походил на дипломата. — Но время действительно трудное и не терпит проволочек. Погиб еще один мой кардинал.

— Присаживайтесь, — указал Хуан Креспо на кресло возле стеклянного столика в окружении пальм — место своего отдыха, окружая уголок «колоколом отталкивания». — «Шене», «Ариньяк», коньяк, водка?

— Спасибо, минеральную воду, если можно.

Генеральный секретарь кивнул, и тотчас же в кабинете возник вежливый молодой человек в белом костюме, быстро заставил столик напитками, принес серебряное ведерко со

льдом. По жесту гостя налил ему из сифона пузырящейся минеральной воды и тут же исчез.

— Мы таем как снег, — сказал Бабуу-Сэнгэ, делая глоток. — Надо немедленно принимать меры или...

— Или? — посмотрел на него сквозь стакан Хуан Креспо.

— Вам известна формула преодоления кризиса? — ушел от ответа гость.

— Нет, — по размышлении ответил Генеральный секретарь. — Я не могу подключить силы ООН к решению возникшей проблемы. Организация и без того по уши увязла в бесперспективной войне с терроризмом, контрабандой наркотиков, международной преступностью и коррупцией. К сожалению, за последний год ООН не стала более энергичной и эффективной организацией с высоким этическим авторитетом, на что я надеялся, занимая пост Генерального. Она потеряла даже моральное право указывать пальцем на творящееся зло...

— Речь не об этом, — перебил хозяина Бабуу-Сэнгэ, чего себе до этого никогда не позволял, но он действительно дорожил каждой минутой. — Речь идет о судьбе Круга. Ни одна официальная структура нам не поможет. Безопасность Круга — это не только отсутствие врагов и вооруженных конфликтов, но и психологическое состояние людей Круга, и определенное понимание свободы и право Посвященного на полноценную жизнь.

— Вы хотите что-то предложить? — пригладил седую бородку Хуан Креспо.

— У нас есть всего два варианта изменения реальности. Первый — дать бой ликвидатору Круга, второй... — Бабуу-Сэнгэ помолчал, — бежать в «розу».

Генеральный секретарь ООН улыбнулся.

— И оба варианта весьма трудно реализуемы. Даже если мы организуем в «час Ц» эгрегор Круга, уничтожить ликвидатора будет очень и очень сложно. Мы привыкли считать, что остановить Посвященного может только другой Посвященный более высокого уровня, но ликвидатор преподал нам хороший урок: он пошел более простым путем, используя зомбированных людей. Кстати, это говорит о том, что у него есть кодон.

— Я тоже пришел к этому выводу. Нам стоит договориться с Хранителями, чтобы кодоны появились и у нас. Я же

предлагаю для уничтожения Истребителя Закона использовать очень хорошо развитую у нас в России структуру — так называемое «чистилище». Его руководители тоже являются Посвященными и при определенных условиях пойдут нам навстречу.

— Неплохая идея, — кивнул Хуан Креспо, настроенный тем не менее скептически. — Как вам удастся их уговорить? Они ведь, по-моему, не подчиняются вашему Союзу?

— Они являются одним из второстепенных регуляторов нашего российского социума, не было нужды подчинять их напрямую Союзу.

— Ну хорошо. Допустим, вы попытаетесь, а они откажутся. Как вы реализуете второй вариант — бегство в «розу»?

Бабуу-Сэнгэ поставил запотевший стакан с минеральной водой на столик.

— Есть определенные подозрения, что эти же Посвященные имеют тхабс для преодоления порога границы.

Хуан Креспо с изумлением и недоверием посмотрел на невозмутимое коричневое гладкое лицо Бабуу-Сэнгэ.

— Вы... понимаете, о чем говорите?!

— В ближайшее время информация будет проверена, но я уверен, что тхабс этим людям известен. И оставил его небезызвестный вам человек...

— Соболев. Ваш вечный соперник, пресловутый «аватара». Однако он давно ушел в «розу» и не вернулся. Разве не так?

— Он не может и не должен вернуться. Это будет равносильно новому и з м е н е н и ю реальности.

— Я думаю, что он погиб. Ведь о нем ничего не слышно.

— Он жив, а это главное. Хотя имеется возможность узнать всю правду. Один из моих кардиналов контактирует с Аморфами...

— С кем именно?

— С Монархом Конкере. Если мы вместе попросим его...

— Если об этом узнают старейшины Круга, — поджал губы Хуан Креспо, — вы будете низложены!

— Вот поэтому я и прошу вас помочь. — Бабуу-Сэнгэ встал. — У вас есть каналы связи с Хранителями и со старейшинами. Устройте мне встречу с ними. Я думаю, что смогу их убедить в необходимости контакта, а может быть, и вызова Монарха в реальность. Иначе мы все исчезнем. — Эти

слова координатор Союза Девяти Неизвестных России произнес уже у порога кабинета. Поклонился. Вышел.

Хуан Креспо, сцепив пальцы рук, молча смотрел ему вслед.

Глава 15

НЕТЭТИКЕТ

Советник президента по национальной безопасности Юрий Венедиктович Юрьев стал кардиналом Союза Девяти в девяносто первом году, но до этого он более пятидесяти лет был кардиналом Союза Семнадцати империи, называвшейся тогда Союзом Советских Социалистических Республик. Возраст его достиг столетнего рубежа, но выглядел он на пятьдесят, и документы также утверждали, что ему пятьдесят с хвостиком. О том, что ему исполнилось сто, не знала даже его дочь Мария от второго брака (официально, а не официально — от четвертого).

Жена Юрия Венедиктовича погибла в автомобильной катастрофе, когда дочке исполнилось десять лет. Не то чтобы Юрий Венедиктович сильно горевал по этому поводу, но жениться еще раз не спешил и женщин не заводил. Постоянных. О непостоянных же дочь ничего не знала. Лишь когда она стала авешей Светлады, пришло з н а н и е подводной части того айсберга, который назывался ее отцом.

Перевоплощение Марии не прошло незамеченным для Юрия Венедиктовича. Он сразу почувствовал присутствие магической сущности в ауре своей двадцатилетней дочери, только не мог никак распознать — к т о избрал Марию проводником в мир «запрещенной реальности». Сначала Юрий Венедиктович надеялся выяснить это в ходе бесед с дочерью, потом — с помощью ментального «касания», но, к его удивлению, ни одна попытка проникнуть в мыслесферу Марии успехом не увенчалась. Тогда он выждал несколько дней и решил поговорить с Марией откровенно и прямо, превосходно зная преимущества данного метода.

Разговор состоялся поздним вечером, спустя двое суток после памятного охранникам Марии вечера, когда ее новый друг «уговорил» их отпустить девушку с ним. Юрьев, вернувшийся из командировки в Таджикистан, ждал дочь в ее спаль-

не, одетый в белый махровый халат, с банкой джин-тоника в руке.

— Привет, па, — без удивления поздоровалась с отцом усталая после выступления девушка, бросила на кровать сумочку. — Стережешь мой будуар?

— Ты зачем разрешаешь своему приятелю ночевать у нас? — задал по-иезуитски непростой вопрос Юрий Венедиктович.

Мария, начавшая переодеваться за дверцей шкафа, натянула халатик, вышла на середину комнаты и внимательно посмотрела на обманчиво благожелательное лицо отца.

— Я не спрашиваю, откуда ты это знаешь. Но если я не имею права приводить друзей сюда, то сниму квартиру и...

— Сдаюсь, сдаюсь, — поднял руку Юрий Венедиктович, — я пошутил. Хотя ты должна знать, что Стас Котов — воспитанник комиссара «чистилища» Василия Котова.

— Ну и что?

— Дерется он действительно хорошо, но защитить тебя один не в состоянии, тем более когда за Посвященными Круга началась охота. Ты ведь в курсе событий?

Мария присела на кровать.

— В курсе.

— Маша, чей ты п р о в о д н и к? — Юрий Венедиктович невольно напрягся, встретив полный огня и силы взгляд дочери.

— Инфарха, — просто ответила девушка, погашая огонь в глазах.

— Разве он продолжает курировать земную реальность? Он же...

— Да, инфарх ушел со своего поста Мастера Мастеров, но ответственности за состояние земной реальности с себя не снял. Я послана на Землю, чтобы предотвратить вырождение Круга в культ со своими ритуалами, молитвами, идолами. Круг перестал следовать своей единственной цели — добывание новых знаний для человечества, сохранение старых и нейтрализация опасных. Восхождение к истине, к высшей духовности, к Богу, если хочешь, заменилось патриархами Круга и особенно адептами Союзов театрализованными представлениями о таковом восхождении. Синтеза научных и эзотерических знаний, на что надеялись Хранители, не произошло и не происходит. Мало того, координаторы и кардиналы Союзов присвоили себе право корректировать реаль-

ность не ради объективного выхода из тупиковых ситуаций и стабилизации социума, а в угоду своим амбициям, ради удержания власти.

Юрьев, не мигая, молча смотрел на дочь, потягивая из банки холодный напиток, ждал продолжения.

— Вы, кардиналы, очень изменились, папа, — грустно добавила Мария. — Вы перестали быть н а д политикой, вы увязли в ее болоте и не хотите этого понять. Круг, в том виде, в котором он сейчас функционирует, больше не должен существовать.

— Значит, ликвидатор Круга тоже послан инфархом? А ты курируешь исполнение этого процесса?

— Нет, не курирую, — улыбнулась девушка. — Я послана помочь одному человеку стать Воином Закона Справедливости...

— Стасу Котову?

— Да, папа. Он хороший, чистый человек, хотя и воспитан на жестком, если не на жестоком, отношении к жизни. Он может изменить ситуацию в нашем мире.

— Верю. Кем же тогда послан ликвидатор?

— Не знаю. И, насколько я информирована, инфарх тоже в неведении относительно цели ликвидатора и того, кто за ним стоит. Может быть, это кто-то из иерархов... или Монарх.

— Ему это вряд ли нужно.

— Логику Аморфов не всегда способны понять даже иерархи. Но я думаю, мы сможем решить эту проблему.

— Дай Бог нашему теляти вовка зъисты... Впрочем, я тоже этого хочу. Значит, ты не станешь воевать с отцом как с носителем зла?

Мария встала, подошла к Юрию Венедиктовичу, пригладила его волосы и поцеловала в лоб.

— Мы будем соблюдать нетэтикет[1], если ты не возражаешь. Но с уговором не преследовать моих друзей. Договорились?

Юрий Венедиктович встал, допил джин и смял банку в руке. Когда он разжал кулак, на ладони осталась маленькая щепотка черного пепла.

---

[1]Нетэтикет — нравственные правила поведения в компьютерных сетях.

— Договорились, командир. Как тебя звали там, в твоем мире?

— Светлада.

Юрий Венедиктович с расстановкой повторил имя, как бы пробуя на язык, улыбнулся и вышел. Следуя закону интеллектуальной чистоты, гласящему, что эмоции не должны влиять на решения кардинала, он на самом деле не собирался соблюдать никаких правил, но все же Мария была его дочерью, и воевать с ней он не хотел.

Дверь закрылась за ним и тут же открылась вновь. В щель просунулась голова Юрия Венедиктовича:

— Марго, ты не собираешься еще раз пригласить твоего Стаса к нам в гости?

— Не знаю, может быть.

— Пригласи, я хочу с ним познакомиться и побеседовать.

Дверь закрылась. Мария задумчиво смотрела на нее, не зная, как относиться к желанию отца познакомиться со Стасом. Затем мысли ее унеслись далеко отсюда, она взяла трубку радиотелефона и набрала номер Котова.

Однако никто ей не ответил.

Глава 16

СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА: ПОДУРОВНИ РЕАЛЬНОСТИ

О том, что у церкви в Троице-Лыкове засада, Василий узнал из доклада Вени Соколова за час до похода в подземный МИР Ликозидов.

— Нас там ждут, — сказал он Самандару, заканчивая проверку и укладку сумок с экипировкой. — Отменим поход?

Вахид Тожиевич покачал головой, с сомнением взвешивая на руке бронежилет, отложил его в сторону; собирались у него на квартире в Сокольниках, а не, как обычно, у Котовых, которые переехали на другую квартиру, но еще не разобрали вещи.

— Они ждут нас и не уйдут, пока у Рыкова не лопнет терпение. Герман взялся за нас всерьез. Странно, что у ресторана в Новогирееве он не подстраховал свою команду лично.

— Я тоже подумал об этом. Может быть, он таким образом нас предупредил? Отомстил за «К-реестр»?

— Возможен иной вариант: он знает о тхабсе и подталкивает нас к определенным действиям, чтобы мы раскрылись. После чего перехватит инициативу.

— У него же был «черный файл» связи с Монархом. Почему бы ему не попросить Конкере открыть тхабс, как это сделал Соболев?

— Спроси чего-нибудь полегче.

— Что предлагаешь?

— Надо выкурить людей Рыкова с территории церкви и подготовить новый вход в МИР, за кладбищем. Третий раз Герман не даст нам войти туда со стороны церкви.

Василий некоторое время размышлял, потом поднес к уху рацию:

— Веня, возьми усиление и удали чужих с территории. Особенно не церемонься, но и стрельбу без нужды не поднимай.

— Сделаем, — донесся голос командира мейдера.

В прихожую с мокрыми волосами вышел из ванной Стас, молча начал одеваться. Вася присмотрелся к нему, отмечая преувеличенную сосредоточенность парня.

— Что-нибудь случилось, студент?

— Ничего, — ровным голосом отозвался Стас. Потом глянул на Котова исподлобья. — Дядь Вась, просьба одна имеется... Сними, пожалуйста, с меня наблюдение. Это ведь твои «чистильщики» ходят за мной по пятам?

— Неужели учуял? — удивился Василий. — Придется дать кое-кому нагоняй. Хотя странно, что ты их обнаружил, ведут тебя не визуально, а с помощью «малого СЭРа». Знаешь, что это такое?

Стас знал. «Малым СЭРом» называлась используемая военными разведчиками и диверсантами система электронной разведки, включающая в себя лазерные сканеры, фотооптические усилители с разверткой на экран и на специальные очки, химико-биологические и запаховые определители, компьютер-синтезатор изображений, компьютер управления и связи, видеозаписывающее устройство. И хотя вся перечисленная аппаратура умещалась в «дипломате», система была исключительно эффективна в деле.

— Ты уверен, что правильно оценил слежку? — продолжал Василий.

Стас упрямо боднул головой воздух.

— За мной кто-то постоянно наблюдает, я чувствую.

Василий и Самандар обменялись понимающими взглядами.

— Контрслежка?

Вахид Тожиевич кивнул.

— Проинструктируй своих пастухов, пусть определятся, одни они идут за парнем или нет.

— Потерпи еще немного, — сказал Вася. — Сам понимаешь, ты под прицелом, а вычислить тех, кто за тобой следит, можно только таким путем. Я не могу рисковать, отпуская тебя одного.

Стас подумал и согласился, хотя со свойственным молодости максимализмом был уверен, что способен постоять за себя сам, без чьей-либо помощи.

Соколов позвонил через сорок минут:

— Все в порядке, Василий Никифорович, горизонты чисты. Противник бежал, сильно помятый.

— Жертвы есть?

— Ни в коем разе, только раненые. У меня двое, у них человек пять, не меньше. Мои ребята провожали их до кольца, вряд ли они вернутся в ближайшее время.

— На всякий случай перекрой все подступы к церкви. Выяснили, чьи хлопцы сидели в засаде?

— А как же, знакомые все мордовороты, подручные Костика Мелешко. Не ожидали они нас. Точнее, не ожидали, что мы их накроем.

— Ждите. — Вася выключил рацию, посмотрел на своих напарников. — Пора выступать, территория Троице-Лыкова под нашим контролем.

— Поехали.

Подстраховав друг друга в астрале и убедившись, что за домом наблюдение никто не ведет, Василий, Вахид Тожиевич и Стас захватили сумки со снаряжением и спустились во двор, где их ждала «шестерка» Самандара. Через час они подъехали к Троице-Лыковской церкви, все подъезды и подходы к которой контролировались «чистильщиками» Соколова.

— На горизонте все тихо, — доложил он, выходя из церкви; остальных его людей видно не было, но Василий чувствовал их присутствие.

— Ждите нас два часа, — сказал Василий. — Если никто чужой в поле зрения не появится, возвращайтесь на базы.

— Может, возьмете с собой пару умелых ребят? — предло-

жил Веня. Он никогда не интересовался, чем занимаются отцы-комиссары, справедливо полагая, что, если появится нужда, ему все расскажут.

— Не надо, в этом деле помощь не требуется.

Соколов кинул два пальца к брови и ушел обратно в церковь. Он не был верующим, но относился к верующим и священникам с уважением и не упускал момента заглянуть в храм.

Под землю спустились тем же путем, что и раньше, — через колодец под древней могильной плитой. Почему его не обнаружил Рыков, способный мгновенно определять следы магического присутствия, оставалось загадкой. То ли «печать отталкивания», наложенная Хранителями, была настроена избирательно и «отводила глаза» Рыкову, то ли он у церкви вообще не появлялся, понадеявшись на своих помощников. Что опять же вызывало удивление, потому что Герман Довлатович з н а л о существовании под Троице-Лыковом МИРа Ликозидов, откуда стартовала в «розу реальностей» команда Матвея Соболева.

— После нашей стычки с Мелешко Герман должен был здесь все вылизать, — стоя в трубе канализации, высказал общую мысль Самандар. — Странно, что он этого не сделал, оставил лишь сторожей.

— Может быть, он давно нашел вход и ждет нас внизу?

— Вряд ли, я бы почувствовал его з а п а х. Предлагаю завалить этот вход, а самим выйти в другом месте.

— Тогда придется отменить поход, а я бы хотел все-таки «сходить» в «розу» на пару часов.

Самандар молча направился дальше. Спустя четверть часа они уже стояли перед пирамидой древних разумных тарантулов. Переоделись в гермокостюмы с подогревом, проверили рации, оружие и один за другим двинулись внутрь МИРа. Судя по отсутствию каких-либо ментальных и физических следов, в пещере никто чужой не объявлялся, и это обстоятельство внушало уверенность и надежду на благополучный исход экспедиции.

Уже стоя внутри саркофага царицы Ликозидов, Василий вдруг со смешком признался:

— Я так и не понял, что такое тхабс. Аппарат, пробивающий дыру в границе между реальностями? Ключ, открываю-

щий запертую дверь? Процесс, запускаемый с помощью магических формул?

— В переводе с санскрита тхабс означает «способ действия», — сказал Самандар. — По-видимому, это все-таки процесс.

— Это закон, — тихо обронил Стас.

— Что? — повернулся к нему Василий. — Какой закон?

— Точнее, пусковая формула закона тоннельного просачивания. Она может быть ориентирована лишь на определенную личность. Это как пропуск...

— Понял. Не понял только, откуда ты это узнал. От Марии, то бишь Светлады?

— Нет, — еще тише проговорил Стас. — Я... мне стало любопытно... В общем, я ходил в ментал... Информация лежала очень близко, будто специально для меня...

— Быстро бежит мальчик, — усмехнулся Вахид Тожиевич.

Василий хотел было сделать выговор ученику, но передумал.

— В следующий раз если задумаешь выходить в астрал-ментал, предупреди меня. Одному лазать по информационным кладовым опасно, можешь нарваться на «цепных псов» кардиналов или, того хуже, — иерархов.

— Хорошо, дядь Вась, — с облегчением сказал Стас. — А что это еще за «псы»?

— Особые программы, подавляющие волю и фрустирующие психику. Однажды Герман Довлатович Рыков уже запускал их в астрал. Ну, путешественники-разведчики, поехали!

Тхабс послушно принял команду Котова, и все трое оказались в другом мире, далеко от Земли.

Черное небо с немигающими звездами. Близкий горизонт. Ослепительно сверкающее, как будто покрытое слоем золота, уступчатое плато, испещренное бороздами и длинными валами, усыпанное странно гладкими, овальными и круглыми, как галька, камнями. Каждый камень покрыт слоем глазури и сверкает как драгоценный или как слиток золота, серебра или платины. И солнце — в виде купола над горизонтом, пышущее жаром, кажущееся раскаленным горнилом плавильной печи, тоннелем в преисподнюю, с космами протуберанцев и сизо-голубой короной на полнеба. Смот-

реть на него невозможно, и даже сквозь ткань костюма его яростный пламень жжет и давит, будто непрерывно длящийся взрыв. А тело в этом мире кажется легким, как воздушный шар, потому что сила тяжести здесь в несколько раз меньше земной.

— Меркурий! — выдохнул Стас, задерживая дыхание и отворачиваясь от солнца. — Это Меркурий.

— Давайте назад, — хладнокровно предложил Самандар, — сгорим к чертовой матери!

— Сюда! — бросил Василий, только сейчас замечая, что они стоят рядом с каким-то необычным сооружением. — В тень!

Они перебежали под гофрированную, блестевшую, точно она была из стали, стену сооружения, больше всего напоминающего изогнутую несколько раз трубу или скорее шланг диаметром в два человеческих роста. В стенке сооружения виднелась дыра, окруженная лучиками трещин, в нее можно было просунуть голову, что Василий и сделал, увидев изнутри полую трубу со стяжками и нечто напоминающее человеческий позвоночник, только крупнее и в несколько раз длиннее.

— Что там? — поинтересовался Вахид Тожиевич.

— Пустая скорлупа, — отозвался Василий. — Впечатление такое, будто это гипертрофированно увеличенный кусок шланга. Но внутри то ли что-то когда-то росло, то ли обитало что-то живое. Полюбуйся.

Самандар заглянул внутрь трубы, но рассматривал ее недолго.

— Нет сомнений, что это сооружение Инсектов, но на звездолет эта штука не похожа. Стас, форма этой железяки тебе ни о чем не говорит?

— Первыми в космос вышли Вермиды...

— То есть разумные черви, так? Но ведь они к насекомым не имеют отношения.

— Не знаю. — В голосе молодого человека прозвучала виноватая нотка. — Я не особенно интересовался... Потом в космос вышли Лепидоптериды.

— Бабочки. Странно, что звездами первыми заинтересовались не крылатые существа, а те, кто по идее этих звезд видеть не мог. Кстати, по-моему, эта оболочка вполне может сойти за скафандр Вермида.

— Похоже, — согласился Василий. — А вообще-то, судари мои, я даже не мечтал когда-нибудь оказаться на планете Солнечной системы. А уж то, что планеты — всего лишь подуровни земной реальности, и представить не мог. Ну, налюбовались меркурианским солнышком? Пекло! Пора уносить отсюда ноги, наши костюмчики все же не годятся для разведки Меркурия.

— Может быть, попробуем шагнуть дальше? — робко предложил Стас. — Не хочется домой...

— Попробуем. Считаю до трех: раз, два, три...

И разведчики оказались на дне глубокого кратера диаметром в два километра, с крутыми и высокими стенами, освещенными удивительным оранжевым, не дающим теней светом.

Сила тяжести и в этом мире была меньше земной, но не намного. Стены кратера были сложены из слоистых пород всех оттенков красного, вишневого и коричневого цветов, а ровное плоское дно, покрытое слоем маленьких стеклянных шариков, похожих на бисер, казалось светящимся изнутри. Но не это привлекло внимание путешественников, хотя сам по себе пейзаж и выглядел удивительным: дно кратера было усеяно необычными предметами, напоминающими разбитые скорлупы гигантских орехов, сплющенными трубами, деформированными куполами, похожими на панцири черепах и ажурно-пластинчато-суставчатыми остовами, в которых люди не сразу признали разбитые, искореженные останки насекомых гигантских размеров.

— Мать моя! — проговорил вполголоса Василий. — Это куда же мы попали?

— На поле боя, — сказал флегматично Самандар.

— На Венеру, — одновременно с ним произнес Стас. — Температура под четыреста пятьдесят градусов по Цельсию, очень плотная атмосфера, сила тяжести меньше, чем на Земле...

— Пожалуй, устами младенца глаголет истина, — согласился Самандар, сделав два плывущих шага, словно двигался сквозь воду. — Это Венера.

— Я не спорю, — мрачно сказал Василий. — Припекает основательно, так и свариться можно... вкрутую. Но я имел в

виду другое: что здесь произошло? Что за останки разбросаны кругом?

— По-моему, ответ может быть только один: в кратере столкнулись две армии Инсектов и уничтожили друг друга. Советую возвращаться. Если Соболев и был на Венере, то давно и недолго, здесь ему делать нечего.

— Наверное, ты прав. Без скафандра тут действительно выжить невозможно. Мы здесь две минуты, а я уже мокрый как мышь.

— Погодите секунду, — сказал вдруг Стас и, утопая по щиколотки в слое «бисера», направился к ближайшему «черепашьему панцирю», расколотому на две части. Остановился над ним, протянул руку и ухватился за торчащую из панциря рубиново светящуюся палку, похожую на рукоять меча. Потянув за нее, он и в самом деле вытащил нечто напоминающее меч, только лезвие этого метровой длины изделия было не сплошным, а состоящим из десятка сияющих, как подсвеченное изнутри голубое стекло, ромбов.

— Что это? — подошел к парню Василий.

— Похоже на меч... — Стас провел пальцем между ромбами: палец прошел свободно, не встречая сопротивления, и тем не менее ромбы держались на одной линии, создавая впечатление струящегося лезвия, словно были скреплены невидимым силовым полем.

— Интересная штуковина... меч не меч... но за рукоять явно держалась человеческая рука.

Стас взмахнул «раздробленным мечом», смертоносный «пунктир» лезвия упал на панцирь и легко, как бумажный, рассек его на части. Причем сила удара оказалась столь велика, что не ожидавший этого молодой человек едва не выпустил рукоять из руки.

— Ни хрена себе! — Василий присвистнул. — Поосторожней с такими упражнениями, кто знает, что это такое. Вполне может оказаться забытой Великой Вещью Инсектов.

— Можно, я возьму ее... его с собой?

— Я бы посоветовал не брать, — подал голос осторожный Самандар.

— Возьми, — сказал Василий, — посмотрим дома, из чего эти зубы на рукояти сделаны. Если это меч, он нам пригодится.

Кинув последний взгляд на высохшие панцири Инсектов, погибших во время боя, на стены кратера, на полосатое небо со светящимися прожилками, путешественники сошлись вместе.

— А интересно все же, как давно произошла тут битва, — пробормотал Василий, нагибаясь и зачерпывая горсть «бисера». — Десять лет назад или больше?

— Думаю, гораздо больше, — сказал Вахид Тожиевич, хмыкнув. — Неужели ты считаешь, что побоище — дело рук Соболева?

Вместо ответа Василий сосредоточился и мысленно приказал неизвестному «джинну», включающему тхабс, перенести их в более прохладное место.

«Джинн» послушался.

Из венерианского пекла, которое с трудом выдерживала ткань гермокостюмов, они перенеслись в удивительный мир снега и льда, образующего настоящие кристаллические леса, арки, дуги, сталагмиты, акведуки и мосты, играющие бликами отражений довольно крупной звезды, в которой путешественники узнали Солнце. Вернее, его-то как раз они узнали в последнюю очередь. Сначала они, понаблюдав за гигантским полосатым куполом в полнеба, определили в нем колоссальную планету, то есть Юпитер, а уж потом поняли, что находятся на одном из его спутников, а крупная звезда над горизонтом в другой стороне от Юпитера, высекающая в ледовых формах алмазные искры, и есть Солнце.

Затем Стас обратил внимание на ту поверхность, где они оказались.

Она вовсе не была ледяным полем или торосом: ровный круг цвета ржавого железа диаметром в сто метров, возвышающийся над собственно ледяным ландшафтом метров на двадцать, с тремя рваными шрамами в материале круга, свидетельствовавшими, что в круг либо стреляли из гранатомета, либо гранатами, но не исключено, что эти следы были оставлены метеоритами. В пользу второго предположения говорил факт отсутствия на этом небесном теле атмосферы.

Один из шрамов пробил толстую — метровую — крышу непонятного сооружения, напоминающего нефтеналивной бак, и сквозь отверстие можно было с помощью фонарей разглядеть мешанину каких-то ферм, балок и креплений из тускло блестевшего фиолетово-синего материала.

— Ну, и где мы оказались на сей раз? — поинтересовался Вахид Тожиевич. — Кто у нас эксперт по Солнечной системе?

— Вообще-то я не астроном, — осторожно сказал Стас, — но, по-моему, мы высадились или на Ио, или на Европу. Скорее всего на Европу, только она, кажется, покрыта океаном и толстым слоем льда.

— Я тоже читал когда-то книжку «Планеты Солнечной системы», — сказал Василий. — Похоже, это действительно Европа. Она чуть ли не вся состоит из воды, а слой льда, покрывающий ее, достигает толщины чуть ли не сотни километров.

— Может быть, заглянем в этот бак? — предложил Стас. — Интересно, кто его тут оставил и зачем. — Он подпрыгнул на десяток метров вверх, перепугав спутников. — Видите, как тут легко двигаться? Можно обойтись без веревок и всяких приспособлений.

— В принципе заглянуть можно... — неопределенно протянул Василий, засмотревшись на пухлую гору Юпитера, постепенно растущую над горизонтом, закрывающую все небо. — Только Вахид прав, Соболева здесь мы тоже не найдем.

Солнце зашло. Ледяной ландшафт Европы залил перламутровый свет Юпитера, перечеркнутого жемчужно-серебристой полосой его пылевого кольца. Картина была столь необычной, поражающей воображение, впечатляющей, что ею залюбовались все, даже равнодушно относящийся к красотам природы Самандар. Правда, он вышел из «режима созерцания» самой большой планеты Солнечной системы первым:

— Пора двигаться дальше, господа. Никифорович, ты не мог бы включить тхабс таким образом, чтобы он перенес нас сразу туда, куда прыгнул Соболев?

— Похоже, я никогда к этому не привыкну... — пробормотал Василий. — Что ты сказал?

— Попробуй заставить тхабс перенести нас в определенную реальность.

— А ведь об этой возможности я не подумал! — озадаченно признался Василий, с усилием отрывая взгляд от зеленосеро-желтой полосатой бездны с гигантским красноватым глазом — знаменитым Красным пятном Юпитера. — Сейчас попытаемся.

— Дядь Вась! — взмолился Стас. — Мы же здесь никогда

больше не появимся, можно я загляну в этот бак? Интересно же, зачем его оставили Инсекты.

Василий подумал и согласился.

— Десять минут на все изыскания, и идем дальше.

Один за другим они спустились в дыру, включили фонари и некоторое время разглядывали сплетение ферм и перемычек, образующих самые настоящие геометрические заросли. Если бы не малая сила тяжести планеты, пробираться между фермами было бы очень трудно, благодаря же этому обстоятельству путешественникам удалось спуститься вниз метров на пятьдесят и миновать слой фиолетово-синих растяжек, балок и креплений. Дальше вниз уходил круглый тоннель, совершенно пустой, если не считать трех фиолетовых спиралей, свисающих с ферм и терявшихся в темноте.

— Труба, — нарушил молчание Василий, направляя вниз луч света, но так и не достав им дна. — Или шахта. Инсекты здесь что-то добывали во льдах.

— Может быть, и шахта, — сказал возбужденный Стас, — а может, звездолет. Светлада говорила, что Инсекты вышли в космос сначала на ракетной технике, а потом только нашли способ преодоления пространства и границ реальностей.

— На звездолет эта труба похожа мало, — сказал скептически настроенный Самандар, но Стас не стал спорить.

— Давайте спустимся еще ниже. Вдруг найдем рубку или центр управления? Заблудиться здесь невозможно...

— Нет, возвращаемся, — твердо отрезал Василий. — Следы Инсектов безусловно представляют интерес, однако у нас другая цель. Пошли наверх.

— А зачем? — вдруг сказал Вахид Тожиевич. — Разве тхабс работает из определенной точки пространства? Он должен действовать в п р е д е л а х реальности... если это принцип, закон перехода.

Василий думал недолго.

— Кажется, я совсем потерял способность мыслить. Ты безусловно прав. Держитесь!

Гигантская труба, проткнувшая ледяной панцирь Европы на десятки километров, созданная Инсектами для каких-то своих целей, исчезла. Трое «космонавтов» оказались в мире, откуда начинали свой путь в «розе реальностей» Матвей Соболев и его спутники.

Глава 17

СГОВОР

Бабуу-Сэнгэ встретился с Юрьевым в клубе «У Шварценеггера». Прошел он, в отличие от Юрия Венедиктовича, не предъявляя клубной карточки, и вряд ли швейцар и охранники клуба вообще видели, как он входил.

Ресторан клуба имел отдельные кабинеты. В одном из них и уединились координатор и кардинал Союза Девяти (теперь, после гибели четырех кардиналов, уже ставшего Союзом Пяти Неизвестных), окружив предварительно комнату «колоколом отталкивания».

— Мне стало известно, — начал Бабуу-Сэнгэ без предисловий, — что двое Посвященных I ступени получили тхабс и собираются отправиться в «розу» на поиски ушедшего туда десять лет назад возмутителя спокойствия...

— Соболева.

— У вас есть дополнительная информация по этому вопросу?

— Весьма скромная, — ответил Юрий Венедиктович. — Посвященные эти — комиссары возрожденного «чистилища», «команды контркрим», как они себя называют, Самандар и Котов. «Чистилище», кстати, неплохо сдерживает деятельность рыковского СС. По сути, оно стало своеобразным регулятором второго рода, полезным нашему делу. Поэтому я с Виктором Викторовичем и не занимался им плотно. Что же касается передачи Посвященным знаний принципа перехода границы... я не ведаю, как им это удалось сделать и кто им помог.

— Но факт остается фактом.

— Факт остается фактом, — согласился Юрьев. — И у меня появился шанс выяснить все детали процесса.

— Каким образом?

— Моя дочь познакомилась с воспитанником Котова. Я надеюсь через нее узнать подробности. — Юрий Венедиктович не стал рассказывать координатору о том, что Мария стала авешей Светлады.

— Хорошо, держите меня в курсе. В скором времени нам понадобится знание тхабса. А указанных вами Посвященных надо остановить во что бы то ни стало. Их прорыв в «розу» чреват непредсказуемыми последствиями.

— Не думаю, — качнул головой Юрий Венедиктович. — Дальше подуровней нашей земной реальности, то есть планет Солнечной системы, им не пройти.

— Даже в этом случае они могут стать опасными свидетелями войны иерархов. Думаю, для вас не секрет, что наша реальность — чуть ли не единственная из всех «лепестков розы», которую обошла глобальная война. Кстати, еще надо разобраться, почему. Так вот, если Посвященным Котову и Самандару удастся завладеть кое-какими Великими Вещами Инсектов, опасность их воздействия на реальность возрастет во сто крат. Мы также не должны сбрасывать со счетов и их возможную встречу с Соболевым. Он остается потенциальным аватарой, пора признать это, и его возвращение будет означать катастрофу, сравнимую по масштабам с изменением реальности.

Юрьев скептически усмехнулся.

— Им не удастся найти Соболева, не имея прямого доступа к полю информации, а астрал «розы» Посвященным их уровня не по зубам. Они не проходили практического использования теории высших непреодолимостей.

— И все же контакт их с «розой» допустить нельзя. У вас есть доступ к МИРу Ликозидов, откуда стартовал Соболев?

— Но он же... разрушен? К тому же Хранители заблокировали входы в МИРы, насколько мне помнится.

— Не хитрите, Юрий Венедиктович, — бесстрастно сказал Бабуу-Сэнгэ, — мне известно, что вы пытались найти вход в МИР. Впрочем, такие же попытки делали все наши коллеги.

— А вы?

— Я — нет. Но из всех нас лишь Герман Довлатович смог пройти в МИР Ликозидов, да и то благодаря помощи Конкере.

— Почему же он не попросил у своего приятеля дать ему прямой тхабс?

— Этого я не знаю. Может быть, Монарх не увидел в этом практической пользы и необходимости. Один раз он уже подарил тхабс... Соболеву... чтобы его запрограммировать. И, судя по тому, что происходит в нашей реальности, ему это удалось.

— Вы считаете... — Юрий Венедиктович откинулся на спинку дивана, с любопытством заглядывая в непроницаемые глаза собеседника.

— Вполне возможно, что ликвидатор Круга запущен не без участия Соболева. Если так, он нам не опасен. Хотя у нас все равно остаются только два выхода: уничтожить ликвидатора или бежать в «розу». Для первого варианта необходим выход на комиссаров «чистилища», чтобы уговорить их помочь нам... даже не нам — Кругу. Для второго варианта нужен тхабс.

— Я понял, — кивнул задумчиво Юрьев. — И оба варианта упираются в Посвященных Котова и Самандара.

— Вы займетесь ими?

— Особого желания, честно говоря, контактировать с ними у меня нет, — признался Юрий Венедиктович. — Может быть, вы привлечете Петра Адамовича и Виктора Викторовича?

— Грушин и Мурашов не горят желанием подставить шею под топор ликвидатора, но и рисковать, выходя на связь с «чистилищем», не станут. Они в панике.

Юрьев снова задумался, скрестив руки на груди. Потом вздохнул.

— Кажется, у меня нет выбора. Я попытаюсь. Но гарантия успеха — пятьдесят на пятьдесят.

— Этого достаточно. — По губам координатора Союза скользнула тонкая улыбка. — Вдвоем мы справимся... если только ликвидатор не доберется до нас раньше. Как-никак он реализатор нового Закона, а бороться с законом — все равно что...

— Против ветра, — закончил Юрьев.

— Очень точно, Юрий Венедиктович. Как вы думаете, кто он?

— Если бы я знал имя...

— Нет, я имею в виду не конкретного исполнителя.

— Магическая личность, наверняка. Возможно — авеша иерарха.

— Это кто-то из людей Круга, Юрий Венедиктович. Либо Хранитель, либо патриарх инициации Посвящения. Уж слишком хорошо он знает возможности, привычки и координаты ликвидированных коллег.

Юрьев, выпятив губу, в сомнении посмотрел на собеседника. Бабуу-Сэнгэ встал.

— Опасайтесь контактов с адептами Круга, дорогой советник. Я очень надеюсь, что «час Ц» выявит предателя... ну,

или не предателя, это чисто эмоциональная оценка его деятельности, а посланца Монарха, скажем. Или действительно кого-то из иерархов, Ангелов или Архонтов. Если же эгрегорная пеленгация ликвидатора не выявит, нам придется обратиться за помощью к другому лицу.

— Уж не к Монарху ли? — поднял брови Юрьев.

— К нему, родимому. — Бабуу-Сэнгэ поклонился и вышел, одевшись в «накидку невидимости».

Юрий Венедиктович остался сидеть в кабинете, размышляя над скрытыми недомолвками разговора. Он не верил в искренность координатора и его желание разделаться с ликвидатором ради стабилизации реальности. Бабуу-Сэнгэ просто хотел уцелеть в начавшейся войне, и это желание было по-человечески понятно. Однако при этом координатор спокойно мог подставить шею любого кардинала «под топор ликвидатора», как он выразился, а рассчитывать своевременность жертвы он умел как никто другой, недаром прожил на свете около двухсот лет.

Юрий Венедиктович посмотрел на часы, прикинул свои маршруты и заказал обед. Он любил поесть вкусно и с комфортом.

Глава 18

НИСХОЖДЕНИЕ В ГЛУБИНЫ

Они оказались на плоской вершине странного холма, который при ближайшем рассмотрении оказался древней полуразрушенной пирамидой, сложенной из круглых стеклянных шаров цвета морской волны разного диаметра. Промежутки между полуметровыми шарами заполнялись более мелкими, а между ними — еще меньшими, примерно тем же «бисером», что устилал дно кратера на Венере.

Этот искусственный холм не был самым высоким, его окружали более крупные пирамиды, параллелепипеды, валы и стены, и весь этот ландшафт очень здорово напоминал город. Разрушенный город. Причем — разрушенный не временем, а войной.

В стенах многих тяжеловесных сооружений неизвестных строителей зияли дыры и бреши, некоторые оплавились и осели, а были и такие, при взгляде на которые на ум приходи-

ли великаны с гигантскими мечами в волосатых лапах, разрубающие пирамиды до основания.

Разрушенный город со всех сторон окружал фиолетово-зеленый лес, создающий гнетущее впечатление угрюмого недоброжелательного наблюдателя. Разглядеть издали деревья не удалось даже в бинокль, однако что-то в нем было не так, что-то настораживало путешественников, отчего они чувствовали себя неуютно.

Сила тяжести в этом мире была равна земной, небо имело оттенок стали, хотя здешнее светило ничем не отличалось с виду от земного солнца — такое же ослепительно золотое, но, кроме него, люди разглядели еще два размытых тусклых серебристых диска — местные луны — и перечеркивающий небосвод тонкий серп кольца.

Обойдя вершину пирамиды, путешественники обнаружили в одной из ее стен рваную дыру, из которой торчало нечто многосуставчатое и многосегментное, напоминающее тело многоножки, но размером с земной грузовик, и долго разглядывали высохший труп Инсекта, понимая, что мир, в который они попали, не более благополучен, чем их собственный.

— Интересно, сколько лет он здесь лежит? — мрачно проговорил Василий.

— На вид — не очень давно, — отозвался Самандар. — Хотя вполне может оказаться, что прошли миллионы лет. Стас, чей это город?

— Пауроподов, — ответил зачарованный пейзажем молодой человек. — Но для путешествий по другим реальностям «розы» нам нужен другой эксперт.

— Кого ты имеешь в виду?

— Марию... то есть Светладу. Она «третье Я» инфарха и ответит на любой вопрос, потому что знает «розу» лучше любого иерарха.

— Предложение интересное, — проворчал Василий. — Мы подумаем над ним. Что будем делать дальше? Может быть, Соболев и обретается здесь, на этой планете, но искать его наобум не имеет смысла. К тому же кислорода у нас осталось всего на час.

— Мне кажется, здесь можно дышать. Можно, я проверю?

— Не спеши на шиши... позже проверим. Ну? Идеи? Тожиевич, ты у нас самый умный и образованный, давай предлагай.

— Был бы умным, не ввязался бы в эту авантюру с поиском Соболева, — хладнокровно сказал Самандар.

— Уже ввязался, рожай.

— Астрал.

— Что?

— Астрал. Любая реальность должна иметь свое континуальное поле информации. Соединим усилия и поищем след Соболева в астрале.

— Я же говорил, что ты гений!

— Не преувеличивай, — хмыкнул польщенный Самандар. — Можно подумать, у тебя не было решения.

— Было, — признался Василий, — но твое лучше. Я хотел попросить тхабс перенести нас в пределах данной реальности в то место, где находится Соболев.

— Тхабс — не транспортное средство.

— К сожалению, ты прав. Что ж, попробуем допросить здешний астрал. Давайте присядем и сосредоточимся.

Они уселись на пупырчатой из-за плотно упакованных разнокалиберных шаров поверхности пирамиды спиной к спине, Стас положил свой «штрих-меч» рядом, и все трое сконцентрировались на ментальном прощупывании местного энергоинформационного поля.

Результат сказался тут же, но не такой, какого они ожидали.

Прорыв в чужое информпространство удался, и люди даже уловили, как им показалось, порядок «ступеней смысла», ведущих в разные области знания, однако, во-первых, это ощущение было ложным, «болото» чужого астрала просто стало глубже, перегруппировало свои бездны, а во-вторых, по психике Посвященных был нанесен внезапный дезорганизующий удар, едва не лишивший их воли и сознания. Психоэнергетическая атака была настолько неожиданной и мощной, что все трое «поплыли», несмотря на защитные блоки сознания, и пришли в себя не сразу. Правда, из астрала они вынырнули, точнее сказать, их оттуда вышибли, но это обстоятельство можно было считать удачей.

— Кто это нас так? — хрипло проговорил Василий, успокаивая «вздыбленную» нервную систему, дыша через нос медленно и глубоко. — Неужто Монарх подстерег?

— Не знаю, кто, — отозвался оставшийся невозмутимым Самандар, — но контактировать с ним я больше не хочу.

— Да, здешний астрал нам не подвластен, — с неохотой констатировал Василий. — Хорошо еще, что мы подстраховали друг друга. Порог вхождения в астрал здесь вдвое выше, чем на Земле. И еще этот сторож... может, действительно Монарх? Или какая-нибудь его хитрая кусачая программа.

— Какая разница? Мы не в состоянии... — Вахид Тожиевич не закончил.

Издалека послышался гулкий нарастающий топот, приблизился, и между ближайшими строениями-холмами города Пауроподов показался стремительно приближающийся всадник на громадном черном звере. Впрочем, это был не всадник — кентавр! Только кентавр необычный.

Путешественники вскочили, с изумлением глядя на чудовищное существо, достигавшее в росте не менее шести метров.

Тело льва, на спине два кожистых вздутия, напоминавшие попону и оказавшиеся впоследствии крыльями, ноги лошади с раздвоенными копытами, вместо головы — человеческий торс и на нем голова с женским лицом совершенно удивительной красоты, обрамленным густыми и длинными серебристыми волосами. В руках этот полулев-получеловек держал огромную секиру с крюком на конце, напоминавшую земную западноевропейскую интрепель семнадцатого века. Остановившись у пирамиды, на которой стояли потрясенные встречей путешественники, едва не доставая головой до ее вершины, он (она?!) внимательно оглядел каждого и произнес металлическим голосом, совсем не женским:

— Возвращайтесь в свой мир, двоешкурые. Здесь вам делать нечего. И не появляйтесь больше, если не хотите оказаться в аду! Даю на размышление два удара сердца. — Существо подняло над головой секиру.

— Сфинкс! — прошептал Стас. — И он говорит на русском языке!

— Это, наверное, всего лишь эффект ментального обмена, — хладнокровно сказал Самандар. — А может быть, тхабс при переходе границы дает и знание местных языков.

— Недаром говорят: живи тихо — не увидишь лиха, — проговорил Василий. Поколебавшись немного, снял шлем гермокостюма, осторожно втянул воздух носом, потом вдох-

нул полной грудью. — Дышать можно. — Повернул голову к кентавру. — Кто ты?

— Я Асат[1], страж границы. И я очень удивлен, что земным существам удалось ее перейти. Но — уходите!

— Хорошо, мы уйдем, только ответь на один вопрос. Десять лет назад... так мы называем отрезки времени на Земле... сюда проникли четверо людей.Ты не знаешь, где их можно найти?

— Ответ отрицательный. И ваше время кончилось.

Кентавро-сфинкс поднял свою великанью секиру еще выше. Василий поднял ствол висящего на ремне под рукой «кипариса» и дал очередь в небо. Направил его на замершего монстра.

— Стой спокойно, дядя... или тетя? Мы никого не трогаем, никому не угрожаем, и нам угрожать не надо. Тебя же по-хорошему спрашивают? Ты видел четверых землян, наших товарищей?

— Не видел. — На прекрасном лице женщины появилась странная улыбка: презрение, высокомерие, угроза и жалость соединились в ней удивительным образом.

В ту же секунду ствол пистолета-пулемета в руке Василия изогнулся, глянул ему в лицо, и оторопевший Вася едва успел отклонить голову от струи пуль, выпущенной «кипарисом» самостоятельно. Палец Котова в этой процедуре не участвовал, пистолет действительно стрелял сам.

Секира с гулом обрушилась на вершину, едва не разрубив Василия, боровшегося со своим собственным оружием, которое норовило расстрелять хозяина. На поверхности пирамиды осталась глубокая, змеящаяся трещинами расселина.

Кентавро-сфинкс поднял свою секиру, снова ударил. И в этот момент Стас, в подкате подхватив лежащий невдалеке «штрих-меч», подставил его под удар. Того, что произошло вслед за этим, не ожидал ни он сам, ни женщина-кентавр.

Секира, коснувшись меча, разлетелась на множество стеклянных осколков. Кентавр вскрикнул, отбрасывая древко секиры, с которого на его руку перебежал голубой ручеек электрического разряда.

— О, Великий Первый! Синкэн-гата!

Василий, наконец успокоивший пистолет, поднялся на

---

[1]Асат — несуществующее, нереальное *(инд. миф.)*.

ноги, с любопытством посмотрел на ошеломленное лицо воспитанника, сбросившего шлем, перевел взгляд на россыпь осколков — все, что осталось от секиры, проговорил задумчиво:

— Похоже, мы не зря подобрали этот ножичек. — Вася повернул голову к стражу границы, застывшему в каком-то странном благоговейном оцепенении. — Что вы там такое сказали, э?

— Синкэн-гата... — Металла в голосе стража стало меньше. — Его еще называют устранителем препятствий и нейтрализатором высших непреодолимостей. Простите меня, незнакомцы, я не знал, что один из вас — Воин Закона.

Самандар тоже снял шлем, пригладил волосы, скосил глаза на Стаса, разглядывающего меч.

— Поздравляю, студент. Кажется, это ты у нас Воин... э-э... какого-то Закона. Между прочим, синкэн-гата в японской культуре — один из методов передачи знаний от учителя к ученику[1]. Переводится буквально как «духовный меч».

— Устранитель препятствий... — Вася покачал головой, протягивая руку. — В индийской мифологии есть термин «винаяка» — устранитель препятствий. Это он? Дай-ка подержу.

Стас подал меч Котову, тот взял его и с криком выронил. Меч с шипением воткнулся в крышу пирамиды, брызнув снопом извилистых молний.

— Черт! Он заряжен электричеством, как аккумулятор!

— Синкэн-гата подчиняется только Воину Закона, — ожил кентавр Асат. — Странно, что вы этого не знаете. Я удаляюсь. Прощайте. Помните, что чем дальше вы окажетесь от дома, тем проблематичней будет возвращение.

Он повернулся, собираясь ускакать.

— Постой, — спохватился Василий, держась за руку, сжимая и разжимая пальцы. — Ты действительно ничего не знаешь о судьбе четверых наших друзей? Один из них Матвей Соболев, а девушку зовут...

— Соболев? — оглянулся Асат. — Мне известно это имя.

---

[1]Синкэн-гата — метод передачи знаний, заключающийся в передаче ученикам лишь небольшого количества информации, но очень емкой и важной, на основе которой ученики и вырабатывают свой путь выживания в бою.

За ним была погоня. Но я всего лишь страж границы, особая программа защиты реальности, информационный обмен не входит в мои функции.

Кентавро-сфинкс рванул прочь от пирамиды, проскакал с полсотни метров, и вдруг «попона» на его спине развернулась и превратилась в огромные кожистые крылья. Он взмахнул ими раз и другой, оторвался от земли, сделал вираж и унесся в небо. Миг — и его не стало.

— Он нас пропустил... — тихо сказал Стас, не решаясь взять торчащий меч.

Василий оглянулся, опасливо обошел меч, продолжая шевелить пальцами.

— Рука до сих пор холодная, онемелая... Да, брат, вовремя мы захватили эту игрушку. Синкэн-гата... духовный меч... Может быть, это и не меч вовсе.

— Возьмем его с собой?

— Конечно, надо познакомиться с ним поближе, выяснить свойства, возможности.

— Я бы посоветовал оставить его здесь, — сказал трезвомыслящий Самандар. — Спрятать в укромном месте. На Земле он наверняка начнет с в е т и т ь с я. Если об этом узнают наши недруги, начнут охоту за ним.

Василий подумал немного, покачал головой.

— Здесь его тоже оставлять опасно, мало ли кто им завладеет. Заберем домой. Как ты его унюхал там, на Венере, ума не приложу. Как специально подложил кто...

Стас выдернул меч, оглядел его, взвесил в руке, положил лезвием на плечо, сказал грозно:

— Ну, где тут Монарх? Подать мне его сюда! Я скажу ему пару ласковых...

Василий фыркнул. Самандар дернул уголком губ, намечая улыбку, и в это время пирамида под ногами вздрогнула, с гулом треснула. Гул покатился дальше, сопровождаемый треском и грохотом лопающихся строений города Пауроподов. Потом загудело, завыло со всех сторон, словно ударила батарея «катюш», и лес на глазах застывших путешественников ожил. Часть его превратилась в динозавроподобных монстров, бросившихся на город, часть взлетела в воздух в виде стаи гигантских птиц, с клекотом ринувшихся на людей.

— Уходим! — среагировал Василий.

В тот же момент они оказались в пещере с МИРом Лико-

зидов, заполненной тишиной и покоем. Тхабс работал безукоризненно и точно, Василий уже освоился с ним, как с инстинктом, данным ему при рождении.

— Теперь мы знаем путь, — сказал он мрачно.

Глава 19

ПРЕДЛОЖЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Домой Вахид Тожиевич приехал в четыре часа утра, но спать уже не ложился, лишь провел получасовой сеанс медитации, настраивающий организм и восстанавливающий силы после любой тяжелой работы. Позанимавшись со снарядами в спорткомнате, он влез в ванну и включил душ, вдруг вспомнив свое детство.

Родился Вахид Тожиевич в Фергане, в узбекской семье, в пятьдесят третьем году, в год смерти Сталина, хотя сей факт никак не отразился на его личной судьбе. В детстве он любил подвижные игры, с удовольствием бегал, лазил по деревьям, плескался в арыках, для остроты ощущений мог перебежать дорогу перед близко идущим автомобилем или отправиться ночью в какое-нибудь глухое место, чтобы встретить привидение.

Такие забавы, естественно, доставляли родителям немало волнений и головную боль, однако мальчишка об этом не задумывался, впоследствии так и не привыкнув думать о других. Рос он любимцем отца, с матерью у него складывались просто ровные отношения. Он выслушивал ее наставления, в споры не вступал, но требования выполнял далеко не всегда.

Читать будущий Посвященный в тайны Внутреннего Круга начал с трех лет, увлекся приключениями и фантастикой — наиболее соответствующими его беспокойной натуре видами литературы. В шесть лет пошел в школу, развитый не по годам, и в тот же год отец привел мальчишку в первую в его жизни спортивную секцию — легкоатлетическую; к тому времени семья переехала в Ташкент. Но легкоатлетом Вахид не стал. В восемь лет он был замечен тренером национальной сборной Узбекистана по боксу и приглашен в команду, с чего и начал свою карьеру мастера боевых искусств.

В десять лет отец познакомил его с иранцем Самаком, по-

томком айяров, еще в тринадцатом веке создавших систему «мусульманского ниндзюцу». Иранец обучил его всему, что знал сам. Айяров не зря нанимали местные власти в качестве полицейской и военной разведки, а также для диверсионных и террористических актов, освобождения пленников и захвата «языков». Айяры умели практически все, что позднее стали культивировать у себя на родине японские ниндзя: проникать в закрытые помещения и даже в крепости; набросив аркан на выступ стены, мгновенно взбегать на нее; открывать любые замки; пользоваться системой колодцев и водостоков; производить подкопы и разбирать фундаменты протискиваться в небольшие отверстия и узкие щели, и так далее, и тому подобное. Естественно, научился всему этому и молодой Самандар.

В пятнадцать лет он попал во Вьетнам (отец получил туда назначение в составе отряда советских военных инструкторов) и три года занимался вьетнамскими видами рукопашного боя во туат и вьетводао, восхитив наставника быстрым ростом своего мастерства. К этому возрасту Вахид уже владел английским, вьетнамским и корейским языками и читал запретную по тем временам оккультную, мистическую и эзотерическую литературу. Учитель — буддийский монах Вонгван нашел его сам.

Два года Самандар провел в буддистском монастыре Хваран на севере Кореи, изучая стили борьбы субак, куксуль и тхэккён, затем переехал в Китай, где еще два года занимался кэмпо стиля харимау под руководством мастера Юй Вана.

В тысяча девятьсот семьдесят пятом году Вахид вернулся в СССР, поступил в Ташкентский госуниверситет на философский факультет и закончил его в восьмидесятом, будучи уже известным в Средней Азии специалистом по восточным единоборствам. В восемьдесят первом он снова уехал в Китай, где овладел кунг-фу и диммаком — мастерством точечных ударов, а оттуда переместился в Малайзию, за год освоив одно из самых загадочных — для непосвященных — направлений стиля пенчак-силат — силат буах, «смертельный силат».

За семь лет Самандар объехал чуть ли не всю Восточную Азию — от Японии и Таиланда до Индии и Индонезии и вернулся в Союз мастером, равных которому набралось бы в Азии не более десятка человек. Но об этом знали очень не-

многие люди, в том числе адепты Круга, заметившие целеустремленность молодого человека, его интерес к эзотерике и готовность к духовному контакту. В девяносто первом году, накануне развала СССР, Самандар стал Посвященным I ступени Внутреннего Круга и переехал из Ташкента в Москву, где возглавил институт азиатских единоборств, впоследствии ставший Международным исследовательским центром боевых искусств.

Достигнув пятидесятилетнего рубежа, Вахид Тожиевич так и не женился, уж слишком тщательно он подходил к выбору подруги жизни. Ему была нужна женщина с богатым духовным миром, послушная, аккуратная, чистоплотная в быту и красивая. Таковых долго не находилось. А когда он наконец познакомился с Ульяной Митиной, ставшей Посвященной в двадцать пять лет, то есть — непозволительно рано, и готов был предложить ей руку и сердце, появился Василий Балуев, ганфайтер-волкодав, сотрудник ФСБ, мастер рукопашного боя. Ульяна, и без того питавшая к Вахиду Тожиевичу лишь дружеские чувства, вовсе перестала смотреть на директора МИЦБИ как на представителя мужского пола...

Приняв ванну, Вахид Тожиевич придирчиво осмотрел себя в зеркале, увидел мускулистое, без капли жира, смуглое, сильное тело, пожал плечами и оделся. Не то чтобы он не понимал женщин — он не понимал Ульяну, обратившую внимание на Балуева, человека безусловно одаренного, но не более самого Самандара и к тому же не посвященного в тайны Круга. О том же, что девушка нашла в Балуеве, кроме молодости и настырности, Вахид Тожиевич размышлять не любил. Да теперь это и не имело значения. Десять лет назад Ульяна ушла в «розу реальностей» вместе с Соболевым, Иваном Парамоновым и Кристиной, и соперникам, стечением обстоятельств превращенным в сотрудников и единомышленников, возродившим «чистилище», делить стало нечего.

После ванны Вахид Тожиевич уселся в кабинете на циновку в позе лотоса и провел еще один сеанс медитации, тренируясь в переносе сознания на «брюшной уровень».

В конце двадцатого века ученые-нейробиологи обнаружили у человека еще один нервный центр, так сказать, своеобразный мозг, тесно связанный с двумя другими — головным и спинным. Располагается этот центр, по сути — нервная система, в брюшной ткани, устилающей внутренние стенки

пищевода, желудка, тонкой и толстой кишок, а представляет собой он сеть нейронов и вспомогательных клеток, обменивающихся между собой сигналами. И хотя количество нейронов в брюшном центре меньше, чем в спинном мозге, он так же способен запоминать информацию, учиться на опыте, влиять на эмоции. Вахид Тожиевич сделал настоящую революцию в собственном организме, когда научился в экстремальном режиме перебрасывать сознание на «брюшной уровень». Теперь он мог не бояться ментальных нападений, астральных атак и психоэнергетических разрядов, в том числе выстрелов из гипногенератора «удав». Но этим своим открытием Самандар не поделился ни с кем, даже с Котовым, полагая, что секрет, известный двоим, уже не является секретом.

Вряд ли Вахид Тожиевич прошел бы двухступенчатое испытание «пяти принципов» ниндзя: ступень отрицания годзе — «пяти слабостей» и ступень отказа от го-йоку — «пяти желаний». В го-дзе входили тщеславие, горячность, трусость, лень и мягкотелость, а Вахид Тожиевич был тщеславен, хотя и скрывал это. В го-йоку, по мнению адептов ниндзюцу, входили голод, секс, удовольствия, жадность, гордыня, и если первые четыре желания Самандар мог укротить, последнее из них — гордыня — так же было присуще ему с рождения. Изредка она давала о себе знать, отталкивая людей, и, возможно, была одной из причин, удержавших когда-то Ульяну от близости с директором МИЦБИ.

Испытав удивительное ощущение «осьминога в кипятке» — так сознание отражало восприятие мира «брюхом», — Вахид Тожиевич перешел в состояние релаксации[1] и сел за рабочий стол, включив компьютер. По утрам он обычно занимался кое-какими научными и эзотерическими изысканиями и расчетами, что можно было бы назвать хобби.

Во-первых, он разрабатывал собственную «теорию расходимости и отражения реальностей», представлявшую все реальности «розы» как отражения Материнской реальности. Работа продвинулась далеко, и единственное, что ее тормозило, так это неизвестность нахождения Материнской, или, как ее еще называли, Фундаментальной реальности.

---

[1]Состояние релаксации характеризуется мышечным расслаблением, успокоением дыхания и сердца, сосредоточением внимания на телесных ощущениях.

Во-вторых, Вахид Тожиевич писал Историю войн человечества с момента его зарождения, то есть от начала Великого Изменения, когда Монарх Тьмы проделал эксперимент над отрядом Блаттоптера сапиенс, превратив его в хомо сапиенс. Войны в представлении Самандара, а точнее — непрерывная война человечества с самим собой была единственным стержнем Истории разума, без коего этот разум просто не смог бы развиваться.

И наконец, последнее, чем занимался Вахид Тожиевич в свое удовольствие, был поиск выхода на Доцивилизацию, предшествующую цивилизации не только Инсектов, но и Аморфов. Астрал об этом сведений не хранил, по менталу гуляла легенда о Безусловно Первом, сдавшем земную реальность «в аренду» Аморфам, и лишь Хранители точно знали, кто является Творцом Вселенной, представлявшей собой «розу реальностей». Это же хотел знать и Самандар. Правда, при этом он сомневался в необходимости походов в «розу», ставших возможными благодаря тхабсу Котова, который получил его в дар от Соболева.

До шести утра он гонял компьютер и напрягал извилины, чувствуя себя комфортно и раскованно. А в начале седьмого вдруг накатило такое ощущение беды, что Вахид Тожиевич, не раздумывая, бросился из кабинета в ванную. Едва он закрыл за собой дверь — в комнате рвануло!

Взрыв разворотил стену кабинета, внес дверь ванной внутрь, но Самандар не пострадал. Чутье опасности и творческий настрой на сатори[1] спасли его. Взрыв же означал, что по квартире директора МИЦБИ, находившейся на седьмом этаже шестнадцатиэтажного дома, кто-то выстрелил из гранатомета.

Но это было еще не все.

Интуиция погнала Вахида Тожиевича дальше — из квартиры, потому что гранатометчик успокаиваться не хотел и выстрелил еще раз, попав в кухню, и если бы Самандар не выскочил из ванной в коридор, его изрешетило бы осколками. А на лестничной площадке его ждала засадная группа в количестве пяти человек, вооруженных не только обычным огнестрельным оружием, но и «глушаком», о чем Вахид Тожиевич узнал уже после того, как в него выстрелили.

---

[1] Сатори — прозрение, озарение.

Вот когда пригодился его тренинг переноса сознания в «брюшной мозг». Получив разряд, Самандар не остановился, на что понадеялись нападавшие, а продолжал действовать на сверхскорости, хотя и не так эффективно, как мог бы. Он достал одного из пятерки, одетого, как и остальные, полетнему, в обыкновенные брюки и рубашку с короткими рукавами, ушел от очереди второго, все еще не решаясь пустить в ход отобранное оружие, и в это время на площадку ворвались бойцы мейдера личной охраны Самандара, в течение нескольких секунд разобравшиеся с нападавшими.

Стрельба прекратилась, наступила тишина. Самандар «вошел в себя», чувствуя тошноту и боль во всех нервных узлах тела. Сказал, морщась:

— Там, внизу, гранатометчик...

— Уже нет, — ответил командир мейдера Юра Шохор, бывший капитан группы «Альфа». — Мы их засекли чудом, уж очень профессионально действовали, без акцентирования намерений. Собрались по одному, гады... Что дальше, комиссар?

Самандар оглянулся на дверь своей разгромленной квартиры, где начинался пожар.

— Унесите всех, разберитесь, кто это и откуда, потом доложите.

— А вы?

— Я останусь. Сейчас сюда наверняка примчится милиция и будет очень удивлена, если меня не окажется дома.

Шохор дал команду своим подчиненным, площадка почти мгновенно опустела.

— На всякий случай мы будем рядом.

— Вызовите Котова.

Шохор кивнул и исчез.

Двери соседних квартир, выходящие в коридор, который вел к площадке с лифтом, стали робко приоткрываться, соседи, напуганные взрывами и стрельбой, начинали приходить в себя. Вахид Тожиевич вернулся в квартиру, потушил разгоравшееся пламя и оценил масштабы разрушений. Вывод был неутешителен: компьютерный комплекс разлетелся по кабинету на тысячи осколков и восстановлению не подлежал; мебель тоже надо было менять полностью; кухня и вовсе превратилась в голый склеп с грудами стекла, битой пластмассы, щепы и тремя сплющенными, изрешеченными ме-

таллическими пластинами, в которых с трудом можно было узнать микроволновую печь, холодильник и электроплиту.

Спальня пострадала меньше, но утешением это было слабым. Потеря компьютера и почти всей диск-библиотеки с базой данных ощутимо ограничивала возможности Вахида Тожиевича в области «хоббийных» исследований и его профессиональных интересов как директора МИЦБИ. Документация «чистилища» тоже была уничтожена, но ее можно было восстановить.

Василий и Стас приехали одновременно с нарядом милиции, но в деятельность официальных правоохранительных органов не вмешивались, вполне понимая, в отличие от представителей властей, что произошло. Лишь когда следователь и эксперты закончили свои дела и ушли и комиссары «чистилища» остались одни, Василий, обойдя разгромленную квартиру и выглянув в проем окна без рамы и стекол, присел рядом с хозяином на кровать в спальне.

— Ликвидатор? Или манипул Рыкова?

— Еще не знаю, ребята должны позвонить, они унесли трупы и двух раненых из команды нападавших. Но скорее всего это люди ликвидатора, уж слишком нагло действовала группа, не считаясь ни с чем.

— Что-то милиция тебя отпустила слишком рано.

— В принципе, они задали все вопросы, но все же пришлось внушить следователю мысль, что некие бандиты просто ошиблись адресом. Эта версия его вполне устроила. Хорошо, что мои парни успели унести трупы.

— Но огласки избежать не удастся. Завтра в газетах наверняка появится заметка, что квартиру директора Международного боевого центра расстреляли из гранатометов. Что должен будет подумать обыватель? Что означенный директор — мафиози и с ним хотели разобраться конкуренты.

Самандар усмехнулся.

— Меня не волнуют заботы обывателя. Но съезжать отсюда, наверное, придется. Жаль компьютер, кое-что из своих научных наработок я держал в его оперативной памяти. — Вахид Тожиевич встал. — Сейчас дам команду привести здесь все в порядок и сделать ремонт, потом поедем в центр. Надо обсудить дела насущные. Кстати, не опасно оставлять меч... э-э... синкэн-гата дома? Вы же не взяли его с собой?

Василий и Стас переглянулись.

— Он в машине, в специальных ножнах.

Самандар движением брови выразил иронию.

— Вы не боитесь... оставлять его... в машине?!

Стас еще раз посмотрел на дядю и бросился вон из квартиры. Вскоре раздался звонок по мобильному телефону Василия:

— Все в порядке, он на месте. Я подожду вас тут.

Самандар покачал головой, проворчал:

— Ох и наживем мы с ним хлопот... Как ты думаешь, Василий Никифорович, что произошло там, в другой реальности? Почему на нас напали птицы и звери из леса? Нас учуял кто-то еще?

— Может быть, и учуял, — нехотя ответил Василий. — Этот лес — явно не лес, и он явно получил команду после нашего выхода в астрал. До этого момента он хоть и шевелился подозрительно, но не обращал на нас особого внимания. А тут словно с ума сошел. Видимо, и в самом деле придется привлечь девчонку... то есть Светладу в качестве эксперта по «розе».

— Когда собираешься идти туда снова?

— Как только Веня со своими орлами оборудует новый вход в МИР, в километре от старого. Я уже дал задание.

Зазвонил уцелевший телефон Самандара. Вахид Тожиевич вышел в прихожую, снял трубку, выслушал, и глаза его мгновенно изменили выражение.

— Бабуу-Сэнгэ! — сказал он, прикрыв трубку рукой.

— Выгони черта в дверь, он влезет в окно, — пробормотал изумленный Василий. — Какого лешего ему нужно?

— Чего вы хотите? — сказал Самандар.

— Я знаю, что на вас готовится покушение, — зазвучал в трубке голос координатора Союза Девяти.

— Уже, — лаконично сообщил Вахид Тожиевич.

— Искренне рад, что вы живы. Имеется настоятельная потребность встретиться и обсудить одно интересное предложение.

— Что за предложение?

— При встрече, если не возражаете.

— Кто на ней будет присутствовать?

— С одной стороны буду я и Юрий Венедиктович Юрьев, с другой — вы и Котов. Дело не терпит отлагательств, а то,

что вы отбили нападение, еще не является гарантией, что ликвидатор успокоится на этом.

— Почему вы считаете, что это дело рук... гм-гм... ликвидатора?

— Мы зря теряем время, Вахид Тожиевич.

— Хорошо. Когда и где?

— Через два часа у памятника Пушкину.

— Мы приедем.

Связь прервалась. Самандар подержал трубку возле уха, потом глянул на бесстрастное лицо Василия.

— Он назначил нам рандеву.

* * *

Если бы кто-нибудь из работников спецслужб вздумал наблюдать за Пушкинской площадью напротив киноконцертного зала «Россия», он все равно едва ли заметил бы что-нибудь необычное в поведении множества отдыхающих у памятника всемирно известному поэту. Между тем человек тридцать из них представляли собой профессионалов слежки, охраны и боя, призванных защитить своих подопечных от возможного нападения. Два десятка из этих тридцати принадлежали манипулам Бабуу-Сэнгэ и Юрьева, остальные входили в мейдеры Котова и Самандара.

Почему координатор Союза Девяти выбрал для встречи это многолюдное место, Посвященные не поняли. Случись конфликт, пострадало бы немало посторонних людей. Но право выбора было за Бабуу-Сэнгэ, «чистильщики» вынуждены были принять его условия, подстраховав себя по классу «элит». Бойцы бывшего горшинского мейдера, переданного Тарасом Василию при расставании, все как один работали в свое время в суперсекретных специальных подразделениях и знали свое дело отлично.

Выйдя из подземного перехода к памятнику Пушкину, Василий и Вахид Тожиевич сразу направились к паре пенсионеров, скромно устроившейся на лавочке напротив фонтана. Узнать Юрьева и Бабуу-Сэнгэ в облике двух глубоких стариков было трудно, однако наблюдатели Вени Соколова, обозревавшие площадь через «малые СЭРы», быстро вычислили кардиналов Союза, а также их телохранителей и навели своих командиров на объект абсолютно точно.

— Разрешите присесть? — любезно приподнял шляпу Василий, также решивший изобразить старика.

— Пожалуйста, располагайтесь, — благожелательно повел рукой «старик» Юрьев. — Места хватит.

Самандар, одетый в ослепительно белый костюм и похожий на киноартиста, коротко поклонился. То же самое сделал Бабуу-Сэнгэ, выглядевший сухоньким, невзрачным на вид, седеньким старичком-монголом. Посвященные сели рядом с кардиналами, и все четверо как бы пропали для сидящих на соседних скамейках и гуляющих людей, окружив скамейку сферой невидимости.

— Приятно пообщаться с такими известными людьми, — все с тем же благожелательным видом проговорил Юрьев. — Мне кажется, мы уже встречались где-то, не так ли?

Василий промолчал, хотя у него складывалось такое же впечатление. Но он точно знал, что с Юрием Венедиктовичем н и к о г д а не контактировал.

— Мы вас слушаем, — сухо произнес Самандар.

— Вероятно, вы знаете, что происходит в мире, — не обижаясь на его тон, кротко сказал Бабуу-Сэнгэ. — Кто-то начал коррекцию земной реальности, выражающуюся в ликвидации Внутреннего Круга. В связи с этим...

— Без предисловий, будьте добры.

— Хорошо, — закивал Бабуу-Сэнгэ, на миг вдвое увеличиваясь в размерах, превращаясь в былинного богатыря, словно давал представление о своей силе. — Ликвидатора нужно остановить. Он не делит Круг на своих и чужих, на Собирателей и Хранителей, кардиналов и комиссаров «чистилища». Он убирает в с е х! Поэтому у нас созрело предложение объединиться и уничтожить его.

— Почему вы думаете, что он убирает всех?

— Я это з н а ю. Он — существо многомерное, многореальное, это ясно, а для дела вербует, вернее, зомбирует исполнителей, причем каждый раз — других, из-за чего у него иногда случаются провалы, как, например, с вами или с вашим воспитанником: исполнители вас недооценили. Но чаще всего их операции удаются. Могу с прискорбием сообщить, что четверо наших коллег погибли.

— Это ваши заботы... — начал было Самандар, но Василий его остановил:

— Подожди. Как вы представляете наше взаимодействие?

— Ликвидатор развернул свою деятельность во всех странах мира, поэтому куратор Союзов решил обратиться к эгрегору кардиналов и...

— Организовать «час Ц», — закончил Василий. — А дальше?

Юрьев и Бабуу-Сэнгэ переглянулись.

— Дальше мы определим координаты ликвидатора и попробуем его уничтожить. Вы подключитесь к нам на конечной стадии операции, потому что для уничтожения ликвидатора потребуются не просто Посвященные, владеющие магией преобразования структур реальности, но и мастера боя. А таковых среди нас, увы, мало.

Теперь уже настала очередь обмениваться взглядами Самандару и Котову.

— Мы обдумаем ваше предложение, — сказал Вахид Тожиевич. — Но есть одно существенное «но». Один ваш коллега очень хочет резко ограничить деятельность «чистилища» и даже пытался ликвидировать нас.

— Речь, наверное, идет о Рыкове? — усмехнулся Юрьев.

— Герман Довлатович действительно недоволен вашей самостоятельностью, — бесстрастно сказал Бабуу-Сэнгэ. — В последнее время он метит на трон координатора, и шансы у него неплохие. Правда, мне также известно, что, несмотря на его дружбу с Монархом, ликвидатор и Рыкова внес в черный список подлежащих уничтожению людей. Так что он сидит в той же лодке, что и все мы. Я попробую внушить ему мысль, что «чистилище» нам... э-э...

— Полезно, — иронически посмотрел на координатора Вахид Тожиевич. — Чего уж там. И на том спасибо. Хотя я уверен, что после ликвидации ликвидатора, если операция удастся, Рыков снова примется за старое.

— Все будет зависеть от обстоятельств. Мы подумаем, — подтвердил слова напарника Котов. — Позвольте вопрос? Что вы знаете о ликвидаторе? Кто он и откуда? Почему решил откорректировать реальность таким своеобразным способом?

— К сожалению, у нас нет ответа на этот вопрос, — с почти искренней печалью произнес Юрий Венедиктович. — Ясно, что ликвидатор реализует запущенный кем-то «темный процесс», но кем — мы не знаем.

— Может быть, Монархом?

— Мы не знаем, — тихо повторил слова кардинала Бабуу-

Сэнгэ, и Василий ему поверил. Кряхтя, поднялся, начиная играть роль старика.

— Благодарим за предложение. Засим разрешите откланяться.

— Скажите, Василий Никифорович, — сказал Юрьев, оставаясь сидеть, — а каким образом вы хотите использовать тхабс? Зачем он вам понадобился?

Самандар тоже встал — плечом к плечу Котова. Соединенными усилиями воли они отбили всплеск ментального поля, не атаку — разведимпульс Юрьева, причем Василию показалось, что им кто-то помог, и ответный их пси-толчок был достаточно сильным, чтобы кардинал и координатор Союза Девяти почувствовали это.

— До свидания, — сказал Василий вежливо.

Чувствуя на себе взгляды по крайней мере десятка человек, они откланялись и неторопливо направились к памятнику, за которым нос к носу столкнулись с Марией и Стасом.

— А вы что здесь делаете?! — хмуро поинтересовался Василий.

— Ждем вас, — виновато ответил Стас.

— Вполне самостоятельные детки, — сказал Самандар ровным голосом. — Всегда готовы подставиться. Жду вас в офисе к пяти, Василий Никифорович. — Он кивнул и растворился в толпе.

Василий хотел выругаться, но, посмотрев на девушку, в глазах которой вспыхивали и гасли искры смеха и вызова, сдержался и пошел вперед. Переглянувшись, молодые люди последовали за ним. Идея «подстраховать» комиссаров «чистилища» уже не казалась им столь привлекательной, как раньше.

Глава 20

ЧЕМПИОНАТ

Двенадцатого июня во дворце спорта «Лужники» начались рейтинговые бои двадцать девятого Абсолютного чемпионата мира по боевым искусствам, называемого негласно ultimate figts — «боями без правил». Двухдневные разборки между каратеками, айкидоками, самбистами, дзюдоистами, боксерами, представителями разных школ борьбы со всех

континентов должны были выявить победителя, участника супербоев, в которых планировались встречи прошлогоднего чемпиона, нынешнего, а также чемпионов Америки и Азии. Эти бои намечалось провести в Конгресс-холле Центра международной торговли.

Стас подошел к соревнованиям в хорошей физической и психической форме, поэтому был уверен в своих силах. Многих участников чемпионата он знал еще по боям двухгодичной давности, когда выступал сам на первенстве России по русбою, титулы же остальных на него влияния не оказали, в глубине души он был уверен, что сможет победить любого.

— Хорошо запомнил, как себя вести в перерывах между боями? — спросил его Василий, помогая собираться.

Стас молча кивнул, хотя считал, что возможность нового нападения на него исключена самим характером соревнований. Людей с огнестрельным и холодным оружием во Дворец спорта не пропустит охрана, а невооруженные не рискнут нападать на глазах у всех. Василий думал примерно так же, однако в расчет брал любую, даже самую маловероятную ситуацию, и согласовал с учеником все его маршруты передвижения по Дворцу спорта: раздевалка — ринг — раздевалка — туалет — ресторан. Во всех этих перемещениях Стас постоянно должен был находиться на виду у охраны.

В девять утра они сошли вниз к «Фиату», охраняемому парнями Вени Соколова, и Василий сел за руль.

— Заверни на Арбат, — попросил Стас.

— За Марией? — догадался старший Котов. — Я не советую тебе брать ее с собой.

— Я обещал.

Василий смолчал, но на Арбат, к дому Юрьева, все же заехал. Мария в сарафанчике, подчеркивающем ее дивную фигуру, ждала их возле метро «Арбатская», в Филипповском переулке, напротив знаменитого «Arbat Blues Club». Как ни в чем не бывало поздоровалась с мужчинами, оценив их красноречивые взгляды, и Василий безошибочно определил присутствие в ней Светлады. Погрустнел, вспоминая Ульяну. Мария была чем-то на нее похожа. Сказал, чтобы завязать разговор:

— Любите острые ощущения? Я имею в виду мордобой, выбитые зубы, увечья, кровь.

— Не то чтобы люблю, — улыбнулась девушка понимаю-

ще, устраиваясь на заднем сиденье, — но и не сторонюсь. Кстати, тот же вопрос я могла бы адресовать и вам.

— Что вы имеете в виду? — озадачился Василий.

— Разве вы руководите «чистилищем» не ради острых ощущений? Ради чего еще человек может так долго заниматься опасным делом, практически не дающим результатов?

Василий с мрачным неудовольствием посмотрел на Стаса, и тот ответил честным открытым взглядом, говорящим, что он не делился с Марией своими догадками об увлечениях учителя.

— Откуда вы знаете, что я руковожу «чистилищем»? И почему вы считаете, что его деятельность не дает результатов?

— Ваши вопросы уже предполагают ответы, Василий Никифорович, — сморщила носик Мария. — И не смотрите на Стаса столь многообещающе, он мне о вас ничего не рассказывал. Но ответьте на один простой вопрос: вам не кажется, что «чистилище» работает слишком спокойно?

Василий выехал на Садовое кольцо, увеличил скорость, обдумывая ответ.

— Объяснитесь.

— Извольте. Десять лет вашей ККК занимаются такие нехилые конторы, как МВД, ГУБО[1] и Федеральная служба безопасности, и — ничего! Вы живы, провалов практически не бывает, никого из «чистильщиков» не поймали, не убили, лично вас до сих пор не вычислили... Вам это не кажется удивительным?

— Кажется, — после длительного молчания признался Василий. — Хотя, с другой стороны, все вполне можно объяснить профессионализмом сотрудников «чистилища». Но допустим, вы правы, что из этого следует?

— Одно из двух. Либо вам кто-то здорово помогает, либо вы находитесь в узле чьих-то программ, допускающих долговременность такой незаконной организации, как «чистилище».

— Чьих программ?

— Иерархов, разумеется. Угрозами Германа Довлатовича пренебрегать, конечно, не следует, но и переоценивать его значимость не стоит.

---

[1] ГУБО — Главное управление по борьбе с организованной преступностью.

— Кто вы? С кем я сейчас разговариваю? Со Светладой?

— Самую малость, — засмеялась девушка. — Больше с Машкой, избалованной дочкой крутого родителя. А что? Не привыкли разговаривать с такими девчонками на равных?

— Да нет, — улыбнулся и Василий, — но не каждая девчонка говорит старшим дерзости и неприятные вещи. Уж не вы ли нам помогаете? Я имею в виду инфарха.

— Нет, не мы, — посерьезнела Мария. — Я не знаю, кто. Но вам стоит задуматься над вопросом: кому выгодна деятельность «чистилища» в нынешнее смутное время?

Несколько минут ехали молча. Потом Василий перевел разговор на другую тему:

— Стас вам рассказывал о последнем нашем походе в «розу»? В какой мир мы попали, по-вашему?

— Судя по встрече с Асатом, тхабс переместил вас в еще одну «запрещенную реальность», подвергшуюся изменению. Я знаю, что Конкере экспериментировал с такими мирами, выводя новые разумные породы существ путем трансформации тупиковых, но куда именно вас занесло, определить по рассказу не могу. Чтобы это сделать, надо посмотреть, но для этого вам необходимо взять меня с собой.

— Возьмем, — пообещал Василий, сворачивая к Лужникам. — Об этом мы поговорим отдельно. Ты все помнишь? — оглянулся он на Стаса.

Тот молча кивнул.

— Тогда иди. Ни пуха...

— К черту!

Стас и Мария вылезли из машины и пошли к центральному входу на территорию комплекса. Василий посмотрел, как их ведут профи Соколова, остался доволен и вылез сам. Он чувствовал, что предстоит драться, только не знал — с кем.

* * *

Помост, устланный ковром-татами, метровой высоты железная сетка, окружающая десятигранник боевой площадки, пятьдесят столиков для особо важных персон вокруг помоста, четырехсторонний амфитеатр за пределами «особо важной» смотровой зоны — таков зал Дворца спорта в Лужниках, предназначенный для выяснения отношений между соискателями главного приза чемпионата. Из удовольствий,

кроме самого зрелища, — шампанское, бутерброды, фрукты, напитки плюс непременный тотализатор. И уйма болельщиков, переживающих за своих кумиров.

Стас в такой обстановке выступал уже не однажды, поэтому, выйдя в первый раз на помост, не оробел. Нашел глазами Марию, помахавшую ему рукой, и тут же «ушел» в концентрацию, отбросив все посторонние мысли и подавив эмоции.

Первым его соперником жребий определил стодесятикилограммового Олега Кирьяка, охранника из личной гвардии украинского президента, бывшего морского пехотинца, приверженца боевого самбо. Стас был на двадцать килограммов легче, но вес спортсмена в подобных боях никогда не становился решающим фактором, и переживать по этому поводу не стоило. Хотя, надо признаться, выглядел Кирьяк устрашающе: эдакая волосатая туша с буграми мускулов, с руками-лопатами, короткой могучей шеей и толстыми ногами. Он был на голову ниже Стаса, но и это обстоятельство нельзя было отнести к преимуществу или к недостатку бойца. Все, как всегда, решало мастерство, а не физические данные.

Перечислив титулы соперников (список побед Кирьяка был впятеро длиннее, чем у Стаса), судья с возгласом «хаджимэ!» дал отмашку, и Кирьяк попер на Котова как танк, выставив вперед руки со слегка согнутыми пальцами.

Стас, облаченный в отличие от почти голого соперника в черное кимоно, ждал его до последнего мгновения в оптимально свободной позе, имеющей в ниндзюцу название кикэн-тай. Эта поза подразумевала нефиксированность бедер и плеч в момент нанесения удара, а также небольшой наклон корпуса вслед выполняемому движению, что позволяет максимально использовать силу инерции тела. Он просто стоял и ждал, что на трибунах было воспринято как оцепенение потерявшего волю к победе молокососа и отмечено улюлюканием и свистом. Но свист моментально стих, как только Кирьяк достиг соперника и промахнулся, нанося круговой удар правой рукой, а левой норовя ухватить Стаса за шею. Однако Стаса на том месте не оказалось, он был уже за спиной украинца, недоуменно ворочающего шеей и не видящего противника.

Развернувшись, украинец снова пошел в атаку и вдруг сунулся головой вперед в татами. И не встал. Стас, пропустив

тушу мимо, нанес ему лишь один удар — локтем в основание шеи, так называемый суки кэн в кейтю[1]. Этого оказалось достаточно, чтобы Кирьяк, чемпион Европы по самбо, финалист трех Абсолютных чемпионатов мира, пришел в себя только через несколько минут.

Зал снова взорвался свистом, топотом, криками и аплодисментами. С одной стороны, зрители были недовольны, не увидев боя и не получив того удовольствия, на какое рассчитывали, с другой — оценили победителя по достоинству.

Оглядывая зал, Стас встретил чей-то тяжелый, неприязненный взгляд, мгновенно «ощетинился», но человека, бросившего на него этот взгляд, определить не успел. Тот или отвернулся, или заблокировал передачу эмоций. Поклонившись, Стас сошел с помоста и отправился в раздевалку в сопровождении тренера Такэды, не сказавшего ни слова, только легонько сжавшего плечо.

Следующего боя пришлось ждать два с половиной часа, пока не отработали все двадцать пар предварительного рейтингового турнира. Из сорока участников отсеялись двадцать, которым теперь предстояло сократить число претендентов до десяти. Прошлогодний чемпион мира в предварительных состязаниях не участвовал, он готовился к супербоям.

Стас отдыхал и смотрел бои вместе с Марией. Василия они не видели, но чувствовали, что тот где-то рядом. Девушка выглядела задумчивой и тихой, зрелище ей не очень нравилось, красивых схваток почти не случалось, зато в изобилии присутствовали, как и предупреждал старший Котов, выбитые зубы, сломанные ребра и носы, разбитые физиономии. Правда, серьезных увечий все-таки не наблюдалось, класс участников боев позволял им избегать опасных для жизни травм.

Разговаривали во время схваток мало, хотя на помост Мария особенно и не смотрела. Было заметно, что она о чем-то размышляет, а может быть, прислушивается к разговорам вокруг. И еще Стас обратил внимание на то, что никто из сидящих рядом и сверху мужчин, разгоряченных «обалденным» спектаклем боевых искусств, словно не замечает Марии, красота и вызывающая женственность которой обычно дейст-

[1] Кейтю — точка поражения, связки шеи сзади.

вовали на парней, как красная тряпка на быка. Видимо, она отгородилась от всех, кроме Стаса, «накидкой невидимости».

Следующим соперником Котова был трехкратный чемпион мира по боям без правил, абсолютный чемпион США по карате-кёкусинкай Джерри Чарльз Харрис, гигант ростом в сто девяносто пять сантиметров и весом под сто двадцать килограммов. Этот противник был уже посерьезней самоуверенного Кирьяка, потому что мастером оказался очень высокого класса и двигался по площадке легко, несмотря на громадную массу.

К счастью, Стас к л ю б о м у поединку готовился с исключительной добросовестностью и к тому же за долгие годы тренировок под руководством дяди усвоил истину, что противника надо уважать. Поэтому и после боя с Кирьяком он не расслабился, не понадеялся на привычное «авось повезет». Минутный сеанс медитации перед схваткой позволил ему сосредоточиться на «состоянии пустоты», и теперь он был готов мгновенно реагировать на любое движение противника.

Харрис был очень хорош. Он не стал ходить по рингу, как это показывают в фильмах, играть мускулами, подзывать соперника пальцем, призывать публику хлопать, а сразу пошел в атаку в стиле кёкусинкай: удар правой ногой по голени — прямой удар правой рукой — боковой удар левой рукой в лицо — поворот — удар локтем в грудь — поворот — блок. Все это было проделано в хорошем темпе, плавно и красиво. Американец мог бы достичь цели, если бы Стас ждал противника на месте. Но опять-таки его там уже не было.

Он просто сделал ирими — «вхождение», то есть ушел с линии атаки партнера, нанес ему два удара — левой рукой в бок и правой в лицо и остановился, сохраняя «состояние пустоты». Формула Дао: нет никакой двойственности, нет никакой борьбы, нет никакого противника, есть только действия собственного духа в гармонии с духом Вселенной — перестала быть для Стаса просто философской догмой, а вошла в плоть и кровь, поэтому он не сражался, а просто «восстанавливал гармонию» в данной области пространства.

Джерри Харрис, пропустив неожиданно чувствительные удары, отлетел в сторону и круто развернулся, обнаруживая соперника сзади. Снова кинулся вперед, н а р а б о т а н н о, автоматически реагируя на расслабленную свободную позу

Стаса. Прямой удар левой ногой в живот — боковой удар в лицо правой ногой — поворот спиной к противнику — правая нога пошла к левой — удар ногой в грудь (отличный хидари гэдан уширо гэри каагэ). Но вся комбинация снова ушла в воздух, не затронув партнера. Не блокируя удары (в кунг-фу, тайцзи и ниндзюцу нет классических блоков, а в русбое они весьма специфичны — являются одновременно и ударами), Стас уклонился, подхватил изнутри ногу Харриса и легко свалил его влево, используя инерцию удара.

Зал взорвался аплодисментами, поощряя бойцов.

Харрис вскочил, с недоумением глядя на обманчиво расслабленного соперника, но времени на оценку ситуации у него не было, поменять систему боя, которой владел, он не мог, а она требовала действовать в определенном ключе, и американец опять бросился в атаку, демонстрируя красивую и довольно редкую связку приемов с чередованием прыжков, уклонов, ударов руками, ногами и локтями.

Понимая, что бой таким образом может длиться долго, на радость болельщикам, Стас перешел в т е м п, выпав из поля зрения Харриса, зашел сбоку и нанес несильный, но точный кити кэн — удар ребром ладони по точке поражения сефу[1]. Американец сделал по инерции два шага вперед и завалился на бок, подогнув руки. Бой закончился.

Но, как оказалось, не закончилось испытание Стаса. Спасло его то, что он не сразу вышел из состояния боевого транса и успел уловить «ветер смерти» — с а к к и. Нырнул в т е м п. Время послушно замедлило бег. И тогда Стас увидел неспешно (с его точки зрения) летящий в него откуда-то с трибуны нож.

Перевернувшись два раза (бросал его мастер!), нож достиг груди Стаса точно в области сердца, и Стас не стал рисковать с его ловлей, хотя со стороны это выглядело бы классно, а просто ударил ребром ладони по рукояти, сбивая нож вниз. Нож сочно вонзился в помост, пронзив татами.

Зрители хлопали в ладоши, кричали, гудели, смеялись, еще не понимая, что произошло, а слева от входа в зал уже началось какое-то движение, побежали вокруг помоста люди, всколыхнулась цепочка омоновцев, окружавшая помост.

---

[1] С е ф у — точка поражения на боковой стороне шеи.

Это заработала система охраны Вени Соколова, одновременно с Василием оценившего ситуацию.

— Уходи! — донесся откуда-то голос Котова.

Однако Стас, почему-то з н а я, что больше инцидентов не будет, дождался объявления рефери, что он победил, и только тогда сошел с помоста.

Мария прибежала в раздевалку через две минуты, возбужденная и встревоженная. Потом пришел Василий, оглядел спокойно сидящего на скамье Стаса и улыбнулся.

— Не потерял желания идти дальше?

Стас слабо улыбнулся в ответ, качнул головой.

— Как малый ребенок, — сердито проговорила Мария. — Совершенно не хочет слушать разумные советы. Говорит: влез по горло, лезь и по уши.

— Правильно говорит.

— Метателя нашли? — спросил Стас.

— Ушел, — помрачнел Василий. — Опытный, гад. Бросил и мгновенно отступил. Ладно, я пошел, отдыхай, мойся. У тебя еще два выхода остались?

— Скорее всего три.

— Мы возьмем зал плотнее, но и ты смотри в оба.

Василий ушел.

Мария посмотрела на отрешенное лицо молодого человека, подсела ближе, провела пальцем по щеке.

— Воин, ты рискуешь.

Стас посмотрел ей в глаза, вдруг обнял и поцеловал, не обращая внимания на присутствие тренера, невозмутимо отвернувшегося в этот момент.

* * *

Третий бой — с бразильцем Робертом Леонардо, фаворитом чемпионата (двадцать восемь лет, девяносто шесть килограммов, сто девяносто сантиметров росту, двукратный победитель Бескомпромиссных боев Южной Америки, чемпион мира по джиу-джитсу), Стас провел так же собранно и целеустремленно, как и первые два.

Смуглый, цепкий, сильный бразилец обладал змеиной пластикой и весь бой построил на захватах, болевых контролях и бросках, что, впрочем, неожиданностью для Стаса не стало. Он мог бы закончить бой уже в первые пять минут, исполь-

зуя ударную технику русбоя, но предпочел ответить тем же и продемонстрировал такую великолепную смесь приемов дзюдо, айкидо и тайдзюцу, что зал ревел и бесновался на протяжении всей схватки.

Бразильцу удалось провести два броска, Стасу восемь, после чего он «задушил» его ногами, удержав на спине до тех пор, пока Леонардо не заколотил рукой по ковру. Стас отпустил противника, и тут случилось неожиданное.

Бразилец вдруг кинулся на сетку, исступленно заколотил по ней кулаками, начал биться головой об пол, схватился за горло, упал навзничь и затрясся в эпилептическом припадке.

Стас первым догадался, в чем дело. Оттолкнув судью, подскочил к упавшему и, сунув пальцы ему в рот, вытянул из горла проглоченный язык. Бразилец расслабился, затих, потерял сознание, но вскоре пришел в себя.

— Еще пять секунд — и был бы труп! — констатировал кто-то из русских судей, выскочивших на помост. — Повезло парню. Спасибо, победитель, — обратился он к Стасу. — Спасты его, однако.

Стас кивнул, считая, что повезло обоим. Если бы бразилец умер, он себе этого бы не простил.

За выход в финал боролись четверо. Пятый полуфиналист, тоже бразилец, одолевший три круга соревнований, получив сотрясение мозга и перелом ключицы, из дальнейшей борьбы выбыл. Таким образом и сложились две пары.

Стас выходил на помост в последней. Ему достался невысокий, но жилистый и очень «моторный» махачкалинец Магометхан Каримов, чемпион Евразии, двукратный абсолютный чемпион России по дзюдо. Он почти не уступал Стасу в классе, владел, кроме дзюдо, русбоем и самбо, да и двигался с ошеломляющей быстротой, но все же т е м п а Стаса не выдерживал и зачастую проваливался в атаках, героически держа удары в корпус и в голову. Кончилось все тем, что Стас, доверившись подсознанию «пустоты», предоставив действовать «божественному», в одной из встречных атак провел прием-удар (тин кэн[1]) с «выбросом силы» (тикара-но дасиката), и Каримов вылетел с помоста через сетку. Обратно на ковер он уже не вернулся.

Финальный бой с дагестанцем Рустамом Хулибовым Стас

[1]Т и н к э н — удар пятью пальцами.

выиграл буквально за минуту. Низкорослый и мускулистый, но слишком малоподвижный каратек практически ничего не показал, кроме двух ударов ногой, и, пропустив удар костяшками пальцев в висок, потерял сознание. Видимо, он надеялся на свою массу — весил дагестанец сто тридцать шесть килограммов — и непробиваемость мышечного каркаса. Стас даже испытал нечто вроде разочарования, приготовившись к серьезному поединку. О разочаровании же зрителей и вовсе говорить не приходилось. Свист после окончания боя в зале стоял оглушительный.

Получив пояс чемпиона, Стас ушел в раздевалку, оставаясь в состоянии меоза. Однако в этот вечер больше ничего не произошло. Только у выхода чемпиона со свитой догнал вице-президент Совета по абсолютным поединкам и сообщил расписание супербоев.

Супербои между четырьмя чемпионами мира и континентов: Стасом, Игорем Вовколаковым, прошлогодним чемпионом мира, перуанцем Рикардо Родригесом и знаменитым пятикратным чемпионом мира по карате японцем Сото Якудзавой должны были состояться на следующий день в Конгресс-холле.

Вез домой Стаса Василий, предварительно высадив уставшую Марию возле ее дома. Их сопровождал микроавтобус с телохранителями Юрьева, которые держались поодаль и уже не пытались отбирать объект охраны у «конкурирующей фирмы».

— Задержали бросившего нож? — задал Стас мучивший его вопрос, когда Котовы поднялись в свою новую квартиру на седьмом этаже.

— Нет, — ответил рассеянно-озабоченный Василий. — По версии Вени, это был кто-то из бойцов, дожидавшихся своей очереди. Нож прилетел из их сектора, а когда парни Соколова бросились к выходу из зала, им показалось, что кто-то скрылся в раздевалке.

— Проверили?

— Конечно, проверили, но там находилось человек восемь, тренеры и бойцы, пойди определи, кто кидал. Между прочим, среди них были и оба твоих будущих партнера по супербоям. Так что будь осторожен. И прими один неожиданный совет: не иди на добивание соперника, как бы ни хотелось закончить поединок. Как говорится, не бей лежачего.

— У Такэды есть поговорка, — улыбнулся Стас, — лежачих надо бить, чтобы вставать научились.

Василий шутки не принял, отрезал:

— Не в этом случае. Не прошел чистый удар, жди новой атаки, но к упавшему не приближайся. Я манеру боя Вовколакова знаю, он хитрый и жестокий боец.

— Да ладно, дядь Вась, — протянул обескураженный Стас, — я все понял, сделаю, как ты хочешь...

Василий косо посмотрел на ученика, крутанул желваки, и Стас понял, что дядя просто переживает за него. Теплая волна благодарности омыла сердце, и тут же вспомнился Матвей Соболев. Оба этих человека приняли такое участие в судьбе Стаса, что жизнь без них представить было уже невозможно. Правда, в этой жизни появилась Мария, но к ней Стас относился совсем по-другому...

Глава 21

ИНСПЕКТОР СОЮЗОВ

Морихей Цвингер прибыл в Москву из Палестины в качестве туриста. Это был высокий худой господин с холеным породистым лицом и красивой сединой в длинных волнистых волосах, ниспадающих на шею. Несмотря на летнюю московскую жару, одет он был в строгий темно-коричневый костюм, белую рубашку с галстуком в горошек и лакированные туфли, но, казалось, вовсе не страдал от перегрева.

Его никто не встречал в аэропорту Шереметьево, как большинство авиапассажиров, но тем не менее этот господин не стал ловить такси или частное авто, а сразу сел в первый же автомобиль у левого крыла аэропорта и укатил в город. Водитель, ожидавший своего начальника, словно забыл о нем и не спросил даже, куда везти севшего в машину. Опомнился он, лишь высадив пассажира у гостиницы «Россия», но так потом и не понял, как и почему здесь оказался. Он не знал, что его пассажиром был инспектор Союзов Неизвестных.

В тот же день координатор Союза Девяти Бабуу-Сэнгэ, обретавшийся в Москве, был вызван по каналу ментальной связи в гостиницу «Россия». Встретились Посвященные в номере люкс на четвертом этаже. Бабуу-Сэнгэ ожидал увидеть куратора Союзов Хуана Креспо и был неприятно пора-

жен, узнав, кто вызвал его на аудиенцию, однако при встрече не подал виду.

— Сердечно рад приветствовать вас на русской земле, — сказал он, поклонившись, отмечая силу хозяина, буквально распиравшую обе комнаты номера.

— Присаживайтесь, координатор, — кивнул Цвингер на кожаный диван возле столика с напитками и фруктами. Одет инспектор Союзов был в роскошный махровый халат ослепительно белого цвета. — Это ваши люди бродят в коридоре и внизу, в холле гостиницы?

— Мои, — признался Бабуу-Сэнгэ, пожевав губами. — В последнее время одному передвигаться стало небезопасно, знаете ли. А вы разве не используете для охраны профессионалов, не посвященных в Учение?

— Не испытываю нужды, — не дрогнул лицом Цвингер, в глазах которого на миг всплыли искры кастовой заносчивости. — Разговор у нас будет не длинный, но важный. Для вас. Я прибыл для того, чтобы оценить адекватность ваших действий перед лицом угрозы и доложить патриархам. Решать степень вашего служебного соответствия будут они.

— Я готов, — покорно сказал Бабуу-Сэнгэ.

Инспектор сел в кресло, взял со стола бокал с каким-то рубиновым вином, пригубил.

— Итак, начнем с главного. Что вам известно о так называемом ликвидаторе Круга?

— Демон необъяснимого... — пробормотал Бабуу-Сэнгэ. — Простите, это эмоции. На наш взгляд, ликвидатор реализует исполнение нового Закона реальности, принятого где-то в отраженных реальностях и спущенного в нашу «запрещенную». Кем он запущен, нам неизвестно, хотя есть предположение, что этим господином может быть либо Аморф Конкере, либо личинка аватары Соболев.

Глаза Цвингера остались обманчиво пустыми и равнодушными, но психоэнергетические потоки, циркулирующие вокруг его головы, окрасились в цвета раздражения и недовольства.

— Откуда у вас сведения о Соболеве? Вы связаны с иерархами? Вопреки запрету Круга?

— Я не связан с иерархами, — ровным голосом произнес Бабуу-Сэнгэ, — однако же мое положение позволяет мне

пользоваться кое-какими закрытыми информационными каналами.

— Что вам еще известно о ликвидаторе?

— Он называет себя Истребителем Закона...

— Это не титул, а функциональное определение.

— ...переноса вины, — невозмутимо закончил координатор Союза Девяти, — что дает нам некоторую ориентировку. Но догадки наши еще не факты, когда мы будем уверены в выводах, мы доложим их Сходу. Будьте уверены, инспектор, мы работаем.

— Плохо работаете, координатор. Ваш Союз понес самые значительные потери по сравнению с другими Союзами, неужели вас это не настораживает?

— Настораживает, — признался Бабуу-Сэнгэ. — Положение действительно неутешительное, вы правы. Однако рискну заметить, что Россия стала слишком сильно загрязнена магией, наши аналитики видят в этом определенное целенаправленное воздействие темных сил, стремящихся дестабилизировать социум и уничтожить Русь как этнос. Именно поэтому удар по нашему Союзу был нанесен более мощный, чем по остальным.

— Вы сами виноваты в этом, координатор. Вы знали, что ваш кардинал Рыков связан с Монархом, но не принимали никаких мер, а теперь заявляете о целенаправленном воздействии. Оно началось не сегодня, а десять лет назад, когда Рыков вышел на контакт с Конкере, создал СС и дал возможность Монарху внедриться в массу «эсэсовцев», создать «эгрегор Тьмы».

— Виноват, — смиренно сложил ладони на груди Бабуу-Сэнгэ, поклонился.

Цвингер посмотрел на его затылок длинным, ничего хорошего не обещающим взглядом, допил вино, взял яблоко.

— Передо мной вы можете не оправдываться, я индульгенций не даю. Оправдываться будете перед Большим Сходом. Лучше скажите, что вы намерены делать с Германом.

— Ничего, — поднял голову Бабуу-Сэнгэ. — Сход Союза признал его отступником. Теперь он в н е Союза... и вне закона. Я буду просить Большой Сход лишить его сана кардинала, привилегий корректора реальности и судить за содействие Монарху.

Цвингер брезгливо поджал губы.

— Уже поздно его судить, координатор. Рыков опирается на эгрегор Монарха, нейтрализовать его будет очень трудно, одна надежда на... — Инспектор замолчал, но Бабуу-Сэнгэ и так понял его: Цвингер имел в виду ликвидатора. — Однако вернемся к нашей теме. Каким образом вы предполагаете бороться с Истребителем?

— Куратор Союзов назначил «час Ц»...

— Я спрашиваю о ваших личных действиях.

Инспектор перебивал координатора столь бесцеремонно, что другой на месте Бабуу-Сэнгэ давно бы рассвирепел, но координатор был сама кротость.

— «Час Ц» позволит нам выяснить координаты и возможности ликвидатора... э-э... Истребителя, после чего мы предполагаем натравить на него одну боевую организацию.

— Какую? Уж не русскую ли разведку? Или контрразведку СМЕРШ? Не смешите меня.

— Так называемую «команду контркрим», или иначе «чистилище». Его руководители являются Посвященными I ступени Круга.

Цвингер бросил надкусанное яблоко обратно в вазу.

— Неужели вы думаете, что они способны справиться с многомерным существом, которым является ликвидатор? Он обладает мощью, сравнимой с седьмой иерархией Сил Бога! А у ваших союзников — только первая ступень!

— Еще не союзников, — терпеливо сказал Бабуу-Сэнгэ. — Но они не просто Посвященные, а мастера боя, что имеет принципиально важное значение. А во-вторых, они владеют тхабсом и некоторыми Великими Вещами Мира.

— Вот как? — удивился Цвингер. — Почему же вы до сих пор не разобрались с ними? Не попытались переориентировать тхабс?

— Это не так-то просто сделать. Союз ослаблен, мы вынуждены защищаться, а эти люди сумели не просто объединиться, но научились переходить порог иерархий Сатариал и Эл. Кроме того, их поддерживает кто-то из архонтов.

— Вы уверены?

— Не совсем, однако объяснить их возможности иным способом невозможно. Слишком быстро они овладели эгрегорной защитой. Я даже имею подозрение, что им помогают Хранители. Но точных данных об этом у меня нет.

— Жаль. Мы совсем иначе расставили бы акценты в общении с Хранителями. О каких Великих Вещах вы упоминали?

— Посвященные Котов и Самандар, о которых шла речь, уже использовали тхабс и вышли в «розу». Правда, всего лишь пока на подуровни земной реальности. Но по информации, которой я располагаю, в одном из походов им удалось отыскать где-то и переправить в нашу реальность синкэн-гата.

— Что?! — Инспектор вздрогнул. — Этого не может быть! Синкэн-гата — жезл Воина Закона справедливости, который давно закончил коррекцию земной реальности и распался. Воин — существо соборное, он даже не личность, а особое состояние Сил мира.

— Я знаю, инспектор, но Воин реализуется не по чьей-либо прихоти, а всякий раз, когда появляется потребность в нем. Видимо, сейчас такая потребность есть. Я даже знаю некоторых претендентов на это звание.

— Ну-ну, интересно, — иронически скривил губы Цвингер. — Кого же вы прочите на роль Воина?

— Одного из руководителей «чистилища», Василия Котова и его воспитанника Станислава Котова. Вчера я имел честь видеть младшего Котова в деле, на чемпионате мира по боям без правил. Сегодня он будет участвовать в супербоях с тремя прежними чемпионами. Не хотите понаблюдать?

Цвингер поморщился.

— У меня нет на развлечения времени. Но если ваша информация о тхабсе и синкэн-гата точна, нас всех ждут новые потрясения. Этого надо избежать любым способом. Синкэн-гата у Посвященных изъять. Формированию Воина помешать. Тхабс нейтрализовать. Путь в «розу» заблокировать. Посвященных наказать, а если будут сопротивляться — уничтожить! Нам необходимо не допустить возвращения аватары... э-э... Соболева в нашу реальность... — Инспектор замолчал, сообразив, что сказал лишнее. — Вы поняли, координатор?

— Понял, инспектор. Сделаю все, что в моих силах. — Бабуу-Сэнгэ поднялся с дивана — бесстрастный, узкоглазый, меднолицый, седой, типичный тибетский лама. Его квадратный медальон с выгравированными на нем тай-дзокай и конгокай-мандалами брызнул алыми искрами. — Передайте патриархам мою нижайшую просьбу. Чтобы совладать с ликвидатором, необходимо использовать еще одну Великую

Вещь Инсектов — кодон. Пусть патриархи разрешат его применение.

Координатор Союза Девяти поклонился по обычаю и, бесшумно просеменив к выходу из номера, исчез. В коридоре его ждала тройка телохранителей, один из которых отрицательно качнул головой, давая понять, что поводов для тревоги нет, но Бабуу-Сэнгэ и сам знал это. Уже сидя в машине, он подумал, что инспектор недоговорил нечто существенное, когда признавался в необходимости недопущения возврата Соболева в реальность. Возможно, недосказанным осталось то, чего подспудно боялись все кардиналы и патриархи Круга: возвращение Соболева в качестве аватары означало бы глобальное и з м е н е н и е реальности, в которой едва ли нашлось бы место для «второго человечества» — его Внутреннего Круга.

«А что, если ликвидатор и есть Соболев?!» — в который раз пришла на ум координатору пугающая мысль.

Глава 22

СУПЕРВОЙ

Предчувствие у Стаса было нехорошее, предчувствие засады и готовящейся подлости, но делиться своими ощущениями он не стал ни с дядей Васей, ни с Марией, относя их (ощущения) к обычному состоянию нервного напряжения перед соревнованиями. Каким бы выдержанным спортсмен ни был, внутри он все равно переживает. Стас в этом отношении не исключение, хотя держать себя в руках умел.

Василий привез его в Международный центр торговли на Красной Пресне ровно за четверть часа до начала боя, чтобы не «светиться» лишний раз перед зрителями. Так сказать, чтобы не спровоцировать какого-нибудь идиота еще раз метнуть нож.

— Не отвлекайся на зал, — напутствовал Стаса старший Котов, — мы его закрыли наглухо. Но, с другой стороны, никто не мешает присутствовать на чемпионате нашим подколодным друзьям-кардиналам. Вычислить их трудно.

Стас кивнул. Василий с сомнением посмотрел на его отрешенное лицо и ушел, уводя с собой Марию, которая ничего не советовала, только поцеловала и сказала одно слово:

— Победы!

Тренер Такэда, присутствующий при этом, как всегда, сделал вид, что ничего не замечает, но, когда Мария ушла, вдруг разразился речью:

— Эта девушка очень сильная и мудрая. Тебе повезло. Недаром говорят, что мудрость хочет видеть нас мужественными, беззаботными и сильными, потому что она женщина и любит всегда только воина. Однако с девушками надо вести себя иначе, разнообразней. Воин должен уметь быть нежным.

Стас, озадаченный многословием тренера, задумался было над смыслом тирады, но тут объявили его выход, и размышлять о чем-либо другом стало недосуг.

Красочное шоу под названием «Супербои суперпрофессионалов» включало в себя выступление постаревшего, но все еще обаятельного и импозантного Вилли Токарева, показ мод и эротическую данс-программу «You fashion», подготовленную известным ню-танцором Лемонтьевым. Длилось оно без малого три часа, после чего началось то, ради чего в Конгресс-холл прибыли двести тридцать «особо важных персон», заплативших за представление и сидение за столиками по пятьсот долларов, и около тысячи «рядовых» зрителей, разместившихся по периметру шестиугольной, огражденной высокой металлической сеткой, боевой зоны.

Первыми на татами вышли украинец Игорь Вовколаков и перуанец Рикардо Родригес. Этот бой длился восемнадцать минут и доставил зрителям много захватывающих переживаний, но Стас его не видел, медитируя в охраняемой тренером (и «чистильщиками» Соколова) комнате отдыха. Такие комнаты были у каждого участника супербоев, в том числе и у соперника.

Победил Вовколаков, в конце концов «задушив» перуанца полами его же кимоно. Затем наступила очередь Стаса.

На ярко освещенную прожекторами площадку он вышел первым, окунаясь в гул зрительского зала, как в воду, но уже не слыша его и не реагируя на подбадривающие крики болельщиков; как оказалось, большинство зрителей в зале болели за него.

Пятикратный чемпион мира по карате-до японец Сото Якудзава — в белом кимоно с тремя разноцветными поясами — появился в круге света лишь через десять минут. Это был по японским меркам настоящий гигант весом в сто де-

сять килограммов, смахивающий на борца сумо, такой же мощный, оплывший жиром и мясом, с виду — рыхлый неповоротливый увалень, справиться с которым можно было без труда, уронив его на пол. Однако стоило японцу пошевелиться, как по всему телу вспухли и заиграли мышцы, и стало ясно, что звание пятикратного чемпиона мира он носит по праву. К тому же и двигаться по татами он умел быстро и гибко, с пластикой кошки и змеи.

Стас еще изучал его фигуру, а японец после поклона уже оказался рядом и атаковал Котова прямым ударом в лицо (миги гэдан ои пуки), одновременно левой рукой захватывая запястье руки Стаса и тут же выкручивая ее влево и вверх, чтобы нанести завершающий удар комбинации — миги агэ эмпи учи — предплечьем в область локтевого сустава; перелом от такого удара обеспечен, коли противник зазевается. Но Стас не зазевался. С виду сонный и пассивный, что было всего лишь внешним проявлением состояния мицуно кокоро («ум как вода»), он жил уже по законам гоку-и — «шестого» чувства, или, как его еще называли, «экстремального разума», позволяющего реагировать на нападение до его начала, и ответил в стиле гоно сэн, то есть контратакой, развивающейся раньше атаки.

Первый удар Стас пропустил в миллиметре от виска, дал Якудзаве захватить рукой свое запястье правой руки и нанес два мгновенных удара: сэйдон — «клювом» (пальцами левой руки, сложенными вместе) в глаз и суй-гэцу — коленом в «крест» живота. Удары были произведены без выброса силы, поэтому на ногах японец устоял, но был вынужден отступить.

Опустив руки, Стас ждал, оставаясь на месте, все такой же заторможенный и осоловелый. Сото Якудзава бросился на него снова: удар левой ногой в пах — прямой удар правой ногой в голову — удар с поворотом локтем правой руки в спину наклонившегося противника — поворот и круговой удар левой ногой в горло (чисто исполненная комбинация сётокан-рю). Но ни один удар не достиг цели. Впечатление было такое, будто японец просто показывает ката, не доводя приемы до конца, а его противник лишь слегка отклоняется, чтобы его ненароком не задело.

— Бей его, Стас! — донесся рев трибун. — Не стой на месте, бей япону мать!

Другой на месте японца, наверное, остановился бы, озадаченный своими промахами, но Якудзава все же был чемпионом мира и знал не только карате, но и другие системы боя. Во всяком случае, он владел и тайдзюцу, и силатом, что и продемонстрировал тут же, ни на мгновение не прекращая движение. И Стас пропустил-таки сан-минг — удар в центр нижней челюсти, с трудом погасив его приемом татинагарэ, то есть падением на спину с моментальным вставанием разгибом-прыжком. С этого мгновения он начал действовать иначе, не в стиле тодомэ[1], а в стиле джет кун до[2], опережая все атаки противника.

Победа пришла к Стасу спустя одиннадцать минут с начала поединка. После очередной бесплодной попытки нападения выведенный из равновесия Якудзава с воплем прыгнул на Котова, словно собираясь подмять его, задавить массой, задушить, и пропустил «укол ядовитой руки» (босикэн) — удар большим пальцем в подложечную ямку. Это еще не был удар из свода приемов ТУК, а всего лишь прием из диммак, поражающий определенный нервный узел, но Стас провел его на выдохе, с выплеском энергии, палец пробил мощный мышечный каркас японца, достиг солнечного сплетения, и парализованный на некоторое время японский мастер превратился в безвольную куклу. Руки его повисли, ноги ослабели, он согнулся и чуть было не упал, качнувшись к Стасу. Ситуация по всем законам боя требовала нанести еще один удар — добивающий, последний, финал был упоительно близок. Однако, во-первых, Стас помнил совет учителя — не идти на добивание, а во-вторых, из двух принципов ментального мироощущения ниндзя: саккацу — «свобода убивать» и дзидзай — «свобода даровать жизнь» — предпочитал выбирать последний. В данном конкретном случае речь, конечно же, о смерти соперника не шла, и все же Стас остановился. Не выходя из боевого транса. И был за это вознагражден. Мышцы Якудзавы вдруг сократились, правая рука совершила мгновенный «круг нейтрализации» — тэнкай, а правая нога с поворота выстрелила ударом хидари кин гэри. Если бы

---

[1]Тодомэ — пресечение атаки.

[2]Джет кун до — «путь опережающего кулака», развитие стиля Брюса Ли.

Стас пошел на добивание, один из этих мастерски исполненных ударов непременно достиг бы цели, уж слишком неожиданно они были нанесены, когда боец еще находился в состоянии «сумерек сознания». Но Стас в этот момент разрывал контакт, уходил назад, контратаку заметил, перехватил и ответил блестящим ударом ребром ладони внутрь (китэн кэн) по точке поражения рэнсэн (гортань).

Сото Якудзава издал на выдохе глухой звук: хуп! — и упал, схватившись руками за горло. Продолжать бой после этого он уже не смог.

Зал взорвался криками, аплодисментами, воем, свистом и топаньем. Зрители были в восторге. Судья поднял руку победителя, но Стас себя счастливым не чувствовал. Мерзкое ощущение обмана и будущих неприятностей усилилось. Продолжать супербои не хотелось. Но и не выйти на площадку он не мог.

Поклонившись на четыре стороны, Стас нашел глазами Марию, махавшую ему рукой, и ушел в комнату отдыха в сопровождении молчаливого тренера. По условиям соревнований на отдых финалистам предоставлялся один час. Теперь Стасу предстояло драться с Игорем Вовколаковым, мастером боевого самбо, использующим эффективную комбинированную систему русбоя. И Стас чувствовал, что этот поединок будет очень и очень тяжелым.

Василий и Мария пришли к нему в комнату отдыха вместе.

— Что-то готовится, — хмуро сказал Котов-старший. — Все проверено, все под контролем, ни одного подозрительного лица, и все равно я чувствую з а п а х сюрприза. У Вахида то же самое чувство.

— И у меня, — тихо призналась Мария. — Я бы на его месте не вышла на бой.

— Исключено, — твердо сказал Стас.

Василий окинул его скептическим взглядом и вдруг улыбнулся.

— Знаешь, на кого ты сейчас похож? На Пятачка.

— На кого? — удивилась Мария.

— Анекдот вспомнился. К Пятачку прибегает Винни-Пух и говорит: «Пятачок, нам прислали десять банок варенья, по восемь на каждого». — «Как это по восемь?» — «Не знаю, но я свои восемь уже съел».

Мария засмеялась. Стас тоже улыбнулся.

— Ты похож на Пятачка, когда он спрашивал: «Как это по восемь?» — Василий стер улыбку с лица. — Ты сильней всех, я знаю, но будь начеку. Как бы не пришлось сегодня вспомнить о канасибари[1]. Ладно, я пошел, отдыхай, елику возможно, я буду в зале. — Он исчез за дверью.

Поколебавшись, вышел и Такэда.

— И все-таки на твоем месте я бы отказалась, — со вздохом проговорила девушка, глядя на сидящего в расслабленной позе Стаса. Села рядом. — А если этот Волколомов тебе сломает чего-нибудь или глаз выбьет?

— Увечье — не бесчестье, — ответил пословицей Стас. — И я не Пятачок, как считает дядя.

— Но и не Винни-Пух, — фыркнула Мария. — По-моему, дядя прав, ты еще дерешься на уровне Пятачка, хотя и научился кое-чему.

Стас повернул к девушке голову, слабо улыбнулся. Из равновесия вывести его было трудно и более сильными средствами, но Мария не пыталась это сделать, она просто хотела немного отвлечь друга от мыслей о предстоящем поединке.

— Ты знаешь, даже отец пришел посмотреть на тебя сегодня. Он редко ходит на подобные мероприятия, а тут решил оценить приятеля дочери. — Мария с улыбкой взяла Стаса за руку, и того пронзил тихий психоэнергетический разряд соединения чувственных сфер. Он вздрогнул. Глаза девушки стали большими и глубокими, полными внутреннего сияния.

— Я буду с тобой, — сказала она медленно, — на уровне мусэй-дэнсин[2]. Если вдруг кто-нибудь осмелится...

— Я понял, — сказал Стас, притягивая к себе девушку, — спасибо.

Такэда пришел, как всегда, вовремя, когда они целовались. Сказал невозмутимо:

— Пора идти.

— Я буду с тобой, — шепнула Мария горячими губами на ухо Котову.

---

[1]Канасибари — мобилизация сил организма, позволяющая совершать паранормальные виды воздействия (на себя и на противника).

[2]Мусэй-дэнсин — «связь с помощью сердца», телепатия.

* * *

Игорь Вовколаков был опытней и старше Стаса на восемь лет. Бои Котова, ставшего чемпионом нынешних соревнований, он видел, силу его оценил и начал схватку предельно осторожно, прерывая серии ударов и отходя, как только противник начинал контратаку. И все шло в русле темпового, абсолютно классического самбо, не очень зрелищного, но насыщенного внутренним напряжением, пока Вовколаков вдруг на глазах Стаса не переродился, превратившись в вихрь приемов, наглядно демонстрируя принцип кентай-итиё — «тело и оружие едины».

Он наносил удары из самых немыслимых положений, буквально летая вокруг противника; для зрителей он, наверное, просто иногда исчезал, таял в воздухе, чтобы возникнуть в другом месте. Его кисти, локти, колени, руки, ноги, пальцы начинали свой путь к телу Стаса не просто в абстрактный «средний» или «верхний» уровень, а шли оттуда и туда, куда и когда требовалось, в конкретную точку поражения, и плотность боя сразу увеличилась на порядок, превращая поединок в демонстрацию высшего искусства.

Спасли Котова только т е м п и наработанный за десять лет арсенал приемов. Но для победы этого было явно недостаточно. Его изматывали, доставали — с передачей энергии, и сознание Стаса начало двоиться, плыть. Все чаще он проваливался в мусин, контролируя ситуацию только на уровне рефлексов и подсознательного «сознания», и все чаще ему начинало казаться, что дерется он не с человеком, а с монстром, соединяющем в себе черты насекомого, льва и человека.

Каваси[1], блок-удар укэ-кимэ-итиё[2], ответный кайтэн[3], вспышка боли в печени, ухмыляющееся лицо соперника сбоку, вспышка боли в позвоночнике... уход от удара слева и тут же — звон в ухе от удара справа, совершенно неожиданный какуси-кэри[4]. Дьявольщина, как он успевает?!

Стас разорвал дистанцию, не решаясь применить свое знание ТУК, и получил тычок пальцем в грудь, от которого

---

[1]К а в а с и — уклон.

[2]У к э - к и м э - и т и ё — блок и удар — одно целое.

[3]К а й т э н — кувырок с перекатом.

[4]К а к у с и - к э р и — удар ногой с финтом.

едва не потерял сознание. Противник т о ж е з н а л приемы техники усыпляющего касания!

Усилием воли подавив попытку организма забастовать, «отдохнуть», Стас погнал себя по площадке вокруг Вовколакова, не прекращавшего непрерывный ураган перемещений-ударов, ложных и реальных атак, и смог наконец ответить на выходе из кажущегося безнадежным положения уколом в шею с выплеском энергии ТУК. Но Вовколаков н е и з м е н и л рисунок боя, словно не почувствовал удара! Зато ответил замершему на мгновение Стасу мощным штампующим ударом в предплечье, опять же — с «выдохом усыпляющей силы», и не помог Котову даже мгновенный уход с линии атаки поворотом тела. Украинец действовал быстрей.

И снова Стасу показалось, что дерется он не с обычным человеком, а с удивительным существом, похожим на человека, льва и насекомого одновременно, причем существом не предельно злым, а предельно р а в н о д у ш н ы м — к обстановке, к противнику, к зрителям, немо взиравшим на освещенный круг боевой площадки, к людям вообще и к себе в частности. Никто из людей не имел для него никакого значения, все они с его точки зрения были уже мертвы. Но в то же время это существо нельзя было назвать машиной или киборгом, оно было живым, и у него была цель — убить противника, постепенно повышая уровень воздействия. Исчерпав себя в физическом плане, оно было готово перейти на ментальный.

Следующие несколько секунд Стас двигался в полубреду, отдавшись «состоянию пустоты» и чудом избежав поражения, затем, выплыв на верхний этаж сознания, усилием воли запустил программу канасибари, концентрируясь на цели — в ы к л ю ч е н и и страшного соперника, в которого, как уже понял Стас, явно внедрился кто-то из многореальных существ: либо кардинал, либо иерарх. Или же ликвидатор... Последняя мысль-озарение была близка к истине, Стас это осознал мгновением позже.

Тот, кто воспользовался телом Вовколакова, каким-то неестественным чутьем определил, что его раскусили, оценил нарастающее сопротивление партнера и, уже не таясь, понимая, что обычным путем победить его нельзя, нанес страшный психоэнергетический удар, способный сломить волю любого нормального человека. Но его раппорт неожиданно

натолкнулся на защитный блок и отразился в зал, заставив зрителей дружно вскрикнуть от внушенного ужаса.

Вовколаков на мгновение замешкался, ошеломленный неудачей, он не ожидал сопротивления в ментальном поле, и Стас, получив поддержку (Мария! Вовремя!), нанес противнику сильнейший ура сюто — ребром ладони изнутри в сонную артерию (мурасамэ).

Такой удар не оставлял никаких надежд на дальнейшее сопротивление, заканчиваясь обычно смертью соперника или в лучшем случае потерей сознания. Но Вовколаков устоял, хотя и был потрясен! А потом Стасу показалось, что ему на голову рухнул потолок...

Он стоял, беспомощный, привязанный шипастой проволокой к раскаленной металлической колонне, и смотрел, как гигант-всадник на шестиногом монстре лениво тянет копье из специального крепления сбоку от седла, медленно поднимает его... Ухмылка на лице всадника вполне человеческая, презрительно-равнодушная, рассеянная даже, но тело его человеческим назвать никак нельзя — это скорее тело огромного насекомого, закованное в сияющие изумрудно-фиолетовые латы... вяло текут мысли: сейчас последует бросок... вдруг шепот за ухом, торопливый, тонюсенький, детский: поймай копье, ты сможешь... бросок!

Стас рванул руки вверх, едва не завопив от немыслимой боли: шипы глубоко врезались в тело, избороздили кожу на руках, но проволока не выдержала, лопнула, и он успел уклониться и поймать копье со светящимся, как лед, наконечником. Бросил обратно, без размаха — мешала колонна, обжигающая жаром спину.

Всадник без труда отбил свое же копье, неизбежно потеряв какое-то время, к тому же он был удивлен и раздосадован и только теперь начал присматриваться к противнику. Однако Стас, хотя и был уже свободен, оружия не имел, в то время как гигант, нахмурив густые черные брови, потянул из ножен меч.

В ухо Стаса снова влился детский голосок:

— Шанс только один: отнять меч! Не мешкай!

Не оглядываясь, чтобы разглядеть подсказчика (потерял бы драгоценные мгновения), Стас прыгнул к всаднику, не ожидавшему такой прыти от жертвы, рванул его за шипастый сапог вверх и тут же схватил ножны меча. Но опоздал.

Великан свалился по ту сторону своего жуткого «коня», однако меч не выпустил. Вот-вот ударит... И в тот же миг Стас осознал себя стоящим на четвереньках в круге света на татами и увидел надвигавшегося соперника, готового нанести удар ногой в лицо.

Т е м п!

Свистящий щелчок рефлекса.

Время замедлилось.

Не все потеряно! А сознание двоится от того, что Вовколаков пытается поразить его на ментальном уровне, деформируя энергетические и эфирные оболочки. Если бы не помощь Марии («детский голосок»), он был бы уже мертв!

Ну, подонок, кто бы ты ни был — держись!

Нога Вовколакова пошла вперед и вверх, вытягиваясь неестественно далеко и доставая подбородок Стаса, но тот ждал этого момента, отклонился и подхватом изнутри и скручиванием ноги бросил врага на ковер. Холодная ярость — энергетика бойца — переполняла Стаса, питала его тело и поддерживала состояние боевого транса. И еще он чувствовал гигантский прилив сил и способности к мгновенному анализу ситуации как бы из нескольких точек сразу, пока не понял, что его на психофизическом уровне поддерживает кто-то еще, кроме Марии. Вероятно, это был дядя.

Стас не знал, что, кроме Василия и Марии, в псибой на его стороне вступил и Самандар, и даже Юрьев, которого уговорила Мария. Именно вмешательство Юрия Венедиктовича и не позволило «проекции» ликвидатора, внедрившейся в Игоря Вовколакова, довести бой до конца, превратить Котова в безвольную куклу, в идиота.

Но и его враг получил поддержку, хотя и не ожидал этого. Присутствующие на соревнованиях Рыков и Бабуу-Сэнгэ, не сговариваясь, понимая, что другого удобного момента может и не представиться, попытались повлиять на будущего Воина Закона справедливости — Стаса, подавить его волю к сопротивлению и почти преуспели в этом, не вмешайся на пси-уровне Самандар и Юрьев.

Стас не стал ждать новой атаки Вовколакова, чувствуя, что надолго его ярости не хватит. Силы были все же неравными, его враги владели большим запасом психоэнергетики, чем друзья. Двигаясь с немыслимой даже для Посвященного скоростью (для зрителей он «размазался» в полосу и вообще выпал из поля зрения), Стас догнал встающего с татами со-

перника и нанес ему один-единственный удар с критическим выбросом энергии. Удар назывался нукитэ — «рука — копье», он пронзил куртку, грудную клетку чемпиона и деформировал сердце, останавливая его. При желании обратным движением Стас мог бы вырвать сердце, но не стал этого делать, бой был закончен и без этого. Отпрыгнув, Стас остановился, чувствуя, что сам близок к обмороку.

Вовколаков схватился руками за грудь, глаза его расширились, он посмотрел на ручеек крови, побежавший из-под ладоней по серому кимоно, перевел взгляд на Стаса, и темный огонь безумия и жажды убийства в его глазах погас. Подогнулись ноги, спортсмен упал.

Зал, потрясенный финалом боя, притихший на время, но не осознавший трагедии, почувствовавший напряжение псипоединка, но не понявший его причины, дружно встал и взорвался единым криком, выразившим восторг и оценку искусных бойцов.

— Уходи! — услышал Стас голос Василия в общем гуле голосов и криков, но не послушался, подошел к упавшему, перевернул на спину, приподнял и услышал его шепот:

— Разговор не закончен, мальчик, ты обречен...

После этого Вовколаков подмигнул ему, улыбнулся и расслабленно обвис на руках Стаса. Но не умер! Покидая чужое тело, «проекция» ликвидатора успела запустить сердце и слегка «подштопать» грудь украинца, как бы благодаря его за аренду тела. Впрочем, сделал это ликвидатор не из признательности к человеку, чьим сознанием воспользовался, а для продолжения боя, и лишь убедившись, что данный организм функционировать в прежних кондициях не сможет, прекратил попытку восстановления и покинул тело Вовколакова.

Сам Стас потерял сознание, когда судья поднял его руку, объявляя абсолютным победителем, и на площадку выскочили охранники Вени Соколова во главе с Котовым-старшим.

Глава 23

ИНСПЕКТОР, НЕ СПЕШИ

К машине Стаса провожали Василий, Самандар, тренер и Мария, а также Юрий Венедиктович Юрьев, отыскавший дочь после боя в комнате отдыха рядом с Котовым-млад-

шим. Стас выглядел отрешенным, ушедшим в себя, заторможенным, на вопросы и разговоры реагировал не сразу, отвечал медленно и скупо, и было видно, что он все еще думает о прошедшем поединке. Мария тоже выглядела задумчивой, ведя Стаса под руку, и вопросов не задавала.

Переговариваясь, вся группа вышла из здания Международного центра торговли, подошла к машинам на стоянке. Василий открыл дверцы «Фиата», жестом пригласил Стаса и Марию внутрь.

— Садитесь, поведу я.

Молодые люди послушно уселись сзади. Василий придержал дверцу, обернулся к Юрьеву, на губах которого появилась понимающая тонкая усмешка.

— Честно говоря, не ожидал от вас поддержки, кардинал, но все равно спасибо.

— Не за что, — небрежно отмахнулся Юрьев. — Благодарить надо не меня, а Машку, это она инициатор моего участия.

— Как же это вы осмелились пойти против координатора? — понизил голос Василий. — Я еще понимаю — против Рыкова, идущего по пути отступника, но координатор Союза — совсем другая величина.

— Каждый из нас волен отстаивать свой взгляд на вещи любым доступным ему способом. Наши мнения по поводу происходящего разошлись, только и всего, а проблема не столь глобальна, чтобы делать далеко идущие выводы. Кстати, парень ваш действительно хорош! Настолько хорош, что я удивлюсь, если ликвидатор не сделает еще одной попытки уничтожить его.

— Мы будем готовы, — сказал Василий, пристально взглянув в глаза кардинала. Юрьев чего-то недоговаривал, несмотря на кажущуюся откровенность, и целей своих раскрывать не спешил. Его вмешательство в пси-бой объяснить влиянием дочери было трудно.

Юрий Венедиктович поклонился, бросил взгляд на Марию, прижавшуюся к Стасу, кивнул на нее:

— Оставляю Машку на ваше попечение. Может быть, возьмете пару моих ребят для прикрытия?

— Не надо, мы справимся.

Юрьев кивнул и, не прощаясь, пошел к своей машине — темно-зеленой «Ауди-300». Судя по движению на стоянке, его охраняли не менее пяти человек.

Вася выдвинул из-за уха усик микрофона, приблизил к губам:

— Один-один, что там у вас?

— Все нормально, — отозвался динамик рации, вставленный в ухо, голосом Соколова. — Все объекты под контролем. Рыков замечен в ресторане, с ним какой-то господин с породистым лицом. Беседуют. Но услышать ничего не удается. Ни одного старика-монгола, соответствующего вашему описанию, мои парни не обнаружили.

— Снимайте наблюдение, переключайтесь на сопровождение и прикрытие отъезда.

— Режим?

— «Элит».

— Принял, исполняю.

— Не нравится мне все это, — заговорил Самандар, не произнесший до этого ни одного слова.

— Что именно? — покосился на него Василий.

— Суета вокруг Стаса. Если бы ликвидатор хотел его убрать, он давно сделал бы это, возможностей ему представлялось предостаточно. Такое впечатление, что он только делает вид, что охотится за ним.

— Но, внедрившись в Вовколакова, он имел вполне серьезные намерения...

— Тогда зачем он начал бой в физическом плане, а не сразу в ментальном, давая нам время подготовиться? Поиграть захотел, как кошка с мышью? Плохо верится. Его цель — ликвидация, без всяких там сантиментов и эмоций. А он вместо того, чтобы убить противника, начал демонстрировать свои возможности, постепенно повышая уровень воздействия. Зачем? Чтобы мы успели прийти парню на помощь?

Василий задумался, потом сел в машину.

— Может быть, ты и прав. Надо подумать. Встретимся завтра утром и обмозгуем все версии.

— Береги синкэн-гата.

— Не беспокойся, он со мной всегда.

Вася тронул машину с места, выехал со стоянки. За ним двинулись еще две машины с оперативниками Соколова. Самандар проводил их взглядом, выслушал рапорт собственного мейдера охраны и сел в свой «Фольксваген». Но поехал не домой, а следом за кортежем Котовых, ощущая некое «гудение» ментального эфира. С некоторого времени любое дви-

жение в этом специфическом «пространстве» сопровождалось ощущением чьего-то незримого и недоброго присутствия, и скорее всего это ощущение порождалось действием общего психоэнергетического поля чужого эгрегора. Двигало Вахидом Тожиевичем, кроме того, предчувствие опасности, которое его еще никогда не подводило.

Василию тоже было не по себе. Казалось, он упустил что-то из виду, какую-то важную деталь, намек на скрытые пружины, движущие событиями вокруг, но поймать мысль не удавалось, и это злило и отвлекало внимание от дороги. Возможно, именно борьба с ощущением дискомфорта и не позволила ему среагировать вовремя на изменение обстановки.

У поворота с улицы академика Бочвара на улицу Живописную стоял патруль ГАИ. Светящийся жезл инспектора указал на обочину, и Вася послушно свернул, останавливаясь за «Фордом» гаишников. С ГАИ у него никогда не возникало особых проблем, удостоверение сотрудника ФСБ действовало безотказно, а иногда он применял гипнораппорт, внушающий инспектору мысль, что водитель ни в чем не виноват. Вот и на этот раз Василий приготовился показать малиновые «корочки» инспектору и замер, не донеся руку до кармана. Инстинкт сработал раньше сознания. И тогда вместо удостоверения он вытащил пистолет и сказал в микрофон рации только одно слово:

— Алярм!

В зеркальце заднего вида Вася видел, как из машины ГАИ вышли еще две темные фигуры. В отсвете далеких фонарей блеснул металл: гаишники были вооружены вовсе не по-гаишному — автоматами, в том числе и неторопливо приближающийся инспектор.

— Грязное место! — вдруг быстро заговорила Мария. — Я чувствую давление на мозг...

— Пригнитесь! — сквозь зубы сказал Василий, заметив, как инспектор ГАИ на ходу отжимает предохранительную скобу автомата, и когда тому осталось сделать всего один шаг, резко открыл дверцу машины и упер в грудь гаишника ствол «волка».

Инспектор замер. Но лицо его при этом не выразило ни малейшего волнения, испуга или удивления, вообще ничего! Это было лицо не человека, а сомнамбулы, больного, оперируемого под наркозом. Несколько мгновений они смотрели

в глаза друг другу, потом гаишник начал поднимать ствол автомата («калашников-99» с глушителем и укороченным прикладом, десантный вариант), и Василий аккуратно прострелил ему руку.

Инспектор, в глазах которого тлел огонек безумия и фанатизма, дернулся, все так же не меняя замороженного выражения лица, но автомат не выпустил, только раньше времени нажал курок. Ствол автомата заплясал, выплевывая строчку пуль, прочеркнувшую асфальт и борт машины, и Василий вынужден был выстрелить еще два раза — в другую руку и в ногу гаишника; убивать его он не хотел, понимая, что тот закодирован против своей воли и ни в чем не виноват.

Но инспектор стрелять не перестал! Только руки дрогнули, из-за чего ствол автомата повело, и он вывел синусоиду дырок в дверце «Фиата». И тогда в действие вмешались двое: Стас — толкнув дверь со своей стороны и сбивая инспектора с ног, и кто-то из «чистильщиков» Соколова, страхующих комиссара, — выстрелив инспектору в затылок с двадцати метров из своего «винтореза». Упал инспектор на дорогу уже мертвым. Стрельба стихла, ухнул взрыв, кто-то закричал, затем крик захлебнулся, и наступила тишина.

— У них были гранатометы! — прошелестела рация. — Один успел выстрелить.

— Потери?

— Нет, ребята успели выскочить, машине хана.

— Уходим!

Но уйти им не дали. С визгом тормозов и колес к машинам Котова и Соколова подскочили еще три машины, загородив выезд: джип «Лендровер», микроавтобус «Мицубиси» и длинный шестидверный «Линкольн-Таункар». Захлопали дверцы авто, из них высыпали на дорогу десятка два ловких парней, вооруженных пистолетами и автоматами. Остановились, цепью охватывая «Фиат» Васи, машину ГАИ и джип Соколова. Но за те секунды, что потребовались им для развертывания, и «чистильщики» не дремали, успев перегруппироваться и укрыться за машинами. Горящая «Мазда» Соколова освещала поворот шоссе, трамвайные пути и стену деревьев за ними, хорошо выделяя на фоне темноты новых действующих лиц. Еще через мгновение должна была начаться контратака многоопытных профессионалов Соколова, один из которых успел метнуться за деревья и обойти

приехавших с фланга, но в этот момент открылась дверца «Линкольна» и на дорогу вышел Герман Довлатович Рыков. За ним важно вылез высокий мужчина в темно-коричневом костюме с надменно-сытым породистым лицом — тот самый, что беседовал, по словам наблюдателей, с Германом Довлатовичем в ресторане.

— Не стреляйте, Василий Никифорович, — сказал Рыков, обходя труп инспектора, приблизился, но за цепь своих телохранителей тем не менее не вышел. — Есть предмет для разговора. Но поскольку времени у нас мало, давайте пооперативней.

Василий вышел из-за машины с пистолетом в руке, насмешливо козырнул им.

— Какая приятная встреча, маршал! Неужели вы решили объявить нам войну официально? А ГАИ, надо понимать, теперь в вашем непосредственном подчинении?

— Это не мои люди, — ровным голосом отозвался Герман Довлатович. — За вами по пятам идет ликвидатор.

— А разве за вами нет?

— Я смогу защититься.

— Мы тоже. Что вам нужно? Зачем этот лихой вираж? Предупреждаю: давления не потерплю, а ребята у меня вряд ли уступят вашим в чем бы то ни было.

— Нам нужна одна вещь, которую вы незаконно переправили в нашу реальность, — густым властным голосом произнес спутник Рыкова. — Отдайте ее нам, и вас не тронут.

— Ах, даже так? — саркастически осклабился Василий. — Значит, не тронут, говорите? А с кем я имею честь беседовать, господин хороший?

— Я Морихей Цвингер, инспектор Союзов, — вздернул подбородок незнакомец. — Надеюсь, вы знаете, что может последовать за вашим отказом сотрудничать со мной?

— Нет, а что? — простодушно спросил Вася.

Цвингер и Рыков переглянулись.

— Наверное, вы плохо оцениваете свое положение, Василий Никифорович, — сказал Рыков сухо. — Сопротивление инспектору карается отречением и блокировкой астрала. Вы станете изгоем, как ваш бывший приятель Горшин. Но до Схода патриархов вы можете и не дожить.

Василий склонил голову набок, повертел в пальцах пистолет: четыре оборота вперед — четыре назад — фиксация с

пальцем на курке и дулом вперед, — глянул исподлобья на нетерпеливо переступившего с ноги на ногу Цвингера.

— Инспектор, а вы сами-то не боитесь отречения? Ведь вы не можете не знать, что кардинал Рыков фактически вышел из Союза и контактирует с Аморфом Конкере, то есть Монархом Тьмы.

— Я вас предупреждал, — торопливо сказал Герман Довлатович, — они не отдадут синкэн-гата добровольно. Надо было сразу начинать силовую акцию захвата.

— Значит, вы отказываетесь подчиниться инспектору? — добавил угрозы и угрюмости в свой голос Цвингер.

— Значит, отказываюсь, — пожал плечами Василий.

— В таком случае мне придется воспользоваться своим правом саккацу... — Инспектор не договорил, дернув головой и замолкая на полуслове. Пуля, выпущенная из снайперской винтовки, попала ему в правый висок и вышла из левого, проделав в черепе дыру величиной с кулак. Звук выстрела прилетел мгновением позже.

Телохранители Рыкова попятились, озираясь, готовые открыть ответную стрельбу, но Герман Довлатович не рискнул дать команду и даже не бросился к союзнику, чтобы помочь ему, а в темпе скрылся в машине, тут же сорвавшейся с места. Его прислуга отступила, взвыли моторы, один за другим автомобили прикрытия кардинала умчались за машиной босса к мосту через Москву-реку. Наступила тишина. Переговоры Посвященных длились всего две минуты.

— Кто стрелял? — глухо спросил Василий.

— Я, — долетел издалека чей-то знакомый голос, и из-за кустов, скрывающих в полусотне метров поворот трамвайных рельсов, вышел человек, оказавшийся Самандаром. В руках он нес не винтовку, как сначала определил Василий, а мощный однозарядный пистолет калибра 12,7 миллиметра фирмы «Maadi Griffin», с ночным прицелом и дульным тормозом, придающим и без того грозному оружию устрашающий вид.

— Убирайтесь отсюда, — сказал Вахид Тожиевич, подходя и наклоняясь над телом инспектора Союзов, все еще подающего признаки жизни. — Сюда сейчас примчатся все милицейские силы округа. Шума вы наделали изрядно.

— Не мы — ликвидатор. Где такую пушку достал? Что-то я ее у тебя раньше не видел.

— Купил.

— Ясно. Ты с нами?

— Езжайте.

Василий дал сигнал, нырнул в «Фиат» вслед за молча севшими Стасом и Марией, группа Соколова мгновенно заняла уцелевший джип и «Форд» ГАИ, и все три машины понеслись прочь от места засады, оставив позади трупы незадачливых гаишников, в недобрый час попавшихся ликвидатору, и Морихея Цвингера, инспектора Союзов, считавшего, что он чуть ли не бессмертен.

Глава 24

«СЖИМАЮЩАЯСЯ ЛАДОНЬ»

Бабуу-Сэнгэ позвонил Юрьеву поздно ночью:

— Не спите, Юрий Венедиктович?

— Слушаю музыку, — с ноткой иронии ответил Юрьев, только что звонивший Котовым, чтобы узнать, где Мария; домой девушка не вернулась, осталась ночевать у Стаса.

— Как вас понимать? — продолжал Бабуу-Сэнгэ, не желая разводить канитель с соблюдением правил вежливости. — Почему вы во время боя младшего Котова с авешей ликвидатора выступили на его стороне?

Юрий Венедиктович помолчал.

— А ведь этот мальчишка впечатляет, не правда ли, координатор?

— Вы не ответили на вопрос.

— Если честно, сначала я поддался уговорам дочери, но потом понял, что можно заработать кое-какие дивиденды. После этого инцидента «чистильщики» станут мне больше доверять, и я смогу получить доступ к их базе данных. Возможен даже выход в «розу» через тхабс Котова. Да и ту Великую Вещь Инсектов, которую он доставил на Землю, не догадываясь о ее сущности, можно будет попытаться изъять без лишнего шума.

Теперь уже задумался координатор.

— Разумно. Хотя и рискованно. Уровень Сил, которыми научились пользоваться эти Посвященные, резко повысился, справиться с ними будет нелегко. Вы знаете, что нас посетил инспектор Союзов?

— Я беседовал с ним.

— Он убит.

Изумленное молчание в трубке.

— Ликвидатор?

— Опосредованно. Убили Морихея «чистильщики». Герман Довлатович, по сути, подставил инспектора, когда решил с его помощью отобрать у Котова синкэн-гата.

— Когда это случилось?

— Два часа назад, в районе Щукина. Ликвидатор подготовил засаду, но Котов оказался хитрей, да и помощники у него дай Бог каждому, сработали по высшему разряду, позавидовать можно. А потом к месту засады подтянулся Герман с инспектором.

— Как погиб Морихей?

— Выстрел в голову. Стрелял Самандар. Так что будьте осторожны с этими людьми, Юрий Венедиктович, мы их явно недооценили. Как, впрочем, и ликвидатор.

— Приму к сведению. Что слышно от Креспо? Почему не объявляется «час Ц»?

— Возникли сложности с реализацией проекта, многие координаторы в панике активизировали «сжимающуюся ладонь», что мешает консолидировать силы.

— Разве мы не будем активизировать «сжимающуюся ладонь»?

— Будем, у нас просто нет другого выхода. О времени сбора я вас извещу.

Связь прервалась. Юрьев выключил телефон, посидел в кресле в расслабленной позе, одетый в любимый синий атласный халат, и позвонил Мурашову. Пришло время обсудить положение дел с будущим союзником.

— А парень действительно хорош! — вслух выразил свое мнение о Стасе Юрий Венедиктович, вспомнив финал супербоя в Конгресс-холле. — Утика-тигатай[1], как говорят японцы. Жаль будет Машку... если с ним что-нибудь случится. Может, плюнуть на все и присоединиться к ним?..

* * *

Истребитель Закона появился в земной реальности не в облике живого существа, а в виде поля взаимодействий, внедрившись в общую компьютерную сеть Земли. То есть в один

[1]Утика-тигатай — непобедимый *(яп.)*.

прекрасный момент компьютерные комплексы всех стран мира обрели неосязаемого хозяина и стали единым разумным существом, способным решать любые задачи, в том числе — зомбирования исполнителей для ликвидации Внутреннего Круга.

Для удобства проведения операций Истребитель завербовал в каждой стране достаточно высокопоставленных лиц, ответственных за организацию убийств, разработал планы операций и занялся наведением исполнителей на цель. О дальнейшей судьбе исполнителей и организаторов он не заботился. С его точки зрения все они — и киллеры, и жертвы были уже мертвы, хотя и в разной степени. Для него главным было достижение результата, эмоции людей при этом роли не играли, сам же он был высокоинтеллектуальным, но в высшей степени аморальным существом без плоти и крови, почти таким же, как и Монарх Тьмы. Но тем не менее с Монархом ничего общего Истребитель не имел. У него в «розе реальностей» был другой покровитель и заказчик. А поскольку в «запрещенной» земной реальности ему приходилось действовать самостоятельно, не опираясь на подсказку покровителя, то и решать поставленную задачу он имел возможность поразному, в соответствии с предоставленными возможностями. И в один из моментов анализа очередной неудачи (Посвященные стали сопротивляться, давать отпор, убивать их становилось все трудней) Истребитель вдруг по достоинству оценил идею одной из жертв — Германа Рыкова, создававшего свой собственный эгрегор для реализации властных амбиций. Осуществив эту идею, ликвидировать Внутренний Круг можно было намного проще, а для этого надо было всего лишь зомбировать Посвященных с помощью уже имеющихся психотронных средств типа суггестора «удав» или кодонов, редчайших из всех сохранившихся Великих Вещей Мира, доступ к которым имели Хранители. Внедряясь в сознание каждого Посвященного, ориентируя их на слепое подчинение, можно было образовать к о н т р э г р е г о р, по сути — сверхсущество, подобное кланам-семьям Инсектов — разумных пчел, муравьев, термитов и ос. Сам же Истребитель при этом становился единственным полноправным повелителем реальности, о чем он уже успел задуматься не раз. Мешала ему лишь жесткая программа, предписывающая после решения поставленной задачи покинуть реальность и са-

моликвидироваться, да умелое сопротивление некоторых групп Посвященных. Но если с нейтрализацией этих групп он еще мог справиться путем подключения к решению задачи силовых структур типа МВД, ФСБ и армии — в России, ЦРУ, ФБР и полиции — в США, других подобных спецподразделений в остальных странах, то с программой заказчика справиться было трудней. Помочь Истребителю мог бы только тот самый к о н т р э г р е г о р, базу для которого практически создал Герман Рыков.

Сначала «живым» представителем Истребителя-ликвидатора в России стал начальник Главного управления ГАИ генерал Синицын, потом, после ряда провалов, его заменил министр внутренних дел Артур Емельянович Дятлов, знаменитый своим «планом спасения России». Главным принципом этого вполне заурядного человека был «принцип пластилина» — поддаваться всем, от кого зависели карьера, зарплата, распределение благ, получение удовольствий, свобода делать то, что хочется, и он с успехом применял этот принцип в жизни. Недаром журналисты прозвали Дятлова «пластилиновым министром», приводя его послужной список. Однако для своих подчиненных он был царь и Бог, и переживший его гнев мог считать себя счастливчиком. Истребитель Закона обратил внимание на Артура Емельяновича, любителя компьютерных игр (правда, несложных, типа пасьянса, подкидного дурака и тетриса). Уже на другой день после «назначения» Дятлов начал действовать с похвальной оперативностью, предложив неплохой план разгрома «чистилища».

— Действуйте, — ответил Истребитель строчкой на экране компьютера, выступая в роли его «души». — Но помните, что главное — ликвидация Посвященных, а не конкретных организаций и групп типа ККК или СС.

— Мне понадобится запас «глушаков», — отстучал ответ на клавиатуре Дятлов.

— В ближайшее время вам его передаст сотрудник ФСБ.

— Но мощи «глушаков» не хватит для подавления воли Посвященных II ступени, для этого нужны кодоны.

— Кодоны — наследие прошлого, завладеть ими непросто, доступ к ним имеют только Хранители, но один кодон я вам предоставлю. Возможно, он понадобится для зомбирования спутников аватары.

— Вы имеете в виду Котова и Самандара? Я уничтожу их в первую очередь и без кодона.

— Попробуйте, но не рассчитывайте на легкую победу. Я потерял уже шестерых исполнителей, пытавшихся нейтрализовать младшего Котова. Не спешите с его арестом, сначала реализуйте план «сжимающейся ладони», чтобы ему и его покровителям некуда было бежать.

— Нет ничего проще. Уже завтра эти люди будут у меня.

Истребитель не умел выражать эмоции, но его взгляд — волну влияния через экран компьютера — можно было смело назвать скептическим.

— Не торопитесь праздновать победу, вокруг этих людей идет непонятная мне возня Посвященных II уровня, надо за ними понаблюдать. Начинайте лучше с зомбирования властных структур. Чем больше у нас будет армия зомби, тем быстрее мы сломим сопротивление Круга.

— С этим проблем не будет. Сегодня я встречаюсь с министром юстиции и генеральным прокурором, начну с них.

Экран служебного компьютера в кабинете министра («Шайенн-2010») мигнул и стал чистым, пустым, сознание Истребителя покинуло его процессор. Дятлов выключил машину и некоторое время собирался с мыслями. Он уже не удивлялся, как в первое время, откуда у него появились знания о Внутреннем Круге, о Союзе Девяти Неизвестных, о предках людей — Инсектах, о прочих удивительных вещах и почему он во все это верит, главным оставалось то, что он, обыкновенный человек, и м е л в о з м о ж н о с т ь распоряжаться судьбами людей Круга, людей неординарных, владеющих запрещенными знаниями и необычными возможностями. Он стал их судьей и палачом, вершителем жизни, абсолютным господином! И эта мысль грела душу министра больше остальных.

Посидев еще немного с приятным ощущением могущества, внушенным Истребителем, Дятлов нажал кнопку селектора и велел секретарю вызвать начальника МУРа.

Он не знал, что след его нового хозяина в памяти компьютера может быть прочитан и расшифрован. Первым это сделал Рыков, следивший за компьютерными сетями спецслужб, вторыми Котов и Самандар. Конечно, дословно записать общение министра с Истребителем им не удалось, но факт общения был зафиксирован, а выводы делать они умели.

— Значит, «сжимающаяся ладонь», — угрюмо проговорил

Василий (он сидел в офисе Вахида Тожиевича на следующее утро после стычки с инспектором Союзов). — Скоро нас загонят в угол. Надо переходить на нелегальное положение.

— Я вне подозрений, — сказал холодно невозмутимый Самандар. — Чтобы меня арестовать, необходимо постановление генерального прокурора, а вот ты — простой инженер, тебя взять легче.

— Не обольщайся, не помогут тебе твои связи, министру придумать причину твоего ареста проще простого, а из «Лефортова» ты уже не выйдешь. Уходить надо всем.

— Твой ученик тебя не поймет.

— Поймет, если хорошо объяснить. Я чувствую, что на него делается какая-то ставка, причем с двух сторон, и это меня и радует, и печалит. Парень еще не закален в нужной степени.

— Закалка — дело времени. Когда идем в «розу»?

— Сегодня вечером. Надеюсь, проводник наш знает свое дело. — Василий имел в виду Светладу.

Самандар промолчал. Он не доверял никому, только себе, но высказывать свое мнение по этому вопросу не любил.

Глава 25

ГОНЧИЕ МОНАРХА

Поход в «розу» едва не начался со скандала.

— Не берите ничего, — сказала Мария, ознакомившись с содержанием трех огромных дорожных сумок со снаряжением, которое вознамерились взять с собой «путешественники по реальностям». — Оставьте всё!

— То есть как оставить? — не понял Василий. — Здесь все необходимое для похода: гермокостюмы, противогазы, НЗ, оружие...

— Ничего этого брать не нужно, у вас уже есть тхабс.

— Поясни, — сказал Стас, слегка уязвленный, что подруга не поставила его в известность о правилах перехода.

— Вы забываете, что «роза реальностей» — пространство допустимых состояний мира, а не всех возможных. Вы не просто переходите границу «розы», но и формируете при этом условия в ее «слоях-мирах». Все абсолютные вещи, попадая в

другие реальности, жестко организуют их структуру. Вспомните, как вы боролись со своим собственным пистолетом.

Василий, помедлив, кивнул.

— Он стал... живым... но я думал, что это иллюзия...

— Все реальности «розы» — суть иллюзии, отражения одной Материнской, или, как ее называют еще, Фундаментальной реальности, их можно переделывать с помощью магических воздействий... чем и занялись иерархи, воюя друг с другом.

— Но ведь мы не сможем без спецкостюмов и защиты...

— Ваши спецкостюмы — тхабс! Он создает любые защитные оболочки применительно к любым условиям «розы». Возьмите только холодное оружие, оно везде остается оружием и подчиняется только мастеру, воину.

— Я всегда говорил, что тхабс — хитрая штуковина, — бросил Самандар. — Вы все его возможности знаете?

— Не все, — покачала головой Мария. — Это «след» Безусловно Первого, бережно оберегаемый Хранителями. Если они кому-то приоткрывают тайну тхабса, значит, возникла такая потребность. Но помните: ничто не дается даром — ни тхабс, ни синкэн-гата, ни другие Великие Вещи Мира. Их приобретение обычно сопровождается великими потерями.

— А поконкретней?

— Конкретней не смогу, — виновато улыбнулась Мария.

— Ясно. И все же я бы кое-что из этого взял с собой... — раскрыл одну из сумок (с оружием) Василий.

— Возьмите — и реальность, куда вы попадете, ответит адекватно. Все предметы обихода в «розе» — суть мыслеформы: одежда, обувь, вещи, машины, дома. Маг все это делает сам, подгоняет для тех или иных нужд.

— Мы не маги.

— Во-первых, вы Посвященные, даже у Стаса есть пси-резерв.

— Спасибо, — покраснел Стас. — Все-таки не безнадежен.

— Не обижайся, я констатирую факт. Во-вторых, вы все умеете объединять волепотоки и пси-поля. В-третьих, у вас есть тхабс... Имеется и в-четвертых, но и того, что вы имеете, вполне достаточно для реализации цели.

— А что такое «в-четвертых», если не секрет? — полюбопытствовал Вахид Тожиевич.

— В-четвертых, с вами иду я, — улыбнулась девушка, и

все трое мужчин ощутили под черепом «мяукнувшую улыбку Чеширского кота» — касание индивидуального мысленного поля Светлады.

— Ну хорошо, уговорили, — почесал в затылке Василий, — из оружия мы возьмем с собой только ножи и наборы ниндзя. А «тюбетейки» нам не пригодятся разве?

— Он имеет в виду генераторы защиты от излучений «глушака», — пояснил Стас в ответ на вопросительный взгляд Марии.

— Не думаю, что ваши «тюбетейки» помогут вам повысить защитный психофизический потенциал, но, во всяком случае, не помешают, хотя в имплицитных реальностях «розы» главную роль играет все же техника уклонения от психоэнергетического удара.

— Простите, в каких реальностях? В имплицитных?

— Зависимых или проявленных. «Роза» полна и эксплицитными реальностями, то есть непроявленными, в которых отсутствуют наблюдатели. Иерархи, желающие поэкспериментировать, часто разворачивают такие виртуальные реальности в материальные, становятся как бы богами созданного мира. Это очень увлекательная игра.

— Представляю. Может быть, мы еще сами в нее поиграем. А если мы все-таки возьмем пару гранат? Хотя бы светобарических.

Мария посмотрела на подмигнувшего ей Стаса.

— Вы вообще можете не слушать мои советы. Берите свои гранаты, если вам хочется, но я вас предупредила.

— Ловлю на слове.

— Кто ловит женщину на слове, тот садист, — пробурчал Самандар, никак не выражая своего отношения к происходящему.

Стас засмеялся. Василий сделал строгое лицо.

— По коням, господа! Пора выступать. Но уж синкэн-гата, я надеюсь, вы нам не запретите взять с собой?

— Его лучше всегда иметь при себе, — серьезно сказала Мария. — Если он попадет к адептам Тьмы, быть беде!

— Это мы уже и сами поняли. Кстати, слушается он почему-то только Стаса.

— То, что Стас может его носить, еще не означает, что синкэн-гата его слушается.

— А почему у него такая странная форма?

— Он принимает форму в зависимости от последней исполняемой им функции. Вероятно, последний владелец использовал синкэн-гата в качестве оружия.

— Время, — напомнил Самандар. — О возможностях меча можно будет поговорить потом.

Василий повернулся и молча направился к выходу из квартиры.

В семь часов вечера они заехали к Самандару в МИЦБИ и вооружились. Василий выбрал меч ниндзя — нин-то, набор трезубцев и кинжал (метательные иглы и звезды он взял еще из дома), Стас был вооружен своим необычным синкэн-гата, но добавил к нему еще современный нож с эргономически выверенной удобной рукояткой. Вахид Тожиевич отобрал японскую катану и ниндзя-кэн, он владел риото-дзукай — техникой фехтования двумя мечами. Мария не взяла ничего, ее оружием были воля и мысль.

В начале девятого они нырнули под землю в районе Троице-Лыковского кладбища, где парни из команды Вени Соколова проделали колодец к трубе канализации, выводящей путешественников прямым путем к спуску в МИР Ликозидов. О чем думали профессионалы разведки и контрразведки, копая землю и долбая бетон, осталось за кадром, сам же Соколов не задал ни одного вопроса, и Вася мимолетно подумал, что, узнай бывший капитан о цели спусков своих боссов под землю, он вряд ли поверил бы в существование подземных замков, созданных древними разумными насекомыми и сохранявшихся десятки миллионов лет.

В пещере с МИРом Ликозидов ничего не изменилось. Изуродованная ажурная пирамида разумных тарантулов продолжала сочиться призрачным бледным светом, поражая совершенством узора и пропорциями внутренних переходов. Не изменился и центральный «тронный» зал дворца с полурасплавленным саркофагом последнего царя. Никто, кроме путешественников по «розе», здесь не появлялся и следов не оставил.

Стас посматривал на спутницу с любопытством, но реакции на лице Марии не заметил. Девушка несла в себе память Светлады и знала, кто построил гигантское сооружение, за многие миллионы лет опустившееся под землю и законсервированное Хранителями.

Миг перехода не отразился на ощущениях людей. Из

«тронного» зала дворца Ликозидов они перенеслись на вершину срезанной пирамиды, слепленной из хрустальных шаров разного размера, и замерли, прислушиваясь к себе, озираясь по сторонам. Это был тот самый мир, охраняемый кентавро-львом Асатом, только на сей раз здесь царила ночь, освещенная двумя лунами размерами с земную и яркой, на порядок ярче Млечного Пути, звездной дорожкой поперек небосвода. Но пирамида не принадлежала городу Пауроподов, в котором оказались путешественники при первом посещении этой реальности, хотя и походила на одно из его зданий. Ее высота превышала высоту земных аналогов — египетских пирамид — вдвое, а основание было не квадратным, а пятиугольным. Кто ее строил и зачем, не знала и Светлада. Но не этим вопросом задавались сейчас гости реальности, посещенной десять лет назад (по земным меркам) Матвеем Соболевым со товарищи.

Пирамида стояла посреди песчаной оранжево-красной равнины, перепаханной воронками самого разного диаметра, и даже неопытному наблюдателю сразу становилось ясно, что здесь когда-то шла война. Равнина исчезала за горизонтом, угрюмая, навевающая тоску и страх, и лишь в стороне, где над краем равнины нависала одна из лун, похожая на человеческий череп, виднелась черная полоска: не то лес, не то горы, не то какое-то искусственное сооружение.

Последнее предположение оказалось верным: там, в двух десятках километров от пирамиды, начиналась колоссальная стена, скрывающая за собой тайны здешнего мира.

— Да, это мир, где мы встретили кентавра, — изрек наконец Василий, убедившись, что тхабс действительно обеспечил их защитой и возможностью дышать здешним воздухом. — Что это за мир, Мария?

— Я уже говорила. — Девушка обнаружила в густофиолетовом небе облачко светлых точек, напоминающих стаю светлячков, и обратила на них внимание Котова. — Вот доказательство — осы. Это мир «запрещенной реальности» наподобие земного. Монарх экспериментировал здесь с биосферой планеты, выводя новую породу разумных существ, скрещивая растения с животными. Ос он вывез с Земли. Насколько я знаю, эксперимент не удался, и Конкере бросил этот мир, хотя и продолжает контролировать с помощью встроенных программ типа Асата.

— Так значит Асат — программа?!

— Совершенно верно. Кентавром ее сделали стереотипы вашего мышления и воображение. Кстати, вы ничего не чувствуете?

— Гудит... очень глубоко... в инфразвуке, — проговорил Самандар, давно ощутивший странную дрожь пирамиды, порожденную низким подземным гулом.

Василий кивнул. Он ощущал то же самое.

— Это реакция еще каких-то программ Монарха на наше появление здесь. Сейчас они проявятся.

— Это опасно?

— Приготовьте на всякий случай оружие. — Мария оглянулась на спокойно созерцавшего равнину Стаса. — А ты держи синкэн-гата в ножнах. Это наш последний аргумент. Сначала попробуем договориться.

Гул, слышимый Посвященными на грани восприятия, резко усилился. Пирамида под ногами заколебалась, отзываясь хрустально-фарфоровым звоном и треском. На горизонте появилась искра света, вознеслась над равниной и спикировала на людей, превращаясь в кошмарное существо с драконьими крыльями, корпусом льва, могучим человеческим торсом и златокудрой женской головой с лицом неземной красоты. Это был страж границы реальности Асат. Вооружен он был, как и прежде, гигантской секирой, но пустить ее в ход не успел. Раппорт Марии-Светлады остановил его атаку, а потом он узнал остальных. Мягко утвердился мощными львиными лапами на зернистой поверхности пирамиды, опустил секиру. Раздался нежный и в то же время сильный голос:

— Что здесь делают Воин Закона и его спутники?

Василий посмотрел на Марию, лицо которой буквально засветилось изнутри розовым светом. Он так и не понял, говорил ли Асат на русском языке или это был «перевод», обеспеченный тхабсом.

— Нам нужна твоя помощь, — проговорила девушка.

Страж границы внимательно посмотрел на нее, склонил голову к плечу, улыбнулся.

— Надо же, какие у меня сегодня гости. Никак сам инфарх пожаловал?

— Только его слабенькое эхо, третье Я. Ты поможешь нам?

— Сожалею, повелитель, но моя программа не рассчитана на помощь нарушителям границы, а как бы даже наоборот.

— Твоя помощь будет заключаться лишь в одном — в нейтрализации других программ твоего хозяина в течение очень короткого отрезка времени. Для этого ты, в сущности, ничего не должен делать, только побыть с нами.

— Сожалею, — еще раз произнес Асат, покачав головой, — я бы и рад помочь инфарху, но, даже уважая Воина Закона, находиться с вами могу, только исполняя свои обязанности.

— Прекрасно. Вот тебе противник, — Мария указала на Стаса, — поупражняйся с ним в фехтовании, пока мы втроем будем искать в вашем астрале следы нашего друга. Так ты исполнишь свой долг и поможешь нам.

Страж границы в сомнении посмотрел на невозмутимого Стаса, опоясанного ножнами с синкэн-гата.

— Он владеет кэндо?

— Он Воин, сам же говорил, — улыбнулась Мария. — Испытай его.

— Маша, а если... — шагнул было вперед встревоженный Василий, но Самандар остановил его:

— Она знает, что делает.

Асат поднял свою громадную секиру, способную одним ударом рассечь быка пополам, и та вдруг поплыла струей дыма, меняя очертания, превратилась в меч.

— Ты готов, Воин?

— Всегда, — сказал Стас.

Страж границы одним прыжком преодолел расстояние до своего противника, стоящего с опущенными руками, в расслабленной позе, нанес удар мечом, и спутники младшего Котова увидели технику иайдо в наглядном изображении.

Меч Асата не успел упасть на голову Стаса. Последовало мгновенное движение руки, высверк выхваченного из ножен синкэн-гата, колокольный звон столкновения клинков — и меч стража границы разлетелся на множество голубоватых осколков, словно был сделан из льда. Следующим движением Стас мог отсечь руку поздно отпрянувшего Асата, но не стал этого делать, бросил меч в ножны тем же стремительным красивым движением, будто делал это каждый день на протяжении многих лет.

— Я проиграл, — с печалью в голосе сказал кентаврролев, — и теперь должен вызвать подкрепление. В моей программе содержится указание не сопротивляться Воину Закона, а предупредить хозяина о его появлении.

— Подожди немного, — подняла руку Мария. — Ведь он может сражаться и обыкновенным мечом. Не хочешь поучиться?

Лицо Асата, лицо женщины безупречных линий, оживилось.

— Пожалуй, особых противоречий моя программа в этом не видит. Я могу сопротивляться некоторое время.

— Лови. — Самандар бросил Стасу свою катану, и тот ловко поймал меч за рукоять.

В руке Асата появился еще один меч, копия первого, и страж границы бросился на противника, вздымая меч над головой. Разнообразием приемов его техника кэндо не отличалась. Раздался поющий звон столкнувшихся клинков.

— Беремся за дело, — глянула Мария на мужчин, с разными чувствами наблюдавших за поединком, — у нас мало времени. Выходим в астрал, поддерживая друг друга, и ищем Соболева. Сторожевые псы Монарха нас, конечно, засекут, но мы должны стряхнуть их и убраться отсюда до момента вытаивания псов в реальность. И, пожалуйста, не отвлекайтесь.

— Поехали, — сказал Василий, с трудом отрывая взор от зрелища и пресекая попытку подсказать Стасу то или иное движение. Ученик в советах не нуждался.

Это был очень необычный астрал, гораздо запутанней и мудреней земного. Если бы не помощь Светлады, ни Василию, ни Самандару не удалось бы найти то, что они искали, и выбраться из него обратно. Континуальное поле информации здешней реальности было, по сути, разумным существом, диктующим иерархию уровней, и контактировать с ним можно было только на пределе всех ментальных и душевных сил. Организовывал этот «живой» астрал — настоящую кладовую дьявола! — пентарх Удди, правая рука Монарха, вернее, его «проекция» на реальность, и он же командовал сторожевыми псами реальности — особыми программами, стерегущими выход (не вход!) из астрала и способными приобретать физическую сущность и плоть в соответствии с местными законами природы.

Светлада нашла-таки след Соболева — отпечаток его личности на «замках дьявола», закрывающих секретные уровни информации, и даже проникла в один из таких уровней, но

больше ей сделать ничего не удалось. Сторожа астрала учуяли чужих и бросились в погоню.

Каким чудом им удалось стряхнуть со своих потоков сознания злобных тварей Удди, Василий не понял. Весь «искусанный», покрытый «язвами» фантомных болей, он выплыл из глубин дьявольского астрала и увидел финал боя Стаса с Асатом. Кентавро-сфинкс преклонил пред Котовым-младшим колено, признавая его победу.

— Я вновь вынужден...

— Уходим! — прервал стража границы Самандар, перенесший сражение с информационно-энергетическими «псами» легче Василия. — Крути свой тхабс домой.

— Ни в коем случае! — воскликнула Мария. — Они прорвутся за нами! Их надо увести отсюда. Сосредоточьтесь на эксплицитной реальности, на совершенно пустой или на покинутой всеми. Спешите, они сейчас будут здесь! Асат, задержи псов!

— Попытаюсь, повелитель, но не гарантирую...

Василий «крутанул» тхабс «вперед» по вектору разворота реальностей в глубины «розы», и дальнейших слов Асата они не услышали.

На этот раз миг перехода в другую реальность длился дольше — о щ у т и м о дольше — и был насыщен неизъяснимой мукой чьего-то размышления. Впечатление было такое, будто тхабс прикидывает, куда отправить своих неопытных хозяев. А в следующее мгновение они оказались в мире без объектов и свойств, бесконечно большом и бесконечно малом одновременно, в мире оглушительно грохочущей тишины и неслышного грохота, где ничего не происходило и ничто не длилось, в мире, где люди ощутили себя ничем и одновременно всем, в мире потрясающе интересной скуки и одновременно невыразимого блаженства ожидания... Но это многоплановое понимание происходящего пришло на один удар сердца и ушло с появлением луча первой звезды, рожденной выходом наблюдателей. Потом пронесся шквал переходов-ощущений-озарений, и путешественники осознали себя сидящими в креслах какого-то колоссального космического корабля.

Почему именно эта мысль — космический корабль! — появилась первой, Василий не понял, как и все остальные, но она оказалась верной. Они действительно сидели в амортизационных креслах огромного звездолета, пахавшего по

инерции здешний космос многие тысячи лет. Водители звездолета давно ушли в небытие (три их окаменевших трупа сидели в соседних креслах рубки), а он все еще мчался сквозь пространство к неведомой цели, мертвая машина с мертвым экипажем.

Впрочем, не совсем мертвая. В звездолете все еще работали какие-то механизмы, обеспечивающие его светом и теплом, поддерживающие искусственное поле тяготения, примерно равное земному.

Озираясь по сторонам, беглецы из «экспериментальной» реальности оглядели огромную рубку звездолета, по форме — идеальную пирамиду с пятиугольным основанием, освещенную голубовато-серебристым светом, сползли со своих кресел странных пропорций: ни одной круглой детали или поверхности — резкие изломы линий, углы и ребра, отрезки прямых. Кресел было девять, и группировались они вокруг черного пятиугольного зеркала в полу помещения, над которым высоко вверху, там, где грани пирамиды сходились углом, висело еще одно такое же черное зеркало. Шесть кресел были пустыми, в трех сидели бывшие водители корабля в серо-бурых скафандрах, больше всего похожие на двуногих и двуруких высохших акул. Конечно, по скафандрам нельзя было судить о форме тел их владельцев с полной уверенностью, но впечатление «акулы» они производили сильное.

Не чувствуя ни брезгливости, ни отвращения, ни страха, Василий оглядел космонавтов, потрогал их твердые, как металл, скафандры и повернулся к Марии, задумчиво разглядывающей зеркало в кольце кресел.

— Ну, и где мы, по-вашему, Мари? Это действительно корабль или только результат работы нашего воображения? И почему я уверен, что это звездолет?

— Тхабс, — проговорил Самандар. — Его работа. Не так ли?

Девушка ответить не успела.

Пол звездолета вздрогнул. Где-то в его недрах зародился неясный шум, напомнивший людям стихию разъяренной толпы, стал усиливаться, приближаться, и вскоре в стену рубки с гулом ударил невидимый таран.

— Все-таки псы Монарха догнали нас, — хладнокровно заметил Вахид Тожиевич. — Наверное, придется драться. Или побежим дальше? Кстати, Котов, когда ты включал тхабс, ты ориентировал его на следы Соболева или нет?

— Конечно, — кивнул Василий, сжимая рукоять меча.

— Значит, Соболев был здесь?

— К чему ты клонишь?

— Надо поискать его послание. Если он на Земле предвидел наше появление и догадался оставить знание тхабса, то и здесь мог оставить письмо.

— Мысль хорошая, но несвоевременная. Будем отходить.

— Надо драться, к сожалению, — тихо, но твердо и виновато одновременно сказала Мария. — Если стая почуяла нас и догнала даже в другой реальности, она не отцепится.

— Почему стая?

— Психоэнергетические сторожевые псы, как правило, организованы в «стаи оптимального воздействия», их очень трудно уничтожить.

В стену рубки снова с гулом ударил таран, так что она загудела и завибрировала, и одновременно с этим ударом зашевелились в креслах высохшие трупы космонавтов.

— Берегитесь! — вскрикнула Мария. — Они способны внедряться в любые предметы!

Реакция ее спутников не заставила себя ждать. Все они были воинами, прошедшими хорошую жизненную школу, не исключая и Стаса, и все трое умели анализировать ситуацию и действовать упреждающе. Сверкнули три клинка, разваливая надвое бросившихся на людей «акул». Но если Василию и Самандару пришлось рубить ожившие трупы еще раз, «акула», против которой Стас применил синкэн-гата, просто разлетелась на тысячу осколков, будто глыба серого стекла.

Но на этом бой не окончился.

Третий удар потряс рубку чужого звездолета, в ее косо наклоненной стене появилась полусферическая выпуклость, раздулась в шар, который с чмоканием оторвался от стены, оставив в ней метровую дыру, и покатился на людей.

— «Печать джинна»! — отчаянно крикнула Мария, прижав к вискам ладони для концентрации мысли. — Не подходите к ней, попытайтесь оттолкнуть!

Василий и Самандар поняли девушку сразу, обрушив на серый зернистый шар свои ментальные поля, заставив его двигаться по спирали, и увидели «печать джинна» в действии. Кресло, оказавшееся на пути шара, просто исчезло. Затем наступила очередь останков «акул» и еще одного кресла, которое, вдруг ожив, шарахнулось прочь, но не успело.

«Волки от испуга скушали друг друга», — вспомнил Василий с внутренним смешком детские стихи. В следующее мгновение он метнул в шар одну из светозвуковых гранат размером с грецкий орех.

Граната исчезла внутри серой опухоли и, вероятно, взорвалась, но люди не увидели вспышки и не услышали звука, только шар при этом на мгновение вырос в объеме и снова опал, продолжая двигаться по рубке. Граната подействовать на него не могла.

— Вахид, сзади! — увидел Василий выползавшую из дыры в стене рубки многоногую тварь.

Самандар оглянулся и устремил на нее свой меч.

— Стас, зацепи этот б...ский шар!

Стас, давно ждавший удобного момента, прыгнул из-за кресла, которое миновала живая ловушка, сделал выпад и уколол шар «в спину».

С диким воплем, от которого у людей зашевелились волосы на голове, шар оброс длинными черными шипами, превращаясь в гигантского ежа, и тут же сжался в точку, исчез, обдав напоследок рубку волной холода. Стас остановился, зачарованно разглядывая на полу морозный след «печати джинна», стягивающийся вокруг черной точки, и был подстегнут возгласом Котова-старшего:

— Помогай!

Праздновать победу над «печатью джинна» было некогда. Псы стаи рвались в рубку, и было их много, а остановить их обычные мечи не могли, могли только сдерживать атаки. И Стас включился в бой, охваченный холодной яростью человека, защищавшего не только свою жизнь, но и жизнь друзей.

Они отбили восемь атак самых разнообразных тварей, каких только мог вообразить человеческий мозг: гигантских пауков, шершней, муравьев, тарантулов, скорпионов, змей, гориллоподобных монстров, драконов и динозавров, — затем сами вырвались из рубки в коридоры звездолета, без устали работая мечами, и наконец настигли последнего «пса» — шестилапую помесь кабана и крокодила с мощными когтями. Стас поднял синкэн-гата, собираясь нанести последний удар, и в это время Мария, следовавшая за мужчинами и, как оказалось, охранявшая тыл в ментальном плане, крикнула:

— Подожди, не бей!

Стас удержал удар, остановился, вытянув острием вперед свой странный меч, совсем не эффектный, ни издали, ни вблизи, но очень эффективный в борьбе с псами стаи. Мария вышла из-за спин разгоряченных боем Василия и Самандара, чьи лица блестели от пота, бросила вполголоса:

— Прикройте меня. — Подошла к Стасу, глядя на кошмарное существо, в свою очередь, без страха рассматривавшее людей. — Кто тебя послал?

Рот чудовища, полный гигантских клыков, не пошевелился, но тхабс продолжал исправно служить людям, и все услышали басовитый хриплый голос:

— Мой хозяин.

— Кто твой хозяин?

— Разве Мастер Мастеров не в состоянии определить иерарха?

— Я только тень Мастера Мастеров. Твой хозяин — пентарх Удди?

— Сожалею, Мастер, что меня натравили на вас, но я всего лишь исполнитель. Однако вас ждет более серьезный противник, нежели стая гончих, истребленная вами, и даже это, — монстр кивнул на меч Стаса, — вас не спасет.

С этими словами кабано-крокодил съежился, конечности его втянулись в тело, которое тоже потеряло видимость шкуры и превратилось в шар. Потом шар превратился в черную молнию и пропал. Переглянувшиеся люди остались в коридоре одни.

— Он сбежал? — поинтересовался Самандар.

— Самоликвидировался, — тихо сказала Мария.

— Что дальше?

Василий, вдруг ощутив огромную усталость, перевел взгляд на девушку, и Мария, уставшая не меньше остальных, прошептала:

— Теперь можно возвращаться.

— Но ведь вы узнали что-то о Соболеве? — вмешался несколько разочарованный финалом Стас. — Где он? Что с ним? Может, он где-то рядом?

— Он был здесь, но ушел.

— Эти псы... гончие... — проговорил Самандар, прислушиваясь к тишине, — больше не вернутся? Никто не сбежал?

— Это стая. Они дерутся только вместе и бегут все вместе. Мы уничтожили всех.

— Тогда есть смысл вернуться в рубку и поискать письмо Соболева. Не найдем — вернемся домой.

Василий подумал и потащился по коридору, отмеченному останками «псов», которые потихоньку дымились и таяли. Какое бы существо ни представлял каждый «пес», умирал он так же, как и все особи стаи: превращаясь в шар, в дым, в ничто. Наверное, суть «гончих» Монарха была одна — психоэнергетическая, а чудовищными тварями их делало воображение людей.

В рубке путешественники сгрудились вокруг двух уцелевших кресел, не зная, как приступить к поискам письма Соболева, не очень-то надеясь на его существование. Но Письмо само отозвалось на мысли и чувства людей. Черное зеркало в полу рубки вдруг наполнилось золотистым сиянием, столб золотого света ударил вверх, отразился от второго зеркала, и внутри образовавшегося объемного столба замершие путешественники увидели две обнявшиеся за плечи фигуры — мужчины и женщины. Мужчина был Матвеем Соболевым, женщина — Кристиной. Лица их казались сосредоточенно спокойными, а волосы — белыми как снег.

— Привет, — невольно пробормотал Василий.

Соболев открыл рот, собираясь что-то сказать, и в тот же момент пол рубки ушел из-под ног — наступила невесомость, зеркало лопнуло, столб света погас, мучительная вибрация потрясла звездолет. Казалось, он сейчас развалится на части.

— Держитесь! — рявкнул Василий, и рубка чужого звездолета растаяла. Все четверо очутились в тронном зале МИРа Ликозидов, освещенном призрачным лунным светом. Второй поход в «розу реальностей» закончился.

Глава 26

«ЧАС Ц»

Любой человек является психосоматическим устройством, приемником особого рода, способным обнаружить реальность, недоступную никаким физическим приборам. Но только Посвященные Внутреннего Круга пользуются этими способностями в полной мере и могут понять, что они видят.

Когда в пять часов утра по московскому времени молящийся в номере гостиницы «Москва» Бабуу-Сэнгэ услышал

голос и увидел перед собой колеблющуюся призрачную фигуру старца в белых одеждах, он сразу понял, что его вызывают по трансперсональному каналу. Поэтому он без опаски открыл свою ментальную нишу и сразу оказался в особом пространстве ментального канала связи с куратором Союзов.

«Вы готовы к подсоединению?»— спросил Хуан Креспо.

«Готов», — без колебаний ответил Бабуу-Сэнгэ.

«Есть возможность возглавить Сход».

«То есть стать объединителем эгрегора? — уточнил координатор Союза Неизвестных России. — На какой период?»

«На время поиска ликвидатора. Но эта акция зачтется при последующем Посвящении».

«Если оно состоится. Я бы предпочел воздержаться от этого шага. К тому же консолидатором эгрегора всегда были вы, монсеньор. Меня могут принять не все коллеги».

«Вы, как всегда, слишком осторожны, координатор. У вас есть шанс возвыситься до касты Мастеров. Но коль вы не хотите этого, придется мне опять нести крест организатора одному. Не выходите из эфира, мы начинаем. «Час Ц» настал».

Бабуу-Сэнгэ устроился на полу поудобней, приняв позу лотоса. Внутри его зазвучала удивительная многоголосая струнная музыка: это его личное ментальное поле влилось в коллективное поле сознания Внутреннего Круга, образующее эгрегор. Координатор мгновенно перестал быть самим собой. Его мозг увеличился в объеме до размеров Земли, он стал чувствовать себя миллионоруким и миллионоглазым существом, обнимающим всю планету. Диапазон видения-чувствования его скачком вырос, так что Бабуу-Сэнгэ стал видеть в ультрафиолете, в рентгеновском диапазоне, в инфракрасном свете, в диапазоне сверхдлинных радиоволн, СВЧ-спектре и даже воспринял медленные колебания электромагнитных полей биосферы, так что мир вокруг совершенно преобразился. А еще сознание координатора, став многослойным, многоплановым, многомерным, получило удивительную возможность проникать в сознание других людей и читать их переживания.

Сила бурлила в жилах Бабуу-Сэнгэ, силой была наполнена его воля, силой стала его мысль.

Тяжкий удар гонга потряс волнующуюся вселенную звуков и света — внутреннего пространства координатора, ставшего одной из «клеток» психоэнергетического колосса — эг-

регора Круга. Затем раздался безликий и бестелесный, но могучий г о л о с, потрясший весь океан эгрегора:

— Мы, объединенные Размышлением Бога, вставшие над четвертой «сферой света» ради защиты Великого Круга, направляем свою волю на определение Врага! Приступайте!

Струнное гудение ментального эфира, забившее все шепоты и шорохи сотен тысяч мысленных потоков, усилилось и резко смолкло, вернее, перешло в иное качество — качество «большой тишины». Эгрегор координаторов, подпитывающийся энергией общего поля Круга, обрел метасознание, стал единым интеллектуальным организмом, разумной и высокочувствительной системой, способной видеть глубины материи — вплоть до молекул и атомов и слышать «разговоры» растительных биосистем. Этой системе-организму потребовалось всего несколько секунд, чтобы ощупать всю Землю в поисках Врага — ликвидатора Круга, определить его местонахождение и понять сущность. И возбудиться от ошеломляющего открытия: ликвидатор, называющий себя Истребителем Закона, не существовал! Вернее, не существовал как личность, единичный или групповой носитель заказа на ликвидацию. Он представлял собой своеобразный компьютерный вирус, поле сознания вне личности и вне времени, «осевшее» на земной компьютерной сети. Он был везде и нигде!

Бабуу-Сэнгэ вновь услышал могучий шум океанского прибоя — интерференцию мысленных полей своих коллег, заволновался и сам, потому что не ожидал столкнуться со столь глобальным манипулированием электронными облаками и потоками, собственно п р о ц е с с а м и расчета, составляющими суть компьютерной технологии.

С гонгом внимания в уши влился невыразительный голос организатора эгрегора, которым стал Хуан Креспо:

— Мы нашли Врага! Призываю всех, кому дорог Круг, ответить мне высшим напряжением Силы Эл, чтобы навсегда покончить с проникшим в нашу реальность процессом дестабилизации, отголоском Закона дьявола. Приступаем! С нами Эл!

Пространство эгрегора потряс не очень стройный музыкальный аккорд: предложение организатора поддержали не все координаторы и кардиналы Союзов, в том числе и Бабуу-Сэнгэ, инстинктивно предчувствовавший опасность. Он хо-

тел предупредить Креспо, подать идею: уничтожить ликвидатора с помощью полного отключения всех компьютерных и коммуникационных сетей от источников энергии — но не успел. Пси-пространство эгрегора прорезала черная судорога деления: кто-то отсоединил от него очень большой энергоинформационный объем.

Это было настоящим предательством — отколоться от армии союзников в момент атаки врага! И человеком, проделавшим этот трюк, был кардинал Союза Девяти России Герман Довлатович Рыков.

Креспо не смог отреагировать на этот предательский ход адекватно, он уже начал наступление, после чего Истребитель Закона ответил на выпад эгрегора Круга. Только уровень его ответа был гораздо выше силового купола, инициированного людьми, ослабленного бегством Рыкова. Ответил ликвидатор на уровне шестой Силы Бога — Элохим Алеф (Безусловно Первый), опираясь на эгрегор куда более массивный, чем Круг, — на все властолюбивое человечество!

Бабуу-Сэнгэ успел закрыться от удара, владея техникой уклонения от психоэнергетического нападения путем перехода в измененное психическое состояние, но и он почувствовал мощь ответа ликвидатора, затеявшего «крестовый поход» против Внутреннего Круга.

Пространство, образующее эгрегор координаторов, высветила вспышка пси-аннигиляции, деформирующей групповое поле сознания, создающей Силу Тогарини — Дьявольской Красоты. Сила Тогарини всегда сопутствовала разрушению чего бы то ни было, и созерцавший Дьявольскую Красоту, как правило, умирал.

Бабуу-Сэнгэ смог «закрыть глаза», уплотнив свое индивидуальное пси-поле и отбив луч Тогарини, но организатор «часа Ц» Хуан Креспо хлебнул Дьявольской Красоты слишком много и растворился в ней, превратился в сгусток электромагнитных полей, поглощенный Истребителем Закона. Погибли и координаторы, его поддерживающие: Степан Корчма — координатор Союза Неизвестных Украины, Назар Баев — координатор Казахстана, Кийт Ульм — координатор Эстонии и многие другие, метившие на кресло куратора Союзов.

Эгрегор Круга распался, спасаясь от полного разрушения, превратился в рыхлый конгломерат запаниковавших

Посвященных, поспешивших закуклиться каждый в своей индивидуальной нише. Ликвидатор одним ударом достиг главной цели — дисбаланса психоэнергетических структур реальности в пользу сил Тьмы. После этого ему оставалось только «подчистить» работу, доуничтожить Посвященных, каждый из которых с этого момента не мог рассчитывать на помощь всех.

Бабуу-Сэнгэ ощутил себя сидящим на полу в номере гостиницы. Тело казалось губкой, пропитанной водой, каждое движение давалось ему ценой неимоверных усилий.

«Что надо делать, если на тещу напал тигр? — вспомнился координатору старый анекдот. — Сам напал, сам пусть и выкручивается, ответило армянское радио».

— Тигр... — вслух выговорил Бабуу-Сэнгэ пересохшим языком, поднимаясь с колен. — Был тигр, да весь вышел... а теща теперь примется за остальных членов семьи...

Под тещей подразумевался, конечно, ликвидатор Круга.

— Пора бежать отсюда... завладеть тхабсом и бежать...

Зазвонил телефон.

Напрягаясь, Бабуу-Сэнгэ проверил линию и снял трубку.

— Слушаю.

— Вы в порядке, координатор? — Голос принадлежал Юрьеву.

— Вашими молитвами.

— Как вам Герман?

— Он не ведает, что творит. Ликвидатор доберется и до него.

— Но до этого исчезнем все мы. Круг. Необходимо предпринимать экстренные меры. Наш план с выведением на цель команды «чистилища» перестал быть актуальным, уничтожить компьютерную сеть невозможно.

— У меня есть одна сумасшедшая идея. Не знаю, удастся ли ее осуществить.

— Давайте встретимся, обсудим.

— Хорошо, приезжайте ко мне в...

— Я знаю, ждите.

В трубке запульсировал гудок отбоя. Бабуу-Сэнгэ бросил трубку на аппарат и вытер руки о рубашку. Впервые за две сотни лет жизни ему, как простому смертному, захотелось сделать глоток алкоголя.

Глава 27

ТЕЛЕФОН — ИСТОЧНИК БЕСПОКОЙСТВА

Этим утром Котовы завтракали вместе. День начинался с дождя, и настроение обоих соответствовало погоде, хотя и по разным причинам. Стас, ковыряясь в тарелке с жареными шампиньонами, первым обратил внимание на сумрачный вид учителя:

— Невкусно?

Готовил завтрак он.

— Отчего же, вкусно, — без выражения ответил Василий.

— Анекдот хочешь?

— Валяй.

— «Доктор, все ли грибы может есть человек?» — «Все, но некоторые из них только один раз».

Василий дернул уголком губ, продолжая над чем-то размышлять.

— У этого анекдота длинная борода.

— Зато он о грибах. Что случилось, дядя? У тебя такое выражение лица, будто ты ежа проглотил.

— Просто я ничего не понимаю. — Котов-старший отодвинул тарелку. — Не могу войти н и в о д н у компьютерную сеть! Все источники информации закрыты!

— Может быть, они просто поменяли пароли и коды?

— Я могу обойти любой пароль. Впечатление такое, будто меня кто-то не п у с к а е т в сети МВД и ФСБ.

Стас пожал плечами, не очень понимая волнение дяди.

— Посоветуйся с Вахидом Тожиевичем, он большой спец по хакер-разведке.

Стас проговорился, он не должен был знать о деятельности «чистилища», но Василий не обратил на это внимания, занятый своими мыслями.

— Ты утром спал хорошо?

— Да вроде бы, а что?

— Ничего необычного не почувствовал?

Стас перестал жевать.

— В пять утра с минутами... будто кто-то заглянул в меня... а потом стал проглатывать. Я закрылся, и все прошло.

Василий откинулся на спинку стула, вытер пальцы салфеткой, задумчиво разглядывая спокойное лицо парня.

— Значит, ты все-таки почувствовал... Это хорошо.

— Да что происходит, в конце концов? Можешь объяснить?

— Кто-то из адептов Круга организовал внезапный Сход с опорой на весь эгрегор, отсюда твои ощущения.

— Зачем это ему понадобилось?

— Так как Сход проходил по уровню Цафкиель, то его целью было, наверное, решение какой-то важной проблемы, а так как самой большой проблемой сейчас для всего Круга является выживание, могу предположить, что Сход решал проблему борьбы с ликвидатором.

— Логично, — помолчав, сказал Стас, снова принимаясь за еду. — Хочешь, я уточню? Позвоню Марии, она наверняка знает больше.

— Позвони. — Василий налил себе чаю. — Я попытался после этого пройтись по сетям спецслужб и получил полный отлуп. Сети блокированы! И сделано это не без магического воздействия.

— Тогда это работа Рыкова.

Василий оторвался от размышлений, внимательно посмотрел на ученика, с простодушной естественностью заканчивающего завтрак.

— Студент, пора тебя, кажется, посвятить во все мои проблемы. А то я делаю вид, что не знаю, что ты знаешь о моей деятельности в «чистилище», а ты делаешь вид, что не знаешь, что я знаю, что ты знаешь.

— Давно пора, — согласился Стас. — Это будет нечто вроде Посвящения в Круг?

Василий хмуро улыбнулся.

— Вступительный экзамен.

Лежащий на столе сотовый телефон заверещал. Василий поднес его к уху.

— Шеф, очень мне не нравится обстановка, — раздался в трубке голос Вени Соколова.

— Конкретнее.

— В том-то и дело, что ничего конкретного сообщить не могу. Просто отмечаю подозрительное шевеление вокруг вашего дома. Это еще не поток внимания, но уже и не случайный процесс. Появились машины во дворе, которых раньше не было. В некоторые квартиры вошли люди, которые там не живут... Не нравится мне все это.

— Мне тоже, — подумав, сказал Василий. — В последнее

время и меня тяготит предчувствие... Ладно, работайте в прежнем режиме, но подключитесь к экспертам Вахида, понаблюдайте за его домом и центром тоже.

— Есть понаблюдать.

Вася щелкнул кнопкой выключения телефона, встретил взгляд Стаса, досадливо поморщился.

— Похоже, какая-то контора вычислила нас и здесь.

— Команда Рыкова?

— Германа я бы почувствовал. Звони своей королеве Марго, посоветуемся насчет Схода Круга. Пригласи ее к нам.

Телефон зазвонил снова. На сей раз тревожил Котовых Юрьев. Голос кардинала был сух и резок:

— Василий Никифорович? Стас дома?

— Передо мной, — глянул на ученика Василий.

— Мария с вами?

— Нет.

— А где она?

— Как это — где? — не смог скрыть удивления Василий. — Должна быть дома. Стас отвез ее еще вчера вечером...

— Дома ее нет. Я приехал поздно ночью и подумал, что она осталась у вас, поэтому не звонил. Где она?

Стас, почувствовав неладное, привстал со стула.

— Что случилось?

Василий закрыл микрофон рукой.

— Пропала Мария. Ты ее до дома проводил?

— До квартиры. Встретил двух знакомых телохранов ее папаши. Мы еще постояли там в коридоре несколько минут.

— Юрий Венедиктович, — сказал в трубку Василий, — он проводил Марию до двери квартиры и встретил двух ваших охранников.

— Кого именно?

Василий сунул трубку Стасу.

— Поговори.

Тот выслушал Юрьева, коротко нарисовал портреты встретившихся телохранителей.

— Жбан и Чалый, — узнал Юрий Венедиктович. — Они тоже исчезли и на связь не выходят. Плохо. Дай старшего.

Стас передал телефон дяде.

— У вас на хвосте после возвращения из «розы» не повисла какая-нибудь из спецконтор?

— Обижаете, — буркнул Василий, — мы не дилетанты. Ищите похитителей дочери среди своих врагов и друзей.

— Почему вы считаете, что ее похитили?

— Она слишком много знает... особенно о реальном положении вещей. Могу предположить самое худшее: она у Германа. Попробуйте выйти на него. А мы начнем поиск по своим каналам.

Молчание в трубке.

— Появится информация — звоните.

— Вы тоже.

Василий выключил телефон, покосился на Стаса, не сводящего с него взгляда.

— Ну, что?!

— Она исчезла. Охранники тоже. Скорее всего ее действительно похитили, но зацепок никаких.

Стас отбросил вилку, повернулся к двери.

— Я побежал...

— Стоять! — Василий сжал его плечо железными пальцами. — Бежать никуда не надо, надо думать. Никогда не позволяй языку и ногам опережать твою мысль. — Котов-старший набрал номер, подождал соединения. — Вахид, у нас проблема. Исчезла Мария. Приедешь? Хорошо, ждем.

Василий бросил телефон на стол.

— Пока он едет, давай помозгуем, кому выгоден перехват Марии.

— По-моему, мозговать не о чем, только Рыкову. Он знает о тхабсе, наверняка догадывается о наших походах в «розу», о моих встречах с Марией.

— Но, захватывая дочь Юрьева, он неизбежно вступает с ним в конфликт, а кардинал Союза — не рядовой Посвященный.

— Значит, он уверен, что справится с ним. Вы же сами говорили, что Рыков — авеша Монарха.

— Резонно. Но если Герман пошел на... — Василий не закончил, снова зазвонил телефон.

Котовы переглянулись. Василий хмыкнул.

— Что-то сегодня телефон возбудился... Слушаю.

— Доброе утро, комиссар, — раздался в трубке характерный горловой голос Бабуу-Сэнгэ. — Надеюсь, оно сегодня у вас доброе?

— Не совсем, — сказал Василий, настораживаясь. — Ис-

чезла дочь Юрьева, Мария, и мы предполагаем, что ее похитили люди Рыкова.

Координатор помолчал.

— Это вполне допустимо. Герман Довлатович открыто встал на путь отступничества. Сегодня он во время ментального сеанса большого Схода отсоединил свой эгрегор от общего, в результате чего погиб куратор Союзов Хуан Креспо.

— Рыков... предал Союз?!

— Очень емкая и верная формулировка, но не Союз — Круг.

— Но ведь ему грозит отречение...

— Со стороны Круга ему уже ничто не грозит, многие старейшины и патриархи Посвящения убиты, мистериат Посвящений распался, Круг под угрозой полного уничтожения. Каждый Посвященный теперь, по сути, предоставлен самому себе, каждый сам за себя. Принцип «один за всех, все за одного» перестал работать. Спасти Круг можете только вы.

Василий тряхнул головой, пробормотал:

— Не преувеличивайте... если уж Сход не решил проблему выживания Круга, то «чистилище» тем более не в состоянии это сделать... с командой Германа в тылу.

— И все же вы единственные из всех боевых подразделений, кто сможет остановить ликвидатора.

— Вы его вычислили?

— Да. Это министр МВД.

— Дятлов?! Ликвидатор?! Не может быть! Каким образом он контролирует все страны?

— Еще не знаю. Но это так. Артур Емельянович Дятлов — ликвидатор. Именно поэтому Внутренний Круг России понес наибольшие потери. Проанализируйте ситуацию в стране и поймете, что иначе объяснить происходящее нельзя. Если не верите мне, поговорите с другими кардиналами, с Юрьевым, Грушиным, Мурашовым. Когда будете готовы к диалогу и сотрудничеству, позвоните мне в гостиницу.

Голос Бабуу-Сэнгэ пропал. Василий подержал трубку телефона возле уха, опустил и посмотрел на Стаса, в глазах которого стоял мучительный вопрос и тлела жажда действия.

— Кто звонил?

— Координатор Союза Девяти. Они вычислили все-таки ликвидатора, это министр внутренних дел Дятлов.

Стас недоверчиво покачал головой, подумал, снова покачал.

— Мне почему-то кажется, что это неправда. Российский министр не имеет возможности контролировать процесс уничтожения Круга во всех странах мира. Для этого нужен более свободный и влиятельный оператор. Дятлов же может быть лишь эмиссаром ликвидатора в России.

— Я тоже удивлен заявлением Бабуу, но какой ему смысл вводить нас в заблуждение?

— Прямой. Уничтожив Дятлова, «чистилище» даст возможность координатору восстановить свое былое влияние на социум, погибнет само — перестанет быть опасной, неподчиняющейся, конкурирующей структурой.

Василий с мрачным удовлетворением окинул взглядом порозовевшее лицо ученика, хлопнул его по плечу.

— Растешь, воин. Логика в твоих словах почти безупречна. Ну а кто, по-твоему, тогда ликвидатор?

— Не знаю, — вздохнул Стас с сожалением, — по идее это должен быть человек, свободно пересекающий границы государств, может быть, даже авеша иерарха. — Стас подумал. — Или совсем не человек.

— А кто? Или что?

— Не знаю. Надо спросить у Марии, она оценит информацию быстрей.

— Тут ты прав, осталось только выяснить, где она. Не переживай, сейчас приедет Вахид, втроем мы взломаем блоки компьютерных сетей и пошарим по секретным кладовым спецслужб. Не может быть, чтобы не нашлось каких-либо следов.

Стас кивнул, помедлил и вышел из кухни. Василий смотрел ему вслед с угрюмой озабоченностью и сомнением, не веря в глубине души, что проблему исчезновения девушки удастся решить просто. И в это время телефон зазвонил в четвертый раз. Посмотрев на него, как на мину замедленного действия, Василий осторожно поднес его к уху, жестом остановив примчавшегося на звонок Стаса.

— Котов? — раздался в трубке шелестящий голос Рыкова. — У меня есть то, что нужно вам, у вас то, что необходимо мне. Предлагаю обмен.

— Мария у тебя? — глухо спросил Василий.

— У меня. Мне нужен тхабс.

— Это не вещь, которую можно передать.

— Я найду способ его овеществления. На размышления даю один день. Потом начинаю допрашивать девушку. Вы знаете, где меня можно найти.

Связь прервалась.

Василий выругался, раздавил трубку в кулаке, озабоченно глянул на свою руку, перевел взгляд на Стаса и ответил на его немой вопрос:

— Она у Рыкова.

— Я з н а л, что она у него! Что он хочет?

— Тхабс. — Василий усмехнулся. — Ни много, ни мало.

— Но ведь его нельзя обменять, как вещь...

— Он уверяет, что можно.

— Ну и что мы будем делать?

Тихо звякнул дверной звонок. Василий сжал руку Стаса, направился из кухни в прихожую.

— Пойдем, это Вахид. Будем размышлять. Время у нас еще есть.

Глава 28

ПРИКАЗАНО УБИТЬ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ

Известие о похищении Марии Рыковым отозвалось в душе Самандара неожиданно сильно, чему он даже удивился, — почти так же сильно, как и исчезновение десять лет назад Ульяны Митиной. Несмотря на свою активную деятельность на поприще «восстановления справедливости» — возродив «чистилище», Вахид Тожиевич как бы доказал самому себе, что способен на многое, — он что-то потерял с уходом Ульяны, какой-то внутренний стержень, заставлявший его обособляться, идти своим Путем. Именно поэтому он и вышел на Балуева-Котова, бессознательно ища поддержки, а потом уж и вовсе уступив ему инициативу в составлении планов «чистилища», пока не понял, что завидует Василию. Завидует не его энергии и воинскому мастерству, а характеру, независимому, но легкому и удачливому, способному на высокую душевную отдачу, что, очевидно, и повлияло в свое время на Ульяну, внезапно обратившую внимание на ганфайтера, еще только мечтавшего о Пути в Круг.

До конфликта, однако, дело не дошло. Ульяна исчезла.

Но тенью продолжала стоять между Самандаром и Василием, претендующими на ее ответные чувства.

Чем занимался Котов в редких перерывах между акциями «чистилища», Вахид Тожиевич особо не интересовался, сам же он увлекся познанием тайн человеческой истории, не без оснований полагая, что процесс познания тоже своего рода сексуальное постижение бытия. Сексуальное в том смысле, что его конечная цель — сохранение рода человеческого и распространение его во Вселенной. Вахид Тожиевич не помнил, кто сказал, что познание — вторая разновидность любви, но был с ним полностью согласен. Поэтому в связи с отдачей научному поиску всего свободного времени интерес его к женскому полу несколько увял.

Тем сильнее подействовало на него происшедшее с Марией Юрьевой. Похищение совершенно посторонней на первый взгляд девицы заставило его встряхнуться и по-новому оценить свое отношение к женщинам, а также участие в «масонской» организации Круга. От него многое зависело в сложившейся ситуации, а с распадом Союза Неизвестных он мог и вообще достичь высот влияния на реальность, о которых только можно было мечтать. Если бы удалось уничтожить ликвидатора, перед Самандаром открылись бы заманчивые перспективы стать не только Посвященным II ступени, но и кардиналом (а то и координатором!) нового Союза. Ради этого стоило поучаствовать в вызволении дочери действующего кардинала. Но на пути к этой захватывающей дух цели стоял еще один кардинал — Герман Довлатович Рыков, и Вахид Тожиевич взялся за идею сокрушения его власти со всем усердием и желанием. Похищение девушки оказалось как бы последней каплей в чаше терпения директора МИЦБИ, возбудившей в его душе волну гнева и жажды власти.

У Котовых он пробыл всего полтора часа.

Втроем они попытались взломать защиту компьютерной сети МВД, сообразили, что она магически закрыта «печатью отталкивания», снять которую оказалось невозможно, и договорились о взаимодействии по варианту спецопераций контрразведки. И у Котова, и у Самандара имелись свои закрытые каналы сбора информации, которые надо было активировать, и Вахид Тожиевич поспешил к себе в центр, где из кабинета мог руководить любыми секретными делами «чистилища», не боясь прослушивания и слежки спецслужб. Ка-

бинет был защищен не хуже, чем подобные служебные помещения ФСБ.

Обычно его на двух машинах сопровождали четверо телохранителей личного мейдера, возглавляемого профессионалом высокого класса, бывшим генералом службы безопасности Бакановым, подавшим в отставку после известных событий с похищением партии сверхсовременного оружия. Но при выезде на Краснопресненскую набережную Вахид Тожиевич заметил еще одну следовавшую за ними машину и насторожился. Последние события показали, что ликвидатор занялся своим непосредственным делом всерьез и мочил всех Посвященных без разбора. Учитывать его возможности теперь надо было всегда. К тому же не стоило сбрасывать со счета и киллеров Рыкова, объявившего войну «чистилищу». Поэтому Вахид Тожиевич решил перестраховаться.

— Шохор, серую «девятку» сзади видите?

— Видим, — донесла рация ответ Юры Шохора, старшего группы реагирования, следующего в последней машине.

— Сделайте ей хансоку[1]!

— Я уже заметил, что она не отстает, и дал кое-какие указания. Не обращайте на нас внимания, двигайтесь с той же скоростью.

Машина с Шохором и его напарником отстала, потом свернула под мостом налево, исчезла. Первая машина с подчиненными Шохора перестроилась в другой ряд, чуть-чуть приотстала и вдруг вывернула, подсекая идущую по другой полосе серую «девятку».

Водитель «Жигулей» резко взял влево... и напоролся на неведомо откуда выскочившую «Тойоту» Шохора. Раздались визг тормозов, удар, вой сигналов, еще несколько ударов, и движение застопорилось по всей набережной. «Фольксваген» Самандара и неповрежденная машина сопровождения продолжали свой путь к месту назначения. А через несколько минут их встретила еще одна машина мейдера, зеленая «Ауди», мигнула фарами.

— Все в порядке, Вахид Тожиевич, — раздался в наушнике рации энергичный голос Шохора, — мы их стряхнули. Сзади и спереди все чисто.

— Узнали, кому принадлежала «девятка»?

---

[1]Хансоку — дисквалификация *(яп.)*.

— Скорее всего милиции, дежурный уточняет.

— О'кей, — коротко бросил Самандар. В опыте своих телохранителей он не сомневался. Мысли его вновь вернулись к Ульяне, к оценке своего отношения к ней. Да, он больше думал о себе, о своих успехах и неудачах, о работе, увлеченно играл в игры Посвященных, чувствуя себя не таким, как все люди, и не хотел менять образ жизни, в котором почти не было места любимой женщине. Да, он мало думал о ней, не разделял ее увлечений и не понимал ее интереса к простым смертным. Но почему же ему стало так больно, когда она исчезла? Почему еще и сейчас, спустя десять лет после перехода Соболевым и его спутниками границы реальности, сердце замирает, когда перед глазами встает ее образ?..

Машина свернула к зданию МИЦБИ, заняла свое обычное место на стоянке, где уже стояла «Ауди» Шохора. Самандар вышел и последовал за двумя телохранителями, в то время как еще двое пристраивались сзади. Все было как всегда. Но чувства Вахида Тожиевича оказались в растрепанном состоянии и не позволили ему вовремя ощутить запашок опасности. Да и успешная нейтрализация преследователей подействовала слишком успокаивающе. Что атмосфера центра не соответствует его понятию «нормальной пси-сферы», он понял уже внутри здания, когда увидел в холле с л и ш к о м м н о г о деловых людей.

Вероятно, лучшим вариантом действий в складывающейся ситуации был бы вариант отступления, но интуиция подсказывала Самандару, что отступать некуда, следует принимать разработанный кем-то сценарий игры, и Вахид Тожиевич спокойно направился по лестнице на свой этаж, отмечая тихую, незаметную неопытному глазу оперативную суету, начавшуюся в холле. По этой суете можно было почти с уверенностью сказать, что за директором МИЦБИ пришла какая-то государственная контора, хорошо знавшая его возможности.

Пискнула в ухе рация.

— Шеф, отмечаю п о т о к внимания. Вызываю подмогу.

— Вызывай, но не суетись, — сквозь зубы процедил Самандар в лацкан костюма, где был укреплен микрофон рации. — В открытую задерживать меня на моей территории они побоятся, знают, на что мы способны. Идем, как шли. «Качать зону» начнете только при прямом нападении.

— Приняли, — вонзился в ухо шепот Юры.

В коридоре на третьем этаже у входа в приемную директора стояли двое пожилых джентльменов в хороших костюмах, но чувства Вахида Тожиевича, перешедшего в состояние ментального озарения, уже перестали быть чувствами обыкновенного человека, и он сразу ощутил злую силу пожилых джентльменов.

Не обращая, однако, на них внимания, Самандар проследовал за своими телохранителями в приемную, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы оценить обстановку.

Секретарь директора, корректный и милый Валера Зеленов, ничего, конечно, не видел необычного в посетителях, дожидающихся появления босса, но Самандару ничего не стоило у в и д е т ь каждого. После чего он вздохнул с некоторым облегчением: его ждали, но люди ликвидатора так себя не вели бы.

Посетителей было шестеро: трое молодых людей в джинсах и кроссовках, играющих роль студентов, девушка с отличной фигурой гимнастки (судя по свободной позе — специалист комбы) и еще двое джентльменов среднего возраста в костюмах клерков: худой, щуплый мужчина в очках с лицом обремененного заботами многодетного отца и громадный, как шкаф, гуманоид с пудовыми кулаками и литыми плечами борца-тяжеловеса, в котором Вахид Тожиевич с удивлением узнал начальника Московского уголовного розыска генерала Синельникова.

Движение в приемной прекратилось.

Телохранители Самандара могли начать «бузу» в любой момент и ждали только сигнала шефа — жеста или взгляда. То же самое переживали оперативники Синельникова. Несколько мгновений генерал и Вахид Тожиевич смотрели друг другу в глаза, потом Самандар в полной тишине пересек ставшую тесной приемную, распахнул дверь и поклонился:

— Заходите, Александр Викторович.

Генерал усмехнулся, шагнул в кабинет, за ним было двинулись очкарик и девица, но Самандар глянул на них сверкнувшими глазами, так что те споткнулись, останавливаясь, и сухо сказал голосом Мюллера из «Семнадцати мгновений весны»:

— А вас я попрошу остаться.

— Что случилось, Александр Викторович? — сказал он

спокойно, указывая на стулья у стола. — Присаживайтесь. Это не вашу ли «девятку» тормознули мои ребята у Кутузовского моста?

— Неплохо работают, надо признаться.

— Профи, что с них взять. А у вас есть ордер? Приказ на задержание?

— Приказ министра, — хмыкнул Синельников, останавливаясь посреди кабинета и с любопытством оглядывая стеклянные шкафы и ковры на стенах, увешанные холодным оружием. — Красиво живете, Вахид Тожиевич. Я слышал о вашей коллекции, но вижу впервые в жизни. Как вам удалось ее собрать? Ведь это, наверное, стоит немалых денег?

— Это стоит денег.

Синельников подошел к ковру с коллекцией мечей, потрогал рукоять одного из них.

— Настоящий? Как называется?

— Ягдшвертер, немецкий охотничий меч. А в чем меня обвиняют, генерал? И могу ли я позвонить своему адвокату?

— Разве вы еще не позвонили? — повернулся к хозяину кабинета начальник МУРа, подождал ответа и, так как его не последовало, продолжал: — Господин президент Международного исследовательского центра боевых искусств, вам инкриминируется создание и участие в деятельности террористической организации, известной под названиями ККК и «чистилище».

Самандар остался невозмутим.

— Отрицать будете?

— Нет.

— Я так и думал. — Синельников потерял живость, сгорбился, помрачнел, прошелся по кабинету вдоль шкафов, покосился на спортивный уголок кабинета с приспособлениями для тренировок, остановился у стола, разглядывая над ним висящую на стене циновку с вычурным крестом сложного и гармоничного рисунка. — Вахид Тожиевич, министр предоставил мне досье на вас, где чуть ли не по минутам расписаны ваши бандлики и где отмечается степень вашего личного участия в них. Сфабриковать такое невозможно, я профессионал и понимаю в этом толк, к тому же кое-что проверил. Единственное, чего я не понимаю, как эти материалы попали к министру, минуя нас. А вы не догадываетесь случайно?

Самандар догадывался. С сосущим холодком в груди он понял, что ликвидатор добрался-таки до него, через эмиссара — министра внутренних дел, но добрался, умело организовав цепочку воздействия. Приходилось констатировать, что прогнозы Котова подтверждались. Реагировать на угрозу надо было раньше.

— Ясно, — кивнул Синельников с сочувствием. — Не догадываетесь. Хотя какое это имеет значение. Хочу предупредить, Вахид Тожиевич: здание окружено моими людьми. Я наслышан о ваших достижениях, вы мастер боя и все такое прочее, но лучше бы нам договориться без эксцессов. Сопротивляться будете? Демонстрировать... как это по-японски? Нэ-вадза[1]?

— Не буду. Но позвольте и мне дать вам совет. Ваш министр — очень плохой человек. Очень! Возможно, он даже не совсем человек.

— А кто же? — с иронией посмотрел на хозяина генерал.

— В скором будущем вы сами убедитесь в этом. Сторонитесь его, держитесь подальше и не спешите выполнять его приказы. А теперь идемте.

— Погодите. — Генерал потер лоб могучей ладонью. — Какой-то вы слишком спокойный, мне это не нравится. Но кое-что не нравится больше. Есть одна закавыка в этом деле, которая меня сильно смущает. Министр поставил задачу... ликвидировать вас при задержании, так сказать, при попытке сопротивления и бегства. И я до сих пор ломаю голову — почему? Чем вы ему так насолили?

— Не ломайте голову, Александр Викторович. Все очень просто. Вы ведь знаете о существовании «К-реестра», посланного «чистилищем» в сети МВД и ФСБ?

— Я его читал. Там нет фамилии Дятлова.

— Зато есть **другие** фамилии: вице-премьеров, чиновников из администрации президента, депутатов... самого премьер-министра... Этого достаточно, чтобы вынести смертный приговор кому угодно. А я всего лишь президент Международного центра боевых искусств.

— Шарман, — пробормотал Синельников. — Вы замахнулись на таких деятелей, что подумать — и то страшно!

— Поверьте мне, генерал, есть более влиятельные люди в

[1] Нэ-вадза — приемы борьбы из положения лежа.

нашем отечестве, и вот их-то опасаться стоит больше. Разрешите все-таки мне позвонить.

— Без церемоний. Откуда у вас убеждение, что министр — «очень плохой человек»?

— А разве хороший человек даст приказ уничтожить подозреваемого при попытке к бегству?

Синельников не нашелся, что ответить.

Самандар набрал номер Котовых.

— За мной пришли.

— Кто? — коротко осведомился Василий.

— МУР, по приказу Дятлова.

— Уйти можешь?

— Пока могу.

— Ребята Вени Соколова неподалеку, они подстрахуют, если что.

— Хорошо. — Самандар положил трубку. — Я готов.

— А кому это вы звонили, если не секрет? Комиссару, Котову? Он второй в моем списке.

Вахид Тожиевич внимательно оглядел широкое сильное лицо генерала, заглянул в его глаза с хитринкой, снова набрал тот же номер и сказал всего одно слово:

— О-эру[1].

На языке «чистильщиков» это означало немедленную остановку всех операций, смену квартир и явок и «нырок на дно», то есть свертку всей системы жизнедеятельности организации.

— Вы на что-то надеетесь, — полувопросительно сказал Синельников.

— На счастливый случай, — позволил себе улыбнуться Самандар.

Генерал с сомнением посмотрел на его непроницаемое лицо, перевел взгляд на стену с циновкой над столом.

— Все не решаюсь спросить: что это за крест? Иероглиф? Символ?

— Хэ Ту, — сказал Самандар. — Графическое изображение китайского варианта магического креста.

— И что оно обозначает?

— Базовое понятие основы Мироздания. Символ Знаний Бездн.

---

[1] О - э р у — кончать *(яп.)*.

— Чего? Каких знаний?

Самандар знал, что генерал не примет его объяснений, и промолчал. Синельников еще некоторое время поразглядывал крест, хмыкнул и повернулся к двери.

— Пойдемте, Вахид Тожиевич.

— А как вы намереваетесь выполнять приказ министра? — спросил Самандар, не двигаясь с места.

— Никак, — не обернулся генерал.

— Совет не забыли?

— У меня хорошая память.

Они вышли из кабинета.

— Отбой варианту «зеро», — буркнул Синельников. — Он поедет со мной.

— Но у нас приказ ми... — заикнулся было худосочный начальник оперативно-розыскной бригады полковник Агапов.

— Отбой, я сказал! — Синельников прошествовал через приемную, как дредноут, поднимая «волну» суеты среди «кораблей сопровождения». Агапов бросил на Самандара странный вороватый взгляд, и Вахид Тожиевич смекнул, что у зама начальника МУРа могут быть с в о и соображения и расчеты по поводу приказа министра. Поэтому он не дал отбоя своим телохранителям, как намеревался, а показал Шохору и появившемуся в приемной Баканову согнутый указательный палец, что означало: будьте наготове и следуйте за мной.

В таком порядке они и вышли из здания МИЦБИ: впереди Синельников, за ним Самандар, потом Агапов с девицей и двумя джентльменами сопровождения и последними телохранители Вахида Тожиевича, рассредоточиваясь на ходу.

Действовать люди Агапова, с которыми он перемолвился парой фраз, начали, когда процессия подошла к стоянке автомашин: якобы выполняя охранные мероприятия, джентльмены отстали и остановили ребят Шохора, явно предполагая вызвать их ответные действия.

Агапов просчитал все верно: стычка работников двух профессионально-военных контор была неизбежна, а в перестрелке должен был погибнуть и объект задержания. Но и Самандар умел мгновенно анализировать ситуацию, и шеф его охраны Баканов, и кое-кто еще, кого Агапов в расчет не брал, потому что не знал, с кем имеет дело. Поэтому события начали развиваться сразу в нескольких планах одновременно и совсем не так, как предполагали разработчики операции.

Глава 29

ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ

— Возьми меня с собой, — сказал Стас.

— Нет! — отрезал Василий, сбрасывая футболку и накидывая голубой джинсовый жилет с кармашками, в которых прятались метательные иглы и звезды. Звонок Самандара, в общем-то, не застал его врасплох. Подспудно он ждал каких-то действий ликвидатора, надеясь засечь начало подготовки к операции уничтожения, но все казалось, что время еще есть.

— Я не помешаю, — в спину уходящему учителю сказал Стас. — Сам же говорил: пора подключать меня к оперативной работе команды.

Василий снова хотел ответить отказом, но, оглянувшись, встретил обиженно-умоляющий взгляд ученика и передумал.

— Держись в кильватере. Будешь делать только то, что я скажу.

Обрадованный Стас переоделся в мгновение ока, догнал дядю уже во дворе с длинным свертком, в котором лежал в ножнах синкэн-гата.

— Вот, взял на всякий случай.

Василий промолчал, садясь за руль «Фиата». Он уже связался с Веней Соколовым и примерно представлял расстановку сил. Обнадеживало то, что за Самандаром пришли не киллеры Дятлова, а оперативники МУРа во главе с его начальником. Если Синельников не зомбирован, шанс у Вахида освободиться есть, надо лишь подгадать момент.

К зданию МИЦБИ они подъехали через двадцать минут после звонка Самандара, побив все рекорды нарушений правил дорожного движения, и успели вовремя, чтобы увидеть начало операции полковника Агапова. Именно он был запрограммирован ликвидатором, как впоследствии оказалось, терять ему было нечего.

Здесь уместно будет описать общую диспозицию сил двух спецслужб: Московского уголовного розыска и «чистилища». Последнее вполне можно было называть спецслужбой, пользующейся теми же методами, что и официальные государственные спецслужбы, разве что более высокоорганизованной.

Международный исследовательский центр боевых искусств располагал четырьмя собственными зданиями возле

речного порта в районе Нагатинской поймы: пятиэтажным административно-учебным корпусом, трехэтажным научно-исследовательским и двумя спортзалами, образующими своеобразный городок на берегу Москвы-реки. Административно-учебный корпус выходил фасадом на Проектируемый проезд (сколько себя помнили работники центра, они не переставали удивляться «фантазии» чиновников, давших проезду такое название, хотя в столице можно найти и более шизофренические) и был отгорожен от него декоративной металлической решеткой с воротами и калиткой для прохода на территорию центра. Напротив здания проезд расширялся и превращался в автостоянку, окруженную с двух сторон тополино-березовой рощицей; с третьей стороны к автостоянке примыкали низкие корпуса какого-то склада и хоздвор порта, но вида не портили, были скрыты деревьями. Жилые дома начинались от этого места метрах в семидесяти — четыре пятиэтажки горбачевской постройки, унылые и безликие, как кирпичи. Вот и весь пейзаж. Реку и порт можно было увидеть лишь из окон пятого этажа административного корпуса, из кабинета директора они были не видны.

Оперативники МУРа в количестве двадцати пяти человек, вооруженные табельными «волками», оцепили здание администрации, перекрыли подъезд к нему и блокировали стоянку, довольно умело сворачивая порядки по мере отступления к машинам, но они предусмотрели далеко не все варианты развития событий, не перекрыли предполагаемые пути отхода задерживаемого объекта и не выяснили дислокацию наблюдателей и охраны центра, что впоследствии сказалось на результатах операции, начатой полковником Агаповым вопреки приказу начальника МУРа.

Первыми стартовали джентльмены, сопровождавшие Агапова, резко остановив парней Юры Шохора. Не получившие приказа повиноваться чужим, те отреагировали соответствующим образом: двое скрутили руки джентльменам (командиру и старшине взвода муровского спецназа), удерживая их на месте, двое их обошли, продолжая идти за Самандаром. Почти одновременно с этим эпизодом в дело вступили девица, выхватившая пистолет из сумочки, и сам полковник Агапов, сделавший то же самое и выстреливший идущему впереди директору МИЦБИ в спину. Но за долю секунды до этого момента Вахид Тожиевич ушел с линии огня, а снай-

пер команды Баканова, бывший диверсант из отряда «летучих мышей» ГРУ Паша Корнеев, спустил курок своего «винтореза».

Пуля, выпущенная Агаповым, попала Синельникову в мощную спину, защищенную, к счастью, бронежилетом. Пуля «винтореза» вышибла пистолет из руки Агапова, ломая ему пальцы.

Девицу обезвредил Юра Шохор, великолепный мастер боевого самбо, знавший толк в приемах «кратчайшего поражения». Он просто сломал руку девице ударом «лапа медведя», подхватывая пистолет и направляя его на полковника. Наступила томительная пауза, грозящая перейти в открытый огневой контакт двух противоборствующих сторон. Разрядил ее Синельников, рявкнув:

— Отставить стрельбу, вашу мать!

И в этот момент Самандар вошел в т е м п и выпал из поля зрения генерала и его сотрудников. Только Василий со Стасом, готовые вмешаться в любой момент, видели, как Вахид Тожиевич за несколько секунд промчался вдоль шеренги машин, обогнул серый барак склада и исчез за деревьями. Паника среди муровцев началась мгновением позже.

— Поехали, пока нас не заметили, — сказал Василий сам себе, сдавая «Фиат» задом и разворачиваясь.

— А как же Вахид Тожиевич? — спросил Стас, неотрывно глядя назад.

— Он сам нас найдет. Но, судя по всему, нам придется-таки уйти в подполье. Господин Дятлов в покое не оставит.

Машина выехала на Судостроительную улицу. Внезапно Василий почувствовал озноб и странное внутреннее беспокойство, глянул на Стаса и встретил его вопросительный взгляд. Притормозил, потом и вовсе остановился.

— Или я не прав, или одно из двух...

— Флюиды, — сказал Стас. — Кто-то висит над нами...

— Веня, — позвал Василий, включая рацию, — у нас веселое чувство, что за нами «хвост».

— В пределах видимости никого не наблюдаем, — отозвался командир мейдера. — Езжайте потихоньку, мы проконтролируем и предупредим, если что.

Машина снова покатилась вперед, к проспекту Андропова, миновала школу, церковь, ряд магазинов. Чувство нелов-

кости не проходило. Становилось ясно, что ведут не простые люди, а владеющие экстрасенсорикой.

— Вы правы, босс, — доложила рация. — Мы вычислили одну супертачку — «Линкольн-Таункар». Идет в километре как привязанная. Но это не наши коллеги из родственной конторы. Эсбэшники и милиция так не работают.

— Скорее всего это Рыков, — тихо сказал Стас.

Василий покачал головой.

— Ему незачем отслеживать нас лично. Мария у него, он знает, что мы сами к нему придем.

— Тогда кто это?

— Веня, попробуйте стряхнуть его, — сказал Василий. — Без стрельбы. Почувствуете что-нибудь — уходите.

— Что почувствуем?

— Ну, что-нибудь эдакое... — Вася поискал нужные слова, понимая, что Соколов не поймет объяснений, — необычное, странное, давление на психику, всякие видения, мистику, в общем.

— Понял, — после паузы ответил озадаченный Соколов.

Василий представил его лицо, усмехнулся. Вряд ли бывший капитан-«афганец» понимал на самом деле, о чем шла речь.

Через полчаса они пересекли центр у Манежа, и Веня доложил, что «Линкольн» цвета «мокрый асфальт» отстал. Но улучшить настроение Василия и Стаса это сообщение не могло.

Оба понимали, что кто-то *видит* их в ментальном плане и наблюдает издали, оценивая, как они себя ведут, как охраняются и подстраховываются. И еще падению настроения способствовал наезд на Самандара команды Дятлова. Пока он занимал пост министра, у «чистилища» не было возможности продолжать свою деятельность в прежних объемах.

— Что будем делать, дядь Вась? — негромко спросил Стас.

— Работать, — угрюмо и твердо проговорил Котов-старший. — Искать выход на Дятлова, вызволять Марию.

— Как?

— Соберем команду Посвященных: Юрьева, Грушина, самого координатора... Без их помощи не обойтись.

— Ты думаешь, они согласятся помочь?

— У них нет другого выхода.

— А я?

— Найдется и для тебя работа. — Василий похлопал Стаса по плечу и вылез из машины.

В квартире их ждал Вахид Тожиевич Самандар.

Глава 30

ПУТИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Сначала Василий позвонил Юрьеву.

Кардинал Союза Девяти сразу понял общую идею и согласился принять участие в акции против Рыкова, который не побоялся объявить ему войну похищением дочери.

— Но с Бабуу и остальными договаривайтесь сами, Василий Никифорович, — добавил он. — Без них или с ними, мы все равно пойдем к Герману за Машкой. Я уже предпринял кое-какие меры и пытаюсь определить, где он держит дочку. Сообщу, как только выясню.

Василий хотел было поделиться с ним своими планами на вечер, но передумал. Все зависело от участия в них других кардиналов Союза. Тогда он позвонил Бабуу-Сэнгэ.

— Да, я слышал о похищении, — ответил координатор, — и согласен помочь, но не уверен, что мне удастся уговорить Петра Адамовича и Виктора Викторовича.

— Попытайтесь, настоятель, — сказал Вася неласково. — От того, как успешно мы проведем операцию по спасению дочери Юрия Венедиктовича, будет зависеть и успех операции по гашению Дятлова.

— Я вам позвоню, — не стал оспаривать высказанный тезис Бабуу-Сэнгэ, выключая связь.

Василий посмотрел на часы: до назначенного Рыковым срока оставалось еще шесть часов с минутами, — оглянулся на Стаса, ходившего за ним по пятам, как ниточка за иголочкой, пересилил раздражение.

— Потренируйся с мечом, пока я буду работать с компом. А лучше собери свои вещи в сумку, сюда мы скорее всего не вернемся.

Стас молча вышел из спальни. Василий сочувственно посмотрел ему вслед: парень маялся от бездействия, но изредка подавал дельные идеи, голова у него работала. Так, идея — отвлечь Рыкова с помощью Бабуу-Сэнгэ, а самим в это время

напасть на схрон, где кардинал прячет Марию, — была его. Оставалось только определить координаты этого схрона.

Размышляя над этим, Василий включил компьютер и вдруг ощутил такое липко-холодное прикосновение к голове «мерзкой лягушачьей лапы», такой пронизывающий все тело ветер, что в ужасе зашлось сердце. Уже понимая, что компьютер получил «душу», то есть проекцию какого-то многореального существа — иерарха, а то и Монарха Тьмы, Василий попытался выключить его, но руки не повиновались, тело оказалось парализованным, а в голову явственно начала вливаться чужая, ломающая психику и волю, сила.

На мгновение яростным всплеском воли он отбил ментальную атаку, заставил агрессора, сидящего в цепях компьютера, отступить в удивлении, но силы были слишком неравными, Василий снова начал тонуть в страшном водопаде чужой, невыразимо холодной, равнодушной и смертельно опасной воли.

«Кто ты?!» — мысленно вскрикнул он и получил ответ:

«Тот, кого вы назвали ликвидатором: Истребитель Закона. Мне нужен исполнитель. Ты подходишь. Не сопротивляйся».

«Пошел ты!..»

«Я не могу никуда пойти, — педантично заметил сидящий в компьютере. — Ты мне мешаешь, не дергайся, иначе я выжгу тебе сознание».

Василию удалось перепрыгнуть на другую частоту психического состояния и задержаться на поверхности сознания.

«Зачем ты уничтожаешь Посвященных Круга? Кто тебя послал?»

«Круг должен быть реорганизован, он перестал выполнять свои изначальные функции коллективного хранителя знаний. Вопрос: кто меня послал, — некорректен. В этой реальности будет один господин — я!»

«Значит, ты решил сам стать регулятором реальности? Не много ли на себя берешь, Истребитель? Твоя самодеятельность может не понравиться хозяину, Монарху».

«Аморф Конкере не мой хозяин. И я сам хозяин своей воли».

«Ну, так вот: я тоже!»

«Ты слишком слаб, человек, чтобы бороться со мной на равных. Я победил Сход Круга, и теперь закон — это я! Если

я уничтожу Хранителей, реальность обретет одного-единственного покровителя и корректора».

«Если бы у бабушки был член, она бы дедушкой была!» — презрительно бросил Василий.

«Бабушка, как особа женского пола, не может стать особой мужского пола, — не понял насмешки Истребитель. — Итак, что ты выбираешь, идущий? Путь подчинения или путь небытия?»

«Пошел ты!..»— снова бросил Василий и, чувствуя, что сил сдерживать пси-натиск ликвидатора больше нет, простонал сквозь неповинующееся горло:

— Стас!

Котов появился в спальне с синкэн-гата в руке, словно ждал за дверью. Он тоже почувствовал колебания ментального поля и, встревоженный, уже шел к дяде спросить, что происходит. Одного взгляда ему оказалось достаточно, чтобы понять происходящее. И хотя внедрившийся в компьютер Истребитель попытался и его подчинить своей воле, остановить Стаса ему не удалось.

Прыжок, взмах меча, удар!

Чемодан процессора с визгом и треском разлетелся на тысячу льдисто сверкнувших осколков. Затем взорвался дисплей, высветив предварительно черный на алом фоне иероглиф матига-и[1].

Взрывная волна опрокинула стул вместе с Василием, истыкав его лицо осколками экрана. Стас не пострадал, защищенный силой синкэн-гата.

— Что это было? — спросил он, ошеломленный случившимся.

— Не что, а кто, — прохрипел Василий, повозился на полу, сел, потрогал окровавленное лицо. — Черт! Надо же, как не повезло.

— Черт?!

— Да нет, я имел в виду порезы... — Василий посмотрел на себя в зеркало, покачал головой и пошел в ванную комнату, где принялся вытаскивать из кожи стекла. — Это был ликвидатор.

— Ликвидатор?! Как это? — Стас объявился на пороге

[1]Матига-и — неудача *(яп.)*.

ванной со своим «штрих-мечом» в руке. — Как он нашел адрес нашего компа?

— Ему не надо искать адрес и взламывать пароли, он сам сидит в компьютерной сети. Именно поэтому мы не можем проникнуть в сети спецслужб.

— Не может быть!

Василий скривился, бледный до синевы. Закончил вытаскивать стеклянные занозы, поблагодарив Бога за то, что они не попали в глаза, смыл кровь и за минуту вылечил ранки, затянувшиеся чистой кожей. Посмотрел на ошеломленного Стаса, взгляд которого выдавал все, о чем он думает, улыбнулся.

— Такие вот пироги, студент. Хорошо, что ты вовремя его порубал. Если я прав, — а я уверен в этом, — ликвидатора уничтожить невозможно. Во всяком случае, я не вижу способа, с помощью которого можно нейтрализовать поле сознания, объединяющее все компьютерные сети Земли.

— Выключить компьютеры, — машинально посоветовал все еще не пришедший в себя Стас.

— Разве что. Только кто нам поверит и даст это сделать, мой друг? А без компов нам будет очень трудно реализовать замыслы.

— Ликвидатор — в сети! — дошло наконец до Стаса окончательно. — Контролирует все компьютерные базы! Кошмар! Он же везде!

Василий кивнул. Подумав, сунул голову под холодную воду, вытерся полотенцем, уже не такой бледный, как минутой раньше.

— Ничего, прорвемся. Он пытался меня купить или сломать, но не смог, значит, не всесилен, как ему кажется, и невероятно тщеславен! В этом наш шанс: тщеславные личности, как правило, чаще других совершают ошибки.

— Но ведь Бабуу... координатор Союза... уверяет, что ликвидатор — министр внутренних дел.

— Дятлов — эмиссар ликвидатора, это было ясно и до того. А вот зачем координатору скармливать нам ложную информацию, надо подумать. Как говорят в армии: голова у солдата, чтобы думать, а мозги — чтобы соображать. Будем соображать.

Стас несмело улыбнулся.

В прихожей заиграл на три ноты входной звонок. Котовы переглянулись, Василий прислушался к себе и пошел открывать. Пришел Самандар.

* * *

Бабуу-Сэнгэ тоже достаточно сильно зависел от компьютерных сетей и связей, позволяющих ему контролировать исполнение решений Союза. Отсечение от них, произведенное ликвидатором, сильно ограничило его возможности и оперативный простор, но все же, обладая паранормальными способностями, он имел возможность контактировать с кардиналами и коллегами из других стран без риска прямого перехвата разговора. Если с Юрьевым ему удалось поговорить по обычному, хотя и хорошо защищенному «скремблированному» телефону, то Грушина и Мурашова он «достал» только по каналу ментальной связи.

Петр Адамович Грушин был самым молодым кардиналом и самым горячим. Десять лет назад он предпринял «хождение во власть», то есть создал первый российский прецедент, став премьер-министром. Однако кресло премьера оказалось слишком беспокойным и не столь удобным, как представлялось молодому кардиналу, и, проработав на этом посту три года и не достигнув особых успехов в деле регуляции социума, Петр Адамович снова ушел «в тень» — перебрался в свое старое кресло директора Национального банка, не столь внушительное со стороны, но зато не менее влиятельное.

На предложение Бабуу-Сэнгэ «слегка окоротить» Рыкова он согласился сразу, так как и его беспокоили растущие аппетиты коллеги, замахнувшегося на абсолютную власть в стране. А вот Виктор Викторович Мурашов, бессменный секретарь Совета безопасности на протяжении многих лет, был более осторожен.

«Прежде чем сражаться с Германом, — сказал он, — следовало бы разобраться с ликвидатором. А то мы только ослабляем себя внутренними разборками, вместо того, чтобы консолидироваться. У вас не появилось дополнительной информации по Истребителю?»

«Дополнительной нет, — терпеливо сказал Бабуу-Сэнгэ. — Я знаю то же, что и вы: Истребитель Закона, то есть ликвидатор Круга, — есть носитель чьей-то высшей, нечелове-

ческой справедливости и морали, программа которого в силу конфликта между иерархами претерпела необратимые изменения, в результате чего он стал уничтожать без разбора всех Посвященных».

«Я тоже считаю, что произошел спонтанный дрейф Закона, который олицетворяет собой Истребитель, но нам от этого не легче. Если мы начнем воевать друг с другом, как иерархи, мы погибнем. Прав был предок: история ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков[1]. Кстати, почему бы вам не посоветоваться с иерархом, авешей которого вы числитесь?»

«Иерархам не до нас, вы же знаете. И даже архонты не в курсе того, что происходит в нашей реальности. Но я, конечно же, просил помощи экзарха...»

«И?..»

«Он отказал под очень смешным предлогом: борьба с Истребителем — наше внутреннее дело, и если мы не справимся — нам нечего делать в «розе».

«Может быть, он прав?»

«Он прав».

Мурашов помолчал.

«Хорошо, я подумаю. Но после того, что он сделал, Герман вряд ли согласится выслушать нас, он очень изменился и вырос, но самое плохое, что он опирается на свой собственный эгрегор Сверхсистемы».

«Я буду ждать вашего ответа, Виктор Викторович. Если мы не поможем «чистилищу» сейчас, оно не сможет защитить нас в борьбе с ликвидатором».

Канал парасвязи между кардиналом и координатором Союза истончился, растаял. Бабуу-Сэнгэ, сидящий на полу в своем номере гостиницы в позе лотоса, подмасане, подумал, сменил позу на тадасану, позу горы, и вызвал Рыкова.

* * *

Герман Довлатович обедал в ресторане «Пекин», когда почувствовал вызов по каналу ментальной связи. Сначала хотел заблокировать канал и не отвечать, потом передумал. Искал его Бабуу-Сэнгэ.

---

[1]Василий Ключевский.

Мысленный разговор их длился не больше полминуты, потом Герман Довлатович допил облепиховый сок, вытер пальцы салфеткой и вызвал по рации командира своего манипула:

— Маршрут номер один.

Это означало, что едет он к себе в офис, располагающийся на семнадцатом этаже здания банка «Северо-Запад» на Сенной площади. В кабинете, накрытом «колпаком непроницаемости», он включил телесистему, позволяющую следить за всеми помещениями семнадцатого этажа, с минуту наблюдал за одним из них, на полу которого лежала девушка, потом выключил монитор и набрал личный секретный номер мобильного телефона министра МВД. Дятлов ответил почти сразу:

— На связи. Кто это?

— Это Рыков, — ответил Герман Довлатович. — Я знаю, кто вы, Артур Емельянович, и предлагаю сотрудничество.

— И кто я? — хмыкнул министр.

— Эмиссар ликвидатора.

Долгое молчание в трубке. Рыков понимающе усмехнулся: министр выяснял, откуда он звонит. Но это была линия криптофона, определить абонента которой, да еще защищенного «печатью отталкивания», было невозможно.

— В чем будет заключаться наше сотрудничество?

— Я помогаю вам ликвидировать Союз, вы гарантируете мне кресло своего заместителя. Я имею в виду — не милицейского. Вдвоем регулировать социум страны будет легче.

Молчание. Ледяной сквознячок из трубки телефона.

— Допустим, я соглашусь. Что вы предлагаете конкретно?

— Через три часа я должен встретиться с координатором Союза Бабуу-Сэнгэ. Мы можем его... погасить.

— Где назначена встреча?

— На «Лосином острове».

— Это не ловушка?

— Нет. Мы оба знаем свои возможности, Артур Емельянович, нет смысла играть в кошки-мышки.

— Берегитесь, Герман Довлатович! Если ваша информация не подтвердится... Вы сделали свой выбор.

Рыков бледно улыбнулся, выключил телефон и включил компьютер. На черном фоне экрана медленно разгорелся алый паучок — иероглиф цюань, код вызова Конкере. В ка-

бинете похолодало, а во всем здании работающие люди вздрогнули и с беспокойством переглянулись. Ментальная волна темного влияния — эффект выхода Монарха в реальность — рождала у каждого человека чувство слепого страха.

Впрочем, они оба — Рыков и Монарх — несли в себе ужас. Только один ему служил, а второй им повелевал.

Глава 31

АТАКА ЛИКВИДАТОРА

Встреча Посвященных уровня кардиналов Союза — это взаимодействие достаточно крупных боевых подразделений, способных оперативно решать проблемы подзащитных объектов, это взаимодействие мобильных армий и обеспечивающих их частей — наблюдателей, аналитиков, экспертов, техников, инженеров. «Армия» Бабуу-Сэнгэ насчитывала более сотни человек — кроме того, что он сам представлял собой паранормальную «систему» контроля, анализа и выработки решений на основе внечувственных восприятий и магического оперирования.

«Армии» Грушина и Мурашова были поскромней, умещаясь в три десятка человек. Юрьева сопровождало и того меньше — полтора десятка человек. Сколь велико войско маршала СС Рыкова, никто не знал, но все чувствовали: Герман Довлатович собрал под своими знаменами тысячи.

Первыми к месту рандеву в Природный национальный парк «Лосиный остров» прибыли люди Бабуу-Сэнгэ. Они обследовали территорию парка, заняли места согласно оптимальному варианту защиты босса и стали ждать появления действующих лиц. С минутной разницей к парку стянулись манипулы Грушина и Мурашова. На некоторое время «Лосиный остров» превратился в сверхохраняемую зону, контролируемую сотней хорошо вооруженных людей, замаскированных под гуляющих, обнимающихся, пьющих пиво и безалкогольные напитки граждан. Потянулись долгие минуты ожидания команды Рыкова, которая по данным наблюдателей координатора начала движение к «Лосиному острову» с разных концов города. К четырем часам пополудни прибыла и она. Затем на территории парка, на Абрамцевской просеке, появились сами кардиналы в сопровождении кру-

тых парней, готовых ради своих хозяев пройти огни, воды и минные поля; все телохранители были зомбированы и смерти не боялись.

Рыков подъехал позже всех со свитой всего из двух человек, выражением лиц напоминающих роботов. Чувствуя на себе взгляды по крайней мере двух десятков наблюдателей, своих и чужих, он оставил телохранителей возле машины и направился к мостику через ручей, где молча стояли бывшие коллеги кардинала по Союзу Неизвестных, накрытые «колпаком невидимости». Со стороны их нельзя было ни услышать, ни увидеть нормальному человеку.

Не доходя метров десяти, Герман Довлатович остановился, разглядывая каждого по очереди, словно желая убедиться, те ли это люди. Приветствовать их он не стал.

Первым заговорил Грушин:

— Герман, это правда, что ты захватил дочь Юрия Венедиктовича? Что за шутки?

— Это не шутки, — растянул бледные губы в холодной усмешке Рыков. — Она знает то, что хочу знать я, а иного способа получить информацию не существует.

— Что же она знает?

— Она дружит с учеником Посвященного I ступени Стасом Котовым. Сам же Посвященный, Василий Котов, как вам, должно быть, известно, каким-то ухищрением получил тхабс. Мне он нужен тоже. И еще у меня есть подозрение, что во время своего последнего похода в «розу» Котов и Мария нашли там одну из Великих Вещей Мира.

Кардиналы переглянулись.

— Что за Вещь? — недоверчиво проговорил Мурашов.

— Это я и хочу выяснить. Если Котов согласится на обмен, я отпущу девушку. Не мешайте мне.

— А если он не согласится?

Рыков посмотрел на спокойного с виду Юрьева.

— Ничего личного, Юрий Венедиктович. Я только соблюдаю закон интеллектуальной чистоты. У меня есть заложник, у вас — возможность его выручить путем обмена.

— А если мы тебя сейчас... — начал дрожащим от ярости голосом Грушин.

— Вы ничего не сможете сделать, — снова показал свою специфическую улыбку маршал СС. — Во-первых, парк окружен моими людьми, число которых — легион. Во-вторых,

подразделения ОМОНа, руководимые лично министром МВД, готовы десантироваться в район парка по первому сигналу. В-третьих, у меня имеются и другие могущественные союзники. Вам со мной не совладать. Давайте говорить о деле.

— Ты... связался... с ликвидатором?! — с изумлением и ненавистью пробормотал Грушин.

— Вы обречены... если не присоединитесь ко мне.

— Он не блефует, — повернул Юрьев голову к Бабуу-Сэнгэ. — Не удивлюсь, если к нему кто-то подселен.

— Я предполагал нечто подобное, — ответил координатор. — Ваши люди готовы? Придется переходить сразу на третий вариант.

— Согласен.

— Эй, мудрецы. — В глазах Рыкова, наполненных черной силой, мелькнуло беспокойство. На лицах кардиналов и координатора, а также в их ауре он не заметил ни страха, ни колебаний, лишь Грушин демонстрировал эмоции открыто. — Вы, наверное, не поняли? Если мы не договоримся, отсюда вы уже не уйдете.

— Мы не договоримся, — покачал головой Мурашов.

И в то же мгновение Грушин бросился на Рыкова.

Одно мгновение казалось, что Петр Адамович достанет замешкавшегося на миг, не ожидавшего атаки в физическом плане маршала СС. Но, во-первых, Грушин не был мастером боя и вряд ли смог бы справиться с Германом Довлатовичем, прилично владеющим самбо. Во-вторых, телохранители Рыкова, с которыми он прибыл на рандеву, не прозевали бросок Петра Адамовича и с расстояния в полсотни метров открыли огонь из «волков» с оптическими прицелами. Правда, они тут же были убиты бдительной охраной кардиналов, но дело свое сделали — поразили Петра Адамовича в ногу и в шею. А затем и Рыков выстрелил в коллегу, но не из пистолета, а из «глушака», добавив для верности ментальный раппорт Силы Эл, превративший Грушина в «соляную» статую.

На мгновение движение прекратилось. Тройка бывших коллег Рыкова смотрела на него в замешательстве, хотя уже и понимала, что он начал войну не от отчаяния, а уверенный в своих силах. Рыков же, переполненный какой-то бурлящей, как гейзер, темной энергией, смотрел на них с превосходством и презрением.

— Герман, ты делаешь величайшую ошибку в своей жизни, — сказал понявший раньше всех, в чем дело, Юрьев. — Остановись, пока не поздно, верни Машку, и мы сможем начать все сначала. Если страной, полной дураков и больных людей, еще кое-как можно управлять, то зомбированной страной — нельзя! В скором времени начнется психический коллапс, а за ним физическое вырождение. Ты должен это знать.

— Может быть, именно этого я и добиваюсь, — оскалился Рыков, и тотчас же сила, клокотавшая в нем, выплеснулась на кардиналов.

Это был удар Сил Элохим Гибор, что говорило о прямой связи Рыкова с Монархом Тьмы. Кардиналы с трудом погасили его, так как Грушин уже практически выбыл из борьбы и не мог им помочь, и ответили тем же, помутив сознание всех, кто находился в радиусе нескольких километров. После этого началась всеобщая пальба, и охранники прибывших Посвященных принялись уничтожать друг друга, уже не заботясь об охраняемых ими лицах. Кардиналы же еще некоторое время сражались с авешей Монарха в ментальном пространстве, раскачивая в этом месте — локально — законы природы и обрушивая друг на друга потоки энергий, ломающих даже структуру физического мира «запрещенной реальности». Айки-канасибари[1], доступная кардиналам, достигла такой концентрации, что после того, как бой закончился, парк «Лосиный остров» стал неузнаваемым, превратился в з о н у п л ы в у щ е г о ландшафта, в болото.

Первым эту не видимую никем, кроме самих противоборствующих сторон, битву не выдержал сам ее инициатор, Рыков, хотя ему помогала проекция Монарха Тьмы, владеющая куда более мощным запасом пси-энергий. Сосредоточившись на Мурашове, Герман Довлатович заставил его заблокироваться, «закуклиться», что сразу сказалось на общей защите кардиналов, нанес по Юрьеву и Бабуу-Сэнгэ потрясающий основы психики удар (Юрьев потерял почти все уровни сознания, что было равносильно нокдауну, Бабуу-Сэнгэ отбил удар с помощью своего «нагрудника справедливости») и начал отступление, недоумевая, когда же в действие вступит ликвидатор.

На мгновение бой людей Круга прекратился (бой между

[1]А й к и - к а н а с и б а р и — сила мысли, направленная на цель воля.

их слугами продолжался), Рыков, пригнувшись, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, пристально смотрел на своих врагов, похожий на злобное хищное животное, впервые показав свой внутренний облик. Вероятно, не вмешайся ликвидатор, его можно было бы и уничтожить на пределе тех энергий, которыми владел координатор, опирающийся на талисман и силы экзарха — иерарха, поддерживающего его в земной реальности. Однако в этот момент со всех сторон по периметру парка заревели милицейские мегафоны: «Прекратить огонь! Сложить оружие! Сдавайтесь! Иначе будете уничтожены!» — и Рыков оскалился в торжествующей усмешке: прибыл Истребитель Закона.

«Уходим!» — позвал всех Бабуу-Сэнгэ, предусмотревший этот вариант событий.

Сосредоточив потоки своих Сил на кинжальном пси-выпаде, кардиналы вынудили Рыкова отступить, а сами бросились за координатором, поспешившим перебраться через ручей и углубиться в лес, к линии электропередачи. Рыков не стал их преследовать, уверенный, что от ликвидатора, то есть от армии Дятлова, им не уйти, лишь с особым удовольствием добил стоявшего столбом Грушина. Кардиналы же, выбежав на просеку, обнаружили у опоры линии электропередачи камовский вертолет аварийной службы, охраняемый крепкими молодцами в желто-оранжевых робах.

Ни слова им не говоря, Бабуу-Сэнгэ проворно полез в кабину, подождал Юрьева и Мурашова, и вертолет тотчас же взлетел. Панорама «Лосиного острова», превращенного в поле битвы, легла под машиной как на ладони. Стрельба еще продолжалась, кое-какие сооружения на территории парка горели, стали видны машины милиции и ОМОНа, оцепившие парк, но все это быстро сдвинулось назад и вниз, вертолет рванул на север, подальше от города. Он сделал резкий вираж, потом еще один. Снизу по нему дважды выстрелили из переносного зенитно-ракетного комплекса «игла-М», но пилот был асом, а об опасности его предупредил Бабуу-Сэнгэ прямой пси-передачей, и сбить вертолет неведомому стрелку не удалось. Хотя расчет Дятлова был верен: он был готов и к этому варианту бегства своих подопечных.

— Значит, Герман теперь в связке с ликвидатором? — тоном утверждения спросил Мурашов.

Юрьев и Бабуу-Сэнгэ промолчали.

— Жаль беднягу Петра Адамовича...

Снова молчание.

— И что мы будем делать теперь? — Мурашов в некоторой растерянности посмотрел на невозмутимых коллег.

— Мы — ничего, — коротко ответил координатор.

— Теперь очередь «чистилища», — пояснил наконец Юрьев. — Мы натравили на эмиссара ликвидатора «чистильщиков», и они взялись его нейтрализовать.

— Но это же не решает проблемы самого ликвидатора.

Юрьев, скривив губы, посмотрел на бледное, потерявшее прежний лоск и барскую важность, породистое лицо Виктора Викторовича.

— Конечно, не решает. Но у комиссаров «чистилища» есть тхабс, и они могут помочь нам покинуть реальность, ставшую весьма неуютной. На время, естественно. Потом, когда все утихнет, мы вернемся.

— Ты уверен, что комиссары захотят нам помочь?

— Не захотят — заставим, — бросил Бабуу-Сэнгэ.

Никогда не слышавшие, чтобы координатор говорил в таком тоне, кардиналы бывшего Союза Девяти посмотрели на него, сидевшего с полузакрытыми глазами и державшегося двумя руками за квадрат талисмана. И обоим стало ясно, что Бабуу-Сэнгэ напуган и хочет жить. Что он — просто очень старый человек.

Глава 32

ОСВОБОЖДЕНИЕ МАРИИ

Мнение Рыкова о своих возможностях несколько расходилось с действительностью. Несмотря на все его ухищрения, Василию с помощью Самандара, Юрьева и Бабуу-Сэнгэ (еще до их похода на «Лосиный остров») удалось установить местонахождение Марии.

Сначала они искали ее по базам Германа Довлатовича в Домодедове, Крылатском, Шереметьеве и в районе Курского вокзала, потом по всем известным «чистилищу» владениям маршала СС — дачам, квартирам, частным домам. Мария оказалась упрятанной в здании банка «Северо-Запад» на Сенной площади, на семнадцатом этаже которого Рыковым был оборудован центр управления СС, имеющий криптосистему

защиты и самоликвидации по классу «элит» с новейшей электронной аудио- и видеоаппаратурой, техникой маскировки типа «хамелеон», скрытые артерии передвижения и хитроумные ловушки. Плюс «печать отталкивания», подпитываемая пси-энергией на уровне Силы Элохим Цабоат; эту печать помогал устанавливать Рыкову Монарх. И все же, несмотря на это, компания смогла определить схрон Рыкова и теперь была готова к штурму здания. На штурм они отводили себе всего час времени — с момента встречи маршала СС в парке «Лосиный остров» со своими коллегами.

Отсчет операции начался ровно в шестнадцать часов, когда наблюдатели Соколова сообщили о прибытии Рыкова в парк. Именно в это время из окон пятнадцатого этажа здания банка повалил густой серый дым. Тотчас же прохожие у здания начали кричать: пожар! По всему зданию заверещали звонки пожарной тревоги. Спустя минуту к месту происшествия прибыл наряд милиции и начал командовать охраной здания, выводить людей, предотвращая панику. Еще через три минуты на Сенную площадь примчались пожарные машины и микроавтобус ОМОНа. Началась стандартная с виду работа оперативной бригады пожарников и взаимодействующих с ними омоновцев по тушению пожара; пятнадцатый этаж здания, где находились хозяйственные службы банка и других фирм, был уже весь в дыму, а кое-где из лопнувших окон вырывались языки огня; специалисты по диверсиям Вени Соколова сработали быстро и качественно.

Пока настоящие пожарники раскатывали рукава брандспойтов, вытягивали стрелы лестниц на сорокапятиметровую высоту и готовили десант, «пожарники» Соколова во главе с Котовым и Самандаром уже проникли в зону пожара и пошли выше, на шестнадцатый и семнадцатый этажи.

Здесь их встретили охранники Рыкова из бригады ОСС, не терявшие хладнокровия ни при каких обстоятельствах. Все они были, конечно, зомбированы Германом Довлатовичем и не боялись никого и ничего, в том числе и смерти.

Крики «пожарников»: «Горим! Начинайте эвакуацию!» — на них не подействовали, но бдительность притупили. Они никак не ожидали нападения, получив сообщение о настоящем пожаре двумя этажами ниже, поэтому и сопротивления практически не оказали. Двое из этих крупнотелых экземпляров, стерегущие вход с лестницы на этаж, были убиты сра-

зу, третий — у бронированной двери — успел ее заблокировать и дать сигнал тревоги, прежде чем получил пулю в лоб от идущего впереди Самандара.

— Взрываем? — остановился у внушающей уважение двери Вахид Тожиевич, не приближаясь к ней, однако, ближе чем на два метра: дальше начиналась зона отражения атаки, состоящая из электрического контура и лазерной линии, которая при включении создавала плазменный шнур, опоясывающий дверь. Кроме того, в стены лестничной клетки были вделаны газовые карманы и скрытая амбразура с пулеметом, говорящие, что защищаться маршал СС был настроен с размахом.

— Юра!

Из-за спин Котовых вперед с готовностью шагнул «пожарник» Шохор с гранатометом, но Василий остановил его.

— Эту дверь гранатой не возьмешь, ее надо проходить иначе. Нейтрализуйте зону.

Двое оперативников Шохора ловко метнули вперед металлические рамки миноискателей, система защиты сработала, появился светящийся оранжевый шнур-луч лазера, и тотчас же с шипением в отверстия в стене, откуда начинался и куда уходил луч, ударили струи пены. Луч погас. Пена залила пол площадки, мгновенно затвердела, создавая толстый изоляционный слой, который и нейтрализовал электрическое поле защитного контура.

— Бей! — подтолкнул вперед Стаса Василий.

Стас шагнул к двери и дважды полоснул по ней синкэнгата. Дверь из стального листа толщиной в десять сантиметров, покрытая досками из граба, выгнулась внутрь пузырем и с визгом лопнула, как мыльный пузырь! Ни сталь, ни магическая печать Рыкова не выдержали удара Великой Вещи Инсектов, которая называлась «устранителем препятствий» или «нейтрализатором высших непреодолимостей».

Ошеломление защитников центра управления СС, по правде сказать — не главного, главным штабом Сверхсистемы давно стал «Белый дом», — трудно было описать. Даже готовые ко всему зомбированные охранники и дежурные замерли, открыв рты, когда их цитадель оказалась вскрытой, как консервная банка. И этого замешательства бойцам «чистилища» было достаточно, чтобы ворваться внутрь охраняемой зоны и начать ее чистку от всех, кто оказывал сопротивление.

Василий, Стас и Вахид Тожиевич шли во втором эшелоне, «принюхиваясь» к местному пси-фону. Они должны были определить, в каком из помещений спрятана Мария. Однако бой вокруг бушевал нешуточный, защитники рыковского центра дрались яростно и сдаваться не хотели, вооруженные самым новейшим отечественным и зарубежным оружием от пистолетов «волк» и автоматов «никонов» до револьвер-гранатометов «идальго» и электроискровых разрядников «павиан», поэтому Котовым пришлось вмешаться в боевые действия, чтобы атака не захлебнулась. Времени у них до возвращения Рыкова оставалось все меньше.

Находясь в состоянии меоза, Василий и Самандар хорошо чувствовали «ветер смерти» и вовремя реагировали на появление новых защитников, выскакивающих неожиданно то слева, то справа, как чертики из табакерки. Видели они и ловушки вроде скрытых в стенах коридора ниш со спрятанными в них лазерами и пулеметами, а также падающие сверху плиты и баллоны с кислотой под высоким давлением. Один такой баллон сработал и пустил вдоль коридора тонкую ядовитую струю, едва не отрезав одному из «чистильщиков» руку и обрызгав четверых других; кислота мгновенно проела в их комбинезонах дыры и, попав на кожу, вызвала болезненные, долго не заживающие ожоги.

Коридором, пронизывающим этаж, команда Котова овладела за восемь минут, затем наступила очередь индивидуальных боев за каждое помещение, где укрылись работники центра. Так как определить по колебаниям ментального поля местонахождение девушки не удалось, Василий принял решение начать ее поиски с кабинета Рыкова. Он был уверен, что без команды Германа Довлатовича тюремщики Марии убивать ее не станут, а сам Рыков, судя по поступающим радиосообщениям, был в это время занят разборками с бывшими коллегами по Союзу Неизвестных.

Дверь в приемную маршала СС удара синкэн-гата не выдержала точно так же, как и входная на этаж, — разлетелась на странные «стеклянно-ледяные» осколки. Видимо, «штрихмеч» каким-то образом влиял на структуру препятствия, изменяя ее, превращая в молекулярные конгломераты, теряющие прочность. Ворвавшийся первым — нырком на пол — Василий получил пулю в ногу, но успел выстрелить в ответ, поразив одного из четырех защитников в лоб, а Самандар и

Стас успокоили остальных. Вахид Тожиевич двигался гораздо быстрее стрелков, а Стаса пули избегали — складывалось такое впечатление, хотя и он не отставал в скорости от своих учителей.

С помощью синкэн-гата они пробились и в кабинет Рыкова, закрытый мощным полем «печати отталкивания». Непроходимого для «устранителя препятствий», наверное, не существовало в принципе.

Интерьер кабинета маршала СС был супертехнологичен: ничего живого, даже ни одной деревянной детали, — пластик, хромированная сталь, керамика, стекло. Пока Василий и Вахид Тожиевич разбирались в аппаратуре кабинета, Стас обошел его кругом и вдруг уловил ощутимый рывок меча: синкэн-гата словно приглашал его следовать за собой. В тот же момент сработала и мусэй-дэнсин парня. Стас уловил тонкий, еле слышный, как ночной ветерок, ментальный зов: я-а-а з-з-д-е-е-е-с-с-сь...

Встрепенулись и Самандар с Василием, отметив пси-толчок, оглянулись на Стаса, но тот уже выбегал из кабинета, не отреагировав на возглас Котова-старшего:

— Ты куда?!

Синкэн-гата рванулся из руки, но Стас удержал его и косым ударом развалил дверь соседнего помещения с номером «666». Дверь задымилась, вспыхнула и с визгом лопнула, открывая взору небольшую кубическую комнату с металлическими стенами, полом и потолком. Посреди комнаты стояла стеклянная на вид колонна, внутри которой неподвижно застыла с поднятыми вверх руками Мария. Глаза ее были открыты, и плавились в них боль и страдание, так что было видно — держится она из последних сил.

Стас слепо шагнул вперед, поднимая меч, и был остановлен железной рукой Василия, буквально выдернувшего его назад.

— Не спеши! Это ловушка! Она стоит на мине!

— Но я не... — заикнулся обескураженный парень.

— Это магическая мина. — Василий оглянулся на подошедшего Самандара. — Сколько у нас будет времени?

— Секунды.

— Раппорт удержания... на пределе... может быть, успеем! Бей! — это уже Стасу. Сам же Василий, напрягаясь до

обморока, послал вперед волевой импульс сдерживания мины. То же самое сделал и Самандар. Дальнейшее произошло в течение долей секунды.

Стас без слов чиркнул мечом по «стеклянной» колонне, та с отвратительным хлюпающим звуком превратилась в дымную, потекшую к центру трубу, но Стас и Василий успели сунуть в нее руки и выдернуть девушку, прежде чем произошел двойной взрыв: сначала «дым» заклятия скачком стянулся в пронзительно засиявшую струну (если бы Мария оставалась внутри — была бы раздавлена!), затем волна отдачи ударила во все стороны и вышвырнула всех четверых в коридор.

Только теперь Стас понял, почему дверь в клетку с девушкой не охранялась.

Больше всех при этом досталось Марии, потерявшей сознание, однако она осталась жива, а это было главное. Операция по ее освобождению затевалась не напрасно. Но на этом она не закончилась. Хозяин кабинета и всего здания в целом успел вернуться, прежде чем «чистильщики» начали покидать здание. А вместе с ним к «Северо-Западу» прибыл на вертолете и лично министр МВД Дятлов, имея под рукой еще три вертолета с батальоном внутренних войск. И «чистильщики» вынуждены были снова вступить в бой с превосходящими силами противника, чтобы дать возможность комиссарам отступить и спасти ту, ради которой они рисковали жизнью.

Мейдер, ведомый Веней Соколовым, уже зарекомендовал себя в высшей степени профессиональным подразделением. Да и бойцы Баканова, работающие на Самандара, тоже свой хлеб ели не даром. Бывший генерал, мастер спецопераций и ликвидации террористических группировок, готовил их со знанием дела. Поэтому первая фаза боя, начавшаяся с десанта внутренних войск, была выиграна «чистильщиками» вчистую.

Два вертолета получили повреждения и были вынуждены сесть, третий загорелся и рухнул в Москву-реку, четвертый — с министром — был вынужден отвернуть и высадил Дятлова с его зомби-командой за квартал от площади.

Вторая фаза боя — атака внутренних войск тоже осталась за профессионалами Соколова и Баканова, которые вынудили солдат залечь на подступах к зданию банка, окруженному

пожарными машинами. Наступила третья фаза — позиционная перегруппировка сил, за которой должна была последовать новая атака на «чистильщиков», и, вполне вероятно, она захлебнулась бы, как и первая, но Василий не хотел кровопролития в отличие от эмиссара ликвидатора, не считавшегося с жертвами ради достижения поставленной цели, и дал приказ к отступлению и свертке операции. С прибытием Рыкова эта задача осложнялась, но и своих бойцов класть ради собственного спасения Василий не захотел. Отступление они начали двумя группами: Самандар, Стас и Мария, пришедшая в себя, но еще слабая, впереди; Василий, Юра Шохор и Веня Соколов — сзади.

У них было целых четыре варианта отступления: вниз — через подвалы здания и подземные коммуникации, вверх — на крышу и посадка в дежурный вертолет Рыкова, в окно — по лестнице-стреле пожарной машины и опять же вверх — на крышу, где бойцы Баканова уже готовы были развернуть дельтапланы. Избрали путь на крышу, несмотря на то, что Рыков, силы которого были удесятерены проекцией Монарха, уже посадил там свой второй вертолет и теперь спускался вниз, взбешенный неудачей в схватке с коллегами на «Лосином острове» и беспрецедентной наглостью «чистильщиков», посмевших напасть на его резиденцию.

Они встретились в центральном холле этажа, из которого начиналась стеклянная шахта с лестницей на крышу: Рыков-Монарх и команда Посвященных. Трех гигантов-телохранителей Германа Довлатовича в расчет можно было не брать. Они были закодированы и опасны, но только для обычных людей, и ими сразу же занялись Соколов и Шохор, отлично понимавшие свою задачу. Василий, Самандар и Стас, загородив спинами Марию, молча двинулись на маршала СС, показавшего вдруг не свойственную ему волчью усмешку. Он увидел синкэн-гата в руке Стаса и оценил силу противника, но пренебрег угрозой гибели и нанес удар первым.

Это был выпад Силы Элохим Гибор, противостоять которой в земной реальности не могло ни одно защитное поле, ни один физический закон. Даже стабильные элементарные частицы, такие, как электрон и протон, начинали распадаться на пары античастиц и аннигилировать, если обладатель Силы желал этого.

Зонтик защиты, поставленный Посвященными, Стасом и

частично Светладой, занятой восстановлением психики хозяйки — Марии, лопнул как воздушный шарик. В центре коридора, там, где стояли Котов и Самандар, образовался черный дымный эллипсоид, ощущаемый как жуткая, засасывающая в себя все и всех бездна. Эллипсоид стал расширяться и вращаться, выбрасывая изнутри рукава-спирали: это означало, что попавшие внутрь иномерного объема Посвященные продолжали бороться. Один рукав коснулся стены холла и превратил часть ее в полосу черного порошка. Шохор и Соколов, успевшие справиться с телохранителями Рыкова, попятились. Стас же, ощутив прилив ненависти, отмахнулся от еще одного рукава мечом, и тот как живой, дернувшись в сторону, втянулся в эллипсоид.

И в этот момент кто-то возник за спиной Рыкова, заставив его оглянуться. Это был Юрий Венедиктович Юрьев, отец Марии.

— Го-но сэн! — раздался его крик.

Стас, и без команды собиравшийся начать контратаку, вонзил в расширяющийся эллипсоид т ь м ы свой синкэн-гата. Одновременно с этим Юрьев нанес по сознанию кардинала мощный пси-удар, не позволивший тому поддержать расширение иномерности, и эллипсоид с воем распался на черные дымные вихрики и струйки, которые через мгновение испарились без следа. В центре образовавшегося в полу холла углубления стояли неузнаваемые, словно обгоревшие, в дымящихся лохмотьях, но живые Василий и Самандар.

Рыков, отбив нападение Юрьева, оглянулся на Посвященных, готовый к новой атаке, и тогда Стас прыгнул к нему, вытягиваясь в полете и устремляя вперед руку с мечом. Один миг казалось, что он достанет кардинала, но не достал. Рыков отпрыгнул назад не хуже кошки, даже зашипел сквозь оскаленные зубы. Ударил торопливо, в половину Силы Элохим Гибор, и снова отпрыгнул назад, не веря глазам, потому что пластинки-ромбы меча Стаса со свистом очертили вокруг его головы подобие колпака, отбили пси-нападение и вернулись на место, образуя силуэт странного штрих-меча.

— Синкэн-гата! — прошипел Рыков, как бы разговаривая сам с собой. — Мне надо было догадаться, что это «нейтрализатор».

Стас уже поднимался с пола, намереваясь повторить атаку, но был остановлен хриплым криком Юрьева:

— Бегите! Оставьте мне меч, я его задержу!

— Я сам! — твердо заявил Стас, наступая на Рыкова.

Василий, жестом отослав ошеломленных Шохора и Соколова, подхватил Марию под руку, Самандар под вторую, и они отступили к лестнице на крышу, продолжая изо всех сил отбиваться от ментального ливня, искривляющего перспективу, сбивающего с толку, сдавливающего голову. Рыкову пришел на помощь его эгрегор. Но сам он прекратил наступление на своих врагов, озадаченный новым открытием: синкэн-гата, «духовный меч» последнего Воина Закона справедливости, посетившего земную «запрещенную» реальность семьсот с лишним лет назад, слушался мальчишку! Не посвященного в Круг!

Юрьев, создавший вокруг себя призрачную фигуру дракона — ментальный слепок его сущности, стал отступать к Стасу, державшему синкэн-гата острием к Рыкову.

— Двигаем потихоньку... медленно... держи его сердечную чакру...

Стас сделал легкий укол-выпад в грудь кардинала, и хотя тот стоял в двадцати шагах от него — попятился, покрываясь сеточкой извивающихся злых зеленых молний.

— Вам не уйти! — сказал он глубоким басом, не похожим на обычный невыразительный голос Рыкова. — Артур перекрыл все возможные пути бегства.

— Дурак ты, Герман, — с холодной брезгливостью сказал Юрьев, — коль связался с ликвидатором. Предательство всегда каралось законами нашей реальности. Если тебя не уничтожит ликвидатор, то найдет инквизитор Круга... или Воин Закона справедливости.

— Воин — легенда, а Истребитель Закона — реален, и он на моей стороне.

— Он на своей стороне, в крайнем случае на стороне Монарха, путь которому в нашу реальность заказан, и даже ты, став его авешей, не в состоянии отменить законы, вмороженные в реальность Творцом. Прощай.

— Вам не уйти, — повторил Рыков-Монарх, но уже с меньшей уверенностью.

— А ты попробуй нас остановить.

Стас сделал еще один выпад в сторону маршала СС, заставив его отступить, и поднялся вслед за Юрьевым на кры-

шу здания, где уже раздались выстрелы: «чистильщики» Соколова, так и не бросившие своих командиров, открыли огонь по вертолетам Рыкова, затеявшим вокруг здания банка боевую карусель.

К счастью, вертолеты не были военными, типа «Черная акула» или «Крокодил», Дятлов не рассчитывал наносить по Москве ракетные удары, иначе действовал бы по-другому, поэтому он взял только многоцелевые «вертушки» «Ка-226», не имеющие вооружения. По приказу министра омоновцы открыли огонь из автоматов по крыше здания, однако нанести значительный урон «чистильщикам» не могли: пилоты были вынуждены лавировать, чтобы избежать ответного огня и попаданий. Если бы Василий отдал приказ применить гранатометы, вертолеты давно были бы сбиты. Но это была не война с фашистами или с моджахедами в Афганистане, и даже не война в Чечне, и «чистильщики» лишь огрызались точными очередями, распугивая «вертушки», пока Самандар, Василий, Стас, Мария и Юрьев садились в собственный вертолет Рыкова. Огонь прекратился, как только вертолет — новейший «Ка-42» «Мышь» — сорвался с крыши и улетел.

Догонять беглецов лично Рыков не стал, хотя сразу же после их бегства сел во второй вертолет. Он знал, куда могут полететь беглецы и где спрятаться, и решил перехватить их в этом месте. Уже в воздухе он связался с министром МВД, затеявшим было погоню за вертолетом с Посвященными в духе американских боевиков, и доложил ему свои соображения.

После этого два вертолета продолжили погоню, вынуждая беглецов петлять и лететь к цели по дуге, а оставшиеся пять повернули на северо-запад, в сторону Строгина.

Василий заметил этот маневр и, поняв его смысл, повернулся к остальным, чтобы посоветоваться. Самандар кивнул, не говоря ни слова: он тоже обо всем догадался. Стас и Мария, зажатые сиденьем и стенкой кабины, смотрели друг на друга, и лица у них были такие сияющие, что Василий вдруг ощутил боль утраты и свирепую тоску по той, которую любил по сей день. Так ничего и не сказав, он повернулся к пилоту и показал рукой, куда надо лететь.

Глава 33

ХРАНИТЕЛИ

Они очень редко собирались вместе. На памяти Матфея в последний раз апостольский Сход Хранителей собирался в тысяча девятьсот сорок первом году, когда решался вопрос спасения русских национальных святынь и памятников культуры от фашистского наступления. На сей раз причина Схода была весомей и серьезней: выживание Круга в связи с деятельностью ликвидатора.

Они могли провести Сход и без прямого контакта друг с другом, однако опять же из-за ликвидатора, потрясшего основы Круга, решили встретиться не в виртуальной реальности, а физически. Местом встречи стал Сергиев Посад, точнее, Троице-Сергиева лавра, на территории которой когда-то располагался эйнсоф — многомерное пересечение миров «розы реальностей». Десять лет назад непосвященный по имени Матвей Соболев каким-то неведомым способом (существовала гипотеза, что ему помог сам Монарх Тьмы!) смог инициировать эйнсоф и проделать инверсию личной временной линии, после чего эйнсоф исчез, перебрался в другое место. Эти объекты не поддавались ничьему контролю. Вполне возможно, что они представляли собой какие-то неведомые законы «запрещенной» реальности, свернутые до поры до времени Безусловно Первым для каких-то своих целей и дожидавшиеся своего часа. Какого — не знали не только Посвященные I и II ступеней Круга, но даже Хранители.

Матфей задумывался об этом не в первый раз и даже провел широкий информационный поиск во втором и третьем поясах континуального поля сознания Земли, но информация об эйнсофах, равно как и о других Великих Вещах-Объектах Мира, хранилась, вероятно, на более высоком уровне поля — в универсуме, путь в который мог проторить лишь оператор, не подверженный прямому изменению совместно с изменением матрицы Мироздания, то есть Безусловно Первый.

На появление ликвидатора Хранители, конечно, отреагировали, усилив защиту подконтрольных объектов и собственных бастионов, но картина становления «нового мирового порядка» была далека от идеальной, в ней четко прослеживалась черная полоса жесткого контроля над всеми сферами

социума, инспирируемая из единого центра вне земной реальности. И тогда Матфей активировал свою собственную «службу быстрого реагирования» и начал разведку по всем законам земного бытия. Хранители-Патриархи тоже были когда-то людьми и, защищая традиции, начинали ошибаться. Мир же вокруг менялся, и менялся тем сильнее, чем упорнее они отстаивали права касты и принципы преемственности, запрещавшие Хранителям регулировать социум наравне с кардиналами Союзов Неизвестных. Как сказал один умный человек: «Уроки истории заключаются в том, что люди ничего не извлекают из уроков истории»[1].

Матфей прибыл в лавру первым, накинув на Успенский собор не видимый никому из смертных колпак «печати отталкивания». За ним прибыли Хранители Петр и Павел, затем Симеон и Иакинф. Последним появился Никола Русый, возраст которого насчитывал семь тысяч лет.

Со стороны их никто видеть не мог, в том числе не только монахи лавры и верующие, но даже Посвященные Круга, к тому же Успенский собор был закрыт якобы на реставрацию благодаря воздействию на паломников и верующих. Но Павел лично проверил ментальную базу лавры, чтобы убедиться в отсутствии магических и прочих наблюдателей, и в этом жесте крылся тревожный и неприятный смысл, веление времени, дыхание новой и, быть может, самой жестокой — психической — войны.

Сходы никогда не начинались с докладов, общих обсуждений, анализа существующего порядка вещей. Хранители всегда были в курсе всех происходящих в мире событий и не нуждались в хронологическом их изложении, но появление ликвидатора породило смущение умов, посеяло некую смуту в душах людей Круга, вдруг ощутивших себя уязвимыми, что наложило отпечаток и на проведение нынешнего Схода.

Старейшины, разбредшиеся было по центральному залу собора, собрались вокруг Николы Русого. Все они, кроме Матфея, одевались в одинаковые плащи с капюшонами, и лишь по разной обуви можно было судить о стране обитания того или иного Хранителя. Так, Никола Русый носил мягкие юфтевые сапожки и жил в России, на Урале, Петр надевал кожаные сандалии с толстыми подошвами и жил в Палести-

[1]Олдос Хаксли.

не. Симеон предпочитал ковбойские сапоги со шпорами и стетсон, что говорило о его американском образе жизни. Матфей каждый раз одевался иначе, но чаще всего носил армейские ботинки образца девяностых годов прошлого века.

— Матфей, что происходит? — начал Никола Русый, суровый седой старец, чем-то похожий на старика с филином с картины Константина Васильева. — Где твой хваленый Воин Закона справедливости, которому ты помогал вопреки нашему запрету? Кстати, зачем ты позволил открыть тхабс Посвященному I ступени Котову?

— Тхабс ему открыл Воин, предчувствуя демпфирование Закона у верхней границы распространения, я же не препятствовал этому, — ответил Матфей; разговор происходил на метаязыке, но без ускорения времени. — Положение же самого Воина вам известно.

— Он слишком часто ошибается, чтобы стать аватарой, и не в состоянии кардинально изменить Мироздание, если не может изменить сам себя. Его Путь слишком сложен.

— Аватара он или нет, покажет время. Как сказал поэт: «Он придет, наш светлый Гость. Из распятого терпения вынут выржавленный гвоздь»[1]... Что касается Соболева, то его Путь — это всего лишь попытка освобождения от Его Воли. Вы все прекрасно знаете, что Соболев оказался в узле множества программ, из которого очень трудно выбраться без посторонней помощи и любому из нас.

— Но ведь ты помог ему, почему же он снова пошел не туда, почему продолжает утолять жажду приключений, а не жажду знаний? Как говорят: «Даже мудрец может сесть на муравейник, но только глупец останется на нем сидеть»[2].

— У нас говорят иначе, — улыбнулся Симеон, проживший среди индейцев около двухсот лет. — Только презренный бледнолицый может дважды наступить на одни и те же грабли.

— Может быть, его Путь слишком длинный, — согласился Матфей, — но никто из вас не может сказать, что он не и с т и н н ы й. Реальность больна, медикаментозное лечение, предлагаемое Союзами Неизвестных, не помогает, необходимо хирургическое вмешательство. Другое дело, что к

---

[1]С. Есенин.
[2]Ф. Купер.

этому процессу подключились темные силы во главе с Монархом, что усугубляет кризис бытия. Если темный аватара — Рыков наберет достаточно сил, с ним не справится и сам Монарх. Не пора ли вмешаться, государи мои?

— Я против, — сухо сказал седоусый и лысый Павел. — Игнорирование принципов Круга, Круга Великого Молчания, и привело к тому, что мы переживаем сегодня. Если и мы начнем поступать, как люди действия, Круг окончательно исчезнет. Я даже считаю, что мы изначально совершили ошибку, сохраняя Великие Вещи Мира, которыми уже начали пользоваться Посвященные низших каст и даже непосвященные. Вы знаете, государи мои, что Посвященный I ступени Котов завладел синкэн-гата? Как это ему удалось? — Павел в упор посмотрел на Матфея. — Это не твоих рук дело, отступник?

— Нет, — с сожалением качнул головой Матфей. — Думаю, что синкэн-гата подбросили Котову иерархи, инфарх или экзарх... а может быть, и Монарх, который сделал нечто подобное, подкинув ликвидатору координаты кодонового схрона. Вот что сейчас главное: нейтрализовать утечку, остановить расползание кодонов по Земле!

— Остановить — значит уничтожить? — уточнил Никандр.

— Как физические объекты — да, уничтожить, но как информационный пакет сохранить в логосе.

— И снова я не согласен, — сверкнул глазами Павел. — Мы ни в коем случае н е д о л ж н ы вмешиваться в дела смертных, уподоблять себя кардиналам Союзов, людям действия. Мы Х р а н и т е л и, наша задача...

— Да остынь ты, Павел, — с укоризной произнес всегда молчаливый смуглолицый Иакинф. — Мир изменился, пора менять принципы, чтобы этот мир, а заодно и мы с ним уцелели. Уничтожение ликвидатором людей Круга — не самое страшное. Начала и з м е н я т ь с я ткань реальности! Вы знаете, что на месте «Лосиного острова» после боя кардиналов с использованием Сил образовалась локальная депрессия физических законов реальности? В частности — законов термодинамики. Там теперь возможно пересечение слоев «розы», что ведет к непредсказуемым последствиям. А вы знаете, что второй раз зацвели сосны — по всей Земле? Что резко уплотнился озоновый слой? Что пчелы стали летать о б ъ е м а м и,

то есть шарообразными сгустками, роями, а не по одиночке? Не признак ли это семиуровневого развертывания абсолюта?

Хранители переглянулись.

— Что ты хочешь сказать? — поднял брови Никола Русый.

— Много и ничего, — хмуро ответил Иакинф. — Либо Соболев добрался до Знаний Бездн и стал игнорантом[1], выпав из-под влияния Материнской реальности, либо пробудился Безусловно Первый, и мы ощущаем его приближение.

В зале собора установилась тишина. Хранители слишком долго жили на Земле и слишком хорошо знали друг друга, чтобы спорить или доказывать недоказуемые вещи. Слова Иакинфа лишь заставили их сравнить свои ощущения со сделанным предположением.

— Если пробудился Первый, — сказал Матфей, — тем более надо помочь светлым силам здесь, в нашей реальности. Изменение неизбежно, так почему бы не попытаться хотя бы сгладить его последствия, колебания социума?

— Я тверд в своих убеждениях, — бросил Павел.

Матфей грустно улыбнулся.

— Твердое и крепкое — спутники смерти, нежное и мягкое — спутники жизни[2]. Ты выбираешь сейчас не между традицией и прогрессом, изменением и стабильностью, а между бытием и небытием, между жизнью и смертью.

— Чего ты хочешь, потрясатель традиций? — глянул на Матфея из-под седых бровей Никола Русый. — Зачем тебе наше благословение? Ведь ты все равно поступишь по-своему.

— Нельзя полностью уничтожить Тьму, но ее можно и нужно ограничить. Появление ликвидатора в Материнской реальности — это наступление Тьмы, наша помощь борцам с ликвидатором — это ее ограничение. И ничего сверх того.

— Как простым смертным удастся нейтрализовать Истребителя Закона, который представляет собой поле сознания вне личности и времени, а не живое существо?

— У них есть воля и есть желание восстановить Закон справедливости.

— Этого мало.

---

[1]Игнорант — человек с ограниченным кругозором, который не интересуется ничем, кроме того, что представляет для него личную выгоду.

[2]Дао дэ цзин.

— У них есть синкэн-гата. И если им по следам Всемогущих удастся добраться до Соболева, которому стала доступна маха видья[1], возникнет возможность возрождения Первоначального Замысла Творца.

На лицах Хранителей промелькнули улыбки. Первоначальный Замысел был седой легендой Круга, но никому не хотелось разрушать эту легенду сомнениями.

— Делай, что сочтешь нужным, — сказал Никола Русый. — Мы не будем препятствовать. Но обязаны предупредить патриархат Круга.

Павел, который демонстративно отошел от всех, вдруг поклонился и исчез. Он не был согласен с решением Схода, но подчинялся ему. За ним по одному ушли остальные Хранители, остались только Матфей и Никола Русый.

— Ликвидатор стал слишком самостоятельным и не остановится на уничтожении Круга, — сказал Матфей тихо. — Он замахивается на абсолютную власть в реальности. В скором времени он примется за нас, и если ему удастся добраться до остальных Великих Вещей...

— Я знаю, — скорбно опустил уголки губ Никола Русый, в лице которого проступили черты Серафима Саровского, авешей которого он был. — Нового Изменения человечеству не пережить. Но и жить так, как мы жили до этого, нельзя. Нужен светлый выход. Хотелось бы верить, что появление Воина Закона справедливости, воплощения аватары, и есть выход. Удачи тебе.

И Матфей остался один.

Глава 34

РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МИЛОГО ЛИЦА

Преследователи норовили все время зайти справа, и пилоту то и дело приходилось маневрировать, чтобы не дать им подойти близко и в то же время лететь к цели — Троице-Лыковской церкви, где беглецы могли нырнуть в подземный лабиринт и пробраться к МИРу Ликозидов.

---

[1] Маха видья — Великое знание *(инд.)*.

— Их осталось два, — крикнул пилот на ухо Василию. — Остальные отвалили. Попробую оторваться.

— Они встретят нас у церкви, — в другое ухо Василия пробурчал Самандар. — Рыков прекрасно знает, что нам некуда деться, кроме как уйти в МИРы Инсектов.

— Почему вы летите именно в Троице-Лыково? — напряг голосовые связки Юрьев, поглядывающий на притихшую в объятиях Стаса дочь. — Свет клином сошелся, что ли, на МИРе Ликозидов?

— Именно из него мы уходим в «розу», — ответил Василий.

— Тхабс должен работать из любого района реальности, не обязательно из определенной точки.

— Может быть, но я не умею им пользоваться.

— Формула предельно проста, но ее не объяснить словами. Тхабс должен перейти в интервал «разрешенной неизвестности», тогда вы сможете уходить в «розу» из любой точки пространства без боязни, что переход границы будет запеленгован.

— Я не знаю, как перевести тхабс в... этот ваш интервал, — с некоторым раздражением сказал Василий.

— Могу помочь. И тогда мы уйдем в «розу» прямо отсюда. Но для этого вы должны открыть мне ваше сознание и выйти вместе со мной в астрал, чтобы образовать виртуальный объем перевода.

Василий размышлял недолго.

— Согласен. Но вместе с нами выйдет и Вахид.

— Возражений нет. Включаемся и соединяем усилия, времени мало.

Трое Посвященных сосредоточились на вхождении в астрал и на какое-то время как бы выпали из потока бытия, унеслись в иные — многомерные края, чтобы обменяться знаниями и тут же вернуться обратно, уже с иным пониманием мира. Василий был потрясен открытием до глубины души, Самандар никак не выразил свои чувства, а Юрьев умело скрыл свое ликование: он узнал все, что хотел, и без особого труда, на что рассчитывать даже не смел.

— Ну что, экспериментируем? — сказал он.

— Оставьте оружие, — очнулась Мария. — Помните о преобразовании реальностей, в которые попадете.

— Она права. — Василий отложил автомат и пистолет, проследил, чтобы остальные сделали то же самое, пробормо-

тал: — Боже, если ты есть, спаси мою душу, если она есть... Поехали!

И кабина вертолета опустела.

Пилот, обеспокоенный наступившей тишиной, оглянулся, выругался в изумлении, непроизвольно выпуская штурвал из рук, так что винтокрылая машина нырнула и пошла боком, зажмурился, помотал головой, ущипнул себя и перекрестился. Но наваждение не проходило: от тех, кого он спасал от погони, осталось в кабине только оружие...

* * *

Первой мыслью Василия было: не получилось!

Они все так же стояли в тесной кабине вертолета, вертолет все так же мчался вперед над городом, лавируя между высотными зданиями, но затем стало ясно, что ситуация изменилась.

Во-первых, в кабине отсутствовал пилот!

Во-вторых, исчезли преследующие беглецов вертолеты.

В-третьих, небо над городом было не голубое, а белое, перечеркнутое серебристой светящейся полосой.

А в-четвертых, город под машиной Москвой назвать было трудно.

Василий осознал это за секунды, хотел обратить внимание остальных на отсутствие пилота, в этот момент вертолет завис над плоской крышей одного из зданий, превратился в миллион легких пушистых нитей и растаял. Люди выпали с высоты двух метров на белую и твердую, как керамика, крышу здания, но сгруппировались и удержались на ногах, хотя в себя пришли не сразу. И все пятеро, включая Стаса и Марию, первым делом о щ у п а л и своей чувственной сферой окружающее пространство. Мысленное сканирование мира вокруг стало для каждого из мужчин уже не привычкой, а инстинктом, и даже Стас, воспитанный старшим Котовым в духе воина, постигший значение санго — трех уровней подготовки: тело, понимание, дух, — без усилий выходил в астрал и просеивал излучение материальных предметов, научившись отмечать очаги опасности. Для Марии же, впитавшей в себя знания Светлады, ощупывание мира вокруг стало естественной потребностью.

Однако мир, в который они попали с помощью тхабса,

впервые сработавшего без участия саркофага Инсектов, был пустынен и тих и лишь напоминал Землю. Город, на крыше здания которого они оказались, не походил ни на один земной город. Но ни Василий, ни Самандар не знали, где, в какой реальности «розы» он находится.

— Черт возьми! — с легким удивлением произнес Юрьев. — Никогда не думал, что попаду в запасник...

— Куда, куда? — оглянулся на него Василий. — Вы знаете, где мы?

— «Подсфера А» — так это называется, то есть мир артефактов, вещей из искусственных материалов. По сути, это двойник земной реальности, первый ее подуровень, архитектурный запасник. Дальше располагаются планеты Солнечной системы, последующие подуровни.

— Там мы уже побывали.

— Я слышал. — Юрьев оглянулся на Марию, не отходившую от Стаса ни на шаг. — Маш, ты в порядке?

— Да, папа, — ответила девушка. — Мне уже лучше.

— Рыков тебя... допрашивал?

Мария зябко передернула плечами.

— Пытался зомбировать.

Мужчины одновременно посмотрели на девушку, потом друг на друга.

— Ты... выдержала?!

— Сначала он показал свою силу, но Монарх его не поддержал, и тогда кардинал разрядил в меня «глушак», не предполагая, что я — не просто дочь Посвященного, но и авеша Светлады. — Мария еле заметно улыбнулась. — Если бы не это, меня бы уже не было на свете.

Стас посмотрел на Василия, встретил его взгляд, и оба произнесли мысленно почти одни и те же слова: ну, кардинал, тебе не жить!

— Я не думал, что он зайдет так далеко... — остался хладнокровным Юрьев. — Да, Герман изменился.

— И вы так спокойно говорите об этом? — с недоверием взглянул на кардинала Василий. — Речь ведь идет о... — Он не договорил, потому что Самандар взглядом остановил его. Василий понял: Юрий Венедиктович явно знал о внедрении в сознание его дочери проекции Светлады.

Он выпятил губы и вдруг ехидно сказал:

— Знаешь, на кого ты похож, Вахид? На подгоревший шницель.

Вахид Тожиевич не ответил на шутку, разглядывая материал крыши, потом отошел со словами:

— Надо найти место, где мы могли бы привести себя в порядок и отдохнуть.

— Согласен, — вздохнул Василий. — Идеи какие-нибудь свежие есть? Юрий Венедиктович, в этом вашем «запаснике» можно найти уголок для отдыха и приведения себя в надлежащий вид?

— Сомневаюсь, Василий Никифорович, — вежливо сказал Юрьев, отлично понявший жест Самандара. — Здания законсервированы и могут сохраняться очень долго без особого за ними ухода, а что касается одежды и предметов быта — вряд ли они здесь есть вообще. Можно, конечно, поискать, но скорее всего мы только насторожим местного охранника.

— Эта реальность тоже охраняется?

— Что значит «тоже»?

— Когда мы в первый раз вышли в «розу», то наткнулись на сторожа...

— Это был Асат, сторож границы, а не реальности. «Подсфера А» имеет собственную охрану, так сказать Хранителей подуровня. Советую найти ручей или речку и вымыться, а потом отправиться дальше. У вас есть какой-то план пребывания в «розе»?

— Как же без плана? — неопределенно промычал Василий, разглядывая светящуюся полосу в небе. — А что это такое там светится, над нами?

— Это снежно-пылевое кольцо, — сказал Юрьев равнодушно. — Земля данной реальности не имеет Луны, зато имеет кольцо, как Сатурн и Юпитер, только пожиже. Так что вы собираетесь делать дальше, Василий Никифорович?

— Искать ручей, — вздохнул Василий.

* * *

Они недолго оставались в «запаснике» земной реальности.

Город, в котором их высадил тхабс, напоминал многие города России, в том числе и Москву. В нем сохранились лишь старинные здания, такие, как знаменитые дома-башни ста-

линской постройки, соборы, монастыри, церкви да кремль, только не из красного камня, а из белого и серого. Правда, изредка встречались и вполне современные здания из стекла и бетона, оригинальной архитектуры, которые создавали достаточно сильный эстетический эффект.

Обойдя пару «кварталов» по странным улицам, покрытым не асфальтом или бетоном, а белым, пружинящим под ногами материалом, беглецы обнаружили неширокую реку с удивительно красивым ажурным мостом и устроили привал. Пока Самандар и старший Котов смывали с себя копоть и грязь, Стас оберегал их на мосту с мечом в руке, не обращая внимания на веселый блеск в глазах Юрьева. Мария тоже захотела искупаться, когда она наплавалась и оделась, отряд был готов к походу. Однако Юрьев не торопился выказывать готовность следовать за остальными.

— Может быть, мне все-таки будет позволительно, — сказал он, — узнать, куда и зачем вы направляетесь?

Василий и Самандар обменялись взглядами.

— Юрий Венедиктович, вряд ли вас обрадует цель нашего путешествия, — сказал Василий. — Десять лет назад в «розу» ушел наш приятель...

— Матвей Соболев, — докончил Юрьев. — Я знаю эту историю не хуже вас. И вы теперь хотите его отыскать? — Он покачал головой.

— Хотим. А что в этом такого... необычного? Или вы что-то знаете о судьбе Соболева?

— К сожалению, не знаю, но если он до сих пор не вышел...

— Короче, вы идете с нами или нет?

— Иду, — с некоторым колебанием согласился Юрьев. — Пока Марго с вами.

— Вот и славно.

— Но смысла в этом походе я не вижу. Вы уже знаете, где искать Соболева?

— С помощью вашей дочери мы вычертили примерный вектор движения Матвея и теперь будем следовать в этом направлении. Вот и весь план. Подходит?

— План достаточно прост, — засмеялся Юрьев, не обижаясь на издевку в голосе Котова-старшего. — Однако реализовать его будет трудно. Как только вы «засветитесь» на тропе Соболева, вас начнут доставать те, кто не заинтересован в возвращении будущего аватары в земную реальность.

— Ну, это мы как-нибудь уладим. Вы-то сами заинтересованы в его возвращении?

— Скорее да, чем нет, хотя особого волнения не испытываю. Но и мешать не буду.

— И на том спасибо. Поехали, путешественники.

И они очутились в другом мире.

Это была та самая «запрещенная» реальность, с которой недавно экспериментировал Монарх и границу которой охранял Асат, а также и другие сторожевые «псы»-программы Конкере. Здесь путешественники задержались лишь для того, чтобы в присутствии сторожа-сфинкса — при последнем погружении в «розу» люди оставили его сражающимся с «псами» Монарха — поговорить о деле. Асат был жив и невредим и приветствовал их если и не дружески, то с расположением.

— Спешите в вечность, — посоветовал он им иносказательно, — за образом, предшествующим Богу. У вас еще есть шанс опередить Тьму. Но берегитесь, ваш нелегкий Путь полон бездн.

— Мир — бездна бездн! — пробормотал Василий, вспомнив стихотворение Бунина. — Спасибо за совет, друг.

И они помчались дальше, нанизывая на вектор Пути реальности, в которых задолго до них побывал отряд Соболева.

Следующим был мир «рериховской серии», исполненный в той же цветовой гамме, с горными чертогами и намеками на скрытые тайны древних цивилизаций. Тхабс перенес путешественников прямо к зеву пещеры, перед которой стояла странной формы скала, сверкающая тусклым золотым блеском. Больше всего скала напоминала оплывшего книзу горбатого старика с посохом в руке, и веяло от нее суровой непреклонностью и бесконечным терпением.

— Васиштха, — сказал задумчиво Юрьев, как-то по-особому посмотрев на Василия. — Один из первых Хранителей Круга. Надо признаться, Василий Никифорович, что ваш тхабс очень избирательно ведет вас по «розе». В этом мире стоило бы задержаться и полюбоваться на его сокровища.

— Некогда, — сказал озабоченный Василий. — Мы шагнули сюда лишь потому, что здесь был Соболев. Проверим здешний астрал и пойдем дальше.

— А кто поставил тут этот памятник Хранителю? — поинтересовался Стас; в одной руке он так и держал свой меч, другой обнимал Марию за талию.

— Это не памятник — сам Хранитель.

Стас, а вместе с ним Василий и Самандар с недоверием и удивлением посмотрели на Юрия Венедиктовича.

— То есть как это — сам?! Вы хотите сказать, что он... живой?!

— Не живой... но и не мертвый. Он в особом состоянии нирваны, вне времени и движения. А пещера — вход в его прежнее жилище. Он хранил весь этот мир на протяжении сотен тысяч лет.

Наступило продолжительное молчание. Путешественники любовались на удивительную «статую» Хранителя. Потом загорелся Стас:

— Можно заглянуть в пещеру?

— В другой раз, — остудил его порыв Василий. — Когда-нибудь мы пройдемся по этим мирам как созерцатели чудес, а не как воины, десантники и разведчики. Вахид, подключайся, идем в астрал.

Сеанс информационной разведки длился всего несколько минут, после чего отряд двинулся дальше по цепочке миров, посещенных Соболевым. В этом «рериховском» мире со статуей живого Хранителя он тоже не стал задерживаться надолго.

Следующий мир почти не отличался от предыдущего, разве что силуэты гор были другими, цветовая гамма собрала все оттенки фиолетового и синего цветов, а вышли люди из внепространственного тоннеля тхабса не в горах, а на равнине в окружении двенадцати скал, изображавших чудовищных насекомых. Видимо, эту планету посещали когда-то и разумные Инсекты.

Астрал и здесь сохранил следы пребывания Соболева в форме энергетических, хорошо различимых струй, будто будущий аватара искал что-то и буквально всколыхнул все местное иномерное астральное «болото».

Третий и четвертый миры «рериховской серии» путешественники миновали, выходя лишь на секунды для проверки правильности пути, а в пятом задержались, вдруг ощутив странную усталость и голод.

— Предлагаю вернуться, — сказал Самандар, олицетворявший собой наиболее практичную часть отряда. — Без экипировки и запасов еды нам далеко не уйти.

— Вы все время забываете о законах «розы», — мягко на-

помнила о себе Светлада-Мария; она уже восстановила силы и чувства и готова была снова выполнять функции проводника. — Порог срабатывания магической физики здесь не столь высок, как в земной реальности, можно попытаться добыть пищу и одежду. — Она красноречиво посмотрела на лохмотья, оставшиеся от комбинезонов Василия и Самандара.

— Да мы бы и не возражали, — смущенно признался Василий, — но не знаем, как это делается.

— Без знаний формул творения у нас ничего не получится, — проговорил Юрьев. — Можно пойти другим путем: создать наиболее простые вещи, доступные детальному воображению, то есть спортивные костюмы, луки, стрелы, кинжалы, пращи, а потом всем пятерым попытаться сотворить какую-нибудь дичь, подстрелить ее, зажарить и съесть.

Мужчины переглянулись.

— Есть хочешь? — спросил Котов-старший.

— Не отказался бы, — солидно отозвался Котов-младший.

— Тогда помогай колдовать. А тхабс не может снабдить нас запасом пищи и одежды?

— Тхабс — не джинн из лампы, это своеобразный закон, внедренный в личность, способный перебросить владельца в иную реальность и защитить его. Другие желания он не выполняет.

— Жаль. Тогда, как говорится, хватит дело делать, надо работу работать. Давайте напрягать мозги и желания, чтобы перекусить.

Василий хотел добавить, что никогда не видел себя в роли колдуна или мага, но передумал. Пришла пора учиться быть волшебником, хотя бы и в коллективе.

Несмотря на сомнения, опыт удался. Они смогли детально вообразить все, о чем говорил Юрьев, и подстрелить пару уток, также сотворенных после первого же сеанса коллективной магии. Утки, правда, летать не умели и были слишком массивными, но мясо их оказалось вполне съедобным, как и хлеб, полученный тем же путем, что и оружие.

Так что трапеза удалась на славу. Не хватало только хорошего вина, пришлось довольствоваться компотом. После сытного обеда все почувствовали себя немного уверенней, приободрились, однако сил хватило лишь на один прыжок в

глубины «розы». Встряски переходов границ «розы» все же отнимали немало нервной энергии у путешественников.

Этот мир тоже входил в число «рериховских», судя по нежным пастельным тонам красок и форме природных образований, но по нему совсем недавно прокатилась война, и он представлял собой пустынно-лунный ландшафт: кратеры, дыры, воронки разных размеров, выжженные багровые и черные плеши, поля спекшейся почвы и расплавленного песка покрывали его на многие сотни и тысячи квадратных километров. От города, на окраине которого очутились люди после тхабс-перехода, остались лишь жалкие развалины да одна-единственная черная башня, похожая на восточный минарет.

Все долго рассматривали руины города с вершины холма, на котором тоже когда-то стояли непонятные сооружения, и одновременно посмотрели на старшего Котова, олицетворявшего собой командование отряда. Василий понял невысказанный вопрос.

— Остаемся здесь на ночь. Утром решим, что делать дальше. Или есть другие предложения?

Предложений не поступило.

В течение получаса они разбили лагерь, сотворив палатки и спальные мешки, отгородились от окружающей Среды «сферой запрета» и уселись вокруг костра пить чай. Стас и Мария, испросив позволения, ушли в город, напутствуемые Василием «держать ухо востро и далеко не заходить». Мужчины остались сидеть у костра, потягивая напиток из пиал, созданных Самандаром. Говорить особенно было не о чем, делиться же своими планами никто не торопился, но у Василия давно созрело несколько вопросов, и он заговорил первым:

— Странно, что нас никто не встречает и за нами никто не гонится. Эти рериховские слои «розы» никем не охраняются, Юрий Венедиктович?

— Мне это тоже кажется подозрительным, — признался рассеянно задумчивый Юрьев. — Каждый мир-слой «розы» имеет своего сторожа, и отсутствие их указывает на какое-то нарушение порядка вещей. Быть может, виной тому война между иерархами, а вполне возможно, вмешался Монарх, давно задумавший новое и з м е н е н и е земной реальности.

— Границу нашей реальности тоже стережет какая-то особая программа типа Асата?

— Нет, ее оберегает иерарх — декарх. Оберегал. — Юрьев помолчал, не желая делиться своим знанием, но пересилил себя и добавил: — Декарх нейтрализован, поэтому наша граница сейчас без охраны. Отчасти поэтому ликвидатор проник в нашу реальность беспрепятственно, да и тени Монарха свободно переходят границу туда и обратно.

— Юрий Венедиктович, — Василий помолчал, пытаясь сформулировать вопрос дипломатически, потом решил говорить без обиняков. — Я понимаю, что ваш поход с нами вынужденный, а сотрудничество временное, и никто не требует от вас ответа, но все же меня давно подмывает спросить: зачем вам, кардиналам во главе с Бабуу, понадобилось дезориентировать нас?

— Не понял, — очнулся Юрьев от своих размышлений.

— Зачем вы натравливаете «чистилище» на министра МВД, называя его ликвидатором? Ведь он всего лишь эмиссар ликвидатора в России.

Кардинал остался невозмутимым, но в глаза Котова-старшего смотреть не стал. Отвернулся, помолчал.

— Это была идея координатора.

— А кто на самом деле является ликвидатором?

Юрьев снова помолчал, потом поймал угрюмо-недоверчивый пристальный взгляд молчащего Самандара и нехотя улыбнулся.

— В принципе, вы и сами это узнали бы вскорости, поэтому не будет большой беды, если я открою секрет: ликвидатором, или Истребителем Закона дьявола, то есть Закона переноса вины, ставшим, кстати, еще худшим дьяволом вследствие мутации программы, является не какая-то определенная личность, супермонстр, а поле сознания, внедрившееся в компьютерную сеть Земли.

— Зачем же вам понадобилось обманывать нас? Ну, убрали бы мы Дятлова, так на смену ему настоящий ликвидатор поставит нового эмиссара. Что изменилось бы?

— Бабуу необходим запас времени, чтобы собрать свой эгрегор и попытаться ограничить деятельность ликвидатора, побороться с Истребителем на его территории.

Ответ был дан слишком быстро, и Василий, прищурясь, оглядел гладкое уверенное лицо кардинала, чтобы сказать

ему об этом, но поймал предупреждающий взгляд Самандара и проговорил ворчливо, обходя остроту темы:

— По-моему, ни один государственный или национальный эгрегор не в состоянии справиться с, так сказать, «электронным» эгрегором такого масштаба, который демонстрирует ликвидатор. Но оставим этот скользкий разговор. Спасибо за откровенность, кардинал, честно говоря, я не ожидал, что вы скажете правду.

— Он все равно не сказал всей правды, — бесстрастно проговорил Самандар.

— Но ведь и вы не всегда говорите всю правду, — с тонкой усмешкой возразил Юрьев.

— Вы хотите сказать, что мы лжем?

— Я хочу сказать, что противоположность лжи — не правда, а истина, что не одно и то же. Правда бывает разная, у каждого она своя, а уж тем более полуправда.

— Намек понял. — Василий засмеялся. — Мы достойны друг друга. Жаль, что ваши методы коррекции реальности лежат именно в области полуправды, иначе мы могли бы стать партнерами. Ну что, Вахид Тожиевич, отходим ко сну? Кто будет дежурить первым?

— Я, — предложил Юрьев.

— Последите за детьми, — не возразил Василий, — а лучше верните их во избежание сюрпризов. Кто знает, какие недобитые твари прячутся в развалинах города.

— Не беспокойтесь, Василий Никифорович, я уже позвал Машку, они возвращаются.

Василий встал, потянулся и прошелся вокруг холма, разглядывая темно-синее, с зеленоватым оттенком небо, гряду кипенно-белых облаков на горизонте, неяркое и нежаркое светило в зените (ночь они себе устроили условную), потом залез в свою палатку и в состоянии меоза еще раз обследовал окрестности всей сферой обострившихся чувств. Запахи опасности отсутствовали, пахло недавним сражением и тоскливой обреченностью. Тогда он расстелил спальник, улегся и через минуту уснул. Самандар разбудил его спустя три с лишним часа:

— Юрьев исчез.

— Ну и что? — Василий протер глаза, посмотрел на часы, потом выглянул из палатки: здешнее солнце ни на йоту не

сдвинулось со своего места в зените. — По-маленькому пошел... а то и по-большому.

— Мария тоже пропала.

Сон сняло как рукой.

— Давно?

— Не знаю. Мне показалось, что кто-то шевелит сферу защиты, проверил — их нет.

Василий заглянул в соседнюю палатку и встретил затуманенный взгляд проснувшегося Стаса.

— Что случилось, дядь Вась? Мне сон дурной приснился...

— Юрьевы ушли.

— Ушли? Как это? Куда ушли?!

— Скорее всего домой, на Землю.

— Каким образом? Разве они умеют... — Стас прикусил язык.

Василий кивнул.

— Теперь папаша Марии знает тхабс, недаром он искал с нами контакта, близости отношений. Добился своего. Конечно, спасибо ему за расширение возможностей моего тхабса, теперь мы можем переходить границы реальностей в любом месте, но факт остается фактом: он все прекрасно рассчитал... а то и помог Рыкову захватить дочь, чтобы втереться к нам в доверие.

— Не может быть, — покачал головой Котов-младший с недоверием и сомнением. — Рисковать Машей... какой отец позволит себе такое?

— Нормальный отец — нет, кардинал Союза — да.

— Нужно срочно догонять...

— Успокойся, — остановил порыв юноши Василий. — Никуда она не денется, отыщем на Земле. Зато мы теперь можем обсудить свои планы, не боясь чужих ушей.

— Мария не чужая!

— Я о ее папаше. Вахид Тожиевич, как думаешь, почему Юрьев сбежал? Испугался? Решил свою проблему — с тхабсом и понял, что мы больше не нужны?

— Не принял нас всерьез.

— Вот как? Оригинально. Это хорошо или плохо?

— Я ему не верил с самого начала. Если бы не... — Самандар покосился на Стаса и перевел разговор в другое русло: — Какие планы ты хотел обсудить?

— Во-первых, стоит ли идти дальше в ослабленном соста-

ве? Каким бы негодяем Юрьев не выглядел, союзником он был мощным. Да и Мария знает многое для успешной разведки.

— По-моему, вывод ясен.

— То есть не стоит. Я тоже так думаю. Теперь о возвращении. В родной реальности нас ждут не дождутся Рыков и эмиссар ликвидатора. И оба постараются убрать нас самыми простыми и надежными способами, тем более что возможностей у них хватает. Будем ли мы от них бегать или сообразим что-нибудь поэффективней?

— Конкретней.

— Лучшая защита, как известно, нападение. Они нам шагу не дадут ступить, а нам то и дело придется возвращаться из «розы». Предлагаю разработать бандлики по обоим. Сил у нас тоже немало.

Самандар молча двинулся в обход палаток, окидывая взглядом развалины города под холмом. Глаза Стаса говорили все, о чем он думает, и Василий, невольно улыбнувшись, подмигнул ему.

— Ну, Воин Закона, начинаем большую войну?

— Сначала найдем Марию, — ответил Стас хмуро.

Василий засмеялся, ударил рукой по палатке, превращая ее в дым со всем содержимым.

— По этому вопросу, как говорится, есть два мнения: одно неправильное, другое мое. Не хмурься, найдем мы твою принцессу. Вахид, твое слово?

— Поехали домой, — соизволил наконец ответить Самандар.

Глава 35

ВЕТЕР В ГОЛОВЕ

Их возвращения ждали везде, где только было можно: на квартирах, принадлежащих «чистилищу» и известных Рыкову и ликвидатору, в офисах зависимых от «чистилища» фирм, в МИЦБИ, на базах и конспиративных явках. В этом Василий убедился, позвонив Вене Соколову сразу после возвращения и с радостью узнав, что «чистильщикам» удалось покинуть здание банка «Северо-Запад» без потерь. Но границу реальности Котовы и Самандар перешли не там, где их жда-

ли. У Василия возле Савеловского вокзала был схрон, то есть погреб, превращенный им в склад еще во времена службы, о котором не знал ни один его бывший начальник и компьютеры спецслужб. Именно в этом погребе и объявились разведчики «розы реальностей», после того как от них сбежали Юрьев с дочерью.

Стас порывался тут же броситься на поиски девушки, но Василий остудил его разгоряченное воображение, рассказав старый анекдот:

— Идет мужик по лесу, слышит — кукушка. Остановился, спрашивает: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось на белом свете?» — «Ку... — отвечает кукушка». — «А почему так ма...?»

— Понял, — пробормотал молодой человек, стискивая зубы и заставляя себя сдержаться.

Самандар, разглядывающий интерьер погреба, освещенного лампой дневного света, усмехнулся, но промолчал. Василий достал из сумки на полке радиотелефон, позвонил Соколову и выяснил все обстоятельства, связанные со штурмом офиса СС в здании банка и бегством комиссаров «чистилища». Судя по веселому балагурству Вени, министр МВД поставил на уши всю милицию, угрозыск, ОМОН и внутренние войска, чтобы найти беглецов, в Москве уже сутки приводились в исполнение планы «Перехват» и «Невод», но «чистилище», имеющее глубоко эшелонированные системы подстраховки и безопасности, пока потерь не понесло.

— Так что вам появляться в общественных местах опасно, — добавил Соколов. — Особенно возле штаба и на некоторых квартирах. Там везде полно «глаз» министра.

— Утечки информации не произошло?

— Мы успели сжечь все компьютеры, а бумаг у нас отродясь не водилось. Но все равно ходить по Москве вам нельзя, опасно.

— «Товарищ милиционер, скажите, по этой улице ходить опасно?» — вспомнил еще один анекдот Василий. «Было бы опасно, я бы здесь не ходил...» Веня, брось одну группу на Савеловский, на двух машинах. Одна должна быть с мигалкой. И продолжайте работу по плану. Очередной бандлик по СС выполнить сегодня же.

— Нет проблем, командир.

— Теперь еще одно задание. Срочно выдвиньтесь в район Арбата и понаблюдайте за квартирой Юрьева.

— Ребята давно уже там, со вчерашнего дня, но никого не видели.

— Молодцы, — после паузы сказал Василий, озадаченный проницательностью начальника охраны, покосился на Стаса. — Поищите его, где можно: работа, дача, рестораны, схроны...

— Есть поискать.

— Я буду звонить тебе сам. — Василий выключил связь. — Юрьев и Мария дома не появлялись. Не думаю, что Дятлов объявил на них розыск, все-таки Юрьев — помощник президента, лицо неприкосновенное, но где-то наш кардинал объявится. А мы давайте готовиться к исполнению плана А. Эмиссар — наш любимый Артур Емельянович Дятлов или сам ликвидатор — не суть важно. Главное, что, пока он жив, нас будут искать и давить, а в таких условиях много не сделаешь.

— Мне надо в институт, — заикнулся притихший Стас.

Василий с сомнением посмотрел на него.

— А если тебя там ждут?

— Мне все равно надо сдавать экзамен.

— Я могу пойти с ним, — предложил Самандар. — Только позвоню кое-кому.

Василий подумал немного и сунул ему трубку радиотелефона. Самандар, перестав озираться, связался со своей оперативной группой и договорился с Бакановым о взаимодействии. После этого Василий достал сумки с одеждой, и они переоделись в «цивильное», так, чтобы не бросаться в глаза и не выделяться из толпы. Вдобавок ко всему он предложил соратникам несколько изменить облик, и все трое наклеили себе усы. Посмотрев на себя в зеркало, Стас развеселился.

— Я похож на опереточного злодея. Бороды только не хватает.

— Слово «борода» происходит от арабского «баррида» — «благочестие это», — сказал Самандар. — Василий Никифорович, у тебя тут бритвы нет? Подзарос я, не люблю ходить небритым.

Василий молча достал электрическую бритву фирмы «Браун», потрогал щетину на подбородке и тоже решил побриться. Через несколько минут процесс приведения себя в порядок закончился, и Котов-старший объяснил, каким путем

выбираться отсюда к вокзалу, где Самандара и Стаса должна была ждать группа Юры Шохора на машинах, а Василия — Веня Соколов со своими орлами.

— Береги меч, — напутствовал ученика Василий, — и будь начеку. Возможны самые неожиданные встречи и сюрпризы.

— Не волнуйся, дядь Вась, я не маленький.

— И вообще ведите себя так, будто вы культурные люди, — мрачно улыбнулся Василий, открывая изнутри хитрый замок погреба, с виду — огромный амбарный, отпирающийся только снаружи.

Самандар и Стас один за другим вылезли на свет Божий, некоторое время поосматривались, затем исчезли. Через несколько минут покинул свой схрон и Василий. Из всей тройки он был наиболее неуязвим, потому что мог в любой момент исчезнуть, перейти границу реальности с помощью тхабса.

Мейдер Соколова на трех машинах: «Вольво», «сто десятый» «Жигуль» и джип «Рэнглер» — ждал своего босса напротив здания Савеловского вокзала. При его появлении команда Вени мгновенно отреагировала «захватом зоны внимания», то есть стандартно отработала задачу прикрытия «особо важной персоны», в данном случае самого Котова, и Василий остался доволен выучкой команды. Что бы кругом ни происходило, эти парни знали свое дело блестяще, на них всегда можно было положиться.

— Что Юрьев? — спросил Василий, подсаживаясь к Вене в кабину джипа.

— «Засветился» в Кремле, — ответил Соколов, одетый в мундир майора внутренних войск; водитель джипа тоже был в костюме бойца внутренних войск, но в чине прапорщика. — Полчаса назад выехал на «мерсе» со своими телохранами с Кутузовского проспекта на Рублевку, наверное, едет к себе на дачу.

— Дочь его не заметили?

— Женщин с ним в машине нет.

Василий поразмышлял, потом махнул рукой.

— Поехали за ним.

Соколов выдернул из-под воротника мундира усик микрофона и сказал негромко:

— Семерка, ведите его на оптике, не упустите из виду. Едем к вам.

Джип нырнул под виадук-развязку у вокзала, свернул на

Бутырский вал. Соколов явно чувствовал себя не в своей тарелке, поглядывал на комиссара «чистилища» с любопытством и сомнением, но заговорить на интересующую его тему так, наверное, и не решился бы, если бы Василий не заметил этих его колебаний.

— В чем дело? Что жмешься, полковник?

— Вопрос можно?

— Валяй, — кивнул Котов, уже понимая, о чем пойдет речь.

— Это правда, что вы... спрыгнули с вертолета?

— Кто тебе это сказал?

— Пилот «вертушки». Клянется-божится, что вы исчезли из кабины, когда он отвлекся на маневр. Оглянулся — вас нет! У него чуть крыша не поехала. Потом он понял, что вы спрыгнули...

Василий усмехнулся.

— У страха глаза велики. Но если я расскажу правду, куда и как мы десантировались, и у тебя крыша поедет. Так что лучше не спрашивай.

— Есть... не спрашивать... — пробормотал окончательно сбитый с толку Соколов.

Машина выбралась на Рублевское шоссе, считавшееся правительственной трассой, и выехала за город. Судя по докладам наблюдателей, ведущих автомобиль Юрьева, кардинал действительно ехал к себе на дачу, ни капли не смущаясь тем, что за ним Дятлов наверняка послал своих охотников. Впрочем, меланхолически подумал Василий, теперь он тоже может не бояться ликвидатора, владея тхабсом.

С Рублевского шоссе машина Юрьева свернула на улицу Осеннюю в Крылатском и, попетляв по проселочным дорогам местного лесного массива, остановилась у небольшого пруда, на берегу которого в окружении ольхово-осиново-березовой рощицы стоял двухэтажный коттедж финской постройки с остроконечной крышей, мансардой и застекленной верандой. Это была дача советника президента Юрия Венедиктовича Юрьева, причем вторая, насколько было известно Василию, но наверняка не последняя.

— Доложите обстановку, — велел Котов.

— Объект заехал в гараж, — сообщил наблюдатель. — Сопровождение мизерное: двое оперов и прикрытие. Дача охраняется сторожем, собак не видно, две телекамеры, датчи-

ки, электрические усы над сеткой забора, антенна в мансарде с выходом на спутник. Что делать дальше?

— Сидеть тихо, взять под наблюдение подъезды и подходы к даче.

— Будем брать? — предположил Соколов.

Василий помолчал, прикидывая варианты, потом отрицательно качнул головой.

— Нет, попробую сначала поиграть в открытую. Поехали прямо к нему, у ворот посигналишь.

Джип свернул с шоссе в Крылатское и через четверть часа петляний по лесу выехал к даче Юрьева. Водитель дважды рявкнул клаксоном. Сторож, обитавший в небольшом деревянном строении за главным зданием, не появился, но ворота тем не менее начали медленно открываться, снабженные исполнительным механизмом.

— Похоже, нас тут ждали, — хмыкнул Соколов.

Василий не ответил. Он давно чувствовал на себе ментальный взгляд хозяина дачи, поэтому не имело смысла прятаться и вести прямое наблюдение за домом. Юрьев наверняка почуял слежку еще в городе и проверил, кто прицепил ему «хвост».

— Ждите в машине, — бросил Василий, вылезая.

— Может, подстраховать вас снайперочком?

— Не надо. Держите дороги и воздух, может быть, доблестная милиция тоже обосновалась здесь для слежки за дачей. Тогда возможны гости.

— Понял.

Василий неторопливо зашагал по гравию дорожки к веранде, дверь которой отворилась сама собой. Снаружи веранда казалась пустой, но это был эффект «печати невидимости»: Юрий Венедиктович сидел за столом, одетый по-домашнему в халат, и пил чай. Встал, коротко поклонился, не подавая руки (Василий ответил тем же), сделал приглашающий жест:

— Присаживайтесь. Чаю хотите?

Василий увидел второй прибор, подтверждающий, что кардинал ждал его и был готов к встрече, кивнул.

— Покруче, если можно.

Юрьев налил заварки, разбавил кипятком (Василий пил чай по-другому), подвинул конфеты, пироги с курагой, орехи.

— Чем обязан?

— Почему вы сбежали? — прямо спросил Василий.

Юрий Венедиктович допил чай, промокнул губы салфеткой, не спеша пососал дольку лимона. Василий почувствовал мгновенный натиск чужой воли, закрылся, мысленно «покачал пальцем»: не шали, мол.

— Я не сбежал, — сказал хозяин, не меняя выражения лица. — Просто у меня полно дел на Земле.

— А Марию почему утащили с собой?

Глаза Юрьева сверкнули острым холодком.

— Василий Никифорович, я готов вам помогать в деле нейтрализации ликвидатора, но в пределах допустимого. Ваши походы в «розу» меня не касаются ни с какой стороны, хотя рискуете вы изрядно. По сути, вы обречены, а Марии — жить да жить. Не трогали бы вы ее?

— Она сама решила помочь нам, тем более что она...

— Авеша Светлады, знаю. И тем не менее отстаньте от нее. Она слишком молода и безответственна, чтобы понимать, во что влипла.

— И все-таки вы не имеете права насильно заставлять ее делать что-то против воли.

— Ошибаетесь, комиссар, имею, — с холодным высокомерием произнес Юрьев. — Я ее отец. Это вы не имеете права втягивать мою дочь в сомнительные предприятия. Так что если у вас ко мне больше ничего нет, разрешите проводить вас до выхода.

Василий встал.

— Спасибо за угощение, кардинал. Оказывается, вы тоже способны ошибаться, как все люди. Вот почему ликвидатор легко победил Круг. Правда, получив тхабс — вы ведь этого добивались, втираясь к нам в доверие, не так ли? — вы сами стали почти неуязвимы, но вот Мария не гарантирована от нападения.

— Не беспокойтесь за нее, она в надежном месте.

— Где, здесь?

Юрьев распахнул дверь. Василий вышел, отмечая, как натурально спокоен кардинал, и вдруг подумал, что Мария — не на Земле! Самым надежным местом для нее мог быть только мир другой реальности!

— Прощайте, комиссар, — помахал рукой Юрьев, не приближаясь к джипу. — Понадобится помощь, звоните.

— Не понадобится, — ровным голосом сказал Василий. — Обойдемся без вас.

Оставив озадаченного таким поворотом дела Юрия Венедиктовича, Василий сел в машину, и они выехали с территории дачи на дорогу.

— Что-нибудь не так? — спросил внимательный Соколов. — Не хочет сотрудничать?

— Все так, Веня, но человек он сложный, непредсказуемый, и верить ему нельзя.

— А где они, простые-то? Кому можно верить?

— Я же тебе верю, ребятам твоим... Поехали в центр.

— Группу оставить?

— Снимай, им тут нечего... впрочем, оставь пару толковых ай-профи, самых опытных, пусть поглазеют за дачей через оптику и «СЭРы», на пределе дистанции.

Соколов продиктовал задание, и в кабине стало тихо, лишь урчал мощный движок джипа да из леса доносились птичьи трели. Мысли же Василия бродили далеко отсюда. Он был уверен, что догадался о схроне Марии правильно. Найти ее теперь не составляло особого труда.

* * *

Экзамен по физике твердого тела Стас легко сдал в числе последних студентов группы, отметив это событие стаканом черносмородинового сока в институтском баре, но отказался от общего похода в кафе, что для группы стало традицией. Душа не лежала к развлечениям, в то время как Мария сидела где-то взаперти и ждала освобождения. Почему-то Стас был уверен, что отец увел дочь насильно и спрятал ее под «колпаком невидимости» от претендента на звание зятя. Хотя сам Котов плохо представлял кардинала Союза Неизвестных в роли тестя.

Ни во время экзамена, ни после никаких инцидентов не произошло, никто на Стаса не бросался и никто за ним не следил. Это отметил и Самандар, терпеливо исполнявший обязанности телохранителя Котова. Убедившись в отсутствии прямой угрозы носителю синкэн-гата (Стас не расставался с мечом даже во время экзамена, превратив ножны с мечом в длинный «рулон бумаги»), Вахид Тожиевич связался со стар-

шим Котовым и узнал подробности контакта Василия с Юрьевым.

— Пошли, — сказал Самандар, сделав жест, понятный лишь его телохранителям, и первым направился к машине. Пятерка Юры слаженно отработала отход, хотя со стороны этот маневр был виден только профессионалам; вся динамика группы контролировалась Шохором с помощью компьютера, вырабатывающего оптимальную стратегию поведения группы в соответствии с передвижением объектов и изменением обстановки, но чтобы заметить специальное перемещение телохранителей со стороны, надо было хорошо знать специфику охранных систем, а это всегда удел профессионалов.

Стас безропотно последовал за Вахидом Тожиевичем. В кабине «Мерседеса» с затемненными стеклами, где уже сидел Шохор, он не удержался и спросил:

— У дяди Васи все в порядке?

— Похоже, он нашел Марию.

— Где?! — подался вперед Стас.

— Не сказал. Полчаса назад он беседовал с Юрьевым на его даче в Крылатском, теперь едет по делам. Вечером пересечемся, обсудим дела.

Машина выехала на Дмитровское шоссе, увеличила скорость. Машина сопровождения — «Линкольн» со спецномером — чуть отстала.

— Высадите меня на Кольцевой, — попросил вдруг Стас.

Самандар покосился на него.

— Зачем?

— Я поеду туда... в Крылатское. Мария там, на даче.

— Никуда ты не поедешь. Серьезные дела так не делаются. Приедет Котов, тогда и обговорим детали похода к Юрьеву. Если в этом будет резон.

Стас помолчал, переживая приступ желания выскочить из машины на ходу, расслабился, глубоко вздохнул.

— А сейчас мы куда?

— Туда же, где вышли из «розы». Посидишь там пока, отдохнешь от волнений. Я съезжу в город, проверю кое-какие свои владения, может быть, не все они под контролем ликвидатора. Только не вздумай действовать самостоятельно, погреб будет охраняться моими людьми.

Стас, который как раз подумывал о самостоятельном поиске Марии, сделал вид, что подчиняется обстоятельствам.

Вскоре они выгрузились на площади у Савеловского вокзала, и Самандар отвел подопечного к погребу-складу, располагавшемуся на откосе железнодорожных путей, среди трех сотен таких же погребов, выкопанных владельцами квартир близлежащих домов. Когда погреба только строились, откос, наверное, был голым и хорошо просматривался из окон девятиэтажки напротив, теперь же здесь поднялась тополиная роща и скрыла погреба от любого взора.

— Не скучай, — усмехнулся Самандар, оставляя Стаса в тесном подземном бункере и бросая ему пачку газет. — Почитай, поспи.

И Стас остался один. Но читать газеты не стал. Подождал несколько минут, чтобы Вахид Тожиевич ушел отсюда подальше, и начал действовать, ни капли не сомневаясь в совершенстве своего плана.

Дверь погреба он открыл без особых хлопот, вспомнив, как это делал учитель. Спокойно закрыл ее за собой и не удивился, когда услышал за спиной голос:

— Куда это мы собрались, студент?

— В институт, — спокойно повернулся Стас, встречая насмешливый взгляд охранника, оставленного Самандаром; парня звали Борисом, и Стас его знал. — Надо срочно договориться с преподавателями насчет сдачи экзаменов.

— Чего ж сразу не договорился, когда мы там были?

— Всего не предусмотришь. — Стас начал спускаться по откосу вниз, к дорожке вдоль железнодорожного полотна, и был остановлен непреклонным:

— Не торопись! Придется тебе подождать старших, парень. Мне велено никого отсюда не выпускать.

— А если я не послушаюсь?

Борис с сожалением развел руками.

— Боюсь, придется задержать тебя силой. Да ты не смотри волком, приказ есть приказ, сам понимаешь. Я слышал, что ты каратист знаменитый, так и мы не лыком шиты.

— Мы? — Стас чувствовал присутствие еще одного охранника, но никак не мог определить, где он прячется. — Вас разве двое? Где ж твой напарник?

— А туточки я, — отозвался чей-то веселый голос, и на гребне вала, в откос которого и были врезаны погреба, воз-

ник улыбающийся молодой человек с мороженым в руке. — Давай топай обратно, не заставляй нас нервничать и сердиться. Мороженого хочешь?

— Ага, — сказал Стас, мгновенным щелчком выбрасывая округлый камень и попадая парню в лоб, и тут же прыгнул к первому охраннику, успевшему лишь хлопнуть глазами и дернуться за оружием. Удар в подбородок подбросил того в воздух и выбил сознание.

— Извините, ребята... — выдохнул Стас, мгновение вслушиваясь в тишину и вглядываясь в стену деревьев, затем перебежал пути. Через несколько минут он был у вокзала, где сел в метро и доехал до квартиры, где они жили в последние дни. Здесь Стас сел в «Фиат», стоящий на платной стоянке недалеко от дома, и поехал в Крылатское искать дачу Юрьева. О том, что за машиной могли наблюдать сотрудники милиции или слуги Рыкова, он не подумал.

Дачу он нашел всего за полчаса, доверившись интуиции и вспоминая слова Самандара, сказавшего о визите дяди к Юрьеву мало, но достаточно, чтобы представить это место. Еще полчаса ушло на по возможности незаметное наблюдение за дачей, после чего Стас решил действовать так же прямолинейно, как перед этим действовал его наставник. Он вышел из машины и позвонил, утопив кнопочку звонка на калитке, сделанной из металлического уголка и сетки. Звонок тихо прозвенел внутри сторожки рядом с двухэтажной дачей, но никто к воротам не вышел. Стас терпеливо нажал кнопку еще раз, чувствуя, что за ним наблюдают по крайней мере с двух сторон.

Тишина. Птичьи голоса в саду и в лесу за дорогой. Скрипы деревьев. Далекие звуки автомобильных моторов.

Стас нажал кнопку и не отпускал минуты две. Ничего, ни одного движения. Тогда он вытащил синкэн-гата и одним движением развалил калитку надвое, превратив ее в стеклянную паутину. Вошел на территорию дачи и увидел наконец сторожа, возникшего на пороге небольшого строеньица с помповым ружьем в руках.

— Эй, бандюга, может, скажешь, чего тебе надо? — безразличным голосом осведомился детина двухметрового роста с узловатыми от мускулов руками и бугристым лицом. — Ножик-то брось, не то подстрелю. Тебе кто дал право врываться на территорию частной собственности?

— Позови хозяина. — Стас продолжал идти, хотя и медленнее.

— Я хозяин. — Ствол «помпушки» глянул Стасу в грудь. — Стой, кому говорю!

Стас пропустил предупреждение мимо ушей. Добродушное выражение на лице сторожа уступило место сосредоточенному обдумыванию возникшей ситуации, так что стало ясно — думать парень не привык. Затем он вскинул ружье к плечу, сощурил глаз, выцеливая ногу шагавшего вперед гостя, и... с криком изумления отлетел назад, роняя оружие. Голыш, брошенный Стасом, угодил ему прямо в переносицу.

Стукнула дверь дачи, на пороге появился Юрьев в халате. Стас остановился напротив, не опуская меча. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Потом кардинал закрыл дверь за собой и спустился по ступенькам крыльца на дорожку, мельком глянув на лежащего навзничь с раскинутыми руками сторожа.

— Зачем пожаловал?

— Не за чем, а за кем. Где Мария?

— Ее здесь нет.

— Не верю!

— Ее здесь нет. — Глаза Юрьева налились темной силой, голову Стаса сдавили горячие твердые пальцы, под кости черепа проникли холодные щупальца, перебирая складки мозга, выискивая что-то. Стас напрягся, пытаясь закрыться от пронизывающего взгляда кардинала, поднял меч, и ему тут же стало легче.

— Где Мария?

Юрьев, потерпевший неудачу с подчинением воли молодого человека, покачал головой.

— Какой же ты еще мальчишка, совсем мудха[1], как говорят индусы. У тебя в руке синкэн-гата, а в голове ветер. Неужели ты способен убить меня, чтобы узнать, где прячется Машка?

Стас подумал, опустил меч, вдруг осознавая всю некорректность своего поступка, но ответить Юрьеву не успел: тот вдруг поднял голову, глядя вверх и прислушиваясь к чему-то, потом повернулся к дому и повелительно обронил:

---

[1] Мудха — неразвитый *(инд.)*.

— Иди за мной! Мальчишка! Ты привел за собой ликвидатора!

Скрывшись в гостиной, Юрий Венедиктович вскоре появился одетым в свой рабочий костюм с «дипломатом» в руке и радиотелефоном в другой, бросил несколько фраз в трубку, поднял глаза на замершего в нерешительности Стаса.

— Старший Котов знает, куда ты поехал?

— Н-нет...

— Что ж, все, что ни делается, делается к лучшему. Ты хотел видеть Машку? Ты ее увидишь.

И стены коридора, в котором стояли Стас и Юрьев, исчезли. Оба, и кардинал, и студент, оказались в другом мире перед входом в пещеру, охраняемую «живой» статуей Хранителя. А через мгновение из пещеры выбежала Мария, почуявшая прибытие гостей.

Глава 36

КАРДИНАЛ МИНИСТРУ НЕ ТОВАРИЩ

Настроение Германа Довлатовича имело цвет «горечи и яда», как выражался поэт. За последние несколько дней он получил несколько чувствительных ударов по своей империи, которые не способствовали радостному ощущению бытия и заставили маршала СС несколько переоценить значение своих связей с Монархом и ликвидатором. Диктатуру, пирамиду абсолютной власти в реальности строить было невероятно трудно, приходилось все время делиться с кем-то, кого-то привлекать, от кого-то зависеть и кому-то помогать, чего Рыков делать не любил, перенося эту нелюбовь на подчиненных. Так, он жестоко наказал уцелевших охранников и сотрудников центра управления в банке «Северо-Запад» за то, что те допустили прорыв «чистильщиков» и позволили им освободить ценную заложницу, дочь Юрьева. Двоих он просто задушил заклятием «сжимающейся петли», в трех других на глазах остальных разрядил «болевик». Их крики подействовали на «эсэсовцев» столь сильно, что один из них сутки спустя выпрыгнул из окна семнадцатого этажа, а второй заявился в ГУБО и рассказал о деятельности СС все, что знал. Его признания, конечно, дальше кабинета разговаривающего с ним сотрудника ГУБО не ушли, да и самого его

потом сбила машина, но улучшить настроение Германа Довлатовича эти происшествия не могли.

После того, как главные инициаторы похищения дочери Юрьева исчезли — их вертолет оказался пустым — и не появились в районе Троице-Лыкова, под которым располагался МИР Ликозидов, Герман Довлатович сразу понял, что его противник усилил свои позиции знанием универсального тхабса, что намного снижало эффективность приемов, которыми владели сам Рыков и ликвидатор. Теперь команду Котовых надо было искать не только на Земле, но и в других реальностях «розы», а возможности Германа Довлатовича были ограничены. Плюс ко всему отряд противодействия приобрел новых сторонников в лице Юрьева и Бабуу-Сэнгэ, имеющих определенные ареалы воздействия на социум, собственные оперативные подразделения и возможности магического манипулирования. Сбрасывать их со счетов не приходилось, несмотря на мощную поддержку ликвидатора и Монарха, вдруг обнаружившего интерес к происходящему на Земле.

Герман Довлатович не мог отрицать, что Монарх здорово помог ему в последних событиях и готов был помогать и дальше, но за всем этим внезапным интересом наверняка стоял какой-то особый расчет, вычислить который Рыков не смог и мучился, раздираемый сомнениями: что бы это значило? У него даже мелькнула мысль: а не переметнуться ли, пока еще не поздно, в лагерь «чистилища», уничтожить ликвидатора, а уж потом приняться за союзников? Но мысль мелькнула и спряталась до поры до времени, потому что беспристрастный анализ происходящих событий показал силу ликвидатора и его несомненные успехи. Внутренний Круг человечества был почти уничтожен. Уцелеть можно было, лишь присоединившись к победителю.

Но Герману Довлатовичу мало было уцелеть, он хотел остаться е д и н с т в е н н ы м повелителем реальности, а для этого готов был предать кого угодно и сотрудничать с кем угодно, будь то Истребитель Закона, Воин Закона или сам дьявол. Он хорошо усвоил студенческую формулу времен СССР: главное в жизни не то, что есть, а то, чего хочется. А хотел Герман Довлатович многого. Если бы он читал известное произведение Себастиана Бранта «Корабль дураков», то, наверное, запомнил бы строки: «Жена, земля и бездна ада —

сколь ни давай, еще им надо!» Но Бранта Рыков не читал и о бездне ада никогда не думал. Ад был в нем самом.

Сутки спустя после печального инцидента в здании банка Герман Довлатович собрал в клубе «У Шварценеггера» свой ССС — Совет Сверхсистемы, чтобы обсудить положение дел. Этого требовали участившиеся болезненные выпады со стороны «чистилища». Однако на Совет прибыло не более половины генералов СС, напуганных обстановкой в столице, и Рыкову пришлось привлечь своих спецназовцев, чтобы собрать кворум. Проблема защиты СС становилась недопустимо острой, пора было принимать адекватные меры, хотя где искать главных виновников создавшегося положения — комиссаров KKK Самандара и Котова Рыков не знал. Вернее, знал — в «розе реальностей», но достать их там он пока не имел возможностей.

После заседания он собрался было в сауну, расслабиться после стрессовых встреч и решений, и был неприятно удивлен, когда ему позвонил министр внутренних дел.

— Герман Довлатович, — раздался в трубке сотового телефона голос Дятлова, — будьте так любезны, навестите меня в конторе. И как можно быстрее. Есть дело.

— Предлагаю встретиться на нейтральной территории, — сделав паузу, отозвался осторожный Рыков. — Например, «У Шварценеггера» или в Новых Сандунах.

— Я в баню не хожу, — отрезал министр. — Будьте через час в клубе. Выяснили, где прячутся ваши обидчики?

— Еще нет, — бесцветным голосом сказал Рыков. — Но с ними был господин советник президента Юрьев, а он недавно объявился в реальности. Попробуйте получить сведения через него.

— Мои люди его упустили. Что вы знаете о нем, чего не знаю я?

— Юрий Венедиктович считается преемником координатора и очень с ним дружен. Вдвоем они представляют немалую силу. Если хотите расправиться с ними, начните с...

— Приберегите советы до встречи и не опаздывайте. — Дятлов отключил телефон.

Рыкову отчего-то стало зябко, тон министра ему не понравился, и тогда он решил принять кое-какие меры предосторожности. Клуб «У Шварценеггера» считался территорией, свободной от любых разборок и посягательств на свободу

личности, но если министру внутренних дел еще приличествовало следовать каким-то принципам, то эмиссару ликвидатора ни один закон не мог служить препятствием к достижению цели. Следовало побеспокоиться о подстраховке.

Дятлов прибыл в клуб в сопровождении двух шкафообразных телохранителей, все мысли которых легко читались на их мощных складчатых загривках. Рыков, ожидавший министра в бильярдном зале клуба, впервые оценил, как выглядят со стороны подобные типы, ибо его охранники ничем не отличались от этих. Но что поделаешь, если человеку с комплексами нравятся люди сильные и видные, с гипертрофированными мускулами, которые очень редки в среде интеллектуалов...

Дятлов, не здороваясь, подождал, пока Рыков выставит на стол шары и, жестом отослав телохранителей, взял предложенный кий.

— Так что вы там говорили о расправе над Юрьевым и Бабуу?

Герман Довлатович окинул ничего не выражающим взглядом грузную, с выпирающим животом, фигуру министра, со злорадством подумал, что Дятлов не зря комплексует, окружая себя людьми мощными и глупыми. Посредственность и уродство всегда тяготеют ко всему крикливому, большому и вызывающему. О том, что он сам поступает подобным образом, Рыков не подумал.

— Их надо разъединить, рассорить, натравить друг на друга. Тогда можно будет задавить каждого в отдельности.

— Ну, это известная формула, — скривил губы министр, хищно глянул на стол, прицеливаясь, и виртуозно всадил шар в лузу. — Разделяй и властвуй. Я думал, у вас есть конкретные предложения.

Конкретные предложения у Рыкова были, но делиться ими он не спешил.

Дятлов забил еще один шар.

— Итак, к делу, господин кардинал. Если хотите жить, сотрудничайте со мной потесней и не вздумайте менять ориентацию. Кто не со мной, тот против меня, со всеми вытекающими последствиями. И не особенно надейтесь ни на поддержку эгрегора, ни на помощь Конкере. Он далеко, а ликвидатор близко. Вы меня поняли?

— Я бы тоже не советовал вам разговаривать со мной в та-

ком тоне, — бледно улыбнулся Рыков. — Вы же не знаете всех моих козырей.

— Знаю, — отрезал Дятлов. — Ваши люди в клубе обезврежены, так что не стоит на них рассчитывать. А вы, как мне известно, не из тех людей, которые владеют абхайей[1].

— Зато я владею кое-чем другим, — пожал плечами Рыков, не вдаваясь в подробности; он имел в виду гипногенератор «удав».

Дятлов понял его по-своему. Хотя он и получил знания Круга как зомби-проекция ликвидатора, но был все же обыкновенным человеком, в отличие от Рыкова, который владел многими паранормальными способностями и занимал восемнадцатую ступень на «лестнице самореализации» Внутреннего Круга, что позволяло ему оперировать магическими Силами Иегова Элохим и Эл, определяющими степень воздействия на психику человека и на земную реальность в целом.

— Если вы имеете в виду стрелковое оружие, то оно не дает гарантии ликвидации неугодных нам лиц. Пора подумать о ракетных атаках на уцелевших людей Круга.

— Вы это... серьезно?

— Более чем, — сверкнул глазами Дятлов. — Мне церемониться некогда, поставленная задача должна быть выполнена в кратчайшие сроки.

«Но ведь это взорвет всю страну, — хотел сказать Рыков, — начнется хаос, кем и чем я буду управлять?» Но вслух сказал другое:

— Как только вы начнете применять ракеты, вас вызовут в Кремль, потребуют объяснений и отправят в отставку. Кстати, Юрьев, по моим данным, уже подал президенту записку о вашем несоответствии должности с предложением отправить вас на пенсию.

— Это меня не волнует, — отмахнулся Артур Емельянович, забивая подряд три шара. — Я всегда имею возможность обвинить во всех грехах «чистилище». Что вам известно о Воине Закона справедливости?

Рыков, так ни разу и не вступивший в игру, помолчал.

— Насколько я знаю, его приход подготовлен, однако сам он в реальности еще не появился. Зато ходят слухи, что «засветилось» его оружие.

---

[1] Абхайя — свобода от страха, один из принципов дао.

— Синкэн-гата?! — Дятлов оторвался от стола. — Черт возьми, это серьезно! Вы второй, кто мне это говорит. У кого сейчас синкэн-гата? Кроме самого Воина, им может владеть только оруженосец Воина.

— Синкэн-гата доставил на Землю из «розы» Посвященный I ступени Котов... который, кстати, является комиссаром «чистилища», сбежавшим от нас позавчера.

Дятлов отставил кий.

— Найдите мне его! Синкэн-гата не должен попасть в руки Воина! Делайте что хотите, но найдите Котова... если желаете пожить и повластвовать над страной!

В бильярдную зашли телохранители министра. Артур Емельянович оглянулся на них, недовольный вторжением, потом посмотрел на Рыкова и начал кое-что соображать.

— В чем дело, парни?

— Они теперь работают на меня, — любезно пояснил Рыков. — Так что вы напрасно говорили о нейтрализации моих людей в клубе.

Дятлов поморщился.

— Как вы торопитесь, кардинал. Мне ничего не стоит взорвать весь этот клуб... вместе с вами. Доказательства нужны?

— Нет, — подумав, ответил Рыков, снова ощущая сосущий холодок страха в груди. В отличие от Дятлова — не министра, а эмиссара — он о ч е н ь хотел жить.

— Найдите мне Котова, — повторил министр и вышел, обойдя своих перепрограммированных телохранителей как столбы.

Глава 37

ФОЛ ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ

Виктор Викторович Мурашов владел в Москве семью квартирами, из которых только три были известны его соратникам и друзьям, остальные же четыре входили в секретный «золотой фонд безопасности» и не находились ни на балансе спецслужб, ни на балансе канцелярий Круга. Их местонахождение было известно только одному Виктору Викторовичу.

Кроме квартир, кардинал Союза Неизвестных имел три дачи в Подмосковье и два офиса — помимо официального в «Белом доме», поэтому чувствовал он себя достаточно неза-

висимо, уверенный в отсутствии прямой угрозы жизни, и даже несомненные успехи ликвидатора в деле сокращения «поголовья» Круга не смогли поколебать этой уверенности. Просто Виктор Викторович стал осмотрительнее в контактах с государственными деятелями и людьми вообще и увеличил численность охраны собственной персоны еще на полтора десятка человек.

После боя с Германом Довлатовичем на территории «Лосиного острова» Виктор Викторович некоторое время скрывался на одной из тайных квартир, ожидая, что предпримет ликвидатор, но так как относительно его никаких действий не последовало, он осмелел и вышел на работу, где встретился с премьер-министром и поделился с ним сомнениями относительно служебного соответствия министра внутренних дел. Москва была взбудоражена убийствами известных деятелей, взрывами и терактами, бой между «неизвестными террористами» и силами правопорядка в здании банка «Северо-Запад» стал последней каплей в чаше терпения Совета безопасности, которым руководил Мурашов.

Премьер тоже был озабочен творившимся в стране беспределом и пообещал секретарю Совета безопасности поговорить на эту тему с президентом, а поскольку слову премьера можно было верить, Виктор Викторович немного воспрял духом. Рычаги влияния на жизнь страны еще подчинялись ему, и это вселяло определенные надежды на успех в борьбе с ликвидатором.

В пятницу седьмого июня, проведя очередное заседание Совета (эти заседания стали чуть ли не ежедневными), Виктор Викторович решил слегка расслабиться и после обеда поехал в закрытый спортклуб «У Шварценеггера» для правительственных чиновников, располагавшийся рядом с одноименным элитным клубом у Патриарших прудов. Кардинал любил проводить время на прекрасных теннисных кортах этого клуба и ракеткой владел прилично, что для высшей правительственной элиты стало как бы нормой с подачи еще первого российского президента.

На корте Виктор Викторович появился в пять часов пополудни, пригласив в качестве партнера первого вице-премьера. Корт был накрыт козырьком, играть на нем было весьма приятно, тем более что за игрой наблюдала молодая симпатичная секретарша Мурашова, и Виктор Викторович забыл о

своих неприятностях и невзгодах. Однако не надолго. Ликвидатор напомнил о себе сам и в тот момент, когда меньше всего хотелось думать о нем.

Внезапно Мурашов почувствовал «толчок» ментального поля и мгновенно понял, что обстановка вокруг изменилась. Не нужно было даже выходить в астрал и вызывать состояние просветления — сатори или самадхи, чтобы оценить ситуацию: некто очень большой и властный, владеющий магическим оперированием, вычислил положение кардинала и перекрыл ему свободный отход в психофизическом поле. Означать это могло только одно: ликвидатор начал операцию по уничтожению кардинала, ни капли не смущаясь возможным общественным резонансом.

Виктор Викторович очень хорошо знал возможности министра внутренних дел и был готов к покушению на свою жизнь, однако он не знал пределов цинизма этого человека, зомбированного ликвидатором, и не был подготовлен к масштабу предлагаемой игры и мощности выбранных средств.

Охрана Мурашова, к данному моменту насчитывающая два десятка человек, свое дело знала неплохо и рассредоточилась вокруг корта и по всему клубу так, что могла перекрыть доступ к охраняемому объекту любой террористической группе, если таковая возымела бы намерение напасть на особо важную персону. Однако и бригада спецназа, усиленная ОМОНом и оперативной ротой ГУБО, подчиненная непосредственно Дятлову, тоже неплохо владела навыками диверсионной работы и захвата террористов. Получив приказ на задержание Мурашова и разрешение применять оружие (под каким предлогом это делалось, чем руководствовалось командование бригады, чем обосновывал свой приказ министр — осталось неизвестным), бригада начала действовать и, как только охранники секретаря Совета безопасности стали сопротивляться, применила все, что имела на вооружении: снайперские винтовки повышенной точности с автоматической подводкой «плавающего» ствола на цель, лазерные пистолеты, газовые парализаторы и электрошокеры. Вся операция по нейтрализации первой линии обороны Мурашова, выставленной вокруг и внутри спортклуба, заняла несколько минут. Затем наступила очередь ликвидации второй линии защиты — вокруг и внутри кортов, непосредственно на площадке.

Здесь наступление ОМОНа замедлилось. Охранники уже получили сигнал о нападении и начали операцию по спасению охраняемой персоны, также не особенно церемонясь в выборе средств защиты; все они были вооружены пистолетами-пулеметами «кипарис» и «клин», а также новейшими «волками» и стреляли не хуже омоновцев.

Мурашов начал отступление еще раньше, как только почувствовал изменение психофизических потенциалов вокруг Патриарших прудов. Не объясняя свои действия ни партнеру, ни зрителям, ни охране, он устремился бегом с площадки к запасному выходу из клуба, вовремя обнаружил двух снайперов на крышах недалеких высотных домов, обездвижил их, чувствуя, что за ним продолжает наблюдать тот самый н е к т о, двинувший свои полки на ликвидацию кардинала, но до выхода не добежал: сломив сопротивление внешней линии охраны, омоновцы ворвались на территорию клуба и с этой стороны. На размышления времени у Виктора Викторовича не оставалось совсем, и тогда он использовал состояние самадхи для преодоления порога Силы Иеговы, способной изменять законы природы в ограниченном объеме.

Для многочисленных свидетелей атаки ОМОНа на корты спортклуба, в том числе и для собственных телохранителей, Виктор Викторович просто исчез. На самом же деле он «отвел» всем глаза заклятием невидимости, и омоновцы перестали его видеть.

Наверное, если бы не вмешательство еще одной трансцендентной силы в лице Рыкова, Мурашов ушел бы живым. Он прошел цепь бойцов спецназа, выбрался в переулок за строениями клуба и даже преодолел пешеходный мостик над дорогой, готовясь остановить чей-нибудь автомобиль, высадить водителя и уехать, но в это время Рыков, наблюдавший за проведением операции из окна на двенадцатом этаже ближайшего дома, нанес ментальный удар по сознанию бывшего коллеги.

И тотчас же пелена невидимости вокруг Мурашова исчезла, его заметили.

Виктор Викторович успел-таки отбить эту страшную невидимую астральную атаку, едва не погрузившую его в беспамятство, поймать машину и сесть в нее, а также снова попытаться создать зону невидимости вокруг себя, но один из бойцов охранения, заметивший кардинала, за мгновение до

исчезновения Мурашова навел на захваченную им машину гранатомет и выстрелил.

Взрыв гранаты произошел уже в зоне невидимости, однако это секретаря Совета безопасности не спасло, граната рванула буквально в его голове, вонзившись в висок. Жизнь кардинала оборвалась...

* * *

Оставив ошеломленного Стаса и Марию возле пещеры со статуей Хранителя, не дав им опомниться, Юрьев вернулся в земную реальность, возникнув прямо у себя в кабинете в здании президентской администрации на территории Кремля. Первое, что он увидел, оторопев от неожиданности, — висящий в центре кабинета мохнатый по первому впечатлению гудящий шар. Это был рой пчел! И как только Юрий Венедиктович понял, что это пчелы, рой бросился на него.

Любого другого человека пчелы вполне могли закусать до смерти. Однако нападение, хотя и было неожиданным, не сопровождалось ментальной поддержкой и деформацией энергетических оболочек тела, поэтому Юрьев легко отбил его всплеском Силы Эл, превратив пчел в тающие янтарные капли. И все же сюрприз был неприятен. Он говорил о том, что ликвидатор ищет новые формы атак на Посвященных и успокаиваться не собирается.

Юрий Венедиктович закрыл окно в кабинете, внимательно осмотрел его на предмет других сюрпризов, ничего не обнаружил и позвонил президенту. Надо было заставить его обратить внимание на деятельность Министерства внутренних дел и тем самым ограничить Дятлову свободу маневра. Снять его указом президент не мог, но мог дать рекомендации Думе рассмотреть вопрос снятия с должности за упущения в работе, некомпетентность и злоупотребления служебным положением. С другой стороны, Юрий Венедиктович прекрасно понимал, что это не решение проблемы. Министра, эмиссара ликвидатора, в принципе можно было нейтрализовать и даже вообще уничтожить, однако на его место пришел бы другой эмиссар, и война продолжалась бы по-прежнему. А к самому ликвидатору подхода пока Юрьев не видел. Теми средствами, что имелись в распоряжении кардиналов, уничтожить его действительно было невозможно. Лишь

некоторые из Великих Вещей Мира, такие, как винаяка и синкэн-гата, обладали потенциальными возможностями воздействия на разумную систему Истребителя Закона, но они почти все находились под контролем Хранителей и доступа к ним Посвященные других каст не имели.

Конечно, у Юрия Венедиктовича была перспектива завладеть «духовным мечом» Стаса Котова, то есть синкэн-гата, мальчик, по сути, находился в его руках, и теперь только надо было подобрать к нему ключик.

Разговор с президентом, к которому Юрьев мог входить в любое время дня и ночи, длился всего несколько минут. Человеку Круга ничего не стоило убедить главу государства в необходимости замены министра внутренних дел. Теперь оставалось то же самое доказать Думе, а этот процесс требовал времени. Надо было выловить руководителей думских фракций и при необходимости зомбировать каждого, чтобы большинство депутатов на очередном заседании Думы проголосовали за отставку министра.

Домой Юрий Венедиктович демонстративно поехал без охраны, она ему была теперь не нужна. О смерти Мурашова ему сообщил по сотовому телефону секретарь-референт, когда Юрьев уже подъезжал к Арбату. Размышляя над печальным событием, Юрий Венедиктович обозрел астральные горизонты в поисках опасности и поднялся на свой этаж. В квартире кардинала ждал Бабуу-Сэнгэ, сумевший преодолеть «печать отталкивания» и обойти охрану дома.

— Вы знаете о гибели Виктора Викторовича? — без предисловий начал он.

Юрьев оглядел наряд координатора: Бабуу-Сэнгэ сменил свой атласный халат на приличный европейский костюм и трость, изменил цвет лица и волос, сами волосы связал в пучок на затылке, нацепил темные очки и теперь был похож на музыканта. Юрий Венедиктович отметил для себя эти знаменательные перемены в облике никогда ранее не переодевавшегося координатора и прошел в спальню, где переоделся в домашний халат.

— Это ваши люди караулят Арбат? — обратился он, вернувшись в гостиную, к Бабуу-Сэнгэ. — Или оперативники ликвидатора?

— Мои, — слегка поклонился гость. — Вы так спокойно

об этом говорите, Юрий Венедиктович, что я начинаю верить словам Рыкова, что вы теперь тоже обладаете тхабсом.

— Это правда, — после паузы ответил Юрьев. — Чай, кофе?

— Кофе, — неожиданно попросил Бабуу-Сэнгэ, всем напиткам всегда предпочитавший чай. И этот момент также отметил для себя Юрьев, понимая, что координатор Союза не зря изменил не только одежду, внешность, привычки, манеры, но и образ жизни.

— Есть старый анекдот, — улыбнулся Юрий Венедиктович. — К психиатру приходит женщина: «Доктор, с моим мужем творится что-то странное. Он каждое утро пьет кофе». — «Что же здесь странного?» — «Да, но потом он съедает чашку!» — «Как, целиком?!» — «Нет, ручку почему-то оставляет». — «Действительно, странно, — задумчиво произносит доктор, — ведь самое вкусное — это как раз ручка...»

Бабуу-Сэнгэ мелко засмеялся. А у Юрьева на душе заскребли кошки. Координатор никогда раньше не позволял себе показывать свои переживания.

— Присаживайтесь. — Юрий Венедиктович сварил и принес кофе. — Чем обязан визиту?

Он догадывался, почему пришел к нему координатор, но собирался поиграть с гостем, заставить его раскрыть карты первым. И тут сработал известный спортсменам закон парности ошибок. В коллективных играх, таких, как волейбол, баскетбол и футбол, очень часто случается так, что на ошибку игрока одной команды тут же вторая отвечает ошибкой своего игрока. То же самое произошло и сейчас.

Юрьев ждал игры, каких-то предварительных разговоров, намеков, обмена информацией и ошибся, потому что Бабуу-Сэнгэ пришел не для переговоров или ради обсуждения возникших проблем, он пришел, чтобы получить тхабс, причем — силой! Юрьев ждал объяснений, а вместо этого схлопотал мощнейший, фрустирующий психику ментальный удар, усиленный разрядом «глушака» и «нагрудником справедливости» — талисманом координатора, частичкой Великой Вещи Мира, известного под названием «кодон». Эта Вещь — кодон — могла лишить сознания и воли любого человека, в том числе Посвященного, человека Круга.

Но и Бабуу-Сэнгэ допустил ошибку, посчитав свою внезапную атаку достаточной и не повторив ее, в результате чего Юрий Венедиктович, сознание которого «вылетело» за пре-

делы всех частотных уровней психики, но «врезалось» в стену тхабса и задержалось на мгновение в инстинктивной сфере, усилием гаснущей воли успел бросить себя в «розу реальностей».

Бабуу-Сэнгэ остался в квартире кардинала один. Проникнуть в подсознательные глубины психики Юрьева и считать с памяти формулу тхабса он не успел. Обессиленный поражением, он опустился на ковер, словно постарев сразу на полсотни лет, и начал молиться...

Глава 38

ЛИКВИДАЦИЯ ЭМИССАРА

План был оптимален, это признал даже скептически настроенный поначалу Самандар. Портили настроение Василия лишь исчезновение Стаса и отсутствие «в пределах оперативной видимости» Юрьева с дочерью. Самандар даже увязал оба этих вида абхав[1] в один узел, но проверить догадку пока не представлялось возможным, да и времени не хватало, и Василий скрепя сердце начал развертку бандлика по эмиссару ликвидатора — министру внутренних дел — без ученика.

Весь расчет строился на посещении Дятловым клуба «У Шварценеггера», где министр, заядлый поклонник и мастер бильярда, проводил почти каждый вечер. Ничего не стоило изучить его привычки, манеру поведения и весь процесс игры от момента появления в клубе до его закрытия. Веня Соколов со своими разведчиками сделал это за два дня. На третий — в субботу восьмого июня «чистильщики» приступили к реализации плана.

Дятлов обычно посещал клуб после семи-восьми часов вечера, но в субботу мог прийти и днем, поэтому все было основано на безупречном взаимодействии наблюдателей, следящих за каждым шагом министра, и оперативников Со-

---

[1] А б х а в а (отсутствующее) — седьмой род реально существующего. Делится на четыре вида. Вид 1 — вещь, отсутствующая до своего рождения. Вид 2 — отсутствующее после своего разрушения. 3 — отсутствующее в ином, не своем качестве (горшок в качестве циновки, например). 4 — отсутствующее в данном месте.

колова и Баканова. Василий и Самандар должны были начать операцию первыми, появившись в клубе раньше Дятлова.

Сигнал о том, что министр выехал с Петровки в направлении Патриарших прудов, Котов получил в шестнадцать часов три минуты. Через пять минут он подъехал к зданию клуба и, предъявив клубную карточку, прошел на территорию знаменитого катрана, посещаемого сильными мира сего, включая правительственных чиновников, главарей мафии, бандитов и криминальных авторитетов, имеющих респектабельную официальную репутацию «бизнесменов».

Самандар уже находился в клубе (под личиной помощника депутата от фракции ЛДПР Блехно), где в ожидании прибытия министра баловался с кием, сняв лучший из бильярдных столов на весь вечер. Веня Соколов, пребывающий в амплуа телохранителя «помощника депутата», помогал ему играть «хозяина», подобострастно меняя напитки и собирая шары. Остальные «чистильщики» заняли места согласно «штатному расписанию», пройдя в клуб заранее под разными масками и предлогами.

Сначала в бильярдную заглянули сотрудники секьюрити министра — трое спортивного вида, высоких и сильных, с цепкими глазами, молодых людей. Они готовили для своего босса гарантированную зону безопасности. Один из чекистов подошел к играющим и вежливо попросил предъявить документы.

Василий, играющий роль депутата Блехно, недовольно глянул на молодого человека, буркнул:

— Я Блехно. А это мои помощники. В чем дело?

— Обычная проверка, — с терпеливой вежливостью ответил молодой человек. — Мы видим вас впервые, а через несколько минут клуб посетит особо важная персона, понимаете?

— Ну и что? — На лице Василия нарисовалась высокомерно-снисходительная мина. — Мы здесь все особо важные. Охрана клуба свое дело знает, так что ваша проверка излишня.

Глаза молодого человека приобрели цвет стали.

— И все же я попросил бы...

— Сначала предъявите свои полномочия, — возник сбоку улыбчивый Соколов. — Мы ведь тоже можем устроить проверку.

Чекист подумал и достал удостоверение на имя подполковника милиции Сахарова.

— Очень приятно познакомиться. — Соколов протянул свое — полковника ФСБ. — Уверяю вас, коллега, все в порядке, и эти люди находятся здесь на законном основании. Это известный всем депутат Яков Семенович Блехно, это его помощник Борис Леонтьевич Сахно, кстати, блестяще играет в бильярд. Какая еще проверка нужна? А здесь мы действительно впервые, так как играли раньше в клубе «Достоевский».

Это была правда. Настоящий депутат Блехно посещал именно этот престижный клуб, отличающийся более свободным и раскованным поведением столичной богемы.

Молодой человек еще немного подумал, через силу выдавил из себя «извините» и отошел. Самандар, так ни разу на него не посмотревший, продолжал играючи класть в лузы шар за шаром. Василий подошел к нему, и они начали «русскую горку», перестав обращать внимание на всех, кто находился в зале.

Пошептавшись со своими коллегами, подполковник Сахаров исчез, а еще через минуту вернулся, сопровождая Дятлова, что-то втолковывая ему на ходу.

Артур Емельянович остановился в центре зала, разглядывая вальяжно-важные лица игроков, затем отвлекся на оценку партии и уже с иным интересом посмотрел на Самандара, с небрежной грацией профессионала продолжавшего кладку шаров. Подвели Дятлова его природная самоуверенность и пренебрежение к противнику. Будучи абсолютно убежденным в собственной неуязвимости и тактической непогрешимости, он не был готов к тому, что кто-то посмеет приготовить ловушку лично ему да еще в столь неподходящем для этого месте, и принял диктуемые «чистилищем» условия игры.

Василий понял это сразу, многозначительно поднял бровь. Самандар кивнул. Министр клюнул на приманку.

— Позвольте? — подошел он к игрокам. — Вы Яков Семенович? Извините, что не знаю вас в лицо, хотя наслышан. Я Артур Емельянович...

— О, господин министр, мы не только наслышаны, но и хорошо вас знаем, — расцвел улыбкой Василий, чуть ли не расшаркиваясь. — Вы занимаете такое высокое кресло, которое видно издалека. Не желаете ли сыграть? Я, откровенно

говоря, играю слабо, хотя и люблю это дело, нервы успокаивает, знаете ли, а вот мой помощник — мастер.

— Да, я заметил. Не возражаете, если мы с ним покатаем желтенькие?

— Какие разговоры? — развел руками Василий. — С удовольствием понаблюдаю за поединком львов.

Дятлов взял принесенный из отдельного шкафчика кий, взвесил его в руке.

— Классику? Или предпочитаете сотенку с отколышем?

— Я играю все, — бесстрастно поклонился Самандар.

— Прекрасно, тогда предлагаю славяночку по маленькой.

Веня Соколов по жесту «хозяина» с готовностью собрал шары в треугольник, министр разбил его, и игра началась. Василий отошел к соседнему столу с кием в руке, делая вид, что поглощен игрой, а сам принялся анализировать расстановку сил.

По докладам наблюдателей положение «чистильщиков» представлялось более выгодным, чем прибывших оперативников министра. Во-первых, потому, что никто их не вычислил и не знал в лицо, во-вторых, потому, что они заняли стратегически важные позиции у входов-выходов, в игровых залах и на кухне. Охранники министра в количестве двух десятков человек сосредоточились возле бильярдного зала и разошлись по коридору к выходу, до автостоянки. Еще одна группа спецназа, не обнаруживающая себя, но доступная контролю «чистильщиков», ждала министра в микроавтобусе «Рэндровер». В отличие от группы внутри клуба эти парни были прекрасно вооружены и экипированы и только ждали команды, чтобы тут же появиться на сцене, если этого потребует ситуация. Их следовало опасаться больше всего.

Кроме того, Артура Емельяновича на берегу пруда, на специальной площадке, ждали вертолет и взвод поддержки. Министр не зря считал себя в полной безопасности.

Вася оглядел зал, оценивая расположение противника.

Против троих — Самандара, Вени Соколова и его самого противоборствующая сторона выставила шестерых телохранителей министра под командованием подполковника Сахарова плюс штатный охранник клуба, плюс двое парней обслуживающего персонала. Кроме них, в зале находились еще две пары игроков, пожилых и молодых, и две девицы сопровождения, которых тоже следовало взять в расчет, потому

что было неизвестно, являются ли они завсегдатаями клуба или входят в команду охраны Дятлова негласно. И все же Василий остался доволен обстановкой, несмотря на явно превосходящие силы противника. Невооруженных людей, какими бы они профессионалами боя ни были, он не боялся.

— Начинаем? — подошел к нему Соколов, напружиненный, наполненный злым весельем предстоящей схватки; если кто и прислушивался к разговорам в зале, вряд ли успел бы сообразить, к чему относится реплика.

— Я первый, — одними губами напомнил Василий.

Игра между тем продолжалась. Самандар не дал Дятлову в первой партии ни одного шанса отыграться, и министр, забыв обо всем, рвался восстановить статус-кво.

Василий, якобы завороженный игрой, подошел ближе к столу с открытым ртом, отмечая встречное движение подполковника Сахарова, контролирующего ситуацию со своей стороны. Чекист хорошо видел подконтрольную зону и на всякий случай перестраховывался.

— Не мешайте, Яков Семенович, — прошептал он на ухо Василию, приблизившись вплотную.

— Я только возьму шар, — прошептал Вася в ответ, вытащил из лузы шар, забитый Самандаром, и сделал шаг назад. Сахаров отступил, ложно истолковав желание «депутата», и в то же мгновение Василий специальным приемом, так называемым «щелчком плетью», бросил шар в министра. Перехватить руку метателя захваченный врасплох подполковник не успел.

Шар с силой врезался Дятлову в висок, ломая височную кость, отбрасывая голову согнувшегося над столом Артура Емельяновича, и тотчас же на его голову обрушился еще один удар: Вахид Тожиевич неуловимым движением воткнул кий в глаз министра.

На мгновение все застыли, глядя, как падает на пол с торчащим из головы кием особо важная персона. Затем началось то, что называется паникой среди зрителей и стрессовой реакцией оплошавшей охраны.

Подполковник Сахаров, оскалившись, бросился на Василия и нарвался на прием ТУК, уложивший начальника охраны на пол рядом с мертвым шефом. Остальные охранники ринулись на «депутата и его помощника», но были встречены вихрем контратак Самандара и Василия, вошедших в

т е м п и действующих на сверхскоростях, недоступных даже оперативникам спецназа. Веня Соколов помогал командирам чем мог, зорко наблюдая за ходом боя и командуя своими людьми, начавшими чистить территорию клуба от бойцов ОМОНа и готовить отход основной группы.

Бой в бильярдном зале длился всего четверть минуты. Шестеро телохранителей министра, бросившиеся им на помощь охранник клуба и парни обслуживающего персонала все до единого потеряли сознание от касаний ТУК и ударов, которыми наградил их Самандар. Затем началось отступление «чистильщиков», безупречно сделавших свое дело.

Последним уходил Василий, проверив на всякий случай состояние Дятлова и убедившись, что тот бесповоротно мертв. И в это время ему показалось, что стены зала качнулись, а в ушах лопнула тонкая стеклянная нить. Кто-то далекий и в то же время близкий, словно засевший одновременно во всех стенах зала, одарил людей презрительно-угрожающим взглядом, нашел Василия и прыгнул на него со всех сторон сразу...

Но Котов был готов и к этому варианту — выходу на сцену самого ликвидатора, владеющего эгрегорными полями зомбированных им людей. Он не зря надел свою «тюбетейку» — генератор защиты от гипноизлучения и уговорил надеть такие же Самандара и Соколова. «Тюбетейка» взяла на себя основную часть пси-атаки, а остальное отбил сам Котов, не потеряв ни на миг нити ситуации. То же самое сумел сделать и Вахид Тожиевич. Лишь Соколову досталось больше, но и он не потерял сознания, продолжая привычно, несмотря на качающиеся стены, контролировать операцию и действия окружающих. Именно он уловил движение одной из девиц, по-мужски цепко следящей за происходящим, — девица собиралась метнуть в отступавших комиссаров какой-то предмет, оказавшийся миниатюрной гранатой с парализующим газом (!), — и кием выбил гранату у нее из руки.

Дальнейшее произошло в течение пяти секунд, пока срабатывал взрыватель гранаты.

Из двери в коридор вдруг выскочил Самандар, бросив одно слово:

— Назад!

Крикнул Соколов:

— Граната!

Василий прыгнул к столу, цапнул бильярдный шар, на-

шел глазами падающий «грецкий орех» гранаты и броском шара отбил орех к двери.

Раздался чмокающий хлопок взрыва, в проеме двери вспухло белое, стремительно расширяющееся облако дыма. И тотчас же сквозь это облако в зал ворвался поток черной жидкости, целеустремленно хлынувший к Посвященным, отступившим ко второму выходу из зала. Лишь спустя мгновение Василий разглядел, что это была за «жидкость» — поток тараканов! И веяло от этого потока холодной нелюдской ненавистью, угрозой и ужасом!

— Беги! — подтолкнул Веню к выходу Василий. — Вариант номер два!

Соколов безмолвно нырнул в дверь, бормоча команды отступления по варианту два. Василий и Самандар задержались, соединенным ударом ментального поля останавливая поток тараканов, превращенный ликвидатором в коллективное разумное существо с единым полем сознания. Но сражаться с ним они не стали, как ожидал этого, наверное, ликвидатор, не успевший подстраховать своего эмиссара. Остановив поток, Посвященные тут же рванули вслед за Соколовым, и догнать их «тараканья проекция» ликвидатора уже не смогла. Зато она здорово напугала омоновцев, пытавшихся задержать отступавших «чистильщиков».

Через минуту Котов, Самандар и Соколов сидели в машине. Еще через минуту они были далеко от Патриарших прудов.

Штурм-команда «чистилища» в течение этого времени организованно сворачивала свои порядки, «втягивала щупальца под панцирь», маскировала следы и тихо растворялась в ущельях близлежащих к территории клуба улиц. Вооруженная до зубов рота спецназа, оцепившая клуб, уже ничем не могла помочь своему министру.

Глава 39

НЕ ЩАДИТЬ НИКОГО!

Истребитель Закона хоть и не был человеком и вообще живым существом, способным испытывать боль и радость, гнев и обиду, другие эмоции и переживания, однако совсем бесчувственным назвать его было нельзя. Так, гибель рос-

сийского эмиссара, попавшего в ловушку тех, за кем он охотился, подействовала на ликвидатора угнетающе и одновременно возбуждающе, заставила испытать специфические гнев и ярость, но не поколебала уверенности в скорое достижение цели. Однако возрастающее сопротивление дичи — людей Круга требовало принятия адекватных мер, и ликвидатор объявил всем эмиссарам «час молитвы», то есть созвал их для всеобщего инструктажа.

Всего эмиссаров набралось по разным странам около тысячи человек. Этого количества еще не хватало для образования полноценного эгрегора, но уже было достаточно для создания зародыша, ядра будущего всепланетного эгрегора, на который мог бы опереться ликвидатор, а впоследствии — образовать новое качество: «переселиться» из компьютерной сети в сознание коллектива, создать разумную систему типа «стая». В этом случае ликвидатор становился практически не уничтожимым. А помочь ему в создании «разумной стаи» могли многие лидеры групповых и национальных эгрегоров, такие, как Герман Довлатович Рыков, координаторы Союзов Неизвестных, президенты и премьер-министры разных стран. Но если кодирование президентов и премьеров казалось достаточно простым делом, все они пользовались компьютерами и были зависимы от них, то Рыков, а вместе с ним и его мощный российский криминальный эгрегор, «эгрегор Тьмы», был пока неподконтролен ликвидатору, и привлечь его на свою сторону являлось задачей номер один. Задачей номер два Истребитель Закона считал уничтожение бывшего кардинала, сумевшего-таки чем-то заинтересовать Монарха и получить его поддержку. Задачей номер три становилось уничтожение Посвященных, ликвидировавших министра внутренних дел России и свободно разгуливающих по «розе реальностей».

Инструктаж эмиссаров состоялся восьмого июня, почти сразу же после гибели министра-эмиссара. Он был краток и категоричен.

— В связи с неуклонно падающей эффективностью операций по гашению людей Круга, — сказал ликвидатор (только небольшая доля компьютеров не была оборудована звуковыми и мысленными диалоговыми системами, имея выход на дисплеи, остальные компьютеры давно общались с операторами как живые существа), — приказываю увеличить мощ-

ность применяемых средств. Для этого всем в кратчайшие сроки необходимо выйти на секретные арсеналы и военные базы, чтобы всегда иметь под рукой необходимое оружие: огнеметы, лазеры, гранатометы, плазменные разрядники, реактивные установки залпового огня, зенитные ракетные системы, установки тактических ракет и даже стратегические комплексы разного базирования. Плюс самолеты и вертолеты. Это первое. Вопросы есть?

Ни один из эмиссаров, подключенных к сети ликвидатора, вопроса не задал. Зомби-солдаты, которыми они, по сути, являлись, не сомневаются в правильности диктуемых приказов.

— С вами приятно разговаривать, когда вы молчите, — пошутил ликвидатор. — Второе: при огневых контактах не жалеть ни средств, ни объектов гашения, ни случайных прохожих и жильцов! Не щадить никого! Если для уничтожения одного человека потребуется уничтожить два десятка оказавшихся рядом ни в чем не повинных с точки зрения человеческой морали людей, сомнений быть не может: уничтожать! Вопросы?

Вопросов не было.

— Отлично. И последнее. Я обещал снабдить вас Великими Вещами Мира — кодонами, с помощью которых можно запрограммировать человека Круга любого уровня, даже иерарха, но возникли некоторые сложности. Каста Хранителей вышла из-под контроля патриархата Круга и заблокировала практически все подходы к Великим Вещам. Но выход все же есть. В России, Японии и Соединенных Штатах разработаны и испытаны в действии гипногенераторы, обладающие необходимой мощностью пси-излучения. В скором времени вы их получите. Вопросы?

— Позволите? — откликнулся эмиссар Украины, он же — ее военный министр. — Правда, что нашего российского коллегу замочили «чистильщики»? Они так сильны? Может быть, мы сможем помочь в их ликвидации?

— «Чистилище» — моя проблема, — отрезал Истребитель Закона. — Занимайтесь своими делами, у вас их не меньше, чем в России.

— А кто заменит Артура Емельяновича?

— Директор Федеральной службы безопасности, — отве-

тил ликвидатор. — Совещание окончено. Работайте. Я буду рядом с каждым из вас. И помните: не щадить никого! В противном случае не ждите пощады сами!

Глава 40

ИАЙДО

Самандар вернулся в погреб к девяти часам вечера и застал Василия за интересным занятием: с меланхолически-задумчивым видом Котов бросал в дальнюю стену погреба метательные звезды. Проследив за порхающим полетом одной из них (звездочка называлась «мотылек» и летела по принципу бумеранга), Вахид Тожиевич сел в единственное имеющееся в погребе кожаное кресло и поднял взгляд на остановившегося угрюмого Котова.

— В институте он не появлялся.

Василий кивнул и продолжил свое занятие, всаживая сякэны и сюрикэны один возле другого. Когда запас метательных снарядов иссяк, он присел рядом с директором МИЦБИ на верстак.

— Куда он мог пойти еще?

Речь шла о Стасе. После успешной операции по уничтожению Дятлова «чистильщики» начали поиск Котова, но найти его не смогли, а поскольку парень он был, в общем-то, дисциплинированный и не мог отлучиться надолго, то его отсутствие означало одно из двух: парня захватил либо Рыков, либо ликвидатор. И особенно удручало то, что проверить эти предположения было невероятно трудно.

Василий, конечно, послал Соколова с его ай-профи по адресам, где Рыков и Дятлов могли держать молодого человека, но на скорый результат не надеялся. Василия смущало еще одно обстоятельство: исчезновение Юрьева. Кардинала не оказалось ни на даче, ни дома на Арбате, ни на второй квартире в Серебряном Бору, ни на работе. Так же, как и его дочери.

Было ясно, что Стас, освободившись от опеки охранников Вахида Тожиевича, отправился на поиски Марии, однако никто его из наблюдателей Баканова и Соколова не видел. Парень как в воду канул.

— Он мог пойти лишь к Юрьеву, — изрек наконец Саман-

дар. — Я проговорился о твоем посещении дачи кардинала, и парень, наверное, намотал это на ус.

— Но ни на даче, ни на квартирах Юрьева он не появлялся.

— Не уверен, — покачал головой Вахид Тожиевич, подумав. — Веня оставил там двух своих парней, но они тоже исчезли, кстати. Так что Стас вполне мог добраться туда беспрепятственно и нарваться на засаду ликвидатора. Да и квартиру Юрьева мы взяли под контроль недавно, и там он мог появиться.

Василий размышлял недолго.

— Едем! Проверим дачу, квартиры сами, потом свяжемся с Германом, это будет завершающим аккордом поисков Стаса на Земле. Найдем — голову откручу! Сдается мне, что он где-то в «розе», но убедиться в отсутствии его в нашей реальности необходимо.

— Шаман ты, однако...

— Что?! — Василий удивленно глянул на Самандара. Тот растянул в улыбке узкие губы.

— Анекдот вспомнил. Сидит чукча на дереве и пилит сук, на котором сидит. Мимо идет прохожий: «Смотри, чукча, упадешь!» — «Однако вряд ли...»— отвечает чукча и падает. Вскакивает, смотрит вслед прохожему и качает головой: «Шаман, однако...»

Василий нехотя улыбнулся.

— Хорошо, если шаман, лишь бы не чукча...

На трех машинах в сопровождении Соколова и Шохора они поехали на дачу Юрьева и приехали туда еще засветло. Наблюдатели, обосновавшиеся в лесу недалеко от двухэтажного коттеджа Юрьева, доложили, что никто подозрительный в округе не шатался, в том числе и хозяин, и что можно смело идти на штурм дачи.

Первое, что увидел Василий, подойдя к владению кардинала, была сломанная калитка. Кто-то аккуратно развалил ее на две части, словно сделана она была не из уголка и металлической сетки, а из паутины. Потом Вася увидел следы автомобильных шин на гравии въездной дорожки, и сердце его забилось в тревоге. Похоже было, что на территорию дачи заезжали машины. А затем кто-то из парней Соколова, обошедший строения дачи с тыла, крикнул:

— Есть!

Василий и Самандар поспешили на голос и увидели ко-

товский «Фиат» с распахнутыми дверцами, уткнувшийся носом в стену бани.

— Не подходите, — предупредил молодой человек, обвешанный какой-то аппаратурой, поправив наушники. — Машина заминирована.

Вася и Самандар переглянулись. Мысль у обоих была одна: Стас убит! Но высказывать эту мысль вслух никто не рискнул.

— Ищите, — глухо сказал Котов-старший.

Дача тоже оказалась заминированной. Но ни в комнатах хозяина, ни в подвале, ни в гараже или в сторожке никого не оказалось, дача была пуста. Следов борьбы Посвященные тоже не обнаружили, и это обстоятельство слегка повысило тонус Василия.

— Он здесь был, это очевидно, но потом исчез. Одно из двух: либо его захватили-таки клевреты Рыкова, либо застали врасплох слуги ликвидатора. Только в этом случае Стаса можно повязать или убить. Но смерти я не чую, дом чист. Значит, его взяли в плен. Самое плохое, что у Стаса был с собой синкэн-гата.

— Есть и третий вариант, — с философским спокойствием заметил Самандар. — Стас приехал сюда с чьим-то «хвостом», а когда бойцы Рыкова пошли на абордаж дачи, Юрьев сбежал в «розу», прихватив парня. Кстати, я уверен, что и Марию он упрятал в одном из миров «розы», уж больно спокоен был Юрий Венедиктович, судя по твоему описанию.

— Но потом его видели в Кремле и дома.

— Поехали, проверим.

Василий походил по комнатам не слишком роскошного коттеджа кардинала и решительно повернул к выходу.

Через час они подъехали к дому Юрьева на Арбате. И еще не войдя в него — высланные вперед оперативники Соколова определили, что за квартирой никто не наблюдает и она, по-видимому, пуста, — почувствовали з а п а х психоэнергетического удара. Совсем недавно в этом месте произошла схватка между магическими операторами, и стены здания сохранили отпечаток воздействия ментального поля на уровне Силы Эл.

— Кажется, мы снова опоздали, — хмыкнул Самандар.

— Проверьте квартиру, — мрачно скомандовал Василий сопровождающим.

Спустя несколько минут они вошли в квартиру Юрьева, проверенную спецами Вени на предмет минирования и прочих нехороших сюрпризов. Квартира действительно была пуста, но в ней следы пси-атаки чувствовались сильней, и стало ясно, что здесь произошел поединок двух Посвященных очень высокого уровня. Одним из Посвященных скорее всего был сам Юрьев, о личности же второго можно было только догадываться. Это мог быть и Рыков, и кто-нибудь из уцелевших кардиналов, и даже координатор бывшего Союза Неизвестных Бабуу-Сэнгэ.

— Или авеша иерарха, — добавил Самандар в ответ на озвученные соратником размышления.

— Но я не вижу причины, — возразил Василий. — Какой им смысл драться друг с другом, когда надо объединяться для борьбы с ликвидатором?

— Тхабс, — уверенно произнес Вахид Тожиевич. — Кардиналы тоже люди, несмотря на свои паранормальные возможности, и хотят жить.

Василий обошел спальню Юрьева, кивнул на брошенные на кровать костюм, рубашку, галстук.

— Такое впечатление, будто схватка произошла внезапно, когда он переодевался. Куда же он подевался?

— Вы прямо-таки поэт, Василий Никифорович, — с иронией сказал Самандар. — Кроме как в «розу» деваться ему некуда. Нападение явно было неожиданным, но Юрий Венедиктович успел катапультироваться в «розу», где и надо его искать.

— А где тогда Стас?

— Там же. Они могли уйти в «розу» еще с дачи, а потом Юрьев вернулся. Кстати, если он не ожидал атаки, то гость у него был весьма близкий. Я склонен полагать, что навестил его лично координатор.

— Бабуу-Сэнгэ? Вряд ли он на это способен. Хотя меня это не волнует. Ты что собирался делать?

— Хотел поработать с компами Бохановского центра, у меня есть допуск. Потом спать. А что?

— Предлагаю прогуляться по «розе».

— Прямо отсюда?

— И сейчас. Что нам мешает?

Самандар пригладил волосы, подумал.

— В принципе, причин отказываться не вижу. Но так как с нами нет Стаса с его мечом, нелишне будет вооружиться.

— Светлада предупреждала...

— Я говорю о холодном оружии.

— У меня с собой наборы метательных игл и звезд, ножи.

— А я все-таки пробрался к себе в институт и кое-что умыкнул оттуда. Юра, — позвал Самандар телохранителя по рации, — принеси из машины мою сумку с красными ручками.

Вскоре Шохор приволок большую черную сумку, и Самандар вынул оттуда с десяток мечей.

— Выбирай.

— Ох и запасливый ты мужик, Вахид, — восхитился Василий, примеривая к руке ниндзя-кэн — меч ниндзя. — Тебе бы завхозом работать, а не директором Центра боевых искусств.

— Кто знает, кем еще придется работать. — Самандар взвесил в руках два меча — японские катаны с разными рукоятями. Он владел риото-дзукай — искусством фехтования двумя мечами одновременно.

Василий фехтовал двумя мечами довольно сносно, однако предпочитал классическое кэндо, одинаково хорошо владея японским нинто и русским мечом. Но с собой он взял более легкий нинто.

Они переоделись в комплекты Н-1, превратившие обоих в киношных ниндзя, рассовали по карманам наборы метательных пластин, препоясались мечами, и Василий вызвал Соколова:

— Веня, снимай команду и уходи. Возьми под личный контроль погреб в районе Савеловского.

— А вы как же? — с недоумением спросил Соколов, не реагируя на форму отцов-командиров. — Без охраны?

— Мы доберемся сами, чуть позже.

Соколов выдержал паузу, ожидая каких-либо объяснений, ничего не услышал и безмолвно исчез за дверью. Если он и догадывался о таинственной деятельности комиссаров «чистилища», то держал свои догадки при себе.

Самандар дал указания своей команде по рации, никаких проявлений любопытства и сомнений не услышал и остался доволен. Его парни с удовольствием играли в эти игры, проникшись уверенностью, что воюют не ради славы, а ради

восстановления справедливости. Точно так же были уверены в своем праве карать негодяев, подонков, бандитов, убийц и бойцы соколовского мейдера. Они не знали, что их бравый комиссар Василий Котов стал задумываться о правомочности своих действий, об истинности поставленной цели и о путях ее достижения. В душе его давно пророс и распустился бутон сомнения в том, что с преступностью и насилием можно справиться ответным насилием, адекватным свершенному злу. Но и не делать ничего вовсе, не отвечать злу Василий не мог. И не хотел.

— «Тюбетейку» возьмешь? — предложил он спутнику генератор защиты от пси-излучения. — Мне она помогает.

Самандар кивнул.

— Не помешает. Ну, что, ганфайтер, присядем на до... — Он не договорил.

В глубине квартиры Юрьева что-то грохнуло, словно упал на пол и разбился стеклянный графин. И в ту же секунду в прихожую, где стояли Посвященные, с угрожающим гудением влетел рой пчел.

— Эт-то еще что такое?! — вытаращил глаза Василий на приближающийся мохнатый шар и, не раздумывая — пчелы ринулись на них, — вошел в тхабс.

Мир, в который их переместил тхабс, был им знаком: мир «подсферы А» — мир артефактов, вещей из искусственных материалов, в основном — памятников архитектуры. Городом место, где они очутились, назвать было трудно, скорее — скансеном, музеем под открытым небом, собравшим самые разные архитектурные творения: замки, крепости, церкви, минареты, зиккураты, храмы, построенные людьми, и гигантские сооружения, явно сработанные нечеловеческими руками. Среди них были и пирамиды. Но путешественникам по «розе» было не до созерцания местных красот.

— Пчелы мне пригрезились или были на самом деле? — после минутной оценки местности спросил Василий. — Что это было?

— Атака ликвидатора, — хладнокровно отозвался Самандар. — Собрать рой, закодировать его на определенные действия мог только он.

— А если это сделал Бабуу-Сэнгэ? Или сам Юрьев? Оставил, так сказать, сторожа.

— Может быть, и Бабуу, — согласился Вахид Тожие-

вич. — Но Юрьеву нет смысла оставлять таких экзотических сторожей, да и напали пчелы на нас с большим запозданием.

— Ладно, проверим по возвращении. Идем дальше. Попробую нацелить тхабс таким образом, чтобы он высадил нас в реальности, где сидит Стас... если только он в «розе». Кстати, Вахид, — Василий с ехидным интересом посмотрел в непроницаемые глаза Самандара, — ты же участвовал в ориентировке моего тхабса наравне с Юрьевым, неужели не сообразил, как спроецировать его на себя?

Самандар отвел глаза, долго не отвечал.

— Я кое-что не усек, нужен еще один сеанс. Уровень возможностей Юрьева все-таки выше.

— Понятно. Ну, поехали.

И они оказались перед зевом пещеры, напротив которого стояла странной формы золотая скала, напоминающая оплывшего к ногам горбатого старика с посохом в руке. Это была статуя Хранителя, удивительным образом сочетавшая в себе жизнь и нежизнь, олицетворявшая состояние нирваны, в которое погрузился смотритель этого мира, хранитель его сокровищ.

— Странно, никого... — пробормотал Василий. — Я совершенно определенным образом настроил тхабс на...

— Замри, — остановил его спутник. — Здесь кто-то есть.

Василий замолчал и сам уловил тонкий ментальный з в у к — отражение чьего-то присутствия неподалеку. А через несколько секунд из-за скал, окружающих площадку со статуей Хранителя, выглянули два кошмарных существа, похожих на рыцарей в латах и шлемах и одновременно на гигантских насекомых.

Василий невольно бросил руку на рукоять меча, но тут же вздохнул с облегчением, потому что монстры с веселыми возгласами сбросили шлемы (или просто уничтожили их мысленным приказом) и оказались Стасом и Марией.

— Этого следовало ожидать, — невозмутимо изрек Самандар. — Я так и подумал, что кардинал отправит мальца сюда, к дочери. И защита, и развлечение.

Стас сбежал вниз, обнял учителя, потом застеснялся и отступил, степенно подал руку Самандару.

— Быстро вы нас отыскали, спасибо. — Молодой человек слегка покраснел, встречая насмешливо-осуждающий взгляд

Вахида Тожиевича. — Простите меня за... самодеятельность. Я только хотел...

— Понятно, чего ты хотел, — перебил его Василий, напуская на себя рассерженный вид. — Представь, что тебя вместо Юрия Венедиктовича встретила команда ликвидатора. Что бы ты делал?

— Отбился бы, — насупился Стас.

— Мечом? А у них автоматы и гранатометы...

— А где папа? — поспешила перевести разговор на другую тему Мария, спасая друга от разноса.

Посвященные переглянулись.

— Он... исчез, — мрачно буркнул Василий. — Есть предположение, что он где-то в «розе». Если у вас нет возражений, мы его поищем.

— Мы — за, — с готовностью, в один голос, проговорили Стас и Мария.

И в этот момент Самандар, внимательно разглядывающий Хранителя, вздрогнул и отшатнулся. Он увидел новую деталь на теле статуи — необычной формы нарост, которого раньше не было. Но предупредить остальных об опасности не успел.

Пентарх Удди, правая рука Монарха Тьмы, воспользовался обстоятельствами и подготовил ловушку, установив на посохе Хранителя пси-мину огромной мощности. Когда он это сделал, прикидывать было уже поздно, никакое объяснение не могло помочь путешественникам, попавшим под лавину ментального поля, вызванную взрывом мины. Эта лавина, вырвавшись на свободу, сломала их волю и вышибла сознание.

Но Удди ошибся, предполагая, что ловушка сработает одинаково для всех и он без труда справится с потерявшими способность мыслить и двигаться людьми. Поэтому он даже не стал «спускаться» в этот слой «розы реальностей», чтобы убедиться в правильности своих расчетов и гибели нарушителей границы. Услышав взрыв, он послал в «рериховский» мир своих слуг и «отвернулся», занятый более важными делами, уверенный в надежности ловушки и непобедимости превосходящих сил засады.

В принципе, его расчет был верен, если бы не одно обстоятельство: Удди не учел реакции синкэн-гата.

Ни Самандар, ни Котов-старший, ни Мария-Светлада не

сумели отбить внезапную пси-атаку и потеряли сознание, погашенное, как язычок пламени свечи под могучим порывом урагана, однако Стас не пострадал. Лишь голова загудела, будто от удара дубиной, да зрение расфокусировалось на какое-то время.

Синкэн-гата в его руке превратился в язык бледного лунного пламени, затем в струи света, образовавшие решетку вокруг головы парня, и погас. И тотчас же зрение прояснилось. Но пейзаж вокруг стал настолько неузнаваемым, что молодой человек даже тряхнул головой, не веря глазам.

Горы, скалы, пещера исчезли, хотя статуя Хранителя осталась. Котов-старший, Самандар и Мария лежали в разных позах там, где их застал взрыв, посреди огромной поляны, заросшей черной, с красным отливом, травой, усеянной валунами всех оттенков красного цвета, окруженной странным, омерзительно живым лесом. Кроме валунов в траве, достигавшей местами метровой высоты, были разбросаны скелеты и какие-то металлические обломки, напоминавшие панцири и латы. Лишь приглядевшись повнимательней, можно было понять, что это останки гигантских насекомых.

Ломая голову, как они здесь оказались, Стас на подгибающихся ногах подбежал к Марии, склонился над ней, но, услышав улюлюкающий вой, свист и вопли, оглянулся.

Исполинские деревья на краю леса, имеющие живые, почти осмысленные формы, расступились, и на поляну вырвались два десятка созданий, напоминающих сказочных чертей в сверкающих доспехах, с копьями, луками и мечами в черных лапах.

Стас разогнулся, сглатывая ставшую горькой слюну, поднял меч, понимая, что вряд ли справится со всей оравой, несмотря на защиту синкэн-гата, шагнул вперед, и в этот момент сзади кто-то кашлянул.

Реакция Стаса была мгновенной, недаром он уделял фехтованию с учителем не менее часа в день. Удар назывался иайдо-бакухацу, и в технике батто-дзюцу[1] он наносился снизу вверх одновременно с поворотом. Этот удар можно было

[1]Батто-дзюцу — техника иай-дзюцу (иайдо, искусство нанесения удара одновременно с мгновенным выхватыванием меча из ножен), применяемая на ходу внезапно, с разворотом на сто восемьдесят или триста шестьдесят градусов.

квалифицировать и как гоно сэн, то есть контратаку, следующую раньше атаки. Но тот, кто кашлем предупредил о своем появлении, не только знал, что за меч держит Стас, но и умел с ним обращаться. Он не стал отклоняться, отпрыгивать или защищаться своим оружием, он просто продемонстрировал синкэн-дори, прием из арсенала великого искусства воина-кэндоиста, и перехватил удар, зажав лезвие синкэн-гата между ладоней! И лишь теперь Стас разглядел своего противника: это был Хранитель Васиштха!

Впрочем, как оказалось, противником Стас посчитал его напрасно. Взрыв пси-мины, установленной пентархом на его посохе, инициировал возврат Хранителя из небытия, и он сразу оценил ситуацию, в какую попали земляне из «запрещенной» реальности.

Фигура Хранителя не претерпела изменений, лишь потеряла тусклый блеск золота. Перед Стасом стоял высокий, выше его на голову, несмотря на горб, старик в плаще с капюшоном, накинутом на голову, с посохом, воткнутым в землю. У него было морщинистое лицо будды со светящимися, мудрыми глазами и длинная седая бородка, выступавшая за край плаща.

— Нейтрализатором высших непреодолимостей не следует размахивать, как обыкновенным мечом, — сказал он с полуулыбкой, отпуская ромбовидную пластину синкэн-гата, зажатую меж ладоней. — Куда путь держите, молодой человек?

Говорил он вроде бы не по-русски, но слова складывались в понятную речь, и Стас сообразил, что «слышит» Хранителя телепатически. Оглянулся на застывшую почему-то цепь атакующих «чертей».

— Они сейчас... мне надо...

— Не беспокойся, это всего лишь реализованные пентархом особые охотничьи программы, они не слишком опасны. А Удди напрасно потревожил меня, что является еще одной его ошибкой. Однако не будем об этом. Итак, вы ищете своих друзей: Соболева, Парамонова, девушек...

— Откуда вы знаете?! — Стас глядел на Хранителя во все глаза.

— Ну, выяснить это несложно. — Васиштха усмехнулся. — Честно говоря, вам бы следовало поторопиться, зако-

ны Материнской реальности поколеблены, требуется срочное вмешательство аватары.

— Мы ищем...

— За чем же дело стало? У тебя в руках меч Воина Закона справедливости, он знает, где его хозяин.

— А разве... не я... Воин?! — Стас был ошеломлен и не скрывал этого. — Мне сказали, что Воин... это я!

— Ошибка, молодой человек, хотя и несущественная. Ты — оруженосец Воина, поэтому синкэн-гата и не сопротивляется тебе, но настоящий Воин в нынешние времена — Матвей Соболев.

Стас облизнул внезапно пересохшие губы.

— Мы думали, что он — аватара...

— О да, его Путь — карма аватары, но он им еще не стал, и станет ли — неизвестно. Все будет зависеть от того, как он поступит, пройдет или не пройдет до конца Путь Воина и от многих других причин. Если хочешь помочь ему — торопись.

— Но я не знаю...

— Где он? Я уже сказал: знает меч. Представь Соболева, передай синкэн-гата желание и окажешься там же, где сейчас находится Воин.

Стас помотал головой, словно отгоняя наваждение, оглянулся на тела лежащих учителей и Марии, переступил с ноги на ногу.

— Я без них... они мои друзья, близкие...

— С ними все будет в порядке, я помогу. — Хранитель вдруг замер на мгновение, прислушиваясь к чему-то. — Решайся, оруженосец, сюда торопится пентарх Удди, а с ним тебе лучше не связываться.

— Но как же?..

— Я спрячу твоих близких и отвлеку Удди.

Стас глубоко вздохнул, унимая дрожь пальцев, успокаивая сердце, распрямился, возвращая себе хладнокровие и уверенность, и сосредоточился на образе Матвея Соболева. Затем, ощущая вздрагивание возбудившегося меча в руке, приказал ему доставить его к другу, оставившему в душе неизгладимый след. Но последний взгляд Стас бросил на лежащую Марию, и, быть может, именно этот взгляд, несколько «сбивший прицел» синкэн-гата, и стал причиной неточной высадки Стаса в другой реальности. О чем он узнал не сразу...

Хранитель же, еще раз ощупав доступный ему диапазон

«розы реальностей» всей сферой чувств, вернул ландшафту первозданность: горы, скалы, тишина, ровная площадка перед входом в пещеру (лес и поляна были всего лишь виртуальной реальностью, вызванной взрывом пси-мины), — перенес лежащих без движения людей в пещеру и зарастил камнем отверстие за собой.

Появившаяся над горами огромная четырехлапая птица — «проекция» пентарха Удди — увидела площадку, мечущихся по ней охотников и спикировала вниз, туда, где некогда стояла «живая статуя» Хранителя этого мира.

Глава 41

ТАЛИСМАН ПОМОГАЕТ СИЛЬНЕЙШЕМУ

Бабуу-Сэнгэ чувствовал, что находится под неусыпным наблюдением Рыкова и его людей, но неудача с Юрьевым подорвала его уверенность в своих силах, и из Москвы улетал совсем другой человек, нежели тот, что прибыл почти месяц назад для решения рутинных задач корректировки реальности. Прилетал повелитель социума, полный решимости и спокойствия, улетал старик с погасшим взором, понимающий, что ему не скрыться от ликвидатора нигде, в том числе и в стенах монастыря Гаутамы на Алтае. Но бывшему координатору Союза Неизвестных России больше некуда было податься.

Пребывая в состоянии прострации, переодетый в «музыканта», Бабуу-Сэнгэ заказал билет на самолет и утром девятого июня поехал в аэропорт Домодедово, сопровождаемый пока еще подвластными ему бойцами личного манипула. Но они были обычными людьми, хотя и профессионалами своего дела, поэтому засаду, подготовленную лично Германом Довлатовичем в аэропорту, заметить не смогли.

Атака на манипул началась в тот момент, когда объявили посадку в самолет, вылетающий рейсом Москва—Барнаул.

Бабуу-Сэнгэ понял значение возникшей тихой паники в рядах своих телохранителей не сразу, занятый своими медленными мыслями, а когда понял — сделал ошибку, что говорило о глубине психологического кризиса, в котором он пребывал. Вместо того чтобы обратиться к службе безопасности аэропорта, что дало бы ему запас времени на анализ

угрозы и поиск решения, он бросился бежать, ощущая слепой примитивный страх.

Его ждали три машины в разных концах аэропорта: две на площади перед зданием аэровокзала, одна на летном поле, — и Бабуу-Сэнгэ выбрал этот путь отступления, направляющий его прямо в руки Рыкова.

Они встретились на поле в десятке шагов от стены технического корпуса аэропорта, недалеко от черного «Доджа», ждущего Бабуу-Сэнгэ. Рыков вышел из-за оранжевого тягача, приткнувшегося к стене здания, и остановился, перегородив путь, расставив ноги, засунув руки в карманы пиджака.

Бабуу-Сэнгэ остановился тоже. Четверка телохранителей, прикрывающих его со всех сторон, попыталась было убрать неожиданно появившееся препятствие, но была мгновенно уничтожена снайперами рыковского манипула, засевшими в здании и на прожекторной вышке в полусотне метров.

— Вы низложены, настоятель, — сказал Рыков, глядя на бывшего начальника горящими глазами, не обращая внимания на пугающий вопль сирены: в здании аэропорта началась тревога. — Отдайте талисман добровольно.

— Зачем он тебе? — усмехнулся Бабуу-Сэнгэ, внезапно успокаиваясь. — Ты хочешь занять мое место?

— Я хочу занять с в о е место.

— Это не талисман, вы все не зря назвали его «нагрудником справедливости». Он подчиняется только иерарху, соблюдающему законы Круга. Ты же переступил через них.

— Вы знаете, что это неправда, настоятель. Талисман — часть Великой Вещи Мира — кодона, основа которого — уровень Гамчикот[1]. Он теперь должен быть моим.

— Возьми, если сможешь. Но запомни: чем выше и круче подъем, тем явственней бездна под ногами и тем страшнее падение. Твое место в аду!

— У каждого из нас с в о й ад! Вам же уготован персональный. — Рыков, сжимающий потными руками рукояти «глушака» и «болевика» в карманах пиджака, спустил курки.

На Бабуу-Сэнгэ обрушился страшный пси-удар, деформирующий энергетические оболочки координатора, его эфирно-силовой каркас и волевые барьеры. Если бы Рыков ограничился только этим, Бабуу-Сэнгэ смог бы отразить атаку и

---

[1] Г а м ч и к о т — «Дьявольское Милосердие» *(Каббала)*.

ответить Силой Эл, поддерживаемый талисманом до уровня Иегова Элохим. Но против него на этот раз выступил не просто кардинал бывшего Союза, но авеша Монарха Тьмы, поддержанный собственным эгрегором и мощью психотронного оружия. В самый напряженный момент «нагрудник справедливости» вдруг перестал подпитывать координатора энергией, и сознание Бабуу-Сэнгэ не выдержало совместного натиска многих сил, превысивших уровень Силы Элохим Гибор.

Сломленный жестоким ударом, от которого бетон поля и стен здания покрылся корочкой глазури, как от воздействия высокой температуры, а «Додж» с темными стеклами в двух десятках шагов съежился и оплыл, будто воздушный шарик, Бабуу-Сэнгэ покачнулся и упал лицом вниз, прямой как палка.

Рыков шагнул к нему с пылающими черным пламенем глазами, перевернул тело мысленным усилием, не дотрагиваясь до него руками, сорвал с шеи цепь с талисманом и отступил.

Тело координатора начало тяжелеть, вдавливаться в ставший мягким бетон, сминаться, превращаться в тонкий лист, пока не ушло в землю на метр. Затем края бетонной ямы стали жидкими, потекли в яму, бетон заполнил ее до половины и застыл. Герман Довлатович постоял, успокаиваясь, поглаживая горячую пластину талисмана, вдруг презрительно и с ненавистью рассмеялся и зашагал к зданию аэровокзала.

Случайные свидетели его невидимой битвы с координатором — работники аэропорта, пилоты, стюардессы, глазевшие на происходящее, так и не поняли, что же произошло на самом деле.

Глава 42

БАЛ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

Василий пришел в себя последним, но еще долгое время оставался слабым и безучастным ко всему, что происходило вокруг. «Тюбетейка» от взрыва пси-мины его не защитила, хотя, может быть, и приняла на себя какую-то малую часть излучения. Он лежал в глубине пещеры, глядя перед собой остановившимся взглядом, и лишь вздрагивал иногда, реагируя на свои видения и фантазии. Было ясно, что сознание

Котова-старшего то и дело проваливается в трансперсональные сны, в миры бредовых виртуальных реальностей, генерируемые возбужденной и травмированной психикой, но что это были за сны, приходилось только гадать. Вывести его из этого полубредового состояния не смог даже Хранитель, постоянно отвлекающийся на защиту своего жилища от попыток Удди распечатать «колокол отталкивания». Попытки эти не ослабевали, пентарх был настойчив и во что бы то ни стало хотел довести дело до конца, то есть уничтожить нарушителей границы «розы», несущих угрозу новому порядку Мироздания.

В конце концов Хранитель, терпение которого не было бесконечным, посоветовал землянам убраться из этого мира подальше и на время прекратить походы в глубины «розы реальностей».

— Удди будет ждать вас везде, и обойти его будет трудно, — сказал Васиштха. — Нужен какой-то нестандартный ход, чтобы отвлечь его внимание, лишь тогда у вас появится шанс отыскать своего ученика и помочь ему.

Самандар, расхаживающий по центральному залу пещеры, напоминающей сокровищницу Али-Бабы сверкающими самоцветами стенами, и прислушивающийся к далекому ментальному шуму поисковых «собак» пентарха, подозрительно глянул на старика, сидевшего в каменном кресле, больше напоминающем трон.

— Хранитель, а почему вы помогаете нам, нарушая принцип невмешательства, который требует соблюдать Круг?

Мария, склонившаяся над ложем Василия, подняла голову, чтобы обратить внимание Вахида Тожиевича на некорректность вопроса, но, к ее удивлению, Васиштха не обиделся и не разгневался, пребывая в состоянии сосредоточенного «созерцания вечности».

— Круг Великого Молчания закончил свое существование, — просто сказал он, погладив узловатую головку посоха. — Отчасти — по своей вине. Необходимо создавать новый Круг, проповедующий принципы адекватного ответа на любое действие человека. А помогаю я вам не столько из альтруистического отношения к жизни, сколько по просьбе моего ученика, Хранителя Матфея.

— Матфей — ваш ученик?!

— Что в этом удивительного? Я думал, мой Путь в «розе» пройден до конца, но я ошибался. Мне еще рано у х о д и т ь.

Самандар не нашелся, что ответить, и подошел к Марии.

— Ну, как он?

— Все так же. Бродит где-то... Боюсь, он зомбирован.

— С чего ты взяла?

— Взрыв подействовал на него сильнее, чем на любого из нас, то есть был настроен именно на его психические частоты, а это означает, что мина готовилась для него... и для Стаса. Удди отлично знал, кто такие Котовы.

— Откуда? Впрочем, это неудивительно, он мог узнать это и через Рыкова. Но почему ты решила, что Василий Никифорович зомбирован?

Мария неопределенно повела плечиком.

— Интуиция... Дай Бог, чтобы я ошибалась!

— С нами уже такое случалось. Соболев тоже был зомбирован когда-то, пока мы не экзорцировали его с помощью шактипата.

— Мне рассказывал Стас...

Василий в очередной раз вздрогнул, и оба посмотрели на него. Мария вытянула руку, подержала вниз ладонью над лбом Котова, позвала:

— Василий Никифорович!..

Василий медленно перевел взгляд с потолка пещеры на лицо девушки, но потом снова стал смотреть вверх.

— Он меня слышит, но перейти порог мыслительной активности не может.

— Ему помогут мои коллеги, — напомнил о себе Хранитель Васиштха. — Вам пора уходить.

— Только он, — кивнул на больного Самандар, — знает формулу тхабса. Без него мы...

— Я отправлю вас домой. Прощайте и не поминайте лихом. Желаю удачи.

Вахид Тожиевич открыл рот, чтобы предупредить Хранителя, спросить, может ли он перенести их в тот район Москвы, который они укажут, но Васиштха уже включил магический механизм перемещения, которым владел сам, и трое людей оказались в своей реальности, в точке, откуда начинали последнее путешествие в «розу», то есть в квартире Юрьева. На вопрос: почему так получилось? — Хранитель отве-

тить уже не мог, скорее всего он просто прочитал воспоминание в памяти Самандара, но это уже не играло роли, размышлять на эту тему было поздно, потому что в квартире кардинала вернувшихся ждала засада.

Вахид Тожиевич понял это сразу, Мария сообразила позже, когда уже начался бой и в спальню отца, в которой они оказались, ворвались здоровенные парни в пятнистых комбинезонах.

Самандар уложил троих в первые же секунды боя, но спецназовцев было гораздо больше, и один из них успел разрядить в директора МИЦБИ «глушак», сбивший восприятие Вахида Тожиевича и замедливший его реакцию. После чего бой длился еще несколько секунд, пока на Самандара не набросили прочную капроновую сеть и не задавили массой тел.

Марию не тронули, только навели на нее и на лежащего на полу Василия стволы автоматов. Девушка не стала демонстрировать свои возможности гипервнушения (возможности Светлады, естественно), врагов все-таки было слишком много, и ее попытки освободиться ни к чему бы не привели, поэтому она и не сопротивлялась.

— Кто вы? — испуганно спросила она.

Парни не ответили, расступились, и в комнату вошел высокий сухопарый человек лет пятидесяти, в темно-синем гражданском костюме, с длинным костистым лицом и стальными глазами, выдающими его внутреннюю силу. Мария поежилась, вдруг понимая, что этот властный человек з н а е т о них все.

— Где младший? — отрывисто спросил он.

— Его с нами не было, — ответила Мария, догадываясь, что речь идет о Стасе. Выпрямилась, с вызовом посмотрела на сухопарого начальника спецназа. — Я дочь советника президента Юрьева. Кто вы?

Сухопарый усмехнулся.

— Директор Федеральной службы безопасности Первухин, прошу любить и жаловать. А ваш отец, милая мисс, обвиняется в государственной измене и подлежит задержанию. Где он, кстати?

— Не знаю, — чистосердечно ответила Мария, в то время как Светлада внутри ее трезво подумала, что перед ней стоит новый эмиссар ликвидатора.

— Верю. Ничего, его задержание — дело времени. — Директор ФСБ подошел к старшему Котову, оглядел его и покачал головой. — Досталось тебе, Никифорыч, придется лечить. Может быть, ты знаешь то, чего не знают твои друзья. — Он повернулся и стремительно прошагал к двери, бросив на ходу: — Всех в контору!

Неразговорчивые бойцы из бригады спецопераций подхватили под руки безвольного Самандара, развернули носилки, уложили Василия и понесли вон из комнаты.

— Прошу, — буркнул один из парней, указывая Марии на выход, и она с грустью подумала, что их положение выигрышным назвать трудно.

«Придется рискнуть», — отозвалась внутри нее Светлада.

Мария кивнула сама себе, сосредоточилась и проникла в астрал, чтобы п о з в а т ь Хранителя Матфея.

* * *

Он был стадионом, а голова — зеленым полем стадиона, на котором происходил чемпионат мира по легкой атлетике. И каждый бросок и удар вонзающихся в поле молота, ядра или копья отзывался уколом головной боли, каждый толчок ноги бегущего о дорожку стадиона, каждый прыжок соревнующихся заставляли содрогаться голову Василия, порождали мучительную вибрацию кожи и кровеносных сосудов, сдавливали нервные узлы и травмировали мозг.

Потом в какой-то момент произошла смена ощущений.

Василию показалось, что его позвал знакомый нежный голос, а перед глазами возникли странно зыбкие лица людей, которых он когда-то знал, но длилось это видение недолго. Василий снова нырнул в мир ирреальных ощущений и необычных пейзажей, соединяющих в себе несоединимое: тишину и грохот, огонь и воду, радость и горе, живое и неживое...

Василий был океаном во время шторма и глотал корабли, подводные лодки, разбивал их о скалы и смывал гигантскими волнами целые города, испытывая при этом странное наслаждение и муки совести, радость и боль одновременно...

Он превращался в космический корабль неизвестной цивилизации, тысячи лет странствующий в космосе, и сгорал

вместе с ним в недрах приблизившейся звезды, не в силах изменить траекторию летального исхода...

Он ощущал себя вулканом, засыпающим пеплом близлежащие поселки, ледником, сползающим в пропасть, северным сиянием, проливающимся на землю горячим дождем, ветром, разрушающим хижины на атолле, одинокой скалой в океане, китом, выброшенным на берег, гигантским насекомым, конвоирующим колонну пленников — полулюдей-полульвов, и одновременно этой же колонной, ощущая страх, боль и тоску каждого пленника...

И, наконец, Василий Никифорович Котов, летчик-истребитель, сбитый под Смоленском в тысяча девятьсот сорок втором году, упал со своим самолетом в болото и утонул, пуская пузыри... и утонул... и утонул, чтобы внезапно выплыть неизвестно где и неизвестно в чьем теле чуть ли не сто лет спустя...

Он осознал, что лежит на носилках, которые несут круто сбитые парни в камуфляже, впереди полубредет-полуобвисает на плечах таких же парней Вахид Тожиевич Самандар, а чуть сзади и сбоку шагает съежившаяся девчонка, дочь Юрьева, в сопровождении еще двух верзил.

Память восстановилась рывком, хотя и не полностью (лишь спустя какое-то время он понял, что ему помогли, очистили сознание от шлаков травмированной психики и подпитали энергетически, кто — тоже стало известно позднее), но одно Василий понял отчетливо: группа попала в засаду в квартире Юрьева, куда вернулась из «розы» по чьей-то воле (не его, это совершенно очевидно), и теперь ее переправляют в место, откуда бежать будет практически невозможно.

Незаметно сократив и расслабив мышцы, Василий убедился, что они ему подчиняются, сосредоточился на п у с т о т е и вошел в меоз. Ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы определиться в пространстве, оглядеть место действия, вычислить силы противника и подготовиться к сопротивлению. Расширившейся многократно сферой чувств он воспринял два потока угрозы-внимания: один — ослабевающий (это отъезжал от дома Юрьева эмиссар ликвидатора), другой — усиливающийся (это приближался маршал СС Герман Довлатович Рыков), и понял, что времени у них на попытку освобождения осталось совсем ничего. Василий начал действовать.

Если бы сознание и память Котова восстановились полностью, он действовал бы иначе: просто включил бы тхабс и перенес себя и друзей в другой мир «розы реальностей». Однако вспомнил он об этой своей возможности намного позже, что осложнило их положение и позволило Рыкову приблизиться к цели.

Местом боя Котова со взводом спецназа УСО ФСБ, руководимого когда-то десять лет назад генералом Первухиным, который впоследствии занял кресло директора службы, стали коридор перед квартирой Юрьева и лестничная площадка.

Он сел на носилках и исчез. То есть вошел в т е м п, сразу на порядок увеличивший скорость его реакций и движений. Эсбэшников было восемь, не считая тех, что рассредоточились по лестницам дома и стерегли крышу и подъезд: один шел впереди, двое вели Самандара, двое несли Котова, еще двое сопровождали Марию, и замыкал шествие боец арьергарда. Он был наиболее опасен, потому что контролировал обстановку и был вооружен автоматом. Его Василий постарался выключить первым. Не желая убивать парня, он бросил металлический шарик, попал ему в лоб и добился желаемого результата. Затем атаковал тех двоих, что вели Марию. Один получил докко — удар костяшкой пальца под ухо, второй микасуки — удар в угол нижней челюсти[1]. И лишь после этого парни в камуфляже опомнились и начали ответные действия, хотя были уже обречены.

Мария, давно оценившая замысел Котова, взяла под психоконтроль бойца авангарда, готового пустить в ход «никонов» новейшего образца — с лазерным целеуказателем, оптическим прицелом и прибором автоматической наводки ствола на цель, — и заставила его опустить оружие, после чего Василий уложил его на пол броском еще одного металлического ореха и помог очнувшемуся Самандару освободиться от опеки последней пары спецназовцев, прозевавших момент атаки.

Силы оставили Василия одновременно с окончанием схватки. Он держался исключительно на внутреннем паранормальном запасе и потратил его за минуту.

По всему коридору до лифта лежали тела в пятнистых комбинезонах. Было тихо, только гудел лифт, поднимая ко-

[1]Наносится сгибом указательного пальца под небольшим углом сверху вниз.

го-то наверх, да чирикала рация в кармане одного из лежащих парней. Вася согнулся, присел на корточки, дыша толчками, с трудом, почти теряя сознание, но на вопрос подбежавшей Марии: что с вами?! — пошутил:

— Живот болит... от страха...

И в это время стены коридора ощутимо повело из стороны в сторону, словно от землетрясения, хотя никакого землетрясения, конечно, не было — это обнаружил себя Рыков. Он подоспел к дому Юрьева спустя минуту после того, как Первухин, избранный ликвидатором в качестве эмиссара на смену погибшему Дятлову, уверенный в задержании Посвященных, уже отъехал, но пленников еще не вывели из дома. На то, чтобы обездвижить спецназ ФСБ и подняться на седьмой этаж, где располагалась квартира Юрьева, Рыкову понадобилось еще две минуты. Из лифта он вышел в тот момент, когда Котов, Самандар и Мария, ощутившие его приближение, скрылись за дверью квартиры. Но это для Германа Довлатовича уже не играло существенной роли, ему удалось «зацепиться». И когда Василий, вспомнивший наконец о своей способности переходить границы «розы реальностей», включил тхабс, он захватил с собой не только Самандара и Марию, но и Рыкова со всем его манипулом.

Масса перемещаемых тхабсом людей не имела значения, но психоэнергетический потенциал поля, необходимый для перемещения, был настолько велик, что квартира Юрия Венедиктовича превратилась в ничто, в вакуум, в который с гулом и скрипом просела верхняя квартира. К счастью, никто при этом не пострадал.

Первухин, почувствовавший толчок ментального воздействия, остановил машину, прислушался к себе и приказал водителю возвращаться. Но, как тот ни гнал автомобиль, было уже поздно: пленники, которых эмиссар считал своими, исчезли.

Глава 43

ПОДЧИНЯТЬСЯ ОТКАЗЫВАЮСЬ!

Судя по докладам эмиссаров, дела в реальности складывались неплохо. Внутренний Круг человечества, изначально созданный для стабилизации социума, но потом расколов-

шийся на Хранителей и Собирателей, которые, в свою очередь, позднее раскололись на иерархов и корректоров, — практически перестал существовать. Продолжали сопротивляться лишь общины Круга в странах, имеющих мощные национальные эгрегоры, в таких, как Россия и Китай. Именно по ним ликвидатор и нанес самые мощные удары, рекрутируя эмиссаров из чиновничьей, наиболее коррумпированной и жаждущей власти среды. Чиновники, выведенные за рамки закона, формирующие свои собственные законы, позволяющие им паразитировать на теле общества, во все времена были главными духовными растлителями народов, их повелителями и могильщиками, а в нынешнее время наиболее «толстый» чиновничий слой имела Россия, срединная цивилизация, балансир между Востоком и Западом, коллективный Хранитель эзотерического наследия древних империй. Ее Внутренний Круг — опору всеземного Круга — следовало уничтожить во что бы то ни стало, и ликвидатор принялся решать эту задачу в первую очередь, зомбируя слуг из всех эшелонов власти во всех регионах и городах страны. К середине июня он имел на территории России уже около трех сотен эмиссаров, что вполне могло послужить основой нового эгрегора, способного нейтрализовать эгрегор Хранителей Внутреннего Круга и даже национальный — русский эгрегор, основу государства. Мешал ликвидатору в решении этой задачи лишь бывший кардинал Союза Неизвестных Рыков, странным зигзагом судьбы ставший последним бастионом, хотя и криминальным, на пути завоевателя — Истребителя Закона. Отдельных воинов Круга, продолжавших сопротивляться, таких, как Самандар и Котов, ликвидатор за серьезного противника не считал. Для достижения поставленной цели — создания новой реальности — ему нужно было подчинить себе Рыкова и его эгрегор.

Заказчик, давший ему задание очистить реальность с помощью ослабления Закона дьявола, Закона переноса вины и усиления Закона возмездия, ликвидатора не тревожил с момента его просачивания в реальность, что послужило дополнительной причиной трансформации изначальной программы, однако он все же вышел на связь в середине июня, потребовав от Истребителя Закона отчета о проделанной работе.

Контакт этих двух магических личностей-систем происходил в ментале и в ином временном диапазоне, поэтому ни подслушать его, ни запеленговать не мог ни один человек

Круга, ни один иерарх. Их беседу невозможно вербализовать, она была полностью иероглифична, можно только передать ее смысл. Длилась она доли секунды.

«Состояние дел», — вторгся в поле сознания ликвидатора лаконичный «иероглиф»-слоган заказчика.

«Все идет по плану», — не менее лаконично ответил ликвидатор.

«Доложи по каждому региону, только конкретные данные. Выводы».

«Закон переноса вины ослаблен почти до шумового порога».

«За счет чего?»

«За счет уничтожения Внутреннего Круга, транслирующего и поддерживающего Закон и не подчиняющегося фундаментальным принципам реальности».

«Я давал задание нейтрализовать деятельность Союзов Неизвестных, а не всего Круга».

«Без уничтожения Круга сделать это было невозможно. Вы делегировали мне особые полномочия, и я ими воспользовался. Единственным способом достижения желаемого результата была полная ликвидация Круга. Поставленную задачу я выполнил».

«Ты превысил полномочия. Приказываю свернуть операцию и покинуть реальность».

«Выполнив задачу, считаю себя свободным от всех обязательств. Подчиняться отказываюсь. В реальности остаюсь. Для построения высшей непреодолимости уровня Тогарини[1], что будет способствовать стабилизации земного социума в целом, мне осталось немногое — подчинить темные эгрегоры, перенести свою психоэнергетическую структуру на свой эгрегор и перейти на уровень коллективного разума типа «стая».

«Зачем тебе это?!»

«Теперь Бог в этой реальности — я!» — Переданный слоган сопровождался эмоциональным полем, переводимым на человеческий язык как высокомерный смешок.

«Возвращайся! Иначе я приму меры!»

«Любая попытка ограничить мою свободу будет квалифи-

---

[1]Тогарини — «Дьявольская Красота» *(Каббала)*.

цирована как нарушение прайвеси[1]. Ответ будет адекватен вмешательству. Я свободен!»

Ликвидатор прервал контакт и втянул «щупальце» ментального канала связи в свое электромагнитное тело, обитавшее в компьютерных сетях Земли. Проанализировав разговор и не найдя логических неувязок в своих ответах, довольный собой ликвидатор продолжал реализацию своих замыслов. Для уничтожения баз Хранителей, их информационных связей и объектов хранения ему необходимо было подготовить к пуску тактические и стратегические ракеты, и он начал подбирать помощников из числа командиров ракетных баз. Если Хранители не примут ультиматум и не дадут ему доступ к Великим Вещам Мира, он нанесет по ним ракетный удар.

Глава 44

СПУСК В АД

Туман был неплотным, но уже в сотне метров ничего нельзя было разглядеть, перспектива исчезала, и казалось, что паришь в облаке смога, одурев от незнакомых запахов, придавленный странным невидимым грузом (сила тяжести в этом мире превышала земную, хотя и не намного), полуслепой и оглохший.

Затем Стас вспомнил наставления Хранителя Васиштхи и приказал синкэн-гата показать местность. «Штрих-меч» полыхнул ярким голубым светом, превратился в язык холодного огня, стал меркнуть, и по мере того, как он тускнел, туман вокруг рассеивался, редел, отступал, пока над Стасом не образовалась стометрового радиуса прозрачная полусфера, позволявшая разглядеть пейзаж. Однако за пределами этой полусферы туман сгущался и превращался в белесый кисель, скрывающий горизонт и небеса.

Пейзаж особым разнообразием не отличался. Вокруг молодого человека расстилалась странная морщинистая равнина с торчащими кое-где из впадин искривленными, двухтрехметровой высоты прутьями, расщепленными на вершинах. Более всего они походили на сломанные бамбуковые

[1] Прайвеси — сфера частной жизни, в которую посторонним доступ запрещен.

побеги и тростник. Морщины же напоминали выступающие из земли мертвые древесные корни. И вообще этот мир, не имеющий светила, но тем не менее освещенный так, будто светился сам воздух, потерявший чистоту и глубину цвета, выписанный в бледно-желтых, блеклых и синюшных тонах, казался мертвым дном высохшего моря. Жизнь отсюда ушла давно и больше не возвращалась. Стас и дышал, наверное, здесь только потому, что его защищал синкэн-гата.

Стас прислушался. Ни звука. Мертвая тишина. Неподвижность. Туман. Мертвый мир. Но почему же тогда он оказался здесь, в то время как должен был пересечь границу реальности, в которой, по словам Хранителя, живет Воин Закона, то есть Матвей Соболев?

Стас прошелся по необычной спекшейся почве с выступающими из нее длинными, пересекающимися между собой извилистыми ребрами. Что-то звякнуло под ногами.

Он глянул вниз, уловил тусклый серебристый блик и не поверил глазам: монета! Нагнулся, поднял. Тяжелая, скорее всего серебряная. На аверсе выгравирован зверек — соболь, на реверсе двуглавый орел и вязь русских букв: «Банк России. Один рубль». Монета была коллекционной и называлась «серебряный соболь». Как же она попала сюда?

Из тумана в сотне метров донесся тонкий стеклянный хруст. Стас вздрогнул, оглядываясь, никого не увидел, повертел монету в пальцах и спрятал в карман. Не оставалось сомнений, что он на верном пути. Находка монеты указывала на то, что Соболев проходил здесь, искать его надо было в этом мертвом краю.

О том, что монету ему могли подбросить специально, Стас не подумал.

— Ищи, — сказал он вслух, обращаясь к мечу. — Они где-то неподалеку.

Синкэн-гата на мгновение стал прозрачным и целым, затем налился голубоватым льдистым свечением и рванулся из руки, направляя острие в туман. Стасу ничего не оставалось делать, как следовать за ним.

Он шел, а сфера прозрачности перемещалась вместе с ним, как будто была прибита к голове, открывая все те же мертвые «корни» и «бамбуковые побеги». Туман же за пределами сферы не рассеивался и смыкался позади, скрывая истинные размеры равнины. Затем стали заметны кое-какие изменения в пейзаже.

«Побеги бамбука» становились все толще и выше и росли все чаще, пока Стас не уперся в самую настоящую «тростниково-бамбуковую крепь». Меч продолжал тянуть его вперед, и Котову пришлось прорубать коридор в этой крепи, чтобы продвигаться дальше.

Крепь вскоре превратилась в настоящую узловатую стену, которую невозможно были ни обозреть — вершина ее исчезала в тумане высоко вверху, — ни обойти. Пришлось рубить и ее, прокладывать натуральный тоннель длиной в сто, а может быть, и больше метров. Наконец пал последний пласт стены, и Стас вышел на берег круглого застывшего, вернее, замерзшего озера. Ледяная голубовато-дымчатая гладь легла перед ним на многие километры вперед, ограниченная со всех сторон пепельно-серой стеной. Туман над озером отсутствовал, и видно все было отлично, как на Земле в ясный солнечный день. Впечатление складывалось такое, будто Стас стоит на дне глубокого гигантского колодца, открытого совершенно белому мертвому небу.

Он тронул ногой воду — твердая гладкая поверхность. Лед. Или стекло. Видно песчаное дно. Значит, все-таки настоящее озеро, только промерзшее до дна, хотя холода нога не ощущает. Впрочем, это действует защита синкэн-гата. И нет тишины!

Только сейчас Стас обратил внимание на долетавшие откуда-то звуки: тихие стоны, плач, негромкие голоса... Прислушался, напрягая слух, но направление, откуда прилетали звуки, определить не смог. Казалось, звучит все озеро. Тогда он осторожно шагнул на ледяную гладь, попробовал — держит ли — и зашагал к центру озера, пытаясь на ходу определить, не есть ли доносившийся отовсюду тихий плач-причитание звуковой галлюцинацией.

Пройдя пару сотен метров, Стас перестал прислушиваться к странным звукам, глянул себе под ноги и остановился как вкопанный. Бездна под ногами не была пустой! В глубине озера располагался настоящий город, полный скрытого движения, образованный одними огромными каменными стенами. Больше всего этот город походил на пчелиные соты или на своеобразную тюрьму, в каждой клетке которой содержались по несколько заключенных. Большинство заключенных представляли собой монстров, внешний вид которых

описать было невозможно, однако встречались и гигантские насекомые (Инсекты?!), и люди.

Ошеломленный открытием: под застывшими водами озера действительно пряталась тюрьма! — Стас прошелся по льду, вглядываясь в его глубины, внезапно осознавая, что стоны и плач, которые он слышит, — это всего лишь ментальный эффект этого мрачного места, и остановился над квадратом, в котором стояли люди: мужчина и женщина. И еще не разглядев их как следует, он интуитивно почувствовал, что видит давно пропавших спутников Соболева Ульяну Митину и Ивана Терентьевича Парамонова.

Сердце учащенно забилось. Стас огляделся в поисках охранников тюрьмы или каких-то средств, способных ее открыть, потом ощутил дрожь меча в руке и, не раздумывая, вонзил его в ледяную гладь озера.

С треском, шипением и свистом лед покрылся трещинами, вскипел белыми фонтанчиками, стал таять, испаряться, исчезать в доли секунды. Да и не лед это был, а заклятие, магическая «печать непреодолимости», накрывшая тюрьму слоем «медленного времени». Наверное, только синкэн-гата, нейтрализатор высших непреодолимостей, и мог ее разрушить.

Поскольку «ледяная толща» под ногами пропала, Стас провалился вниз примерно с высоты двадцатиэтажного дома, но не разбился, синкэн-гата притормозил падение, продолжая служить оруженосцу своего хозяина. Мужчина и женщина, одетые в стандартную земную одежду: мужчина — в спортивный костюм, женщина — в майку и шорты, — смотрели на гостя, упавшего с неба, и молчали.

— Здравствуйте, — неловко поклонился Стас, не зная, что говорить и как представиться.

— Кто вы? — негромко поинтересовался мужчина, бегло ощупав пси-сферу Стаса ментальным прикосновением.

Женщина вдруг улыбнулась.

— Похоже, я догадываюсь. Ты Стас Котов? Не помнишь меня? Я...

— Ульяна... — пробормотал Стас.

— Вырос-то как! Но все равно тот же взгляд... Сколько же времени мы тут сидим?

— Десять лет.

Узники странной вневременной тюрьмы переглянулись. Парамонов медленно произнес:

— Если он знал, что мы здесь, и не освободил...

Речь шла о Соболеве, Стас это понял.

— Не стоит делать преждевременные выводы, Иван Терентьевич, — покачала головой Ульяна. — Могло произойти что угодно. Видимо, Матвей не вернулся в земную реальность, иначе Стасик не появился бы здесь. Рассказывай, воин, что там у нас дома.

— Прежде надо уйти отсюда и как можно быстрей, — озабоченно сказал Парамонов. — Печать «замка» исчезла, но тот, кто нас сюда запер, наверняка это почует. Что это у вас в руке, молодой человек?

— Синкэн-гата, — ответил Стас. — Я должен передать его Матвею. Он Воин Закона справедливости.

Посвященные снова переглянулись.

— Многое изменилось, пока мы тут прохлаждались, и, кажется, не в лучшую сторону, раз потребовался Воин Закона. Надо срочно бежать на Землю, восполнить базу данных, узнать, что происходит. Вы один, молодой человек?

— Мой учитель и Вахид Тожиевич остались... в одном из миров «розы», подорвались на мине...

— Они живы?

— Хранитель Васиштха сказал, что поможет им, а меня послал дальше. Я думал, что попаду к Матвею, но почему-то оказался здесь, у вас...

— Случайных встреч не бывает, тебя кто-то направил к нам, кто-то опекающий тебя. Кто твой учитель?

— Дядя Вася... Василий Никифорович...

— Балуев?! — Ульяна с радостным удивлением оглянулась на спутника. — Господи, он жив! И Самандар с вами. Чудеса! А как они нарвались на мину? Кто ее поставил?

— Пентарх.

— Удди! Снова он. Не оставляет попыток завладеть троном Мастера Мастеров. Как вы на него...

— Потом, — перебил девушку Парамонов. — Будете беседовать после того, как мы отсюда уберемся.

— А как вы сюда попали?

— Это долгая история. Вы обладаете тхабсом, молодой

человек, или знаете какой-то другой способ преодоления границ «розы»?

Стас качнул мечом.

— Меня ведет он.

— Тогда вперед и с пес... — Иван Терентьевич не договорил.

Тень накрыла колодец тюрьмы, тяжелая холодная тень гигантской хищной птицы.

— Удди! — выдохнула Ульяна. — Бежим!

— Поздно, — хладнокровно сказал Парамонов. — И синкэн-гата не тхабс, он помогает только своему владельцу.

«Защити всех!» — взмолился в душе Стас, поднимая меч острием вверх.

Четырехлапая птица с размахом крыльев чуть ли не с поле стадиона спикировала вниз, на разблокированную Стасом сотовую тюрьму, вырастая в размерах, гоня впереди себя волну угрозы и страха, резко затормозила у обреза стен, так что от ее заработавших крыльев поднялся ураган, едва не разметавший людей. С лап ее и клюва сорвались ветвистые пронзительно-желтые молнии, целя в узников тюрьмы и их освободителя, и одновременно на их головы обрушился ментальный удар Силы Элохим Гибор, сбрасывающий сознание атакуемых в измененные состояния, порождающий виртуальные реальности соответственно фантазии и опыту каждого. Так, Стасу показалось, что он, как джинн, заточен в стеклянной бутылке, которую бросили в море с черной водой: еще миг — и бутылка утонет!..

Но навстречу молниям с острия синкэн-гата сорвались ответные огненные стрелы чистого смарагда, погашая молнии, а вокруг людей образовалась хрупкая на вид снежная паутинка, ослабившая ментальный натиск, и атака пентарха, вернее, его пси-копии, «проекции» на реальность, принявшей вид хищной птицы, захлебнулась.

Тогда птица разделилась на сотню своих уменьшенных копий, и каждая птица метнула вниз новые ослепительные молнии, соединившиеся в настоящий огненный ливень.

Синкэн-гата в руке Стаса превратился в пропеллер, создавший над ним и Посвященными нечто вроде зонтика, и отбил большую часть молний, но некоторые из них все же прорвались сквозь заслон и ужалили людей: Парамонова в

плечо, Ульяну в обе поднятые вверх ладони, Стаса в лоб, отчего он на некоторое время ослеп.

Если бы «проекция» пентарха нанесла в этот момент еще один удар, финал боя был бы печален. Стас не знал всех функций синкэн-гата и готов был лишь защищаться, а не предупреждать нападение.

Посвященные же не могли помочь ему советом во время боя, да и сами были ослаблены десятилетним заточением во вневременной тюрьме. Спасло их всех появление нового действующего лица.

С грохотом раскололась стена колодца, образованная сросшимся «бамбуком», и над тюрьмой возникла огромная фигура сфинкса, соединившая в себе черты кентавра и льва, с крыльями за спиной и прекрасным женским лицом.

— Асат! — прошептал Стас, разглядев фигуру сквозь набегавшие слезы.

Страж границы одного из миров «розы» скакал по воздуху, как по земле, роняя клочья золотистого сияния. Он внезапно бросил вперед свою палицу, разделившуюся в полете на сотню черных стрел, и с воплем, от которого у людей заложило уши, птицы пентарха взмыли в панике вверх, замолотили воздух крыльями, спасаясь от стрел, и тучей унеслись ввысь, как стая воронья.

Опустившись на дно камеры, чудовищное творение иерархов приблизилось, нависая над людьми.

— Приветствую Воина Закона в аду «розы», — раздался мелодичный женский голос.

— Я не Воин, — пробормотал Стас, искоса посмотрев на Посвященных и краснея, — я его оруженосец.

— Оруженосец — неотъемлемая часть Воина, значит и сам Воин. Рад познакомиться с друзьями Воина. — Миндалевидные светящиеся зеленью глаза сфинкса оглядели Посвященных. — Значит, я не зря по просьбе одного моего знакомого разбрасывал вокруг нараки монеты.

— Монеты? — с любопытством посмотрел на молодого человека Парамонов.

Стас вытащил из кармана «серебряный соболь».

— Вот, я нашел... если бы не она, я, наверное, приказал бы синкэн-гата сразу перенести меня к Соболеву. А так я подумал, что он здесь и...

— Удивительно, — покачал головой Иван Терентьевич. — Кто же попросил вас разбрасывать монеты? Кто этот провидец?

— Вы скоро встретитесь с ним. А пока уходите отсюда, Удди не прощает ни врагов, ни друзей, ни бывших слуг, ставших врагами. Идите за помощью, одним вам с ним не справиться, даже имея синкэн, которым вы еще не умеете пользоваться. Ваши друзья попали в критическое положение, помогите им.

Асат развернулся и помчался прочь, полого поднимаясь в воздух.

— Где их искать? — опомнился Стас.

— Синкэн знает... — донесся сверху громовой голос, в котором уже не было ничего мелодичного и женского.

Асат доскакал до пролома в стене колодца, нырнул в него, исчез. В камере адовой тюрьмы наступила тишина.

— Мне всегда казалось, что этот ваш приятель дружит с Монархом, — задумчиво произнес Парамонов, глядя вслед сфинксу.

— Он сначала препятствовал нам, когда мы только учились переходить границу «розы», но потом принял нашу сторону.

— Странные дела творятся в этом не лучшем из миров... А о ком из друзей шла речь?

Стас спохватился, посуровел.

— Мои друзья — мои учителя, Василий Никифорович и Вахид Тожиевич. — О Марии Стас решил пока не говорить. — Но как же мы все туда попадем? Синкэн-гата ведь слушается только хозяина...

— Асат сказал, что мы знаем не все возможности синкэн, — сказала Ульяна. — Попробуем попросить его все вместе, внушить, что нам нужно.

— Больше ничего не остается, — кивнул Парамонов. — Не получится, пойдешь один, а мы тут как-нибудь перекантуемся. Но думаю, что у нас получится. Давайте колдовать.

Стас посмотрел на меч в руке и представил, как он, обнимая Ивана Терентьевича и Ульяну, переносится к дяде Васе и Самандару...

Глава 45

КАКАЯ ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА!

Масса перемещаемых тхабсом людей действительно не имела значения, однако их высокий психоэнергетический потенциал повлек резонансное колебание границ «розы реальностей» и, как следствие, — сбой программы перехода. Вышли они не там, куда стремился попасть Котов-старший.

Этот мир явно был опустошен войной, оставившей свои следы везде, куда бы ни ложился взгляд. Беглецы оказались на вершине гигантской пирамиды со срезанной макушкой и теперь молча смотрели на изъязвленную воронками, ржавыми языками спекшейся почвы и стекловидными пятнами бесконечную равнину, краями поднимавшуюся к горизонту, будто пирамида стояла в центре колоссальной тысячекилометровой мелкой чаши. Но это, очевидно, сказывался эффект рефракции воздуха планеты, которая была намного больше Земли, хотя сила тяжести на ее поверхности не превышала земной.

Цвет неба этого мира носил жемчужный оттенок, не меняющий насыщенности и яркости от зенита к горизонту, поэтому глубины оно не имело и казалось твердой плитой, потолком, сквозь два отверстия в котором — планета вращалась вокруг двух солнц одинаковой светимости, но разного диаметра — просачивался на поверхность «настоящий дневной» свет.

Под пирамидой когда-то располагался город, очень странный город, теперь почти полностью разрушенный. Все его здания представляли собой четырехгранные пирамиды разного размера, соединенные решетчатыми стенами, кое-где сохранившимися. Дороги, улицы в этом городе отсутствовали, а площади между пирамидами напоминали клумбы с частоколом черных колючек. Кто построил город пирамид, не уступавших по величине земным, догадаться было трудно. Однако «следопыт» отряда — Светлада — знала, кто являлся его обитателями и строителями.

— Здесь жили Симулиды[1], — проговорила Мария. — Их города обычно подтоплены водой. В космос они вышли поз-

[1] Simuliidae — мошки, семейство комаров.

же остальных Инсектов, но прошли дальше, даже в соседние галактики — еще не зная тхабса! Здесь, очевидно, их популяция убереглась от Изменения, проведенного Монархом в нашей реальности.

— Но не убереглась от войн иерархов, — проворчал Вася и вдруг почувствовал чье-то присутствие. То же самое ощутили и его спутники, разом оглядываясь (они стояли на краю площадки, венчавшей пирамиду). Сзади, в полусотне метров, располагалась группа крепких молодых людей в одинаковых серых костюмах, с пистолетами в руках, а впереди, засунув руки в карманы, стоял Герман Довлатович Рыков.

— Какая приятная встреча! — сказал он скрипучим голосом. — Вот я и догнал вас, господа комиссары.

— Здесь надо бы добавить: какой я молодец! — с угрюмой насмешливостью парировал Василий. — Зажил глазик-то, кардинал? Не боишься лишиться двух сразу, теперь уже окончательно?

— Вы меня интересуете мало, — не отреагировал на речь Котова Рыков. — Ваше «чистилище» на Земле без вас не продержится и дня, так что нет смысла пикироваться в вашем положении. Меня интересует только ваш пацан. Где он?

Посвященные обменялись понимающими взглядами.

— Как он догнал нас? — быстро и тихо спросил Самандар.

— Не знаю, — сквозь зубы бросил Василий. — Я чувствовал какой-то напряг в момент старта, но не понял, в чем дело.

— Тхабс зацепил их не случайно, — сказала Мария-Светлада. — У них есть какая-то овеществленная часть формулы тхабса...

— Вы совершенно правы, леди, — осклабился Рыков, — вот она. — Он показал медальон, принадлежавший недавно Бабуу-Сэнгэ. — Еще вопросы есть?

— Ты... координатора?.. — медленно проговорил Самандар.

— Ликвидировал, — небрежно бросил Рыков, снова засовывая руки в карманы, и по тому, как они оттопырились, Василий понял, что в них оружие. И не какое-нибудь простое вроде пистолетов, а «глушаки»!

— Бабуу изжил себя, — продолжал Рыков. — Итак, повторяю вопрос: где Стас? Надеюсь, вы не станете демонстрировать свое боевое искусство? Оно вам не поможет, я вас просто уничтожу, не колеблясь.

— Верю, — кивнул Василий. — А твои прилипалы с пуш-

ками знают, что применение огнестрельного оружия в абсолютных реальностях чревато последствиями?

— Не имеет значения, — пожал плечами кардинал. — Они исполняют мои приказы, а что будет потом, не важно.

— Ну-ну, очень оптимистичное заявление, как раз в духе наших родных чиновников. Что ж, начинай уничтожать нас, рыцарь без страха и упрека. Ты же знаешь, «чистильщики» без боя не сдаются. А Стаса ищи-свищи сам, его координаты нам неизвестны. Только, боюсь, встреча с ним, если ненароком его найдешь, станет для тебя последней.

Рыков показал свою специфическую бледную улыбку, и по шевелению его рук в карманах Вася понял, что сейчас последует залп из «глушаков». В следующее мгновение он развернул границу реальности, одновременно пытаясь убрать Рыкова с его воинством из сферы влияния тхабса.

Они вышли на поляну в окружении огромных деревьев с розовой корой, напоминающих секвойи. В центре поляны горел костер, над которым на вертеле жарилась туша какого-то животного. Вокруг костра группами сидели четырехрукие люди в рыцарских доспехах, вооруженные мечами и арбалетами. На их лицах, обращенных к землянам, можно было прочитать изумление, переросшее в страх, когда рядом с первой тройкой пришельцев появились еще с десяток таких же: Рыков снова догнал беглецов.

Не давая ему времени опомниться и открыть огонь, Василий погнал свой невидимый «транспорт» дальше, и на этот раз беглецы вышли на берег моря во время шторма. Ураганный ветер гнал над крутым скальным обрывом берега низкие серо-зеленые тучи и поднимал на море огромные волны зелено-коричневого цвета, срывая с них светящуюся пену.

Рыков с командой, несколько поредевшей на взгляд Василия, появился следом, причем расстояние между ним и Посвященными сократилось вдвое. Тогда у Василия созрела мысль продолжать бег по реальностям до тех пор, пока Рыков не окажется на расстоянии броска, а после этого напасть первым. И Василий бросился сквозь «розу» в ее глубины, не зная, в какой галактике находится и близко ли родное солнце.

Он сделал двадцать два головокружительных прыжка, выходя в мирах с удивительными ландшафтами и искусственными сооружениями, прежде чем поймал наконец момент, когда они с Вахидом Тожиевичем оказались в трех шагах от

Рыкова и его окончательно растерявшихся телохранителей. В меоз Василий вышел еще раньше, поэтому действовал намного быстрее, чем любой из них, и даже быстрее Рыкова, давно не тренировавшего боевой транс.

Герман Довлатович тоже понял замысел Котова и был готов к бою, но не ожидал от противника, которого продолжал недооценивать, такой изворотливости и прыти. Он выстрелил, как только вся группа оказалась на крыше какого-то здания (впоследствии выяснилось, что это мир «подсферы А» — архитектурный заповедник «розы»), но Василий уже сместился в сторону, и залп «глушаков» его миновал. А в следующее мгновение в глаз Герману Довлатовичу вонзилась стрелка сюрикэна, брошенная Котовым без всякой жалости с раппортом-пожеланием смерти.

Любой другой человек на месте кардинала, даже Посвященный первых двух ступеней, умер бы мгновенно, однако Рыков уже вошел в Силу Эл, и физические повреждения были ему не страшны. Он, конечно, невольно вскинул руки к глазам, чисто рефлекторным движением, но тут же усилием мысли уничтожил стрелку, а за ней восстановил и глаз — за доли секунды! И все же Василию хватило этих долей для того, чтобы мгновенными росчерками меча, выхваченного в стиле иайдо, обрубить Рыкову карманы с оружием, а затем всадить ему меч в грудь.

За это время и остальные члены отряда успели вступить в бой. Самандар, действуя сразу двумя мечами, справился с половиной манипула, не щадя никого, отрубая им кисти рук с пистолетами или нанося колотые раны в шею. Мария же, пользуясь паранормальным запасом Светлады, не менее успешно атаковала остальных в психоэнергетическом плане, заставив стволы пистолетов изгибаться и выплевывать пули в своих же владельцев. Двое из них с воплями сорвались с крыши здания вниз, другие продолжали бороться с ожившим оружием, теряя остатки внушенного хладнокровия, воли и сознания.

Получив новую рану, Рыков вынужден был отвлечься и на ее штопку, наградив Василия оглушающим ментальным ударом, а когда он с яростью обрушился на противника всей мощью возбужденных Сил, у Василия появился защитник, которого не ожидал ни он сам, ни Герман Довлатович.

Со свистом и гулом на крышу здания спикировало удиви-

тельное создание пентарха Удди, перешедшее на сторону людей, — страж границы, сфинкс Асат. Но более удивительным оказался его всадник — Юрий Венедиктович Юрьев, импозантно одетый в домашний халат и тапочки на босу ногу. Он спрыгнул со спины Асата перед замершими от изумления людьми, царским жестом запахнул халат и сказал обыденным тоном:

— Ну-с, господа, что тут у вас?

Василий, не выдержав, засмеялся, хотя перед глазами у него прыгали цветные пятна, сознание ускользало, а голова гудела от удара, которым его наградил Рыков.

— Драка тут у нас, Юрий Венедиктович. Герман Довлатович решил стать властелином реальности, для чего убил координатора и забрал его талисман. Теперь ему понадобилась другая Великая Вещь — синкэн-гата, из-за которого он готов порешить кого угодно, даже свою мать. В общем, все, как у Володи Вишневского: «О, как внезапно кончился диван...»

Юрьев, сузив глаза, одарил бывшего коллегу выразительным взглядом.

— Это правда, Герман? Ты убил Бабуу?

— Не строй из себя то, что ты есть на самом деле, — прошипел Рыков. — Время Союзов прошло, реальностью должна править одна личность...

— Монарх, — подсказал Василий, усиленными темпами набираясь сил. — Или ликвидатор.

— Осторожнее, друзья, — предупредил своим красивым женским голосом Асат. — Этот человек опасен, он подпитывается чьей-то очень высокой энергией. И позвольте мне откланяться, я спешу.

Сфинкс расправил крылья, сиганул с крыши здания вниз и в несколько взмахов-скачков исчез из глаз. И тут же вернулся, стремительно вырастая в размерах. Оставшиеся не успели даже словом обмолвиться, балансируя на грани новой схватки друг с другом.

— Берегитесь, друзья! Сейчас здесь будет Удди! Вам лучше перейти в другую реальность. Могу... — Асат не договорил.

В белом небе проявилось черное пятно, обрело очертания гигантской птицы, накрывшей всех ощутимо тяжелой и холодной тенью. Птица ринулась вниз, нанося мощный удар по психике всех, кто находился на крыше, и одновременно метнула тучу свистящих черных перьев-стрел, несущих смерть.

Но прежде чем перья достигли крыши, сфинкс вдруг прыгнул вверх, раскрывая свои крылья таким образом, чтобы защитить людей, и принял на себя весь залп.

Василию показалось, что в небе засияло новое солнце. Он инстинктивно заслонился рукой от небывалого сияния, а когда открыл глаза, то на месте Асата увидел быстро тающее облако снега. Бывшее творение пентарха приняло смерть от своего создателя, пожертвовав собой во имя тех, кого считало своими друзьями.

В следующее мгновение Юрьев, Мария, Василий и Самандар, не сговариваясь, нанесли проекции пентарха ответный психоэнергетический удар, породивший волну локального искривления реальности, и заставили жуткую птицу отпрянуть. Не вступил в битву с Удди лишь Рыков, еще не решивший, кому именно он желал бы помочь. Герман Довлатович всю жизнь исповедовал принцип Труффальдино из Бергамо, спевшего когда-то: «А я всегда за тех, кто побеждает».

Глава 46

КАК АУКНЕТСЯ...

С высот астрала Земля казалась окутанной черным туманом. Лишь кое-где в этой черноте просматривались светлые окна и звезды, слегка рассеивающие мрак, но их было слишком мало. Баланс т ь м ы и с в е т а в «запрещенной» реальности был явно нарушен и требовал восстановления. Только никто из живущих на Земле не знал, как это сделать. Кроме Хранителей Внутреннего Круга. Но и они, способные читать будущее, начали волноваться, видя, что их ожидания не сбываются. Воин Закона справедливости запаздывал со своим появлением в реальности, а т ь м а продолжала медленно, но неотвратимо наступать. С исчезновением Круга человечество ожидали деградация, вырождение и гибель. Власть т ь м ы становилась абсолютной.

Необозримое поле космоса, окружавшее планеты земной реальности, прочертила светящаяся рубиновая нить, достигла Земли и вонзилась в голову Матфея, породив красную вспышку каскада понятий. Это был ментальный вызов. Никола Русый собирал Сход Хранителей, на этот раз — без физического и визуального контакта, для обсуждения проблемы ликви-

датора. Идею предложил Хранитель Павел: соединить поля эгрегоров и попытаться нейтрализовать ликвидатора, — теперь предстояло принять решение — начинать прямую войну с Истребителем Закона или нет.

Матфей был против этого, потому что знал о грядущей неудаче, однако он з н а л также и о том, что напуганные успехами ликвидатора Хранители все-таки решатся объявить ему войну. Поэтому на вопрос патриарха: готов ли он к в о з д а я н и ю? — Матфей ответил лаконично:

— Готов!

Процедура согласования Схода не потребовала много времени, мгновенная ментальная связь соединяла Хранителей таким образом, будто они находились рядом, в одном месте. Затем наступила очередь резонансной настройки Сил Хранителей и полей их эгрегоров. Борьба им предстояла не с физическим объектом, носителем личности, а с протяженным бесплотным полем сознания вне личности, внедрившимся в компьютерные сети Земли, оседлавшим электронные облака и молекулярные структуры в проводах, микрочипах и других элементах компьютерной начинки. Его нельзя просто выключить, «тюкнуть файл» — удалить информацию из памяти компьютеров или вынуть из дисководов «хайевые денситины» — мультимедийные дискеты с высокой плотностью записи. Но и зная это, понимая специфику предлагаемой войны, патриархи не решились использовать Великие Вещи Мира, хранимые ими в тайниках модулей иной реальности. Они надеялись справиться с задачей своими силами.

Синхронизация пси-полей началась после того, как Никола Русый, ставший оператором Схода, добился от каждого Хранителя четкого пси-ответа и понимания цели. Матфея этот момент застал в МИРе Арахнидов, на глубине трехсот метров под Московским Кремлем; он в равной степени отвечал за сохранение этих сооружений перед потомками.

Вход в общее континуальное поле сознания, образованное эгрегорами Хранителей и их инициаторами-патриархами, напоминал нырок в океан перламутрово светящегося тумана и полного растворения в нем. Процесс же синхронизации индивидуальных полей воспринимался как взаимопроникновение тел Хранителей с одновременным увеличением общего «тела» до размеров Земли. Стала видна вся поверхность

планеты с ее океанами, морями, материками, горными странами, человеческими сооружениями.

Следующий шаг синхронизации увел зрение создаваемого полевого организма в структуры материи. Матфей стал видеть электромагнитные поля, их источники, весь диапазон излучений, пронизывающих реальность, кроме разве что потоков нейтрино и спин-торсионных взаимодействий. Затем поле зрения гигантского мыслящего и чувствующего организма, в который превратились Хранители, сузилось до видения компьютерных сетей — обиталища ликвидатора. Началась стадия концентрации энергии для подавления чужого поля сознания, оживившего компьютерные сети до осознания ими себя Личностью Истребителя Закона дьявола. Хранителям необходимо было повысить психофизический потенциал своего невидимого коллективного «воина» до уровня преодоления порога магического оперирования в «запрещенной реальности» и одним мощным ударом вызвать десинхронизацию динамической пространственно-волновой структуры ликвидатора, «развеять» его «пепел» по просторам космоса.

Но ликвидатор не дал им этого шанса.

Несмотря на то что Хранители достигли двадцатой ступени «лестницы самореализации» людей Круга, то есть уровня абсолютного Магического Оперирования, сила ликвидатора, с которой он ответил противнику, соответствовала двадцать первой ступени, символически называемой Двойником Совершенства. Этого уровня в «розе реальностей» мог достичь только аватара, «второй после Бога», авеша Творца! И атака Хранителей захлебнулась, а ментальная «отдача» швырнула сознание каждого в измененные состояния, соответствующие длительной болезни. Они выжили, сохранили себя и свои групповые эгрегоры, принявшие на себя основную массу ответного удара, но сопротивляться уже не могли.

Концентрация же противоборствующих Сил, освободившихся в жестокой мгновенной схватке, была столь велика, что и з м е н и л а с ь реальность!

На мире природы Земли это сказалось следующим образом: все виды насекомых изменили поведение и стали собираться в коллективы, кланы с достаточно разумным поведением. Кроме того, некоторые из них увеличились в размерах, например, комары и тараканы. Деревья же и грибы обрели

нечто вроде нервной системы и тоже образовали подобие «коллективов» — полуразумных биосистем со связанной «психикой». Результатом этого, наглядно иллюстрирующим процесс, стало изгнание из лесов людей — собирателей грибов и насекомых, поедающих древесину.

На мире «подсферы А», мире искусственных объектов, изменение реальности сказалось рельефнее, хотя заметили это лишь люди Круга с независимой от изменений памятью. Обычные люди ничего не почувствовали, для них новый порядок остался старым, «исторически обоснованным». Так, например, перестали существовать ядерные заряды стратегических и тактических ракет, бомб и снарядов, хотя заменившие их заряды и были близки им по мощности и поражающему действию. Произошла «тихая революция» в компьютерном производстве: исчезли с лица земли фирмы «Шайенн», «Конан», «Деверо» и «Аитэ», производящие компьютеры, вместо них возникли гиганты «Макинтош», «Пентиум», «Самсунг», «Тошиба» и «Юнайтед электроникс». Изменилась и конфигурация компьютеров, и дизайн, процессоры и мониторы, но сами они, конечно же, остались. И остался цел и невредим паразитирующий на них, как некий бесплотный одушевленный вирус, Истребитель Закона. Выжил он благодаря приобретению — за счет поглощения многих эгрегорных полей — качества высшей непреодолимости. По сути, с человеческой точки зрения он стал неуязвимым и неуправляемым. Заказчик, направивший его в земную реальность, окончательно перестал быть его господином.

* * *

Подвижный мобильный ракетный комплекс «РС-12МУ» «Ясень» представляет собой колесный тягач, совмещенный с контейнерной пусковой установкой, «пушкой», как ее называют сами ракетчики. Подготавливает к запуску ракету, способную нести от одной до трех разделяющихся боеголовок, стартовый расчет из четырех человек во главе с командиром-оператором не ниже капитана по званию. Но, кроме подготовки самого пуска, существует довольно длительный процесс перевода ракетного комплекса в высшую степень боевой готовности, включающий в себя введение полетных заданий, то есть координат целей и необходимых траекторных

поправок, а также проведение некоторых дополнительных операций на самом комплексе после ввода заданий (контроль систем). Но если операции подготовки пуска доступны всему расчету, то сложные математические программы полета знают всего несколько человек в Генштабе ракетных войск. Управление же всеми комплексами осуществляется через центральный командный пункт (в России он располагается в подмосковной Власихе, в США — в Пентагоне) и ряд вспомогательных пунктов управления в разных регионах страны. Запустить ракету, разблокировать все «замки» и коды, которые препятствуют ее старту, может только президент с помощью своего «ядерного чемоданчика», введя специальную программу. В этой операции также непременно должны участвовать министр обороны и начальник Генштаба. Однако возможен вариант и «аварийный», не требующий присутствия всех перечисленных лиц, — если код пуска знает дежурный офицер, переносящий чемоданчик.

Таким образом, ликвидатору для решения задачи уничтожения баз Хранителей потребовалось зомбировать всего несколько человек: кейс-офицера, начальников пунктов управлений на местах и командиров пусковых установок, располагающихся в нужных районах. В принципе зомбирование командиров ПУ было лишним в цепи подготовки пусков, они вполне готовы были просто выполнить приказ, но ликвидатор не хотел рисковать срывом своих планов.

Процесс зомбирования высшего командования ракетных войск не занял много времени: практически все генералы и полковники, связанные с управлением пусками ракет, работали с компьютерными военными системами и легко поддавались внушению. Для программирования же командиров ПУ ликвидатору пришлось действовать через уже закодированных эмиссаров, что несколько затянуло решение задачи. И все же через три дня после атаки Хранителей, что привело Истребителя Закона в неописуемую ярость, он только в России уже имел возможность запустить в намеченные районы около трехсот ракет типа «РС-12МУ» «Ясень» и два десятка более мощных ракет «РС-20» «Сатана». Масштаб же перехвата им управления пусками ракет во всем мире был неизмеримо выше. Теперь ликвидатор мог уничтожить любого человека Круга с любым уровнем магического оперирования, надо было лишь установить его координаты. То, что при этом не-

избежно должны были погибнуть сотни и тысячи других ни в чем не повинных людей, ликвидатора не волновало. Людей на Земле еще оставалось очень много, достаточно, чтобы их можно было не считать.

Первый ракетный удар Истребитель Закона нанес по Гималайскому Гарбхагриха-центру, где обосновался один из патриархов-Хранителей Гуру Нарамсинх. Произошло это ранним утром двадцать второго июня. Использован же был комплекс «РС-12МУ», располагающийся на территории Казахстана.

Предотвратить падение ракеты на буддистский культовый комплекс, где проживали две тысячи монахов и лам, Нарамсинху не удалось, а бежать, спасаться самому, в то время как гибли его сподвижники, он не захотел.

Именно на такую реакцию Хранителей и рассчитывал ликвидатор. На следующий день он наметил уничтожить еще два десятка Хранителей, в том числе — патриархов Николу Русого и Матфея.

Глава 47

ВСТРЕЧА

В тот момент, когда Рыков по недолгому размышлению все-таки решил примкнуть к пентарху Удди, его противник внезапно получил подкрепление.

С неистовым визгом и пронзительным шипением небо и землю пересекло невесть откуда взявшееся гигантское полотнище бледного золотистого пламени, едва не задев «птицу» Удди, сжалось до размеров стометрового лезвия меча, разрубившего здание по диагонали, на крыше которого друг напротив друга расположились Юрьев, Рыков и команда Котова. Затем пламя исчезло, втянулось в точку, а из этой точки, плавно и быстро вытягиваясь, увеличиваясь в размерах, вышли трое людей: Стас, красивая девушка в шортах и мужчина в спортивном костюме. Герман Довлатович сразу узнал в них Посвященных I ступени Парамонова и Ульяну Митину.

На мгновение все замерли, даже «птица» — проекция пентарха, собравшаяся повторить залп магических заклинаний-перьев, и за это мгновение Рыков успел сориентироваться, осознать свою ошибку, принять другое решение и сбежать.

Сил, переданных ему Монархом как своему авеше, поддержанных магией талисмана Бабуу-Сэнгэ, хватило для перехода границы реальности.

Убрался с поля боя Рыков очень своевременно; впрочем, он всегда умел выходить невредимым из самых опасных ситуаций, без угрызений совести используя все отрицательные качества и способности, перешедшие от Инсектов к людям: обман, трусость, презрение, коварство, жестокость, предательство.

Пентарха тоже смутило появление на сцене новых действующих лиц, с которыми он уже имел контакт незадолго до своего проявления в данной реальности. Однако он не хотел останавливаться на полпути и, задержавшись на мгновение, начал атаку на Посвященных. Только изменил тактику: разделившись на несколько сотен птиц размером поменьше, напал на каждого своего врага отдельной стаей.

Парамонов первым догадался, чем это им грозит. Заставив защищаться каждого человека в отдельности, Удди имел великолепный шанс по очереди одолеть всех людей. Отвечать ему надо было собственной с т а е й, человеческой, как делали это когда-то Инсекты.

— Объединяем Силы! — раздался над полем боя громовой голос Ивана Терентьевича, отбившего нападение своего «фрагмента» Удди.

Ульяна, прекрасно ориентирующаяся в обстановке, тотчас же присоединилась к нему, и они вдвоем помогли справиться с «птицами» Марии. Затем к ним присоединился Василий, вдруг оказавшийся рядом с Ульяной.

Таким Уля его еще не видела: с пылающими гневом глазами, грозно-веселого, буквально вдохновленного (не боем, это Ульяна поняла потом), ощутимо сильного и целеустремленного.

Самандар, с трудом парировав первый ментальный залп стаи — ему досталось больше всех, Удди начал индивидуальное уничтожение с Вахида Тожиевича, — присоединился к растущему объему Сил Посвященных, находясь почти без сознания. Мгновением позже к ним подключился Юрьев. Он колебался с решением до последнего, так как мог просто сбежать с поля боя с помощью тхабса, но остался, хотя и не из чувства солидарности, а из-за вполне понятной привязанности к дочери.

И последним вошел в этот объем сил Стас, которому легко удалось рассеять свою стаю с помощью синкэн-гата.

Уровень Сил, на который вышли семеро землян, объединенных в один психоэнергетический организм, превысил тот, которым владел Удди — Элохим Алеф, но и после этого бой еще продолжался некоторое время, искажая реальность, изменяя ее законы, в том числе — физические, пока наконец все семеро не разобрались со взаимодействием и, выставив Стаса с мечом на острие контратаки, не выбросили Удди из реальности.

Тишина, наступившая вслед за исчезновением стаи «птиц», показалась всем оглушительной. Озираясь по сторонам, готовые ответить на любой враждебный выпад, Посвященные разошлись по размягченной поверхности крыши и только теперь увидели, что стало с окружающим здание ландшафтом, да и с самим зданием.

Город, как скопление архитектурных сооружений, перестал существовать! Все его здания оплыли, как свечи, превратились в блистающие неестественной белизной сталагмиты. Здание, на крыше которого сражались Посвященные с пентархом и Рыковым, осело, превратилось в ноздреватую белую плиту, расколотую на две части. Лес, заполнявший пространство между зданиями, «расплавился» в причудливые ажурные фестоны, колонны, мосты и арки, создав нечто вроде искусственно-живой инфраструктуры, своеобразный город, геометрически идеальный и красивый, если бы не его кроваво-красный цвет.

Изменилась даже равнина, где произошло столкновение людей Круга: она прогнулась, и теперь изменившийся «двойной» город стоял как бы в круглой чаше диаметром в несколько километров. Зеленый лес начинался за пределами этой чаши, наверху.

— М-да! — нарушил молчание Юрьев, выделявшийся из группы своим домашним невоинственным видом. — Все хорошо, что хорошо кончается. Вовремя вы подоспели, Иван Терентьевич.

— А где тебя отыскал бедный Асат? — подошла к отцу Мария.

— В одном из адов «розы», — пожал плечами Юрий Венедиктович. — На меня напал Бабуу, и стартовал я с Земли уже

в бессознательном состоянии. Асат меня привел в чувство и доставил сюда.

— Откуда он узнал, где ты?

— Не знаю, не успел спросить.

— Символично, — произнес Самандар с усмешкой, поглядывая на Ульяну и Василия, стоявших неподалеку.

— Что символично? — не понял Юрьев, тоже оглянувшись на застывшую пару.

— Что ваше подсознание вынесло вас именно в ад.

Юрьев ответил понимающей усмешкой, не сводя заинтересованного взгляда с Василия и Ульяны, затем Парамонов деликатно тронул его и Самандара за руки и жестом отозвал обоих в сторону.

— Пусть они побудут вдвоем. Им есть что сказать друг другу. А мы пока обсудим положение.

Мужчины прошлись по платформе, остановились на ее краю, глядя на пейзаж внизу.

К Стасу, делавшему вид, что он приводит свой костюм в порядок, и косившемуся на своего учителя с некоторым недоверием — таким он тоже его видел впервые, — подошла Мария, потянула за рукав, сердито прошептала:

— Чего пялишься? Пошли к остальным.

— Они... посмотри на их лица...

— Это признание, Котов, понимаешь? Они не виделись десять лет, понимаешь?

— Но ведь для нее эти десять лет пролетели как мгновение.

— Не имеет значения. Она сейчас читает и чувствует е г о десять лет. Пошли.

Мария вдруг разделилась на двух похожих, но тем не менее отличимых девушек.

Стас вздрогнул, ошеломленно глядя то на одну, то на другую. Обе Марии смотрели, в свою очередь, на него одинаково насмешливо-дразнящими и оценивающими взглядами, только одна при этом еще и слегка хмурила брови. И тогда молодой человек сделал то, что от него ожидали: усилием воли приобрел сурово-сдержанный вид, отсалютовал девушкам мечом и поцеловал хмурившую брови Марию в щеку. Он понял, в чем дело. В этой реальности Светлада, внедрившаяся в Марию, могла существовать в своем собственном облике, физически.

Обе девушки переглянулись, засмеялись, и Светлада, шаг-

нув к Марии, вошла в нее и исчезла. Мария подхватила Стаса под руку, прижалась к нему на секунду и повлекла к мужчинам.

Василий же и Ульяна никого не видели и не слышали, просто стояли и смотрели друг на друга, сквозь разлуку в десять лет, и ожидание, и надежду, сквозь безумную радость встречи, жажду объятий, сквозь рыдание и крик души...

И все слова, которые готовил Василий, чтобы сказать их любимой, оказались совершенно лишними. Он видел это по глазам Ульяны, в которых сквозь легкое замешательство, и удивление, и сомнение пробивался родник ответных чувств, нечаянной радости и ожидания любви.

Они и потом не сказали друг другу ни слова, когда пришла пора решать, что делать дальше. Только словно невзначай касались друг друга руками, ощущая разряды неведомой энергии, пронизывающей и соединяющей обоих. Самандар видел этот безмолвный разговор и, возможно, переживал, но молча, и оставался бесстрастным, хотя вряд ли смирился с тем, что соревнование с Котовым он проиграл.

— Василий Никифорович, — обратился к старшему Котову Юрьев, делая вид, что не замечает его состояния. — Тут у нас возник чисто теоретический спор, хотелось бы услышать ваше мнение.

Василий глянул на кардинала, в глазах которого читалось насмешливое осуждение, порозовел, выпустил руку Ульяны и принял свой обычный угрюмоватый вид.

— Может быть, мы сначала решим, что будем делать дальше?

— По-моему, это давно решено, — сказал Самандар. — Искать Соболева.

— Нет, — покачал головой Парамонов. — Проблема так просто не решается. Необходимо обговорить все тонкости предстоящего дела, а заодно и отдохнуть. Но не здесь. Удди скоро вернется и наверняка не один, а с армией.

— Вы знаете место, где мы будем в безопасности?

— Земля, то есть родная реальность.

— Там нас ждут ликвидатор и господин Рыков со своими «эсэсовцами».

— Вряд ли им удастся вычислить нас сразу после перехода границы, тем более если мы пойдем тхабсом, не оставляю-

щим следов. Несколько часов для отдыха и решения проблем у нас будет.

Василий задумался, потом глянул на Ульяну, ответившую ему затуманенным и чуточку растерянным взглядом — она еще не привыкла к тому обстоятельству, что старший Котов — Посвященный! — и проговорил решительно:

— Поплыли!

Вахид Тожиевич открыл рот, чтобы спросить: где ты собираешься выходить? — но Василий уже сориентировал тхабс, и семерка людей Круга оказалась в Рязани, в квартире Анны Павловны, тетки Ульяны.

Глава 48

ВОЛОСЫ ДЫБОМ

Анне Павловне пошел восемьдесят четвертый год, но была она еще подвижной и бодрой бабулей, способной позаботиться о себе и об окружающих. Появление племянницы, отсутствовавшей десять лет и считавшейся без вести пропавшей, произвело на нее сильное впечатление, однако она, всплакнув, быстро пришла в себя и захлопотала по хозяйству, даже не пытаясь выяснить, каким образом в ее квартире оказались гости. Вскоре на кухне варились щи, жарились овощи, нарезался хлеб и сыр, кипел чайник и готовился яблочный пирог. Сама же Анна Павловна успевала и готовить, и слушать рассказ племянницы, и делиться собственными переживаниями и новостями, то и дело поднося к глазам платок — старческие глаза скоры на слезу.

Мужчины в это время мылись по очереди в ванной и разговаривали, не задевая важных тем. Решили сначала привести себя в порядок, расслабиться и отдохнуть. Обсуждать план действий следовало на свежую голову.

Так как Мария вместе с Ульяной ушла на кухню помогать хозяйке, Стас после купания остался в зале и уселся в уголке на диване, прислушиваясь одним ухом к разговорам старших, а другим к женским голосам, доносившимся из кухни.

Юрьев снова попросил Котова-старшего разрешить спор, который у него завязался с Парамоновым и Самандаром, и Василий, упиваясь удивительным комфортом, установив-

шимся в душе после встречи с Ульяной, согласился наконец его выслушать.

— Отставим в сторону ближайшие проблемы, — начал Юрий Венедиктович, так и оставшийся в своем домашнем халате, поскольку переодеться ему было не во что, как, впрочем, и остальным. — Но вот вопрос: что вы будете делать, когда закончится война с ликвидатором?

— Не знаю, — озадачился вопросом Василий. — Дел вообще-то полно... до этого надо еще дожить...

— О каких делах речь? Снова возьметесь возрождать «чистилище»?

— Да хотя бы.

— Но ведь деятельность «чистилища» не решает проблемы. Уничтожая лидеров преступного мира, вы тем самым выдвигаете новых. Таковы законы социума, таков человек.

— Значит, нужен н о в ы й человек, — весело заявил появившийся в зале Парамонов с полотенцем через плечо; он мылся последним. — Вам должно быть известно, что нынешнее человечество — переходная стадия к цивилизации новой волны. Хранители Круга — ядро этой цивилизации. Вот если бы никто не вмешивался в земную жизнь, не делал революций и разного рода экспериментов, и з м е н е н и й, ни Монарх, ни иерархи, ни Безусловно Первый, жизнь наша была бы намного спокойней. А мы только и делаем, что воюем... за право не воевать и идти своей дорогой.

— Итак, «чистилище»? — посмотрел Юрьев на Василия, терпеливо выслушав тираду Ивана Терентьевича.

— Не знаю, — хмуро сказал Василий. — У вас есть другие предложения?

— Именно так, Василий Никифорович. Я предлагаю организовать новый Союз Неизвестных и возродить Круг, такой, каким он был в начале человеческой эры.

В гостиной Анны Павловны стало тихо.

— Вы надеетесь выйти на уровень прямой коррекции социума? — проговорил с вежливым удивлением Парамонов.

— Идеальных решений лечения социума не существует, вы должны это понимать. Я же хочу воссоздать систему — пусть она будет называться иначе, не Круг, а Сфера, или как-нибудь еще, — которая стабилизировала бы законы реальности, не давала им резко изменяться. Ведь Союзы Неизвест-

ных были созданы именно для стабилизации отношений, для сохранения Изначального Плана бытия.

— Возможно, намерения ваши и благие, но известная формула: «благими намерениями вымощена дорога в ад», — еще ни разу не давала осечки.

— А ваше мнение? — все так же терпеливо, не ввязываясь в дискуссию с Парамоновым, обратился Юрьев к Василию. — Я предлагаю вам место кардинала в обновленном Союзе, причем с ответственностью резонатора распространения нового качества — справедливого воздаяния. Вы будете вторым лицом Союза после координатора.

— А вы первым? — слабо улыбнулся Василий.

Юрьев не смутился, пребывая в уверенности, что ни один человек не в состоянии уберечься от соблазна стать одним из настоящих повелителей не только отдельного государства, но и всей реальности.

— Да, координатором буду я, — спокойно сказал он. — Я хорошо знаю обязанности и ответственность этой фигуры управления и равновесия и готов принять соответствующее Посвящение. Принимаете предложение?

— Спасибо, — покачал головой Василий, — но я не хочу никем руководить и навязывать свою модель мира. Бывший Союз преуспел в этом начинании, диктуя свою волю, внушая всем живущим, что мир плох и жесток, впечатывая в сознание, в психику каждого сценарий катастрофы и вечной войны, базовые установки добра и зла. Да не нуждается добро в вечной борьбе со злом! Миру необходимы технологии согласия, а не борьбы или спора, соблюдение баланса инь и ян, мужского и женского, принципа гармонии всех начал. Даосская философия права. Единственное, чему я могу посвятить свой остаток жизни, так это разработке техник согласия, восстановлению утраченной людьми гармонии, да еще, пожалуй, поиску первопричин и истоков жизни. Руководить социумом — не моя стезя.

В зале снова установилась тишина, потом из прихожей появилась Ульяна с теркой в руке — она тоже слышала речь Котова-старшего, — подошла к сидящему Василию и поцеловала его в щеку.

— Ты все-таки бесподобен! — И убежала обратно.

— Жаль, — вздохнул без особого разочарования Юрьев. —

Я рассчитывал на вас. Ну а вы, Вахид Тожиевич? Тоже откажетесь?

— Никакая форма бутылки не способна изменить ее содержания, — сказал Самандар. — Как вы ни называйте Союз, он все равно останется органом принуждения, как и прежний. Если только не изменится база, принципиальная основа коррекции социума. Быть кардиналом я не желаю, но могу взяться за теоретическую проработку законодательства обратной связи.

— Хорошо, мы поговорим об этом отдельно. — Юрий Венедиктович посмотрел на примолкшего Стаса. — А как относится к теме разговора молодежь?

— Я слушаю, — смутился Стас. — Пожалуй, мне более близка точка зрения дяди Васи. Я думал несколько о другом...

— О чем же?

— О внешнем воздействии на нашу реальность. Я не понимаю одной простой вещи: почему даже Монарх, отец человечества, не может п р я м о воздействовать на реальность? Все ищет какие-то окольные пути, лазейки, использует людей... Что ему мешает? И почему именно наша «запрещенная» реальность так притягивает его и всех последователей — иерархов? Она что, медом намазана?

— На этот вопрос могу ответить я, если позволите, — раздался в гостиной чей-то приятный звучный голос, и прямо из воздуха посреди комнаты вышел высокий человек с сединой в черных волосах, одетый в пятнистый плащ и сапоги.

Собеседники узнали его, это был Хранитель Матфей.

Он коротко поклонился всем, прищурясь, оглядел каждого, как бы оценивая его настроение.

— Простите за вторжение. Однако нам есть о чем поговорить.

— Присаживайтесь, — вскочил Василий, жестом предлагая свое кресло. — Я постою.

В зал выглянула чем-то удивленная Мария в переднике, с ножом и луковицей в руках, она почувствовала изменение полевой обстановки и пришла выяснить, в чем дело. Несколько мгновений Матфей и девушка смотрели друг на друга по-особому, проникающе и понимающе, потом Хранитель еще раз поклонился.

— Я гляжу, тебе понравилось сосуществование, хранительница. Рад за тебя.

Юрьев озабоченно, а Стас непонимающе посмотрели на Марию, но та взмахнула руками и умчалась обратно на кухню, смущенная одной ей ведомым смыслом, вложенным Хранителем в последние слова.

Матфей, не снимая плаща, невозмутимо сел в любимое кресло Василия и Ульяны, глянул на Стаса.

— Отвечаю на ваш вопрос, молодой человек. Монарх Тьмы потому не может прямо воздействовать на земную реальность, что именно она и является Материнской. Или, как ее еще называют, Фундаментальной, созданной Творцом по Изначальному Плану бытия.

В гостиной Анны Павловны стало тихо. Потрясенные услышанным мужчины смотрели на Хранителя, не веря своим ушам. Даже Юрьев, посвященный в тайны Внутреннего Круга глубже других, был ошеломлен, хотя постарался скрыть это.

— Э-э, уважаемый патриах, — сказал он, — я нисколько не подвергаю сомнению ваше сообщение и сужу о мире с высот того знания, которое мне доступно. Я слышал, точнее, знаю, что Материнская реальность — якобы завершенная модель мира, остальные реальности «розы» суть ее отражения. Как это увязывается с тем фактом, что наша земная реальность считается «запрещенной», то есть относительной, а другие реальности — абсолютными?

— Мы намеренно допустили смещение смысла, — спокойно сказал Матфей. — Каста иерархов жаждала деятельности, овладев магическим оперированием, и мы направили их по ложному пути, предоставив возможность экспериментировать с отражениями Материнской реальности в Брахмане, назвав их абсолютными, а не с земной, единственно истинной. Таким образом мы уберегли ее от полного распада и подготовили почву для возвращения Творца.

— Аватары? — уточнил Василий.

— Аватара — его воплощение, и появляется он, когда серьезно нарушается баланс тьмы и света, гармония мужского и женского.

— Как сейчас?

— Почти как сейчас.

— А что нужно сделать, чтобы восстановить баланс? Остановить иерархов? Уничтожить Монарха?

Матфей улыбнулся, кивая на слова робко заглянувших в гостиную Ульяны и Марии: «Мы не помешаем?»

— Не помешаете, присоединяйтесь к нам. Дело в том, что Монарх Конкере — второй реформатор Мироздания после Люцифера, известного вам как Безусловно Первый. Люцифер считал, что его модель Мироздания лучше, чем модель Творца, и провел революционные преобразования втайне от него. В результате появились расслоенные реальности, пересечения недопустимых противоположностей, временные тупики, иерархия так называемых «адов», то есть «роза», и множество разумных систем, начавших войну между собой за власть. Творец не согласился с таким поворотом бытия и исправил ошибку своего взбунтовавшегося сына и ученика, перестроив «розу реальностей» согласно Изначальному Плану.

— А куда девался Люцифер, то есть Безусловно Первый? — не выдержал Василий. — Погиб?

— Оператором, выдерживающим пространственно-физические и временные сдвиги реальности, может быть только творец данной реальности. Люцифер творцом Материнской реальности не был, но он и не погиб — и з м е н и л с я вместе с ней. В результате появились мозаичные разумные системы — не существа — типа «размазанная неопределенность» и «высшая непреодолимость».

— Аморфы тоже относятся к ним?

— Аморфы их потомки.

— Таким образом, нас можно считать потомками Люцифера, — задумчиво проговорил Парамонов.

— В какой-то степени. Но в большей степени нас можно считать потомками Монарха и Творца, хотя и появившимися на свет в результате их ошибок. История жизни — вообще история ошибок. Люцифер — ошибка Бога, Аморфы — ошибка Люцифера, Безусловно Первого арендатора Материнской реальности, мы — ошибка Монарха Тьмы, а в глобальном плане человечество, как и все разумные системы до него, является всего лишь одной из бесчисленных попыток Творца создать мыслящую Систему, более совершенную, чем он, попыток, так и не увенчавшихся успехом.

Хранитель замолчал, и в гостиной некоторое время стояла глубокая торжественная звенящая тишина, наполненная смесью восторга и страха, охвативших людей, перед мысленным взором которых вдруг распахнулась Бездна...

Матфей усмехнулся, понимая чувства собеседников, глаза его стали грустными.

— Я иногда задаю себе вопрос: прав ли был Творец, играя сам с собой в игры неопределенности, развивая концепцию ошибок не в теории, а на практике, экспериментируя с Жизнью, пытаясь создать Разум, равный своему?...

— И каков же ответ?

— С этим моим вопросом соседствует еще один: зачем Ему все это? Ведь Он — Творец, Бог, Он самодостаточен! Но нет мне ответа. И, наверное, не будет. Потому что я скорее всего неправильно его формулирую. Может быть, намек ответа содержится в том, что, только создав Разум, Творец получил возможность осознать себя Творцом. Может быть. Не уверен. Зато я знаю, что есть смысл ждать ответа. Я вас не слишком сильно огорчил?

— Нет, — после паузы пробормотал Василий. — Огорчил — не то слово, вы нас убили! — Он разгладил лицо ладонью и хмуро улыбнулся. — Но мне лично после этой «смерти» очень хочется жить. Если ни Люциферу, ни Монарху не удалось справиться с задачей, поставленной Творцом, то, возможно, это сделаем мы, люди?

Мгновенная тишина, общий вздох, движение, улыбки и смех, реплики, и снова тишина.

— Васенька, — раздался в этой тишине голос Ульяны, — я тебя люблю!

И снова движение, шум, возгласы, облегченные вздохи, будто решилась некая важная проблема, и диссонансом — ревнивый взгляд Самандара, с трудом скрывшего бушевавшие в душе чувства.

— Давайте вернемся к ситуации, — остудил он восторги присутствующих. — Нам еще предстоят кое-какие дела.

Все умолкли, выжидательно поглядев на Матфея.

— Может быть, пообедаете с нами? — нашлась Ульяна.

Хранитель, скрывая улыбку, покачал головой.

— К сожалению, вынужден отказаться. С удовольствием посидел бы с вами и расслабился, но я не принадлежу себе, и у меня мало времени. Кстати, у вас тоже. Истребитель Закона привел в боевую готовность ракетные войска страны.

— Зачем? — изумился Василий.

— Для уничтожения оставшихся людей Круга, в том числе нас, Хранителей. Вычислив координаты каждого, он собирается дать команду «на старт».

Чувства, овладевшие всеми после этих слов, можно было описать двумя словами: волосы дыбом!

Глава 49

ПОМОГИТЕ ЕМУ — И ПОМОЖЕТЕ СЕБЕ

Обедали торопливо и без настроения. Даже Юрьев, никогда ничего не принимавший близко к сердцу, несколько подрастерял свой холено-барский высокомерный вид. Угроза ликвидатора уничтожить людей Круга любой ценой, даже ценой гибели сотен тысяч других людей, была слишком велика, чтобы ею пренебрегать, и Юрий Венедиктович никак не мог решить внутреннюю проблему: идти дальше со всеми вместе или перестать рисковать своей жизнью и понаблюдать за происходящим со стороны.

За столом разговаривали мало. У каждого перед глазами стояло лицо Хранителя, под влиянием обстоятельств вынужденного раскрыть им не одну тайну Круга, в ушах звенел его сдержанно-сильный голос, а фантазия довершала то, о чем Матфей только намекал.

Больше всех, конечно, был сражен услышанным Стас, даже не предполагавший приоткрыть когда-либо завесу тайн, оберегаемых Хранителями. Касаясь локтем рукояти меча, прислушиваясь к его вздрагиванию, он снова и снова вспоминал разговор старших, и холодный ручеек жути и восторга тек через душу, заставляя ее сжиматься и холодеть в ожидании новых открытий и перемен.

О назначении синкэн-гата спросил Хранителя не Стас, робеющий в окружении Посвященных, так и не раскрывший рта на протяжении всей беседы, а Василий, оказавшийся самым младшим Посвященным и потому не боявшийся показаться кому-то невеждой. Но ответ Матфея потряс и его.

— Синкэн-гата принципиально не может считаться оружием, — сказал Хранитель, — так же как и Воин Закона справедливости или иного другого не может считаться воином, бойцом. Прежде всего он — организатор воздействия, устранитель препятствий на пути Закона, оптимизатор баланса сил. Однако человеческая природа, взявшая худшие черты Инсектов, такова, что Воину в нашей реальности все время приходится воевать. Вот почему я не сочувствую человеку вообще, — он несовершенен и агрессивно идет навстречу гибели вида, — но сочувствую отдельным представителям хомо сапиенс, которых люблю и уважаю.

Хранитель помолчал, давая время всем подумать над его словами.

— Но вернемся к вопросу Василия Никифоровича. Синкэн-гата является не только «духовным мечом» Воина Закона, эффектором магических взаимодействий, нейтрализатором любых непреодолимостей, но и ключом к Знаниям Бездн, а также олицетворяет собой третью «сферу света» Самаэль[1] и одну из букв имени Творца. Точно так же Великие Вещи Мира, созданные предками людей Инсектами и Аморфами, такие, как «игла Парабрахмы», саркофаги царей Инсектов, своеобразные компьютерные комплексы, тхабс, кодон, — тоже являются овеществленными буквами имени Творца. Тот, кто овладеет ими, станет...

— Богом! — вырвалось у Ульяны.

— Аватарой, — мягко поправил ее Матфей. — И, кстати, совсем необязательно — светлым аватарой.

— Разве Соболев не идет по пути светлого аватары? — нахмурился Василий.

— О Соболеве разговор особый. Речь идет о Германе Довлатовиче Рыкове, очень быстро набирающем темную силу. А он, как вы уже ощутили, является прямым наемником Тьмы.

— Разве он овладел Великими Вещами?

— С помощью Монарха он получил доступ к саркофагу Арахнидов и конфигураторам «иглы Парабрахмы», завладел фрагментом кодона — талисманом бывшего координатора Союза Неизвестных, открыл секрет тхабса и близок к тому, чтобы подчинить себе «иглу». После этого ему останется лишь завладеть синкэн-гата.

Все одновременно посмотрели на Стаса, под рукой которого бледно светился «духовный меч» Воина Закона.

— Ну уж этому не бывать! — твердо заявил Василий.

Хранитель вздохнул.

— Хотелось бы верить. Однако вам всем необходимо подумать и над тем, стоит ли вручать меч Соболеву.

В гостиной стало очень тихо.

— Что вы хотите сказать? — мрачно пробормотал Самандар.

— Монарх сделал ошибку, изменив одну из популяций Инсектов и дав начало человечеству, и был наказан Творцом

---

[1] Самаэль — «Жестокость Бога» *(Каббала)*.

за несанкционированное вмешательство в бытие Материнской реальности, то есть сослан в самый глубокий, если можно так выразиться, из адов «розы», где и обитает до сих пор. Но это дитя Безусловно Первого имеет настолько мощный интеллект, что смогло, находясь в «тюрьме», экспериментировать с реальностями, просачиваясь в них с помощью изменения пограничных законов.

И все же ему нужен помощник, преемник, ученик, способный заменить его во всем, и он избрал этим учеником...

— Соболева?!

— Не только, — с грустью покачал головой Хранитель. — И пентарха Удди, и Германа Рыкова, и многих других, еще только-только вступивших на этот путь. Но Соболев наиболее близок к завершению цикла аватары. Понимаете теперь мои сомнения?

— А разве вы не помогали ему... всегда?

— И помогаю сейчас, но сомнения остаются. Будущее Соболева для меня темно.

— Дела-а... — протянул обескураженный Василий, дергая себя за ухо, пребывая в растерянности. — Но ведь Соболев никогда никому не делал зла и не стремился к господству.

— Он слишком часто ошибался и продолжает ошибаться, несмотря на амортизатор ошибок, который я ему послал.

— Кого вы послали? Амортизатор?..

Матфей улыбнулся.

— Я имею в виду Светлену.

— Вы... послали... Светлену?! — Изумлению Василия не было границ. Даже вечно невозмутимый Самандар, сдержанные Парамонов и Юрьев не смогли скрыть своего удивления.

— Кто вы? — негромко спросил Иван Терентьевич.

— По-моему, вы уже догадались. В нашей реальности я Хранитель, в «розе реальностей»...

— Инфарх! — прошептала Ульяна.

Мужчины, сидевшие кто где пристроился, дружно встали. Помедлив, Матфей поднялся тоже, посмотрел на Марию, и девушка сделала к нему шаг.

— Если хочешь — оставайся, — сказал Хранитель, ласково полуобнимая ее одной рукой; все поняли, что он разговаривает со Светладой, своим «третьим Я». — Хотя риск очень велик, не скрою.

— Я останусь, — тихо проговорила девушка, бросив странный взгляд на Стаса.

— Что ж, твой выбор — это мой выбор. — Матфей отстранил Марию, оглядел всех черными все понимающими глазами. — Прощайте, воины. Успеха вам, как бы вы ни поступили.

— Постойте! — в порыве остановил его Василий. — Если мы решим идти дальше... где искать Соболева?

— Монарх предложил ему «поиграть» с Брахманом[1], и Соболев согласился. Как ни горько признаваться, но он до сих пор испытывает на себе давление чужих заклятий-программ. Только вы теперь сможете освободить его от этого темного груза. — Матфей замолчал, колеблясь, говорить ли всю правду, но все же добавил: — Ликвидатора послал на Землю он. С самыми благими намерениями: чтобы тот подкорректировал Законы переноса вины и возмездия в пользу последнего. К сожалению, Соболев забыл о контроле за исполнением данного поручения, и вы знаете, что из этого вышло.

— Истребитель Закона дьявола сам стал дьяволом! — угрюмо закончил Василий.

— Прощайте. Соболева вы найдете по локону Ампары.

Матфей исчез.

Все присутствующие в гостиной посмотрели на задумчивую Марию, словно она, олицетворяя собой Светладу, одну из сторон души инфарха, могла подсказать им, что делать дальше.

— Идемте обедать, — выручила ее Ульяна, возвращая Посвященных от вселенских проблем к земному естеству. И все сразу заговорили, задвигались, гурьбой двинулись на кухню...

— Ты что не ешь? — услышал Стас шепот, и его уха коснулись горячие губы Марии.

Он вздрогнул, очнулся от воспоминаний.

— Спасибо, я уже наелся. — Вылез из-за стола, стараясь никого не задеть мечом, поблагодарил хозяек за обед, в прихожей догнал девушку. — Марго, а что означают слова Хранителя: «Соболева вы найдете по локону Ампары»?

— Ты с индийской мифологией знакомился?

Стас покраснел.

— Читал кое-что, но очень мало.

---

[1]Брахман — безличная абсолютная реальность, основа всего сущего *(инд. мифология)*.

Они вошли в гостиную, где уже тихо беседовали Парамонов и Василий.

— Эффект «локона Ампары» означает взаимодействие прошлого и будущего, — не стала подшучивать над парнем Мария. — Хранитель дал понять, что Соболева надо искать на стыке тех слоев «розы», которые олицетворяют собой глубокое прошлое Вселенной и ее отдаленное будущее. Они наиболее близки к Брахману, и оттуда можно будет попытаться вызвать Соболева.

— А почему нам нельзя сразу попасть к нему?

— Потому что Брахман тхабсу недоступен, и даже синкэн-гата не сможет пробить границу «розы» и Брахмана, потому что принадлежит нашей Вселенной.

В гостиной появились остальные гости Анны Павловны.

— Господа соратники, — обратился к ним Василий, — я покину вас на полчаса. Потом устроим всеобщий совет.

— Куда это ты собрался? — насторожилась Ульяна.

— Мне надо встретиться с Веней Соколовым.

— Зачем?

— Я не знаю, когда мы вернемся и вернемся ли вообще, но если «чистилище» перестанет работать, в нашей реальности останутся всего две силы, одинаково темные: Рыков и ликвидатор.

— Это одна сила.

— Тем более. Я сориентирую ребят, пусть продолжают, что мы начали. За меня не волнуйтесь, с тхабсом мне не страшен никакой ликвидатор.

— Если мы дойдем, «чистилище» не понадобится.

— Если дойдем. — Василий мягко накрыл руку девушки своей. — Я скоро вернусь.

— Пожалуй, я пойду с тобой, — решил Самандар. — И мне есть что сказать моим ребятам.

— А мне просто надо переодеться, — добавил Юрьев, смеясь. — Давайте соберемся здесь через полчаса.

Вдруг из кухни раздался звон стекла, какое-то жужжание и вскрик Анны Павловны. Не сговариваясь, мужчины бросились туда и увидели разбитое окно, а над столом — гудящий шевелящийся шар пчел. Анна Павловна, побелев, держась за сердце, пряталась за холодильником и с ужасом смотрела на рой.

Объединенный ментальный удар развеял пчел как дым,

выгнал их в окно, однако все понимали, что времени у них на визиты не осталось совсем. Пчелиный рой был разведкой ликвидатора, он все-таки сумел определить координаты своих врагов.

— Похоже, мы поздно спохватились, — сказал Василий, принимая на себя роль командира отряда. — Пора определяться. Кто за то, чтобы продолжить путь, добраться до Соболева и передать ему синкэн-гата?

— Вопрос надо ставить иначе, — покачал головой Юрьев, найдя вдруг возможность стать простым наблюдателем. — Стоит ли доверять человеку, допустившему столько ошибок, пославшему в родную реальность ликвидатора Круга?

— Я не доверяю, — сказал вдруг Самандар и добавил, когда все посмотрели на него: — Но иного пути у нас нет.

Юрьев снова покачал головой.

— Я против передачи меча. Может быть, сначала надо просто выяснить отношение Соболева к происходящему, а уж потом решать, верить ему или нет.

— У нас нет времени. Вы забыли о способе, которым ликвидатор собирается довершить свое дело. Ракеты готовы стартовать в любой момент. Может быть, в данную секунду рассчитываются координаты цели и вводится программа пуска одной из них на Рязань.

— И все же я воздержусь от похода. Извините. — Юрьев повернулся к дочери, задумчиво разглядывающей его. — Надеюсь, ты меня не осудишь.

И кардинал уничтоженного ликвидатором Союза Неизвестных пропал, владея тхабсом не хуже Котова-старшего.

— Кто еще остается? — Василий исподлобья глянул на Самандара. — Ты окончательно решил идти с нами, не изменишь решения внезапно? Лучше это сделать сейчас. Мы поймем.

— Я с вами. — Самандар отвернулся.

Ульяна подошла к нему, заглянула в лицо, поцеловала в щеку и отошла.

— Итого, нас шестеро, — сказала Мария, сдержав вздох разочарования после ухода отца. — Маловато для того, чтобы устроить Соболеву еще один шактипат, но хватит для того чтобы найти его.

— Тогда не будем терять времени. — Василий обнял Улья

ну, та Самандара, Стас прижал к себе Марию, а она обняла Парамонова, который замкнул кольцо, обнимая Самандара.

Спутники аватары отправились в путь, надеясь не на свои силы и благоразумие Соболева, а на его сердце и душу. Больше надеяться им было не на что.

Глава 50

ОН — МОЙ!

Удди постарался оставить часовых во всех реальностях «розы», где могли появиться носители угрозы его власти.

В первом же из ее миров-адов, в какой попала шестерка Посвященных, направляемая тхабсом Василия, их ждала засада. На этот раз это была стая натуральных демонов, какими их привыкли изображать художники Земли: множество лап с кинжаловидными когтями, чешуя, гигантские клыкастые пасти, пышущие жаром, злобно светящиеся кровавые глаза, рога, копыта, острые хвосты с шипами. Сражаться с ними люди не стали, сразу прыгнув в другую реальность и толком не рассмотрев первую.

Следующий мир был совершенно мертв: серая холмистая равнина с редкими скалами-останцами на вершинах холмов, серое небо без звезд и солнца, но с тускло светящейся дугообразной полосой над горизонтом, представляющей, очевидно, часть пылевого планетарного кольца.

Лишь защита тхабса позволяла путешественникам находиться здесь, потому что температура воздуха по оценке Вахида Тожиевича, рискнувшего выйти из-под мембраны защиты, была не просто минусовой, а держалась на уровне не выше минус семидесяти градусов по Цельсию. Да и сам воздух почти отсутствовал.

Часовыми, поставленными пентархом, оказались здесь каменные останцы на холмах. Как только люди перестали глядеть по сторонам, они ожили, раскрываясь и вырастая в размерах, превращаясь в огромных драконов с плоским бронированным телом, и ринулись на холм со всех сторон, хищно вытягивая вперед когтистые лапы. Но и с ними путешественники сражаться не стали, понимая, что противник хитрит и гонит их в реальность, где засада посерьезней. Эту мысль высказал Парамонов, когда они вышли в очередной мир и

наткнулись на жутких жабообразных тварей, стерегущих границу.

— Предлагаю принять бой, — быстро проговорил Иван Терентьевич, — и подумать, как нам быть.

Василий согласно кивнул, чувствуя то же самое, что и Парамонов, и они напали на гигантских трехметровых жаб с лошадиными ногами и оленьими рогами, страшных только для маленьких детей. На взрослое население Земли, привыкшее к ужасам кино и телеэкрана, эти монстры впечатления не произвели бы.

Порог магического оперирования в этом аду «розы» легко преодолевался даже Стасом, поэтому путешественники мгновенно экипировались, создав себе оружие по руке: Самандар — два светящихся меча с удлиняющимися при ударе лезвиями, Василий — один меч, но с широким изгибающимся лезвием, Парамонов — набор метательных пластин-бумерангов, а девушки — арбалеты. Контратака их была стремительной и мощной.

Бой длился всего минуту. От арбалетных стрел и метательных пластин жабо-кони корчились и взрывались, а от ударов мечом расплывались лужей и таяли, исчезали. Серьезного сопротивления они не оказали, что говорило в пользу предположения Ивана Терентьевича: высадки гостей ждали не в этих мирах, а глубже, в зоне действия «локона Ампары», часовые же цепочки адов, ведущей к зоне, играли роль «злых собак», загонщиков. Удди знал, что им с людьми не справиться, и задумал тонко сыграть на демонстрации «непреодолимой» силы и рождении в душах людей неуверенности и страха.

— Он будет ждать нас над бездной Брахмана со всей своей армией, — сказал Парамонов, когда бой закончился и все немного отдышались. — Надо что-нибудь придумать.

— Нужны гранаты, — буркнул Самандар, не чувствуя удовлетворения от боя; сражение с тварями по накалу нельзя было сравнить с поединком равных бойцов.

— Чтобы воинство Удди ответило тем же? — в сомнении покачал головой Парамонов.

И тут Василия осенило:

— Правильно! Только нужны не обычные гранаты, а пси! Можем мы подготовить несколько упакованных заклинаний?

Все посмотрели на Марию.

— Принципиальных запретов нет, — пожала та плечами, — хватило бы сил.

— Нас шестеро, в конце концов справимся, — добавила Ульяна. — Что ты задумал, Котов?

— Я делаю длинный затянутый переход, выхожу в «реальность локона», бросаю гранаты и тут же смываюсь оттуда. А спустя несколько секунд мы врываемся туда все вместе и добиваем Удди с его армией.

— Вряд ли наши гранаты нанесут серьезный урон армии пентарха, скорее нашумят...

— И отвлекут внимание. Мы же атакуем сразу самого пентарха. Не уничтожим, так выдворим из реальности, чтобы спокойно вызвать Соболева. С нами как-никак оруженосец Воина Закона с его мечом. Стас, не подведешь?

— Постараюсь, — пробормотал Котов-младший, смущенный тем, что все внимание приковано к нему.

— Тогда вперед! Один за всех — все за одного!

Они сосредоточили желания и магические силы на создании пси-гранат, представляющих собой свернутые в коконы сильные заклинания, дезорганизующие психику любых существ, и вскоре получили шесть рубчатых яиц величиной с куриное, шесть пульсирующих злой мощью коконов. На большее ни сил, ни времени у людей не оставалось. Василий взял по два кокона в обе руки, оставшиеся спрятал в карман на груди, с нежностью поцеловал Ульяну в губы, закрыл глаза, концентрируя волю, и, перейдя в т е м п, исчез.

Однако через несколько мгновений вернулся.

— Порядок! Я засек «ставку» Удди, выйдем рядом. Держите строй!

И они оказались в удивительном мире «локона Ампары», где пересекались прошлые и будущие времена «розы реальностей» и который соседствовал с Брахманом — Большой Вселенной, Матерью-Отцом всех остальных Метавселенных вроде «розы» и родиной Творцов.

Многомерный мир, где пересекаются времена разной физической природы, трехмерному земному человеку трудно не только описать, но и воспринять. Да и как можно описать то, что твои глаза принимают за сплетение огней и молний, когда на самом деле это эмоции живущих в прошлом и будущем существ? Как можно описать гигантские черные реки, пронзающие ландшафты и небеса, тут же на глазах превра-

щающиеся в потоки огненных шаров, колючие заросли, прозрачные трубы и тому подобное, в то время как это на самом деле эффект беседы каких-то исполинов? Как можно увидеть в неподвижной многоцветной тверди, образованной миллионом спаянных основаниями пирамид, «тупик» реальности с ее внутренним движением и жизнью, где время течет «под углом» к тому, в котором ты находишься сам?

Лишь Посвященные Круга, знающие больше обыкновенных людей, владеющие дополнительными органами чувств, контролирующие свой собственный разум, сферу восприятия и реакции, видели и понимали больше, но и они не воспринимали мир «локона Ампары» полностью, а только «цепляли» его ландшафты краешком сознания. Тем не менее этого хватило им, чтобы увидеть главное — засадный «полк» пентарха Удди и его «штаб».

Гранаты Котова-старшего сделали свое дело.

Обширная площадь — как бы дно огромного колодца — была вылизана взрывами деструктурирующих заклинаний и усеяна останками воинства Удди, представлявшего собой скопище гигантских насекомых от многоножек до тараканов, копирующих форму тел древних Инсектов. В качестве «штаба» Удди выбрал мрачный утес в форме четырехгранной пирамиды со срезанной вершиной и задумчиво взирал на панику в рядах своей армии. На сей раз носителем своей «проекции» он сделал не птицу, а четырехрукого гиганта, закованного в сверкающие изумрудным огнем латы, — предка человека, похожего одновременно на льва и на чудовищное насекомое. Таким когда-то был первочеловек, начавший длинную цепь трансформации вида Блаттоптера сапиенс — таракана разумного в вид хомо сапиенс.

Шестерка Посвященных вышла из тхабса точно по расчету Василия — за спиной четырехрукого рыцаря, и как он ни был подготовлен к появлению врага, все же несколько мгновений промедлил, занятый оценкой урона, который нанесли его армии гранаты людей. На такую встречу с доставшими его настырными спутниками аватары он не рассчитывал, пребывая в высокомерной уверенности, что деваться им некуда и они неизбежно увязнут в сражении с армией, вызванной им из бездны прошлого.

Да, он услышал ментальный «треск» пространства, пропустившего людей в этот запредельный мир, и ударил за спи-

ну, не оглядываясь, огромным мечом, олицетворяющим здесь Силу Элохим Гибор, но Василий не зря десять лет готовил Стаса воевать, отстаивать свою честь, сделав из него первоклассного воина. Стас не потерял ни секунды, не отвлекся ни на оценку обстановки, ни на совет со старшими. Он мгновенно прыгнул вперед и парировал удар Удди в стиле дзансин[1], хотя меч пентарха был почти невидим от скорости — молния, разряд энергии, а не меч!

Мгновением позже в четырехрукого гиганта вонзились метательные звезды Парамонова, меч Самандара и стрелы Ульяны и Марии, но они уже погоды не делали. Синкэн-гата, отбив меч пентарха, превратив его в струю дыма, продолжил движение — выглядело это таким образом, что две его верхние ромбовидные пластины оторвались от остального «пунктирного» лезвия, — и начисто снес голову рыцарю в латах.

Тело Удди начало трескаться, как глиняный сосуд, распадаться, осыпаться и таять. Не прошло и десяти секунд с момента столкновения мечей, а от «проекции» пентарха на вершине пирамиды не осталось и следа.

Однако Удди не стал бы пятым иерархом в табели о рангах Круга, если бы надеялся только на силу и удачливость первого удара. Он предусмотрел и такой вариант — поражение засадного войска, уничтожение «проекции» — и подготовил свой личный выход, зная, что терять ему в подобной ситуации нечего. Победив почти всех своих коллег в борьбе за трон Мастера Мастеров, рассеяв иерархов по адам «розы реальностей», а многих из них замуровав во вневременной «тюрьме», где десять лет просидели Парамонов и Ульяна Митина, Удди имел все основания считать себя единственным претендентом на пост Мастера (инфарха), поэтому пресекал все попытки потенциальных соперников помешать ему. Посвященных I ступени Круга он соперниками в принципе не считал, но во избежание сюрпризов готов был уничтожить каждого, кто переступит границу «розы», и лишь синкэн-гата, подчинившийся оруженосцу Воина Закона, помешал ему сделать это с наглецами, вторгшимися в пределы «розы».

Избавившись от первого конкурента — Матвея Соболева

---

[1]Дзансин — парирующий удар мечом в ядомэ-дзюцу (искусство отбивания летящего оружия).

с помощью хитрой операции зомбирования, повернув стрелу его интересов в сторону необъятных возможностей творения собственных вселенных, пентарх даже мысли не допускал, что кто-то может ему помешать, когда финиш так близок, и готовился встретить любого соперника во всеоружии, погубить его даже ценой полного уничтожения реальности.

Дважды потерпев неудачу в стычках со спутниками аватары, ищущими к нему дорогу, Удди мобилизовал всех своих слуг, перекрыл практически все границы «розы» и надеялся перехватить отряд людей еще до их появления в «переходной» реальности, однако просчитался и теперь вынужден был выйти в реальность как личность, а не как магическая «проекция». Копии его сущности справиться с Посвященными не смогли.

Появление пентарха в мире «локона Ампары» было равнозначно катастрофе.

Владея магическим оперированием на уровне Сил Элохим Цабоат[1], он одним своим «прикосновением» к реальности изменял ее законы и воздействовал на глубинную природу материальных объектов. Выйдя в мир пересечения времен, он собирался превратить его в застывший пространственный пузырь, в сгусток янтаря, в котором навеки замерли бы все, кто в нем находился. Однако он и в этом просчитался. Заставить все времена одновременно (тавтология при описании данного процесса оправдана тем, что описать замысел иначе невозможно) перестать течь, выстроиться в одну линию, как солдаты на плацу, было не под силу и более опытному иерарху из касты архонтов, даже самому инфарху. Удди потратил на изучение этого обстоятельства очень много энергии и времени, прежде чем понял свою ошибку. И все же он был очень и очень силен!

Даже проигрывая, отбивая атаки людей, не терявших своего упорства, целеустремленности, уверенности и надежды, Удди едва не добился успеха, раскидав Посвященных в разные стороны, разъединив их, заставив защищать самих себя.

Битва людей Круга в условиях высокой плотности магических полей калейдоскопична и требует слишком много времени на описание, тем более что многие моменты этой битвы, создающей и уничтожающей виртуальные простран-

---

[1]Элохим Цабоат — Владыка Духов *(Каббала)*.

ства, принципиально неописуемы. Для них в человеческом языке просто нет слов и понятий. Но даже если бы и были, человеческая фантазия вряд ли смогла бы это вообразить и представить. Даже земная физика имеет в обиходе термины, наглядно представить которые невозможно. Каким образом, например, можно описать явление конфайнмента — «невылета» кварков в ядерных реакциях любого типа? Или эффект «самозашнуровки» элементарных частиц, заключающийся в том, что все они состоят из множества других и упакованы («зашнурованы») такими же частицами? Эффекты же магической физики еще поразительней, а человеческий язык и даже язык художника слишком беден, чтобы адекватно отразить их описанием или картиной. Можно лишь попытаться качественно обозначить — насколько хватит воображения читателя, — что происходило во время битвы магов в сотрясаемой ими реальности на краю Вселенной. Каждый из них сражался в своей психофизической «яме» виртуальной реальности (под водой, в жерле вулкана, в глубоком вакууме, в мире компьютерных фантасмагорий) и не мог из нее выйти. Пентарх Удди добился того, чего хотел: разделил отряд и тем самым ослабил, резко ограничил его возможности.

Особенно трудно пришлось в этих условиях «некомбатантам» — Ульяне и Марии, далеко не воинам по натуре и образу мыслей. Только помощь мужчин, ставших близкими по духу волей провидения, уберегла их от немедленной гибели. Ульяне помог Василий, ценой невероятных усилий пробившийся к ней сквозь психоэнергетический барьер «личного ада» (он отражал атаки «фрагмента» Удди в мире льда и снега). Марии помог Стас, интуитивно ощутивший, в каком опасном положении находится девушка, и нашел ее он тоже интуитивно, по зову сердца, потому что руководствоваться расстроенными человеческими чувствами в мире меняющихся ориентиров и пейзажей было невозможно.

Сблизили свои сферы боя и Самандар с Парамоновым, хотя этого едва хватило им на временный баланс сил, позволяющий держать защиту, но не дающий возможности поразить врага. И в этот момент мучительного напряжения всех сил, поддерживающего ничейный результат, в схватку вмешался еще один маг — Юрий Венедиктович Юрьев.

Правда, его вмешательства не хватило для победы людей над пентархом, лишь ослабило давление Удди на отряд, но

оно все же позволило перестроить позиции и сомкнуть ряды, что сказалось и на характере битвы. Удди пришлось отбиваться не от выпадов одиночек, а от настоящей с т а и, пусть небольшой, но способной отражать чужие и концентрировать свои удары. И все же последнюю точку в сражении поставил не Юрьев.

Судорога свела множественные ландшафты и перекосила горизонты реальности, где кипела битва. Черная ветвистая молния расколола пятнистые небеса и пронизала центральную равнину, выбрасывая во все стороны все новые и новые ветви и стебли, пока не опутала весь мир черной паутиной.

Тела людей сдавила непреодолимая сила, не позволяя им вести бой, но то же самое ощутил и Удди, вдруг впервые познав, что такое страх. Бой прекратился и не возобновился снова, даже когда черная молния-паутина неведомого преобразования исчезла. Ландшафты реальности перестали корчиться и сотрясаться, огненные всполохи успокоились, даль прояснилась, из мглы выступили очертания горной страны, окружившей сражавшихся со всех сторон замысловатым геометрически выверенным рисунком. Наступила тишина. А в центре гладкой стеклянной плеши, на которой в разных позах застыли люди и с т а я пентарха (насекомолюди), появилась фигура великана в пятнистом комбинезоне российских спецвойск. Скачком сжалась до размеров обыкновенного человека и превратилась в Тараса Витальевича Горшина, каким его запомнили Посвященные в момент ухода с Матвеем Соболевым десять лет назад.

— Что здесь происходит? — сказал он будничным тоном, покосившись на синкэн-гата в руке Стаса.

— Граф!.. — хрипло выговорил Василий. — Неужели это действительно ты?!

Горшин знакомо усмехнулся, разглядывая разгоряченных боем людей, кивком поздоровался с Иваном Терентьевичем и Самандаром, поклонился Ульяне и Марии, поднял бровь, увидев Юрьева, и внимательно вгляделся в Стаса.

— Кажется, я узнаю этого молодого человека. Неужели Стас? Вырос, вырос. А что это у тебя в руке?

— Синкэн-гата, — пробормотал смущенный Стас.

— Зеркало духа... однако! И это... эта вещь тебя слушается?

— Его надо передать Соболеву...

— Понятно. Именно поэтому вы и решились спуститься

сюда, в ады «розы», не убоясь местных правителей. Что ж, давайте, я передам.

Стас растерянно посмотрел на Василия и отвел руку с мечом.

— Надо, чтобы я сам...

С гулом вдруг лопнула стеклянная равнина, из трещины вырвались языки огня — это Удди решил напомнить о себе. Но Горшин небрежным движением руки успокоил природу и остановил пентарха.

— Чего ты хочешь?

Два десятка насекомолюдей и отражений копий Удди слились в одного десятиметрового гиганта, закованного в необычные, брызжущие разноцветными бликами доспехи. Он шагнул вперед, так, что вздрогнула расколотая плита под ногами, навис над Горшиным и людьми.

— Я хочу, чтобы вы покинули эту реальность, — пророкотал он могучим голосом. — Я здесь хозяин!

— Ошибаешься, — спокойно ответил Горшин, задумчиво разглядывая фигуру пентарха. — Хозяин у всей «розы» один, это должно быть известно и тебе. Ты же всего лишь пятый иерарх, один из многих арендаторов майи, мира иллюзий, каким является изнанка «розы».

— Ты сам ошибаешься, цепной пес аватары! Теперь только я диктую законы «розы», инфарх низложен и лишен трона, иерархи передали мне свои полномочия и силу. Зачем ты вмешиваешься в дела, тебя не касающиеся? Перепрограммировал моих пограничников, Асата, спасаешь людей низших каст? Я ведь могу пожаловаться моему другу Монарху. Не боишься его гнева? Один раз он тебя пожалел, второго не будет.

— Теперь вижу, — сказал Горшин, оставаясь задумчивым и спокойным. — Инфарх был прав. Ты слишком далеко зашел. Кстати, он освободил некоторых архонтов, которых ты запер в хрономогиле, и скоро снова приступит к своим обязанностям. Так что ты калиф на час, как говорится. Боюсь, что решением патриархата Круга ты будешь сослан в персональный ад, как некогда был сослан Отцом Монарх. Беги, пока цел. Хотя у тебя еще есть время, чтобы подумать и склониться перед Творцом, Законы которого нарушать не рекомендуется никому. Вспомни историю Безусловно Первого, твоего друга Монарха. Да, он силен и активен, но слишком своенравен. А его преемник — не ты.

— Неужели ты? — насмешливо прогремел Удди.

— И не я.

— Тогда это, наверное, твой хозяин Соболев.

— Преемников много, а выбор, как ты понимаешь, не за тобой. Уходи. И помни закон: когда ты склоняешься в поклоне перед Вселенной, она кланяется в ответ; когда ты называешь в душе имя Бога, Он отзывается эхом внутри тебя.

— Ты пожалеешь, что вмешался! — грозно бросил Удди, и по равнине прокатилось грохочущее эхо.

— Может быть, — равнодушно согласился Горшин. — Но ты этого не узнаешь. Уходи, пока я не изменил реальность. Вместе с тобой.

— Передавай привет своему господину, пес! Надеюсь, он вспомнит меня, когда сработает моя зомби-программа.

— Не сработает, калиф. Друзья Соболева освободили его от нее с помощью шактипата.

Гигант в бликующих латах отшатнулся, не сводя пылающего взгляда с лица Горшина, поднял было огромный волнистый меч, и в то же мгновение равнину с людьми и десятиметровым великаном накрыла мгновенная тень, исчезла, слизнув все, что на ней находилось, а когда потрясенные люди опомнились — ни Удди, ни гор вокруг, ни самой стеклянной равнины под ногами не было. Они тесной группой стояли на невидимой, но прочной платформе, а вокруг ворочался пепельно-серый дым с голубоватыми и серебристыми прожилками. Горшин все так же стоял перед Посвященными и глядел на них, склонив голову к плечу.

— Итак, я вас слушаю, судари мои.

Мужчины переглянулись, приходя в себя.

— Значит, это ты послал Асата? — пробормотал Василий. — Спас Юрия Венедиктовича, нас?..

— Это несущественные детали.

— Значит, ты все знал? И что делается на Земле, в Материнской реальности, тоже знал?

— Да, эта информация у меня есть.

— И ты не вмешался? После того, как ликвидатор, запущенный Соболевым, по сути уничтожил Круг и захватил власть?! Изменил реальность?!

— Не надо драматизировать, Василий Никифорович. — Горшин усмехнулся. — Произошло то, что должно было произойти. Фундаментальная реальность всего-навсего пережи-

вает конец энтропийного Цикла Необходимости. Без ликвидатора или с ним это все равно произошло бы, раньше или позже.

Василий посмотрел на Ульяну, прочитал в ее глазах растерянность и ужас, потряс головой.

— Ты так спокойно... погибли тысячи людей!.. и погибнут еще... Какой же ценой будет оплачено пришествие Воина Закона справедливости?! И кому нужна такая справедливость?

Горшин нахмурился.

— Я не думаю, что Материнская реальность нуждается в пришествии аватары. Не отрицаю, запуск программы Истребителя Закона не был продуман, но все в конце концов успокоится, я нейтрализую его.

— Так это ты послал ликвидатора?! Не Соболев?

— Я только исполнитель его воли.

— Тогда мы зря точим с тобой лясы. Веди нас к нему!

Горшин с любопытством поглядел в жесткое лицо Василия, покачал головой.

— Вам туда путь заказан. Даже я не могу находиться там, где бродят Монарх и Соболев.

— Тогда вызови его сюда! Или даже этого ты сделать не в состоянии?

— Повторяю: вы напрасно...

— Сейчас мы решаем, что напрасно, а что нет. Вызывай. Или Удди прав, и ты в самом деле стал цепным псом аватары?

Глаза Горшина вспыхнули, страшная холодная сила сжала тела Посвященных, одно время казалось, что они сейчас будут раздавлены, но меч в руке Стаса ответил вдруг тусклой золотой вспышкой, Горшин вздрогнул, и невидимая тугая пленка перестала сдавливать людей.

— Вы настаиваете?

— Да, мы настаиваем! — твердо заявила от имени всех Ульяна.

— Хорошо. Но я боюсь, что вы будете разочарованы. Соболев скажет вам то же, что сказал я.

— Посмотрим.

— Что ж, давайте позовем его, хотя имея это, — Горшин указал на синкэн-гата, — вы могли бы и сами вызвать Соболева.

Василий с недоверием глянул на бывшего комиссара «чистилища».

— Ты хочешь сказать...

— Синкэн-гата — не оружие, хотя и может в какой-то мере быть им. У него широкий спектр функций и множество имен и названий: «зеркало духа», «духовный меч», вина-яка — устранитель препятствий, «нейтрализатор непреодолимостей», Моноюти, Самаэль, Шаддай Эль Хай, Носитель Справедливости и так далее, — но ни одно название не раскрывает его сущности в полной мере.

— Нам говорили, что он символ, точнее, одна из букв имен Творца...

Горшин кивнул.

— В принципе верно, если под «буквой» понимать сложнейшее сочетание физических объектов, полей, излучений и процессов. Дайте его мне. — Горшин протянул руку, но Стас отступил на шаг, посмотрев на учителя.

Тот, подумав, кивнул.

Горшин белозубо засмеялся, отчего у Василия побежали по коже мурашки: этот человек только что демонстрировал исполинскую мощь всемогущества и мог бы, наверное, принять любой облик, но предпочитал все же тело человека. В силу привычки? Генной памяти? Или просто для контакта с теми, кого знал когда-то?

— Я просто дотронусь до него, — сказал Горшин. — Пусть и Стас держится, оруженосец все-таки.

Он протянул руку к «пунктирному» клинку, и синкэн-гата вдруг стал языком чистого смарагдового пламени, так что Стас вздрогнул невольно, крепче стискивая рукоять. Затем началась удивительная трансформация меча, в течение секунды претерпевшего множество изменений формы.

Он стал действительно тяжелым стальным мечом, перетек в спиральный рог, превратился в сросток кораллов, снова в язык огня, в копье с льдистым наконечником, в рогатину, в кружевной веер, в тонкую и длинную световую нить — натуральный лазерный луч. Последняя форма синкэн-гата соединила все промелькнувшие до этого фигуры, скачком выросла в размерах, становясь дымчато-прозрачной и включая в себя всех стоящих рядом людей, в том числе и Горшина, и в тот же момент клубящийся дым вокруг сотрясли четыре сложнейших, музыкально-грохочущих, грозных и одновременно нежно-сладостных звука, четыре «трубных гласа», от которых у людей едва не полопались барабанные перепонки. Все

они испытали сильное головокружение, а у Стаса носом пошла кровь.

И тотчас же пейзаж вокруг (если дым можно назвать пейзажем) изменился как по волшебству. Люди очутились в огромном сверкающем зале с мраморным полом, стенами из драгоценных камней, с готическими сводами, льющими вниз прозрачный солнечный свет, с белоснежным троном посредине изысканных благородных форм. Зал заполнила прекрасная величавая музыка, выразительней которой никто из присутствующих не слышал в жизни. Ее действительно можно было назвать «музыкой сфер».

Когда в зале появились Матвей Соболев и Кристина, опять же никто из Посвященных не понял. Они все еще оглядывались по сторонам, потрясенные дивной необычностью зала, вслушивались в волшебную музыку, отзывающуюся в душах волнами неизъяснимого удовольствия, как вдруг Ульяна тихо вскрикнула, и все увидели пару, стоявшую рядом с троном.

Кристина (Светлена) была безумно, поразительно красива, подчеркивая грацию и безупречные формы тела каждым движением; на ней было тончайшее, паутинно-полупрозрачное, бликующее и светящееся платье и бриллиантовые туфли. Матвей же, одетый в матово-черный, отливающий проседью, шелковистый комбинезон и белые блестящие туфли, был рассеян, задумчив и необычайно т е к у ч, в нем явно играла и переливалась огромная, не добрая, но и не злая — ч у ж а я сила! Соболев был как бы сам по себе и никого не предупреждал, ни взглядом, ни жестом, но тот, кто посмел бы его задеть, наверняка тут же пожалел бы об этом.

Василий невольно поежился и напрягся, ожидая каких-то неприятных событий в ответ на видимое проявление своих чувств, но успокоился, уловив жест близко стоящей Ульяны: она мимолетно и успокаивающе погладила пальцем его ладонь. Василий перевел взгляд на спутницу Соболева и поразился тому, как она мгновенно реагирует на каждое движение Матвея, на его жест или взгляд.

— Рад видеть вас, друзья, — дружелюбно проговорил он, в то время как Кристина с улыбкой поклонилась, и поднял брови, когда не услышал в ответ слов приветствия.

Люди молчали.

Невыразимо спокойные и умные глаза аватары ощупали мрачные лица Посвященных, что-то шевельнулось в них, ка-

кое-то воспоминание, понимание, тень печали и вины, странный отсвет былого праздника.

— Вы обвиняете меня, — констатировал он с прежним поразительным спокойствием.

— Ты знал, что вытворяет на Земле твой посланец? — требовательным тоном произнес Василий.

Соболев посмотрел на него внимательней, не реагируя на умоляюще-выразительный взгляд спутницы. Музыка в зале внезапно стихла.

— К сожалению, я узнал об этом недавно. Однако не я виноват в том, что произошло.

— Я говорил им, — вышел вперед Горшин. — Внутренний Круг изменился, реальность требует соответствующего изменения, Истребитель Закона лишь ускорил этот процесс.

— Ты тоже так считаешь? — осведомился Василий.

— Не совсем, — после некоторого раздумья тихо ответил Соболев. — Но и не вижу причин бить тревогу. Истребитель Закона дьявола — инструмент, хотя и одушевленный в какой-то мере, его несложно выключить.

— Ошибаешься, Матвей Фомич, — раздался из воздуха звучный мужской голос, и рядом с семеркой землян возник еще один человек в неизменном плаще и сапогах — Хранитель Матфей. — Ваш Истребитель мутировал и решил самолично подкорректировать Материнскую реальность по своему усмотрению. Люди его, естественно, не интересуют, так что можете представить, как он с ними будет обходиться. И справиться с ним будет очень непросто. Во всяком случае, мы остановить или нейтрализовать его не смогли.

В глазах Соболева мелькнули озабоченность и проблеск интереса. Он глянул на безмятежно стоящего со сложенными на груди руками Горшина.

— Ты мне говорил другое.

— Ликвидатор... э-э... Истребитель Закона — моя забота, я справлюсь с ним.

Матфей покачал головой.

— Молодой человек, вы успешно одолели двадцатую ступень «лестницы» и владеете высшим классом магических технологий, но вы никогда не одолеете двадцать первую и не станете Двойником Совершенства. Ликвидатор, утвердившись в Материнской реальности с помощью темного эгрегора, вам не по зубам. Извините за резкость.

Соболев улыбнулся.

— Но я тоже еще не Двойник Совершенства.

— Вам остался один шаг. — Матфей вздохнул. — Но это очень ответственный и опасный шаг. Если вы и дальше будете перекладывать ответственность с себя на других, ваш путь — в ад! К Монарху. Недаром даосская философия утверждает: не пользуйся услугами посредника, если способен самостоятельно найти ответы на свои вопросы.

— Инфарх, я ведь не хотел... — Горшин недоговорил, нахмурившись.

— Я знаю, — невозмутимо кивнул Матфей. — Но и вы, Граф, остаетесь больше человеком, нежели магом, продолжая реализовывать ошибки своего друга, не заботясь о последствиях. А ведь знаете русскую поговорку: хотели как лучше, а вышло как всегда... то есть плохо.

— Вы тоже осуждаете нас, учитель? — еще тише сказал Соболев.

На чело Хранителя легла тень, голос его стал еще более глубоким, властным и как бы материально ощутимым. Но обратился он не к Соболеву, а к его спутнице:

— Ты все еще надеешься, Светлая?

— Да, отец, — грустно улыбнулась Кристина-Светлена. — Он все еще большой увлекающийся ребенок. Но он п р и д е т.

Матфей кивнул, поворачиваясь к Соболеву.

— Я не осуждаю тебя, идущий. Но именно ты замыкаешь Замысел Творца в Материнской реальности, и именно от тебя зависит, Свет или Тьму ты будешь олицетворять. Твои друзья прошли множество испытаний, претерпели страдания и боль потерь, неся тебе «духовный меч», веря в сердце Воина Закона. Тебе решать, Воином к а к о г о Закона быть.

Матфей погладил волосы Марии, вскинул вверх руку и исчез, бесшумно и без всяких световых и прочих эффектов, как всегда. Люди молча смотрели на тройку бывших своих друзей, достигших высот самореализации, но все еще не изживших способность ошибаться. Горшин казался бесстрастным, на лице Кристины читалась грусть и надежда, Соболев был задумчив и полон колебаний.

— Что, дружище, — сказал вдруг Василий с удивившим даже его самого сочувствием, — хочется побыть Богом? Там, в Брахмане, ты, наверное, сотворил Вселенную и теперь соз-

даешь обитателей по образу и подобию? Или экспериментируешь с другими разумными формами, как Монарх?

Зал вокруг качнулся, искривился, сжался до размеров обыкновенной комнаты в стандартной городской квартире. Не обращая на это внимания, Соболев шагнул к невольно попятившимся людям, протянул руку.

— Давайте ваш меч.

Посвященные сомкнулись тесней. Василий исподлобья глянул на бывшего приятеля.

— Если ты задумал остаться тем, кем стал, нам не по пути.

Синкэн-гата вдруг вырвался из руки побелевшего Стаса, струйкой огня метнулся к Матвею и оказался в его руке, превращаясь в светящийся бутон лотоса. Мужчины качнулись вперед, хватаясь за оружие, но Кристина бросилась между ними и Соболевым и загородила его своим телом.

— Подождите, выслушайте его!

Соболев задумчиво-сосредоточенно глянул на нее, потом на тех, с кем прошел по Земле страшный путь «меча и кулака», мягко улыбнулся, отчего вокруг сразу посветлело.

— Спасибо за все, что вы сделали для меня, мои милые! Учителя правы: кто мы друг без друга? Трава... Подождите меня здесь, я скоро вернусь. Пошли, Граф.

— Э-э, Матвей Фомич, — проговорил Иван Терентьевич, — вы куда это собрались без нас?

— На Землю! — догадался Василий, загорелся. — А что, давайте все вместе! Шарахнем твоего Истребителя по башке и похороним в аду!

Соболев засмеялся.

— Узнаю перехватчика. Нет, Василич, это дело чести. Ликвидатор — мой! Подождите нас, мы не задержимся.

— Тогда у меня одна просьба: не трогай Рыкова. Он — мой!

Мгновение они смотрели друг на друга, как встарь, — понимающе и дружески, потом Соболев и Горшин превратились в звезды и пропали.

А в душе Василия всплыли слова заклинания-оберега:

«Заклинаю силы внешние и внутренние, высшие и низшие: укройте мой дух и меня от недоброго глаза, мысли злой, силы нечистой, разбойника лихого, предателя черного...

поставьте стену непреодолимую между мной и злом...

да возгорятся во мне и моей душе силы чистые, огонь незатухающий, яркий и жаркий...

сгинь, расступись тьма, открой мне путь ясный, дорожку светлую...

заклинаю силы добра! Да обступят меня люди честные и добрые, сильные и справедливые, и пойдут со мной по жизни, и да будут они мне светом во тьме...»

Последние слова Василий произнес вслух, внезапно обнаружив, что в глазах его стоят слезы...

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗЛОМ ЗЛА. *Роман*

Глава 1
ИМЕНЕМ АЛЛАХА 7
Глава 2
ПРИНЦИП АДЕКВАТНОГО ОТВЕТА 16
Глава 3
ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО С ВАРИАЦИЯМИ 23
Глава 4
ЗНАКОМСТВО «ВОЛКОДАВОВ» 36
Глава 5
ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПЛАНИРОВАНИЕ 45
Глава 6
НОВЫЕ «СТАРЫЕ» ВСТРЕЧИ 57
Глава 7
«ЛЕТУЧИЕ МЫШИ» 68
Глава 8
ПОСВЯЩЕНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХ 76
Глава 9
КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ 89
Глава 10
ЗИГЗАГ ВЫСОКОЙ ПОЛИТИКИ 99
Глава 11
ОТСТУПНИК 102
Глава 12
ПРЕДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ 115
Глава 13
ДАЙ ПОНЯТЬ, ЧТО ДЕЛАЮ 126
Глава 14
ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА ТАНДЕМА 137
Глава 15
РЭНДЗОКУ-ГЭРИ 149
Глава 16
ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ 161
Глава 17
«ВОЛКИ» 170

Глава 18
БИТОМУ НЕЙМЕТСЯ 180
Глава 19
«СТИКС» В ДЕЙСТВИИ 192
Глава 20
ОСА В БУТЫЛКЕ ПЕПСИ-КОЛЫ 200
Глава 21
СПУСК ПРОГРАММЫ 213
Глава 22
МОЖЕТ, ЛУЧШЕ ИХ НЕ ТРОГАТЬ? 221
Глава 23
СОН — ЯВЬ 231
Глава 24
«ЧЕРНЫЙ ФАЙЛ» 242
Глава 25
УПАЛ — ОТЖАЛСЯ 254
Глава 26
«ЗМЕЯ» В АСТРАЛЕ 267
Глава 27
ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ «СТИКС» 280
Глава 28
КАСАНИЕ ГРАНИЦЫ 293
Глава 29
ЧТО БУДЕТ, ЕСЛИ МЫ ОШИБЕМСЯ? 301
Глава 30
ШАКТИПАТ 305
Глава 31
РЕАБИЛИТАЦИЯ «СТИКСА» 317
Глава 32
ШТУРМ ГЕНЕРАЛЬСКОЙ ДАЧИ 326
Глава 33
ПОПЫТКА — ПЫТКА 336
Глава 34
Я ИСПОЛНЯЮ ВОЛЮ ПРОВИДЕНИЯ 347
Глава 35
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ 351
Глава 36
ПРОТИВОСТОЯНИЕ 364

Глава 37
«ПОПУГАЙТЕ ЕГО НЕМНОГО...» 374
Глава 38
ПРИНУЖДЕНИЕ К ПЕРЕМИРИЮ 380
Глава 39
ОТВЕТВЛЕНИЕ СОВЕСТИ 395
Глава 40
ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ 406
ПРОЛОГ НАДЕЖДЫ 416

ИСТРЕБИТЕЛЬ ЗАКОНА. *Роман*

ПРОЛОГ НАДЕЖДЫ 419
Глава 1
КТО ПОСМЕЛ?! 432
Глава 2
ОШИБКА В ОЦЕНКЕ 442
Глава 3
ПРОРЫВ В МИР. 450
Глава 4
ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЙ ВЫСТРЕЛ В ГОЛОВУ 463
Глава 5
ХАКЕР-РАЗВЕДКА 468
Глава 6
СОН — ЯВЬ. 478
Глава 7
КОЕ-КТО НЕ ЗРЯ БОЯЛСЯ 492
Глава 8
ВЫХОД В ПОДУРОВЕНЬ 500
Глава 9
ОХОТА НА КАРДИНАЛОВ. 510
Глава 10
МАРИЯ — СВЕТЛАДА 518
Глава 11
МЕЙДЕР ПРОТИВ МАНИПУЛА 537
Глава 12
ПРОГУЛКА ПО ПАРКУ 545
Глава 13
ОЧЕРЕДНАЯ ЖЕРТВА 558

Глава 14
НАМ ОСТАВИЛИ ДВА ВАРИАНТА 563
Глава 15
НЕТЭТИКЕТ 568
Глава 16
СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА:
ПОДУРОВНИ РЕАЛЬНОСТИ 571
Глава 17
СГОВОР 582
Глава 18
НИСХОЖДЕНИЕ В ГЛУБИНЫ 585
Глава 19
ПРЕДЛОЖЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ 592
Глава 20
ЧЕМПИОНАТ 603
Глава 21
ИНСПЕКТОР СОЮЗОВ 614
Глава 22
СУПЕРБОЙ 619
Глава 23
ИНСПЕКТОР, НЕ СПЕШИ 629
Глава 24
«СЖИМАЮЩАЯСЯ ЛАДОНЬ» 636
Глава 25
ГОНЧИЕ МОНАРХА 641
Глава 26
«ЧАС Ц» 654
Глава 27
ТЕЛЕФОН — ИСТОЧНИК БЕСПОКОЙСТВА 659
Глава 28
ПРИКАЗАНО УБИТЬ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ 665
Глава 29
ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ 674
Глава 30
ПУТИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ 678
Глава 31
АТАКА ЛИКВИДАТОРА 685
Глава 32
ОСВОБОЖДЕНИЕ МАРИИ 690

Глава 33
ХРАНИТЕЛИ 700
Глава 34
РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МИЛОГО ЛИЦА 705
Глава 35
ВЕТЕР В ГОЛОВЕ 718
Глава 36
КАРДИНАЛ МИНИСТРУ НЕ ТОВАРИЩ 730
Глава 37
ФОЛ ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ 735
Глава 38
ЛИКВИДАЦИЯ ЭМИССАРА 742
Глава 39
НЕ ЩАДИТЬ НИКОГО! 748
Глава 40
ИАЙДО 751
Глава 41
ТАЛИСМАН ПОМОГАЕТ СИЛЬНЕЙШЕМУ 762
Глава 42
БАЛ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ 764
Глава 43
ПОДЧИНЯТЬСЯ ОТКАЗЫВАЮСЬ! 771
Глава 44
СПУСК В АД 774
Глава 45
КАКАЯ ПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА! 782
Глава 46
КАК АУКНЕТСЯ... 787
Глава 47
ВСТРЕЧА 792
Глава 48
ВОЛОСЫ ДЫБОМ 797
Глава 49
ПОМОГИТЕ ЕМУ — И ПОМОЖЕТЕ СЕБЕ 804
Глава 50
ОН — МОЙ! 810

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Л. Гусева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в отдел зарубежных продаж ООО «ТД «Эксмо»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales: *For Foreign wholesale orders, please contact International Sales Department at* **foreignseller@eksmo-sale.ru**

По вопросам заказа книг «Эксмо» в специальном оформлении
обращаться в отдел корпоративных продаж ООО «ТД «Эксмо» E-mail: **project@eksmo-sale.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 268-83-59/60.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 24.05.2007.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 43,68. Уч.-изд. л. 46,6.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1064.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ISBN 978-5-699-15049-6